3 1761 04942354 4

Уменъ тотъ, кто знаетъ, съ кемъ говоритъ

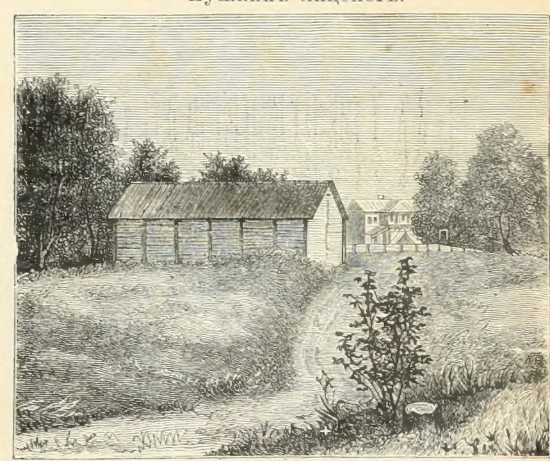
А. Пушкинъ

Пушкинъ мальчикъ.

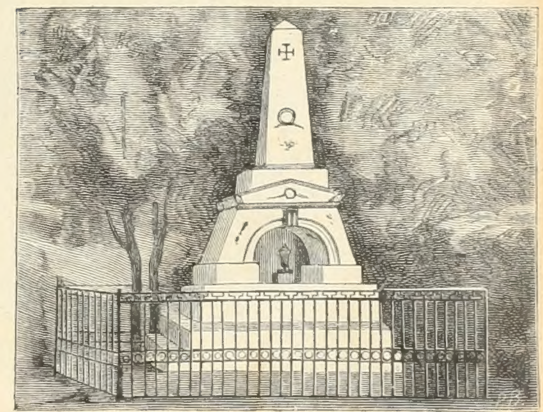
Пушкинъ въ гробу.

Гипсовая маска, снятая съ лица Пушкина.

Пушкинъ лицеистъ.



Мѣсто дуэли.

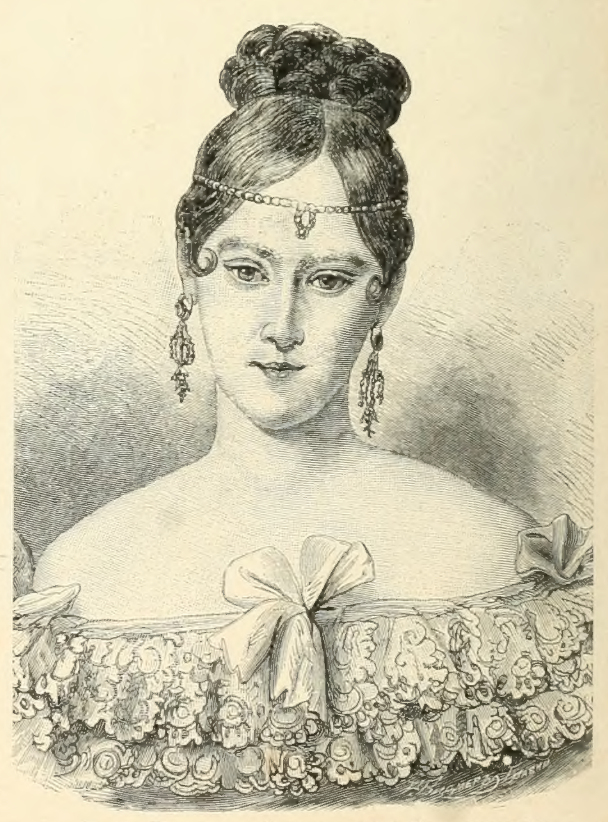


Памятникъ Пушкину на могилѣ.

С. Л. Пушкинъ—отецъ поэта.

Н. О. Пушкина—мать поэта.

А. П. Ганнибалъ—дѣдъ поэта.



Н. Н. Пушкина (урожденная Гончарова).

Изданіе Ф. Павленкова. Редакція А. Скабичевскаго.

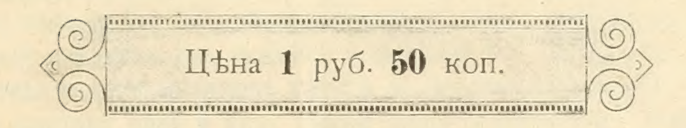
СОЧИНЕНІЯ
А. С. ПУШКИНА

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВЪ
ОДНОМЪ ТОМѢ

со статьей А. Скабичевскаго: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» (біографическій очеркъ), портретомъ автора, гравированнымъ В. Матэ, и 160 иллюстраціями.

Встань—и міру вновь явись!

Пятое изданіе.



Цѣна 1 руб. 50 коп.

За простой шагреневый переплетъ—40 коп.; за роскошный каленкоровый съ золотомъ—1 р. Пересылка оплачивается по разстоянію—за 3 фунта. Переплетъ увеличиваетъ вѣсъ на 1 фунтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяческая, № 39.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Іюня 1899 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ послѣднее время у насъ вошло въ обычай издавать русскихъ классиковъ, располагая произведенія ихъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, сообразно тому, какъ они создавались или выходили въ свѣтъ.—Такого рода изданія, представляя свое неотъемлемое значеніе для весьма немногихъ лицъ, занимающихся систематическимъ изученіемъ писателей съ научными цѣлями, въ то же время крайне неудобны для *большинства*, имѣющаго довольно смутныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ году написано то или другое произведеніе любимаго автора. Найти какую-нибудь даже и крупную вещь, затерянную неизвѣстно въ какомъ томѣ, среди массы мелкихъ произведеній, стоитъ не малаго труда для многихъ изъ читателей: каждый разъ приходится имъ перерывать съ этой цѣлью все изданіе.

Такъ какъ настоящее изданіе не имѣетъ въ виду никакихъ научныхъ цѣлей и назначается исключительно для публики, то, принимая во вниманіе вышеозначенныя соображенія, мы, по предложенію издателя, расположили произведенія Пушкина не въ хронологическомъ порядкѣ, а въ систематическомъ—по родамъ и видамъ поэзіи и прозы, подобно тому, *какъ были изданы сочиненія Пушкина имъ самимъ* въ 1826 году и затѣмъ въ посмертномъ изданіи 1838 года. Намъ кажется, что мы оказываемъ этимъ публикѣ двойную услугу: во первыхъ, читателямъ нашего изданія будетъ очень легко отыскивать произведенія поэта, зная, въ какомъ отдѣлѣ слѣдуетъ ихъ искать; а во вторыхъ, читая подрядъ произведенія поэта, читатели могутъ получить весьма нелишнія и любопытныя свѣдѣнія о томъ, что далъ по каждому роду и виду поэзіи нашъ безсмертный поэтъ, заплатившій, какъ извѣстно, свою дань каждой отрасли литературы. Мы убѣждены, что и учителя русской словесности будутъ намъ благодарны, когда, знакомя своихъ учениковъ съ поэмой, элегіей или одой, они найдутъ въ нашемъ изданіи всѣ произведенія Пушкина даннаго рода собранными вмѣстѣ, и это избавитъ ихъ отъ лишняго труда собирать такія произведенія, роясь по всему изданію.

Имѣя все это въ виду, въ эпическомъ отдѣлѣ мы совсѣмъ не придерживались хронологическаго порядка и въ каждой рубрикѣ помѣщали впереди произведенія, наиболѣе замѣчательныя и популярныя, а затѣмъ—менѣе извѣстныя, и заканчивали рубрику произведеніями неоконченными и отрывочными. Въ лирическомъ-же отдѣлѣ, раздѣливши стихотворенія по видамъ лирики, мы въ каждой рубрикѣ распредѣлили стихотворенія хронологически, не считая себя въ правѣ судить, какое изъ нихъ помѣстить прежде, какое послѣ—сообразно ихъ достоинствамъ.

Мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что каждое произведеніе Пушкина непогрѣшительно помѣщено нами въ соотвѣтствующую рубрику, тѣмъ болѣе

что у Пушкина вы найдете немало такихъ стихотвореній, которыя заключаютъ въ себѣ разомъ нѣсколько элементовъ поэзіи, совершенно разнородныхъ; есть даже и такія, которыя, будучи помѣщены въ лирическій отдѣлъ, могли бы быть перенесены и въ эпическій. Такъ, напримѣръ, мы соединили въ одну рубрику всѣ посланія Пушкина: но въ массѣ его посланій, конечно, вы найдете и такія, которыя имѣютъ характеръ и элегическій, и сатирическій, и даже автобіографическій. Между прочимъ, мы положительно не знали, куда отнести извѣстное сочиненіе Пушкина «Записку о воспитаніи»; она не укладывалась ни въ одну изъ опредѣленныхъ рубрикъ, и мы по необходимости отнесли ее къ журнальнымъ статьямъ, хотя, собственно говоря, она не можетъ быть отнесена къ этой рубрикѣ, такъ какъ ни въ одномъ журналѣ того времени не была напечатана. Мы очень будемъ благодарны за всѣ указанныя намъ неисправности въ этомъ родѣ и постараемся исправить ихъ въ слѣдующихъ повтореніяхъ нашего изданія.

Изданіе наше мы имѣемъ право считать полнымъ собраніемъ всѣхъ сочиненій Пушкина, потому что если въ немъ и есть кое-какіе пропуски сравнительно съ послѣдними изданіями, то опущены лишь такія вещи, въ которыхъ муза Пушкина совсѣмъ не участвуетъ и которыя, будучи любопытны для біографовъ, обыкновенною публикою никогда не читаются: таковы—вторая часть Пугачевскаго бунта, состоящая исключительно изъ однихъ сырыхъ «матеріаловъ», «Камчатскія дѣла», «Записки бригадира Моро-де-Бразе о походѣ 1711 г.» (переводъ съ франц.), «Джонъ Теннеръ» (почти сплошной переводъ съ англійскаго), французское письмо Мериме въ предисловіи къ «Пѣснямъ Западныхъ Славянъ»; нѣкоторыя примѣчанія къ поэмамъ и «Евгенію Онѣгину», имѣвшія въ свое время значеніе, но для современной публики совершенно не нужныя, въ родѣ того, что dandy по англійски значитъ франтъ, шашка—черкесская сабля, и т. п. Изъ стихотвореній опущены лишь кое-какіе безсвязные варіанты къ пьесамъ, извѣстнымъ публикѣ въ цѣльномъ составѣ, да два-три стихотворенія въ цензурныхъ видахъ.—Надѣемся что всѣ подобные пропуски не помѣшаютъ публикѣ найти въ нашемъ изданіи, именно ту полноту, которая для нея желательна. Люди же, дорожащіе каждою *строчкою* Пушкина во что бы то ни стало, въ какихъ либо историко-литературныхъ или библіографическихъ соображеніяхъ, найдутъ, и безъ нашего изданія, собранія сочиненій Пушкина, соотвѣтствующія ихъ требованіямъ.

А. Скабичевскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БІОГРАФІЯ А. С. ПУШКИНА.

„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ *А. М. Скабичевскаго.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Эпосъ.

Поэмы.

Сказки.

Баллады и легенды.

Романы и повѣсти.

Драматическія произведенія.

Лирическія стихотворенія

Оды.

Элегіи.

Альбомныя стихотворенія и посланія.

ПРОЗА.

Романы и повѣсти.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

Алфавитный указатель смотри въ концѣ книги.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

I.

Происхожденіе Пушкина; годы дѣтства и первые проблески дарованія.
1799—1811.

Со стороны отца А. С. Пушкинъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, упоминаемому въ лѣтописяхъ со временъ Іоанна Грознаго, причемъ съ наибольшимъ уваженіемъ относился поэтъ къ предку своему, Григорію Гавриловичу Пушкину, служившему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ въ Польшѣ, съ титуломъ нижегородскаго намѣстника. Отъ него-то и произошелъ Пушкинъ по прямой линіи.

Мать Пушкина была внучкой Ибрагима Ганнибала, прославленнаго поэтомъ «Арапа Петра Великаго». Но надо замѣтить, что изъ тщеславія передъ столичною знатью, Пушкинъ слишкомъ разукрасилъ, какъ происхожденіе, такъ и положеніе при дворѣ Петра своего чернаго предка. Пушкинъ рисуетъ его человѣкомъ въ своемъ родѣ знатнаго происхожденія, изъ рода вліятельныхъ абиссинскихъ князей, свидѣтельствуетъ о томъ, что, взятый изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ аманатомъ, Ибрагимъ былъ препровожденъ къ Петру русскимъ посланникомъ; Петръ его самъ крестилъ, воспиталъ, сдѣлалъ потомъ любимымъ своимъ камердинеромъ и секретаремъ, послалъ за границу, гдѣ, не жалѣя денегъ на его содержаніе, доставилъ ему возможность блистать въ высшемъ парижскомъ обществѣ, а когда онъ вернулся въ Россію, государь выѣхалъ ему на встрѣчу за 28 верстъ. На самомъ же дѣлѣ Ибрагимъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими арапченками, столь-же темнаго происхожденія, какъ и онъ самъ, былъ выкраденъ изъ константинопольскаго гарема русскимъ посланникомъ и препровожденъ Петру, какъ любителю всякаго рода «курьезовъ» и «монстровъ», такъ какъ въ то время было въ большой модѣ у насъ содержать среди дворни всякаго рода инородцевъ: араповъ, калмыковъ, турчатъ и т. п. Онъ дѣйствительно былъ воспитанъ при дворѣ Петра и затѣмъ посланъ въ Парижъ, гдѣ записался во французскую инженерную школу, совершилъ походъ въ Испанію, но не только не имѣлъ возможности блистать въ высшемъ обществѣ, а во все время пребыванія за границей прожилъ въ крайней бѣдности. Изъ его писемъ видно, что, назначивъ ему на содержаніе всего двѣсти сорокъ франковъ въ годъ, Петръ часто совсѣмъ забывалъ о существованіи своего арапа и не всегда выплачивалъ аккуратно жалованье его. По крайней мѣрѣ въ письмахъ Ибрагимъ постоянно жалуется на крайнюю бѣдность и проситъ «не учинить его отчаяннымъ» и не дать «пропасть въ нищетѣ». Изъ Парижа его «выгоняли» въ Россію, «какъ собаку, безъ денегъ», по его выраженію, и онъ былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, что собирался идти пѣшкомъ, и «ежели не достанетъ жалованья, то милостыню будетъ просить дорогою». Возвратился онъ въ свитѣ князя В. Л. Долгорукова, который очень имъ тяготился и не хотѣлъ кормить дорогою, такъ что Ганнибалъ выражалъ опасеніе, «какъ бы ему съ голоду не умереть»...

Нраву онъ былъ жестокаго и крутого. Женившись насильно на дочери флотскаго капитана грека Діопера и заподозривъ жену въ невѣрности, онъ ее безчеловѣчно пыталъ и истязалъ; потомъ, пользуясь связями, выхлопоталъ разводъ, заточилъ жену въ монастырь, а самъ женился на другой, дочери капитана, Христинѣ Шебергъ. Отъ этого брака родилось у него шестеро дѣтей: четыре сына и двѣ дочери. Изъ нихъ наиболѣе прославился сынъ Иванъ Абрамовичъ, какъ одинъ изъ участниковъ и героевъ Наваринской битвы и основатель Херсона, гдѣ ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

Совсѣмъ иныхъ свойствъ былъ другой сынъ Ибрагима, Осипъ. Служа въ артиллеріи, сначала сухопутной, потомъ морской, онъ отличался пылкимъ темпераментомъ и необузданнымъ нравомъ и до такой степени былъ преданъ всякаго

рода дикимъ увлеченіямъ и излишествамъ, что сдѣлался ужасомъ семьи, и отецъ долго не пускалъ его на глаза свои. Женившись затѣмъ на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, онъ скоро развелся съ нею, и во Псковѣ, служа по выборамъ, сказавшись вдовцомъ, обвѣнчался, при живой женѣ, на вдовѣ капитана У. Е. Толстой. Результатомъ этого двоеженства былъ уголовный процессъ, кончившійся тѣмъ, что Осипа Абрамовича высочайшей резолюціей 1784 года развели со второй женой, утвердивши первый бракъ его, сослали на службу въ Средиземное море, а затѣмъ онъ былъ сосланъ на жительство въ свое имѣніе, с. Михайловское, гдѣ и пребывалъ до своей смерти.

Отъ Марьи Алексѣевны у Осипа Абрамовича родилась дочь Надежда. По смерти мужа, Марья Алексѣевна, женщина энергическая, практическая и опытная хозяйка, проживала въ доставшемся ей отъ мужа сельцѣ Кобринѣ (Петерб. губерніи) и, тщательно воспитывая дочь, вывозила ее въ свѣтъ въ самое утонченное высшее петербургское общество, пользуясь положеніемъ и связями дяди ея и крестнаго отца, Ивана Абрамовича. Здѣсь молодая, красивая креолка, избалованная съ дѣтства лестью и потворствами, капризная, пылкая, властолюбивая, имѣла успѣхъ и между прочимъ плѣнила сердце блиставшаго въ свѣтскихъ кругахъ своимъ утонченнымъ французскимъ образованіемъ гвардейскаго офицера, Сергѣя Львовича Пушкина.

Братья Пушкины—Сергѣй и Василій Львовичи—представляли собою типы передовыхъ дворянъ того времени: писали стихи, знали много умныхъ изреченій и острыхъ словъ изъ стараго и новаго періода французской литературы и смѣло разсуждали о чемъ угодно, съ голоса французскихъ энциклопедистовъ, послѣдней прочитанной книжки и на-лету подхваченнаго сужденія. Василій Львовичъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ одинъ изъ арзамасцевъ, принятый въ это общество Жуковскимъ, и какъ авторъ сатиры «Опасный сосѣдъ». Въ теченіе 25 лѣтъ непрестанно вращался онъ въ литературныхъ кружкахъ и умеръ съ книжкою Беранже въ рукахъ. Сергѣй Львовичъ въ свою очередь постоянно гонялся за разными знаменитостями, русскими и иностранными. Домъ его въ Москвѣ былъ посѣщаемъ членами того блестящаго литературнаго круга, который въ началѣ столѣтія образовался тамъ около Карамзина; въ числѣ друзей и знакомыхъ дома встрѣчались самыя почтенныя имена того времени—Жуковскій, Тургеневъ, Дмитріевъ и проч., вмѣстѣ съ именами заѣзжихъ эмигрантовъ, туристовъ, артистовъ и т. п. Вращаясь вѣчно въ свѣтскихъ и литературныхъ кругахъ и ведя разгульную и чисто праздничную жизнь, братья поражали современниковъ своей крайней безпечностью. Это были бонвиваны эпохи регентства на подкладкѣ русской распущенности. Въ положеніе своихъ дѣлъ они не вникали, деревенскую жизнь ненавидѣли; домъ ихъ, по словамъ одного очевидца того времени, всегда былъ на изнанку: въ одной комнатѣ богатая, старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня съ баснословною неопрятностью, ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана. Имѣнія-же ихъ находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что когда для спасенія Болдина посланъ былъ туда дѣятельный управляющій, онъ бѣжалъ изъ имѣнія, при видѣ страшнаго разоренія крестьянъ, до котораго они были доведены безпечностью и передовыми стремленіями помѣщика.

Но какова-бы ни была изнанка жизни братьевъ Пушкиныхъ, съ внѣшней стороны они были такъ блестящи, и Сергѣй Львовичъ такъ сумѣлъ плѣнить стараго наваринскаго героя, Ивана Абрамовича Ганнибала, что тотъ безъ долгихъ колебаній рѣшился отдать за него свою племянницу и крестницу, Надежду Осиповну, промолвя: «онъ не очень богатъ, но образованъ».

Послѣ брака и рожденія первой дочери Ольги, Сергѣй Львовичъ, по заведенному тогда порядку, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на покой. Послѣ того, вплоть до нашествія французовъ, Пушкины жили попремѣнно то въ Москвѣ, то въ своей подмосковной деревнѣ, Захарьинѣ. И вотъ, въ 1799 году, 26 мая, въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, въ Москвѣ, на Молчановкѣ родился у нихъ сынъ Александръ.

До семилѣтняго возраста Пушкинъ не только не представлялъ изъ себя чего-либо замѣчательнаго, но, напротивъ того, своею неповоротливостью, тучностью, робостью и неподвижностью приводилъ въ отчаянье своихъ родителей, и они серьезно опасались даже за его умственныя способности. Заставить его бѣгать и играть со сверстниками можно было лишь насильно. Разъ на прогулкѣ онъ незамѣтно отсталъ отъ общества и преспокойно усѣлся посреди улицы. Сидѣлъ онъ такъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что изъ одного дома кто-то смотритъ на него и смѣется.—«Ну, нечего скалить зубы!»—сказалъ онъ съ досадою и отправился домой.

Когда настойчивыя требованія быть поживѣе превосходили мѣру терпѣнія ребенка, онъ убѣгалъ къ бабушкѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, залѣзалъ въ ея корзинку и подолгу смотрѣлъ на ея работу. Въ этомъ убѣжищѣ уже никто не тревожилъ его.

Вслѣдствіе этого ему не пришлось быть любимымъ и балованнымъ сыномъ своей матери. Напротивъ того, Надежда Осиповна выказывала открытое предпочтеніе старшей дочери

Ольгѣ и младшему сыну Льву. Это обстоятельство однако-же имѣло впослѣдствіи благодѣтельное вліяніе на Пушкина. Не избалованный въ дѣтствѣ излишними угожденіями, онъ легко переносилъ лишенія и рано привыкъ къ мысли—искать опоры въ самомъ себѣ.

Единственными друзьями его ранняго дѣтства были бабушка Марья Алексѣевна и знаменитая, воспѣтая имъ впослѣдствіи, нянюшка Арина Родіоновна. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная, бывалая, прошедшая сквозь огонь и воду послѣ разлуки съ своимъ мужемъ и отличавшаяся не только опытностью, но и здравымъ смысломъ. Нянюшка Арина Родіоновна, представлявшая изъ себя типъ старинныхъ, преданныхъ барскихъ слугъ, отказавшаяся отъ предлагавшейся ей отпускной за себя и за своихъ родныхъ, поражала знаніемъ народной поэзіи: весь сказочный міръ былъ извѣстенъ ей, и она передавала его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нея съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Такимъ образомъ этимъ двумъ женщинамъ обязанъ былъ Пушкинъ наиболѣе поэтическими элементами своей музы: въ то время, какъ Арина Родіоновна раскрывала передъ нимъ сокровища народнаго эпоса, Марья Алексѣевна увлекала его своими разсказами о старинѣ и о своихъ молодыхъ, полныхъ приключеніями, годахъ въ историческій міръ старыхъ дворянскихъ преданій и нравовъ 18-го столѣтія.

На седьмомъ году съ мальчикомъ произошелъ внезапный переворотъ: изъ вялаго и неповоротливаго онъ вдругъ сдѣлался развязнымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ. Няню и бабушку, успѣвшую выучить ребенка грамотѣ, смѣнили по общему обычаю того времени иностранные гувернеры и учителя. Кромѣ священника Бѣликова и еще другого, обучавшихъ закону Божію и нѣкоторымъ другимъ наукамъ, всѣ остальные наставники были иностранцы: первымъ былъ французскій эмигрантъ графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; потомъ Руссо, хорошо писавшій французскіе стихи; далѣе Шадель и пр. Нѣмецкому языку́, нелюбимому Пушкинымъ въ дѣтствѣ, учила г-жа Лоржъ; англійскому—гувернантка миссъ Бели. Былъ еще учитель, нѣмецъ Шиллеръ, обучавшій и русскому языку. Ученіе шло довольно безпорядочно вслѣдствіе частой смѣны преподавателей и не всегда удачнаго выбора ихъ. Обладая счастливой памятью, Пушкинъ выучивалъ уроки лишь слушая, какъ отвѣчала ихъ его сестра; когда-же перваго спрашивали его, ему приходилось ограничиваться постыднымъ молчаніемъ. Кромѣ нѣмецкаго языка, не долюбливалъ онъ и ариѳметику, надъ которою онъ пролилъ не мало слезъ, и особенно не давалось ему дѣленіе. Зато французскій языкъ, при безпрерывномъ упражненіи и въ классахъ, и въ разговорахъ между собою, усвоенъ былъ отлично, и впослѣдствіи Пушкинъ владѣлъ имъ, какъ своимъ роднымъ. Знаменитый графъ Алексѣй Сенъ-При говорилъ, что слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любому французскому писателю. По-итальянски Пушкинъ выучился также въ дѣтствѣ: отецъ его и дядя отлично знали этотъ языкъ.

Съ 9-го года начала развиваться въ Пушкинѣ страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва Плутарха, потомъ Гомера въ переводѣ Битобе, потомъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, состоявшей изъ эротическихъ произведеній французскихъ писателей XVIII вѣка, Вольтера, Руссо, энциклопедистовъ. Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ дѣтяхъ это расположеніе къ чтенію и вмѣстѣ съ ними читывалъ избранныя сочиненія. Говорятъ, онъ особенно мастерски передавалъ Мольера, котораго зналъ почти наизусть. Напролетъ цѣлыя ночи проводилъ Пушкинъ за чтеніемъ всѣхъ книгъ, попадавшихся ему въ руки.

Къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе тѣхъ литературныхъ и политическихъ разговоровъ, которые непрестанно велись въ гостиной Сергѣя Львовича образованнѣйшими людьми того времени, причемъ дѣтямъ позволялось безпрепятственно присутствовать при этихъ разговорахъ, лишь-бы они не вмѣшивались въ рѣчи старшихъ. Наконецъ, въ домѣ устраивали домашніе спектакли и всякаго рода jeux d'ésprit, въ которыхъ участвовали и дѣти. Все это вмѣстѣ взятое сильно вліяло на умственныя способности воспріимчиваго и талантливаго ребенка и влекло къ очень раннему развитію ихъ. При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что первые опыты въ стихотворствѣ появились у Пушкина очень рано, на 12-мъ году. Началось дѣло, по обыкновенію, съ подражаній. «Любимымъ упражненіемъ Пушкина, по словамъ сестры его, сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрой, которая въ этомъ случаѣ составляла публику и произносила свой судъ». Однажды какъ-то она освистала его пьеску «Escamoteur». Онъ не обидѣлся и самъ на себя написалъ слѣдующую эпиграмму:

Dis moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas! c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière.

т. е. «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдный авторъ похитилъ его у Мольера». Ознакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни. Начитавшись Генріады, онъ задумалъ шуточную поэму въ стихахъ, содержаніе которой заключалось въ войнѣ между карлами и карлицами во времена

Дагобера. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала Шаделю, жалуясь, что M. Alexandre за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шадель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ-же бросилъ свое произведеніе въ печку. Макаровъ разсказываетъ стыдъ и замѣшательство Пушкина, когда въ домѣ графа Бутурлина, вслѣдствіе молвы о поэтическихъ его дарованіяхъ, къ нему приступили всѣ жившія тамъ дѣвушки съ альбомами и просьбами написать что-нибудь. Какой-то господинъ прочелъ русское четверостишіе Пушкина и, для большей торжественности, ударялъ на *о*. Мальчикъ только успѣлъ сказать «Ah, mon Dieu!» — и убѣжалъ безъ памяти въ библіотеку графа, гдѣ долго еще не могъ придти въ себя.

Къ этому ко всему слѣдуетъ замѣтить, что большинство первыхъ стихотворныхъ опытовъ Пушкина было написано имъ на французскомъ языкѣ, изъ чего можно заключить, что въ эту пору дѣтства роднымъ языкомъ поэта, на которомъ онъ и думалъ и писалъ, былъ французскій.

II.

Лицейскіе годы А. С. Пушкина.
1811—1817.

Въ то время какъ въ первые годы своей жизни Пушкинъ тревожилъ своихъ родителей своей вялостью и неподвижностью, въ послѣдующіе, наоборотъ, онъ привелъ ихъ къ опасеніямъ за его будущее неукротимой пылкостью страстнаго темперамента. Напрасно воспитатели, по большей части плохіе, старались обуздать эту вулканическую натуру; добиваясь одного наружнаго повиновенія и употребляя для этой цѣли пошлыя и рутинныя мѣры строгости, они не только не достигли никакихъ результатовъ, но встрѣтили въ мальчикѣ отчаянное сопротивленіе, ежеминутно разрушавшее всѣ ихъ усилія. Къ такому же отпору приводили увѣщанія и требованія родителей, сопровождаемыя вспышками гнѣва и тщетными угрозами съ ихъ стороны. И вотъ, какъ это всегда бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, у родителей составилось мнѣніе о сынѣ, какъ о натурѣ вполнѣ извращенной, какъ о выродкѣ, котораго ожидаетъ самая печальная будущность. Единственную надежду начали они питать на удаленіе его изъ родительскаго дома въ какое-либо закрытое заведеніе, гдѣ могли-бы обуздать его чужіе люди суровыми мѣрами строгости. Долго колебались они между двумя модными въ то время заведеніями: іезуитскимъ коллегіумомъ и частнымъ пансіономъ, устроеннымъ аббатомъ Николемъ и находившимся въ то время въ вѣдѣніи аббата Макара. Наконецъ порѣшили въ пользу іезуитскаго коллегіума и отправились уже въ Петербургъ хлопотать о поступленіи сына туда, какъ вдругъ учрежденіе Царскосельскаго лицея совершенно измѣнило планы ихъ. Директоромъ лицея былъ назначенъ В. Ѳ. Малиновскій, съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. При помощи его, а особенно при содѣйствіи А. И. Тургенева, двѣнадцатилѣтній Пушкинъ былъ принятъ въ числѣ 30 воспитанниковъ, изъ которыхъ долженъ былъ состоять лицей.

По единогласному свидѣтельству всѣхъ знавшихъ внутреннюю жизнь семьи Пушкиныхъ, юноша покидалъ родительскій домъ безъ малѣйшихъ сожалѣній; съ своей стороны и семья провожала его холодно, словно сваливая съ плечъ тяжелую обузу. Исключеніе составляла лишь сестра Пушкина, къ которой онъ былъ привязанъ, и лишь съ одной ею прощался онъ съ грустью.

Василій Льв. привезъ племянника въ Петербургъ и держалъ его у себя въ домѣ все время, покуда онъ приготовлялся къ экзамену. 12-го августа 1811 года Пушкинъ, вмѣстѣ съ Дельвигомъ, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ лицей; 19-го-же октября послѣдовало торжественное открытіе лицея, и послѣ того начались лекціи.

На лицей, при его основаніи, возлагали большія надежды, предполагая сдѣлать его образцомъ высшихъ учебныхъ заведеній, поставить на одномъ уровнѣ съ наполеоновскими Lycées и англійскими Colleges. Лучшіе и самые передовые свѣтила науки и педагоги того времени были избраны преподавателями лицея, каковы А. И. Куницынъ, Л. И. Карцевъ, И. К. Кайдановъ, потомъ А. И. Галичъ и др.

Но быстрое охлажденіе къ дѣлу и распущенность, эти два неизмѣнныя качества, сопровождающія всѣ россійскія предпріятія, не замедлили сказаться и здѣсь. Послѣ смерти въ 1814 г. перваго директора лицея, В. Ѳ. Малиновскаго, лицей безъ малаго два года состоялъ подъ управленіемъ профессоровъ, которые поочередно вступали въ директорство, мѣшали другъ другу, безпрестанно ссорились между собою, и для обузданія ихъ оказалось нужнымъ помѣстить въ званіе сперва инспектора классовъ, а потомъ и директора, военнаго человѣка аракчеевской школы, отставного подполковника С. С. Фролова, принявшагося за дѣло круто, чисто по-фельдфебельски, но скоро уволеннаго и оставившаго послѣ себя массу шутовскихъ воспоминаній.

Весь этотъ періодъ, до назначенія директоромъ Е. А. Энгельгардта, Пушкинъ называетъ временемъ анархіи, а другіе его товарищи—междуцарствіемъ. Преподаватели въ свою очередь на второй-же годъ спустили рукава. Куницынъ началъ ограничиваться требованіемъ буквальной выучки своихъ тетрадей, и его упрекали вообще въ наклонности къ лѣнивому, апатическому существованію. Кошанскій, читавшій

древніе языки и словесность русскую, въ первый годъ увлекалъ слушателей своими бесѣдами о великихъ образцахъ древности и тщательно поправлялъ ихъ упражненія въ слогѣ, но на второй годъ запилъ и совсѣмъ бросилъ преподаваніе. Математикъ Карцевъ, будучи отъ природы юмористомъ и видя общее нерасположеніе къ математикѣ воспитанниковъ, занимался на урокахъ выслушиваніями лицейскихъ анекдотовъ и остроумною болтовнею. Добродушный и слабый Галичъ, замѣнившій Кошанскаго, до такой степени былъ осѣдланъ своими воспитанниками, что допускалъ устройство тайныхъ студенческихъ попоекъ въ отведенной ему въ лицеѣ аудиторіи.

При такихъ порядкахъ воспитанники были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ. Учебныя занятія не особенно обременяли ихъ, и знанія, требуемыя по программѣ, достигались легко, а въ случаѣ недостатка, ловко маскировались подставными вопросами и отвѣтами, выбранными съ общаго согласія учителей и учениковъ. У воспитанниковъ такимъ образомъ оставалась масса празднаго времени, въ которое они разгуливали свободно по всему лицею и царскосельскому саду, заводя любовныя интрижки съ горничными и крѣпостными актрисами домашняго театра графа Варѳ. Вас. Толстого. «Наташа», которой посвящено одно или два лицейскихъ стихотворенія Пушкина, принадлежала къ лицейскимъ нянюшкамъ; пьесы «Къ актрисѣ» и «Ты не наслѣдница Клеронъ» обращены къ крѣпостной актрисѣ. Отъ кутежей между собою въ стѣнахъ лицея воспитанники въ старшихъ классахъ перешли къ кутежамъ съ гвардейцами и вообще золотой молодежью, проживавшей лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ на дачахъ. Изрѣдка они устраивали школьные бунты и протесты; такъ, они изгнали изъ заведенія инспектора, М. Ст. Пилецкаго-Урбановичъ, ожесточившаго воспитанниковъ своею религіозною навязчивостью, презрительными отзывами о семействахъ своихъ питомцевъ и іезуитскимъ обращеніемъ, скрывавшимъ подъ личиной снисхожденія много жестокости и коварства.

Нужно-ли послѣ того удивляться той малоуспѣшности, которую обнаружилъ Пушкинъ на экзаменахъ, и тому, что въ аттестатѣ его даже по рус. языку значится посредственная отмѣтка? Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такъ ужъ совсѣмъ ничѣмъ и не былъ обязанъ онъ лицею. Кое-что запало въ голову воспитанниковъ и отъ лекцій Куницына и Кошанскаго. Не мало вліянія оказали на нихъ, по свидѣтельству М. А. Корфа, бесѣды учителя французской словесности де-Бужи, брата Марата; онъ весьма способствовалъ къ укрѣпленію мыслительныхъ силъ въ воспитанникахъ, постоянно стараясь пріучать ихъ къ отчетливому представленію и изложенію того, что они слышали, видѣли и что возникло въ ихъ головѣ. — Но наиболѣе обязанъ былъ Пушкинъ лицею богатой библіотекой, пользованіе которою было предоставлено воспитанникамъ безъ малѣйшихъ ограниченій.

Имѣя массу свободнаго времени и предоставленный вполнѣ самому себѣ, съ жаромъ набросился Пушкинъ на книги лицейской библіотеки; дни и ночи читалъ онъ безъ отдыха, причемъ болѣе всего интересовали его книги по исторіи и французской словесности. Напрасно Дельвигъ старался пріохотить его къ изученію нѣмецкой литературы; Пушкинъ покинулъ своего товарища на первыхъ попыткахъ ознакомиться съ Клопштокомъ. Товарищи относились къ Пушкину сначала нѣсколько непріязненно, видя его умственное превосходство надъ ними и замѣчая, что онъ многое прочелъ, о чемъ они и не слыхали, и все, что читалъ, помнилъ. Они прозвали его французомъ за отличное знаніе французскаго языка, что очень оскорбляло юношу въ эпоху войны 1812 года, при всеобщей ненависти ко всему французскому. Не мало въ первое время отталкивало отъ него расположеніе его къ насмѣшкамъ и преслѣдованію непріязненныхъ личностей, доводившее иногда многихъ до дѣтскаго отчаянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось довѣрчивое и любящее сердце Пушкина и скромность, заставлявшая его не только не кичиться и не важничать передъ товарищами своими знаніями и талантами, но, напротивъ того, показывать, что все научное онъ не считаетъ ни во что и мастеръ только бѣгать, прыгать черезъ стулья, бросать мячикъ и проч. При такихъ качествахъ характера, Пушкинъ скоро побѣдилъ непріязнь къ себѣ товарищей и сдѣлался, напротивъ того, душою класса, а затѣмъ коноводомъ литературнаго кружка. Этотъ литературный кружокъ образовался едва-ли не тотчасъ по открытіи лицея; участниками въ немъ были Дельвигъ, Илличевскій, Корсаковъ, князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, С. Г. Ломоносовъ, Д. Н. Масловъ, Н. Г. Ржевскій, В. К. Кюхельбекеръ, М. Л. Яковлевъ. Литературныя занятія кружка заключались во-первыхъ — въ изданіи рукописныхъ журналовъ, въ которыхъ члены помѣщали свои произведенія, а во вторыхъ — въ особенной литературной игрѣ. Составивъ одинъ общій кругъ, товарищи обязывали каждаго разсказать повѣсть или по крайней мѣрѣ начать ее. Въ послѣднемъ случаѣ, слѣдующій за разсказчикомъ принималъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ она остановилась, и развивалъ далѣе; третій въ свою очередь продолжалъ ее, и т. д., пока повѣсть не приходила къ окончанію. Дельвигъ первенствовалъ на этой гимнастикѣ воображенія; его никогда нельзя было застать въ-расплохъ: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы.

Пушкинъ уступалъ ему въ способности придумывать наскоро происшествія и часто прибѣгалъ къ хитрости. Разъ онъ изложилъ восхищеннымъ слушателямъ исторію 12 спящихъ дѣвъ, умолчавъ объ источникѣ, откуда почерпнулъ ее. Тогда-же, въ грубыхъ конечно чертахъ, онъ передалъ двѣ повѣсти, имъ самимъ придуманныя: Метель и Выстрѣлъ, которыя впослѣдствіи явились въ «Повѣстяхъ Бѣлкина».

Подъ вліяніемъ этихъ литературныхъ игръ и занятій кружка, Пушкинъ очень скоро перешелъ отъ французскихъ стиховъ къ русскимъ и на первыхъ порахъ наиболѣе прославился между товарищами своими колкими и мѣткими эпиграммами. Н. Ѳ. Кошанскій очень строго отнесся къ первымъ опытамъ своего ученика, старался отвратить его отъ попытокъ сочинительства, и только позднѣе, убѣдившись въ его талантѣ, съ жаромъ принялся знакомить его съ теоріей словесности и классическими произведеніями древности; но это продолжалось недолго и кончилось съ несчастною болѣзнью наставника, о которой мы выше говорили.

Первые опыты Пушкина, извѣстные подъ именемъ «лицейскихъ стихотвореній», носятъ на себѣ вліяніе всѣхъ тѣхъ писателей, которыми увлекался Пушкинъ въ своемъ отрочествѣ. Изъ русскихъ писателей это были Карамзинъ, Жуковскій и въ особенности Батюшковъ. Послѣдній производилъ на Пушкина самое сильное впечатлѣніе и былъ главнымъ учителемъ его въ отношеніи пластичности формъ и той тонкой, граціозной, чисто классической гармоніи между содержаніемъ и формами, какою наиболѣе отличался авторъ «Умирающаго Тасса». Пушкинъ высоко цѣнилъ даже сходство, какое могутъ представлять нѣкоторые изъ собственныхъ его стиховъ съ манерой Батюшкова. Что-же касается содержанія лицейскихъ стихотвореній, то въ этомъ отношеніи Пушкинъ подчинялся вліянію той школы французскихъ анакреонтическихъ писателей, на которой онъ былъ воспитанъ въ родительскомъ домѣ, каковы — Шенье, Шапель, Берни, Грессе, Грекуръ, Парни. Этимъ вліяніемъ обусловливается и тотъ веселый и нѣсколько легкомысленный взглядъ на жизнь, и то обиліе эротическаго и вакхическаго элементовъ, какое мы встрѣчаемъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Но какъ-бы ни были расположены смотрѣть отрицательно на всѣ подобныя бездѣлки люди, требующіе отъ поэзіи серьезнаго содержанія, нельзя отрицать и нѣкоторой доли благотворнаго вліянія, какое оказали вышеупомянутые писатели на характеръ поэзіи Пушкина: они сразу поставили ее на реальную почву изображенія земныхъ, опредѣленныхъ, всѣми ощущаемыхъ и каждому знакомыхъ радостей и печалей. Это одно составляло большой шагъ впередъ отъ господствовавшаго въ то время въ нашей литературѣ мистическаго романтизма съ его скорбными томленіями—неизвѣстно о чемъ, и порываніями—неизвѣстно куда.

Первое стихотвореніе Пушкина, вышедшее въ свѣтъ, было посланіе къ Другу Стихотворцу, напечатанное въ № 13 «Вѣстника Европы» съ подписью: Александръ Н. К. ш. п. Затѣмъ, въ томъ-же году, появились въ томъ-же «В. Евр.», издававшемся Вл. В. Измайловымъ: Кольна, Венерѣ отъ Лаисы, Опытность и Блаженство. Но наиболѣе памятный для Пушкина годъ былъ 1815-й. Съ него начинается литературная извѣстность и слава его. Въ этомъ году подъ стихами его уже находимъ полное его имя. О немъ заговорили.

Въ январѣ 1815 года, 4-го и 8-го, въ первый разъ происходило въ лицеѣ торжественное публичное испытаніе, на которое нарочно пріѣхали изъ Петербурга многіе важные государственные люди и ревнители просвѣщенія; между прочимъ присутствовалъ и Державинъ. Вотъ какъ вспоминаетъ Пушкинъ объ этомъ глубоко врѣзавшемся въ его память экзаменѣ: «Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, поджавши голову рукою, лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его — гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ—очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ изъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина; голосъ мой отрочески зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ обнять... Меня искали, но не нашли»...

Послѣ этого слухи о появленіи необыкновеннаго таланта не замедлили распространиться по Петербургу. Всѣ дивились. На большомъ обѣдѣ у министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, о Пушкинѣ шелъ общій говоръ. Всѣ предсказывали будущую славу его. Хозяинъ, обратясь къ Сергѣю Львовичу, который находился тутъ-же, замѣтилъ между прочимъ: «Я-бы желалъ однако-жъ образовать сына вашего къ прозѣ».—«Оставьте его поэтомъ»—возразилъ съ жаромъ Державинъ.

Столь льстивые отзывы, понятно, помирили родителей съ ихъ блуднымъ сыномъ. Въ то-же время Пушкинъ тогда-же сблизился уже съ первоклассными писателями того времени, Жуков-

скимъ, Карамзинымъ и Батюшковымъ. Жуковскій, бывши въ Москвѣ, получилъ отъ Василія Льв. стихи Пушкина «Воспоминанія въ Ц. С.», отправился къ друзьямъ своимъ и тамъ, читая ихъ вслухъ, останавливался на лучшихъ мѣстахъ и восклицалъ: «вотъ у насъ настоящій поэтъ!»—Лѣтомъ 1815 года, посѣщая часто Царское Село и читая Императрицѣ стихи свои, Жуковскій сблизился съ Пушкинымъ и полюбилъ его, какъ родного. Это было время самой громкой славы Жуковскаго. Три изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» раскупились въ одинъ годъ; «Посланіе къ Имп. Александру» было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Друзья носили Жуковскаго на рукахъ. Вдовствующая императрица, Марія Ѳеодоровна, весьма благоволила къ нему. И можете себѣ представить, что этотъ 32-лѣтній поэтъ, дожившій до полнаго развитія своего таланта и апогея своей славы, до такой степени сразу былъ увлеченъ геніемъ Пушкина, что ему, 15-лѣтнему мальчику, сидѣвшему на школьной скамейкѣ, нарочно читалъ свои стихи, и если въ слѣдующія свиданія Пушкинъ не вспоминалъ и не повторялъ ихъ, то Жуковскій считалъ такіе стихи слабыми и уничтожалъ ихъ или передѣлывалъ. Въ то-же время съ нѣжнымъ отеческимъ участіемъ Жуковскій радовался блестящимъ успѣхамъ Пушкина, снисходилъ къ его увлеченіямъ, прощалъ его заносчивость, берегъ его, заботился о немъ. Самъ Пушкинъ впослѣдствіи называлъ его своимъ ангеломъ-хранителемъ.

Къ тому-же времени относится и сближеніе Пушкина съ Карамзинымъ. Карамзинъ и прежде уже, будучи знакомъ съ Сергѣемъ Льв. и бывая у нихъ въ домѣ, мелькомъ видѣлъ талантливаго юношу. Въ февралѣ 1816 года онъ привезъ въ Петербургъ къ печати восемь томовъ «Исторіи Госуд. Россійскаго» и читалъ друзьямъ своимъ посвященіе, которымъ начинается первый томъ исторіи. Пушкинъ присутствовалъ при чтеніи, запомнилъ все и, пришедши домой, записалъ отъ слова до слова, такъ что посвященіе сдѣлалось извѣстно въ лицейскомъ кружкѣ гораздо прежде, чѣмъ было напечатано. Уже тогда Карамзинъ познакомился съ Пушкинымъ ближе и успѣлъ привлечь его къ себѣ ласкою, одобреніями и участіемъ. Но наибольшее сближеніе послѣдовало лѣтомъ въ 1816 году, когда Карамзинъ поселился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ, занимаясь продолженіемъ исторіи и печатаніемъ первыхъ ея томовъ, Карамзинъ приглашалъ къ себѣ Пушкина, бесѣдовалъ съ нимъ, и Пушкинъ имѣлъ возможность слушать Исторію Госуд. Рос. изъ устъ самого исторіографа; Пушкинъ горячо полюбилъ Карамзина и все его семейство и сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ. Какъ и Жуковскій, Карамзинъ любовался молодымъ поэтомъ, предостерегалъ, удерживалъ, берегъ его и послѣ спасъ въ одну изъ рѣшительныхъ минутъ его жизни.

Къ этому-же періоду относится знакомство и сближеніе Пушкина и съ другими передовыми силами русской литературы того времени, каковы—И. И. Дмитріевъ и Батюшковъ. Съ Дмитріевымъ онъ познакомился черезъ Карамзина; Батюшковъ былъ старый другъ Сергѣя Льв. Наконецъ тогда-же сблизился съ Пушкинымъ и А. И. Тургеневъ, который до конца жизни оставался съ нимъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ и часто съ нимъ переписывался.

Ранніе и быстрые литературные успѣхи побудили Пушкина еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ и страстностью приняться за развитіе своего поэтическаго таланта. Отбывая кое-какъ школьную науку, неглижируя и лѣнясь, въ то-же время дни и ночи просиживалъ юноша въ своей коморкѣ подъ № 14, бесѣдуя съ музами. Довольно сказать, что въ стѣнахъ лицея онъ успѣлъ написать около ста двадцати стихотвореній и тутъ-же задумалъ и началъ писать первую свою поэму «Русланъ и Людмила».—Но такъ велика была скромность молодого поэта, что и тогда весьма немногія изъ своихъ стихотвореній онъ рѣшался посылать въ печать, причемъ сердился и выходилъ изъ себя, когда нѣкоторыя стихотворенія были печатаемы друзьями, помимо его вѣдома. Даже и впослѣдствіи, выпустивши въ 1826 году первое изданіе своихъ произведеній, Пушкинъ изъ 120 лицейскихъ стихотвореній своихъ удостоилъ печати лишь 23 пьесы.

Въ половинѣ мая 1817 года начались въ лицеѣ выпускные экзамены и тянулись 15 дней при многочисленной публикѣ. Посѣтителямъ предоставлено было задавать лицеистамъ вопросы, что̀ дало поводъ къ занимательнымъ отвѣтамъ и преніямъ. На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ сочиненное имъ на этотъ случай стихотвореніе «Безвѣріе», но отвѣчалъ плохо и былъ выпущенъ 19-мъ, съ чиномъ X класса или гвардіи офицера.

III.

Жизнь и дѣятельность А. С. Пушкина въ С.-Петербургѣ.

1818—1820.

Передъ выходомъ изъ лицея, Пушкинъ мечталъ о военной службѣ. Незадолго передъ тѣмъ появившійся Высочайшій Указъ предоставлялъ лицеистамъ право опредѣлиться прямо въ гвардію офицерами, и 12 товарищей Пушкина тотчасъ-же избрали военное поприще. Жизнь военная и молодому поэту представлялась въ самомъ привлекательномъ видѣ. Уже давно онъ познакомился съ ней въ кругу квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ офицеровъ. Къ тому-же, повидимому, онъ имѣлъ всѣ данныя для нея: физическая организація его, крѣпкая, мускулистая и

гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился, какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ, и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть-ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля. Пушкину хотѣлось поступить въ лейбъ-гусары, и одинъ знакомый генералъ обѣщалъ ему содѣйствіе; но не удалось молодому поэту носить военнаго мундира. Свиданіе съ отцомъ разстроило всѣ его планы. Сергѣй Львовичъ наотрѣзъ объявилъ, что не въ состояніи содержать сына въ гусарскомъ полку, и позволилъ ему опредѣлиться въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ гвардіи, но Пушкинъ не захотѣлъ этого и черезъ 4 дня по выходѣ изъ лицея записался въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что вполнѣ соотвѣтствовало его склонностямъ: служба эта, будучи номинальною, предоставляла ему много досуга.

По выходѣ изъ лицея, Пушкинъ снова вернулся подъ родительскій кровъ. Родители его жили теперь уже въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжали въ Псковскую губернію, въ родовое свое село Михайловское. Сюда и пріѣхалъ Пушкинъ съ родными тотчасъ по выпускѣ изъ лицея. «Вышедъ изъ лицея, говоритъ Пушкинъ въ своихъ запискахъ, я тотчасъ почти уѣхалъ въ Псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался я сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ, и пр., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Эта страсть къ городской жизни и къ толпѣ очевидно была унаслѣдована Пушкинымъ отъ своихъ родителей и особенно отъ отца. Сергѣю Львовичу обязанъ онъ былъ и своимъ тщеславіемъ, страстью тянуться во что-бы то ни стало въ высшее свѣтское общество. Страсть эта, сгубившая его впослѣдствіи, не замедлила обнаружиться при первыхъ-же шагахъ его въ жизни.

Казалось-бы, что и по умственнымъ склонностямъ Пушкина, и по средствамъ родителей онъ долженъ былъ вращаться преимущественно въ литературной средѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой средѣ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ былъ принятъ съ участіемъ, лаской и любовью первыми литературными свѣтилами того времени. Съ перваго шага въ свѣтъ, Пушкинъ очутился въ обществѣ тогдашнихъ литераторовъ, какъ извѣстный и заслуженный его членъ. Онъ почти совсѣмъ не былъ въ положеніи начинающаго. Едва вышелъ онъ изъ лицея, какъ уже осенью 1817 года онъ былъ принятъ въ члены литературнаго общества Арзамасъ, вокругъ котораго группировались всѣ молодые писатели новаго романтическаго направленія, ратовавшіе противъ устарѣлыхъ классиковъ, которые въ свою очередь группировались вокругъ московскаго общества «Бесѣдъ любителей русскаго слова» и «Вѣстника Европы» Каченовскаго. По обычаю арзамасскаго общества всѣмъ членамъ давать особенныя шутливыя прозвища, Пушкина назвали сверчкомъ, потому что, по выраженію одного изъ арзамасцевъ, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ». Новый членъ Арзамаса произносилъ обыкновенно шуточное похвальное слово какому-либо члену враждебной «Бесѣды любителей русскаго слова». Неизвѣстно, кому произнесъ похвальное слово Пушкинъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать рѣчь свою александрійскими стихами, которые, къ сожалѣнію, не дошли до насъ. Къ несчастью Пушкина, Арзамасъ скоро разсѣялся. Собраніе, въ которомъ Пушкинъ произнесъ рѣчь свою, было послѣднимъ, такъ какъ члены Арзамаса отозваны были изъ столицы разными обязанностями. Но кромѣ Арзамаса въ Петербургѣ было нѣсколько другихъ литературныхъ обществъ, кружковъ и салоновъ (Общ. любит. словесности, наукъ и художествъ, Общ. соревнователей просвѣщенія и благотворенія, кружокъ А. Н. Оленина, вечера В. А. Жуковскаго), и хотя Пушкинъ не принадлежалъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, однакоже слѣдилъ внимательно за ихъ занятіями. На вечерахъ Жуковскаго читалъ онъ пѣсни «Руслана и Людмилы», подвергая ихъ передѣлкамъ подъ вліяніемъ сужденій и приговоровъ друзей. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней пѣсни Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный подписью: «Ученику отъ побѣжденнаго учителя». Батюшковъ-же, прочтя посланіе Пушкина къ Ѳ. Ф. Юрьеву, сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги съ этимъ посланіемъ и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

Къ этому-же времени относится знакомство Пушкина съ П. А. Катенинымъ, этой благороднѣйшей и замѣчательной личностью того времени. Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину и, подавая ему свою трость, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей — но выучи!» — Ученаго учить—портить! отвѣчалъ Катенинъ. Съ тѣхъ поръ дружескія связи не прерывались, и Катенинъ оказывалъ большое вліяніе на Пушкина, какъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ. Пушкинъ именно Катенину былъ обязанъ осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, умѣньемъ находить свои достоинства въ писателяхъ различныхъ школъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у насъ по поводу классицизма и романтизма. Катенинъ, между прочимъ, помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ, приверженцемъ классицизма, и съ актрисой А. М. Колосовой, дебюты которой Пушкинъ встрѣтилъ злой эпиграммой.

Но, къ сожалѣнію, Пушкинъ только мелькомъ бывалъ въ литературныхъ кружкахъ и видался со своими друзьями и сотоварищами по перу. Болѣе-же всего его тянуло въ высшій свѣтъ, гдѣ онъ считалъ неприличнымъ носить званіе литератора и всячески старался, чтобы забыли о томъ, что онъ пишетъ стихи. Связи отца и служба по министерству иностранныхъ дѣлъ открыли Пушкину входъ въ лучшіе дома большого свѣта, каковы были гр. Бутурлиныхъ и Воронцовыхъ, кн. Трубецкихъ, гр. Лаваль, Сушковыхъ и пр. Здѣсь Пушкинъ на первыхъ порахъ съ пылкою страстностью увлекся балами и всѣми великосвѣтскими развлеченіями, но большой свѣтъ скоро наскучилъ ему, и онъ кинулся въ вихрь полусвѣта. Страсть къ обществамъ, явнымъ и тайнымъ, различныхъ наименованій, была такъ сильна въ то время, что безпрестанно возникали общества не только литературныя, масонскія, политическія, но эротическія и вакхическія. Таково было между прочимъ общество «Зеленой лампы», основанное Н. В. Всеволожскимъ и у него собиравшееся. Это было оргическое общество, которое въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ изгнаніе Адамы и Евы, гибель Содома и Гоморры, устраиваемыхъ имъ въ своихъ засѣданіяхъ, пародировало между прочимъ собранія съ парламентскими и масонскими формами, но было посвящено исключительно обсужденію плановъ волокитства, закулисныхъ проказъ и всякаго рода отчаянныхъ шалостей, иногда крайне скандальныхъ, рискованныхъ и опасныхъ; сюда-же входили и кутежи съ богатырскими пари относительно количества выпитыхъ напитковъ и безпрестанныя дуэли изъ-за самыхъ ничтожныхъ пустяковъ, въ родѣ какой-нибудь случайной театральной ссоры.

Пушкинъ присоединился именно къ этому обществу великосвѣтскихъ безобразниковъ, и какъ велики были излишества, которымъ онъ предавался въ это время, можно судить по тому, что въ теченіе трехъ лѣтъ онъ два раза лежалъ на краю гроба, въ горячкѣ, именно вслѣдствіе постоянныхъ возбужденій организма, не выдерживавшаго подобнаго богатырскаго разгула. Къ этому нужно принять во вниманіе, что кутежи съ золотой молодежью были не только не по физическимъ силамъ Пушкина, но и не по карману его, и онъ очень нуждался въ деньгахъ. За стихи въ то время еще не платили ему; 700р., получаемые имъ на службѣ, были капля въ морѣ для великосвѣтскихъ кутежей, отецъ-же Пушкина не особенно раскошеливался для молодого повѣсы и выводилъ его изъ себя своей скупостью. Такъ, одинъ современникъ, добрый пріятель Пушкина, разсказывалъ, какъ поэту приходилось упрашивать, чтобъ ему купили бывшіе тогда въ модѣ бальные башмаки съ пряжками; Сергѣй Льв.-же предлагалъ ему свои старые, павловскихъ временъ. «Мнѣ больно видѣть, говоритъ Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ брату, равнодушіе отца моего къ моему состоянію. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкина моста, онъ вѣчно бранился за 80 копѣекъ, которыхъ, вѣрно-бы, ни ты, ни я не пожалѣлъ для слуги». Если же и попадала въ карманъ Пушкина лишняя копѣйка, онъ тотчасъ-же ставилъ ее ребромъ съ геніальнымъ безразсудствомъ. Такъ, однажды ему случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и отецъ его. Погода стояла тихая, и вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ.

И не смотря на то, что скудость денежныхъ средствъ ставила его безпрестанно въ двусмысленныя и неловкія положенія, сильно тревожившія и огорчавшія его, онъ все-таки продолжалъ тянуться къ знати. «Пушкинъ,—разсказываетъ о немъ одинъ изъ лицейскихъ друзей его,—либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра, около знати, которая съ покровительственной улыбкою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ креселъ сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь, бывало: «что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ—ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется; потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами».

Надо удивляться, какъ среди этой разсѣянной жизни, исполненной безпрерывныхъ оргій, у Пушкина хватало времени на литературныя работы. Между тѣмъ, оставшіяся послѣ него тетради свидѣтельствуютъ объ упорномъ, усидчивомъ трудѣ, который онъ положилъ на обработку «Руслана и Людмилы», трудѣ не менѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ, задуманная еще на скамьяхъ лицея, поэма вышла въ свѣтъ въ 1820г. Появленіе «Руслана и Людмилы» произвело сильную сенсацію и въ литературѣ, и въ обществѣ, равносильную внезапному пушечному выстрѣлу среди мертвой тишины или яркому лучу свѣта, загорѣвшемуся среди непроницаемаго мрака. Поэма шла совершенно въ разрѣзъ съ установившимися литературными пріемами и не была похожа ни на что, существовавшее въ литературныхъ кружкахъ до того времени. Тутъ и тѣни не было ни того высокопарнаго, чопорнаго тона, съ какимъ передавались сю-

Пушкинъ въ письмѣ своемъ къ брату, писанному вскорѣ послѣ возвращенія оттуда,—воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ, я купался и въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными, радужными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной, Змѣиной»... Но поѣздка на Кавказъ ограничилась минеральными водами: вообще, въ глубь Кавказа Пушкинъ не ѣздилъ въ тотъ разъ и не видалъ ни Терека, ни Казбека. Въ первыхъ числахъ августа путешественники наши окончили купанья и отправились на южные берега Крыма, въ Юрзуфъ, гдѣ находилось остальное семейство Раевскаго. Этотъ переѣздъ и трехнедѣльная жизнь въ Юрзуфѣ оставили въ Пушкинѣ лучшія воспоминанія его жизни. Путешествіе окружено было всѣми удобствами—изъ Керчи до Юрзуфа они плыли на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала. Здѣсь, въ прелестную южную ночь, расхаживая по палубѣ, Пушкинъ создалъ свою элегію «Погасло дневное свѣтило».

Въ Юрзуфѣ, очаровательнѣйшемъ уголкѣ южнаго крымскаго берега, вся семья Раевскаго была въ сборѣ. Здѣсь впервые Пушкинъ увидѣлъ и познакомился съ двумя старшими дочерьми Раевскаго, Катериной Николаевной, поражавшею своимъ твердымъ характеромъ и развитымъ, чисто мужскимъ умомъ, и съ Еленой Николаевной, 16-лѣтней дѣвушкой, высокой, стройной, съ прекрасными голубыми глазами. Нѣсколько ранѣе, во время поѣздки на Кавказъ, онъ сошелся съ старшимъ сыномъ Раевскаго, Александромъ, весьма образованнымъ и умнымъ, и очень увлекся этимъ человѣкомъ. Вообще, онъ очень близко и тѣсно сошелся съ семействомъ Раевскаго, въ которомъ всѣ его полюбили, и въ письмахъ своихъ онъ вспоминаетъ о жизни въ Юрзуфѣ не иначе, какъ съ восторгомъ. «Старшій сынъ его (Раевскаго), пишетъ Пушкинъ своему брату: будетъ болѣе, чѣмъ извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть, старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не насладишься; счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда—увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго»... «Въ Юрзуфѣ, пишетъ Пушкинъ Дельвигу, жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, исполненнымъ дружбы». Къ воспоминаніямъ о жизни въ Юрзуфѣ относится и тотъ женскій образъ, который безпрестанно являлся въ стихахъ Пушкина этого періода и преслѣдуетъ его въ продолженіе трехъ лѣтъ до самой Одессы и тамъ только смѣняется другимъ.

Но не одни только наслажденія природою и влюбчивость занимали Пушкина въ это время. Въ домѣ нашлась старинная библіотека, въ которой Пушкинъ тотчасъ отыскалъ сочиненія Вольтера и началъ ихъ перечитывать. Въ то-же время, подъ руководствомъ молодыхъ Раевскихъ, онъ практиковался въ англійскомъ языкѣ, и эта практика состояла въ чтеніи Байрона. Знакомство съ британскомъ поэтомъ, бывшимъ въ то время властителемъ думъ и сердецъ во всей Европѣ, произвело могучее вліяніе на Пушкина, и не только на его поэтическое творчество, но и на весь образъ жизни и мыслей. Тотъ оппозиціонный задоръ, который повлекъ за собою высылку Пушкина и который до сихъ поръ скорѣе имѣлъ характеръ молодого буйства, чѣмъ какую-либо серьезную идейную подкладку, теперь окрашивается въ цвѣтъ моднаго байронизма. Байронизмъ этотъ на русской почвѣ сразу получилъ совершенно особенный характеръ. Политическая сторона байронизма стояла здѣсь на послѣднемъ планѣ; на первомъ-же было гордое и презрительное отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ обычаевъ, приличій и предразсудковъ и стремленіе къ необузданной свободѣ личности въ проявленіи глубокихъ, сильныхъ и демоническихъ страстей. Поѣздка изъ Юрзуфа въ Каменку, имѣніе Раевскихъ-Давыдовыхъ въ Кіевской губерніи, гдѣ Пушкинъ нашелъ цѣлый кружокъ людей, проникнутыхъ байронизмомъ (А. Раевскій, В. Л. Давыдовъ, князь С. Г. Волконскій, В. А. Поджіо), довершила развитіе въ немъ байроновскаго духа. Каменка подчинила себѣ Пушкина тономъ своихъ сужденій о лицахъ и предметахъ, образомъ мышленія, въ ней господствовавшимъ, способомъ относиться къ явленіямъ жизни и людямъ. Ни передъ кѣмъ такъ не старался Пушкинъ блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженій и сужденій, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что Каменка постоянно носилась передъ его глазами и служила какъ-бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроновскаго настроенія.

Между тѣмъ какъ Пушкинъ путешествовалъ,

во внѣшнемъ положеніи его устроилась новая перемѣна. Вслѣдствіе болѣзни и отпуска намѣстника Бессарабской области А. Н. Бахметева, должность его была возложена временно на Инзова, который, переѣхавъ въ Кишиневъ, перевелъ туда и попечительный комитетъ о колонистахъ южнаго края. Такимъ образомъ Пушкину пришлось прибыть изъ Каменки въ Кишиневъ, гдѣ онъ и поселился въ домѣ самого Инзова. Эта новая обстановка совершенно соотвѣтствовала байроновскому настроенію Пушкина. Населеніе Кишинева въ ту эпоху было чрезвычайно пестрое и представляло собою картинную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній»: тутъ встрѣчались на каждомъ шагу и евреи, и болгары, и турки, и французы, и итальянцы. Возстаніе грековъ наполнило городъ значительнымъ количествомъ греческихъ и молдаванскихъ фамилій, бѣжавшихъ отъ смутъ своей родины. Присутствіе ихъ сообщило Кишиневу сильный восточный характеръ, въ которомъ европейская образованность и восточное варварство смѣшивались оригинально и живописно. Пестрота, шумъ, разнообразіе и полная распущенность нравовъ тогдашняго Кишинева произвели сильное впечатлѣніе на Пушкина: онъ полюбилъ городъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій его настроенію духа.

Вмѣшавшись въ эту пеструю толпу, Пушкинъ повелъ жизнь полную развлеченій, шумныхъ пиршествъ, ухаживаній, ссоръ, дуэлей и всяческихъ приключеній. Не было многочисленнаго собранія или картежной игры, гдѣ-бы не являлся Пушкинъ, нечесаный, небритый, въ молдаванской фескѣ на головѣ, архалукѣ, въ бархатныхъ шароварахъ и съ желѣзною дубинкою въ рукахъ, вообще въ костюмѣ самомъ картинномъ, безпорядочностью своею приводившемъ въ ужасъ чопорныхъ кишиневскихъ чиновниковъ. Безпощадная насмѣшливость, готовность каждую минуту выйти изъ себя и подраться—произвели то, что Пушкинъ нажилъ себѣ въ городѣ массу враговъ и недоброжелателей. Солидные и степенные люди смотрѣли на него съ негодованіемъ, какъ на дерзкаго отрицателя всего святого, какъ на какое-то чудовище. Распространилось даже среди общества шуточное прозвище, данное Пушкину какимъ-то острякомъ—бѣсъ арабскій (каламбуръ—на слово бессарабскій). Послѣ-же двухъ дуэлей (съ З. изъ-за картъ и съ Старовымъ изъ-за того, что танцовать—вальсъ или мазурку) и дикаго скандала съ молдаваниномъ Балшемъ, Пушкина положительно стали бояться въ городѣ, какъ бретера и скандалиста. Между тѣмъ добрый и мягкій Инзовъ относился къ своему невозможному подчиненному чисто по-отечески. Онъ журилъ его послѣ каждой шалости, наказывалъ арестами, причемъ приставлялъ даже солдатъ къ его квартирѣ, или-же посылалъ въ командировки. Такъ, во второй половинѣ 1822 года, послѣ одной буйной карточной ссоры, во время которой Пушкинъ, снявши сапогъ, ударилъ противника каблукомъ въ лицо, онъ былъ посланъ въ Измаилъ, и во время этой именно поѣздки Пушкинъ, встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ.

Около трехъ лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ такою жизнью, отлучаясь очень часто то въ Кіевъ и Каменку, то въ Одессу и степи. 28 мая 1823 г. Инзовъ сдалъ должность новороссійскаго генералъ-губернатора новому начальнику, М. С. Воронцову. Тогда-же было соединено въ одной власти и управленіе Бессарабіей: административнымъ центромъ сдѣлалась Одесса, куда переѣхалъ и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора. Сначала Пушкинъ былъ очень радъ этому переводу. Его манила жизнь въ Одессѣ, шумномъ приморскомъ городѣ съ итальянской оперой, богатымъ и образованнымъ купечествомъ, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, пріѣхавшими въ край, по выбору Воронцова. Все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, какихъ Кишиневъ, потерявшій значеніе административнаго центра, не могъ уже дать. Но молодому поэту вскорѣ пришлось горько разочароваться. Оказалось, что здѣсь не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и фамиліарности отношеній къ службѣ, какія существовали въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ сразу поставилъ себя центромъ управляемой страны. Только-что пріобрѣтенный край впервые увидалъ власть со всѣми аттрибутами блеска, могущества и стойкости. Отъ подчиненныхъ прежде всего теперь требовалась бюрократическая «*порядочность*» въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главой управленія. Пушкинъ, очевидно, не могъ удовлетворить всѣмъ этимъ новымъ требованіямъ и въ то-же время видѣлъ, что тысяча глазъ слѣдятъ за его словами и поступками изъ одного побужденія—наблюдать явленіе, неподходящее къ общему строю; онъ терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ его вспышкамъ, хотя-бы и подсказаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ пытался сначала приноровиться къ новой сферѣ: обстригся, причистился, пріодѣлся; но этого было мало: по существу онъ оставался все тѣмъ-же страстнымъ, увлекающимся и необузданнымъ, а не ревностнымъ и подтянутымъ бюрократомъ, какимъ его хотѣли видѣть. Извѣстно враждебное отношеніе Пушкина къ командировкѣ, сдѣланной ему Воронцовымъ—изслѣдовать саранчу въ южныхъ степяхъ Новороссіи. Команди-

ровка придумана была Воронцовымъ съ цѣлью дать Пушкину случай отличиться по службѣ, а П. принялъ порученіе это за желаніе насмѣяться надъ нимъ, и всѣмъ извѣстенъ тотъ шуточный рапортъ въ стихахъ о саранчѣ, который былъ представленъ Пушкинымъ вмѣсто дѣловой бумаги:

Саранча летѣла, летѣла
И сѣла.
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла.

Болѣе всего оскорбляло самолюбіе Пушкина то обстоятельство, что Воронцовъ игнорировалъ въ немъ поэта и смотрѣлъ лишь, какъ на чиновника. И вотъ кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, долго сдерживая свое негодованіе, разразился, наконецъ, въ одесскомъ обществѣ потокомъ и прозаическихъ, и стихотворныхъ сарказмовъ противъ своего начальника. Сарказмы эти дошли до Воронцова, и онъ 23 марта 1824 г. обратился къ управляющему министерствомъ иностр. дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить государю о необходимости отозвать П. изъ Одессы. Въ началѣ письма, гр. Воронцовъ говоритъ, что, заставъ уже П. въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ никогда не было прежде. Если теперь онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствія главнаго его порока—самолюбія. «Здѣсь есть много людей, пишетъ гр. Воронцовъ: а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затменію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца—лорда Байрона и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ классическихъ поэтовъ могъ-бы оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказать.... Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову не пособилъ-бы ничему—Пушкинъ все-таки остался-бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ-бы еще между молодыми греками и болгарами довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо губерніи могъ-бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ вліяній лести и отъ заразительныхъ крайнихъ и опасныхъ идей». Въ концѣ-же письма гр. Воронцовъ выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Но не успѣло это письмо дойти до Петербурга, какъ о Пушкинѣ возникло новое дѣло. Незадолго до того поэтъ написалъ одному пріятелю письмо, въ которомъ находились между прочимъ слѣдующія строки: «Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю? Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ—глухой философъ и единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'etre intelligent créateur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Письмо это было перехвачено на почтѣ и какимъ-то образомъ распространилось въ спискахъ по Москвѣ. Можно себѣ представить, въ какое негодованіе привело оно тогдашнее мистическое начальство. И вотъ, 11-го іюля 1824 года, отъ гр. Нессельроде послѣдовала гр. Воронцову въ отвѣтъ на его письмо слѣдующая бумага:

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя В. Сіят. прислали мнѣ по поводу кол. секр. Пушкина. Его Величество вполнѣ согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣд-

ствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства. В. Сіят. не замедлитъ сообщить Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами».

Гр. Воронцовъ получилъ это предписаніе въ Крыму, гдѣ путешествовалъ и былъ въ это время боленъ лихорадкою. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И. Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, гр. А. Д. Гурьеву. Такъ кончилась годичная служба Пушкина въ свитѣ гр. Воронцова.

Но было-бы ошибочно думать, что всѣ эти вышеизложенныя мытарства и приключенія совершенно исчерпывали жизнь Пушкина на югѣ. По совершенно справедливому и единодушному замѣчанію всѣхъ біографовъ, Пушкинъ постоянно жилъ какою-то двойною жизнью, точно какъ-будто въ немъ подъ одною тѣлесною оболочкою были соединены два человѣка, нисколько не похожіе другъ на друга, и въ то время какъ одинъ Пушкинъ, заносчивый, высокомѣрный и тщеславный денди, задорный бретеръ, игрокъ и волокита, прожигалъ жизнь въ непрестанныхъ оргіяхъ, другой Пушкинъ, скромный и даже застѣнчивый, съ нѣжною и любящею душою, поражалъ усидчивостью и плодотворностью своей умственной дѣятельности. Можно положительно сказать, что онъ пожиралъ всѣ книги, какія только попадались ему на глаза и въ Кіевѣ — у Раевскихъ, и въ Каменкѣ—у Давыдовыхъ, и въ Кишиневѣ—у Инзова, у Орлова, Пущина, И. П. Липранди. Не ограничиваясь однимъ чтеніемъ, онъ дѣлалъ большія выписки изъ книгъ. Въ то-же время онъ собиралъ народныя пѣсни, легенды, этнографическіе документы. Подъ конецъ-же пребыванія на югѣ страсть къ собиранію книгъ развилась у него до такой степени, что онъ сравнилъ себя со стекольщикомъ, разоряющимся на покупку необходимыхъ ему алмазовъ. Большая часть его денегъ уходила этимъ путемъ, и превосходная библіотека, оставленная имъ послѣ смерти, свидѣтельствуетъ о разнообразіи и основательности его чтенія. Между прочимъ онъ успѣлъ выучиться на югѣ по-англійски и довершилъ знаніе итальянскаго языка. Съ жадностью слѣдилъ онъ за ходомъ греческаго возрожденія и велъ даже журналъ событіямъ его.—Не ограничиваясь одними книгами, Пушкинъ, по словамъ И. П. Липранди, прибѣгалъ даже къ хитрости для пополненія недостающихъ ему свѣдѣній: онъ искусственно возбуждалъ споры о предметахъ, его интересовавшихъ, у людей болѣе въ нихъ компетентныхъ, чѣмъ онъ самъ, и затѣмъ пользовался указаніями спора для пріобрѣтенія нужныхъ ему сочиненій.

Какъ плодовито въ то-же время было его творчество, можно судить по тому, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ жизни его на югѣ были написаны имъ, кромѣ массы лирическихъ стихотвореній, всѣ поэмы его байроновскаго стиля: въ 1821 году—«Кавказскій плѣнникъ» и «Братья-Разбойники», въ 1822-мъ—«Бахчисарайскій фонтанъ», въ 1824-мъ—«Цыганы»; рядомъ со всѣмъ этимъ въ 1823-мъ году была уже написана имъ первая глава «Евгенія Онѣгина». Сверхъ того, по черновымъ тетрадямъ, оставшимся послѣ Пушкина, можно судить, что въ разгарѣ своего байроновскаго свободомыслія онъ задумывалъ политическую трагедію «Вадимъ», предполагая написать картину заговора и возстанія «славянскихъ племенъ» противъ иноплеменнаго ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали. Все содержаніе новой трагедіи должно было вертѣться около движенія народныхъ массъ и служить апоѳеозой гражданскимъ доблестямъ ихъ руководителя Вадима, причемъ и *«славянскія племена»*, и *«иноплеменники»* составляли только весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрать настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, подразумѣваемыхъ трагедіей. Тѣ-же черновыя тетради свидѣтельствуютъ, что тогда-же Пушкинъ началъ-было писать сатирическую поэму, дѣйствіе которой должно было происходить въ аду, при дворѣ сатаны. Наконецъ къ 1822 году слѣдуетъ отнести и ту рукописную поэму, которая была навѣяна очевидно чтеніемъ Вольтера и впослѣдствіи доставила ему не мало раскаяній, навлекши непріятности со стороны духовенства.

Находясь подъ вліяніемъ Байрона и А. Шенье, увлекаясь въ то-же время Овидіемъ и сравнивая свою участь съ участью древняго изгнанника, сосланнаго на тѣ-же самые берега Дуная,—въ то-же время Пушкинъ и самъ не замѣчалъ, какъ изъ него вырабатывался совершенно самобытный народный русскій художникъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ болѣе и болѣе проглядывало совершенно новое направленіе, о которомъ въ то время никто еще не помышлялъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ друзья и приверженцы Пушкина ставили его во главѣ русскаго романтизма, въ то время какъ Пушкинъ, въ горячей перепискѣ съ друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ) разсуждалъ о животрепещущихъ литературныхъ вопросахъ того вре-

мени и о задачахъ критики, путался въ опредѣленіи того самаго романтизма, во главѣ котораго его ставили, никому и въ голову не приходило, что вовсе не романтизмъ составляетъ главную силу и достоинство новыхъ произведеній Пушкина, а ихъ непосредственная, органическая связь съ окружающею поэта жизнью. Но слово *реализмъ* не было еще въ то время произнесено въ нашей литературѣ.

И дѣйствительно, все то обновленіе, которое внесъ Пушкинъ въ нашу литературу, и весь переворотъ, который онъ произвелъ, главнымъ образомъ заключались въ томъ, что по самому существу своему Пушкинъ обладалъ глубоко реальнымъ чутьемъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, съ лицейскихъ стихотвореній уже, онъ творитъ по большей части подъ непосредственнымъ внушеніемъ впечатлѣній жизни. Тоже самое мы видимъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности—байроническомъ. И здѣсь живыя впечатлѣнія постоянно берутъ перевѣсъ, вытѣсняютъ чуждыя, заимствованныя вѣянія, и этимъ живымъ впечатлѣніямъ обязанъ былъ Пушкинъ лучшимъ, что только создано имъ въ этотъ періодъ. Слѣдя за его жизнью въ связи съ творчествомъ, вы видите, какъ сама жизнь непосредственно внушаетъ ему его созданія: подъ впечатлѣніемъ Кавказа является «Кавказскій плѣнникъ», Крыму былъ обязанъ Пушкинъ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», поѣздкою въ Измаилъ обусловливается поэма «Цыганы». — Обратите затѣмъ вниманіе на то, что является лучшимъ, наиболѣе художественнымъ и обаятельнымъ во всѣхъ этихъ поэмахъ. Конечно, не характеры героевъ, безцвѣтные и отвлеченные, внушенные вліяніемъ Байрона, а живыя картины мѣстной природы и быта. До такой степени тогда уже реализмъ составлялъ главную суть его генія, что каждый разъ, когда онъ сходилъ съ реальной почвы, онъ начиналъ мучиться въ тщетныхъ усиліяхъ создать что-либо, и творчество покидало его. Этимъ и объясняются неудачи его создать трагедію «Вадимъ», сатирическую поэму изъ адской жизни; наконецъ извѣстно, что и поэму «Братья-Разбойники» Пушкинъ не кончилъ и сжегъ, и то, что мы имѣемъ подъ этимъ названіемъ, составляетъ лишь отрывокъ, случайно уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго. Все это Пушкину не удалось именно потому, что здѣсь онъ не имѣлъ живыхъ красокъ, непосредственно навѣянныхъ дѣйствительностью, и долженъ былъ создавать отвлеченно. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ»-же онъ сознательно уже становится на реальную почву. Когда появилась первая глава романа еще въ рукописи, друзья Пушкина увидѣли въ ней подражаніе байроновскому Донъ-Жуану; но Пушкинъ съ жаромъ возсталъ на это мнѣніе, возражая, что ничего нѣтъ общаго между Онѣгинымъ и Донъ-Жуаномъ; что у него и въ помышленіи не имѣлась байроновская сатира; что первая глава романа есть не болѣе, какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ; что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что будетъ далѣе, а далѣе, конечно, и тогда уже носились передъ его глазами картины русской жизни со всѣми ея особенностями.

Наконецъ, къ этому-же періоду жизни Пушкина относится впервые возникшее въ немъ сознаніе, что онъ можетъ существовать безъ службы, безъ покровительства властей и посторонней поддержки, однимъ своимъ литературнымъ трудомъ. До тѣхъ поръ стихи давали ему очень мало денегъ: «Русланъ» и «Кавказскій плѣнникъ» оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Н. И. Гнѣдичъ, раздѣлался съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему 500 р. асс. и одинъ экземпляръ поэмы. Не то было съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ». Изданіе его принялъ на себя кн. П. А. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. асс., да и то, какъ кажется, этимъ не ограничившійся.

V.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. 1824—1826.

Пушкинъ выѣхалъ изъ Одессы 30-го іюля 1824 г., получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елизаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясною цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить на пути.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя свою подписку. По донесенію Псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ Михайловское, гдѣ его ожидали близкіе—отецъ, мать, братъ и сестра. Но не радостна была встрѣча опальнаго сына съ родителями, не видавшими его нѣсколько лѣтъ. Трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно и за самихъ себя, и за остальныхъ членовъ семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями, къ тому-же за атеизмъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на дружбу поэта съ младшимъ братомъ и сестрою, опасаясь, что онъ совратитъ и ихъ въ безбожіе. Между тѣмъ начальникъ края, маркизъ Паулуччи, поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, Пещурову, пригласить отца Пушкина принять на себя надзоръ за поступками сына, обѣщаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей

стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за нимъ наблюдателей. Серг. Льв. имѣлъ слабость принять это предложеніе, и что изъ этого вышло, можно судить по слѣдующему письму Пушкина къ Жуковскому, 31-го окт. 1824 г.:

«Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ, какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче—быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясняться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу: нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что̀ у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ. Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ... Потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ отъ меня съ уголовнымъ обвиненіемъ? — Рудниковъ сибирскихъ, лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня. Поспѣши, обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что̀ будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я «hors de lois».

Въ то-же время псковскому губернатору Бор. Ант. Адеркасу Пушкинъ писалъ:

«М. Г. Борисъ Антоновичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ обезпечить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его имп. вел., да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего пр—ства».

Совѣты-ли Жуковскаго, или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на Сергѣя Льв.; только, уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ отказъ отъ возложенной на него обязанности наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась однакоже вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ надзора и ласково принятъ молодымъ государемъ. Во второй разъ такимъ образомъ Серг. Льв. мирился съ сыномъ, благодаря лишь его успѣхамъ.

Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824 и 25 гг. Надзоръ за нимъ перешелъ опять къ Пещурову, а для религіознаго руководства назначенъ былъ настоятель сосѣдняго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый и, какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени навѣщалъ поэта въ деревнѣ.

Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ оффиціально былъ вызванъ въ Псковъ для представленія мѣстному начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда-же являлся на базаръ и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ мужицкомъ костюмѣ. Дѣлалъ-ли онъ это ради изученія народности, или это было такое-же шутовство, которое побудило его въ Кишиневѣ носить восточные костюмы, неизвѣстно. Рядомъ съ этимъ стоитъ другой анекдотъ, что въ годовщину смерти Байрона Пушкинъ отправился въ Святогорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставившемся бояринѣ Георгіи.

Образъ жизни Пушкина въ деревнѣ напоминаетъ жизнь Онѣгина въ IV главѣ романа. Онъ также вставалъ рано и тотчасъ-же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горой рѣчкѣ и купался. Зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ своимъ завтракомъ. Утро посвящалъ онъ литературнымъ занятіямъ: созданію и приготовительнымъ трудамъ, чтенію, выпискамъ, планамъ. Осенью— въ эту всегдашнюю эпоху его сильной производительности — онъ принималъ чрезвычайныя мѣры противъ разсѣянности и вообще красныхъ дней: или не покидалъ постели, или не одѣвался вовсе до обѣда. По замѣчанію одного изъ его друзей, онъ и въ столицахъ оставлялъ до осенней деревенской жизни исполненіе всѣхъ творческихъ своихъ замысловъ и въ нѣсколько мѣсяцевъ сырой погоды приводилъ ихъ къ окончанію. Пушкинъ былъ между прочимъ неуто-

мимый ходокъ пѣшкомъ и много ѣздилъ верхомъ, но во всѣхъ его прогулкахъ поэзія неразлучно сопутствовала ему. Самъ онъ разсказывалъ, что, бродя надъ озеромъ, тѣшился тѣмъ, что пугалъ дикихъ утокъ сладкозвучными строфами своими. Если случалось ему оставаться дома безъ дѣла и гостей, онъ игралъ двумя шарами на билліардѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней, Ариной Родіоновной. Онъ посвящалъ почтенную старушку во всѣ тайны своего генія. Арина Родіоновна была посредницей въ его сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ изученіи повѣрій, обычаевъ и самыхъ пріемовъ народа, съ какими подходилъ онъ къ вымыслу и поэзіи. Пушкинъ отзывался о нянѣ, какъ о послѣднемъ своемъ наставникѣ, и говорилъ, что этому учителю онъ много обязанъ исправленіемъ недостатковъ своего первоначальнаго, французскаго воспитанія.

Въ двухъ верстахъ отъ Михайловскаго лежитъ село Тригорское, гдѣ жило доброе, благородное семейство Пр. Ал. Осиповой, съ которымъ Пушкинъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, часто тамъ обѣдывалъ, заходилъ туда въ своихъ прогулкахъ и проводилъ тамъ цѣлые дни, пользуясь искреннею дружбою и привязанностью всѣхъ членовъ его. Онъ посвятилъ Пр. Ал. Осиповой свои подражанія корану, написанныя, можно сказать, передъ ея глазами, и вообще семейство это дѣйствовало успокоительно на Пушкина. Онъ встрѣчалъ въ немъ и строгій умъ, и расцвѣтающую молодость, и рѣзвость дѣтскаго возраста; усталый отъ увлеченій первой эпохи своей жизни, Пушкинъ находилъ удовольствіе въ тихомъ чувствѣ и родственной веселости: граціозная гримаса, дѣтская шалость нравились ему и занимали его. Двѣ старшія дочери Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Вульфъ, составляли между собою такую-же противоположность, какую мы видимъ между Татьяной и Ольгой въ «Ев. Онѣгинѣ», и существуютъ догадки, что Пушкинъ написалъ свои безсмертные типы именно подъ вліяніемъ созерцанія этихъ двухъ барышень. Кромѣ нихъ тутъ были еще многочисленныя кузины, напр., Анна Ивановна, впослѣдствіи Трувенеръ (въ семействѣ ее называли Netty), Анна Петровна Кернъ, оставившая записки о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Алек. Ив. Осипова (Алина), кузина Вельяшева; всѣ онѣ были почтены Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр.

Но Пушкинъ, оставаясь холоднымъ зрителемъ всѣхъ волненій этой мирной сельской жизни, мало принималъ въ нихъ личнаго участія; мысль его постоянно жила въ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы съ печатью, изукрашенною такими-же кабалистическими знаками, какіе находились и на его перстнѣ,—постоянно составляло событіе въ уединенномъ Михайловскомъ. Пушкинъ запирался тогда въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ настроенія поэта при такихъ случаяхъ служитъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г.

Въ то-же время однообразіе деревенской жизни такъ сильно тяготило Пушкина, что онъ постоянно рвался изъ своего заточенія, мечтая о бѣгствѣ за границу. Уже въ Одессѣ начались у Пушкина помыслы о бѣгствѣ; это видно изъ стихотворенія «Къ морю» (1824 г.), гдѣ говорится, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «поэтическій побѣгъ» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «свободной стихіи». Затѣмъ, въ письмѣ къ брату Льву Серг. весной 1824 г. изъ Одессы, Пушкинъ пишетъ, что онъ два раза просилъ о заграничномъ отпускѣ съ юга Россіи и оба раза не получалъ дозволенія. «Осталось одно, добавляетъ онъ: взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не втерпежъ». Въ Михайловскомъ онъ постоянно строилъ планы бѣгства въ сообществѣ съ старшимъ сыномъ Осиповой, дерптскимъ студентомъ А. Н. Вульфомъ, который пріѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ-же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы. Сначала Вульфъ, мечтая ѣхать за границу, предлагалъ Пушкину увезти его съ собой подъ видомъ слуги. Но затѣмъ, когда подобный фантастическій замыселъ оказался неудобоисполнимымъ, друзья составили новый планъ. Пушкинъ выдумалъ у себя мнимый аневризмъ и обратился, при посредствѣ родныхъ, съ просьбою къ высшимъ властямъ о разрѣшеніи ему отправиться въ Дерптъ лечиться у дерптскаго профессора хирургіи И. Ф. Мойера (родственника Жуковскаго). Друзьямъ казалось, что изъ Дерпта ничего уже не стоило удрать за границу. Но и этотъ планъ остался безъ осуществленія, такъ какъ Пушкину вышло разрѣшеніе ѣхать лечиться всего на все въ Псковъ.

Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года, и въ этихъ мечтахъ и порываніяхъ незамѣтно подкралось 14 декабря. Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый человѣкъ Осиповой вернулся изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками, и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Всю ночь провелъ онъ въ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ, что онъ долженъ самолично встрѣтить политическій переворотъ, дарящій ему

такъ внезапно полную свободу, и принять участіе по крайней мѣрѣ въ дальнѣйшей судьбѣ, если онъ уже не могъ участвовать въ его подготовленіи. Ему казалось необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ. И вотъ, не медля, раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, но, не доѣхавъ до первой станціи, онъ вернулся обратно въ деревню вслѣдствіе дурныхъ примѣтъ: именно, при выѣздѣ изъ Михайловскаго, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда онъ выбрался въ поле, заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу.

Послѣдствія бунта не замедлили оправдать эти дурныя примѣты. Пушкинъ пришелъ въ ужасъ и первымъ дѣломъ началъ бросать въ огонь письма и бумаги, мало мальски компрометирующія его; такъ, между прочимъ сжегъ онъ свою автобіографію, которую писалъ въ то время. Каждый день приносилъ извѣстія объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся въ чемъ-либо. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начинала образовываться пустота, словно послѣ жаркой битвы. Нѣсколько разрозненныхъ и уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслью о спасеніи самихъ себя. То-же приходилось дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу состоялъ въ томъ, чтобы обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежде. Въ началѣ 1826 года Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее лыбопытное письмо, видимо составленное и перебѣленное такъ, чтобы его можно было показывать, кому слѣдуетъ: «Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились до-сыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особливо нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6 лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14 декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни-было, я желалъ-бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого кромѣ его не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости, съ моей стороны Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Друзья Пушкина не замедлили принять горячее участіе въ его стремленіи къ освобожденію, и изъ Петербурга сообщены были ему правильные, формальные пути къ нему. Пушкинъ исполнилъ въ точности программу друзей, и когда наступила надлежащая минута, онъ представилъ псковскому губернатору Адеркасу слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя:

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ 1824 г., имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно афеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ исключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

«Нынѣ, съ надеждой на великодушіе Вашего Имп. Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), осмѣлился я прибѣгнуть къ В. Имп. В. со всеподданнѣйшею моею просьбою:

«Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края».

Къ прошенію были приложены медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы о болѣзни Пушкина и слѣдующее обязательство его: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу *и никогда не зналъ о нихъ*. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Прошеніе Пушкина, препровожденное Адеркасомъ генералъ-губернатору, маркизу Паулуччи, а имъ графу К. В. Нессельроде, лежало безъ движенія въ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ, до дня коронованія. Черезъ шесть дней послѣ этого событія, именно 28 августа, состоялась высочайшая резолюція о препровожденіи Пушкина съ фельдъегеремъ въ Москву.

Между тѣмъ какъ во внѣшней жизни Пушкина происходили всѣ эти событія, во внутреннемъ мірѣ его совершился весьма важный переворотъ во время его пребыванія въ Михайловскомъ.

Здѣсь онъ окончательно отдѣлался отъ байронизма и увлекся теперь уже Шекспиромъ. Поэма «Цыганы», написанная въ 1824 году, была послѣднею данью направленію, которому онъ подчинялся на югѣ. Уже въ 1825 году онъ пишетъ Н. Н. Раевскому: «Правдоподобіе изложеній и истина разговора — вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего на всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера: у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому — свою ненависть, третьему — меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера — полнаго, мрачнаго и энергичнаго — создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія»...

Увлеченіе Шекспиромъ повело Пушкина къ весьма благотворнымъ результатамъ. Во первыхъ, подъ вліяніемъ великаго драматурга, умѣвшаго сохранять геніальную простоту и вѣрность дѣйствительности даже въ моменты самаго трагическаго паѳоса, Пушкинъ окончательно выступаетъ на путь реализма. Недаромъ въ томъ-же самомъ письмѣ онъ говоритъ: «есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова «Озлобленнаго»: «онъ заплатилъ»! (ha payeto). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость — *развѣ это естественно?* Отсюда и неловкость, и робкость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать *съ полнойю непринужденностью жизни*, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру».

Во вторыхъ, подъ вліяніемъ изученія Шекспира и особенно его хроникъ, Пушкинъ тогда уже началъ проникаться тѣмъ исторически объективнымъ взглядомъ на жизнь, какой мы видимъ во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ послѣдняго періода его дѣятельности. Наконецъ Шекспиру-же былъ обязанъ Пушкинъ и тѣмъ, что онъ съ бо̀льшимъ еще усердіемъ, чѣмъ прежде, бросился на собираніе русскихъ пѣсенъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его пришли въ лихорадочное напряженіе вслѣдствіе чтенія Шекспира, то онъ тотчасъ-же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и въ теченіе 1825 года написалъ свою «Комедію о царѣ Борисѣ», которой прощался со всѣми старыми своими направленіями и начиналъ новый періодъ своего развитія.

Одновременно съ драмою «Борисъ Годуновъ» Пушкинъ успѣлъ написать въ Михайловскомъ: шесть главъ «Евгенія Онѣгина», «Графа Нулина», въ свою очередь навѣяннаго чтеніемъ Шекспира, и свои записки, сожженныя имъ послѣ 14-го декабря. Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ чтенія Тацита, которое онъ сопровождалъ своими «замѣтками», онъ тогда уже написалъ стихотворную часть «Египетскихъ ночей». Мы не упоминаемъ здѣсь о массѣ мелкихъ его произведеній, написанныхъ въ это-же время. Такъ богата и плодотворна была его поэтическая дѣятельность въ тиши уединенія села Михайловскаго.

VI.

Послѣдніе годы холостой жизни А. С. Пушкина. 1826—1831.

Появленіе въ селѣ Михайловскомъ фельдъегеря, пріѣхавшаго за Пушкинымъ, произвело всеобщій ужасъ и недоумѣніе. Всѣмъ показалось, что поэтъ совсѣмъ исчезалъ изъ числа живыхъ. Это было 2-го или 3-го сентября. Пушкинъ весело провелъ вечеръ въ Тригорскомъ и часу въ 11-мъ отправился домой, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день рано утромъ въ Тригорское прибѣжала няня Пушкина, Арина Родіоновна, съ поразительнымъ извѣстіемъ, что какой-то человѣкъ, не то солдатъ, не то офицеръ, наскакавшій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собой Пушкина, и при томъ такъ заторопилъ его, что Пушкинъ успѣлъ только накинуть на себя шинель и захватить деньги.

По пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ былъ тотчасъ-же представленъ императору Николаю. Вотъ какъ разсказываетъ впослѣдствіи Ан. Гр. Хомутовой объ этомъ представленіи самъ Пушкинъ.

«Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и, всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— «Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?» — Я отвѣчалъ, какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ: — «Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?» — «Непремѣнно, государь: всѣ друзья мои были въ заговорѣ, и я не могъ-бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!» — «Довольно ты надурачился, возразилъ императоръ: надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ, и мы

болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ».

Сверхъ того разсказываютъ еще о слѣдующей подробности свиданія Пушкина съ императоромъ Николаемъ: поэтъ и здѣсь остался поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошелъ до того, что, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ».

Между тѣмъ вѣсть объ освобожденіи Пушкина по милостивой аудіенціи, полученной имъ у Государя, быстро разнеслась по Москвѣ, и въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной. И въ великосвѣтскихъ салонахъ, и въ литературныхъ кружкахъ Пушкинъ былъ принятъ, какъ первый гость; вездѣ встрѣчали его восторженныя оваціи и поклоненіе. Послѣ шестилѣтней ссылки, увлекшись свободою, Пушкинъ весело кружился въ шумѣ и вихрѣ московской жизни, только-что отпраздновавшей коронацію. То было горячее литературное время въ Москвѣ: на безпрерывныхъ и многочисленныхъ литературныхъ собраніяхъ обсуждались животрепещущіе вопросы, литературные и философскіе, начиная съ судебъ русской словесности до судебъ самой Россіи. Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія «Московскаго Вѣстника» и затѣмъ на двухъ собраніяхъ читалъ свою новую, только-что написанную драму, сначала у С. А. Соболевскаго, а потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи слушатели состояли изъ тѣснаго, интимнаго кружка близкихъ знакомыхъ хозяина: П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Второе-же чтеніе, 12-го сентября, происходило при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ; здѣсь, кромѣ братьевъ Веневитиновыхъ, присутствовали братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій и др. Чтеніе это кончилось шумными оваціями. «Мы смотрѣли другъ на друга долго, вспоминаетъ объ этомъ чтеніи Погодинъ, и потомъ бросились къ Пушкину; начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія... Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Дмитрія Самозванца», о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ. О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ!»

Но не долго продолжалось радостное настроеніе Пушкина подъ первымъ впечатлѣніемъ только-что полученной свободы. Онъ не замедлилъ вскорѣ горько разочароваться и убѣдиться, что эта свобода была крайне условна и ограничена. Между тѣмъ какъ онъ безпечно наслаждался свѣтскою жизнью въ Москвѣ и упивался литературными оваціями, онъ и не замѣтилъ, какъ нажилъ себѣ врага въ всесильномъ гр. Бенкендорфѣ, который каждый день ждалъ отъ него визита, но, не дождавшись, обратился къ нему съ слѣдующимъ письмомъ отъ 30 сентября:

«М. Г. Ал. С. Я *ожидалъ пріѣзда Вашего*, чтобы объявить высочайшую волю, по просьбѣ вашей, но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ *и не надѣясь видѣть здѣсь*, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобъ предварительно испрашивали разрѣшеніе черезъ письмо. Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, Его Имп. Величеству благоугодно, чтобъ вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тотъ обширнѣйшій кругъ, *что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія*. Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ. Объявляя вамъ его монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете до представленія его величеству доставить ко мнѣ; но впрочемъ отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя».

Пушкинъ и не замѣтилъ въ этомъ письмѣ намека гр. Бенкендорфа на то, что поэтъ не удостоилъ его посѣщенія. Напротивъ того, онъ былъ въ восхищеніи отъ письма графа и показывалъ его всѣмъ и каждому, какъ выра-

женіе лестной для него царской милости. Онъ воображалъ, что въ подчиненіи его высочайшей цензурѣ самого государя заключается такое-же довѣріе къ нему, какимъ пользовался нѣкогда Карамзинъ. Но онъ не замедлилъ горько разочароваться въ этомъ. Въ письмѣ гр. Бенкендорфа не было договорено самаго главнаго: именно, что Пушкинъ не только не могъ ничего печатать до высочайшаго просмотра, но и показывать кому-либо вновь написанное. И вотъ, когда Пушкинъ мирно отдыхалъ въ с. Михайловскомъ послѣ всѣхъ московскихъ овацій, вдругъ онъ получаетъ 22 ноября слѣдующаго рода строгое внушеніе отъ гр. Бенкендорфа:

«М. Г. А. С.! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія и распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли-бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или черезъ посредство мое, или даже прямо его императорскому величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи моего отзыва, я долженъ, однако-же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ. Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Это меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо-ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобъ не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго».

Письмо это произвело на Пушкина самое подавляющее впечатлѣніе. Онъ убѣдился, что участь его чуть-ли не болѣе зависитъ отъ гр. Бенкендорфа, чѣмъ отъ государя, и тотчасъ-же написалъ въ Москву М. П. Погодину, съ которымъ онъ условился участвовать въ его новомъ журналѣ, чтобы тотъ остановилъ печатаніе его произведеній: «Милый и почтенный, писалъ онъ: ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ—хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до скораго свиданья. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся».

Въ тотъ-же день (29 ноября) онъ послалъ гр. Бенкендорфу извинительное письмо въ самыхъ подобострастныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ, изъясняя, что онъ дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ препровождалъ на высочайшее усмотрѣніе свою трагедію. Затѣмъ, по требованію гр. Бенкендорфа, были высланы и стихи, предназначенные Пушкинымъ къ печати, каковы были: «Анчаръ», «Стансы», 3-я глава «Онѣгина», «Фаустъ», «Друзьямъ» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Всѣ эти произведенія, кромѣ двухъ послѣднихъ, были разрѣшены. Относительно «Пѣсней о Стенькѣ Разинѣ», гр. Бенкендорфъ писалъ Пушкину, что «онѣ, при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что, сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева». Пѣсни эти не были возвращены Пушкину, и онѣ до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ спискахъ.

Въ декабрѣ послѣдовалъ докладъ гр. Бенкендорфа государю о драмѣ Пушкина. Императоръ, прочтя драму, замѣтилъ нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была-бы болѣе выполнена, если-бы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ В. Скотта. Пушкинъ отвѣчалъ гр. Бенкендорфу на извѣщеніе его объ этомъ: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Принявъ этотъ высочайшій отзывъ за неблагопріятный, Пушкинъ положилъ свою драму въ портфель, гдѣ она пролежала до 1829 г., когда онъ рѣшился вновь представить ее на высочайшее благоусмотрѣніе. Но и во второй разъ пьеса не получила одобренія; потребовалось перемѣнить нѣкоторыя тривіальныя мѣста, слова и выраженія, слишкомъ простонародныя и нарушающія скромность, замѣнить названіе «комедія» драмою, и лишь послѣ новыхъ измѣненій пьеса могла явиться въ свѣтъ въ 1831 году.

Въ концѣ того-же 1826 года Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу заказанную «Записку о народномъ воспитаніи», гдѣ ясно отражается вся та паника, которую переживалъ поэтъ въ это время. Вы видите въ ней поразительное сплетеніе подчиненія взглядамъ государственныхъ сановниковъ въ родѣ гр. Бенкендорфа съ стремленіемъ провести либеральную тенденцію. Тѣмъ не менѣе записка не понравилась, и гр. Бенкендорфъ 23 дек. 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: «Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто-бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для об-

щаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Все это показываетъ, какими подозрительными глазами все еще смотрѣли на Пушкина, и какъ тѣсенъ былъ кругъ дарованной ему свободы. Отеческія внушенія гр. Бенкендорфа преслѣдовали поэта не только за каждый мало-мальски неосторожный шагъ, но и безъ всякаго повода, въ зачетъ, такъ сказать, будущаго. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1827 г. онъ обратился съ просьбой о разрѣшеніи пріѣзда въ Петербургъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и хотя разрѣшеніе ему было дано, но гр. Бенкендорфъ не преминулъ при этомъ внушить поэту: «Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано».

Благонадежность Пушкина еще болѣе поколебалась въ глазахъ полиціи, когда въ 1827 г. возгорѣлось дѣло о стихотвореніи «Андрей Шенье». Стихотвореніе это, посвященное Н. Н. Раевскому, было написано Пушкинымъ въ началѣ 1825 г. и помѣщено въ первомъ собраніи его стихотвореній, изданномъ въ 1826 г. Цензура, разсмотрѣвъ стихотвореніе 8-го окт. 1825 г. (слѣдовательно за 2 мѣсяца до 14-го декабря), выпустила изъ него 44 стиха (со стиха «Привѣтствую тебя» и до стиха «И буря мрачная»). Между тѣмъ этотъ отрывокъ распространился по Москвѣ, какъ стихотвореніе, написанное будто-бы Пушкинымъ спеціально по поводу 14 дек. Одинъ изъ списковъ съ надписью «По поводу 14 дек.», принадлежавшій кандидату московскаго университета Ал. Леопольдову, попалъ въ руки полиціи, и вотъ возгорѣлось дѣло, длившееся два года. Пушкинъ неоднократно былъ призываемъ по этому дѣлу, и относительно его состоялся слѣдующій указъ Пр. Сената: «хотя Пушкина надлежало-бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но, какъ преступленіе сдѣлано имъ до манифеста 22 авг. 1826 г., то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою впредь никакихъ своихъ стихотвореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливаться выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія». Государствен. совѣтъ, сверхъ этого, усмотрѣвъ въ самыхъ отвѣтахъ Пушкина на слѣдствіи неприличныя выраженія, присудилъ его къ секретному полицейскому надзору. Замѣчательно, что это опредѣленіе государств. совѣта, состоявшееся 29 авг. 1828 г., при постоянныхъ разъѣздахъ Пушкина, слѣдовало за нимъ по пятамъ изъ губерніи въ губернію и, наконецъ, было объявлено ему московскою полиціею лишь въ концѣ января 1831 г., за нѣсколько дней до свадьбы.

Всѣ эти непріятности сильно вліяли на расположеніе духа Пушкина и его душевное спокойствіе. Онъ часто теперь хандрилъ, находился въ раздраженномъ, нервномъ состояніи; раскаяніе о годахъ молодости, утраченныхъ въ «праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы», мысли о смерти начали посѣщать его чаще и чаще. Онъ ведетъ теперь кочующую жизнь, нигдѣ не оставаясь болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, словно не можетъ найти себѣ мѣста на землѣ. Трудно слѣдить за всѣми его постоянными переѣздами въ этотъ періодъ времени. То онъ бросается въ омутъ столичной жизни и стремится словно забыться отъ снѣдающей его тоски, снова предаваясь свѣтскимъ развлеченіямъ, оргіямъ и картамъ; то, напротивъ того, бѣжитъ изъ столицъ и клянетъ столичную жизнь. Такъ, напр., лѣтомъ 1827 г. онъ писалъ П. А. Осиповой: «Нелѣпость и глупость обѣихъ нашихъ столицъ равносильна, хотя и различна, и такъ какъ я стараюсь быть безпристрастнымъ, то если-бы мнѣ предоставленъ былъ выборъ между обоими городами, я избралъ-бы Тригорское, подобно арлекину, который на вопросъ, что онъ предпочитаетъ—быть колесованнымъ или повѣшеннымъ—отвѣчалъ: я предпочитаю молочный супъ». Въ свою очередь, въ январѣ 1828 г. онъ пишетъ въ Тригорское: «для меня шумъ и суета петербургской жизни дѣлаются все болѣе и болѣе несносными, и я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и прелестный берегъ Сороти; видите, милостивая государыня, что настроеніе мое еще поэтично, не смотря на гадкую прозу моей настоящей жизни».

И въ то время, какъ городская жизнь его раздражаетъ и злитъ, деревня, совершенно наоборотъ, сравнительно съ его юными годами, успокаиваетъ его нервы, и онъ снова дѣлается среди деревенской обстановки ясенъ душой и веселъ. Такъ, уѣхавши осенью 1828 года въ Малинники, деревню Тверской губерніи, принадлежавшую Пр. Алек. Осиповой, онъ пишетъ оттуда Дельвигу въ ноябрѣ: «Здѣсь очень весело. Прасковью Алек. люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито (ученая собака, которая въ то время показывалась въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій, родственникъ Осиповой) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На-дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда-же ѣхать. Мать

принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но Петръ Марк. ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте чернослива, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ, весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ, и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ облизываясь, но, увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ. Я съ ними вожусь платонически, и оттого толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ».

Но эти возвраты яснаго и рѣзваго настроенія духа, словно послѣдніе проблески юности, посѣщаютъ Пушкина теперь довольно рѣдко и быстро смѣняются снова тревожнымъ и мрачнымъ настроеніемъ, и снова онъ мечется, не зная, куда ему дѣться. Такъ, въ началѣ турецкой войны онъ заявляетъ вдругъ желаніе участвовать въ ней. Въ январѣ 1830 г. просится заграницу или сопровождать нашу миссію въ Китай. Всѣ эти планы не получили разрѣшенія. За то въ мартѣ 1829 г. онъ, не испрашивая никакого разрѣшенія, уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ, находясь въ русскомъ лагерѣ подъ Эрзерумомъ, словно нарочно искалъ смерти, становясь подъ непріятельскія пули. Плодомъ этой поѣздки и было его «Путешествіе въ Эрзерумъ во время похода 1829 года».

Самовольное путешествіе на Кавказъ, равно какъ и стремительный переѣздъ изъ Петербурга въ Москву въ мартѣ 1830 года съ цѣлью ухаживанія за своей будущей женой, не обошлись Пушкину безъ нагоняя со стороны гр. Бенкендорфа, и онъ писалъ Пушкину, что «всѣ непріятности, которымъ онъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ *собственному своему поведенію*». Удрученный этимъ письмомъ, Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 г. онъ каждую весну проводилъ въ Москвѣ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительнаго разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его—поѣздки въ Эрзерумъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ выражалъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и, описывая себя въ гоненіи, говоритъ, что другіе еще болѣе злопамятствуютъ ему, и что гр. Бенкендорфъ *остается единственнымъ его защитникомъ*: «Если завтра, прибавилъ онъ, вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму». При этомъ поэтъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью гр. Бенкендорфу и, злобясь на него, по словамъ поэта, за критики, впрочемъ не имъ писанныя, готовъ въ остервенѣніи своемъ рѣшиться на все.

Гр. Бенкендорфъ успокоивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурного о немъ, что журналистъ этотъ вовсе не близокъ къ нему и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его.

Къ этому-же времени относится сватовство Пушкина. Онъ познакомился съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой въ 1828 г., когда Н. Н. было всего 15 лѣтъ. Онъ былъ представленъ ей на балѣ и тогда-же сказалъ, что участь его будетъ навѣки связана съ молодой особой, обращавшей на себя всеобщее вниманіе. Въ 1830 г. прибытіе части Высоч. двора въ Москву оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Н. Н. участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ гостей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ московскимъ генер.-губерн. Дм. Вл. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. И вотъ стремительно уѣхавъ въ Москву, какъ мы выше говорили, онъ возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтл. Хр. Воскресенія, 21 апр. 1830 г., онъ сдѣлалъ семейству Н. Н. предложеніе, которое и было принято.

Вслѣдъ за тѣмъ въ исходѣ лѣта Пушкинъ отправился въ Петербургъ для устройства своихъ дѣлъ и переговоровъ съ отцомъ касательно основанія будущаго своего дома и состоянія. Серг. Льв. выдѣлилъ сыну часть своего родового имѣнія Болдина, Нижегородской губерніи, и Пушкинъ отправился туда въ августѣ 1830 г. для принятія своего наслѣдства. Въ Болдинѣ провелъ онъ осень и часть зимы, окруженный со всѣхъ сторонъ карантинами по случаю холеры, и, равнодушный къ своей собственной особѣ, сильно безпокоился объ участи родныхъ.—Только въ декабрѣ успѣлъ онъ пробраться въ Москву съ свидѣтельствомъ для залога въ Опекунскомъ Совѣтѣ выдѣленной ему части. Новый 1831 годъ засталъ его въ приготовленіяхъ къ женитьбѣ, но за мѣсяцъ до свадьбы его расположеніе духа было вновь омрачено извѣстіемъ о смерти Дельвига 14 янв. 1831 г., и эта внезапная смерть ближайшаго друга и однокашника сильно потрясла его и глубоко огорчила. Наконецъ, въ среду, 18 февраля 1831 года, въ Москвѣ, въ церкви Стараго Вознесенія, Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой.

Не смотря на все скитальчество въ разсматриваемые нами годы жизни Пушкина, этотъ періодъ его жизни былъ самый плодотворный въ творческой дѣятельности. Такъ, мы видимъ, что тотъ реализмъ, на путь котораго рѣшительно выступилъ Пушкинъ въ концѣ своего пребыванія въ с. Михайловскомъ, не замедлилъ привести его къ попыткамъ въ той формѣ, кото-

рая наиболѣе соотвѣтствуетъ этому литературному направленію,—именно въ формѣ прозаическаго романа. И вотъ лѣтомъ и въ началѣ осени 1827 года Пушкинъ написалъ большую часть исторической повѣсти «Арапъ Петра Великаго» и сразу создалъ тотъ безъискусственно простой, кристально-чистый и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени художественный повѣствовательный слогъ, который и до сихъ поръ остается неподражаемымъ.

Писаніе исторической повѣсти изъ эпохи Петра показываетъ, что Пушкинъ въ то время занимался историческимъ изученіемъ этой эпохи. Но колоссальная личность Петра такъ поразила и вдохновила поэта, что онъ не могъ ограничиться одной прозой; и вотъ онъ тогда-же предпринялъ воспѣть великаго преобразователя Россіи въ поэмѣ. И замѣчательно, что, вопреки своему обыкновенію замыкаться осенью для своихъ поэтическихъ работъ въ деревнѣ, Пушкинъ поѣхалъ въ Петербургъ, словно нарочно для того, чтобы воспѣвать Петра на самомъ мѣстѣ его кипучей дѣятельности, и вотъ здѣсь, осенью того-же года, онъ создалъ свою «Полтаву». Какъ сильно было напряженіе творчества въ этотъ разъ, мы можемъ судить по тому, что поэма была написана всего на все въ 13 дней, причемъ Пушкинъ отнюдь не уединялся отъ свѣта, а велъ такую-же свѣтскую и разсѣянную жизнь, какъ и всегда, когда бывалъ въ столицѣ.

Второй, не менѣе сильный, порывъ творчества въ этотъ періодъ своей жизни Пушкинъ испыталъ осенью 1830 года, въ Болдинѣ, когда въ какіе-нибудь два-три мѣсяца онъ написалъ, какъ самъ говоритъ въ письмѣ Плетневу, «двѣ послѣднія главы Онѣгина, совсѣмъ готовыя для печати; повѣсть, писанную октавами («Домикъ въ Коломнѣ»); нѣсколько драматическихъ сценъ: «Скупой рыцарь», «Моцартъ и Сальери», и «Донъ-Жуанъ». «Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ прозою (весьма секретно) пять повѣстей» (Повѣсти Бѣлкина). Въ этотъ списокъ не попали еще «Лѣтопись села Горохина» и «Пиръ во время чумы».

VII.

Послѣдніе годы жизни Пушкина.

1831—1837.

Проживъ до весны въ Москвѣ, новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ, и Пушкинъ переѣхалъ со своей женой на дачу въ Царское Село, гдѣ въ это лѣто проживалъ и Жуковскій. Въ Петербургѣ вскорѣ развилась холера, что затруднило сношенія съ городомъ, и Пушкинъ, «прижатый», какъ онъ выражался, къ Царскому Селу, былъ предоставленъ небольшому обществу друзей, великолѣпнымъ садамъ дворца, семейнымъ радостямъ медовыхъ мѣсяцевъ и воспоминаніямъ золотыхъ дней своего дѣтства. Здѣсь Пушкинъ, подъ вліяніемъ общаго положенія дѣлъ того времени, отчасти и друга своего Жуковскаго, утомленный въ то-же время всѣми тѣми гоненіями, которыя онъ испыталъ въ предшествовавшіе годы, впервые выступилъ на поприще того оффиціальнаго патріотизма, который, не избавивъ его отъ тѣни подозрѣнія, лежавшей на немъ въ глазахъ высшей администраціи, въ то-же время произвелъ охлажденіе къ нему въ значительной части русскаго общества. 5 августа написано было имъ стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи», за которымъ вскорѣ послѣдовала «Бородинская годовщина». Тамъ-же, въ Ц. Селѣ, состязаясь съ Жуковскимъ, Пушкинъ написалъ свои сказки «О царѣ Салтанѣ», «О попѣ Остолопѣ», «О Мертвой царевнѣ», «О золотомъ пѣтушкѣ».

Впрочемъ, патріотическія стихотворенія не остались совсѣмъ безъ слѣда, и 14 ноября 1831 г. Пушкинъ зачисленъ былъ на службу въ вѣдомство Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ жалованьемъ 5.000 ассиг. въ годъ, въ видѣ особенной Высочайшей милости. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему былъ дозволенъ входъ въ Государственные архивы для собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра В., чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться въ ту-же зиму, по переѣздѣ съ дачи въ Петербургъ. Изъ квартиры своей въ Морской отправлялся онъ каждый день въ разныя вѣдомства, предоставленныя ему для изслѣдованій. Онъ предался новой работѣ своей съ жаромъ, почти со страстью. Такъ протекла зима 1832 г. 7 янв. слѣдующаго года онъ былъ принятъ въ число членовъ Имп. Рос. Академіи и началъ прилежно посѣщать засѣданія Академіи по субботамъ. Плодомъ этихъ посѣщеній были статьи его: «Россійская Академія» и «О мнѣніи М. А. Лобанова». Весной 1833 года онъ переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, и отправлялся каждый день въ Архивъ, туда и оттуда пѣшкомъ; когда-же чувствовалъ утомленіе, шелъ купаться, и этого средства было достаточно, чтобы снова возвратить ему бодрость и силы. Въ архивахъ Пушкинъ не ограничивался однимъ собираніемъ матеріаловъ къ исторіи Петра; ему попалось случайно подъ руки нѣсколько бумагъ, относящихся къ пугачевскому бунту: онъ быстро увлекся изученіемъ этого событія и вскорѣ весь ушелъ въ него. При такой непрерывной и страстной дѣятельности, къ осени 1833 года у него были уже готовы матеріалы для «Исторіи Пугачевскаго бунта», написана вчернѣ «Капитанская дочка», и сверхъ этого были совсѣмъ отдѣланы—«Русалка» и «Дубровскій».

Не ограничиваясь одними архивными изысканіями, Пушкинъ, какъ истый реалистъ, предпринялъ тогда уже то, что нынѣ, полстолѣтіе спустя, ставятъ въ особенную заслугу совре-

меннымъ намъ французскимъ натуралистамъ, какъ нѣчто новое, ими только-что введенное:— именно, онъ захотѣлъ посѣтить всѣ мѣста, ознаменованныя пугачевскимъ бунтомъ. И вотъ осенью въ 1833 году онъ совершилъ поѣздку по Казанской, Симбирской, Пензенской и Оренбургской губерніямъ. Вездѣ онъ, обозрѣвая мѣстности, въ то-же время искалъ живыхъ преданій и свидѣтельства очевидцевъ. Такъ, въ Казани онъ провелъ съ этой цѣлью полтора часа у нѣкоего старожила, купца Крупенина; въ Оренбургской губерніи разговаривалъ со старикомъ Дмитріемъ Пьяновымъ, сыномъ того Пьянова, о которомъ упоминается въ «Исторіи Пугачевскаго бунта», а въ селеніи Берды встрѣтилъ старую казачку, помнившую происшествія того времени очень живо. Онъ пишетъ, что чуть не влюбился въ нее, не смотря на мало привлекательную наружность. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ принятъ съ большимъ радушіемъ всѣмъ обществомъ города, соединившимся въ одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь поэта.

Истративъ на все это путешествіе мѣсяцъ, Пушкинъ возвратился въ Болдино 2-го октября и до конца ноября пробылъ въ деревнѣ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ на службу. Въ этотъ промежутокъ времени были имъ закончены «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ», «Пѣсни западныхъ славянъ», которыя онъ писалъ между дѣломъ, въ теченіе 1832 и 33 годовъ, «Мѣдный всадникъ» и «Исторія Пугачевскаго бунта».

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ представилъ въ декабрѣ 1833 года на разсмотрѣніе начальства свою «Исторію Пугачевскаго бунта» и получилъ дозволеніе на изданіе ея; сверхъ того, въ видѣ награды, онъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, а на напечатаніе книги дано ему было заимообразно 20,000 р. асс. съ правомъ избрать одну изъ казенныхъ типографій.

Повидимому Пушкинъ былъ на верху милостей, почестей и славы; со стороны могло казаться, что жизнь улыбается ему какъ нельзя болѣе. А на самомъ дѣлѣ онъ былъ глубоко несчастный человѣкъ, и тысячи острыхъ пилъ со всѣхъ сторонъ подтачивали его существованіе.—Начать съ того, что положеніе Пушкина было крайне двусмысленно. Съ одной стороны казалось, что это было поднятіе въ высшія сферы общества, весьма льстившее тщеславію поэта; но въ то-же время это внѣшнее возвышеніе соединялось съ цѣлымъ рядомъ нравственныхъ униженій всякаго рода. Пушкинъ не могъ войти въ высшія сферы человѣкомъ равнымъ людямъ, находившимся въ нихъ, ни по своему состоянію, ни по родовитости, что неотразимо развивало въ немъ болѣзненную мнительность, при которой каждый неоплаченный визитъ, малѣйшій признакъ небрежности въ отношеніяхъ къ нему и къ его дому раздувались въ его воображеніи въ умышленное пренебреженіе къ нему, въ желаніе доказать ему, что онъ сидитъ не въ своихъ саняхъ. Въ то-же время, это новое положеніе, при всей его кажущейся высотѣ, носило характеръ своего рода заточенія, такъ какъ оно было обязательно: Пушкинъ не могъ самовольно выйти изъ него, видя его ненормальность, не могъ даже жить, гдѣ ему вздумалось-бы; когда-же онъ просился въ отставку, ему или отказывали, или грозили опалою, лишеніями—въ родѣ запрещенія посѣщать архивы.

И особенно положеніе Пушкина при дворѣ сдѣлалось тягостно, когда ему пожаловали камеръ-юнкерство. Это придворное званіе было уже не по лѣтамъ Пушкина, и положеніе его невольно было комично, когда ему приходилось на выходахъ стоять среди безбородыхъ юношей. Этимъ и объясняются исполненныя горечи слова его дневника отъ 1-го янв. 1834 г.

«Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ. — Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ». Отсюда-же вытекаетъ и отвѣтъ его великому князю, который поздравилъ его въ театрѣ съ назначеніемъ:—«Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравили».

Самое исполненіе придворныхъ этикетовъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ крайне тяготило Пушкина своею формальностью, соединенной съ выговорами и замѣчаніями чисто школьническаго характера. «Третьяго дня, писалъ онъ своей женѣ: возвратился я изъ Царскаго въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29-го апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камеръ-геровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ имъ это объявить. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ, съ моей сѣдой бородкой, придется выступить съ Безобразовымъ или Реймерсомъ—ни за какія благополучія! j'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ mr. Jourdain».

Въ то-же время обязательная придворная жизнь, навязанная Пушкину, соединенная съ выходами, пріемами, нарядами жены, требовала

такихъ расходовъ, которые были совершенно не по средствамъ Пушкина, остававшагося при своемъ высокомъ положеніи все тѣмъ-же помѣщикомъ средней руки, да еще помѣщикомъ съ крайне разстроеннымъ состояніемъ. Всѣ имѣнія родныхъ его къ этому времени успѣли придти въ полный упадокъ. Мы уже замѣтили выше, что управляющій, честный нѣмецъ, посланный въ Болдино, убѣжалъ оттуда въ ужасѣ. Тщетно умолялъ Пушкинъ своихъ родныхъ поселиться года на два, на три въ Михайловскомъ. Серг. Льв. пришелъ въ ужасъ и неистовство отъ перспективы закабаленія въ деревенскую глушь. «Вы не можете вообразить, пишетъ Пушкинъ къ Осиповой 29-го іюня 1835 года, какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ (Болдинымъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спасти Болдино необходимо, хотя бы только для Ольги и Льва, которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство, или, по крайней мѣрѣ, бѣдность. Но я и самъ не богатъ, я имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня и которое безъ меня впадетъ въ крайность. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, ничего мнѣ не приноситъ. Родители мои и не знаютъ, что они шагахъ въ двухъ отъ разоренія; если-бы они могли рѣшиться пробыть нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли-бы поправиться; но этого никогда не будетъ».

И вотъ, какъ неизмѣнные спутники разоренія, пошли залоги и перезалоги имѣній, безпрестанныя хлопоты о томъ, гдѣ-бы и какъ-бы раздобыть денегъ, а долги росли не по днямъ, а по часамъ. Къ тѣмъ 20,000 р., которыя Пушкинъ получилъ заимообразно на изданіе Пугачева, присоединился новый казенный долгъ: именно 16 августа 1835 г. пожаловано было ему въ ссуду 30,000 р. асс. безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату общей суммы долга, возросшей такимъ образомъ до 50,000, шло получаемое имъ жалованье, по 5,000 р. въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ передъ самою смертью уже Пушкинъ вновь хлопочетъ у министра финансовъ Канкрина о томъ, что нельзя-ли принять въ уплату этого долга 200 душъ, принадлежащихъ лично ему въ Нижегородской губерніи и заложенныхъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Это печальное финансовое положеніе не могло не отражаться и на творчествѣ поэта. И тутъ мы видимъ весьма прискорбное раздвоеніе: въ то время какъ Пушкинъ, болѣе чѣмъ когда-либо, ратовалъ за чистое и свободное искусство и восклицалъ надменно презрѣнной черни «подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ»,—въ дѣйствительности литературная дѣятельность его съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе принимала спекулятивный характеръ и вся обращалась къ тому, какъ-бы добыть болѣе денегъ. Конечно не ради «звуковъ чистыхъ и молитвъ» предпринималъ онъ обширные историческіе труды, въ родѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» или «Исторіи Петра В.», труды, такъ мало свойственные его генію и потому крайне слабые, сухіе, въ которыхъ вы и слѣда не видите того, что̀ вы привыкли соединять съ именемъ Пушкина. Это-же желаніе добыть какъ можно болѣе денегъ побуждало его взяться за какое-нибудь періодическое изданіе. Такъ, сначала онъ мечталъ о газетѣ, но когда газета не была ему разрѣшена, предпринялъ въ послѣдній годъ жизни ежемѣсячный журналъ «Современникъ». Цѣль изданія журнала была, повидимому, весьма почтенная: именно противодѣйствовать тому легкомысленно насмѣшливому, парадоксальному взгляду на литературу нашу, который господствовалъ въ то время въ петербургской литературѣ, особенно на страницахъ «Библіотеки для Чтенія»; возвратить критику снова въ руки малаго избраннаго кружка писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики; но сквозь всѣ эти чисто литературныя цѣли постоянно проглядываетъ надежда поправить свое состояніе.

Вообще, весьма грустное впечатлѣніе производилъ этотъ геніальный человѣкъ, которому поклонялась вся Россія, затертый въ блестящей толпѣ расшитыхъ мундировъ, въ качествѣ выскочки, глотающій поминутно если не пренебреженіе, то еще того хуже—снисходительность, съ тоскливой скукой одиноко бродившій по бальнымъ заламъ или взирающій изъ-за колонны, какъ увиваются свѣтскіе франты за его женой. Она отплясываетъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая и безпечная, а у него въ это время кошки скребутъ на сердцѣ, и не отъ одной ревности, а при мысли, что вотъ всѣ вокругъ веселятся, счастливые, довольные, обезпеченные, не думая о завтрашнемъ днѣ, а ему предстоитъ завтра ѣхать въ Опекунскій Совѣтъ послѣднее имѣніе закладывать или вести торгашескіе переговоры съ литературными барышниками. Нѣтъ ничего мудренаго, что всѣ письма его въ послѣдніе два-три года его жизни, особенно къ женѣ, постоянно носятъ характеръ какихъ-то стоновъ, какъ объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ:

«Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ: съ твоего позволенія надобно будетъ, кажется, выдти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной,

доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ, и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства. Вотъ тебѣ и мораль».

«Милый мой ангелъ! пишетъ онъ въ другомъ: я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что̀ придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо-бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ-бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу и, что̀ еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ имъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ невиновата, а виноватъ я изъ добродушія, коимъ преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни».

...«Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—я проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все т о т ъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ-бы лишь меня во-свояси».

...«На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ т ѣ м ъ чуть было не поссорился—струхнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю; хоть онъ не правъ...»

...«Канкринъ шутитъ—а мнѣ не до шутокъ. Г. обѣщалъ мнѣ Г а з е т у, а тотъ запретилъ, заставляетъ меня жить въ ПБ. и не даетъ мнѣ способа жить своими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. Что̀ изъ этого будетъ, Господь вѣдаетъ»...

...«Какъ ты съ хозяиномъ управилась? Что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію, а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣло взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть... чистить... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается...»

Прибавьте вы ко всѣмъ этимъ непріятностямъ нескончаемыя полицейскія и цензурныя дрязги. Дѣло въ томъ, что ни приближеніе ко двору, ни всѣ изливаемыя на Пушкина высочайшія милости не избавляли его отъ строгаго полицейскаго надзора. По-прежнему относительно всѣхъ своихъ занятій и каждаго шага онъ долженъ былъ испрашивать предварительное разрѣшеніе, по-прежнему прочитывалась его переписка, и гр. Бенкендорфъ дѣлалъ ему выговоры. То придирались къ нему, зачѣмъ онъ ограничивается одною общею цензурою, въ то время, какъ онъ подчиненъ высочайшей цензурѣ, то наоборотъ требовали, чтобы сочиненія, одобренныя къ напечатанію самимъ государемъ, онъ затѣмъ представлялъ въ общую цензуру. Поэма его «Мѣдный всадникъ» была не допущена къ печати, и при жизни ему не пришлось видѣть ее напечатанною. Благодаря гр. Бенкендорфу, отъ котораго безусловно зависѣло допущеніе пьесъ на сцену, Пушкину не удалось видѣть ни одной своей пьесы на сценѣ. Онъ очень желалъ, чтобы А. М. Каратыгина съ мужемъ своимъ прочитала на театрѣ сцену у фонтана Димитрія съ Мариною, но, не смотря на многочисленныя личныя просьбы Каратыгиныхъ, гр. Бенкендорфъ отказалъ имъ въ своемъ согласіи. Послѣ того Пушкинъ подарилъ Каратыгину для бенефиса «Скупого рыцаря», но и эта пьеса не была играна при жизни автора по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ.

Но особенно увеличились цензурныя придирки и непріятности, когда въ 1833 г. министромъ народн. просв. былъ сдѣланъ гр. Уваровъ, относившійся къ Пушкину весьма недружелюбно. Распоряженія его выводили Пушкина изъ себя, и чаша гнѣва его окончательно переполнилась, когда однажды, на вечерѣ у Карамзина, къ нему подошелъ Уваровъ и, по поводу ходившей въ то время по рукамъ эпиграммы «Въ академіи наукъ» свысока и внушительно началъ выговаривать, что онъ роняетъ свой талантъ, осмѣивая почтенныхъ и заслуженныхъ людей такими эпиграммами.—«Какое право имѣете вы дѣлать мнѣ выговоръ, когда не смѣете утверждать, что это мои стихи?»—возразилъ Пушкинъ, выйдя изъ себя.—«Но всѣ говорятъ, что ваши!»—«Мало-ли, что говорятъ! а я вамъ вотъ что̀ скажу: я на васъ напишу стихи и напечатаю ихъ съ моею подписью».

И вотъ, когда Уваровъ захворалъ, а наслѣдникъ его, предполагая близкую смерть министра, позаботился заранѣе опечатать его имущество и посрамился на всю столицу при неожиданномъ его выздоровленіи, Пушкинъ на эту скандальную исторію написалъ стихи подъ заглавіемъ «На выздоровленіе Лукулла» (съ

латинскаго). Ни одинъ петербургскій журналъ не согласился напечатать эти стихи. Тогда Пушкинъ послалъ ихъ въ Москву, и тамъ ода была напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 года. Появленіе оды вызвало большую сенсацію въ придворныхъ сферахъ и привело за собою не мало непріятностей Пушкину, начиная съ оскорбительной переписки съ кн. Репнинымъ, дурно отозвавшимся о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ, въ салонѣ Уварова, и кончая неудовольствіемъ самого государя. Пушкинъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ гр. Бенкендорфу. Вотъ какъ самъ онъ разсказывалъ этотъ свой визитъ къ шефу жандармовъ:

«Вхожу. Графъ съ серьезной, даже съ строгой миной, впрочемъ, учтиво отвѣтивъ на мой поклонъ, пригласилъ меня сѣсть у стола vis-à-vis. Журналъ съ развернутой страницей моихъ стиховъ лежалъ передъ нимъ, и онъ сейчасъ-же предъявилъ мнѣ его, сказавъ: — «Александръ Сергѣевичъ! Я обязанъ сообщить вамъ непріятное и щекотливое дѣло по поводу вотъ этихъ вашихъ стиховъ. Хотя вы и назвали ихъ Лукулломъ и переводомъ съ латинскаго, но, согласитесь, что мы, да и все русское общество въ наше время настолько просвѣщено, что умѣетъ читать между строкъ и понимать настоящій смыслъ, цѣль и намѣреніе сочинителя!» — «Совершенно согласенъ и радуюсь за развитіе общества...» — «Но позвольте замѣтить (строго перебилъ онъ меня), что подобное произведеніе недостойно вашего таланта, тѣмъ болѣе, что осмѣянная вами личность—особа, значительная въ служебной іерархіи...» — Тутъ я перебилъ его:—«Но позвольте-же узнать, кто эта жалкая особа, которую вы узнали въ моей сатирѣ?» — «Не я узналъ, а Уваровъ самъ себя узналъ, принесъ мнѣ жалобу и просилъ обо всемъ доложить Государю! и даже то, какъ вы у Карамзиныхъ сказали ему, что напишете на него стихи и не отопретесь, то есть подпишитесь подъ ними!» — «Сказалъ, и теперь не отпираюсь... только эти-то именно стихи я написалъ совсѣмъ не на него».—«А на кого-же?» — «На васъ!»—Бенкендорфъ, пораженный такимъ неожиданнымъ оборотомъ, опрокинулся на спинку кресла, такъ что оно откатилось отъ стола и, вытаращивъ на меня глаза, вскрикнулъ: — «Что? на меня?» А я, заранѣе восхищаясь развязкой, вскочилъ съ мѣста и, быстро дѣлая по четыре шага передъ столомъ или передъ его носомъ, три раза оборачиваясь къ нему лицомъ, повторялъ: «На васъ, на васъ, на васъ!» Тутъ уже Александръ Христофоровичъ, во всемъ величіи власти, громовержцемъ поднимаясь съ кресла, схватилъ журналъ и, подойдя ко мнѣ, дрожащей отъ злобы рукой тыкая на извѣстныя мѣста стиховъ, сказалъ: — «Однако, послушайте, сочинитель! Что-же это такое! Какой-то пройдоха наслѣдникъ... (читаетъ): «Теперь ужъ у вельможъ не стану няньчить ребятишекъ»... Ну, это ничего... (продолжаетъ читать): «Теперь мнѣ честность — трынъ-трава, жену обманывать не буду!» — Ну, и это ничего, вздоръ... но вотъ, вотъ ужасное, непозволительное мѣсто (читая): «И воровать уже забуду казенныя дрова!»— «А? что вы на это скажете?»—«Скажу только, что вы не узнаете себя въ этой колкости!» — «Да развѣ я воровалъ казенныя дрова?» — «Такъ, стало быть, Уваровъ воровалъ, когда подобную улику принялъ на себя!» — Бенкендорфъ понялъ силлогизмъ, сердито улыбнулся и промычалъ: «Гмъ! да! самъ виноватъ!» — «Вы такъ и доложите государю. А за симъ имѣю честь кланяться вашему сіятельству».

Наконецъ, ко всему этому присоединялись и непріятности чисто литературныя. Подписка на «Современникъ» шла плохо. Пушкинъ замѣчалъ вообще охлажденіе къ нему въ литературныхъ сферахъ. Кое-гдѣ въ журнальной критикѣ начинали проскальзывать опасенія, что онъ исписался, и, при нервной раздражительности, Пушкинъ глубоко принималъ къ сердцу всѣ эти толки и выходилъ изъ себя. И вотъ передъ смертью у него все болѣе и болѣе развивается отвращеніе къ жизни. «Я ошеломленъ, писалъ онъ осенью Осиповой не задолго до своей смерти, и нахожусь въ сильнѣйшемъ раздраженіи. Повѣрьте мнѣ, жизнь, какая она ни на есть пріятная привычка, а все же заключаетъ въ себѣ горечь, которая дѣлаетъ ее подъ конецъ отвратительною. Свѣтъ — это гадкая лужа грязи».

Такимъ образомъ всѣ обстоятельства, повидимому, прямо вели поэта къ какой-либо катастрофѣ, особенно, принимая въ разсчетъ пылкость и увлекаемость его натуры. Между тѣмъ въ великосвѣтскомъ обществѣ образовалась противъ Пушкина цѣлая коалиція, съ гр. Уваровымъ и Бенкендорфомъ во главѣ; ожидали только случая, чтобы такъ или иначе погубить его, и случай этотъ не замедлилъ представиться: достаточно было, правда, нѣсколько легкомысленнаго, но совершенно невиннаго ухаживанія за женой Пушкина, блиставшаго въ то время въ большомъ свѣтѣ, краснваго, ловкаго, вкрадчиваго кавалергарда барона Жоржа Геккерна Дантеса, французскаго подданнаго, легитимиста, состоявшаго подъ особеннымъ покровительствомъ императора Николая,—и вотъ въ свѣтѣ была распущена по этому поводу гнусная сплетня, позорившая честь Пушкина. Въ то-же время Пушкинъ началъ получать рядъ отвратительныхъ анонимныхъ писемъ, исполненныхъ оскорбительнѣйшихъ намековъ и насмѣшекъ. Результатомъ этой адской интриги

была ссора Пушкина съ Дантесомъ, раздѣлившая все великосвѣтское общество на два лагеря. Ссора эта не была затушена и женитьбою Дантеса на свояченицѣ Пушкина, Катеринѣ Ник. Гончаровой. Напротивъ того, все болѣе и болѣе разгораясь, разжигаемая недоброжелателями Пушкина, дошла наконецъ до дуэли, которая состоялась 27 янв. 1837 года за Черной рѣчкой, близъ Комендантской дачи, въ 5 часу дня. По словамъ секунданта Пушкина, лицейскаго товарища его, Данзаса, гр. Бенкендорфъ зналъ объ этой дуэли, но, обязанный предупредить ее, онъ послалъ жандармовъ не на Черную рѣчку, а въ Екатерингофъ, будто-бы по ошибкѣ. Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, смертельно раненъ въ верхнюю часть бедра, причемъ пуля, пробивъ кость, глубоко засѣла въ животѣ. Два дня боролся онъ со смертью, въ ужасныхъ мученiяхъ, и наконецъ 29 января утромъ его не стало.

Между тѣмъ вѣсть о несчастной дуэли и безнадежномъ состоянiи Пушкина быстро разлетѣлась по городу. Уже рано утромъ, когда Пушкинъ былъ еще живъ, подъѣздъ его квартиры, на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, былъ атакованъ публикой до такой степени, что Данзасъ долженъ былъ обратиться въ преображенскiй полкъ съ просьбой поставить у крыльца часовыхъ, чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ: густая масса собравшихся загораживала на большое разстоянiе все пространство передъ квартирой Пушкина, и къ крыльцу не было возможности протискаться. Толпы народа и экипажи весь день осаждали домъ; извозчиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извозчики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенiя, даже люди безграмотные, считали какъ-бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Это было похоже на очнувшееся вдругъ общественное мнѣнiе. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви. Стихи молодого поэта Лермонтова на смерть Пушкина переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми. Возникли опасенiя, и тѣло поэта изъ квартиры въ Конюшенную церковь было препровождено вечеромъ; при отпѣванiи 1-го февраля присутствовали одни приглашенные по билетамъ. Послѣ отпѣванiя, гробъ заперли въ подвалъ церкви, гдѣ онъ оставался до 3-го февраля, а въ этотъ день поздно ночью гробъ былъ отправленъ въ Святогорскiй-Успенскiй монастырь, въ сопровожденiи жандармовъ и А. И. Тургенева, которому было поручено совершить погребенiе праха поэта. Поэтъ былъ похороненъ возлѣ матери, въ той могилѣ, которую Пушкинъ приготовилъ для себя за годъ до смерти. Тамъ возвышается нынѣ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ надписью «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» въ лавровомъ вѣнкѣ.

Пушкинъ умеръ, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ долга въ 50,000 р. Но сверхъ того, что на похороны его было отпущено 10 т. р. асс., при кончинѣ его весь казенный долгъ былъ снятъ съ имѣнiй наслѣдниковъ и сверхъ того высочайше пожаловано было 50,000 р. асс. на напечатанiе его сочиненiй, сборъ съ которыхъ опредѣленъ былъ на составленiе отдѣльнаго капитала для дѣтей покойнаго. Тогда-же и два сына его зачислены были въ Пажескiй корпусъ, и какъ имъ, такъ и вдовѣ поэта, назначены пенсiи.

Въ 1880 году 5 iюня Москва праздновала открытiе на одномъ изъ лучшихъ своихъ бульваровъ, на Тверскомъ, памятника генiальному и безсмертному поэту, которымъ могла-бы достойно гордиться каждая страна, и это всенародное литературное торжество, собравшее у ногъ поэта всю русскую интеллигенцiю, безспорно занимаетъ одну изъ лучшихъ страницъ русской исторiи.

А. Скабичевскiй.

КОПІИ СЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ ПУШКИНА.

1820. рис. Ж. Верне.

1827. рис. Тропининъ.

1836. рис. Соколовъ.

1836. рис. Райтъ.

1827. рис. Кипренскій.

1828. грав. Уткинъ.

† 1837. рис. Львовъ.

† 1837. рис. Калининъ.

?. рис. Мазеръ.

1836. рис. Брюлловъ (съ 1827.)

1838. грав. Уткинъ.

1839. грав. въ Англіи.

1830. Лит. на нотахъ.

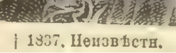
1834. Лит. Машарскаго (Съ 1827).

† 1837. рис. Клипперт

† 1837. Московская лит.

Жена Пушкина въ дѣтствѣ.

† 1837. Неизвѣстн.


† 1837. Неизвѣстн.

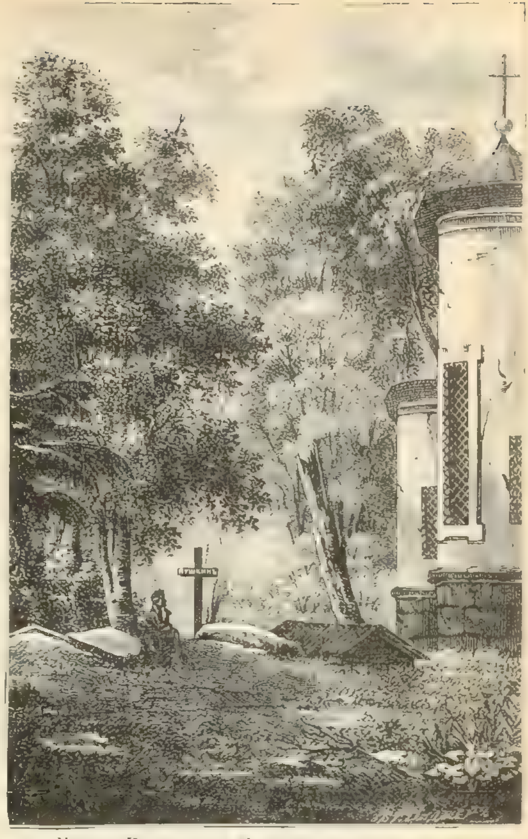
А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (съ картины г. Ге).

Дуэль Пушкипа съ Дантесомъ 27 Января 1837 г. (съ картины г. Наумова).

Домъ Инзова въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ.

Домъ въ Одессѣ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1823 г.

Пушкинъ въ Гурзуфѣ. (По картинѣ Айвазовскаго).



Могила Пушкина въ Святогорскомъ монастырѣ.

Гнѣдичъ, Жуковскій Пушкинъ и Крыловъ
Рис. Чернецовъ

ПАМЯТНИКЪ ВЪ МОСКВѢ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЧЕРКЪ

А. С. ПУШКИНА.

[illegible]

Весь вашъ Пушкинъ

На переводъ Иліады

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;

Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Пушкинъ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЭПОСЪ.

ПОЭМЫ.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.
(1817—1820).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ,
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите-жъ вы мой трудъ игривый!
Ничьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.
1820 г.

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ, передъ народомъ,
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню—сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...
1828 г.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана.
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.

Слилися рѣчи въ шумъ невнятный:
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ баяна:
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана,
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младые;
Безмолвны, за ковшомъ пустымъ,
Забыли кубки круговые,
И брашна непріятна имъ:
Не слышатъ вѣщаго баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана:
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ кіевскихъ полей:
Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой хазарскій ханъ Ратмиръ.
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.

Вотъ конченъ онъ; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтелъ радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ меду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи:
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту:
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ, невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды
На цареградскіе ковры...
Вы слышите-ль влюбленный шопотъ
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?... Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ, они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странный,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ,
Съ лица катится потъ остылый;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе, нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой—
Людмилы нѣтъ во тьмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой!

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,—
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... О друзья,
Конечно, лучше-бъ умеръ я!

Однако живъ Русланъ несчастный.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ.—«Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги:
О, сжальтесь вы надъ старикомъ!
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моей?
Чей подвигъ будетъ не напрасенъ,
Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
Не могъ сберечь жены своей!—
Тому я дамъ ее въ супруги,
Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
Кто-жъ вызовется, дѣти, други?...»
—Я!—молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
«Сейчасъ коней своихъ сѣдлаемъ,
Мы рады весь изъѣздить міръ:

Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки:
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Русланъ уныньемъ какъ убитъ—
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ;
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ. .
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле
И думой имъ во слѣдъ летитъ.

Русланъ томился молчаливо,
И мысль, и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро-ль встрѣчусь съ великаномъ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!...
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарскій ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнитъ бѣгуна лихого,
Кружитъ, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасный
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ теменъ брегъ отлогій;
Съ востока льется ночи тѣнь;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкся путь.
«Разъѣдемся, пора!» сказали,
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ».
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра...

Но вдругъ предъ витяземъ пещера;
Въ пещерѣ свѣтъ... Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ уныньемъ; что-же зритъ?
Въ пещерѣ старецъ: ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая;
Лампада передъ нимъ горитъ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
«Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни вяну;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы:
Но зла промчится быстрый мигъ:
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай;
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.

«Узнай, Русланъ, твой оскорбитель—
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ донынѣ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей!
Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ».

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,

Но грусть не трудно разогнать»,
Сказалъ старикъ: «тебѣ ужасна
Любовь сѣдого колдуна;
Спокойся, знай,—она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свистнетъ—задрожитъ луна;
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей:
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокій жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой».

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный?
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финнъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоняя стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

«Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою
Однажды, утренней порою,
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая,
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...

«Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой,
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.

«Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: «люблю тебя, Наина!»
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
«Пастухъ, я не люблю тебя!»

«И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ—
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньѣ сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало финскихъ береговъ.
«Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной».
Сказалъ—и весла зашумѣли;
И страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

«Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленный,

Кораллы, злато и жемчугъ:
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
«Герой, я не люблю тебя!»

«Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь, одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горесть, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

«Но слушай: въ родинѣ моей
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены;
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

«И я, любви искатель жадный,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслію постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ,—
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты—моя!
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

«Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ—и въ тьмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами впалыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,—
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!..
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
«Возможно-ль! ахъ, Наина, ты-ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, ужели небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно-ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно-ли?»... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ;
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать!» мнѣ пищитъ она:
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
За то [прибавила болтунья]
Открою тайну: я—колдунья!»

«И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

«Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось, по несчастью:
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый, умираю!..»

«И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;—
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.

Она во слѣдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣной дышатъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;
Онъ обольстилъ меня, несчастный!
Я отдалась любови страстной...
Измѣнникъ! извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

«Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой,
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя;
Но горе на землѣ не вѣчно».

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разсказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
Но день блистаетъ лучезарный...
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна,—
Душа надеждою полна...
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня,
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ:
«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ.
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ,
Бранитесь—только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!.. преграды всѣ разрушу...
Русланъ!.. узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ...»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ во слѣдъ.
«Остановись, бѣглецъ безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный:
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ,
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальныя закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжко въ грязный ровъ,

Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій мечъ ужъ занесенъ;
«Погибни, трусъ! умри!» вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его глазахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку, чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ-ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня,—
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ, оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать—
Она далеко забѣжала;
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разъѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.
Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ--
Отъ насъ Людмила не уйдетъ».

Сказавъ, исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей.
И говоритъ: «найду-ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу-ль я твой свѣтлый взоръ?
Услышу-ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Придетъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ».

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ,
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ—и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
А тамъ ищи своихъ невѣстъ».
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва,—
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора-бы мнѣ
Подумать о младой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромный,
Я разсказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ,
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачный,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась,

И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника спѣсивый,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тьму разсѣлинъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветъ любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята; наконецъ, она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
«Гдѣ-жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?»
Зоветъ—и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ...
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ.
Довольно... благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ—не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.

Три дѣвы красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной,
Княжнѣ явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая—
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ.
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ—
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно, знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой, какъ-нибудь,
На зло привычкѣ и разсудку,
Забудетъ въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что̀ начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ:
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лицо закрыла.
Увы, что̀ ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь;

Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ:
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ,
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ-бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады.
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышатъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ;
Куда—сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачные возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный:
Къ устамъ она прижала перстъ;
Казалось, умыселъ ужасный
Рождался... Страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ — и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна,
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ!
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсенъ, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала—и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало;
По-прежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица нощи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила:
Княжну невольно клонитъ сонъ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ
И осторожно опускаетъ,
Сквозь ѳиміамъ вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вкругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощный судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что-жъ наша плѣнница теперь?
Дрожитъ какъ листъ, дохнуть не смѣетъ.

Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ;
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина;
Идутъ—идутъ къ ея постели;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился; тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдого карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе;
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется;
Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните-ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними кони борзы бьются:
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются
Какъ-бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ,
По жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой—
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни!» грозно восклицаетъ:
«Умри, завистникъ злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ;
Нашелъ, настигъ—но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла...
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призра̀къ огромный
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ бѣдный критикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой, и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, зоилъ, скажи, предатель,
Ну какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ;

Вздохнула молча.... вздохъ понятный!
Ревнивецъ, бойся—близокъ часъ!
Амуръ съ Досадой своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ,
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати;
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,
Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала:
Собратъ, издавна чтимый мной!
Доселѣ я Черномора знала
Однако громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой:
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ».

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна;
Но мрачныхъ козней не боюсь—
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ:
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшенъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубитъ,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубитъ
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ-же гробу обреченъ!»
И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ онъ! погибнетъ онъ!»
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой
И чернымъ зміемъ улетѣла.

Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренный,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ, карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты;
Проходитъ длинный комнатъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ—въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ онъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда! надѣюсь я на васъ!
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите-ль? сейчасъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»

Читатель, разскажу-ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и—смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ;
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора,
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрить шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла,
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что-жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала;
Перевернула—передъ ней

Людмила прежняя предстала:
Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ! добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся-же къ герою.
Не стыдно-ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ:
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами:
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ-же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходитъ поле онъ вокругъ:
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гулъ и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,—
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ-нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный:
Надъ усыпленною землей
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышетъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ:
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду-ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ.
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула.

Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала:
«Вотъ, гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть..
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? Тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.—
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ;
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.—
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ-размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ—
Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ:
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной;
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженный.

«Ты вразумилъ меня, герой!»
Со вздохомъ голова сказала:
«Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ;
Но, витязь, будь великодушенъ!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда-бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшого брата!
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,

Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастный,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умёнъ какъ бѣсъ—и золъ ужасно.
Притомъ-же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И все на свѣтѣ презирая—
Доколѣ борода цѣла,—
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды, съ видомъ дружбы,
—«Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы.
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ—и что-же? страхъ!
Я разобралъ во тьмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ обоихъ онъ погубитъ:
Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ главу; суди-же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!»
—«Ну, что-же? гдѣ тутъ затрудненье?
Сказалъ я карлѣ: я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта»,—
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое, для совѣта,
Злодѣя-брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ, шагалъ и, слава Богу,
Какъ-бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла—
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто-бы смягчился.

—«Оставимъ безполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ:
Разсудокъ въ мірѣ жить велитъ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
[Чего не выдумаетъ злоба!],
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечомъ до гроба».
Сказалъ—и легъ на землю онъ.
Я съ-дуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свистнулъ острый мечъ,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенный;
Но злобный карла перенесъ
Меня въ сей край уединенный,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь,—
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду».

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому-же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый, о друзья,
Не вѣрьте имъ,—они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!

Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ
И непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей—
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ за̀мка стѣнъ
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.
И что-жъ, возможно-ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу-ли я?...

Младой Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: за̀мокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокій,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!—
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

«Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!—
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манитъ, она поетъ—
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой.
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ—
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенный,
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ.
Бродящій взоръ его блеститъ.

И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ, выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любови нѣжной!
Луною замокъ озаренъ;
Я вижу теремъ отдаленный.
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ. въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась; полъ ревнивый
Скрипитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись—твоя настала ночь!
Проснися—дорогъ мигъ утраты!..
Она подходитъ; онъ лежитъ
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ;
Покровъ его съ одра скользитъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ;
Ивотъ она, на ложе хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,
Слабѣетъ робкій голосъ мой—
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю пѣсней продолжать:
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ, ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ,
Все ясно; утра лучъ игривый
Главы косматой лобъ златитъ.
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ, желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приблизилась—Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младого
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ—
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ не зрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслитъ и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ роднымъ кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ;
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ.—
Забыты плѣнъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье—
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась

И кликала: «сюда, сюда!»
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону — незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею.
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился, наконецъ,
Поймать Людмилу непремѣнно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинувъ сѣть ея красамъ,
Открылъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана:
Его черты, походка, станъ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,
И на бедрѣ живая рана...
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!.. онъ точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла...
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ-же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ—и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О, страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младыя прелести Людмилы!
Ужели счастливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что-же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно-ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви рождаютъ жаръ.
А та—подъ юбкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?—
Русланъ. Онъ, местью пламенѣя,

Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ;
Ударъ упалъ подобно грому;
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ—и съ высока,
Шумя, летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,—
И въ снѣгъ съ размаха рокового
Колдунъ упалъ, да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь вослѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: «слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя.
Спущусь, но только съ уговоромъ...»
—Молчи, коварный чародѣй! —
Прервалъ нашъ витязь:—съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!—
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ:
«О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу, нѣтъ мочи болѣ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ;
Скажи—спущусь, куда велишь...»
—Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.

Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее, какъ горсть травы.
—Знай нашихъ!—молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?—и на шлемъ высокій
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя, зоветъ коня лихого;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живого
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой;
Достигъ—и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ.
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горесть... плѣнъ угрюмый...
Минута... волны...» въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасный,

Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушитъ, все крошитъ мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенный,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:

«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь;
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина -
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна».

Русланъ, симъ гласомъ оживленный,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину
И сходитъ въ долъ уединенный.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловитъ онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанный,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянный,
Супругу только сторожилъ
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ.
И вѣрю я! безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ! первый поцѣлуй любви,
Дрожащій, легкій, торопливый,
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ—и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ:
Ланиты жизни лишены,
Свинцовой блѣдностью покрыты;

Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ - плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала—
Узнала витязя она
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри, на щекахъ
Багровый огнь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,
Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанный.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна,
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненный,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ:
Челнокъ ко брегу приплываетъ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны —
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого-же въ рыбакѣ счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ
И имъ на вѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.
Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младого хана.
«Что вижу я?» спросилъ герой,
«Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой
И мечъ, который ты прославилъ?»
—Мой другъ,— отвѣтствовалъ рыбакъ:
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣе сердцу во сто кратъ.
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани
И, вѣрнымъ счастіемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все,—даже прелести Людмилы...
«Любезный ханъ, я очень радъ!»
Сказалъ Русланъ: «она со мною».
—Возможно-ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ — жизнь, она мнѣ— радость!
Она мнѣ возвратила вновь

Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили —
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!—

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на брегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора;
Встаетъ луна—все тихо стало;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой вослѣдъ ему стремится,
Руслану счастія, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ,
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемыя въ мірѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынѣ дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный настaлъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь-ли меня?
Ступай за мной, сѣдлай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣдланъ конь; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ;
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ;
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто-бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ, недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ, одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Русланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тьмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ гостей
Сидитъ за браными столами.
И такъ-же гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ среди гостей
Въ бою сраженнаго Рогдая;
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣненнаго стакана
Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младого хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не приставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу;
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,

Въ волненьи мыслитъ: «это сонъ!»
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.

Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою;
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна,
Онъ видитъ сумрачный курганъ:
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ,—
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ...
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ;
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на-двое разсѣчь.
Къ нему подъѣхалъ... Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Русланъ не внемлетъ—сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ...
Измѣнникъ, вѣдьмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоцѣнной.
Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманный,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханный...

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжный,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой упоенъ, отвыкъ....
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь: влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ,
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младого.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый.

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою;
Въ его глазахъ исчезъ огонь,
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ
И ждетъ, когда Русланъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ.

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о диво!—
Онъ видитъ: богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ не правъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный,
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ;
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца—
И вотъ, измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ. томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась,—передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный.
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ!» сказалъ Фарлафъ:
«Я такъ нашелъ ее недавно
Въ пустынныхъ муромскихъ лѣсахъ
У злого лѣшаго въ рукахъ...
Тамъ совершилось дѣло славно:
Три дня мы билися; луна
Надъ боемъ трижды подымалась;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась;
И кто прерветъ сей дивный сонъ?
Когда настанетъ пробужденье?
Не знаю—скрытъ судьбы законъ!
А намъ надежда и терпѣнье
Одни остались въ утѣшенье».
И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоятъ унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу,
О чудѣ всякій толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой,
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали, подъемля черный прахъ,
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ
Бѣда: возстали печенѣги!

Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча;
Тотъ льется мертвою водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинѣ, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою—
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою

Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ.
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце, вспыхнувъ, замираетъ.
Вдругъ витязь воспрянулъ. Вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ.
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы:
Враговъ смутитъ твое лицо;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба,
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку.. тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!»
Сказалъ—исчезнулъ... Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный.
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ:
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливый
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой:
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ, живой и здравый,
Черезъ поля, черезъ дубравы.

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ.
Народъ, уныньемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхѣ ждетъ небесной казни:
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ:
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовятся къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ:
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
На встрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась;
Равнина кровью залилась;
Стремглавъ наѣздники помчались,
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй;
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется.
Тамъ конь испуганный несется.
Тамъ русскій палъ, тамъ печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинутъ булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою,
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи;
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ.
За грудами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ
И русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна сребрилася въ потокѣ,
Сомнительный рождался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое,—
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ:
Смутилось сердце кіевлянъ,—
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ: въ полѣ, межъ врагами,
Блистая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Русланъ. Какъ Божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ, съ карлой за сѣдломъ,
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя славянъ

Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибни, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней,—
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Ихъ сонмы русскій мечъ казнитъ.
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдный,
Копье сіяетъ какъ звѣзда,
Струится кровь съ кольчуги мѣдной,
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила...
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила.
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы;
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей.
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо—юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто-бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной;
И вдругъ узнала—это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милый!
Неправый старца гнѣвъ погасъ:
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство;
Счастливый князь ему простилъ:
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ, міра житель равнодушный,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимый,
Ужъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ,
Ты сохранила мнѣ свободу—
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой,
Но огнь поэзіи погасъ—
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній...

26 іюня 1820. Кавказъ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821).

Надъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Николаю Николаевичу Раевскому.

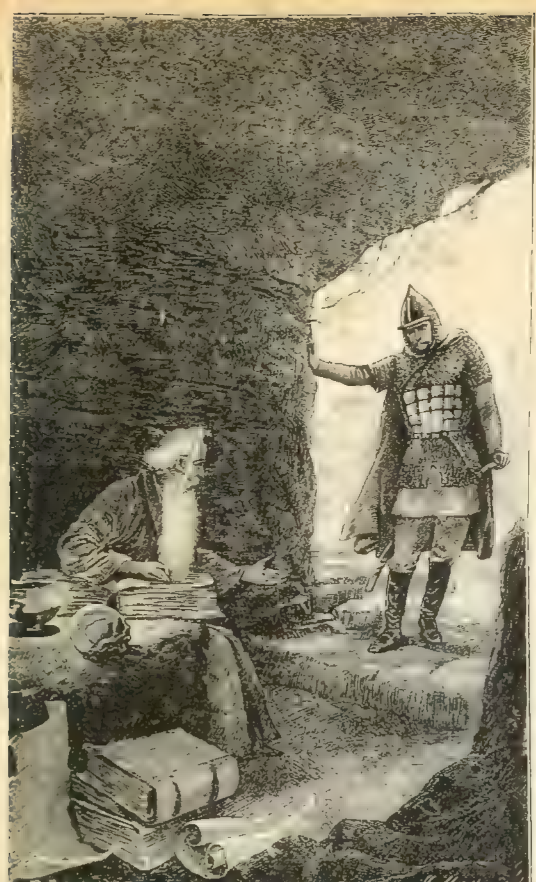
Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ изгнанной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда я погибалъ безвинный, безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладный,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили—
Я близъ тебя еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ...
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ.
Гдѣ пасмурный Бешту, пустынникъ величавый,
Ауловъ и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду-ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной
Дѣлилъ души младыя впечатлѣнья;
Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой
И дикій геній вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья
И тайный гласъ души моей.
Мы въ жизни розно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.
Я рано скорбь узналъ, постигнутъ былъ гоненьемъ,
Я—жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ;
Но, сердце укрѣпивъ свободой и терпѣньемъ,
Я ждалъ безпечно лучшихъ дней,
И счастіе моихъ друзей
Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей,
Удары шашекъ ихъ жестокихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ,
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ...
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
«Вотъ русскій!» хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышетъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ:
Невнятный стонъ въ устахъ раздался
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся,
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ, загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ—рабъ...
За саклями лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;



. и Людм.". Русланъ передъ пещерою Финна.

„Русл. и Людм.". Торжественный выходъ Черномора.

. и Людм." Людмила въ шапкѣ Черномора передъ зеркаломъ.

„Русл. и Людм.". Бой Руслана съ живой головою.

сл и Люд.". Бой Руслана съ Черноморомъ.

„Русл. и Люд.". „Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей"

„Кавк. Плѣн.". Плѣнникъ лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.

„Кавк. Плѣн.". Прощаніе черкешенки съ плѣнникомъ.

Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины;
Межъ нихъ уединенный путь
Въ дали теряется угрюмой...
И плѣнника младого грудь
Тяжелой волновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,—
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,—
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви—безумный сонъ,
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы,—
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою,
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ.

Свершилось... Цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!...
Онъ—рабъ... Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами,—
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли; въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслитъ: это—лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладный
Подноситъ тихою рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ...
Но взоръ умильный, жаръ ланитъ,
Но голосъ нѣжный говоритъ:
Живи!—и плѣнникъ оживаетъ.
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорный,
Привсталъ и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она, задумчива, сидѣла,
Какъ-бы участіемъ нѣмымъ
Утѣшить плѣнника хотѣла;
Уста невольно каждый часъ
Съ начатой рѣчью открывались,
Она вздыхала, и не разъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
Въ горахъ, окованный, у стада
Проводитъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрываетъ въ лѣтній зной.
Когда-же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тѣнистой,
Приноситъ плѣннику вино,
Кумысъ и ульевъ сотъ душистый,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
Съ неясной рѣчію сливаетъ
Очей и знаковъ разговоръ;
Поетъ ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нетерпѣливой
Передаетъ языкъ чужой.
Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русскій жизни молодой

Давно утратилъ сладострастье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой—
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ;
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался паръ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы—дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые—
А плѣнникъ съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
...ру, нравы, воспитанье,

Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный—
Все тотъ-же онъ, все тотъ-же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,—
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится...
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему—болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые—
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны

„Кавк. Плѣн.“. Плѣнникъ л.

За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ.
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?.. Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда-же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня -
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ,
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То, съ высоты крутыхъ холмовъ,
Нетерпѣливыми рядами
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,—
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладный,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣлъ-ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ, надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ читалъ—
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой
И шепотомъ между собой
Своей добычею гордились.

—

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда твой другъ во тьмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгорая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: «плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынѣ
Съ тобою, царь души моей!
Люби меня; никто донынѣ
Не цѣловалъ моихъ очей;
Къ моей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокій
Не крался въ тишинѣ ночной--
Слыву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый:
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата;
Но умолю отца и брата,
Не то—найду кинжалъ иль ядъ!
Непостижимой, чудной силой

Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милый,
Душа тобой упоена...»

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатились.
Лежала въ сердцѣ, какъ свинецъ,
Тоска любви безъ упованья.
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ излілъ свои страданья:

«Забудь меня: твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною.
Другого юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ:
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній.
И нѣжность пламенныхъ рѣчей;
Безъ упованья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
Душевной бури слѣдъ ужасный:
Оставь меня, но пожалѣй
О скорбной участи моей!
Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
Явилась ты моимъ очамъ,—
Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
И упоительнымъ мечтамъ;
Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морей и бури вольный шумъ,
Дѣвичій голосъ, гимны славы
Еще плѣняли жадный умъ!
Но поздно... умеръ я для счастья,
Надежды призракъ улетѣлъ;
Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжко мертвыми устами
Живымъ лобзаньямъ отвѣчать
И очи, полныя слезами,
Улыбкой хладною встрѣчать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснувъ безчувственной душой,
Въ объятіяхъ подруги страстной,
Какъ тяжко мыслить о другой!...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
Ты пьешь лобзанія мои,
И для тебя часы любви
Проходятъ быстро, безмятежно:
Снѣдая слезы въ тишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый:
Его зову, къ нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И тайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродитъ,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь-же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы—
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признанье—
Прости!.. дай руку на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука—
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь».

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ.
Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася:

«Ахъ, русскій, русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,
Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придутъ-ли вновь когда-нибудь?
Ужель навѣкъ погибла радость?..
Ты могъ-бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя-бъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла-бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга;
Ты не хотѣлъ... Но кто-жъ она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русскій? ты любимъ?..
Понятны мнѣ твои страданья..
Прости-жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ».

Умолкла. Слезы и стенанья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ роптали пени;
Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
Она едва могла дохнуть.
И плѣнникъ, тихою рукою

Поднявъ несчастную, сказалъ:
«Не плачь! и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной.
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забытый средь пустыхъ долинъ.
Умру вдали бреговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь—
Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ,
Заржавитъ тягостная цѣпь...»

Свѣтила ночи затмевались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
Одинъ окрестъ аула бродитъ.
Заря за знойный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ:
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ-ли серна межъ кустами,
Проскачетъ-ли во мглѣ сайгакъ,
Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется-ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель...
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ русскій плѣнный
Въ горахъ раздался крикъ военный:
«Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
Кипятъ осѣдланные кони:—
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани...

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе,
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ, віясь, синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ—
И старцевъ сердце молодѣетъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти;
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ русскій о побѣгѣ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги!» сказала дѣва горъ:
Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ—твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ».

Пилу дрожащей взявъ рукой.
Къ его ногамъ она склонилась:

Визжитъ желѣзо подъ пилой
Слеза невольная скатилась—
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ! дѣва говоритъ:
Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя, покровъ ея клубилъ.
«О, другъ мой! русскій возопилъ:
Я твой навѣкъ, я твой до гроба!—
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной...»—Нѣтъ, русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость—
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно-ль? ты любилъ другую...
Найди ее, люби ее!
О чемъ-же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?..
Прости! любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости—забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ... въ послѣдній разъ.—

Къ черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресшимъ сердцемъ къ ней летѣлъ,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ...
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ...
На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ... брега яснѣли
И опѣненные бѣлѣли,
Но нѣтъ черкешенки младой
Ни у бреговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Все понялъ онъ... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ муза, легкій другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровый
Племенъ, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсенъ и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа;
Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава древній поединокъ,
Измѣны, гибель россіянъ
На лонѣ мстительныхъ грузинокъ.
И воспою тотъ славный часъ,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующій Кавказъ
Поднялся нашъ орелъ двуглавый;
Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесь покинулъ саблю мести,
Тебя не радуетъ война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...
Но се—Востокъ подъемлетъ вой!..
Поникни снѣжною главой,
Смирись, Кавказъ,—идетъ Ермоловъ.

И смолкнулъ ярый крикъ войны:
Все русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,

Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы...

Одесса, 1821. 15 мая.

— —

ПРИПИСКИ КЪ ПОЭМѢ «КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ».

1.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, дѣвицы:
Не веселѣе-ль намъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы,
Иль усыпительный журналъ,
Который, въ вѣкъ не зная цѣли,
Усердно такъ тяжелъ и грубъ—
И ровно кажды двѣ недѣли
Быть хочетъ золъ, а только глупъ?

2.

О вы, которые любили
Парнаса тайныя мечты
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили—
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпого,
Отъ взоровъ зависти косой
Картины, вымыслы, разсказы
Для васъ я вновь перемѣшалъ,
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы
Въ архивахъ ада отыскалъ.

-

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ.
(1821).

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей,—
За Волгой, ночью, вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
Живутъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ бреговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, башкирецъ безобразный,
И рыжій финнъ, и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій цыганъ.
Опасность, кровь, развратъ, обманъ
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
Кто рѣжетъ хладною рукой
Вдовицу съ бѣдной сиротой,
Кому смѣшно дѣтей стенанье,
Кто не прощаетъ, не щадитъ,
Кого убійство веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все; теперь луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
И чарка пѣннаго вина
Изъ рукъ въ другія переходитъ.
Простерты на землѣ сырой
Иные чутко засыпаютъ,
И сны зловѣщіе летаютъ
Надъ ихъ преступной головой.
Другимъ разсказы сокращаютъ
Угрюмой ночи праздный часъ;
Умолкли всѣ—ихъ занимаетъ
Пришельца новаго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ...
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

«Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ-ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ! и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ

Вошли—все даромъ: пьемъ, ѣдимъ
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ!

«И что-жъ? попались молодцы:
Недолго братья пировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
«Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
Воды, воды!..» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ:
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ съ него катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга:
Ужъ онъ меня не узнавалъ
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!..»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ! сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его—онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!..»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ.
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ:
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами.
Песчаный видимъ островокъ,
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ.
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ—
И, какъ свинецъ, пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину;
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,

Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ —
И на груди моей уснулъ.

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ,
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь—ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокій,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика —
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ».

Умолкъ и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали;

Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать—
Ну, потчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ...
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ со-
Она проснется въ черный день. [вѣсть:

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.
(1822).

Многіе, такъ же какъ и я, посѣщали сей фонтанъ, но иныхъ уже нѣтъ, другіе странствуютъ далече.

Сади.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивый
Махнулъ рукой нетерпѣливой—
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ...
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занятъ онъ?
На Русь-ли вновь идетъ войною,
Несетъ-ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ-ли местію кровавой,
Открылъ-ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится-ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
Устала грозная рука;
Война отъ мыслей далека.

Ужель въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣгъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ аравійскіе цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой

И младость, и любовь уводятъ.
Однообразенъ каждый день
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью правитъ лѣнь;
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младыя жены, какъ-нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана—
Ему единственный законъ;
Святую заповѣдь Корана
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томный.
Ему извѣстенъ женскій нравъ;
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ;
Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Не властны надъ его душой:
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,—
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ; онъ видитъ, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тьмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ:
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ;
Въ заботѣ вѣчной, ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ;
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,—
Все жадно примѣчаетъ онъ:
И горе той, чей шопотъ сонный
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что-жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ;
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель;
Предъ нимъ дверь настежъ. Молча онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно иныя
Роняли серьги золотыя.
Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
Шербетъ носили ароматный,
И пѣснью звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ.

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто, миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣетъ, милая, тебя».

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ни что, ни что не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!.. Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
Чей голосъ выразитъ сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,

Забьется для красы чужой?
Но равнодушный и жестокій,
Гирей презрѣлъ твои красы,
И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокій,
Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной;
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля;
Одну заботу вѣдалъ онъ,—
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Воспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло: тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя,
И очи томно голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала —
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ, межъ подругъ,
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно-ль? И что-же! Тьмы татаръ
На Польшу хлынули рѣкою:
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица...
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница...
Отецъ—въ могилѣ, дочь—въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Увы! дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну:
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадитъ:
Ея унынье, слезы, стоны
Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ:
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей:
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальный возмущать покой;
Гарема въ дальнемъ отдѣленьѣ
Позволено ей жить одной;
И, мнится, въ томъ уединеньѣ
Сокрылся нѣкто неземной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскущей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ...
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство. . .
. . . .

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью,
Я слышу пѣнье соловья;
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ татаръ спѣшатъ супруги
Дѣлить вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной;
Не прерывается ничѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежный,

Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ; но страхъ прилежный
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ несчастныхъ ожиданье
Покоя не даетъ уму:
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожитъ,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ...
Но все кругомъ его молчитъ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока!
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка!
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ, подъ вліяніемъ луны,
Все полно тайнъ и тишины,
И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она...
Идетъ... рукою торопливой
Открыла дверь; во тьмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой...
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ сѣдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо;
Обманчивъ сна его покой!..
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука
Коснулась вѣрнаго замка...
Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
И крестъ, любви символъ священный...
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоилась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись,
И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись:
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ эдема,
Казалось, ангелъ почивалъ
И, сонный, слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема...
Увы, Зарема, что съ тобой?
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольно клонятся колѣни,
И молитъ: «сжалься надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!..»
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зритъ;
Въ смятеньѣ, трепетной рукою
Ее подъемля, говоритъ:
—Кто ты?.. Одна, порой ночною,
Зачѣмъ ты здѣсь?— «Я шла къ тебѣ:
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась...
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня...
И тѣнь блаженства миновалась!
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донынѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной—
Не знаю; помню только море,
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами...
Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ безпрерывномъ упоеньѣ
Дышали счастьемъ; и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась...
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,

Моихъ не слушаетъ укоровъ;
Ему докученъ сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю, не твоя вина...
И такъ послушай: я прекрасна;
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла-бъ еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь;
Зачѣмъ-же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ: онъ—мой;
На мнѣ горятъ его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ;
Давно всѣ думы, всѣ желанья
Гирей съ моими сочеталъ;
Меня убьетъ его измѣна...
Я плачу! видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя:
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея...
Не возражай мнѣ ничего;
Онъ—мой; онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его;
Клянись... [хоть я для Алькорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя], клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею...
Но слушай: если я должна
Тебѣ... кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей;
Но голосъ ихъ ей смутно внятенъ,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей.
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья?
Что ждетъ ее? Ужели ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провесть наложницей презрѣнной?
О Боже! если-бы Гирей
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную навѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,—
Съ какою-бъ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждутъ,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

. . . .

Промчались дни: Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила,
Она давно-желанный свѣтъ,
Какъ новый ангелъ, озарила.
Но что-же въ гробъ ее свело?
Тоска-ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло?
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!..
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю, и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зритъ его лица;
Тамъ, обреченныя мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ними
Давно грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая-бъ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ,
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
[Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина].
Есть надпись: ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чертами
Журчитъ во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда;
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.

Младыя дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинувъ сѣверъ наконецъ
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ;
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки.
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище.
Сіи надгробные столбы,
Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!.. Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!..
. . . .

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбѣжный?
Маріи-ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь-же милый взглядъ
И красоту еще земную;
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго-ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ,
Когда, въ часъ утра безмятежный.
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ.
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ, и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага...

ЦЫГАНЫ.

(1824).

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній.
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.

Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальное глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
Она придетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака;
Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ;
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду».
Старикъ: Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долѣ,
Бродящей бѣдности и волѣ;
А завтра, съ утренней зарей,
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.
Алеко: Я остаюсь.
Земфира: Онъ будетъ мой—
Кто-жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашелъ, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ;
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дѣти, ложе нѣги!»
И съ шумомъ высыпалъ народъ;
Шатры разобраны; телѣги
Готовы двинуться въ походъ;
Все вмѣстѣ тронулось—и вотъ
Толпа валитъ въ пустыхъ равнинахъ.
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ;
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ, и младъ вослѣдъ идутъ;
Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы,
Медвѣдя ревъ, его цѣпей
Нетерпѣливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай, и завыванье,
Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ—
Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пѣснь рабовъ однообразной.

Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что-жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ—
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онъ, изгнанникъ перелетный,
Гнѣзда надежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорога,
Вездѣ была ночлега сѣнь;
Проснувшись поутру, свой день
Онъ отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лѣнь.
Его, порой, волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ;

Но онъ безпечно подъ грозою
И въ вёдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой:
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой,
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди!
Давно-ль, на долго-ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди.

Земфира: Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что̀ бросилъ навсегда?
Алеко: Что-жъ бросилъ я?
Земфира: Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.
Алеко: О чемъ жалѣть? Когда-бъ ты знала,
Когда-бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ,
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ?
Земфира: Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!
Алеко: Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я... одно мое желанье—
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.
Старикъ: Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
[Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудреное прозванье].
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной;
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти:
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти:
Какъ мерзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье,
Онъ ждалъ: придетъ-ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая...
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью—чуждой сей земли
Неуспокоенные гости.
Алеко: Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два лѣта. Такъ-же бродятъ
Цыгане мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
Ведетъ кочующіе дни.
Все тотъ-же онъ; семья все та-же;
Онъ, прежнихъ лѣтъ не помня даже,
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглецъ родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжко пляшетъ, и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожный,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣньемъ звѣря водитъ,
Земфира поселянъ обходитъ
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь, они всѣ трое

Варятъ нежатое пшено;
Старикъ уснулъ—и все въ покоѣ...
Въ шатрѣ и тихо, и темно.

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

Земфира: Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко: Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсенъ не люблю.
Земфира: Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня,—
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Алеко: Молчи, Земфира, я доволенъ...
Земфира: Такъ понялъ пѣсню ты мою?
Алеко: Земфира!..
Земфира: Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню про тебя пою.
[Уходитъ и поетъ: «Старый мужъ» и проч.]

Старикъ: Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена;
Уже давно, въ забаву свѣта,
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Маріула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо... Ночь... Луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ:
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ;
Послушай: сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ».

Старикъ: Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я русское преданье:
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснитъ дыханье
Домашній духъ. Передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.
Земфира: Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!
Старикъ: Тебя онъ ищетъ и во снѣ—
Ты для него дороже міра.
Земфира: Его любовь постыла мнѣ;
Мнѣ скучно, сердце воли проситъ,
Ужъ я... Но тише! слышишь? онъ
Другое имя произноситъ.
Старикъ: Чье имя?
Земфира: Слышишь? хриплый стонъ
И скрежетъ ярый!.. Какъ ужасно!
Я разбужу его.
Старикъ: Напрасно:
Ночного духа не гони;
Уйдетъ и самъ.
Земфира: Онъ повернулся;
Привсталъ; зоветъ меня; проснулся...
Иду къ нему.—Прощай, усни.
Алеко: Гдѣ ты была?
Земфира: Съ отцомъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.
Алеко: Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страшныя мечты.
Земфира: Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.
Алеко: Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

Старикъ: О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубитъ.
Алеко: Отецъ! она меня не любитъ.
Старикъ: Утѣшься, другъ; она—дитя;
Твое унынье безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское—шутя.
Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озаритъ—
И вотъ ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:

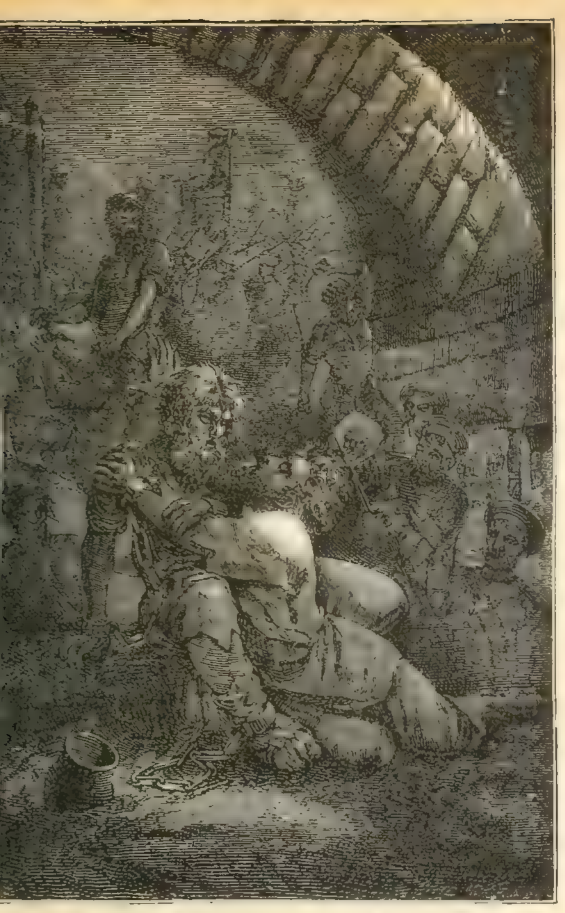
Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!...
Алеко: Какъ она любила!
Какъ нѣжно, преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что-жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла!
Старикъ: Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще москаль—
[Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль],
Тогда боялись мы султана,
А правилъ Буджакомъ паша
Съ высокихъ башенъ Акермана—
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостью кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не бѣлѣла.
Между красавицъ молодыхъ
Одна была... и долго ею,
Какъ солнцемъ, любовался я
И, наконецъ, назвалъ моею.
Ахъ быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Маріула.

Однажды, близъ кагульскихъ водъ,
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,—
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Маріула.
Я мирно спалъ, заря блеснула;
Проснулся я—подруги нѣтъ!
Ищу, зову—пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!.. Съ этихъ поръ
Постылы мнѣ всѣ дѣвы міра:
Межъ ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.
Алеко: Да какъ-же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ вослѣдъ неблагодарной,
И хищнику, и ей, коварной,
Кинжала въ сердце не вонзилъ?
Старикъ: Къ чему? Вольнѣе птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.
Алеко: Я не таковъ. Нѣтъ, я, не споря,
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда-бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила-бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ-бы гулъ.

Молодой цыганъ: Еще одно, одно лобзанье!
Земфира: Пора! мой мужъ ревнивъ и золъ.
Цыганъ: Одно... но долѣ на прощанье!
Земфира: Прощай, покамѣстъ не пришелъ.
Цыганъ: Скажи—когда-жъ опять свиданье?
Земфира: Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ, надъ могилой...
Цыганъ: Обманетъ! не придетъ она.
Земфира: Бѣги вотъ онъ! Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тьмѣ,
Ревниво руку простираетъ;
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ—
Его подруга далека...
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ...
Все тихо... страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ;
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродитъ...
Спокойно все; поля молчатъ;
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ;
Чуть по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальные курганы:
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.

Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣетъ передъ нимъ;
Туда слабѣющія ноги
Влачитъ, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни...
Идетъ... и вдругъ... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.
Первый голосъ: Пора...
Второй голосъ: Постой!
Первый голосъ: Пора, мой милый.
Второй голосъ: Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.
Первый голосъ: Ужъ поздно.

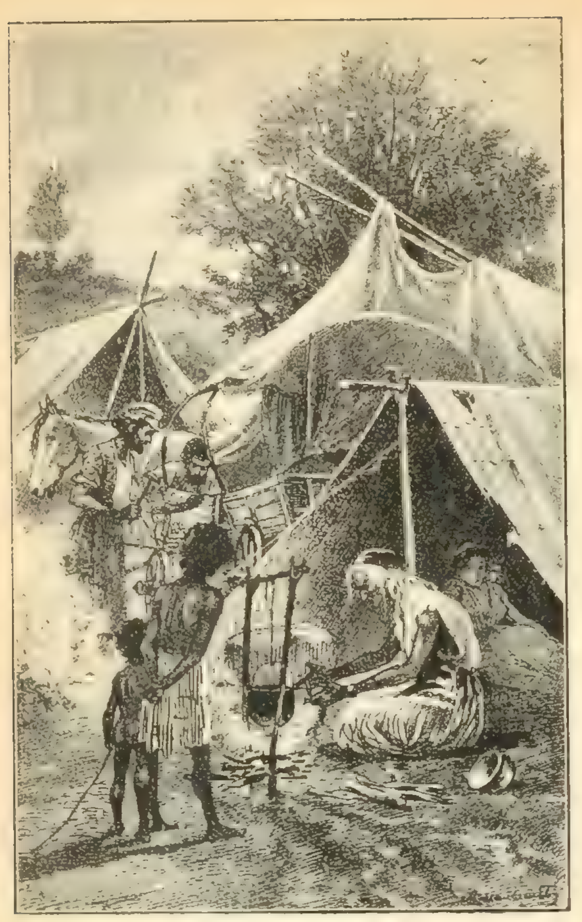


„Братья-разбойн." Мольбы младшаго брата въ тюрьмѣ.

„Братья-разбойн.". Бѣгство колодниковъ.

„Бахчисар. фонтанъ". Жены Гирея у фонтана.

„Бахчисар. фонтанъ". Зарема на колѣняхъ передъ Маріей.



„Цыганы". Цыганскій таборъ.

„Цыганы" Алеко убиваетъ Земфиру.

„Цыганы". „Оставь насъ, гордый человѣкъ!"

Галубъ". *Галубъ:* „Бѣги, бѣги скорѣй!".

Второй голосъ: Какъ ты робко любишь...
Минуту!
Первый голосъ: Ты меня погубишь.
Второй голосъ: Минуту!
Первый голосъ: Если безъ меня
Проснется мужъ...
Алеко: Проснулся я.
Куда вы? Не спѣшите оба—
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.
Земфира: Мой другъ, бѣги, бѣги!
Алеко: Постой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!
[Вонзаетъ въ него ножъ.]
Земфира: Алеко!
Цыганъ: Умираю!
Земфира: Алеко, ты убьешь его!
Взгляни, ты весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?
Алеко: Ничего.
Теперь дыши его любовью..
Земфира: Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю.
Алеко: Умри-жъ и ты! [Поражаетъ ее].
Земфира: Умру любя!

Востокъ, денницей озаренный,
Сіялъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножемъ въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
Два трупа передъ нимъ лежали;
Убійца страшенъ былъ лицомъ;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ-отецъ одинъ сидѣлъ
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйствіи печали;
Подняли трупы, понесли
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда-же ихъ зарыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казнимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ.
Мы робки и добры душою,
Ты золъ и смѣлъ—оставь-же насъ;
Прости! да будетъ миръ съ тобою».

Сказалъ—и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль, на югъ несется,—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ телѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ...

ЭПИЛОГЪ

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями:
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!—
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны;
И ваши сѣни кочевыя
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду—страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

ПОЛТАВА.

(1828).

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага, утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ, однакожъ, симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ-ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда-нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича—своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная церковію анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ, и проч. Лучше было-бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 января 1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется-ль слуха твоего?
Поймешь-ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ привѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?
  Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ—
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей

[27 октября дер. Малинники]

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей.[1]
Его луга необозримы:
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду, и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами—
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

  И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
[Мгновенный цвѣтъ!] молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она

Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихамъ отказъ—и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ...

Онъ старъ, онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное.
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей раскалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
Возможно-ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
Онъ, должный быть отцомъ и другомъ
Невинной крестницы своей...
Безумецъ! на закатѣ дней,
Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!»[2]
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ, какъ неживая,
Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи—и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горе разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная, какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ
Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ восьми подковъ
Былъ виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланитъ,
Да русы кудри молодыя,—
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой;
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой;
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала,
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ,[3]
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ, и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки[4]...

Богатъ и знатенъ Кочубей;
Довольно у него друзей;
Свою омыть онъ можетъ славу;
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить.... но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,

Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась;
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

«Что-жъ гетманъ? юноши твердили:
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь-бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда-бы старый Дорошенко[5],
Иль Самойловичъ молодой[6],
Иль нашъ Палѣй[7], иль Гордѣенко[8]
Владѣли силой войсковой;
Тогда-бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки[9]».

Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ:
Чего нельзя и что̀ возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.
Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ,
Со старцами старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды,
Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ—его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
Скрежеща, мыслитъ Кочубей:
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй!
Въ рукахъ московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему,
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно; онъ голубитъ
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ—
Отмститъ поруганную дочь.

Но предпріимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ—
Всему виновна дочь одна;
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ...

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ:[10]
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копитъ.
И гнѣва женскаго полна,
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопитъ.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ—и ей
Клянется мрачный Кочубей.
Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра заодно,[11]
И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
Врага паденье рѣшено...
Но кто-жъ, усердьемъ пламенѣя,
Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положитъ не робѣя?»

Между полтавскихъ казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа-бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сиръ онъ удалился.
Когда-же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила—
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Убитый ею, къ ней одной
Стремилъ онъ страстныя желанья,
И горькій ропотъ, и мечтанья
Души кипящей и больной.
Еще хоть разъ ее увидѣть
Безумной жаждой онъ горѣлъ;
Ни презирать, ни ненавидѣть
Еще не могъ и не хотѣлъ.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бѣжитъ, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булатъ—потѣха молодца,
Ретивый конь—потѣха тоже,
Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
Коня, червонцы и булатъ,
Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,

Доносъ на гетмана-злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя, между тѣмъ
Не ужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ;
Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ[12]
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они, какъ воры,
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собой,
Слагаютъ цифръ универсаловъ,[13]
Торгуютъ царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,[14]
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ,[15]
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова паша.
Во станѣ Карлъ и царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи, самому
Вельможи русскіе послали[16]
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!

Мазепа, въ горести притворной,
Къ царю возноситъ гласъ покорный:
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ—
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной;
Его щедротою безмѣрной
Осыпанъ, дивно вознесенъ...
О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
Ему-ль теперь, у двери гроба,
Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благую славу?
Не онъ-ли помощь Станиславу[17]
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ-ли наущеньямъ хана[18]
И цареградскаго султана
Былъ глухъ, усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ?—
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто-же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй....[19]

Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точитъ на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или.... но дочери любовь
Главы отцовской не искупитъ.
Любовникъ гетману уступитъ,
Не то—моя прольется кровь».

Марія, бѣдная Марія,
Краса черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой-же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла;
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;

Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ—
Тебѣ пріятенъ твой позоръ;
Ты имъ въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ, горда—
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пени,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И, мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...
О, если-бъ вѣдала она,
Что̀ ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ;
Напрасно: черныхъ помышленій
Ея любовь не удалитъ.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ
И ей на ласковый укоръ
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:

«Послушай, гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ—
Твою любовь. Я для нея
Сгубила счастіе мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю—
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ-же ты меня не любишь?»

Мазепа: Мой другъ, несправедлива ты!
Оставь безумныя мечты,
Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти...

Марія: Неправда; ты со мной хитришь.
Давно-ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ—я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это—новость;
Кто эта Дульская?

Мазепа: И ты
Ревнива? Мнѣ-ль, въ мои-ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану-ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя око̀вы
И женъ притворствомъ искушать?

Марія: Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ
И просто, прямо отвѣчай.

Мазепа: Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай:

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ;
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ...
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора—
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ:
Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны-ль?

Марія: О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!

Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!
Мазепа: Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ...
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?
Марія: Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.
Мазепа: А если плаха?....
Марія: Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу-ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.
Мазепа: Меня ты любишь?
Марія: Я! люблю-ли?
Мазепа: Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?
Марія: Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ
[Какая страшная мечта!],
Моимъ отцомъ я проклята,—
А за кого?
Мазепа: Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....
Марія: О Боже!
Мазепа: Что-жъ? Отвѣчай.
Марія: Рѣши ты самъ.
Мазепа: Послушай: если было-бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А-ты бы намъ судьей была,
Кого-бъ ты въ жертву принесла,
Кому-бы ты была ограда?
Марія: Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты—искуситель.
Мазепа: Отвѣчай!
Марія: Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.
Мазепа: Помни-же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады,
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье!
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?
Орликъ: Допросъ не конченъ: отвѣчай.
Кочубей: Я отвѣчалъ уже; ступай,
Оставь меня.
Орликъ: Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.
Кочубей: Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ.

Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?
Орликъ: Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ[20] укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна:
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Кочубей: Такъ, не ошиблись вы: три [клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ;
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,—
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орликъ: Старикъ, оставь пустыя бредни;
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?
Кочубей: Злой холопъ!
Окончишь-ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою—
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.
Орликъ: Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ? скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ![21]

Палачъ вошелъ.... О, ночь мученій!
Но гдѣ-же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умретъ безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ». Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ;
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань....
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ, старцу мрачному—и что-же?
Какой готовлю ей ударъ!...»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою,
И лѣтней, теплой ночи тьма
Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... невнятный стонъ
Какъ-бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ-ли сонъ воображенья,

Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельѣ дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И—съ нимъ.... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ:
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышетъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась, но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ... и что-же?
Предъ нею мать...
Мать: Молчи, молчи,
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь... Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно...
Спаси отца!
Дочь: [въ ужасѣ]: Какой отецъ?
Какая казнь?
Мать: Иль ты донынѣ
Не знаешь?.. Нѣтъ! ты не въ пустынѣ,—
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ государь ему внимаетъ.
Но вижу, скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ...
Другъ другу, вижу, мы—чужія...
Опомнись, дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесть.
Рвись, требуй—гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога....
Дочь: Что со мною?
Отецъ.... Мазепа.... казнь.... съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ, мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы....
Мать: Богъ съ тобою!
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донесъ?
Что, въ истязаніяхъ кровавыхъ,
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы?
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою?
Что предъ громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня?
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ?
Дочь: Боже, Боже!...
Сегодня!... Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки[22].
Въ строяхъ равняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ;
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось—
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ,
А тамъ, по кіевской дорогѣ.
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;

Съ кадилъ куренье поднялось;
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы—за враговъ... И вотъ
Идутъ они, взошли... На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,—
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава...
И сердцемъ радуясь во злобѣ,
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой
И про свои заботы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу подымали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, «что Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе....
Невольно страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ—
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вкругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ—
Ушла!—Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони—
Раздался дикій крикъ погони,
Верхомъ—и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,—
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
Мазепа молча скрежеталъ;
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
Близъ ложа, тамъ, во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру посланные слуги
Одинъ явились за другимъ.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,—
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, растеряно, избито:
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,—
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины,
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя шведамъ тризну тайну.
Внезапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра;
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжко жизнью старой,

Такъ оный хитрый кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла ..
Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ.
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный». Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ[23];
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другого гетмана творятъ.
Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый,
На плахѣ гибнетъ Чечель смѣлый[24]
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день,—ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И царь туда-жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ. наконецъ.
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ, блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ. Орликъ мой.
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій, и плохой.
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъКарлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный:
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать[25],
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;[26]
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану[27];
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая».
Орликъ: Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.
Мазепа: Нѣтъ, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ.
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши;
Я слово смѣлое сказалъ...
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ...
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье,—
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ-бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

Горитъ востокъ зарею новой;
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули;
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки;
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры.... Онъ прекрасенъ,—
Онъ весь какъ Божія гроза.
Идетъ.... Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могучимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
Равняясь, строятся полки;
Молчитъ музыка боевая;
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ;
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ счастія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины—
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ-плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ...

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ:
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что-жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ

Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ, гнутся шведы;
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ:
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ-же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ-жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ... Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что-же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какой-нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ-ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ?
Узналъ-ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ:
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ, съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
«Иль это сонъ?.. Марія... ты-ли?»

Марія: Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могутъ насъ.

Мазепа: Марія, бѣдная Марія!
Опомнись... Боже... Что съ тобой?

Марія: Послушай, хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала.
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь, какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно-ль ей меня терзать?

„Полтава". Гонецъ отъ Кочубея.

„Полтава" Допросъ Кочубея въ темницѣ

„Полтава". Бѣгство Карла XII послѣ Полтавской битвы.

„Полтава". *Мазепа:* „Иль это сонъ?... Марія... ты-ли?

„Сказ. о царѣ Салтанѣ". Лебедь-царевна передъ Гвидономъ.

„Сказ. о попѣ и работ. Балдѣ". Балда у моря пугаетъ чертей.

„Сказ. о мерт. царевнѣ". Королевичъ Елисей пробуждаетъ царевну.

„Сказ. о зол. пѣт.". Царь Дадонъ и трупы его сыновей.

И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно-ль?—Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокій.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако-жъ, говоритъ она:
Я помню поле... праздникъ шумный...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ-жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ,—онъ прекрасенъ;
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь».
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ,—
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ—и что-жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ,—
Останки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ-бы гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ,
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ
Грозя, гремитъ о немъ соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила.
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ ПОЭМѢ «ПОЛТАВА».

1. Василій Леонтьевичъ Кочубей—генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ.
2. Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.
3. Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсенъ, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубеи въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.
4. Бунчукъ и булава—знаки гетман. достоинства.
5. Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества.
6. Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.
7. Симеонъ Палѣй, хвестовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи.
8. Гордѣенко, кошевой атаманъ запорожцевъ; передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.
9. 20.000 казаковъ было послано въ Лифляндію.
10. Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его.
11. Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.
12. Езуитъ Заленскій, княг. Дульская и какой-то болг. архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были глав. агентами Мазепиной измѣны. Послѣдніи въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно.
13. Такъ назывались манифесты гетмановъ.

14. Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, наперсникъ Мазепы. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

15. Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

16. Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

17. Въ 1705 году.

18. Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско.

19 Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Даніиломъ.

20. Деревня Кочубея.

21. Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

22. Войско, состоящее на иждивеніи гетмановъ.

23. Малороссійское слово. По-русски—палачъ.

24 Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Меншикова.

25. Въ Дрезденъ къ королю Августу.

26. Ахъ, В. В., бомба!. „Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши". Это случилось гораздо позже.

27. Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

КОЛЬНА *.

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ онъ занимался симъ трудомъ, Карулъ, сосѣдственный государь, пригласилъ его къ пиршеству. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольну; нечаянный случай открылъ взаимныя ихъ чувства и осчастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрой Каломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ!
Я зрю: твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынный лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темный кровъ древесъ.
Твой мшистый брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась;
Ты зрѣлъ, когда въ любви невольной
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы царь могучихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
Шумящей прохлажденъ осиной.
Тамъ рядъ является могилъ;
Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
Полки враговъ я расточилъ.
И много, много сильныхъ пало;
Ихъ гробы черны вранъ стрежетъ.
Гряди—и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
Воздвигни памятникъ побѣдъ».
Онъ рекъ, и въ путь безвѣстный, дальній
Пустился съ бардами Тоскаръ;
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневный жаръ.
Денница красная выводитъ
Златое утро въ небеса,
И вотъ уже Тоскаръ подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.
Воспѣли барды гимнъ святой;
Тоскаръ обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ изъ бездны волнъ сребристыхъ
И съ шумомъ на высокій брегъ
Въ густой и дикій злакъ повергъ;
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечъ,
И круглый щитъ, и шлемъ пернатый
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
О храбрыхъ позднимъ временамъ!
Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока
Въ туманѣ ляжетъ по лѣсамъ,
Пришлецъ, дорогой утомленный,
Возлегши подъ надежный кровъ,
Воспомнитъ вѣки отдаленны
Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
Съ разсвѣтомъ алыя денницы
Лучами солнца пробужденъ,
Онъ узритъ мрачныя гробницы...
И грознымъ видомъ пораженъ,
Вопроситъ сынъ иноплеменный:
Кто памятникъ воздвигъ надменный?
И старецъ, лѣтами согбенъ,
Речетъ: Тоскаръ нашъ незабвенный,
Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Спѣшитъ на темныхъ облакахъ.
Ужъ ночь на холмѣ. Берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ.
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ,
Призвалъ морвенскаго героя—
Въ жилищѣ Кольны молодой
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.
. . . .

* Переложеніе въ [illegible] прозаическаго перевода Кольны, поэмы Мак[illegible]

Близъ пепелища всѣ возсѣли;
Веселья барды пѣснь воспѣли;
И въ пѣнѣ кубокъ золотой
Кругомъ несется чередой.
Печаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ:
Задумчиво онъ страстны взоры
На нѣжну Кольну устремилъ—
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ;
Тоскуетъ, втайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови;
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.
Но вотъ ужъ дубъ престалъ дымиться,
И тѣнь мрачнѣе становится,
Чернѣетъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.
. . . .
. . . .

Рѣдѣетъ ночь—заря багряна
Лучами солнца возжена;
Предъ ней златится твердь румяна;
Тоскаръ, покинувъ ложе сна,
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ,
Спѣшитъ узрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенней полунощи
Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
Выходитъ ратникъ молодой.
Мечъ острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу вооружаетъ,
Надвинутъ на чело шеломъ
И гибкій станъ покрытъ щитомъ;
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ:
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
Ужель и въ сей странѣ война
Багритъ ручьевъ струисты волны?
Но все спокойно—тишина
Окрестъ жилища нѣжной Кольны».
—Спокойны дебри Каломоны,
Цвѣтетъ отчизны край златой;
Но Кольна тамъ не обитаетъ;
И нынѣ по стезѣ глухой
Пустыню съ милымъ протекаетъ,
Плѣнившимъ сердце красотой!
«Что рекъ ты мнѣ, младой воитель?
Куда сокрылся похититель?
Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ,—
Но вдругъ исчезъ геройства жаръ:
Что зритъ онъ съ сладкимъ восхищеньемъ,
Не въ силахъ въ страсти воздохнуть,
Пылая вдругъ восторгомъ новымъ?..
Лилейна обнажилась грудь,
Подъ грознымъ дышуща покровомъ...
«Ты-ль это?» возопилъ герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій—
И Кольну видитъ предъ собой...
1814 г.

ЭВЛЕГА.

[изъ поэмы Парни «Isnel et Aslega»].

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина,
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный,
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тьмѣ ночной, печальна и одна:

«Приди, Одульфъ! Ужъ роща поблѣднѣла,
На дикій мохъ Одульфа ждать я сѣла,
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
О, сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ, забудусь я съ тобою,
И поцѣлуй любовью возгоритъ!

«Бѣги, Осгаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

«Что-жъ медлитъ онъ свершить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу... идутъ—такъ, это другъ надежный!
Ужъ начались восторги страсти нѣжной,
И поцѣлуй любовью возгоритъ».

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь и прочь бѣжитъ печаль...
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
«Кто ты?» спросилъ: «почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!»

— Безсильный врагъ, Осгара убѣгай!
Въ пустынной тьмѣ что ищутъ робки очи?
Страшись меня: я страстью воспаленъ:
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Осгара.—
Булатный мечъ въ минуту обнаженъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей
И бросила со страхомъ хладъ пещерный.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей!»
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной:
«Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?

Во тьмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга;
Но дерзкаго въ Валгаллѣ ты найдешь».
Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный отъ скалъ!
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катятся...
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ.
1814 г.

ОСГАРЪ

[ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ].

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Ступая трепетно усталою ногой,
По Лорѣ путникъ шелъ; его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тьмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ на берегѣ угрюмомъ;
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря;
Вдали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, временъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На сына чуждыхъ странъ. и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ, стой! вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
Здѣсь пали храбрые; почти ихъ бранный прахъ,
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Пришлецъ главой поникъ—и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней главы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
—Чей гробъ я вижу тамъ? вѣщалъ иноплеменный,
И барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной. къ утесу пригвожденный,
Бросали тусклый лучъ, луною озлатясь.
— Увы, здѣсь палъ Осгаръ! рекъ старецъ вдохновенный!
О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ, и палъ въ кипящемъ боѣ.
Покойся, юноша, ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Осгаръ Мальвину:
Не разъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь, упадшую съ приморскихъ, грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли
Одной, одной Осгаръ Мальвиною дышалъ!...
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!..

Однажды, въ темну ночь, зимы порой унылой,
Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ; лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ;
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ:
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»

Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулась;
Онъ входитъ съ трепетомъ: несчастный, что-жъ узрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его; Мальвина содрогнулась:
Онъ зритъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорахъ закипѣла:
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой;
Онъ грозный мечъ извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тьмѣ ночной!

Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ;
«Живи, ужъ я не твой, презрѣна мной измѣна,
Забуду, потушу къ невѣрной страсти жаръ».
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской:
Исчезло сладкое на вѣкъ очарованье!

. . . .

Я видѣлъ юношу. Поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ;
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.

И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ трубный гласъ. Оденовъ сынъ, Фингалъ,
Велъ грозныхъ на мечи, въ кровавый пылъ сраженій;
Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
Здѣсь мечъ его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала:
Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ;
Онъ палъ; еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ.

Побѣгли вспять враги—и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тьма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ,
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.
1814 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ
«ВАДИМЪ».

I.

Сводъ неба мракомъ обложился;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столпомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило.
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракѣ напрягла?
Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ челнъ;
Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ; на брега
Глаза вперивъ, не молвитъ слова,
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ...
«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь!»—и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливый,
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой
Другой, вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикій и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ;
Объ нихъ мятежный бьется валъ
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,—
Песокъ да мохъ. Скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости—пиръ волковъ
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долголѣтней муки:
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣдніе слѣды,
Одежда, обувь—все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто-же тотъ? Блистаетъ младость
Въ его лицѣ; какъ вешній цвѣтъ,
Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина:
На немъ одежда славянина,
И на бедрѣ славянскій мечъ.
Славянъ вотъ очи голубые,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечъ....

Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ....

Проходитъ ночь; огонь погасъ,
Остылъ и пепелъ; водъ пучина
Бѣлѣетъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на славянина.
Видалъ онъ дальнія страны,
По сушѣ, по морю носился,
Во дни былые, дни войны,
На западѣ, на югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегахъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ скальдовъ изступленныхъ.
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Киріаландіи печальной,
Ни Альбіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчъ и славы дальной;
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы
И пламя яркое костровъ,
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце славянина:

Предъ нимъ славянская дружина;
Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ..

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ:
Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ...
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется: здѣсь иль нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ-ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
Найду-ль ее?.. И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ... Что-же? Страшный видъ—
Въ постели хладной, подъ покровомъ
Дѣвица мертвая лежитъ!...
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ, глядитъ—и слабый стонъ,
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! ея черты....
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ;
Кто могъ?... И слышитъ голосъ: ты!...

Межъ тѣмъ привычныя заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожатъ душу старика:
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика;
Все тихо: море почиваетъ.
Но туча виснетъ; дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина подъ челномъ
Кипитъ, подъемлется, клокочетъ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ,
Челнокъ трещитъ—и пополамъ!
Рыбакъ идетъ на дно морское...
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ—брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
На встрѣчу радостной денницы,
Щебеча, полетѣли птицы,
И разсвѣло...

II.

Вадимъ.

Я ждалъ тебя, Рогдай! Скорѣй, какую вѣсть
О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принесть?
Ты видѣлъ Новгородъ; ты слышалъ гласъ народа;
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть. Народъ нетерпѣливый
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Съ досадою влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ:
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Встревожены умы—и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ
И вольныя главы подъ игомъ преклоняли?
Изгнанью моему давно-ль рукоплескали?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь..
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню...

1822 г.

ИЗЪ АРІОСТОВА ORLANDO FURIOSO.

100.

Предъ рыцаремъ блеститъ вода,
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣнистый берегъ убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палитъ полдневный зной,
Пастухъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манитъ ручья прохлада.
Здѣсь мыслитъ онъ найти покой.
О черный день, о день несчастный!
Пріютъ несносный и ужасный
Онъ здѣсь нашелъ...

102.

Гуляя, онъ на деревахъ
Повсюду надписи встрѣчаетъ;
Онъ съ изумленьемъ въ сихъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

103.

Орландъ ихъ имена читаетъ,
Соединенны вензелемъ.
Ихъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горесть усыпить,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣрить хочетъ онъ, хоть вѣритъ:
Онъ силится вообразить,
Что вензеля въ сей рощѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскорѣ, витязь, молвилъ ты:
«Однако-жъ эти мнѣ черты
Знакомы очень... разумѣю—
Медоръ сей выдуманъ лишь ею.
Подъ этимъ прозвищемъ меня
Царевна славила, быть можетъ...»
Такъ, басней правду замѣня,
Онъ мыслитъ, что судьбѣ поможетъ.

105.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ утушить свое мученье,
Тѣмъ пуще злое подозрѣнье
Возобновляется, горитъ.
Такъ въ сѣткѣ птичка, другъ свободы,
Чѣмъ больше бьется, тѣмъ сильнѣй,
Тѣмъ крѣпче путается въ ней;
Орландъ идетъ туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей повиликой
Завѣшанъ брегъ тѣнистыхъ волнъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
Въ день жаркій, въ тихій часъ досуга,
Дышать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь ихъ имена кругомъ
Древа и камни сохраняли:
Ихъ мѣломъ, углемъ иль ножомъ
Вездѣ счастливцы написали.

107.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ и надъ пещерой темной
Зритъ надпись—въ похвалу забавъ.
Медоръ ее рукою томной
Въ тѣ дни стихами начерталъ—
Стихи, чувствъ нѣжныхъ вдохновенье,
Онъ по-арабски написалъ —
И вотъ ихъ точное значенье:

108.

«Цвѣты, луга, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохладны тѣни—
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дщерью Голофрона,
Любимой многими—порой
Я зналъ утѣхи Купидона!...
Чѣмъ, бѣдный, васъ я награжу,
Такъ часто вами охраненный?
Однимъ лишь только услужу—
Хвалой и просьбою смиренной:

109.

«Господъ любовниковъ молю,
И дамъ, и рыцарей вельможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ иль дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведетъ случайно,—
На воды, лугъ, на тѣнь и лѣсъ,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ нимфы ихъ любили тайно,
Чтобъ пастухи къ нимъ никогда
Не гнали жадныя стада».

110.

Графъ точно такъ, какъ по-латынѣ,
Зналъ по-арабски; онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

111.

Два, три раза, и пять, и шесть
Онъ хочетъ надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нѣтъ того, что есть
Онъ правду видитъ [очень] ясно,
И нестерпимая тоска,
Какъ-бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
И наконецъ на свой позоръ
Вперилъ онъ равнодушный взоръ.

112.

Готовъ онъ въ горести безгласной
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрьте мнѣ, что муки нѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грудь опершись бородой,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдный
Ни вопля, ни слезы одной.

1825 г.

ДѢВСТВЕННИЦА.

(начало I-й пѣсни.)

Я не рожденъ святыню славословить,
Мой слабый гласъ не взыдетъ до небесъ;
Но долженъ васъ я нынѣ приготовить
Къ услышанью Іоанниныхъ чудесъ.
Она спасла французскія лилеи,
Въ бояхъ ея дѣвической рукой
Поражены заморскіе злодѣи;
Могучею блистая красотой,
Она была подъ юбкою герой.
Я признаюсь, вечернею порой
Милѣе мнѣ смиренная дѣвица,
Послушная, какъ агнецъ полевой;
Іоанна-же была душею львица:
Среди трудовъ и бранныхъ непогодъ

Являлася всѣхъ витязей славнѣе
И—что всего чудеснѣе, труднѣе—
Цвѣтъ дѣвственный хранила круглый годъ.
О ты, пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
Сѣдой пѣвецъ, чьи хриплые напѣвы,
Нестройный умъ и чудотворный вкусъ
Въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ,
Хотѣлъ-бы ты, о стихотворецъ хилый,
Почтить меня скрипицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь изъ модныхъ риѳмачей.
1825 г.

ПѢСНИ О СТЕНЬКѢ РАЗИНѢ.

I.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой
Выплывала востроносая лодка;
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки ребята молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ,
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ;
Передъ нимъ красная дѣвица,
Полоненная Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волновую погоду выносила,
За меня-ли, молодца, не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила—
Что ничѣмъ еще тебя мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу—
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

II.

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя,
Камки хрущатыя—
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболія.
Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь—такъ спасибо;
Не отдашь—повѣшу,
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ,
Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думати думу:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было-бъ шуму.

III.

Что не конскій топъ, не людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ,
Свищетъ, гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульный буянъ,
Ты садись на лодки свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю синему.
Пригоню тебѣ три кораблика:
На первомъ кораблѣ—красно золото,
На второмъ—чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ—душа-дѣвица.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

[По записямъ Пушкина въ 1825 г.]

1.

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
Добрый молодецъ Богу молится:
«Какъ не дай, Боже, хорошу жену:
Хорошу жену—въ честной пиръ зовутъ,
Меня молодца не примолвили;
Мою жену—въ новы саночки,
Меня молодца на запяточки;
Мою жену—на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточки».

2.

Во лѣсахъ дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то, она въ лѣсу заблудилася;
Заблудимши, она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный другъ,
Мой любезный другъ, жизнь-душа моя!»
—Ужъ я радъ-бы тебѣ откликнулся.—
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ—родимый батюшка,
Второй сторожъ—моя матушка,
А третій сторожъ—молода жена!—

3.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!—
А люди-то, люди
На цыганочку глядятъ;
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
«Я—пѣвунья, я—пѣвица,
Ворожить я мастерица».

4.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку,—
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ,
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышень арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ арапъ себѣ сударушку,

Черный воронъ—бѣлую лебедушку,
А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
А она-то, душа, бѣлешенька...

5.

Изъ легендъ о Стенькѣ Разинѣ.

Во городѣ то было во Астрахани,
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ:
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ, [надѣтъ,
Черный бархатный кафтанъ на размашечку
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,
Свой персидскій кушачекъ во правой рукѣ несетъ.
Онъ боярамъ государевымъ не кланяется,
Къ астраханскому воеводѣ подъ судъ нейдетъ.
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца,
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ:
— «Ой, есть-ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ кабакѣ,
Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ;
А какъ сталъ воевода его спрашивати:
— «Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ!
Чьего рода, чьего племени, чей отеческій сынъ?
Иль изъ нашего городу изъ Астрахани,
Или со Дону казакъ, иль казацкій сынъ?»
—«Я не съ вашего городу, не съ Астрахани,
Я не съ Дону казакъ, не казацкій сынъ.
Я со Камы со рѣки, Сеньки Разина сынокъ.
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать:
Ты умѣй его приняти, умѣй потчивати».
Разсердился воевода на удалого молодца,
Закричалъ тутъ воевода громкимъ голосомъ своимъ:
—«Что есть-ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы возьмите, отведите удалого молодца,
Посадите удалого въ бѣлокаменну тюрьму».

* * *

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Во лодочкѣ гребцовъ ровно двѣсти молодцовъ,
Посреди лодки хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ.
Закричалъ тутъ атаманъ громкимъ голосомъ своимъ:
«А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки».
Мы исчерпнули воды изо Камы со рѣки,
Припечалился хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
«Знать-то знать, что мой сыночекъ во неволюшкѣ сидитъ,
Во неволюшкѣ сидитъ, въ бѣлокаменной тюрьмѣ».
—«Не печалься, нашъ хозяинъ, Сенька Разинъ атаманъ:
Бѣлокаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астраханскаго воеводу подъ судъ возьмемъ».

6.

Изъ быта поволжскихъ разбойниковъ.

Во славномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова;
У вдовушки было девять сыновъ—
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали (лелѣяли).
Девять сыновъ подъ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина.
Они прижили малаго дѣтища;
Она годъ живетъ и другой живетъ,
На третій годъ стосковалася.
Стала она Марьянина въ гости звать:
«Пойдемъ, Марьянинъ-свѣтъ,
Ты къ тещѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ».
Они день идутъ и другой идутъ—
На третій день становилися,
Нарубили огонечекъ малешенекъ,
Пустили дымочекъ тонешенекъ;
Напали воры-разбойники,
Они Марьянина зарѣзали,
Марьянинка въ воду бросили,
Марьянинку во полонъ взяли...
Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть,
Одинъ-то разбойничекъ не пьетъ, не ѣстъ—
Не пьетъ, не ѣстъ, Богу молится.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ-то разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ, Богу молится.
И сталъ онъ у Марьянинки разспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Марьянинка,
Съ какого ты села-города
И котораго отца-матери?»
Стала ему Марьянинка разсказывать:
«У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова,
У вдовушки было девять сыновъ—
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали.
Девять сыновъ подъ разбой пошли,
Десятую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Марьянина».
— «Вставайте, братцы родимые!
Не Марьянина мы зарѣзали,
Не Марьянинка въ воду бросили,
Не Марьянинку во полонъ взяли:
Мы зарѣзали зятя любезнаго,
Въ воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полонъ!»
Вставали братцы родимые—
Просили у сестры прощеньица:
«Отчего ты намъ не сказалася,
Что ты намъ родна сестра?»
Пошли... къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у ней прощеньица:

«Прости насъ, родная матушка,
Не знавши, зарѣзали зятя любезнаго,
Въ воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полонъ!»

ДОМОВОЙ.

(черновой набросокъ).

Кормомъ, стойлами, надзоромъ—
Всѣмъ красны боярскія конюшни.
Сбруя блещетъ на столбахъ дубовыхъ,
Стойлы красны борзыми конями,
Кони сыты, лоснятся...
Лишь однимъ конюшни непригожи:
Домовой повадился въ конюшни;
По ночамъ онъ ходитъ по конюшнѣ,
Чиститъ, холитъ онъ коней боярскихъ,
Заплетаетъ гривы имъ въ косички,
Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ...
Какъ не взлюбитъ онъ коня вороного:
На вечерней зарѣ обойду я конюшню
И зайду въ стойло къ вороному,—
Конь стоитъ исправенъ и смиренъ;
А поутру отопрешь конюшню,—
Конь не тихъ, весь въ мылѣ, грудью пышетъ,
Съ морды каплетъ кровавая пѣна:
Во всю ночь домовой на немъ ѣздитъ
По горамъ, по рѣкамъ, по болотамъ,
Съ полуночи до бѣлаго свѣта,
До заката мѣсяца...
—Ахъ ты, старый конюхъ неразумный!
Загадать-ли тебѣ, старый, загадку?
Разгадаешь-ли, старый, загадку?
Полюбилъ красну дѣвку молодой конюхъ,
Молодой конюхъ, разгульный парень;
Онъ конюшню ночью отпираетъ,
Потихоньку вороного сѣдлаетъ,
Полегоньку выводитъ за ворота,
На коня на борзаго садится,
Къ красной дѣвкѣ въ гости скачетъ.
1827 г.

ОПРИЧНИКЪ.

[отрывокъ].

Какая ночь! Морозъ трескучій,
На небѣ ни единой тучи:
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ, и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ песъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненія боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...

Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!..» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столповъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не-мы ли здѣсь вчера скакали,
Не-мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ-ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь уже ль ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...
. . . .
1828 г.

Отрывокъ изъ поэмы Мицкевича:

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался;
Страной полночной правилъ онъ.
Уже Пруссакъ въ оковы вдался,
Или сокрылся—и въ Литву
Понесъ изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Нѣманъ: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіяли башни, и кругомъ
Шумѣли рощи вѣковыя,
Боговъ пристанища святыя.
Символъ германца на другомъ—

Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозящи.
Казалось, свыше захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ привлачить.

Съ медвѣжьей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысьей шапкѣ, съ пукомъ
Каленыхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ.
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шишакомъ,
Въ бронѣ закованный, верхомъ,
На стражѣ нѣмецъ, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Пищаль съ молитвой заряжалъ.
Всякъ переправу охранялъ;
Токъ Нѣмана гостепріимный.
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ прагомъ вѣчности для нихъ;
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій воды,
Лишенъ былъ жизни иль свободы.
Лишь хмѣль литовскихъ береговъ,
Нѣмецкой тополью плѣненный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся, дерзновенный,
Береговъ противныхъ достигалъ
И друга нѣжно обнималъ.
Лишь соловьи дубравъ и горъ
По старинѣ вражды не знали
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.
1828 г.

ГАЛУБЪ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный:
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной.
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемля шумъ не боевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій
И шашки крестовую сталь,—
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ —
Вотъ онъ. Ты голову приклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать

И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ,
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ, молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...
Но отецъ
Уже Тазитомъ недоволенъ.
«Гдѣ-жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
На третій онъ домой приходитъ.
Отецъ: Гдѣ былъ ты, сынъ?
Сынъ: Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.
Отецъ: Что дѣлалъ тамъ?
Сынъ: Я слушалъ Терекъ.
Отецъ: А не видалъ-ли ты грузинъ,
Иль русскихъ?
Сынъ: Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.
Отецъ: Онъ былъ со стражей?
Сынъ: Нѣтъ, одинъ.
Отецъ: Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.
Отецъ: Гдѣ былъ?
Сынъ: За бѣлою горой.
Отецъ: Кого ты встрѣтилъ?
Сынъ: На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.
Отецъ: О, милосердая судьба!
Гдѣ-жъ онъ? Ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,—
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать».

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;
На третій, блѣденъ, какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?
Сынъ: Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ...
Отецъ: Кого ты видѣлъ?
Сынъ: Супостата.
Отецъ: Кого, кого?
Сынъ: Убійцу брата.
Отецъ: Убійцу сына моего?..
Тазитъ! гдѣ голова его?
Подай! мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
Дай, нагляжусь!
Сынъ: Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...
Отецъ: Ты долга крови не забылъ?
Врага ты навзничь опрокинулъ—
Не правда-ли? Ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?..
Гдѣ-жъ голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь, ты мнѣ—не сынъ,
Ты—не чеченецъ, ты—старуха,
Ты—трусъ, ты—рабъ, ты—армянинъ!

Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали—
Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ—и очи
Закрылъ и такъ лежалъ до ночи.
Когда-же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ..

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей—одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами—одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ—сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время! Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу,
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И, отвѣчая, не глядѣла,
И разгоралась, какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ—но могучъ и молодъ.
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ—кунакъ надежный,
А ей—приверженный супругъ...»
1829 г.

МѢДОКЪ.

(МѢДОКЪ ВЪ УАЛЛАХЪ).

Попутный вѣетъ вѣтръ. Идетъ корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ,—идетъ. и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Наполнилася грудь у всѣхъ пловцовъ.
Теперь, когда свершенъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
И въ тишинѣ рисуется ему
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
Не заболятъ. Товарищу другой
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной,
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и Дѣвѣ Пресвятой,
И милостынь, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Мѣдокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствьяхъ и мечтахъ.
Прекрасный вечеръ, и попутный вѣтръ
Межъ вервей бьетъ; корабль надежный быстро
Бѣжитъ, шумя, межъ волнъ. Садится солнце...
1830 г.

ПОДРАЖАНІЕ ДАНТУ.

I.

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много —
Неравная и рѣзвая семья.

Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.

Ея чела я помню покрывало
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало:

Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ,
И полныя святыни словеса.

Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.

И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужого сада,
Подъ сводъ искусственный порфирныхъ скалъ.

Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздно мыслить было мнѣ отрада.

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.

Все—мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—

Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.

Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.

Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.

Другой, женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.
. . . .

1830 г.

II.

И далѣ мы пошли—и страхъ объялъ меня:
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня;

Горячій капалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: «повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?»

Виргилій мнѣ: «мой сынъ, сей казни смыслъ великъ—
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ
И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ».
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О, если-бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ!

«О, если-бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ—я взоры потупилъ.

Тогда услышалъ я [о, диво] запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.
Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,

Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ...

III.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:

До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
И разлегалася надъ темною равниной...

И бѣсы, раскаливъ, какъ жаръ, чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями:
Ядро запрыгало—и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.

Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:

Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.

Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ...

1832 г.

— —

ЮДИѲЬ.

[отрывокъ.]

Когда владыка ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край азійскій
Его десницѣ покорилъ—
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ,
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израиль выи не склонилъ.
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ... Іереи
Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу покрывъ золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему всевышній царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата

Замкомъ замкнуты непокорнымъ.
Грозой грозится высота,
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокій
Его объялъ. Сзываетъ онъ
Совѣтъ... 1832 г.

АЛЬФОНСЪ.

[начало поэмы.]

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя.
«Синьоръ, послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время—
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека;
Останьтесь здѣсь, готовъ вамъ ужинъ,
Въ каминѣ разложенъ огонь,
Постеля есть; покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь.»
—Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью—былъ-бы путь,
Тотъ отвѣчаетъ: неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я—дворянинъ: ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я.—
И Донъ Альфонсъ коню далъ шпоры
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ;
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину:
Какую-жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь,
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ Гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ,
Гуляли, мстя своимъ врагамъ...
1832 г.

* * *

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ, разудаленькаго, въ службу [царскую,
По указу его берутъ государеву.
Онъ со вечера-то сталъ, разудалый, коня сѣд- [лать,
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его, разудаленькаго, прово- жать пошли,
Провожали его, разудаленькаго, весь родъ- племя.
Позади-то его идетъ горюшенька молода жена:
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
«Воротись ты, жена, воротись, душа-лебедь бѣлая,
Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни не- угасимые»..
—«Разудалый добрый молодецъ, меня не обма- нывай:
Горитъ у тебя, у молодца, ретиво сердце».
1833 г.

* * *

Другъ мой милый, красно солнышко мое
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужъ недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно семь дней, какъ спозналась съ горемъ я,
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и [пиры]
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темнымъ лѣсамъ.
Въ темномъ лѣсѣ канареечки поютъ,
Мнѣ, дѣвченкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой, канареечка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.
1833 г.

СКАЗКИ.

СКАЗКА

О ЦАРѢ САЛТАНѢ, О СЫНѢ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРѢ КНЯЗѢ ГВИДОНѢ САЛТАНОВИЧѢ, И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНѢ ЛЕБЕДИ.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь-бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь-бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я-бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ: будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы-жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая—повариха.»

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ-же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той-же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ—себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другого
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь,
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку».

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья,
Для законнаго рѣшенья».

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ;
До-пьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ-же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ».
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ окіянъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ;
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И ростетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли—
Не губи ты нашу душу,
Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ-же на берегъ она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена,
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ неужто ихъ покинетъ?

Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Какъ-бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ-бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ.
Со креста снурокъ шелковый
Натянулъ на лукъ дубовый,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно на морѣ не тихо;
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та, бѣдняжка, такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти распустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ...
Но какъ-разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злого коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ морѣ топитъ—
И царевичу потомъ
Молвитъ русскимъ языкомъ:
«Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,—
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,—
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду,
Ты найдешь меня повсюду.
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились на тощакъ.—
Вотъ открылъ царевичъ очи,
Отрясая грезы ночи,
И, дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... «То-ли будетъ?
Говоритъ онъ: вижу я—
Лебедь тѣшится моя.»
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой;
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ-же день сталъ княжить онъ
И нарекся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,—
На знакомомъ острову
Чудо видятъ на яву:
Городъ новый, златоглавый,
Пристань съ крѣпкою заставой.
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ онъ кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,

По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Отъ меня ему поклонъ». -
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальній.
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца».—
Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ?
Будь-же, князь, ты комаромъ».
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль—и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единый;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и съ садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвилъ онъ: «коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.»
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право»,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ:
«Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:—
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,—
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ».
Чуду царь Салтанъ дивится;
А комаръ-то, злится, злится —
И впился комаръ какъ-разъ
Теткѣ прямо въ правый глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ-бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка:
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,—
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;

Но, быть можетъ, люди врутъ».
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу».
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкій—
Что-жъ? Подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ при всемъ народѣ:
«Во саду-ли въ огородѣ».
Изумился князь Гвидонъ.
«Ну, спасибо, молвилъ онъ:
Ай-да лебедь—дай ей, Боже,
Что́ и мнѣ, веселье то-же».—
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть:
Князю—прибыль, бѣлкѣ—честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Царь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ и кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ—
И лежитъ намъ путь далекъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Говоритъ имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ».

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молвитъ князь: «душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ»...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель ростетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;

Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя да подспудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,—
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты:
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ:
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду:
«Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись исподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды:
Этимъ насъ не удивишь.
Правду-ль, нѣтъ-ли говоришь,
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится.
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ и какъ-разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ.
И ткачиха поблѣднѣла—
«Ай!» и тутъ-же окривѣла;
Всѣ кричатъ: «лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
Диво-бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ».
«А какое-жъ это диво?»
—«Гдѣ-то вздуется бурливо
Океанъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ».
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай».

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря;
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами,
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ:
Дядька князю говоритъ:
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море:
Тяжекъ воздухъ намъ земли».
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,

Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Ихъ и кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далекъ,—
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Говоритъ имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ».

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь,—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ—
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,—
Шмелемъ князь оборотился,—
Полетѣлъ и зажужжалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумитъ;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,—
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы, гости-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ—
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя;
Всѣ—красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ».
Царь Салтанъ дивится чуду:
«Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни-гугу—но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говоритъ:
«Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду-ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть—
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво».
Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится—

Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь,—
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что-жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
«Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Люди женятся; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу».
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?»—«Да на свѣтѣ.
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть;
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ.
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, точно пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда-ль это?»
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена—не рукавица:
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаяться-бъ потомъ».
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я».
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ,
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви».
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ».
Князь недолго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,—
Онъ ихъ кормитъ и поитъ,
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во-свояси, на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана».
Князь имъ вымолвилъ тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю, по окіяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,

Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ».
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ,
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сиятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
«Ой вы гости-господа,
Долго-ль ѣздили? Куда?
Ладно-ль за моремъ иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
«Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель ростетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,—
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ—красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.

А у князя жёнка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался».

Тутъ ужъ онъ не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя.
«Нынче-жъ ѣду!»—Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва-едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ,
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили,
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты.
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя

Тридцать три богатыря;
Всѣ — красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкій;
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо
Смотрятъ — что-жъ? Княгиня-диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? Что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка, и молодицу;
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полпьяна.
Я тамъ былъ: медъ, пиво пилъ
И усы лишь обмочилъ.

1831 г.

СКАЗКА
О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ попъ,
Толоконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ не зная куда.
Говоритъ попу: «здравствуй, борода!
Что ты, батька, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Попъ ему въ отвѣтъ:
«Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя, не слишкомъ дорогого?»
Балда говоритъ:
«Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно
Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
Ѣсть-же мнѣ давай вареную полбу.»
Призадумался попъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку розь —
Да понадѣялся на русскій авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: «ладно;
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердье и проворье».
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣстъ за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До-свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
Попёнокъ зоветъ его тятей:
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей;
Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубитъ —
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ, и срокъ ужъ близенько;
Попъ не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ:
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ попадьѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Попадья говоритъ: «знаю средство,
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь.
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь въ точь;
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь».
Стало на сердцѣ у попа веселѣе,
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ: «поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда!
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго-бъ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный».
Балда, съ попомъ понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ море мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ:
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить. —

Бѣса стараго взяла тутъ унылость:
«Скажи, за что такая немилость?»
—Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока;
Вотъ уже будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!—
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука».
Балда мыслитъ: «этого провесть не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ:
«Здравствуй, Балда-мужичекъ,
Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть, возьми; да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору—
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ».
Засмѣялся Балда лукаво:
«Что это ты выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата».
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ,
У моря бѣсенка находитъ.
Держитъ Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
Со мною тягаться слабенекъ—
Это-было бъ лишь времени трата,
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! Догоняй-ка».
Пустились бѣсенокъ и зайка:
Бѣсенокъ по берегу морскому,
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладитъ.
Глядь—а Балда братца гладитъ,
Приговаривая: «братецъ, мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый!»
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди», говоритъ, «схожу за оброкомъ».
Пошелъ къ дѣду; говоритъ: «бѣда!
Обогналъ меня меньшой Балда!»
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ: «Полно, мужичекъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
Только слушай: видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мѣту—
Кто далѣе палку броситъ,
Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
Что-жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?»—Да жду вонъ этой тучки.
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку.—
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумитъ,
Да чертямъ веревкой грозитъ.
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «что ты хлопочешь.
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...»
—Нѣтъ, говоритъ Балда:
Теперь моя череда—
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь—тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ея полверсты;
Снесешь кобылу—оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы—онъ будетъ мой».
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: «глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ».
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ разсказывать про такую побѣду.
Черти стали въ кружокъ,
Дѣлать нечего—собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, покрякиваетъ,
А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка—
Прыгнулъ попъ до потолка,
Со второго щелчка—
Лишился попъ языка,
А съ третьяго щелчка—
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной:
«Не гонялся-бы ты, попъ, за дешевизной!..»

1831 г.

СКАЗКА

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, глядючи
Съ бѣлой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей,—
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
«Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что-же зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше!
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ-ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе».
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ-ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица,
Я пожалую тебя».
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой».
А сама пришла домой.
«Что?—сказала ей царица:
Гдѣ красавица дѣвица?»
—Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна.
Отвѣчаетъ ей она:
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужитъ бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу,
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей на встрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она:—
На подворьѣ тишина,
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо,
И взялася за кольцо.
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,—
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,—
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка,—будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,—
Будь намъ милая сестрица».

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть и звана не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу,—не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,

Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ—сестрица.
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ-бы рады,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помири насъ какъ-нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что-жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

—«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говоритъ:
Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста...
Какъ мнѣ быть? вѣдь я—невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей».

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ, поклонясь:
Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ».—«Я не сержуся,
Тихо молвила она:
И отказъ мой—не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее:
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ, объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я-ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»

И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все-жъ тебя милѣй».
И царица налетѣла
На Чернавку: «какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,
Ей кричитъ она въ окошко;
Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу».
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ».—Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла;
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣсного звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно выспался онъ худо,
Ей царевна говоритъ;
На-жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала:
Богъ тебя благослови:
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ!»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,

Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
«Брось»! Она его ласкаетъ,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла.
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблоко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась, не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ». Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она,
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному».

Въ тотъ-же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я-ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, царица, спору нѣтъ;
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе».

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу, наконецъ,
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало-ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей».—Свѣтъ ты мой,
Красно солнце отвѣчало:
Я царевны не видало.
Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ-нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.—

Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокій,

И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя,
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ей».—Братецъ мой
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна, видно,
Пробѣжала.—«Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
— Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай:
Не печалься-же, прощай.—

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, взывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ.
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ-ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я—женихъ ея».—Постой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора,—
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тьмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста.—

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая,
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ-же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!.. и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «Я-ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
— Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все-жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.—
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла—
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили.
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.
1833 г.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ-былъ славный царь Додонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:

Ждутъ, бывало, съ юга: глядь—
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь—лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакалъ царь Додонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу:
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Додономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотого пѣтушка.
«Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю: на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой.
Коль кругомъ все будетъ мирно,
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется».
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ:
«За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою».
Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы;
Чуть опасность гдѣ видна,
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: «кири-ку-ку!
Царствуй, лежа на боку!»
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли:—
Таковой имъ царь Додонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.
Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
Вотъ однажды царь Додонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
«Царь ты нашъ! отецъ народа!
Возглашаетъ воевода:
Государь! проснись! бѣда!»
— Что такое, господа?
Говоритъ Додонъ, зѣвая:
А? кто тамъ? бѣда какая?—
Воевода говоритъ:
«Пѣтушокъ опять кричитъ,
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
Царь къ окошку—анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! эй, живѣе!
Царь къ востоку войско шлетъ;
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ, и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было-ль, не было-ль сраженья?
Нѣтъ Додону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять—
Кличетъ царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшого
Шлетъ на выручку большого.
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ,
Снова восемь дней проходятъ:
Люди въ страхѣ дни проводятъ,
Пѣтушокъ кричитъ опять,—
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку,
Самъ не зная, быть-ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Додонъ.
Что за чудо? мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Додонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ....
Царь завылъ: «охъ, дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».
Всѣ завыли за Додономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя, какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,

Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Додономъ
Улыбнулась —и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Додонъ.

Наконецъ, и въ путь обратный
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Додономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Додонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его, скопецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему: что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся, наконецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, какъ свою.
Подари-жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу.—
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ:
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я, конечно, обѣщалъ;
Но всему-же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно, знаешь-ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярскій,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу—
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь: «такъ лихъ-же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
Убирайся, цѣлъ пока;
Оттащите старика!»
Старичекъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить:
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ.—Вся столица
Содрогнулась—а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится, знать, грѣха.
Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно.
Вотъ въѣзжаетъ въ городъ онъ.
Вдругъ раздался легкій звонъ,—
И въ глазахъ у всей столицы,
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ;
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился.... и въ то-же время
Съ колесницы палъ Додонъ:—
Охнулъ разъ—и умеръ онъ.
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка—ложь, да въ ней намекъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!
1834 г.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ—
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ—
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ—
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь».
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!

Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ».
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую.
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,—
Такъ пустилъ ее въ синее море».
Старика старуха забранила:
—Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.—
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто,—
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто».
Воротился старикъ ко старухѣ—
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
—Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.—
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Помутилося синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ сварливая баба.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ».
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
—Дурачина, ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.—

Пошелъ старикъ къ синему морю;
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой».
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
Что-жъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги,—
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
«Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна?»
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась,—
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старикъ, взмолился:
—Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь—
Насмѣшишь ты цѣлое царство.—
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью,
Не пойдешь,—поведутъ по неволѣ».

Старичекъ отправился къ морю;
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой.

Хочетъ быть вольною царицей.—
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»
Старичекъ къ старухѣ воротился.
Что-жъ? Предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: «здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?»
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
«Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука—
Не садися не въ свои сани!»
Вотъ недѣля, другая проходитъ,—
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ;
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была-бъ у меня на посылкахъ».
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ: на морѣ черная буря—
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была-бы у ней на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился—
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.
1833 г.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь, будь что̀ будь—
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай-же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что̀ брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ-бы, и не ѣлъ,
Все-бы слушалъ да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай, сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой...
1833 г.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго—
Выходила медвѣдиха
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами
Погулять, посмотрѣть, себя показать
Сѣла медвѣдиха подъ березкой;
Стали медвѣжата промежъ собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися да кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ:
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдиха.
Стала кликать дѣтушекъ,

Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
„Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня:
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо выѣмъ!“
Медвѣжатушки испугалися,
За медвѣдиху побросалися.
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ,
А поклавши-то, домой пошелъ:
„Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублевъ;
А что вотъ тебѣ подарочекъ—
Трои медвѣжатъ по пяти рублевъ“.

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу:
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобураго,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту-пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
Про свою-ли сударушку
Чернобурую медвѣдиху:
„Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго?
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!“
Въ ту-пору звѣри собиралися
Къ тому-ли медвѣдю, ко боярину;
Прибѣгали звѣри большіе.
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе.
Прибѣгалъ тутъ волкъ-дворянинъ;
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то, бобра, жирный хвостъ.
Приходила ласочка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгинечка,
Приходила лисица-подъячиха,
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій.
Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ;
Приходилъ цѣловальникъ-ежъ:
Все-то онъ, ежъ, ежится,
Все-то онъ щетинится . . . .

1830 г.

БОВА.

(отрывокъ).

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскія
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ,
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго;
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ:
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Но вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендокира слабоумнаго.
Царь Додонъ не слабоумнаго
Былъ достоинъ злого прозвища,
Но тирана неусыпнаго
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать;
Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи,
И забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ...
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:

Грядущіе годы таятся во мглѣ;
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни-же нынѣ ты слово мое!
Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,—
Незримый хранитель могущему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному полю;
И холодъ, и сѣча ему ничего:—
Но примешь ты смерть отъ коня своего».
Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
Разстаться настало намъ время;
Теперь отдыхай,—ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ-ли? Все также-ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ-же-ль онъ бурный, игривый?»
И внемлетъ отвѣту:—«на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ».—
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: «что-же гаданье?
Кудесникъ, ты—лживый, безумный старикъ!
Презрѣть-бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ-бы меня».
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: «спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя:
Мнѣ смертію кость угрожала!»
Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась,—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
1822 г.

СТАРИЦА ПРОРОЧИЦА.

[БАРОНУ ДЕЛЬВИГУ]

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ;
Подошелъ въ доспѣхахъ молодецъ,
Молвилъ слово ей съ поклономъ:
«Загадай ты мнѣ на счастіе,
Ворочусь-ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркаютъ,—
Плачетъ въ теремѣ невѣста!»
— «Гой еси ты, красный молодецъ!
Есть теперь одна невѣста,
Есть одна—святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,—
Уберися честно ранами,
И омойся алой кровью.
Обручися ты съ невѣстою—
За Шалонью ляжъ костями:
Если ты мечемъ не выроешь
Сердцу вольному могилы,
Не на вѣче, не на родину,
А придешь ты на неволю!»

Трубы звучатъ за Шалонью рѣкой,
Грозно взвѣваютъ московскіе стяги!
Съ радостнымъ кликомъ Софіи святой
Стала дружина и, полный отваги,
Ринулся съ берега всадниковъ строй:
Съ шумомъ расхлынулись волны, вскипѣли,
Двинулась пѣна сѣдая грядой;
Строи смѣшались, мечи загремѣли,
Искрятся молніи съ звонкихъ щитовъ,
Съ трескомъ въ куски разлетаются брони...
Кровь потекла... Разъяренные кони
Грудью сшибаютъ и топчутъ враговъ:

Стелятся трупы на берегъ Шалони...
. . . .
Кровью дымилося поле; стихалъ
Въ стонахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не слыхалъ!...

На мосту стояла старица,
На мосту чрезъ синій Волховъ:
Не пройдетъ-ли красный молодецъ
Чрезъ широкій, синій Волховъ?
Проѣзжало много всадниковъ,
Много пѣшихъ проходило,
Было много изувѣченныхъ
И покрытыхъ черной кровью..
Что? прошелъ-ли добрый молодецъ,
Не прошелъ-ли онъ чрезъ Волховъ?..
1816 г.

УТОПЛЕННИКЪ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
«Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца».
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
Гдѣ-жъ мертвецъ? «Вонъ, тятя, э-вотъ!»
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка-ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ-ли взятъ волнами,
Али хмѣльный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ –

Мужику какое дѣло?
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.

«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите-жъ, не болтайте,
А не то поколочу».

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяинъ! –
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно».
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится—
Что-же? Голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

И мужикъ окно захлопнулъ
Гостя голаго узнавъ,—
Такъ и обмеръ. «Чтобъ ты лопнулъ!»
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались,
Трясся ночь онъ на пролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.
1828 г.

ЖЕНИХЪ.

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышетъ.

Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ выдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій:
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...
1830 г.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣтомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубровы дѣлались чернѣй,
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.

Глядитъ, невольно страха полный;
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая
И молча сѣла у бреговъ.

Глядитъ на стараго монаха,
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой...
И вдругъ падучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ старикъ угрюмый
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубровы вновь одѣлись тьмою,
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.

Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!..»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ...
И все—въ глубокой тишинѣ...

На третій день отшельникъ страстный
Близъ очарованныхъ бреговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тѣнь ночную,
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.
1819 г.

КАЗАКЪ.

Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой казакъ.

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки,
Выломанъ заборъ:
Здѣсь—дорога къ деревушкѣ,
Тамъ—въ дремучій боръ.

«Не найду въ лѣсу дѣвицы.—
Думалъ хватъ Денисъ:
Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались».

Шевельнулъ донецъ уздою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою—
Къ избамъ завернулъ.

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса:
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица-краса.

Храбрый видитъ красну дѣву,
Сердце бьется въ немъ;
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
Вотъ ужъ подъ окномъ.

«Ночь становится темнѣе,
Скрылася луна.

Выйдь, коханочка, скорѣе,
Напои коня».

—Нѣтъ! Къ мужчинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.—

«Ахъ, небось, дѣвица красна.
Съ милымъ подружись!»
—Ночь красавицамъ опасна.—
«Радость, не страшись!

«Вѣрь, коханочка, пустое;
Ложный страхъ отбрось!
Тратишь время золотое,
Милая, небось!

«Сядь на борзаго: съ тобою
Въ дальній ѣду край;
Будешь счастлива со мною:
Съ другомъ всюду рай!»

Что-же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась,
Счастливъ сталъ казакъ.

Поскакали, полетѣли;
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.
1815 г.

ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!
Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на турецкой перестрѣлкѣ;
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.
Здѣсь на тебя, какъ лютый звѣрь,
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.
То-ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!
Ей-ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки чернобривой.
Однимъ, однимъ не хороши...»
— А чѣмъ-же? разскажи, служивый.—
Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.
Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.
Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ что любо:
Прибью—Марусенька моя
Словечка не промолвитъ грубо;
Напьюсь—уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прекословитъ.
Кажись, о чемъ-бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? Врагъ попуталъ, видно.
Зачѣмъ-бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ? Кто проситъ?
Шалитъ Марусенька моя;
Куда ее лукавый носитъ?
Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
[А ночь была тюрьмы чернѣй,
И на дворѣ шумѣла буря]
И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой;
Тамъ съ полки стклянночкувзяла
И, сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
Раздѣлась до-нага; потомъ
Изъ стклянки три раза хлебнула—
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.
«Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно,—басурманка!
Постой, голубушка моя!...»
И съ печки слѣзъ—и вижу: стклянка,
Понюхалъ: кисло!что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лохань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!
Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ стклянкой—
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ
И онъ туда-же за лоханкой.
Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало,
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ, маршъ, все въ печку поскакало.
Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю стклянку выпилъ; вѣрь не вѣрь—
Но кверху вдругъ взвился я пухомъ.
Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда,—не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.
Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.

Я плюнулъ и сказать хотѣлъ....
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
— Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ!—Но я, не струся:
«Домой? Да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу?»—Ахъ, онъ стран-
Вотъ кочерга, садись верхомъ [ный!
И убирайся, окаянный.—
«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный. Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?
Коня!»—На, дурень, вотъ и конь.—
И точно: конь передо мною
Скребетъ копытомъ, весь—огонь,
Дугою—шея, хвостъ—трубою.
—Садись!—Вотъ сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.
Гляжу: все такъ-же; самъ-же я
Сижу верхомъ, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вотъ что случается порою!»
И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: «молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды».
1833 г.

ВОЕВОДА.

[изъ мицкевича.]

Поздно ночью изъ похода
Воротился воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ,
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого—пуста кровать.

И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кляхнулъ, чортовъ кусъ!

«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я-жъ ее!»

Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.

Говоритъ онъ: «все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,—
Воевода все купилъ.

«Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ,
Серебромъ лишь побрякалъ онъ,—
И ему ты отдалась!

«Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать».

Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣна ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.

Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
Вѣтеръ что-ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ».

— Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише...
Прежде я; ты погоди.—

Выстрѣлъ по саду раздался,
Хлопецъ пана не дождался:
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся—
Прямо въ лобъ ему попалъ.
1833 г.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

[изъ мицкевича.]

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
«Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите
Да точите мечи съ бердышами.

Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на поляковъ, а Ольгердъ—на прусаковъ,

А на русскихъ—Кестутъ-воевода.
Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ литовскіе боги!),
Нынче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду,
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.

Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ русскихъ добычей:
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.

А другой отъ прусаковъ, отъ проклятыхъ крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогого:
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта,
Янтаря—что песку тамъ морского.

Третій съ Пазомъ на ляха пусть ударитъ безъ страха.
Въ Польшѣ мало богатства и блеску;
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.

Нѣтъ на свѣтѣ царицы краше польской дѣвицы:
Весела—что котенокъ у печки—
И какъ роза румяна, а бѣла что сметана;
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!

Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже
И оттуда привезъ себѣ женку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку».

Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились.
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ; ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ, видно, убиты!

Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? Что тамъ? Ге! не рубли-ли?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.—

Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? Не сукно-ли цвѣтное?»
— Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая.—

Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ и спросить уже не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.
1833 г.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832—1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: La Guzla, ou choix de Poësies lyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l' Herzegowine. Неизвѣстный издатель говоритъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безъ искусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Газюль, «Хроники временъ Карла IX», «Двойной Ошибки» и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсенъ, а какой-то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

I. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ. [1]

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ;
Люди спятъ—королю лишь не спится:
Короля султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица:
Она чуетъ бѣду неминучу;
Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-градѣ,
Не луна Ключъ-городъ озаряетъ—
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божію входитъ.
Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями,
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку ему досягаетъ...

Горе! въ церкви турки и татары
И предатели, враги б о г у м и л ы[2].

На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ на-голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ острія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ;
Тутъ-же видитъ онъ отца и брата:
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣняхъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣняхъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
[Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца],
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой [3]

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надъ Босніей моей ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ.» [4]
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ кликнулъ
И сказалъ: «дать кафтанъ Радивою!
Не бархатный кафтанъ, не парчевый,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его родного».
Басурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо, и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба,
И пошли басурмане на приступъ.

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлею не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались [5]
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе Беи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала:
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ.
Словно волъ, ужаленный змією.

Наконецъ онъ на родину воротился
И вошелъ въ церковь святого Спаса;
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь-ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «на дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Побернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ и съ постели свалился—
Тутъ и смерть ему приключилась

III. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на басурмана.

А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки
И сказали: «возьми насъ съ собою—
Мы хотимъ воевать басурмановъ».
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь турецкія деревни,
А жидовъ на деревьяхъ вѣшать.
Беглербей со своими бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки;[6]
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И разскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ».
Стали биться мы тогда жестоко:
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукояти;
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучей мы переправляться,
Селихтаръ съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «дѣти,
Слишкомъ много собакъ-басурмановъ,
Намъ управиться съ ними невозможно.
Кто не раненъ—въ лѣсъ бѣги скорѣе
И спасайся тамъ отъ селихтара».
Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,—
Всѣ друзья, родные Радивою,—
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты, садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего вороного;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ».
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на его наскочили.
Отрубили голову Радивою.

IV. ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . .
. . . .

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба, отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати сталъ думать думу,
Какъ ему погубить-бы Елену?
Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
Отыщи подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ».

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ каменьями жабу
И въ горшкѣ жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаютъ жабу Иваномъ
[Грѣхъ великъ—христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!].
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее—ея-же кровью напоили:
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу
Отъ моей племянницы въ подарокъ».
Принесъ мальчикъ Еленѣ эту сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена,
Она кликнула сестру свою меньшую;
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена;
Стали баить:—Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!—
И Елена стыдится, и плачетъ,
И на улицу выйти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится,
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Ѳеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ-жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ:
На постели сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Ѳеодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата—
Испортили меня злые люди».

Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.

Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нея выну его живого,
При себѣ воспитывать буду
Я увижу, на кого онъ походитъ.
Такъ навѣрно отца его узнаю,
И убью своего злодѣя».

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ?—На мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Θеодоръ: «Горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна.
А испортили ее злые люди».

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно.
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Θеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жида убилъ, какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины, что у насъ каменья.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротишься въ шитомъ долиманѣ,
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь».

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно—хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу: «здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!»
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ,
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ,[8]
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына
Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ—
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли—
Они только очи отирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался;
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,
Станемъ мы выходить изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ».
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда».
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали, какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили—
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли:
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЬ.

Іакинθа Маглановича[9].

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.

Врагъ твой мчался безъ оглядки,
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдетесь какъ-нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый.
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила:
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня—
Ужъ владѣетъ ятаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ—узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

VII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ,
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
Мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ:
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое».
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго».
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Басурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой,
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ».
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу калуеръ приходитъ—
Посмотрѣлъ на ребенка и молвитъ:
«Сынъ твой боленъ опасной болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зубъ вурдалака[10], повѣрь мнѣ»

Вся деревня за старцомъ калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ—трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли, какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою;
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь, какъ замерзлые прутья.

Калуеръ могильной землею
Ребенка больного всего вытеръ
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій».

Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись;
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился и бѣжать пустился,
Будто волкъ, охотникомъ гонимый.

На другія сутки въ ту-же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый;
Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый—
Могъ-бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,

Но сверкали у него злые глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

XI. БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?
Бонапарте вопросилъ:
Правда-ль: это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

«Такъ раскаются-жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ».

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
стребляя все кругомъ.

. . . .

. . . .

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите-жъ никого!»

Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ... «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что-ли?» Нѣтъ не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто, какъ могъ, пустился въ бѣгъ.

И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

X. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя-ль, у малой птицы,
Неизмѣнныя три пѣсни;
У меня-ли, у молодца,
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота—
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота—
Красну-дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки—
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки;
Пойдутъ мимо стары люди—
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

XI. ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волкавъ оврагѣ грызутся—
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога!
Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
—Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ.
Коли лаешь безумныя рѣчи.—
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися,
Отпусти мнѣ невольное слово».
Старый Петро не слушаетъ, грозится:
—Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій
И хватаетъ за сивую косу:
«Воротись, ради Господа Бога,—
Не введи ты меня въ искушенье!»
Оттолкнулъ старикъ его сердито

И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ да и выстрѣлилъ тутъ-же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу:
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово:
—За обѣдомъ старикъ пьянъ напился
И заснулъ на бѣлградской дорогѣ.—
Догадалась она, завопила:
«Будь-же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца родного!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

XII. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали—
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ;
«Долго-ль намъ мирволить янычарамъ?
«Долго-ль намъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не сербы—цыганы?
Или вы не мужчины—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское Ущелье—
Тамъ гроза готовится на турокъ,
Самъ дружину свою собираетъ
Старый сербинъ, воевода Милошъ».

XIII. ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышетъ;
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ —шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный:
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.
Что-же? вмѣсто вурдалака
[Вы представьте Вани злость]—
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XIV. СЕСТРА И БРАТЬЯ.

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка;
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ—Павелъ, а другой—Радула,
А межъ ими сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;
Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку—стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь-ли ты зелія такого,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба:
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зелія такого;
Хоть-бы знала, тебѣ-бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость».
Вотъ пошла Павлиха къ водопою
Да зарѣзала коня вороного
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки—
Извела она коня вороного»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки—
Вѣдь она сокола заколола».
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради».
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,

Громко воя и лицо терзая:
«Самъ себѣ на зло сестру любишь.
На бѣду даришь ты ей подарки —
Заколола она у насъ ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый».
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это.
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ-
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли-жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ:
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ:
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки:
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молода Павлиха.
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ—
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь-ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся».
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья».
Какъ услышала то молодая Павлиха.
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди ты меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней
И пусти ихъ по чистому полю
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ терные да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

XV. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта.
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься:
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье.
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча
И поѣхалъ своею дорогой.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась къ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.
Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня вороного
Напоить студеною водою;
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка —
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ.—
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня вороного,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ-королевичъ:
«Разскажи, какое ты творенье—
Женщина-ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,

Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей».
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
Я слыхалъ, что она потонула».
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Моя мать—царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ—
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба».
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди-же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ».
Они послѣ того разстались.
Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты—
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйдь ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко».
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ-королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо-ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ-королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ».

XVI. КОНЬ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый?
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой?
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?
Отвѣчаетъ конь печальный:
«Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чепрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока».

XVII. ОТРЫВОКЪ.

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
Снѣгъ-ли то, али лебеди бѣлы?
Былъ-бы снѣгъ—онъ давно-бы растаялъ,
Были-бъ лебеди—они-бъ улетѣли...
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и матерь;
Его люба не пришла, застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ...

ПРИМѢЧ. ПУШКИНА КЪ „ПѢС. ЗАП. СЛАВ.“.

1. Өома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ, съ 1460 году Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2. Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники.

3 Фаланга—палочные удары по пятамъ.

4. Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

5. Обычай братованія у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ освящается и духовными обрядами.

6. Банялука—прежняя столица Боснійскаго пашалыка

7. Селихтаръ—меченосецъ.

8. Гайдукъ—глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

9. Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей Guzla, извѣстіе о старомъ гуслярѣ I. Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ-ли онъ когда-нибудь, но статья его имѣетъ прелесть оригинальности и правдоподобія.

10. Вурдалаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя,
Вечерняя тихо потухла заря;
Темнѣетъ долина глухая.
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Лѣнивой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая.

Недвижныя латы на холмѣ лежатъ,
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ,
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ;
Вонзилися шпоры въ увлаженный мохъ,
Копье раздробленно—и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ.

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго, конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь,
Онъ бранную голову клонитъ,
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ
И смотритъ на латы конь вѣрный одинъ,
И дико трепещетъ, и стонетъ.

Во тьмѣ заблудившись, пришелецъ идетъ:
Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ,
Склонясь надъ дорожной клюкою.
Заботливо смотритъ въ невѣрную даль,
Приблизился къ латамъ—и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.
Хладѣетъ пришелецъ: кольчуги звучатъ,
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ,
По камнямъ шеломъ покатился.
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивый; скокъ летомъ на холмъ,
Взглянулъ и главою склонился.

Ужъ путникъ далече въ тьмѣ бродитъ ночной,
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой.
Но утро денница выводитъ—
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны, и шлемъ не стучитъ,
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.
1815 г.

НАѢЗДНИКИ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала,
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Среди невѣрнаго тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ; лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ издали глухой
Булата звонъ и конскій топотъ
Толпа наѣздниковъ младыхъ
Въ дубравѣ ѣдетъ молчаливой;
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ всадники спѣшатъ.
Дубравы кровъ оставя зыбкій,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой;
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи...
Лишь ты, воинственный поэтъ,
Унылъ, какъ сумракъ полуночи,
И блѣденъ, какъ осенній свѣтъ.
Съ главою, мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченный,
Онъ ѣдетъ молча впереди.
«Пѣвецъ печальный, что съ тобою?
Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ.
Ужель, невольникъ праздной нѣги,
Отраднѣй миръ твоихъ полей,
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранный стукъ мечей?
Одна стезя войны прекрасна,
Завиденъ гордый нашъ удѣлъ.
Тебѣ-ли нынѣ смерть ужасна?
Ты ввѣкъ средь боевъ не блѣднѣлъ:
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ,
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ падалъ первый громъ.
Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
Твой голосъ нашу славу пѣлъ;
А нынѣ ты въ уныньи дикомъ,
Какъ бѣглый ратникъ, онѣмѣлъ».
Но медленно пѣвецъ печальный
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальный
И вздохомъ грудь поколебалъ.

«Глубокій сонъ въ долинѣ бранной;
Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной;
Предчувствую конецъ желанный—
Меня зоветъ послѣдній бой...
Расторгну цѣпь судьбы жестокой,
Влечу я съ братьями въ огонь,
Ударъ падетъ—и одинокій
Въ долину выбѣжитъ мой конь!..

«О вы! которымъ здѣсь со мною
Предѣлъ могилы положонъ,
Скажите: милая тоскою
Вашъ усладитъ-ли долгій сонъ?
Но для пѣвца никто не дышетъ,
Его настигнетъ тишина;
Эльвина смерти вѣсть услышитъ—
И не вздохнетъ объ томъ она.

«А вы, хранимые судьбами
Для сладостныхъ любви наградъ!
Пускай любовницы слезами
Благословится вашъ возвратъ.
За чашей сладкаго спасенья,
О, братья, вспомните пѣвца,
Его любовь, его мученья
И славу грознаго конца!...»

Умолкъ и мчится въ бой кровавый...
Уже не возвратился онъ:
. . . . . На полѣ славы
Его покрылъ безвѣстный сонъ.
И утромъ юнаго поэта
Наѣздники, въ веселый часъ,
За чашей дружнаго привѣта
Въ послѣднiй вспомянули разъ.

1816 г.

АНЧАРЪ.

ДРЕВО ЯДА.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила—
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучiй,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючiй.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ:
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами,—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

1828 г.

РОДРИГЪ.

На Испанiю родную
Призвалъ мавра Юлiанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.

Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древнiй родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юлiанъ.

Мавры хлынули потокомъ
На испанскiе брега—
Царство готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.

Готѳы пали не безславно:
Храбро билися они;
Долго мавры сомнѣвались—
Одолѣетъ кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ:
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;

Шлемъ и мечъ его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ—
И никто не пожалѣлъ.

Но Родригъ въ живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти лишь алкалъ.

И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо дротики летали,
Шлема мечъ не разсѣкалъ.

Напослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечъ съ запекшеюся кровью
Отъ ладони отклеилъ,

Бросилъ на земь шлемъ пернатый
И блестящую броню—
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.

Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.

Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ:
Всѣ толпой бѣгутъ отъ мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.

Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи христiанъ;

Всѣ Родрига проклинаютъ—
И проклятья слышитъ онъ,

И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.

Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.

Тлѣнье трупа не коснулось:
Онъ лежитъ, окостенѣвъ,
Ожидая погребенья
И молитвы христіанъ.

Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.

Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ,
Какъ предшественникъ его.

Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.

Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда:
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.

Хочетъ онъ молиться Богу—
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.

Онъ въ уныніи проводитъ
Дни и ночи, недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.

Но отшельникъ, чьи остатки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.

И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
«Встань—и міру вновь явись!

«Ты вѣнецъ утратилъ царскій;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами
И душѣ твоей покой».

Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ,
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король....

1832 г.

СТРАННИКЪ.

[изъ буньяна]

I.

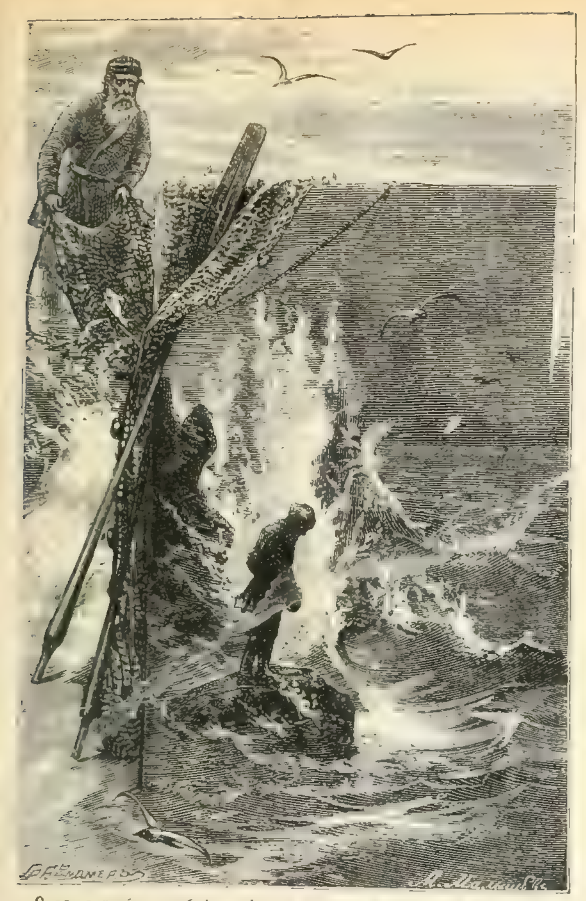
Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,
Я въ воплях изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь, какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ
Уныніе мое всѣмъ было непонятно. [обратно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я по неволѣ.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ: мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

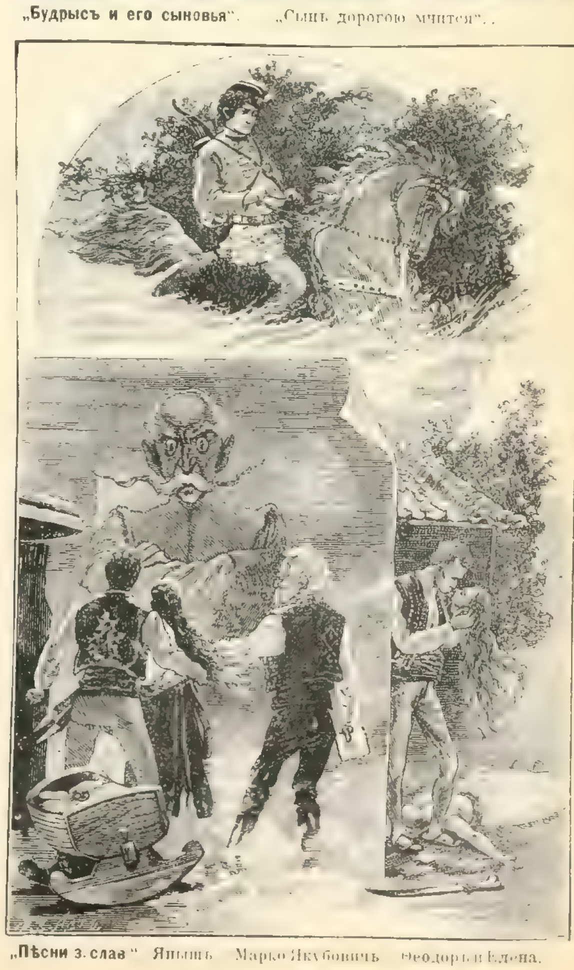
Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебный
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебный.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,



„**Сказ. о рыб. и рыбкѣ**". Долго у моря ждалъ онъ отвѣта

„**Будрысъ и его сыновья**". „Сынъ дорогою мчится".

„**Пѣсни з. слав.**". Хризичъ. Георгій Черный. -Сестра и братья.



„**Пѣсни з. слав**" Янышъ. Марко Якубовичъ. Феодоръ и Елена.

„Евг. Онѣг.". Ленскій читаетъ Онѣгину свои стихи

„Евг. Онѣг." — „Я, знаешь, няня, влюблена"...

„Евг. Онѣг.". Татьяна предъ окномъ стояла.

„Евг. Онѣг.". *Онѣгинъ:* „Вы ко мнѣ писали, не отпирайтесь".

Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью, и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, уныніемъ тѣснимъ.
И, наконецъ, они отъ крика утомились,
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились,
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—уныньемъ изнывая,
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замысливщій отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ, до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
И вотъ о чемъ крушусь: къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего-жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда-жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видитъ-ли твой взоръ чего-нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:
«Я вижу нѣкій свѣтъ»—сказалъ я наконецъ.
«Иди-жъ, онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока спасенья тѣсныхъ вратъ ты не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ-же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричали мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата...

1834 г.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

(1822—1831).

Petri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la meme indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, pent-être imaginaire.
Tire d'une lettre particulière

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПЛЕТНЕВУ.

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ-бы я тебѣ представить
Залогъ достойнѣе тебя,—
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты.
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ.
К. Вяземскій

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ:
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ.
Его примѣръ—другимъ наука!..
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство—
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда-же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса

Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.—
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей-же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня...

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда-же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ,
Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ денди лондонскій одѣтъ,
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего-жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ—
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ;
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Өеокрита;
За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что̀ зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что̀ зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что̀ было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что̀ занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что̀ страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

. . . .
. . . .

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь—и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда-жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фоблаза давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

. . . .
. . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постели:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ—дѣтскій праздникъ.
Куда-жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно—
Вездѣ поспѣть не мудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ, [1]
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится;
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon [2] помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
Вошелъ—и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать entrechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать—для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлый властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумныхъ рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ-же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю-ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла,—все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,

Среди вседневныхъ наслажненій?
Вотще-ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли:
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда-же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова;
И хоть онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—русская хандра
Имъ овладѣла по немногу;
Онъ застрѣлиться, славу Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ Child-Harold, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

. . . .
. . . .

XLII.

Причудницы большого свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ—
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому-жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой—
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая за перо взялся,
Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задернулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ—онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба,
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій.
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,

Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя піитъ. [4]
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона:
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ-ли часъ моей свободы?
Пора, пора!—взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, [5] жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей, [6]
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался;
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбу ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

LII

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постели
И съ нимъ проститься былъ-бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
[И тѣмъ я началъ мой романъ];
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили;
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ—сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что-нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та-же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И far niente—мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробужденъ

Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не такъ-ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной.
Чтобы насмѣшливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградилъ
Твое задумчивое пѣнье?
Кого твой стихъ боготворилъ?»
И, други, никого, ей Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку риѳмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу, между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ;
Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много.
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ своихъ отдамъ.
Иди-же къ невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье,
И заслужи мнѣ славы дань:
Кривые толки, шумъ и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus.
Hor.
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить-бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ дріадъ.

II.

Почтенный зáмокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Царей портреты на стѣнахъ
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему,
Да, впрочемъ, другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,

Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ—наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
И небо рабъ благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ—опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги—
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ;
Онъ—фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
Иль нѣтъ-съ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту-же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ
И столь-же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего;
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ.

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гёте
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній

Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной!
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ, какъ женихъ—
Таковъ обычай деревенскій:
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда.
Войдетъ-ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...»[7]

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ, конечно,
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди (первый каюсь я)—
Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ—нулями,
А единицами—себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ—орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній,
Хоть онъ людей, конечно, зналъ
И вообще ихъ презиралъ;
Но (правилъ нѣтъ безъ исключеній)
Иныхъ онъ очень отличалъ
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкій,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду—злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы—
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелитъ.
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость

Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ;
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну—
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда, какъ утро, весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза, какъ небо, голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите и найдете, вѣрно,
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что-жъ? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины,
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
[Не говоримъ ужъ о стихахъ];
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

XXV.

И такъ, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла-бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная, боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость—ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней—
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію—закону свѣта—
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды

Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда-же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣниво почиваетъ,—
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы:
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена-жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла,[3]
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по-неволѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ—
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана—
Замѣна счастію она.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ:
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,—
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ.
Служанокъ била осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н. какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила, наконецъ,
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,—
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины:

У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились, наконецъ,
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
«Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ».

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor-Yorick!» молвилъ онъ уныло:
Онъ на рукахъ меня держалъ.
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его очаковской медалью!
Онъ Ольгу прочилъ за меня,
Онъ говорилъ: «дождусь-ли дня...»
И полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ-же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ-же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальный...
Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить;
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я-бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ—лестная надежда—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвитъ: то-то былъ поэтъ!
Прими-жъ мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Elle etait fille, elle, etait amoureuse.
Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
—Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.—
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
—У Лариныхъ.—«Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
—Ни мало.—«Не могу понять.
Отселѣ вижу, что̀ такое:
Во-первыхъ—слушай, правъ-ли я?
Простая русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный дворъ»...

II.

—Я тутъ еще бѣды не вижу.—
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ».
—Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу...—«Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что-жъ? ты ѣдешь? очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій: да нельзя-ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,

И слезъ, и риѳмъ et cetera?
Представь меня».—Ты шутишь!—«Нѣту».
—Я радъ.—«Когда же?»—Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.—

III.

«Поѣдемъ».
Поскакали други.
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
. . . .
. . . .

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ.
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
—Ну, что-жъ, Онѣгинъ? Ты зѣваешь?—
«Привычка, Ленскій».—Но скучаешь
Ты какъ-то больше.—«Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала-бъ вреда.

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
—Да та, которая грустна
И молчалива, какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.—
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
—А что?—«Я выбралъ-бы другую,
Когда-бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ».
Владиміръ сухо отвѣчалъ
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой;
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали.
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ;
И въ сердцѣ дума заронилась:
Пора пришла—она влюбилась...
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгорая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,

VIII.

И дождалась. Открылись очи.
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,—
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ уныніе погружена,
Гостей не слушаетъ она
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ, [10]
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И безподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,—
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ;
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты;
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...

Но нашъ герой, кто-бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ вамъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ наводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.
Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ. [11]
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что-жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно да сядь ко мнѣ».
— Что, Таня, что съ тобой?—«Мнѣ скучно
Поговоримъ о старинѣ».
— О чемъ-же, Таня? Я, бывало,
Хранила въ памяти не мало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынче все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...—«Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то-бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.—
«Да какъ-же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплели
И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую....
Да ты не слушаешь меня....—
«Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова!...»
— Дитя мое, ты нездорова:
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—«Я не больна:
Я.... знаешь, няня... влюблена».
— Дитя мое, Господь съ тобою!—
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.—
«Оставь меня: я влюблена».
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы.
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ:
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну....
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась....
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу:
Прости». И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна:
Облокотясь, Татьяна пишетъ.
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено....
Татьяна! для кого-жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима:
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.
Внушать любовь—для нихъ бѣда,
Пугать людей—для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво-равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что-жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ, суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ:
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXVI.

За что-жъ виновнѣе Татьяна?
За то-ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то-ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно;
Татьяна любитъ не шутя,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ,
Итакъ писала по-французски....
Что дѣлать! повторяю вновь
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,

Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-русски. Право, страхъ!
Могу-ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ![12]
Я шлюсь на васъ, мои поэты!
Не правда-ль: милые предметы,
Которымъ за свои грѣхи
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ-ли, русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился-ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ грамматикѣ пріучитъ насъ.
Стихи введутъ въ употребленье;
Но я—какое дѣло мнѣ?—
Я вѣренъ буду даринѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей
По-прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что-жъ? ей-ей
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю:нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Пировъ» и грусти томной![13]
Когда-бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ-бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой,
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? Приди—свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный.
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ:

Письмо Татьяны къ Онѣгину

«Я вамъ пишу—чего-же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали-бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ,
И день, и ночь до новой встрѣчи.
Но, говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно:
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала-бъ васъ,
Не знала-бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла-бы друга,
Была-бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала-бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ....
То воля неба—я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты —хранитель мой.....
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,

*

Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно.... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда-ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты-ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой ангелъ-ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, это все пустое,
Обманъ неопытной души,
И суждено совсѣмъ иное....
Но такъ и быть! судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ.
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю»...

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— Пора, дитя мое, вставай!
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, славу Богу, ты здорова!
Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
Лице твое—какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье»....
— Изволь, родная, прикажи.—
«Не думай... право... подозрѣнье....
Но видишь.... Ахъ! не откажи».
— Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.—
«И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О.... къ тому....
Къ сосѣду.... да велѣть ему,
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня»....
— Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть:
Куда мнѣ ихъ и перечесть.—

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
— Сердечный другъ, ужъ я стара,
Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли....—
«Ахъ, няня, няня! до того-ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину».—Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что-жъ ты снова поблѣднѣла?—
«Такъ, няня, право, ничего....
Пошли-же внука своего».

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна, какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда-жъ отвѣтъ?
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
«Скажите: гдѣ-же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ».
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— Сегодня быть онъ обѣщалъ,
Старушкѣ Ленскій отвѣчалъ:
Да видно почта задержала.—
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,

По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;
Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ... кровь ея застыла...
Вотъ ближе... скачутъ... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!» и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ и прямо въ садъ;
Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты, сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

XXXIX.

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!
О Боже! что подумалъ онъ!»
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранитъ надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышетъ,
И ждетъ, нейдетъ-ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!)

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы-красавицы,
Душеньки-подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную,
Заманите молодца,
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи».

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье;
Но въ персяхъ то-же трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни.
И какъ огнемъ обожжена,
Остановилася она.
Но слѣдствія нежданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я;
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять, и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ-нибудь.

—

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses
Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя
И наслаждаясь, не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ:
Ловласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно,
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ-же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!

Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На вистъ вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый—
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
Имъ на минуту овладѣлъ,
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою,—
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII

«Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда-бъ мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда-бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый—
То вѣрно-бъ кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно-бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ.
Я былъ-бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства—
Ихъ вовсе не достоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ-бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать—ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите-жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ, и вечеромъ одна;
Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу, однакожъ, проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно ревнивъ!
Таковъ я. И того-ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте-жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы

Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова, но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ».

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій—
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего.
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и то-же)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
О нихъ не даромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ скобкахъ замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой-бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А, впрочемъ, онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова-ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значитъ именно родные?
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И по обычаю народа
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому-жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ наша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого-жъ любить? Кому-же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй, вѣрно, нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой—
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ,
Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣди шепчутъ межъ собою:
Пора, пора-бы замужъ ей!..
Но полно. Надо мнѣ скорѣй

Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владимiръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ въ потемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что-жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобрiанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далеко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскiй пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ-ли домой—и дома
Онъ занятъ Ольгою своей.
Летучiе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельскiй виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкiй слѣдъ,
Все тотъ-же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écrirez-vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à v. Annette:
А на послѣднемъ прочитаешь:
«Кто любитъ болѣе тебя,
Пусть пишетъ далѣе меня».

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки:
Тутъ, вѣрно, клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски;
Какой-нибудь пiитъ армейскiй
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйскiй.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякiй мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро иль нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библiотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риѳмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божiй громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,—
И дрожь, и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграмма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскiй пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой:
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегiи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегiй драгоцѣнный
Представитъ вѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгiй
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегiи вѣнокъ убогiй.
И нашей братьѣ риѳмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать
И все одно и то-же квакать,
Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
Довольно—пойте о другомъ!»

—Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь.
Не такъ-ли, другъ?—Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

Какъ ихъ писали въ мощны годы,
Какъ было встарь заведено»...
—Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все-ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужого толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ риѳмачей?—
«Но все въ элегіи ничтожно:
Пустая цѣль ея жалка;
Межъ тѣмъ цѣль оды высока
И благородна»... Тутъ-бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ волненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ-бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось-ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямь, блаженъ любовникъ скромный,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей;
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и риѳмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риѳмами, какъ я,
Кто бьетъ хлопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

XXXVII.

А что-жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его вседневныя занятья
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ:
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ:
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался... Только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

XXXVIII. XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ, довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина—
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая,
Забывъ и городъ и друзей,
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Каррикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XLI

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своею волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ

Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ риѳмы—р о з ы:
На, вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ.
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что̀ дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
Не хочешь? Повѣряй расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинный
Кой-какъ пройдетъ, и завтра то-жъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чайльдъ-Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ разсчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ.
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей;
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Моэта
Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло: за него
Послѣдній блѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните-ль, друзья:
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало;
А сколько шутокъ и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я б о р д о благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ аи я больше неспособенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, б о р д о, подобенъ другу,
Который въ горѣ и въ бѣдѣ
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихій раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ б о р д о, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Віется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина
Порою той, что̀ названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
—Налей еще мнѣ полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!... Когда-нибудь
Заѣдемъ къ нимъ—ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же-я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.—

XLIX.

«Я?»—Да, Татьяны именины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.—
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду»...
—И, никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.

Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
Ну, что-жъ? — «Согласенъ». — Какъ ты милъ! —
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Чрезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ:
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему не снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Ляфонтена...[14].
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто, хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!
Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа,—
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
По утру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ,
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно....

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это—низкая природа,
Изящнаго не много тутъ.
Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ:[15]
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ финляндки молодой![16]

IV.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозный,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда-жъ падучая звѣзда

По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ-нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей—
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что-жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима;
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«Тамъ мужички-то все богаты,
Гребутъ лопатой серебро;
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй кошурка сердцу дѣвъ.[17]

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно ..
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ:
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій: дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
«Какъ ваше имя?» Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ:—Агаѳонъ.—

X.

Татьяна, по совѣту няни,
Сбиралась ночью ворожить,
Тихонько приказала въ банѣ
На два прибора столъ накрыть:
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мысли о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть,
Съ Татьяной намъ не ворожить.
Татьяна поясокъ шелковый
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто-бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ-бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто-жъ изъ-подъ него явился?—
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна—ахъ! а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что-жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ,
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Кряхтя, валитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ
Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучъ свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;

То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрый башмачекъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей некогда; боится,
Медвѣдя слышитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все во слѣдъ:
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна,
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой;
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогій;
Кругомъ все глушь; отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
И ярко свѣтится окошко
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: «здѣсь мой кумъ:
Погрѣйся у него немножко!»
И въ сѣни прямо онъ идетъ
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что-же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ!
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей,—
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ—и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется—всѣ хохочутъ:
Нахмуритъ брови—всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать—
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать—
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній—
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные—
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: «мое! мое!»

XX.

— Мое!— сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во тьмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ
Татьяну въ уголъ и слагаетъ
Ее на шаткую скамью
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ
И дико онъ очами бродитъ,
И незваныхъ гостей бранитъ;
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI

Споръ громче, громче; вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ—и вмигъ
Поверженъ Ленскій. Страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
«Ну, говоритъ: скажи-жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постели съ книгою лежитъ,

За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ модъ журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека,
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье.
И для Татьяны наконецъ,
Его, съ разрозненной «Мальвиной»,
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Петріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ
И безотлучно съ нею спитъ.

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ:
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ[19]
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vouz, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливый поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
И смѣло —вмѣсто belle Nina—
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада,
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ.
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой;
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ,
Мужчины противъ и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежъ. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
И утренней луны блѣднѣй.

И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть.
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгеній:
Довольно онъ ихъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромный,
Ужъ былъ сердитъ. Но дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Карикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію пересоленый);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,
Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, кристалъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіялъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ... И вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь, съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ-же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же-дѣло до Евгенья
Дошло, то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ молча поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно-нѣженъ. Отъ того-ли,
Что онъ и вправду тронутъ былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Невольно-ль, иль изъ доброй воли,
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ камельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ—стариковъ
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь-же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ Истоминой моей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай

Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Парисъ.
Что-жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать;
Извольте далѣе читать,
Начала не судите строго:
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чая съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ—Ленскій; Харликову.
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ тамбовскій мой поэтъ;
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось вродѣ мнѣ Альбана
Балъ петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ, быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ;
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ.

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Все тѣ-же: ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ россіянъ.

XLIII.

. . . .

Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучатъ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче—каблуки
Отдавятъ дамскіе носки!

XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою; проворный
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что-же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно-ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снесть удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули—больше ничего—
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La, sotto giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente cui l'morir non dole (Petr.)

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,

Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Оленька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелятъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровый,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосьё Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объяты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданнымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожитъ
Ее ревнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ-будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
«Погибну, Таня говоритъ:
Но гибель отъ него любезна.
Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать».

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лицо насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще до нынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь-же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ;
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери [20]
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ впросакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой разсчетливо смолчать,
Порой разсчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ;
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; и такъ, ни мало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ иль картель:

Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій,
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ.
И тотчасъ вышелъ; но Евгеній
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И по дѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.
А во-вторыхъ, пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и умомъ.

XI.

Онъ могъ-бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце.«Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло....
Къ тому-жъ — онъ мыслитъ — въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ....
Конечно, быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ»....
И вотъ — общественное мнѣнье!
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивый
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
Не отшутился какъ-нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхавъ завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою на послѣдокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
На встрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Оленька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно та-же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда.
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!..
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ:
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ....

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель;
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ, и похвалъ
Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый».
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда-бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда-бы вѣдала Татьяна,
Когда-бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгеній
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила-бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;
Одна-бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь:

Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: «не правда-ль, я счастливъ?»
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо:
«Что съ вами?»—Такъ.—И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ,
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Дельвигъ пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
Я ихъ имѣю; вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущій мнѣ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ;
Въ глубокой мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
Паду-ли я, стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она,
Все благо: бдѣнія и сна
Приходитъ часъ опредѣленный;
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучъ денницы
И заиграетъ яркій день;
А я, быть можетъ, я гробницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И память юнаго поэта
Поглотитъ медленная Лета,
Забудетъ міръ меня; но ты
Придешь-ли, дѣва красоты,
Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!..
Сердечный другъ, желанный другъ,
Приди, приди: я—твой супругъ!»...

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я, да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарею,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ идеалъ
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся—ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будитъ Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ!
Онѣгинъ, вѣрно, ждетъ ужъ насъ».

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгеній
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Весперъ пѣтухомъ:
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко,
И перелетная метель
Блеститъ и вьется; но постель
Еще Евгеній не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ, наконецъ, проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга, французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговыя.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лепажа[21] стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жорновъ осуждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ-же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгеній;
«Вотъ онъ—мой другъ, monsieur Guillot.

*

Я не предвижу возраженій
На представленіе мое;
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный».
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
«Что-жъ, начинать?»—Начнемъ, пожалуй,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и честный малый
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно-ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно-ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться-ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться-ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули;
Гремитъ о шомполъ молотокъ,
Въ граненый стволъ уходятъ пули,
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага.
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».—Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить—но какъ-разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ молча пистолетъ,

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный взоръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ на вылетъ раненъ;
Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь;
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно—
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ? Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ!

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ
Едва-ль пріятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что-жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой?
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ,
Предъ вами, съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаяпный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній
Рукою стиснувъ пистолетъ,

Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что-жъ? убитъ!» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья
И жажда знаній и труда.
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рожденъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословенія племенъ.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли-бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души-бы охладѣлъ;
Во многомъ онъ-бы измѣнился,
Разстался-бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ-бы стеганный халатъ;
Узналъ-бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И наконецъ въ своей постели
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что-бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны, корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья, въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ остановляетъ,
Ременный поводъ натянувъ,
И флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погрузясь она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслитъ: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго-ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ-жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него:
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риѳму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта, и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;

Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риѳма, **младость**?
Ужель и вправду, наконецъ,
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Ужель и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я шутя твердилъ доселѣ)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите-жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,—
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

—

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать.
Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?
Баратынскій.

Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?
Гдѣ насъ нѣтъ.
Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Синѣя блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ,
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна, пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданья нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна,
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина птенцы,[22]
Вы, деревенскіе Пріамы,

И вы, чувствительныя дамы.
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей...
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравный
Надъ безыменною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгеній мой,
Отшельникъ праздный и унылый,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой,
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ,
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ...

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ, цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой;
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ,
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылый
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилый,
Пастухъ по-прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX. X.

Мой бѣдный Ленскій! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали не вѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить;
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ, предъ алтаремъ,
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился-ли пѣвецъ унылый
Измѣны вѣстью роковой?
Или надъ Летой усыпленный,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?..
Такъ равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо,
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ.
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;

Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего.
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому.
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... на что грустить?..

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы.
Ужъ за рѣкой дымясь пылалъ
Огонь рабочій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна;
Шла, шла... и вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду-ль впередъ, пойду-ль назадъ?..
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ
Едва дыша, кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней лая кинулись собаки;
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя-ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней.
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась.
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ!

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте за мною,—
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Приказчика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной,
Какъ очарована, стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ;
Однако-жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,

Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей.
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ—
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія-ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели слово найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда
И гдѣ о ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна—не дитя»,
Старушка молвила кряхтя.
«Вѣдь Оленька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и то-же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна».

XXVI.

—Не влюблена-ль она?—«Въ кого-же?
Буяновъ сватался—отказъ.
Ивану Пѣтушкову—тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось;
Куда!—и снова дѣло врозь».
—Что-жъ, матушка, зачѣмъ-же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.—
«Охъ, мой отецъ! доходу мало».
—Довольно для одной зимы;
Не то ужъ дамъ хоть я взаймы.—

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой;
Сочлась, и тутъ-же положила
Въ Москву отправиться зимой.
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціальной простоты
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей!
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!..
О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ,
И умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!..
Прости-жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?»

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Останавляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами,
Еще бесѣдовать спѣшитъ.
Но лѣто быстрое летитъ:
Настала осень золотая.
Природа трепетна, блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою

Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зиму встрѣчать,
Морозной пылью подышать,
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
Приходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный—три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенья въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ восьмнадцать клячъ.

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
Готовятъ завтракъ повара;
Горой кибитки нагружаютъ;
Бранятся бабы, кучера;
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форейторъ бородатый;
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
Прости, пріютъ уединенный!
Увижу-ль васъ?..» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Со временемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно,
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ, пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой;
Раздвинемъ горы, подъ водой
Пророемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодный,
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ;
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ.[23]
Къ несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ—
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы.
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.

Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX. XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ-другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежъ отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
Съ чулкомъ въ рукѣ сѣдой калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!»-Pachette!-«Полина!»
— Кто-бъ могъ подумать?—«Какъ давно!»
— Надолго-ль?—«Милая кузина!»
— Садись! какъ это мудрено!
Ей Богу, сцена изъ романа...—
«А это дочь моя, Татьяна».
— Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, помнишь Грандисона?—
«Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ-же онъ?»
— Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все разскажемъ,
Не правда-ль! Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра-же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ:
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость, жизнь—такая гадость...—
И тутъ совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Нехорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постели новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно-ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала!—
«А я такъ за уши драла».
— А я такъ пряникомъ кормила!—
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны —
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ-же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все также лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагеи Николавны
Все тотъ-же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ-же шпицъ, и тотъ-же мужъ;
А онъ—все клуба членъ исправный,
Все также смиренъ, также глухъ
И также ѣстъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ
И повѣряютъ на распѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты...
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы,
Потомъ, въ отплату лепетанья,

Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ, и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть на обумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальный
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовитъ ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ:
И близъ него ея замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ—
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ;
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна,
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесный!...
Но полно, полно, перестань—
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ у колонны,
Незамѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ;
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни на-лѣво поскорѣй».
— На-лѣво? гдѣ? что тамъ такое?—
«Ну, что-бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ?»...
—Кто? толстый этотъ генералъ?..—

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою
И всторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова:

«Пою пріятеля младого
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь».
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

— —

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever,
still for ever fare thee well

Byron.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
Успѣхъ насъ первый окрылилъ:
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
. . . .

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ;
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она—за мной.
Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѣщала
И между ними одичала
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ, степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ музу я впервые
На свѣтскій раутъ привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ.
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ;
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ медленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройный
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманный?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
Что — сплинъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
Ужели онъ?.. Такъ, точно онъ.
«Давно-ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ-же-ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ-же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,

Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
—Знакомъ онъ вамъ? «И да, и нѣтъ».

IX.

— Зачѣмъ-же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ;
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла;
Что глупость вѣтрена и зла;
Что важнымъ людямъ—важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
NN. прекрасный человѣкъ!

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже «Демономъ» моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли,
Доступный чувству одному—
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du comme il faut... Шишковъ! прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ.
Никто-бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто-бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ-ли быть ему въ чести.
Оно-бъ годилось къ эпиграммѣ...
Но, обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,

Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы,
И вѣрно-бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели», думаетъ Евгеній:
«Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ? изъ глуши степныхъ селеній»...
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты,
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ посломъ испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ:
—Ага! давно-жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.—
«Да кто-жъ она?»—Жена моя.—

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно-ли?»—Около двухъ лѣтъ.—
«На комъ?»—На Лариной.—«Татьянѣ?»
—Ты ей знакомъ?—«Я имъ сосѣдъ».
—О, такъ пойдемъ-же.—Князь подходитъ
Къ своей женѣ и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ-же тонъ;
Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась
Иль стала вдругъ блѣдна, красна—
У ней и бровь не шевельнулась,
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И—и не могъ. Она спросила,
Давно-ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ-ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружу, все на волѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?...
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный,
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ—ему приносятъ
Письмо: князь N покорно проситъ
Его на вечеръ.«Боже! къ ней!...
О! буду, буду!»—и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности—любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ.
Вновь не дождется дню конца;
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ.
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмый,
Неловкій, онъ едва-едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ. Она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
И не пугалъ ни чьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ, однако, цвѣтъ столицы—
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лица,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,

Неулыбающихся лицъ:
Тутъ былъ посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, по старому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.

. . . .

XXVI.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,-
St.-Priest, твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной—
Румянъ, какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залетный,
Перекрахмаленный нахалъ
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной—
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлый
Татьяной занятъ былъ одной,—
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу;
Запретный плодъ вамъ подавай;
И безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто-бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ—
И жизнь могучая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгеній
Въ Татьяну, какъ дитя, влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день, и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пенямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится, какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри,
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ—
Его не терпитъ высшій свѣтъ.
Блѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва-ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ;
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ:
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
Но, знать, сердечное страданье

Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? Съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычки милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой—
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду на удачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ;
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда-бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить-бы могъ;
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный розговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!...
«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ
И предаюсь моей судьбѣ».

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье.
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видитъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыя хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы слабости случайной,
Всего, что мой Онѣгинъ зналъ...
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
Свое безумство проклинаетъ—
И въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда—
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что-жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ

Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ, и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что-жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ—и у окна
Сидитъ она... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Чуть-чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то-бъ одолжилъ!
А точно: силой магнитизма
Стиховъ россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: Benedetta
Иль Idol mio, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима.
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ, какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ,
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ—
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ;
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ,
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу, дальше—никого.
Дверь отворилъ онъ. Что-жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ одна
Сидитъ неубрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто-бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ!
Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, и молчитъ,
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ —
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
И не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо, наконецъ, она:
«Довольно, встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня—очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что-же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда-ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда—не правда-ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что-жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ:
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому-ль, что мой позоръ
Теперь-бы всѣми былъ замѣченъ
И могъ-бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ....
А нынче!.... Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта—
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,—
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!... Но судьба моя
Уже рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны....
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана—
Я буду вѣкъ ему вѣрна».

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ-будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ внезапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался...
И здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно-бъ (не правда-ли?) пора!

XLIX.

Кто-бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче, какъ пріятель.
Прости. Чего-бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ—
Воспоминаній-ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ—
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ—разстанемся, прости!

L.

Прости-жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ—
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече.
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ...

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

Послѣдняя глава «Евгенія Онѣгина» издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ, весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, восьмой надъ послѣдней главою «Евгенія Онѣгина», и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора! перо покоя проситъ;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостно выноситъ
Мою ладью девятый валъ—
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть, и выгодное для читателей, вредитъ однакожъ плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ,—замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго; но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки изъ нея были напечатаны».

Въ нашемъ изданіи она приводится цѣликомъ по списку академика А. Ѳ. Бычкова, помѣщенному въ 1-мъ № «Русской Старины», за 1888 г. Первая строфа этого списка составляетъ повтореніе или, вѣрнѣе, самый незначительный варіантъ XII строфы 8-й главы.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ-нибудь давно хотѣлъ.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ; онъ увидитъ
Святую Русь: ея поля,
Пустыни, грады и моря.

Онъ собрался—и слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ-Великій:
Смирились площади—средь нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
И вкругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней.

Тоска, тоска! Спѣшитъ Евгеній
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Беретъ три связки онъ баранокъ,
Здѣсь покупаетъ туфли,—тамъ
По гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки;
Мелькаютъ версты; ямщики
Поютъ и свищутъ и бранятся;
Пыль вьется.—Вотъ Евгеній мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской.

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой,
Своими дѣвами прельщаетъ,
Стерляжьей потчуетъ ухой.
Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Безмолвно въ думу погруженъ,
О кашахъ пренья слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разнорѣчивая молва.
Имъ занимается Москва,
Его шпіономъ именуетъ,
Слагаетъ въ честь его стихи
И производитъ въ женихи.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ

Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
Поддѣльны вина европеецъ;
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей;
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ.

Тоска! Евгеній ждетъ погоды.
Ужъ Волга—рѣкъ, озеръ краса—
Его зоветъ на пышны воды
Подъ полотняны паруса:
Взманить охотника не трудно.
Нанявъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унылымъ голосомъ поютъ
Про тотъ разбойничій пріютъ,
Про тѣ разъѣзды удалые,
Какъ Стенька Разинъ въ старину,
Кровавилъ Волжскую волну.

Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
Среди степей своихъ песчаныхъ,
На берегу соленыхъ водъ
Торговый Астрахань открылся...
Онѣгинъ только углубился
Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи,
Пища, жужжа, со всѣхъ сторонъ
Его встрѣчаютъ—и, взбѣшенъ,
Каспійскихъ водъ брега сыпучи
Онъ оставляетъ тотъ-же часъ.
Тоска! Онъ ѣдетъ на Кавказъ.

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога,
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ.
Вдала—кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ, податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой:
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка—злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ—
Помолодѣть хотя на мигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслитъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель!
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ-бы знать тогда!

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ я молодъ, воленъ;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!..
Простите, снѣжныхъ горъ вершины,
И вы, Кубанскія равнины!
Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ—
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ,
Воображенью край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза, прошлое забудь!

Какія-бъ чувства ни таились
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...

Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безымянныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ-ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, фонтанъ Бахчисарая,
Такія-ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ?..
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той-же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильный
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ, и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ—и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ бишь мой разсказъ несвязный?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я-бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
И тутъ-бы, право, не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена;
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ;
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди, тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.
Однако, въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важный;
Чего-бъ вы думали?—воды!
Потребны тяжкіе труды...
Что-жъ? это—небольшое горе!
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего-жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутого берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлися два купца.

Глядишь—и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя разсчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ-ли небеса

Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли-ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ-ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ цареградскихъ береговъ.
Что устрицы? Пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ,
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ;[24]
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій;
Пора намъ въ оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень—Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ-же. вѣчно новый,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено-ль
Съ виномъ ровнять do-re-mi-sol?

А только-ль тамъ очарованій?
А розыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ, красой блистая,
Негоціантка молодая
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ—въ углу за нею дремлетъ.
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрапитъ.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривый,
Его невольно затвердивъ;
А мы ревемъ речитативъ.
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна, и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

И такъ, я жилъ тогда въ Одессѣ...
Средь новоизбранныхъ друзей,
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
Героѣ повѣсти моей.
Онѣгинъ никогда со мной
Не хвасталъ дружбой почтовой,
А я, счастливый человѣкъ,
Не переписывался ввѣкъ
Ни съ кѣмъ. Какимъ-же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я!

День дружбы... гласъ натуры!!..
Взглянувъ другъ нá друга, потомъ,
Какъ цицероновы авгуры,
Мы разсмѣялися тишкомъ...
. . . .

Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный,
И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
Пустился къ невскимъ берегамъ;
А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

О, гдѣ-бъ судьба ни назначала
Мнѣ безъимянный уголокъ,
Гдѣ-бъ ни былъ я, куда-бъ ни мчала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ-бъ поздній миръ мнѣ ни сулила,
Гдѣ-бъ ни ждала меня могила,
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ.

СТРОФЫ, НЕ ВОШЕДШІЯ ВЪ РОМАНЪ.

[Въ первой главѣ].

Къ V строфѣ.

Подозрѣвали въ немъ талантъ,
И могъ онъ съ ними въ самомъ дѣлѣ.
Вести и мужественный споръ
О Байронѣ и Бенжаменѣ,
О Корбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жомини.

Къ XIII строфѣ

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею, скромный и смущенный,
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣшить нежданной эпиграммой
И въ куклы съ дурочкой играть...
Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада.
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада;
Все спитъ... И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Къ XIV строфѣ.

Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,
Какъ говоритъ Шатобріанъ,
Не женщина любви насъ учитъ,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ
И узнаемъ ее въ романѣ...
Уйдетъ горячность молодая,
Лѣта пройдутъ; а между тѣмъ,
Прелестный опытъ упреждая,
Не насладимся мы ничѣмъ.

Къ XXV строфѣ.

По всей Европѣ въ наше время,
Между воспитанныхъ людей,
Не почитается за бремя
Отдѣлка нѣжная ногтей;
И нынче воинъ и придворный.
.... и либералъ задорный,
Поэтъ и сладкій дипломатъ
Готовъ. . . . .

Къ XLV строфѣ

Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ....
. . . .
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ —
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ взирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдной кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій.
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ.

[Во второй главѣ].

Къ IV строфѣ.

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;
И только. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ.—Евгеній.
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ;
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

Къ IX строфѣ.

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,
Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины прежнихъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

* * *

Пѣвцы слѣпого упоенья,
Напрасно шалостей младыхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
Напрасно дѣвочки, украдкой
Внимая звуки лиры сладкой,
Къ вамъ устремляютъ нѣжный взоръ,
Начать не смѣя разговоръ.
Напрасно вѣтреная младость

Васъ любитъ славить на пирахъ;
Хранитъ и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ изнѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ...

* *

Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратно зло...
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ...
Прилична-ль гордому поэту
Промышленность!..
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ;
Вы рождены для славы женской,
Для васъ ничтоженъ гласъ молвы.
И жаль мнѣ васъ, и милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его стихи, конечно, мать
Велѣла-бъ дочери читать.

Къ XVI строфѣ.

[ОБРАЗЦЫ СТИХОВЪ ЛЕНСКАГО].

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи.
Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста—
Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіютъ мощи хладны;
Но я, дотолѣ твой поклонникъ безотрадный,
Въ обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой...
. . . .

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда-бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Отъ тлѣнья убѣжавъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны,—
Клянусь! давно-бы я оставилъ этотъ міръ:
Я сокрушилъ-бы жизнь, уродливый кумиръ,
И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...
Меня ничтожествомъ могила ужасаетъ...
Какъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!
Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально вновь,
И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!

Къ XVII строфѣ.

Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ.
Кто усыплялъ любовь измѣной,
Вражду злословьемъ, клеветой,
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой...
Но мнѣ досталася на часть
Одна губительная страсть—
Страсть къ банку!.. Ни любовь свободы,
Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры
Не отвлекли-бъ въ минувши годы
Меня отъ карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до свѣта
Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ:
Налѣво-ль выпадетъ валетъ?
Уже раздался звонъ обѣденъ;
Среди разбросанныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкометъ,
А я, все также бодръ и блѣденъ,
Надежды полнъ, закрывъ глаза,
Гнулъ уголъ третьяго туза.
Ужъ я не тотъ—и хладнокровнѣй
Ввѣряюсь вѣтреной мечтѣ:
Не ставлю грозно карты темной,
Замѣтя тайное руте;
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ,
«Атанде»—слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ;
Отъ риѳмы тоже я отвыкъ.
Что буду дѣлать?—Между нами,
Всѣмъ этимъ утомился я;
На-дняхъ попробую, друзья,
Заняться бѣлыми стихами...

Къ XXI строфѣ.

Кто-жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни, и ночи,
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ,
Вдали веселій, связей вредныхъ,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей она
Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ густой
Ни мотыльками, ни пчелой,
Ни дура англійской породы,
Ни своенравная мамзель

(Благодаря уставамъ моды
Необходимыя досель)
Не баловали Ольги милой:
Ѳадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель...
Она-жъ за Ольгою ходила,
Стлала ей дѣтскую постель,
«Помилуй мя» читать учила,
Бову средь ночи говорила,
Поутру наливала чай—
И баловала невзначай.

[Въ третьей главѣ].

Къ X строфѣ.

Увы, друзья! мелькаютъ годы—
И съ ними, вслѣдъ одна другой,
Мелькаютъ вѣтреныя моды
Разнообразной чередой.
Все измѣнилося въ природѣ!
Ламушъ и фижмы были въ модѣ;
Придворный франтъ и ростовщикъ
Носили пудреный парикъ;
Бывало, нѣжные поэты,
Въ надеждѣ славы и похвалъ,
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумные куплеты;
Бывало, храбрый генералъ
Служилъ—и грамотѣ не зналъ.

Къ XXIV строфѣ.

О вы, которыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой—
Дѣвицы, если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать,
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча дозволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцѣлуй любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтреной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрека!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня, какъ змія,—
Совѣтую вамъ то-же я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы—
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

[Въ четвертой главѣ].

Къ I—VI строфамъ.

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ;
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Иного я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ
И трепеталъ, и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней,
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ, забыты мной давно;
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ-ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго-ли?.. Зачѣмъ
Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайны измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;

И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ, и страстей!

Къ XVII строфѣ.

Но ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...
Какъ разговоръ ихъ пусть и сухъ,
Какъ мысли пошлы, стародавны!
Но, уважая русскій духъ,
Простилъ-бы имъ ихъ сплетни, чванство,
Фамильныхъ шутокъ остроту,
Пороки зубъ, нечистоту,
И неопрятность, и жеманство;
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

[Въ седьмой главѣ].
Къ VIII строфѣ.

...разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ...
Но тутъ поспѣшными шагами
Ее настигъ младой уланъ,
Затянутъ, статенъ и румянъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.

Къ IX строфѣ.

Она на воина взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его—
И тихо руку протянула,
Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась, и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ.

[Въ восьмой главѣ].
Къ I-IV строфамъ.

I

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ
Читалъ охотно Елисея, [25]
А Цицерона проклиналъ,
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ-бы мячикъ мѣткій,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ,

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
Въ углахъ лицейскихъ переходовъ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ озарилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите, хладныя науки!
Простите, игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я—поэтъ...
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

IV.

Вездѣ со мной, неутомима,
Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
(Amorem canat aetas prima)
Все про любовь, да про любовь...
Я вторилъ ей; младые други
Въ освобожденные досуги
Любили слушать голосъ мой.
Они пристрастною душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую музу.
О торжество невинныхъ дней.
Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
Замкнутъ серебрянымъ замкомъ,
Онъ былъ исписанъ, изрисованъ,
Рукой Онѣгина кругомъ.
Среди безсвязнаго маранья
Мелькали мысли, примѣчанья,
Портреты, буквы, имена
И думы тайной письмена.

1

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

2.

Боитесь вы графини—овой,
Сказала имъ Элиза К.
Да, возразилъ N. N. суровый,
Боимся мы графини—овой,
Какъ вы боитесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напримѣръ: «Предъ каждымъ сномъ
Молись; бѣги путей лукавыхъ;
Чти правду и не спорь съ глупцомъ».

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣетъ:
Въ волненьи жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтреный, и пылкій нравъ.

5

Шестого былъ у В. на балѣ:
Довольно пусто было въ залѣ.
R. С. какъ ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьи!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньи
Какая нѣга и душа!

6.

Вечоръ сказала мнѣ R. С.:
—Давно желала я васъ видѣть.—
«Зачѣмъ?»—Мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
«За что?»—За рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ, за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ. Однакожъ это—вздоръ;
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
И знали-ль вы до сей поры,
Что просто очень вы добры?—

7.

Сокровища родного слова,
Замѣтятъ важные умы,—
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.—
Да гдѣ-жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно, сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ.
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . .
Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскій геликонъ!

8.

Морозъ и солнце: чудный день!
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою;
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для гарема
Иль для неволи б—овъ.

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
R. С. летѣла какъ зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пенямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За одалиской молодой.
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нея поймать успѣлъ;
И чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи;

На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
Онъ важенъ; краситъ волоса;
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

11.

Когда-бы грузъ, меня гнетущій,
Былъ страсть, несчастіе...
Такъ, напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душою гордой,
Печаль надеждой усладимъ...
Но скуку? Чѣмъ ее смиримъ?

12.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего-же такъ хотѣлось ей?
Сказать-ли первыя три буквы:
К., Л., Ю.—клю... возможно-ль? клюквы!

13.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца;
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго срамца;
Но чудно!
Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

14.

Строгій свѣтъ
Смягчилъ свои предубѣжденья
Или простилъ мнѣ заблужденья
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

15.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы милы, какъ она, для глазъ
И, какъ она, премѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувшею весной:
Вы такъ-же, какъ она, предъ нами
Цвѣтете пышною красой,
И такъ-же колетесь—Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
И такъ-же холодны, конечно!
Сравненья прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ—сравненья неудобны;
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безподобны!

16.

Порой одно воспоминанье,
Какъ тѣнь, опять бѣжитъ ко мнѣ
. . . .
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА къ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ».

---

1. Шляпа а la Bolivar.

2 Извѣстный ресторатор.

3. Черта охлажденнаго чувства, достойная Чайльдъ Гарольда. Балеты Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

4 Въявь богиню благосклонну
Зритъ восторженный піитъ,
Что проводитъ ночь безсонну,
Опершися награнитъ. [Муравьевъ. „Богинѣ Невы".]

5. Писано въ Одессѣ.

6. Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго.

7. Изъ первой части «Днѣпровской русалки».

8. Грандисонъ и Ловласъ—герои двухъ славныхъ романовъ.

9. „Бѣдный Іорикъ"—восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута.

10. Юлія Вольмаръ—новая Элоиза. Малекъ Адель—герой посредственнаго романа M-me Cottin. Густавъ-де-Линаръ—герой прелестной повѣсти баронессы Крюднеръ.

11. Вампиръ—повѣсть, неправильно приписанная Лорду Байрону. Мельмотъ геніальное произведеніе Матюрина. Leon Sbogar—извѣстный романъ Карла Нодье.

12. Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

13. Е. А. Баратынскій.

14. Августъ Лафонтенъ—авторъ множества семейственныхъ романовъ.

15. См. «Первый снѣгъ», стихотвореніе князя Вяземскаго.

16. См. описаніе финляндской зимы въ «Эддѣ» Баратынскаго.

17. «Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать»—предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

18. Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою — и проч.

19. Буяновъ, мой сосѣдъ . . . .
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ... [Опасный Сосѣдъ.]

20. Парижскій рестораторъ.

21. Славный ружейный мастеръ.

22. Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

23. Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К. разсказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

24. Извѣстный рестораторъ въ Одессѣ.

25. Шуточное стихотвореніе В. Майкова.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо.
Все, подбочась, обозрѣваетъ:
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хвать—и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: «не жди меня!»
И выѣзжаетъ на дорогу.
Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно: грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.
А что-же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?
Занятій мало-ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что-нибудь.
Къ несчастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы—мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.
Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
«Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей»—
Романъ классическій, старинный,
Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Безъ романтическихъ затѣй.
Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ:
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.
Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальній
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ-ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой?..
Ужъ не она-ли?.. Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.
Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
У мельницы, коляска скачетъ,
Вотъ на мосту—къ намъ точно.. нѣтъ,
Поворотила влѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.
Но вдругъ... о радость! косогоръ—
Коляска на бокъ... «Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сейчасъ везти ее на дворъ
И барина просить обѣдать;
Да живъ-ли онъ?.. Бѣги провѣдать;
Скорѣй, скорѣй!»—Слуга бѣжитъ.
Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждетъ: да скоро-ль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ, наконецъ.
Забрызганный въ дорогѣ дальной,
Опасно раненый, печальный
Кой-какъ тащится экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ.
Слуга-французъ не унываетъ
И говоритъ: «allons courage!»
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покамѣстъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежъ отворяютъ дверь,
Пока Picard шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ,
Сказать-ли вамъ, кто онъ таковъ?—

„Евг. Онѣг.". Ленскій и Ольга.

„Евг. Онѣг.". „И снится чудный сонъ Татьянѣ".

„Евг. Онѣг.". Дуэль Онѣгина съ Ленскимъ.

„Евг. Онѣг.". Ольга и Татьяна у памятника Ленскаго.

„Евг. Онѣг.". „ — „Да кто-жъ она?" - Жена моя".

„Евг. Онѣг.". Къ ея ногамъ упалъ Евгеній".

„Графъ Нулинъ". Отправленіе на охоту.

„Дом. въ Коломнѣ". Предъ зеркальцемъ кухарка брилась.

Графъ Нулинъ; изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣеровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта.
Съ bons-mots парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера
Et cetera, et cetera.
Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ:—ничего!—
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Святую Русь бранитъ,—дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣетъ о Парижѣ страхъ.
«А что театръ?»—О, сиротѣетъ!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ.
За то Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Ей-Богу поддержалъ одинъ.—
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
—Все d' Arlincourt и Ламартинъ.—
«У насъ имъ также подражаютъ».
—Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ?
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!—
«Какъ тальи носятъ?»—Очень низко,
Почти до... вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ;
Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
Все это къ модѣ очень близко.—
«Мы получаемъ «Телеграфъ».
—Ага! .. хотите-ли послушать
Прелестный водевиль?—И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте-жъ кушать».
—Я сытъ и такъ.—Изъ-за стола
Встаютъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела.
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядишь—и полночь вдругъ на дворъ.
Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчи догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
«Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!»... Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что-же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница—прости ей, Боже!—
Тихонько графу руку жметъ.
Наталья Павловна раздѣта;
Стоитъ Параша передъ ней.
Друзья мои, Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою съ бариномъ шалитъ,
Порой на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего—
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей, наконецъ,
Сказала: «полно, надоѣла!»
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.
Своимъ французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ;
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.
Въ постели лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслитъ онъ:
«Неужто вправду онъ влюбленъ?
Что, если можно?... Вотъ забавно;
Однако-жъ это было-бъ славно!
Я, кажется, хозяйкѣ милъ»—
И Нулинъ свѣчку погасилъ.
Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу—бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
(Здоровье краше всѣхъ румянъ).
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ,—точно, точно такъ—

Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ—дуракъ,
Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь—
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Отправился, на все готовый.
Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку—цапъ-царапъ.
 Влюбленный графъ въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ:
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ;
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ,
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.
 Онъ входитъ, медлитъ, отступаетъ—
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она... Теперь, съ ихъ позволенья,
Прошу я петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей?
 Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа—нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя
И дерзновенною рукой
Коснуться хочетъ одѣяла,
Совсѣмъ смутивъ ее сначала...
Но вдругъ опомнилась она,
И гнѣва гордаго полна
(А впрочемъ, можетъ быть, и страха)
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину: да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!
 Сгорѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
Обиду проглотивъ такую.
Не знаю, чѣмъ-бы кончилъ онъ,
Досадой страшною пылая,
Но шпицъ косматый, вдругъ залая,
Прервалъ Параши крѣпкій сонъ.
Услышалъ графъ ея походку,
И проклиная свой ночлегъ
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

 Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте—воля ваша,
Я не намѣренъ вамъ помочь.
 Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
Зѣвая, занялся небрежно,
И галстухъ вяжетъ неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженыхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ—не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолѣвъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.
 Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ
И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутитъ очень мило,
И чуть-ли снова не влюбленъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто-же?
«Наташа, здравствуй!»

Наталья Павловна: Ахъ, мой Боже!
Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ.

Мужъ: Радъ сердечно я.
Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ у огорода
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать?

Графъ: Не знаю, право, я спѣшу.

Мужъ: И, полно, графъ, я васъ прошу,
Жена и я гостямъ мы рады!
Нѣтъ, графъ, останьтесь!
 Но съ досады
И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикаръ кряхтитъ за чемоданомъ,
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикаръ все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла-бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу разсказала
И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто-же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ.—Почему-жъ?
Мужъ?—Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ!
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ—дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его затравитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.
Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ—не диво.
1825 г.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo femina.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора-бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ-давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я-бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь риѳмы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольный,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что риѳмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ Шихматовъ богомольный,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы голы:
Отнынѣ въ риѳмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую стать,
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ риѳмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ;
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ—

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны (но хрипъ вашъ пріумолкъ),
Сломали-ль вы походы боевые?
Видали-ль въ Персіи ширванскій полкъ?
Ужъ люди! мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый!
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

Поэты юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой ни творили?
Но мы, лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы риѳму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ.

VI.

Но возвратиться все-жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійскій?..
Ужъ не его-ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ выняньченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, что-бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ риѳмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасскій муравей,
Что-бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя!

IX.

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у «Телеграфа»
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтеся, вытягивайте ноги,
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,

Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ... съ кѣмъ-же равенъ онъ?
Онъ—Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

XII.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или пустить на пе?..
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
По невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ.
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ!... Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ-бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изсохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но, муза, никому здѣсь не грози,
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ «Сѣверной Пчелы»!

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или «Газетою Литературной»
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной:
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ—
Изъ-за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все-жъ видно—не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Что-жъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покамѣстъ можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодого воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бъ меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда-бы за меня своей указкой
Другого строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ-ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ,—
Меня съ октавами моими купно.
Однако-жъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой—врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у господина Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его вареннымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
На силу-то, риѳмачъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядься муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ.—Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе.
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его-бы охватилъ кругомъ,
То моему-бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
Оставимъ это—сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темные какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «стонетъ сизый голубокъ»,
И «выду-ль я».... и то—что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой—
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XXX.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть,
Всѣмъ домомъ правила одна Параша;
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XXXI.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто-бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до ночи растворено
Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ-давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла

XXXIII.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромный,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову.
И становилася передъ толпою
У клироса на-лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову—и въ воскресенье
Тамъ слушать русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня.... (звали какъ, не помню, право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво,
Молилась гордо (гдѣ была горда!).
Бывало, грѣшенъ! все гляжу на-право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXXVI.

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его-бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ;
Невольный взоръ они-то привлекали...
Но это знать графиня не могла
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода; хоть жизнь ея текла

Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой ѳиміамъ,—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣею кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы—
Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
Все-жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душою холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о дворѣ (хоть при дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XLI.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ-же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ-же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два-три дня, не долѣ—
Жить можно безъ кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!»—Я!
«Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ-ли? Дешевыя такъ рѣдки».

XLIII.

—Узнаю, маменька.—И вышла вонъ,
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ:—«вотъ я кухарку привела».

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка, и низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
«А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха.—Все, что будетъ вамъ угодно,—
Сказала та смиренно и свободно.

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
«А какъ зовутъ?—А Маврой.—«Ну, Мавруша,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Ѳеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей;
Усердна будь; присчитывать не смѣй».

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переваритъ,
То пережаритъ, то съ посудой полку
Уронитъ; вѣчно все пересолитъ.
Шить сядетъ—не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ—она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите-ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы, чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь,—
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала-ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала,
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно». Дочь не разумѣла,
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухнѣ посмотрѣла—
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла—и что-жъ? о Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху,—вдовью честь обидя,—
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

LI.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?»—Ахъ, Пашенька моя!
Мавруша...—«Что, что съ ней?»—Кухарка наша...
Опомниться досель не въ силахъ я..

За зеркальцемъ... вся въ мылѣ... —«Воля [ваша,
Мнѣ право ничего понять нельзя;
Да гдѣ-жъ Мавруша?» — Ахъ, она разбойникъ!
Она здѣсь брилась... точно мой покойникъ!—

LII.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
Съ тѣхъ поръ какъ не было—простылъ и слѣдъ;
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю и кончить тороплюсь.

LIII.

— Какъ, развѣ все тутъ? Шутите!—«Ей Богу».
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему-жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Завидную-жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ-ли хоть у васъ нравоученья?—
«Нѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья...

LIV.

«Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто-жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется-же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего».

1830 г.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

отрывокъ изъ сатирической поэмы [1833 г.].

I.

Начнемъ ab ovo:—Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласитъ софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Цареградѣ
Съ приданымъ греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороѳей. Въ засадѣ
Убитъ Якубъ, а Дороѳей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

II.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ, какъ комаръ,
Задами тяжкими татаръ;
За то со славой, хоть съ урономъ,
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію татаръ
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной суздальцевъ своихъ.

III.

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамолъ и смутъ во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ
Служили доблестно царямъ.
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ пересѣвъ.

IV.

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула, наконецъ,
А наши вороги смирились—
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При императорѣ Петрѣ...
Но извините, статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спесь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

V.

Кто-бъ ни былъ вашъ родоначальникъ,—
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цѣловальникъ,—
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами—
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямого просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою собственныхъ заслугъ,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

VI.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,
Я—мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковскій,

Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état:
Что намъ не въ прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

VII.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
Что русскій вѣтреный бояринъ
Считаетъ грамоты царей
За пыльный сборъ календарей;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

VIII.

Вотъ почему, архивы роя,
Я разобралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству завѣщалъ.
Езерскій самъ-же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ
И регистраторомъ служилъ.

IX.

Допросомъ Музу безпокоя,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
«Куда завиднаго героя
Избрали вы? Кто вашъ герой?»
— А что? — Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ-же нѣтъ?
Онъ — мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ —
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
И похоронъ. смѣнившихъ пиръ, —
А зналъ-ли ихъ, скажите, міръ?

X.

Замѣтятъ мнѣ, что есть-же разность
Между Державинымъ и мной.
Что красота и безобразность
Раздѣлены чертой одной.
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ, —
Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому, же, перевода
Прямымъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни, —
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода, —
И развѣ межъ моихъ друзей
Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

XI.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой? Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

XII.

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: *куда? куда?*
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ —
Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

XIII.

Скажите: «экой вздоръ!» иль «bravo!»
Иль не скажите ничего —
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной,
Хоть человѣкъ онъ не военный.
Не бунтовщикъ, не Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не цыганъ,
А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тьму;
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

XIV.

Онъ одѣвался нерадиво;
На немъ сидѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ;
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ).

Предисловіе.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

— — —

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Передъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ».
Прошло сто лѣтъ—и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальной пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ, корабли
Толпой со всѣхъ сторонъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова
Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, дать ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой—
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю,
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Непоколебимо, какъ Россія!
Да умирится-же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ холадомъ.

Плеская шумною волной
Въ края своей отрады стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной.
Ужъ было поздно и темно:
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно;
Прозванья намъ его не нужно—
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

И такъ, домой пришедъ, Евгеній
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ—
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ-же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь:
Что могъ-бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливцы,
Ума недальняго лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года...
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ ужи не сняли,
И что съ Парашей будто онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...
Сонны очи
Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ,
Рѣдѣетъ мгла ненастье ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ бурной дури...
И спорить стало ей не въ мочь. .
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла:
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Передъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы:
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!..
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.» Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Тогда на площади Петровой--
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые—
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,

Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, бѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ,
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились;
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашеный да ива
И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежомъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгеній мой
Спѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку,
Онъ перевозчика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботный
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Несчастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
Узнать не можетъ: видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что̀ сброшено, что̀ снесено;
Скривились домики; другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что-жъ это?
Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже покрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,

Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній .
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ—онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ—ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни се—ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...
Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пени
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему не внемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло—
И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ, пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большого дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?
Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ державца полуміра.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь, онъ мрачно сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянный силой черной:
«Добро, строитель чудотворный!»
Шепнулъ онъ злобно, задрожавъ:
«Ужо тебѣ!..» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ, и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье,—
Тяжело звонкое скаканье
По потрясенной мостовой—
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется всадникъ мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ.
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,

За нимъ повюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.— Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ, какъ черный кустъ—
Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ-же хладный трупъ его
Похоронили—ради Бога.

1833 г.

АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло, сложа руки,
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить—совсѣмъ несправедливо
И странно было-бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
Размысливъ, наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завесть и былъ-бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, неновый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьѣ и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградою законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ, и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito, одинъ
Пустился странствовать, какъ древній паладинъ

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло:
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить: хе, хе! да, этотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
Открылъ его и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобразилися привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы».

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно
Роптали вообще, смѣялась молодежь, [дрожь.
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила;
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,

Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить
И къ таинствамъ любви безбрачной прекло-
нить.
Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнье
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Люціо, гуляка беззаботный,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотный.
«Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣ-
Она спасти меня, друзей-бы упросила, [шила
Иль даже-бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Люціо, искусства и ума;
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
Къ тому-жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчитъ сердца людей».—Изволь, поговорю!—
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабелла
Въ то время съ важною монахиней сидѣла:
Постричься черезъ день она должна была,
И разговоръ о томъ со старицей вела.
Вдругъ Люціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
—Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ,
Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
Нельзя-ли доложить прекрасной Изабеллѣ,
Что къ ней меня прислалъ ея несчастный
братъ.—
«Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите
смѣло:
Я Клавдіо сестра». Нѣтъ, право? очень радъ.
Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ
дѣло:
Вашъ братъ въ тюрьмѣ.—«За что?»—За то,
Благодарилъ его, красавица моя, [за что-бы я
И не было-бъ ему иного наказанья.—
Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
Немного жесткія своею наготой
Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой;
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
Безъ приторныхъ причудъ, стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душою, какъ эѳиръ:
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами.
-Теперь, промолвилъ онъ, осталось лишь
мольбами
Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ.—«Боже мой, дѣвица отвѣчала:
Когда-бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
Но сомнѣваюся: во мнѣ не станетъ силъ...»
—Сомнѣнья—намъ враги, тотъ съ жаромъ воз-
Насъ неудачею предатели стращаютъ [разилъ:
И благо вѣрное достать не допускаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
Что если дѣвица, колѣна преклоня
Передъ мужчиною, и проситъ, и рыдаетъ—
Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.—

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
Съ усерднымъ Люціо къ вельможѣ поспѣшила,
И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
За брата своего намѣстника молила.
«Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ:
Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
Онъ долженъ умереть». Заплакавъ, Изабелла
Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
Но добрый Люціо дѣвицу удержалъ.
—Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ:
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтеся за плащъ, рыдайте; слезы, пени,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте-же! еще!—

X.

Она опять
Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя закона:
«Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ судіи,
Ни полководца жезлъ—всѣ почести сіи—
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ,
Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда-бъ во власть твою мой братъ былъ обле-
ченъ,
А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
Но братъ-бы не былъ строгъ, какъ ты».

XI.

Ея укоромъ
Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взо-
ромъ,
—Оставь меня, прошу,—сказалъ онъ тихо ей.
Но дѣва скромная и жарче, и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила:
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ-бы грѣшныхъ насъ
Безъ милосердія, скажи: что было-бъ съ нами?
Подумай—и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
И новый человѣкъ ты будешь».

XII.

Онъ въ отвѣтъ:
—Поди, твои мольбы—пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнитъ. Спасти нельзя мнѣ брата,
И завтра онъ умретъ.

Изабелла: Какъ, завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ!
Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ

Прощалось каждому, пострадетъ первый онъ.
Анджело: Законъ не умиралъ, но былъ
Теперь проснулся онъ. [лишь въ усыпленьѣ;
Изабелла: Будь милостивъ!
Анджело: Нельзя.
Потворствовать грѣху есть то-же преступленье:
Карая одного, спасаю многихъ я.
Изабелла: Ты-ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: «постой, постой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей, въ полунощной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа». Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело, безмолвный и угрюмый,
Сидѣлъ уединясь, объятъ одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что-жъ это? мыслитъ онъ:
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
Душа... Или когда святого уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манитъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!»...

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
Но мыслитъ, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига,
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безсмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...
. . . .
Поутру къ Анджело явилась Изабелла—
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

Анджело: Что скажешь?
Изабелла: Волю я твою пришла узнать.
Анд. Ахъ, если-бы ее могла ты угадать!
Твой братъ не долженъ жить... а могъ-бы...
Изабелла: Почему-же
Простить нельзя его?
Анджело: Простить?.. Что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.
Изабелла: Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?
Анджело: Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что, если-бъ отдали тебѣ на разрѣшенье—
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?
Изабелла: Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.
Анджело: Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую... Дѣло въ томъ,—
Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе-ль?
Изабелла: Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.
Анджело: Спасешь-ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?
Изабелла: О, пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.
Анджело: Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.
Изабелла. Такъ.
Анджело: Смерть изрекъ ему рѣшитель-
Изабелла: Такъ точно. [но законъ.
Анджело: Средство есть одно къ его спасенью
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ, и больше ничего).
Положимъ: тотъ, кто-бъ могъ одинъ спасти его
(Наперсникъ судіи, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный),
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ; не то—рѣшитъ законъ.
Что скажешь? какъ-бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?
Изабелла: Для брата, для себя рѣшилась-бы скорѣй,

Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на [ложе,
Чѣмъ осквернить себя.
Анджело: Твой братъ умретъ!
Изабелла: Такъ что-же?
Онъ лучшій путь себѣ, конечно, изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно.
Анджело: За что-жъ казалося тебѣ безчело- [вѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно-ль еще? Сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва-ль не шуткой почитала.
Изабелла: Прости, прости меня. Невольно я
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой [душой
Противорѣчила я, милое спасая
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.
Анджело: Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ! женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.
Изабелла: Тебя я не могу понять.
Анджело: Поймешь: люблю тебя.
Изабелла: Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умретъ, несчастный.
Анджело: Люби меня, и живъ онъ будетъ.
Изабелла: Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь...
Анджело: Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію!
Изабелла: О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ, демонъ лести!
Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу —и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.
Анджело: И кто-же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости—и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта,
И знай, что твоего я не боюсь извѣта:
Что хочешь говори—не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ!—Очнулся онъ,
И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
«Отецъ мой, говоритъ монаху Изабелла:
Я съ братомъ говорить одна-бы здѣсь хотѣла».
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

Клавдіо: Что-жъ, милая сестра,
Что скажешь?
Изабелла: Милый братъ, пришла тебѣ пора.
Клавдіо: Такъ нѣтъ спасенья?
Изабелла: Нѣтъ, иль развѣ поплатиться
Душой за голову?
Клавдіо: Такъ средство есть одно?
Изабелла: Такъ, есть. Ты могъ-бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: одно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.
Клавдіо: Что? Вѣчная тюрьма?
Изабелла: Тюрьма—хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.
Клавдіо: Изъяснись, что-жъ это?
Изабелла: Другъ сердечный,
Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ:
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ уже-ль тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
Что чувство смерти? Мигъ. И много-ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ [то-же,
Что терпитъ великанъ.
Клавдіо: Сестра! или я трусъ?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль должно умереть, и встрѣчу ночь могилы,
Какъ дѣву милую.
Изабелла: Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри-же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю;
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокій,

Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь—
Самъ демонъ: сердце въ немъ черно, какъ адъ
И полно мерзостью. [глубокій
Клавдіо: Намѣстникъ?
Изабелла: Адъ облекъ
Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
Знай: если-бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда-бы могъ ты жить.
Клавдіо: О нѣтъ, не надобно.
Изабелла: На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣ-
Иль завтра ты умрешь. [шить,
Клавдіо: Нейди, сестра.
Изабелла: Братъ милый!
Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла-бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала-бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнію моей.
Клавдіо: Благодарю, другъ милый!
Изабелла: Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.
Клавдіо: Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!
. . . . Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ на вѣкъ?
Нѣтъ, я не думаю: онъ—умный человѣкъ.
Ахъ, Изабелла!
Изабелла: Что? что скажешь?
Клавдіо: Смерть ужасна!
Изабелла: И стыдъ ужасенъ.
Клавдіо: Такъ—однако-жъ... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ пространствомъ безконеч-
Изабелла: О, Боже! [нымъ.
Клавдіо: Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.
Изабелла: Что смѣешь говорить?
Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!..кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда-бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То все-таки-бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь—ужъ ни одной.
Клавдіо: Сестра, постой, постой!
Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабелла
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла
И брата бѣднаго простила, и опять,
Ласкаясь, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблю-
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ [далъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь разсказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ-же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
«Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы достойна:
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь».
Тутъ ей онъ объяснилъ свое предположенье
И далъ прощальное свое благословенье.

II.

Друзья! повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зерцало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно-ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой, отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
Младой жены его молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
Къ супругѣ Кесаря». Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьянна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ ангелъ, Изабелла
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней

И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила:
Марьянна, только лишь настанетъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной
И наградить его условленной наградой, [оградой
Чуть внятнымъ шепотомъ, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: «теперь о братѣ не забудь».
Марьянна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась,
Готовилась, дрожа—и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожи-
И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.[далъ,
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабелла.
Все шло, какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла
Марьянна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь
И мужа обманувъ. Денница занялась—
Вдругъ запечатанный пакетъ приноситъ вѣст-
никъ
Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что-жъ? На-
Немедля узника приказывалъ казнить [мѣстникъ
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ—представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морского,
Горячкой въ ту-же ночь умершаго въ тюрьмѣ;
А самъ отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,—
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣстью,предчувствіемъ стѣсненный,
Туда-же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ,и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ: «помилуй, государь!
Ты—щитъ невинности, ты—милости алтарь!
Помилуй!»... Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабеллу мещетъ...
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
«Она помѣшана, сказалъ онъ: видѣвъ брата,
Приговореннаго на смерть Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла»... Но обнаружа гнѣвъ
И долго скрытое въ душѣ негодованье:
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получитъ воздаянье.
Дѣвица, Анджело!—за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріанна
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ.
Все объяснилося, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: «что, Анджело? скажи,
Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни,
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казни!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.— «Иди, сказалъ вла-
ститель,
Да гибнетъ судія торгашъ и обольститель!»
Но бѣдная жена, къ ногамъ его упавъ,
—Помилуй, молвила: ты, мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.—
«Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ: но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему».—Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый, Изабелла,
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча.—Изабелла
Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла,
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости-же ты его!» И Дукъ его простилъ.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

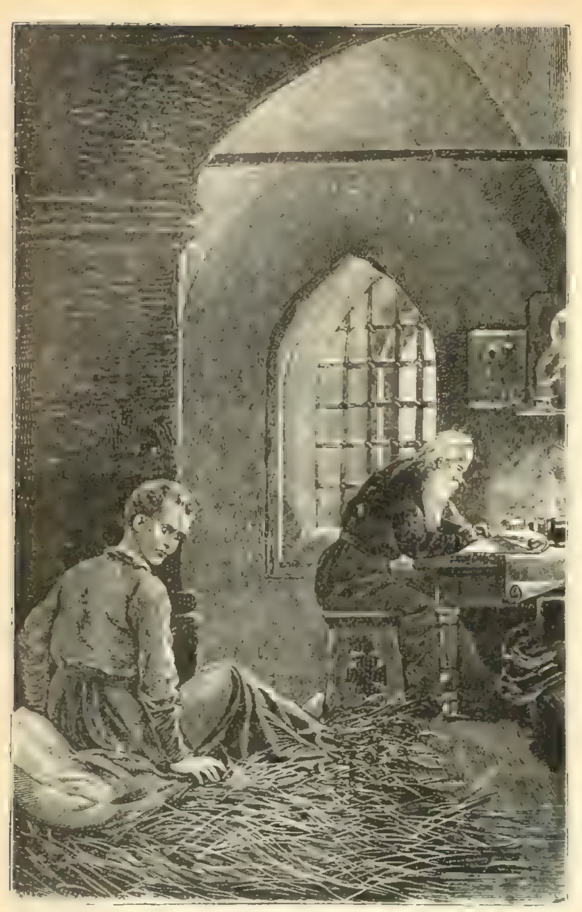
Въ еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула.
Младой еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ—
И входитъ незнакомый странникъ...

„Мѣдн. Всадн.“. Наводненіе Петербурга.

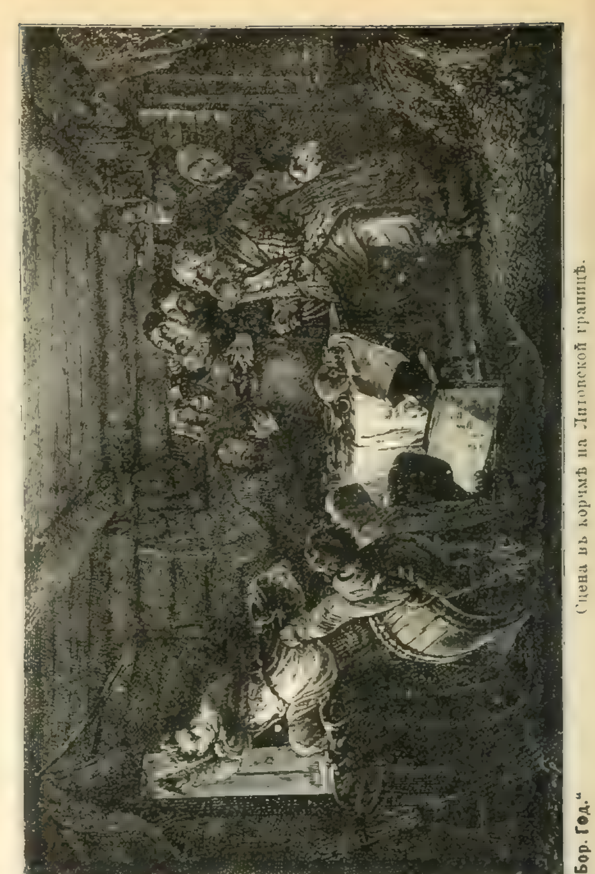
„Мѣдн. Всадн.“. „За нимъ повсюду всадникъ мѣдный... скакалъ“.

„Анджело“. „Люби меня -и живъ онъ будетъ“.

„Анджело“. *Дукъ:* „Да гибнетъ судія—торгашъ и обольститель!“



„Бор. Год.". Пробужденіе Григорія.



„Бор. Год." Сцена въ корчмѣ на Литовской границѣ.

„Бор Год.". Царевна Ксенія и ея мамка

„Бор. Год.". Шуйскій передъ Борисомъ Годуновымъ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

КНЯЗЬЯ ШУЙСКІЙ И ВОРОТЫНСКІЙ.

Воротынскій: Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣ-
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть: [дать,
Москва пуста; вослѣдъ за патріархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

Шуйскій: Чѣмъ кончится? Узнать немудрено;
Народъ еще повоетъ да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится;
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

Воротынскій: Но мѣсяцъ ужъ протекъ.
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.
Ни патріархъ, ни думные бояре
Склонить его доселѣ не могли;
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора.
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на державу;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ — тверда, какъ онъ — неумолима.
Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

Шуйскій: Скажу, что понапрасну
Лилася кровь царевича-младенца;
Что если такъ, Димитрій могъ-бы жить.

Воротынскій: Ужасное злодѣйство! Полно,
Царевича сгубилъ Борисъ? [точно-ль

Шуйскій: А кто-же?
Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
Изслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынскій: Зачѣмъ-же ты его не уни-
чтожилъ?

Шуйскій: Онъ, признаюсь, тогда меня сму-
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой; [тилъ
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

Воротынскій: Нечисто, князь.

Шуйскій: А что мнѣ было дѣлать?
Все объявить Ѳеодору? Но царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова;
Пускай его-бъ увѣрилъ я во всемъ, —
Борисъ тотчасъ его-бы разувѣрилъ,
А тамъ меня-жъ сослали-бъ въ заточенье.
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ глухой тюрьмѣ тихонько-бъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
Никая казнь меня не устрашитъ;
Я самъ — не трусъ, но также — не глупецъ,
И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

Воротынскій: Ужасное злодѣйство! Слушай,
Губителя раскаянье тревожитъ: [вѣрно,
Конечно, кровь невиннаго младенца
Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

Шуйс.: Перешагнетъ: Борисъ не такъ-то ро-
Какая честь для насъ, для всей Руси! [бокъ!

Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынскій: Такъ, родомъ онъ не знатенъ;
Шуйскій: Да, кажется. [мы знатнѣе.
Ворот.: Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать— природные князья.
Шуйскій: Природные, и Рюриковой крови.
Воротынскій: А слушай, князь, вѣдь мы-бъ
Наслѣдовать Ѳеодору. [имѣли право
Шуйскій: Да, болѣ,
Чѣмъ Годуновъ.
Ворот.: Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!
Шуйскій: Что-жъ?
Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова;
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.
Воротынскій: Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.
Шуйскій (глядитъ въ окно): Онъ смѣлъ, вотъ все—а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, разсыпавшись, назадъ—
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ,—рѣшено-ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

НАРОДЪ.

Одинъ: Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшитъ сіяніе престола.
Другой: О Боже мой, кто будетъ нами пра-
О горе намъ! [вить?
Третій: Да вотъ, верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.
Народъ: Молчать! молчать! Дьякъ думный го-
Ш-ш—слушайте! [воритъ;
Щелкановъ (съ Краснаго крыльца): Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклитъ, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.
Идите-же вы съ Богомъ по домамъ.
Молитеся, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ. (Народъ расходится).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

НОВОДѢВИЧІЙ МОНАСТЫРЬ. НАРОДЪ.

Одинъ: Теперь они пошли къ царицѣ въ
Туда вошли Борисъ и патріархъ [келью;
Съ толпой бояръ.
Другой: Что слышно?
Третій: Все еще
Упрямится; однако есть надежда.
Баба (съ ребенкомъ): Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь!
Одинъ: Нельзя-ли намъ пробраться за ограду?
Другой: Нельзя. Куды! и въ полѣ даже
Не только тамъ. Легко-ли? Вся Москва [тѣсно,
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Унизаны народомъ.
Первый: Право, любо!
Одинъ: Что тамъ за шумъ?
Другой: Послушай... что за шумъ?
Народъ завылъ: тамъ падаютъ, что волны,
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣни!
Народъ (на колѣнахъ; вой и плачъ): Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!
Одинъ (тихо): О чемъ мы плачемъ?
Другой: А какъ намъ знать? То вѣдаютъ
Не намъ чета. [бояре—
Баба (съ ребенкомъ): Ну, что-жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебѣ!.. вотъ бука!
Плачь, баловень (Ребенокъ плачетъ). Ну, то-то-же!
Одинъ: Всѣ плачутъ—
Заплачемъ, братъ, и мы!
Другой: Я силюсь, братъ,
Да не могу.
Первый: Я также. Нѣтъ-ли луку?
Потремъ глаза.
Другой: А я слюной намажу.
Что тамъ еще?
Первый: Да кто ихъ разберетъ!
Народъ: Вѣнецъ за нимъ! онъ—царь! онъ согласился!..
Борисъ—нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, ПАТРІАРХЪ. БОЯРЕ.

Борисъ: Ты, отче патріархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ—

Наслѣдую и ангелу-царю!..
О праведникъ, о мой отецъ державный!
Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ
И ниспошли тому, кого любилъ ты,
Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
Священное на власть благословенье:
Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.
Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре;
Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
Когда труды я ваши раздѣлялъ,
Не избранный еще народной волей.

Бояре: Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

Борисъ: Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ—гости дорогіе.
(Уходитъ; за нимъ и бояре.)

Воротынскій (Останавливая Шуйскаго): Ты угадалъ.

Шуйскій: А что?

Воротынскій: Да здѣсь, намедни,
Ты помнишь?

Шуйскій: Нѣтъ, не помню ничего.

Воротынскій: Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ...

Шуйскій: Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ народъ привѣтствуетъ царя—
Отсутствіе мое замѣтить могутъ—
Иду за нимъ.

Воротынскій: Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
(1603 года).

ОТЕЦЪ ПИМЕНЪ, ГРИГОРІЙ (спящій).

Пименъ (пишетъ передъ лампадой): Еще одно,
послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,—
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро;
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ...
На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно-ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіянъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается): Все тотъ-же сонъ!
Возможно-ль? Въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ да пишетъ—и дремотой,
Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ-ли владычествѣ татаръ?
О казняхъ-ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ-ли новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ-ли отечества? Напрасно!
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ-же видъ—смиренный, величавый....
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ: Проснулся, братъ.

Григорій: Благослови меня,
Честный отецъ,

Пименъ: Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

Григорій: Ты все писалъ и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ-же сонъ.
Не чудно-ли?

Пименъ: Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій: Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,

Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ-бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ: Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что-же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ;
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь—игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ—
Предстану здѣсь, алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ, припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью;
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась—а въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда-же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его, какъ солнце, просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя...
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій: Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ: Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ... ударили въ набатъ...
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда-жъ—а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ,
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между насъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца,
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій: Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ: Да лѣтъ семи; ему-бы нынѣ было—
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ-бы твой ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:

Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны—
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.
(Уходитъ).

Григ.: Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца:
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ....
И не уйдешь ты отъ суда мірского,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Пропущенная сцена.

ГРИГОРІЙ И ЗЛОЙ ЧЕРНЕЦЪ.

Григорій: Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходитъ, день проходитъ—видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колоколъ.
Днемъ зѣвая бродишь, бродишь; дѣлать нечего—соснешь;
Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
Радъ, что въ колоколъ ударятъ, что разбудятъ костылемъ...
Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Чрезъ ограду, да бѣгомъ!
Міръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны,
Поминай, какъ звали.

Чернецъ: Правда—ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

Григорій: Хоть-бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва-бы поднялась—
Такъ и быть, пошелъ-бы съ ними перевѣдаться мечемъ!
Что, когда-бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрные мои?
Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

Чернецъ: Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать...

Григорій: Что такое?

Чернецъ: Если-бъ я былъ такъ-же молодъ, какъ и ты,
Если-бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?..

Григорій: Нѣтъ, нисколько.

Чернецъ: Слушай: глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ.. Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

Григорій: Понимаю.

Чернецъ: Что-же скажешь?

Григорій: Рѣшено!
Я—Димитрій, я—царевичъ!

Чернецъ: Дай мнѣ руку— будешь царь.

ПАЛАТЫ ПАТРІАРХА.

ПАТРІАРХЪ, ИГУМЕНЪ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.

Патріархъ: И онъ убѣжалъ, отецъ игуменъ?

Игуменъ: Убѣжалъ, святый владыка, вотъ ужъ тому третій день.

Патріархъ: Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

Игуменъ: Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздалѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но, знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

Патріархъ: Ужъ эти мнѣ грамотеи! Что еще выдумалъ: *буду царемъ на Москвѣ*! Ахъ, онъ—сосудъ діавольскій! Однако нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этака ересь: *буду царемъ на Москвѣ*!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это—ересь, отецъ игуменъ?

Игум.: Ересь, святый владыка, сущая ересь.

— — —

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ДВА СТОЛЬНИКА.

Первый: Гдѣ государь?

Второй: Въ своей опочивальнѣ
Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

Первый: Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожитъ, что красная невѣста.
Желалъ-бы знать, о чемъ гадаетъ онъ?

Второй: Вотъ онъ идетъ. Угодно-ли спросить?

Первый: Какъ онъ угрюмъ! (Уходятъ).

Царь (входитъ): Достигъ я высшей власти...
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ-ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ
Утѣхъ любви, но только утолимъ
Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать,
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,—
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ, стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

МИСАИЛЪ И ВАРЛААМЪ, БРОДЯГИ ВЪ ВИДѢ ЧЕРНЕЦОВЪ; ГРИГОРІЙ ОТРЕПЬЕВЪ МІРЯНИНОМЪ. ХОЗЯЙКА.

Хозяйка: Чѣмъ-то мнѣ васъ потчивать, старцы честные?

Варлаамъ: Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ-ли вина?

Хозяйка: Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу. (Уходитъ).

Мисаилъ: Что-жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій: Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

Варлаамъ: Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва-ли, Русь-ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было-бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаилъ: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка (входитъ): Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаилъ: Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: „Какъ во городѣ было во Казани"..). Что-же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

Григорій: Не хочу.

Мисаилъ: Вольному воля...

Варлаамъ: А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Выпьемъ-же чарочку за шинкарочку... (Пьетъ). Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: иное дѣло—пьянство, а иное—чванство; хочешь жить, какъ мы,—милости просимъ; нѣтъ,—такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

Гр.: Пей да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ: А что мнѣ про себя разумѣть?

Мисаилъ: Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ: Да что онъ за постникъ? Самъ-же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхалъ... (Пьетъ и поетъ: «Молодой чернецъ постригся»).

Григорій (хозяйкѣ): Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка: Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

Григорій: А далече-ли до Луевыхъ горъ?

Хозяйка: Недалече, къ вечеру можно-бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія да сторожевые приставы.

Григорій: Какъ, заставы! что это значитъ?

Хозяйка: Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

Григорій (про себя): Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день!

Варлаамъ: Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

Мисаилъ: Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій (хозяйкѣ): Да кого-жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка: А Господь его вѣдаетъ, воръ-ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего, ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луевыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что притѣсняютъ прохожихъ да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григ.: Хозяйка! нѣтъ-ли въ избѣ другого угла?

Хоз.: Нѣтъ, родимый, рада-бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ вина и хлѣба и невѣдомо чего—чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ... (Входятъ приставы.)

Приставъ: Здорово, хозяйка!

Хозяйка: Добро пожаловать, гости дорогіе, милости просимъ!

Одинъ приставъ (другому): Ба, да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ): Вы что за люди?

Варлаамъ: Мы—Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеньямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

Приставъ (Григорію): А ты?

Мисаилъ: Нашъ товарищъ...

Григорій: Міряниінъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во-свояси.

Мисаилъ: Такъ ты раздумалъ...

Григорій (тихо): Молчи.

Приставъ: Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами попьемъ, да побесѣдуемъ.

Другой приставъ (тихо): Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

Первый: Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся.—Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ: Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Пріиде грѣхъ велій на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропьешь; бѣда да и только.—Охъ плохо! знать пришли наши послѣднія времена...

Хозяйка (плачетъ): Господь помилуй и спаси!

(Впродолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила.)

Первый приставъ: Алеха! при тебѣ-ли царскій указъ?

Второй: При мнѣ.

Первый: Подай-ко сюда.

Мисаилъ: Что ты на меня такъ пристально смотришь?

Первый приставъ: А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ-ли ты это?

Мисаилъ: Не слыхалъ.

Приставъ: Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь-ли ты это?

Мисаилъ: Не знаю.

Приставъ (Варлааму): Умѣешь-ли ты читать?

Варлаамъ: Смолоду зналъ, да разучился.

Приставъ (Мисаилу): А ты?

Мисаилъ: Не умудрилъ Господь.

Приставъ: Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

Мисаилъ: На что мнѣ его?

Приставъ: Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ—ты.

Мисаилъ: Я? Помилуй! что ты!

Приставъ: Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

Хозяйка: Ахъ, они, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставятъ!

Приставъ: Кто здѣсь грамотный?

Григорій (выступаетъ впередъ): Я грамотный!

Приставъ: Вотъ на...А у кого-же ты научился?

Григорій: У нашего пономаря.

Приставъ (даетъ ему указъ): Читай-же вслухъ!

Григорій (читаетъ): «Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный діаволомъ, возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской»...

Приставъ (Мисаилу): Какъ-же не ты?

Григорій: «Царь повелѣлъ изловить его»...

Приставъ: И повѣсить!

Григорій: Тутъ не сказано: повѣсить.

Приставъ: Врешь! не всякое слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

Григорій: «И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣетъ плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое». (Всѣ глядятъ на Варлаама).

1-й приставъ: Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!

Варлаамъ (вырывая бумагу): Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читывалъ и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходитъ (Читаетъ по складамъ): «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20».—Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь—20?

2-й приставъ: Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

1-й приставъ (Григорію). Да ты, братъ, видно,—забавникъ. (Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой.)

Варлаамъ (продолжаетъ): «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая». Да это, другъ, ужъ не ты-ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

Приставы: Держи! держи! (Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ).

МОСКВА ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей; ужинъ.

Шуйскій: Вина еще! (Встаетъ за нимъ и всѣ.)
Ну, гости дорогіе,
Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

Мальчикъ: Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.

Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега;
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да осѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ:
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

Шуйскій (пьетъ): Да здравствуетъ великій государь!
Простите-же вы, гости дорогіе;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей.)

Пушкинъ: Насилу убрались: ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

Шуйскій (слугамъ): Вы что ротъ разинули? Все-бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ.—Что такое, Аѳанасій Михайловичъ?

Пушкинъ: Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

Шуйскій: Ну?

Пуш.: Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго.. Постой.. (У дверей осматриваетъ)
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

Шуйскій: Да это ужъ не ново.

Пушкинъ: Погоди:
Димитрій живъ.

Шуйскій: Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

Пушкинъ: Послушай до конца:
Кто-бъ ни былъ онъ, спасенный-ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плутъ, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

Шуйскій: Не можетъ быть!

Пушкинъ: Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шелъ въ тайную палату короля.

Шуйскій: Кто-жъ онъ такой? Откуда онъ?

Пушкинъ: Не знаютъ;
Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго: что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднялъ его съ одра
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

Шуйскій: Что-жъ говорятъ объ этомъ удальцѣ?

Пушкинъ: Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ—
И, говорятъ, помогу обѣщалъ.

Шуйскій: Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это—самозванецъ:
Но, признаюсь, опасность не мала.
Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

Пушкинъ: Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему: онъ правитъ нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянутъ).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Іисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаетъ углей?
Увѣрены-ли мы и въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?—
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ, тебѣ такая-жъ будетъ участь.
Легко-ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами—
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ—
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то—въ приказъ холопій.
Ну, слыхано-ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче-ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Шуйскій: Правъ ты, Пушкинъ.
Но знаешь-ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

Пушкинъ: Вѣстимо,
Знай про себя. Ты—человѣкъ разумный;
Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
И если что меня подъ часъ тревожитъ,
Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
Къ тому-жъ твой медъ, да бархатное пиво
Сегодня такъ языкъ мой развязали...
Прощай-же, князь.

Шуйскій: Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ ЧЕРТИТЪ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТУ. ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

Ксенія (цѣлуетъ портретъ): Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты достался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ; никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

Мамка: И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ—и прекрасный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненаглядное, забудешь Ивана-королевича.

Ксенія: Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна (Входитъ Борисъ).

Царь: Что, Ксенія? Что, милая моя?
Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
Дитя мое! судьба мнѣ не судила
Виновникомъ быть вашего блаженства.
Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
Я счастіе твое не могъ устроить;
Безвинная! зачѣмъ-же ты страдаешь?
А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ: Чертежъ земли Московской; наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань Вотъ море,
Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
А вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое
Узоромъ здѣсь віется?

Ѳеодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки...
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ,—и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.
(Входитъ Семенъ Годуновъ).
Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Ксеніи) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.
(Ксенія съ мамкою уходятъ).
Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

Семенъ Годуновъ: Нынче
Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

Царь: Ну?

Семенъ Годуновъ: Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
Изъ Кракова гонецъ—и черезъ часъ
Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

Царь: Гонца схватить.

Семенъ Годуновъ: Ужъ послано въ догоню.

Царь: О Шуйскомъ что?

Семенъ Годуновъ: Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да нѣсколько другихъ;
А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяиномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

Царь: Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

Семенъ Годуновъ: Государь!
Онъ здѣсь уже.

Царь: Позвать его сюда.
(Годуновъ уходитъ)

Царь: Сношенія съ Литвою! это что?..
Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,
А Шуйскому не должно довѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...
(Входитъ Шуйскій).
Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ,
И выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Ѳеодора): Но, государь...

Царь: Царевичъ можетъ знать,
Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

Царь: Не та-ли,
Что Пушкину привезъ вечоръ гонецъ?

Шуйскій: Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь: Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить
Извѣстія; иначе не узнаемъ
Мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

Царь: Что-жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій: Не вѣдаю.

Царь: Но... чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ;
Но знаешь самъ: безсмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,—
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

Царь: Димитрія!.. Какъ? Этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались.
Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..
Θеодоръ: Государь,
Дозволишь-ли...
Царь: Нельзя, мой сынъ, поди.
(Θеодоръ уходитъ).
Димитрія!..
Шуйскій (про себя): Онъ ничего не зналъ.
Царь: Послушай, князь: взять мѣры сей-же часъ,
Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
Заставами; чтобъ ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай!
Шуйскій: Иду.
Царь: Постой. Не правда-ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ-ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать царей, царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
Смѣшно? а? что? Что-жъ не смѣешься ты?
Шуйскій: Я, государь?..
Царь: Послушай, князь Василій:
Какъ я узналъ, что отрока сего...
Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни.
Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ-ли ты убитаго младенца
И не было-ль подмѣна? Отвѣчай.
Шуйскій: Клянусь тебѣ...
Царь: Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ?
Шуйскій: Онъ.
Царь: Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прошедшей лжи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь—тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.
Шуйскій: Не казнь страшна—страшна твоя немилость;
Передъ тобой дерзну-ли я лукавить?
И могъ-ли я такъ слѣпо обмануться,
Что не узналъ Димитрія? Три дня
Я трупъ его въ соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ туда сопровожденный.
Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ,
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась язва,
Черты-жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.
Царь: Довольно, удались (Шуйскій уходитъ).
Ухъ, тяжело!.. дай, духъ переведу!
Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
Мнѣ кинулась и тяжко опускалась...
Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
Все снилося убитое дитя!
Да, да—вотъ что! теперь я понимаю.
Но кто-же онъ, мой грозный супостатъ?
Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—
Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?
Безумецъ я! чего-жъ я испугался?
На призракъ сей подуй—и нѣтъ его.
Такъ, рѣшено: не окажу я страха—
Но презирать не должно ничего...
Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПАТЕРЪ ЧЕРНИКОВСКІЙ.

Самозванецъ: Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
Я знаю духъ народа моего:
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,
Ему священъ примѣръ царя его.
Всегда, къ тому-жъ, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся восточна церковь
Признаютъ власть намѣстника Петра.
Патеръ: Вспомоществуй тебѣ святый Игнатій,
Когда придутъ иныя времена.
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
Намъ иногда духовный долгъ велитъ:
Твои слова, дѣянья судятъ люди;
Намѣренья единый видитъ Богъ.
Самозванецъ: Amen. Кто тамъ? (Входитъ слуга).
Сказать: мы принимаемъ.
(Входитъ толпа русскихъ и поляковъ).
Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
Я знаю: твой гостепріимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой.
Прелестную Марину я надѣюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братскія знамена
Поднявшіе на общаго врага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны;
Но между васъ я вижу новы лица.
Гаврила Пушкинъ: Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.
Самозванецъ: Радъ вамъ, дѣти.
Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
Красавецъ сей?
Пушкинъ: Князь Курбскій.
Самозванецъ (Курбскому): Имя громко!
Ты—родственникъ казанскому герою?
Курбскій: Я—сынъ его.
Самозванецъ: Онъ живъ еще?

Курбскій: Нѣтъ, умеръ...
Самозванецъ: Великій умъ! мужъ битвы и [совѣта!
Но съ той поры, когда являлся онъ,
Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ литовцами подъ ветхій городъ Ольгинъ,
Молва объ немъ умолкла.
Курбскій: Мой отецъ
Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.
Самоз.: Несчастный вождь! какъ ярко про- [сіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни!
Я радуюсь, великородный витязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ гробу ихъ! Приближься, Курбскій... руку!
Не странно-ли? сынъ Курбскаго ведетъ
На тронъ, кого? да—сына Іоанна!...
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?
Полякъ: Собаньскій, шляхтичъ вольный.
Самозванецъ: Хвала и честь тебѣ, свободы [чадо!
Впередъ ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на нихъ
Земли родной одежду. Это—наши.
Хрущовъ (бьетъ челомъ): Такъ, государь, отецъ [нашъ. Мы твои
Усердные, гонимые холопья.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ царь,—и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На царскій тронъ ступенями тебѣ.
Самоз.: Мужайтеся, безвинные страдальцы!
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что-жъ новаго въ Москвѣ?
Хрущовъ: Все тихо тамъ еще. Но ужъ [народъ
Спасеніе царевича провѣдалъ,
Ужъ грамоту твою вездѣ читаютъ.
Всѣ ждутъ тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.
Самозванецъ: О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорятъ о немъ?
Хрущовъ: Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызетъ. Борисъ едва влачится,
И—думаютъ—его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.
Самозванецъ: Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то—бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречь намѣренъ онъ?
Хрущовъ: Онъ замысловъ своихъ не объ- [являетъ,
Но, кажется, что молодого сына,
Ѳеодора, онъ прочитъ намъ въ цари.
Самозванецъ: Въ разсчетахъ онъ, быть мо- [жетъ, ошибется.
Ты кто?
Карела: Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,
Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.
Самоз.: Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался [видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.
Поэтъ (приближается, кланяясь низко, и хватаетъ Гришку за полу): Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!
Самозванецъ: Что хочешь ты?
Поэтъ (подаетъ ему бумагу): Примите благо- [склонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.
Самозванецъ: Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты.
Я вѣрую въ пророчества піитовъ.
Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
Кипитъ восторгъ: благословится подвигъ,
Его-жъ они прославили заранѣ!
Приближься, другъ. Въ мое воспоминанье
Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень.)
Когда со мной свершится
Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
И такъ, друзья, до завтра, до свиданья.
Всѣ: Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
Да здравствуетъ великій князь московскій!

—

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

МАРИНА, РУЗЯ (убираетъ ее). СЛУЖАНКИ.

Марина: (передъ зеркаломъ): Ну, что-жъ? го- тово-ли? нельзя-ли поспѣшить?
Рузя: Позвольте—напередъ рѣшите выборъ трудный:
Что вы надѣнете, жемчужную-ли нить,
Иль полумѣсяцъ изумрудный?
Марина: Алмазный мой вѣнецъ.
Рузя: Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
Мужчины ахали, красавицы шептали...

Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.
А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

Марина: Нельзя-ли поскорѣй?

Рузя: Сейчасъ.
Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.
Царевичъ видѣлъ васъ не даромъ:
Не могъ онъ утаить восторга своего;
Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его
Сразить рѣшительнымъ ударомъ.
А точно, панна, онъ влюбленъ!
Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,
Забывъ войну, московскій тронъ,
Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ
И бѣситъ русскихъ и поляковъ.
Ахъ, Боже мой, дождусь-ли дня?
Не правда-ли, когда въ свою столицу
Димитрій повезетъ московскую царицу,
Вы не оставите меня?

Марина: Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

Рузя: А кто-жъ, когда не вы? Кто смѣетъ
Равняться здѣсь съ моею госпожею? красотою
Родъ Мнишковъ ни чьему еще не уступалъ;
Умомъ—превыше вы похвалъ...
Счастливъ, кого вашъ взоръ вниманья удостоитъ,
Кто сердца вашего любовь себѣ присвоитъ—
Кто-бъ ни былъ онъ, хоть нашъ король,
Или французскій королевичъ...
Не только нищій вашъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

Марина: Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

Рузя: А все-жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

Марина: Скрывался онъ.

Рузя: Не спорю я объ этомъ.
А только знаете-ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ—дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

Марина: Какія глупости!

Рузя: О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ, конечно,
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

Служанка (вбѣгаетъ): Ужъ гости съѣхались.

Марина: Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

Рузя: Сейчасъ, готово все. (Служанки суетятся.)

Марина: (про себя) Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

ВИШНЕВЕЦКІЙ. МНИШЕКЪ.

Мнишекъ: Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
Мариною одною занятъ онъ...
А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.
Ну, думалъ ты —признайся, Вишневецкій,—
Что дочь моя царицей будетъ? а?

Виш.: Да, чудеса... И думалъ-ли ты, Мнишекъ,
Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

Мнишекъ: А какова, скажи, моя Марина?
Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
Не упускай Димитрія!... и вотъ
Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ первой парѣ.)

Марина (тихо Димитрію): Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара.)

Кавалеръ: Что въ ней нашелъ Димитрій?

Дама: Какъ она—
Красавица.

Кавалеръ: Да, мраморная нимфа:
Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара.)

Дама: Онъ не красивъ, но видъ его пріятенъ;
И царская порода въ немъ видна.

(Новая пара.)

Дама: Когда-жъ въ походъ?

Кавалеръ: Когда велитъ царевичъ.
Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержитъ насъ въ плѣну.

Дама: Пріятный плѣнъ.

Кавалеръ: Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ.)

Мнишекъ: Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
Оставимъ ихъ; пойдемъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ открыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ,
Пойдемъ-же, братъ.

Вишневецкій: И дѣло, другъ, пойдемъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

Самозванецъ (входитъ). Вотъ и фонтанъ: она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть:
Предъ смертію душа не содрогалась;
Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
За мной гнались—я духомъ не смутился
И дерзостью неволи избѣжалъ.
Но что-жъ теперь тѣснитъ мое дыханье?
Что значитъ сей неодолимый трепетъ?

Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
Нѣтъ, это—страхъ. День цѣлый ожидалъ
Я тайнаго свиданія съ Мариной,
Обдумывалъ все то, что̀ ей скажу,
Какъ обольщу ея надменный умъ,
Какъ назову московскою царицей;
Но часъ насталъ—и ничего не помню,
Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
Любовь мутитъ мое воображенье...
Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
Нѣтъ, это—свѣтъ обманчивой луны,
И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

Марина: (входитъ): Царевичъ!

Самозванецъ: Она!... вся кровь во мнѣ оста-
[новилась.

Марина: Димитрій! вы?

Самозванецъ: Волшебный, сладкій голосъ!
(Идетъ къ ней.) Ты-ль, наконецъ? Тебя-ли вижу я,
Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла!
Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

Марина: Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время—
Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,
Соединить судьбу мою; то вправѣ
Я требовать, Димитрій, одного:
Я требую, чтобъ ты души своей
Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
Намѣренья и даже опасенья;
Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
Пуститься въ жизнь—не съ дѣтской слѣпотой,
Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
Наложница безмолвная твоя;
Но какъ тебя достойная супруга,
Помощница московскаго царя.

Самозванецъ: О, дай забыть хоть на единый
[часъ
Моей судьбы заботы и тревоги!
Забудь сама, что̀ видишь предъ собой
Царевича. Марина! зри во мнѣ
Любовника, избраннаго тобою,
Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
О, выслушай моленія любви!
Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

Марина: Не время, князь: ты медлишь и,
межъ тѣмъ
Приверженность твоихъ клевретовъ стынетъ;
Часъ отъ часу опасность и труды
Становятся опаснѣй и труднѣе;
Ужъ носятся сомнительные слухи,
Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
А Годуновъ свои пріемлетъ мѣры...

Самозванецъ: Что Годуновъ? Во власти-ли
Бориса
Твоя любовь, одно мое блаженство?
Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
На тронъ его, на царственную власть.
Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
И славы блескъ, и русская держава?
Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной—ты,
Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
Твоя любовь...

Марина: Стыдись! не забывай
Высокаго, святого назначенья:
Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній жизни.
Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
Не юношѣ, кипящему безумно,
Плѣненному моею красотой—
Знай, отдаю торжественно я руку
Наслѣднику московскаго престола,
Царевичу, спасенному судьбой.

Самозван.: Не мучь меня, прелестная Марина,
Не говори, что санъ, а не меня
Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
Скажи: когда-бъ не царское рожденье
Назначила слѣпая мнѣ судьба,
Когда-бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
Тогда-бъ... тогда-бъ любила-ль ты меня?

Марина: Димитрій, ты и быть инымъ не мо-
Другого мнѣ любить нельзя. [жешь:

Самозванецъ: Нѣтъ! полно—
Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
Любовницей, ему принадлежащей;
Нѣтъ, полно мнѣ притворствовать! скажу
Всю истину; такъ знай-же: твой Димитрій
Давно погибъ, зарытъ—и не воскреснетъ;
А хочешь-ли ты знать, кто я таковъ?
Изволь, скажу: я—бѣдный черноризецъ;
Монашеской неволею скучая,
Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
Обдумалъ я; готовилъ міру чудо—
И наконецъ изъ келіи бѣжалъ
Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
Владѣть конемъ и саблей научился,
Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался—
И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
Что скажешь ты, надменная Марина?
Довольна ты признаніемъ моимъ?
Что-жъ ты молчишь?

Марина: О стыдъ! о горе мнѣ! (Молчаніе.)

Самозванецъ (тихо): Куда завлекъ меня по-
рывъ досады!
Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ.) Вижу, вижу:
Стыдишься ты некняжеской любви;
Такъ вымолви-жъ мнѣ роковое слово;
Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
Рѣши: я жду. (Бросается на колѣна.)

Марина: Встань, бѣдный самозванецъ!
Не мнишь-ли ты колѣнопреклоненьемъ,
Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
Тщеславное мнѣ сердце умилить?
Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала

Я рыцарей и графовъ благородныхъ:
Но ихъ мольбы я хладно отвергала
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...

Самозванецъ (встаетъ): Не презирай младого самозванца;
Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
Достойныя московскаго престола,
Достойныя руки твоей безцѣнной...

Марина: Достойныя позорной петли, дерзкій!

Самозванецъ: Виновенъ я; гордыней обуянный,
Обманывалъ я Бога и царей
Я міру лгалъ; но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ передъ тобою.
Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
Ты мнѣ была единственной святыней,
Предъ ней-же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все высказать.

Марина: Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безыменный,
Могъ ослѣпить чудесно два народа;
Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважный обезпечить
Упорною, глубокой, вѣчной тайной.
Могу-ль, скажи, предаться я тебѣ,
Могу-ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
Соединить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотой,
Такъ вѣтрено позоръ свой обличаешь?
Онъ изъ любви со мною проболтался!
Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слуги.

Самозванецъ: Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучить одна могла признанье;
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
Ни подъ ножемъ, ни въ мукахъ истязаній,
Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

Марина: Клянешься ты! и такъ, должна я вѣрить.
О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя-ль узнать,
Клянешься ты? Не именемъ-ли Бога,
Какъ набожный пріемышъ езуитовъ?
Иль честію, какъ витязь благородный,
Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
Какъ царскій сынъ? Не такъ-ли? Говори.

Самозванецъ (гордо): Тѣнь грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
Царевичъ—я. Довольно. Стыдно мнѣ
Предъ гордою полячкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моей обширныя заботы
Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
Теперь иду—погибель иль вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ,
Найду-ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ честной,
Иль, какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
Не будешь ты подругою моей,
Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
Объ участи, отвергнутой тобою.

Марина: А если я твой дерзостный обманъ
Заранѣе предъ всѣми обнаружу?

Самозванецъ: Не мнишь-ли ты, что я тебя боюсь?
Что болѣе повѣрятъ польской дѣвѣ,
Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
Что ни король, ни папа, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, иль нѣтъ—что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Имъ это лишь и нужно; и тебя,
Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
Прощай.

Марина: Постой, царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, князь, она меня миритъ.
Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣе на Москву;
Очисти Кремль, садись на тронъ московскій—
Тогда за мной шли брачнаго посла;
Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
Не оперлась на тронныя ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я. (Уходитъ.)

Самозванецъ: Нѣтъ—легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
Змѣя, змѣя!.. Не даромъ я дрожалъ.
Она меня чуть-чуть не погубила.
Но рѣшено: заутра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16-го октября.)

КНЯЗЬ КУРБСКІЙ И САМОЗВАНЕЦЪ, ОБА ВЕРХАМИ. ПОЛКИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ КЪ ГРАНИЦѢ.

Курбскій (прискакавъ первый): Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
Святая Русь! отечество! я твой!
Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
О, мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
Опальныя возрадуются кости!
Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,

Сей славный мечъ—гроза Казани темной,
Сей добрый мечъ—слуга царей московскихъ!
Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
За своего надежу-государя!..

Самозванецъ (ѣдетъ тихо съ поникшей головой):
Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостью и славой разыгралась!
О витязь мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
Его вину за гробомъ искупивъ,
Ты кровь излить за сына Іоанна
Готовишься, законнаго царя
Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

Курбскій: Ужель и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она—твоя, царевичъ!
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванецъ: Кровь русская, о Курбскій, потечетъ!
Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
Я-жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
Но пусть мой грѣхъ падетъ не на меня,
А на тебя, Борисъ-цареубійца!
Впередъ!

Курбскій: Впередъ! и горе Годунову!
(Скачутъ. Полки переходятъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

ЦАРЬ, ПАТРІАРХЪ И БОЯРЕ.

Царь: Возможно-ли? Разстрига, бѣглый инокъ
На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
Спасайте градъ и гражданъ.

Басмановъ: Государь,
Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ—
И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
Тебѣ клянусь.
(Уходитъ съ Трубецкимъ).

Царь: Мнѣ свейскій государь
Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
Но не нужна намъ чуждая помога—
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
Я отказалъ.
Щелкаловъ! разослать
Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
Чтобъ на коня садились и людей
По старинѣ на службу высылали;
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шли;
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ—
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ царя и приговоръ боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шопотъ,
Умы кипятъ.... ихъ нужно остудить;
Предупредить желалъ-бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый отецъ, свою повѣдай мысль.

Патріархъ: Благословенъ Всевышній, посеДухъ милости и кроткаго терпѣнья [лившій
Въ душѣ твоей, великій государь;
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.
Твой вѣрный богомолецъ,
Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ:
Онъ именемъ царевича, какъ ризой
Украденной, безстыдно облачился;
Но стоитъ лишь ее раздрать—и самъ
Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на царскую державу—
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
До старости: напрасно я лечился
И зеліемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
Напрасно я ходилъ на поклоненье
Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
Напрасно я изъ кладезей святыхъ
Кропилъ водой цѣлебной темны очи—
Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.
Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
А снилися мнѣ только звуки. Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ—и я тебя прощу.

Но кто-же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
И я теперь великій чудотворецъ.
Иди, старикъ. Проснулся я и думалъ:
Что-жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ. Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду—и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святый соборъ, и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душой усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ-будто слѣпота
Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня—и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.
(Общее смущеніе. Впродолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ).
Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдано, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой царевича доски.
Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
Перенести, поставить ихъ въ соборѣ
Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно
Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.
(Молчаніе).

Князь Шуйскій: Святый отецъ, кто вѣдаетъ
Всевышняго? Не мнѣ его судить. [пути
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворца
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ,
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя-ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ-ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.
Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный растригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства—проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усовѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

Царь: Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.
(Уходитъ, за нимъ и всѣ бояре).

Одинъ бояринъ (тихо другому): Замѣтилъ ты,
какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

Второй: Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

Первый: А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

1604 года 21 декабря.

БИТВА.

Воины (бѣгутъ въ безпорядкѣ): Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!

(Входятъ капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ).

Маржеретъ: Куда, куда? Allons.... пошель назадъ!

Одинъ изъ бѣглецовъ: Самъ пошель, коли есть охота, проклятый басурманъ.

Маржеретъ: Quoi? quoi?

Другой: Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго царевича, а мы вѣдь—православные.

Маржеретъ: Qu'est-ce à dire pravoslavni?.... Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. Розенъ: Es ist Schande.

Маржеретъ: Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas: puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. Розенъ: Sie haben Recht.

Маржеретъ: Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de Samosvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col.—Qu'en pensez-vous, mein Herr.

В. Розенъ: Ja.

Маржеретъ: Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. Розенъ: Ich glaube das. (Входятъ нѣмцы).

Маржеретъ: Ha, ha! voici nos allemands. Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. Розенъ: Sehr gut. Halt! (Нѣмцы строятся). Marsch!

Нѣмцы (идутъ): Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

Ляхи: Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

Димитрій (верхомъ): Ударить отбой! мы побѣдили. Довольно! Щадите русскую кровь! Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

НАРОДЪ.

Одинъ: Скоро-ли царь выйдетъ изъ собора?

Другой: Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

Первый: Что? ужъ проклинали того?

Другой: Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ—анаѳема!

Первый: Пускай себѣ проклинаетъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

Другой: А царевичу поютъ вѣчную теперь память.

Первый: Вѣчную память живому! Вотъ ужо имъ будетъ, безбожникамъ.

Третій: Чу! шумъ. Не царь-ли?

Четвертый: Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками.)

Мальчишки: Николка, Николка, желѣзный колпакъ!... тррр....

Старуха: Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

Юродивый: Дай, дай, дай копѣечку.

Старуха: Вотъ тебѣ копѣечка; помяни-же меня.

Юродивый (садится на землю и поетъ):

Мѣсяцъ ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова.)

Одинъ изъ нихъ: Здравствуй, юродивый, что-же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ.) Экъ она звонитъ!

Юродивый: А у меня копѣечка есть.

Мальчишка: Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ копѣечку и убѣгаетъ.)

Юродивый (плачетъ): Взяли мою копѣечку, обижаютъ юродиваго.

Народъ: Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре.)

Юродивый: Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ!

Царь: Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

Юродивый: Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

Бояре: Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

Царь: Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка! (Уходитъ.)

Юродивый (ему вслѣдъ): Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ.

СѢВСКЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ, окруженный своими.

Самозванецъ: Гдѣ плѣнный?

Ляхъ: Здѣсь.

Самозванецъ: Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнникъ.)

Кто ты?

Плѣнникъ: Рожновъ, московскій дворянинъ.

Самозванецъ: Давно-ли ты на службѣ?

Плѣнникъ: Съ мѣсяцъ будетъ.

Самозванецъ: Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

Плѣнникъ: Какъ быть, не наша воля.

Самозв.: Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

Плѣнникъ: Я прибылъ
Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

Самозванецъ: Что Годуновъ?

Плѣнникъ: Онъ очень былъ встревоженъ
Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

Самозванецъ: А зачѣмъ
Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

Плѣнникъ: Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

Самозванецъ: Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
Ну, что въ Москвѣ?

Плѣнникъ: Все, слава Бога, тихо.

Самозванецъ: Что? ждутъ меня?

Плѣнникъ: Богъ знаетъ; о тебѣ
Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
И голову. Такая, право, притча—
Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
На площади, гдѣ человѣка три
Сойдутся—глядь—лазутчикъ ужъ и вьется,
А государь досужною порою
Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

Самозванецъ: Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
Ну, войско что?

Плѣнникъ: Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
Довольно всѣмъ.

Самозванецъ: Да много-ли его?

Плѣнникъ: Богъ вѣдаетъ.

Самозванецъ: А будетъ тысячъ тридцать?

Плѣнникъ: Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается; всѣ смотрятъ другъ на друга.)

Самозванецъ: Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Плѣнникъ: А говорятъ о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодецъ.

Самозванецъ (смѣясь): Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу. Друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой. (Уходитъ.)

Всѣ: Да здравствуетъ Димитрій!

Ляхъ: Назавтра бой! Ихъ тысячъ пятьдесятъ,
А насъ всего едва-ль пятнадцать тысячъ:
Съ ума сошелъ.

Другой: Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

Плѣнникъ: Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

Ляхъ: Когда-бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,

То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ-бы смирилъ.

Плѣнникъ: Нашъ братъ-русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь-ли вотъ этого, безмозглый!
(Показываетъ кулакъ. Ляхъ гордо смотритъ на него и молча отходитъ. Всѣ смѣются.)

ЛѢСЪ.

САМОЗВАНЕЦЪ И ПУШКИНЪ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій.)

Самозванецъ: Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня.
Мой бѣдный конь!

Пушкинъ (про себя:) Ну, вотъ о чемъ жалѣетъ,—
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

Самозванецъ: Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь заморился
И отдохнетъ.

Пушкинъ: Куда! онъ издыхаетъ.

Самозванецъ (идетъ къ коню): Мой бѣдный конь!... что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.
(Разсѣдлываетъ коня. Входятъ нѣсколько ляховъ.)
Здорово, господа!
Что-жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше поднимался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ-жъ витязь мой?

Ляхъ: Онъ легъ на полѣ смерти.

Самозванецъ: Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ ужо! десятаго повѣшу!
Разбойники!

Пушкинъ: Кто тамъ ни виноватъ,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

Самозванецъ: А дѣло было наше;
Я-было смялъ передовую рать—
Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили:
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
Составлю я почетную дружину.

Пушкинъ: А гдѣ-то намъ сегодня почевать?

Самозванецъ: Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
Спокойна ночь.
(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ.)

Пушкинъ: Пріятный сонъ, царевичъ!
Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
Безпеченъ онъ, какъ глупое дитя:
Хранитъ его конечно Провидѣнье;
И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

БОРИСЪ, БАСМАНОВЪ.

Царь: Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетною побѣдой увѣнчались.
Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
Стоятъ у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними—
Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужитъ!
Пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

Басмановъ: Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

Царь: День этотъ недалёкъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

Басмановъ: Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ;
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды,
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но кто-жъ? Конемъ спокойно всадникъ правитъ,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Царь: Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.
(Входитъ бояринъ.)
Что?

Бояринъ: Привели гостей иноплеменныхъ.

Царь: Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить (Уходитъ).

Басмановъ: Высокій духъ державный!
Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
Управиться: и много, много онъ
Еще добра Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась;
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
Соперниковъ во брани я не знаю;
У царскаго престола стану первый...

И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
(Тревога. Бояре, придворные служители въ безпорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).
Одинъ: За лекаремъ!
Другой: Скорѣе къ патріарху!
Третій: Царевича, царевича зоветъ!
Четвертый: Духовника!
Басмановъ: Что сдѣлалось такое?
Пятый и Шестой: Царь занемогъ, царь умираетъ.
Басмановъ: Боже!
Пятый: На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.
(Царя выносятъ на стулѣ; все царское семейство; всѣ бояре.)
Царь: Подите всѣ—оставьте одного
Царевича со мною. (Всѣ удаляются) Умираю;
Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой—и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую—мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во маркѣ-бъ надлежало;
Но я достигъ верховной власти—чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О, милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты пріемлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ—
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленьи искушенный,
Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ,
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты—младой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника во-первыхъ избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго народомъ или славой,—
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка—
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни—можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престолъ онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный.
Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.
О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ младые дни привыкнулъ утопать,
Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь завсегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою:
Ты мужъ и царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.
Ѳеодоръ (на колѣнахъ): Нѣтъ, нѣтъ, живи и царствуй долговѣчно—
Народъ и мы погибли безъ тебя.
Царь: Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный хладъ....
(Входятъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре; царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ.)
Кто тамъ?
А! схима.... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ—
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, владыка патріархъ:
Я—царь еще... Внемлите вы, бояре:
Се тотъ, кому приказываю царство;
Цѣлуйте крестъ Ѳеодору.... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ васъ молю
Ему служить усердіемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ, и непороченъ.
Клянетесь-ли?
Бояре: Клянемся.
Царь: Я доволенъ.
Простите-жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды....
Святый отецъ, приближься, я готовъ.
(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокѣ выносятъ.)

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

Басмановъ: Войди сюда и говори свободно.
И такъ, тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?
Пушкинъ: Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.
Басмановъ: Но я и такъ Ѳеодоромъ высокò
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.
Пушк.: Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...
Басмановъ: Послушай, Пушкинъ, полно;

Пустого мнѣ не говори! я знаю.—
Кто онъ такой.

Пушкинъ: Россія и Литва
Димитріемъ давно его признали;
Но впрочемъ я за это не стою.
Быть можетъ, онъ Димитрій настоящій,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдаю, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

Басмановъ: Пока стою за юнаго царя,
Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
Побѣдою я ихъ одушевлю.
А вы кого противъ меня пошлете,
Не казака-ль Карелу, али Мнишка?
Да много-ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

Пушкинъ: Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
Я самъ скажу, что войско наше—дрянь,
Что казаки лишь только села грабятъ,
Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
А русскіе.... да что и говорить—
Передъ тобой не стану я лукавить;
Но знаешь-ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,
А мнѣніемъ— да, мнѣніемъ народнымъ.
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
Послушные сдавались города,
А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
Ты видѣлъ самъ: охотно-ль ваши рати
Сражались съ нимъ? Когда-же? При Борисѣ!
А нынче-ль? Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
И раздувать холодный пепелъ брани:
Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь; не лучше-ли тебѣ
Дать первому примѣръ благоразумный—
Димитрія царемъ провозгласить
И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

Басмановъ: Узнаете вы завтра.

Пушкинъ: Рѣшись.

Басмановъ: Прощай.

Пушкинъ: Подумай-же, Басмановъ. (Уходитъ.)

Басмановъ: Онъ правъ, онъ правъ: вездѣ измѣна зрѣетъ;
Что дѣлать мнѣ? ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше-ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность младого вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ-ли, мнѣ-ль, любимцу государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія народны.
[Задумывается.]
Сюда! кто тамъ? (Свиститъ.) Коня! трубите сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

ПУШКИНЪ ИДЕТЪ, ОКРУЖЕННЫЙ НАРОДОМЪ.

Народъ: Царевичъ намъ боярина прислалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

Пушкинъ (на амвонѣ): Московскіе граждане!
Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется.)
Вы знаете, какъ промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась;
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду-ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ: Вѣстимо нѣтъ.

Пушкинъ: Московскіе граждане!
Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
Подъ властію жестокаго пришельца:
Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
И трудъ, и гладъ—все испытали вы.
Димитрій-же васъ жаловать намѣренъ,
Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
Гостей, купцовъ—и весь честной народъ.
Вы-ль станете упрямиться безумно
И милостей кичливо убѣгать?
Но онъ идетъ на царственный престолъ
Своихъ отцовъ въ сопровожденьи грозномъ.
Не гнѣвайте-жъ царя и бойтесь Бога,
Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
Смиритеся; немедленно пошлите
Къ Димитрію во станъ митрополита,
Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
Да бьютъ челомъ отцу и государю. (Сходитъ. Шумъ народный.)

Народъ: Что толковать? Бояринъ правду молвилъ,
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на амвонѣ: Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка.

Народъ (несется толпою): Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

— —

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ѲЕОДОРЪ ПОДЪ ОКНОМЪ.

Нищій: Дайте милостыню Христа ради!

Стража: Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

Ѳеодоръ: Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

(Ксенія подъ покрываломъ подходитъ также къ окну.)

„Бор. Год.". *Самозванецъ:* „Царевичъ—я. Довольно!.."

„Бор. Год.". *Курбскій:* „Впередъ! —и горе Годунову!.."

„Бор. Год.". *Юродивый:* „Вели ихъ зарѣзать..."

„Бор. Год". *Өеодоръ:* „Народъ и мы погибли безъ тебя".

„Скуп. рыц.". Баронъ пересматриваетъ свои богатства.

„Моц. и Сальери". Послѣдняя игра Моцарта.

„Кам. гость". Донъ-Жуанъ признается Донѣ-Аннѣ въ любви.

„Кам. гость". Донъ-Жуанъ передъ статуей командора.

Одинъ изъ народа: Братъ да сестра—бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

Другой: Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

Первый: Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

Другой: Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ!

Ксенія: Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

Θеодоръ: Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

Ксенія: Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерефединовъ; за ними трое стрѣльцовъ.)

Народъ: Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ. (Они входятъ въ домъ.)

Одинъ изъ народа: Зачѣмъ они пришли?

Другой: А, вѣрно, приводить къ присягѣ Θеодора Годунова.

Третій: Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ!.. Тревога!.. дерутся!

Народъ: Слышишь? визгъ! Это—женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты—крики замолкли—шумъ продолжается.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ.)

Мосальскій: Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Θеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ.) Что-жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

НАРОДЪ БЕЗМОЛВСТВУЕТЪ.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The caveteous Knigth).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(въ башнѣ).

АЛЬБЕРЪ И ИВАНЪ.

Альберъ: Во что-бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(Иванъ подаетъ ему шлемъ).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ: И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ-ли
Оправился.

Альберъ: А все-жъ онъ не въ убыткѣ:
Его нагрудникъ цѣлъ венеціянскій,
А грудь своя гроша ему не стоитъ—
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ-бы я, когда-бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
Онъ лучше-бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно;
А нынче что́ скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой ударъ,—
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей, и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что́ виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ: Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ: Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого.
Недорого и просятъ за него.

Иванъ: Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ: Что-жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ: Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

Альберъ: Закладъ! а гдѣ мнѣ взять, заклада, дьяволъ!

Иванъ: Я сказывалъ.

Альберъ: Что-жъ онъ?

Иванъ: Кряхтитъ да жмется.

Альберъ: Да ты-бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ, какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всему наслѣдую.

Иванъ: Я говорилъ.

Альберъ: Что-жъ?

Иванъ: Жмется да кряхтитъ.

Альберъ: Какое горе!

Иванъ: Онъ самъ хотѣлъ приди.

Альберъ: Ну, слава Богу.
Безъ выкупа не выпущу его. (Стучатъ въ дверь.)
Кто тамъ? (Входитъ жидъ.)

Жидъ: Слуга вашъ низкій.

Альберъ: А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

Жидъ: Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ-бы... право, не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать...

Альберъ: Разбойникъ!
Да если-бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ-ли-бъ я возиться? Полно,

Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ: Сотню!
Когда-бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ: Слушай!
Не стыдно-ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ: Клянусь вамъ...

Альберъ: Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ?—свиную кожу?
Когда-бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ-бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ: Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
Какъ талисманъ, оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ: Ужель отецъ меня переживетъ?

Жидъ: Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ: Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

Жидъ: Деньги?—Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ-же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ: О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ;
И какъ-же служитъ? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной конурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда-нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ: Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ: Amen!

Жидъ: А можно-бъ...

Альберъ: Что?

Жидъ: Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть...

Альберъ: Какое средство?

Жидъ: Такъ—
Есть у меня знакомый старичекъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ: Ростовщикъ
Такой-же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ: Нѣтъ, рыцарь. Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ: А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ: Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта не замѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ: Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

Жидъ: Да—
И ядомъ.

Альберъ: Что-жъ? Въ займы на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что-ли?

Жидъ: Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть-можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ: Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ-же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ: Виноватъ!
Простите, я шутилъ.

Альберъ: Иванъ, веревку!

Жидъ: Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ: Вонъ, песъ!

(*Жидъ уходитъ.*)

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца родного скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однако-жъ деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой—
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

Иванъ: У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

Альберъ: А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ: Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ: Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставятъ

Меня держать, какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

Баронъ: Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Немного кажется, но по немногу
Сокровища ростутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,—
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свистну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я-же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (Смотритъ на свое золото).
Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ.
Вдова мнѣ отдала его, но прежде [Нынче
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ—
Притворщица не трогалась; я могъ-бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужниnъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ-быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! если-бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ-бы вновь потопъ—я захлебнулся-бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(Хочетъ отпереть сундукъ.)
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то-же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.
(Отпираетъ сундукъ.)
Вотъ мое блаженство! (Всыпаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка,
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ.)
Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,

От̃ъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ-ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если-бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!.. о, если-бъ изъ могилы
Придти я могъ сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцѣ).

АЛЬБЕРЪ, ГЕРЦОГЪ.

Альберъ: Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда-бъ не крайность,
Вы-бъ жалобы моей не услыхали.
Герцогъ: Я вѣрю, вѣрю: благородный ры-
Таковъ, какъ вы, отца не обвинитъ [царь,
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало. .
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. (Смотритъ въ окно) Это кто?
Не-онъ ли?
Альберъ: Такъ—онъ, государь.
Герцогъ: Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альберъ уходитъ; входитъ баронъ).
Баронъ,
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.
Баронъ: Я счастливъ, государь, что въ си-
По приказанью вашему явиться. [лахъ былъ
Герцогъ: Давно, баронъ, давно разстались
Вы помните меня? [мы.
Баронъ: Я, государь?
Я, какъ теперь, васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ вами, то есть...
Герцогъ: Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.
Бар.: Старъ, государь, я нынче: при дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.
Герцогъ: Баронъ, усердье ваше намъ из-
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ [вѣстно;
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?
Баронъ: Сынъ одинъ.
Герцогъ: Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.
Баронъ: Мой сынъ не любитъ шумной, свѣт-
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—[ской жизни;
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.
Герцогъ: Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?
Баронъ: Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я-бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ-бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ.
Герцогъ: Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.
Баронъ: Простите мнѣ, но, право, государь,
Я согласиться не могу на это...
Герцогъ: Но почему-же?
Баронъ: Увольте старика..
Герцогъ: Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.
Баронъ: На сына я сердитъ.
Герцогъ: За что?
Баронъ: За злое преступленье.
Герцогъ: А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?
Баронъ: Увольте, герцогъ..
Герцогъ: Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?
Баронъ: Да... стыдно...
Герцогъ: Но что-же сдѣлалъ онъ?
Баронъ: Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.
Герцогъ: Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.
Баронъ: Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня..
Герцогъ: Что?
Баронъ: Обокрасть.
(Альберъ бросается въ комнату).
Альберъ: Баронъ, вы лжете!
Герцогъ (сыну): Какъ смѣли вы?..

Баронъ: Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!..
Ты могъ отцу такое слово молвить!..
Я лгу? и передъ нашимъ государемъ!..
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?..
Альберъ: Вы—лжецъ!
Баронъ: И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми-жъ, и мечъ насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку; сынъ поспѣшно ее поднимаетъ.)
Альб.: Благодарю. Вотъ первый даръ отца!
Герц.: Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно. (Сыну.) Бросьте это:
Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее.)
Альберъ (въ сторону.) Жаль!
Герцогъ: Такъ и впился въ нее когтями!.. [Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. (Альберъ выходитъ).
Вы, старикъ несчастный!
Не стыдно-ль вамъ?..
Баронъ: Простите, государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!.. душно!.. Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!
Герцогъ: Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
1830 г.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(комната).

Сальери: Всѣ говорятъ, нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ—и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ.
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!..
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны!)—
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ-ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!
О, никогда!—ниже, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ,
Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда-нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто!.. А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.—О небо!
Гдѣ-жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!
(Входитъ Моцартъ.)
Моцартъ: Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя нежданной шуткой угостить.
Сальери: Ты здѣсь!—Давно-ль?
Моцартъ: Сейчасъ. Я шелъ къ тебѣ.
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ!.. Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди! (Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что-нибудь'
(Старикъ играетъ арію изъ «Донъ-Жуана»; Моцартъ хохочетъ.)

Сальери: И ты смѣяться можешь?
Моцартъ: Ахъ, Сальери!
Ужель и самъ ты не смѣешься!
Сальери: Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля;
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошелъ, старикъ!
Моцартъ: Постой-же: вотъ тебѣ:
Пей за мое здоровье. (Старикъ уходитъ.)
Ты, Сальери,
Не въ духѣ нынче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.
Сальери: Что ты мнѣ принесъ?
Моцартъ: Нѣтъ—такъ, бездѣлицу. Намедни [ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.
Сальери: Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда-же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.
Моцартъ (за фортепіано): Представь себѣ... кого-бы?
Ну, хоть меня—немного помоложе;
Влюбленнаго—не слишкомъ, а слегка;
Съ красоткой, иль съ другомъ—хоть съ тобой;
Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что-нибудь такое...
Ну, слушай-же. (Играетъ.)
Сальери: Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ.
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрипача слѣпого!—Боже!
Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.
Моцартъ: Что-жъ, хорошо?
Сальери: Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я!
Моцартъ: Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.
Сальери: Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотого Льва.
Моцартъ: Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась. (Уходитъ).
Сальери: Жду тебя; смотри-жъ.—

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить—не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ-ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай-же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня—
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ—
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(особая комната въ трактирѣ; фортепіано)

Моцартъ и Сальери (за столомъ).

Сальери: Что ты сегодня пасмуренъ?
Моцартъ: Я? Нѣт
Сальери: Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ-нибу [разстроен
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.
Моцартъ: Признать
Мой Requiem меня тревожитъ.
Сальери: А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно-ли?
Моцартъ: Давно, недѣли три. Но странн [случаі
Не сказывалъ тебѣ я?
Сальери: Нѣтъ.
Моцартъ: Такъ слушай:
Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего—не знаю,

Всю ночь я думалъ: кто-бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ-же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было-бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хотя совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

Сальери: Что?

Моцартъ: Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

Сальери: Въ чемъ-же?

Моцартъ: Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду,
Какъ тѣнь, онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидитъ.

Сальери: И, полно! что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».

Моц.: Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я счастливъ...
Ла-ла-ла-ла... Ахъ, правда-ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

Сальери: Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
Для ремесла такого.

Моцартъ: Онъ-же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство —
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда-ль?

Сальери: Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей-же.

Моцартъ: За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

Сальери: Постой,
Постой, постой!.. Ты выпилъ безъ меня?

Моцартъ (бросаетъ салфетку на столъ.)
Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай-же, Сальери,
Мой Requiem. (Играетъ.)
Ты плачешь?

Сальери: Эти слезы
Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

Моцартъ: Когда-бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ; тогда-бъ не могъ
И міръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни—
Всѣ предались-бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощай-же.

Сальери: До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
И я—не геній? Геній и злодѣйство—
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти?.. Или это сказка
Тупой, безсмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

1830 г.

— —

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!..
Ah, Padrone!
Don Giovanni.

СЦЕНА I.

НОЧЬ. КЛАДБИЩЕ БЛИЗЪ МАДРИТА.

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ЛЕПОРЕЛЛО.

Донъ-Жуанъ: Дождемся ночи здѣсь. Уфъ!
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро наконецъ
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

Лепорелло: Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

Донъ-Жуанъ: Шутишь?
Да кто-жъ меня узнаетъ?

Лепорелло: Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,
Иль свой-же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ шляпѣ.

Донъ-Жуанъ: Что за бѣда, хоть и узнаютъ!
Только-бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

Лепорелло: А завтра-же до короля дойдетъ,

Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился—что̀ тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

Донъ-Жуанъ: Пошлетъ назадъ.
Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ, меня-жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

Лепорелло: Ну, то-то-жъ!
Сидѣли-бъ вы себѣ спокойно тамъ!

Донъ-Жуанъ: Слуга покорный! Я едва-едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
Что за земля! А небо?.. точный дымъ;
А женщины?.. Да я не промѣняю,
Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ—право.
Онѣ сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью - а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться;
Въ нихъ жизни нѣтъ—все куклы восковыя...
А наши!.. Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ-ли ты его?

Лепорелло: Какъ не узнать! Антоньевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Ѣзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ...
Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

Донъ-Жуанъ (Задумчиво): Бѣдная Инеза!
Ея ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

Лепорелло: Инезу—черноглазую?.. о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

Донъ-Жуанъ: Въ іюлѣ... ночью. Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно—мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...
А мужъ ея былъ негодяй суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!..

Леп.: Что-жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

Донъ-Жуанъ: Правда.

Лепорелло: А живы будемъ, будутъ и другія.

Донъ-Жуанъ: И то.

Лепорелло: Теперь которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

Донъ-Жуанъ: О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу явиться.

Лепорелло: Дѣло.

Донъ-Жуанъ: Къ ней прямо въ дверь; а если кто-нибудь
Ужъ у нея—прошу въ окно прыгнуть.

Лепорелло: Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ? (Входитъ монахъ).

Монахъ: Сейчасъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди-ль Доны-Анны?

Лепорелло: Нѣтъ, сами по себѣ мы—господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

Донъ-Жуанъ: А кого вы ждете?

Монахъ: Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

Донъ-Жуанъ: Дона-Анна
Де Сольва? Какъ? Супруга командора,
Убитаго... не помню кѣмъ.

Монахъ: Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

Лепорелло: Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

Мон.: Онъ вамъ знакомъ быть-можетъ?

Лепорелло: Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

Монахъ: Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ далеко.

Лепорелло: И слава Богу!
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ-бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

Д.-Жуанъ: Что, что ты врешь?

Лепорелло: Молчите: я нарочно.

Донъ-Жуанъ: Такъ здѣсь похоронили командора?

Монахъ: Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

Донъ-Жуанъ: Что за странная вдова!
Не даромъ-же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну взаперти держалъ:
Никто изъ насъ не вдывалъ ея.
И не дурна?

Монахъ: Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно; не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

Донъ-Жуанъ: Я съ нею-бы хотѣлъ поговорить.

Монахъ: О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

Донъ-Жуанъ: А съ вами, мой отецъ?

Монахъ: Со мной иное дѣло—я монахъ.
Да вотъ она. (Входитъ Дона-Анна).

Дона-Анна: Отецъ мой, отоприте.

Монахъ: Сейчасъ, сеньора: я васъ ожидалъ.

(Дона Анна идетъ за монахомъ.)

Лепорелло: Что, какова?

Донъ-Жуанъ: Ея совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

Лепорелло: Довольно съ васъ. У васъ во- [ображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего-бы ни начать—
Съ бровей-ли, съ ногъ-ли.

Донъ-Жуанъ: Слушай, Лепорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

Лепорелло (про себя): Вотъ еще!
Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

Донъ-Жуанъ: Однако ужъ и смерклось.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Войдемъ въ Мадритъ.

Лепорелло: Испанскій грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи—и луны боится, Боже!
Проклятое житье! Да долго-ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться? Право, нѣтъ ужъ силъ!

СЦЕНА II.

КОМНАТА. УЖИНЪ У ЛАУРЫ.

Первый гость: Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

Второй: Какъ развила ее! съ какою силой!

Третій: Съ какимъ искусствомъ!

Лаура: Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились, какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

Первый: Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись—не проходитъ
Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно: спой, Лаура,
Спой что-нибудь!

Лаура: Подайте мнѣ гитару. (Поетъ.)

Всѣ: О, bravo! bravo! чудно! безподобно!

Первый: Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь—мелодія... Взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

Второй: Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

Лаура: Донъ-Жуана.

Донъ-Карлосъ: Что? Донъ-Жуанъ!

Лаура: Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

Донъ-Карлосъ: Твой Донъ-Жуанъ—безбож- [никъ и мерзавецъ;
А ты, ты—дура.

Лаура: Ты съ ума сошелъ!
Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

Донъ-Карлосъ (встаетъ): Зови-же ихъ.

Первый: Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

Лаура: Что?... Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его родного брата? Правда, жаль,
Что не его.

Донъ-Карлосъ: Я глупъ, что осердился.

Лаура: Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ—
Такъ помиримся.

Донъ-Карлосъ: Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

Лаура: А виновата-ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

Гость: Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ [не сердита,
Лаура, спой еще!

Лаура: Да, на прощанье:
Пора—ужъ ночь. Но что-же я спою?
А, слушайте! (Поетъ.)

Всѣ: Прелестно, безподобно.

Лаура: Прощайте-жъ, господа.

Гости: Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса.)

Лаура: Ты, бѣшеный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

Донъ-Карлосъ: Счастливецъ!
Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.)

Очень?

Лаура: Очень...

Донъ-Карлосъ: И любишь и теперь?

Лаура: Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

Донъ-Карлосъ: Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

Лаура: Осьмнадцать лѣтъ.

Донъ-Карлосъ: Ты молода и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщясь, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что̀ скажешь ты?

Лаура: Тогда... Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди—открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной,
И сторожа кричатъ протяжно, ясно!..
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты.

Ну! то-то-жъ!

Д.-Карлосъ? Милый демонъ! (Стучатъ.)

Донъ-Жуанъ! Гей, Лаура!

Лаура: Кто тамъ? Чей это голосъ?

Донъ-Жуанъ: Отопри...

Лаура: Ужели!... Боже!...

(Отпираетъ двери; входитъ Донъ-Жуанъ.)

Донъ-Жуанъ: Здравствуй!

Лаура: Донъ-Жуанъ!

(Лаура кидается ему на шею.)

Д.-Карлосъ: Какъ! Донъ-Жуанъ!..

Донъ-Жуанъ: Лаура, милый другъ!
Кто у тебя, моя Лаура? (Цѣлуетъ ее.)

Донъ-Карлосъ: Я,—
Донъ-Карлосъ.

Донъ-Жуанъ: Вотъ нечаянная встрѣча!
Я завтра весь къ твоимъ услугамъ...

Донъ-Карлосъ: Нѣтъ!
Теперь — сейчасъ.

Лаура: Донъ-Карлосъ, перестаньте!
Вы не на улицѣ— вы у меня—
Извольте выйти вонъ.

Донъ-Карлосъ (не слушая ее): Я жду. Ну,
Вѣдь ты при шпагѣ. [что-жъ?

Донъ-Жуанъ: Ежели тебѣ
Не терпится, изволь. (Бьются.)

Лаура: Ай. ай! Жуанъ!

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ.)

Д.-Жуанъ: Вставай, Лаура, кончено.

Лаура: Что тамъ?
Убитъ? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

Донъ-Жуанъ: Быть можетъ
Онъ живъ еще. (Осматриваетъ тѣло.)

Лаура: Да, живъ! Гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
А ужъ не дышетъ—каково?

Донъ-Жуанъ: Что дѣлать?
Онъ самъ того хотѣлъ.

Лаура: Эхъ, Донъ-Жуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы!..
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно-ли здѣсь?

Донъ-Жуанъ: Я только-что пріѣхалъ
И то тихонько—я вѣдь не прощенъ.

Лаура: И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно
И домъ увидѣлъ.

Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Лепорелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадритѣ. (Цѣлуетъ ее.)

Лаура: Другъ ты мой!
Постой... при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать съ
нимъ?

Д.-Жуанъ: Оставь его—передъ разсвѣтомъ
Я вынесу его подъ епанчею [рано.
И положу на перекресткѣ.

Лаура: Только
Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда-бъ ты ихъ засталъ!

Д.-Жуанъ: Лаура, и давно его ты любишь?

Лаура: Кого? ты бредишь.

Донъ-Жуанъ: Милая плутовка!
А сколько разъ ты измѣняла мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

Лаура: А ты, повѣса?

Донъ-Жуанъ: Скажи-жъ... Нѣтъ, послѣ переговоримъ!..

СЦЕНА III.

ПАМЯТНИКЪ КОМАНДОРА.

Д.-Жуанъ: Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я скрылся здѣсь—и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею,
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней: пора!
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни..
Пора-бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
Я думаю, скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!..
А самъ, покойникъ. малъ былъ и тщедушенъ:
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ-бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,—
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ.
Какъ на булавкѣ стрекоза; а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
А! вотъ она (Входитъ Дона-Анна.)

Дона-Анна: Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ—
Простите.

Донъ-Жуанъ: Я просить прощенья долженъ
У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться?

Дона-Анна: Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во
При васъ мои моленья могутъ къ небу [мнѣ.
Смиренно возноситься. Я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

Донъ-Жуанъ: Мнѣ, мнѣ молиться съ вами
Я не достоинъ участи такой. [Дона-Анна!
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять;
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы кудри черныя на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.

Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.
Дона-Анна: Какія рѣчи странныя!
Донъ-Жуанъ: Сеньора!
Д.-Анна: Мнѣ... вы забыли...
Донъ-Жуанъ: Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?
Дона-Анна: Мнѣ показалось... Я не поняла...
Донъ-Жуанъ: Ахъ, вижу я: вы все, вы все [узнали!
Дона-Анна: Что я узнала?
Донъ-Жуанъ: Такъ, я—не монахъ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.
Дона-Анна: О, Боже! встаньте, встаньте!.. Кто-же вы?
Донъ-Жуанъ: Несчастный, жертва страсти безнадежной!
Дона-Анна: О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ [гробѣ!
Подите прочь!..
Донъ-Жуанъ: Минуту, Дона-Анна!
Одну минуту!
Дона-Анна: Если кто войдетъ!...
Донъ-Жуанъ: Рѣшетка заперта. Одну минуту!
Д.-Анна: Ну? что? чего вы требуете?
Донъ-Жуанъ: Смерти!
О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь-же похоронятъ,
Не подлѣ праха, милаго для васъ,
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ-нибудь,
Тамъ—у дверей—у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.
Дона-Анна: Вы не въ своемъ умѣ!
Донъ-Жуанъ: Или желать
Кончины, Дона-Анна, знакъ безумства?
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я-бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бы ночи
Сталъ провожать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ-бы я скрываться—я, напротивъ,
Старался-бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда-бъ я былъ безумецъ, я-бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...
Дона-Анна: Такъ это вы!
Молчите?
Донъ-Жуанъ: Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы-бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали...
Дона-Анна: И любите давно ужъ вы меня?
Донъ-Жуанъ: Давно или недавно—самъ не [знаю;
Но съ той поры, лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово счастье.
Д.-Анна: Подите прочь: вы — человѣкъ [опасный.
Д.-Жуанъ: Опасный! чѣмъ?
Д.-Анна: Я слушать васъ боюсь.
Д.-Жуанъ: Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ—одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.
Дона-Анна: Подите здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое-жъ уваженье,
Я васъ приму—но вечеромъ позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...
Донъ-Жуанъ: Ангелъ, Дона-Анна!
Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!
Дона-Анна: Подите прочь.
Донъ-Жуанъ: Еще одну минуту.
Дона-Анна: Нѣтъ, видно мнѣ уйти... Къ тому-жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...
Донъ-Жуанъ: Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастью моему предаться!
Я завтра васъ увижу!.. И не здѣсь,
И не украдкою!
Дона-Анна: Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?
Донъ-Жуанъ: Діего де Кальвидо.
Д.-Анна: Прощайте, Донъ-Діего. (Уходитъ.)
Донъ-Жуанъ: Лепорелло!
(Лепорелло входитъ.)
Лепорелло: Что вамъ угодно?
Донъ-Жуанъ: Милый Лепорелло!
Я счастливъ!—«Завтра—вечеромъ, позднѣе»...
Мой Лепорелло, завтра!.. приготовь...
Я счастливъ, какъ ребенокъ!
Лепорелло: Съ Доной-Анной
Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?
Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она [свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!
Лепорелло: Неужто?
О вдовы! Всѣ вы таковы...
Донъ-Жуанъ: Я счастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!
Лепорелло: А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?
Д.-Жуанъ: Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ—человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.
Лепорелло: Нѣтъ. посмотрите на его статую.
Донъ-Жуанъ: Что-жъ?

Лепорелло: Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.
Донъ-Жуанъ: Ступай-же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ, а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.
Леп.: Статую въ гости звать! Зачѣмъ?
Донъ-Жуанъ: Ужъ, вѣрно,
Не для того, чтобъ съ нею говорить.
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.
Лепорелло: Охота вамъ
Шутить, и съ кѣмъ!
Донъ-Жуанъ: Ступай-же!
Лепорелло: Но...
Донъ-Жуанъ: Ступай!
Лепорелло: Преславная, прекрасная статуя!
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Мнѣ страшно.
Донъ-Жуанъ: Трусъ! вотъ я тебя!..
Лепорелло: Позвольте.
Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...
(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія.)
Ай!
Донъ-Жуанъ: Что тамъ?
Лепорелло: Ай, ай!..
Ай, ай!.. умру!
Донъ-Жуанъ: Что сдѣлалось съ тобою?
Леп. (кивая головой): Статуя... ай!
Донъ-Жуанъ: Ты кланяешься?
Лепорелло: Нѣтъ,
Не я—она!
Донъ-Жуанъ: Какой ты вздоръ несешь!
Леп.: Подите сами.
Донъ-Жуанъ: Ну, смотри-жъ, бездѣльникъ!
(Статуѣ). Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать у двери на часахъ. Что? будешь?
(Статуя киваетъ опять.)
О Боже!
Лепорелло: Что? я говорилъ...
Донъ-Жуанъ: Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

(комната доны-анны).

ДОНЪ-ЖУАНЪ И ДОНА-АННА.

Дона-Анна: Я приняла васъ, Донъ-Діего! [только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,
Все помню я свою потерю: слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.
Что-жъ вы молчите?
Донъ-Жуанъ: Наслаждаюсь молча,
Глубоко—мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь—не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго счастливца—
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.
Дона-Анна: Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ.
Донъ-Жуанъ: Я не долженъ ревновать;
Онъ вами выбранъ былъ.
Дона-Анна: Нѣтъ; мать моя
Велѣла дать мнѣ руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ—богатъ.
Донъ-Жуанъ: Счастливецъ! Онъ сокровища
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что [пустыя
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если-бъ
Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все-бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ-бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я-бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ!
Увы, судьба судила мнѣ иное!
Дона-Анна: Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Васъ слушая,—мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда-бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ-бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда-бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ-бы вѣренъ
Супружеской любви
Донъ-Жуанъ: Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.
Дона-Анна: Чѣмъ-же?
Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ—не правда-ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.
Д.-Жуанъ: Предъ вами! Боже!
Дона-Анна: Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ-же?.. Ну!
Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, никогда!..
Дона-Анна: Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите.
Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, ни за что!
Дона-Анна: Діего, это странно!
Я васъ прошу, я требую...
Донъ-Жуанъ: Нѣтъ, нѣтъ!
Дона-Анна: А, такъ-то вы моей послушны
волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ?
Что вы-бъ рабомъ моимъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?
Донъ-Жуанъ: Не смѣю:
Вы ненавидѣть станете меня.
Дона-Анна: Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе [прощаю,
Но знать хочу я.
Донъ-Жуанъ: Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

Дона-Анна: Ужасную!.. Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна—что̀ такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.
Донъ-Жуанъ (про себя): Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ не знакомъ?
Дона-Анна: Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.
Донъ-Жуанъ: Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?
Дона-Анна: По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего—
Я требую...
Донъ-Жуанъ: Что, если-бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?
Дона-Анна: Тогда-бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.
Донъ-Жуанъ: Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ?—Вотъ грудь моя.
Дона-Анна: Діего,
Что вы?
Донъ-Жуанъ: Я не Діего,—я Жуанъ.
Дона-Анна: О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, [не вѣрю...
Д.-Жуанъ: Я—Донъ-Жуанъ.
Дона-Анна: Неправда.
Донъ-Жуанъ: Я убилъ
Супруга твоего; и не жалѣю
О томъ—и нѣтъ раскаянья во мнѣ.
Дона-Анна: Что̀ слышу я! Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.
Донъ-Жуанъ: Я—Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.
Д.-Анна (падая): Гдѣ я? Гдѣ я?.. Мнѣ дурно, дур- [но!
Донъ-Жуанъ: Небо!
Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!
Дона-Анна: Оставь меня.
(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ—ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни...
Донъ-Жуанъ: Милое созданье!
Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели—умру; вели—дышать я буду
Лишь для тебя...
Дона-Анна: Такъ это Донъ-Жуанъ?
Донъ-Жуанъ: Не правда-ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ? О, Дона-Анна!
Молва, быть можетъ, несовсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ
Какъ васъ увидѣлъ я—все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель—
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.
Дона-Анна: О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ—[я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ...
Вы, говорятъ,—безбожный развратитель,
Вы—сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?
Донъ-Жуанъ: Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.
Дона-Анна: И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!
Донъ-Жуанъ: Когда-бъ я васъ обманывать [хотѣлъ,
Признался-ль я, сказалъ-бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ-жъ видны тутъ обдуманность, коварство?
Дона-Анна: Кто знаетъ васъ? Но какъ могли [придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли-бы васъ—
И ваша смерть была-бы неизбѣжна!
Донъ-Жуанъ: Что значитъ смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.
Дона-Анна: Но какъ-же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный?
Донъ-Жуанъ (цѣлуя ей руки): И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?
Дона-Анна: Ахъ, если-бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако-жъ надобно разстаться намъ.
Д.-Жуанъ: Когда-жъ опять увидимся?
Дона-Анна: Не знаю,
Когда-нибудь.
Донъ-Жуанъ: А завтра?
Дона-Анна: Гдѣ-же?
Донъ-Жуанъ: Здѣсь.
Д.-Анна: О, Д.-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!
Донъ-Жуанъ: Въ залогъ прощанья мирный [поцѣлуй...
Дона-Анна: Поди, пора.
Донъ-Жуанъ: Одинъ, холодный, мирный...
Дона-Анна: Какой ты неотвязный! на, вотъ онъ... (Стучатъ).
Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ-Жуанъ!
Донъ-Жуанъ: Прощай-же, до свиданья, другъ [мой милый.
(Уходитъ и вбѣгаетъ опять).
А!..
Дона-Анна: Что съ тобой? А!..
(Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ).
Статуя: Я на зовъ явился...
Донъ-Жуанъ: О, Боже! Дона-Анна!
Статуя: Брось ее.
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?
Донъ-Жуанъ: Я? нѣтъ!.. Я звалъ тебя и [радъ, что вижу.
Статуя: Дай руку.
Донъ-Жуанъ: Вотъ она... О, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти мнѣ руку!..
Я гибну—кончено—о, Дона-Анна!..
(Проваливаются.)

1830 г.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой «трагедіи: The city of the plague»).

Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ мужчинъ и женщинъ.

Молодой человѣкъ: Почтенный предсѣдатель! Я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной.
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его разсказы; невозможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба,
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто-бъ былъ онъ живъ.

Предсѣдатель: Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньѣ
Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человѣкъ: Да будетъ такъ!
(Всѣ пьютъ молча).

Предсѣд.: Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ-нибудь видѣньемъ.

Мери (поетъ): Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.
Нынѣ церковь опустѣла,
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все—одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ.
Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить души ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой.
Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ—
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,—
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей;
Устъ умершихъ не касайся:
Слѣдуй издали за ней.
И потомъ оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Гдѣ-бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

Предсѣдатель: Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая-жъ, видно,
Холмы и долы ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой-нибудь простой пастушьей пѣснѣ.
Унылой и пріятной... Нѣтъ, ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

Мери: О, если-бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

Луиза: Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все-жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если-бъ то-же
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все-бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ шотландскихъ этихъ желтизну.

Предсѣдатель: Послушайте: я слышу стукъ колесъ!
(Ѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ управляетъ ею).

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,

По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокій,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

Мери: Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

Луиза (приходя въ чувство): Ужасный демонъ
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней
Лежали мертвые и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ-ли это было?
Проѣхала-ль телѣга?

Молодой человѣкъ: Ну, Луиза,
Развеселись! Хоть улица вся наша—
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ, ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разъѣзжать—
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню—вольную, живую пѣсню,
Не грустію шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей!

Предсѣдатель: Такой не знаю; но спою вамъ [гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ риѳмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте-жъ меня:
Охриплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

Многіе: Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! Bravo! Bravo!

Предсѣдатель (поетъ): Когда могучая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
На встрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
Утопимъ весело умы—
И, заваривъ пиры да балы,
Восславимъ царствіе чумы!

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

И такъ—хвала тебѣ, чума!
Намъ не страшна могилы тьма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы
И дѣвы-розы пьемъ дыханье—
Быть можетъ полное чумы!

(Входитъ старый священникъ).

Священникъ: Безбожный пиръ, безбожные [безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ—и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда-бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы,
Подумать могъ-бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ: Онъ мастерски объ адѣ говоритъ!
Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ: Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души.
Ступайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель: Дома
У насъ печальны: юность любитъ радость.

Священникъ: Ты-ль это, Вальсингамъ! Ты-ль [самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
Поющій бѣшеныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

Предсѣдатель: Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь!)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ; поздно слышу голосъ твой,

Меня зовущій: признаю усилья
Меня спасти... Старикъ! иди-же съ миромъ;
Но проклятъ будь, кто за тобой пойдетъ!

Многіе: Bravo, bravo, достойный председатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ: Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

Предсѣдатель (встаетъ): Клянись-же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если-бъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я?.. Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

Женскій голосъ: Онъ—сумасшедшій:
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Свящ: Пойдемъ, пойдемъ...

Предсѣдатель: Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

Священникъ: Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ.

(Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость).

1830 г.

РУСАЛКА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНЕПРА.—МЕЛЬНИЦА.

МЕЛЬНИКЪ И ДОЧЬ.

Мельникъ: Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, не простой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь—
Безцѣнное сокровище; она —
Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какой-нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня». Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати-ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка; а милый другъ
Глядь — и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
Осталися ни съ чѣмъ... Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ-ли я тебѣ сто разъ:
«Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
Не прозѣвай ты счастья своего,
Не упускай ты князя, да спроста
Не погуби самой себя». Что-жъ вышло?
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

Дочь: Почему-же
Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

Мельникъ: Какъ почему? Да сколько разъ,
Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ? бывало,
А?.. всякій Божій день, а иногда
И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
Сталъ пріѣзжать — и вотъ девятый день,
Какъ не видали мы его. Что скажешь?

Дочь: Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
Вѣдь онъ—не мельникъ: за него не станетъ
Вода работать! Часто онъ твердитъ,
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжеле.

Мельникъ: Да, вѣрь ему! Когда князья трудятся?
И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
Да пировать, да обирать сосѣдей,
Да подговаривать васъ, бѣдныхъ дуръ.
Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко!
А за меня вода!.. А мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ, если-бъ ты у князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было-бъ лучше.

Дочь: Ахъ!

Мельникъ: Что такое?

Дочь: Чу! я слышу топотъ
Его коня... Онъ! Онъ!

Мельникъ: Смотри-же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

Дочь: Вотъ онъ, вотъ онъ!

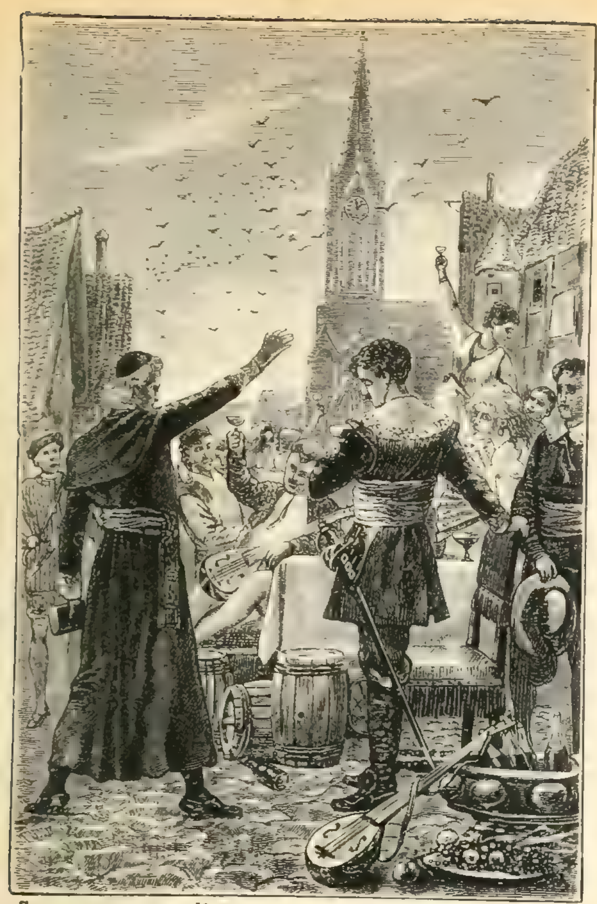
(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня).

Князь: Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ.

Мельникъ: Милостивый князь,
Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (Уходитъ).

Дочь: Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно-ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня..
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ...
И любишь все по-прежнему меня,
Не правда ли?

Князь: По-прежнему, мой ангелъ!
Нѣтъ, больше прежняго.



„Пиръ во время чумы“. *Священникъ:* „Безбожный пиръ!“

„Русалка“. Послѣднее свиданье.

„Русалка“. *Князь:* „Кто ты?—*Старикъ:* Я здѣшній воронъ“.

„Русалка“. *Князь:* „Откуда ты прелестное дитя!“

Она: Однако ты
Печаленъ; что съ тобою?
Князь: Я печаленъ?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я веселъ
Всегда, когда тебя лишь вижу.
Она: Нѣтъ,
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь: рада-ль я тебѣ
И ожидала-ли тебя такъ рано?..
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ-нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ-же?
Ужъ не сердитъ-ли на меня?
Князь: Я не хочу притворствовать напрасно;
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую,—и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.
Она: Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь—буду плакать, не позволишь—
Ни слезкой я тебѣ не досажу.
Князь: Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй,
тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
И мы—не правда-ли, моя голубка?—
Мы были счастливы!—По крайней мѣрѣ
Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣ-бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!
Она: Я словъ твоихъ еще не понимаю,
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе—
Разлуку, можетъ быть...
Князь: Ты угадала:
Разлука намъ судьбою суждена.
Она: Кто насъ разлучитъ? Развѣ за тобою
Идти вослѣдъ я всюду не властна?
Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
Лишь видѣла-бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
Или со мной пустую шутку шутишь...
Князь: Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ; [сегодня;
Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
Ни на войну, я дома остаюсь,
Но долженъ я съ тобой на вѣкъ проститься.
Она: Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? (Князь молчитъ.) Ты женишься?
Князь: Что дѣлать?
Сама ты разсуди. Князья не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку—дай, тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье—
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ—отдай ему. (Даетъ ей въ руки
Прощай! [мѣшокъ съ золотомъ.)
Она: Постой, тебѣ сказать должна я—
Не помню что...
Князь: Припомни.
Она: Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да, вспомнила: сегодня у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.
Князь: Несчастная! Какъ быть? Хоть для
Побереги себя! Я не оставлю [него
Ни твоего ребенка, ни тебя.
Современемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ.
(Уходя) Ухъ, кончено! Душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною.)
Мельникъ (входитъ): Не угодно-ль будетъ
Пожаловать на мель... Да гдѣ-же онъ?
Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! И бусы!... Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!..
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги-ль?
Да что-же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?
Дочь: Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?
Мельникъ: О комъ ты говоришь?
Дочь: Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?
Мельникъ: Что съ тобою?
Дочь: Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай-же-бъ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по-локоть; пускай-бы тутъ-же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!
Мельникъ: Что съ нею?
Дочь: Видишь-ли—князья не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,

Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: «тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мельницей сидѣть!
Имъ любо сердце княжеское тѣшить
Бѣдами нашими! А тамъ—прощай:
Ступай, голубушка, куда захочешь;
Люби, кого замыслишь!

Мельникъ: Вотъ въ чемъ дѣло!..

Дочь: Да кто-же, кто невѣста? На кого
Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ...

Мельникъ: Дура!
Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ то-то!
Не говорилъ-ли я тебѣ...

Дочь: И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться
И мнѣ давать подарки! Каково?
И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
Чтобъ не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены!...
Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро, за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго...Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! (Отдаетъ ему мѣшокъ.)

Мельникъ (въ слезахъ): До чего я дожилъ!
Что̀ Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца родного.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей:
Какъ было мнѣ тебя не баловать?
Богъ наказалъ меня за то, что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ.

Дочь: Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣей, змѣею онъ меня—
Не жемчугомъ опуталъ... (Рветъ съ себя жемчугъ.)
Такъ-бы я
Розорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ: Ты бредишь, право, бредишь.

Дочь (снимаетъ съ себя повязку): Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ.)
Теперь все кончено...(Бросается въ рѣку.)

Старикъ (падая): Охъ, горе, горе!

1832 г.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

СВАДЬБА. МОЛОДЫЕ СИДЯТЪ ЗА СТОЛОМЪ, ГОСТИ. ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Сватъ: Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
Дай Богъ вамъ жить въ любови да совѣтѣ,
А намъ у васъ почаще пировать.
Что-жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
Что-жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ: Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали—
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Верeѣ молилися:
Верея-ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:
Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

Сватъ: Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на, возьмите, не корите свата.
(Даритъ дѣвушекъ.)

Одинъ голосъ: По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
А слыхала-ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красная дѣвица утопилась,
Утопая, милаго друга проклинала?

Сватъ: Красавицы! да это что за пѣсня?
Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

Дѣвушки: Не я;
Не я, не мы...

Сватъ: Да кто-жъ пропѣлъ ее?
(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками.)

Князь: Я знаю кто.
(Встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему):
Вѣдь мельничиха здѣсь:
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить?
(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ.)

Князь (про себя): Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
Что со стыда не буду знать, куда
И спрятаться...

Конюшій: Я не нашелъ ея.

Князь: Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.
Гость. Ай да медъ!
И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ!
Жаль, горекъ: подсластить его-бъ не худо...
(Молодые цѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).
Князь: Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?
Конюшій: Я не нашелъ ея нигдѣ.
Князь: Дуракъ.
Дружко (вставая): Не время-ль намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?
(Всѣ встаютъ.)
Сваха: Вѣстимо, время. Дайте-жъ пѣтуха.
(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню.)
Сваха: Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.
(Молодые уходятъ въ спальню. Всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка.)
Дружко: Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо.
Сваха (наливаетъ ему чарку): На, кушай на здоровье.
Дружко: Ухъ, спасибо!
Все хорошо, не правда-ль, обошлось?
И свадьба хоть куда!
Сваха: Да, слава Богу,
Все хорошо; одно нехорошо...
Дружко: А что?
Сваха: Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.
Дружко: Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказить. Статочно-ли дѣло
Мутить нарочно княжескую свадьбу!
(Слышенъ крикъ.)
Ба! это что! Да это голосъ князя...
(Дѣвушка подъ покрываломъ переходитъ черезъ комнату.)
Ты видѣла?
Сваха: Да, видѣла.
Князь (выбѣгаетъ): Держите!
Гоните со двора ее долой!
Вотъ слѣдъ ея—съ нея вода течетъ.
Дружко: Юродивая, можетъ статься. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, знать, окатили.
Князь: Ступай, прикрикни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ее! (Уходитъ.)
Дружко: Ей Богу, это странно.
Кто тамъ? (Входятъ слуги.) Зачѣмъ пустили эту дѣвку?
Слуга: Какую?
Дружко: Мокрую.
Слуга: Мы мокрыхъ дѣвокъ
Не видали...
Дружко: Куда-жъ она дѣвалась?
Слуга: Не вѣдаемъ.
Сваха: Охъ, сердце замираетъ.
Нѣтъ, это не къ добру.
Дружко: Ступайте вонъ,
Да никого, смотрите, не впускайте.
Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
Прощай, кума!
Сваха: Охъ, сердце не на мѣстѣ.
Не въ пору сладили мы эту свадьбу.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

КНЯГИНЯ И МАМКА.

Княгиня: Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
Женился онъ—и все пошло не такъ!
Теперь меня ранехонько разбудитъ,
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать,
Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздитъ.
Воротится—чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.
Мамка: Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
Кури-куку! махъ, махъ крыломъ—и прочь!
А женщина—что бѣдная насѣдка:
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится,
Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
Женился—и заботы настаютъ:
То надобно сосѣдей навѣстить,
То на охоту ѣхать съ соколами,
То на войну нелегкая несетъ;
Туда, сюда—а дома не сидится.
Княг.: Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ-ли у него
Зазнобы тайной?
Мамка: Полно, не грѣши.
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое?
Княг.: Когда-бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда-бъ
Умѣла вновь я мужа привязать...
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхалъ. Что-жъ его не видно? (Входитъ ловчій.)
Что князь, гдѣ онъ?
Ловчій: Князь приказалъ домой
Отъѣхать намъ.
Княгиня: А гдѣ-жъ онъ самъ?
Ловчій: Остался
Одинъ въ лѣсу, на берегу Днѣпра.
Княгиня: И князя вы осмѣлились оставить
Тамъ одного? Усердные вы слуги!
Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!
Сказать ему, что я прислала васъ!
(Ловчій уходитъ.)
Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою

И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ—долго-ль до бѣды!
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.
Мамка: Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

Русалки: Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплываемъ;
Насъ грѣетъ луна!...
Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый, влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.
Одна: Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.
Другая: Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ. (Прячутся.)
Князь: Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталъ жорновъ: видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась—она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходитъ.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно-ли?... (Идетъ къ деревьямъ: листья сыплются.)
Что это значитъ? Листья,
Поблекнувъ, вдругъ свернулися, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.
(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой.)
Старикъ: Здорово,
Здорово, зять!
Князь: Кто ты?
Старикъ: Я здѣшній воронъ.
Князь: Возможно-ль? Это—мельникъ!
Старикъ: Что за мельникъ!
Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожитъ.
Князь: Несчастный, онъ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Разсѣяны, какъ тучи послѣ бури.
Старикъ: Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.
Князь: Кто ждалъ меня?
Старикъ: Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ—
Ни слова не скажу я.
Князь: Бѣдный мельникъ!
Старикъ: Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я—воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.
Князь: Какая жалость!
Кто-жъ за тобою смотритъ?
Старикъ: Да, за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.
Князь: Кто?
Старикъ: Внучка.
Князь: Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь-ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?
Старикъ: Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
(Уходитъ.)
Князь: И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы—смерть равняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана—не правитъ
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судитъ...
Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.
Ловчій: Вотъ онъ. Насилу-то его сыскали.
Князь: Зачѣмъ вы здѣсь?
Ловчій: Княгиня насъ послала:
Она боялась за тебя.
Князь: Несносна
Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(Уходятъ. Русалки показываются надъ водой.)
Русалки: Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать-ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть-ли ихъ коней?

Поздно. Волны охладѣли.
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.
Одна: Подождемъ еще, сестрица.
Другая: Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица.
Наша строгая сестра. (Скрываются.)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

ТЕРЕМЪ РУСАЛОКЪ. РУСАЛКИ ПРЯДУТЪ ОКОЛО СВОЕЙ ЦАРИЦЫ.

Старшая русалка: Оставьте пряжу, сестры.
Солнце сѣло,
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня:
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной, ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ.
(Входитъ русалочка).
Гдѣ ты была?
Дочь: На землю выходила
Я къ дѣду. Онъ вечоръ меня просилъ
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
А что такое деньги—я не знаю.
Однако-же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.
Русалка: Безумный скряга!
Послушай, дочка: нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ:
Онъ—твой отецъ.
Дочь: Тотъ самый, что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?
Русалка: Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе при-[ласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забыла-ль я его иль нѣтъ—скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?
Дочь: О! поняла.
Русалка: Ступай-же. (Одна.) Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ, долгихъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеньи помышляю—
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

Князь: Невольно къ этимъ грустнымъ бере-[гамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила!..
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала—
Свободнаго—свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...
(Русалочка выходитъ на берегъ.)
Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?
. . . .
1832 г.

СЦЕНА ИЗЪ «ФАУСТА».

БЕРЕГЪ МОРЯ. ФАУСТЪ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

Фаустъ: Мнѣ скучно, бѣсъ.
Мефистофель: Что дѣлать, Фаустъ!
Таковъ вамъ положенъ предѣлъ,
Его-жъ никто не преступаетъ—
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣлъ;
Кто вѣритъ, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ,
Тотъ насладился черезъ мѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ -
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.
Фаустъ: Сухая шутка!
Найди мнѣ способъ какъ-нибудь
Разсѣяться.
Мефистофель: Доволенъ будь
Ты доказательствомъ разсудка.
Въ своемъ альбомѣ запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновеніе души.
Я—психологъ... О, вотъ наука!...
Скажи, когда ты не скучалъ?
Подумай, поищи. Тогда-ли,
Какъ надъ Виргиліемъ дремалъ,
А розги умъ твой возбуждали?
Тогда-ль, какъ розами вѣнчалъ
Ты благосклонныхъ дѣвъ веселья
И въ буйствѣ шумномъ посвящалъ
Имъ пылъ вечерняго похмѣлья?
Тогда-ль, какъ погрузился ты

Въ великодушныя мечты,
Въ пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Какъ арлекина, изъ огня
Ты вызвалъ, наконецъ, меня.
Я мелкимъ бѣсомъ извивался,
Развеселить тебя старался,
Возилъ и къ вѣдьмамъ, и къ духамъ,
И что-же? все по пустякамъ.
Желалъ ты славы—и добился;
Хотѣлъ влюбиться—и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ-ли счастливъ?

Фаустъ: Перестань,
Не растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньѣ жизни нѣтъ—
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
А слава... лучъ ея случайный
Неуловимъ. Мірская честь
Безсмысленна, какъ сонъ... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

Мефистофель: И первое свиданье,
Не правда-ль? Но нельзя-ль узнать,
Кого изволишь поминать?
Не Гретхенъ-ли?

Фаустъ: О сонъ чудесный!
О пламя чистое любви!
Тамъ, тамъ—гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
Гдѣ сладко-звонкія струи,
Тамъ, на груди ея прелестной
Покоя томную главу,
Я счастливъ былъ...

Мефистофель: Творецъ небесный!
Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
Услужливымъ воспоминаньемъ
Себя обманываешь ты.
Не я-ль тебѣ своимъ стараньемъ
Доставилъ чудо красоты,
И въ часъ полуночи глубокой
Съ тобою свелъ ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокій,
Какъ вы вдвоемъ... все помню я!
Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой
Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье—скуки сѣмя).
И знаешь-ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать-ли?

Фаустъ: Говори. Ну, что?

Мефистофель: Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что-жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранитъ ободранное тѣло;
Какъ на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье...

Фаустъ: Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

Мефистофель: Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я—
Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ: Что тамъ бѣлѣетъ? говори!

Мефистофель: Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата
Да грузъ богатый шоколата,
Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

Фаустъ: Все утопить!

Мефистофель: Сейчасъ!
(Исчезаетъ.

1826 г.

МОНОЛОГЪ ИЗАБЕЛЛЫ

изъ трагедіи Альфіери «Филиппъ II».

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранить;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзаю!
Но какъ-же зрѣть его и не любить?
Нравъ пылкій, добрый, гордый, благородный,
Высокій умъ съ наружностью прекрасной...
Прекрасная душа!... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ-ли я успѣю
Изъ глубины сердечной милый образъ
Искоренить? О, если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! Передъ нимъ
Всегда печальна я; но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ. Онъ знаетъ, что веселье
Въ Испаніи запрещено. Кто можетъ
Въ душѣ моей читать? Ахъ, и самой
Не можно мнѣ!... И онъ, какъ и другіе,
Обманется—и станетъ, какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы, мнѣ, бѣдной!..
Другого нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья

Окромѣ слезъ, и слезы—преступленье!
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. Мнѣ измѣнить
И рѣчь, и взоръ—все можетъ. Ахъ, уйдемъ!
1827 г.

ПРОГРАММА КОМЕДІИ.

Валберхова—вдова. **Сосницкій**—ея братъ. **Брянскій** — любовникъ Валберховой. **Рамазановъ**, **Боченковъ**. (Пушкинъ означилъ дѣйствующихъ лицъ именами актеровъ, которые должны были-бы ихъ играть). Сосницкій даетъ завтракъ, Брянскій принимаетъ гостей, Рамазановъ узнаетъ Брянскаго. Изъясненіе. Пополамъ. Начинается игра. Сосницкій все проигрываетъ, гнетъ на карту **Величкина** (старый слуга). Отчаяніе его.

I.—**Сосницкій и Валберхова**.—В. Игралъ? С. Игралъ. В. Долго-ли тебѣ быть Богъ знаетъ гдѣ? добро-бы либералъ... да ты-то что? Зачѣмъ не въ свѣтѣ... гдѣ вся молодежь? С. Вы всѣ бранчивы... Скучно... То-ли дѣло ночь играть. В. Скоро-ли отстанешь? С. Нѣтъ, сестрица милая... Уѣзжай. У меня будетъ завтракъ. В. Игра?.. С. Нѣтъ... В. Прощай

II —**Сосницкій**. Карты!.. **Величкинъ**. Проиграетесь... **Сосницкій**. Полно врать... Я поспѣю.

III.—**Валберхова и Брянскій**.

IV.—**Брянскій и Рамазановъ** — узнаютъ, уговариваются.

V.—**Валберхова**. Что за шумъ? **Величкинъ**. Играютъ. **Валберхова**. Поди за Брянскимъ.

VI.—**Валберхова**. И Брянскій такой-же.

VII.—**Брянскій и Валберхова**.—**Брянскій**. Я пополамъ! Ему урокъ... проигрывается...

VIII.—**Сосницкій** въ отчаяніи. **Брянскій**. **Величкинъ** уговариваетъ, тотъ ставитъ его на карту, проигрываетъ. Величкинъ плачетъ, Сосницкій тоже. **Брянскій и Рамазановъ**.—Конецъ.

Брянскій, Рамазановъ, Сосницкій. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не сказали.

Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался; пора въ театръ; нашъ другъ даетъ послѣдній завтракъ, онъ застрѣлится.

Я шелъ къ тебѣ, сестра... благо, даже въ одномъ домѣ...—Мы недѣлю не видались, что ты дѣлалъ?—Занятъ былъ.— Сегодня я дома, пріѣзжай пожалуйста. Тебѣ надо быть у тетки.— Я даю завтракъ.—Богъ знаетъ, какое общество. Зачѣмъ тебя нѣтъ въ свѣтѣ, и пр.

—Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались?
Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяцъ не видались.
Откуда и куда?—Я шелъ къ тебѣ, сестра:
Хотѣлось мнѣ съ тобой увидѣться.—Пора.
—Ей-Богу, занятъ былъ... дѣлами... службой...
Я дорожу, сестра, твоею дружбой,
Люблю тебя душой... Приду я иногда
Съ тобою посидѣть,—но, видишь-ли, бѣда:
Всегда разъѣдемся,—я дома, ты—въ каретѣ;
Никакъ несъѣдемся...—Но мы могли-бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день...—Конечно, я-бы могъ
Пуститься въ свѣтъ... Нѣтъ, нѣтъ, избави Богъ!
По счастью, модный кругъ теперь совсѣмъ не въ [модѣ;
Ты знаешь, мы живемъ отлично, на свободѣ,
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ модныхъ дамъ
И васъ оставили на жертву старикамъ,
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка...
А впрочемъ, не найдешь живого человѣка
Въ отборномъ обществѣ.—Хвалиться есть-ли чѣмъ?
Что тутъ хорошаго? Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые, пустясь въ пятнадцать лѣтъ на волю,
Привыкли смолоду лишь къ пороху, да къ полю:
Казармы нравятся имъ больше нашихъ залъ;
Но ты, который съ годъ учиться пересталъ,
Который не знавалъ походной пыли сроду,—
Зачѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?—Въ кругу своемъ они
О дѣльномъ говорятъ, читаютъ Жомини...
—Да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты шлафрогомъ однимъ да трубкою плѣнился;
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка нѣтъ,
Гдѣ вѣчно не курятъ и долженъ быть одѣтъ...
1821 г.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ.

Все жалобы, упреки, слезы—мочи нѣтъ!
Откланяюсь пока; она мнѣ надоѣла;
Къ тому-жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла:
Я отыскалъ за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ, будто-бы, невиннаго гулянья.
Ахъ!.. матушка!... Предвижу увѣщанья!..
А, здравствуйте, maman!—«Куда-же ты? постой!
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить...»—Я зналъ.
—«Имѣй терпѣнье,
Мой другъ. Не нравится твое мнѣ поведенье...»
—А въ чемъ-же?—«Да во всемъ. Во-первыхъ, ты жены
Не видишь никогда—точь въ точь разведены:
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скачкѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?»
1821 г.

ЛИРИЧЕСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ сребристыхъ облакахъ,

Плыветъ—и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ, и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополемъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ;
Царицей средь полей лилея горделива
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ.

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой;
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ, въ безмолвіи, огромные чертоги,
На своды опершись, несутся къ облакамъ.
Не здѣсь-ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы росской храмъ?

Не се-ль Элизіумъ полнощный,
Прекрасный царскосельскій садъ,
Гдѣ, льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ душѣ рождаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ россъ вѣщаетъ:
«Исчезло все, Великой нѣтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ:
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами,
И въ тихомъ восхищеньѣ духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Вознесся памятникъ. Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились.
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдые
Въ блестящей пѣнѣ улеглись.

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простой.
О, сколь онъ для тебя, кагульскій брегъ, поносенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы во вѣкъ, о русски исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ;
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О, громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцевъ и Суворовъ,
Потомки грозные славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны:
Страдать—есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечъ въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго царя;

Возсталъ вселенной бичъ — и вскорѣ лютой
Зардѣлась грозная заря; [брани

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на русскія поля.
Предъ ними мрачна степь лежитъ во снѣ глу-
Дымится кровію земля, [бокомъ,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучіе бѣгущихъ укрываютъ,
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ—ихъ силѣ нѣтъ препоны,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!.. Идутъ въ дали туман-
Звучатъ кольчуги и мечи! [ной...

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны;
Возсталъ и старъ, и младъ, летятъ на дерзно-
Сердца ихъ мщеньемъ возжены. [венныхъ:
Вострепещи, тиранъ! Ужъ близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря.
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу
За вѣру, за царя. [сраженья

Ретивы кони бранью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ, всѣ местью, славой
дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ;
Летятъ на грозный пиръ, мечамъ добычи ищутъ,
И се—пылаетъ брань; на холмахъ громъ гре-
митъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы сви-
И брызжетъ кровь на щитъ. [щутъ,

Сразились—русскій побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надменный галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесный Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ:
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый;
О, бородинскія кровавыя поля!
Не вы неистовству и гордости предѣлы:
Увы, на башняхъ галлъ Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавый,
Развалины теперь одни.

Москва! сколь русскому твой зракъ унылый стра-
Исчезли зданія вельможей и царей, [шенъ!
Все пламень истребилъ, вѣнцы затмились ба-
Чертоги пали богачей. [шенъ,

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ тѣнистыхъ рощахъ и садахъ,
Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ нынѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужъ въ огняхъ брега и свѣтлы
Все мертво, все молчитъ... [рощи —

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на ихъ надменной выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ—и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смерть
А съ тыла гонитъ россовъ мечъ. [срѣтаютъ,

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О страхъ! О грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья, и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру, и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть тро-
Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ! [ны,

Въ Парижѣ россъ! Гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой;
Еще военный громъ грохочетъ въ отдаленьѣ,
Москва въ уныніи, какъ степь въ полнощной
мглѣ,—
А онъ несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Достойный внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, славянскій бардъ
Мой духъ восторгомъ не горитъ! [дружины,
О, если-бъ Аполлонъ піитовъ даръ чудесный
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣ бъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тьмѣ временъ!

О скальдъ Россіи вдохновенный,
Воспѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламе-
Взгреми на арфѣ золотой; [ненной,
Да снова стройный гласъ герою въ честь про-
льется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца.

(Читано на экзаменѣ 4 и 8 января 1815 г.)

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою носилась тишина;
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна;
Уже на западѣ, сѣдой одѣтый мглою,
Съ равниной синихъ водъ сливался небосклонъ;
Одинъ во тьмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы:
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ,
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрю-
Свирѣпо прошепталъ: [мый,
«Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило.
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой.
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О, скоро-ли, напѣнясь подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина?...
Волнуйся, ночь, надъ эльбскими скалами,
Мрачнѣе тьмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины;
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины,
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! За галльскими орлами,
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавый токъ въ долинахъ закипитъ,
И троны въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щитъ!..
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплыветъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой —
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О счастье! злобный обольститель!
И ты, какъ сладкій сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И вѣрный пестунъ съ юныхъ дней!
Давно-ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣнцахъ лавровое чело!
Давно-ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вкругъ меня,
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?..
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!..
Полнощи царь младой, ты двинулъ ополченья—
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ, и радость небесамъ,
А мнѣ—позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкій щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней,
Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье,
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье.
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадный
слухъ;
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! Грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.
Страшись, о Галлія! Европа, мщенье, мщенье!
Рыдай! твой бичъ возсталъ—и все падетъ во
прахъ,
Все гибнетъ — и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ.
Царемъ возсяду на гробахъ!»
Умолкъ. На небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучъ покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабый свѣтъ на западъ изливалъ,
Восточная звѣзда играла въ океанѣ,
И зрѣлася ладья, бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ эльбскихъ грозныхъ скалъ.
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.
Но зришь-ли? Гаснетъ день, мгновенно мгла со-
Лицо пылающей зари, [крыла
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! Погибель надъ тобою
И жребій твой еще сокрытъ!

1815 г.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА

въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отда-
ленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ воен-
ныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый миръ.
Свершилось!.. Русскій царь, достигъ ты слав-
ной цѣли!
Вотще надменные на родину летѣли;
Вотще, впреди знаменъ безчисленныхъ дружинъ,
Въ могущей дерзости, вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвою,
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ;

И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
Онъ землю русскую не взвидѣлъ подъ собою.
Бѣжитъ... и смерти громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ... и вновь возсталъ... и нѣтъ!
Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
Ты бранный мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятвѣ сей; и гордыя сердца
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли вслѣдъ отца,
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!..
Къ мечамъ!—раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена, восшумѣвъ, по вѣтру развились,
Обнялся съ братомъ братъ, и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!..
А я... вдали громовъ, въ сѣни твоей надежной,
Я тихо расцвѣталъ, безпечный, безмятежный!
Увы! мнѣ не судилъ таинственный удѣлъ
Сражаться за тебя подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ.
Сыны Бородина, о кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи;
Душой восторженной за братьями спѣшилъ;
Почто-жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечъ младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ тобою,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ?
О, сколь величественъ, безсмертный, ты явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился;
И челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы, падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?... Ужели грозный палъ?..
Кто смѣлый, кто въ громахъ на Сѣверѣ возсталъ?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная исчезла предъ тобой!...
И нынѣ ты къ сынамъ, о царь нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на свой народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ.
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ты среди толпы, Россіи божество!
Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о русскій царь! оставь-же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей предъ Янусомъ священну мира чашу,
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!..
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ;
Счастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ, миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрыленны,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ;
И юные сыны воинственныхъ славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся,
И молча нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ—и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними;
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго царя въ слезахъ благословитъ.

КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечъ окровавленный,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.
Свершилось... подвигомъ царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.
Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!
Повлекся, мглою окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткій тронъ,
И палъ, отторженъ отъ вселенной.
Утихло все. Не мчится громъ,
Не блещетъ мечъ окровавленный,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.
Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.
Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ щиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И разливалъ блистанье славы!
Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!
1816 г.

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли.
Тамъ—громкой славою,
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.
Брани въ ужасный часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань;
Гласъ умиленія,
Благодаренія—
Сердца стремленія -
Вотъ наша дань!

1816 г.

БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
Взгляните на него—не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою—
Найдите тамъ его, гдѣ илистый ручей
Проходитъ медленно среди нагихъ полей,
Гдѣ сосенъ вѣковыхъ таинственныя сѣни,
Шумя, на вѣчный мохъ склонили вѣчны тѣни,
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустотой;
То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей, волненья,
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
Напрасно въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
Настигнетъ-ли его глухихъ судебъ ударъ,
Отымется-ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви-ли, въ дружествѣ-ль обниметъ онъ измѣну,
И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну—
Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастные, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ—невѣрный день; смерть—быстрое затменье.
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!..
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ—говоритъ—назначенно свиданье».
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!
Видали-ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?
Видали-ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Деліи его таится пепелъ милый?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья.
Дрожитъ! И между тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ,
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная, въ печали безмятежной,
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненный и нѣжный.
Одна, туманною луной озарена,
Какъ ангелъ горести, является она,
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ:
Все тихо; но она, какъ кажется, внимаетъ...
Несчастный на нее въ безмолвіи глядитъ,
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ;
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
«Счастливцы! мыслитъ онъ: почто не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
Несчастнаго влечетъ до хладныхъ вратъ могилы!

И что зоветъ его къ пустынѣ гробовой—
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.
1817 г.

ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ
ВЪ ЧЕСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь умѣя славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ касталійскій токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елизавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ добродѣтель
Съ ея привѣтливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимнъ простой—
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа.
1819 г.

ВОЛЬНОСТЬ.
(отрывки.)

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза . . . ,
Свободы гордая пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру:
Хочу воспѣть я вольность ׃ іру,
На . . . поразить порокъ.
Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла [А. Шенье],
Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтреной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы—мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!
Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слезы.
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій,
Повсюду рабства грозный геній,
И къ славѣ роковая страсть.
Лишь тамъ...
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками,
Гражданъ надъ равными главами,
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,
Гдѣ преступленье съ-высока
Разится праведнымъ размахомъ,
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ...
Тебя въ свидѣтели зову,
О, мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу!
Восходитъ къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.
Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира—
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человѣкъ,
Въ неволѣ мрачной закатился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ,
Пріосѣненъ твоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнъ!
Великолѣпная могила...
Надъ урной, гдѣ твой прахъ лежитъ,
Народовъ ненависть почила,
И лучъ безсмертія горитъ.

Давно-ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно-ли царства упадали
При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.

Когда, надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ,
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ;

Тогда, въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой;
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ:
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья.
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
Плѣненный устремила взоръ,
Забывъ надежды величавы,
На свой блистательный позоръ.
Ты велъ мечи на пиръ обильный:
Все пало съ шумомъ предъ тобой:
Европа гибла; сонъ могильный
Носился надъ ея главой.

Сбылось! Въ величіи постыдномъ
Ступилъ на грудь ея колоссъ!
Тильзитъ—при звукѣ семъ обидномъ
Теперь не поблѣднѣетъ россъ—
Тильзитъ надменнаго героя
Послѣдней славою вѣнчалъ,
Но скучный миръ, но хладъ покоя
Счастливца душу волновалъ.

Надменный, кто тебя подвигнулъ?
Кто обуялъ твой дивный умъ?
Какъ сердца русскихъ не постигнулъ
Ты съ высоты отважныхъ думъ?
Великодушнаго пожара
Не предузнавъ, ужъ ты мечталъ,
Что мира вновь мы ждемъ, какъ дара;
Но поздно русскихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица,
Воспомни древнія права!
Померкни, солнце Аустерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другія:
Исчезни, краткій нашъ позоръ!
Благослови Москву, Россія!
Война—по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
Схвативъ желѣзный свой вѣнецъ,
Онъ бездну видитъ предъ очами,
Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
Бѣжатъ Европы ополченья...
Окровавленные снѣга
Провозгласили ихъ паденье,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все, какъ буря, закипѣло;
Европа свой расторгла плѣнъ:
Во слѣдъ тирану полетѣло,
Какъ громъ, проклятіе племенъ.
И длань народной Немезиды
Подъяту видитъ великанъ.
И до послѣдней всѣ обиды
Отплачены тебѣ, тиранъ!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ.
И знойный островъ заточенья
Полнощный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
На ономъ камнѣ начертитъ.

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей,
И льдистый ужасъ полуночи,
И небо Франціи своей;
Гдѣ иногда, въ своей пустынѣ
Забывъ войну, потомство, тронъ,
Одинъ, одинъ, о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думалъ онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его увѣнчанную тѣнь!
Хвала!... Онъ русскому народу
Высокій жребій указалъ
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

1821 г.

КИНЖАЛЪ.

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемносскій богъ тебя сковалъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ нѣгъ, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ—и мертвъ объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Таишься ты подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ;
Презрѣнный, мрачный и кровавый
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ.

Апостолъ гибели, усталому Аиду
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду...

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ—
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.
1821 г.

ОТРЫВОКЪ.

Недвижный стражъ дремалъ на царственномъ порогѣ;
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣсненные лежали,
Чредою выпадали
И міру тихую неволю въ даръ несли.

И дѣлу своему владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ—и взоръ его носился
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ липъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара—
Все пало, подъ ярмомъ склонились всѣ главы.

«Свершилось!» молвилъ онъ. «Давно-ль народы міра
Паденье славили великаго кумира?
. . . .
«Давно-ли ветхая Европа свирѣпѣла,
Надеждой новою Германія кипѣла,
Шаталась Австрія, Неаполь возставалъ?
За Пиренеями давно-ль судьбой народа
Ужъ правила свобода,
И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?

«Давно-ль?—И гдѣ-же вы, зиждители свободы?
Ну, что-жъ? Витійствуйте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь—гдѣ-же Брутъ? О, грозные витіи,
Цѣлуйте жезлъ Россіи
И васъ поправшую желѣзную стопу!»

Онъ рекъ—и нѣкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ, и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный хладъ объялъ;
На царственный порогъ вперилъ, смутясь, онъ очи...
Раздался бой полночи—
И се, внезапный гость въ чертогъ царя предсталъ.

То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,
Сей всадникъ, передъ кѣмъ склонялися цари,
Мятежной вольницы наслѣдникъ и убійца,
Сей хладный кровопійца,
Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ни тучной праздности лѣнивыя морщины,
Ни поступь тяжкая, ни раннія сѣдины,
Ни пламень гаснущій нахмуренныхъ очей—
Не обличали въ немъ изгнаннаго героя,
Мученіемъ покоя
Въ моряхъ казненнаго, по манію царей.

Нѣтъ, чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи,
Владыкѣ Полунощи
Владыка Запада грозящій предстоялъ.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины Сѣвера гнала его десница,
И русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ иль позоромъ
Предъ юношей-царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ...
1823 г.

* *
*

Возстань, о Греція, возстань!
Не даромъ напрягаешь силы,
Не даромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.
Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.
Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!
1823 г.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
Какъ я любилъ твои отзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!
Смиренный парусъ рыбарей,
Твоею прихотью хранимый —
Скользитъ отважно средь зыбей;
Но ты взыгралъ, неодолимый
И стая тонетъ кораблей!
Не удалось навѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарованъ,
У береговъ остался я.
О чемъ жалѣть? Куда-бы нынѣ
Я путь безпечный устремилъ?
Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
Мою-бы душу поразилъ.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасалъ Наполеонъ.
Тамъ онъ почилъ среди мученій...
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ
Исчезъ, оплаканный свободой,
Оставя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.
Міръ опустѣлъ... Теперь куда-же
Меня-бъ ты вынесъ, океанъ?
Судьба людей повсюду та-же:
Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
Иль самовластье, иль тиранъ.
Прощай-же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.
Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полнъ,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ.

1824 г.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(посвящено Н. Н. Раевскому).

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'eveillait...

Межъ тѣмъ какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираетъ,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣнь его внимаетъ,
Зоветъ меня другая тѣнь,
Давно, безъ пѣсенъ, безъ рыданій,
Съ кровавой плахи, въ дни страданій,
Сошедшая въ могильну сѣнь.
Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечты
Звучитъ незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлетъ онъ и ты.

***

Поднялась вновь усталая сѣкира
И жертву новую зоветъ.
Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
Въ послѣдній разъ ему поетъ.
Заутра казнь—привычный пиръ народу;
Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? Поетъ она свободу—
Не измѣнилась до конца!
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ пепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный,
Перерожденіе земли.
Уже сіялъ твой мудрый геній,
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славны тѣни;
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ,
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись, провозгласилъ равенст-[во,
И мы воскликнули: «блаженство!»...
О горе! о безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!..
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая! нѣтъ, не виновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ

Завѣшенъ пеленой кровавой...
Но ты придешь опять со мщеніемъ и славой—
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освя-
Все ищетъ вновь упиться имъ; [щенный,
Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
Такъ! онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнію равенства
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ...

«Но я не узрю васъ, дни славы, дни блаженства:
Я плахѣ обреченъ. Послѣдніе часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палачъ мою главу подыметъ за власы
Надъ равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
Не будетъ почивать въ саду, гдѣ провождали
Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
Но, други, если обо мнѣ
Священно вамъ воспоминанье,
Исполните мое послѣднее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребій въ тишинѣ;
Страшитесь возбудить слезами подозрѣнье;
Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы—преступ-
О братѣ сожалѣть не смѣетъ нынѣ братъ. [ленье:
Еще-жъ одна мольба: вы слушали стократъ
Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
Разнообразныя, завѣтныя преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
Всю жизнь мою хранятъ. У Авеля, у Фанни,[1]
Молю, найдите ихъ; невинной музы дани
Сберите. Строгій свѣтъ, надменная молва
Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
Безвременно падетъ: мой недозрѣлый геній
Для славы не свершилъ возвышенныхъ твореній;
Я скоро весь умру. Но, тѣнь мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдетъ, толпою суевѣрной
Сбирайтесь иногда читать мой свитокъ вѣрный,
И долго слушая, скажите: «это—онъ!
Вотъ рѣчь его!» А я, забывъ могильный сонъ,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... И, можетъ быть, утѣшенъ буду я
Любовью; можетъ быть, и Узница моя,[2]
Уныла и блѣдна, стихамъ любви внимая...»

Но пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
Младой пѣвецъ поникъ задумчивой главой:
Пора весны его съ любовію, тоской
Промчалась передъ нимъ... Красавицъ томны
И пѣсни, и пиры, и пламенныя ночи, [очи,
Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
Далече... и стиховъ журчанье излилось:

«Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни сѣнь,
Свободу и друзей, и сладостную лѣнь!
Судьба лелѣяла мою златую младость,
Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
И муза чистая дѣлила мой досугъ.
На шумныхъ вечерахъ, друзей любимый другъ,
Я сладко оглашалъ и смѣхомъ, и стихами
Сѣнь, охраненную домашними богами.
Когда-жъ вакхической тревогой утомясь
И новымъ пламенемъ внезапно воспалясь,
Я утромъ, наконецъ, являлся къ милой дѣвѣ
И находилъ ее въ смятеніи и гнѣвѣ;
Когда съ угрозами, и слезы на глазахъ,
Мой проклиная вѣкъ, утраченный въ пирахъ,
Она меня гнала, бранила и прощала,
Какъ сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачѣмъ отъ жизни сей, лѣнивой и простой,
Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой,
Гдѣ страсти дикія, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и тишинѣ,
На низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами?
Мнѣ-ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать безсильныя бразды!
И что-жъ оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голосъ мой, и ты, о призракъ ложный,
Ты, слово, звукъ пустой...
О нѣтъ!
Умолкни, ропотъ малодушный!
Гордись и радуйся, поэтъ:
Ты не поникъ главой послушной
Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ;
Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя;
Твой свѣточъ, грозно пламенѣя,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей безславныхъ;[3]
Твой бичъ настигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ;
Твой стихъ свисталъ по ихъ главамъ:
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Кинжалъ и дѣву-эвмениду!
Когда святой старикъ отъ плахи отрывалъ
Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой,
Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
И передъ вами трепеталъ
Ареопагъ остервенѣлый.
Гордись, гордись, пѣвецъ! а ты, свирѣпый звѣрь,
Моей главой играй теперь:
Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай, без-
божный:
Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуетъ тебя!
Пей нашу кровь, живи губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И часъ придетъ... и онъ ужъ недалекъ:
Падешь, тиранъ! Негодованье
Воспрянетъ, наконецъ. Отечества рыданье
Разбудитъ утомленный рокъ.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;

Я жду тебя!»
Такъ пѣлъ восторженный поэтъ.
И все покоилось. Лампады тихій свѣтъ
Блѣднѣлъ предъ утренней зарею,
И утро вѣяло въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ поднялъ важны взоры...
Вдругъ шумъ. Пришли, зовутъ. Они! Надежды
Звучатъ ключи, замки, запоры. [нѣтъ!
Зовутъ... Постой, постой; день только, день одинъ:
И казней нѣтъ, и всѣмъ свобода,
И живъ великій гражданинъ
Среди великаго народа.[4]
Не слышатъ... Шествіе безмолвно... Ждетъ палачъ.
Но дружба смертный путь поэта очаруетъ.[5]
Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу име-
Плачь, муза, плачь!.. [нуетъ...[6]
1825 г.

1. Авель — одинъ изъ друзей А. Шенье. Фанни — одна изъ любимыхъ имъ женщинъ.

2. M-elle de Coigny.

3. Онъ воспѣвалъ знаменитую Шарлотту Корде, нападалъ на Робеспьера и составлялъ для Людовика XVI письмо, въ которомъ король, приговоренный къ смертной казни, просилъ Собраніе о разрѣшеніи ему аппелировать къ народу.

4. Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

5. На роковой телѣгѣ везли на казнь вмѣстѣ съ А. Шенье и поэта Руше, его друга.

6. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

Н. С. МОРДВИНОВУ.

(отрывокъ.)

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины.
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины (Поэтъ Петровъ).
Въ то время ты вставалъ; твой лучъ его согрѣлъ:
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья, и зѣницы—
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ
Во срѣтенье твоей денницы.
Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита.
Ты лиру оправдалъ; ты вѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго піита!..
Какъ славно ты сдержалъ пророчество его!
Сіяя доблестью, и славой, и наукой,
Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего,
Стоишь ты, новый Долгорукій!
Такъ, въ пѣну волнъ съ вершины горъ скатясь,
Стоитъ сѣдой утесъ. Вотще брега трепещутъ,
Вотще грохочетъ громъ, и волны, вкругъ мутясь,
И увиваются, и плещутъ.
Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною;
Вдовицы бѣдный лептъ и дань сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою...
1825 г.

ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей».
1826 г.

СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь-же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.
1826 г.

ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.
О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.
Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я-ль, въ сердечномъ умиленьѣ,
Ему хвалы не воспою?
Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гнети природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.
1828 г.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.
Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.
1829 г.

СТАНСЫ.

(МИТР. МОСК. ФИЛАРЕТУ.)

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты,
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.
1830 г.

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Другъ: Да, слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ,
Но намъ ужъ то чело священно,
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ граждан на чредѣ иной,
Изъ силъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?
Поэтъ: Все онъ, все онъ, пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари. (Наполеонъ.)
Другъ: Когда-жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда-ль, какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой?
Тогда-ли, какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій? Тогда-ль,
Какъ водитъ и кругомъ, и вдаль
Войны стремительное пламя—
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой вослѣдъ?
Тогда-ль, какъ рать героя плещетъ
Передъ громадой пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?
Поэтъ: Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ, гдѣ на скалу свою,
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ,

Плащемъ закрывшись боевымъ!
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй:
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ-бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!
Другъ: Мечты поэта,
Историкъ строгій гонитъ васъ!
Увы—его раздался гласъ,
И гдѣ-жъ очарованье свѣта?....
Поэтъ: Да будетъ проклятъ правды свѣтъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно! Нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь герою сердце! Что-же
Онъ будетъ безъ него? тиранъ!
Другъ: Утѣшься.... 1830 г.

КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(КН. Н. Б. ЮСУПОВУ, ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЕ.)

От сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я, увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И, вдохновенные, въ волшебствѣ состязались.

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій, ясный вѣкъ
Еще ты съ молоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ.
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней—и циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось на время твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилежно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно;
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій отрока, восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ,
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ.
О, разскажи-жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ 20 лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.

Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,
Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причетъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти—
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.

Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.

Одинъ все тотъ-же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободный
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой.
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи римскіе встрѣчали свой закатъ,
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.
1830 г.

ПОЭТУ.

(Сонетъ).

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ-ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.
1830 г.

КЪ ТѢНИ ПОЛКОВОДЦА.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...
Внемли-жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай царя и насъ,
О старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись—и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранный!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ.
1831 г.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это—споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый ляхъ, иль вѣрный россъ?
Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ.

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...

За что-жъ? Отвѣтствуйте: за то-ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы

Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то-ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—
Такъ высылайте-жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.
1831 г.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли-же племена,
Бѣдой Россіи угрожая;
Не вся-ль Европа тутъ была?
А чья звѣзда ее вела!..
Но стали-жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ
Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,—
И равенъ былъ неравный споръ.
«И что-жъ? Свой бѣдственный побѣгъ,
Кичась, они забыли нынѣ;
Забыли русскій штыкъ и снѣгъ,
Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь;
Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Но долгъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!
«Ступайте-жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости,
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!..»
Сбылось—и въ день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый
И бунтъ раздавленный умолкъ.
Въ бореньи падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что̀ старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца.
Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витіи:
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?.. Еще-ли россъ—
Больной, разслабленный колоссъ?
Еще-ли сѣверная слава—
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро-ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?
Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется-ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ русскихъ городовъ,
Сроднитъ-ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?
Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили-ль русскаго владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна-ли Русь?—Война и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите-жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...
Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія, встань и возвышайся!
Греми восторговъ общій гласъ!..
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы;
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младого внука своего.
1831 г.

КЪ Н**.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вер-
И вынесъ намъ свои скрижали. [шинъ,
И что-жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ
Въ безумствѣ суетнаго пира, [шатромъ,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.
1834 г.

ПОЛКОВОДЕЦЪ.

(Барклай-де-Толли.)

У русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ нимфъ, ни дѣвственныхъ мадоннъ,
Ни фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ; а все плащи, да шпаги,
Да лица, полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ, [лики
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой но-
Всегда остановлюсь предъ нимъ и не свожу [вой
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою-ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье—
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,—
И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ, тебя лукаво порицалъ...
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужден-
И на полупути былъ долженъ, наконецъ, [емъ;
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавши впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—

. . . .

О люди! жалкій родъ, достойный слезъ и смѣ-
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха! [ха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньѣ
Поэта приведетъ въ восторгъ и умиленье!
1835 г.

ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ царскомъ домѣ пиръ веселый;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что̀ пируетъ царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отчего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ-ли честью новой
Русскій штыкъ иль русскій флагъ?
Побѣжденъ-ли шведъ суровый?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь науки
Пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину-ли Полтавы
Торжествуетъ государь—
День, какъ жизнь своей державы
Спасъ отъ Карла русскій царь?

Родила-ль Екатерина?
Именинница-ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?
Нѣтъ, онъ съ подданнымъ мирится:
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Оттого-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба, и громъ музыки,
И эскадра на рѣкѣ;
Оттого-то въ часъ веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
1835 г.

МОЛИТВА.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста —
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».
1836 г.

* *

Exegi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ! весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ немъ языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгусъ, и другъ степей калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.
Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшась, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.
1836 г.

ЭЛЕГІИ.

ЖЕЛАНІЕ.

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести несчастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ ропотъ мой.
Я слезы лью... мнѣ слезы—утѣшенье.
Моя душа, объятая тоской,
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя!
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье!
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру—любя!
1816 г.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ, свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣднее слетѣло сновидѣнье;
Съ небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день.
А вкругъ меня глухое запустѣнье...
Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный:
На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—лишь гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ откликнулся въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли:
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенный.
Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою;
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены;
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ:
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ,
Стоитъ туманъ на волнахъ пожелтѣлыхъ
И слышится мгновенный вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы,
Хранители священной тишины,
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

1816 г.

РАЗЛУКА.

Когда пробилъ послѣдній счастью часъ,
Когда въ слезахъ надъ бездной я проснулся
И, трепетный, уже въ послѣдній разъ
Къ рукѣ твоей устами прикоснулся —

Да помню все! я сердцемъ ужаснулся,
Но заглушалъ несносную печаль;
Я говорилъ: «не вѣчная разлука
Всѣ радости уноситъ нынѣ въ даль.
Забудемся! въ мечтахъ потонетъ мука;
Уныніе, губительная скука
Пустынника пріютъ не посѣтятъ;
Мою печаль усладой муза встрѣтитъ;
Утѣшусь я, и дружбы тихій взглядъ
Души моей холодный мракъ освѣтитъ».
Какъ мало я любовь и сердце зналъ!
Часы идутъ, за ними дни проходятъ,
Но горестямъ отрады не приводятъ
И не несутъ забвенія фіалъ.
О милая, повсюду ты со мною!
Но я унылъ и втайнѣ я грущу.
Блеснетъ-ли день за синею горою,
Взойдетъ-ли ночь съ осеннею луною—
Я все тебя, прелестный другъ, ищу.
Засну-ли я—лишь о тебѣ мечтаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь--твой голосъ слышенъ мнѣ.
Разсѣянный сижу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ!
И ты со мной, о лира, пріуныла,
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь любви ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ уныніе мое,
И слушая бряцаніе твое,
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.
1816 г.

***

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ,
Кого луны туманный лучъ
Ведетъ въ полночи сладострастной,
Кому тихонько вѣрный ключъ
Отворитъ дверь его прекрасной!
Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій;
Увялъ надежды ранній цвѣтъ;
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій;
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы;
Но я, любовью позабытъ,
Любви не позабуду слезы?
1816 г.

НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ,
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея—печали слѣдъ!
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ,
Я все не знаю наслажденья,
И счастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ!
Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье;
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!..
Когда-жъ весельемъ окрыленный,
Настанетъ счастья быстрый мигъ?
Когда въ сіяньи возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачный путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?
1816 г.

ОКНО.

Гдѣ міръ, одной мечтѣ послушный?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно;
Дышать уныньемъ—мой удѣлъ.
Напрасно лѣтнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою,
Летя съ тѣнистыхъ береговъ;
Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной,
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ
И тихо тмится небосводъ,
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ,
Склонясь на берегъ синихъ водъ.
Вчера, вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею,
Я видѣлъ: дѣва у окна,
Склонившись на руку, сидѣла;
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь;
Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
На темный подъ холмами путь.
Я здѣсь! шепнули торопливо;
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо.
Луна покрылась темнотой...
Счастливецъ! молвилъ я съ тоскою,
Тебя веселье ждетъ одно;
Когда-жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно?
1816 г.

МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки сквозь окна
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь, воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей
Сквозь темный завѣсъ проницало
И блѣдно, блѣдно озаряло
Красу любовницы моей.
Почто, минуты, вы летѣли
Тогда столь быстрой чередой,
И тѣни легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
Зачѣмъ ты, мѣсяцъ, укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
Зачѣмъ лучъ утренній блеснулъ?
Зачѣмъ я съ милою простился?..
1816 г.

* *
*

Опять я вашъ, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ-же вы, но время ужъ не то-же:
Уже не вы душѣ всего дороже.
Ужъ я не тотъ... Невидимой стезей
Ушла пора веселости безпечной,
Навѣкъ ушла, и жизни скоротечной
Лучъ утренній блѣднѣетъ надо мной.
Отверженный судьбой несправедливой,
И ласки музъ, и рѣзвость, и покой —
Я все забылъ: печали молчаливой
Рука лежитъ надъ юною главой.
Чтобъ разогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Минувшихъ дней погаснули мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.
Передъ собой одну печаль я вижу:
Мнѣ скученъ міръ, мнѣ страшенъ дневный свѣтъ;
Иду въ лѣса, въ которыхъ жизни нѣтъ,
Гдѣ мертвый мракъ: я радость ненавижу,
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы,
Не доцвѣли до завтрашнихъ лучей!
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы—невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О дружество, предай меня забвенью!
Въ безмолвіи, покорствуя судьбамъ,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ!
1816 г.

* *
*

Любовь одна—веселье жизни хладной!
Любовь одна—мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не виденъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету:
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть—и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ тернія и мирты раздавалъ:
Съ пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ,
Другихъ навѣкъ печалями связалъ
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной

Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
Какъ утра лучъ, сіютъ ваши дни.
Пѣвцы любви, младую пойте радость!
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви тихонько воздыхайте!..
Завидовать уже не смѣю вамъ.

Пѣвцы любви! вы вѣдали печали,
И ваши дни по терніямъ текли;
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали;
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
И мукою безсмертны вы своей!

Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тьмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу, унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
Но ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.

Прервется-ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется-ль упоенье—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ:

Одинъ люблю—онъ любитъ и любимъ!..
Люблю, люблю!.. Но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ; она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? Подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру—
И слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ.
1816 г.

ПОДРАЖАНІЕ.

Я видѣлъ смерть; она безмолвно сѣла
У мирнаго порога моего.
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Душа, померкнувъ, охладѣла...
Покину скоро я друзей,
И жизни горестной моей
Никто слѣдовъ ужъ не примѣтитъ;
Послѣдній взоръ моихъ очей
Луча безсмертія не встрѣтитъ,
И погасающій свѣтильникъ юныхъ дней
Ничтожества спокойный мракъ освѣтитъ.
Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ вѣра тихая меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Прости, свѣтило дня, прости, небесъ завѣса,
Нѣмая ночи мгла, денницы сладкій часъ,
Знакомые холмы, ручья пустынный гласъ,
Безмолвіе таинственнаго лѣса,
И все—прости въ послѣдній разъ!
А ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ,
Предметомъ тайныхъ слезъ и горестей залогомъ,
Прости! минуло все, ужъ гаснетъ пламень мой.
Схожу я въ хладную могилу,
И смерти сумракъ роковой
Съ мученьями любви покроетъ жизнь унылу!
А вы, друзья, когда, лишенный силъ,
Едва дыша въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: «о други, я любилъ!»
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,
Друзья мои, тогда, тогда подите къ ней,
Скажите: взятъ онъ вѣчной тьмою.—
И, можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной гробовою!
1816 г.

ДРУЗЬЯМЪ.

Среди бесѣды вашей шумной
Одинъ унылъ и мраченъ я...
На пиръ раздольный и безумный
Не призывайте вы меня.
Любилъ и я когда-то съ вами
Подъ звонъ бокаловъ пировать
И гармонически стихами
Пировъ веселья воспѣвать.
Но пролетѣлъ мигъ упоеній,—
Я радость свѣтлую забылъ,
Меня печали мрачный геній
Крылами черными накрылъ...
Не кличьте-жъ вы меня съ собою
Подъ звонъ бокаловъ пировать:
Я не хочу своей тоскою
Веселье ваше отравлять.
Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечный—
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.
1816 г.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокій
Во тьмѣ глубокой
Я пробужденъ.
Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья:
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный.
1816 г.

ПѢВЕЦЪ.

Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали-ль вы?

Встрѣчали-ль вы въ пустынной тьмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды-ли слезъ, улыбку-ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали-ль вы?

Вздохнули-ль вы, внимая тихій гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали,
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули-ль вы?
1816 г.

* * *

Я думалъ, что любовь погасла навсегда,
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежный,
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.

Съ безпечной думою покоясь у бреговъ,
Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Носимыхъ гибельной грозою.
Я говорилъ: стократъ блаженъ,
Чей вѣкъ, свободою прекрасный,
Какъ вѣкъ весны, промчался ясный
И страстью не былъ омраченъ.
Кто не страдалъ въ любви напрасной,
Кому не вѣдомъ страстный плѣнъ,
Блаженъ! Но я счастливѣй болѣ:
Я цѣпь мученій разорвалъ,
Опять съ друзьями я на волѣ—
И жизни сумрачное поле
Веселый блескъ очаровалъ!

О, что я говорилъ... Несчастный!
Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ,
Но мрачная любовь таилася во мнѣ,
Не угасалъ мой пламень страстный...
Весельемъ позванный въ толпу друзей моихъ,
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру,
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!.. Я молчалъ; усталая рука
Лежала томная на лирѣ непослушной;
Я все еще горѣлъ и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека...
Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній!
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!
Летите, призраки! Амуръ, ужъ я не твой!
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ,
Иль дай еще летать надежды на крылахъ,
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.
1816 г.

СТАНСЫ.

(изъ вольтера.)

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай-же мнѣ минувши дни,
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарею.

Мой вѣкъ невидимо проходитъ;
Изъ круга смѣховъ и харитъ
Ужъ время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ.

Предъ нимъ смириться должно намъ:
Кто примѣняться не умѣетъ
Къ своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горесть ихъ одну имѣетъ.

Счастливцамъ рѣзвымъ, молодымъ,
Оставимъ страсти, заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья—
Одно разсудку отдадимъ.

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней,—
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей?

Намъ должно дважды умирать:
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ...
Вотъ смерть, ужасная страданьемъ!
Что значитъ послѣ — не дышать?

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты!

Тогда на голосъ мой унылый
Мнѣ дружба руку подала:
Она, любви подобна милой,
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней
И вслѣдъ пошелъ—но лилъ я слезы,
Что могъ идти вослѣдъ лишь ей!
1817 г.

СНОВИДѢНІЕ.

(изъ вольтера).

Недавно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя,
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъявлялъ...
Мечты, ахъ, отчего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.
1817 г.

ПРОЩАНІЕ СЪ ТРИГОРСКИМЪ.

Простите, милыя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то-ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,

Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума.
1817 г.

—

***

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть;
Скучая жизнію, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть.
Ты помнишь, милая,—зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!
Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало,
И дней моихъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ...
Къ чему мнѣ жить? Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для заботъ;
Я хладно пилъ изъ чаши сладострастья...
И въ сердцѣ чувствовалъ я ледъ...
. . . .
. . . .
1818 г.

—

УНЫНІЕ.

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмый,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкій жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Останется уныніе одно.
1819 г.

***

Пиры, любовницы, друзья
Исчезли съ милыми мечтами,
Одинъ, одинъ остался я!
Померкла молодость моя
Съ ея невѣрными дарами.
Такъ свѣчи, въ долгу ночь горѣвъ
Для рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
Въ концѣ безумныхъ пированій
Блѣднѣютъ предъ лучами дня...
. . . .
1822 г.

***

Я жизнь любилъ, когда, полна
Игривыхъ, сладостныхъ мечтаній,
Она была озарена
Лучами яркихъ упованій
И наслажденьямъ отдана.
Я жизнь любилъ, доколѣ опытъ
И муки огненныхъ страстей
Не возбудили въ сердцѣ ропотъ,
Не объяснили мнѣ людей.
А нынѣ, къ жизни равнодушный,
Скучаю всѣмъ, и для меня,
Блеснувъ, какъ метеоръ воздушный,
Исчезла прелесть бытія.
Ничто не тронетъ, не взволнуетъ
Души безчувственной моей,
И объ утратѣ юныхъ дней
Она ужъ болѣ не тоскуетъ.
Надеждъ обманчивые сны,
Веселья пламенные дни,
Любви таинственныя ночи,—
Я васъ забылъ,—забылъ и васъ,
Обворожительныя очи:
Пылъ прежнихъ чувствъ во мнѣ погасъ.
Я полюбилъ покой безстрастья
И благъ у жизни не прошу:
Я не пойму земного счастья—
Я сердце мертвое ношу...
. . . .
. . . .
. . . .
1822 г.

—

ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ! здѣсь вопрошаю васъ

Въ уединеньѣ величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?
1819 г.

* * *

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
Я вижу берегъ отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
Съ волненьемъ и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньемъ упоенный,
И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;
Душа кипитъ и замираетъ;
Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ;
Я вспомнилъ прежнихъ лѣтъ безумную любовь,
И все, чѣмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
Желаній и надеждъ томительный обманъ...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Лети, корабль, неси меня къ предѣламъ даль-
По грозной прихоти обманчивыхъ морей, [нымъ
Но только не къ брегамъ печальнымъ
Туманной родины моей,
Страны, гдѣ пламенемъ страстей
Впервые чувства разгорались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
Моя потерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, отечески края,
Я васъ бѣжалъ, питомцы наслажденій,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца ранъ,
Глубокихъ ранъ любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!..
1820 г.

* * *

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минутной, нѣжной красотой!
Она примѣтно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянетъ! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей,
Недолго радовать собою
Счастливый кругъ семьи своей,
Безпечной, милой остротою
Бесѣды наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать.
Спѣшу въ волненьѣ думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.
1820 г.

---

* * *

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты!
Остались мнѣ одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.
Подъ бурями судьбы жестокой
Увялъ цвѣтущій мой вѣнецъ!
Живу печальный, одинокій,
И жду: придетъ-ли мой конецъ?
Такъ, позднимъ хладомъ пораженный,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ.
1821 г.

ГРОБЪ ЮНОШИ.

. . . . Сокрылся онъ,
Любви, забавъ питомецъ нѣжный;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безмятежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной, въ тѣни деревъ,
Онѣ кружились на свободѣ;
Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
Не слышенъ ужъ его припѣвъ.
Давно-ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили межъ собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали такъ-же въ насъ умы:
Но погоди, приспѣютъ годы,
И будешь то, что нынѣ мы;
Какъ намъ, о міра гость игривый,
Тебѣ постынетъ бѣлый свѣтъ;
Теперь играй».. Но старцы живы,
А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
И безъ него друзья пируютъ,
Другихъ ужъ полюбить успѣвъ;
Ужъ рѣдко, рѣдко именуютъ,
Его въ бесѣдкѣ юныхъ дѣвъ.
Изъ милыхъ женъ, его любившихъ,
Одна, быть можетъ, слезы льетъ
И память радостей почившихъ
Привычной думою зоветъ...
Къ чему?
Надъ ясными водами
Гробницы мирною семьей,
Подъ наклоненными крестами,
Таятся въ рощѣ вѣковой.
Тамъ, на краю большой дороги,
Гдѣ липа старая шумитъ,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ бѣдный юноша лежитъ,
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идетъ и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаетъ:
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой...
1821 г.

ВОЙНА.

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ!
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей:
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревоги стана, звукъ мечей,
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей!
Предметы гордыхъ пѣснопѣній
Разбудятъ мой уснувшій геній.
Все ново будетъ мнѣ: простая сѣнь шатра,
Огни враговъ, ихъ чуждое взыванье,
Вечерній барабанъ, громъ, пушки, визгъ ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься-ль ты во мнѣ, слѣпая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героевъ?
Вѣнокъ-ли мнѣ двойной достанется на часть?
Кончину-ль темную судилъ мнѣ жребій боевъ,
И все умретъ со мной: надежды юныхъ дней,
Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
Воспоминаніе и брата, и друзей,
И мыслей творческихъ напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь?.. Ужель ни бранный шумъ,
Ни ратные труды, ни ропотъ гордой славы—
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бѣжитъ меня; нѣтъ власти надъ собой,
И тягостная лѣнь душою овладѣла...
Что-жъ медлитъ ужасъ боевой?
Что-жъ битва первая еще не закипѣла?..
1821 г.

(КЪ М. А. Г—ОЙ.)

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ пѣсни отвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстный;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной.
Когда меня навѣкъ обыметъ смертный сонъ,
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
«Онъ мною былъ любимъ; онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ»
1821 г.

---

19 ОКТЯБРЯ 1825 г.

1.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
Минутное забвенье горькихъ мукъ.

2.

Печаленъ [illegible]о мною друга нѣтъ,
Съ кѣмъ дол[illegible]о запилъ-[illegible] я разлуку,
Кому-бы могъ пожать отъ сердца руку
И пожелать веселыхъ много лѣтъ.
Я пью одинъ: вотще воображенье

*

Вокругъ меня товарищей зоветъ:
Знакомое не слышно приближенье,
И милаго душа моя не ждетъ.

3.

Я пью одинъ, и на брегахъ Невы
Меня друзья сегодня именуютъ...
Но многіе-ль и тамъ изъ васъ пируютъ?
Еще кого не досчитались вы?
Кто измѣнилъ плѣнительной привычкѣ?
Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
Чей гласъ умолкъ на братской перекличкѣ?
Кто не пришелъ? Кого межъ вами нѣтъ?

4.

Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ,
Съ огнемъ въ очахъ, съ гитарой сладкогласной:
Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начерталъ надъ русскою могилой
Словъ нѣсколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ нѣкогда нашелъ привѣтъ унылый
Сынъ сѣвера [1], бродя въ краю чужомъ.
([1] Н. А. Корсаковъ)

5.

Сидишь-ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полуночныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя! [2] ([2] Ѳ. Матюшкинъ.)

6.

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

7.

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда-бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда-бъ ни повело,
Все тѣ-же мы: намъ цѣлый міръ—чужбина;
Отечество намъ—Царское Село.

8.

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной;
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.

9.

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ.

10.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ-же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

11

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

12.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,—
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

13.

Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся—но поздно! и уныло
Глядимъ назадъ, слѣдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ [3], не то-ль и съ нами было. ([3] Кюхельбекеръ.)
Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

14.

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ
Не стоитъ міръ; оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ сѣнь уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди: огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

15.

Пора и мнѣ... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;

Запомните-жъ поэта предсказанье:
Промчится годъ —и съ вами снова я!
Исполнится завѣтъ моихъ мечтаній;
Промчится годъ—и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

16.

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

17.

Пируйте-же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣетъ;
Кто въ гробѣ спитъ, кто дальный сиротѣетъ;
Судьба глядитъ, мы вянемъ; дни бѣгутъ;
Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому-жъ изъ насъ подъ старость день лицея
Торжествовать придется одному?

18.

Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай-же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что-же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена?
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя; гдѣ-же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй!
1825 г.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, къ милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь, не наглядясь.
Звучно стрѣлка часовая
Мѣрный кругъ свой совершитъ,
И докучныхъ удаляя,
Полночь насъ не разлучитъ.
Грустно, Нина: путь мой скученъ,
Дремля смолкнулъ мой ямщикъ,
Колокольчикъ однозвученъ,
Отуманенъ лунный ликъ.
1826 г.

НА СМЕРТЬ Г-ЖИ РИЗНИЧЪ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черта межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,

Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пени.
1826 г.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья:
Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ:
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

* * *

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые!
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба!
1828 г.

26 МАЯ 1828 г.

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?..
Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.
1828 г.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ;
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?
Понесу-ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпѣнье
Гордой юности моей?
Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангелъ, руку
Я спѣшу въ послѣдній разъ.
Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься; взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.
1828 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ Библіи—безумный расточитель—
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!

Въ пылу восторговъ скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О, много расточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты!
И долго я блуждалъ, и часто, утомленный,
Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!

Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,

И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининскихъ орловъ!..

Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ наваринскій Ганнибалъ!
1829 г.

ЭЛЕГИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

Поѣдемъ, я готовъ: куда бы вы, друзья,
Куда-бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію-ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій-ли Парижъ, туда-ли, наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ [мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,—
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... Но, друзья,
Скажите, въ странствіяхъ умретъ-ли страсть [моя?
Забуду-ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . .
1829 г.

СТАНСЫ.

Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу-ль во многолюдный храмъ,
Сижу-ль межъ юношей безумныхъ,—
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу-ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца-ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю—
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою-ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все-бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.
1829 г.

* * *

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмѣлье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.
1830 г.

19 ОКТЯБРЯ 1831.

Чѣмъ чаще празднуетъ лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старыхъ кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
Давно-ль, друзья?.. Но двадцать лѣтъ
Тому прошло; и что-же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.
Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ;
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ;
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.
И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,

Пировъ и чистыхъ помышленій.
Туда, въ толпу тѣней родныхъ.
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

ОТРЫВОКЪ.

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю,
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ расточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій.
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья
Уныло слушаешь меня.
Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчъ условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей;
Кляну рѣчей любовный шопотъ,
И струнъ таинственный напѣвъ,
И ласки легковѣрныхъ дѣвъ,
И слезы ихъ. и поздній ропотъ...
1831 г.

---

* * *

. . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И, кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда нескучныхъ...
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ. при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ-же,
Все тотъ-же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...
Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я. Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни. Годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца. Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньѣ часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства.
1835 г.

ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,

Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно-ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видете-ль, слова, слова, слова!
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все-ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!..
1836 г.

* *
*

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ, и въ стихахъ,
О добродѣтеляхъ, о службѣ о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ,—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня уныніе находитъ,
Хоть плюнуть да бѣжать. Но какъ-же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близъ камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
Намѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...
1836 г.

19 ОКТЯБРЯ 1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣнями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется;
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной,
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась четверть вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вкругъ человѣка,
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?
Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.
Вы помните: когда возникъ лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа —
Еще грозилъ и колебался онъ.
Вы помните: текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага—
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!
И нѣтъ его— и Русь оставилъ онъ,
Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь суровый и могучій
На рубежѣ Европы бодро сталъ...
И надъ землей сошлися новы тучи,
И ураганъ ихъ разметалъ.

САТИРЫ.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь-ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ насчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ,
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣти малыя, и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнный,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священный.
О, Ромуловъ народъ, скажи, давно-ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому-жъ, о небеса, кому поработились.
(Скажу-ль?) Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юноша возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество безславитъ;
Ветулій—римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты, нашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
«Куда? не знаю самъ; давно молчу и вижу;
Навѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу».
Лициній, добрый другъ! Не лучше-ли и намъ,
Смиренно поклонясь Фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдого циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше-ль намъ проститься,
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь, и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ Корнелій,
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ,
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ римлянинъ; кипитъ въ груди свобода;
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ заботъ,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню пренесемъ отческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти не трудно намъ укромный, свѣтлый домъ,
Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ расположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И нравы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣянья!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья!
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ;
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
И горы, и моря оставятъ за собой,
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокій;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ».

1815 г.

ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ САТИРЫ.

Въ Гееннѣ праздникъ. Въ тьмѣ кромѣшной
Есть отдаленный уголокъ,
Откуда изгнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
Гдѣ свищутъ адскіе бичи,
Гдѣ морѣ адское клокочетъ,
Гдѣ, грѣшника внимая стонъ
Ужасный, Сатана хохочетъ...

2

«Такъ вотъ дѣтей земныхъ изгнанье?
Какой порядокъ и молчанье!
Какой огромный сводовъ рядъ!
Но гдѣ-же грѣшниковъ варятъ?
Все тихо»...—Тамъ, гораздо далѣ.—
«Гдѣ мы теперь?»—Въ парадной залѣ.

3

«Сегодня балъ у Сатаны...
На именины всѣ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсенка
На кухню тащатъ поросенка...
А этотъ бѣсъ— какъ важенъ онъ!
Какъ чинно выметаетъ вонъ
Опилки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро-ль будутъ гости?»

4.

—Кто тамъ?—Здорово, господа!
—Зачѣмъ пожаловалъ сюда?
—Привелъ я гостя.—Ахъ, Создатель!—
Вотъ докторъ Фрикенъ, нашъ пріятель!—
Живой?—Онъ живъ, да нашъ давно:
Сегодня-ль, завтра-ль—все равно!
—Объ этомъ думаютъ двояко;
Обычай требовалъ, однако,
Соизволенья моего...
Но, впрочемъ, это ничего.
Вы знаете, всегда вѣдь другу
Я рада оказать услугу.

5.

«Что козырь?»—Черви. «Мнѣ ходить».
—Я бью. «Нельзя-ли погодить?»
—Беру. «Кругомъ насъ обыграла!
Эй, смерть! Ты право сплутовала».
—Молчи! ты глупъ и молоденекъ:
Ужъ не тебѣ меня ловить!
Вѣдь мы играемъ не для денегъ,
А только-бъ вѣчность проводить!

1821 г.

(Эти отрывки принадлежатъ къ задуманной поэтомъ большой политической и общественной сатирѣ, дѣйствіе которой должно было происходить при дворѣ Сатаны. Въ числѣ грѣшниковъ и гостей должны были явиться нѣкоторые Кишиневскіе жители и наиболѣе знаменитые политическіе дѣятели Россіи).

КИШИНЕВСКІЯ ДАМЫ.

Раззѣвавшись отъ обѣдни
Къ Катакази ѣду въ домъ (Кишин. губернат.).
Что за греческія бредни,
Что за греческій содомъ!
Подогнувъ подъ платье ноги,
За вареньемъ, средь прохладъ,
Какъ египетскіе боги,
Дамы прѣютъ и молчатъ.
. . . .
Здравствуй, круглая сосѣдка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плѣшива, ты глупа.
Говорить съ тобой нѣтъ мочи.
Все прощаю, Богъ съ тобой!
Ты съ утра до темной ночи
Рада въ банкъ играть со мной.
Вотъ еврейка съ Тодорашкой...
. . . .
Ты умна, велерѣчива,
Кишиневская Жанлисъ,
Ты бѣла, жирна, шутлива,
Черноокая Тарсисъ; (сестра Кишин. губернат.)
Не хочу судить я строго,
Но къ тебѣ не льнетъ душа,
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

1821 г.

ТЫ И Я.

Ты богатъ, я очень бѣденъ;
Ты—прозаикъ, я—поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я, какъ смерть, и тощъ, и блѣденъ.

Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я-жъ, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.

Ѣшь ты сладко всякій день,
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ;

Я-же съ черстваго куска,
Отъ воды гнилой и прѣсной,
Сажень за сто съ чердака
За нуждой бѣгу извѣстной...

Окруженъ рабовъ толпой,
Съ деспотизма грознымъ взоромъ
Аѳедронъ ты жирный свой
. . . . . каленкоромъ;

Я-же . . . .
Не балую дѣтской модой
И Хвостова жесткой одой
Хоть и морщуся, да . . .

1819 г.

* * *

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ.
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ».
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ—
Всѣхъ удивилъ нежданный приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно-ли, скажите, сгоряча
Ругаться эдакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

1823 г.

(Это стихотвореніе вызвано восклицаніемъ графа М. С. Воронцова по полученіи извѣстія о казни Ріэго въ ноябрѣ 1823 года: „Quelle heureuse nouvelle, Sire!“)

ИЗЫДЕ СѢЯТЕЛЬ СѢЯТИ СѢМЕНА СВОЯ.

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды

Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благіе мысли и труды...
Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремушками да бичъ.
1 декабря 1823 г.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой,
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной
Цензуру поносить хулой неосторожной—
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У насъ писатели, я знаю, каковы;
Ихъ мыслей не тѣснитъ цензурная расправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ за грѣхи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Россійскихъ авторовъ нелегкое встревожитъ:
Тотъ англійскій романъ съ французскаго пре-
Тотъ оду сочинитъ, потѣя да крехтя, [ложитъ,
Иной трагедію напишетъ намъ шутя—
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсися,
Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подпишися.
Такъ! цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюф-
фонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье —
А долженъ посвятить безплодное вниманье
На бредни новыя какого-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи да поля...
Да связь утратя въ нихъ, ищи ее сначала,
Или вымарывай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань,—
Учтивыхъ остряковъ затѣйливую дань.
Но цензоръ—гражданинъ, и санъ его свя-
щенный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ—другъ писателю, предъ знатью не труслива,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должно-бъ умствовать, ты хлопаешь глаза-
Не понимая насъ, мараешь и дерешь; [ми,
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру—пасквилемъ, поэзію—развратомъ,
Гласъ правды - мятежемъ, Куницына — Мара-
томъ,
Рѣшилъ,—а тамъ поди, хоть на тебя проси!
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То, славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ государь велитъ печатать безъ тебя.
Остались намъ стихи, поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутные цвѣты...
О, варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской ли-
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры? [ры,
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, бла-
родный—
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ—во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ, ни мало не похвальный!
Парнасъ—не монастырь и не гаремъ печальный,
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ.
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ, чьи забавы—
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,
Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему—
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ;
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешь—и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва-ли Шаликовъ не вредный человѣкъ.
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ-ли ты «Наказъ» Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ;
Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хоть въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ—два равныя лица.
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры. [лиры
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ.
Наперсникъ «Душеньки» двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала—
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что-же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало—
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать ..
Старинной глупости мы праведно стыдимся.
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечества назвать,
И въ рабствѣ ползали и люди, и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло, губительное время,
Когда невѣжества несла Россія бремя;
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ не можетъ быть уже глупецъ.
Исправься-жъ, будь умнѣй и примирися съ нами.
«Все правда, скажешь ты, не стану спорить съ вами;
Но можно-ль цензору по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю, да крещусь—мараю наудачу...
На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я—бѣдный человѣкъ; къ тому-жъ жена и дѣти».
Жена и дѣти, другъ, повѣрь—большое зло:
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
Домой тебѣ скорѣй убраться осторожно,
И службою своей ты нуженъ для царя,
Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.
1824 г.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ,
Позволь обнять тебя, мой прежній собесѣдникъ!
Недавно, тяжкою цензурой угнетенъ,
Послѣднихъ, жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
Со всею братіей гонимый совокупно,
Я, вспыхнувъ, говорилъ тебѣ немного крупно;
Потѣшилъ языка бранчивую свербежъ;
Но извини меня, мнѣ было невтерпежъ.
Теперь, въ моей глуши журналы раздирая,
И бѣдной братіи стишонки разбирая
(Теперь-же мнѣ читать охота и досугъ),
Обрадовался я, по нимъ замѣтя вдругъ
Въ тебѣ и правила и мысли образъ новый.
Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
И твердостью души, и смѣлостью ума.
Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ, по милости чудесной,
Завѣтныя слова: божественный, небесный —
И ими назвалась (для риѳмы) красота.
Не оскорбляя тѣмъ ужъ Господа-Христа.
Но что-же вдругъ тебя, скажи, перемѣнило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои посланія хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочелъ ты жалобу мою;
Но, подразнивъ тебя, я перемѣной сею
Пріятно изумленъ, гордиться не посмѣю.
Отнесся я къ тебѣ по долгу своему;
Но мнѣ-ль исправить васъ? Нѣтъ, вѣдаю, кому
Сей важной новостью обязана Россія:
Обдумавъ наконецъ намѣренья благія,
Министра честнаго нашъ добрый царь избралъ:
Шишковъ уже наукъ правленье воспріялъ.
Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ въ толпѣ вельможъ онъ русскихъ музъ любилъ:
Ихъ, незамѣченныхъ, созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ дней укрылъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ,
Омара да Гали пріявъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушить старался просвѣщенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, спасая Бантыша,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ твердый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки
Вы были преданы, печальныя науки!
Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья.
Я, съ перемѣною несчастнаго правленья,
Отставки цензоровъ, признаться, ожидалъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты, видно, устоялъ.
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить,
А между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:
Будь строгъ, но будь уменъ. Не просятъ у тебя,
Чтобъ всѣ законныя преграды истребя,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволилъ самовластно.
Права свои храни по долгу своему;
Но скромной истинѣ, но мирному уму
И даже глупости, невинной и довольной,
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты въ плодахъ досужнаго пера
Порою не найдешь великаго добра,
Когда не видишь въ нихъ безумнаго разврата,
Престоловъ, алтарей и нравовъ супостата,
То, славы автору желая отъ души,
Махни, мой другъ, рукой и смѣло подпиши.
1824 г.

ОДА.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ ГРАФУ ДМ. ИВ. ХВОСТОВУ

съ примѣчаніями автора.

Султанъ ярится.[1] Кровь Эллады
И рѣзво скачетъ,[2] и кипитъ.

Открылись грекамъ древни клады,[3]
Трепещетъ въ Стиксѣ лютый Питтъ.[4]
И се—летитъ предерзко судно
И мещетъ громы обоюдно:
Се Бейронъ, Феба образецъ,
Притекъ—но недугъ быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный,
Взнесъ смерти на него рѣзецъ.
Пѣвецъ безсмертный и маститый!
Тебя Эллада днесь зоветъ
На мѣсто тѣни знаменитой,
Предъ коей Церберъ днесь реветъ!
Какъ здѣсь, ты будешь тамъ сенаторъ,
Какъ здѣсь — почтенный литераторъ;
Но новый лавръ тебя ждетъ тамъ,
Гдѣ отъ крови земля промокла:
Перикла лавръ, лавръ Ѳемистокла!
Лети туда, Хвостовъ нашъ, самъ!
Вамъ съ Бейрономъ шипѣла злоба,
Гремѣла и правдива лесть.
Онъ—лордъ, графъ—ты! поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть—
Никакъ! Ты съ вѣрною супругой[6]
Подъ бременемъ судьбы упругой
Живешь въ любви—и, наконецъ,
Глубокъ онъ, но единообразенъ;
А ты глубокъ, игривъ и разенъ—
И въ шалостяхъ ты—впрямь пѣвецъ.
А я—невѣдомый піита—
Въ восторгѣ новомъ воспою
Во слѣдъ піита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бѣгущу,
Да Бейрона онъ узритъ кущу[7]
И да блюдутъ твой мирный сонъ[8]
Нептунъ, Плутонъ, Зевсъ, Цитерея,
Гебея, Псиша, Кронъ, Астрея,
Фебъ, Игры, Смѣхи, Вакхъ, Харонъ.

1. Подражаніе Петрову, знаменитому нашему лирику.

2. Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ Грибоѣдову.

3. Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую ненависть нынѣшнихъ Леонидовъ, Ахиллесовъ и Мильтіадовъ къ жестокимъ чалмоносцамъ.

4. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и извѣстный противникъ свободы.

5. Горячка.

6. Графиня... Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Въ многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ онъ ее Темирою.

7. Подражаніе Его Высокопревосходительству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу Графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простиралъ,
Уже изъ отческія кущи
Взирая на суда бѣгущи.

8. Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкій сонъ и приближающагося къ берегамъ благословенной Эллады. Нептунъ усмиряетъ предъ нимъ продерзкія волны; Плутонъ исходитъ изъ преисподней бездны, дабы узрѣть того, кто ниспошлетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатву тѣней поклонниковъ лже-пророка; Зевсъ улыбается ему съ небесъ; Цитерея (Венера) осыпаетъ цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подъемлетъ кубокъ за здравіе его; Псиша во образѣ Ипполита Богдановича, ему завидуетъ; Кронъ удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предчувствуетъ возвратъ своего царствованія; Фебъ ликуетъ; Игры, Смѣхи, Вакхъ и Харонъ веселою толпою слѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго піиты.

1824 г.

ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ, а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безсмысленно внималъ.
И толковала чернь тупая:
«Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ, и безплодна:
Какая польза намъ отъ ней?»

Поэтъ: Молчи безсмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты—червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ-бы пользы все—на вѣсъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь—богъ!.. Такъ что-же?
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

Чернь: Нѣтъ, если ты—небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй:
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ—хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя.

Поэтъ: Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы, какъ гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ—полезный трудъ!—
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.
1828 г.

КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ.
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды?—Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все-ль одно и то-же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?
1829 г.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ, ИЛИ РУССКІЙ МѢЩАНИНЪ.

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНІЕ ЛОРДУ БАЙРОНУ.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто—русскій мѣщанинъ.
Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И, слава Богу, не одинъ,
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я—мѣщанинъ, я—мѣщанинъ!
Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ;
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ—
Я, слава Богу,—мѣщанинъ.
Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанный—
Иванъ Четвертый—пощадилъ.
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—
Мы къ оной руку приложили;
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало, нами дорожили;
Но я... я—темный мѣщанинъ.
Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой!
Не любитъ споровъ властелинъ,
Не всякъ—князь Яковъ Долгорукій,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.
Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Мининъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ.
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.
Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ.
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я—неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто,—не Мусинъ.
Я—самъ большой, не царедворецъ:
Я—грамотей, я—мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фиглярннъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой, Ганнибалъ,
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,

Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.
Что-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. Онъ—въ Мѣщанской дворянинъ.
1830 г.

***

О муза пламенной сатиры,
Прійди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ
И не поэтамъ милыхъ дамъ
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ, смиренные поэты!
Миръ вамъ, несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда,
А если я кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!
1830 г.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНІЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасалъ, богачъ младой:
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ наслѣдниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что сулили
Имъ тайныя судьбы.
А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ, къ мертвечинѣ падкій,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы,
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.
Онъ мнилъ: «теперь ужъ у вельможъ
Не стану няньчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность—трынъ-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»
Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ,
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ приказчикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.
Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она,—
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее: года летятъ;
Пора! введи въ свои чертоги
Жену-красавицу—и боги
Вашъ бракъ благословятъ.
1835 г.

***

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа
Марія-грѣшница и пресвятая Дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.

Но у подножія теперь креста честного,
Какъ будто у крыльца правителя градского,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ —
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила?
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.
1836 г.

ЭПИГРАММЫ.

***

Аристъ намъ обѣщалъ трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ...
Мы ждали драму золотую.
И что-же? Дождались—и нечего сказать,
Достоинству ея нельзя убавить вѣсу:
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалостну піесу.
1814 г.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что если-бъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ я-бъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь принять онъ согласился.
1814 г.

НЕСЧАСТЬЕ КЛИТА.

(НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА).

Внукъ Тредьяковскаго, Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ;
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмеваетъ стиховъ, жаръ охлаждаетъ піита.
Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ;
Ямбъ охладилъ риѳмача, гекзаметры-жъ онъ заморозитъ.
1814 г.

НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
—Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.
1814 г.

***

Бывало, прежнихъ лѣтъ герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи;
А трагикъ нашъ Бурунъ, скончавъ чернильный бой.
Повѣсилъ уши.
1815 г.

ЭПИТАФІЯ.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.
1816 г.

НАДПИСЬ НА МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Не бойся, Глазуновъ, ты моего портрета:
Онъ скоро съ рукъ сойдетъ, хоть я не генералъ.
Къ чему лишь говорить, что онъ портретъ поэта?
Карикатурой ты давно-бъ его продалъ.
1816 г.

НА ЛИЦЕЙСКАГО ДЯДЬКУ,

ОКАЗАВШАГОСЯ УБІЙЦЕЙ.

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель—лекаремъ моимъ!
1816 г.

НА ПУЧКОВУ.

1.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Эва,
Хлопочешь ты о женихѣ.

2.

Пучкова, право не смѣшна:
Перомъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльныхъ видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ, да въ пользу инвалидамъ.

3.

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ прелестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.
1816 г.

НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ;
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ;
Влюбленъ, какъ Буало.
1816 г.

***

Больны вы, дядюшка? Нѣтъ мочи,
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
—Да, слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.
1816 г.

ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ—и въ Лету
Бухъ!
1817 г.

***

Какъ брань тебѣ не надоѣла!
Разсчетъ коротокъ мой съ тобой:
Ну, такъ—я праздень, я безъ дѣла
А ты—бездѣльникъ дѣловой.
1817 г.

* *
*

«Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядныя.
Эмилій человѣкъ пустой».
—Да ты чѣмъ полонъ, шутъ нарядныя?
А, понимаю: самъ собой!
Ты полонъ дряни, милый мой!
1817 г.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый.
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судитъ обо всемъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу!
1817 г.

НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель.
Вотъ холопская душа.
Просвѣщеніягонитель,
Покровитель Бантыша.
Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!..
Не попробовать-ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

НА ФОТІЯ.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ,
Ему орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечъ, и крестъ и кнутъ.
Пошли намъ, Боже, недостойнымъ,
Поменьше пастырей такихъ—
Полублагихъ, полусвятыхъ.
1818 г.

НА КАРАМЗИНА.

1.

Послушайте, я вамъ скажу про старину.
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
—И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью-богатыря.

2.

На плаху истину влача,
Онъ доказалъ намъ безъ пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья.
1818 г.

3.

Въ его исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.
1819 г.

ПРО СЕБЯ.

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь.
Я много обѣщаю.
Исполню-ли —Богъ вѣсть. 1818 г.

НАДЕНЬКѢ.

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ-два-три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью. 1818 г.

НА А. М. КОЛОСОВУ.

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови.
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!
1819 г.

НА Ж . . . . О.

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся . . . . . .
И что-же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею—
Бѣдный пѣвецъ!
1819 г.

ПАРОДІЯ.

НА СТИХОТВОР. ЖУКОВСКАГО «ТЛѢННОСТЬ».

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это—проза,
Да и дурная?..
1819 г.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

I.

Хавроніосъ! ругатель закоснѣлый,
Во тьмѣ, въ пыли, въ презрѣньи посѣдѣлый,
Уймись, дружокъ! къ чему журнальный шумъ
И пасквилей томительная тупость?
«Затѣйникъ золъ!» съ улыбкой скажетъ глупость;
«Невѣжда глупъ!» зѣвая, скажетъ умъ.
1820 г.

II.

Когда-бъ писать ты началъ съ-дуру,
Тогда-бъ навѣрно ты пролѣзъ
Сквозь нашу тѣсную цензуру,
Какъ внидешь въ царствіе небесъ.
1820 г.

* *
*

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ.
А дневного пропитанья —
Ежемѣсячнымъ враньемъ.
1821 г.

НА Ѳ. И. ТОЛСТОГО.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
Былъ онъ долго погруженъ:
Долго всѣ концы вселенной
Осквернялъ развратомъ онъ.
Но, исправясь понемногу,
Онъ загладилъ свой позоръ,
И теперь онъ, слава Богу,
Только-что картежный воръ...

1820 г.

НА АРАКЧЕЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель,
Губернаторовъ мучитель,
И Совѣта онъ учитель,
А Царю—онъ другъ и братъ.
Полонъ злобы, полонъ мести,
Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
Кто-жъ онъ, «преданный безъ лести»?
Просто фрунтовой солдатъ.

II.

Холопъ. . . . . !
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавровъ Герострата,
Иль смерти нѣмца Коцебу...
А впрочемъ— . . . . . .

1820 г.

*

Вотъ муза, рѣзвая болтунья,
Которую ты такъ любилъ.
Она раскаялась, шалунья:
Придворный тонъ ее плѣнилъ.

1821 г.

* *

Составленъ онъ изъ подлой спѣси;
Я не видалъ негоднѣй смѣси:
Въ сраженіи онъ—трусъ, въ трактирѣ онъ—бурлакъ,
Въ передней онъ—подлецъ, въ гостиной онъ—дуракъ.

1821 г.

*

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглосомъ;
Ты боленъ: это—не мечты.
И то-то, братецъ, будешь съ носомъ,
Когда безъ носу будешь ты.

1821 г.

*

Лизѣ страшно полюбить—
Полно, нѣтъ-ли тутъ обмана?
Берегитесь: можетъ быть,
Эта новая Діана
Притаила нѣжну страсть,
И стыдливыми глазами
Ищетъ робко между вами,
Кто-бы ей помогъ упасть.

1821 г.

*

Тодорашка въ васъ влюбленъ
И для вашихъ ножекъ,
Говорятъ, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ.
Намъ приходитъ нелегко!
Какъ неосторожно!
Охъ, на дрожкахъ далеко
Вамъ уѣхать можно.

ЖАЛОБА.

Вашъ дѣдъ—портной, вашъ дядя—поваръ,
А вы,—вы знатный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ,
Высокородный Сѣверинъ.
Потомку предковъ благородныхъ,
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

1822 г.

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

(В. И. ПАНАЕВУ).

Куда ты холоденъ и сухъ!
Какъ слогъ твой чопоренъ и блѣденъ!
Какъ въ изобрѣтеньяхъ ты бѣденъ!
Какъ утомляешь ты мой слухъ!
Твоя пастушка, твой пастухъ
Должны ходить въ овчинной шубѣ;
Ты ихъ морозишь на-легкѣ!
Гдѣ ты нашелъ ихъ? Въ шустеръ-клубѣ
Или на Красномъ-кабачкѣ?

1822 г.

* *

У Клариссы денегъ мало,
Ты богатъ—иди къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

1822 г.

*

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати;
Съ счастіемъ у васъ разладъ:
И прекрасны вы не кстати,
И умны вы не впопадъ.

1822 г.

* *

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги—понимаю;
Другой за то, что былъ французъ,
Клеонъ—умомъ ее стращая,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

1822 г.

* * *

Тимковскій царствовалъ — и всѣ твердили вслухъ,
Что врядъ-ли гдѣ ословъ найдешь подобныхъ двухъ.
Явился Бируковъ, за нимъ вослѣдъ Красовскій:
Ну, право, ихъ умнѣй покойный былъ Тимковскій.

1824 г.

ЭПИГРАММА НА Z**.

Воспитанный подъ барабаномъ,
Нашъ Z** лихимъ былъ капитаномъ:
Подъ Австерлицемъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дрожалъ,
За то былъ фрунтовой профессоръ;
Но фрунтъ герою надоѣлъ—
Теперь коллежскій онъ ассессоръ
По части иностранныхъ дѣлъ.

1824 г.

НА ВОРОНЦОВА.

Полумилордъ, полукупецъ,
Полумудрецъ, полуневѣжда,
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ.

1824 г.

НА ПЕТЕРБУРГСКОЕ НАВОДНЕНІЕ.

Напрасно ахнула Европа:
Не унывайте, не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».
Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты—
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди, и скоты.

1824 г.

* * *

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный зоилъ
Разводитъ опіумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

1824 г.

* * *

Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и пировъ,
Онъ на обѣдахъ—богъ обѣдовъ,
Въ своихъ садахъ—онъ богъ садовъ.

1824 г.

НА КОНЧИНУ ТЕТУШКИ.

Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Ты къ матушкѣ была любовна,
Ты къ батюшкѣ была добра;
Тебя Матвѣй Михайлычъ кровный (камер. Солнцевъ)
Встрѣчалъ всегда среди двора,
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣевной (сестра поэта),
Со Львомъ Сергѣичемъ (братъ поэта) давно-ль,
На зло самой судьбинѣ гнѣвной,
Дѣлила ты и хлѣбъ, и соль?
И вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ...
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій, пропустилъ?

1824 г.

НА ВОЦАРЕНІЕ СУЛТАНА.

Сказалъ деспотъ: «Мои сыны,
«Законы будутъ вамъ даны:
«Я возвращу вамъ дни златые
«Благословенной старины!»—
И, диву давшись, Османлія
Надѣла съ выпушкой штаны.

ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА.

(НА М. Т. КАЧЕНОВСКАГО).

Какъ, живъ еще курилка-журналистъ?—
Живехонекъ! все такъ-же сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью размученъ:
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ, и вздорную новинку.—
Фу! надоѣлъ курилка-журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего!
Дай мнѣ совѣтъ.—Да... плюнуть на него.

1825 г.

EX UNGUE LEONEM.

(НА КАЧЕНОВСКАГО).

Недавно я стихами какъ-то свистнулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
Безъ подписи-жъ пустивъ ее, злодѣй.
Но что-жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когтямъ узналъ меня въ минуту,
Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

1825 г.

ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль, какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей риѳмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу,
А тамъ пошлю наудалую—
И горе нашему врагу!

1825 г.

КЪ БАРАТЫНСКОМУ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй.
А твой зоилъ—прямой чухонецъ.

1825 г.

СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣпней и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ рой журнальный,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на пискъ и шумъ нахальный:
Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямый,
Сердиться грѣхъ—но замахнись и вдругъ
Прихлопни ихъ проворно эпиграммой.

1825 г.

* * *

Всю жизнь провелъ въ дорогѣ
И умеръ въ Таганрогѣ.

1825 г.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной,
Весны пѣвецъ разнообразный
Урчитъ, и свищетъ, и гремитъ:
Но безтолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно *куку* свое твердитъ,
И эхо вслѣдъ за нею тоже:
Накуковали намъ тоску.
Хоть убѣжать! Избавь насъ, Боже,
Отъ элегическихъ *куку*.

1825 г.

НА А. Н. МУРАВЬЕВА.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пиѳонъ,
И твой ликъ побѣдой блещетъ,
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто-жъ вступился за Пиѳона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ!

1827 г.

КН. А. А. МЕЩЕРСКОЙ.

Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ!
Весь міръ твердитъ, и я съ нимъ тоже:
Другой—что̀ годъ, то больше лѣтъ,
А ты—что̀ годъ, то все моложе.

1827 г.

* * *

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы! весталка,
Тебя мнѣ жалко!

1827 г.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

—Что-жъ новаго? «Ей-Богу ничего».
—Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
Не стыдно-ли, отъ друга своего,
Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
Иль ты сердитъ? Помилуй, братъ, за что?
Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
«Охъ, отвяжись, я знаю только то,
Что ты дуракъ, да это ужъ не ново».

1828 г.

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки—
Есть, право, менѣе булавочной головки.
Крыловъ

Мое собранье насѣкомыхъ
Открыто для моихъ знакомыхъ:
Ну, что̀ за пестрая семья!
За ними гдѣ ни рылся я!
За то какая сортировка!
Вотъ Глинка—Божія коровка,
Вотъ Каченовскій—злой паукъ,
Вотъ и Свиньинъ—россійскій жукъ,
Вотъ Олинъ—черная мурашка,
Вотъ Раичъ—мелкая букашка.
Куда ихъ много набралось!
Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
Опи, пронзенныя насквозь,
Рядкомъ торчатъ на эпиграммахъ.

1828 г.

* * *

Невѣдомскій—поэтъ, невѣдомый никѣмъ,
Печатаетъ стихи, невѣдомо зачѣмъ.

1828 г.

НА КАЧЕНОВСКАГО.

1.

(литературное извѣстіе).

Въ элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій;
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, на дняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ,
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ Михайло Каченовскій.

2.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранный
Возраженій я не ждалъ,
Справедливы-ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно-ль такъ?
Въ полученьѣ оплеухи
Расписался мой дуракъ?

3.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,

Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный «Вѣстникъ» свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужицу живой.

4.

Обиженный журналами жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко.
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ;
Но цензоръ правъ; намъ—смѣхъ, Зоилу—носъ.
Иная брань, конечно, неприличность.
Нельзя сказать: «такой-то-де старикъ,
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ, и подлъ»—все это будетъ личность;
Но можете печатать, напримѣръ,
Что «господинъ парнасскій старовѣръ
Въ своихъ статьяхъ нелѣпицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ и даже глуповатъ»:
Тутъ—не лицо, а только—литераторъ.
1829 г.

НА НАДЕЖДИНА.

1.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
—Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»
За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.
1829 г.

2.

ПРИТЧА.

Но видно по всему, что онъ семинаристъ
Дмитріевъ

Картину разъ высматривалъ сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился художникъ.
«Вотъ», подбочась, сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ-ли нага?»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
—Суди, дружокъ, не свыше сапога.—
Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ-бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.
1829 г.

3.

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ;
Но потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграммой отвѣчалъ.
И возгоря желаньемъ славы,
Теперь надѣясь на отвѣтъ,
Журнальный шутъ, холопъ лукавый,
Ругать-бы также сталъ... О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ;
Лакей, сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разсчетъ
1829 г.

ПЕРЕДЪ БЮСТОМЪ.

Напрасно видятъ тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Не даромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.
1829 г.

Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій,
Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ,
И лошадей, и даже кучеровъ;
И съ радостью на карту—на злодѣйку
Поставилъ-бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда-бъ твой стихъ ходилъ хотя въ копѣйку.
1829 г.

КЪ N. N.

Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты—St.-Priest въ карикатурахъ,
Ты—Нелединскій въ стихахъ,
Ты прострѣленъ на дуэлѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ—
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.
1829 г.

Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого.
Глухой кричалъ: «моя имъ сведена корова!»
—Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ.—
Судья рѣшилъ: «почто идти вамъ братъ на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!»
1830 г.

НА Ѳ. В. БУЛГАРИНА.

1.

Не то бѣда, что ты полякъ:
Костюшко—ляхъ, Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты—Видокъ Фиглявинъ.
1830 г.

2.

Не то бѣда, Авдѣй Флюгаринъ,
Что родомъ ты не русскій баринъ,
Что на Парнасѣ ты—цыганъ.
Что въ свѣтѣ ты—Видокъ Флюгаринъ,
Бѣда, что скученъ твой романъ.
1830 г.

3.

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты, безстыдникъ! ахъ, злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.
1830 г.

4.

Фиглявинъ—вотъ полякъ примѣрный!
Въ немъ истинныхъ сарматовъ кровь;
Взгляните, какъ въ груди сей вѣрной
Хитра къ отечеству любовь!
То мало, что изъ злобы къ русскимъ,
Хоть отъ природы трусоватъ,
Бродилъ онъ подъ орломъ французскимъ
И въ битвахъ жизни былъ не радъ—
Патріотическій предатель,
Разстрига, самозванецъ сей
Уже не воинъ—ужъ писатель,
Ужъ русскій, къ сраму нашихъ дней!
Двойной присягою играя,
Полякъ въ двойную цѣль попалъ:
Онъ Польшу спасъ отъ негодяя
И русскихъ братствомъ запятналъ.
1830 г.

5

Всѣ говорятъ; онъ Вальтеръ-Скоттъ,
Но я, поэтъ, не лицемѣрю:
Согласенъ я—онъ просто скотъ.
Но что онъ Вальтеръ-Скоттъ—не вѣрю.
1831 г.

6.

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра—
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра?
1831 г.

*

Не вѣрю чести игрока,
Не вѣрю я француза дружбѣ,
Любви къ Россіи поляка
И безкорыстью нѣмца къ службѣ.
1830 г.

..

Сошлися школьники и вскорѣ
Одинъ изъ нихъ кой-какъ рецензію скропалъ,
Въ которой ясно доказалъ,
Что горе отъ ума—не рецензента горе.

—

. .

«Сыны Отечества» и «Вѣстники Европы»
Полезны для ума, а болѣе для....

—

НА КНЯЗЯ ШАЛИКОВА.

Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный,
Элегіи семьѣ своей читалъ,
А казачекъ огарокъ свѣчки сальной
Предъ ними съ трепетомъ держалъ.
Вдругъ мальчикъ нашъ заплакалъ, зарыдалъ...
«Вотъ, вотъ съ кого примѣръ берите, дуры!»
Князь дочерямъ въ восторгѣ закричалъ:
«Откройся, милый сынъ натуры!
«Ахъ, что слезой твой омрачило взоръ?»
А тотъ въ отвѣтъ:—мнѣ хочется на дворъ.

НА ПОЛЕВЫХЪ.

1.

Онъ третьей гильдіи купецъ,
Второй съ Булгаринымъ предатель,
Послѣдней гильдіи писатель
И первой гильдіи подлецъ.

2.

Нѣтъ подлѣе до Алтая
Полевого Николая,
И глупѣе нѣтъ отъ Понта
Полевого Ксенофонта.

—

НА СМИРДИНА.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождика четвергъ.

НА Л. С. ПУШКИНА.

Нашъ пріятель, Пушкинъ Лёвъ,
Не лишенъ разсудка;
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

Стихотворенія антологическія, описательныя, идилліи, пѣсни и думы

ПѢСНЯ.

О Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса.
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши: твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза.
Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенный
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.
Накинутъ ночи тѣни
Покровы намъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ!
Спѣши, о Делія, свиданьемъ:
Пади въ объятья мои!
1812 г.

ДЕЛІЯ.

Ты-ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою,
Сколько плакалъ я!
Ты-ль передо мною.
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?
Ты узнала-ль друга?
Онъ не то, что̀ былъ;
Но тебя, подруга,
Все-жъ не позабылъ;
И твердитъ унылый:
Я любимъ-ли милой,
Какъ, бывало, былъ?
Что̀ теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей...
Делія стыдится...
Что̀ теперь сравнится
Съ долею моей?
1812 г.

ИЗМѢНЫ.

(КЪ ГРАФИНѢ Н. В. КОЧУБЕЙ).

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премѣны
Сладость вкусилъ;
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудь;
Въ новой сей долѣ
Счастливо будь.
Только весною
Зефиръ младою
Розой плѣненъ;
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.
Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду—
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ.
Ахъ, для тебя-ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтетъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Вслѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ мирномъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».
Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ,
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ истребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить.
Какъ вѣтерочекъ
Ранней порой
Гонитъ листочекъ
Съ рѣзвой волной—
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ;
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ;
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.
Что-же...? Напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ, возвратися,
Радость очей!
Хладна, тронися
Грустью моей!
Тщетно взываешь,
Бѣдный пѣвецъ;
Нѣтъ, не встрѣчаешь
Мукамъ конецъ...
Такъ до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова ищи;
Всѣми забытый,
Терномъ увиты
Цѣпи влачи... 1812 г.

ЛЕДА.

(КАНТАТА, ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Средь темной рощицы, подъ тѣнью липъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ сребристыхъ,
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ—
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливый,
Будь-же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Измѣнить страшитесь ей!

Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышетъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.

Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ;
Нимфа далѣе ступаетъ,
Робко ввѣрившись волнѣ.

Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возшумѣло,
И чувство робости прекрасной овладѣло;
Невольно вздрогнула, не въ силахъ вздохнуть:
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ: веселья полна грудь
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольца шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь, предъ Ледой клонитъ.

Леда смѣется;
Вдругъ раздается
Радости кликъ...
Видъ сладострастный:
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ.
Слышно стенанье;
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.

Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая,
И что-жъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса;
Межъ ними юная любовь—
И пала таинства прелестнаго завѣса!

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы—дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:

Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ;
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.

Симъ примѣромъ научитесь,
Розы—дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.
1814 г.

ВЕНЕРѢ ОТЪ ЛАИСЫ,

ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда;
Богиня красоты прекрасна будетъ ввѣкъ:
Сѣдого времени ей не страшна обида:
Она—не смертный человѣкъ;
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.
1814 г.

КРАСАВИЦѢ,

КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Возможно-ль, вмѣсто розъ, Амуромъ насажденныхъ,
Тюльпановъ, гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей—
Возможно-ль, милая Климена?
Какая странная во вкусѣ перемѣна!
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ пушистый порошокъ!
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
На старой каѳедрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латынщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой;
Пускай младой драгунъ усатый,
Поутру сидя у окна,
Стаканы сушитъ всѣ до дна,
И чтобъ прогнать остатокъ сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ сѣроватый
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У грацій въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
У коей держится вся прелесть на подставкѣ,
У коей безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ.
Чаекъ въ-прикуску попиваетъ
И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ...
Злословитъ, молится, зѣваетъ;
А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ,
Такъ нравится тебѣ... о пылъ воображенья!
Ахъ! если-бъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньѣ,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
Тогда-бъ, въ сердечномъ восхищеньѣ,
Разсыпался на грудь, подъ шалевый платокъ...
И даже, можетъ быть... но что? мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ!.. отчего я не... табакъ!
1814 г.

ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложитъ—
Тотъ не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись;
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь—
Радъ не радъ, а дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.
Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости, любовь!

За богинею слѣпою.
Не за Хлоей полечу,
Счастье, счастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,
Оглянулся... и Эротъ
Постучался у воротъ.
Нѣтъ! мнѣ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣстъ жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Веселиться—мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ ужъ воротъ.
1814 г.

БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой.
Гдѣ, журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ унылы трели
Повторялъ въ глуши долинъ...

Вдругъ изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ:
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ, въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой.
«Дни, протекшіе въ весельи
(Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой),
Отчего, явясь мечтой,
Вы, какъ тѣнь, изъ глазъ исчезли
И покрылись вѣчной тьмой?
Ахъ! когда я въ мракѣ нощи,
При таинственной лунѣ,
Въ темну сѣнь прохладной рощи,
Сладко спящей въ тишинѣ,
Медленно, рука съ рукою,
Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
Кто сравниться могъ со мною?
Хлоѣ былъ тогда я милъ!

«А теперь мнѣ жизнь—могила,
Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
Грустенъ лѣсъ, потокъ унылъ...
Хлоя другу измѣнила!..
Я для милой... ужъ не милъ!.»

Звукъ исчезъ свирѣли тихой;
Смолкъ пѣвецъ—и тишина
Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна,
И колышетъ павиликой
Тихо-вѣющій зефиръ.
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является сатиръ.
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:
«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри-жъ, какъ онъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтясь луной!
Выпей чашу—и душой
Будешь такъ-же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ: стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»
И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ исчезъ;
Лишь фіалъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
Видъ окрестный потемнился—
И несчастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, сатиръ, меня»,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ:
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить».
—Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови;
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жъ теперь, съ похмѣлья,
Съ Купидономъ помирись;
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Дориды
Снова счастьемъ насладись!
1814 г.

ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталъ,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣе скатерть и бокалъ!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, въ стеклѣ!
Друзья! почто-же съ Кантомъ

Сенека, Тацитъ на столѣ,
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ—
Мы полемъ овладѣемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ—
Безъ нихъ мы пить умѣемъ!
Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистый;
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты—Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери—
Будь нашимъ президентомъ,
И станутъ самые цари
Завидовать студентамъ.
Дай руку, Дельвигъ! чтò ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный!
Ты не подъ каѳедрой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни, здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита.
За здравье нашей музы пей,
Парнасскій волокита!
Острякъ любезный! по рукамъ! (Д. Илличевскій)
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!
А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса! (Кн. А. М. Горчаковъ)
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее—завѣса!
Хотя студентъ, хотя я пьянъ,
Но скромность почитаю;
Придвинь-же пѣнистый стаканъ:
На все благословляю.
Товарищъ милый, другъ прямой! (И. Пущинъ)
Тряхнемъ рукою руку,
Оставимъ въ чашѣ круговой
Педантамъ сродну скуку.
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ,
И тотчасъ помиримся.
А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь! (М. Л. Яковлевъ)
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тостуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ—
Разсудокъ, Богъ съ тобою!
А ты, повѣса изъ повѣсъ, (И. В. Малиновскій)
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ
И пить давайте снова.
Приближься, милый нашъ пѣвецъ,
Любимый Аполлономъ. (Н. А. Корсаковъ)
Воспой властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется;
Но мнѣ-ли страстью воздохнуть?—
Нѣтъ, пьяный лишь смѣется.
Не лучше-ль, Роде записной, (М. Л. Яковлевъ).
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно;
Охрипли?... Это—не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.
Но чтò я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...
Гдѣ вы, товарищи, гдѣ я?
Скажите, Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ, прочти свои стихи, (Кюхельбекеръ
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе.
1814 г.

РОМАНСЪ.

Подъ-вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ,
И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
«Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!
Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ—вина моя!
Меня на вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ—чужой!

Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!
Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спишь!... позволь тебя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый,—горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!»
Но вдругъ за рощей освѣтила,
Вблизи ей, хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она.
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой,
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.
1814 г.

ВИШНЯ.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.
Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.
Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.
Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.
Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ,
И вдаль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.
Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.
Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.
Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
. . . .
Приманка людей.
Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.
Хоть видъ ихъ прекрасенъ
Красотку манитъ,
Но путь къ нимъ опасенъ—
Бѣдняжку страшитъ.
Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишень поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣсть.
Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.
Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ! что съ тобою,
Пастушка моя?
Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ—
Нога ослабѣла,
Скользитъ башмачокъ.
И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но, ахъ! какой видъ...
Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ...
Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.
Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ.
Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ,
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ...
. . . .
1815 г.

СТАРИКЪ.

(ИЗЪ МАРОТА).

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младого!
Я твой служитель вѣрный былъ:
Ахъ, еслибъ могъ родиться снова,
Ужъ такъ-ли-бъ я тебѣ служилъ!
1815 г.

ВОДА И ВИНО.

Люблю я въ полдень воспаленный
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя;
Когда-жъ вино въ края поскачетъ,
Напѣнясь въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите—кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?
Да будетъ проклятъ дерзновенный,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленный,
О страхъ, смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
Пускай не въ силахъ будетъ пить,
Или, стаканами владѣя,
Лафитъ съ цимлянскимъ различить.
1815 г.

ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ конецъ измученъ я,
Всечасно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите-жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Боченокъ выписной.
Нашъ Либеръ, заикаясь,
Къ нему покажетъ путь:
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть!
Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.
1815 г.

МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна,
На холмѣ тьма сѣдѣетъ,
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ;
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи,
Стада почили средь полей,
И тихъ полетъ полнощи.

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла;
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ,
Въ кивотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глинянымъ пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ;
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья.

И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный;
Исполненъ тайною тоской,
Мечтаньемъ вдохновенный,
Летаетъ рѣзвою рукой
По лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ низкій свой шалашъ
Въ мольбахъ не просить счастья!
Ему Зевесъ—надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья;
На макахъ лѣни, въ тихій часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасный гласъ
Его не пробуждаетъ.
Пускай, ударя въ звучный щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавый,—
Прелестна сердцу тишина;
Нейду, нейду за славой.

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно;
Дана мнѣ лира отъ боговъ—
Поэту даръ безцѣнный—
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Расправя легки крылы;
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ, у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней...»
Такъ въ зимній вечеръ сладкій сонъ
Приходитъ къ мирной сѣни,
Вѣнчанный макомъ, и склоненъ
На посохъ томной лѣни...
1815 г.

РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
Постой, кричалъ, прелестная, постой!
Скажи: «люблю»—и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой.—
«Молчи, молчи!» разсудокъ говорилъ.
А плутъ Эротъ: «скажи—ты сердцу милъ!»

«Ты сердцу милъ!» пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись,
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила...
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ ей твердилъ
А плутъ Эротъ: «останься!» говорилъ.

Осталася, и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ;

—Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ
Тамъ обнялись подъ тѣнью липъ густою!
«Бѣги, бѣги!» разсудокъ повторилъ.
«Учись отъ нихъ!» Эротъ ей говорилъ.

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала...
«Будь счастлива!» Эротъ ей прошепталъ:
Разсудокъ что-жъ? Разсудокъ ужъ молчалъ.
1815 г.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Такъ вянетъ младость!
Не говори:
Вотъ жизни радость!
Цвѣтку скажи:
Прости, жалѣю!
И на лилею
Намъ укажи.
1815 г.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

(изъ парни).

Все въ таинственномъ молчаньи;
Холмъ одѣлся темнотой,
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ;
Лишь порою звонъ унылый,
Будто лѣни голосъ милый,
Въ мертвой слышится струнѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте-жъ насладиться:
Жизнь, увы, не вѣчный даръ!
Здѣсь поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь, готовяся природѣ
Долгъ послѣдній заплатить,
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдого
Дѣвы скачутъ и поютъ;
Онъ у времени скупого
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы, и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты,
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный! вѣкъ твой—привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови;
Наслаждайся, наслаждайся,
Чаще кубокъ наливай,
Страстью пылкой утомляйся
И за чашей отдыхай!
1815 г.

МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ: онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселый вѣкъ;
Не дѣлалъ добраго — однако-жъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.
1815 г.

ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

(картины)

(подражание парни)

I. ПАСТУШКА.

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею,
Красавица цвѣтетъ;
Все въ ней очарованье!
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ
Все юность измѣняетъ.
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ;
Одна у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда-же, ночью темной,
Ее въ постели скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньи,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою:
И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ —
И Лила въ сновидѣньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: о, Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ, въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной,
Покоится съ тобой?
И такъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви:

Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ ліетъ:
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ;
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога.
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастный
Страданья чашу пьетъ
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
Но вотъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса;
Зефиры прошептали—
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.

IV. РѢКА.

Одна поутру Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой
Задумчиво ходила.
«О, скоро-ль, мракъ ночной,
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро-ль, темный лѣсъ,
Въ туманахъ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
Но шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ — сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣтерочекъ,
Летитъ она въ лѣсочекъ;
Онъ гонится за ней —
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньямъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышетъ;
Къ рѣкѣ летя стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья...
Напрасны всѣ старанья:
Ты Фавну суждена!
Но шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка ея могила...
Нѣтъ! Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ селъ Венеру
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру—
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ.
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила,
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФІАЛЪ.

Поникнувъ головою,
Несчастный богъ лѣсовъ
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
«Прости, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ:
«Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!»

Вдругъ изъ лѣсу румяный,
Шатаясь, передъ нимъ
Сатиръ явился пьяный
Съ кувшиномъ круговымъ;
Онъ мутными глазами
Пути домой искалъ
И козьими ногами
Едва переступалъ;
Шелъ, шелъ, и натолкнулся
На Фавна моего,
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
«Ты-ль это, братъ любезный?»
Вскричалъ Сатиръ сѣдой:
«Въ какой странѣ безвѣстной
Я встрѣтился съ тобой?»
—Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло:
Завяли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви.
«Что слышу? Отъ Амура
Ты страждешь и грустишь?
Малютку-бѣдокура
И ты боготворишь?
Возможно-ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай,
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!»
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала
Амуръ уже забытъ.

VII. ИЗМѢНА.

Кто-жъ дерзостный владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
И такъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Спѣши любить, о Лила!
И снова измѣняй.

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Чтó, Лила, чтó съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ;
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ-жъ сердца другъ безцѣнный?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Палемонъ?

О Лила! вянутъ розы
Минутныя любви:
Познай-же грусть и слезы,
И нынѣ терны рви.

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость въ отдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ
Разстался съ красотой,
И вслѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой.
Въ лѣсу пастушка бродитъ
Печальна и одна:
Кого-же тамъ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги,
Лѣниво осушалъ.
Хоть Фавнъ—и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣвая свой фіалъ,
Качая головою,
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ, Лила! я въ покоѣ—
Другихъ, мой другъ, лови;
Есть время для любви,
Для мудрости—другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся;
Бывало, восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлѣя страстью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало... но, по счастью,
Чтó было—то прошло».
1816 г.

КЪ МОРФЕЮ.

(изъ Парни).

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.

Когда-жъ умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если-бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!
1816 г.

ПУНШЕВАЯ ПѢСНЯ.

(изъ шиллера).

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ,
Міръ создаютъ.
Влажно зернистый
Выжми лимонъ:
Ѣдкая сила—
Жизни зерно.
Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихо водой.
Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію жизнь.
Только кипучій
Ключъ утолитъ!
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его!
1816 г.

ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Пѣною парной
Блещетъ вино!
Свѣта дороже
Сердцу оно.
Но за кого-же
Выпью вино?
Здравіе славы,
Выпью-ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы,
Здравіе Феба
Пейте, пѣвцы.
Рѣзвой Камены
Ласки—бѣда!
Токъ Иппокрены —
Просто вода!
Пейте за радость
Юной любви!
Скроется младость,
Дѣти мои.
Кубокъ янтарный
Полонъ давно.
Я, благодарный,
Пью—за вино!
1816 г.

УСЫ.

(философическая ода).

Глаза скосивъ на усъ кудрявый,
Гусаръ, съ улыбкой величавой
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:
Гусаръ, нѣтъ вѣчнаго въ природѣ!
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходятъ царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драмы тощія Клеона?—
Умчала все временъ рѣка.
За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, выписною
Онъ вѣчно лоснится сурьмою,
Расправленъ гребнемъ и рукой.
Чтобы не смять уса лихого,
Ты къ ночи одою Хвостова
Его тихонько обвернешь,
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
Въ глубокомъ снѣ его лелѣешь
И утромъ вновь его завьешь.
На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?—
Коня, красавицъ и усовъ!
Сраженья страшный часъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты, надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь,—
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную потомъ.
Окованный волшебной силой,
Наединѣ съ красоткой милой
Ты нѣжишься, одной рукой,
Въ восторгахъ нѣги сладострастной,
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.
Гордись, гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно:
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И черны кудри посѣдѣютъ,
А старость выбѣлитъ усы.
1816 г.

СЛОВО МИЛОЙ.

[маріи смитъ].

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ,
Чѣмъ соловей близъ тихихъ водъ
Или полуночная лира.
Упали слезы изъ очей,
И я сказалъ пѣвицѣ милой:
«Пріятенъ голосъ твой унылый,
Но слово милыя моей
Пріятнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы».
1816 г.

АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

сказка.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали-ль вы, мои друзья,
Слѣпого мальчика съ повязкой?
Слѣпого?.. Вотъ! Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ;

Но шалуну пришла-жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его Безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота;
Но вдругъ, не зная почему.
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею ..
А что̀ такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ;
А впрочемъ — добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ
И караулилъ супостата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:
«Развеселися, Гименей!
Ну, помиримся, будь умнѣй!
Забудь, товарищъ мой любезный,
Раздоръ смѣшной и безполезный!
Да только навсегда, смотри,
Возьми-жъ повязку въ память, милый,
А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обнову брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ:
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ;
Спокоенъ онъ; но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ,
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

1816 г.

ИСТИНА.

Издавна мудрые искали
Забытыхъ истины слѣдовъ.
И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ;
Твердили: «истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ!»
И дружно воду выпивая,
Кричали: «здѣсь ее найдемъ!»
Но кто-то, смертныхъ благодѣтель,
И чуть-ли не старикъ Силенъ,
Ихъ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ,
И осушивъ до капли чашу,
Увидѣлъ истину на днѣ.

1816 г.

ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ дальній Паѳосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Виномъ онъ былъ наполненъ;
Кругомъ висѣли розы,
Зеленый плющъ и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій;
На краешкѣ я видѣлъ
Коварнаго Амура;
Смотрѣлъ онъ, пригорюнясь,
На пѣнистую влагу.
«Что̀ смотришь ты, проказникъ,
На пѣнистую влагу?»
Спросилъ я Купидона:
«Скажи, что̀ такъ утихнулъ?
Иль хочется зачерпнуть
Тебѣ вина златого,
Да ручка не достанетъ?»
—Нѣтъ! отвѣчалъ малютка:
Играя, въ это море
Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
Я уронилъ, и факелъ
Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
Вонъ, вонъ, на днѣ блистаютъ!
А плавать не умѣю.
Ахъ, жалко мнѣ; послушай,
Достань мнѣ ихъ оттуда.—
«О нѣтъ!» сказалъ я богу:
«Спасибо, что упали;
Пускай тамъ остаются:
Тѣмъ лучше для меня!»

1816 г.

СОНЪ.

(отрывокъ).

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой.
Мнѣ страшенъ свѣтъ, проходитъ вѣкъ мой темный
Въ безвѣстности заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;

Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ,
Мнѣ не даетъ покоя Цитерея;
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.

Приди, о лѣнь, приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню,
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темный нишъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной.
Вотъ мой диванъ—приди-жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я—плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, води моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!

А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно-бъ сонъ спокойный предпочли—
О мудрецы! дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тронъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите-же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.

Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите-ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите-же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно, и безпечно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я,въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ;
Но можно-ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,
Обманутый призраками ночными—
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя, колесами златыми,
Катится спѣсь подъ окнами моими.
Я вновь дремлю, вновь улица дрожитъ—
На скучный балъ разсѣянье летитъ...
О Боже мой! ужели здѣсь ложатся,
Что бы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? Не лучше-ли въ село?
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина—
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть:
Опасенъ онъ, онъ можетъ разбудить.
И такъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны,
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что-жъ надобно? Движенье, господа!
Похвальна лѣнь, но есть всему предѣлы:
Смотрите: Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступитъ день: несчастный, задыхаясь,
Кряхтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда-жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постели поползетъ;
И какъ-же ночь несчастный проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! сонъ ему—не радость, а мученье;
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать намъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
Нѣтъ, въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой.
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,
Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ, отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
И царствуй Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему, но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары: но, право, ввечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.

Не ужинать—святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ
Берегитесь вы, о дѣти мудрой лѣни,
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты;
Вашъ цѣлый вѣкъ— несносное томленье,
И скученъ сонъ, и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.

Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ, и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ: .
О, сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье!
Пусть долѣе продлится вашъ покой—
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.

Случалось-ли ненастной вамъ порой
Дня зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ
Сидѣть однимъ безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вкругъ; березы больше нѣтъ;
Часъ отъ часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ ужъ - и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу віясь, уходитъ.
И вотъ жезломъ невидимымъ своимъ
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ... «Кандидъ» изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися, упалъ въ колѣни вдругъ;
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ
Забуду-ли то время золотое,
Забуду-ли блаженной нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ-вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей;
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ, умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы...
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало;
Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ два зуба стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ...
Но вы прошли, о ночи безмятежны,
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
Подайте мнѣ Альбана кисти нѣжны!
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ-жъ она? Восторгами родилась
И въ тотъ-же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я, ищу на небѣ день,
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
Но сонъ мой тихъ! Безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ риѳмою не бьюсь,
Не вижу ввѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ музъ.
Я—не герой, по лаврамъ не тоскую,
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой;
Я—не богачъ, и лаемъ песъ привратный
Не возмущалъ мечты моей пріятной;
Я—не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ
Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

1816 г.

НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься, путникъ молодой,
Любви къ пустынному пріюту!
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ,
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

1816 г.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ;
Обиды, пѣсни—все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

1816 г.

КЪ НЕЙ.

Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку!
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ. .

Скажи, увижу-ли? на долгую-ль разлуку
Любовникъ осужденъ?
Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда насъ утро не застанетъ
Въ объятіяхъ любви?
Эльвина! почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ весельемъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?
И въ радости нѣмой, въ восторгахъ упоенья,
Твой шопотъ сладостный и томный стонъ внимать,
И тихо въ скромной тьмѣ для нѣги пробужденья
Близъ милой засыпать?
1816 г.

ЭКСПРОМПТЪ НА А.

Въ молчаньѣ предъ тобой сижу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что̀ говоритъ воображенье.
1816 г.

ОНА.

«Печаленъ ты, признайся, что̀ съ тобой?»
—Люблю, мой другъ!—«Но кто-жъ тебя плѣнила!»
—Она.—«Да кто-жъ, Глицера-ль, Хлоя, Лила?»
—О, нѣтъ!—«Кому-жъ ты жертвуешь душой?»
—Ахъ, ей!—«Ты скроменъ, другъ сердечный:
Но почему-жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ, конечно...»
—Не то, мой другъ! — «Но что-жъ?» — Я ей—не онъ!
1816 г.

КЪ ПИСЬМУ.

Въ немъ радости мои; когда померкну я,
Пускай оно груди безчувственной коснется:
Быть можетъ, милые друзья,
Быть можетъ, сердце вновь забьется.
1816 г.

ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть, за что̀ философы, піиты
На твой и мой давнымъ-давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю:
Что, ежели-бъ ты не была моею?
Что, ежели-бъ я не былъ, Ниса, твой?
1817 г.

ИМЕНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость,
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Именинницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Именинникъ буду я?
1817 г.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

(изъ Парни).

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть;
Пусть чернь слѣпая суетится:
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда-же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что̀ отымется у ней.
1817 г.

КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Всевышней волею небесъ
Окованный на службѣ царской—
Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Periклесъ,
У насъ—онъ офицеръ гусарскій.
1817 г.

КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ
На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель
Друзьямъ онъ—вѣрный другъ, красавицамъ—мучитель,
И всюду онъ—гусаръ.
1817 г.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Что̀ можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то-же.
1817 г.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны, и тимпанъ?
Что̀ значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ ихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
Но двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши!

Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его младые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эроты, игры—
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ, и сатировъ рой:
Плющемъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Вослѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ, оступившись, упадаетъ,
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ,
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ, далѣ, вижу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.
Но воетъ берегъ отдаленный;
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчалися, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской топчутъ лугъ;
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.
Поютъ неистовыя дѣвы:
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полныя безумствомъ и томленьемъ,
Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ намъ
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
Но вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ.
Махая тирсами, несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы.
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Друзья, въ сей день благословенный
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
1818 г.

*

Есть въ Россіи городъ Луга
Петербургскаго округа;
Хуже-бъ не было сего
Городишки на примѣтѣ,
Если-бъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.
1818 г.

От всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Маѳушкою бранилась;
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой, кричитъ, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила,—
Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!»
—Тебѣ-ль грозить!—Маѳуша отвѣчаетъ:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя;
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи-жъ, кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами-жъ всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужомъ глазу соломинку ты видишь,
А у себя — не видишь и бревна.
1815 г.

МОЛИТВА ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Избави, Господи, ума такого,
Какъ у Александра Васильича Попова!
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Ховрина глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юшкова подлости,
Крекшина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгросовой мерзости,
Кнабенау усовъ,

Пашковскихъ носовъ,
Салтыкова дикости,
Соломірскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микѣшина хулы.
1817 г.

***

Какъ сладостно,—но, боги, какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милый взоръ!
Забуду-ль я улыбку, взоръ прекрасной
И огненный, волшебный разговоръ?
Волшебница! Зачѣмъ тебя я видѣлъ?
Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
И счастіе мое возненавидѣлъ...
1818 г.

***

И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ
Одною дружбою прекрасенъ,
Что безъ нея отрады нѣтъ,
Что жизни-бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда-бъ не тихій дружбы свѣтъ...
Послушай, чувство есть другое:
Оно и нѣжитъ и томитъ,
Въ трудахъ, въ заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горитъ;
Оно мучительно, желанно...
. . . .
Вотъ страсть, которою страдаю,
Которой вяну и дышу,
Которую въ душѣ ношу
И ни на что не промѣняю...
1818 г.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

Тебя-ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты-ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина, съ неловкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной,
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
И вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ...
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты упоеньемъ.
Приди, меня мертвитъ любовь!
Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой:
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.
1818 г.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.
1818 г.

***

Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
Тоскующей души холодное волненье;
Ты поняла меня: проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить...
Исчезли навсегда часы очарованья,
Пора прекрасная прошла.
Погасли юныя желанья,
Надежда въ сердцѣ умерла...
1819 г.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю веселый пиръ,
Гдѣ веселье—предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ—
За столомъ законодатель;
Гдѣ до утра слово «пей»
Заглушаетъ крики пѣсенъ,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ!
1819 г.

ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой,
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!

Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.
1819 г.

НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?
Ты, геній!... Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье
И гаснетъ пламенной душой...
1819 г.

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.
1819 г.

ДОРИДА.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые,
И блѣдное чело, и очи голубыя.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой:
Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались...
Я таялъ; но среди невѣрной темноты
Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.
1820 г.

ДОРИДѢ.

[ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ].

Я вѣрю: я любимъ; для сердца нужно вѣрить.
Нѣтъ, милая моя не можетъ лицемѣрить;
Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
Стыдливость робкая—харитъ безцѣнный даръ,
Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность
И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность.
1820 г.

* * *

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей;
Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы,
И смерти мысль мила душѣ моей.
Во цвѣтѣ лѣтъ свободы вѣрный воинъ,
Передъ собой кто смерти не видалъ,
Тотъ полнаго веселья не вкушалъ
И милыхъ женъ лобзаній не достоинъ.
1820 г.

* * *

О дѣва-роза, я—въ оковахъ,
Но не стыжусь твоихъ оковъ:
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ,
Пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладостной живетъ
И нѣжно пѣсни ей поетъ
Во мракѣ ночи сладострастной.
1820 г.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принесъ я въ даръ тебѣ двѣ розы,
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропитъ росой холодной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ отрадный!
Журчи, журчи свою мнѣ быль.

Фонтанъ любви, фонтанъ печальный!
И я твой мраморъ вопрошалъ:
Хвалу странѣ прочелъ я дальной;
Но о Маріи ты молчалъ...

Свѣтило блѣдное гарема!
И здѣсь ужель забвенно ты?
Или Марія и Зарема—
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души неясный идеалъ?
1820 г.

НЕРЕИДА.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.
1820 г.

* * *

Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,
И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины...
Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ:
Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ таврическія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,
Когда на хижины сходила ночи тѣнь
И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ—подругамъ называла.
1820 г.

ВИНОГРАДЪ.

Не стану я жалѣть о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ на лозахъ,
Въ кистяхъ созрѣвшій подъ горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой.
1820 г.

* * *

Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой,
За ланью быстрой и пугливой
Стремится дикій Актеонъ.
Уже на чистый небосклонъ
Восходитъ блѣдная Діана—
И въ сумракѣ пускаетъ онъ
Стрѣлу послѣднюю колчана...
1820 г.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(молдавская пѣсня).

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.
Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.
Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей.
Съ тобою пируютъ (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ-жъ измѣнила гречанка твоя.
Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.
Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.
Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...
Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.
Не взвидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ—
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.
Безглавое тѣло я долго топталъ
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.
Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.
Съ главы ея мертвой снявъ черную шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.
Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.
Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.
Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
1820 г.

* * *

На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный,
Твое я имя повторялъ;
Тамъ часто я бродилъ уединенный
И вдаль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.
1820 г.

* * *

Счастливъ, кто близъ тебя, любовникъ упоенный,
Безъ томной робости твой ловитъ свѣтлый взоръ,
Движенья милыя, игривый разговоръ
И слѣдъ улыбки незабвенный.
1820 г.

* * *

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной;
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;
Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя;
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
Но гдѣ-же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!
1820 г.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ.

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь;
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ-ль нѣжнымъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его села,
Не нужно мнѣ его вола:
На все спокойно я взираю.
Ни домъ его, ни скотъ, ни рабъ—
Не лестна мнѣ вся благостыня...
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи, я слабъ!
Но ежели его подруга
Мила, какъ ангелъ во плоти,—
О Боже праведный, прости

Мнѣ зависть ко блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
Кто рабъ усилій безполезныхъ?
Какъ можно не любить прелестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Страшусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я страдаю.
1821 г.

*

Въ твою свѣтлицу, другъ мой нѣжный,
Я прихожу въ послѣдній разъ,
Любви счастливой, безмятежной
Дѣлю съ тобой послѣдній часъ.
Впередъ одна въ надеждѣ томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первыхъ утреннихъ лучей
Не жги свѣчей...
1821 г.

ЖЕЛАНІЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
Оживлены дубровы и луга,
Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга?
Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
Туда летятъ желанія мои.
Я помню горъ прибрежныя стремнины,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
Гдѣ бѣдныя простыхъ татаръ семьи,
Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
Подъ кровлею живутъ гостепріимной.

Все мило тамъ красою безмятежной,
Все путника плѣняетъ и манитъ,
Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатитъ,
Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
Виситъ янтарь, ночныхъ пировъ отрада.

Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшотки винограда,
Монастыри, селенья, города,
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда,
И яркіе лучи златого Феба,
И синій сводъ полуденнаго неба.

Приду-ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жизни суеты,
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
И ты, моя задумчивая лира,
Ты, вѣрная пѣвица красоты,
Пѣвица нѣгъ, изгнанья и разлуки,
Найдешь-ли вновь утраченные звуки?

И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу-ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурный,
И ясныя, какъ радость, небеса?
Утихнутъ-ли волненья жизни бурной?
Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ-ли краса?
Приду-ли вновь подъ сладостныя тѣни
Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?..
1821 г.

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты.
Пастухъ и земледѣлъ въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличутъ твой приходъ,
Иль солнце яркое зайдетъ въ печальны тучи,
Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ, а ранній селянинъ,
Готовясь ужъ косить высокій злакъ долинъ,
Услыша бури шумъ, не выйдетъ на работу
И погрузится вновь въ лѣнивую дремоту.
1821 г.

ДѢВА.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
Пылаетъ близъ нея задумчивая младость;
Любимцы счастія, наперсники судьбы
Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы;
Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ
И, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ.
1821 г.

ДІОНЕЯ.

Хромидъ въ тебя влюбленъ: онъ молодъ, и не разъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ:
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ потупленный желаніемъ горитъ,
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лицо твое хранитъ.
1821 г.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружаетъ,
Играетъ локономъ, и вѣрное стекло
Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражаетъ.
1821 г.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ ды-
ханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.
1821 г.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

ИДИЛЛІЯ МОСХА.

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣетъ;
Заботъ и думъ слагая грузъ,
Тогда лѣнюсь я веселѣе
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.
Когда-же волны по брегамъ
Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
И громъ гремитъ по небесамъ,
И молніи во мракѣ блещутъ,
Я удаляюсь отъ морей
Въ гостепріимныя дубровы:
Земля мнѣ кажется вѣрнѣй,
И жалокъ мнѣ рыбакъ суровый—
Живетъ на утломъ онъ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины,
А я въ надежной тишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.
1821 г.

---

* *
*

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ-ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный,
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...
1821 г.

---

* *
*

Всегда такъ будетъ и бывало,
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.
1821 г.

КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦѢ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя!
Мой вѣкъ однообразный
Тобой украсилъ я.
Какъ часто другъ веселья
Съ тобою забывалъ
Условный знакъ похмѣлья
И праздничный бокалъ!
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ,
И музу призывалъ
На пиръ воображенья...

Прозрачный легкій дымъ
Носился надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою
. . . .
Сокровища мои
На днѣ твоемъ таятся.
. . . .
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ лѣнью примирилъ:
Она—твоя подруга!
Съ тобой успѣхъ узналъ
Отшельникъ неизвѣстный...
Завѣтный твой кристалъ

Хранитъ огонь небесный;
И подъ вечеръ, когда
Перо по книжкѣ бродитъ,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То ѣдкой шутки соль,
То (тутъ-же) слогъ суровый,
То странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль.
Любовница свободы,
Ты съ нею заодно
Прославила вино
И прелести природы;
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи, и дѣла.
Съ глупцовъ сорвавъ одежду,
Я весело клеймилъ
Зоила и невѣжду
Пятномъ твоихъ чернилъ...
Но ихъ не разводилъ
Ни тайной злости пѣной,
Ни ядомъ клеветы—
И сердца простоты
Ни лестью, ни измѣной
Не замарала ты.
Безпечный сынъ природы,
Пока златые годы
Въ забвеньѣ трачу я,
Со мной неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя!
Но здѣсь, на лонѣ лѣни,
Я слышу нѣжны пени
Заботливыхъ друзей ...
Ужели ихъ забуду,
Друзей души моей,
И имъ невѣренъ буду?
Оставь, оставь порой
Привычныя затѣи,
И дактиль, и хореи
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки,
Всегдашнія мечты,
Мои надежды, чувства
Безъ лести, безъ искусства
Бумагѣ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣтреной, и нѣжной
Ихъ сердце утѣшай...
Когда-же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада,
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ—
Чадаевъ, другъ мой милый,
Тебя возьметъ унылый.
Послѣдній будь привѣтъ
Любимцу праздныхъ лѣтъ;
Изсохшая, пустая,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ нѣмая,
Укрась его каминъ.
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай,
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.
1821 г.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ немъ,
Въ счастливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И простодушіе съ язвительной улыбкой.
1821 г.

ПТИЧКА.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?
1822 г.

Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный
И ваши тайные цвѣты,
О вы, поэзіи прелестной
Благословенныя мечты!
Вы насъ увѣрили, поэты,
Что тѣни легкою толпой
Отъ береговъ холодной Леты
Слетаются на брегъ земной
И невидимо навѣщаютъ
Мѣста, гдѣ было все милѣй,
И въ сновидѣньяхъ утѣшаютъ
Сердца покинутыхъ друзей;
Онѣ, безсмертіе вкушая,
Ихъ поджидаютъ въ Элизей,
Какъ ждетъ на пиръ семья родная
Своихъ замедлившихъ гостей.
Но, можетъ быть, мечты пустыя—
Быть можетъ, съ ризой гробовой
Всѣ чувства брошу я земныя,
И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
Нетлѣнной славой и красой,

Гдѣ чистый пламень пожираетъ
Несовершенство бытія,
Минутныхъ жизни впечатлѣній
Не сохранитъ душа моя:
Не буду вѣдать сожалѣній,
Тоску любви забуду я...
1822 г.

ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пиръ,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашъ, при звукѣ лиръ.

Такъ, музы васъ благословили,
Вѣнками свыше осѣня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суетной работой,
Не рѣзьбою плѣняла насъ;

Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
Что, жажду скиѳскую поя,
Бутылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пилъ, и думою сердечной
Во дни минувшіе леталъ,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминалъ.

Меня смѣшила ихъ измѣна
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ закипѣвшею струей.
1822 г.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.
1822 г.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшоткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мной задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!

Мы—вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я»...
1822 г.

ТАВРИДА.

(отрывокъ).

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, тишина царитъ въ душѣ моей, ненависть, раскаяніе, все исчезаетъ,—любовь, одушевленіе...

Покойны чувства, ясенъ умъ,
Пью съ воздухомъ любви томленье,
Въ душѣ утихло мрачныхъ думъ
Однообразное волненье.

Какой-то нѣгой неизвѣстной,
Какой-то грустью полонъ я!
Одушевленныя поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Тебя я посѣщаю вновь,
Пью жадно воздухъ сладострастья,
Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
Давно затеряннаго счастья...

Счастливый край, гдѣ блещутъ воды,
Лаская пышные брега,
И свѣтлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Гдѣ скалъ нахмуренные своды...
1822 г.

* * *

Какъ наше сердце своенравно!
(Сомнѣньями) томимый вновь,
Я умолялъ тебя недавно
Обманывать мою любовь;

Участьемъ, нѣжностью притворной
Одушевлять свой дивный взглядъ,
Играть душой моей покорной
Въ нее вливать огонь и ядъ...

Ты согласилась... Нѣгой влажной
Наполнился твой южный взоръ,
Твой видъ задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговоръ.

И то, что дозволяешь нѣжно,
И то, что запрещаешь мнѣ,
Все впечатлѣлось неизбѣжно
Въ моей сердечной глубинѣ...
1822 г.

* * *

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!
1822 г.

ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подчасъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу;
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: валяй по всѣмъ по тремъ!...
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги...
Кричимъ: полегче, дуралей!
Катитъ по-прежнему телѣга.
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.
1823 г.

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

1.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора!
Въ тѣ дни, когда отъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови;
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы, и страданій,—
Не правда-ли—въ толпѣ младыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ;
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчіемъ восторговъ переводимъ.
Когда-же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать—
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать...

2.

О милый другъ! кому я посвятилъ
Всѣ первыя надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ!
Простишь-ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы
Безсонницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла...
Простишь-ли ты, о милая моя?..

3.

Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать желанье жениха
И знатоковъ внимательные взоры,
И на слѣды прекраснаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной,
И мнимыхъ слезъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль . . . .
Но поутру, оправясь понемногу,
Встаетъ блѣдна, чуть ходитъ—такъ томна;
Въ восторгѣ мужъ, мать шепчетъ: слава Богу!
А старый другъ стучится у окна...

4.

Не правда-ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни весной,
Оставя классъ, мы бѣгали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?..
...Сплетенные, кружась, идутъ по лугу
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой...

5.

Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ.
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и въ славѣ нестерпимой,
Тамъ ангелы волнуются, кишатъ,
Безчисленны летаютъ серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами.

6.

Смиренныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное, внимательное пѣнье!
Храни меня, внемли мое моленье:
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ богинь безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель...
Раскаянье мое благослови:
Пріемлю я намѣренья благія—
Перемѣнюсь—Елену видѣлъ я...
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравиться повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея груди зажги любви желанье—
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни бѣгутъ, и время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребритъ,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединитъ...
Даруй ты мнѣ безпечность и терпѣнье.
Молю тебя, пошли мнѣ вновь и вновь
Спокойный сонъ, въ супругѣ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.
1823 г.

* *

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ;
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой;
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньѣ не цѣлуетъ;
Одна... ничьимъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ
. . . .
. . . .
. . . .
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда-ль, ты одна? ты плачешь?... я спокоенъ;
. . . .
Но если . . . .
1823 г.

НОЧЬ.

Мой голосъ, для тебя и ласковый, и томный,
Тревожитъ позднее молчанье ночи темной.
Близъ ложа моего печальная свѣча
Горитъ; мои стихи, сливаясь и журча,
Текутъ, ручьи любви, текутъ, полны тобою.
Во тьмѣ твои глаза блистаютъ предо мною,
Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
Мой другъ, мой нѣжный другъ... люблю... твоя... твоя.
1823 г.

НАДГРОБ. НАДПИСЬ КН. ГОЛИЦЫНУ.

Отраднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился
И радость райскую принесъ съ собою къ намъ;
Но, житель горныхъ мѣстъ, ты міромъ не прельстился
И снова отлетѣлъ въ отчизну, къ небесамъ.
1823 г.

ИСПАНСКІЙ РОМАНСЪ.

Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись, какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струитъ эѳиръ.
Шумитъ,
Бѣжитъ.
Гвадалквивиръ.
1824 г

* *

Надо мной въ лазури ясной
Свѣтитъ звѣздочка одна;
Справа западъ темнокрасный,
Слѣва блѣдная луна.
1824 г.

*
*

Два чувства равно близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.
1824 г.

АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облекался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.
Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой—
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.
Пускай-же солнца ясный ликъ
Отнынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо зыблется тростникъ.
1824 г.

ПРОЗЕРПИНА.
(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро къ нимфамъ Пеліона
Изъ аида бога мчатъ.
Вдоль пустыннаго залива
Прозерпина вслѣдъ за нимъ,

Равнодушна и ревнива,
Протекла путемъ однимъ.
Предъ богинею колѣна
Робко юноша склонилъ.
И богинямъ льститъ измѣна:
Прозерпинѣ смертный милъ.
Ада гордая царица
Взоромъ юношу зоветъ,
Обняла, и колесница
Ужъ къ аиду ихъ несетъ.
Мчатся, облакомъ одѣты;
Видятъ вѣчные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
Тамъ утѣхамъ нѣтъ конца.
Прозерпина въ упоеньѣ,
Безъ порфиры и вѣнца,
Повинуется желаньямъ,
Предаетъ его лобзаньямъ
Сокровенныя красы.
Въ сладострастной нѣгѣ тонетъ,
И молчитъ, и томно стонетъ...
Но бѣгутъ любви часы...
Плещутъ волны Флегетона,
Своды тартара дрожатъ:
Кони блѣднаго Плутона
Быстро мчатъ его назадъ.
И Кереры дочь уходитъ,
И счастливца за собой
Изъ элизія выводитъ
Потаенною тропой;
И счастливецъ отпираетъ
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетаетъ
Сновидѣній ложный рой.
1824 г.

РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

Книгопродавецъ: Стишки для васъ—одна забава:
Немножко стоитъ вамъ присѣсть,—
Ужъ разгласить успѣла слава
Вездѣ пріятнѣйшую вѣсть:
Поэма, говорятъ, готова,
Плодъ новыхъ умственныхъ затѣй.
И такъ, рѣшите, жду я слова—
Назначьте сами цѣну ей.
Стишки любимца музъ и грацій
Мы вмигъ рублями замѣнимъ
И въ пукъ наличныхъ ассигнацій
Листочки ваши обратимъ.
О чемъ вздохнули такъ глубоко,
Нельзя-ль узнать?
Поэтъ: Я былъ далеко;
Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, не изъ платы,
И видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья
Съ неизъяснимою красой
Вились, летали надо мной
Въ часы ночного вдохновенья.
Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры чудные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.
Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
Дѣлиться не былъ я готовъ
Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладостныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ;
Я былъ хранитель ихъ скупой:
Такъ точно, въ гордости нѣмой,
Отъ взоровъ черни лицемѣрной
Дары любовницы младой
Хранитъ любовникъ суевѣрный.
Книгопрод.: Но слава замѣнила вамъ
Мечтанья тайнаго отрады;
Вы разошлися по рукамъ,
Межъ тѣмъ, какъ пыльныя громады
Лежалой прозы и стиховъ
Напрасно ждутъ себѣ чтецовъ
И вѣтреной ея награды.
Поэтъ: Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья!
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
И, терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и сновъ надежды,
Что слава? Шопотъ-ли чтеца?
Гоненье-ль низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?
Книгопрод.: Лордъ Байронъ былъ того-же мнѣнья;
Жуковскій то-же говорилъ;
Но свѣтъ узналъ и раскупилъ

Ихъ сладкозвучныя творенья.
И впрямь, завиденъ вашъ удѣлъ:
Поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ;
Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
Героевъ утѣшаетъ онъ;
Съ Коринной на киѳерскій тронъ
Свою любовницу возноситъ.
Хвала для васъ—докучный звонъ;
Но сердце женщинъ славы проситъ:
Для нихъ пишите; ихъ ушамъ
Пріятна лесть Анакреона:
Въ младыя лѣта розы намъ
Дороже лавровъ Геликона.

Поэтъ: Самолюбивыя мечты,
Утѣхи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искалъ вниманья красоты.
Мои слова, мои напѣвы
Коварной силой иногда
Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
Волненье страха и стыда;
Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви;
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!
Но полно; въ жертву имъ свободы
Мечтатель ужъ не принесетъ;
Пускай ихъ юноша поетъ,
Любезный баловень природы.
Что мнѣ до нихъ? Теперь въ глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стонъ лиры вѣрной не коснется
Ихъ легкой, вѣтреной души;
Нечисто въ нихъ воображенье,
Не понимаетъ насъ оно,
И, признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо, и смѣшно.
Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! что-же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Книгопродавецъ: Люблю вашъ гнѣвъ. Таковъ поэтъ!
Причины вашихъ огорченій
Мнѣ знать нельзя; но исключеній
Для милыхъ дамъ ужели нѣтъ?
Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей,
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?
Молчите вы?

Поэтъ: Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что-жъ, какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ-ли образъ незабвенный?
Любви блаженство зналъ-ли я?
Тоскою-ль долгой изнуренный,
Таилъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь - одна-ли, двѣ-ли ночи?
. . . .
И что-жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ.
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.
Ахъ, мысль о той душѣ завялой
Могла-бы юность оживить
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна-бы разумѣла
Стихи неясные мои;
Одна-бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, не нужно ей.

Книгопродавецъ: И такъ, любовью утомленный,
Наскуча лепетомъ молвы,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что-жъ изберете вы?

Поэтъ: Свободу.

Книгопродавецъ: Прекрасно. Вотъ-же вамъ совѣтъ:
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ —торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата;
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда

Кипитъ. бурлитъ воображенье:
Оно застынетъ—и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что-жъ медлить? Ужъ ко мнѣ заходятъ
Нетерпѣливые чтецы;
Вкругъ лавки журналисты бродятъ,
За ними тощіе пѣвцы:
Кто проситъ пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера,
И признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэтъ: Вы совершенно правы. Вотъ вамъ моя рукопись. Условимся.

1824 г.

КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
Когда свою онъ отъ руки твоей,
Какъ отъ змѣи, отдернетъ съ содроганьемъ;
Какъ, на тебя взоръ острый пригвоздя,
Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою,—
Не говори: «онъ боленъ, онъ—дитя,
Онъ мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодаренъ онъ;
Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостоинъ;
Вся жизнь его—какой-то тяжкій сонъ...»
Ужель ты правъ? Ужели ты спокоенъ?
Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ упасть,
Чтобъ вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблялъ на злобное гоненье;
Но если ты затѣйливо язвилъ
Пугливое его воображенье,
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ;
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ;
Но если цѣпь ему накинулъ ты
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ,
И онъ прочелъ въ нѣмой душѣ твоей
Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
Тогда ступай, не трать пустыхъ рѣчей—
Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

1824 г.

ПОДРАЖАНІЕ А. ШЕНЬЕ.

(Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire..)

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снѣдаетъ;
На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ.
Давно твоей иглой узоры и цвѣты
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали:
Давно глаза мои въ душѣ твоей читали.
Любви не утаишь: мы любимъ, и какъ насъ,
Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуетъ васъ.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними,
Красавецъ молодой съ очами голубыми,
Съ кудрями черными?.. Краснѣешь? Я молчу,
Но знаю, знаю все, и если захочу,
То назову его. Не онъ-ли вѣчно бродитъ
Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
И долго вслѣдъ за нимъ, незримая, глядишь.
Никто на праздникѣ блистательнаго мая,
Межъ колесницами роскошными летая,
Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
Не властвуетъ конемъ по прихоти своей.

1824 г.

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

(посвящено Прасковьѣ Александр. Осиповой).

I.

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечомъ и правой битвой,
Клянуся утренней звѣздой,
Клянусь вечернею молитвой:
Нѣтъ, не покинулъ я тебя.
Кого-же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ отъ зоркаго гоненья?
Не я-ль въ день жажды напоилъ
Тебя пустынными водами?
Не я-ль языкъ твой одарилъ
Могучей властью надъ умами?
Мужайся-жъ, презирай обманъ,
Стезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиротъ и мой коранъ
Дрожащей твари проповѣдуй.

II.

О, жены чистыя пророка,
Отъ всѣхъ вы женъ отличены:
Страшна для васъ и тѣнь порока.
Подъ сладкой сѣнью тишины
Живите скромно; вамъ пристало
Безбрачной дѣвы покрывало.
Храните вѣрныя сердца
Для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ,
Да взоръ лукавый нечестивыхъ
Не узритъ вашего лица

А вы, о гости Магомета!
Стекаясь къ вечери его,
Брегитесь суетами свѣта
Смутить пророка моего.
Въ паренья думъ благочестивыхъ,
Не любитъ онъ велерѣчивыхъ,
И словъ нескромныхъ и пустыхъ;
Почтите пиръ его смиреньемъ
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ.

III.

Смутясь нахмурился пророкъ,
Слѣпца послышавъ приближенье:

Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
Ему являть недоумѣнье.
Съ небесной книги списокъ данъ
Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
Спокойно возвѣщай коранъ,
Не понуждая нечестивыхъ!
Почто-жъ кичится человѣкъ?
За то-ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ слабъ родился?
За то-ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?
За то-ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и финикъ, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву?
Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ:
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ.
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ:
И нечестивые падутъ,
Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ тобою древле, о всесильный,
Могучій состязаться мнилъ,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, Господь, его смирилъ.
Ты рекъ: «я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подъята длань моя».
—Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
И также смертью наказую,
Съ тобою, Боже, равенъ я.—
Но смолкла похвальба порока
Отъ слова гнѣва твоего:
«Подъемлю солнце я съ востока:
Съ заката подыми его».

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой.
Зажегъ ты солнце во вселенной,
Да свѣтитъ небу и землѣ,
Какъ ленъ, елеемъ напоенный,
Въ лампадномъ свѣтитъ хрусталѣ.
Творцу молитесь; онъ—могучій;
Онъ правитъ вѣтромъ: въ знойный день
На небо посылаетъ тучи:
Даетъ землѣ древесну сѣнь.
Онъ милосердъ: онъ Магомету
Открылъ сіяющій коранъ,
Да притечемъ и мы ко свѣту,
И да падетъ съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обритыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.
Внемлите радостному кличу,
О дѣти пламенныхъ пустынь!
Ведите въ плѣнъ младыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!
Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье:
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
Прельстясь добычей боевою,
Теперь въ раскаяньѣ своемъ
Рекутъ: «возьмите насъ съ собою»;
Но вы скажите: «не возьмемъ».
Блаженны падшіе въ сраженьѣ:
Теперь они вошли въ эдемъ
И потонули въ наслажденьѣ,
Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:	Печальныя мысли,
Въ пещерѣ твоей	Лукавые сны!
Святая лампада	До утра молитву
До утра горитъ.	Смиренно твори;
Сердечной молитвой,	Небесную книгу
Пророкъ, удали	До утра читай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ разсчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ тучной,
О сѣятель благополучный,
Сторицею воздастъ она твоимъ трудамъ.
Но если, пожалѣвъ трудовъ земныхъ стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань;
Знай: всѣ твои дары подобно горсти пыльной,
Что съ камня моетъ дождь обильный,
Исчезнутъ—Господомъ отверженная дань.

IX.

И путникъ усталый на Бога роптал,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ, и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ...
И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.
И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.
Насталъ пробужденья для путника часъ;
Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
«Давно-ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?»
И онъ отвѣчаетъ:—ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.—

*

Но голосъ: «о путникъ, ты долѣе спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодный
Изсякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей».
И горемъ объятый, мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ...
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось:
Минувшее въ новой красѣ оживилось;
Вновь зыблется пальма тѣнистой главой;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.
И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь;
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.
1824 г.

МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смѣю надъ тобой
Произносить благословенья;
Ты—тихій ангелъ утѣшенья.
Да будетъ ясенъ жребій твой... 1824 г.

* *
*

Презрѣвъ и шопотъ укоризны,
И зовъ обманутыхъ надеждъ,
Иду въ чужбину, край отчизны
Съ дорожныхъ отряхнувъ одеждъ.
Умолкни, сердца шопотъ сонный,
Привычки и довольства гласъ!
Прости, предѣлъ неблагосклонный,
Гдѣ свѣтъ узрѣлъ я въ первый разъ!
Простите, сумрачныя сѣни,
Гдѣ дни мои прошли въ тишь,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивыхъ души...
А ты, въ опасный день разлуки,
Забылъ для брата о себѣ;
Соединимъ-же братски руки
И покоримся мы судьбѣ...
Благослови побѣгъ поэта...
. . . .
Умолкнетъ онъ подъ небомъ дальнимъ,
Умолкнетъ въ чуждой сторонѣ... 1824 г.

* *
*

Стрекотунья бѣлобока,
Подъ калиткою моей
Скачетъ пестрая сорока
И пророчитъ мнѣ гостей.
Колокольчикъ небывалый
У меня звенитъ въ ушахъ,
Лучъ зари сребрится алый,
Серебрится снѣжный прахъ...
1825 г.

* *
*

Лишь розы увядаютъ,
Амврозіей дыша,
Въ Элизій улетаетъ
Ихъ легкая душа,
И тамъ, гдѣ волны сонны
Забвеніе несутъ,
Ихъ тѣни благовонны
Надъ Летою цвѣтутъ...
1825 г.

* *
*

Пока супругъ тебя, красавицу младую,
Между шести другихъ еще не заключилъ,
Ходи къ фонтану близъ могилъ
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Какъ невозвратная струя
Блеститъ, бѣжитъ и исчезаетъ,
Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
Въ гаремѣ такъ исчезну я.
1825 г.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
Какъ долго медлилъ я, какъ долго не хотѣла
Рука предать огню всѣ радости мои!..
Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
Готовъ я; ничему душа моя не внемлетъ.
Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
Минуту!.. Вспыхнули... пылаютъ... легкій дымъ,
Віясь, теряется съ моленіемъ моимъ.
Ужъ перстня вѣрнаго утратя впечатлѣнье,
Растопленный сургучъ кипитъ... О Провидѣнье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легкомъ пеплѣ ихъ завѣтныя черты
Бѣлѣютъ...Грудь моя стѣснилась. Пепелъ милый,
Отрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
Останься вѣкъ со мной на горестной груди...
1825 г.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда любовію и нѣгой упоенный,
Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя,
Ты знаешь, милая, желалъ-ли славы я;
Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтренаго свѣта,
Скучая суетнымъ прозваніемъ поэта,
Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
Жужжанью дальнему упрековъ и похвалъ.
Могли-ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
И руку на главу мнѣ тихо положивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
А я стѣсненное молчаніе хранилъ,
Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда... И что-же? Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою

Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ томимъ:
Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно; чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ;
Чтобъ, гласу вѣрному внимая въ тишинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья.

1825 г.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?
Раздайтесь, вакхальны припѣвы!
Да здравствуютъ нѣжныя дѣвы
И юныя жены, любившія насъ!
Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

1825 г.

САФО.

Счастливый юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ:
Душою гордою, и пылкой, и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

1825 г.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣстъ я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнѣвъ угасъ;
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда-нибудь любого:
Не избѣжитъ пронзительныхъ когтей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный—
Такъ въ облакахъ кружится ястробъ жадный
И сторожитъ индѣекъ и гусей.

1825 г.

ИЗЪ А. ШЕНЬЕ.

Покровъ, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью
Алкиду переданъ. Алкидъ его пріялъ.
Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ.
Се—ярый мученикъ, въ ночи скитаясь, воетъ;
Стопами тяжкими вершину Эты роетъ;
Гнетъ, ломитъ древеса; исторженные пни
Высоко громоздитъ; его рукой они
Въ костеръ навалены; онъ ихъ зажегъ; онъ всходитъ;
Недвижимъ на кострѣ онъ въ небо взоръ возводитъ.
Подъ мышцей палица, въ ногахъ немейскій левъ
Разостланъ. Дунулъ вѣтръ; поднялся свистъ и ревъ:
Треща, горитъ костеръ, и вскорѣ пламя, воя,
Уноситъ къ небесамъ безсмертный духъ героя.

1825 г.

ДВИЖЕНІЕ.

Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить
Сильнѣе-бы не могъ онъ возразить:
Хвалили всѣ отвѣтъ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой примѣръ на память мнѣ приводитъ:
Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходитъ,
Однакожъ правъ упрямый Галилей.

1825 г.

ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(П. А. Осиповой).

Цвѣты послѣдніе милѣй
Роскошныхъ первенцовъ полей.
Они унылыя мечтанья
Живѣе пробуждаютъ въ насъ:
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣе самаго свиданья.

1825 г.

ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья,
Обиды вольный разговоръ,
Обмѣнъ тщеславія, бездѣлья,
Иль покровительства позоръ.

1825 г.

ПОДРАЖАНІЯ ПѢСНѢ ПѢСНЕЙ.

1.

Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня,—твои лобзанья
Мнѣ слаще мирры и вина.
Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
И да почію, безмятежный,
Пока дохнетъ веселый день
И двигнется ночная тѣнь. (гл. 1, ст. 1—3).

2.

«Вертоградъ моей сестры,
Вертоградъ уединенный;
Чистый ключъ у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатлѣнный».
—У меня плоды блестятъ
Наливные, золотые,
У меня бѣгутъ, шумятъ
Воды чистыя, живыя.
Нардъ, алой и киннамонъ
Благовоніемъ богаты:
Лишь повѣетъ аквилонъ,
И закаплютъ ароматы (гл. 4 ст. 12—17).

1825 г.

БУРЯ.

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ,
Въ одеждѣ бѣлой, надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами,
Когда лучъ молній озарялъ
Ее всечасно блескомъ алымъ,
И вѣтеръ бился и леталъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ, безъ лазури;
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.
1825 г.

СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО. «GONZAGO».

Тамъ звѣзда зари взошла,
Пышно роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.
На постели пуховой
Дѣва сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи,
И являлася она
У дверей, иль у окна,
Ранней звѣздочки свѣтлѣе,
Розы утренней свѣжѣе.
Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился;
Я вольнѣе становился.
Я красавицы моей,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овечку
И водилъ ее на рѣчку,
На тѣнистые брега,
На зеленые луга;
Я поилъ ее, лелѣялъ,
Передъ ней цвѣточки сѣялъ.
Дѣва издали ко мнѣ
Приближалась въ тишинѣ,
И я пѣлъ, ее встрѣчая,
Пѣлъ, гитарою бряцая.
Дѣвы радости моей
Нѣтъ—на свѣтѣ нѣтъ милѣй!
Кто посмѣетъ подъ луною
Спорить въ счастіи со мною?
Не завидую царямъ,
Не завидую богамъ,
Какъ увижу очи томны,
Тонкій станъ и косы темны.
Такъ я пѣлъ, бывало, ей,
И красавицы моей
Сердце пѣснью любовалось...
Но блаженство миновалось!
Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я.
Замѣнили пѣсни нѣжны
Стонъ и слезы безнадежны. 1825 г.

ОТРЫВОКЪ.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ лиры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей...
1826 г.

АНГЕЛЪ.

Въ дверяхъ эдема ангелъ нѣжный
Главой поникшею сіялъ,
А демонъ мрачный и мятежный
Надъ адской бездною леталъ.
Духъ отрицанья, духъ сомнѣнья
На духа чистаго взиралъ
И жаръ невольный умиленья
Впервые смутно познавалъ.
«Прости, онъ рекъ, тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ:
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ»
1827 г.

СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей
Поетъ надъ розою восточный соловей;
Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ
И подъ влюбленный гимнъ колеблется и дремлетъ.
Не такъ-ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
Глядишь—она цвѣтетъ, взываешь—нѣтъ отвѣта
1827 г.

ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы,
Гдѣ луна теплѣе блещетъ
Въ сладкій часъ вечерней мглы,
Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
Дни проводитъ мусульманъ;
Тамъ волшебница, ласкаясь,
Мнѣ вручила талисманъ.
И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисманъ—
Въ немъ таинственная сила!
Онъ тебѣ любовью данъ.
Отъ недуга, отъ могилы,
Въ бурю, въ грозный ураганъ
Головы твоей, мой милый,
Не спасетъ мой талисманъ.
И богатствами Востока
Онъ тебя не одаритъ,
И поклонниковъ пророка
Онъ тебѣ не покоритъ;
И тебя на лоно друга,
Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
Въ край родной на сѣверъ съ юга
Не умчитъ мой талисманъ...

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ, не любя:
Милый другъ! отъ преступленья,
Отъ сердечныхъ новыхъ ранъ,
Отъ измѣны, отъ забвенья
Сохранитъ мой талисманъ!»
1827 г.

* *

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто-жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія сѣни?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавальныхъ оргій,
Кругомъ кого кипитъ народъ,
Кого привѣтствуютъ восторги?
Кто идеальною красой,
И томно-нѣжной, и живой,
Сыновъ Авзоніи плѣняетъ
И по неволѣ увлекаетъ
Ихъ пестры волны за собой! .

. . . .

Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

. . . .

На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненьѣ вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой—
И ничего передъ собой
Себя прелестнѣй не находитъ.
Стоитъ-ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой:
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньѣ смотритъ-ли она
На образъ нѣжной Форнарины,
Или Мадонны молодой:
Она задумчивой красой
Очаровательнѣй картины
Скажите мнѣ, какой пѣвецъ,
Горя восторгомъ умиленнымъ,
Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ
Предастъ потомкамъ изумленнымъ
Ея небесныя черты?
Гдѣ ты, ваятель безымянный
Богини вѣчной красоты?
И ты харитою вѣнчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль!

. . . .

1827 г.

* *

Есть роза дивная: она
Предъ изумленною Киѳерой
Цвѣтетъ румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киѳеру и Паѳосъ
Мертвитъ дыханіе мороза—
Блеститъ между минутныхъ розъ
Неувядаемая роза...
1827 г.

ТРИ КЛЮЧА

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.
1827 г.

19 ОКТЯБРЯ 1827 г.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.
1827 г.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ ВОЛКОНСКОМУ.

(сыну декабриста, Сергѣя Григорьевича).

Въ сіяніи и въ радостномъ покоѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой онъ глядитъ въ изгнаніе земное,
Благословляетъ мать и молитъ за отца.
1827 г.

*

[illegible] est reine de la mer.
[illegible]

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою; поетъ онъ для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ; не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ услаждать свой путь надъ бездной волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокій,
Какъ онъ, безъ отзыва, утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

1827 г.

ПОЭТЪ.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы;
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубровы...

1827 г.

Толпа холодная поэта окружаетъ
И равнодушныя хвалы ему жужжитъ.
Но равнодушно ей, задумчивъ, онъ внимаетъ
И звучной лирою разсѣянно брянчитъ.

1827 г.

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера:
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ сквозь вѣтви блестящимъ въ изливахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ. Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло
Рѣзвый ручей . . . .
Тихо по рощѣ густой онъ віется, ее веселя .
Сладкимъ журчаньемъ . . . .

1827 г.

---

19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу
А вамъ въ постель уже пора.

Риѳма — звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?

Твой привычный, звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль!
Ты ласкалась, ты манила
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль!

Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала,
Какъ послушное дитя;
То—свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива —
Съ нею спорила шутя.

Но съ тобой не разставался,
Сколько разъ повиновался
Рѣзвымъ прихотямъ твоимъ,
Какъ любовникъ добродушный,
Снисходительно послушный,
Былъ я мучимъ и любимъ.

О, когда-бы ты явилась
Въ дни, когда еще толпилась
Олимпійская семья!
Ты-бы съ ними обитала,
Какъ-бы пышно заблистала
Родословная твоя!

Взявъ божественную лиру,
Такъ повѣдали-бы міру
Гезіодъ или Омиръ:
«Фебъ однажды у Адмета,
Близъ тѣнистаго Тайгета
Стадо пасъ, угрюмъ и сиръ.

«Онъ бродилъ во маракѣ лѣса
И никто, страшась Зевеса,
Изъ богинь или боговъ
Навѣщать его не смѣли —
Бога лиры и свирѣли!
Бога свѣта и стиховъ!

«Помня первыя свиданья,
Утолить его страданья
Мнемозина притекла,
И подруга Аполлона
Въ тихой рощѣ Геликона
. . . . родила...

1828 г.

---

* * *

Въ степяхъ зеленыхъ Буджаака,
Гдѣ Прутъ, завѣтная рѣка,
Обходитъ русскія владѣнья,
При бѣдномъ устьѣ ручейка
Стоитъ безвѣстное селенье;
Семействами болгары тутъ
Въ убогой дикости живутъ,
Храня родительскіе нравы,
Питаясь рукъ своихъ трудомъ
И не заботяся о томъ,
Какъ ратоборствуютъ державы
И мирно правятъ ихъ судьбой!..
1828 г.

* * *

Брадатый старичекъ Авдѣй
Съ поклономъ барынѣ своей
Поднесъ ученаго скворца
Замѣсто краснаго яичка.
Извѣстно вамъ, такая птичка
Умнѣй иного мудреца...
Скворецъ . . . . .
Вздыхалъ о царствіи небесъ
И приговаривалъ, картавя:
«Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!»
1828 г.

* * *

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена».

(Это четверостишіе представляетъ собой пародію на слѣдующіе стихи Подолинскаго,—стихи, очень понравившіеся Пушкину:
Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю—гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена и пр.)
1828 г.

ЕЯ ГЛАЗА.

(въ отвѣтъ на стихи кн. вяземскаго).

Она мила, скажу межъ нами—
Придворныхъ витязей гроза—
И можно съ южными звѣздами
Сравнить, особенно стихами,
Ея черкесскіе глаза.
Она владѣетъ ими смѣло,
Они горятъ огня живѣй;
Но самъ признайся, то-ли дѣло
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый въ нихъ геній,
И сколько дѣтской простоты,
И сколько томныхъ выраженій,
И сколько нѣги и мечты!..
Потупитъ ихъ съ улыбкой Леля—
Въ нихъ скромныхъ грацій торжество;
Подниметъ—ангелъ Рафаэля
Такъ созерцаетъ Божество!
1828 г.

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore
A. Chenier.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу-ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало-ли любовь играла въ жизни мной?
Ужъ мало-ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой?
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...
1828 г.

ПОРТРЕТЪ.

(гр. агр. ѳедор. закревской).

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О, жены сѣвера, межъ вами
Она является порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,—
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.
1828 г.

* * *

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.
Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвы!..
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальный.
1828 г.

НАПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ
Ловлю я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ упоителенъ языкъ!
Но прекрати свои разсказы;
Таи, таи свои мечты:
Боюсь ихъ пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!
1828 г.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ засохшій, бездыханный,
Забытый въ книгѣ вижу я;
И вотъ уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго-ль цвѣлъ? и сорванъ кѣмъ?
Чужой, знакомой-ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?
На память нѣжнаго-ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
И живъ-ли тотъ, и та жива-ли?
И нынче гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?
1828 г.

ШОТЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

Воронъ къ ворону летитъ,
Воронъ ворону кричитъ:
Воронъ, гдѣ-бъ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?
Воронъ ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
Въ чистомъ полѣ, подъ ракитой,
Богатырь лежитъ убитый.
Кѣмъ убитъ и отчего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Соколъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку недругъ сѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова. 1828 г.

ТЫ И ВЫ.

Пустое вы сердечнымъ ты
Она, обмолвясь, замѣнила—
И всѣ счастливыя мечты
Въ душѣ влюбленной возбудила.
Предъ ней задумчиво стою;
Свести очей съ нея нѣтъ силы;
И говорю ей: какъ вы милы!
И мыслю: какъ тебя люблю!
1828 г.

* *
*

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать.
Я говорилъ: «тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!»
Прошли любовныя печали,
Смирились легкія мечты...
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!..
1828 г.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылица молодая,
Честь кавказскаго тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебѣ пришла пора!
Не косись пугливымъ окомъ,
Ногъ на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своенравно не скачи.
Погоди, тебя заставлю
Я смириться подо мной:
Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
Укороченной уздой.
1828 г.

ПРИМѢТЫ.

(А. А. Олениной).

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивый.
Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.
Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты;
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души. 1829 г.

* *

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.
1829 г.

ОТРЫВОКЪ.

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла.
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой!.. Унынья моего
Ничто не мучитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—оттого,
Что не любить оно не можетъ.
1829 г.

ИЗЪ ГАФИЗА.

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавый
Съ карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встрѣтитъ:
Азраилъ среди мечей
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній.
Прелесть нѣги и стыда!
1829 г.

* *
*

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ

Я привезъ домой нагайку.
На походѣ, на войнѣ
Сохранилъ я балалайку,
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку.
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней
И берегъ свою нагайку.
1829 г.

Зорю бьютъ... Изъ рукъ моихъ
Ветхій Данте выпадаетъ;
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ...
Умъ далече улетаетъ...
Звукъ привычный, звукъ живой?
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
Я давнишнею порой!...
1829 г.

ДОНЪ.

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...
Какъ прославленнаго брата,
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.
Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.
Приготовь-же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.
1829 г.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ:
На холмѣ предъ казаками
Вьется красный делибашъ.
Делибашъ, не суйся къ лавѣ!
Пожалѣй свое житье:
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.
Эй, казакъ, не рвися къ бою!
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?...
Делибашъ уже на пикѣ.
А казакъ безъ головы.
1829 г.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда-бъ, сказавъ «прости» ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ;
Туда-бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!
1829 г.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.
1829 г.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго-ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ.
На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.
Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окоститъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ-нибудь въ карантинѣ.
Долго-ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать,
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?
То-ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!
То-ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То-ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошолъ-же, погоняй!..
1829 г.

ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ.
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ,
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.
1829 г.

2-го Ноября.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣ-
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю, [чаю
Вопросами: тепло-ль? утихла-ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно-ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой.
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ.
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу, насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной.
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ.
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданная семья—старушка, двѣ дѣвицы,
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы)—
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры.
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо—
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!..
1829 г.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце—день чудесный!
Еще ты дремлешь другъ прелестный...
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры.
Звѣздою сѣвера явись!

Вечоръ ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,

И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ

Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки...
Но знаешь: не велѣть-ли въ санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ милый для меня.
1829 г.

АРІОНЪ.

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньѣ правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ въ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою.
Я гимны прежніе пою,
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.
1827 г.

ЗАГАДКА.

(при посылкѣ Дельвигу бронзоваго сфинкса).

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто славянинъ молодой, грекъ духомъ, а родомъ германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!
1829 г.

*

Критонъ, роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ,
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія...
Однажды —слушайте, друзья!—
Онъ по Керамику скитался,
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась нимфа молодая...
Она съ улыбкою глядитъ,
Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ,
Поспѣшно слѣдуетъ за нею...
Предъ ними домъ.........

Она на мигъ остановилась
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась.........
1829 г.

*

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я—пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ. . . . . . .
. . . . Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любить не переставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святого пепелища
Моя душа—тамъ миръ и тишина.
Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою...
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ —
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не переставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...
1829 г.

*

Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и взоръ?—я твой...
1829 г.

НАДПИСЬ КЪ КАРТИНКѢ ИЗЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

приложенной при «Невскомъ альманахѣ» (авторъ «Онѣгина» и Онѣгинъ на набережной Невы).

Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись . . . . . о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосье Онѣгинымъ стоитъ.

Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!
1829 г.

Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ—
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальны лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день—и ужъ темно.
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.
1830 г.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.
1830 г.

НОВОСЕЛЬЕ.

(П. В. НАЩОКИНУ).

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.
Ты счастливъ: ты свой домикъ малый,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.
1830 г.

МАДОННА.

(сонетъ).

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—
Она съ величіемъ. Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія: Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.
1830 г.

СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.
И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ.
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.
1830 г.

ЦЫГАНЫ.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я-бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ.
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.
1830 г.

ПАЖЪ ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Cherubin

Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ:
Дождусь-ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.

Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубый;
Вы слышите мой голосъ грубый:
Попробуй кто меня толкнуть!

Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду — право,
Вотъ какова ея любовь!

Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму;
И ужасъ какъ она ревнива...
За то со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.

Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!
1830 г.

ШАЛОСТЬ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толсто-
пузый,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной му-
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной, [зой,
Попробуй, сладимъ-ли съ проклятою хандрой.
Что-жъ ты нахмурился? Нельзя-ли блажь оста-
И пѣсенкою насъ веселой позабавить? [вить,
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убо-
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогій, [гій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы
вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ
ребенка
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!
1830 г.

ОСЕНЬ.

(отрывокъ).

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ. Сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей—
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь; весной я бо-
ленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ—
Люблю ея снѣга въ присутствіи луны,
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа, [воленъ,
Она вамъ руку жметъ, пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?...
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю, надоѣстъ. Нельзя-же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное, любилъ-бы я тебя,
Когда-бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ за-
сухи;
Лишь какъ-бы напоить, да освѣжить себя—
Иной въ насъ мысли нѣтъ; и жаль зимы-старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно;
Но мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно:
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеслав-
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной. [ный,

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ ея багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ.

VII.

Унылая пора, очей очарованье.
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;

Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ—
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ — то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ...
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!.. матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Плыветъ... Куда-жъ намъ плыть? Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль вѣчные снѣга?
. . . .

1830 г.

РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.
Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ:
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.
Прими-же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

1830 г.

ЦИКЛОПЪ.

(ЭКСПРОМПТЪ ВЪ КОСТЮМѢ ЦИКЛОПА, НА МАСКАРАДѢ У ВЕЛ. КН. ЕЛЕНЫ ПАВЛОВНЫ).

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ —
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда-бъ судьбы того хотѣли,
Когда-бъ имѣлъ я сто очей,
То всѣ-бы сто на васъ глядѣли.

1830 г.

Стамбулъ гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.
Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ;
Стамбулъ, для сладостей порока,
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ:
Стамбулъ отвыкъ отъ пота битвы,
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистый лучъ потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ гаремы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.
Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы; струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ;
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ, какъ орлы, ревнивы,
Гаремы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ.
Алла великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ.
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Окоченѣлые чернѣли.
Алла великъ! Тогда султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ...

1830 г.

ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы —
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ, иль дуновенье—
Иль какъ ужасное видѣнье—
Мнѣ все равно: сюда, сюда!
Зову тебя не для того
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!
1830 г.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучный;
Ходъ часовъ лишь однозвучный
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризна, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...
1830 г.

* * *

Here's a health to thee, Mary.
Barry Cornwall.

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей,
Пью за здравіе Мери.
Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.
Будь-же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.
1830 г.

* * *

Inesilla! I am here.
Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подъ окномъ!
Ты спишь-ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется-ли старый—
Мечемъ уложу.
Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что-жъ медлишь? Ужъ нѣтъ-ли
Соперника здѣсь?
Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
1830 г.

* * *

Предъ испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба серцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.
Жизни имъ она дороже
И, какъ слава, имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого-же
Дѣва сердцемъ избрала?
«Кто, рѣши, любимъ тобою?»
Оба дѣвѣ говорятъ
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.
1830 г.

* * *

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки

Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.
Ты говорила: «въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ».
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ—за тобой!..
1830 г.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой:
Дѣва надъ вѣчной струей вѣчно печальна сидитъ.
1830 г.

ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ.
1830 г.

РИѲМА.

Эхо, безсонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь Аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой;
Музамъ мила; на землѣ Риѳмой зовется она.
1830 г.

ТРУДЪ.

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что-жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?
1830 г.

ЭХО.

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА).

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!
1831 г.

* * *

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему-жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!.. Ужель не можно мнѣ,
Любуясь дѣвою въ томленьи сладострастья,
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги?
1832 г.

* * *

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, віясь въ моихъ объятіяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзаній
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганій.

О, какъ милѣе ты, смиренница моя!
О, какъ мучительнѣй тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгія моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна, безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не внемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ,—
И дѣлишь наконецъ мой пламень поневолѣ.
1832 г. (Относится къ женѣ поэта).

* * *

Французскихъ риѳмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я!
Хотя, постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ престалъ ты быть пророкомъ,
Хотя дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густого парика,
Хоть растрепанный новѣйшей вольной школой,
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой,
Будь мнѣ вожатаемъ! Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ!
Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ,
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Ужели все молчать и слушать?.. О бѣда!
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда.
О вы, которые, восчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спѣша—
Постойте! напередъ узнайте, чѣмъ душа
У васъ исполнена—прямымъ-ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги нужны вамъ?
Не лучше-ль вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ и барыши, и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
Кропая сильному вельможѣ мадригалы,
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь,
Иль, высшимъ мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики—(оплошнѣй, чѣмъ писаки)
Подписку собирать на будущія враки.

1833 г.

* *

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ латинскихъ,
Ты къ мощной древности опять меня манишь
(И подражать великимъ образцамъ) велишь.
Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
И въ русскіе стихи, неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
Но, развернувъ его суровыя творенья,
Не могъ преодолѣть стыдливаго смущенья...

1833 г.

* *

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой,
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальній вой...

Пой: въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой,
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.

1833 г.

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

ИЗЪ АѲЕНЕЯ.

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ, ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И, вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и музъ славилъ пріятный Ѳеонъ:
Славилъ и Вáтала онъ, молодого красавца. Прохожій
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

1833 г.

II.

ИЗЪ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКАГО.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой,—все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи;
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно-же и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика—

Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо.
1833 г.

III.

изъ іона хіосскаго.

вино.

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный.
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.
1833 г.

* *
*

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ—
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ.
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая (лапой) пыль и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.
1833 г.

* *
*

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума!
Нѣтъ, легче посохъ и сума
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.

Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ, не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.

Когда-бъ оставили меня
На волѣ, какъ-бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!

Я пѣлъ-бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался-бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.

И я-бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ-бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.

И силенъ, воленъ былъ-бы я,
Какъ вихрь, роющій поля,
Ломающій лѣса,

Да вотъ бѣда: сойди съ ума—
И страшенъ будешь, какъ чума;
Какъ-разъ тебя запрутъ:

Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрька,
Дразнить тебя придутъ.

А ночью слышать буду я
Не голосъ сладкій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,

А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.
1833 г.

ЭКСПРОМПТЪ.

Полюбуйтесь-же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ э т и,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила э т и,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.

О какія-же здѣсь сѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Риѳмы, деньги, дамы э т и,
Тѣ, тѣ, тѣ и тѣ, тѣ, тѣ.
1833 г.

МИЦКЕВИЧЪ.

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть; издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!.. О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!
1834 г.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

(книга II, ода VII: ad Pompejum.)

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ муромъ умащалъ?

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей.

А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ:
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій скиѳъ, хочу я пить,
И съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.
1835 г.

LVII ОДА АНАКРЕОНА.

Что-же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвый;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы—не скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно.
Нѣтъ! за чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.
1835 г.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

ОДА LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ пареянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
Наслажденій знакъ нескромный.
1835 г.

* * *

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая—
Краснощекому здоровью:
Третья—дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.
1835 г.

LVI ОДА АНАКРЕОНА.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ немного
Провожать осталось дней;
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него-же нѣтъ исхода—
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.
1835 г.

* * *

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.
1835 г.

МАЛЬЧИКУ.

(изъ катулла.)

Minister vetuli puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ!
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Ты-же прочь, рѣчная влага,
И струей, вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.
1835 г.

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.
1835 г.

* * *

Отъ меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: «постой! куда?»
А она мнѣ возразила:
«Голова твоя сѣда».
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: «всему пора!
То, что̀ было мускусъ темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: «знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ».
1835 г.

Не розу паоосскую,
Росой оживленную,
Я нынѣ пою:
Не розу ѳеосскую,
Виномъ окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персяхъ увядшую
Элины моей...
1835 г.

ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись: во вѣкъ ты мой;
Тотъ-же въ насъ огонь мятежный,
Жизнью мы живемъ одной.
Не боюся я насмѣшекъ—
Мы сдвоились межъ собой:
Мы точь-въ-точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.
1835 г.

ТУЧА.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.
1835 г.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной
И бросилъ трупъ живой въ гортань геенны гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.
1836 г.

НА СТАТУИ:

I. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ БАБКИ.

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздавайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

II. МАЛЬЧИКА, ИГРАЮЩАГО ВЪ СВАЙКУ.

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый,
Строенъ, легокъ и могучъ, и тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...
1836 г.

Альбомныя стихотворенія и посланія.

КЪ СЕСТРѢ.

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой;
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленный,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился
И въ пустынѣ глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!..
. . . .
И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я не богатый—
Въ подарокъ пукъ стиховъ.
Тайкомъ взошедъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака-ли читаешь?
Жанлисъ-ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пронеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччины иль Рамо?

Но вотъ, ужъ я съ тобою,
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвѣлъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.
Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчъ сіяньѣ.
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье — врагъ веселья—
И скука на-часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу, пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою пренесенный
Къ волшебной Ипокренѣ
И въ кельѣ я блаженъ!
Что было-бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Явился заключеннымъ,
На вѣки погребеннымъ—
И скрипнули врата,
Сомкнувшися за мною,
И міра красота
Одѣлась черной мглою!..
Съ тѣхъ поръ гляжу на свѣтъ,
Какъ узникъ изъ темницы,
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучъ кинетъ позлащенный
Сквозь узкое окно,
Но сердце омраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ ночь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Чернѣетъ въ облакахъ —
Близъ келіи встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!...

Но время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ;
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!
1814 г.

КЪ ДРУГУ СТИХОТВОРЦУ.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнаса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса,
За лаврами спѣшишь опасною стезей
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатаютъ—и цѣлый свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ, и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою на вѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива:
На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія! Что, если Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полѣзъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ—спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй», скажешь мнѣ, «не трать излишнихъ словъ;
Когда на что рѣшусь, ужъ я не отступаю,
И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлый свѣтъ;
Сердись, кричи, бранись—а я таки поэтъ».

Аристъ, не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ,
И перьями скрипя, бумаги не жалѣетъ;
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Витгенштеину французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные, и честь, и слава россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Риѳматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что, на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ;
Но мнишь-ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,

За то, что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезный другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужки подъ землей, высоки чердаки—
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Рус-
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ; [со;
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—
сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что-же», говоришь, «судя о всѣхъ такъ
Перебирая все, какъ новый Ювеналъ, [строго,
Ты о поэзіи со мною толковалъ;
А самъ, поссорившись съ парнасскими сестрами,
Мнѣ проповѣдывать пришелъ сюда стихами?
Что̀ сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ-ли ты, иль нѣтъ?»
Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ
отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ-вечеръ, онъ шелъ немного пья-
Попалися ему навстрѣчу мужики: [ный;
«Послушай, батюшка, сказали простяки,
Настави грѣшныхъ насъ—ты пить вѣдь запре-
щаешь,
Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
И вѣримъ мы тебѣ, да что-жъ сегодня самъ?..»
«Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ:
Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступай-
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте». [те;

И мнѣ то самое пришлося отвѣчать;
Я не хочу себя ни мало оправдать.
Счастливъ, кто, ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихій вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромптами недѣли не сидитъ;
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнаса,
Не ищетъ чистыхъ музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ! Аристъ, онъ не піитъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезный другъ я далъ тебѣ совѣтъ.
Оставишь-ли свирѣль, умолкнешь или нѣтъ?
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше
вдвое.

1814 г.

КЪ НАТАЛЬѢ.

(КРѢПОСТНОЙ АКТРИСѢ ГРАФА В. В. ТОЛСТОГО.)

Такъ, и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ;
Сердце страстное плѣнилось,
Признаюсь: и я влюбленъ!
Пролетѣло счастья время,
Какъ, любви не зная бремя,
Я живалъ, да попѣвалъ;
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ, иль въ воксалахъ,
Легкимъ зефиромъ леталъ;
Какъ, смѣясь, во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезный женскій полъ.
Но напрасно я смѣялся;
Наконецъ и самъ попался:
Самъ, увы, съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность, все подъ лавку,
Изъ Катоновъ я въ отставку,
И теперь я—селадонъ
Миловидной жрицы Тальи;
Видѣлъ прелести Натальи—
И ужъ въ сердцѣ Купидонъ!
Такъ, Наталья, признаюся:
Я тобою полоненъ:
Въ первый разъ еще (стыжуся)
Въ женски прелести влюбленъ;
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я;
Ночь придетъ—и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньѣ;
Вижу, въ легкомъ одѣяньѣ
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Бѣлой груди колебанье,
Снѣгъ затмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мракъ безмолвной ночи—
Духъ въ восторгъ приводятъ мой!..
Я одинъ въ бесѣдѣ съ нею;
Вижу дѣвственну лилею,
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
А проснулся—вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой...
Испускаю вздохъ глубокій;
Сонъ лѣнивый, томноокій
Отлетаетъ на крылахъ;
Страсть сильнѣе становится;
И любовью утомясь,
Я слабѣю каждый часъ—
Все къ чему-то умъ стремится...
Но, Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный селадонъ?
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться?.. Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владѣтель я сераля,
Не арабъ, не турокъ я;
За учтиваго китайца,
Грубаго американца
Почитать меня нельзя;
Не представь и нѣмчурою,
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ налитою,
И съ сигарою въ зубахъ;
Не представь кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ—
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки...

Кто-же ты, болтунъ влюбленный?..

. . . .

1816 г.

КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны;
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ;
Тебѣ не много Богъ послалъ:
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоютъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ блесковъ удивленья.
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной;
Но, Хлоя, ты мила собой.
Тебѣ во слѣдъ толпятся смѣхи,
Сулятъ любовникамъ утѣхи—
И такъ, вѣнцы передъ тобой
И несомнительны успѣхи.
Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь, и часто не впопадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ. Кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.
Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или поднимешь ихъ и снова
На грудь положишь, застыдясь;
Когда Милона молодого,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви, безъ чувства, увѣряешь,
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская: «ахъ»,
Спокойно въ кресла упадаешь.
Краснѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчутъ: «ахъ, какъ хороша!»
Увы, другую-бъ освистали!
Велико дѣло—красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.
Плѣняй-же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою,
Осмѣлясь, о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою, на сценѣ,
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

1814 г.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый любимецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?
Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ,
Межъ кудрей вьющихся, златыхъ,
Подъ тѣнью тополей вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь;
Довольный, счастливый началомъ,
Цвѣтовъ парнасскихъ вновь не рвешь;
Не слышенъ нашъ Парни россійскій.
Пой, юноша! Пѣвецъ тіисскій
Въ тебя вліялъ свой нѣжный духъ.
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣвцу любви любовь—награда.
Настрой-же лиру, по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ,
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ ночныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезами счастья грудь прекрасной,
Счастливецъ милый, орошай;
Но упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ;
Люби— и пой ее на лирѣ.
Когда-жъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,—
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,

Стаканъ, кипящій пѣной бѣлой.
И стукъ блестящаго стекла;
И гости дружно стихъ веселый,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.
Поэтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ пой кроваву брань
И грозну смерть на ратномъ полѣ:
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ россъ, питомецъ славы, палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ!
Иль, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ-часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ:
Шутя, показывай смѣшное,
И если можно, насъ исправь;
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.
Увы: довольно безъ него
Найдемъ безсмысленныхъ поэтовъ;
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего!
Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ пересталъ совсѣмъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки;
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать...
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
Что Висковатовъ не впопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену,
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего,
Гдѣ «всѣ чудовища геенны,
На жертву агнцы обреченны»,
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.
Но что? Цѣвницею моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я пѣсни продолжать не смѣю.
Прости—но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, музами любимый,
Ты Піэридъ горишь огнемъ;
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не снидешь домъ,
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и Граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.
1814 г.

КЪ НИКОЛАЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ
ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась—
Расправитъ счастье паруса.
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурный вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ-вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ любовью, дружбой неразлучно!
Нѣтъ, ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ...
За чашей пунша круговою
Подъ-часъ воспомнишь обо мнѣ;
Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.
1814 г.

ГОРОДОКЪ.

(къ).

Прости мнѣ, милый другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тройкѣ принесенный
Изъ родины смиренной
Въ великій градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился
Въ театрѣ, на пирахъ;
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь,
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли—
Стыжусь—столь долго мной.
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ,

Живу я въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлый домъ:
Съ диваномъ, съ камелькомъ
Три комнатки простыя —
Въ нихъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выписныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки—въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черемухой цвѣтутъ;
Гдѣ мнѣ въ часы полдневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ;
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеекъ,
Въ струяхъ неся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышенъ шумъ докучный;
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Фебъ дружится
И маленькій Эротъ;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Лѣниться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ—Аонидъ
Толпу къ себѣ сзываетъ;
Захочетъ—сладко спитъ,
На Рѳмова склоняясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милый другъ,
Теперь расположился;
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
На вѣки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлый свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы.
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою,
Со мной они живутъ.
Пѣвцы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы —
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злой крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ піитъ;
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Соперникъ Эврипида,
Эраты нѣжный другъ,
Арьоста, Тасса внукъ—
Скажу-ль?.. отецъ Кандида!
Онъ все: вездѣ великъ
Единственный старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Грацій—
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, пѣвецъ любезный,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Ванюшка Лафонтенъ.
Ты здѣсь!.. И Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.
Но вотъ наперсникъ милый
Психеи златокрылой! (И. Ѳ. Богдановичъ).
О добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитаны Амуромъ,
Вержье, Парни съ Грекуломъ
Укрылись въ уголокъ
(Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ;
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно

Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащіе въ пыли:
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы, однѣмъ мышамъ!
Миръ вѣчный и забвенье
И прозѣ, и стихамъ!
Но ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньѣ...
Не трудно отгадать:
Такъ, это—сочиненья,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О князь, наперсникъ музъ, (Кн. Д. П. Горчаковъ).
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ,
Въ сатирѣ—знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.
И ты, насмѣшникъ смѣлый, (К. Н. Батюшковъ)
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ Адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ, въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ затопилъ;
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ, (В. Л. Пушкинъ).
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ;
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальѣ далъ! (П. А. Крыловъ).
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпонируетъ
Такой оригиналъ?
Тутъ, вижу я, съ Чернавкой
Подщипа слезы льетъ;
Здѣсь князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ;
Въ трагическомъ сиятеньѣ
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженья,
Играютъ въ кубари...
Но назову-ль дѣтину,
Что̀ доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой?..
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды,
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ Свистовъ! (Гр. Д. И. Хвостовъ).
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть, право, не знатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать;
Но убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите-же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! Весь день я съ ними—
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Элизій пренесенъ.
Когда-же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ—
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»

Но ею-ль мнѣ гордиться,
Но мнѣ-ль безсмертьемъ льститься?..

До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ...
Какъ знать? и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ;
Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью;
Съ моей, быть можетъ, тѣнью
Полуночной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный,
Бесѣдовать придетъ,
И мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и перомъ.
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я нынѣ вдохновенъ...
Мой другъ, я счастливъ ею;
Почто-жъ ея сестрой,
Любовію младой,
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить на вѣки слезы
Въ юдоли, гдѣ расцвѣлъ,
Мой горестный удѣлъ?..
Пѣвца сопутникъ милый,
Мечтанье легкокрыло!
О, будь-же ты со мной!
Дай руку сладострастью
И съ чашей круговой
Веди меня ко счастью
Забвенія тропой;
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсный,
Тихонько постучись
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви!
И блескъ очей небесный,
Ліющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И снѣгъ ея лица;
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ
Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ;
Горитъ лицо прекрасной
И слезы на глазахъ!..
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ—и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимый!
Не слышитъ плачъ и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Исчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель!

Но все-ли, милый другъ,
Быть счастья въ упоеньѣ?—
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ,
Подъ яснымъ небосклономъ,
Близъ озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжный,
Оставя злакъ прибрежный,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ;
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужный мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаекъ;
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней,
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ-же вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюбленъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала;
Ѳома свою хозяйку
Ни-за-что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя, разломалъ—
Старушка все разскажетъ.
Межъ тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный,
Не слушая ее,

Ни риѳмы Удалога...
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ,—
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ, развеселясь
За дѣдовскою кружкой,
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашомъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать,
Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ тобою—
Служителей твоихъ,
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды;
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа іудеевъ,
Я вовсе не люблю;
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой;
Тогда, клянусь богами
(И слово ужъ сдержу),
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

1814 г.

КЪ АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый риѳмотворъ,
Повитый макомъ и крапивой,
Холодныхъ одъ творецъ ретивый,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать генерала;
О Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ.
Тебя зову, мудрецъ лѣнивый.
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно въ моемъ уединеньѣ,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей.
Подруги долгихъ наслажденій.
Остротъ и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ жиду Золотареву, (лицейск. экономъ)
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое,
И хлынетъ пиво золотое,
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ
И мигомъ стѣны разгромимъ:
Когда-жъ, виномъ отягощенный,
Съ главой, въ колѣни преклоненной,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
И вдругъ, спускаясь на подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь налитую кружку
На старый бархатный диванъ,
Тогда посланія, куплеты,
Баллады, басенки, сонеты
Покинутъ скромный нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!..
Но рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку—
И въ кельѣ снова пиръ горой.

О Галичъ! время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда, послыша славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятный,
Татарскій сброшу свой халатъ.
Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ.
О Галичъ, Галичъ, поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ, полный черезъ край!

1815 г.

КЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Любезный именинникъ.
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой.
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ параднаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты.
Прими-жъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощаной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ,
Забудемся на часъ!
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ.
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь однихъ.
Ты счастливъ, другъ сердечный!
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ грацій,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ.
Подъ кровомъ небогатымъ,
Ты вовсе незнакомъ
Съ зловѣщимъ Иппократомъ,
Съ нахмуреннымъ попомъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И демонъ метромановъ
Не властвуетъ тобой.
Ты счастливъ въ этой долѣ—
Скажи, чего-же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Придется замолчать...
Дай Богъ, чтобъ я, съ друзьями
Встрѣчая сотый май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
«Вотъ кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!» 1815 г.

КЪ БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ;
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ
Поэтомъ я возросъ.
Веселый сынъ Эрміи
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею, рано
Дудилъ я безпрестанно;
Нескладно хоть игралъ,
Но музамъ не скучалъ.
А ты, пѣвецъ забавы,
И другъ пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.
Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота—скудный даръ;
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать, не даромъ
Бреду своимъ путемъ:
«Будь всякій при своемъ».
1815 г.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(къ пущину).

Помнишь-ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы топили горе наше
Въ чистомъ, пѣнистомъ винѣ?
Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво,
Школьной стражи вдалекѣ?
Помнишь-ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грустное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?
Закипѣвъ, о, сколь прекрасно
Токи дымные текли!..
Вдругъ педанта гласъ ужасный
Намъ послышался вдали:
И бутылки вмигъ разбиты,
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.
Убѣгаемъ торопливо..
Вмигъ исчезъ минутный страхъ!

Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривый,
Умъ и сердце на устахъ,
Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижный, тусклый взоръ —
Измѣняли чадъ похмѣлья,
Сладкій Вакха заговоръ!
О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Поминать его виномъ
1815 г.

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ

ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ,
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ;
Но я, любезный Горчаковъ,
Не просыпаюсь съ пѣтухами
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ,
Я пѣть пустого не умѣю
Высоко, тонко и хитро,
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ, любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на именины!

Что̀ долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку-ль старость, милый князь,
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать-ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ пу̀ть кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Что̀бъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ...
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ...
Дай богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьѣ,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньѣ
Ты, съ томной сладостью въ очахъ,
Изъ рукъ младого Купидона,
Вступая въ мрачный челнъ Харона,
Уснулъ... Елены на грудяхъ! 1815 г.

КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, лѣнивецъ мой,
Любовникъ наслажденья?
Ужель уединенья
Не милъ тебѣ покой?
Ужели мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ мой сосѣдъ,
И ты отъ музъ укрылся;
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился.
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли,
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами,
И пѣнистый бокалъ
Намъ Бахусъ подавалъ.
Бѣгутъ ужъ дни за днями
Безъ дружескихъ собраній;
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены;
И шумныя бесѣды,
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.
Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезный,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ.
Мурлыча, въ кельѣ дремлетъ
Спѣсивый, старый котъ.
Покамѣстъ сонъ прелестный,
Подъ сѣнью тихихъ крылъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьѣ
Въ постели я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.
Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ нѣгой вьютъ досугъ —
Скажи — среди столицы
Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Ужель пріютъ поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полоумнымъ

Прославленъ, оглушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или—мудрецъ придворный—
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклону ты не сроденъ
Другъ мудрости прямой—
Правдивъ и благороденъ:
Онъ любитъ тишину,
Судьбѣ своей послушный,
На барскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ,
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ.
Пускай не друженъ онъ
Съ Фортуною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарный,
Когда сей богъ младой,
Вечернею порой,
Лафитъ и грогъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ.
Качаясь на ногахъ,
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И счастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся
Веселья на крыльяхъ,
Когда друзья-поэты
Съ утра до ночи съ нимъ
Шумятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ мозель разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безпріемнымъ лихимъ!
Оставь-же городъ скучный
Съ друзьями соединись,
И съ ними неразлучно
Въ пустынѣ оживись.
Бѣги, бѣги столицы,
О Галичъ мой! сюда,
Гдѣ розовой денницы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,
Съ тибурскимъ мудрецомъ,
Мы часто за бокаломъ
Проснемся—и заснемъ.
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ Лиліи куплетъ—
И полонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ—
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать;
Намъ жизни дни златые
Не страшно расточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ,
Съ волшебницею-славой
И съ Вакхомъ молодымъ.
1815 г.

КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ:
Жилецъ полей пустынныхъ,
Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кроилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ—
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому.
Да я-жъ и виноватъ,
Да ты-же мнѣ въ досаду
(Чтò скажетъ бѣлый свѣтъ?)
Стихами до надсаду
Жужжишь Икару вслѣдъ:
«Смотрите, вотъ поэтъ!..»
Спасибо за посланье;
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ
Вѣдь станутъ, въ посмѣянье,
Указывать перстомъ.
Когда-бъ подобны были
Моимъ твои стихи,

То скоро-бъ всё забыли,
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился
И ходитъ на Парнасъ,
Покою поклонился
И пишетъ въ добрый часъ.
Измѣнникъ! съ Аполлономъ
Ты, видно, за-одно;
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено.
Увы, мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану:
Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ—
Бумагу убиваютъ;
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали,
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ нельзя-ли?
Вы въ нихъ изображали
Конечно ручейки,
Конечно василечекъ,
Иль тихій вѣтерочекъ,
И рощи, и цвѣтки...»
О Дельвигъ! начертали
Мнѣ музы мой удѣлъ;
Но ты-ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Въ объятіяхъ Морфея
Безпечный духъ лелѣя,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться..
Помилуй, Аполлонъ!

1816 г.

МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья,
На тихій берегъ водъ забвенья,
Веселой тѣнью полетѣть.
Прости на вѣкъ, очарованье
Безпечной жизни и любви!
Приближьтесь, о друзья мои!
Благоговѣнье и вниманье!
Пѣвецъ рѣшился умереть.
И такъ, съ вечернею луною,
Въ саду нельзя-ли дернъ одѣть
Узорной бѣлой пеленою?
Устройте завтра шумный ходъ,
Несите радостныя чаши
На темный берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына,
Эрота, друга нашихъ лиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой;
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши музы;
Имъ первый кубокъ круговой:
Друзья, священны намъ ихъ узы!
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды.
Въ послѣдній разъ, мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди;
И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
Гдѣ вы, подруги молодыя?
Летите—дорогъ смерти часъ!
Въ послѣдній разъ, томимый нѣжно,
Забуду вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней!
Когда-жъ востокъ озолотится
Во тьмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится,
Покрытый утренней росой,—
Подайте гроздъ Анакреона:
Онъ былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона...
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья,
И дайте, дайте обѣщанье:
Когда на вѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темиру!
Тебѣ дарю и лѣнь, и лиру—
Да будутъ музы надъ тобой!
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней;
Моимъ подругамъ завѣщаю
Воспоминаніе ночей,
Утраченныхъ у ногъ Венеры
Въ лѣсахъ веселыя Цитеры,

Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други—ей!..
На тихій праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить.
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы въ вѣнкахъ, рука съ рукою;
И пусть на гробѣ, гдѣ пѣвецъ
Исчезнетъ въ рощахъ Геликона,
Напишетъ бѣглый вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона».
1815 г.

К. П. БАКУНИНОЙ.

Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..
1815 г.

КЪ ЖИВОПИСЦУ.

(изъ парни).

Дитя харитъ и вдохновенья!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:
Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты;
Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Венеринъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою царицу окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно-бы вздохнуть;
Представь мечту любви стыдливой—
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя напишу.
1815 г.

КЪ БАРОНЕССѢ МАРЬѢ АНТОНОВНѢ ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было!
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли... Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ какъ, я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что̀ было;
Уже я старъ, мнѣ незнакома ложь;
Такъ вѣрьте мнѣ: мы спасены лишь вѣрой—
Послушайте, Амуръ, какъ вы, хорошъ;
Амуръ—дитя, Амуръ на васъ похожъ—
Въ мои лѣта вы будете Венерой.
Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько-же краснорѣчивъ—
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
Чудесный, вовсе безъ искусства—
Не много истинныхъ похвалъ,
Но много истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
О, баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ».
Когда-жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму—
Удастся-ль мнѣ, подъ старость дней,
Вамъ посвятить эпиталаму?
1815 г.

КЪ ЮДИНУ.

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли,
И тихій гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать—
Но можно-ль рѣзвому поэту,
Невольнику мечты младой,
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то, что̀ въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?
Теперь, когда въ покоѣ лѣнь
Укрывъ меня въ пустынну сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ, какъ ясный день,
Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей.
И счастливый самимъ собою,
Не жажду горы серебра,
Не знаю завтра, ни вчера.
Доволенъ скромною судьбою
И думаю: къ чему пѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ?
Къ чему имъ сукна Альбіона
И пышные чехлы Ліона
На модныхъ креслахъ и столахъ?
Какая нужда въ зеркалахъ,
И ложе шалевое въ спальной?
Не лучше-ли въ деревнѣ дальной,
Или въ смиренномъ городкѣ,
Вдали столицъ, заботъ и грома,
Укрыться въ мирномъ уголкѣ,

Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
О, если-бы когда-нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкусить не суждено?
Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
Съ заборами—въ рѣкѣ волнистой—
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона
И глухо тополи шумятъ...
Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Вотъ здѣсь, подъ дубомъ наклоненнымъ.
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ;
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
И мчится въ влажныхъ берегахъ,
И свѣтлый токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ.
Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ;
Дымятся щи; вино—въ бокалѣ.
И щука въ скатерти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся; чашъ внимаемъ звону;
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону—
И съ ними красную весну.
Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивыхъ красотъ,
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой,
Которая весь міръ вертитъ,
Въ трубу немолчную гремитъ,
И—помнится—зовется славой—
Живу съ природной простотой,
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ; подъ вечеръ темный,
Осенней бурною порой,
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать,
Вольтера, Виланда читать,
Или, въ минуту вдохновенья,
Небрежно стансы намарать
И жечь потомъ свои творенья.
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ,
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ:
Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.
Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой,
Во плѣнъ отдался я мечтамъ,
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риѳмы здѣсь и тамъ,
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньѣ,
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Ношусь на крыльяхъ я мечты:
Огни во станѣ догораютъ;
Межъ нихъ, окутанный плащомъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу... вдали штыки сверкаютъ.
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ,
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго раската...
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата,
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата.
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ,
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе лары,
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой,
Тамъ киверъ зыблется пернатый;
Съ черкесской буркой на плечахъ,
И молча прислонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгарой дымною въ зубахъ...
Но, лаврами побѣдъ увиты,
Бойцы изъ чаши мира пьютъ;
Военной славою забытый,
Спѣшу въ смиренный мой пріютъ:
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни, костыли,
На вѣкъ оставилъ саблю мести...
Ужъ вижу въ сумрачной дали
Мой тѣсный домикъ, рощи темны,
Калитку, садикъ, ближній прудъ,
И снова я, философъ скромный,
Укрылся въ милый мнѣ пріютъ,
И міръ забывъ, и имъ забвенный,
Покой души вкушаю вновь.
Скажи, о сердцу другъ безцѣнный:
Мечта-ль—и дружба, и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои,
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви.
Но быстро день за днемъ умчался,
Гдѣ-жъ дѣтства ранніе слѣды?

Прелестный возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка,—
И въ безпокойствѣ непонятномъ
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ сердцу внятнымъ
О нѣжной страсти говоритъ.
Подруга возраста златого,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя-ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***?
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый—
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой,
То на концѣ аллеи темной,
Вечерней тихою порой
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непокровенный,
Твой взоръ, на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...
Все тихо, брежжетъ лунный свѣтъ;
Нахмурясь, тополь шевелится;
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завѣсъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною,
На костыли мои склонясь,
Стоишь подъ ивою густою,
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На нѣжну грудь прохладой дуетъ,
Играетъ локономъ власовъ
И ногу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжный твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую—
Готовы сани; мракъ густой;
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,
Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,
И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкій,
Съ крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша, идетъ украдкой,
И дѣва друга обняла.
Помчались кони, вдаль пустились,
По вѣтру гривы распустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ,
Прижалась робко ты ко мнѣ,
Чуть-чуть дыша; мы обомлѣли,
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли...
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы! я счастливъ былъ во снѣ...
Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту, младыхъ пѣвцовъ удѣлъ:
Питомецъ музъ и вдохновенья,
Стремясь фантазіи во слѣдъ,
Находитъ въ сердцѣ наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.
Минуты счастья золотыя
Пускай мнѣ Клоѳо не совьетъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всесильнѣе поэтъ.
1815 г.

КЪ МАШѢ.

(СЕСТРѢ ДЕЛЬВИГА).

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты риѳмы набросать
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.
Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.
Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть,
И жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскарадъ летѣть.
И ужъ не вспомните поэта...
О Маша, Маша, поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши!
1816 г.

ЖЕЛАНІЕ.

(В. Л. ПУШКИНУ).

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина,
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна:
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель;
Чтобы Шихматову на зло
Воскреснулъ новый Буало—
Расколовъ, глупостей свидѣтель;
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et cetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ;
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный,
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ

Писали слишкомъ мудрено,
То есть и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.
1816 г.

ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры,
Улыбка, взоры, нѣжный тонъ
Краснорѣчивѣй, чѣмъ Вольтеры,
Намъ проповѣдуютъ законъ
И Аристипповъ, и Глицеры —
Тебѣ привѣтливый поклонъ,
Любви вѣнокъ и лиры звонъ!
Презрѣвъ Платоновы химеры,
Твоей я святостью спасенъ,
И сталъ апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Нинонъ,
Всего... но лишь извѣстной мѣры.
Я вижу, хмурится Зенонъ
И вся его сѣдая свита,
И мудрый другъ вина, Катонъ,
И скучный рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: «ты лжешь, профанъ: мученье—
Прямое смертныхъ наслажденье!»
Друзья! согласенъ; плачъ и стонъ
Стократъ конечно лучше смѣха:
Терпѣть—великая утѣха.
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ;
Но мнѣ онъ, слышите-ль, не нуженъ,
Затѣмъ, что слишкомъ онъ мудренъ;
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ;
Я вами, право, не прельщенъ.
Соборъ угрюмый разсерженъ;
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ—лишь времени утрата:
Кто ихъ примѣромъ обольщенъ?
Люблю я добраго Сократа:
Онъ въ мірѣ жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ, между прочимъ, былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной
(Тому свидѣтель самъ Платонъ),
Невольникъ робкій и покорный,
Вздыхалъ частехонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: «все призракъ, ложь и сонъ—
И мудрость, и народъ, и слава.
Что-жъ истинно? Одна забава,
Повѣрь, одна любовь—не сонъ!»
Такъ ладанъ жегъ прекрасный онъ,
И ею... бѣдная Ксантиппа!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межъ тѣмъ, на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, нѣгу презирая,
Одинъ, всѣхъ радостей лишенъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ;
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ—
И воду черпая рукою,
Не могъ зачѐрпнуть счастья онъ.
1816 г.

ЛИЛѢ.

(МАРІИ СМИТЪ).

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила! ты прекрасна
И безчувственной красой.
1816 г.

КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравный,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавней?
Съ надеждами, во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный,
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой Фортуны своенравной
Указанъ путь, и счастливый, и славный—
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ;
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно;
Амуръ велитъ—и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О, сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтреный любовникъ,
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!..
А мой удѣлъ... но пасмурнымъ туманомъ
Зачѣмъ-же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, нельзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья;
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно-ль ихъ забыть?
Онѣ прошли, и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный навѣкъ,

На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ—
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...
Твоя заря—заря весны прекрасной;
Моя-жъ, мой другъ!—осенняя заря.
Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной, грустной думой:
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ, съ тоской, явлюсь я, гость угрюмый,
Явлюсь на часъ, и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Ужель моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая—что̀ радость?
Зачѣмъ-же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный пѣвецъ—
Какихъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ?
Но что̀! стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье—
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье—
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!
1816 г

КЪ НАТАШѢ.

(горничной княжны волконской).

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни,
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.
Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистымъ
Ранней, позднею порой,
Не встрѣчаюсь я съ тобой.
Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ.
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Долго буду горевать
И Наташу вспоминать.
1816 г.

СЛЕЗА.

(к. п. бакуниной).

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ.
«Скажи, что смотришь на дорогу?»
Мой храбрый вопросилъ:
«Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ».
Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
«Гусаръ, ужъ нѣтъ ея со мною!..»
Вздохнулъ и замолчалъ..
Слеза повисла на рѣсницѣ
И капнула въ бокалъ.
«Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ?
Стыдись!»—онъ закричалъ.
«Оставь, гусаръ! Ахъ, сердцу больно!..
Ты, знать, не горевалъ!
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!»
1816 г.

А. А. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты-ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Мелецкій и Парни?
Тебѣ, балованный питомецъ Аполлона,
Съ ихъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньѣ чувствовать, плѣняться красотою:
Вотъ жребій мой; ему я слѣдовать готовъ;
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Не вѣчно нѣжиться въ пріятномъ ослѣпленьѣ:
Докучной истины я поздній вижу свѣтъ,
По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньѣ
Мечтѣ, шепнувшей: «ты—поэтъ»,
И презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Угодникъ Бахуса, я, трезвый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами;
Мечтательныхъ Доридъ и славилъ, и бранилъ,
Иль дружбѣ плелъ вѣнокъ, и дружество зѣвало,
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго-ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили парнасскія забавы;
Недолго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:

И строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Уснувъ межъ розами, на тернахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать—
Охота смертная на риѳмахъ лепетать.
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся—
И полно мнѣ писать!

1816 г.

ПИСЬМО КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ, но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ:

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ риѳмъ вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ—совсѣмъ не братъ:
Вы—дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-поэтовъ здѣшняго міра, можно-ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я; конечно, передъ вами
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-риѳмоплетъ:
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ богами;
Онъ виноватъ и прозой, и стихами,
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ—обѣщательныя и извинительныя: первыя—въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это мнѣ кажется непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной музой Ювенала
Глухого варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова (А. С. Шишковъ)
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова (Кн. Шаховской)
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать—
Скажите искренно—ужели
Вы не умѣете прощать?

Напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ: не имѣю больше времени, но... надобно-ли еще обѣщать? Простите вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце и которые любятъ еще меня.

Шольё Андреевичъ, конечно, (Кн. Вяземскій)
Меня забылъ давнымъ-давно;
Но я люблю его сердечно
За то, что любитъ онъ безпечно
И пѣть, и пить свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

1816 г.

КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

(МАРІИ СМИТЪ).

Лила, другъ мой неизмѣнный!
Почему сквозь тонкій сонъ,
Наслажденьемъ утомленный,
Слышу я твой тихій стонъ?
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви,
Иногда я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь,
Хладенъ взоръ твоихъ очей...
О, безцѣнная подруга!
Вѣчно-ль слезы проливать?
Вѣчно-ль мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладный сонъ;
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ весенни розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искреннія слезы
И любовницъ робкій зовъ!
Рано другъ твой незабвенный
Вздохомъ смерти воздохнулъ,
И блаженствомъ упоенный,
Изъ груди твоей уснулъ.
Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
Вѣрь любви, невинны мы.
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы!
Тихой ночью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовника не станетъ,
Вызывая спящій день!

1817 г.

МОЕМУ АРИСТАРХУ.

(Н. Ѳ. КОШАНСКОМУ).

Помилуй, трезвый Аристархъ
Моихъ вакхическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены,
Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой.
Помилуй, сжалься надо мной!

Я знаю самъ свои пороки.
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой.
Конечно, бѣденъ геній мой:
За риѳмой часто холостой.
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопныя толпой
На аю, аетъ и на ой.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто-же безъ грѣха)
Для мѣры, риѳмы—восклицанья.
Для смысла—лишнихъ три стиха:
Нехорошо; но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ-ли цвѣсти?
Не думай, цензоръ мой угрюмый,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой;
Что лѣнью жертвуя стихамъ
И засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ, кряхтя, засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу—трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ (молвить не въ укоръ)
Конюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькій Парнаса,
Родитель стареньких стиховъ,
И одъ неслишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ!..
Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ—совсѣмъ не бремя:
И ѣсть и пить найду я время!
Когда-жъ нечаянной порой
Стихи кропать найдетъ охота,
На славу дружбы иль Эрота,
Я мигомъ трудъ окончу свой.
Сижу-ли съ добрыми друзьями,
Лежу-ль въ постели пуховой,
Брожу-ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой—
Задумаюсь, взмахну руками,
На риѳмахъ вдругъ заговорю
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежнюю мысль мою—
То не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ вполголоса пою.

. . . .

Но знаешь-ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель,
Я съ музой нѣжусь молодой...
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило;
Давно пропѣли пѣтухи;
Въ полглаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ пѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи,
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь въ подушку головой—
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю извиненья
Немного сонною рукой.
Подъ сѣнью лѣни неизвѣстной
Такъ нѣжился пѣвецъ прелестный,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ,
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньѣ,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньѣ
Стихи текутъ и такъ и сякъ.
Возможно-ли въ свое творенье,
Унявъ веселыхъ мыслей шумъ,
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?

. . . .

Нашъ другъ Лафоръ, Шольё, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,
Не такъ, бывало, въ прежни дни
Своихъ любовницъ воспѣвали.
О вы, любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ музы праздности счастливой:
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой—
На верхъ ѳессальскія горы
Вели васъ тайные извивы;
Веселыхъ грацій перстъ игривый
Младыя лиры оживлялъ,
И ваши челы обвивалъ
Дѣтей пафосскихъ рой шумливый!
И я, неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ риѳмъ наслѣдникъ.
За вами крадуся вослѣдъ...
А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другого
И брось лѣнивца молодого,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.
1817 г.

КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ музами колѣни.
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья.
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый (Карамзинъ),
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный. (Державинъ)
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмыслицы дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ варяговъ строй;
Смѣхъ общій—имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Ко мнѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ (Тредьяковскій) на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенныя могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопослагатель хилый:
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Телемахъ;
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
Ретивой музою прославленный пѣвецъ!
Гордись, ты Мевія надутый образецъ!
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
А онъ—онъ риѳмою попралъ и вкусъ, и умъ.
Ты-ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему-ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему-ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье россіянъ, полунощное диво? (Ломоносовъ)
Нѣтъ, въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.
И что-жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
Невѣжду пестуетъ невѣжество слѣпое;
Оно сокрыло ихъ во мрачный свой пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,
На сцену возведя зѣвающую музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнаса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ.
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ—
Куплетомъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ.
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Ѳеспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Телемахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ
И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ—врагъ отечества, онъ—сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте-же, парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны пѣвцы!
Въ счастливой ереси и вкуса, и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины—поэтъ!
Ліющая съ небесъ и жизнь, и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона.
Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ знанья дали вѣсть.
Летите на враговъ—и Фебъ, и музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потупитъ хладный взоръ;
Спесивыхъ риторовъ безграмотный соборъ...
Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно,
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ?
Что нужды? Смѣло въ даль дорогою прямою:

Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ ты—примѣръ! что крикъ безумныхъ сихъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба:
Имъ прозы, ни стиховъ не посланъ даръ отъ неба;
Ихъ слава—имъ-же стыдъ, творенья—смѣхъ уму,
И въ тьмѣ возникшіе низвергнутся во тьму.
1817 г.

ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ, ты—поэтъ!
Наперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ Камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ-же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья?
Какъ дымъ, исчезъ мой легкій даръ!
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.
1817 г.

ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

(ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ).

Лишь благосклонный мракъ раскинетъ
Надъ нами тихій свой покровъ,
И время къ полночи придвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ счастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь,
Тогда моей темницы вновь
Покину я нѣмые своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря;
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,—
И я въ обители твоей!..
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
По воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ словамъ
Узнай любовника!.. Настали
Восторги, радости мои!
О Лида, если-бъ умирали
Съ блаженства, нѣги и любви!..
1817 г.

КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ—живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Молись и Вакху, и любви,
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.
1817 г.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрный музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, муза и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца;
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца (Д. В. Давыдова),
Но не на Глинку-офицера,
Довольно плоскаго пѣвца;
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ
И къ Марину для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Коцитъ
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ
Ты съ дипломатикой косой,
Кропай, мой другъ, посланья къ Лидѣ,

Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета—
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнъ могучаго Мегмета,
И мужа модные рога;
Который, милостію Бога,
Министръ и сладостный пѣвецъ.
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога... (И. И. Дмитріевъ)
Все такъ, почтенный дядя мой,—
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшилъ запутанные споры,
Умѣлъ кто хитрости рукой
Переплетать между собой
Дипломатическіе вздоры
И править нашею судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ.
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ»[1]) онъ достоинъ;

[1]) Сатира Д. П. Горчакова

Но что прелестнѣй и живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ,
И что завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ, и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ:
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что—скука, страхъ,
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала,
Кто славитъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ на-ухо: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе—глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду—
Конечно, для забавы дамъ;
Заботы—знатному народу,
Дурачество—для всѣхъ; а намъ—
Уединенье и свободу.

1817 г.

КЪ ТОВАРИЩАМЪ ПЕРЕДЪ ВЫПУСКОМЪ.

Промчались годы заточенья:
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порога;
Зоветъ насъ свѣта дальній шумъ,
И каждый смотритъ на дорогу
Въ волненьѣ юныхъ, пылкихъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ;
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя.
Лишь я, судьбѣ своей послушный,
Счастливой нѣги вѣрный сынъ,
Всегда безпечный, равнодушный,
Въ постели задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писари, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера,
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассесора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте мирный мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ;
Пока лѣнивому возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ іюлѣ распахнуть жилетъ.

1817 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть христіанинъ православный.
Душа безсмертна, слова нѣтъ;
Моимъ стихамъ удѣлъ неравный:
И пѣсни музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнутъ смертію забавной,
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый геній,
Что предпочелъ-бы я скорѣй
Безсмертію души моей
Безсмертіе моихъ твореній.
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья,
Сей плодъ небрежный вдохновенья
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ,
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленный:

Мои стихи пускай умрутъ:
Гласъ сердца, чувства неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.
1817 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судь-
О милый, вѣченъ онъ! [бами,
1817 г.

РАЗЛУКА.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья,
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ-ли смерт-
ной битвы,
При мирныхъ-ли брегахъ родимаго ручья—
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ-ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!
1817 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. Н. ЗУБОВУ.

Когда погаснутъ дни мечтанья
И позоветъ насъ шумный свѣтъ—
Забудешь тайныя свиданья
И дружество минувшихъ лѣтъ!...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ минутный слѣдъ.
1817 г.

КЪ НЕЙ.

Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны!
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежный,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки,
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! Я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И—слезы на глазахъ—со славою прощался!
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! Я жизнью трепеталъ;
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣняла добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!
1817 г.

Е. С. ОГАРЕВОЙ,

КОТОРОЙ М—Ъ ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДА.

М—ъ, хвастунъ безстыдный,
Тебѣ прислалъ своихъ плодовъ.
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ—богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ! Харита
Улыбкой святость побѣдитъ;
Съ ума сведетъ М—а
И пылъ желаній въ немъ родитъ.
И онъ, твой встрѣтя взоръ волшебный,
Забудетъ о своемъ крестѣ
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.
1817 г.

КЪ ЕВДОКІИ ИВАНОВНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный?
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пу-
Отечество почти я ненавидѣлъ; [стымъ?—
Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.
1817 г.

КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды,

Умѣй сносить, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье:
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ!
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцѣлуями подругъ
Не наслаждаешься: что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ,
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры...
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивый,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой,—
И счастливъ ты своей судьбой!
А я—повѣса, вѣчно праздный,
Потомокъ негровъ безобразный,
Взрощенный въ дикой простотѣ,
Любви не вѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній...
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ,
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядитъ.
1818 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ
МИХ. АНДР. ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться недосугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ;
Кто Надиньку подъ-вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ
И жирный страсбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ пафосской вѣры,
Проводитъ набожную ночь
Съ младой монашенкой Цитеры;
Поутру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ «Инвалида»;
Весь день веселью посвященъ,
А ночью царствуетъ Киприда!
И мы не такъ-ли дни ведемъ,
Щербининъ, вѣрный другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покамѣстъ молоды и здравы?
Но дни младые пролетятъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ:
Тогда безъ пѣсенъ, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.
1818 г.

Н. И. КРИВЦОВУ,
при посылкѣ вольтеровой поэмы.

Когда сожмешь ты снова руку,
Которая тебѣ даритъ,
На скучный путь и на разлуку,
Вотъ эту библію Харитъ?
Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ,
Въ архивѣ шалости младой:
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой.
Прости, эпикуреецъ мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ!
Лети во мрачный Альбіонъ!
Да сохранитъ тебя въ чужбинѣ
Христосъ и вѣрный Купидонъ!
Неси въ чужой предѣлъ пената,
Но помни прежни дни свои:
Люби недѣвственнаго брата,
Страдальца чувственной любви.
1818 г.

ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья!
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья:
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ...
Напишетъ наши имена.
1818 г.

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.
(штейнгель).

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалять
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,

Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность
И трепетъ устъ, и жаръ ланитъ?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья—
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тьмѣ ночной?
Скажи: у двери оцѣненной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ;
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый:
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!
1818 г.

МЕЧТАТЕЛЮ.

(В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ).

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье,
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить.
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель!
О если-бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда-бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда-бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе, рыдая, обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда-бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья;
Нѣтъ, нѣтъ, въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, изступленный,
Тогда-бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возьмите отъ меня сей образъ роковой:
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой...
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно-бы съ тобой.
1818 г.

ЖУКОВСКОМУ.

(НА ИЗДАНІЕ КНИЖЕКЪ ЕГО: «ДЛЯ НЕМНОГИХЪ»).

Когда къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты для немногихъ,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ счастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и яснымъ!
1818 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.
1818 г.

Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ.

Здорово, Юрьевъ имениникъ,
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ!
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.
Здорово, рыцари лихіе
Любви, свободы и вина!
Для насъ, союзники младые,
Надежды лампа зажжена.
. . . .
Здорово, молодость и счастье!
. . . . 1819 г.

[Подъ «лампой надежды» разумѣется кружокъ «Зеленая лампа», собиравшійся у Всеволожскаго].

ВАС. ВАС. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Съ Кипридой посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольного!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пинда гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,

От хладныхъ пролестей Невы,
От вредной сплетницы-молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Я ѣду въ даль! Простите, дамы,
Актрисы, франты, доктора,
Шумящи игры, вечера,
Гдѣ льются пуншъ и эпиграмы!
Меня зовутъ поля, луга,
Тѣнисты липы огорода,
Озеръ пустынныхъ берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ. Прiѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
На счетъ глупца, вельможи злого,
На счетъ холопа записного,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда на счетъ земного.
1819 г.

Н. И. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы-жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ.
У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ.
Лишній мигъ у вѣрной лѣни.
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ.
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ,
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.
1819 г.

СТАНСЫ.

(я. н. толстому).

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни.
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златой Горацiевъ фiалъ.
Повѣрь, мой другъ, она придетъ—
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И безполезныхъ размышленій.
Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.
Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови-же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!
До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!
1819 г.

ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача;
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ—врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
До ночи слушать радъ его;
Но онъ—придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть моихъ боговъ
И буду ждать.—Когда-жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей,
И брани громкій вызовъ грянетъ,—
Тогда покину миръ полей;
Питомецъ пламенный Беллоны,
У трона вѣрный гражданинъ!
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ;
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ
Съ мечомъ и съ лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.
1819 г.

Н. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы!
И такъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ на яву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь—игрушка!
Въ почтенной кичкѣ, шушунѣ
Москва—премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, бѣдный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большого свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя;
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ; задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ;
А тамъ египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой;
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой!
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь неистовыхъ очей—
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Рождаетъ трепетъ упоенья...
Но вспомни, милый; здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая;
Весь день уныла и томна,
Въ своей задумчивости сладкой,
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро-ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ-бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младого сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

1819 г.

КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большого свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ, красоты безпечный обожатель,
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорѣлъ въ чаду большого свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья.
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ—прекраснаго друзья,—
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ—невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шеппингъ—царь, а скука—предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И, разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!..
Когда въ кругу Лаисъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и соннымъ
Съ трудомъ остритъ французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклоннымъ,
И всѣ вокругъ и дремлютъ, и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами бренчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ—
Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
Свобода, Вакхъ и музы угощаютъ.
Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политики смѣшного лепетанья,
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
И мистика придворнаго кривлянья!..
И ты, харитъ любовникъ своевольный.

Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ небогомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
И малый кругъ друзей моихъ умножь.
1819 г.

КЪ НЕМУЖЕ.
(отрывокъ).

Ужъ я не тотъ! мои златые годы,
Безумства жаръ, веселость, острота,
Любовь стиховъ, любовь моей свободы—
Проходитъ все, какъ легкая мечта.
Такъ, иногда, за чашей ликованья
Найдешь меня, объятаго тоской,
Задумчивымъ, съ поникшей головой—
И ты поймешь души моей страданья!..
1819 г.

ОЛИНЬКѢ МАССОНЪ.

Ольга, крестница Киприды,
Ольга, чудо красоты,
Какъ-же ласки и обиды
Расточать привыкла ты!
Поцѣлуемъ сладострастья—
Соблазнительнаго счастья
Назначаешь тайный часъ;
Мы съ горячкою любовной
Прибѣгаемъ въ часъ условный—
Въ дверь стучимъ: но въ сотый разъ
Слышимъ твой коварный шопотъ
И служанки сонный ропотъ,
И насмѣшливый отказъ.
Ради рѣзваго разврата,
Пріапическихъ затѣй,
Ради нѣги, ради злата,
Ради прелести твоей,
Ольга, жрица наслажденья,
Внемли нашъ влюбленный плачъ—
День восторговъ, день забвенья
Намъ навѣрное назначь.
1820 г.

ПЛАТОНИЗМЪ.

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя страшитъ проказникъ милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ несносенъ Гименей:
Ты молишься другому богу—
Своей покорствуя судьбѣ,
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полуоткрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей;
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ;
Онъ любитъ сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ—другъ стыдливый наслажденья,
Онъ—братъ любви, но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тьмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ упоеньѣ
Ты мыслишь обмануть любовь!
Напрасно—въ самомъ наслажденьѣ
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ неосвященный твой пріютъ?
Твоя краса, какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ...
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты:
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты!
1820 г.

ЧААДАЕВУ.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
Дымились жертвоприношенья;
Здѣсь успокоена была
Вражда свирѣпой Эвмениды:
Здѣсь провозвѣстница Тавриды
На брата руку занесла!
На сихъ развалинахъ свершилось
Святое дружбы торжество,
И душъ великихъ божество
Своимъ созданьемъ возгордилось...
Чадаевъ, помнишь-ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.
1820 г.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинъ,
Покрытый кровію святой,
Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.
Тебя, младенца, онъ ласкалъ

На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ,
Братоубійствомъ изощренный.
Какъ часто, возбудивъ свирѣпой мести жаръ,
Онъ молча надъ твоей невинной колыбелью,
Убійства новаго обдумывалъ ударъ,
И лепетъ твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью.
Таковъ былъ—сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиренной жизнію предъ небомъ искупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чистая любви молитва, восходила.
1820 г.

АГЛАѢ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
Какъ семилѣтняя Агнеса?
Въ какомъ романѣ вы нашли,
Чтобъ умеръ отъ любви повѣса?
Послушайте. Вамъ тридцать лѣтъ,
Да, тридцать лѣтъ—немногимъ болѣ;
Мнѣ за двадцать. Я видѣлъ свѣтъ,
Кружился долго въ немъ на волѣ:
Ужъ клятвы, слезы мнѣ смѣшны,
Проказы утомить успѣли;
Вамъ также съ вашей стороны
Тревоги сердца надоѣли.
Умы давно въ насъ охладѣли,
Не кстати намъ учиться вновь!
Мы знаемъ: вѣчная любовь
Живетъ едва-ли три недѣли!
Я вами точно былъ плѣненъ,
Къ тому-же скука... мужъ ревнивый...
Я притворился, что влюбленъ,
Вы притворились, что стыдливы...
Мы поклялись... потомъ... увы!
Потомъ забыли клятву нашу:
Себѣ гусара взяли вы,
А я —наперсницу Наташу.
Мы разошлись. До этихъ поръ
Все хорошо, благопристойно:
Могли-бы мы безъ глупыхъ ссоръ
Жить мирно, дружно и спокойно;
Но нѣтъ! въ трагическомъ жару
Вы мнѣ сегодня поутру
Сѣдую воскресили древность:
Вы проповѣдуете вновь
Покойныхъ рыцарей любовь,
Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
Помилуйте, нѣтъ, право нѣтъ,
Я не дитя, хоть и поэтъ.
Оставимъ юный пылъ страстей,
Когда мы клонимся къ закату,
Вы—старшей дочери своей,
Я—своему меньшому брату.
Имъ можно съ жизнію шалить
И слезы впредь себѣ готовить;
Еще пристало имъ любить,
А намъ уже пора злословить!
1821 г.

ПАВЛУ АЛЕКСАНДР. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, (А. М. Колосовой)
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстный,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единый,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.
1820 г.

СѢТОВАНІЕ.

(Д. В. Давыдову).

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Наѣздника читалъ
И даже ясно понималъ
Его искусные доводы;
Узналъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы,
. . . .
И думалъ: вѣтреный пѣвецъ!
Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая лира;
И сердцемъ охладѣвъ на вѣкъ,
Ты, видно, сталъ въ угоду міра
Благоразумный человѣкъ!
О, горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться до прозы
Вѣнчанный музою поэтъ,
Презрѣвъ и славу прежнихъ лѣтъ,
И тѣни Бурцова угрозы?
1821 г.

ЧААДАЕВУ.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
Гдѣ прахъ Овидіевъ—пустынный мой сосѣдъ,
Гдѣ слава для меня—предметъ заботы малой,
Тебя не достаетъ душѣ моей усталой.
Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
Гдѣ праздный умъ блеститъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ:
Вздохнувъ, оставилъ я другія заблужденья,
Враговъ моихъ предалъ проклятію забвенья,

*

И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну.
Для сердца новую вкушаю тишину.
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій;
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
Богини мира, вновь явились музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ — и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.
Но дружбы нѣтъ со мной: печальный, вижу я
Лазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
Ничто не замѣнитъ единственнаго друга:
Ни музы, ни труды, ни радости досуга.
Ты былъ цѣнителемъ моихъ душевныхъ силъ;
О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней:
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленный;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь:
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть.
Что нужды было мнѣ въ торжественномъ судѣ
Холопа знатнаго, невѣжды при звѣздѣ,
Или философа, который въ прежни лѣта
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но просвѣтивъ себя, загладилъ свой позоръ,
Отвыкнулъ отъ вина и сталъ картежный воръ?
Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Мнѣ-ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
О лепетаньѣ дамъ, зоиловъ и глупцовъ,
И сплетней разбирать игривую затѣю,
Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
Печали раннія мою тѣснили грудь:
Къ печалямъ я привыкъ, разсчелся я съ судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.
Одно желаніе: останься ты со мной!
Небесъ я не томилъ молитвою другой.
О, скоро-ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
Когда соединимъ слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
Гдѣ ты всегда — мудрецъ, а иногда — мечтатель
И вѣтреной толпы безстрастный наблюдатель;
Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
Посмотримъ, перечтемъ, посудимъ, побранимъ,
Вольнолюбивыя надежды оживимъ,
И счастливъ буду я; но только, ради Бога,
Гони ты Шеппинга отъ нашего порога.

1821 г.

НИКОЛАЮ СТЕП. АЛЕКСѢЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
Твои ревнивыя мечты:
Я позабылъ любви призывы
И плѣнъ опасной красоты;
Свободы другъ миролюбивый,
Въ толпѣ красавицъ молодыхъ,
Я, равнодушный и лѣнивый,
Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
Ихъ томный взоръ, привѣтный лепетъ
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нѣжный трепетъ
И пламя юности живой.
Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
Вздыхать — неловко и смѣшно,
Надеждѣ вѣрить — безразсудно,
Мужей обманывать — грѣшно.
Прошелъ веселой жизни праздникъ!
Какъ мой задумчивый проказникъ,
Какъ Баратынскій, я твержу:
«Нельзя-ль найти подруги нѣжной?
Нельзя-ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упоительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей;
Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говоритъ.
Когда любовникъ изступленный,
Тоскуя, плачетъ предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
Неясныхъ, темныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянетъ ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминутнымъ повтореньямъ

Люблю съ участіемъ внимать:
Я льщу слѣпой его надеждѣ,
Я молодъ юностью чужой,
И говорю: такъ было прежде
Во время оно и со мной.
Я былъ рожденъ для наслажденья:
Въ моей утраченной веснѣ
Какъ мало нужно было мнѣ
Для милыхъ сновъ воображенья!
Зачѣмъ-же въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ
Мнѣ стало чуждо сладострастье,
Зачѣмъ-же вдругъ увяло счастье
И ни къ чему стремленья нѣтъ?
И что-жъ? Измѣной хладнокровной
Я-ль стану дружеству вредить,
И снова тактики любовной
Уроки хитрые твердить?
Нѣтъ, милый! Если голосъ томный,
Обманъ улыбки, нѣжный взоръ,
Умильный видъ печали скромной
Тобой владѣютъ до сихъ поръ,—
Люби, ласкай свои желанья,
Надеждѣ, сердцу слѣпо вѣрь...
Увы! пройдутъ любви мечтанья,
И будешь то, чѣмъ я теперь.
1821 г.

КЪ ***.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ [лѣтъ
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
Что я любилъ, что измѣнило мнѣ.
Пускай я радости вкушаю невполнѣ;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцѣлуевъ сладострастья;
Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть;
Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
Незанимательную повѣсть?
Она твой тихій умъ невольно возмутитъ;
Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься;
Довѣрчивой души безпечность улетитъ,
И ты моей любви, быть можетъ, ужаснешься,
Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
Лишиться я боюсь послѣднихъ наслажденій.
Не требуй отъ меня опасныхъ откровеній:
Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я!
1821 г.

КЪ ОВИДІЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
Которымъ изгнанныхъ отеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепелъ свой оставилъ.
Твой безотрадный плачъ мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще твоей молвой наполненъ сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображеньѣ
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И краткой теплотой согрѣтые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за тобою:
Я видѣлъ твой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженный близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца любви жестокая награда.
Тамъ нивы безъ тѣней, холмы безъ винограда;
Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
Тамъ хладной Скиѳіи свирѣпые сыны,
За Истромъ утаясь, добычи ожидаютъ
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожаютъ.
Преграды нѣтъ для нихъ: въ волнахъ они плы- [вутъ,
И по льду звучному безтрепетно идутъ.
Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ пре- вратной!),
Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни [ратной,
Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождать безпечные часы,
Ты будешь принужденъ взложить и шлемъ тя- желый,
И грозный мечъ хранить близъ лиры оробѣлой.
Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
Изгнаннаго пѣвца не усладятъ печали.
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть:
Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ:
Дни старости твоей въ забвеніи потонутъ.
Златой Италіи роскошный гражданинъ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ пишешь:
«О, возвратите мнѣ священный градъ отцовъ
И тѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
О други, Августу мольбы мои несите!
Карающую длань слезами отклоните!
Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ,—
Послѣднею мольбой смягчая рокъ ужасный,
Приближьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрас- [ной!»
Чье сердце хладное, презрѣвшее харитъ,
Твое уныніе и слезы укоритъ?
Кто въ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
Сіи элегіи—послѣднія творенья,
Гдѣ ты свой тщетный стонъ потомству передалъ?
Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ,
Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
И свѣтомъ, и собой, и жизнью недовольный,
Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда вла- чилъ.
Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
Я повторялъ твои, Овидій, пѣснопѣнья,
И ихъ печальныя картины повѣрялъ;
Но взоръ обманутымъ мечтаньямъ измѣнялъ.
Изгнаніе твое плѣняло втайнѣ очи,

Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь;
Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
На скиѳскихъ берегахъ переселенецъ новый,
Сынъ юга, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
Ужъ пасмурный декабрь на русскіе луга
Слоями разстилалъ пушистые снѣга;
Зима дышала тамъ; а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрѣлъ увядшій лугъ;
Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ;
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, подъ вечеръ холодѣя;
Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ тускнѣя,
Кристалломъ покрывалъ недвижныя струи.
Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
Сей день, замѣченный крылатымъ вдохновеньемъ.
Когда ты въ первый разъ ввѣрялъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ, окованнымъ зимой:
И по льду новому, казалось, предо мной
Скользила тѣнь твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, какъ томный стонъ разлуки.
Утѣшься: не увялъ Овидіевъ вѣнецъ!
Увы, среди толпы затерянный пѣвецъ,
Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній,
И, жертва темная, умретъ мой слабый геній
Съ печальной жизнію, съ минутною молвой!
Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенный—
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранится-же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорствуя судьбѣ,
Не славой, участью я равенъ былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на брега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ;
Но не унизилъ ввѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.
1821 г.

П. С. ПУЩИНУ.

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молотокъ возьмешь во длань
И воззовешь: «свобода!»
Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
О каменщикъ почтенный!
О Кишиневъ, о темный градъ,
Ликуй, имъ просвѣщенный!
1821 г.

Г-ЖѢ ЭЙХФЕЛЬДЪ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
Не могутъ васъ обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну васъ плѣнить.
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня;
Одна моя надежда—Зоя:
Женюсь—и буду вамъ родня... 1821 г.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ.

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ морѣ посѣдѣлый!
Спокойной пристани давно-ли ты достигъ,
Давно-ли тишины вкусилъ отрадный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій другихъ, земли жилецъ усталый!..
1821 г.

* * *

Я слушаю тебя и сердцемъ молодѣю,
Пировъ и радости блистательный пѣвецъ.
Пѣвецъ-гусаръ, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ,
И пылкую потѣху драки,
И завитки своихъ усовъ.
Походную сдувая пыль,
Ты славилъ, лиру не настроя,
Любовь и мирную бутыль...
1821 г.

* * *

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что (искрометными) стихами
(Касаясь трепетныхъ сердецъ)
Играю смѣхомъ и слезами;
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Порывы страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,
И что разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей:—
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена:
Самолюбивыхъ думъ отрада,
Мечтанья неземного сна!.. 1821 г.

ЕВРЕЙКѢ.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка!
И нынѣ, слѣдуя душой
Закону богочеловѣка,
Погибшаго за міръ земной,
Тебя цѣлую, ангелъ мой!
А завтра, къ вѣрѣ Моисея
За поцѣлуй твой, не робѣя,
Готовъ, еврейка, приступить... 1822 г.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не притворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшенъ лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,
Я слишкомъ вѣтренъ и лѣнивъ.
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она—прелестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь. 1822 г.

БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБІИ.

Сія пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державинымъ воспѣта
И славой русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ;
Она летитъ на сладкій зовъ
Питомцевъ музъ и Аполлона,
И съ нею часто при лунѣ
Брожу вдоль берега крутого;
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ
Въ тебѣ Овидія живого.
1822 г.

ЕМУ-ЖЕ.

Я жду обѣщанной тетради:
Что-жъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ, Феба ради,
И наградитъ тебя Амуръ.
1822 г.

ГРЕЧАНКѢ.

Ты рождена воспламенять
Воображеніе поэтовъ,
Его тревожить и плѣнять
Любезной живостью привѣтовъ,
Восточной странностью рѣчей;
Блистаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги томной,
Для упоенія страстей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой неизмѣнный идеалъ,
Ужъ не тебя-ль изображалъ
Поэтъ мучительный и милый?
Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя страдалецъ вдохновенный
Узналъ иль видѣлъ какъ во снѣ,
И скрылся образъ незабвенный
Въ его сердечной глубинѣ.
Быть можетъ, лирою счастливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепетъ возникалъ
Въ твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь къ его плечу...
Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу:
Мнѣ долго счастье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждаться имъ,
И тайной грустію томимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.
1822 г.

АДЕЛИ.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль!
1822 г.

ѲЕД. НИКОЛ. ГЛИНКѢ.

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой,
Великодушный гражданинъ!
Пускай судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь—
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ:
Онѣ ничтожны, если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!
1822 г.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Язвительный поэтъ, острякъ замысловатый,
И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый,
Счастливый Вяземскій, завидую тебѣ!
Ты право получилъ, благодаря судьбѣ,
Смѣяться весело надъ злобою ревнивой,
Невѣжество разить анаѳемой игривой... 1822 г.

НЕИЗВѢСТНОМУ.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой,
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди—тряхнемъ мы стариной!
Нашъ другъ Тардифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханжи, поэта, балагура,
Тардифъ, который Коленкура
И откормилъ, и обокралъ,
Тардифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тардифъ, умомъ неистощимый
На entre-mets, на пироги... 1822 г.

НАЧАЛО ПОСЛАНІЯ КЪ БРАТУ.

Братъ милый! отрокомъ разстался ты со мной;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радости, для свѣта, для свободы.
Какое поприще отверзлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслажденій,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблужденій...
Какъ юный жаръ твою волнуетъ кровь!
Ты сердце пробуешь въ надеждѣ торопливой;
Ввѣряешься... 1822 г.

Мой другъ, уже три дня
Сижу я подъ арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ:
Спаситель молдаванъ,
Бахметьева намѣстникъ,
Смиренный Іоаннъ (Ив. Ник. Инзовъ)
За то, что Ясскій панъ, (Т. Балшъ)
Извѣстный намъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трусъ, и грубіянъ,
Побитъ немножко мною,
И что бояръ пугнулъ
Я новою тревогой,
Къ моей коморкѣ строгій
Приставилъ караулъ...

Здѣсь въ рукописи не достаетъ листа. Далѣе говорится, чѣмъ поэтъ занимается подъ арестомъ:

Невинною игрою,
А именно — мараю
Небрежныя черты,
Пишу карикатуры:
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточныя фигуры
Куконовъ, куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и брадатыхъ...
1822 г.

КЪ ***.

Ты правъ, мой другъ! Напрасно я презрѣлъ
Дары природы благосклонной;
Я зналъ досугъ — безпечныхъ музъ удѣлъ,
И наслажденье лѣнью сонной.
Я дружбу зналъ, и жизни молодой
Ей отдалъ вѣтреные годы,
И вѣрилъ ей за чашей круговой
Въ часы веселій и свободы.
Младыхъ бесѣдъ оставя блескъ и шумъ,
Я зналъ и трудъ, и вдохновенье,
И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
Уединенное волненье!
Свою печать утратилъ рѣзвый нравъ,
Душа часъ отъ часу нѣмѣетъ.
Въ ней чувства нѣтъ уже. Такъ легкій листъ дубравъ
Въ ключахъ кавказскихъ каменѣетъ.
И свѣтъ, и дружбу, и любовь
Въ ихъ наготѣ отнынѣ вижу, —
Но все прошло! остыла въ сердцѣ кровь,
Ужасный опытъ ненавижу...
1822 г.

Г-ЖѢ РИЗНИЧЪ.

Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ-же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылый?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокій!
Хочу-ль бѣжать — съ боязнью и мольбой
Твои глаза не слѣдуютъ за мной;
Заводитъ-ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ —
Спокойна ты; веселый твой укоръ
Меня мертвитъ, любви не выражая.
Скажи еще: соперникъ вѣчный мой
Наединѣ заставъ меня съ тобой,
Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
Что-жъ онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣетъ онъ блѣднѣть и ревновать?..
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
Безъ матери, одна, полуодѣта,
Зачѣмъ его должна ты принимать?
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои:
Но я любимъ, тебя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю;
Не знаешь ты, какъ тяжко я страдаю!
1823 г.

ДЕМОНЪ.

(АЛ. НИК. РАЕВСКОМУ).

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія —
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь —
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣняя,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,

Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ:
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ —
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.
1823 г.

КНЯГИНѢ ГОЛИЦЫНОЙ.

Давно объ ней воспоминанье
Ношу въ сердечной глубинѣ;
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твердилъ я стихъ обвороженный,
Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ вняла—
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...
Довольно! Въ гордости моей
Я мыслить буду съ умиленьемъ:
Я славой былъ обязанъ ей,
А, можетъ быть, и вдохновеньемъ.
1823 г.

АЛЕКСАНДРУ ЛЬВОВИЧУ ДАВЫДОВУ.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуденный берегъ Крыма).

Нельзя, мой толстый Аристиппъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою плыть
Къ брегамъ полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Энеиды
Спускался въ море наконецъ,
Ему Горацій, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Гдѣ другу Августовъ пѣвецъ
Сулилъ хорошую погоду...
Но льстивыхъ одъ я не пишу;
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу!
У неба я тебѣ прошу
Лишь аппетита на дорогу.
1824 г.

ЯЗЫКОВУ.

Издревле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они—жрецы единыхъ музъ,
Единый пламень ихъ волнуетъ;
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они—родня по вдохновенью.
Клянусь Овидіевой тѣнью:
Языковъ, близокъ я тебѣ!
Давно-бъ на дерптскую дорогу
Я вышелъ утренней порой,
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
Я возвратился-бъ оживленный
Картиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играетъ счастье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуетъ самовластье;
Уснувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всегда гонимъ, теперь въ изгнаньѣ
Влачу закованные дни...
Услышь, поэтъ, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани:
Въ деревнѣ, гдѣ Петра питомецъ,
Царей, царицъ любимый рабъ
И ихъ забытый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой, арапъ;
Гдѣ, позабывъ Елизаветы
И дворъ, и пышные обѣты,
Подъ сѣнью липовыхъ аллей
Онъ думалъ въ охлажденны лѣты
О дальней Африкѣ своей,—
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметъ въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Шалунъ, замѣченный тобою;
И музъ возвышенный пророкъ,
Нашъ Дельвигъ все для насъ оставитъ,
И наша троица прославитъ
Изгнанья темный уголокъ.
Надзоръ обманемъ караульный,
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудимъ шумные пиры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звону рюмокъ и стиховъ,
И скуку зимнихъ вечеровъ
Виномъ и пѣснями прогонимъ.
1824 г.

ИНОСТРАНКѢ.

(Въ альбомъ).

На языкѣ, тебѣ невнятномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увяну,
Въ разлукѣ, чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя!
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.
1824 г.

Не дѣлай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.
1826 г.

ОТВѢТЪ А. Ѳ. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не черкешенка она;
Но въ долы Грузіи отъ вѣка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмаго Казбека.
Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ у ней;
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока.
1826 г.

ИВ. ИВ. ПУЩИНУ.

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то-же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.
1826 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Н. ВУЛЬФЪ.

Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте,
Изъ розъ веселыхъ заплетайте
Себѣ торжественный вѣнецъ—
И впредь у насъ не разрывайте
Ни мадригаловъ, ни сердецъ.
1826 г.

ПОСЛАНІЕ ВЪ СИБИРЬ.

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.
1827 г.

Е. П. УШАКОВОЙ.

Когда, бывало, встарину,
Являлся духъ иль привидѣнье,
То отгоняло сатану
Пустое это изреченье:
«Аминь, аминь, разсыпься!» Въ наши дни
Гораздо менѣе бѣсовъ и привидѣній
(Богъ вѣдаетъ, куда дѣвалися они...);
Но ты—мой злой иль добрый геній!
Когда я вижу предъ собой
Твой профиль, иль глаза, и кудри золотыя,
Когда я слышу голосъ твой
И рѣчи рѣзвыя, живыя—
Я очарованъ, я горю,
Я содрогаюсь предъ тобою
И сердца пылкаго мечтою
«Аминь, аминь, разсыпься!» говорю.
1827 г.

ЯЗЫКОВУ.

Языковъ! кто тебѣ внушилъ
Твое посланье удалое?
Какъ ты шалишь и какъ ты милъ,
Какой избытокъ чувствъ и силъ,
Какое буйство молодое!
Нѣтъ, не кастальскою водой
Ты воспоилъ свою Камену;
Пегасъ иную Ипокрену
Копытомъ вышибъ предъ тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пѣнится хмѣльною брагой,
Она разымчива, пьяна,
Какъ сей напитокъ благородный,
Сліянье рома и вина
Безъ примѣси воды негодной,
Въ Тригорскомъ жаждою свободной
Открытый въ наши времена.
1827 г.

НЯНѢ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты,
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...
1827 г.

КНЯГИНѢ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(при посылкѣ ей поэмы: Цыганы).

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,

И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется. и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани.
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

1827 г.

ГРАФИНѢ КОЧУБЕЙ.

(при посылкѣ ей оды: вольность).

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы
И ею сладостно дышалъ...
Но васъ я вижу, вамъ внимаю...
И что-же? слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ навѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

1827 г.

ЯЗЫКОВУ.

Къ тебѣ сбирался я давно
Въ нѣмецкій градъ, тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты,
Тобой воспѣтое вино.
Ужъ зазывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю невскихъ береговъ,—
И что-жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня,
И на Невѣ, хоть нѣтъ охоты,
Прикованнымъ остался я.
Ахъ, юность, юность удалая!
Могу-ль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало, утопая,
Заимодавцевъ избѣгая,
Готовъ я всюду былъ летѣть.
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклинаю.
Прости, пѣвецъ! Играй, пируй,
Съ Кипридой. Фебомъ торжествуй.
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезныхъ должниковъ
И не плати своихъ долговъ—
По праву русскаго дворянства!

1827 г.

ЧЕРЕПЪ.

ПОСЛАНІЕ КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Прими сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву;
Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ
Парами Вакха нагрѣвался;
Литовскій мечъ, въ недобрый часъ,
По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Дельвига. Баронъ,
Конечно, былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый,
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился-бъ рыцарской душой,
Когда-бъ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужъ былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ, впрочемъ, былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафіей плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покоя нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физіологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ—студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ.
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво
Въ дыму табачныхъ облаковъ,
Бродить надъ берегами моря,
Мечтать о Лотхенъ, или съ горя
Стихи писать да бить жидовъ.
Студентъ подъ лѣстницей трактира
Въ каморкѣ темной жилъ одинъ:
Тамъ, въ видѣ зеркалъ и картинъ,
Короткій плащъ, картузъ, рапира
Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
Полуизмаранный альбомъ,
Творенья Фихте и Платона,
Да два восточныхъ лексикона,
Подъ паутиною въ углу,
Лежали грудой на полу—
Предметъ занятій разнородныхъ
Ученаго да крысъ голодныхъ.
Мы знаемъ, роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищетъ;
Смѣясь надъ глупой суетой,

Въ чуланѣ онъ безпечно свищетъ.
Увѣренность вѣщалъ мудрецъ—
Сердецъ высокихъ отпечатокъ.
Студентъ, однако-жъ, наконецъ
Замѣтилъ важный недостатокъ
Въ своемъ быту: ему предметъ
Необходимый былъ... скелетъ,—
Предметъ философамъ любезный,
Предметъ пріятный и полезный
Для глазъ и сердца, слова нѣтъ;
Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
Вотъ онъ однажды въ воскресенье
Сошелся съ кистеромъ градскимъ
И тотчасъ, взявъ въ соображенье
Его характеръ и служенье,
Рѣшился подружиться съ нимъ.
За кружкой пива, мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говоритъ: «нельзя-ль, пріятель,
Тебѣ досужною порой
Свести меня въ подвалъ могильный,
Костями праздными обильный,
И между тѣмъ одинъ скелетъ
Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
Клянусь тебѣ айдесскимъ богомъ:
Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ
И до моихъ послѣднихъ дней
Красой обители моей».
Смутился кистеръ изумленный:
«Что за желанье? Что за страсть?
Идти въ подвалъ уединенный,
Встревожить мертвыхъ сонъ почтенный
И одного изъ нихъ украсть!
И кто-же?.. Онъ, гробовъ хранитель!
Что скажутъ мертвые потомъ?»
Но пиво, страха усыпитель
И гнѣвной совѣсти смиритель,
Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
Что къ ночи будетъ все готово,
И другу назначаетъ часъ.
Они разстались... День угасъ.
Настала ночь. Плащемъ покрытый,
Стоитъ герой нашъ знаменитый
У галлереи гробовой,
И съ нимъ преступный кистеръ мой,
Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
Готовъ на подвигъ роковой.
И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
Визжитъ предательская дверь—
И сходятъ витязи теперь
Во мракъ подвала величавый;
Сіяньемъ тощимъ фонаря
Глухіе своды озаря,
Идутъ—и эхо гробовое,
Смущенное въ своемъ покоѣ,
Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
Вездѣ щиты, гербы, короны;
Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
Почіютъ непробуднымъ сномъ
Высокородные бароны...

Я-бы никакъ не осмѣлился оставить риѳмы въ эту поэтическую минуту, если-бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента, вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ, или какъ-нибудь иначе оказавъ свое неудовольствіе; къ несчастію, похищенье совершилось благополучно. Студентъ по частямъ разобралъ всего барона и набилъ карманы костями его. Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслася по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою „будущаго“, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель Вульфъ получилъ въ подарокъ черепъ и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими-жъ сей черепъ, Дельвигъ: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да кашу.
Пѣвцу Корсара подражай
И скандинавовъ рай воинскій
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай,
Или, какъ Гамлетъ-Баратынскій,
Надъ нимъ задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповѣдникъ,
Виномъ-ли полный, иль пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.

1827 г.

КНЯЖНѢ С. А. УРУСОВОЙ.

Не вѣровалъ я (граціямъ) донынѣ:
Мнѣ (видъ) тройной казался все мудренъ,
Но вижу васъ — и. вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ.

1827 г.

ИВ. ЕРМОЛ. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

сочинителю «Сатиры на игроковъ»

Такъ элегическую лиру
Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта—дѣльно міру!
Ему полезенъ розги свистъ.
Мнѣ жалокъ очень твой Аристъ:
Съ какимъ усердьемъ онъ молился

И какъ несчастливо игралъ!
Вотъ молодежь: погорячился,
Продулся весь, и такъ пропалъ!
Дамонъ твой—человѣкъ ужасный:
Забудь его опасный домъ,
Гдѣ, впрочемъ, сознаюся въ томъ,
Мой другъ, ты велъ себя прекрасно:
Ты никому тамъ не мѣшалъ,
Эраста нѣжно утѣшалъ,
Давалъ полезные совѣты
И ни рубля не проигралъ.
Люблю: вотъ каковы поэты!
А то, уча безумный свѣтъ,
Порой грѣшитъ и проповѣдникъ.
Послушай, Персіевъ наслѣдникъ,
Разсказъ мой:
Нѣкто. мой сосѣдъ,
Въ томленьяхъ благородной жажды,
Хлебнувъ кастальскихъ водъ бокалъ,
На игроковъ, какъ ты, однажды
Сатиру злую написалъ
И другу съ жаромъ прочиталъ.
Ему въ отвѣтъ, его пріятель
Взялъ карты, молча стасовалъ,
Далъ снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы, понтировалъ!
Тебѣ знакомъ-ли сей проказникъ?
Но встрѣча съ нимъ была-бъ мнѣ праздникъ:
Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать
И до полдневнаго сіянья
Читать моральныя посланья
И проигрышъ его писать.

1828 г.

А. А. ОЛЕНИНОЙ.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ.
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ—
Все-же мнѣ васъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая ножка,
Вьется локонъ золотой.

1828 г.

TO DAWE ESQr.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его освищетъ Мефистофель.
Рисуй Олениной черты:
Въ жару сердечныхъ вдохновеній,
Лишь юности и красоты
Поклонникомъ быть долженъ геній.

1828 г.

КЪ ***.

Счастливъ, кто избранъ своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью млѣешь явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой:
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Сгорая пламенемъ любви,
Потупя голову, ревниво
Признанья слушаетъ твои.

1828 г.

ЕКАТ. ВАС. ВЕЛЬЯШЕВОЙ.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи Тверской,
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ
Упиваясь непріятно
Хмѣлемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій станъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если-жъ нѣтъ... по прежню слѣду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять заѣду
И влюблюсь до ноября.

1828 г.

АННѢ ИВАНОВНѢ ВУЛЬФЪ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ—
И R и O позабываю
Для N и W.

1828 г.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но упоительной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣдъ опять за славой.
Не такъ-ли опытный гусаръ,
Вербуя рекрута, подноситъ
Ему веселый Вакха даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подкоситъ?
Я самъ—служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнаса,

Предъ дѣломъ кубокъ наливай,
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ похмѣлья пожинай.
1828 г.

ОТВѢТЪ А. Н. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво, и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоикъ, приметъ хладно
Привѣтъ харитъ и красоты?
Горжуся имъ, но и робѣю:
Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ ужели я навлекъ?
О, сколько-бъ мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный зоилъ,
Когда-бъ предательски злословилъ
Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ-бы онъ, а ты
Была всегда-бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.
1828 г.

И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
Ихъ ослѣпительная смѣсь
Аспазій нашихъ благородныхъ
Провозглашаетъ только спѣсь.
Альбомъ красавицы уѣздной,
Альбомъ домашній и простой
Милѣй болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
Являться впрочемъ не хочу;
Но твой альбомъ—другое дѣло:
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцамъ Аполлона
Не изъ тщеславья онъ открытъ:
Царицъ ты любишь Геликона
И ими самъ не позабытъ.
Вхожу въ него прямымъ поэтомъ,
Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
Почтивъ хозяина привѣтомъ
И ларъ молитвеннымъ стихомъ.
1828 г.

В. С. ФИЛИМОНОВУ.

(при полученіи поэмы его: «Дурацкій колпакъ»).

Вамъ музы, милыя старушки,
Колпакъ связали въ добрый часъ,
И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
Хотѣлось въ томъ-же мнѣ уборѣ
Предъ вами нынче щегольнуть
И въ откровенномъ разговорѣ,
Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ;
Онъ поневолѣ мной заброшенъ —
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ.
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Снимая шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.
1828 г.

П. И. ЭГЕЛЬСТРОМУ.

О, Эгельстромъ! я, восхищенный,
Читалъ творенія твои:
Твой стихъ, лишь геніемъ внушенный,
Блеститъ, какъ солнце въ ясны дни.
Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злоба трепетала,
Дрожалъ завистникъ Копыловъ.
Когда Анакреона лиру
Красѣ прелестной посвящалъ,
Тогда разнѣженному міру
Восторги сладостны внушалъ.
Когда ты Грею подражаешь,
Слезясь надъ гробовой доской,
Весь свѣтъ ты пѣснью огорчаешь—
Тогда стенаетъ все съ тобой.
Когда комедіей насъ хочешь
Плѣнить—что твой Мольеръ, Крыловъ:
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердись, какъ хочешь, Копыловъ!
Поэтъ, сынъ Феба вдохновенный,
Какъ милъ для насъ твой каждый стихъ!
Скажи, почто, пѣвецъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?
Пусти въ печать твои творенья,—
Заслужишь множество вѣнцовъ:
Мы всѣ помремъ отъ восхищенья!
О, Эгельстромъ, ты—царь пѣвцовъ!
1828 г.

* *
*

Увы, языкъ любви болтливой,
Языкъ и скромный, и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебѣ докученъ, ангелъ мой.
Ты любишь мѣрные напѣвы,
Ты любишь риѳмы гордый звонъ,
И сладокъ уху милой дѣвы
Честолюбивый Аполлонъ.
Тебя страшитъ любви признанье,
Письмо мое ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
Съ улыбкой нѣжною прочтешь.
Благословенъ-же будь отнынѣ
Судьбою ввѣренный мнѣ даръ!
Доселѣ въ жизненной пустынѣ,
Во мнѣ питая сердца жаръ,
Мнѣ навлекалъ одно гоненье,
. . . .
Иль клевету, иль заточенье,
И рѣдко—хладную хвалу...
1828 г.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
Но сѣверъ забывать грѣшно.
Такъ слушай, поспѣшай карлсбадскія пить воды,
Чтобъ съ нами снова пить вино.
1828 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.
Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.
Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя,
Скажи, есть память обо мнѣ;
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я!
1829 г.

КЪ А. П. КЕРНЪ.

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права —
Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.
Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья —
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.
1829 г.

ЕКАТ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ.

(въ альбомъ).

Вы избалованы природой:
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что нѣжнымъ взоромъ вы —Армида,
Что легкимъ станомъ вы— Сильфида,
Что ваши алыя уста,
Какъ гармоническая роза...
И наши риѳмы, наша проза
Предъ вами—шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Вамъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
Еще заборъ не заграждалъ.
1829 г.

ИЗЪ ЕЯ ЖЕ АЛЬБОМА.

Въ отдаленіи отъ васъ
Съ вами буду неразлученъ;
Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
Буду памятью размученъ.
Изнывая въ тишинѣ,
Не хочу я быть утѣшенъ;
Вы-жъ вздохнете-ль обо мнѣ,
Если буду я повѣшенъ?
1829 г.

ОТВѢТЪ.

(ЕКАТ. Н. УШАКОВОЙ.)

Я васъ узналъ, о мой оракулъ,
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль,
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ,
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сейчасъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылый,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтрености милой,
Ни музъ, ни Прѣсни, ни харитъ.
1830 г.

ДЕЛЬВИГУ.

Мы рождены, мой братъ названый,
Подъ одинаковой звѣздой —
Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный
Играли нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На ипподромъ, а не на торгъ
Вблизи державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ...
1830 г.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто-бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,

Указываетъ путь и посохъ подаетъ!
О, кто бы ни былъ ты: старикъ-ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ-ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
«Тѣмъ лучше», говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ». Но счастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...
. . . .
1830 г.

ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

— Куда-же ты? «Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь».—Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ индѣйская зараза:
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа,
Бывало, сиживалъ покорный твой слуга.
Что, братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ—ага!
1830 г.

КРАСАВИЦА.

(ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. ГОНЧАРОВОЙ.)

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей:
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.
Куда-бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.
1831 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.
1832 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ А. О. РОССЕТИ.

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большого свѣта и двора
Ты сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра.
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набѣло.
1832 г.

КНЯЖНѢ А. Д. АБАМЕЛЕКЪ.

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.
1832 г.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ;
Всегда въ немъ грустно я живу—
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.
1832 г.

ОЛЕНИНОЙ.

Когда-бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался-бъ, наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши,
Забылъ-бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою-бъ цѣлый міръ назвалъ—
И все-бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все-бъ эти ножки цѣловалъ...
1833 г.

П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мнѣ продолжать,
И потчуя стихами вѣкъ желѣзный,
Разсказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату —
За каждый стихъ по десяти рублей;
Составитъ, стало быть, за каждую строфу сто сорокъ —
Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Пустое! всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей!

* * *

Ты говоришь: пока Онѣгинъ живъ,
Дотоль романъ не конченъ; нѣтъ причины
Его кончать; къ тому-же, планъ счастливъ кончины...

* * *

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «онъ живъ и не женатъ—
Итакъ, еще романъ не конченъ: это кладъ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму,
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ».
Пожалуй, я-бы радъ....

*

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, перервать,
Отдавъ его уже въ печать;
Что должно своего героя
Какъ-бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ—уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

*

Вы говорите: слава Богу!
Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ. Понемногу
Пиши его, не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И милыхъ барышень своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ и келью, и харемъ,
И съ нашей публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей—
Неужто жаль ихъ будетъ ей?
1833 г.

ИЗЪ ШУТОЧНАГО ПОСЛАНІЯ КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Въ этомъ посланіи Пушкинъ предлагаетъ помянуть:

Трехъ Матренъ,
Да Луку съ Петромъ,
Господина Шафонскаго,
Карманный грошъ князя Григорія Волконскаго
И ужъ Александра Македонскаго.
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрипача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа, нашего пріятеля, Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго;
Покойнаго пресвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургскаго,
Почтмейстера города Василя-Сурскаго,
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Деме,
Ланского, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера, что умеръ въ чумѣ,
И полковника Бартоломе,
Повара или исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетти, славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Варнта...
1833 г.

Д. В. ДАВЫДОВУ.

(при посылкѣ «исторіи пугачевскаго бунта»).

Тебѣ—пѣвцу, тебѣ—герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ,
Скакать на бѣшеномъ конѣ.
Наѣздникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнаса
Изъ моды вышедшій мундиръ.
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ, о мой наѣздникъ чудный,
Ты—мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, казакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лихой.
1836 г.

ХУДОЖНИКУ.

(ГАЛЬБЕРГУ).

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ.
Сколько боговъ и богинь, и героевъ!... Вотъ Зевсъ-громовержецъ;
Вотъ исподлобья глядитъ, дуя въ цѣвницу, сатиръ;
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ — идеалъ, тамъ Ніобея — печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ, въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ-бы онъ обнялъ тебя, какъ-бы гордился тобой!

1836 г.

КЪ ЖЕНѢ.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ: умремъ!
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ...

(Одно время Пушкинъ совсѣмъ хотѣлъ покинуть Петербургъ и жить въ деревнѣ, на лонѣ природы.)

1836 г.

Къ***.

Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки;
Жестоки вы, Богъ вамъ судья!
Вы говорите: я въ горячкѣ,
Вы говорите: брежу я.
За что-же гнѣвъ такой?—Не знаю!
Вѣдь я въ бреду, въ горячкѣ злой,
А потому и повторяю
Вамъ безпрестанно, что страдаю,
Что я люблю васъ, ангелъ мой!

Тебѣ въ прощальныя мгновенья
Стихи на память я пишу;
Быть можетъ, очень я грѣшу,
Ввѣряя имъ мои мученья;
Но что-же дѣлать?—ничего
Въ душѣ скрывать я не умѣю:
И о прошедшемъ я жалѣю,
И жаль мнѣ сердца твоего.
Мнѣ грустно, другъ мой, что отнынѣ
Жизнь потечетъ твоя въ пустынѣ,
Гдѣ будутъ видѣть только глушь
Твои голубенькіе глазки;
Гдѣ думъ и чувствъ твоихъ, и ласки
Одинъ владѣтель будетъ—мужъ.
И грустно мнѣ, что этимъ ножкамъ
Ужъ не гулять въ тиши ночей,
При лунномъ свѣтѣ, по дорожкамъ
Тѣнистыхъ липовыхъ аллей.
И мнѣ о многомъ грустно, грустно...
Но какъ все это передать,
И какъ все выразить изустно,
Что̀ можетъ сердце волновать?
Но я тоски моей не прячу
И, разставаяся съ тобой,
Я какъ ребенокъ горько плачу,
Прекрасный другъ мой, ангелъ мой!

*

Смотрю печально, молчаливо
На твой исписанный альбомъ
И мыслю о порѣ счастливой,
Объ этомъ времени златомъ,
Когда кипучіе набѣги
Моей причудливой мечты
Вносили дюжины элегій
Въ такіе-жъ пестрые листы;
Когда на клятвы грѣховодникъ,
Я въ звукахъ пламенныхъ стиховъ
Ихъ расточалъ и былъ охотникъ
До упоительныхъ грѣховъ.
Теперь не то,—не тѣ ужъ грезы,
Не тѣ лѣта, и я душой—
Увы!—гожусь лишь для одной
Зѣвательной, почтовой прозы
Съ ея безгрѣшной чепухой.

*

Весь день отъявленный лѣнивецъ,
Не зная думъ другихъ и дѣлъ,
Мечтаю я: гдѣ-жъ тотъ счастливецъ,
Кому падешь ты на удѣлъ;
Кто въ поцѣлуяхъ этихъ губокъ—
Соперницъ нѣжныхъ устъ Харитъ—
Въ самозабвеньи полный кубокъ
Земного счастья осушитъ!
Къ кому уста твои и очи
И замирающая грудь
Прильнутъ во мракѣ тихой ночи
И не дадутъ ему заснуть!

. . . .

Кляну заранѣ Гименея,
И грѣшную мечту лелѣя,
И ею образъ твой чертя,
Не сплю всю ночь, тоску тая,
Верчусь съ горячею подушкой,
И имъ любуюсь втайнѣ я,
Какъ запрещенною игрушкой
Порой любуется дитя.

. . . .

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЯ
Стихотворенія.

КЪ КАГУЛЬСКОМУ ПАМЯТНИКУ.

Воспоминаньемъ упоенный,
Съ благоговѣньемъ и тоской
Объемлю грозный мраморъ твой,
Кагула памятникъ надменный!
Не смѣлый подвигъ россіянъ,
Не слава, даръ Екатеринѣ,
Не Задунайскій великанъ
Меня воспламеняютъ нынѣ...
1819 г.

*

Скажи, какія заклинанья
Имѣютъ надъ тобою власть?
Всѣ хороши: на всѣ призванья
Готовъ я какъ-бы съ неба пасть.—
Довольно одного желанья,
Я, какъ догадливый холопъ:
Въ ладоши по-турецки хлопъ,
Присвистни, позвони, и мигомъ
Явлюсь,—таковъ ужъ мой удѣлъ,
Мнѣ должно жить подъ вѣчнымъ игомъ...
1819 г.

* *

Все призракъ, суета,
Все дрянь и гадость;
Стаканъ и красота—
Вотъ жизни сладость,

. . . .

Любовь и вино
Намъ нужны равно:
Безъ нихъ человѣкъ
Зѣвалъ-бы вовѣкъ.
Къ нимъ лѣнь еще прибавлю,—
Лѣнь съ ними заодно;
Любовь я съ нею славлю,—
Она мнѣ льетъ вино.
1819 г.

*

И чувствую, душа (моя)
Твоей любви, тебя достойна:
Зачѣмъ-же не всегда (она)
Чиста, печальна и покойна?..
1820 г.

*

Мнѣ васъ не жаль, года весны моей,
Протекшіе въ мечтахъ любви напрасной:
Мнѣ васъ не жаль, о таинства ночей,
Воспѣтыя цѣвницей сладострастной;
Мнѣ васъ не жаль, невѣрные друзья,
Вѣнки пировъ и чаши круговыя,
Мнѣ васъ не жаль, измѣнницы младыя,—
Задумчивый, забавъ чуждаюсь я.
Но гдѣ-же вы, минуты умиленья,
Младыхъ надеждъ, сердечной тишины?
Гдѣ прежній жаръ и нѣга вдохновенья?...
Придите вновь, года моей весны!
1820 г.

Составленъ онъ изъ подлой спѣси;
Я не видалъ негоднѣй смѣси:
Въ сраженіи онъ—трусъ, въ трактирѣ онъ—бурлакъ,
Въ передней онъ—подлецъ, въ гостиной онъ—дуракъ.
1821 г.

*

Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ,
Что . . . . стихами,
Играю смѣхомъ и слезами;—
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные напѣвы
Смиряли въ мысляхъ юной дѣвы
Порывы страха и стыда;
Не тѣмъ, что у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,
И что разящій голосъ лиры
Виновныхъ въ ужасъ приводилъ;
Не тѣмъ, что пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моей,
И жаждой воли, и гоненьемъ
Я сталъ извѣстенъ межъ людей;
Иная, высшая награда
Была мнѣ рокомъ суждена:
Самолюбивыхъ думъ отрада,
Мечтанья неземного сна!
1821 г.

*

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для русскаго, для друга славы,
Ты средь торжественныхъ знаменъ
Упалъ, горящій и кровавый,
Героевъ Сѣвера губя.
1821 г.

*

Въ Юрзуфѣ бѣдный мусульманинъ
Недавно жилъ, съ дѣтьми, съ женою;
Душевно почиталъ священный Алкоранъ
И счастливъ былъ своей судьбою,
Мехметъ (такъ звался онъ) прилежно цѣлый день
Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
И за домашнимъ виноградомъ,
Не зная, что такое лѣнь;
Жену свою любилъ; Фатима это знала
И каждый годъ дѣтей она рожала.
Но у татаръ ужъ такъ заведено,
По нашему, друзья, хоть это и смѣшно.
Фатима разъ—она была тогда брюхата—
А каждый вѣдаетъ, что въ эти времена
И даже самая степенная жена
Имѣетъ прихоти то эти, то другія,
И, Боже, упаси, какія!—
Фатима говоритъ умильно муженьку:
«Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку!
«Повѣрь, теряю я разсудокъ,
«Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.

«Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
«Сегодня вѣрно я совсѣмъ нехороша!
«Всего мнѣ должно опасаться;
«Не смѣю даже почесаться,—
«А то родится дочь съ отмѣткой на носу...
«Такой я муки не снесу!
«Любезный, миленькій, красивый мой дружочекъ!
«Достань мнѣ каймаку хоть крохотный кусо-
Мехметъ разнѣжился, собрался, [чекъ!»
. . . . завязалъ,
Поцѣловалъ жену . . . .
И въ ближнюю деревню побѣжалъ,
Чтобы порадовать больную...
Не шелъ онъ, а летѣлъ. За то въ обратный путь
Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
И скоро сталъ искать, совсѣмъ изнемогая,
Мѣстечка, гдѣ-бы отдохнуть.
По счастью, на концѣ долины
Онъ видитъ ручеекъ....
Добрелъ до береговъ и легъ въ тѣни вѣтвей.
Журчанье водъ, деревъ вершины,
Душистая трава, прохладный вѣтерокъ,—
Все нѣжило, все говорило:
Люби иль почивай! люби...
. . . .
1821 г.

*

Красы Лаисъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные дары,
И лепетанье славы шумной...
Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный...
Но что-жъ теперь тревожитъ хладный миръ
Души безчувственной и праздной?
Любилъ я славу и любовь
И многому я въ жизни вѣрилъ,
Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
И самъ съ собой я лицемѣрилъ...
1822 г.

* *

Я говорилъ предъ хладною толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смѣшонъ гласъ сердца благородный,—
Я замолчалъ...
1822 г.

*

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...
1822 г.

* * *

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и села зажжены...
. . . .
Въ Арменіи, въ палаты Зензевея,
Съѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчаетъ
. . . .
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно сорокъ дней.
1822 г.

* * *

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого союзникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ супругомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ ландышъ мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...
1822 г.

Венерѣ, Фебу и Ѳемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ ѣздятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.
1822 г.

* * *

Въ голубомъ эѳира полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой;
Старый дожъ плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой.
Догаресса молодая...
1822 г.

* * *

Едва уста краснорѣчивы
Тебя коснулися—и вмигъ
Его ума огонь игривый
Въ тебя таинственно проникъ.
Кристаллъ, поэтомъ обновленный,
Укрась мой тихій уголокъ,
Залогъ поэзіи священной
И дружбы сладостный залогъ.
Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный...
1824 г.

* * *

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ.
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни,
Произношу я горестныя пени;
Все кончено—я слышу твой отвѣтъ.
Обманывать себя не стану,
Тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду
И невозвратное, быть можетъ, позабуду.
Я зналъ: не для меня блаженство,
Не для меня сотворена любовь...
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...
1824 г.

ГРАФУ О...

Пѣвецъ! издревле межъ собою
Враждуютъ наши племена,
То наша стонетъ сторона,
То гибнетъ ваша подъ грозою.
И вы, бывало, пировали
Кремля . . . . . плѣнъ,

И мы о камень падшихъ стѣнъ
Младенцевъ вашихъ разбивали,
Когда . . . . топтали
Красу Костюшкиныхъ знаменъ...
И тотъ не нашъ, кто съ дѣвой вашей
Кольцомъ завѣтнымъ сопряженъ;
Не выпьемъ мы завѣтной чашей
Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
И наша дѣва молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнетъ. . . . .
Любовь народнаго врага,
Но огнь поэзіи чудесный
Сердца враждебныя дружитъ.
. . . .
1824 г.

* * *

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный коранъ;
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила
. . . .
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука.
1824 г.

* * *

Стою печально на кладбищѣ,
Гляжу—кругомъ обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вѣчнаго ночлега
Дорога сельская лежитъ:
. . . . телѣга
. . . . стучитъ.
1824 г.

* * *

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (убійственный) войны,
И дымъ парижскаго кадила.
Въ аллеяхъ Царскаго Села
Она съ Потемкинымъ, съ Орловымъ
Бесѣды (мудрыя) вела
. . . .
И съ той поры въ Россіи—мгла;
Россія—бѣдная держава:
Съ Екатериной умерла
Екатерининская слава!
1824 г.

* * *

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ.
Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ...
Тихо жили они, за квартиру платили не много,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли!),
Шли и твердили, шутя: какое въ россіянахъ чувство!
1825 г.

* * *

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны,
И самой красоты—семнадцать лѣтъ замѣна.
Но время протекло, настала перемѣна,
Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
Какъ больше жениховъ въ мечтахъ, чѣмъ на дворѣ,
Какъ милый (сонъ) твой слухъ обворожаетъ,
А зеркало сильнѣй грозитъ и увлекаетъ.
. . . . . утѣшься и смирись,
Отъ милыхъ прежнихъ сновъ заранѣ откажись,
Ищи другихъ побѣдъ; успѣхи предъ тобой;
Я счастія тебѣ желаю всей душой,
. . . . и опытовъ моихъ,
Мой дидактическій, благоразумный стихъ.
1825 г.

* * *

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ,
Ты вновь создалъ, волшебникъ милый,
Меня, питомца скромныхъ музъ,
И я смѣюся надъ могилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертныхъ узъ.
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но—чудо!—зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ впредь мой будетъ видъ?
. . . .
Оно гласитъ, что не утрачу
Пристрастья (вѣрныхъ) Аонидъ.
1825 г.

* * *

Глядитъ на свѣтлые края,
Глядитъ на синій сводъ небесный
И на далекіе брега,
Вѣнчанны чащею древесной...
Шумитъ кустарникъ... На утесъ
Олень веселый выбѣгаетъ,
Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
Съ вершины острой озираетъ
И чуткимъ ухомъ шевелитъ...
Но вздрогнулъ онъ,—недальній звукъ
Его коснулся...
1825 г.

* * *

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и слогъ примѣрный,
О ты, который избѣжалъ
Сентиментальности манерной...
1826 г.

* * *

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провидѣньемъ,
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ;
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ... 1827 г.

* *
*

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Піитъ, внимаемый царями:
Владѣя смѣхомъ и слезами,
Приправя съ горькой правдой ложь,
Онъ вкусъ притупленный щекотитъ
И къ славѣ спѣсь бояръ охотитъ,
Онъ украшаетъ ихъ пиры
И сыплетъ Фебовы дары.
. . . .
Межъ тѣмъ . . . .
Тѣснясь у ступеней крыльца,
Народъ колеблется волнами.
Съ почтеньемъ слушаетъ пѣвца.
1827 г.

* *

Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ ловцамъ, таится пещера,
Стройныя сосны кругомъ склонились вѣтвями, и тѣнью
Входъ въ нее заслоненъ сквозь вѣтви блестящимъ въ извивахъ
Плющемъ, любовникомъ скалъ и разсѣлинъ. Звонкой дугою
Съ камня на камень сбѣгаетъ, пробивъ глубокое русло,
Рѣзвый ручей. . . . .
Тихо по рощѣ густой онъ віется, ее веселя
Сладкимъ журчаньемъ.
. . . .
1827 г.

Волненьемъ жизни утомленный,
Оставя заблужденій путь,
Къ тебѣ прибрелъ я отдохнуть
И близъ тебя, мой другъ безцѣнный...
1828 г.

Во время оное, былое,
Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ,
Въ свое святилище глухое
Ты призывалъ меня не разъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
Меня привѣтствовалъ ты шумно...
1829 г.

* *
*

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ,
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ.
Тучи да снѣгъ...
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы.
1829 г.

*

Еще одной высокой, важной пѣсни
Внемли, о Фебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я—пускай, при шумѣ бурь,
Печальный звукъ . . . . . .
. . . . . Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пенаты,—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете-ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,
По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой волоокой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ удаленъ
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ возліяній,
Но васъ любить не преставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близъ вашего святого пепелища
Моя душа,— тамъ миръ (и тишина)..
Такъ я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ волненьемъ
Оставилъ я людское стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ наслажденій!
Они даютъ намъ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ сердечныхъ
Они любить, лелѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ—
Чтить самого себя. О нѣтъ, вовѣкъ
Не преставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія...
1829 г.

*

Царь увидѣлъ предъ собою
Столикъ съ шахматной доскою...
. . . .

Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ—
Подбоченясь на лошадкахъ,
Въ каленкоровыхъ перчаткахъ,
Въ оперенныхъ шишачкахъ.
Съ палашами на плечахъ...
Передъ шахматной доскою
На столѣ лохань съ водою...
Плавать онъ пустилъ по ней
Кучу дивныхъ кораблей,
Барокъ, катеровъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
А прозрачныя вѣтрильца—
Будто бабочкины крыльца.
1833 г.

ПРОЗА

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

ПОВѢСТИ ПОКОЙНАГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА,

изданныя А. П.

Г-жа Простакова.
То, мой батюшка, онъ еще сызмала къ исторіямъ охотникъ.

Скотининъ.
Митрофанъ по мнѣ.

«Недоросль».

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи Повѣстей И. П. Бѣлкина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, мы желали къ онымъ присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго автора и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но, къ сожалѣнію, ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безъ всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнный памятникъ благороднаго образа мнѣній и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый государь мой ****!

Почтеннѣйшее письмо ваше, отъ 15-го сего мѣсяца, получить имѣлъ я честь 23-го сего-же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе, и препровождаю къ вамъ, милостивый государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей, въ 1798 году, въ селѣ Горохинѣ. Покойный отецъ его, секундъ-маіоръ Петръ Ивановичъ Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ, изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ небогатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смышленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется, обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части русской словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ пѣхотный егерскій полкъ (числомъ не упомню), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхалъ въ село Горохино, свою отчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичъ, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгій порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ

онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣвшей его довѣренность искусствомъ разсказывать исторіи. Сія глупая старуха не умѣла никогда различить двадцатипяти-рублевой ассигнаціи отъ пятидесяти-рублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя за-одно, что Иванъ Петровичъ принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу; а въ слѣдующіе — болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйственныя книги, призвалъ плута-старосту и, въ присутствіи Ивана Петровича, занялся размотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилежностію; но какъ по счетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число-же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими розысканіями и строгими допросами плута-старосту въ крайнее замѣшательство привелъ и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича, крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній нисколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человѣка, столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случалось мнѣ видѣть его навеселѣ (что̀ въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесться можетъ); къ женскому-же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая [1]).

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминать изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребы. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онѣ, такъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ [2]). Однако-жъ имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околотка, отчего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злого какого-либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣзднаго нашего лекаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ леченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія и похороненъ въ церкви села Горохина, близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой; лицомъ былъ бѣлъ и худощавъ.

Вотъ, милостивый государь мой, все, что̀ могъ я припомнить касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое-либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать, ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.

1830 году, ноября 16. Село Ненарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія и надѣемся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе. А. П.

---

[1]) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ, увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

[2]) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи г. Бѣлкина, надъ каждой повѣстію рукою автора подписано: слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: Смотритель разсказанъ былъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н. Выстрѣлъ — подполковникомъ И. П. Л., Гробовщикъ приказчикомъ Б. В., Метель и Барышня — дѣвицею К. И. Т.

ВЫСТРѢЛЪ.

I.

Стрѣлялись мы.

Баратынскій.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли (за нимъ остался еще мой выстрѣлъ).

«Вечеръ на бивуакѣ».

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ—ученье, манежъ; обѣдъ—у полкового командира или въ жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ—пуншъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому-же его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно, и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сюртукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но шампанское лилось при томъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиные. Богатое собраніе пистолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и если-бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого-бъ то ни было, никто-бъ въ нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось-ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ, намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коихъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ, велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понтеру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ остальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ-же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и уравнялъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно записаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: «милостивый государь, извольте выдти, и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ».

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ-ли еще бѣдный поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъже вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никого извѣстія. Это насъ удивило. Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня; поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спраши-

вали: «неужели Сильвіо не будетъ драться?» Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однако-жъ мало по малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде сего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ несчастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему: мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ, столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ-же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ, и обыкновенно тутъ-же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили.

—Господа, сказалъ имъ Сильвіо: обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія, ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: жду непремѣнно.

Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы, согласясь соединиться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались однѣ голыя, прострѣленныя стѣны. Мы сѣли за столъ: хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его сдѣлалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ-за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо, со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти.

—Мнѣ нужно съ вами поговорить, сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противъ друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было уже и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рта, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ, и Сильвіо прервалъ молчаніе.

— Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся, сказалъ онъ мнѣ: передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее мнѣніе; но я васъ люблю и чувствую: мнѣ было-бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

— Вамъ было странно, продолжалъ онъ, что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна; я могъ-бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если-бъ я могъ наказать Р***, не подвергая опасности мою жизнь, то я-бъ ни за что не простилъ его.

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ:

— Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.

Любопытство мое было сильно возбуждено.

— Вы съ нимъ не дрались? спросилъ я.— Обстоятельства, вѣрно, васъ разлучили?

— Я съ нимъ дрался, отвѣчалъ Сильвіо: и вотъ памятникъ нашего поединка.

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью, съ галуномъ (то, что французы называютъ bonnet de police); онъ ее надѣлъ; она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

— Вы знаете, продолжалъ Сильвіо: что я служилъ въ*** гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать;

но смолоду это было во мнѣ страстью. Въ наше время буйство было въ модѣ; я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Бурцова, воспѣтаго Денисомъ Давыдовымъ. Дуэли въ нашемъ полку случались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицомъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня, какъ на необходимое зло... Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ счастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданнѣе и острѣе моихъ, и которыя конечно не въ примѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мной въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ: насъ растащили, и въ ту-же ночь поѣхали мы драться. Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ въ назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому; но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не понадѣялся на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый нумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. «Что пользы—подумалъ я—лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ?» Злобная мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. «Вамъ, кажется, теперь не до смерти», сказалъ я ему: «вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать».—Вы ничуть не мѣшаете мнѣ, возразилъ онъ: извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ, какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.—Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился... Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой настал»...

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что и з в ѣ с т н а я особа скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

— Вы догадываетесь, сказалъ Сильвіо: кто эта и з в ѣ с т н а я о с о б а. Ѣду въ Москву. Посмотримъ, такъ-ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями!

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцѣловались. Онъ сѣлъ въ телѣжку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разъѣзжая по работамъ, или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизусть. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у

меня голова; да, признаюсь, побоялся я сдѣлаться пьяницею съ горя, т. е. самымъ горькимъ пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ.

Близкихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ горькихъ, коихъ бесѣда состояла большею частью въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе. Наконецъ рѣшился я ложиться спать какъ можно ранѣе, а обѣдать какъ можно позже; такимъ образомъ укоротилъ я вечеръ и прибавилъ долготы дней, и обрѣтохъ, яко се добро есть.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее графинѣ Б**; но въ немъ жилъ только управитель, а графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однако-жъ, во вторую весну моего затворничества разнесся слухъ, что графиня съ мужемъ пріѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село*** рекомендоваться ихъ сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ графскій кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ и уже давно не видавъ чужого богатства, я оробѣлъ и ждалъ графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода министра. Двери отворились, и вошелъ мужчина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже началъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всаженными одна въ другую.

— Вотъ хорошій выстрѣлъ, сказалъ я, обращаясь къ графу.

— Да, отвѣчалъ онъ: выстрѣлъ очень замѣчательный.

— А хорошо вы стрѣляете? продолжалъ онъ.

— Изрядно, отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета мнѣ близкаго: въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ.

— Право? сказала графиня съ видомъ большой внимательности: а ты, мой другъ, попадешь-ли въ карту на тридцати шагахъ?

— Когда-нибудь, отвѣчалъ графъ, мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета.

— О, замѣтилъ я: въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что ваше сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ; пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета; мои были въ починкѣ; что-же-бы вы думали, ваше сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати шагахъ. У насъ былъ ротмистръ, острякъ и забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать, у тебя, братъ, рука не подымается на бутылку. Нѣтъ, ваше сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ-разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ, три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки.

Графъ и графиня рады были, что я разговорился.

— А каково стрѣлялъ онъ? спросилъ меня графъ.— «Да вотъ какъ, ваше сіятельство: бывало, увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха... Вы смѣетесь, графиня? Ей-Богу, правда... Бывало, увидитъ муху и кричитъ: Кузька, пистолетъ!— Кузька и несетъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ, и вдавитъ муху въ стѣну!» — Это удивительно! сказалъ графъ: а какъ его звали? — «Сильвіо, ваше сіятельство.» — «Сильвіо! вскричалъ графъ, вскочивъ съ своего мѣста: вы знали Сильвіо?» — «Какъ не знать, ваше сіятельство, мы были съ нимъ пріятели;

онъ въ нашемъ полку принятъ былъ какъ свой братъ-товарищъ; да вотъ уже лѣтъ пять, какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и ваше сіятельство, стало быть, знали его?» — «Зналъ, очень зналъ. Не разсказывалъ-ли онъ вамъ одного очень страннаго происшествія?» — «Не пощечина ли, ваше сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?»—«А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?» — «Нѣтъ, ваше сіятельство, не сказывалъ... Ахъ, ваше сіятельство! продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ: извините... я не зналъ.. ужъ не вы-ли?...» — Я самъ, отвѣчалъ графъ, съ видомъ чрезвычайно разстроеннымъ: а простреленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи. — «Ахъ, милый мой, сказала графиня: ради Бога, не разсказывай; мнѣ страшно будетъ слушать».—«Нѣтъ, возразилъ графъ: я все разскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга: пусть-же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ». Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ я женился. Первый мѣсяцъ, the honey-moon, провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній. Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. Я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телѣгу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка, запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь, у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. «Ты не узналъ меня, графъ?» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.— «Сильвіо!» закричалъ я, и, признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали на мнѣ дыбомъ. — «Такъ точно, продолжалъ онъ: выстрѣлъ за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ-ли ты?» Пистолетъ у него торчалъ изъ бокового кармана. Я отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ и сталъ тамъ, въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ; онъ спросилъ огня. Подали свѣчи. Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. «Жалѣю, сказалъ онъ, что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жеребій, кому стрѣлять первому». Голова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною простреленную; я вынулъ опять первый нумеръ. «Ты, графъ, дьявольски счастливъ», сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить... но я выстрѣлилъ и попалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указалъ пальцемъ на простреленную картину; лицо его горѣло, какъ огонь; графиня была блѣднѣе своего платка; я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

«Я выстрѣлилъ, продолжалъ графъ: и слава Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. «Милая, сказалъ я ей: развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ-же ты перепугалась! Поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища». Машѣ все еще не вѣрилось. «Скажите, правду-ли мужъ говоритъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо: правда-ли, что вы оба шутите?» — «Онъ всегда шутитъ, графиня, отвѣчалъ ей Сильвіо: однажды далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сейчасъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить...» Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. «Встань, Маша, стыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ: а вы, сударь, перестанете-ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете-ли вы стрѣлять, или нѣтъ?»— «Не буду, отвѣчалъ Сильвіо; я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ. Съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти». Тутъ онъ-было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на простреленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее, почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльцо, кликнулъ ямщика и уѣхалъ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться».

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.

1830 г.

МЕТЕЛЬ.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій...
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Видѣнъ одинокій.
. . . .
Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичъ Р**. Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣди поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть по пяти копѣекъ въ бостонъ съ его женою, Прасковьей Петровною, а нѣкоторые — для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцати-лѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французскихъ романахъ и, слѣдственно, была влюблена. Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равною страстью, и что родители его любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели отставного засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякій день видались наединѣ въ сосновой рощѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая такимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя-ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія, но переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые, конечно, будутъ тронуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: «дѣти! придите въ наши объятія».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отвергнуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны были выйти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать за пять верстъ отъ Ненарадова, въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое—къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дражайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличною надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что въ самую минуту, какъ она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье... и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться... другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головною болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: «что съ тобою, Маша? не больна-ли ты, Маша?» раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣсняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ея сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцомъ и матерью. Они ее поцѣловали и, по обыкновенію, благословили; она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь... На дворѣ была метель; вѣтеръ вылъ, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надѣла теплый капотъ,

взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто силясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дожидались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра расхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. — Поручивъ барышню попеченію судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у жадринскаго священника: насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать и увѣрялъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмидтъ, въ усахъ и шпорахъ, и сынъ капитанъ-исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнію. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ; а для себя велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ, и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались. Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ— рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ поминутно былъ по-поясъ въ снѣгу.

Наконецъ, онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ; Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать: дорога была гладкая; лошадь ободрилась,и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало пріуставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало по-малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи расходились; передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» —«Далеко-ли Жадрино?»—«Жадрино-то далеко-ли?»—«Да, да! далеко-ли?« — «Недалече: верстъ десятокъ будетъ». При семъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А отколѣ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. «Можешь-ли ты, старикъ, сказалъ онъ: достать мнѣ лошадей до Жадрина?»—«Каки у насъ лошади?» отвѣчалъ мужикъ. —«Да не могу-ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно».—«Постой, сказалъ старикъ, опуская ставень: я те сынъ

вышлю: онъ те проводитъ». Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло полминуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что-жъ твой сынъ?» — «Сейчасъ выйдетъ, обувается. Али ты прозябъ: взойди погрѣться». — «Благодарю: высылай скорѣе сына».

Ворота заскрипѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. — «Да ужъ скоро разсвѣнетъ», — отвѣтилъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ гостиную. Гаврила Гавриловичъ въ колпакѣ и байковой курткѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокѣ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичъ послалъ дѣвчонку узнать отъ Маріи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сейчасъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичъ. — «Лучше, папенька», отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла», сказала Прасковья Петровна. — «Можетъ быть, маменька», отвѣчала Маша

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лекаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка, и бѣдная больная двѣ недѣли находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предположенномъ побѣгѣ. Письма, наканунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной корнетъ, усатый землемѣръ и маленькій уланъ были скромны, и не даромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однако-жъ, ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича, и что, вѣроятно, любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдями, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное счастіе: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о несчастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ, и боялись, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичъ скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ее; она раздѣляла искренно горесть бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній, и поѣхали жить въ*** ское помѣстье.

Женихи кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты, но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ; онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія французовъ. Память его казалась священною для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣды, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали героя, долженствовавшаго, наконецъ, восторжествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ на встрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: Vive Henri-Quatre, тироль-

скіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь нѣмецкія и французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ государю! А для него—какая минута!

Женщины, русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ исчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: ура!

И въ воздухъ чепчики бросали....

Кто изъ тогдашнихъ офицеровъ не сознается, что русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой!...

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ *** губерніи и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и въ деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отступить, когда явился въ ея замкѣ раненый гусарскій полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и съ интересной блѣдностью, какъ говорили тогдашнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала, но поэтъ, замѣтя ея поведеніе, сказалъ-бы:

Se amor non è, che dunche?...

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нравится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но, что-бъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодого гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его; какимъ-же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? Что удерживало его? Робость, неразлучная съ истинною любовью, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностью и, смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностью. Она приготовляла развязку самую неожиданную, и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романтическаго объясненія. Тайна, какого рода ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута казалась уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ея наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая гранъ-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду, отвѣчала старушка: подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать». Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: «авось дѣло сегодня-же кончится!»

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

«Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ: я васъ люблю страстно... (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ, привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно... (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux). Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность,

открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала, прервала съ живостью Марья Гавриловна: я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю, отвѣчалъ онъ ей тихо: знаю, что нѣкогда вы любили; но смерть и три года сѣтованій... Добрая милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы-бы согласились сдѣлать мое счастье, если-бы...» — «Молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня». — «Да, я знаю, я чувствую, что вы были-бы моею, но я — несчастнѣйшее созданіе... я женатъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

— Я женатъ, продолжалъ Бурминъ: я женатъ уже четвертый годъ, и не знаю, кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ-ли свидѣться съ нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? воскликнула Марья Гавриловна. Какъ это странно! Продолжайте; я разскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.

— Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ: я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель, и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что́ должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ проѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена; за оградой стояло нѣсколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подъѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался? сказалъ мнѣ кто-то: невѣста въ обморокѣ; попъ не знаетъ, что дѣлать! мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи-же скорѣе». Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, сказала эта: насилу вы пріѣхали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... Непонятная, непростительная вѣтренность... я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; трое мужчинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвѣнчали. «Поцѣлуйтесь», сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лицо. Я хотѣлъ было ее поцѣловать... Она вскрикнула: «Ай, не онъ! не онъ!» и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: «пошелъ!»

— Боже мой! закричала Марья Гавриловна: и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?

— Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ: не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко и которая теперь такъ жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: такъ это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

ГРОБОВЩИКЪ.

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?
ДЕРЖАВИНЪ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащилась съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается въ наймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіе восемнадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ бранить обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкапъ съ посудою, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ: въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами,

мантіями и факелами. Надъ воротами возвышалась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старые». Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу; Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностью сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ, мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставалъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, или чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастіе (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ, Адріанъ, сидя подъ окномъ и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію, былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставного бригадира. Многія мантіи отъ того съузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгуляѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ такую даль и не сторговались-бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно тремя франмасонскими ударами въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляда можно было узнать нѣмца-ремесленника, вошелъ въ комнату и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любезный сосѣдъ, сказалъ онъ тѣмъ русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ: извините, что я вамъ помѣшалъ... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое—Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ, что̀ противъ вашихъ окошекъ. Завтра я праздную мою серебряную свадьбу, и прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня по-пріятельски». Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуетъ ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э - хе - хе, отвѣчалъ Шульцъ: и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть, конечно, мой товаръ не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ».—«Сущая правда, замѣтилъ Адріанъ: однакожъ, если живому не на что купить сапогъ, то не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ». Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени; наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новокупленнаго дома и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни русскаго кафтана Адріана Прохорова, ни европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятаго нынѣшними романистами. Полагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные башмаки, что̀ бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями, большею частью нѣмцами-ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою, какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его жалкую будку. Но тотчасъ по изгнаніи врага на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять расхаживать около нея съ сѣкирой и въ бронѣ сермяжной. Онъ былъ знакомъ большей части нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ воскресенья на понедѣльникъ. Адріанъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцати-лѣтняя Лотхенъ, обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ; Адріанъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія и, откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-русски: «за здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцѣловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили за здо-

ровье доброй Луизы. «За здоровье любезныхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку —и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ; пили за здоровье каждаго гостя особливо, пили за здоровье Москвы и цѣлой дюжины германскихъ городковъ, пили за здоровье всѣхъ цеховъ вообще и каждаго въ особенности, пили за здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адріанъ пилъ съ усердіемъ и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстый булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «за здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, unserer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной — сапожнику, сапожникъ — портному, булочникъ — имъ обоимъ, всѣ — булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «что-же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ!» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ; гости продолжали пить, и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ-за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части навеселѣ. Толстый булочникъ и переплетчикъ, коего лицо казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подъ-руки отвели Юрку въ его будку, наблюдая въ семъ случаѣ русскую пословицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Что-жъ это въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ: чѣмъ ремесло мое не честнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ — братъ палачу? Чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ — гаэръ святочный? Хотѣлось было мнѣ позвать ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать-же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ православныхъ». — «Что ты, батюшка? сказала работница, которая въ это время разувала его: что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!» — «Ей-Богу, созову, продолжалъ Адріанъ: и на завтрашній-же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попировать: угощу, чѣмъ Богъ послалъ». Съ этимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный отъ ея приказчика прискакалъ къ Адріану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся на-скоро, взялъ извозчика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая какъ воскъ, но еще не обезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились родственники, сосѣди и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы. Адріанъ подошелъ къ племяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сюртукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ, значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ приказчикомъ и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извозчика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко и, узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи. Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому, какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адріанъ: кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ-ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ-ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирался войти, но, увидя бѣгущаго хозяина, остановился и снялъ треугольную шляпу. Адріану лицо его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. «Вы пожаловали ко мнѣ, сказалъ запыхавшись Адріанъ: войдите-же, сдѣлайте милость». — «Не церемонься, батюшка, отвѣчалъ тотъ глухо: ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу!» — Адріану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адріану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. «Что за дьявольщина!» подумалъ онъ и спѣшилъ войти... тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, бригадира, похороненнаго во время проливного дождя. Всѣ они, дамы и мужчины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы — въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные — въ мундирахъ, но съ бородами небри-

гыми, купцы—въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь-ли, Прохоровъ, сказалъ бригадиръ отъ имени всей честной компаніи: всѣ мы поднялись на твое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались однѣ кости безъ кожи; но и тутъ одинъ не утерпѣлъ—такъ хотѣлось ему побывать у тебя»... Въ эту минуту маленькій скелетъ продрался сквозь толпу и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ, сказалъ скелетъ: помнишь-ли отставного сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому въ 1799 году ты продалъ первый свой гробъ—и еще сосновый за дубовый!» Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяныя объятія; но Адріанъ, собравшись съ силами, закричалъ и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адріану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ и почти задавленный, самъ упалъ на кости отставного сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постель, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адріанъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній. «Какъ ты заспался, батюшка, Адріанъ Прохоровичъ, сказала Аксинья, подавая ему халатъ: къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня «частный» именинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить».—«А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?»—«Покойницы? Да развѣ она умерла!»—«Эка дура! Да не ты-ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?»—«Что ты, батюшка, не съ ума-ли ты спятилъ, али хмѣль вчерашній еще у тебя не прошелъ? Какія были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у нѣмца, воротился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣстили».—«Ой-ли!» сказалъ обрадованный гробовщикъ.—«Вѣстимо такъ», отвѣчала работница.—«Ну, коли такъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей».

1830 г.

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ.

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ.
Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранился? Кто въ минуту гнѣва не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою безполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или, по крайней мѣрѣ, муромскимъ разбойникамъ? Будемъ, однако, справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и, можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называетъ его шутливо князь Вяземскій? Не настоящая-ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымещаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ,—а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошеннаго гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ крещенскій морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ генералъ; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ и курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ — колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіе двадцати лѣтъ сряду, изъѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смотрителя не знаю я въ лицо, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ смотрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склон-

ные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого-нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія смотрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ и платилъ прогоны за двѣ лошади. Вслѣдствіе сего, смотрители со мною не церемонились, и часто бралъ я съ бою то, что, во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь-же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было-бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: чинъ чина почитай, ввелось въ употребленіе другое, напримѣръ: умъ ума почитай? Какіе возникли-бы споры! и слуги съ кого-бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи*** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По пріѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая — спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ смотритель: поставь самоваръ, да сходи за сливками». При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я смотрителя. — «Дочка-съ, отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія: да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать». Тутъ онъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой — почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой — яркими чертами изображено развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ, представлено возвращеніе его къ отцу: добрый старикъ въ томъ-же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему на встрѣчу; блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, такъ-же какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровать съ пестрой занавѣскою и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самого хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодраго, и его длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со второго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать; она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подалъ я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ, я съ ними простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телѣги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у нея позволенія ее поцѣловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцѣлуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь,

но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. «Но — подумалъ я — старый смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ». Мысль о смерти того или другого также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ, но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Смотритель спалъ подъ тулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ... Это былъ, точно, Симеонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубо-

кія морщины давно небритаго лица, на сгорбленную спину — и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодраго мужчину въ хилаго старика. «Узналъ-ли ты меня? спросилъ я его: мы съ тобою старые знакомые».—«Можетъ статься, отвѣчалъ онъ угрюмо: здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало».— «Здорова-ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ»,—отвѣчалъ онъ. «Такъ, видно, она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто-бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня безпокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто-бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню? началъ онъ: кто-же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка-то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякій похвалитъ, никто не осудитъ. Барыни дарили ее, та—платочкомъ, та—сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто-бы пообѣдать, али отужинать, а въ самомъ дѣлѣ, только чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало, баринъ, какой-бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите-ль, сударь: курьеры, фельдъегеря съ нею по получасу заговаривались. Ею домъ держался; что̀ прибрать, что̀ приготовить, за всѣмъ успѣвала. А я-то, старый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; ужъ я-ли не любилъ моей Дуни, я-ль не лелѣялъ моего дитяти; ужъ ей-ли не было житье? Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожиться: что̀ суждено, тому не миновать».

Тутъ онъ сталъ подробно разсказывать мнѣ свое горе. Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себѣ платье, тройка подъѣхала, и проѣзжій, въ черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При этомъ извѣстіи, путешественникъ возвысилъ было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: «не угодно-ли будетъ ему чего-нибудь покушать?» Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпутавъ шаль и сдернувъ шинель, проѣзжій явился молодымъ стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягали ихъ въ кибитку проѣзжаго; но, возвратясь, нашелъ онъ молодого человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, невозможно было ѣхать... Какъ быть? Смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С*** за лекаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лекаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожъ выпилъ двѣ чашки кофе и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы и всякій разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности, слабой своей рукой пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лекарь. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, и по-русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему 25 рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лекарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ ожился. Онъ былъ чрезвычайно весе́лъ, безъ умолку шутилъ то съ Дуней, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградилъ его за постой и угощеніе; простился и съ Дуней и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи... «Чего-же ты боишься? сказалъ ей отецъ: вѣдь его высокоблагородіе—не волкъ и тебя не съѣстъ; прокатись-ка до церкви». Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свистнулъ, и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что̀ тогда было съ его ра-

зумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже расходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи: двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ насилу рѣшился спросить у дьячка, была-ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня, по вѣтрености молодыхъ лѣтъ, вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ, къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ».

Старикъ не снесъ своего несчастія: онъ тутъ-же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильною горячкою; его свезли въ С**** и на его мѣсто опредѣлили на время другого. Тотъ-же лекарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лечилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду-ли говорилъ нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностью, но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больного. Едва оправясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстра отпускъ на два мѣсяца и, не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своей дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказалъ, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось, думалъ смотритель: приведу я домой заблудшую овечку мою». Съ этой мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставного унтеръ-офицера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю и просилъ доложить его высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?» спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше высокоблагородіе!... сдѣлайте такую божескую милость!...» Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. «Ваше высокоблагородіе! продолжалъ старикъ: что̀ съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею; не погубите же ее понапрасну».—«Что̀ сдѣлано, того не воротишь, сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ: виноватъ передъ тобою и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она—вы не забудете того, что̀ случилось». Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукава свертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пятидесяти - рублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его— слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ къ извозчику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!...» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой, на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ, да и пошелъ.

Въ этотъ самый день, вечеромъ, шелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трехъэтажнымъ домомъ, у самаго подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смотрителя. Онъ воротился и, поровнявшись съ кучеромъ: «чья, братъ, лошадь? спросилъ онъ: не Минскаго-ли?»—«Точно такъ, отвѣчалъ кучеръ: а что тебѣ?»—«Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабудь,

гдѣ Дуня-то его живетъ».—«Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нея». «Нужды нѣтъ, возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца: спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю». И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ. Прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ; ему отворили. «Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна?» спросилъ онъ.—«Здѣсь, отвѣчала молодая служанка: зачѣмъ тебѣ ее надобно?» Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу.—«Нельзя, нельзя! закричала ему вслѣдъ служанка: у Авдотьи Симеоновны гости!»

Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ, прекрасно убранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностью смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ поневолѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва.

— Чего тебѣ надобно? сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы: чтó ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и, сильной рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію и опять принялся за свою должность.

«Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ: какъ живу я безъ Дуни и какъ объ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ атласѣ да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ-же пропадаетъ, такъ поневолѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы».

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, разсказъ, неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы эти отчасти возбуждены были пуншемъ, коего вытянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіе своего повѣствованія; но какъ-бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ...

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «живъ-ли старый смотритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красные и желтые листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцѣловала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она—жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ.

— Отчего-жъ онъ умеръ? спросилъ я пивоварову жену.

— Спился, батюшка, отвѣчала она.

— А гдѣ его похоронили?

— За околицей, подлѣ покойной хозяйки его.

— Нельзя-ли довести меня до его могилы?

— Почему-же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу.

При этихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

— Зналъ ты покойника? спросилъ я его дорогой.

— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!» а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

— А проѣзжіе вспоминаютъ-ли его?

— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

— Какая барыня? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Прекрасная барыня, отвѣчалъ мальчиш-

какъ ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черною моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «я сама дорогу знаю». И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая добрая барыня!

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

— Вотъ могила стараго смотрителя, сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

— И барыня приходила сюда? спросилъ я.

— Приходила, отвѣчалъ Ванька: я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ... славная барыня!

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

1830 г.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша.

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣди, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой курткѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы, самъ записывалъ расходъ и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій русскій баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты англійскими жокеями. У дочери его была мадамъ—англичанка. Поля свои обработывалъ онъ по англійской методѣ:

Но на чужой манеръ хлѣбъ русскій не родится,

и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ неглупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ опекунскій совѣтъ—оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ.

Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ англоманіи своего сосѣда и поминутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ-ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіемъ—«да-съ! говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою: у меня не то, что у сосѣда Григорія Ивановича. Куда намъ по-англійски разоряться! Были-бы мы по-русски хоть сыты». Эти и подобныя шутки, по усердію сосѣдей, доводимы были до свѣдѣнія Григорія Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь-же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между этими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ*** университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу; но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякій случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право, было-бы жаль, если-бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если-бы онъ, вмѣсто того, чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотря, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣди говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онѣ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: «Акулинѣ Петровнѣ Курочки-

ной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.».

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе; поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно, всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: особенность характера, самобытность [individualité], безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь-же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожъ nota nostra manet, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышенъ. Онъ первый передъ ними явился мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо, съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь англомана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ ко другу не ѣздили; она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаянье ея мадамъ, миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь-же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи; словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во французской трагедіи.

— Позвольте мнѣ сегодня пойти въ гости, сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— Изволь; а куда?

— Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ именинница и вчера приходила звать насъ отобѣдать.

— Вотъ! сказала Лиза: господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.

— А намъ какое дѣло до господъ! возразила Настя: къ тому-же я—ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да разскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась.

— Ну, Лизавета Григорьевна, сказала она, входя въ комнату: — видѣла молодого Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.

— Какъ это? Разскажи, разскажи по порядку.

— Извольте съ: пошли мы—я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...

— Хорошо, знаю. Ну, потомъ.

— Позвольте-съ, разскажу все по порядку. Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были колбинскія, захарьевскія, приказчица съ дочерьми, хлупинскія...

— Ну, а Берестовъ?

— Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, приказчица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ...

— Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!

— Да какъ-же вы нетерпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ-за стола... а сидѣли мы часа три, и обѣдъ былъ славный: пирожное бланманже—синее, красное и полосатое... Вотъ вышли мы изъ-за стола и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.

— Ну, что-жъ? Правда-ли, что онъ такъ хорошъ собою?

— Удивительно хорошъ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...

— Право? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что-же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печаленъ, задумчивъ?

— Что вы? Да эдакаго бѣшенаго я и съ роду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать....

— Съ вами въ горѣлки бѣгать! невозможно!

— Очень возможно. Да еще что выдумалъ! Поймаетъ, и ну цѣловать!

— Воля твоя, Настя, ты врешь

— Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.

— Да какъ-же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?

— Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую; да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ!

— Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?

— Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любитъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: современемъ остепенится.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось его видѣть! сказала Лиза со вздохомъ.

— Да что-же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ не далеко—всего три версты: подите гулять въ ту сторону или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ-же всякій день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту.

— Да нѣтъ, нехорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому-же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все-же нельзя будетъ съ нимъ познакомиться... Ахъ, Настя! знаешь-ли что? Наряжусь я крестьянкою!

— И въ самомъ дѣлѣ: надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово: ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ.

— А по-здѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка!

И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое свое предположеніе. На другой-же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки и мѣдныхъ пуговокъ; съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль. На ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчіи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ, ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Заигралъ рожокъ, и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькіе пестрые лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокѣ, и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостью. Боясь какой-нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодыя наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало-по-малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно-ли съ точностью опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцатилѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? И такъ, она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то-же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar, ici!... и молодой охотникъ показался изъ-за кустарника.

— Небось, милая, сказалъ онъ Лизѣ: собака моя не кусается.

Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами.

— Да нѣтъ, баринъ, сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастѣнчивой: боюсь; она вишь какая злая; опять кинется.

Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку.

— Я провожу тебя, если ты боишься, сказалъ онъ ей: ты мнѣ позволишь идти подлѣ себя?

— А кто те мѣшаетъ? отвѣчала Лиза: вольному воля, а дорога мірская.

— Откуда ты?

— Изъ Прилучина; я дочь Василья-кузнеца, иду по грибы. (Лиза несла кузовокъ на веревочкѣ). А ты, баринъ? Тугиловскій, что-ли?

— Такъ точно, отвѣчалъ Алексѣй: я камердинеръ молодого барина.—Алексѣю хотѣлось уравнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась.

— А лжешь, сказала она: не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ баринъ

— Почему-же ты такъ думаешь?

— Да по всему.

— Однако-жъ?

— Да какъ-же барина съ слугой не распознать? И одѣть-то не такъ, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему.

Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгій и холодный видъ, что хотя это и разсмѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній.

— Если вы хотите, чтобъ мы были впередъ пріятелями, сказала она съ важностью: то не извольте забываться.

— Кто тебя научилъ этой премудрости? спросилъ Алексѣй, расхохотавшись: ужъ не Настенька-ли, моя знакомая, не дѣвушка-ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе!

Лиза почувствовала, что вышла изъ своей роли, и тотчасъ поправилась.

— А что думаешь? сказала она: развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась.

— Однако, продолжала она: болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я—въ другую. Прощенія просимъ.

Лиза хотѣла удалиться; Алексѣй удержалъ ее за руку.

— Какъ тебя зовутъ, душа моя?

— Акулиной, отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой: да пусти-жъ, баринъ, мнѣ и домой пора.

— Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью-кузнецу.

— Что ты? возразила съ живостью Лиза: ради Христа не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ: отецъ мой, Василій-кузнецъ, прибьетъ меня до смерти.

— Да я непремѣнно хочу съ тобою опять видѣться.

— Ну, я когда-нибудь опять сюда приду за грибами.

— Когда-же?

— Да хоть завтра.

— Милая Акулина, расцѣловалъ-бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда-ли?

— Да, да.

— И ты не обманешь меня?

— Не обману.

— Побожись.

— Ну вотъ-те святая Пятница, приду.

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и затянутая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку.

— Нѣтъ ничего здоровѣе, сказалъ онъ: какъ просыпаться на зарѣ.

Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія—совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе, данное ею на завтрашній день, всего болѣе безпокоило ее: она совсѣмъ было рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ее напрасно, могъ идти отыскивать въ селѣ дочь Василья-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи; цѣлый день думалъ онъ о новой знакомкѣ: ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ и бросился на встрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчіи; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратить Акулину отъ ея намѣренія; увѣрялъ ее въ невинности сво-

ихъ желаній, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать его одной отрады— видаться съ нею наединѣ, хотя-бы черезъ день, хотя-бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча.

— Дай мнѣ слово, сказала она, наконецъ: что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или разспрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.

Алексѣй поклялся-было ей святою Пятницею, но она съ улыбкою остановила его.

— Мнѣ не нужно клятвы, сказала Лиза: довольно одного твоего обѣщанія.

Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по лѣсу, до тѣхъ поръ, пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять, какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ добрый и пылкій малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если-бы слушался я одной своей охоты, то непремѣнно и во всей подробности сталъ-бы описывать свиданія молодыхъ людей, ихъ возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила-бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными. И такъ, я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была не равнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ; но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами, и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому-же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романической надеждою увидѣть наконецъ тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень) Иванъ Петровичъ Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякій случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещетками. Въ то же самое время Григорій Ивановичъ Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать куцую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизированныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ, подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ-за кустарника. Если-бъ Григорій Ивановичъ могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно-бъ онъ поворотилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный европеецъ, подъѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ-же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется господамъ, по приказанію своего вожатаго. Въ это время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянный закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, не бывавшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласившій себя отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага, прежде ею незамѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою куцую кобылу, которая, какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичъ подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся-ли онъ. Между тѣмъ, стремянный привелъ виновную лошадь, держа ее подъ устцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти военноплѣннымъ.

Сосѣды, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушиба не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой-же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать по-пріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ, вражда старинная и глубоко укоренившаяся,

казалось, готова была прекратиться отъ пугливости куцой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу.

— Что это значитъ, папа? сказала она съ удивленіемъ: отчего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи это дрожки?

— Вотъ уже не угадаешь, my dear, отвѣчалъ ей Григорій Ивановичъ, и разсказалъ все, что случилось.

Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичъ, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра у него будутъ обѣдать оба Берестовы.

— Что вы говорите! сказала она, поблѣднѣвъ: Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать! Нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь.

— Что ты, съ ума сошла? возразилъ отецъ: давно-ли ты стала такъ застѣнчива? или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься...

— Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми.

Григорій Ивановичъ пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нея ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки. Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея поведеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны, Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело-бы на него свиданіе столь неожиданное.. Вдругъ мелькнула ей мысль. Она передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей, какъ находкѣ, и положили исполнить непремѣнно.

На другой день, за завтракомъ, Григорій Ивановичъ спросилъ у дочки, все-ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ.

— Папа, отвѣчала Лиза: я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ-бы я передъ ними ни явилась, что бы я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.

— Опять какія-нибудь проказы! сказалъ, смѣясь, Григорій Ивановичъ. Ну, хорошо, хорошо: согласенъ, дѣлай, что хочешь, черноглазая моя шалунья. Съ этимъ словомъ онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въѣхала на дворъ и покатилась около густо-зеленаго дерноваго круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльцо съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдей какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія разсчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана; но съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался; и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и вслѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренѣлой кокетки непремѣнно должно было-бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая мисъ Жаксонъ, набѣленная, затянутая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécille торчали какъ фижмы у madame de Pompadour; талія была перетянута, какъ буква иксъ, и всѣ брильянты ея матери, еще не заложенные въ ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ, онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась

ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другого времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ, и только по-французски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичъ былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ-за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичъ далъ волю смѣху и вопросамъ.

— Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ? спросилъ онъ Лизу. А знаешь-ли что? Бѣлилы, право, тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоемъ мѣстѣ я-бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.

Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщалась ему подумать о его совѣтѣ и побѣжала умилостивлять раздраженную миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернавкою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцѣловала Лизу и, въ залогъ примиренія, подарила ей баночку англійскихъ бѣлилъ, которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности. Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ рощѣ свиданій.

— Ты былъ, баринъ, вечоръ у нашихъ господъ? сказала она тотчасъ Алексѣю: какова показалась тебѣ барышня.

Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ.

— Жаль, возразила Лиза.

— А почему-же? спросилъ Алексѣй.

— А потому, что я хотѣла-бы спросить у тебя, правда-ли, говорятъ...

— Что-же говорятъ?

— Правду-ли говорятъ, будто-бы я на барышню похожа?

— Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.

— Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить: барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею равняться!

Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышень, и чтобъ успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ души.

— Однако-жъ, сказала она со вздохомъ: хоть барышня можетъ и смѣшна, все-же я передъ нею дура безграмотная.

— И! сказалъ Алексѣй: есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ.

— А взаправду, сказала Лиза: не попытаться-ли и въ самомъ дѣлѣ?

— Изволь, милая; начнемъ хоть сейчасъ.

Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать, сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно.

— Что за чудо! говорилъ Алексѣй: да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по ланкастерской системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ «Наталью Боярскую дочь», прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той-же повѣсти.

Прошла недѣля, и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма и тамъ-же находилъ, на синей простой бумагѣ, каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григоріемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ. Муромскій нерѣдко думалъ о томъ, что, по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу, что въ такомъ случаѣ Алексѣй Ивановичъ будетъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый-же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумасбродство (или, по его выраженію, англійскую дурь), однако-жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, напримѣръ, рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкій родственникъ графу Пронскому, человѣку знатно-

му и сильному; графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ), вѣроятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорили, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякій разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. «Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня каждый день, то Бетси должна-же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ».

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ-же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку и, немного помолчавъ, сказалъ:

— Что-же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарскій мундиръ уже тебя не прельщаетъ?

— Нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ почтительно Алексѣй: я вижу, вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться.

— Хорошо, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу-жъ и я тебя неволить: не понуждаю тебя вступить... тотчасъ...въ статскую службу; а покамѣстъ намѣренъ я тебя женить.

— На комъ это, батюшка? спросилъ изумленный Алексѣй.

– На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ: невѣста хоть куда, не правда-ли?

— Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.

— Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.

— Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.

— Послѣ понравится. Стерпится—слюбится.

— Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастіе.

— Не твое горе ея счастіе. Что? Такъ-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!

— Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе—какъ Богъ святъ!—продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ показываться.

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ себѣ что въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь-же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ; романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ рощѣ были прекращены, по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ погибели и тутъ-же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ дупло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону.

— Дома-ли Григорій Ивановичъ? спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ прилучинскаго зам̀ка.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ слуга: Григорій Ивановичъ съ утра изволилъ выѣхать.

«Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй.—Дома-ли, по-крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?

— Дома-съ.

И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено,—думалъ онъ, подходя къ гостиной,—объяснюсь съ нею самою».

Онъ вошелъ... и остолбенѣлъ! Лиза... нѣтъ, Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ утреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо; она такъ была занята, что не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать: «Акулина, Акулина!» Лиза старалась отъ него освободиться...

Mais laissez-moi donc, monsieur, mais êtes-vous fou? повторяла она, отворачиваясь.

— Акулина! другъ мой, Акулина! повторялъ онъ, цѣлуя ея руки.

Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась, и Григорій Ивановичъ вошелъ.

— Ага! сказалъ Муромскій: да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено...

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку. 1830 г.

ПИКОВАЯ ДАМА.

Пиковая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

I.

[illegible]
[illegible]
Часто:
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]
Мелом.
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе въ разсѣянности сидѣли передъ пустыми приборами. Но шампанское явилось—разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Чтò ты сдѣлалъ, Сурипъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надобно признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? Ни разу не поставилъ на р у т е?.. Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ? сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодого инженера: отъ роду не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами и смотритъ на нашу игру.

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ, но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ — нѣмецъ: онъ разсчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, графиня Анна Ѳедотовна.

— Какъ? чтò? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ.

— Да что-жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ: что восьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте! Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus moscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть-было не застрѣлился отъ ея жестокости. Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при дворѣ она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ и приказала заплатить. Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни подмосковной, ни саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину и легла спать одна, въ знакъ своей немилости. На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь, что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между принцемъ и каретникомъ. Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, чтò дѣлать. Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о графѣ Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго элексира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ запискахъ говоритъ, что онъ былъ шпіонъ; впрочемъ, Сенъ-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть, написала ему записку и просила немедленно къ ней пріѣхать. Старый чудакъ явился тотчасъ и засталъ ее въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность. Сенъ-Жерменъ задумался. «Я могу вамъ услужить этою суммою, сказалъ онъ: но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я-бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство — вы можете отыграться».

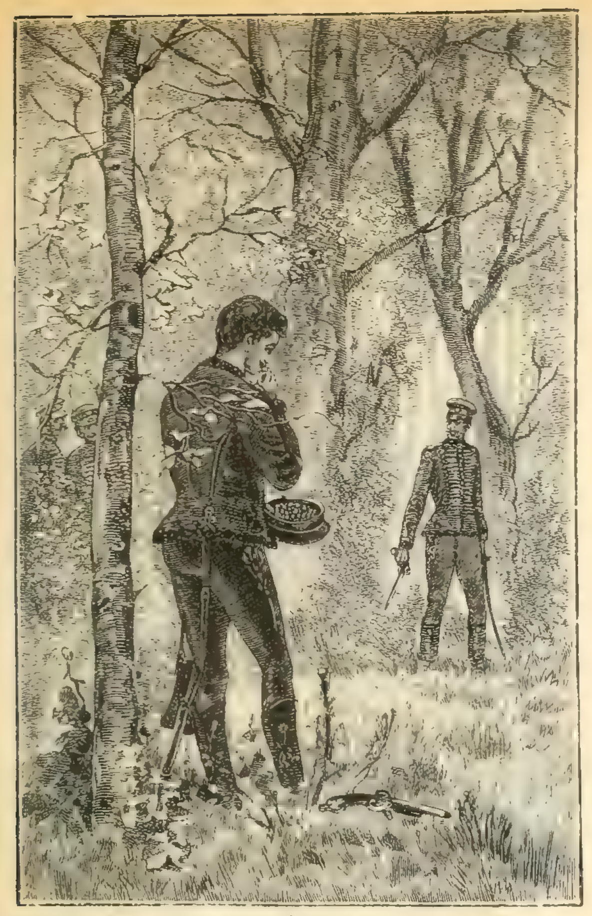
— Но, любезный графъ, отвѣчала бабушка: я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.

— Деньги тутъ не нужны, возразилъ Сенъ-Жерменъ: извольте меня выслушать.

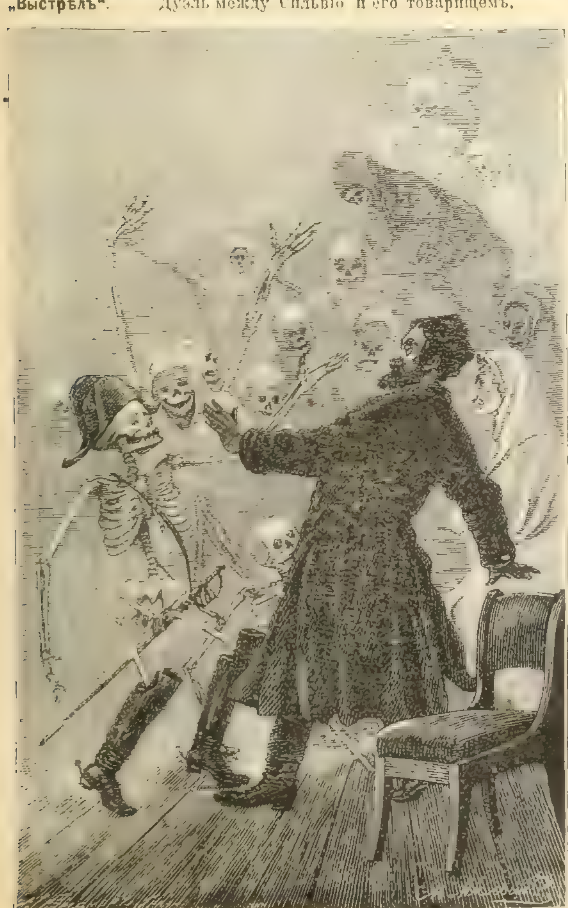
Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякій изъ насъ дорого-бы далъ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся и продолжалъ:

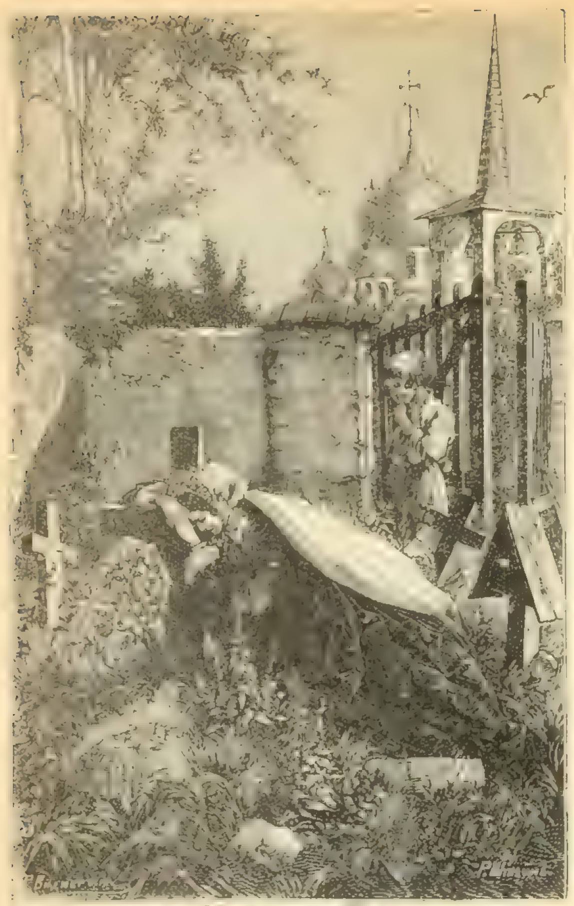
— Въ тотъ-же самый вечеръ бабушка яви-


„Выстрѣлъ“. Дуэль между Сильвіо и его товарищемъ.

„Метель“. Тайный отъѣздъ Маши ночью


„Гробовщикъ“. Сонъ Адріана

„Станц. смотритель“. Гусаръ увозитъ дочь смотрителя.



„Станц. смотритель". Дуня на могилѣ отца.

„Барыш. крестьянка". Первая встрѣча Алексѣя съ Лизой.

„Пиковая дама". Германнъ въ спальнѣ графини.

„Пиковая дама". Привидѣніе бѣлая женщина.

лась въ Версали, au jeu de la reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ статься, порошковыя карты! подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ: у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?

— Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій: у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре—отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны, хоть это было-бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честью. Покойный Чаплицкій,—тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ—помнится, Зоричу — около трехсотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе — отыгрался и остался еще въ выигрышѣ...

— Однако, пора спать: уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало. Молодые люди допили свои рюмки и разъѣхались.

II.

— Il paraît que monsieur est décidément pour les suivantes.
— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая—коробку со шпильками, третья—высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохраняла всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ-же долго, такъ-же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'maman! сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей и привести его къ вамъ въ пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у***?

— Какъ-же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова-ли была ея бабушка, княгиня Дарья Петровна?.. Кстати: я чай, она ужъ очень постарѣла, княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но графиня услышала вѣсть для нея новую съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во фрейлины, и когда мы представлялись, то государыня...

И графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась и не отвѣчала ни слова.

— Paul! закричала графиня изъ-за ширмъ: пришли мнѣ какой-нибудь новый романъ, только пожалуйста не изъ нынѣшнихъ.

— Какъ это, grand'maman?

— То есть такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ.

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите-ли развѣ русскихъ?

— А развѣ есть русскіе романы?.. Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'maman: я спѣшу...

Простите, Лизавета Ивановна! Почему-же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки; она принялась опять за работу и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она: карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что-ли? закричала графиня: вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ и подалъ графинѣ книги отъ князя Павла Александровича.

— Хорошо! благодарить, сказала графиня: Лизанька, Лизанька, да куда-жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ, читай вслухъ...

Барышня взяла книгу и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала графиня: что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что-ли?... Погоди... подвинь мнѣ скамеечку; ближе... ну!

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это князю Павлу и вели благодарить... Да что-жъ карета?..

— Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что-жъ ты не одѣта? сказала графиня: всегда надобно тебя ждать. Это, матушка, несносно!

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ графиня: сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и шляпкѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала графиня: что за наряды! Зачѣмъ это?.. кого прельщать?.. А какова погода? кажется, вѣтеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

«И вотъ моя жизнь!» подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца; а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души, но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ; скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большого свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лицо. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы — и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала княгиню въ ея прогулкахъ — и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; между тѣмъ требовали отъ нея, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, когда не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее подъ руку всякій разъ, какъ имъ нужно было идти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе и глядѣла кругомъ себя, съ нетерпѣніемъ ожидая избавителя; но молодые люди, разсчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, не удостоивали ее вниманія, хотя Лизавета Ивановна была во сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ невѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и крашеная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ.

Однажды—это случилось два дня послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились—однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу и увидѣла молодого инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула

опять—молодой офицеръ стоялъ на томъ-же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства. но уже офицера не было и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ графиней садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лицо бобровымъ воротникомъ; черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку—офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза; она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе—подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ, она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякій разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась...

Когда Томскій спросилъ позволенія представить графинѣ своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ не инженеръ, а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе; но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо разсчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) «жертвовать необдимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее»,—а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами и слѣдилъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. «Чтò, если—думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу,—чтò, если старая графиня откроетъ мнѣ свою тайну? или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты? Почему-жъ не попробовать своего счастія?... Представиться ей, подбиться въ ея милость; пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ; но на все это требуется время, а ей восемьдесятъ семь лѣтъ; она можетъ умереть черезъ недѣлю, черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?.. Можно-ли ему вѣрить?... Нѣтъ, разсчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ чтò утроитъ, усемеритъ мой капиталъ и доставитъ мнѣ покой и независимость!» Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами; кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытягивались то стройная ножка молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у углового будочника.

— Графини***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрезились карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу и опять очутился передъ домомъ графини***. Невѣдомая сила, казалось, привлекала его къ нему. Онъ остановился и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

III.

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire. Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже графиня послала за нею и велѣла опять подавать карету. Онѣ по-

шли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испуга, и молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? какъ зовутъ этотъ мостъ? что̀ тамъ написано на вывѣскѣ. Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и невпопадъ, и разсердила графиню.

— Что̀ съ тобою сдѣлалось, мать моя? Столбнякъ на тебя нашелъ, что-ли? Ты меня или не слышишь, или не понимаешь?.. Слава Богу, я не картавлю и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было не запечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что̀ дѣлать: перестать-ли сидѣть у окошка и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ? отослать-ли ему письмо? отвѣчать-ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться: у ней не было ни подруги, ни наставницы Лизавета Ивановна рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столикъ, взяла перо, бумагу—и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо—и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена,—писала она,—что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ; но знакомство наше не должно-бы начаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше и надѣюсь, что не буду впередъ имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе».

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавета Ивановна встала изъ-за пялецъ, вышла въ залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу, надѣясь на проворство молодого офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его и вошелъ въ кондитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записочку изъ модной лавки. Лизавета Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки: извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ быть, сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному: это писано вѣрно не ко мнѣ. И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ-же вы его разорвали? сказала мамзель: я-бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька, сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно...

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Они уже не были переведены съ нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстью, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими, стала на нихъ отвѣчать—и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо: «Сегодня балъ у***скаго посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро графиня уѣдетъ, ея люди, вѣроятно, разойдутся; въ сѣняхъ останется швейцаръ, но онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома-ли графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ—и, дѣлать нечего, вы должны будете воротиться. Но, вѣроятно, вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте налѣво, идите все прямо до графининой спальни. Въ спальнѣ, за ширмами, увидите двѣ маленькія двери: справа—въ кабинетъ, куда графиня никогда не входитъ; слѣва—въ корридоръ, и тутъ-же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату».

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ графини. Погода была ужасная: вѣтеръ выль, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились

тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока. Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ руки сгорбленную старуху, укутанную въ собольи шубу, и какъ вслѣдъ за нею въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранной свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома; онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы: было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на графинино крыльцо и взошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо него. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симметріи около стѣнъ, обитыхъ китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ m-me Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтлозеленомъ мундирѣ и со звѣздою; другой—молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнитизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва—другая, въ корридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы. Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать—и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра, и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздались голоса, и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась въ вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку. Лизавета Ивановна прошла мимо него. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нея чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея туалета; наконецъ графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, графиня страдала безсонницею. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ вольтеровы кресла и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли: комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было-бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и, наклонясь надъ самымъ ея ухомъ, повторилъ ей то-же самое. Старуха молчала попрежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германнъ остановился. Графиня, казалось, поняла, чего отъ нея требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ, это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души; но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете-ли вы, продолжалъ Германнъ: назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала. Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они-же не знаютъ цѣны деньгамъ. Могу не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я—не мотъ: я знаю цѣну деньгамъ. Ваши три карты для меня не пропадутъ. Ну!..

Онъ остановился и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Она молчала; Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ: сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что-нибудь человѣческое билось когда-нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери, всѣмъ, что ни есть святого въ жизни, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, откройте мнѣ вашу тайну, что вамъ въ ней?.. Можетъ быть, она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ... Подумайте: вы стары: жить вамъ ужъ недолго—я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германъ всталъ.

— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я-же заставлю тебя отвѣчать...

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ. При видѣ пистолета графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою и подняла руку, какъ-бы заслоняясь отъ выстрѣла... потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку: спрашиваю въ послѣдній разъ—хотите-ли назначить мнѣ ваши три карты? да, или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.

IV.

Homme sans moeurs et sans religion!
Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодого человѣка—и уже съ нимъ въ перепискѣ, и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила и не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала... до самаго этого вечера. Странное дѣло! въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій, дуясь на молодую княжну Полину***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отмстить, оказывая ей равнодушіе: онъ позвалъ Лизавету Ивановну и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Лизавета Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она, смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго.

— Кто-жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Лизавета Ивановна не отвѣчала ничего; но ея руки и ноги поледенѣли...

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій: лицо, истино романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!..

— У меня голова болитъ... Что-же говорилъ вамъ Германнъ... или какъ бишь его?..

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ-бы совсѣмъ иначе... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды; по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ-жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ быть; на гуляньѣ!.. Богъ его знаетъ! можетъ быть, въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ...

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами: «oubli ou regret?» прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама княжна***. Она успѣла съ нимъ объяснить-

ея, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ. Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня; но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и благодаря новѣйшимъ романамъ, это уже пошлое лицо пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала...

— Гдѣ-же вы были? спросила она испуганнымъ шопотомъ.

— Въ спальнѣ у старой графини, отвѣчалъ Германнъ, я сейчасъ отъ нея. Графиня умерла.

— Боже мой!.. что вы говорите?..

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ! Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нея и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ, эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе—все это было не любовь! Деньги! — вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!.. Горько заплакала она въ позднемъ, мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее молча: сердце его также терзалось; но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

— Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу. Блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ; но надобно идти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ и вошелъ опять въ спальню графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; лицо ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ-бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. «По этой самой лѣстницѣ—думалъ онъ—можетъ быть, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой-же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ; а сердце престарѣлой его любовницы сегодня перестало биться...»

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ-же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

> Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница баронесса фонъ В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ: „здравствуйте, господинъ совѣтникъ!“.
>
> Шведенборгъ.

Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей графини. Не чувствуя раскаянья, онъ не могъ, однако, совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: «ты—убійца старухи!» Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь, и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощеніе.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ, съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ, съ гербовыми лентами на плечѣ и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ — дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ, слезы были-бы une affectation. Графиня такъ

была стара, что смерть ея никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго». Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницею въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли—и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нея Германнъ рѣшился подойти ко гробу. Онъ поклонился въ землю и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу, усыпанномъ ельникомъ; наконецъ приподнялся, блѣденъ, какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему, что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, оступился и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то-же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый камергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него англичанину, что молодой офицеръ—ея побочный сынъ, на что англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы; было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ; онъ сѣлъ на кровать и думалъ о похоронахъ старой графини.

Въ это время кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то никакого вниманія. Черезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась: вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую кормилицу и удивился, что могло привесли ее въ такую пору. Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ—и Германнъ узналъ графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду, но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ во всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобъ ты женился на моей воспитанницѣ, Лизаветѣ Ивановнѣ...

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ, по обыкновенію; отъ него нельзя было добиться никакого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку и записалъ свое видѣніе.

VI.

„А т а н д е!“ — Какъ вы смѣли мнѣ сказать а т а н д е?—Ваше превосходительство, я сказалъ а т а н д е-съ!“

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной природѣ, такъ-же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то-же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: «какъ она стройна! настоящая тройка червонная». У него спрашивали: «который часъ?» онъ отвѣчалъ: «безъ пяти минутъ семерка». Всякій пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды; тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ—огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну—воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведшаго весь вѣкъ за картами

и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніями волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми оффиціантами. Всѣ были полны народу. Нѣсколько генераловъ и тайныхъ совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной, за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснились человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чекалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-же понтировавшаго.

Чекалинскій улыбнулся и поклонился молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, надписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ: извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно, и всѣ глаза устремились на Германна. «Онъ съ ума сошелъ!» подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнною своею улыбкой: что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семидесяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что-жъ? возразилъ Германъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того-же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ: что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я, конечно, увѣренъ, что довольно вашего слова, но, для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту. Онъ сталъ метать. Направо легла девятка, налѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Германнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился; но улыбка тотчасъ возвратилась на его лицо.

— Изволите получить? спросилъ онъ Германна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ и тотчасъ разсчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день, вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился. Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои сорокъ семь тысячъ и вчерашній выигрышъ Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ на право, семерка на лѣво.

Германъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ девяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ и въ ту-же минуту удалился.

Въ слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали; генералы и тайные совѣтники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодые офицеры соскочили съ дивановъ, всѣ оффиціанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося Чекалинскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. На право легла дама, на лѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ.

— Славно спонтировалъ! говорили игроки.

Чекалинскій снова стасовалъ карты; игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, въ семнадцатомъ нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы и бормочетъ необыкновенно скоро: «Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!..»

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ ротмистры и женился на княжнѣ Полинѣ.

1834 г.

ДУБРОВСКІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный русскій баринъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кирила Петровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя, а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашеній или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосолъ, и не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства, и каждый вечеръ былъ на-веселѣ.

Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго старика. Сверхъ того, въ одномъ изъ флигелей его дома жили шестнадцать горничныхъ, занимаясь рукодѣліями, свойственными ихъ полу. Окна во флигель были загорожены деревянною рѣшоткою; двери запирались замками, отъ которыхъ ключи хранились у Кирилы Петровича. Молодыя затворницы въ положенные часы ходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина, и въ свою очередь позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство.

Всегдашнія занятія покровскаго помѣщика состояли въ разъѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно притомъ изобрѣтаемыхъ, жертвою которыхъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ, хотя и старинные пріятели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Этотъ Дубровскій, отставной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его смиренное состояніе. Нѣкогда были они товарищами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. Славный 1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгини Дашковой, пошелъ въ гору; Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство; но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной генералъ-аншефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичъ, отъ роду неудостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко стараго своего товарища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ осталось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ

глазахъ родителя, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: «Слушай, братъ Андрей Гаврилычъ: когда въ твоемъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу, даромъ что онъ голъ, какъ соколъ». Андрей Гавриловичъ качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: «Нѣтъ, Кирила Петровичъ, мой Володька не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, нежели сдѣлаться приказчикомъ избалованной бабенки».

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ, и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ, за столомъ у Кирилы Петровича, прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, противорѣчило-ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые-было пытались ему подражать и выйти изъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда отбилъ охоту къ такимъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ и перемѣнилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стремяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ-же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лекаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки ощенялись и кормили своихъ щенятъ. Кирила Петровичъ гордился этимъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать имъ предъ своими гостями, изъ которыхъ каждый осматривалъ его по крайней мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарнѣ, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, останавливался предъ нѣкоторыми конурами, то разспрашивая о здоровьѣ больныхъ, то дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе строгія и справедливыя, то подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирилы Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ этого великолѣпнаго заведенія.

— Что-же ты хмуришься, братъ, спросилъ его Кирила Петровичъ: или псарня моя тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Дубровскій сурово: псарня чудная; врядъ-ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ.

Одинъ изъ псарей обидѣлся.

— Мы на свое житье, сказалъ онъ: благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, иному и дворянину не худо-бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было-бы и сытнѣе, и теплѣе.

Кирила Петровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла относиться и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ это время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никто того не замѣтилъ.

Возвратясь съ гостями со псарнаго двора, Кирила Петровичъ сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ тотчасъ велѣлъ его догнать и воротить непремѣнно. Отъ роду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя всѣхъ возможныхъ охотничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воротился, когда еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему господину, что-дескать Андрей Гавриловичъ не послушался и не хотѣлъ воротиться. Кирила Петровичъ, по обыкновенію своему, разгоряченный наливкою, осердился и вторично послалъ того-же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ-же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, разссорится съ нимъ на-вѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: «здѣсь-ли Андрей Гавриловичъ?» Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичъ приказалъ своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

«Государь мой премилосердый!

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ пріѣхать въ Покровское, пока не вышлете вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ. За симъ остаюсь покорный ко услугамъ Андрей Дубровскій».

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было-бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ и расположеніемъ, но только своею сущностью.

— Какъ? закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой: высылать моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, задумалъ? да знаетъ-ли онъ, съ кѣмъ связывается? Вотъ я-жъ его! наплачется онъ у меня! узнаетъ, каково идти на Троекурова.

Однако Кирила Петровичъ одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенной своею пышностью. Но охота не удалась; во весь день видѣли только зайца и того протравили: обѣдъ въ полѣ подъ палаткой также не удался, или по крайней мѣрѣ былъ не по вкусу Кирилы Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей и на возвратномъ пути со всею своею охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой рощѣ, услышалъ онъ удары топора и чрезъ минуту трескъ повалившагося дерева; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, спокойно ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились-было бѣжать; Дубровскій со своимъ кучеромъ поймалъ изъ нихъ двоихъ и привелъ ихъ связанными къ себѣ на дворъ; три непріятельскія лошади достались тутъ-же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде этого никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; Дубровскій увидѣлъ, что теперь пользовались они происшедшимъ разрывомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, которыми запаслись они въ его-же рощѣ, а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ объ этомъ происшествіи въ тотъ-же день достигъ до ушей Кирилы Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ-было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; такіе подвиги были ему не въ диковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Расхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку; маленькій человѣкъ въ кожаномъ картузѣ и фризовой шинели вышелъ изъ телѣги и пошелъ во флигель къ приказчику. Троекуровъ узналъ засѣдателя Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минуту Шабашкинъ уже стоялъ предъ Кирилою Петровичемъ, отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая его приказаній.

— Здорово... какъ бишь тебя зовутъ? сказалъ Троекуровъ: зачѣмъ пожаловалъ?

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ: и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ-ли какого приказанія отъ вашего превосходительства.

— Очень кстати заѣхалъ... какъ бишь тебя зовутъ? мнѣ до тебя нужда; выпей водки да выслушай.

Такой ласковый пріемъ пріятно изумилъ засѣдателя; онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

— У меня сосѣдъ есть, сказалъ Троекуровъ: мелкопомѣстный грубіянъ; я хочу взять у него имѣніе... какъ ты объ этомъ думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какіе-нибудь документы...

— Врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе. Постой однако-жъ! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя-ли къ этому придраться?

— Мудрено, ваше превосходительство: вѣроятно, сія продажа совершена законнымъ порядкомъ.

— Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, напримѣръ, ваше превосходительство могли достать какимъ-нибудь образомъ отъ вашего сосѣда запись, въ силу которой владѣетъ онъ своимъ имѣніемъ, то конечно...

— Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, ваше превосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего-же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ, и безъ всякаго сомнѣнія получите совершенное удовольствіе.

— Ты думаешь? Ну, смотри-же, я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того-же дня сталъ хлопотать по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе доставить немедленно надлежащія объясненія вслѣдствіе поступившаго отъ генерала-аншефа Троекурова въ судъ прошенія насчетъ якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою.

Андрей Гавриловичъ, изумленный неожидан-

нымъ запросомъ, въ тотъ-же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе, въ которомъ объяснялъ онъ, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣетъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него никакого дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность — есть ябеда и мошенничество. Дубровскій не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжебныхъ. Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ.

Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдателя Шабашкина; онъ увидѣлъ, во-первыхъ, что Дубровскій мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человѣка, столь горячаго и неосмотрительнаго, не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу, но она впослѣдствіи времени оказалась недостаточною.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало о немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны Троекуровъ столь-же мало думалъ о выигрышѣ затѣяннаго имъ дѣла: Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкось всѣ возможные указы. Какъ-бы то ни было, 18... года, февраля 9-го дня, Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ ** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между нимъ, поручикомъ Дубровскимъ, и генералъ-аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ тотъ-же день Дубровскій отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночевалъ у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе уѣзднаго суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичъ; писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его съ изъявленіемъ глубокаго подобострастія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дородности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ стѣнкѣ. Настала глубокая тишина, и секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому пріятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, которымъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе которымъ имѣемъ неоспоримыя права...

Секретарь умолкнулъ; засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующій Троекуровъ, взявъ изъ рукъ его перо, подписалъ подъ рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу, но Дубровскій стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: «подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувствуетъ по совѣсти, что дѣло его есть правое и намѣренъ въ положенное законами время просить по апелляціи, куда слѣдуетъ».

Дубровскій молчалъ... вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу и пустилъ ею въ засѣдателя. Дубровскій закричалъ дикимъ голосомъ: «Какъ, не почитать церковь Божію! Прочь, хамово племя!» Потомъ, обратясь къ Кирилѣ Петровичу: «Слыхано-ли дѣло, ваше превосходительство, продолжалъ онъ, псари вводятъ собакъ въ Божію церковь! собаки бѣгаютъ по церкви! Я васъ ужо проучу!» Всѣ пришли въ ужасъ. Сторожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявшіеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни единаго привѣтливаго слова; онъ тотчасъ отправился въ Покровское, втайнѣ мучимый совѣстью и не вполнѣ насладившись удовлетвореніемъ своей ненависти. Дубровскій, между тѣмъ, лежалъ въ постели; уѣздный лекарь (по счастію не совершенный невѣжда) успѣлъ пустить ему кровь, приставить піявки и шпанскія мухи; къ вечеру стало ему легче, и на другой день отвезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежавшую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье бѣднаго Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась и его нянькою. Она смотрѣла за нимъ, какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаври-

ловичъ повиновался ей, и кромѣ нея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находившагося въ то время въ Петербургѣ. И такъ, отодравъ листъ отъ расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотею, письмо, которое въ тотъ-же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. Отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи мотъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти, игралъ въ карты, входилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невѣсту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подалъ ему письмо, котораго надпись и печать тотчасъ поразили молодого человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ, какъ дитя глупое—а въ животѣ и смерти Богъ воленъ — пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ начало Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и отъ роду того не слыхивали. Ты-бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ-бы не далъ насъ въ обиду. У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля и пастухъ Родя померъ около Миколина дня. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо-ли онъ тебѣ служитъ? Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева».

Владиміръ Дубровскій нѣсколько разъ сряду прочиталъ эти довольно безтолковыя строки съ необыкновеннымъ волненіемъ. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ Петербургъ на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романически былъ къ нему привязанъ и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больного, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни... угрожаемаго какимъ-то бѣдствіемъ и угасающаго безъ помощи, въ мученіяхъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не думалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разъѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйти въ отставку, если болѣзненное состояніе отца потребуетъ его присутствія. Товарищи, замѣтя его безпокойство, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу объ отпускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе. . . . .

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій: онъ боялся уже не застать отца въ живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ: глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ которыхъ онъ не зналъ никакого толку. Пріѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смотритель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Кистеневки, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькой лошадкою. Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый баринъ еще живъ, и побѣжалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами, и между ними завязался разговоръ.

— Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кириломъ Петровичемъ, а тотъ и подалъ въ судъ—хоть почасту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія ихъ воли; а, ей-Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

— Такъ видно этотъ Кирила Петровичъ у васъ дѣлаетъ, что̀ хочетъ?

— И вѣстимо, баринъ: засѣдателя, слышь, онъ и въ грошъ не ставитъ, исправникъ у него на посылкахъ: господа съѣзжаются къ нему на поклонъ; и то сказать, было-бы корыто, а свиньи-то будутъ.

— Правда-ли, что отымаетъ онъ у насъ имѣніе?

— Охъ, баринъ, слышали такъ и мы. Надняхъ покровскій пономарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты: полно вамъ гулять; вотъ ужо приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичъ; а Микита кузнецъ сказалъ ему: полно, Савельичъ, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петровичъ самъ по себѣ, а Андрей Гавриловичъ самъ по себѣ—а всѣ мы Божіи, да государевы; да вѣдь на чужой ротъ пуговицы не нашьешь.

— Стало-быть, вы не желаете перейти во владѣніе Троекурова?

— Во владѣніе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави! у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо-то отдеретъ. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ. Не выдай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.

При этихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ возжами, и лошади его побѣжали крупной рысью.

Тронутый преданностью стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: «Вотъ Покровское!» Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка и терялась вдали, извиваясь между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью рощи, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, на другомъ—пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы, съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ эти мѣста; онъ вспомнилъ, что на этомъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обѣщала быть красавицею. Онъ хотѣлъ о ней освѣдомиться у Антона; но какая-то застѣнчивость удержала его.

Подъѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадямъ и, повинуясь честолюбію, общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извозчикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору, и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а влѣво на открытомъ мѣстѣ—сѣренькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилось—передъ нимъ была Кистеневка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ въѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: двѣнадцать лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только-что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыми шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась спутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъявленіями радости. Насилу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на ветхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника.

— Здорово, здорово, няня, повторилъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: что батюшка? гдѣ онъ? каковъ онъ?

Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ.

— Гдѣ-жъ Володька? сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего.

Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ-бы упалъ, если-бъ сынъ не поддержалъ его.

— Зачѣмъ ты всталъ съ постели? говорила ему Егоровна: на ногахъ не стоитъ, а туда-же норовитъ, куда и люди.

Старика отнесли въ спальню. Онъ силился съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцомъ. Домашніе повиновались, и тогда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому, со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на него. Изъ этого не могъ онъ получить яснаго понятія о тяжбѣ и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ отъ часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика, впадшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошелъ, и апелляція не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: «когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новопріобрѣтеннымъ имѣніемъ — самому или кому изволитъ онъ дать на то довѣренность?» Кирила Петровичъ смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находится его противникъ, старый товарищъ его молодости, и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито:

— Пошелъ вонъ; не до тебя!

Шабашкинъ, видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединѣ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: Громъ побѣды раздавайся, что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запречь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполняли душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства, болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ восторжествовали. Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достояніе. Облегчивъ душу этимъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичъ пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальной у окна. Онъ узналъ Кирила Петровича — и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произнесъ невнятные звуки. Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ эту минуту раздался голосъ и тяжелая походка Егоровны:

— Баринъ, баринъ! Кирила Петровичъ пріѣхалъ, Кирила Петровичъ у крыльца! Егоровна ахнула: — Господи, Боже мой! Это что такое? Что это съ нимъ сдѣлалось?

Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ креселъ, приподнялся — и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ.

— Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лекаремъ! кричалъ Владиміръ.

— Кирила Петровичъ спрашиваетъ васъ, сказалъ вошедшій слуга.

Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ.

— Скажи Кирилѣ Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора... пошелъ!

Слуга радостно побѣжалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками.

— Батюшка ты нашъ, сказала она пискливымъ голосомъ: погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ насъ.

— Молчи, няня, сказалъ съ сердцемъ Владиміръ: сейчасъ пошли Антона въ городъ за лекаремъ.

Егоровна вышла. Въ передней никого не было: всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала объ этомъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: «Не надобно лекаря — батюшка скончался».

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже и признаковъ жизни въ этомъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе, — обмыли его, одѣли въ мундиръ, сшитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на третій день. Тѣло бѣднаго старика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дворовыхъ, готовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ сопровождалъ его, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистеневки въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осеннія листья падали съ деревъ. При выходѣ изъ рощи, увидѣли кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осѣненное старыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой матери; тамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими

отдать послѣднее поклоненіе господину своему. Молодой Дубровскій сталъ у клироса; онъ не плакалъ и не молился; но лицо его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ-же трое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу—всѣ присутствующіе бросили въ нее по горсти песку—яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистеневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причтъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на немъ присутствовать. И такимъ образомъ отецъ Анисимъ, попадья Ѳедотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что, повидимому, ожидало его наслѣдника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣстны всему околотку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія.)

— Что̀ будетъ, то будетъ, сказала попадья: а жаль, если не Владиміръ Андреевичъ будетъ нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.

— А кому-же и быть, какъ не ему, у насъ господиномъ? прервала Егоровна: напрасно Кирила Петровичъ и горячится—не на робкаго напалъ: мой соколикъ и самъ за себя постоитъ, да и Богъ дастъ—благодѣтели его не оставятъ. Больно спѣсивъ Кирила Петровичъ! А небось, поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: вонъ, старый песъ! Долой со двора!

— Ахти, Егоровна, сказалъ дьячекъ: да какъ у Григорія-то языкъ повернулся? я скорѣе соглашусь, кажется, просить на владыку, нежели косо взглянуть на Кирилу Петровича. Какъ увидишь его—страхъ и ужасъ! а спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется...

— Суета суетъ! сказалъ священникъ: и Кирилѣ Петровичу отпоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше, а Богу не все-ли равно?

— Ахъ, батька! и мы хотѣли созвать весь околотокъ, да Владиміръ Андреевичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить... что̀ прикажешь дѣлать? По крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужъ васъ употчую, дорогіе гости.

Это ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шагъ собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ, гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостью стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шелъ, не разбирая дороги; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ—онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достигнулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Бѣдное его достояніе могло отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, на томъ-же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблеклыхъ листьевъ, и живо представлялось ему подобіе жизни—подобіе столь вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣтилъ онъ, что начало смеркаться: онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его къ воротамъ его дома.

На встрѣчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причтомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно пошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою.

— Удались отъ зла и сотвори благо, говорилъ попъ попадьѣ: нечего намъ здѣсь оставаться; не твоя бѣда, чѣмъ-бы дѣло ни кончилось.

Попадья что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышать.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множество народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сюртукахъ, казалось, о чемъ-то толковали.

— Что̀ это значитъ? спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему на встрѣчу: это кто такіе, и что̀ имъ надобно?

— Ахъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ, отвѣчалъ Антонъ, запыхавшись: судъ пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымаютъ насъ отъ твоей милости!...

Владиміръ потупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина.

— Отецъ ты нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки: не хотимъ другого барина, кромѣ тебя. Умремъ, а тебя не выдадимъ. Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся.

— Какъ не такъ, отвѣчалъ кузнецъ.

Въ эту минуту приказные показались въ окна, стараясь выломать двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась — и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.

— Теперь все ладно! сказалъ Архипъ: каково горитъ, а? Чай, изъ Покровскаго славно смотрѣть.

Въ эту минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ куда спрыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаяніе.

— Чему смѣетесь, бѣсенята? сказалъ сердито кузнецъ; Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь, и, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своею добычей полѣзъ внизъ.

— Ну, ребята, прощайте, сказалъ онъ смущенной дворнѣ: мнѣ здѣсь дѣлать нечего, счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ.

Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистеневки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околотку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неосторожности, другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельѣ. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ и утверждали, что виновникомъ этого ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій, побуждаемый гнѣвомъ и отчаяніемъ; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Троекуровъ пріѣзжалъ на другой-же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, засѣдатель земскаго суда, стряпчій и писарь, также какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человѣкъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровскаго и Архипа-кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и вѣроятно главный, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько троекъ, наполненныхъ разбойниками, разъѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, пріѣзжали въ села, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Разсказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ; всѣ были увѣрены, что онъ, а не кто другой, предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному: помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единаго сарая, не остановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностью Троекуровъ приписывалъ это исключеніе страху, который умѣлъ онъ внушить всей губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высокомѣріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ, чтобъ незваные гости посѣтили Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсыпался намеками на счетъ губернатора, исправниковъ и ротныхъ командировъ, отъ которыхъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ наступило 1-е октября, день храмового праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о которыхъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что дочь Кирилы Петровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда

жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣздили къ Кирилѣ Петровичу, котораго обыкновенные разговоры и увеселенія требовали товарищества мужчинъ, а не присутствія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей, пирующихъ у Кирилы Петровича. Огромная библіотека, составленная большей частью изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ «Совершенной Поварихи», не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мими, которой Кирила Петровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать тихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія этого дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мими оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирила Петровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ девяти, напоминавшій полуденныя черты мамзель Мими, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сыномъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши француза-учителя, который и прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ.

Этотъ учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятной наружностью и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилѣ Петровичу аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостью своего француза, не потому, что полагалъ-бы этотъ любезный недостатокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностью, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были свои сомнѣнія, которыя онъ тотчасъ и рѣшился ему объяснить. Для этого велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичъ по-французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ).

— Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и быть, принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвушками не осмѣливался волочиться, не то я его, собачьяго сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Кирила Петровичъ: не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамматикѣ да географіи... переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ отпустилъ своего француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодого француза. Воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ, учитель былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирилы Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сильнѣе, и сильнѣе становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣстъ не отнимали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости. Случалось, что въ телѣгу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божію. Но лучшею шуткою почиталась у Кирилы Петровича слѣдующая:

Проголодавшагося медвѣдя запрутъ, бывало, въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ

только противоположный уголъ могъ быть безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пустынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять прижавшись къ стѣнѣ, и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородныя увеселенія русскаго барина! Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ. Для этого, призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери отворились — двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились—Кирила Петровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичъ хотѣлъ непремѣнно объясненія всему дѣлу. Кто предварилъ Дефоржа о шуткѣ, для него приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Дефоржъ, но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія.

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилѣ Петровичу. Кирила Петровичъ ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣдя и снять съ него шкуру; потомъ, обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ:

— Каковъ молодецъ, не струсилъ, ей-Богу, не струсилъ.

Съ той минуты онъ полюбилъ Дефоржа и не думалъ уже его пробовать.

Но случай этотъ произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено; она видѣла мертваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежатъ одному сословію, и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ отъ часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Дефоржъ вызвался давать ей уроки. Послѣ того читателю не трудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунѣ праздника гости начали съѣзжаться; иные останавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе — у приказчика, третьи —у священника, четвертые—у зажиточныхъ крестьянъ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ девять часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и всѣ потянулись къ новой каменной церкви, построенной Кирилою Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что простые крестьяне не могли помѣститься въ церкви и стояли на паперти и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась: ждали Кирилу Петровича. Онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернею и торжественно пошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и женщинъ обратились на нее—первые удивлялись красотѣ, вторыя со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе пѣли на клиросѣ, Кирила Петровичъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо, ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ и о з и ж д и т е л ѣ х р а м а с е г о.

Обѣдня кончилась. Кирила Петровичъ первый подошелъ къ кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ; сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичъ, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отправился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнялись гостями; поминутно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, одѣтыя по запоздалой модѣ, въ поношеныхъ и дорогихъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ; мужчины толпились около икры и водки, съ шумнымъ разногласіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на восемьдесятъ приборовъ; слуги суетились, разставляли бутылки и графины и прилаживали скатерти. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: кушанье поставлено—и Кирила Петровичъ первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы и важно заняли свои мѣста, наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни стѣснились межъ собою, какъ робкое стадо козочекъ, и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; противъ нихъ помѣстились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь Лафатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Петровичъ весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполнѣ наслаждался счастіемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадьми.

— Это кто? спросилъ хозяинъ.

— Антонъ Пафнутьичъ, отвѣчали нѣсколько человѣкъ.

Двери отворились—и Антонъ Пафнутьичъ Спицынъ, толстый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться.

— Приборъ сюда! закричалъ Кирила Петровичъ: милости просимъ, Антонъ Пафнутьичъ, садись, да скажи намъ, что это значитъ: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ, и покушать любишь.

— Виноватъ, отвѣчалъ Антонъ Пафнутьичъ, привязывая салфетку въ петлицу гороховаго кафтана: виноватъ, батюшка Кирила Петровичъ, я-было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ—что прикажешь? Къ счастью, недалеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа—дѣлать было нечего. Ѣхать ближнимъ путемъ черезъ кистеневскій лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ.

— Эге! перервалъ Кирила Петровичъ: да ты, знать, не изъ храбраго десятка... Чего ты боишься?

— Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичъ? а Дубровскаго-то: того и гляди попадешься ему въ лапы. Онъ—малый не промахъ, никому не спуститъ; а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ.

— За что-жъ, братъ, такое отличіе?

— Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ? а за тяжбу-то покойнаго Андрея Гавриловича. Не я-ли, въ удовольствіе ваше, т. е. по совѣсти и по справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною посвойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего на-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье, замѣтилъ Кирила Петровичъ: я, чай, красная шкатулочка полнымъ-полна.

— Куда, батюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла!

— Полно врать, Антонъ Пафнутьичъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ деньги тратить? Дома живешь свинья-свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь — знай копишь, да и только.

— Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичъ, пробормоталъ съ улыбкою Антонъ Пафнутьичъ: а мы, ей-Богу, разорились,—и Антонъ Пафнутьичъ сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки.

Кирила Петровичъ оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему и сидѣвшему на другомъ концѣ стола, подлѣ учителя.

— А что, господинъ исправникъ, скоро-ль поймаете вы Дубровскаго?

Исправникъ струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм! постараемся. Давно, давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ. Да, правда, зачѣмъ и ловить его? Разбои Дубровскаго—благодать для исправниковъ: разъѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманѣ. Какъ такого благодѣтеля извести? Не правда-ли, господинъ исправникъ?

— Сущая правда, ваше превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ.

Гости захохотали.

— Люблю молодца за искренность, сказалъ Кирила Петровичъ. Такъ, видно, придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго. А жаль покойнаго исправника Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, такъ въ околоткѣ было-бы тише. А что слышно про Дубровскаго. Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?

— У меня, Кирила Петровичъ, пропищалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣми любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея разсказъ.

— Надобно знать, что тому три недѣли послала я приказчика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хотя-бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ и послала ему 2,000 рублей; хоть Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой приказчикъ возвращается блѣденъ, оборванъ и

пѣшъ. Я такъ и ахнула. «Что такое? что съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили. Самъ Дубровскій былъ тутъ, хотѣлъ повѣсить меня, да сжалился и отпустилъ; за то всего обобралъ, отнялъ и лошадь, и телѣгу». Я обмерла. Царь мой небесный! Что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я снова письмо, разсказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

Прошла недѣля, другая. Вдругъ въѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то генералъ проситъ со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій портретъ Кульнева; рекомендуется мнѣ, какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его, чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о томъ, о семъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я разсказала ему свое горе. Генералъ мой нахмурился. «Это странно», сказалъ онъ: «я слышалъ, что Дубровскій нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ дочиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; нѣтъ-ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. «Разскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскій тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить?» Приказчикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги. —Батюшка, виноватъ: грѣхъ попуталъ... солгалъ.—«Коли такъ, отвѣчалъ генералъ: такъ изволь-же разсказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю». Приказчикъ не могъ опомниться. «Ну, что-же, продолжалъ генералъ: разсказывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?»—У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ.—«Что-же сказалъ онъ тебѣ?»— Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешь, зачѣмъ? —«Ну, а послѣ?»—А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги.—«А онъ?»—Ну, а онъ... батюшка, виноватъ!—«Ну, что же онъ сдѣлалъ?»—Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо да и сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту. —«Ну!»—Батюшка, виноватъ! —«Я съ тобою, голубчикъ, управлюсь, сказалъ грозно генералъ: А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровскій самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ обидѣть товарища». Я догадалась, кто былъ его превосходительство: нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали приказчика къ козламъ коляски; деньги нашли; генералъ у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день въ лѣсу, привязаннаго къ дубу и ободраннаго, какъ липку.

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ втайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклифъ.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Петровичъ: очень-же ты ошиблась. Не знаю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскій.

— Какъ, батюшка, не Дубровскій? Да кто-же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и станетъ останавливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

— Не знаю, а ужъ вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ; не знаю, почернѣли-ли у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявый, бѣлокуренькій мальчикъ; но знаю навѣрно, что Дубровскій пятью годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не тридцать пять лѣтъ, а около двадцати трехъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ: у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду двадцать третій годъ.

— А! сказалъ Кирила Петровичъ; кстати: прочтите-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадется, такъ не вырвется.

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностью и сталъ читать на-распѣвъ.

«Примѣты Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей.

«Отъ роду 22 года, роста средняго, лицомъ чистъ, бороду брѣетъ, глаза имѣетъ каріе, волосы русые, носъ прямой. Примѣты особыя: таковыхъ не оказалось».

— И только? сказалъ Кирила Петровичъ.

— Только! отвѣчалъ исправникъ, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай-да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто-же не средняго роста, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: три часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя.

Исправникъ, смиренно положивъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой; между тѣмъ слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бутылокъ горскаго и цимлянскаго громко были откупорены и при-

няты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

— Нѣтъ, продолжалъ Кирила Петровичъ: ужъ не видать намъ такого исправника, какъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичъ! Этотъ былъ не промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а то-бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изо всей шайки. Онъ всѣхъ-бы до единаго переловилъ, да и самъ Дубровскій-бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взять-то-бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлать нечего; видно, мнѣ вступиться въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они и очистятъ воровскую рощу; народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ, отъ разбойниковъ не попятится.

— Здоровъ-ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичъ? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, вспомня при этихъ словахъ о своемъ косматомъ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, которыхъ и онъ былъ когда-то жертвою.

— Миша приказалъ долго жить, отвѣчалъ Кирила Петровичъ: умеръ славною смертью отъ руки непріятеля. Вонъ его побѣдитель! Кирила Петровичъ указалъ на Дефоржа: Вымѣняй образъ моего француза. Онъ отомсталъ за твою... съ позволенія сказать... помнишь?

— Какъ не помнить? сказалъ Антонъ Пафнутьичъ, почесываясь: очень помню. Такъ Миша умеръ—жаль Мишу, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! эдакова медвѣдя другого не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичъ съ великимъ удовольствіемъ сталъ разсказывать подвигъ своего француза, ибо имѣлъ счастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти и съ изумленіемъ посматривали на Дефоржа, который, не подозрѣвая, что разговоръ шелъ о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственныя замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около трехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столь славно начатой въ столовой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Около семи часовъ вечера, нѣкоторые гости хотѣли ѣхать, но хозяинъ, развеселясь отъ пуншу, приказалъ запереть ворота и объявилъ, что до слѣдующаго утра никого со двора не выпуститъ. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились, и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостью молодежи. Старушки играли въ карты. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для танцевъ, были завербованы. Учитель между всѣми отличался; всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирилы Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутьичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры о разбойникахъ взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутьичъ, призывая Господа во свидѣтели въ томъ, что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшалъ; красная шкатулка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Этой только предосторожностью успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры; онъ искалъ глазами надежнаго товарища и выбралъ наконецъ Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о которомъ бѣдный Антонъ Пафнутьичъ не могъ вспомнить безъ содроганія, рѣшили его выборъ. Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнутьичъ сталъ вертѣться около молодого француза, покрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

— Гмъ! гмъ! нельзя-ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что, изволишь видѣть...

— Que désire monsieur? спросилъ Дефоржъ, учтиво ему поклонившись.

— Эхъ, бѣда! ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа ше ву куше, понимаешь-ли?

— Monsieur, très volontiers, отвѣчалъ Дефоржъ, veuillez donner des ordres en conséquence.

Антонъ Пафнутьичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ тотчасъ распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Антонъ Пафнутьичъ пошелъ съ учителемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщалъ дорогу фонаремъ; Антонъ Пафнутьичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться: между тѣмъ, Антонъ Пафнутьичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна, и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкою, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться на то Дефоржу; но знанія его во французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Антонъ Пафнутьичъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Постели ихъ стояли одна противъ другой; оба легли, и учитель потушилъ свѣчу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше? закричалъ Антонъ Пафнутьичъ, спрягая съ грѣхомъ пополамъ русскій глаголъ т у ш у на французскій ладъ. Я не могу дормиръ въ потемкахъ.

Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

— Проклятый басурманъ! проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло, нужно ему было свѣчку тушить. Ему-же хуже. Я спать не могу безъ огня.—Мусье, мусье, продолжалъ онъ, же ве авекъ ву парле.

Но французъ не отвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ. «Храпитъ, бестія французъ, подумалъ Антонъ Пафнутьичъ, а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ: того и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, бестію, и пушками не добудишься».

— Мусье! а мусье!—дьяволъ тебя побери!

Антонъ Пафнутьичъ замолчалъ, усталость и винные пары мало-по-малу превозмогли его боязливость; онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе. Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Антонъ Пафнутьичъ открылъ глаза и, при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра, увидѣлъ передъ собою Дефоржа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ завѣтную суму. Антонъ Пафнутьичъ обмеръ.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се? произнесъ онъ трепещущимъ голосомъ.

— Тише! молчать! отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: молчать! или вы пропали. Я—Дубровскій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Теперь попросимъ у читателя позволенія объяснить послѣдвія происшествія повѣсти нашей предыдущими обстоятельствами, которыя не успѣли мы еще разсказать.

На станціи **, въ домѣ смотрителя, о которомъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ. Бричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькій чемоданъ, тощее доказательство не весьма достаточнаго состоянія. Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ, къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.

— Вотъ Богъ послалъ свистуна, говорила она вполголоса: экъ посвистываетъ! чтобъ онъ лопнулъ, окаянный басурманъ.

— А что? сказалъ смотритель: что за бѣда? пускай себѣ свищетъ.

— Что за бѣда? возразила сердитая супруга: а развѣ не знаешь примѣты?

— Какой примѣты? Что свистъ деньгу выживаетъ? И, Пахомовна! у насъ что свисти, что нѣтъ, а денегъ все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Да отпусти ты его, Сидорычъ. Охота тебѣ его держать. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чорту.

— Подождетъ, Пахомовна; на конюшнѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ. Того и гляди, подоспѣютъ хорошіе проѣзжіе: не хочу своей шеей отвѣчать за француза. Чу! такъ и есть! вонъ скачутъ! Эге-ге! и, да какъ шибко! Ужъ не генералъ-ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ вошелъ къ смотрителю; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкатулку и поставилъ ее на окошко.

— Лошадей! сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель: пожалуйте подорожную.

— Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону... Развѣ ты меня не узнаешь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ. Молодой человѣкъ сталъ расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: «кто такой проѣзжій?»

— Богъ его вѣдаетъ, отвѣчала смотрительша: какой-то французъ: вотъ ужъ пять ча-

совъ, какъ дожидается лошадей, да свищетъ. Надоѣлъ, проклятый.

Молодой человѣкъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-французски.

— Куда изволите вы ѣхать? спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, отвѣчалъ французъ: оттуда отправляюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за-глаза въ учителя. Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но г-нъ смотритель, кажется, судилъ иначе. Въ этой землѣ трудно достать лошадей, г-нъ офицеръ.

— А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы? спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, отвѣчалъ французъ.

— Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?

— Ma foi, monsieur, я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ, что онъ—баринъ гордый и своенравный, жестокій въ обращеніи съ своими домашними, что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (avec les outchitels) онъ не церемонится.

— Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?

— Что-жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3,000 руб. въ годъ, и все готовое. Быть можетъ, я счастливѣе другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ пять лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости; тогда—bon soir, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

— Знаетъ-ли васъ кто-нибудь въ домѣ Троекурова? спросилъ онъ.

— Никто, отвѣчалъ учитель: меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у котораго поваръ мой соотечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я готовился было не въ учителя, а въ кондитеры; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не-въ примѣръ выгоднѣе.

Офицеръ задумался.

— Послушайте, прервалъ онъ француза: что, если-бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10,000 руб. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей-же часъ вы отправились обратно въ Парижъ?

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смотритель.

Слуга подтвердилъ то-же самое.

— Сейчасъ, отвѣчалъ офицеръ: выдьте вонъ на минуту. (Смотритель и слуга вышли.) Я не шучу, продолжалъ онъ по-французски: 10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше отсутствіе и ваши бумаги.

При этихъ словахъ онъ отперъ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что̀ и думать.

— Мое отсутствіе... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ: вотъ мои бумаги... но вы шутите? Зачѣмъ вамъ мои бумаги?

— Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согласны вы, или нѣтъ?

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

— Вашъ паспортъ... хорошо; письмо рекомендательное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи... прекрасно. Ну, вотъ-же вамъ ваши деньги, отправляйтесь назадъ. Прощайте.

Французъ стоялъ, какъ вкопаный. Офицеръ воротился.

— Я-было забылъ самое важное: дайте мнѣ честное слово, что все это останется между нами... честное ваше слово.

— Честное мое слово, отвѣчалъ французъ: Но мои бумаги? Что̀ мнѣ дѣлать безъ нихъ?

— Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрятъ и дадутъ нужныя свидѣтельства. Прощайте; дай Богъ вамъ скорѣе доѣхать до Парижа и найти матушку въ добромъ здоровьѣ.

Дубровскій вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ коляску и поскакалъ.

Смотритель смотрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ:

— Пахомовна! знаешь-ли ты что̀? вѣдь это былъ Дубровскій.

Смотрительша опрометью кинулась въ окошко, но было уже поздно: Дубровскій былъ ужъ далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорычъ! зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде: я-бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный!

Французъ стоялъ, какъ вкопаный. Договоръ съ офицеромъ, деньги—все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тутъ, у него въ карманѣ, и краснорѣчиво твердили ему существенность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Не доѣзжая заставы, у которой, вмѣсто часового, стояла развалившаяся будка, французъ велѣлъ остановиться, вылѣзъ изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ даритъ ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ-же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ французъ отъ предложенія Дубровскаго. Но заключивъ изъ того, что нѣмецъ сошелъ съ ума, ямщикъ поблаго-

дарилъ его усерднымъ поклономъ, и не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, отправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе, котораго хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день утромъ на порожней тройкѣ отправился восвояси, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его тайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать и не строго взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдилъ за музыкальными успѣхами своей ученицы и часто по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодого учителя: Кирила Петровичъ — за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна — за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша — за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе — за доброту и за щедрость, повидимому, несовмѣстную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ его.

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго празднества, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ французѣ таился грозный разбойникъ, котораго имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскій не отлучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло статься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника.

Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, котораго могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскій не могъ удержаться отъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнутьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостиной, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна, а Кирила Петровичъ, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Послѣднимъ явился Антонъ Пафнутьичъ; онъ былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенъ, что видъ его всѣхъ поразилъ и что Кирила Петровичъ освѣдомился о его здоровьѣ. Спицынъ отвѣчалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ поглядывалъ на учителя, который тутъ-же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Черезъ нѣсколько минутъ слуга вошелъ и объявилъ Спицыну, что коляска его готова. Антонъ Пафнутьичъ спѣшилъ откланяться, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. Гости и хозяинъ не понимали, что съ нимъ сдѣлалось, и Кирила Петровичъ рѣшилъ, что онъ объѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака прочіе гости начали разъѣзжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло, и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Петровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодого француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности и тѣмъ успокоивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностью предавалась увлекательной привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но, при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она открыла фортепіано, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскій, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подалъ ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ ту-же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее:

«Будьте сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорить».

Любопытство ея было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было-бы услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувствовала, что ей было-бы неприлично слышать такое объясненіе отъ человѣка, который по состоянію своему не долженъ былъ надѣяться когда-нибудь получить ея руку. Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась

въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя—съ аристократическимъ-ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ-ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ. Между тѣмъ, она поминутно поглядывала на часы. Смерклось; подали свѣчи. Кирила Петровичъ сѣлъ играть въ бостонъ съ пріѣзжими сосѣдами; столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ и черезъ минуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и неторопливымъ. Но Дефоржъ стоялъ уже передъ нею.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ,—что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ-бы въ отчаяніи, если-бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой:

— Надѣюсь, что вы не заставите меня раскаяться въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ.

— Обстоятельства требуютъ... я долженъ васъ оставить, сказалъ онъ наконецъ: вы скоро, можетъ быть, услышите... но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объясниться.

Марья Кириловна не отвѣчала ничего. Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

— Я не то, чтб вы предполагаете, продолжалъ онъ, потупя голову: я не французъ Дефоржъ, я—Дубровскій.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога; вы не должны бояться моего имени. Да, я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно бояться ни за себя, ни за него. Все кончено... я ему простилъ; послушайте: вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ. Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь ему всѣ пути къ бѣгству; въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятію. Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, счастливый мыслью, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ, случай представился... я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастія; ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оставаться. Я разстаюсь съ вами сегодня, сейже часъ... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для иного назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда...

Тутъ раздался сильный свистъ, и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился.

— Простите, сказалъ Дубровскій: меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.

Онъ отошелъ... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ ей нѣжнымъ и трогательнымъ голосомъ, если когда-нибудь несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ обѣщаетесь-ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего для вашего спасенія? Обѣщаетесь-ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздался въ третій разъ.

— Вы меня губите! закричалъ Дубровскій: я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта: — обѣщаетесь-ли вы, или нѣтъ?

— Обѣщаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, всѣ люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали услышала она голосъ Кирилы Петровича и спѣшила войти въ комнаты, опасаясь, чтобъ отсутствіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичъ; гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ.

— Гдѣ ты была, Маша? спросилъ Кирила Петровичъ: встрѣтила-ли ты m-r Дефоржа?

Маша насилу могла отвѣчать отрицательно.

— Вообрази, продолжалъ Кирила Петровичъ: исправникъ пріѣхалъ его арестовать. и увѣряетъ меня, что это—самъ Дубровскій.

— Всѣ примѣты, ваше превосходительство, сказалъ почтительно исправникъ.

- Охъ, братецъ, прервалъ Кирила Петровичъ: убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и мужику: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то-же утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова...

— Французъ застращалъ его, ваше превосходительство, отвѣчалъ исправникъ: и взялъ съ него клятву молчать.

— Вранье, рѣшилъ Кирила Петровичъ: сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ-же учитель? спросилъ онъ у вошедшаго слуги.

— Нигдѣ не найдутъ-съ, отвѣчалъ слуга.

— Такъ сыскать его! закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. Покажи мнѣ твои хваленыя примѣты, сказалъ онъ исправнику, который тотчасъ и подалъ ему бумагу.

— Гмъ! гмъ! двадцать три года и проч. Оно такъ, да это еще ничего не доказываетъ. Что-жъ учитель?

— Не найдутъ, былъ опять отвѣтъ.

Кирила Петровичъ начиналъ безпокоиться: Марья Кириловна была ни жива, ни мертва.

— Ты блѣдна, Маша, замѣтилъ ей отецъ: тебя перепугали?

— Нѣтъ, папенька, отвѣчала Маша: у меня голова болитъ.

— Поди, Маша, въ свою комнату и не безпокойся.

Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

Между тѣмъ француза не находили. Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, громко насвистывая: Громъ побѣды раздавайся. Гости шептались между собой; исправникъ казался въ дуракахъ; француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ скрыться, бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? это оставалось тайною.

Било одиннадцать часовъ, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито исправнику:

— Ну, что? вѣдь не до свѣту-же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ка во-свояси, да впередъ будь расторопнѣе. Да и вамъ пора домой, продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ. Велите закладывать, а я хочу спать.

Такъ немилостиво разстался Троекуровъ съ своими гостями.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейномъ быту Кирилы Петровича.

Въ тридцати верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ отставной маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбатовымъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за-границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отъ роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія, и на третій день по своемъ пріѣздѣ отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около пятидесяти лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Онъ имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ его знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, сталъ угощать его осмотромъ своихъ заведеній и повелъ на псарный дворъ. Но князь чуть не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выйти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Старинный садъ, съ его стриженными липами, четыреугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился: онъ любилъ англійскіе сады и такъ называемую природу; но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, уставъ отъ своей прогулки, и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна — и старый волокита былъ пораженъ ея красотой. Троекуровъ посадилъ гостя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разсказами. Послѣ обѣда Кирила Петровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своей подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ линейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться со своей милой сосѣдкою. Линейку заложили. Старики и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣт-

скаго человѣка, какъ вдругъ Верейскій, обратясь къ Кирилѣ Петровичу, спросилъ у него: «что̀ значитъ это погорѣлое строеніе и ему-ли оно принадлежитъ?» Кирила Петровичъ нахмурился: воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему непріятны. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому? повторилъ Верейскій: какъ, этому славному разбойнику?

— Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ: да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.

— Куда-же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ-ли онъ, живъ-ли онъ?

— И живъ, и на волѣ, и покамѣстъ у насъ будутъ исправники злодѣи съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Кстати, князь! Дубровскій побывалъ вѣдь у тебя въ Арбатовѣ.

— Да, прошлаго года онъ, кажется, что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда-ли, Марья Кириловна, что было-бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романическимъ героемъ?

— Что̀ любопытнаго, сказалъ Троекуровъ: она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя три недѣли училъ ее музыкѣ, да, слава Богу, не взялъ ничего за уроки.

Тутъ Кирила Петровичъ началъ разсказывать повѣсть о мнимомъ французѣ-учителѣ. Марья Кириловна сидѣла, какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень страннымъ и перемѣнилъ разговоръ. Возвратясь, онъ велѣлъ подавать свою карету, и не смотря на усиленныя просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю; но прежде просилъ Кирила Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичъ отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ Арбатову, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроеннымъ во вкусѣ англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстилался овальный густозеленый лугъ, на которомъ паслись швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца и подалъ руку молодой красавицѣ. Они вошли въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора. Князь подвелъ гостей къ окну, и имъ открылся прелестный видъ. Волга протекала передъ окнами; по ней шли нагруженныя барки подъ натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлереи картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего Амфитріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ; на одномъ находили мраморную статую, на другомъ—уединенную пещеру, на третьемъ—памятникъ съ таинственною надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполнѣ удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркаться. Князь, подъ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые разсказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ—и ракета освѣтила небо... Князь подалъ Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ темнотѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ tout les frais князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день поутру разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщаніе вскорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно

*

любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иголкой канва повторяла безошибочно узоры подлинника; не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой—онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошко тихонько протянулась рука, кто-то положилъ на пяльцы письмо и скрылся прежде, нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ.

— Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичъ: скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватается.

Маша остолбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лицо. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ея руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна-ли она сдѣлать его счастіе? Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, сказалъ Кирила Петровичъ: но знаешь, князь, дѣвушкѣ трудно выговорить это слово. Ну, дѣти, поцѣлуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ: осуши свои слезы и воротись къ намъ веселешенька. Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ, продолжалъ онъ, обратясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!.. «Нѣтъ, нѣтъ! повторяла она въ отчаяніи; лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго...» Тутъ она вспомнила о письмѣ и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

«Вечеромъ, въ десять часовъ, на прежнемъ мѣстѣ».

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; изрѣдка подымался вѣтерокъ, и легкій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приблизилась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще никого не было видно; вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею.

Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ: вспомните ваше обѣщаніе.

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша: но не сердитесь—оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

— Я-бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго человѣка.

— Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнію. Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ-же спасу васъ отъ жестокаго отца?

— Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

— Не надѣйтесь по пустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благоразумнаго разсчета; но если возьметъ онъ себѣ въ голову сдѣлать счастіе ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобы на вѣки предать судьбу вашу во власть хилаго мужа?

— Тогда, тогда дѣлать нечего—явитесь за мною—я буду вашей женой.

Дубровскій затрепеталъ; блѣдное лицо покрылось багровымъ румянцемъ и въ ту-же минуту стало блѣднѣе прежняго. Онъ долго молчалъ, потупя голову.

— Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близъ хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не доставитъ вамъ и одной минуты счастья; роскошь утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки на одно мгновеніе; не отставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозъ, пока останется хотя тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если-жъ не будетъ уже другого средства—рѣшитесь на жестокое изъясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту...

Тутъ Дубровскій закрылъ лицо руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала...

— Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ: За васъ отдалъ-бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: Ангелъ, умремъ!—бѣдный! я долженъ остерегаться отъ блаженства, я долженъ отталкивать его отъ себя всѣми

силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того... но чувствую, теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.

Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника —оба молчали... Время летѣло.

— Пора, сказала наконецъ Маша.

Дубровскій какъ-будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо.

— Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, сказалъ онъ: то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что̀ дѣлать.

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Петровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объясненіе. Между тѣмъ, обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился: онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ и ни мало не былъ тронутъ откровенностью своей невѣсты. Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не тратить времени и назначилъ быть свадьбѣ на другой-же день. Князь нашелъ это весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется современемъ заслужить ея привязанность; что мысль отречься отъ нея слишкомъ для него тяжела и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. Затѣмъ онъ почтительно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва онъ выѣхалъ со двора, какъ отецъ ея вошелъ и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца.

— Папенька! закричала она жалобнымъ голосомъ: папенька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что̀ значитъ? сказалъ грозно Кирила Петровичъ: до сихъ поръ ты молчала и была согласна, а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня! повторяла бѣдная Маша: за что̀ гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по прежнему. Папенька, вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Папенька, не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ.

Кирила Петровичъ былъ тронутъ, но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь-ли? Я знаю лучше твоего, что̀ нужно для твоего счастія. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣ завтра будетъ твоя свадьба.

— Послѣ завтра! вскрикнула Маша: Боже мой! Нѣтъ, нѣтъ, невозможно, этому не быть! Папенька, послушайте; если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что̀? что̀? сказалъ Троекуровъ: угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь-ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня стращать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

— Владиміръ Дубровскій, отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичъ подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Добро, сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: жди себѣ, кого хочешь, въ избавители, а покамѣстъ сиди въ этой комнатѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы.

Съ этимъ словомъ Кирила Петровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, что̀ ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что̀ надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей готовленнымъ. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно она желала увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посовѣтоваться. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ, какъ только

станетъ смеркаться. Смеркалось; Маша приготовилась; но дверь ея заперта на ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко и до глубокой ночи сидѣла не раздѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтѣ она задремала; но тонкій сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями, и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась и съ первою мыслію представился ей весь ужасъ ея положенія. Она позвонила, дѣвка пошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смотрѣть за тѣмъ, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не отлучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ этихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую затворницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать случая отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидала маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?

— Я пришелъ, сестрица, узнать отъ васъ, не надобно-ли вамъ чего-нибудь? Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что̀ вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что̀ у бесѣдки?

— Знаю, сестрица.

— Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри-же, чтобъ никто тебя не видалъ.

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ-же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

— Что̀ ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжій, кричалъ Саша: или я проучу тебя по-свойски.

Вмѣсто отвѣта, тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло:

— Воры, воры! сюда, сюда!

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться. Онъ былъ, повидимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнѣе; но Саша былъ увертливѣе. Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на земь и схватилъ его за горло. Но въ это время сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щетинистые волосы, и садовникъ Степанъ приподнялъ его на полъ-аршина отъ земли.

— Ахъ ты, рыжая бестія, говорилъ садовникъ: да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина?

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

— Ты меня схватилъ подъ мышки, сказалъ онъ: а то-бы никогда меня не повалилъ. Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой.

Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ ногъ. Садовникъ снова его схватилъ и связалъ кушакомъ.

— Отдай кольцо! кричалъ Саша.

— Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ: мы сведемъ его на расправу къ приказчику.

Садовникъ повелъ плѣнника на барскій дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаровары, разорванныя и замаранныя зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирилою Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

— Это что̀? спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Петровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

— Ты, повѣса, сказалъ онъ, обратясь къ Сашѣ: за что̀ съ нимъ связался?

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо? изъ какого дупла?

— Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою:

— Тутъ замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розгою, что ты и своихъ не узнаешь.

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степанъ! ступай-ка, да срѣжь мнѣ хорошенькую, свѣжую березовую розгу.

— Постойте, папенька, я все вамъ разскажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дупло, и... и... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать... Степанъ! ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я все разскажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дупло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ...

Кирила Петровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно:

— Чей ты?

— Я дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирилы Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь — добро. А что̀ ты дѣлалъ въ моемъ саду?

— Малину кралъ, отвѣчалъ мальчикъ съ большимъ равнодушіемъ.

— Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малина развѣ растетъ у меня на дубахъ? слыхалъ-ли ты это?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.

— Молчи, Александръ! отвѣчалъ Кирила Петровичъ: не забудь, что я собираюсь съ тобой раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, косой, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не высѣку, и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай. (Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего.) Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

— Добро! сказалъ Кирила Петровичъ: запереть его куда-нибудь, да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агаѳью.

— Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь?—думалъ Кирила Петровичъ, расхаживая по комнатѣ и сердито насвистывая: Громъ побѣды раздавайся. Можетъ быть, я нашелъ его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго!

Между тѣмъ. телѣжка въѣхала на дворъ, и знакомый намъ исправникъ вошелъ въ комнату весь запыленный.

— Славная вѣсть! сказалъ Кирила Петровичъ: я поймалъ Дубровскаго.

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ: гдѣ-же онъ?

— То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ намъ пособитъ поймать своего атамана. Вотъ его и привели.

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ тринадцатилѣтняго мальчика довольно слабой наружности. Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилѣ Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичъ сталъ тутъ-же разсказывать, не упоминая, однако-жъ, о Марьѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминутно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что̀ дѣлалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ.

Кирила Петровичъ повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему исправникъ, посадить тебя въ городской острогъ, выстегать плетьми и сослать потомъ на поселеніе; но я вступился за тебя и выпросилъ тебѣ прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодари-же барина, сказалъ исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и поцѣловалъ у него руку.

— Ступай себѣ домой, сказалъ ему Кирила Петровичъ: да впредь не крадь малины по дупламъ.

Мальчикъ вышелъ, весело спрыгнулъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле, къ Кистеневкѣ. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избушки, первой съ краю, и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлѣба! сказалъ мальчикъ: я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жъ-пропадалъ, бѣсенокъ? отвѣчала старуха.

— Послѣ разскажу, бабушка: ради Бога хлѣба!

— Да войди въ избу.

— Некогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба.

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть, и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба.

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться; Митя пробирался овинами и огородами въ кистеневскую рощу. Дошедши до двухъ сосенъ, стоящихъ передовыми стражами рощи, онъ остановился, оглядѣлся во всѣ стороны, свистнулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто, и сталъ слушать; легкій и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ: кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суетились; въ сараѣ кучера закладывали карету. На дворѣ толпился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, безсмысленно глядясь въ зеркало.

— Скоро-ли? раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича.

— Сію минуту! отвѣчала дама: Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо-ли?

Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего. Двери отворились.

— Невѣста готова, сказала дама Кирилѣ Петровичу: прикажите садиться въ карету.

— Съ Богомъ! отвѣчалъ Кирила Петровичъ, и—взявъ со стола образъ—подойди ко мнѣ, Маша, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: благословляю тебя...

Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... говорила она въ слезахъ, и голосъ ея замиралъ.

Кирила Петровичъ спѣшилъ ее благословить; ее подняли и почти понесли въ карету. Съ нею сѣла посаженая мать и одна изъ служанокъ. Они поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ навстрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностью и страннымъ видомъ. Они вмѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алтаря и тотчасъ-же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ее не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить, что жизнь ея была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами—она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичъ отправился прежде, чтобы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь ни мало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ, проѣхали они около десяти верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей:

— Вы свободны! выходите.

— Что это значитъ? закричалъ князь: кто ты таковъ?...

— Это Дубровскій, отвѣчала княгиня.

Князь, не теряя присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированнаго разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась. Князь, не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить; дверцы растворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолетъ. Надъ нимъ засверкали ножи.

— Не трогать его! закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны! продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.

— Нѣтъ! отвѣчала она: поздно! я обвѣнчана, я—жена князя Верейскаго.

— Что вы говорите! закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: нѣтъ! вы—не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, возразила она съ твердостью: князь—мой мужъ, при-

кажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ.

Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ уздцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за которыми находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, которыхъ по разнообразію одежды и по общему вооруженію можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около братскаго котла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портного, и поминутно посматривалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ этой толпѣ; разбойники отобѣдали; одинъ послѣ другого вставалъ и молился Богу; нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, отряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, прикололъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старинную пѣсню:

Не шуми ты, мать зелена дубравушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показалась у порога.

— Полно тебѣ, Степка, сказала она сердито: баринъ почиваетъ, а ты, знай, горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.

— Виноватъ, Егоровна, отвѣчалъ Степка: ладно, больше не буду. пусть онъ себѣ, батюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ.

Старушка ушла, а Степка сталъ расхаживать по валу.

Въ шалашѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на походной кровати Передъ нимъ на столикѣ лежали его пистолеты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшена была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты, и старушка, поглядывавшая на него изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ-ли онъ, или только задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога, и Степка просунулъ къ нему голову въ окошко.

— Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! закричалъ онъ: наши знакъ подаютъ—насъ ищутъ.

Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе.

— Всѣ-ли здѣсь? спросилъ Дубровскій.

— Всѣ, кромѣ дозорныхъ, отвѣчали.

— По мѣстамъ! закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто

Въ это время трое дозорныхъ прибѣжали къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Что такое? спросилъ онъ.

— Солдаты въ лѣсу, отвѣчали они: насъ окружаютъ.

Дубровскій велѣлъ запереть ворота и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ.

— Готовиться къ бою! сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло.

Тогда услышали шумъ приближающейся команды; оружія блеснули между деревьями; человѣкъ полтораста солдатъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ—одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе; но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли остервенѣлые солдаты, оставя во рву человѣкъ двадцать раненыхъ товарищей. Рукопашный бой завязался. Солдаты уже были на валу—разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничь, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойни-

ки воспользовались этою минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, остановилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обратили уже не на шутку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Отправлена была рота солдатъ, чтобы взять его, мертваго или живого. Поймали нѣсколько человѣкъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни.

—Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ—мошенники и, вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло.

Послѣ этой рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного**. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ этихъ показаній—приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

1832 г.

ИСТОРІЯ СЕЛА ГОРОХИНА.

—

Если Богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть, для нихъ любопытно будетъ узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать исторію села Горохина. Для того долженъ я войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ—и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружилъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ—пустою миѳою, ожидавшею изысканій новаго Нибура. Однако-же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я старался придать какой-нибудь образъ сему таинственному лицу и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ походить на земскаго засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ, ибо насъ распустили передъ вступленіемъ непріятеля... Я возвратился въ деревню. По изгнаніи двухнадесяти языковъ хотѣли меня снова везти въ Москву, посмотрѣть, не возвратился-ли Карлъ Ивановичъ на прежнее пепелище, или, въ противномъ случаѣ, отдать меня въ другое училище; но я упросилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-лѣтняго возраста, оставаясь при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту,—единственная наука, въ которой пріобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ.

Въ это время опредѣлился я юнкеромъ въ** пѣхотный полкъ, въ которомъ и находился до прошлаго 18** года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало пріятныхъ впечатлѣній, кромѣ производства въ офицеры и выигрыша 240 рублей въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль шесть гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспослѣдовавшая почти въ одно время, принудила меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

Эта эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочной дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно

овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика, то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелекъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, чего отъ роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенности любезно. Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ горохинскую рощу и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ,—замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи, «какъ ты постарѣла»—и мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ которыхъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки, и я очутился въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года тому назадъ родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода: я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной. Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ**. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли счетомъ изъ пятнадцати домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но разсказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ, что она сдѣлалась для меня другимъ Новѣйшимъ Письмовникомъ, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую найду строчку. Настоящій-же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся-было за него, но Кургановъ потерялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше ужъ не открывалъ.

Въ такой крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать-ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги и что впослѣдствіи не имѣлъ я случая пріобрѣсти самъ собою то, что̀ было разъ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчиками, а потомъ—переходя изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, провождая время съ жидами и маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи.

Къ тому-же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо намъ, непосвященнымъ, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ-ли я надѣяться попасть когда-нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ отечественной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ Петербургѣ; я прожилъ въ немъ недѣлю и, не смотря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ, въ галлерею 4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ**, игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлаліи, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколада читалъ литературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ критическую статью *Благонамѣреннаго*; нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ гамбургской газеты; я былъ такъ занятъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифштексъ и сѣлъ передо мною; я все читалъ, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ

позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ-же завтракали.

— Знаешь-ли, кто это былъ? сказалъ одинъ другому: это Б..., сочинитель.

— Сочинитель! воскликнулъ я невольно и, оставя журналъ недочитаннымъ и чашку недопитою, побѣжалъ расплачиваться и, не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу.

Смотря во всѣ стороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣтилъ мнѣ, что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться. Послѣ этого выговора я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня впередъ. Отъ роду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною, отъ роду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель.

— Позвольте спросить, сказалъ я, приставя ко лбу руку: вы г. Б., котораго прекрасныя статьи имѣлъ я счастіе читать въ Соревнователѣ Просвѣщенія?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а стряпчій; но Б. мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста.

Такимъ образомъ уваженіе мое къ русской литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ-бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ) были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ отечественной исторіи. Недолго искалъ я себѣ героя—выбралъ Рюрика—и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: Критику на Московскій бульваръ, на Прѣсненскіе пруды, Опаснаго сосѣда и т. д. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ не мой родъ, и началъ трагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня—я началъ и благополучно окончилъ: надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что «надпись» моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодого стихотворца, однако-жъ я почувствовалъ, что я не рожденъ поэтомъ, и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ, не повинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію».

Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти; но, не умѣя съ непривычки расположить вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя эти повѣсти, мало-по-малу, образовалъ я свой слогъ и пріучился выражаться правильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ происшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую исторію я могъ написать съ моей жалкой образованностію? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи? Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану-ли писать исторію всемірную: но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ аббата Милота? Обращусь-ли къ исторіи отечественной: что̀ скажу я послѣ Татищева, Болтина, Голикова? И мнѣ-ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до сокровеннаго смысла обветшалаго языка̀, когда не могъ я выучиться цифрамъ славянскимъ? Я подумалъ объ исторіи меньшаго объема, напр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій, для меня неодолимыхъ! Поѣздка въ городъ, визиты къ гу-

бернатору и къ архіерею, просьба о допущеніи въ архивы и въ монастырскія кладовыя, и пр. Исторія уѣзднаго нашего города была-бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика и представляла мало пищи краснорѣчію. ** былъ переименованъ въ городъ въ 17** году, и единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: «книги! книги!»—«Книги!» повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Это было собраніе старыхъ календарей. Это открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все-же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиною серебра.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вплетаемые въ календари, были всѣ исписаны старинньмъ почеркомъ. Бросая взоръ на эти строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что онѣ заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные счеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ этихъ драгоцѣнныхъ записокъ и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей вотчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ этого заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе этихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоцѣнными этими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина, и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду—и съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 3 дня 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкоторый мнѣ подобный историкъ, котораго имени я не запомню, окончивъ свой трудный подвигъ, кладу перо и съ грустью иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить!

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей, 55 частей. Первыя двадцать частей исписаны старинньмъ почеркомъ съ титлами. Лѣтопись эта сочинена прадѣдомъ моимъ, Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностью и краткостью слога, напримѣръ: 4-го мая снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6-го—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8-го—погода ясная. 9-го—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10-го Тришка за пьянство битъ... и тому подобное, безо всякихъ размышленій. 11-го—погода ясная, пороша; затравилъ трехъ зайцевъ.—Остальныя 35 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ, съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; коегдѣ замѣтна женская рука. Въ это отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки приказчика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись горохинскаго дьячка. Эта любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣтьми священника на такъ называемые змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ-было возвратить дѣтямъ, какъ замѣтилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастью, успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись эта, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдѣя-старосты, бывшей, говорятъ, любовницею приказчика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

1830 г.

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

СТАРОСТА ТРИФОНЪ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ

жители его были зажиточны, что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Приказчиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщаться этою очаровательною картиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только, что люди никогда не довольны настоящимъ и, по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что̀ достовѣрно: село Горохино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими отчинами, не обращали вниманія на эту отдаленную страну. Горохино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣчѣ, мірскою сходкою называемомъ.

Въ теченіе этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витійствовали, міръ волновался, а господа, вмѣсто двойного оброка, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

Мрачная туча висѣла надъ Горохинымъ, а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день храмового праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысаго, въѣхала въ село ямская крытая бричка, заложенная парою клячъ едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ картузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ. Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками. (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ еврейскимъ возницею и восклицали смѣхотворно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... Лѣтопись дьячка.) Сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Этотъ сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ оное читать немедленно. Старосты горохинскіе имѣли обыкновеніе никогда ничего сами не читать. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ и привели къ незнакомцу. Но, или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма, четко написаннаго, показались ему отуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ

Горохинцы съ изумленіемъ смотрѣли на это необыкновенное происшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты. День кончился шумно и весело — и Горохино заснуло, не предвидя, что̀ ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей вѣчевою площадью. Глаза ихъ были мутны и красны, лица опухлы; они, зѣвая и почесываясь, смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы,—и старались припомнить черты его, когда-то ими видѣнныя. Староста и земскій Авдѣй стояли подлѣ него безъ шапокъ, съ видомъ подобострастія и глубокой горести.

— Всѣ-ли здѣсь? спросилъ незнакомецъ.

— Всѣ-ли ста здѣсь? повторилъ староста.

— Всѣ-ста, отвѣчали граждане, а староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть во услышаніе міра.

Авдѣй выступилъ и прочелъ слѣдующее. (NB. Эту грозновѣщую грамоту списалъ я у Трифона старосты; у него-же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горохинымъ)

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный**, ѣдетъ въ отчину мою село Горохино для поступленія въ управленіе онаго. Немедленно по его прибытіи собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего** имъ, мужикамъ, слушаться, какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно; въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостью. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плутовское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда **, растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта, произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: «Смотрите-жъ вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народъ избалованный, да я, не-

бось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля».

Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

ПРАВЛЕНІЕ ПРИКАЗЧИКА **.

** принялъ бразды правленія. Онъ потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ ея была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели: 1. Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостью. 2. Недостаточные и праздколюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если-же, по его разсчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что эти платили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться, заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство-же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ него по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли. Половина мужиковъ были на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру и день храмового праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

ИЗЪ ГОРОХИНСКАГО ЛѢТОПИСЦА.

Посадилъ окаянный приказчикъ Антона Тимоѳеева въ желѣзы, а старикъ Тимоѳей сына откупилъ за 100 руб.; а приказчикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб.; а хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ, и приказчикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ: а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Страна (Горохинымъ называемая, по имени столицы своей; число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховымъ и Перкуховымъ (коего обитатели бѣдны, тощи и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ—сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйной жестокостью нравовъ; къ западу облегаютъ ее цвѣтущія поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властью мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканіе лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото и называется Б ѣ с о в с к и м ъ. Разсказываютъ, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней недалече отъ сего уединеннаго мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса; но эта сказка недостойна вниманія историка, и послѣ Нибура непростительно было-бы тому вѣрить.

Издревле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенными климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роща и еловый лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ, представляютъ они пріятную, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами, поднятыми нѣсколько вверхъ, выпуклыми скулами и дородностью.

NB. Б а б а з д о р о в е н н а я. Это выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околоткѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ

трудовъ и не уступятъ имъ въ отважности: рѣдкая изъ нихъ боится старосты. Онѣ составляютъ мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются *копейщицами* (отъ словенскаго слова *копье*). Главная обязанность копейщицъ—какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Этому способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ скандинавамъ, а въ прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ нижнее платье до колѣнъ.

Языкъ горохинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь-же разнится отъ него, какъ и русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями: нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены, или замѣнены другими. Однакожъ, русскимъ легко понять горохинца, и обратно.

Мужчины женятся обыкновенно на 13 году на дѣвицахъ 20-ти лѣтнихъ. Жены били своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья ужѣ начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти—покойника относили на кладбище, дабы мертвый въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ этого случалось, что, къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробѣ за околицу. Жены оплакивали мужьевъ, воя и приговаривая: «свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?»—При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два-три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Эти древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимою носили они овчинные тулупы, но болѣе для красы, нежели изъ настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ, всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентьѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околоткѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ паспортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искусство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою, ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ) важную роль въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ горохинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ елкою и изображеніемъ двуглаваго орла.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горохинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Эти пѣсни заимствованы большею частью изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но приноровленныхъ очень искусно къ нравамъ горохинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ. Приведемъ въ примѣръ это сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ
Бояриву подаетъ;
А бояринъ смотритъ.
Ничего не смыслитъ.
Ахъ ты, староста Акимъ!
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идиліи Сумарокова, и хотя въ щеголеватости слога и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но равняются съ ними затѣйливостью и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властью старшинъ, выбранныхъ міромъ, приказчиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и, наконецъ, непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія будутъ развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію...

1831 г.

РОСЛАВЛЕВЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕИЗДАННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДАМЫ.

(1811 годъ).

Читая «Рославлева», съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ несчастной женщины, выбранной Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленныя временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни, и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антресоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселій со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла. Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною въ свѣтъ, отличалась княжна ** (Загоскинъ назвалъ ее Полиною; оставляю ей это имя). Мы скоро подружились—вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малый, принадлежалъ къ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ иностранной коллегіи и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши дома. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что̀ хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключъ и звѣзду, впрочемъ, былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностью и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками. Съ нею любезничали; но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея греческому лицу и къ черным бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лицо.

Полина чрезвычайно много читала и безъ всякаго разбора. Ключъ отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большей частью состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескье до романовъ Кребильона была ей знакома. Руссо знала она наизусть. Въ библіотекѣ не было ни одной русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала русскую печать, и вѣроятно ничего по-русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей московскими стихотворцами.

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто-бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять пошлыя обвиненія: мы всѣ прочли его, и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на французскій языкъ). Дѣло въ томъ, что мы и рады-бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя-же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только Исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ; между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ которомъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на жалобы русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлера и не довольствуемся произведеніемъ костромскихъ модистокъ...

Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Однакожъ, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое

впечатлѣніе. Эта путешественница—m-me de Stael.

Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣдъ. Мужчины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее и были по большей части недовольны ею. Они видѣли въ ней пятидесяти-лѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій m-me de Stael еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу «Коринны». Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою m-me de Stael. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и m-me de Stael. Ждали отъ нея поминутно bonmot; наконецъ вырвалось у нея двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину: лицо ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ m-me de Stael. Она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

— Что съ тобою сдѣлалось, ma chère? спросила я Полину: неужели шутка немножко вольная могла до такой степени тебя смутить?

— Ахъ, милая, отвѣчала Полина: я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны: она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіе цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились... Я сгорѣла со стыда и готова была заплакать... Но пускай, съ жаромъ продолжала Полина: пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго она достойна. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ, и понимаетъ его. Ты слышала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который, изъ угожденія къ иностранкѣ, вздумалъ было смѣяться надъ русскими бородами? «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову». Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другіе проницательные глаза остановились на ней въ ту-же самую минуту: черные глаза самой m-me de Stael. Не знаю, что подумала она, но только она подошла послѣ обѣда къ моей подругѣ и съ нею разговорилась. Чрезъ нѣсколько дней m-me de Stael написала ей слѣдующую записку:

«Ma chère enfant, je suis toute malade. Il serait bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de m-me votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie. De S».

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ m-me de Stael, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь-же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это въ одномъ очень порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть, замѣтили мнѣ, m-me de Stael была не что иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія». — Помилуйте, сказала я: m-me de Stael, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая m-me de Stael, насилу убѣжавшая подъ покровительство русскаго императора, m-me de Stael, другъ Шатобріана и Байрона, m-me de Stael будетъ шпіономъ у Наполеона!...— «Очень, очень можетъ статься, возразила мнѣ востроносая графиня Б.: Наполеонъ былъ такая бестія, а m-me de Stael — претонкая штука».

— —

Всѣ говорили о близкой войнѣ, и, сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педантствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ и шутили надъ нашими неудачами. Къ несчастію, заступники отечества были немного простоваты; они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выход-

ками противъ Кузнецкаго моста и т. п. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса, и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась.

— Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю.

Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость.

— Помилуй, сказала я однажды: охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта.

Глаза ея засверкали.

— Стыдись, сказала она: развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужей? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ! Я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на m-me de Stael. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельской силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостью при приближеніи французской арміи: «будьте покойны, сударыня; Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, а не противу васъ»... Да! Если-бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его-бы пустили гулять по Пале-Роялю; но m-me de Stael въ такомъ случаѣ умерла-бы въ государственной темницѣ. А Шарлота Кордэ? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостью души и рѣшительностью.

Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы, къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума! Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes..

Пріѣздъ государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя маменьки послѣ того замѣтили, что графъ ужъ не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеньи. Полина бредила имъ.

— Вы чѣмъ пожертвуете? спросила она разъ у моего брата.

— Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса: у меня всего на все 30.000 долгу; приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества.

Полина разсердилась.

— Для нѣкоторыхъ людей, сказала она: и честь и отечество—все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется-ли женщина довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви.

Братъ мой вспыхнулъ.

— Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ: вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ m-me de Stael и говорили бы вамъ тирады изъ «Коринны». Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ.

Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю, что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ-же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отсрочила свою свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали; Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговори-

ли матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ***скую деревню.

Мы пріѣхали въ **, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ губернскаго города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякій день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ арміи приходили почти каждый день; старушки искали на картѣ мѣстечка бивакъ и сердились, не находя его. Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Ростопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми, которыхъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти нелѣпыя и новости неосновательныя, она впала въ глубокое уныніе. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ,—мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни и явиться въ лагерь... Мнѣ не трудно было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія...

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобъ жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по-московскому, давалъ обѣды, завелъ théâtre de société, гдѣ разыгрывались французскія proverbes, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны—правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Четвертый былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 26 лѣтъ; онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было пріятно, тонъ очень хорошій мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностью. Онъ говорилъ мало; но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько-же безпокоило Наполеона, какъ и ожесточало русскихъ.

— Но вы, спросила его Полина: развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости вашего императора?

Синекуръ (назову-жъ и его именемъ, даннымъ ему Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была-бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что стремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 г., кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго.

— Конченъ! возразила Полина: а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ.

— Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; они были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами.

— Признайся, говорила она, что твой Алексѣй — препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего не значущія письма; какова-же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни?

Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таковое мнѣніе вездѣ было-бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые, Богъ знаетъ, чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по-шепту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что̀ было причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила, что онъ глубоко чувствовалъ

ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку.

— Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ: княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество.

Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи; мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила.

— Москва взята! сказала она мнѣ, не отвѣчая на поклонъ Синекура.

Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза.

— Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія: ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву—Москва горитъ уже два дня.

— Чтò вы говорите, закричалъ Синекуръ: не можетъ быть!

— Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо: можетъ быть, увидите зарево.

— Боже мой! онъ погибъ, сказалъ Синекуръ: какъ? развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: русскіе, русскіе зажгли Москву!—Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; но чтò будетъ съ нами, чтò будетъ съ нашимъ императоромъ?

Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться.

— Неужели, сказала она: Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы—нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно—честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу.

Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за отечество.

— Ты знаешь? сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: твой братъ... онъ счастливъ, онъ не въ плѣну—радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи...

Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія.

1831 г.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ—и, тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ—и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровьѣ, благодарилъ за ревность къ ученію—и крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью французовъ того времени. Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью, важностью и приличіемъ двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастью, не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайной для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Law; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гибла; французы смѣялись и разсчитывали—и государство распадалось подъ игривые припѣвы сатирическихъ водевилей.

Между тѣмъ общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность—все, чтò подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философія оставляли тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обо-

женія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое къ нимъ почтеніе. Проказы герцога Ришельё, Алкивіада новѣйшихъ Аѳинъ, принадлежатъ исторіи и даютъ понятіе о нравахъ того времени.

Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le nègre du czar и ловили его на перехватъ. Регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостью Аруэта и старостью Шольё, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первaго представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль—промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на простоту петербургскаго двора—не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу: молодой африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцати лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за человѣка, котораго она не успѣла полюбить и который впослѣдствіи о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что̀ и старался онъ дать почувствовать всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодого негра, какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами—и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужого, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ, и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что̀ придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ понравился графинѣ L., которой надоѣли важныя шутки и тонкіе намеки французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ наружности молодого негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудреныхъ париковъ ея гостиной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ и строенъ—и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда-же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣть графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милостью неба. Графиня прежде, нежели онъ самъ, угадала его чувства. Что̀ ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ разсчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность—и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ одобрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣряя самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его страсти, хотѣла противопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія, она сама ослабѣвала... Неосторожныя вознагражденія слѣдовали одно за другимъ. И наконецъ, увлеченная силою страсти, ею-же внушенною, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини стала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность.

Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ нетерпѣливо и не зналъ, чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. Графиня съ отчаяніемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата. Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мужчины бились объ закладъ, кого родитъ графиня: бѣлаго-ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались насчетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ тѣмъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шопотъ служанки и приказанія доктора.

Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка—и не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежалъ на постели въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ роженицы. Ибрагимъ уѣхалъ, немного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшиться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно должна дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, погибель графини была неизбѣжна. Ибрагимъ любилъ страстно и такъ-же былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуту ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны—и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ, и темное чувство собственнаго долга.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить обольщенную имъ женщину. Графиня часъ отъ часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо него, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію.

—Подумайте о томъ, чтò дѣлаете, сказалъ ему герцогъ: Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, оставьтесь во Фран-

ціи, за которую уже вы проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.

Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи.

— Жалѣю, сказалъ ему регентъ: но, впрочемъ, вы правы.

Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духу ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостью. Послѣ ужина всѣ разъѣхались. Остались въ гостиной графиня, ея мужъ да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы только остаться съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали

Bonne nuit, сказала наконецъ графиня.

Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно.

— Bonne nuit, messieurs, повторила графиня.

Онъ все не двигался... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась; онъ едва могъ выйти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо:

«Я ѣду, милая Леонора; оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому что не имѣю силъ иначе съ тобой объясниться. Счастье мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты, когда, казалось, забывалъ я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностью... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ-то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно побѣдила-бы тебя, смирила-бы твою пламенную душу—и ты, наконецъ, устыдилась-бы своей страсти... Что было-бъ тогда со мной? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все, что ты вытерпѣла,—всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ-ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ-же волненіямъ и опасностямъ? Зачѣмъ силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбой негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человѣка?

«Прости, Леонора; прости, милый, единственный другъ. Оставляю тебя, оставляю первыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю отечества, ни ближнихъ; ѣду въ Россію, гдѣ мнѣ отрадой будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этого письма, какъ будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоемъ вѣрномъ Ибрагимѣ».

Въ ту-же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностью. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, не смотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра—и въ 17 дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго росту, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову.

— Ба, Ибрагимъ! закричалъ онъ, вставая съ лавки: здорово, крестникъ!

Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову.

— Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ, сказалъ Петръ: и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня.

Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности.

— Вели же, продолжалъ государь: твою повозку везти за нами, а самъ садись со мной — и поѣдемъ ко мнѣ.

Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ—и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой

воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, такъ называемаго Царицына Сада.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ:

— Узнала-ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его по-прежнему.

Екатерина устремила на него черные, проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія, какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру.

— Лиза, сказалъ онъ одной изъ нихъ: помнишь-ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его.

Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ-бы подозрѣвать героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ; молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища, — и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два.

— Посмотримъ, сказалъ онъ Ибрагиму: не забылъ-ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мной.

Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ поочереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній.

Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, чтобы справиться, все-ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму:

— Ужъ поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслью. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностью и тайнымъ уныніемъ. Мысль—быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа—возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ этомъ расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель—и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ которой онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякій по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные—слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные вопросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утвер-

ждающаго морское величіе Россіи; видалъ его съ Ѳеофаномъ, Гавріиломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, въ часы отдохновенія разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни. Труднѣе было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея и уныніе... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разсѣяніе большого свѣта, новая связь, другой счастливецъ—онъ содрогался; ревность начинала бурлить въ африканской его крови — и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостью оборотился—и молодой Корсаковъ, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями.

— Я сейчасъ только пріѣхалъ, сказалъ Корсаковъ: и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи. Графиня L. велѣла звать тебя непремѣнно, и вотъ тебѣ отъ нея письмо.

Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ.

— Какъ я радъ, продолжалъ Корсаковъ, что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена-ли у васъ хоть опера?

Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ, что, вѣроятно, государь работаетъ теперь на корабельной верфи. Корсаковъ засмѣялся.

— Вижу, сказалъ онъ, что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся досыта; ѣду представляться государю.

Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости.

«Ты говоришь, писала она, что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! если-бъ это была правда, могъ-ли-бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоемъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала; будь увѣренъ, что, не смотря на мою любовь, я умѣла-бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что почитаешь ты своимъ долгомъ».

Графиня заключила письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цѣлуя безцѣнныя строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что-нибудь о графинѣ и собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще Корсакова; но дверь отворилась, и самъ Корсаковъ явился опять. Онъ уже представлялся государю—и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ.

— Entre nous, сказалъ онъ Ибрагиму: государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось. Однакожъ государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ—совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста, будь сегодня моимъ менторомъ, заѣзжай за мной и представь меня.

Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному.

— Ну, что графиня L.?

— Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало по малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Что-же ты вытаращилъ свои арапскіе бѣлки? Или это кажется тебѣ страннымъ? Развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь-же за мною заѣхать.

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? отчаянье? нѣтъ; но глубокое, стѣсненное уныніе. Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и громко заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ-бы очень радъ избавиться, но ассамблея была—дѣло должностное, и государь строго требовалъ при-

сутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу.

— Такъ рано? сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его.

— Помилуй! отвѣчалъ тотъ: ужъ половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ.

Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ-камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней на-скоро пудрили парикъ; его принесли; Корсаковъ всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы—и они поѣхали въ зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ,—свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ скорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывныхъ звукахъ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяло на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на этихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома.

Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. Корсаковъ не могъ опомниться.

— Que diable est ce que tout cela? спрашивалъ Корсаковъ вполголоса у Ибрагима.

Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Корсаковъ, желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ Корсакова, какъ онъ около нихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и Корсаковъ.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукахъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. Корсаковъ, смотря на это затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ.

Корсаковъ обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. Корсаковъ къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, чтò ему

сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. Корсаковъ ждалъ ея рѣшенія: но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на середину залы и важно сказалъ:

— Государь мой, ты провинился; во-первыхъ, подошелъ къ этой молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно: долженъ выпить кубокъ большого орла.

Корсаковъ часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполнѣннымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону.

— Ага! сказалъ Петръ, увидя Корсакова, попался, братъ. Изволь-же, мосье, пить и не морщиться.

Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу.

— Послушай, Корсаковъ, сказалъ ему Петръ: штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это — мотовство: смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.

Выслушавъ сей выговоръ, Корсаковъ хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Этотъ эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. Корсаковъ не могъ участвовать въ общемъ весельѣ. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго, подошла къ Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ Корсакова, вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою Корсаковъ сначала невнятно лепеталъ: «проклятая ассамблея!.. проклятый кубокъ большого орла!..», но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданья, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ Ржевскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту, дворня его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ: по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духа и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться плясками нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Этотъ заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостью выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка Корсакова, который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который прозвалъ его остроумно — французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ старину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесяти-лѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцати-лѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный танцмейстеръ въ

синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью. Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ:

— А гдѣ-же Екимовна? Позвать ее сюда!

Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя стороны, но въ ту-же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ робронде, съ открытой шеей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— Здравствуй, Екимовна, сказалъ князь Лыковъ: каково поживаешь?

— По-добру, по-здорову, кумъ; поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

— Гдѣ ты была, дура? спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру.

При этихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ, сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая.

— Подлинно, нынѣшніе наряды—на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ, и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ—нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть—сущія мученицы, мои голубушки!

— Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна! сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3,000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. По мнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кутафьей, хоть болдыханомъ, только-бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ; а нынѣшнія робронды — поглядишь: сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!

При этихъ словахъ онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильинишну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали, ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностью молодой женщины.

— А кто виноватъ? сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей: не мы-ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

— А что намъ дѣлать, коли не наша воля? возразилъ Кирила Петровичъ: иной-бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.

Марья Ильинишна сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у ней такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкой, что находитъ онъ дурного въ ассамблеяхъ?

— А то въ нихъ дурно, отвѣчалъ разгоряченный супругъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ-бы мужу угодить, а какъ-бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично-ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано-ли дѣло до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами! и добро-бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!

— Сказалъ-бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ: а признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по нраву—того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью, а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича Корсакова на прошедшей ассамблеѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ—ужъ не князя-ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось, не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца—куды! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... ассамблея... пардонъ». Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять Корсаковъ, сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу возстановилось. —А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчія, не почитать старшихъ да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!), царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— Ахти-батюшки, князь, сказала Татьяна Аѳанасьевна: видѣла, видѣла его близехонько: какая-жъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять-ли обезьяна заморская? Вы чтò зѣваете, скоты? продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— Старая борода, не бредишь-ли? прервала дура Екимовна: али ты слѣпъ?—сани-то государевы; царь пріѣхалъ.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего денщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ-бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости.

— Здорово, господа! сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ.

Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча.

— Ты часъ отъ часу хорошѣешь, сказалъ ей государь, и по своему обыкновенію поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: чтò-же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали? прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.

Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ денщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ тѣмъ шумно оживленный весельемъ и говорливостью, продолжался въ тишинѣ и принужденности.

Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностью, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости.

— Гаврила Аѳанасьевичъ, сказалъ онъ хозяину: мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ,—и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ за собою дверь.

Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода государева.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе сбирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу, и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ вполголоса слѣдующій разговоръ.

— Недаромъ государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?

— Какъ намъ знать, батюшка-братецъ! сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ-ли тебѣ царь вѣдать какое-либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предложилъ быть въ отвѣтѣ? что-же? вѣдь не однихъ дьяковъ—и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ зять, нахмурясь: я—человѣкъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный русскій дворянинъ стóитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ, да басурмановъ. Но это статья особая.

— Такъ о чемъ-же, братецъ, сказала Татьяна Аѳанасьевна: изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда-ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

— Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что-же такое, братецъ? О чемъ дѣло?

— Дѣло о Наташѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.

—Слава Богу! сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь: дѣвушка на-выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого-же царь ее сватаетъ?

- Гм! крякнулъ Гаврила Аѳанасьевичъ: за кого? то-то, за кого!

— А за кого-же, повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

—Отгадайте, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ.

— Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать! Мало-ли жениховъ при дворѣ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что-ли?

— Нѣтъ, не Долгорукій.

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

— Нѣтъ, ни тотъ, ни другой

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что-же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого-же царь сватаетъ Наташу?

— За арапа Ибрагима.

Старушка ахнула и всплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ:

— За арапа Ибрагима?

- Батюшка - братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному дьяволу!

— Но какъ-же, возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: отказать государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

— Какъ! воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

— Онъ роду не простого, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: онъ сынъ арапскаго султана. Бусурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Цареградѣ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его царю. Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и.....

— Батюшка, Гаврила Аѳанасьевичъ! перервала старушка: слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича! Разскажитко намъ лучше, какъ отвѣчалъ государю на его сватанье.

— Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопье дѣло повиноваться ему во всемъ.

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аѳанасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ — дверь отворилась, и увидѣли Наташу въ обморокѣ, простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ея отцомъ: какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аѳанасьевичъ отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѣ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда-же услышала послѣднія отцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ, и, падая, ударилась головою о кованый сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Наташу подняли, понесли въ ея свѣтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапѣ, о свадьбѣ и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ:

— Валерьянъ, милый Валерьянъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ они!....

Татьяна Аѳанасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусивъ губы, и молча вышелъ изъ свѣтлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лѣстницу, оставался внизу.

— Что̀ Наташа? спросилъ онъ.

— Худо, отвѣчалъ огорченный отецъ: хуже, нежели я думалъ: она въ безпамятствѣ бредитъ Валерьяномъ.

— Кто этотъ Валерьянъ? спросилъ встревоженный старикъ: неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

— Онъ самъ на бѣду мою! отвѣчалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волченка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ стоялъ, какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѣтъ... Но рѣшено: она выйдетъ за арапа.

Князь Лыковъ не противорѣчилъ: это было-бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аѳанасьевна осталась у Наташиной постели; Гаврила Аѳанасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ стало тихо и печально.

—

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима по крайней мѣрѣ столько-же, какъ и Гаврилу Аѳанасьевича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему:

— Я замѣчаю, братъ, что ты пріунылъ: говори прямо, чего тебѣ не достаетъ?

Ибрагимъ увѣрялъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ.

— Добро, сказалъ государь: если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселить.

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима:

— Нравится-ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцовалъ менуэтъ на прошедшей ассамблеѣ?

— Она, государь, очень мила и, кажется, дѣвушка скромная и добрая.

— Такъ я-жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь-ли ты на ней жениться?

— Я, государь?...

— Послушай, Ибрагимъ: ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ русскимъ боярствомъ.

— Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мнѣ не пережить моего царя и благодѣтеля — болѣе ничего не желаю: но если-бъ я имѣлъ въ виду жениться, то согласится-ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность...

— Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Ржевскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ.

При этихъ словахъ государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Жениться! думалъ африканецъ: зачѣмъ-же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка, потому только, что я родился подъ знойнымъ градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Ржевскою присоединитъ меня къ гордому русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностью, а дружбу пріобрѣту постоянной нѣжностью, довѣренностью и снисхожденіемъ».

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ.

— Все, братъ, кончено! сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но, смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь, продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою: заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ которомъ блистали золотые и серебряные оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ завѣшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы.

— Кто здѣсь? произнесъ слабый голосъ.

Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо подняла пологъ.

— Скоро-ли разсвѣтетъ? спросила Наталья.

— Теперь уже полдень, отвѣчала служанка.

— Ахъ, Боже мой, отчего-же такъ темно?

— Окна закрыты, барышня.

— Дай-же мнѣ поскорѣе одѣваться.

— Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ.

— Развѣ я больна? давно-ли?

— Вотъ уже двѣ недѣли.

— Неужто? а мнѣ казалось, будто я вчера только легла...

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянныя мысли: что-то съ нею случилось, но что̀ именно—не могла вспомнить. Служанка стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ.

— Что̀ такое? спросила больная.

— Господа откушали, отвѣчала служанка: встаютъ изъ-за стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аѳанасьевна.

Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами и спросила вполголоса:

— Что̀ Наташа?

— Здравствуй, тетенька, сказала тихо больная, и Татьяна Аѳанасьевна къ ней поспѣшила.

— Барышня въ памяти, сказала служанка, осторожно придвигая кресла.

Старушка со слезами поцѣловала блѣдное, томное лицо племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею нѣмецъ-лекарь, въ черномъ кафтанѣ, въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Натальи пульсъ и объявилъ по-латыни, а потомъ по-русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницу, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ; а старушка встала и, снова поцѣловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстью внизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ. Корсаковъ, растянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча этимъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аѳанасьевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки.

— Васъ зовутъ, Гаврила Аѳанасьевичъ, сказалъ Корсаковъ, оборотясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима.

Гаврила Аѳанасьевичъ тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

— Дивлюсь твоему терпѣнію, сказалъ Корсаковъ Ибрагиму: битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія! На твоемъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго враля и весь его родъ, включая тутъ-же и Наталью Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной, — une petite santé. Скажи по совѣсти: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія.

— Послушай, Ибрагимъ, сказалъ Корсаковъ послѣдуй хоть разъ моему совѣту; право, я благоразумнѣе, нежели кажусь. Брось эту блажную мысль—не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало-ли что̀ случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я конечно собою недуренъ, но случалось однакожъ мнѣ обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ..... помнишь нашего парижскаго пріятеля, графа L.? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; счастливъ, кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!... Съ твоимъ-ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ-ли сплющеннымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой-ли шершавой головой бросаться во всѣ опасности женитьбы?...

— Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибрагимъ: но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать...

— Смотри, Ибрагимъ, отвѣчалъ смѣясь Корсаковъ: чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячъ.

— Ты уморишь ее, говорила старушка: она не вынесетъ его виду.

— Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двѣ недѣли ѣздитъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣсты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь— пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдѣлаться. Да что̀ скажетъ и царь? Онъ ужъ и такъ три раза присылалъ спросить о здоровьѣ Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ.

— Господи Боже мой, сказала Татьяна Аѳанасьевна: что̀ съ нею, бѣдною, будетъ! По крайней мѣрѣ, пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію.

Гаврила Аѳанасьевичъ согласился и опять вошелъ въ гостиную.

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась. Натальѣ гораздо лучше; если-бъ не совѣстно было оставить здѣсь одного дорогого гостя Ивана Евграфовича, то я повелъ-бы тебя вверхъ взглянуть на твою невѣсту.

Корсаковъ поздравилъ Гаврила Аѳанасьевича, просилъ не безпокоиться, увѣрялъ, что ему не-

обходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тѣмъ, Татьяна Аѳанасьевна спѣшила приготовить больную къ появленію страшнаго гостя. Войдя въ свѣтлицу, она сѣла, задыхаясь, у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аѳанасьевичъ отдернулъ занавѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ, какова она? Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время ей показалось, что кто-то стоялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову и вдругъ узнала царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце въ ней билось болѣзненно. Татьяна Аѳанасьевна подала брату знакъ, что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за карлицею. Но въ ту-же минуту круглая, старая крошка, какъ шарикъ, подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась карлица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аѳанасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и карлица сѣла у кровати на скамейку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аѳанасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аѳанасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

— Знаешь, ласточка, сказала она: батюшка выдаетъ меня за арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

— Развѣ нѣтъ надежды? продолжала Наташа: развѣ батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчикомъ.

— Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетушка?

— Нѣтъ, барышня, арапъ во время твоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Татьяна Аѳанасьевна говоритъ: жаль, что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

— Боже мой! Боже мой! простонала бѣдная Наташа.

— Не печалься, красавица наша, сказала карлица, цѣлуя ея слабую руку: если ужъ быть тебѣ за арапомъ, то все-же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ; арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь припѣваючи.

— Бѣдный Валерьянъ! сказала Наташа, но такъ тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

— То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ: кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиротѣ, такъ-бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался-бы.

— Что? сказала испуганная Наташа: я бредила Валерьяномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвался?

— То-то и бѣда, отвѣчала карлица: теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, то онъ подумаетъ, что Валерьянъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

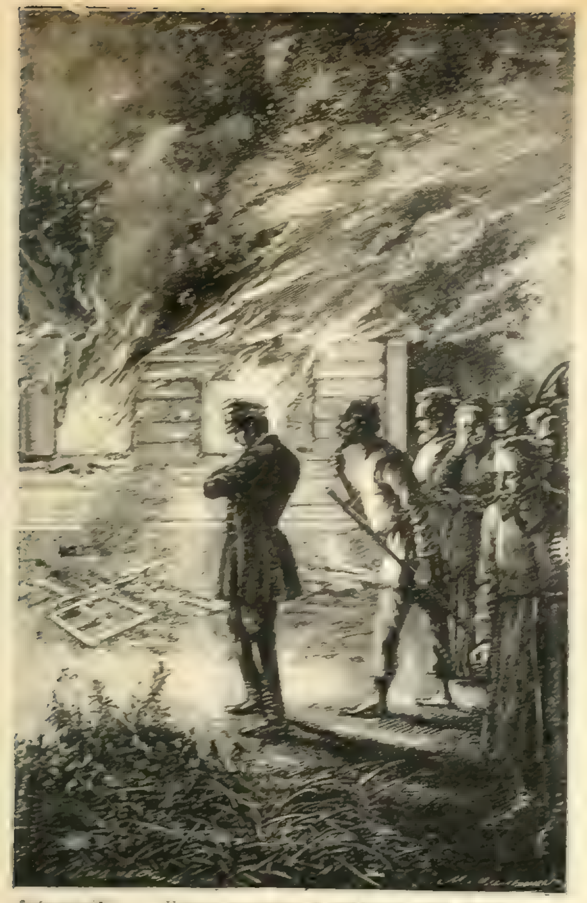
Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ домѣ Гаврилы Аѳанасьевича, изъ сѣней направо, находилась тѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью еловый столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плѣнный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шлафрокѣ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные шведскіе марши. Посвятивъ цѣлые два часа на это упражненіе, шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

. . . .

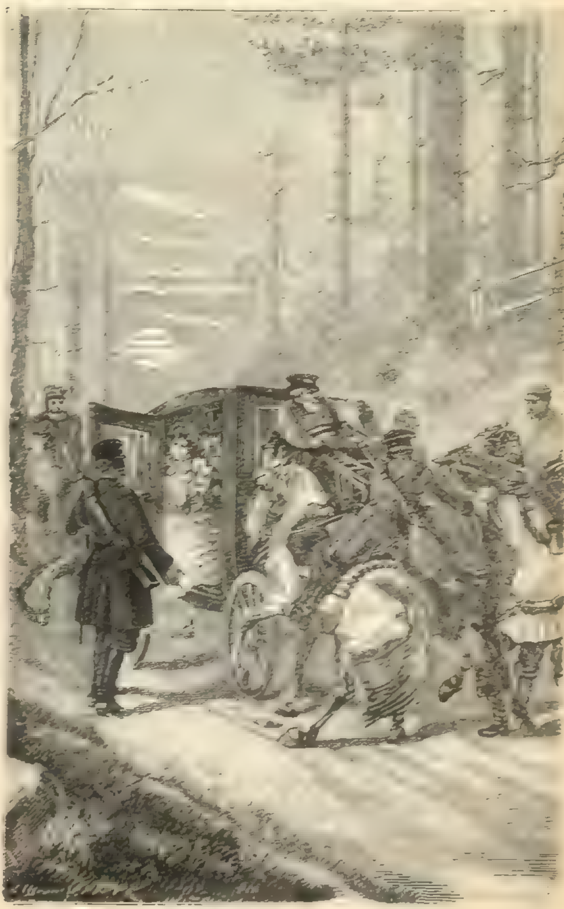
1827.



„Дубровскій" [illegible]

„Дубровскій" [illegible]

„Дубровскій" „Саша [illegible]"



„Дубровскій" [illegible]

„Арапъ Петра Великаго". Петръ I и Ибрагимъ.

„Арапъ Петра Великаго". Наташа въ обморокѣ.

„Капит. дочка". Встрѣча Гринева съ Пугачевымъ

„Капит. дочка". Пріѣздъ Гринева на службу.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Береги честь съ-молоду
Пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

СЕРЖАНТЪ ГВАРДІИ.

Былъ-бы гвардіи онъ завтра-жъ капитанъ.
„Того не надобно; пусть въ арміи послужитъ".
Изрядно сказано! Пускай его потужитъ. .
. . . .
Да кто-жъ его отецъ. Княжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ въ 17.. году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли въ младенчествѣ. Я былъ записанъ въ семеновскій полкъ сержантомъ, по милости маіора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по-нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я русской грамотѣ, и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзого кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу.

— Слава Богу, ворчалъ онъ про-себя: кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значеніе этого слова. Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостью была страсть къ прекрасному полу; нерѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому-же не былъ онъ, по его выраженію, и врагомъ бутылки, т. е., говоря по-русски, любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, причемъ учителя обыкновенно и обносили, то мой Бопре очень скоро привыкъ къ русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ поладили, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ, но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-русски, и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другого ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, обольстившаго ихъ неопытность. Матушка шутить этимъ не любила и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на стѣнѣ безъ всякаго употребленія, и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нея змѣй и, пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно и сталъ осыпать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было привстать и не могъ: несчастный французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей и въ тотъ-же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ «Придворный Календарь», ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ее безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ «Придворный Календарь» не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то, бывало, по цѣлымъ часамъ невыпускалъ ужъ изъ своихъ рукъ. И такъ батюшка читалъ «Придворный Календарь», изрѣдка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «генералъ-поручикъ!.. Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно-ли мы?..» Наконецъ батюшка швырнулъ «Календарь» на

диванъ и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ:

— Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?

— Да вотъ пошелъ семнадцатый годокъ, отвѣчала матушка: Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

— Добро, прервалъ батюшка: пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кастрюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того, трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что, по мнѣнію моему, было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петровичъ, сказала матушка, поклониться и отъ меня князю Б.: я-дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями.

— Что за вздоръ! отвѣчалъ батюшка, нахмурясь: съ какой стати стану я писать къ князю Б.?

— Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши?

— Ну, а тамъ что?

— Да вѣдь начальникъ-то Петрушинъ — князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ семеновскій полкъ.

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ въ гвардіи! Гдѣ его пашпортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жъ отправляютъ меня, если ужъ не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшки, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки и, подозвавъ меня, сказалъ:

— Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ, служить подъ его начальствомъ.

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ, показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: «береги платье съ-нову, а честь съ-молоду». Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

За ту-же ночь пріѣхалъ я съ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для покупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскучась глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ билліардъ на четверенькахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулки на четверенькахъ становились чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, повидимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ-бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ — ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при пріемѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ, чѣмъ Богъ послалъ, по-солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и потчивалъ и меня, говоря, что надобно привыкать къ службѣ; онъ разсказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совер-

шенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ.

— Это, говорилъ онъ, необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все-же бить жидовъ. Поневолѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!

Я совершенно былъ убѣжденъ и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ предложилъ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что̀, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надобно привыкать; а безъ пуншу что̀ и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я изъ моего стакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно летали у меня черезъ бортъ; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру—словомъ, велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время прошло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиняться. Зуринъ меня прервалъ:

— Помилуй! Не изволь и безпокоиться. Я могу и подождать; а покамѣстъ поѣдемъ къ Аринушкѣ.

Что̀ прикажете? День я кончилъ такъ-же безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ.

— Что̀ это, сударь, съ тобою сдѣлалось? сказалъ онъ жалкимъ голосомъ: гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!

— Молчи, хрычъ! отвѣчалъ я ему, запинаясь: ты вѣрно пьянъ; пошелъ спать... и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головною болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размышленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ ко мнѣ съ чашкою чаю.

— Рано, Петръ Андреичъ, сказалъ онъ мнѣ, качая головою: рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжитъ: «Мадамъ, же ву при, водкю». Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана! какъ будто у барина не стало и своихъ людей!

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему:

— Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу.

Но Савельича мудрено было унять, когда онъ, бывало, примется за проповѣдь.

— Вотъ видишь-ли, Петръ Андреичъ, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что̀ не годенъ... Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего-бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь-ли?

Въ это время вошелъ мальчикъ и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста, пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Готовый къ услугамъ
Иванъ Зуринъ».

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный и, обратясь къ Савельичу, который былъ и денегъ, и бѣлья, и дѣлъ моихъ рачитель, приказалъ отдать мальчику сто рублей.

— Какъ! зачѣмъ? спросилъ изумленный Савельичъ.

— Я ихъ ему долженъ, отвѣчалъ я со всевозможною холодностью.

— Долженъ! возразилъ Савельичъ, часъ отъ часу приходя въ большее изумленіе: да когда-же, сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.

Я подумалъ, что если въ эту рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужъ въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки, и, взглянувъ на него гордо, сказалъ:

— Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось; а тебѣ совѣтую не умничать и дѣлать то, что̀ тебѣ приказываютъ.

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что всплеснулъ руками и остолбенѣлъ.

— Что̀ же ты стоишь? закричалъ я сердито. Савельичъ заплакалъ.

— Батюшка, Петръ Андреичъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой, послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ-то такихъ не водится. Сто рублей!

Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко-на-крѣпко заказали играть, окромѣ какъ въ орѣхи...

— Полно врать, прервалъ я строго: подавай сюда деньги, или я тебя въ зашеи прогоню.

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужъ я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ поспѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Онъ явился съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Съ неспокойной совѣстью и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда-нибудь увидѣться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВОЖАТЫЙ.

Сторона ль моя, сторонушка.
Сторона незнакомая
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый-ли да меня конь завезъ:
Завела меня, добраго молодца,
Прыткость-бодрость молодецкая
И хмѣлинушка кабацкая.
Старинная пѣсня.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Проигрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ, былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ симбирскомъ трактирѣ было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня, и молчалъ, изрѣдка только покрякивая. Я непремѣнно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зналъ, съ чего начать. Наконецъ я сказалъ ему:

— Ну, ну, Савельичъ! полно, помиримся, виноватъ; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.

— Эхъ, батюшка, Петръ Андреичъ! отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ: сержусь-то я на самого себя—самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Чтó дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ-то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза къ господамъ? Чтó скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ?

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впередъ безъ его согласія не располагать ни одною копѣйкою. Онъ мало-по-малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! легко-ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Баринъ, не прикажешь-ли воротиться?

— Это зачѣмъ?

— Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.

— Чтó жъ за бѣда?

— А видишь тамъ чтó?

Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ.

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

— А вонъ-вонъ: это облачко.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ, и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

— Ну, баринъ, закричалъ ямщикъ: бѣда—буранъ!...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

— Что-же ты не ѣдешь? спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да чтó ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ, куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился.

— И охота было не слушаться, говорилъ онъ сердито: воротился-бы на постоялый дворъ накушался-бы чаю, почивалъ-бы себѣ до утра, буря-бъ утихла, отправились-бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро-бы на свадьбу!

Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря головы и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь

увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія метели. Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

— Эй, ямщикъ! закричалъ я: смотри—что̀ тамъ такое чернѣется?

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ, или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ на встрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поровнялись съ человѣкомъ.

— Гей, добрый человѣкъ! закричалъ ему ямщикъ: скажи, не знаешь-ли, гдѣ дорога?

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что̀ толку?

— Послушай, мужичекъ, сказалъ я ему: знаешь-ли ты эту сторону? Возьмешься-ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь, какая погода: какъ-разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится; тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божьей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.

— А почему ѣхать мнѣ вправо? спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ: гдѣ ты видишь дорогу? Небось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой.

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я: почему думаешь ты, что жило недалече?

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный: и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ циновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслью моей было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ-бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише, говоритъ она мнѣ: отецъ боленъ, при смерти, и желаетъ съ тобою проститься». Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ! Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его». Я сталъ на колѣни и устремилъ глаза мои на больного. Что-жъ?... Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: «Что̀ это значитъ? Это не батюшка. И съ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?»—«Все равно, Петруша, отвѣчала мнѣ матушка: это твой посаженый отецъ; поцѣлуй у него ручку и пусть онъ тебя благословитъ»... Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мёртвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе»... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся. Лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

— Выходи, сударь, пріѣхали.

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

— На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй, да обогрѣйся.

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій казакъ, казался

мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

—Гдѣ-же вожатый? спросилъ я у Савельича.

—Здѣсь, ваше благородіе, отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

—Что, братъ, прозябъ?

—Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить—заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые, большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскія шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился.

— Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.

Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо:

— Эхе, сказалъ онъ: опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?

Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою:

— Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечернѣ звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

— Молчи, дядя, возразилъ мой бродяга: будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ; а теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!

При этихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровского разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ яицкаго войска, въ то время только-что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большого неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по-тамошнему у м е т ъ, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла; и я заснулъ, какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленой на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился.

— Полтину на водку! сказалъ онъ: за что это? За то, что ты-же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь, нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.

Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня если не изъ бѣды, то, по крайней мѣрѣ, изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

— Помилуй, батюшка Петръ Андреичъ! сказалъ Савельичъ: зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.

— Это, старинушка, уже не твоя печаль, сказалъ мой бродяга: пропью-ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойникъ! отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ: ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

— Господи владыко! простоналъ мой Савельичъ: заячій тулупъ почти новешенькій! И добро-бы кому, а то пьяницѣ оголтѣлому!

Однако заячій тулупъ явился. Мужичекъ тутъ-же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко для него узокъ. Однако

онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ:

— Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей.

Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостью. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый, полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ на меня быстро.

— Поже мой! сказалъ онъ: тафно-ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!

Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его вполголоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь, Андрей Карловичъ, надѣюсь, что ваше превосходительство...» Это чтó за серемоніи? Фуй, какъ не софѣсно! Конечно, дисциплина — первое дѣло, но такъ-ли пишутъ къ старому камратъ?.. «ваше превосходительство не забыло...» гмъ... «и... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и... Каролинку»... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказъ? «Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего повѣсу...» гмъ... «держать въ ежовыхъ рукавицахъ»... Что такое е ш о в ы р у к а в и ц ъ? Это, должно быть, русска поговоркъ... Чтó такое держать въ е ш о в ы х ъ р у к а в и ц а х ъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, д е р ж а т ь в ъ е ж о в ы х ъ р у к а в и ц а х ъ.

— Гмъ, понимаю... «и не давать ему воли...» нѣтъ, видно е ш о в ы р у к а в и ц ы значитъ не то... «При семъ... его паспортъ»... Гдѣ-жъ онъ? А, вотъ... «Отписать въ семеновскій»... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ», а! наконецъ догадался... и прочая и прочая...

— Ну, батюшка, сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ ***полкъ, и чтобы тебѣ времени не терять, то завтра-же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.

«Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ***полкъ и въ глухую крѣпость, на границу киргизъ-кайсацкихъ степей!»... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КРѢПОСТЬ.

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ,
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.

Солдатская пѣсня

Старинные люди, мои батюшка

Недоросль

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзала, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большей частью печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро.

— Далече-ли до крѣпости? спросилъ я у своего ямщика.

— Недалече, отвѣчалъ онъ: вонъ ужъ видна.

Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ, но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или четыре скирды сѣна, полузанесенныя снѣгомъ; съ другой — скривившаяся мельница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными.

— Гдѣ-же крѣпость? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да вотъ она, отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали.

У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и

большей частью покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ деревяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной-же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ синюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ.

— Войди, батюшка, отвѣчалъ инвалидъ: наши дома.

Я вошелъ въ чистенькую комнатку, убранную по-старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кюстрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичекъ въ офицерскомъ мундирѣ.

— Что вамъ угодно, батюшка? спросила она, продолжая свое занятіе.

Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь.

— Ивана Кузьмича дома нѣтъ. отвѣчала она: онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я—его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка.

Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ.

— Смѣю спросить, сказалъ онъ: вы въ какомъ полку изволили служить?

Я удовлетворилъ его любопытству.

— А смѣю спросить, продолжалъ онъ: зачѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?

Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства.

— Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки? продолжалъ неутомимый вопрошатель.

— Полно врать пустяки, сказала ему капитанша: ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя... держи-ка руки прямѣе...

— А ты, мой батюшка, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ, Алексѣй Иванычъ, вотъ ужъ пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ въ друга пырять, а Алексѣй Иванычъ и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ.

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ.

— Максимычъ! сказала ему капитанша отведи г. офицеру квартиру, да почище.

— Слушаю, Василиса Егоровна, отвѣчалъ урядникъ: не помѣстить-ли его благородіе къ Ивану Полежаеву.

— Врешь, Максимычъ, сказала капитанша: у Полежаева и такъ тѣсно; онъ-же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?

— Петръ Андреичъ.

— Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну, что, Максимычъ, все-ли благополучно?

— Все, слава Богу, тихо, отвѣчалъ казакъ только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иванъ Игнатьичъ! сказала капитанша кривому старичку: разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ, кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычъ, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичъ, Максимычъ отведетъ васъ на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы, довольно опрятной, раздѣленной на-двое перегородкой. Савельичъ сталъ въ ней распоряжаться: я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ:

— Господи Владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?

На другой день поутру я только-что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ, невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ.

— Извините меня, сказалъ онъ мнѣ по-французски, что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое

лицо такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймете, когда проживете здѣсь нѣсколько времени.

Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостью описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ инвалидъ, который чинилъ мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мною вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились-было смотрѣть на ученіе; но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами.

— А здѣсь, прибавилъ онъ, нечего вамъ смотрѣть.

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно, и обошлась со мною, какъ-бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывали на столъ.

— Что это мой Иванъ Кузьмичъ сегодня такъ заучился! сказала комендантша: Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ-же Маша?

Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ восемнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она мнѣ не очень понравилась. Я смотрѣлъ не нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку.

— Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться.

Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ.

— Что это, мой батюшка? сказала ему жена: кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.

— А слышь ты, Василиса Егоровна, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: я былъ занятъ службой, солдатушекъ училъ.

— И, полно! возразила капитанша. только слава, что солдатъ учишь—ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ-бы дома да Богу молился, такъ было-бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы-ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко-ли! сказала она: вѣдь есть-же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то одна дѣвка Палашка; да, слава Богу, живемъ помаленьку. Одна бѣда: Маша—дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!), съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою».

Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ее, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Я слышалъ, сказалъ я довольно не кстати: что на вашу крѣпость собираются напасть башкирцы.

— Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать? спросилъ Иванъ Кузьмичъ.

— Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ, отвѣчалъ я.

— Пустяки! сказалъ комендантъ: у насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы—народъ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.

— И вамъ не страшно, продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ: оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ?

— Привычка, мой батюшка, отвѣчала она: тому лѣтъ двадцать, какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи, Господи, какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь-ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.

— Василиса Егоровна—прехрабрая дама, замѣтилъ важно Швабринъ: Иванъ Кузьмичъ можетъ это засвидѣтельствовать.

— Да, слышь ты, сказалъ Иванъ Кузьмичъ: баба-то не робкаго десятка.

— А Марья Ивановна? спросилъ я: такъ-же-ли смѣла, какъ и вы?

— Смѣла-ли Маша? отвѣчала ея мать: нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузьмичъ выдумалъ въ мои именины палить изъ нашей пушки, такъ она, моя голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужъ и не палимъ изъ проклятой пушки.

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капи-

ташею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПОЕДИНОКЪ.

-Инь изволь, и стань-же въ позитуру,
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру
Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ, какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузьмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необра́зованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что̀ согласовалось съ его безпечностью. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостью такъ точно, ка́къ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто-бы онъ былъ въ непозволительной связи съ Василисой Егоровной, что̀ не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни ученій, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда солдатъ, но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая— лѣвая. У Швабрина было нѣсколько французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ; обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и туда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою, Акулиной Панфиловной, первою вѣстовщицею во всемъ околоткѣ. Съ Алексѣемъ Иванычемъ Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его на счетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другого общества въ крѣпости не было, но я другого и не желалъ.

Не смотря на предсказанія, башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ внезапнымъ междоусобіемъ.

Я ужъ сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои для тогдашняго времени были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда подъ видомъ требованія совѣтовъ ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!
Но глаза, что̀ мя плѣнили
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.
Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной,
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

— Какъ ты это находишь? спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

— Почему такъ? спросилъ я его, скрывая свою досаду.

— Потому, отвѣчалъ онъ, что такіе стихи достойны учителя моего Василья Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы.

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мною самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этою угрозою.

— Посмотримъ, сказалъ онъ: сдержишь-ли ты свое слово; стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузьмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которей ты изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья-ли Ивановна?

— Не твое дѣло, отвѣчалъ я, нахмурясь: кто-бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

— Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ! продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня: но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками.

— Что̀ это, сударь, значитъ? Изволь объясниться.

— Съ охотою. Это значитъ, что ежели хочешь, чтобъ Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.

Кровь моя закипѣла.

— А почему ты объ ней такого мнѣнія? спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

— А потому, отвѣчалъ онъ съ адскою усмѣшкою: что знаю по опыту ея нравъ и обычай.

— Ты лжешь, мерзавецъ! вскричалъ я въ бѣшенствѣ: ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ.

— Это тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку: вы мнѣ дадите сатисфакцію.

— Изволь; когда хочешь! отвѣчалъ я, обрадовавшись.

Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу и засталъ его съ иголкою въ рукахъ: по препорученію комендантши, онъ нанизывалъ грибы для сушенія на зиму.

— А, Петръ Андреичъ! сказалъ онъ, увидя меня: добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?

Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща свой единственный глазъ.

— Вы изволите говорить, сказалъ онъ мнѣ: что хотите Алексѣя Иваныча заколоть, и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.

— Точно такъ.

— Помилуйте, Петръ Андреичъ! Чтò это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужъ помиримъ. А то доброе-ли дѣло — заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро-бъ ужъ закололи вы его. Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На чтò это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ Иванъ Игнатьичъ: дѣлайте, какъ разумѣете. Да зачѣмъ-же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Съ какой стати? Люди дерутся — чтò за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ шведа и подъ турку: всего насмотрѣлся.

Я кое-какъ сталъ объяснять ему должность секунданта; но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять.

— Воля ваша, сказалъ онъ: коли ужъ мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузьмичу, да донести ему, по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе, противное казенному интересу: не благоугодно-ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры...

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не говорить коменданту; насилу его уговорилъ: онъ далъ слово, и я рѣшился отъ него отступиться.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, чтобы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучливыхъ вопросовъ; но, признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, какимъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ-же. Я отвелъ его въ сторону и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ.

— Зачѣмъ намъ секунданты? сказалъ онъ мнѣ сухо: безъ нихъ обойдемся.

Мы условились драться за скирдами, чтò находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, повидимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичъ отъ радости проболтался.

— Давно-бы такъ, сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ: худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ, такъ здоровъ.

— Чтò, чтò, Иванъ Игнатьичъ? сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты: я не вслушалась.

Иванъ Игнатьичъ, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, чтò отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

— Иванъ Игнатьичъ, сказалъ онъ, одобряетъ нашу мировую.

— А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

— Мы-было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.

— За чтò такъ?

— За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за чтò ссориться! за пѣсенку!... Да какъ-же это случилось?...

— Да вотъ какъ: Петръ Андреичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь

Вышла разладица. Петръ Андреичъ было и разсердился, но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, чтò кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его обиняковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ об-

ратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они—безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣтывалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришелъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день, въ назначенное время, я стоялъ уже за скирдами, выжидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился.

— Насъ могутъ застать, сказалъ онъ мнѣ: надобно поспѣшить.

Мы сняли мундиры, остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы отправились вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительною важностью.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: «привелъ!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна.

— Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? Въ нашей крѣпости заводить смертоубійство! Иванъ Кузьмичъ, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичъ, Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичъ! этого я отъ тебя не ожидала, какъ тебѣ не совѣстно! Добро Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты-то что? туда-же лѣзешь?

Иванъ Кузьмичъ вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ:

— А слышь-ты, Василиса Егоровна правду говоритъ. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.

Между тѣмъ Палашка взяла у насъ шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность.

— При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, сказалъ онъ ей хладнокровно: не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузьмичу: это—его дѣло.

— Ахъ, мой батюшка! возразила комендантша: да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузьмичъ? что ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурь-то прошла: да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпитимію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми.

Иванъ Кузьмичъ не зналъ, на что рѣшиться. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало-по-малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта, повидимому, примиренные. Иванъ Игнатьичъ насъ сопровождалъ.

— Какъ вамъ не стыдно было, сказалъ я ему сердито: доносить на насъ коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?

— Какъ Богъ святъ, я Ивану Кузьмичу того не говорилъ, отвѣчалъ онъ: Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она и всѣмъ распорядилась, безъ вѣдома коменданта..Впрочемъ, слава Богу, что все такъ кончилось.

Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ.

— Наше дѣло этимъ кончиться не можетъ, сказалъ я ему.

— Конечно, отвѣчалъ Швабринъ: вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами, вѣроятно, станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться. До свиданья.

И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывало.

Возвратясь къ коменданту, я, по обыкновенію своему, подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузьмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна съ нѣжностью выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорою съ Швабринымъ.

— Я такъ и обмерла, сказала она, когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно-бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнью, но и совѣстью, и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно, виноватъ Алексѣй Иванычъ.

— А почему-же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

— Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни за что-бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему такъ-же не нравилась. Это меня безпокоило-бы страхъ.

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь-ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла.

— Мнѣ кажется, сказала она: я думаю, что нравлюсь.

— Почему-же вамъ такъ кажется?

— Потому что онъ за меня сватался.

— Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда-же?

— Въ прошломъ году, мѣсяца за два до вашего пріѣзда.

— И вы не пошли?

— Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычъ, конечно, человѣкъ умный и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться... ни за что! ни за какія благополучія!

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили многое. Я понялъ упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи риѳмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и вышелъ къ нему.

— Зачѣмъ откладывать? сказалъ мнѣ Швабринъ: за нами не смотрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.

Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостью на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ... Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь пониже праваго плеча, я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЛЮБОВЬ.

Ахъ, ты, дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ.
Ты спроси, дѣвка, отца, матери.
Отца, матери, роду-племени
Накопи, дѣвка, ума-разума
Ума-разума, приданова.

Пѣсня народная

Буде лучше меня найдешь—позабудешь,
Если хуже меня найдешь—воспомянешь.

Тоже

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати въ незнакомой горницѣ и чувствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи, которыми у меня были стянуты грудь и плечо. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрыпнула дверь.

— Что, каковъ? произнесъ шопотомъ голосъ, отъ котораго я затрепеталъ.

— Все въ одномъ положеніи, отвѣчалъ Савельичъ со вздохомъ: все безъ памяти, вотъ уже пятыя сутки.

Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ.

— Гдѣ я? кто здѣсь? сказалъ я съ усиліемъ.

Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ.

— Что, какъ вы себя чувствуете? сказала она.

— Слава Богу, отвѣчалъ я слабымъ голосомъ: это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ...

Я не въ силахъ былъ продолжать и замолчалъ. Савельичъ ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ.

— Опомнился! опомнился! повторялъ онъ: слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка Петръ Андреичъ! напугалъ ты меня! легко-ли? пятыя сутки!

Марья Ивановна перервала его рѣчь.

— Не говори съ нимъ много, Савельичъ, сказала она: онъ еще слабъ.

Она вышла и тихонько притворила дверь.

Мысли мои волновались. И такъ, я былъ въ домѣ коменданта: Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича, и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ее... и вдругъ ея губки коснулись моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ.

— Милая, добрая Марья Ивановна, сказалъ я ей: будь моею женою, согласись на мое счастіе.

Она опомнилась.

— Ради Бога, успокойтесь, сказала она, отнявъ у меня свою руку: вы еще въ опасности—рана можетъ открыться. Поберегите себя, хоть для меня.

Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цирюльникъ, ибо въ крѣпости другого лекаря не было, и слава

Богу не умилчалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливѣе. Она безъ всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители, конечно, рады будутъ ея счастію.

— Но подумай хорошенько, прибавила она: со стороны твоихъ родныхъ не будетъ-ли препятствія?

Я задумался. Въ нѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ, и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодого человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился, однако, писать къ батюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его, и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостью молодости и любви.

Со Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузьмичъ, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ:

— Эхъ, Петръ Андреичъ! надлежало-бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужъ и безъ того наказанъ. А Алексѣй Иванычъ у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскаится.

Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердцѣ чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрина, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освободить. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору, и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

Вскорѣ я выздоровѣлъ и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужъ увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ однажды утромъ Савельичъ вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это приготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую губернію, въ Бѣлогорскую крѣпость». Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо; наконецъ рѣшился его распечатать, и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15 сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ: ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостоинъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуэлей съ такими-же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда-нибудь подальше, гдѣ-бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость.

«Отецъ твой А. Г.»

Чтеніе этого письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ, казалось мнѣ столь-же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала; но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣваясь, что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая взадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно:

— Видно, тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить.

Савельичъ былъ пораженъ, какъ громомъ.

— Помилуй, сударь, сказалъ онъ, чуть не зарыдавъ: что это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ видитъ, бѣжалъ я заслонить тебя своей грудью отъ шпаги Алексѣя Иваныча! Старость проклятая помѣшала. Да что-жъ я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?

— Что ты сдѣлалъ? отвѣчалъ я: кто просилъ тебя писать на меня доносы? Развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?

— Я писалъ на тебя доносы? отвѣчалъ Савельичъ со слезами: Господи, Царю небесный! Такъ изволь-ка прочитать, что пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и прочелъ слѣдующее:

«Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо-ли его залечили».

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ и что я напрасно оскорбилъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія; но старикъ былъ неутѣшенъ.

— Вотъ до чего я дожилъ, повторялъ онъ: вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я — и старый песъ, и свинопасъ, да я-жъ и причина твоей раны!.. Нѣтъ, батюшка Петръ Андреичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыканьемъ да топаньемъ убережешься отъ злого человѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишнія деньги!

Но кто-же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генералъ? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился; а Иванъ Кузьмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, слѣдствіемъ котораго могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ Марьѣ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ.

— Что это съ вами сдѣлалось? сказала она, увидѣвъ меня: какъ вы блѣдны!

— Все кончено! отвѣчалъ я и отдалъ ей батюшкино письмо.

Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Видно, мнѣ не судьба.. Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего, Петръ Андреичъ, будьте хоть вы счастливы...

— Этому не бывать! вскричалъ я, схвативъ ее за руку: ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ; они — люди простые, не жестокосердые гордецы.. Они насъ благословятъ; мы обвѣнчаемся... а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ...

— Нѣтъ, Петръ Андреичъ, отвѣчала Маша: я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую, — Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ; а я за васъ обоихъ..

Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самимъ собою, и воротился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія.

— Вотъ, сударь, сказалъ онъ, подавая исписанный листъ бумаги: посмотри, доносчикъ-ли я на своего барина и стараюсь-ли я помутить сына съ отцомъ.

Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ, отъ слова до слова:

«Государь Андрей Петровичъ, отецъ нашъ милостивый!

«Милостивое писаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что-де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній; а я не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я-жъ про рану Петра Андреича ничего вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна, и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. А Петръ Андреичъ раненъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырульникъ Степанъ Парамоновъ. И теперь Петръ Андреичъ, слава Богу, здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то быль молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. И изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

«Вѣрный холопъ вашъ

«Архипъ Савельевъ».

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи; а чтобъ успо-

коить матушку. письмо Савельича мнѣ показалось достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти не говорила со мною и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта сталъ для меня постылъ. Мало-по-малу пріучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла, но видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузьмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба; со Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе, что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что̀ и утверждало меня въ моихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгоралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума, или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ПУГАЧЕВЩИНА.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ сказывати.
Пѣсня.

Прежде нежели приступлю къ описанію странныхъ происшествій, которыхъ я былъ свидѣтель, долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ какомъ находилась Оренбургская губернія въ концѣ 1773 года.

Эта обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ еще недавно владычество россійскихъ государей. Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями яицкихъ береговъ. Но яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность этого края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городѣ. Причиною тому были строгія мѣры, предпринятыя генералъ-маіоромъ Траубенбергомъ, чтобы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи и наконецъ усмиреніе бунта картечью и жестокими наказаніями.

Это случилось за нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые злобствовали втайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ моему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что̀ пишетъ генералъ». Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости

капитану Миронову.

По секрету.

«Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ яицкихъ селеніяхъ и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, произведя вездѣ грабежи и смертоубійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно, и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію».

— «Принять надлежащія мѣры!» сказалъ комендантъ, снимая очки и складывая бумагу: слышь ты, легко сказать. Злодѣй-то, видно, силенъ; а у насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычъ (урядникъ усмѣхнулся). Однако, дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры, въ случаѣ нападенія запирайте ворота да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.

Раздавъ эти повелѣнія, Иванъ Кузьмичъ насъ распустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ со Швабринымъ, разсуждая о томъ, что̀ мы слышали.

— Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится? спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, отвѣчалъ онъ: посмотримъ. Важнаго покамѣстъ еще ничего не вижу. Если-же...

Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать французскую арію.

Не смотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузьмичъ хоть и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ-бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто-бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадьѣ и, по совѣту Ивана Кузьмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузьмичъ, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попадьи, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузьмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузьмичъ приготовился къ нападенію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ:

— А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ оттого можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впередъ соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ.

— А для чего-жъ было тебѣ запирать Палашку? спросила комендантша: за что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воротились?

Иванъ Кузьмичъ не былъ приготовленъ къ такому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа, но, зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никакъ не могла догадаться, что-бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ-бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками.

«Что-бы значили эти военныя приготовленія?—думала комендантша—ужъ не ждутъ-ли нападенія отъ киргизцевъ? Но неужто Иванъ Кузьмичъ сталъ-бы отъ меня таить такіе пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній касательно хозяйства, какъ судья, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, чтобы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи, Боже мой! Вишь какія новости! Что изъ этого будетъ?

— И, матушка! отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: Богъ милостивъ; солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

— А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ? спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнатьичъ замѣтилъ, что проговорился, и закусилъ языкъ. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не разсказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому не сказала ни одного слова, кромѣ попадьи, и то потому только, что корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различны. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возвратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи, верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости, видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ, не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе: во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный калмыкъ, сдѣлалъ коменданту важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ караулъ, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичъ, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вотъ ужо тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ-же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъ-подъ караула, вѣроятно, при помощи своихъ единомышленниковъ.

Новое обстоятельство усилило безпокойство

коменданта. Схваченъ былъ башкирецъ съ возмутительными листами. По этому случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ и для того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузьмичъ былъ человѣкъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другого способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

— Слышь ты, Василиса Егоровна, сказалъ онъ ей, покашливая: отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города...

— Полно врать, Иванъ Кузьмичъ, прервала комендантша: ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь

Иванъ Кузьмичъ вытаращилъ глаза.

— Ну, матушка, сказалъ онъ: коли ты уже се знаешь, такъ, пожалуй, оставайся, мы поволкуемъ и при тебѣ.

— То-то, батька мой, отвѣчала она: не тебѣ-бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иванъ Кузьмичъ въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ-нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость: приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнью въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

— Каковъ мошенникъ! воскликнула комендантша: что смѣетъ еще намъ предлагать! Выйти къ нему навстрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ, онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись. Неужто нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?

— Кажется, не должно-бы, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: а слышно, злодѣй завладѣлъ ужъ многими крѣпостями.

— Видно, онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ, замѣтилъ Швабринъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу, сказалъ комендантъ: Василиса Егоровна, дай мнѣ ключъ отъ амбара. Иванъ Игнатьичъ, приведи-ка башкирца, да прикажи Юлаю принести сюда плетей.

— Постой, Иванъ Кузьмичъ, сказала комендантша, вставая съ мѣста: дай уведу Машу куда-нибудь изъ дому; а то услышитъ крикъ, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.

Пытка встарину была такъ укоренена въ обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій ее, долго оставался безъ всякаго дѣйствія. Думали, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія—мысль не только неосновательная, но даже совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо если отрицаніе подсудимаго не признается за доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше-же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки—ни судьи, ни подсудимые. И такъ, приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичъ отправился за башкирцемъ, который сидѣлъ въ амбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ) и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго роста, тощъ и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ.

— Эхе! сказалъ комендантъ, узнавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году: да ты, видно, старый волкъ, побывалъ въ нашихъ капканахъ. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?

Старый башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія.

— Что-же ты молчишь? продолжалъ Иванъ Кузьмичъ: али бельмеса по-русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?

Юлай повторилъ на татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузьмича. Но башкирецъ глядѣлъ на него съ тѣмъ-же выраженіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Якши, сказалъ комендантъ: ты у меня заговоришь. Ребята! снимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри-жъ, Юлай, хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздѣвать. Лицо несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрекъ, пойманный дѣтьми. Когда-жъ одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положилъ ихъ себѣ около шеи, подвялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся—тогда башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ и, кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кроткаго царствованія императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены.

— Ну, сказалъ комендантъ: видно, намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца въ амбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

— Что это съ тобою сдѣлалось? спросилъ изумленный комендантъ.

— Батюшка, бѣда! отвѣчала Василиса Егоровна: Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ, какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

— Послушайте, Иванъ Кузьмичъ! сказалъ я коменданту: долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. Отправьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли-бы достигнуть.

Иванъ Кузьмичъ оборотился къ женѣ и сказалъ ей:

— А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить-ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ бунтовщиками?

— И, пустое! сказала комендантша: гдѣ такая крѣпость, куда-бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и башкирцевъ, и киргизцевъ: авось и отъ Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, возразилъ Иванъ Кузьмичъ: оставайся, пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?

— Ну, тогда...

Тутъ Василиса Егоровна запнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

— Нѣтъ, Василиса Егоровна, продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ быть, въ первый разъ въ его жизни: Машѣ здѣсь оставаться негоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ, къ ея крестной матери: тамъ и войска, и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ-бы съ нею туда-же отправиться; даромъ, что ты старуха, а посмотри, что съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.

— Добро, сказала комендантша: такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси — не поѣду; нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

— И то дѣло, сказалъ комендантъ. Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ-свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ нѣтъ. Да гдѣ-же Маша?

— У Акулины Памфиловны, отвѣчала комендантша: ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался; но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину блѣдная и заплаканная. Мы отъужинали молча и встали изъ-за стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовалъ, что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу.

— Прощайте, Петръ Андреичъ! сказала она мнѣ со слезами: меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если-же нѣтъ...

Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее.

— Прощай, ангелъ мой, сказалъ я: прощай, моя милая, моя желанная! Что-бы со мною ни было — вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ!

Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПРИСТУПЪ.

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И ни рангу себѣ высокаго.
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которое еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустью разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выйти изъ дому, какъ дверь моя отворилась, и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ съ собою насильно Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужъ разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился.

— Куда вы? сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня: Иванъ Кузьмичъ на валу и послалъ меня за вами. Пугачъ пришелъ.

— Уѣхала-ли Марья Ивановна? спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ.

— Не успѣла, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ: дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичъ!

Мы пошли на валъ—возвышеніе, образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалось, были казаки, но между ними находились и башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку-государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собою толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, не хотѣвшая отстать отъ нея.

— Ну, что? сказала комендантша: каково идетъ баталія? Гдѣ-же непріятель?

— Непріятель недалече, отвѣчалъ Иванъ Кузьмичъ: Богъ дастъ, все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?

— Нѣтъ, папенька, отвѣчала Марья Ивановна: дома одной страшнѣе.

Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ-бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другого на копьѣ воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали:

— Не стрѣляйте; выходите вонъ къ государю. Государь здѣсь!

— Вотъ я васъ! закричалъ Иванъ Кузьмичъ: ребята, стрѣляй!

Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо, зашатался и свалился съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ устцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузьмичъ прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ.

— Василиса Егоровна! сказалъ комендантъ: здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва.

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему:

— Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу!

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

— Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи-же ее поскорѣе.

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся-жъ и мы, сказала, заплакавъ, комендантша: прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

— Прощай, прощай, матушка! сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху: ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ.

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузьмичъ оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей.

— Теперь стойте крѣпко, сказалъ комендантъ: будетъ приступъ...

Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились.

— Ну, ребята, сказалъ комендантъ: теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но оробѣлый гарнизонъ не тронулся.

— Что-жъ вы, дѣтушки, стоите? закричалъ Иванъ Кузьмичъ: умирать, такъ умирать, дѣло служивое!

Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли-было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненый въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился-было къ нему на помощь; нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «вотъ ужо вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда-же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красный казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца, съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина.

— Который комендантъ? спросилъ самозванецъ.

Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему:

— Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?

Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Ты мнѣ не государь; ты—воръ и самозванецъ, слышь ты!

Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича, вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича.

— Присягай, сказалъ ему Пугачевъ, государю Петру Ѳеодоровичу!

— Ты намъ не государь, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: ты, дядюшка,—воръ и самозванецъ!

Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мя-

тежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

— Вѣшать его! сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня.

Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу.

— Небось, небось, повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить.

Вдругъ услышалъ я крики: «Постойте, окаянные! погодите!...» Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева.

— Отецъ родной! говорилъ бѣдный дядька: что̀ тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!

Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили.

— Батюшка нашъ тебя милуетъ, говорили мнѣ.

Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однако-жъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку.

— Цѣлуй руку, цѣлуй руку! говорили около меня.

Но я предпочелъ-бы самую лютую казнь такому подлому униженію.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: не упрямься! что̀ тебѣ стоитъ? плюнь, да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку.

Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою:

— Его благородіе, знать, одурѣлъ отъ радости. Подымите его.

Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ-же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь.

— Батюшки мои! кричала бѣдная старушка: отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу.

Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа.

— Злодѣи! закричала она въ изступленіи: что̀ это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!

— Унять старую вѣдьму! сказалъ Пугачевъ.

Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ.

Незваный гость хуже татарина.
Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что̀ съ нею? успѣла-ли спрятаться? надежно-ли ея убѣжище? Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постель, перерытую разбойниками; шкапъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальце, висѣвшее въ простѣнкѣ... Гдѣ-жъ была хозяйка этой смиренной дѣвической кельи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакалъ и громко произнесъ имя моей любезной... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

— Ахъ, Петръ Андреичъ! сказала она, всплеснувъ руками: какой денекъ! какія страсти!.

— А Марья Ивановна? спросилъ я нетерпѣливо: что̀ Марья Ивановна?

— Барышня жива, отвѣчала Палаша: она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! вскричалъ я съ ужасомъ: Боже мой! да тамъ Пугачевъ!..

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очу-

тился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хохотъ и пѣсни... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда-же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

— Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою, отвѣчала попадья. Ну, Петръ Андреичъ, чуть-было не стряслась бѣда; да, слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только-что усѣлся обѣдать, какъ она, моя бѣдняжка, очнется, да застонетъ!.. Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: «Племянница моя, государь, захворала, лежитъ, вотъ уже другая недѣля».—«А молода твоя племянница?» — «Молода, государь».— «А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу». У меня сердце такъ и екнуло, да нечего было дѣлать. «Изволь, государь; только дѣвка-то не можетъ вставать и прійти къ твоей милости».— «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу». И вѣдь пошелъ, окаянный, за перегородку; какъ ты думаешь? вѣдь отдернулъ занавѣсъ, взглянулъ ястребиными своими глазами—и ничего... Богъ вынесъ! А вѣришь-ли, я и батька мой такъ ужъ и приготовились къ мученической смерти. Къ счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи, Владыко, дождались мы праздника! нечего сказать! Бѣдный Иванъ Кузьмичъ! кто-бы подумалъ!.. А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичъ? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Иванычъ? Вѣдь остригся въ кружокъ, и теперь у насъ тутъ-же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь-ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы ножомъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.

Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичъ, сказала она: теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичъ. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

— Слава Богу! вскричалъ онъ, увидя меня; я-было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка, Петръ Андреичъ! вѣришь-ли, все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узналъ-ли ты, сударь, атамана?

— Нѣтъ, не узналъ; а кто-жъ онъ такой?

— Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новешенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то-же лицо, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня изъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

— Не изволишь-ли покушать? спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ: дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что-нибудь тебѣ изготовлю.

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все-же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, что-де «великій государь требуетъ тебя къ себѣ».

— Гдѣ-же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

— Въ комендантскомъ, отвѣчалъ казакъ: Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные...А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной — двугла-

вый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой — персона его.

Я не нашелъ нужнымъ оспаривать мнѣнія казака и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣе воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцомъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ-же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ.

— А, ваше благородіе! сказалъ Пугачевъ, увидя меня: добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.

Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспаривалъ Пугачева. И на этомъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое и которое чуть-было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню.

— Ну, братцы, сказалъ Пугачевъ: затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ! начинай!

Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много-ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежда-православный царь,
Все правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ — темная ночь,
А второй мой товарищъ — булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ — то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои — то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа-православный царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя-ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ — все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ:

— Сиди; я хочу съ тобою переговорить.

Мы остались глазъ на-глазъ. Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостью, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная, чему.

— Что, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ: струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А покачался-бы на перекладинѣ, если-бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ-ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виноватъ, продолжалъ онъ: но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То-ли еще увидишь! Такъ-ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься-ли служить мнѣ съ усердіемъ?

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

— Чему ты усмѣхаешься? спросилъ онъ меня,

нахмурясь. Или ты не вѣришь, что я великій государь? отвѣчай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ,—значило подвергнуть себя погибели, и то, на что̀ былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостью человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу-ли я признать въ тебѣ государя? Ты человѣкъ смышленый, ты самъ увидѣлъ-бы, что я лукавствую.

— Кто-же я таковъ, по твоему разумѣнію?

— Богъ тебя знаетъ; но кто-бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

— Такъ ты не вѣришь, сказалъ онъ, чтобъ я былъ государь Петръ Өедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ встарину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня, что̀ хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ твердостью: я природный дворянинъ; я присягалъ государынѣ императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался.

— А коли отпущу, сказалъ онъ: такъ обѣщаешься-ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?

— Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться? отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что̀ это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева.

— Такъ и быть, сказалъ онъ, ударя меня по плечу: казнить, такъ казнить, миловать, такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай, что̀ хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужъ дрема клонитъ.

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— Слава тебѣ, Владыко! сказалъ онъ, перекрестившись: чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ, куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ, покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

РАЗЛУКА.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой;
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы-съ душой.
ХЕРАСКОВЪ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхомъ, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между которыми узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ-же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь киргизской породы. Я искалъ глазами тѣло комендантши. Оно было отнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подалъ ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросался ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пугачева окружили главные изъ его сообщниковъ. Между ними стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ, увидѣвъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ.

— Слушай, сказалъ онъ мнѣ: ступай сейже часъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня къ себѣ черезъ недѣлю. Посовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовью и послушаніемъ; не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!

Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрина:

— Вотъ вамъ, дѣтушки, новый командиръ. Слушайтесь его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.

Съ ужасомъ услышалъ я эти слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было подсадить его. Въ это время изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ, подходитъ къ Пугачеву и подалъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что изъ того выйдетъ.

— Это что? спросилъ важно Пугачевъ.

— Прочитай, такъ изволишь увидѣть, отвѣчалъ Савельичъ.

Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ.

— Что ты такъ мудрено пишешь? сказалъ онъ наконецъ. Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?

Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву.

— Читай вслухъ! сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу.

Я чрезвычайно любопытствовалъ узнать, о чемъ дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значитъ? сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

— Прикажи читать далѣе, отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ:

«Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей. Штаны бѣлые суконные, на пять рублей. Двѣнадцать рубахъ полотняныхъ голландскихъ съ манжетами, на десять рублей. Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полтиною»...

— Что за вранье? прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

Савельичъ крякнулъ и сталъ объясняться.

— Это, батюшка, изволишь видѣть, реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями...

— Какими злодѣями? сказалъ грозно Пугачевъ.

— Виноватъ, обмолвился, отвѣчалъ Савельичъ: злодѣи не злодѣи, а твои ребята такъ пошарили да порастаскали. Не гнѣвись: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. Прикажи ужъ дочитать.

— Дочитывай, сказалъ Пугачевъ.

Секретарь продолжалъ:

«Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля. Шуба лисья, крытая алымъ ратиномъ, сорокъ рублей. Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, пятнадцать рублей.

— Это что еще! вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясненія, но Пугачевъ его прервалъ.

— Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками! вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лицо Савельичу. — Глупый старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками... Заячій тулупъ! Я те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь-ли ты, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?

— Какъ изволишь, отвѣчалъ Савельичъ: а я человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ буду отвѣчать.

Пугачевъ былъ, видно, въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отъѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить его въ пользу; но мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ-было его бранить за неумѣстное усердіе, и не могъ удержаться отъ смѣха.

— Смѣйся, сударь, отвѣчалъ Савельичъ: смѣйся, а какъ придется намъ съизнова заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно-ли будетъ.

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устрашили меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властью отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвушка—невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было

дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ-же часъ отправиться въ Оренбургъ, чтобы торопить освобожденіе Бѣлогорской крѣпости и по возможности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами.

— Прощайте, говорила мнѣ попадья, провожая меня: прощайте, Петръ Андреевичъ. Авось увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣдная Марья Ивановна кромѣ васъ не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.

Вышедъ на площадь, я остановился на минуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не отставалъ.

Я шелъ занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ. Оглянулся, вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой:

— Ваше благородіе! Отецъ нашъ жалуетъ вамъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще, примолвилъ, запинаясь, урядникъ: жалуетъ онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее дорогою: простите великодушно.

Савельичъ посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ:

— Растерялъ дорогою! А что-же у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!

— Что у меня за пазухой побрякиваетъ? возразилъ урядникъ, ни мало не смутясь: Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчитъ уздечка, а не полтина.

— Добро, сказалъ я, прерывая споръ. Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути и возьми себѣ на водку.

— Очень благодаренъ, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь: вѣчно за васъ буду Бога молить.

При этихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держась одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду. Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича.

— Вотъ видишь-ли, сударь, сказалъ старикъ: что я не даромъ подалъ мошеннику челобитье; вору-то стало совѣстно. Хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать, да все-же пригодится; а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОСАДА ГОРОДА.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ на градъ онъ взоры.
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привезть подъ градъ.
Херасковъ.

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ тележкахъ соръ, наполнявшій ровъ, другіе лопатками копали землю; на валу каменщики таскали кирпичъ и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени, и съ помощью стараго садовника бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лицо его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я разсказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтки.

— Бѣдный Мироновъ! сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть: жаль его, хорошій былъ офицеръ; и мадамъ Миронова добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?

Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости, на рукахъ у попадьи.

— Ай, ай, ай! замѣтилъ генералъ: это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что будетъ съ бѣдною дѣвушкою?

Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко, и что, вѣроятно, его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генералъ покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ онъ: объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣстъ поди отдохни.

Я пошелъ на квартиру, мнѣ отведенную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничалъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не пре-

минулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнится, директора таможни, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ разспрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузьмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то, по крайней мѣрѣ, обнаруживали смѣтливость и природный умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генералъ изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло.

— Теперь, господа, продолжалъ онъ: надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: наступательно или оборонительно? Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное—болѣе вѣрно и безопасно... И такъ, начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть начиная съ младшихъ по чину. Г-нъ прапорщикъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.

Я всталъ и, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу не было способа устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явной неблагосклонностью. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодого человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: «молокососъ», произнесенное кѣмъ-то вполголоса. Генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою:

— Г. прапорщикъ! первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собираніе голосовъ. Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе.

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу:

— Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

— Какъ-же такъ, господинъ коллежскій совѣтникъ? возразилъ изумленный генералъ: другихъ способовъ тактика не представляетъ: движеніе оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Э-хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто.. изъ секретной суммы...

—И тогда, прервалъ таможенный директоръ: будь я киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана, скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

— Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ, отвѣчалъ генералъ. Однако, надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣной, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастіе оружія. Наконецъ генералъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны я совершенно съ мнѣніемъ господина прапорщика согласенъ: ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.

Тутъ онъ остановился и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

— Но, государи мои, продолжалъ онъ, выпустивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыма: я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій ея императорскимъ величествомъ, всемилостивѣйшей моей государыней. И такъ, я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками—отражать.

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который, наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ

вдесятеро увеличилось со времени послѣдняго приступа, которому былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ оренбургскихъ и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что эта осада, по неосторожности мѣстнаго начальства, была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ уныніемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужъ не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищей, и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ, сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тощая городовая конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота; но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противъ разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій! И вотъ что оренбургскіе чиновники называли осторожностью и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ:

— Здравствуйте, Петръ Андреичъ. Какъ васъ Богъ милуетъ?

Я взглянулъ и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался.

— Здравствуй, Максимычъ, сказалъ я ему: Давно-ли изъ Бѣлогорской?

— Недавно, батюшка Петръ Андреичъ: только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмецо.

— Гдѣ-жъ оно? вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

— Со мною, отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху: я обѣщался Палашѣ ужъ какъ-нибудь да вамъ доставить.

Тутъ онъ подалъ мнѣ сложенную бумагу и тотчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки:

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ-нибудь до васъ дошло! Максимычъ обѣщалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна; а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичъ, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать меня ему, застращавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичъ принуждаетъ меня выйти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто-бы я ея племянница. А мнѣ легче было-бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичъ. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де то-же будетъ, что и съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня, а коли черезъ три дня за него не выйду, такъ ужъ никакой пощады не будетъ. Батюшка Петръ Андреичъ! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да пріѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Миронова».

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія пришпоривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу и опрометью къ нему вбѣжалъ.

Генералъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, куря свою пѣнковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его: онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода.

— Ваше превосходительство, сказалъ я ему: прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ: дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? спросилъ изумлен-

ный старикъ: что я могу для тебя сдѣлать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генералъ глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

— Какъ это? Очистить Бѣлогорскую крѣпость? сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ, отвѣчалъ я съ жаромъ: только отпустите меня.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, качая головою: на такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пересѣченная коммуникація...

Я испугался, увидя его, завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать.

— Дочь капитана Миронова, сказалъ я ему, пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее выйти за него замужъ.

— Неужто? О. этотъ Швабринъ—превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа, и мы разстрѣляемъ его на парапетѣ крѣпости! Но покамѣстъ надобно взять терпѣніе...

— Взять терпѣніе! вскричалъ я внѣ себя: а онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ!..

— О! возразилъ генералъ: это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабрина; онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица.

— Скорѣе соглашусь умереть, сказалъ я въ бѣшенствѣ, нежели уступить ее Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! сказалъ старикъ: теперь понимаю... Ты видно въ Марью Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все-же я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была-бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.

Я потупилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ она состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

МЯТЕЖНАЯ СЛОБОДА.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хоть сроду онъ свирѣпъ.
„Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ мой вертепъ?“
Спросилъ онъ ласково.
А. Сумароковъ.

Я оставилъ генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ.

— Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское-ли это дѣло? Неровенъ часъ: ни за что пропадешь. И добро-бы ужъ ходилъ ты на турку или на шведа, а то грѣхъ и сказать, на кого.

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего-на-все денегъ?

— Будетъ съ тебя, отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ: Мошенники какъ тамъ ни шарили, а я все-таки успѣлъ утаить. И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ, полный серебра.

— Ну, Савельичъ, сказалъ я ему: отдай-же мнѣ теперь половину; а остальныя возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ: побойся Бога! Какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? Погоди маленько: войска придутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.

Но намѣреніе мое было твердо принято.

— Поздно разсуждать, отвѣчалъ я старику: Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужи, Савельичъ: Богъ милостивъ, авось увидимся! Смотри-же, не совѣстись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ три-дорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь...

— Что ты это, сударь? прервалъ меня Савельичъ: чтобъ я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужъ рѣшился ѣхать, то я хоть пѣшкомъ, да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣной! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану.

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо

Бердской слободы, пристанища Пугачевскаго. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно:

— Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая клячонка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди... Петръ Андреичъ... батюшка Петръ Андреичъ!.. Господи Владыко, пропадетъ барское дитя!

Вскорѣ засверкали бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой караулъ пугачевскаго пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этою минутой, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ними. Они стащили старика съ его клячи и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ государю.

— А нашъ батюшка, прибавилъ онъ: воленъ приказать — сейчасъ-ли васъ повѣсить, али дождаться свѣта Божія.

Я не противился; Савельичъ слѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народа; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки.

— Вотъ и дворецъ, сказалъ одинъ изъ мужиковъ: сейчасъ объ васъ доложимъ.

Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ:

— Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками — все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его сотоварищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляда. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла.

— А, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ съ живостью. Какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ принесъ?

Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили.

— А по какому дѣлу? спросилъ онъ меня.

Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста.

— Говори смѣло при нихъ, сказалъ мнѣ Пугачевъ: отъ нихъ я ничего не таю.

Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но въ вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго роста, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чуж-

ства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ:

— Говори, по какому-же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привесть въ дѣйствіе мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться, и не успѣвъ обдумать то, на что̀ рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

— Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту? закричалъ онъ: Будь онъ семи пядей во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную, у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

— Я проучу Швабрина! сказалъ грозно Пугачевъ. Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.

— Прикажи слово молвить, сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ: Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай-же дворянъ, казня ихъ по первому наговору.

— Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать! сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ: Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что-же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь-ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе.

— Ась, ваше благородіе? сказалъ онъ мнѣ, подмигивая: фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступить со мною, какъ ему будетъ угодно.

— Добро, сказалъ Пугачевъ: теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ?

— Слава Богу, отвѣчалъ я: все благополучно.

— Благополучно? повторилъ Пугачевъ: а народъ мретъ съ голоду!

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— Ты видишь, подхватилъ старичекъ: что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той-же висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастью, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу.

— Полно, Наумычъ, сказалъ онъ ему: тебѣ-бы все душить да рѣзать. Что̀ ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?

— Да ты что̀ за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ: у тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, отвѣчалъ Хлопуша: и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, а не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «рваныя ноздри!..»

— Что̀ ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ «рваныя ноздри»; погоди, придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

— Господа енаралы! провозгласилъ важно Пугачевъ: полно вамъ ссориться. Не бѣда, если-бъ и всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я-было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался-бы до города и замерзъ-бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

— Долгъ платежомъ красенъ, сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь: Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба-ли сердцу молодецкому, а?

— Она невѣста моя, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

—Твоя невѣста! закричалъ Пугачевъ. Что-жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ! Потомъ, обращаясь къ Бѣлобородову: Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что̀ съ нимъ сдѣлаемъ.

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, которой я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что̀ происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ шубѣ и въ киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку. Мы усѣлись.

— Въ Бѣлогорскую крѣпость! сказалъ Пугачевъ широкоплечему татарину, стоя правящему тройкой.

Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

— Стой! стой! раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ навстрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

— Батюшка, Петръ Андреичъ! кричалъ дядька: не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен...

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

— Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной! говорилъ Савельичъ, усаживаясь: Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня, старика, призрилъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать уже не стану.

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастью, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ-поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что̀ чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызвался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ... Тогда что̀ станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему: я—офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

— Что-жъ? спросилъ Пугачевъ: страшно тебѣ?

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты правъ, ей-Богу правъ! сказалъ самозванецъ: Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты — шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и татаринъ не могли его услышать: помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспаривать и не отвѣчалъ ни слова.

— Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ? спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато. Нечего сказать, далъ ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбіе.

— Да! сказалъ онъ съ веселымъ видомъ: я воюю хоть куда. Знаютъ-ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енараловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: прусскій король могъ-ли-бы со мною потягаться?

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, сказалъ я ему: управился-ли-бы ты съ Фридерикомъ?

— Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ-же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я-же-управляюсь; а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то-ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ вполголоса:

— Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они—воры. Мнѣ должно держать ухо востро: при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою.

— То-то! сказалъ я Пугачеву: не лучше-ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ-же надъ Москвою.

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

— Слушай, сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ: разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: «скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?» — «Оттого, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной». Орелъ подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ-же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: «нѣтъ, братъ, воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ что Богъ дастъ!» — Какова калмыцкая сказка?

— Затѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значитъ по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней — и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СИРОТА.

Какъ у нашей у яблоньки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ:
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому

Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отростилъ себѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился, но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ руку, говоря:

— И ты нашъ? Давно-бы такъ!

Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузьмичъ, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку и сказалъ ему, указавъ на меня:

— Попотчуй и его благородіе.

Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ; но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей смѣтливости, онъ конечно догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недовѣрчивостью. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно:

— Скажи, братецъ, какую ты дѣвушку держишь у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.

Швабринъ поблѣднѣлъ, какъ мертвый.

— Государь, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: государь, она не подъ карауломъ..... она больна... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

— Веди-жъ меня къ ней, сказалъ самозванецъ, вставая съ мѣста.

Отговориться было невозможно. Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за ними послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

— Государь! сказалъ онъ: вы властны требовать отъ меня, что̀ вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.

Я затрепеталъ.

— Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! прервалъ меня Пугачевъ: это мое дѣло. А ты, продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину, не умничай и не ломайся: жена-ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней, кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ:

— Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ и третій день какъ бредитъ безъ умолку.

— Отворяй! сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отскочилъ, дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ—и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что̀ тогда со мною стало—не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина и сказалъ съ горькой усмѣшкою:

— Хорошъ у тебя лазаретъ! потомъ подошелъ къ Марьѣ Ивановнѣ: Скажи мнѣ, голубушка, за что̀ твой мужъ тебя наказываетъ? Въ чемъ ты передъ нимъ провинилась?

— Мой мужъ! повторила она: Онъ мнѣ—не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть, и умру, если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина:

— И ты смѣлъ меня обманывать! сказалъ онъ ему: знаешь-ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?

Швабринъ упалъ на колѣни... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился.

— Милую тебя на сей разъ, сказалъ онъ Швабрину: но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта.

Потомъ обратился къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково:

— Выходи, красная дѣвица; дарую тебѣ волю. Я—государь.

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лицо обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

— Что̀, ваше благородіе? сказалъ, смѣясь, Пугачевъ: выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать-ли за попомъ, да не заставить-ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ—и ворота запремъ!

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя.

— Государь! сказалъ онъ въ изступленіи: я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа: она—дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи здѣшней крѣпости.

Пугачевъ устремилъ на меня огненные свои глаза.

— Это что̀ еще? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Швабринъ сказалъ тебѣ правду, отвѣчалъ я съ твердостью.

— Ты мнѣ этого не сказалъ, замѣтилъ Пугачевъ, у котораго лицо омрачилось.

— Самъ ты разсуди, отвѣчалъ я ему: можно-ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миронова жива. Да они-бы ее загрызли. Ничто-бы не спасло!

— И то правда, сказалъ, смѣясь, Пугачевъ: мои пьяницы не пощадили-бы бѣдной дѣвушки. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.

— Слушай, продолжалъ я, видя его доброе расположеніе: какъ тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но Богъ видитъ, что жизнію радъ-бы я заплатить тебѣ за то, что̀ ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что̀ противно чести моей и христіанской совѣсти. Ты — мой благодѣтель. Доверши, какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ-бы ты ни былъ и что-бы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута.

— Инъ быть по-твоему! сказалъ онъ: казнить, такъ казнить, жаловать, такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу, вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!

Тутъ онъ обратился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости, подвластныя ему. Швабринъ, совсѣмъ уничтоженный, стоялъ, какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ, а я остался подъ предлогомъ приготовленія къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался.

— Кто тамъ? спросила Палаша.

Я назвался. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей:

— Погодите, Петръ Андреичъ. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Памфиловнѣ: я сейчасъ туда-же буду.

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ, и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичъ ихъ уже предупредилъ.

— Здравствуйте, Петръ Андреичъ, говорила попадья: привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!... Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили? Какъ это онъ васъ не укокошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.

—Полно, старуха, прервалъ отецъ Герасимъ: не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многоглаголаніи. Батюшка, Петръ Андреичъ! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались

Попадья стала угощать меня, чѣмъ Богъ послалъ, а между тѣмъ говорила безъ умолку. Она разсказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ); какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я въ свою очередь разсказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ.

— Съ нами сила крестная! говорила Акулина Памфиловна: промчи Богъ тучу мимо Айда Алексѣй Иванычъ, нечего сказать, хорошъ гусь!

Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое крестьянское платье и одѣта была по-прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна разсказала мнѣ все, что съ нею случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости,подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающемъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного родного человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ почтетъ за счастіе и вмѣнитъ себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество.

— Милая Марья Ивановна! сказалъ я наконецъ: я почитаю васъ своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно; ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить.

Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Черезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашелъ его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать его изъ среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увидя въ толпѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; потомъ сѣлъ въ кибитку, велѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ:

— Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда-нибудь.

Мы точно съ нимъ увидѣлись—но въ какихъ обстоятельствахъ!...

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась его тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воро-

тился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичъ забрался на облучекъ.

— Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичъ, соколъ нашъ ясный! говорила добрая попадья. Счастливый путь, и дай Богъ вамъ обоимъ счастья!

Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

АРЕСТЪ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему,
Я долженъ сей-же часъ отправить васъ въ тюрьму.
Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ,
Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.

Княжнинъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкой, о которой еще утромъ я такъ мучительно безпокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостью то на меня, то на дорогу и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ, часа черезъ два, очутились мы въ ближней крѣпости, также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ которою ихъ запрягали, по торопливой услужливости бородатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, я увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня принимали какъ придворнаго временщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться. Мы приблизились къ городку, гдѣ, по словамъ бородатаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопросъ: «кто ѣдетъ?» ямщикъ отвѣчалъ громогласно: «государевъ кумъ со своею хозяюшкою». Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасной бранью.

— Выходи, бѣсовъ кумъ! сказалъ мнѣ усатый вахмистръ: Вотъ ужо тебѣ будетъ баня и съ твоею хозяюшкою!

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ ихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ повелъ меня къ маіору. Савельичъ отъ меня не отставалъ, поговаривая про себя: «Вотъ тебѣ и государевъ кумъ! Изъ огня да въ полымя... Господи Владыко! чѣмъ это все кончится?» Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ-же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяюшку къ себѣ привести.

— Что это значитъ? закричалъ я въ бѣшенствѣ: Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

— Не могу знать, ваше благородіе, отвѣчалъ вахмистръ: Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано привести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Маіоръ металъ. Каково-же было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, я узналъ Ивана Ивановича Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ симбирскомъ трактирѣ!

— Возможно-ли? вскричалъ я: Иванъ Иванычъ! Ты-ли?

— Ба, ба, ба, Петръ Андреичъ! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь-ли поставить карточку?

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

— Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не одинъ.

— Ну, подавай сюда товарища.

— Я не съ товарищемъ, я... съ дамою.

— Съ дамою! Гдѣ-же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!

При этихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали, а я совершенно смутился.

— Ну, продолжалъ Зуринъ: такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль... Мы-бы попировали по-старинному... Гей! малый! Да что-же сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? Или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась; баринъ-де прекрасный, ничѣмъ не обидитъ—да хорошенько ее въ шею.

— Что ты это? сказалъ я Зурину: Какая кумушка Пугачева? Это—дочь покойнаго капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставлю ее.

— Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что-жъ это значитъ?

— Послѣ все разскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиниться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоемъ, я разсказалъ ему свои похожденія. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ:

— Это, братъ, хорошо; одно нехорошо: зачѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь-же ты мнѣ, что женитьба—блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да нянчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты съ капитанской дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра-же одну къ родителямъ твоимъ, а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ незачѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщиковъ, такъ врядъ-ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ любовная дурь пройдетъ сама собою и все будетъ ладно.

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожъ чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню и остаться въ его отрядѣ.

Савельичъ явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой-же день готовъ онъ былъ ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ-было заупрямился.

— Что ты, сударь? Какъ-же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностью.

— Другъ ты мой, Архипъ Савельичъ! сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ. потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ всплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго.

— Жениться! повторилъ онъ: Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ?

— Согласятся, вѣрно согласятся, отвѣчалъ я: когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ; ты будешь за насъ ходатаемъ, не такъ-ли?

Старикъ былъ тронутъ.

— Охъ, батюшка ты мой, Петръ Андреичъ! отвѣчалъ онъ: Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ быть по-твоему! Провожу ее, ангела Божія, и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ ненадобно и приданаго.

Я благодарилъ Савельича и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно, но мало по малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то вопросъ, онъ захрапѣлъ и присвистнулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ-же день. Нечего было медлить. Я тутъ-же разстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала.

— Прощайте, Петръ Андреичъ, сказала она тихимъ голосомъ: Придется-ли намъ увидѣться или нѣтъ—Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.

Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять; мы провели день шумно и буйно, и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила, и наши генералы готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около него отряды соединялись и со всѣхъ сторонъ приближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни, при видѣ нашихъ войскъ, приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и все предвѣщало скорое и благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ, подъ крѣпостью Татищевой, разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ башкирцевъ, которые разсѣялись преж-

де, нежели мы ихъ увидали. Весна осадила насъ въ татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бездѣйствіи мыслью о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки и снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться чрезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ заѣхать къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной, одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурина: «Въ Симбирскъ! въ Симбирскъ!» Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женишься, ни за что пропадешь!...»

Мы приближались къ берегамъ Волги. Полкъ нашъ вступилъ въ деревню ** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались; шайки пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило.

Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покоя. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется-ли перевозчика. Всѣ крестьяне были рыболовы; лодокъ много. Я пришелъ къ Зурину и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.

— Берегись, сказалъ онъ мнѣ: одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякій случай.

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было ясно. Луна сіяла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка, плавно качаясь, скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около получаса. Я погрузился въ мечты воображенія: спокойствіе природы и ужасы политическіе, любовь и т. д. Мы достигли средины рѣки... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою.

— Что такое? спросилъ я, очнувшись.

— Не знаемъ, Богъ вѣсть, отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону.

Глаза мои приняли то-же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дождаться.

Луна зашла за облако. Плывущій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, а я все еще не могъ его различить.

— Что-бы это было? говорили гребцы: парусъ не парусъ, мачта не мачта.

Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла висѣлица, утвержденная на плоту. Три тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною. Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывущую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенныя лица несчастныхъ.. Одинъ изъ нихъ былъ старый чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый, лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными буквами было написано: «Воры и бунтовщики». Гребцы равнодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я сѣлъ опять въ лодку. Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, и лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу.

Я щедро расплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ повелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ-было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ телѣжку и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановленному на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказательствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякій случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Зурина. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ четверть часа я въѣхалъ въ **. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать.

— Что такое? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Застава, баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановя разъяренныхъ коней.

Въ самомъ дѣлѣ, я увидалъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая паспортъ.

— Что это значитъ? спросилъ я его: Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?

— Да мы, батюшка, бунтуемъ, отвѣчалъ онъ, почесываясь.

— А гдѣ ваши господа? спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ.

— Господа-то наши гдѣ? повторилъ мужикъ: Господа наши въ хлѣбномъ амбарѣ.

— Какъ въ амбарѣ?

— Да Андрюха земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки и хочетъ везти къ батюшкѣ-государю!

— Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что-же ты зѣваешь?

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телѣги, треснулъ его (виноватъ) въ ухо и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телѣгу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный амбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами. Телѣга остановилась прямо передъ ними. Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ.

— Отворяй двери! сказалъ я имъ.

Вѣроятно, видъ мой былъ страшенъ, по крайней мѣрѣ оба убѣжали, бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать; но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ надменнымъ видомъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить.

— Гдѣ Андрюшка земскій? закричалъ я ему: кликнуть его ко мнѣ!

— Я самъ Андрей Аѳанасьевичъ, а не Андрюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, гордо подбочась: Чего надобно?

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ амбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился; но о т е ч е с к о е наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключъ и отперъ амбаръ. Я кинулся черезъ порогъ и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолкѣ, увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны, на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ: три года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый знакомый голосъ.

— Петръ Андреичъ! Это вы?

Я оглянулся и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча, не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его.

— Здравствуй, здравствуй, Петруша! говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу: Слава Богу, дождались тебя!

Матушка ахнула и залилась слезами.

— Петруша, другъ мой! говорила матушка. Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ-ли ты?

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія; но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою.

— Андрюшка! закричалъ я: отопри!

— Какъ не такъ! отвѣчалъ изъ-за двери земскій: сиди-ка самъ здѣсь! Вотъ ужо научимъ тебя буянить да за воротъ таскать государевыхъ чиновниковъ!

Я сталъ осматривать амбаръ, ища, не было-ли какого-нибудь способа выбраться.

— Не трудись, сказалъ мнѣ батюшка: не таковскій я хозяинъ, чтобъ можно было въ амбары мои входить и выходить воровскими лазейками.

Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, впала въ отчаяніе, видя, что пришлось и мнѣ раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ находился съ ними и съ Марьей Ивановной. Со мной была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Зуринъ долженъ былъ подоспѣть къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и Марью Ивановну. Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ.

— Ну, Петръ, сказалъ мнѣ отецъ: довольно ты проказилъ, и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ, какъ надлежитъ честному офицеру. Спасибо, утѣшилъ меня, старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе.

Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на Марью Ивановну, которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно счастлива и спокойна.

Около полудня услышали мы необычайный шумъ и крики.

— Что это значитъ? сказалъ отецъ: ужъ не твой-ли полковникъ подоспѣлъ?

— Невозможно, отвѣчалъ я: онъ не будетъ прежде вечера.

Шумъ умножался. Били въ набатъ. По двору скакали конные люди. Въ эту минуту въ узкое отверстіе, прорубленное въ стѣнѣ, просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька произнесъ жалостнымъ голосомъ:

— Андрей Петровичъ! Батюшка ты мой, Петръ Андреичъ! Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь-ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ, Алексѣй Иванычъ, нелегкая его побери!

Услыша ненавистное имя, Марья Ивановна всплеснула руками и осталась неподвижною.

— Послушай! сказалъ я Савельичу: пошли кого-нибудь верхомъ къ перевозу, навстрѣчу гусарскому полку, и вели дать знать полковнику о нашей опасности.

— Да кого-же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ, а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До амбара добираются.

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ. Я далъ знакъ матушкѣ и Марьѣ Ивановнѣ удалиться въ уголъ, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась, и голова земскаго показалась. Я ударилъ по ней саблею, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту-же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа, осаждавшая насъ, отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей. Между ними узналъ я Швабрина.

— Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ: есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ.

Матушка молча молилась Богу. Марья Ивановна стояла подлѣ нея, съ ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятія. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ, готовый изрубить перваго смѣльчака. Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

— Я здѣсь. Чего ты хочешь?

— Сдавайся, Гриневъ: противиться невозможно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь. Я до васъ доберусь!

— Попробуй, измѣнникъ!

— Не стану ни самъ соваться по-пустому, ни своихъ людей тратить, а велю поджечь амбаръ, и тогда посмотримъ, что̀ ты станешь дѣлать, Донъ-Кишотъ бѣлогорскій. Теперь пора обѣдать. Покамѣстъ сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ.

Швабринъ удалился, оставя караулъ у амбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей. Я воображалъ себѣ все, что̀ въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться-ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Марьи Ивановны. Я зналъ, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми. Батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Марья Ивановна? Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человѣкъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился (прости, Господи!) умертвить ее скорѣе, нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и стращали насъ истязаніями и смертью. Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ, и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что̀, надумались-ли вы? Сдаетесь-ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы. Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный амбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ-подъ щелей порога.

Тогда Марья Ивановна подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала:

— Полно, Петръ Андреичъ! Не губите за меня и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!

— Ни за что̀! закричалъ я съ сердцемъ: знаете-ли вы, что̀ васъ ожидаетъ?

— Безчестія не переживу, отвѣчала она спокойно: но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью, которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичъ! Прощайте, Авдотья Васильевна! Вы были для меня болѣе, чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, Петръ Андреичъ. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она заплакала и закрыла лицо руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

— Полно врать, Марья Ивановна, сказалъ мой отецъ: Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужъ вмѣстѣ. Слушай! Что̀ тамъ еще говорятъ?

— Сдаетесь-ли? кричалъ Швабринъ: Видите, черезъ пять минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ.

Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Теперь пора!»

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, законопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: «За мной!» Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Швабринъ, прострѣленный дряхлою рукою отца моего. Толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободри-

лась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичъ, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки. Толпа крестьянъ, казаковъ и башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лицо его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ:

— Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ нея...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Зуринъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями наголо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Зуринъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Кстати-же я подоспѣлъ! сказалъ онъ намъ: А! вотъ и твоя невѣста!

Марья Ивановна покраснѣла по-уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ, хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя ангеломъ-избавителемъ.

— Милости просимъ къ намъ, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Зуринъ остановился.

— Это кто? спросилъ онъ, глядя на раненаго.

— Это самъ предводитель шайки, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина: Богъ помогъ дряхлой рукѣ моей наказать молодого злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына.

— Это Швабринъ, сказалъ я Зурину.

— Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лекарю, чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его, какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непремѣнно представить въ секретную казанскую коммиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны...

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось, кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащѣ.

Мы вошли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичъ торжествовалъ. Надобно знать, что во время тревоги, произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла Швабрина лошадь, осѣдлалъ ее, вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ, незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдыхавшій уже по сю сторону Волги. Зуринъ, узнавъ отъ него о нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопъ! и, слава Богу, прискакалъ во-время.

Зуринъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони, захватя въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ. Ихъ заперли въ тотъ самый амбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Зуринъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Марья Ивановна разливала чай. Я сѣлъ подлѣ нея и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи. Я былъ счастливъ, счастливъ совершенно; а много-ли такихъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни.

— Ну, что, дураки? сказалъ онъ имъ: Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?

— Виноваты, государь ты нашъ, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— То-то виноваты! Напроказятъ, да сами не рады! Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ Петромъ Андреевичемъ. Ну, добро: повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Виноваты; конечно виноваты!

— Богъ далъ вёдро. Пора-бы сѣно убирать; а вы, дурачье, цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядить поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобъ у меня къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь!

Мужики поклонились и пошли на барщину, какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Швабрина оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телѣгу. Взоры наши встрѣтились. Онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно изъ окна: я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и несчастіемъ недруга.

Зуринъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я

рѣшился за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Наканунѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьею Ивановной. Старики меня подняли и въ радостныхъ слезахъ изъявили свое согласіе. Я привелъ къ нимъ Марью Ивановну, блѣдную и трепещущую. Насъ благословили. Что̀ чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня пойметъ. Кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, пока еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Зуринъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены. Черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть супругомъ. Марья Ивановна, прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ. Я сѣлъ въ кибитку. Савельичъ опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ несчастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили чрезъ селенія, разоренныя Пугачевымъ, и по-неволѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что̀ оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ, посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ, тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ. Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ, которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, которымъ и своя шейка—копѣйка, и чужая головушка—полушка.

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, о которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ, пожимая плечами: «Нѣтъ! тебѣ не сдобровать! Женишься—ни за что̀ пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровью столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня по-неволѣ. «Емеля, Емеля!—думалъ я съ досадою—зачѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ-бы ты придумать». Что̀ прикажете дѣлать! Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслью о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Черезъ нѣсколько дней долженъ я былъ опять очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну. Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего денщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло.

— Что̀ такое? спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Маленькая непріятность, отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу: прочитай, что̀ сейчасъ я получилъ.

Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ-бы я имъ ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань, въ слѣдственную коммиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ.

— Дѣлать нечего! сказалъ Зуринъ: Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ-нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ коммиссіей. Не унывай и отправляйся.

Совѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ—устрашала меня. Телѣжка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ телѣжку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СУДЪ.

Мірская молва—морская волна.
Пословица.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи.

Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая этотъ способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня въ тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной конуркѣ, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однако-жъ я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ и, впервые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что̀ со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ коммиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу, довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати восьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка, за особымъ столомъ, сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ-ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово:

— Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!

Я спокойно отвѣчалъ, что каковы-бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась.

— Ты, братъ, востёръ, сказалъ онъ мнѣ, нахмурясь: но видали мы и не такихъ!

Тогда молодой человѣкъ спросилъ меня:

— По какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву, и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ и никакихъ порученій отъ него принять не могъ.

— Какимъ-же образомъ, возразилъ мой допросчикъ: дворянинъ и офицеръ одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи?

Я былъ глубоко оскорбленъ словами гвардейскаго офицера и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я разсказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана, какъ при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ, что тулупъ и лошадь, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной оренбургской осады.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и сталъ читать его вслухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, яко-бы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенныя и долгу присяги противныя, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гриневъ находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала октября прошлаго 1773 года до 24 февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжчиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу...»

Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе и сказалъ мнѣ сурово:

— Что̀ ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?

Я хотѣлъ было продолжать, какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной такъ-же искренно, какъ и все прочее, но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то коммиссія потребуетъ ее къ отвѣту, и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самоё привести на очную съ ними ставку—эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностью, были снова предубѣждены противу меня

при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ кликнуть вчерашняго злодѣя. Я съ живостью оборотился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ—Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпіономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, чтобъ передавать письменныя извѣстія о всемъ, что̀ дѣлается въ городѣ; что наконецъ явно передался самозванцу, разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, чтобы занимать ихъ мѣста и пользовался наградами, раздаваемыми отъ самозванца. Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, оттого-ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ; оттого-ли, что въ сердцѣ его таилась искра того-же чувства, которое и меня заставляло молчать. Какъ-бы то ни было, имя дочери бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи коммиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: «чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина», я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другого въ оправданіе себя сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобною усмѣшкой и, приподнявъ свои цѣпи, опередилъ меня и ускорилъ свои шаги. Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слыхалъ о томъ разсказы, что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память, и что мнѣ кажется, будто-бы я тутъ-же невидимо присутствовалъ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, котораго цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностью и осторожностью.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія на счетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была-бы меня постигнуть, но что государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Этотъ неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ.

—Какъ! повторялъ онъ, выходя изъ себя: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что̀ почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!.. Стыдъ и срамъ нашему роду!..

Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ-бы оправдаться, когда-бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницей моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ-бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря», но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ-же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась.

— Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ? сказала она:

неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?

Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, и что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ.

— Поѣзжай, матушка! сказалъ онъ ей со вздохомъ: мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.

Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что служилъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она—племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только-что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ.

— Не бойтесь, она не укуситъ.

И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

— Вы, вѣрно, не здѣшняя? сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

— Вы пріѣхали съ вашими родными?

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

— Одна! Но вы такъ еще молоды...

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу государынѣ.

— Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

— Извините меня, сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.

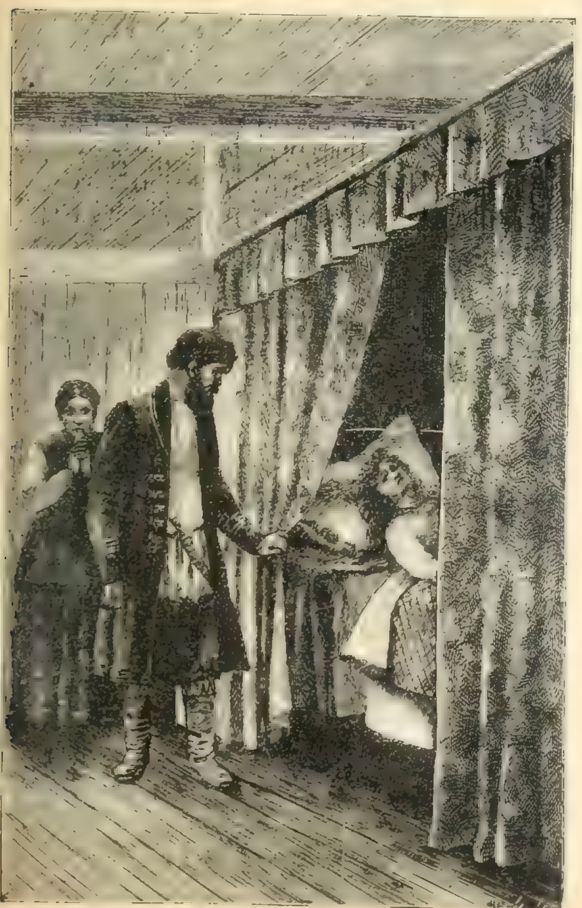
Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лицо ея перемѣнилось—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

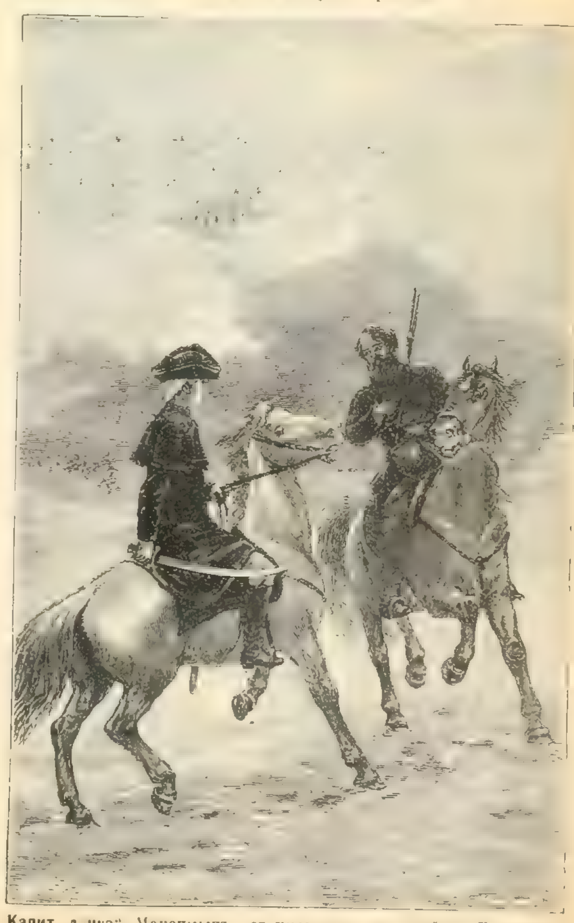
— Вы просите за Гринева? сказала дама съ холоднымъ видомъ: императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.

„Капит. дочка". Дуэль Швабрина съ Гриневымъ.

„Капит. дочка". Пугачевъ милуетъ Гринева.

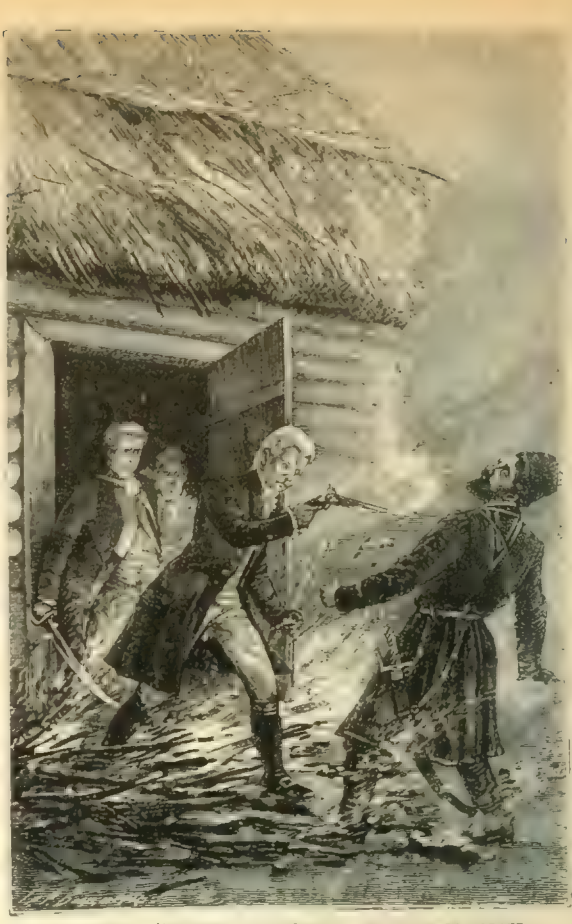


„Капит. дочка". Къ счастью, она не узнала Пугачева.



„Капит. дочка". Максимычъ съ письмомъ отъ невѣсты Гринева.

„Капит. дочка". Пріѣздъ Пугачева въ Бѣлогорскую



„Капит. дочка". „Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за порогъ...

„Капит. дочка". Судъ надъ Гриневымъ.

„Капит. дочка". Капитанская дочка передъ Екатериной II.

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

— Какъ, неправда! возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, чтó постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, чтó уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

— Гдѣ вы остановились? спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила съ улыбкою: А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только-было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась.

— Ахти, Господи! закричала она: государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ-же это она про васъ узнала? Да какъ-же вы, матушка, представитесь къ императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить-ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу подостеречь. И какъ-же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ. Не послать-ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?

Камеръ-лакей объявилъ, что государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ: камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно объяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой:

— Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею.

— Знаю, что вы не богаты, сказала она: но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.

Обласкавъ бѣдную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той-же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала его провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ-же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской губерніи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ собственноручное письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова.

Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, пріискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволивъ себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.

1836 г. Издатель.

КИРДЖАЛИ.

Кирджали былъ родомъ булгаръ. Кирджали на турецкомъ языкѣ значитъ витязь, удалецъ. Настоящаго его имени я не знаю.

Кирджали своими разбоями наводилъ ужасъ на всю Молдавію. Чтобъ дать о немъ нѣкоторое понятіе, разскажу одинъ изъ его подвиговъ. Однажды ночью онъ и арнаутъ Михайлаки напали вдвоемъ на булгарское селеніе. Они зажгли его съ двухъ сторонъ и стали переходить изъ хижины въ хижину. Кирджали рѣзалъ, а Михайлаки несъ добычу. Оба кричали: Кирджали! Кирджали! Все селеніе разбѣжалось.

Когда Александръ Ипсиланти обнародовалъ возмущеніе и началъ набирать себѣ войска, Кирджали привелъ къ нему нѣсколько старыхъ своихъ товарищей. Настоящая цѣль этеріи была имъ худо извѣстна, но война представляла случай обогатиться на счетъ турокъ, а можетъ быть и молдаванъ, и это казалось имъ очевидно.

Александръ Ипсиланти былъ лично храбръ, но не имѣлъ свойствъ, нужныхъ для роли, за которую взялся такъ горячо и такъ неосторожно. Онъ не умѣлъ сладить съ людьми, которыми принужденъ былъ предводительствовать. Они не имѣли къ нему ни уваженія, ни довѣренности. Послѣ несчастнаго сраженія, гдѣ погибъ цвѣтъ греческаго юношества, Іордаки Олимбіоти присовѣтовалъ ему удалиться и самъ заступилъ его мѣсто. Ипсиланти ускакалъ къ границамъ Австріи и оттуда послалъ свое проклятіе людямъ, которыхъ называлъ ослушниками, трусами и негодяями. Эти трусы и негодяи, большею частью, погибли въ стѣнахъ монастыря Секу или на берегахъ Прута, отчаянно защищаясь противу непріятеля, вдесятеро сильнѣйшаго.

Кирджали находился въ отрядѣ Георгія Кантакузина, о которомъ можно повторить то-же самое, что сказано объ Ипсиланти. Накануне сраженія подъ Скулянами, Кантакузинъ просилъ у русскаго начальства позволенія вступить въ нашъ карантинъ. Отрядъ остался безъ предводителя; но Кирджали, Сафіаносъ, Кантагони и другіе не находили никакой нужды въ предводителѣ.

Сраженіе подъ Скулянами, кажется, никѣмъ не описано во всей его трогательной истинѣ. Вообразите себѣ семьсотъ человѣкъ арнаутовъ, албанцевъ, грековъ, булгаръ и всякаго сброду, не имѣющихъ понятія о военномъ искусствѣ и отступающихъ въ виду пятнадцати тысячъ турецкой конницы. Этотъ отрядъ прижался къ берегу Прута и выставилъ передъ собою двѣ маленькія пушечки, найденныя въ Яссахъ на дворѣ господаря, изъ которыхъ, бывало, палили во время имениныхъ обѣдовъ. Турки рады были-бы дѣйствовать картечью, но не смѣли безъ позволенія русскаго начальства: картечь непремѣнно перелетѣла-бы на нашъ берегъ. Начальникъ карантина (нынѣ уже покойникъ), сорокъ лѣтъ служившій въ военной службѣ, отроду не слыхивалъ свиста пуль; но тутъ Богъ привелъ услышать. Нѣсколько ихъ прожужжали мимо его ушей. Старичекъ ужасно разсердился и разбранилъ за то маіора охотскаго пѣхотнаго полка, находившагося при карантинѣ. Маіоръ, не зная, что дѣлать, побѣжалъ къ рѣкѣ, за которой гарцовали делибаши, и погрозилъ имъ пальцемъ. Делибаши, увидя это, повернулись и ускакали, а за ними и весь турецкій отрядъ. Маіоръ, погрозившій пальцемъ, назывался Хорчевскій. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось.

На другой день, однакожъ, турки атаковали этеристовъ. Не смѣя употреблять ни картечи, ни ядеръ, они рѣшились, вопреки своему обыкновенію, дѣйствовать холоднымъ оружіемъ. Сраженіе было жестокое. Рѣзались ятаганами. Со стороны турокъ замѣчены были копья, дотолѣ у нихъ небывалыя; эти копья были русскія: Некрасовцы сражались въ ихъ рядахъ. Этеристы, съ разрѣшенія нашего государя, могли перейти Прутъ и скрыться въ нашемъ карантинѣ. Они начали переправляться. Кантагони и Сафіаносъ остались послѣдніе на турецкомъ берегу. Кирджали, раненый наканунѣ, лежалъ уже въ карантинѣ. Сафіаносъ былъ убитъ. Кантагони, человѣкъ очень толстый, раненъ былъ копьемъ въ брюхо. Онъ одной рукою поднялъ саблю, другою схватился за вражеское копье, всадилъ его въ себя глубже и такимъ образомъ могъ достать саблею своего убійцу, съ которымъ вмѣстѣ и повалился.

Все было кончено. Турки остались побѣдителями. Молдавія была очищена. Около шестисотъ арнаутовъ разсыпались по Бессарабіи; не вѣдая, чѣмъ себя прокормить, они все-же были благодарны Россіи за ея покровительство. Они вели жизнь праздную, но не безпутную. Ихъ можно всегда было видѣть въ кофейняхъ полутурецкой Бессарабіи, съ длинными чубуками во рту, прихлебывающихъ кофейную гущу изъ маленькихъ чашечекъ. Ихъ узорныя куртки и красныя востроносыя туфли начинали уже изнашиваться, но хохлатая скуфейка все-же еще надѣта была на бекрень, а ятаганы и пистолеты все еще торчали изъ-за широкихъ поясовъ. Никто на нихъ не жаловался. Нельзя было и подумать, чтобъ эти мирные бѣдняки были извѣстнѣйшіе клефты Молдавіи, товарищи грознаго Кирджали, и чтобъ онъ самъ находился между ними.

Паша, начальствовавшій въ Яссахъ, о томъ узналъ и, на основаніи мирныхъ договоровъ,

потребовалъ отъ русскаго начальства выдачи разбойника.

Полиція стала доискиваться. Узнали, что Кирджали въ самомъ дѣлѣ находится въ Кишиневѣ. Его поймали въ домѣ бѣглаго монаха, вечеромъ, когда онъ ужиналъ, сидя въ потемкахъ съ семью товарищами.

Кирджали засадили подъ караулъ. Онъ не сталъ скрывать истины и признался, что онъ— Кирджали.

— Но, прибавилъ онъ, съ тѣхъ поръ, какъ я перешелъ за Прутъ, я не тронулъ ни волоса чужого добра, не обидѣлъ и послѣдняго цыгана. Для турокъ, для молдаванъ, для валаховъ я, конечно, разбойникъ, но для русскихъ я—гость. Когда Сафіаносъ, разстрѣлявъ всю свою картечь, пришелъ къ намъ въ карантинъ, отбирая у раненыхъ для послѣднихъ зарядовъ пуговицы, гвозди, цѣпочки и набалдашники съ ятагановъ, я отдалъ ему двадцать бешлыковъ и остался безъ денегъ. Богъ видитъ, что я, Кирджали, жилъ подаяніемъ! За что-же теперь русскіе выдаютъ меня моимъ врагамъ?

Послѣ того Кирджали замолчалъ и спокойно сталъ ожидать разрѣшенія своей участи.

Онъ дожидался недолго. Начальство, не обязанное смотрѣть на разбойниковъ съ ихъ романтической стороны и убѣжденное въ справедливости требованія, повелѣло отправить Кирджали въ Яссы.

Человѣкъ съ умомъ и сердцемъ, въ то время неизвѣстный молодой чиновникъ, нынѣ занимающій важное мѣсто, живо описывалъ мнѣ его отъѣздъ.

У воротъ острога стояла почтовая каруца... Можетъ быть, вы не знаете, что̀ такое каруца. Это низенькая, плетеная телѣжка, въ которую еще недавно впрягались обыкновенно шесть или восемь кляченокъ. Молдаванъ въ усахъ и въ бараньей шапкѣ, сидя верхомъ на одной изъ нихъ, поминутно кричалъ и хлопалъ бичемъ, и кляченки его бѣжали довольно крупною рысью. Если одна изъ нихъ начинала приставать, то онъ отпрягалъ ее съ ужасными проклятіями и бросалъ на дорогѣ, не заботясь объ ея участи. На обратномъ пути онъ увѣренъ былъ найти ее на томъ-же мѣстѣ, спокойно пасущуюся на зеленой степи. Нерѣдко случалось, что путешественникъ, выѣхавшій изъ одной станціи на восьми лошадяхъ, пріѣзжалъ на другую на парѣ. Такъ было лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Нынѣ въ обрусѣвшей Бессарабіи переняли русскую упряжь и русскую телѣгу.

Такая каруца стояла у воротъ острога въ 1821 году, въ одно изъ послѣднихъ чиселъ сентября мѣсяца. Жидовки, спустя рукава и шлепая туфлями, арнауты въ своемъ оборванномъ и живописномъ нарядѣ, стройныя молдаванки съ черноглазыми ребятами на рукахъ окружали каруцу. Мужчины хранили молчаніе, женщины съ жаромъ чего-то ожидали.

Ворота отворились, и нѣсколько полицейскихъ офицеровъ вышли на улицу; за ними двое солдатъ вывели скованнаго Кирджали.

Онъ казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго лица его были правильны и суровы. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ, и вообще въ немъ изображалась необыкновенная физическая сила. Пестрая чалма наискось покрывала его голову, широкій поясъ обхватывалъ тонкую поясницу; доломанъ изъ толстаго синяго сукна, широкія складки рубахи, падающія выше колѣнъ, и красивыя туфли составляли остальной его нарядъ. Видъ его былъ гордъ и спокоенъ.

Одинъ изъ чиновниковъ, краснорожій старичекъ, въ полиняломъ мундирѣ, на которомъ болтались три пуговицы, прищемилъ оловянными очками багровую шишку, замѣнявшую у него носъ, развернулъ бумагу и, гнуся, началъ читать на молдаванскомъ языкѣ. Время отъ времени онъ надменно взглядывалъ на скованнаго Кирджали, къ которому, повидимому, относилась бумага. Кирджали слушалъ его со вниманіемъ. Чиновникъ кончилъ свое чтеніе, сложилъ бумагу, грозно прикрикнулъ на народъ, приказалъ ему раздаться и велѣлъ подвезти каруцу. Тогда Кирджали обратился къ нему и сказалъ ему нѣсколько словъ на молдаванскомъ языкѣ; голосъ его дрожалъ, лицо измѣнилось; онъ заплакалъ и повалился въ ноги полицейскаго чиновника, загремѣвъ своими цѣпями. Полицейскій чиновникъ, испугавшись, отскочилъ, солдаты хотѣли-было приподнять Кирджали, но онъ всталъ самъ, подобралъ свои кандалы, шагнулъ въ каруцу и закричалъ: гайда! Жандармъ сѣлъ подлѣ него; молдаванъ хлопнулъ бичемъ, и каруца покатилась.

— Что̀ это говорилъ вамъ Кирджали? спросилъ молодой чиновникъ у полицейскаго.

— Онъ, видите-съ, просилъ меня, отвѣчалъ, смѣясь, полицейскій, чтобъ я позаботился о его женѣ и ребенкѣ, которые живутъ недалече отъ Киліи въ булгарской деревнѣ: онъ боится, чтобъ и они изъ-за него не пострадали. Народъ глупый-съ.

Разсказъ молодого чиновника сильно меня тронулъ. Мнѣ было жаль бѣднаго Кирджали. Долго не зналъ я ничего объ его участи. Нѣсколько лѣтъ ужъ спустя, встрѣтился я съ молодымъ чиновникомъ. Мы разговорились о прошедшемъ.

— А что̀ вашъ пріятель Кирджали? спросилъ я: не знаете-ли, что̀ съ нимъ сдѣлалось?

— Какъ не знать, отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее.

Кирджали, привезенный въ Яссы, представленъ былъ пашѣ, который присудилъ его быть

посажену на колъ. Казнь отсрочили до какого-то праздника. Покамѣстъ заключили его въ тюрьму.

Невольника стерегли семеро турокъ (люди простые и въ душѣ такіе-же разбойники, какъ и Кирджали); они уважали его и съ жадностью, общею всему востоку, слушали его чудные разсказы. Между стражами и невольникомъ завелась тѣсная связь. Однажды Кирджали сказалъ имъ:

— Братья! часъ мой близокъ. Никто своей судьбы не избѣжитъ. Скоро я съ вами разстанусь. Мнѣ хотѣлось-бы вамъ оставить что-нибудь на память.

Турки развѣсили уши.

— Братья, продолжалъ Кирджали: три года тому назадъ, какъ я разбойничалъ съ покойнымъ Михайлаки, мы зарыли въ степи, недалече отъ Яссъ, котелъ съ гальбинами. Видно, ни мнѣ, ни ему не владѣть этимъ кладомъ. Такъ и быть, возьмите его себѣ и раздѣлите полюбовно.

Турки чуть съ ума не сошли. Пошли толки, какъ имъ будетъ найти завѣтное мѣсто? Думали, думали и положили, чтобы Кирджали самъ ихъ повелъ.

Настала ночь. Турки сняли оковы съ ногъ невольника, связали ему руки веревкою и съ нимъ отправились изъ города въ степь.

Кирджали ихъ повелъ, держась одного направленія, отъ одного кургана къ другому. Они шли долго. Наконецъ Кирджали остановился близъ широкаго камня, отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ на полдень, топнулъ и сказалъ: здѣсь.

Турки распорядились. Четверо вынули свои ятаганы и начали копать землю. Трое остались на стражѣ. Кирджали сѣлъ на камень и сталъ смотрѣть на ихъ работу.

— Ну, что, скоро-ли? спрашивалъ онъ: дорылись-ли?

— Нѣтъ еще, отвѣчали турки, и работали такъ, что потъ лилъ съ нихъ градомъ.

Кирджали сталъ оказывать нетерпѣніе.

— Экой народъ, говорилъ онъ: и землю-то копать порядочно не умѣютъ. Да у меня дѣло было-бы кончено въ двѣ минуты. Дѣти! развяжите мнѣ руки, дайте ятаганъ.

Турки призадумались и стали совѣтоваться. Что-же? (рѣшили они) развяжемъ ему руки, дадимъ ятаганъ. Что за бѣда? Онъ одинъ, насъ семеро. И турки развязали ему руки и дали ятаганъ.

Наконецъ Кирджали былъ свободенъ и вооруженъ. Что-то долженъ онъ былъ почувствовать! Онъ сталъ проворно копать, сторожа ему помогали... Вдругъ онъ въ одного изъ нихъ вонзилъ свой ятаганъ, и, оставя булатъ въ его груди, выхватилъ изъ-за его пояса два пистолета.

Остальные шесть, увидя Кирджали вооруженнаго двумя пистолетами, разбѣжались.

Кирджали нынѣ разбойничаетъ около Яссъ. Недавно писалъ онъ господарю, требуя отъ него пять тысячъ левовъ и грозясь, въ случаѣ неисправности въ платежѣ, зажечь Яссы и добраться до самого господаря. Пять тысячъ левовъ были ему доставлены.

Каковъ Кирджали?

1834 г.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Quel est cet homme?" — Ha, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — „Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte".

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ — сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, которыми пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго послѣ частицы не и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ-бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея пользы и удовольствія. Возвратится-ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли-ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается-ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняете? Влюбится-ли онъ, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ-ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, тотъ ужъ кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы-же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ при-

нужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи-литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостью и суевѣріемъ молодого москвича, въ первый разъ отъ роду пріѣхавшаго въ Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный, впрочемъ, талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ-же неизбѣженъ, какъ Резановское мороженое. Однакожъ, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастіе. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали-ли вы чего-нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше и звучныя риѳмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

— Кто тамъ? спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго роста, худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желто-смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ истертымъ чернымъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу, вы приняли-бы его за разбойника; въ обществѣ—за политическаго заговорщика; въ передней—за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

— Чтò вамъ надобно? спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

— Signor, отвѣчалъ по-итальянски иностранецъ съ низкими поклонами: Lei voglia perdonar mi, se... (простите меня великодушно, если...)

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ; разговоръ продолжался на итальянскомъ языкѣ.

— Я итальянскій художникъ, говорилъ незнакомецъ: обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что итальянецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозитъ по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія, болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ.

— Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете? спросилъ онъ, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Итальянецъ замѣтилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ, запинаясь: Ho creduto.. ho sentito... la vostra eccelenza... mi perdonera... (я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзостію...)

— Чтò вамъ угодно? повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ итальянецъ, и потому я осмѣлился къ вамъ явиться...

— Вы ошибаетесь, signor, прервалъ его Чарскій: званіе поэтовъ у насъ не существуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэты—сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ музыкантъ бралъ-бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я—великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.

Бѣдный итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ, кочующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ—ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выйти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

— Куда-же вы? сказалъ онъ итальянцу: постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно.—Вы музыкантъ?

— Нѣтъ, eccelenza! отвѣчалъ итальянецъ: я—бѣдный импровизаторъ.

— Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія: зачѣмъ-же вы прежде не сказали, что вы—импровизаторъ? и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ итальянца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

— Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику: что вы будете имѣть успѣхъ—здѣшнее общество никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ не поймутъ, но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.

— Но если у васъ никто не понимаетъ итальянскаго языка, сказалъ, призадумавшись, импровизаторъ: кто-жъ поѣдетъ меня слушать?

— Поѣдутъ, не опасайтесь—иные изъ любопытства, другіе, чтобъ провести вечеръ какъ-нибудь, третьи, чтобъ показать, что понимаютъ итальянскій языкъ. Повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ—вотъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разстался съ импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ-же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я царь, я—рабъ, я червь, я—Богъ.
Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскалъ 35-й нумеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній итальянецъ отворилъ ее.

— Побѣда! сказалъ ему Чарскій: ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня ** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленія. Ручаюсь вамъ если не за тріумфъ, то, по крайней мѣрѣ, за барышъ...

— А это главное, вскричалъ итальянецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его природѣ: я зналъ, что вы мнѣ поможете. Corpo di Bacco! Вы поэтъ, такъ-же, какъ и я; а что ни говори, поэты —славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность? Постойте... хотите-ли выслушать импровизацію?

— Импровизацію!.. развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?

— Пустое, пустое, гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы—поэтъ: вы поймете меня лучше ихъ—и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ-нибудь и задайте мнѣ тему.

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

— Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: **поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.**

Глаза итальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи — выраженія мгновеннаго чувства— стройно излетали изъ устъ его...

Итальянецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и растроганный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ: каково?

— Удивительно! отвѣчалъ поэтъ: какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашей собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. И такъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно!...

Импровизаторъ отвѣчалъ:

— Всякій талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера и выводитъ его на свѣтъ рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная четырьмя риѳмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣшней волею; тщетно я самъ захотѣлъ-бы это объяснить. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, la signora Catalani брала по двадцати пяти рублей. Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ итальянцемъ въ меркантильные разсчеты. Итальянецъ при этомъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный итальянецъ не замѣтилъ этой перемѣны и проводилъ Чарскаго по корридору и по лѣстницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей. Начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала графини ** отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ, для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія и хотѣлъ видѣть импровизатора, чтобъ узнать, всѣмъ-ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ итальянца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ посматривающаго на часы. Итальянецъ былъ одѣтъ театрально. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинутъ; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса, опущенными клоками, осѣняли его лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ короткаго разговора, возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами, мужчины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ, за послѣдними стульями; музыканты, съ своими пюпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посреди стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ восьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ «Танкреда». Все усѣлось и примолкло. Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута; но онъ замѣтилъ, что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того-же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшного въ итальянцѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ утихъ, говоръ умолкъ... Итальянецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Итальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ итальянца и написалъ нѣсколько словъ; итальянецъ, взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ, поднесъ ее Чарскому, который

бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностью написать каждый по темѣ; секретарь неаполитанскаго посольства и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія бредя о Флоренціи, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по итальянски и, покраснѣвъ по уши, отдала ихъ импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча, съ едва замѣтною улыбкой. Возвратясь на свои подмостки, импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одна за другою, читая каждую вслухъ:

Семейство Ченчи (La famiglia dei Cenci). L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta da una prigione. Il trionfo di Tasso.

— Что прикажетъ почтенная публика? спросилъ смиренный итальянецъ: назначить-ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставить рѣшить это жребію?...

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы.

— Жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ, не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостью обратился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю второго ряда. Она встала безъ всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ.

— Извольте развернуть и прочитать, сказалъ ей импровизаторъ.

Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: Cleopatra e i suoi amanti. Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ; но въ залѣ царствовала такая тишина, что всѣ ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ, съ видомъ глубокой благодарности, и возвратился на свои подмостки.

— Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ: жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, perchè la grande regina aveva molto?...

При этихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

Я — желалъ-бы знать, продолжалъ онъ: на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему?... Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ объясниться.

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагосклонное вниманіе и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ. Чарскій не могъ этого вынести и, обратясь къ импровизатору, сказалъ ему на итальянскомъ языкѣ:

— Тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ, будто-бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ... Не выберите-ли вы другого?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе Бога... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло: онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... музыканты умолкли... импровизація началась:

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу;
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
«Въ моей любви для васъ блаженство:
Блаженство можно вамъ купить...
Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?»
Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца—
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.
Благословенные жрецами,

Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья;
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.—
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ,
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.
«Клянусь... о матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли-же, мощная Киприда,
И вы подземные цари,
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!»
И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.
. . . .

1835 г.

ЧЕТЫРЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ОТРЫВКА «ЕГИПЕТСКИХЪ НОЧЕЙ».

I-й ОТРЫВОКЪ.

1.

Цезарь путешествовалъ; мы съ Титомъ Петроніемъ слѣдовали за нимъ издали... По захожденіи солнца намъ разбивали шатеръ, разставляли постели — мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу и сладко засыпали, каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона. Онъ принесъ Петронію повелѣніе цесаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія. Мы были поражены ужасомъ: одинъ Петроній равнодушно выслушалъ свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ. Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной рощѣ, посвященной Эвменидамъ.

Мы окружили его съ безпокойствомъ. Флавій Аврелій спросилъ его: долго-ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится-ли раздражить цесаря ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою: но даже намѣренъ предупредить его желаніе. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнью дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшась ударовъ молніи.

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться, и Петроній ласково насъ благодарилъ. Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже выбранный. Онъ находился въ предмѣстьи города...

2.

(Программа: Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти—избираетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ оду. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы: П е р в ы й в е ч е р ъ: о Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ. В т о р о й в е ч е р ъ: Петроній приказываетъ разбить драгоцѣнную чашу—диктуетъ Satyricon—разсужденіе о паденіи человѣка—о паденіи боговъ, объ общемъ безвѣріи—о превращеніяхъ Нерона. (Р а б ъ-х р и с т і а н и н ъ.)

... Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ

широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ начертанное на немъ привѣтствіе: здравствуй! Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ библіотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ и пошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая—дѣвочку, играющую мячемъ. На столикѣ, подлѣ постели, стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны: равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проницательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленныя привычкою; но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философическія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по излучистымъ его тропинкамъ, осѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодого сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня:

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него-же нѣтъ исхода—
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

3.

... Солнце клонилось къ западу; я пошелъ къ Петронію. Онъ расхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденій знакъ нескромный.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній: вынимай изъ-подъ тоги свои дощечки и прочти.— Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію и подалъ дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось.

— Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ: мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслію о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, такъ-же какъ не вѣрю трусости Горація. Вы знаете оду его.

. . . .

Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросл щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ внезапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей...

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостью, чтобъ не напомнить имъ о другомъ...

II-й ОТРЫВОКЪ.

Гости съѣзжались на дачу гр. Л. Зала наполнялась дамами и мужчинами, пріѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую комедію. Каждый гость, пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и вновь исчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами. Мало-по-малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около нихъ составился кружокъ мужчинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣло двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестью сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ.

— Какъ хороша ваша сѣверная ночь, сказалъ онъ наконецъ: и какъ не пожалѣть объ ея прелести, даже подъ небомъ моего отечества!

— Одинъ изъ нашихъ поэтовъ, отвѣчалъ ему другой: сравнивалъ ее съ русской бѣло-

брысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая итальянка или испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между la brune et la blonde еще не рѣшенъ. Но кстати: знаете-ли вы, какъ одна иностранка объяснила строгость и чистоту петербургскихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовныхъ приключеній.

Испанецъ улыбнулся.

— И такъ благодаря вліянію климата, сказалъ онъ: Петербургъ есть обѣтованная земля красоты, любезности и безпорочности.

— Что касается до красоты, отвѣчалъ русскій, то вы правы: здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаете вы красавицу; вообще, въ нихъ (т. е. русскихъ женщинахъ) есть и природный умъ, и образованность; но нечего говорить объ ихъ любезности: она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мужчины уронить свою важность, достоинство. Всѣ стараются быть благопристойно-ничтожными со вкусомъ и приличіемъ. Чтò наше общество? Тѣ-же лица каждый день вмѣстѣ; а есть-ли между ними что-нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, чтò составляетъ прелесть общежитія. Вслушайтесь въ наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которыя завтра-же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актерѣ, изрѣдка — соблазнительный анекдотъ, разсказанный безъ всякаго правдоподобія, растолкованный, разобранный безо всякой веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однако мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашего большого свѣта, и дабы не употребить во зло довѣрчивости иностранца, я разскажу вамъ...— И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

— Вы такъ откровенны и снисходительны, сказалъ испанецъ: что осмѣлюсь просить васъ разрѣшить мою задачу. Я шатался по всему свѣту, представлялся во всѣхъ европейскихъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу. Всякій разъ когда я вхожу въ залу княгини В* и вижу эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ египетскія кладбища, какой-то холодъ меня пронизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мнѣ славою,—предъ чѣмъ-же я робѣю?

— Предъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ русскій: это черта нашихъ нравовъ. Въ народѣ выражается она насмѣшливостью, въ высшемъ кругу—невниманіемъ и холодностью. О мужчинахъ нечего и говорить: ихъ нравственность... Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто европейское не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуютъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія. О чемъ-же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ. Нѣтъ, онѣ слишкомъ хорошо воспитаны. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мелочной, часто понятный только для немногихъ, для избранныхъ. И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принятъ какъ чужой, не только иностранецъ, но и свой. Между тѣмъ всѣ чувствуютъ необходимость разговора общаго, но гдѣ его взять? И кто захочетъ выступить первый на сцену? Кто-то предлагалъ нанимать на вечеръ разговорщика, какъ нанимаютъ на маленькіе балы фортепіаниста.

— Извините мнѣ вопросы... но врядъ-ли мнѣ найти въ другой разъ удовлетворительные отвѣты, и я спѣшу вами пользоваться. Вы упомянули о вашей аристократіи: чтó такое русская аристократія? Занимаясь вашими законами, я вижу, что наслѣдственной аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство и доступъ къ нему ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша такъ-называемая аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ людей?

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ: древнее русское дворянство, вслѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; дворянская чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ восходитъ до Петра и до Елизаветы. Денщики, пѣвчіе, хохлы - вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ упрекъ: достоинство—всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно въ потомкахъ перваго христіанскаго барона Клермонъ-Тоннера. Я самъ напримѣръ—продолжалъ русскій съ видимымъ самодовольствомъ небреженія,—хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ встрѣчаются на всѣхъ страницахъ исторіи нашей, но если-бы я подумалъ назвать себя аристократомъ, то вѣроятно насмѣшилъ-бы многихъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для насъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разсказалъ намъ нашу исторію, но едва-ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ,

но чиномъ какого-нибудь дяди дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности...

Въ это время двери въ залу отворились, и вошла Вольская. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда—все поневолѣ привлекало вниманіе. Мужчины встрѣтили ее съ какою-то шутливой привѣтливостью, дамы—съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала. Отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое, какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной княгини Г. и какъ говорится, se mit à bouder.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею: она встала, пошла около креселъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и русскій прекратили свой разговоръ и оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по-русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему сосѣду:

— Это ни на что не похоже.

— Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

— Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя непростительно. Она можетъ не уважать себя, сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ-бы ей это замѣтить.

— Il n'en fera rien, trop heureux de pouvoir la compromettre. Между тѣмъ я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

— Я въ томъ увѣрена... Давно-ли вы стали такъ добродушны?

— Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

— Страсти! какое громкое слово! Что́ такое страсти? Не воображаете-ли вы, что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана... Что̀ это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-паши? покажите мнѣ его.

Гости разъѣзжались. Ни одной дамы уже не оставалось въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила и взгляда.

У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минскій посадилъ Вольскую въ ея карету.

— Кажется, твоя очередь, сказалъ ему молодой офицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ: Она занята; я просто ея наперсникъ или что̀ вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки какой-то француженкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужъ объ ней не заботился. Четырнадцати лѣтъ она была прекрасна. читала романы и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что генералъ-адъютантъ N на одномъ придворномъ балу рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ и что государь, встрѣтясь на Англійской набережной, цѣлые полчаса изволилъ съ нею прогуливаться. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ молодую невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобъ видѣть у себя весь городъ. Къ тому-же Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили сначала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ, повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было четырнадцать лѣтъ. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нея удаляться, а мужчины приблизились. Сперва Зинаида огорчилась, но потомъ подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе, даже безъ доказательствъ, оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы унижаетъ насъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣшилась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми, ее окружающими, Зинаида отличила Минскаго. Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ

поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но, усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то, что она осмѣливалась явно презирать ненавистныя ему условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе.

— Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ, сказалъ ей Минскій. Весь умъ его почерпнутъ изъ Liaisons dangereuses, такъ-же какъ весь его геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его покороче, вы будете презирать его тяжелую безнравственность, какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.

— Мнѣ хотѣлось-бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

— Какой вздоръ! отвѣчалъ онъ: охота вамъ связываться съ человѣкомъ, который краситъ волосы, и каждыя пять минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: quand j'étais à Florence... Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ, они созданы другъ для друга.

— А баронъ W.?

— Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете-ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ такъ-же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дуренъ. et puis c'est un homme à grands sentiments, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ; онъ будетъ васъ мучить и смѣшить— чего вамъ болѣе?

Однако-жъ Вольская его не послушалась, Минскій угадывалъ ея сердце. Самолюбіе его было тронуто; не полагая, чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безъ всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ спискѣ вѣтренныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду. Вѣроятно, если-бъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался-бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ—лѣни и благоприличію...

Минскій лежалъ еще въ постели, когда слуга подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа, вдоль и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: «Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ. Въ твоемъ присутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ меня, но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдашнее превосходство надо мною, но этого не довольно для счастія, для спокойствія моего сердца...» Вольская упрекала его въ холодности, недовѣрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ; разсыпалась въ нѣжныхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непремѣнно въ театрѣ.

III-й ОТРЫВОКЪ.

Мы проводили вечеръ на дачѣ у княгини Д.

Разговоръ какъ-то коснулся m-me de Stael. Баронъ Дальбергъ, на дурномъ французскомъ языкѣ, очень дурно разсказывалъ извѣстный анекдотъ—вопросъ ея Бонапарту: «кого почитаетъ онъ первою женщиной въ свѣтѣ», и забавный его отвѣтъ: «ту, которая народила болѣе дѣтей—celle qui a fait le plus d'enfants.

— Какая славная эпиграмма! замѣтилъ одинъ изъ гостей.

— И по-дѣломъ ей, сказала одна дама: какъ можно такъ неловко напрашиваться на комплименты!

— А мнѣ такъ кажется, сказалъ Сорохтинъ, дремавшій въ гамбсовыхъ креслахъ: мнѣ такъ кажется, что ни m-me de Stael не думала о мадригалѣ, ни Наполеонъ объ эпиграммѣ. Одна сдѣлала вопросъ изъ единаго любопытства, очень понятнаго, а Наполеонъ буквально выразилъ настоящее свое мнѣніе. Но вы не вѣрите простодушію геніевъ.

Гости начали спорить, а Сорохтинъ задремалъ опять.

— Однако, въ самомъ дѣлѣ, сказала хозяйка: кого почитаете вы первою женщиною въ свѣтѣ?

— Берегитесь: вы напрашиваетесь на комплиментъ.

— Нѣтъ, шутки въ сторону.

Тутъ пошли толки: иные называли m-me de Stael; другіе—Орлеанскую дѣву, третьи—Елизавету, англійскую королеву, m-me de Maintenon, m-me Roland и проч.

Молодой человѣкъ, стоявшій у камина (потому что въ Петербургѣ каминъ никогда не лишнее), въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ.

— Для меня, сказалъ онъ: женщина самая удивительная—Клеопатра.

— Клеопатра, сказали гости: да, конечно!... Однако, почему-жъ?

— Есть черта въ ея жизни, которая такъ врѣзалась въ мое воображеніе, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобы тотчасъ не подумать о Клеопатрѣ.

— Что-жъ это за черта?

— Не могу, мудрено разсказать.

— А что? развѣ неблагопристойно?

— Да, какъ почти все, что живо рисуетъ ужасные нравы древности.

— Ахъ, разскажите, разскажите.

— Ахъ, нѣтъ—не разсказывайте, прервала Вольская, вдова по разводу, опустивъ чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, вскричала хозяйка съ нетерпѣніемъ: qui est-ce donc, que l'on trompe ici? Вчера мы смотрѣли Antony, а вонъ тамъ у меня на каминѣ валяется «la Physiologie du Mariage». Нашли чѣмъ насъ пугать... Неблагопристойно! Перестаньте насъ морочить, Алексѣй Ивановичъ! вы не журналистъ... Разскажите просто, что знаете про Клеопатру, однако будьте благопристойны, если можно...

Всѣ разсмѣялись.

— Ей Богу, сказалъ молодой человѣкъ: я робѣю, я сталъ стыдливъ, какъ цензура... Ну, такъ и быть. Надо знать, что въ числѣ латинскихъ историковъ есть нѣкто Аврелій Викторъ, о которомъ, вѣроятно, вы никогда не слыхивали.

— Aurelius Victor? прервалъ Вершневъ, который учился нѣкогда у іезуитовъ: Аврелій Викторъ — писатель IV столѣтія... Сочиненія его приписываются Корнелію Непоту и даже Светонію... Онъ написалъ книгу. De viris illustribus — о знаменитыхъ мужахъ Рима. Знаю!

— Точно такъ, продолжалъ Алексѣй Ивановичъ: книжонка его довольно ничтожна, но въ ней находится то сказаніе о Клеопатрѣ, которое меня такъ поразило... и—что замѣчательно!—въ этомъ мѣстѣ сухой и скучный Аврелій Викторъ силою выраженія равняется Тациту: «Hæc tantæ libidinis fuit. ut sæpe prostituerit: tantæ pulchritudinis, ut multi noctem illius morte emerint»

— Прекрасно! воскликнулъ Вершневъ: это напоминаетъ мнѣ Саллюстія—помните: Tantæ...

— Что-же это, господа? сказала хозяйка: ужъ вы изволите разговаривать по-латыни! Какъ это для насъ весело! Скажите, что значитъ ваша латинская фраза?

— Дѣло въ томъ, что Клеопатра торговала своей красотою и что многіе купили ея ночи цѣною своей жизни.

— Какой ужасъ! сказали дамы. Что-же вы тутъ нашли удивительнаго?

— Какъ что? Кажется мнѣ, Клеопатра была не пошлая кокетка и цѣнила себя не деньгами... кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такой цѣною... Я предлагалъ Пушкину сдѣлать изъ этого поэму: онъ-было и началъ, да бросилъ.

Молодая графиня К., дурнушка, постаралась придать важное выраженіе своему носу, похожему на луковицу, воткнутую въ рѣпу, и сказала:

— Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя подороже.

Мужъ ея, польскій графъ, женившійся по разсчету (говорятъ, ошибочному), покраснѣлъ, потупилъ глаза и выпилъ свою чашку чаю.

— Что вы подъ этимъ разумѣете, графиня? спросилъ молодой человѣкъ, съ трудомъ удерживая улыбку.

— Я разумѣю, отвѣчала графиня К., что женщина, которая себя уважаетъ, которая уважаетъ...

Тутъ она запуталась .. Вершневъ подоспѣлъ ей на помощь.

— Вы думаете, что женщина, которая себя уважаетъ, не хочетъ смерти грѣшнику,—не такъ-ли?...

IV-й ОТРЫВОКЪ.

Сначала идетъ все такъ-же, какъ и въ третьемъ отрывкѣ со словъ «Ахъ, разскажите, разскажите!»; затѣмъ послѣ восклицанія «какой ужасъ!» слѣдуетъ:

— И только-то? И вы совѣстились намъ разсказать эту историческую черту? спросила хозяйка. Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ новыми романами. Но что же вы тутъ находите восхитительнаго?

— Какъ что? Кажется, одной Клеопатрѣ вошло въ голову оцѣнить себя такою цѣною. И что еще удивительнѣе,—она имѣла духъ получать условленную плату. Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму; онъ было и началъ, да бросилъ.

— И хорошо сдѣлалъ, сказала одна дама.

— Что-жъ изъ этого хотѣлъ онъ извлечь? спросилъ юноша: Какая тутъ главная идея? Не помните-ли?

— Если вамъ угодно, я разскажу. Я помню первые стихи. Онъ начинаетъ описаніемъ пиршества въ садахъ царицы египетской. На берегу четвероугольнаго озера, выложеннаго мемфисскимъ мраморомъ, Клеопатра угощаетъ своихъ поклонниковъ. Порфирные львы съ птичьими головами изливаютъ воду изъ позолоченныхъ клювовъ. Евнухи разносятъ вина Италіи. Народъ тѣснится на порфирныхъ ступеняхъ. Гости на ложахъ изъ слоновой кости. Гремитъ сладострастная музыка. Сирійскій ѳиміамъ курится въ кадильницахъ. Широкія опахала навѣваютъ прохладу...

И вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...
Зачѣмъ печаль ее гнететъ?

Чего еще недостаетъ
Египта древняго царицѣ?
Въ своей блистательной столицѣ
Спокойно властвуетъ она,
И часто предъ ея глазами
Пиры смѣняются пирами,
И величавыя искусства
Ей тѣшатъ дремлющія чувства.
Горитъ-ли африканскій день,
Свѣжѣетъ-ли ночная тѣнь—
Покорны ей земные боги,
Полны чудесъ ея чертоги.
Въ златыхъ кадилахъ вѣчно тамъ
Сирійскій дышетъ ѳиміанъ,
Звучатъ тимпаны......
Весь міръ царицѣ угождаетъ,
Сидонъ ей пурпуръ высылаетъ...
. . . . . . Вдоль Нила
. . . . вѣтрила
Она въ триремѣ золотой
Плыветъ...
Она пошла
Въ покои тайные дворца,
Гдѣ ключъ угрюмаго скопца
Хранитъ невольниковъ прекрасныхъ
И юношей стыдливо-страстныхъ.

Пиръ утихъ, будто задремалъ, гости въ недоумѣніи...

— Этотъ предметъ должно-бы доставить маркизѣ Жоржъ-Зандъ, такой-же безстыдницѣ, какъ ваша Клеопатра. Она вашъ египетскій анекдотъ передѣлала-бы на нынѣшніе нравы.

— Невозможно! Не было-бы никакого правдоподобія. Этотъ анекдотъ совершенно древній. Такой торгъ нынче несбыточенъ, какъ сооруженіе пирамидъ, какъ римскія зрѣлища, игры гладіаторовъ и звѣрей.

— Отчего-же несбыточенъ? Неужто между нынѣшними женщинами не найдется ни одной, которая на самомъ дѣлѣ захотѣла-бы испытать то, что̀ твердятъ ей поминутно любовники: что любовь ея была-бы дороже имъ жизни?

— Положимъ, это и любопытно было-бы узнать; но какимъ образомъ можно сдѣлать это ученое испытаніе? Клеопатра имѣла всевозможные способы заставить должниковъ своихъ расплатиться. А мы? Вѣдь нельзя-же такія условія написать на гербовой бумагѣ и засвидѣтельствовать въ гражданской палатѣ.

— Можно въ такомъ случаѣ положиться на честное слово.

— Какъ это?

— Женщина можетъ взять съ любовника честное слово, что на другой день онъ застрѣлится.

— Онъ на другой день уѣдетъ въ чужіе края, и она останется въ дурахъ.

— Если онъ согласится остаться навѣкъ безчестнымъ въ глазахъ той, которую любитъ. Да и самое условіе неужели такъ тяжело? Развѣ жизнь уже такое сокровище, что ея цѣною жаль и счастье купить? Посудите сами: первый шалунъ, котораго я презираю, скажетъ обо мнѣ слово, которое не можетъ мнѣ повредить никакимъ образомъ, и я подставляю лобъ подъ его пулю. Я не имѣю права отказать въ этомъ удовольствіи первому забіякѣ, которому вздумается испытать мое хладнокровіе. И я стану трусить, когда дѣло идетъ о моемъ блаженствѣ? Что̀ жизнь! Она отравлена уныніемъ, пустыми желаніями, и что̀ въ ней, когда наслажденія ея истощены?

— Неужели вы въ состояніи заключить такое условіе?

Въ эту минуту Лидина, которая во все время сидѣла молча, опустивъ глаза, быстро устремила ихъ на Алексѣя Ивановича.

— Если-бъ я былъ истинно влюбленъ, то конечно не усомнился-бы ни на одну минуту.

— Какъ! Даже для такой женщины, которая-бы васъ не любила? А та, которая согласилась-бы на ваше предложеніе, ужъ вѣрно-бы васъ не любила. Одна мысль о такомъ звѣрствѣ должна уничтожить самую безумную страсть.

— Нѣтъ! Я въ ея согласіи видѣлъ-бы одну только пылкость воображенія. А что̀ касается до взаимной любви, то я ея не требую. Я люблю тебя: какое тебѣ до того дѣло?...

— Перестаньте! Богъ знаетъ, что̀ вы говорите. Такъ вотъ чего вы не хотѣли разсказать. Конечно, всякій въ правѣ оцѣнить себя въ какую вздумаетъ цѣну; однако ваша Клеопатра не кстати дорожилась.

Разговоръ перемѣнился. Алексѣй Ивановичъ сѣлъ подлѣ Лидиной, наклонился, будто разсматривая ея работу, и сказалъ ей вполголоса:

— Что̀ вы думаете объ условіи Клеопатры?

Лидина молчала. Алексѣй Ивановичъ повторилъ свой вопросъ.

— Что̀ вамъ сказать? Иная женщина дорого цѣнитъ себя; но мужчины девятнадцатаго столѣтія слишкомъ хладнокровны, благоразумны, чтобы заключать такія условія.

— Вы думаете? сказалъ Алексѣй Ивановичъ голосомъ, вдругъ измѣнившимся. Вы думаете, что въ наше время, въ Петербургѣ, здѣсь, найдется женщина, которая будетъ имѣть довольно гордости, довольно силы душевной, чтобъ предписать любовнику условія Клеопатры?..

— Думаю; даже увѣрена...

— Подумайте. Это было-бы слишкомъ жестоко; болѣе жестоко, нежели самое условіе...

— Вы не обманываете меня? Скажите...

Лидина взглянула на него огненными, пронзительными глазами, и произнесла твердымъ голосомъ: нѣтъ!

Алексѣй Ивановичъ всталъ и тотчасъ исчезъ.

Отрывки неоконченныхъ повѣстей.

I.

1 мая 18... произведенъ я въ офицеры и получилъ повелѣніе отправиться въ полкъ, въ мѣстечко В. Давно-ли я былъ еще кадетомъ? Давно-ли будили меня въ шесть часовъ утра, давно-ли я твердилъ нѣмецкій урокъ при вѣчномъ шумѣ корпуса? Теперь я — прапорщикъ, имѣю въ сумкѣ четыреста семьдесятъ пять рублей, дѣлаю, что хочу, и скачу на перекладныхъ въ мѣстечко В., гдѣ буду спать до восьми часовъ и гдѣ уже никогда не промолвлю ни единаго нѣмецкаго слова. Въ ушахъ моихъ все еще отзываются шумъ и крики играющихъ кадетъ, и однообразное жужжаніе прилежныхъ учениковъ, повторяющихъ вокабулы: le bluet, le bluet—василекъ; amaranthe — амарантъ, amaranthe, amaranthe. Теперь одинъ стукъ телѣжки, да звонъ колокольчика... а все еще не могу привыкнуть къ этой тишинѣ.

Дорогою, при мысли о моей свободѣ, объ удовольствіяхъ пути и приключеніяхъ, меня ожидающихъ, чувство несказанной радости наполняло мою душу... Утомясь мало-по-малу, принялся я наблюдать движеніе переднихъ колесъ и дѣлать математическія исчисленія. Занятіе нечувствительнымъ образомъ меня утомило, и путешествіе уже показалось не столь пріятнымъ, какъ сначала. Я попытался было завести рѣчь съ моимъ ямщикомъ, но онъ какъ будто избѣгалъ порядочнаго разговора. На вопросы мои отвѣчалъ одними: «не можемъ знать, ваше благородіе; а Богъ знаетъ: а ничто». Пріѣхавъ на станцію, я отдалъ кривому смотрителю свою подорожную, но съ неизъяснимымъ неудовольствіемъ услышалъ, что лошадей нѣтъ. Я взглянулъ на почтовую книгу. Генеральша Б* съ будущимъ взяла двѣнадцать лошадей, двѣ тройки пошли съ почтою, нашъ братъ, прапорщикъ, взялъ остальныя двѣ лошади: на станціи стояла одна курьерская тройка. Нечего дѣлать: я покорился необходимости.

— Не угодно-ли чаю или кофею? спросилъ меня смотритель.

Я благодарилъ и занялся разсмотрѣніемъ картинъ, украшающихъ его смиренную обитель. Въ нихъ изображена была исторія блуднаго сына. Почтенный старецъ, въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, отпускаетъ безпокойнаго юношу, который принимаетъ поспѣшно его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой изображено яркими чертами развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша во французскомъ кафтанѣ и въ треугольной шляпѣ пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу. На его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе: онъ воспоминаетъ о домѣ отца своего, гдѣ послѣдній рабъ etc... Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу своему. Добрый старикъ, въ томъ-же колпакѣ и шлафрокѣ, выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу. Блудный сынъ стоитъ на колѣняхъ—вдали поваръ убиваетъ тельца, а старшій братъ съ досадою вопрошаетъ о причинѣ такой радости. Подъ картинками напечатаны нѣмецкіе стихи. Я прочелъ ихъ съ удовольствіемъ и списалъ, чтобы на досугахъ перевести.

Прочія картины не имѣютъ рамъ и прибиты къ стѣнѣ гвоздиками. Онѣ изображаютъ погребеніе кота, споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ, и въ нравственномъ, какъ и въ художественномъ отношеніи, не стоятъ вниманія образованнаго человѣка.

Я сѣлъ подъ окно. Виду никакого. Тѣсный рядъ однообразныхъ избъ, прислоненныхъ одна къ другой, кое-гдѣ двѣ-три яблони, двѣ-три рябины, окруженныя худымъ заборомъ, отпряженная телѣга съ моимъ чемоданомъ и погребцомъ, развалившійся колодезь около и мелкая лужица; въ ней рѣзвятся желтенькія утята подъ надзоромъ глупой утки, какъ балованныя дѣти при французской мадамѣ. Какая скука! Пойду въ поле.

Я пошелъ по большой дорогѣ. Справа тощая озимь, слѣва кустарники и болото, кругомъ плоское пространство, навстрѣчу однѣ полосатыя версты, на небѣ кое-гдѣ облако и медленное солнце. Какая скука! дошелъ до третьей версты, иду назадъ и удостовѣряюсь, что до слѣдующей станціи осталось еще двадцать двѣ.

Я сѣлъ опять подъ окномъ. День жаркій. Ямщики разбрелись; на улицѣ златовласые, замазанные ребятишки играютъ въ бабки, противъ меня старуха сидитъ предъ избою подгорюнившись, изрѣдка поютъ пѣтухи, собаки валяются на солнцѣ или бродятъ, высунувъ языкъ и опустя хвостъ, да поросята съ визгомъ выбѣгаютъ изъ-подъ воротъ и бросаются въ сторону безъ всякой видимой причины.

Я спросилъ у толстой работницы, которая бѣгала поминутно мимо меня то въ заднія сѣни, то въ чуланъ: «нѣтъ-ли чего почитать» Она принесла мнѣ нѣсколько книгъ. Я обрадовался и сталъ съ жадностью ихъ разбирать, но вскорѣ охладѣлъ и успокоился, увидѣвъ затасканную азбуку и ариѳметику, изданную для народныхъ училищъ. Сынъ смотрителя — буянъ лѣтъ девяти—обучался по нимъ, какъ говорила она, всѣмъ наукамъ, да выдралъ затверженные листы, за что, по закону справедливаго возмездія, подрали его за волосы. . . . .

1825 г.

II.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА ВЪ ПИСЬМАХЪ.

I. Отъ Лизы, компаньонки въ одномъ богатомъ домѣ, къ Сашѣ, одной изъ блестящихъ ея свѣтскихъ подругъ.

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъѣзду въ деревню. Спѣшу объясниться во всемъ откровенно. Зависимость моего положенія была всегда мнѣ тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитала меня наравнѣ со своей племянницей. Но въ ея домѣ я все-же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна была я сносить, во многомъ уступать, многаго не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прилежно замѣчало малѣйшій оттѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличаться отъ меня. Неужто предполагаютъ во мнѣ, думала я, зависть, или что-нибудь похожее на такое дѣтское малодушіе? Поведеніе со мною мужчинъ, какъ-бы оно ни было учтиво, поминутно задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или привѣтливость, все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ, я была созданіе пренесчастное, и сердце мое, отъ природы нѣжное, часъ отъ часу болѣе ожесточалось. Замѣтила-ли ты что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бываютъ или низкія служанки, или несносныя причудницы? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца.

Тому ровно три недѣли получила я письмо отъ бѣдной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня къ себѣ въ деревню. Я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Насилу могла выпросить у Авдотьи Андреевны позволеніе ѣхать и должна была обѣщать зимой возвратиться въ Петербургъ; но я не намѣрена сдержать свое слово. Бабушка мнѣ чрезвычайно обрадовалась: она никакъ меня не ожидала.

Слезы ея меня тронули несказанно: я сердечно ее полюбила. Она была нѣкогда въ большомъ свѣтѣ и сохранила много тогдашней любезности. Теперь я живу д о м а и х о з я й к о ю — и ты не вѣришь, какое это наслажденіе. Я тотчасъ привыкла къ жизни и мнѣ вовсе нечувствительно отсутствіе роскоши. Деревня наша очень мила. Старый домъ на горѣ, садъ, озеро, сосновая роща, все это осенью немного печально, но за то весной и лѣтомъ должно казаться раемъ. Сосѣдей у насъ мало, и я еще ни съ кѣмъ не видѣлась. Уединеніе мнѣ нравится.

Пиши ко мнѣ, мой ангелъ: письма твои будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Что ваши балы, что наши общіе знакомые? Хотя я и сдѣлалась затворницей, однако-жъ не вовсе отказалась отъ суеты міра. Вѣсти о немъ для меня занимательны.

С. Павловское.

II. Отъ Саши въ деревню къ другу своему.

Милая Лиза! Вообрази мое изумленіе, когда узнала твой отъѣздъ въ деревню. Увидѣвъ княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова, и не хотѣла вѣрить ея словамъ. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой ангелъ, съ новымъ образомъ жизни. Радуюсь, что онъ тебѣ понравился. Твои жалобы о прежнемъ твоемъ положеніи меня тронули до слезъ, но показались мнѣ слишкомъ горькими. Какъ можешь ты сравнивать себя съ воспитанницами?.. Всѣ знаютъ, что Ольгинъ отецъ былъ всѣмъ обязанъ твоему, и что дружба ихъ была столь-же священна, какъ самое близкое родство. Ты была довольна своею судьбой; никогда не предполагала я въ тебѣ столько раздражительности. Признайся, нѣтъ-ли другой, тайной причины твоему поспѣшному отъѣзду?.. Я подозрѣваю, но ты со мною скрытничаешь, и я боюсь разсердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебѣ про Петербургъ? Мы еще на дачѣ, но почти всѣ уже разъѣхались. Балы начнутся недѣли черезъ двѣ-три. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На дняхъ обѣдали у насъ гости и одинъ изъ нихъ спрашивалъ: имѣю-ли о тебѣ извѣстія? Онъ сказалъ, что твое отсутствіе замѣтно, какъ порванная струна въ фортепіано. Я совершенно согласна съ нимъ. Я все надѣюсь, что этотъ припадокъ мизантропіи будетъ непродолжителенъ, а то нынѣшнею зимою мнѣ не съ кѣмъ будетъ раздѣлить моихъ невинныхъ наблюденій, некому будетъ передавать эпиграммы моего сердца. Прости, моя милая, подумай и одумайся.

Крестовскій островъ.

III. Письмо Лизы.

1 ноября.

Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напмнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣч-

ныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь—не правда-ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшнею зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на что-жъ переписка? Пиши ко мнѣ все, чтó замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все, касающееся до него, для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П*? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ *. Отецъ—хлѣбосолъ, мать—толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочка Маша—стройная, меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворными собаками, говоритъ о погодѣ нараспѣвъ и съ чувствомъ потчуетъ вареньемъ. У нея нашла я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика и, увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть частей скучненьки, за то послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаградятъ терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій — скучно, мочи нѣтъ — наконецъ добилась до шестого. Ну, думаю я,— теперь буду я награждена за трудъ. Что-же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа—и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Чтó есть общаго между Ловеласомъ и Адольфомъ? Между тѣмъ роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все-жъ походитъ на героиню новѣйшихъ романовъ, не потому-ли, что способы нравиться въ мужчинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь, я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь-же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе—ты не можешь вообразить, чтó значитъ ожиданіе почтоваго дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравниться.

IV. Отвѣтъ Саши.

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобъ смирить твое самолюбіе, объявляю тебѣ, что Алексѣй П* вовсе не замѣчаетъ твоего отсутствія. Онъ привязался къ леди Пелгамъ, пріѣзжей англичанкѣ, и отъ нея не отходитъ. На его рѣчи отвѣчаетъ она видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о, ло!—а онъ въ восхищеніи. Знай-же: спрашивалъ о тебѣ, жалѣетъ о тебѣ всѣмъ сердцемъ твой постоянный admirateur Владиміръ Z*. Довольна-ли ты? Думаю, очень довольна, и по своему обыкновенію осмѣливаюсь предполагать, что и безъ меня ты догадалась.

Шутки въ сторону, Z* очень занятъ тобою. На твоемъ мѣстѣ я завела-бы его далеко. Онъ прекрасный женихъ. Зачѣмъ не выйти за него? Ты жила-бы на Англійской набережной, по субботамъ имѣла-бы вечера, и всякое утро заѣзжала бы за мною. Полно тебѣ дурачиться, мой ангелъ,—брось деревню, пріѣзжай къ намъ и выходи за Z*.

Третьяго дня былъ балъ у кн. К.—народу было пропасть, танцовали до пяти часовъ; кн. В. была одѣта очень просто: бѣлое крепoвое платьице, даже безъ garnitures, а на головѣ и на шеѣ на полмилліона бриллiантовъ; только З*, по своему обыкновенію, была одѣта уморительно. Откуда беретъ она свои наряды? На платьѣ ея нашиты не цвѣты, а какіе-то сушеные грибы. Не ты-ли ей, мой ангелъ, прислала ихъ изъ деревни? Владиміръ Z* не танцовалъ: онъ ѣдетъ въ отпускъ. С—ы пріѣхали (вѣроятно первыя), просидѣли всю ночь, не танцуя, и уѣхали послѣднія. Старшая, кажется, была нарумянена: пора! Балъ очень удался. Мужчины были недовольны ужиномъ, но вѣдь они всегда должны быть чѣмъ-нибудь да недовольны. Мнѣ было очень весело, хотя я и танцовала съ несноснымъ дипломатомъ Стр., который къ природной своей глупости присоединилъ разсѣянность, вывезенную имъ изъ Мадрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчетъ о Ричардсонѣ. Теперь я имѣю о немъ понятіе—прочитать его не надѣюсь съ моимъ нетерпѣніемъ: я и въ Вальтеръ-Скоттѣ нахожу лишнія страницы. Кстати, кажется, романъ Елены Н. и графа Л. кончается; по крайней мѣрѣ онъ такъ пріунылъ, а она такъ важничаетъ, что, вѣроятно, свадьба рѣшена. Довольна-ли ты сегодняшней моею болтовней?

V. Письмо Лизы.

Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на свадьбы. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z* мнѣ

нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Онъ аристократъ, а я—смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостью замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь—внукъ бородатаго милліонщика. Какъ-бы то ни было, Z* человѣкъ свѣтскій; я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатою невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда-нибудь и выйду замужъ, то выберу здѣсь какого-нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься своимъ сахарнымъ заводомъ, а я буду счастлива, не танцуя на балѣ у кн. К. и не имѣя у себя субботъ на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ c'est un événement. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой*** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z* близкій родня Машѣ. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто—и Маша безпрестанно разсказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ тогда былъ ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ-бы онъ теперь смѣяться; по крайней мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 1775. Кажется, будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садишься на атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однако-жъ знакомыя платья и лица, и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большей частью эти романы не имѣютъ другого достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человѣкъ могъ-бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки—и вышелъ-бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. Полно ему тратить умъ на разговоры съ англичанками! Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта у людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ русскую литературу. Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностью, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, непремѣнно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяземскій и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ—ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотроги.

VI. Другое письмо Лизы вслѣдъ за предыдущимъ.

Милая! мнѣ невозможно долѣе притворяться, мнѣ нужны помощь и совѣты дружбы. Тотъ, отъ котораго я убѣжала, кого боюсь, какъ несчастія, Z*—здѣсь! Что мнѣ дѣлать? Голова моя кружится, я теряюсь; ради Бога—рѣши, что мнѣ дѣлать. Разскажу тебѣ все.

Ты замѣтила прошедшей зимою, что онъ отъ меня не отходилъ. Напрасно вооружалась я холодностью, даже видомъ пренебреженія—ничѣмъ не могла я избавиться отъ него. На балахъ онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто возлѣ меня, на гуляньѣ онъ вѣчно съ нами встрѣчался, въ театрѣ лорнетъ его былъ устремленъ на нашу ложу. Онъ къ намъ не ѣздилъ, но мы видѣлись вездѣ.

Сначала это льстило моему самолюбію. Я, можетъ быть, слишкомъ дала ему замѣтить это. По крайней мѣрѣ, онъ каждый часъ присвоивалъ себѣ новыя права, говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался. Съ ужасомъ думала я—къ чему все это ведетъ, и съ отчаяніемъ признавала власть его надъ моею душой. Я уѣхала изъ Петербурга, думая тѣмъ прекратить зло въ самомъ началѣ. Моя рѣшимость, увѣренность въ томъ, что я исполнила свой долгъ—успокоили-было мое сердце. Я начинала думать о немъ равнодушнѣе, съ меньшей горестью. Вдругъ я его вижу.

Я его вижу. Вчера были именины Машенькиной maman. Я пріѣхала къ обѣду, вхожу въ гостиную, нахожу толпу гостей, уланскіе мундиры—и дамы меня окружаютъ. Я со всѣми ними перецѣловалась, не замѣчая никого, сажусь подлѣ хозяйки, гляжу—Z* передо мной. Я остолбенѣла. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ съ видомъ такой нѣжной, искренней радости, что я не имѣла силы скрыть ни замѣшательства своего, ни удовольствія.

Пошли за столъ. Онъ сѣлъ противъ меня; я не смѣла на него взглянуть, но замѣчала, что всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ молчаливъ; въ другое время меня-бы очень занимало безпокойство барышень, общее желаніе привлечь вниманіе пріѣзжаго гвардейца, не-

ловкость мужчинъ, хохотъ ихъ при собственныхъ шуткахъ, и совершенное невниманіе, учтивая холодность гостя...

Послѣ обѣда онъ ко мнѣ подошелъ. Чувствуя, что мнѣ было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно некстати: по дѣламъ-ли заѣхалъ онъ въ нашу сторону? «Я пріѣхалъ по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ счастье моей жизни»—отвѣчалъ онъ вполголоса и отошелъ. Онъ сѣлъ играть въ бостонъ съ тремя старушками (въ томъ числѣ съ бабушкой), а я ушла наверхъ, къ Машѣ, гдѣ пролежала до вечера, подъ предлогомъ головной боли. Въ самомъ дѣлѣ, я была хуже, чѣмъ нездорова. Машенька отъ меня не отходила. Она въ восторгѣ отъ Z*. «Онъ пробудетъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ или болѣе». «Она цѣлый день будетъ съ нимъ». Право, она влюблена въ него. Дай Богъ, чтобъ и онъ влюбился. Она статна и стройна—мужчинамъ только того и надобно.

Что мнѣ дѣлать? Здѣсь уже не будетъ мнѣ возможности избѣгнуть его преслѣдованій. Онъ уже успѣлъ обворожить бабушку. Онъ будетъ ѣздить къ намъ. Опять пойдутъ признанія, жалобы, клятвы—и къ чему? Онъ добьется моей любви, моего признанія, потомъ размыслитъ о невыгодахъ женитьбы, уѣдетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, оставитъ меня—а я? Какая ужасная будущность! Ради Бога, дай мнѣ руку, я тону.

VII. Отвѣтъ Саши.

То-ли дѣло облегчить сердце полной исповѣдью. Давно-бы такъ, мой ангелъ! Охота тебѣ была не сознаваться мнѣ въ томъ, что я давно знала: Z* и ты—вы влюблены другъ въ друга. Что за бѣда? На здоровье. Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи Богъ знаетъ съ какой стороны. Ты напрашиваешься на несчастіе—берегись накликать его. Почему тебѣ не выйти за Z*? Какія тутъ неодолимыя препятствія? Онъ богатъ, а ты бѣдна — пустое! Онъ богатъ за двухъ—чего-же вамъ болѣе? Онъ аристократъ, а ты развѣ не то-же именемъ и воспитаніемъ? Недавно онъ объявилъ, что стоитъ рѣшительно на сторонѣ аристократокъ, потому-что онѣ лучше обуваются. И такъ, не ясно-ли, что ты съ головы до ногъ аристократка? Извини меня, мой ангелъ, но твое патетическое письмо разсмѣшило меня. Z* пріѣхалъ въ деревню для того, чтобъ тебя видѣть. Какой ужасъ! ты гибнешь, требуешь совѣтъ дружбы... Вотъ мой совѣтъ - обвѣнчаться какъ можно скорѣе въ вашей деревенской церкви и пріѣхать къ намъ, чтобъ явиться въ картинахъ, которыя затѣваются у С. Поступокъ твоего рыцаря меня тронулъ, кромѣ шутокъ. Конечно, встарину любовникъ для благосклоннаго взгляда уѣзжалъ на три года скитаться въ Палестину, но въ наши времена уѣхать за пятьсотъ верстъ отъ Петербурга для того, чтобъ увидѣться съ владычицей своего сердца,—это много значитъ! Z* достоинъ награды.

VIII. Письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Сдѣлай одолженіе, распусти слухъ, что я при смерти боленъ. Я намѣренъ просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я живу въ деревнѣ и не вижу, какъ время летитъ: отдыхаю отъ петербургской жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Не любить деревни простительно монастыркѣ, только-что выпущенной изъ клѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ—прихожая, Москва—дѣвичья, деревня-же—нашъ кабинетъ. Порядочный человѣкъ, по необходимости, проходитъ черезъ переднюю, рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу—выйду въ отставку, женюсь и уѣду въ деревню. Званіе помѣщика есть та-же служба. Заниматься тремя тысячами душъ, все благо которыхъ зависитъ совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ мы оставляемъ нашихъ крестьянъ, непростительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы оставляемъ ихъ на произволъ плута-приказчика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся; старость насъ застаетъ въ нуждѣ и хлопотахъ. Вотъ причина быстраго упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по-міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя подымаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой матеріализмъ? Не знаю, но пора положить этому преграды. Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme. Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я его не стыжусь, не даетъ на то никакого права, но я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть униженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. И какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ у насъ окольничій князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и былъ Козьма Мининъ Сухорукой, выборный земли русской. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упоминается имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода—именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было-бы гордиться этими именами?

Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ... Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ; но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться, какъ нашему брату!.. Для нихъ еще не прошли времена Фонвизина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины.

Это впрочемъ не относится къ родственнику, у котораго я въ гостяхъ. Онъ очень добрый человѣкъ, а жена его очень добрая баба, дочь очень добрая дѣвочка. Ты видишь, что я сталъ очень добръ. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ я въ деревнѣ, я сталъ отмѣнно благосклоненъ и снисходителенъ. Это дѣйствіе патріархальной жизни и присутствія Лизы*, которую нашелъ здѣсь. Мнѣ было скучно безъ нея не на шутку. Я пріѣхалъ уговорить ее возвратиться въ Петербургъ. Наше первое свиданіе было великолѣпно. Тетка моя была именинница, все сосѣдство съѣхалось, явилась и Лиза — и едва повѣрила самой себѣ, увидѣвъ меня: она не могла не признаться, что я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней мѣрѣ, я постарался дать ей это почувствовать. Здѣсь мой успѣхъ превзошелъ мои ожиданія (что̀ много значитъ). Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что..... Мужчины отмѣнно недовольны моею fatuité insolente, которая здѣсь еще новость Они бѣсятся тѣмъ болѣе, что я чрезвычайно учтивъ и благопристоенъ. Они никакъ не понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ мое нахальство, хотя и чувствуютъ, что я—нахалъ. Прощай. Что̀ дѣлаютъ наши? Servitor di tutti quanti. Пиши ко мнѣ въ село**.

IX. Отвѣтъ друга.

Порученіе твое мною исполнено. Вчера въ театрѣ объявилъ я, что ты занемогъ нервическою горячкой и что, вѣроятно, тебя ужъ нѣтъ на свѣтѣ. И такъ, пользуйся жизнію, покамѣстъ ты не воскресъ изъ мертвыхъ.

Дай Богъ, чтобъ пребываніе твое въ селѣ** въ самомъ дѣлѣ пріучило тебя къ деревенскому быту. Твои нравственныя размышленія на счетъ управленія имѣній радуютъ меня за тебя, но, по моему, самое завидное состояніе не то... Чины въ Россіи—необходимость: молодому дворянину необходимо служить хоть для однѣхъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добьешься лошадей...

Пустившись въ важныя разсужденія, я совсѣмъ забылъ, что теперь тебѣ не до того. Ты занятъ своею Лизою. Охота тебѣ корчить г-на Фобласа и вѣчно возиться съ женщинами! Въ этомъ отношеніи ты отсталъ отъ своего вѣка и сбиваешься на ci-devant гвардіи хрипуна 1807 г. Покамѣстъ это недостатокъ, скоро эта привычка deviendra un ridicule. Не лучше-ли заранѣе привыкнуть къ строгости зрѣлаго возраста и добровольно отказаться отъ увядающей молодости? Знаю, что проповѣдую втунѣ, но таково мое назначеніе.

Всѣ твои друзья тебѣ кланяются и очень жалѣютъ о преждевременной твоей кончинѣ, между прочимъ и прежняя твоя пріятельница, которая возвратилась изъ Рима, влюбленная въ папу. Какъ это на нее похоже и какъ это должно тебя восхитить! Не пріѣдешь-ли для соперничества cum servo servorum Dei? Это было-бы похоже на тебя. Я всякій день стану тебя ожидать.

X. Второе письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, а ты отсталъ отъ своего вѣка —и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что это все перемѣнилось. Французская кадриль замѣнила Адама Смита. Всякій волочится, какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты неподвиженъ, ты ci-devant un homme стереотипъ. Охота тебѣ Лафайэтомъ сидѣть одному на оппозиціонной скамеечкѣ и глазѣть по сторонамъ. Надѣюсь, что X* обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея ватиканскому кокетству.

Что̀ касается до меня—я совершенно предался патріархальной жизни: ложусь спать въ десять часовъ, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщиками, играю со старухами въ бостонъ по копѣечкѣ, и сержусь, когда проигрываю. Съ Лизой вижусь каждый день и часъ отъ часу болѣе въ нее влюбляюсь. Въ ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородная строй-

ность въ обращеніи—главная прелесть высшаго петербургскаго общества—а между тѣмъ что-то женское, снисходительное, добродородное (какъ говоритъ ея бабушка). Въ ея сужденіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, жестокаго. Она не морщится предъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ предъ принятіемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ васъ—рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Часто удивляли меня дамы, впрочемъ очень милыя, тупостью ихъ понятія и нечистотой ихъ воображенія. Часто самое тонкое поэтическое привѣтствіе онѣ принимаютъ или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ, что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ какую-то нѣжность, она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей пріятельницѣ.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы мнѣнія мужьевъ. Прощай, мой милый. Что̀ новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ я пустился въ поэзію: намедни сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за что̀ Лиза очень мило бранила меня): Глупа... скучна etc. Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

1829 г.

III.

НАЧАЛО ПОВѢСТИ.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля 181. г., въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были растворены настежъ, зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и спорили. Сама хозяйка, лѣтъ 45 дама, сидѣла въ спальнѣ, пересматривая счетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ передъ нею съ руками за спиной и выдвинувъ правую ногу впередъ.

Катерина Петровна показывала видъ, будто-бы хозяйственныя тайны были ей коротко знакомы; но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка едва замѣтную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который однакожъ съ большою снисходительностью подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Прасковья Ивановна Поводова пріѣхала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

— Помилуй, мать моя, сказала вошедшая старая дама: да ты собираешься въ дорогу! Куда тебя Богъ несетъ?

— Ѣду на Кавказъ, милая Прасковья Ивановна.

— На Кавказъ! Стало быть, Москва впервой отъ роду правду сказала, а я не вѣрила. На Кавказъ! да вѣдь это ужасъ какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ зачѣмъ?

— Какъ быть? Доктора объявили, что моей Машѣ нужны желѣзныя воды, а для моего здоровья необходимы горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года, какъ я все страдаю—авось Кавказъ поможетъ.

— Дай-то Богъ! А скоро-ли ѣдешь?

— Дня черезъ четыре, много-много промѣшкаю недѣлю: все ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету. Что̀ за карета—игрушка, заглядѣнье! Вся въ ящикахъ... и чего тутъ нѣтъ: постеля, туалетъ, погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ... Хочешь-ли посмотрѣть?

— Изволь, мать моя...

Обѣ дамы вышли на крыльцо. Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету. Катерина Петровна велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобности, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приподняла всѣ ставни, всѣ зеркала, выворотила всѣ сумки; словомъ, для больной женщины оказалась очень дѣятельной и проворной.

Полюбовавшись экипажемъ, обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму.

— Въ октябрѣ мѣсяцѣ, сказала Катерина Петровна: надѣюсь непремѣнно воротиться. У меня будутъ вечера два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что ты ко мнѣ перенесешь свой бостонъ.

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ и черными огненными глазами, тихо вошла въ комнату, присѣла Поводовой и подошла къ рукѣ Катерины Петровны.

— Хорошо ты спала, Маша? спросила Катерина Петровна.

— Хорошо, маменька, сейчасъ только встала. Вы удивляетесь моей лѣни, Прасковья Ивановна? Что̀ дѣлать? Больной простительно.

— Спи, мать моя, спи-себѣ на здоровье, отвѣчала Прасковья Ивановна: да смотри—воротись у меня съ Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ и замужняя...

— Какъ замужняя? возразила Катерина Петровна, смѣясь: да за кого выйти ей на Кавказѣ? Развѣ за черкесскаго князя?

— Чтò ты, мать моя! За черкеса, сохрани ее Богъ! Да вѣдь они—чтò турки да бухарцы—нехристи; они ее забреютъ да запрутъ. Нѣтъ, мало-ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковинку; наткнешься на какого-нибудь холостого генерала.

— Пошли намъ Богъ только здоровье, сказала со вздохомъ Катерина Петровна: а женихи не уйдутъ. Слава Богу, Маша еще молода, приданое есть; а добрый человѣкъ полюбитъ, такъ и безъ приданаго возьметъ.

— А съ приданымъ все таки лучше, мать моя, сказала Прасковья Ивановна, вставая: ну, простимся-же, Катерина Петровна; ужъ я тебя до октябряане увижу—далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ! И тебя не прошу: знаю, что тебѣ теперь некогда. Прощай и ты, красавица; не забудь-же моего совѣта.

Дамы распростились, и Прасковья Ивановна уѣхала . . . .

30 сентября 1831.

IV.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Участь моя рѣшена, я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которою встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ,—Боже мой, она почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ предъ поединкомъ—все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ.

Дѣло состоитъ въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говаривалъ: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа. Жениться—легко сказать! Большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ; другіе—приданое и степенную жизнь; третьи женятся такъ—потому что всѣ женятся, потому что имъ тридцать лѣтъ. Спросите ихъ, чтò такое бракъ,—въ отвѣтъ они скажутъ пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. И такъ, я удвоиваю жизнь и безъ того неполную, я стану думать: мы. Счастье есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?

Пока я не женатъ, чтò значатъ мои обязанности? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему—онъ очень радъ: нѣтъ—такъ онъ извинитъ меня: «повѣса мой молодъ, ему не до меня». Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ; долги свои выплачиваю каждый мѣсяцъ. Утромъ встаю, когда хочу; принимаю, кого хочу; вздумаю гулять—мнѣ сѣдлаютъ мою умную, смирную Женни; ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ: здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететъ комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепіано; подлѣ нея ремесленникъ-музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо—учитель ее бранитъ—я шагомъ ѣду мимо. Пріѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ; одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости; со всевозможною старательностью, если обѣдаю въ ресторацiи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если-же Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого-нибудь уголовнаго процесса,—то требую бутылку шампанскаго, смотрю, какъ рюмка стынетъ отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Вечеромъ ѣду въ театръ, отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный нарядъ, черные глаза; между нами начинается сношеніе—я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь народъ, гдѣ я вижу все и всѣхъ и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ я говорю про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно, засыпаю, читая хорошую книгу; на другой день опять ѣду верхомъ переулками мимо дома, гдѣ дѣвочка играла на фортепіано... она твердитъ на фортепіано вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго, и засмѣялась. Я кланяюсь и ѣду мимо. Вотъ моя холостая жизнь—счастья тутъ не нужно.

12 мая.

Но если мнѣ откажутъ, думалъ я, поѣду въ чужія края—и уже воображалъ себя на пироскафѣ. Около меня суетятся, прощаются, носятъ чемоданы, смотрятъ на часы—пироскафъ тронулся; морской, свѣжій воздухъ вѣетъ мнѣ въ лицо; я долго смотрю на убѣгающій берегъ. My native land, adieu! Подлѣ меня молодую женщину начинаетъ тошнить: это придаетъ ея блѣдному лицу выраженіе томной нѣжности. Она проситъ у меня воды. Слава Богу! до Кронштадта есть у меня занятіе!

Въ эту минуту подали мнѣ записочку—отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты ласково звалъ меня къ себѣ... Нѣтъ сомнѣнія, предложеніе мое принято. Наденька—мой ангелъ—она моя! Всѣ печальныя сомнѣнія исчезли пе-

редъ этой райской мыслью. Бросаюсь въ карету, скачу—вотъ ихъ домъ—вхожу въ переднюю, и уже по торопливому пріему слугъ вижу, что я—женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце! говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ! Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, вынулъ изъ кармана платокъ и рѣшился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку—она явилась блѣдная, неловкая. Отецъ вышелъ и вынесъ образъ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безотвѣтную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ о саратовской деревнѣ—и я женихъ.

И такъ, это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня это новость домашняя, завтра площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны—печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналѣ дураками.

13 мая.

Всѣ радуются моему счастью, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто—свой домъ, кто—денегъ взаймы, кто—знакомаго бухарца съ шалями.

Иные безпокоятся о многочисленности будущаго моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжинъ перчатокъ съ портретомъ m-lle Зонтагъ.

Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже непріятеля, обхожденіе молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ.—«Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреный, безнравственный». Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ нравится обычай какого-то дѣльнаго народа: женихъ тайно похищалъ свою невѣсту и на другой уже день представлялъ ее городскимъ сплетницамъ, какъ свою супругу. У насъ приготовляются къ семейственному счастью публичными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу, форменными письмами, визитами—словомъ сказать, соблазномъ всякаго рода.

1830 г.

V.

Въ 179. году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслью: обнять мою старушку-мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня нетерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о русскихъ ямщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ счастью, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобъ выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой—луга, поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ-же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только-что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо нихъ, я поклонился и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичекъ, отставной русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на господскій дворъ.

Дорогою узналъ я отъ солдата, что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна, уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя и проч... Въ 179* году мнѣ было ровно 23 года, и мысль о молодой барышнѣ была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Каролина Ивановна сочлась со мною свойствомъ; и я узналъ въ ней вдову фонъ-М., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ какъ я, повидимому, со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй Каролины Ивановны, я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. Осьмнадцать лѣтъ, круглое румяное лицо, темныя узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки — вполнѣ оправдывали мое ожиданіе. Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю я уже обходился съ нею, какъ съ кузиною. Между тѣмъ, бричку мою привезли: Иванъ пришелъ мнѣ доложить, что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорчило, и, по приглашенію Каролины Ивановны, я остался ночевать. . . . . .

1831 г.

VI.

На углу маленькой площади, передъ деревяннымъ домикомъ, стояла карета — явленіе рѣдкое въ этой отдаленной части города. Ку-

черъ спалъ на козлахъ, а форейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчиками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностью, лежала блѣдная дама, уже не молодая, но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати шести, перебирающій листы англійскаго романа.

Начинало смеркаться; каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненною синевою. Наконецъ она сказала:

— Что съ тобою сдѣлалось, Валерьянъ? ты сегодня сердитъ.

— Сердитъ! отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ съ своей книги.

— На кого?

— На князя Горецкаго. У него сегодня балъ, а я не званъ.

— А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?

— Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ! Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

— Который это Горецкій? Не князь-ли Яковъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій, извѣстная скотина.

— На комъ онъ женатъ?

— На дочери того пѣвчаго... какъ бишь его?

— Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ раззнакомилась съ вашимъ высшимъ обществомъ... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца, и благосклонностью жены его, дочери пѣвчаго?

— И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ: я человѣкъ свѣтскій и не хочу быть въ пренебреженіи у свѣтскихъ аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

— Кого ты называешь аристократами?

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной.

— А кто такая графиня Фуфлыгина?

— Взяточница, толстая, наглая дура.

— Какія тонкія эпиграммы!

— Я за остроуміемъ, слава Богу, не гонюсь.

— И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія: можетъ до такой степени тебя оскорблять?.. Признайся, тутъ есть иная причина...

— Такъ! опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Ты ужъ ѣдешь? сказала дама съ безпокойствомъ: ты не хочешь здѣсь отобѣдать?

— Нѣтъ, я далъ слово.

— Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ: я велѣла взять шампанскаго.

— Это зачѣмъ? развѣ я безъ шампанскаго обойтиться не могу? развѣ я—московскій банкометъ?

— Но въ послѣдній разъ ты нашелъ, что вино у меня дурно, и ты сердился, что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся въ грубости этихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностью:

— Зинаида! прости меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и на все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома... Прости-же меня, не сердись.

— Я не сержусь, Валерьянъ; но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобы со мной побраниться и уѣхать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я...

Валерьянъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу. Она замолчала съ видомъ стѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначащихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида встала, подошла къ окошку, смотрѣла, какъ подали карету Володскому, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ-же мѣстѣ, опустивъ руки и погруженная въ размышленіе. Слезы изрѣдка текли по ея блѣдному лицу. Наконецъ она сказала громко и съ видомъ рѣшительнымъ: «онъ меня ужъ не любитъ!» отерла глаза, позвонила; вошла горничная; она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюро...

** скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ несчастіемъ столь обыкновеннымъ—презрительнымъ; сердиться не на шутку—слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ глубоко оскорбленнаго чувства слишкомъ смѣшнымъ. Къ счастію, жена его явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володскаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное однѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою и объявила, что любитъ Володскаго, что

не хочетъ обманывать мужа и втайнѣ его безчестить, и что она рѣшилась развестись. ** не могъ опомниться отъ такого чистосердечія, былъ встревоженъ стремительностью; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ-же день переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ увѣдомила обо всемъ Володскаго, ничего тому подобнаго не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узами. Онъ не любилъ скуки... боялся обязанностей и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи, какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счеты своего дворецкаго...

1833 г.

VII.

У гусара** было дружеское собраніе. Нѣсколько молодыхъ людей, по большей части военные, весело проигрывали свое имѣніе поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для препровожденія времени и важно передергивалъ по двѣ карты. Тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались на полъ, etc.

— Неужто два часа ночи? Боже мой, какъ мы засидѣлись! Не пора-ли оставить игру? сказалъ Викторъ N молодымъ своимъ товарищамъ.

Всѣ бросили карты, встали изъ-за стола... Всякій, докуривая трубку, сталъ считать свой и чужой выигрышъ, и облака стираемаго мѣла смѣшались съ дымомъ турецкаго табаку. Поспорили... и разъѣхались.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь-ли вмѣстѣ отужинать? сказалъ Виктору вѣтреный Вельверовъ; я безъ ужина никакъ не могу обойтиться, а ужинать могу только въ ... Я познакомлю тебя съ очень милой дѣвчонкой; ты будешь меня благодарить.

Викторъ одобрилъ эту похвальную привычку. Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга...

1819 г.

VIII.

МАРІЯ ШОНИНГЪ [1]).

I. Анна Гарлинъ къ Маріи Шонингъ.

25-го апрѣля.

Милая Марія! Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова-ли ты? Кабы не всегдашнія хлопоты, я-бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ; но ты знаешь: двадцать одна миля—не шутка Безъ меня хозяйство станетъ; Фрицъ въ немъ ничего не смыслитъ: настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла-ли ты замужъ? Нѣтъ, вѣрно-бы ты обо мнѣ вспомнила и порадовала свою подругу вѣстью о своемъ счастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвораетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче. О себѣ скажу, что я, слава Богу, здорова и счастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его безпокоить; онъ мало ходитъ, а въ настоящее время кряхтитъ, да охаетъ. Впрочемъ, онъ по-прежнему веселъ, по-прежнему любитъ выпить стаканъ вина и все еще не досказалъ мнѣ исторію о своихъ походахъ.

Дѣти ростутъ и хорошѣютъ. Франкъ становится молодцомъ. Вообрази, милая Марія, что онъ уже бѣгаетъ за дѣвочками, каковъ?— а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Фрицъ не можетъ имъ налюбоваться и ужасно его балуетъ; вмѣсто того, чтобы ребенка унимать, онъ еще его подстрекаетъ и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда, она годомъ старше. Я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень понятлива и, кажется, будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была-бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ счастлива.

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку: обнови ее въ будущее воскресенье, когда пойдешь въ церковь. Это подарокъ Фрица; но красный цвѣтъ идетъ болѣе къ твоимъ чернымъ волосамъ, нежели къ моимъ свѣтлорусымъ. Мужчины этого не понимаютъ. Имъ все равно, что голубое, что красное. Прости, милая Марія, я съ тобою заболталась. Отвѣчай-же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Напиши мнѣ, каково его здоровье. Мать нашего пастора совѣтуетъ ему употреблять, вмѣсто чаю, красный баранецъ, цвѣтокъ очень обыкновенный; я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его. Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемною служанкой, а какъ съ дочерью.

II. Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлинъ.

28-го апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, но прочла его только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день, въ

[1]) Марія Шонингъ и Анна Гарлинъ, дойдя до самой крайней нищеты, рѣшились сами себя оклеветать, чтобы избавиться отъ голодной смерти. Марія обвиняла себя въ дѣтоубійствѣ, а на Анну показала, какъ на свою сообщницу, въ чемъ та и созналась. Преданныя уголовному суду, онѣ были казнены въ 1778 г. въ Нюренбергѣ.

шесть часовъ поутру: вчера были похороны.

Я никакъ не воображала, чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче, и г-нъ Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему садику и дошелъ до колодезя, не задохнувшись. Возвратясь въ комнату, онъ почувствовалъ легкій ознобъ: я уложила его и побѣжала къ г-ну Кельцу: его не было дома. Возвратясь къ отцу, я нашла его въ усыпленіи; я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г-нъ Кельцъ пришелъ вечеромъ; онъ осмотрѣлъ больного и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лекарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть; я дала ему супу: онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе. На другой день съ нимъ сдѣлались спазмы. Г-нъ Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась; но имъ овладѣло такое безпокойство, что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи; я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ и часа два лежалъ въ усыпленіи. Г-нъ Кельцъ вышелъ, сказавъ мнѣ, что воротится часа черезъ два. Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня; я къ нему подошла и спросила: что̀ ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: «Марья, что̀ такъ темно? открой ставни». Я испугалась и сказала ему: «батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты». Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: «Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю... Дай, благословлю тебя—поскорѣе». Я бросилась на колѣни и положила его руку себѣ на голову—рука вдругъ отяжелѣла. Онъ сказалъ: «Господь! награди ее: Господь! Тебѣ ее поручаю». Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ г-нъ Кельцъ, снялъ съ моей головы руку его и сказалъ мнѣ: «теперь оставьте его, подите въ свою комнату». Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый г-нъ Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и всѣмъ распорядился, потому-что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ—некому было меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла-было за гробомъ, но мнѣ стало дурно. Я встала на колѣни, чтобъ издали съ нимъ проститься. Фрау Ротберхъ сказала: «какая комедіантка!» Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло, и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться. Его снесли на кладбище, что̀ за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу, а я боялась, чтобъ фрау Ротберхъ не сказала опять: какая комедіантка!

Какая жестокость! не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ, если ей вздумается!

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей, которые сказали мнѣ, что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго отца. Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нея все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье. Я не обновлю твоей косынки, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу, дѣтей цѣлую. Прощай. Пишу тебѣ стоя у окошка, а чернильницу заняла у сосѣдей...

III. Марія Шонингъ къ Аннѣ Гарлинъ.

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торга въ пользу городовой казны, за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы очень много тратили на лекарство, у меня всего на расходъ осталось 23 талера. Я показала ихъ чиновникамъ, которые однако-жъ сказали, чтобъ я деньги эти взяла себѣ, потому что законъ ихъ не требуетъ. Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться. Я ходила къ г. бургмейстеру,—онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ, что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь, что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Фрицемъ, если онъ занеможетъ. За больными ходить я научилась. Пожалуйста, напиши, нужна-ли я тебѣ. Я увѣрена, что отношенія наши нимало не перемѣнятся и что ты будешь для меня все та-же добрая и снисходительная подруга.

*

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола, за которымъ предсѣдательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: «байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами (столько-то). Разъ, два.. Никто болѣе—байковый камзолъ **—три».

Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали, съ хулой и любо-

пытствомъ, вещи, выставленныя на торгъ. Фрау Ротберхъ разсматривала черное бѣлье, не вымытое послѣ смерти Шонинга; она теребила его, стряхивала и повторяла: «дрянь, ветошь, лохмотья», и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебряныхъ ложки, полдюжины салфетокъ и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шонингъ, куплена была Каролиною Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненной, вида скромнаго и смиреннаго.

Марія, блѣдная какъ тѣнь, стояла тутъ-же, смотря на расхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ нѣсколько талеровъ, готовясь купить что-нибудь, и не имѣла духа перебивать добычу у покупщиковъ.

Народъ выходилъ, унося пріобрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамахъ, нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шонингъ, молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ—Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ, чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марія превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавила цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ и началъ торговаться. Мало по малу цѣна возросла до ***. Марія дала наконецъ ***, Гирцъ отступился, и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальныя спрятала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца аукціона.

Когда Марія вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи: куда ей идти?...

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ, одѣтый съ нѣкоторою странностью, подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты, куда ей будетъ угодно.

— Я очень вамъ благодарна... я, право, не знаю... И Марія думала, куда-бы ей отнести портреты, покамѣстъ она сама безъ мѣста.

Молодой человѣкъ подождалъ нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марія рѣшилась нести портреты къ лекарю Кельду...

1832 г.

IX.

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ СТРАННОСТИ.

Отрывки біографіи Нащокина

Я начинаю себя помнить на большомъ барскомъ дворѣ, сидящимъ въ пескѣ (что почитается средствомъ противъ такъ называемой англійской болѣзни). Около меня толпа нянекъ и мамушекъ и шестнадцать дворовыхъ мальчишекъ, готовыхъ попеременно таскать меня во весь духъ въ колясочкѣ съ барскаго на черный дворъ и на деревенскій базаръ. Помню отца моего, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ. Назначенъ отъѣздъ въ Петербургъ. На дворѣ собирается огромный обозъ. Крыльцо усѣяно народомъ: гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маіорами въ старинныхъ мундирахъ, и проч. Отецъ мой между ними въ зеленомъ плащѣ. Одноколка подана. Меня приносятъ къ отцу съ нимъ проститься—онъ хочетъ взять меня съ собою—я плачу: жаль разстаться съ нянею. Отецъ съ досадою меня отталкиваетъ, садится въ одноколку, выѣзжаетъ: за нимъ ѣдетъ весь обозъ; дворъ пустѣетъ, челядь расходится, и съ тѣхъ поръ впечатлѣнія мои становятся слабы и неясны до десятаго года моего возраста.

Тутъ сцена перемѣняется; но сперва скажу нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, генералъ-поручикъ В. В. Н., принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ лицамъ екатерининскаго времени. Онъ былъ малаго роста, сильнаго сложенія, гордъ и вспыльчивъ до крайности. Нѣсколько анекдотовъ, сохранившихся по преданію, дадутъ о немъ понятіе. Послѣ похода, въ которомъ онъ отличился, онъ, вмѣсто всякой награды, выпросилъ себѣ и многимъ своимъ офицерамъ отпускъ и уѣхалъ съ ними въ деревню, гдѣ и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь охотою. Между тѣмъ начались вновь военныя дѣйствія. Суворовъ успѣлъ отличиться, и отецъ мой, возвратясь въ армію, засталъ уже его въ Александровской лентѣ. «Такъ-то, батюшка В. В., сказалъ ему Суворовъ, указывая на свою ленту: покамѣстъ вы травили зайцевъ, и я затравилъ краснаго звѣря». Шутка показалась обидною моему отцу, который и такъ досадовалъ; въ замѣну эпиграммы онъ далъ Суворову пощечину. Суворовъ перевернулся, вышелъ, сѣлъ въ перекладную, прискакалъ въ Петербургъ, бросился въ ноги государынѣ, жалуясь на отца моего. Вѣроятно, государыня уговорила Суворова оставить это дѣло, для избѣжанія напраснаго шума. Нѣсколько времени спустя, присылаютъ отцу моему Георгія, при рескриптѣ, въ которомъ было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, которой онъ достоинъ, но что отецъ мой получаетъ орденъ по личному ходатайству А. В. Суворова. Отецъ мой не принялъ ордена, говоря, что никому не хочетъ быть онъ обязанъ, кромѣ какъ самому себѣ. Вообще, онъ никого не почиталъ не только высшимъ, но и равнымъ себѣ. Кн. Потемкинъ замѣтилъ, что онъ и о Богѣ отзывался хотя и съ уваженіемъ, но все какъ о низшемъ по чину (такъ что, когда онъ былъ

генералъ-маіоромъ, то на Бога смотрѣлъ, какъ на бригадира), и сказалъ, когда отецъ мой былъ пожалованъ въ генералъ-поручики: «Ну, теперь и Богъ попалъ у Нащокина въ 4-й классъ,— въ порядочные люди!»

Будучи назначенъ командиромъ корпуса, находящагося въ Кіевской губерніи, вскорѣ по своемъ прибытіи въ оный, далъ онъ за городомъ обѣдъ офицерамъ и городскимъ чиновникамъ. Кіевскій комендантъ, замѣтя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уѣхалъ. Отецъ, замѣтя его отсутствіе, взбѣсился, всталъ изъ-за стола, приказалъ корпусу собраться и повелъ его къ городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось въ Кіевѣ цѣлаго, — городъ былъ взятъ приступомъ, и отецъ мой возвратился со славою въ лагерь, ведя предателя-коменданта военно-плѣннымъ. По восшествіи на престолъ государя Павла I, отецъ мой вышелъ въ отставку, объяснивъ царю на то причину: «Вы горячи. и я горячъ, намъ вмѣстѣ не ужиться». Государь съ нимъ согласился и подарилъ ему воронежскую деревню.

Отецъ мой жилъ бариномъ. Порядокъ его разъѣздовъ даетъ понятіе о его жизни. Собираясь куда-нибудь въ дорогу, подымался онъ всѣмъ домомъ. Впереди, на рослой испанской лошади, ѣхалъ полякъ Куликовскій съ волторною; прозванъ онъ былъ Куликовскимъ по причинѣ длиннаго своего носа; должность его въ домѣ состояла въ томъ, что въ базарные дни обязанъ онъ былъ выѣзжать на верблюдѣ и показывать мужикамъ lanterne-magique. Въ дорогѣ-же подавалъ онъ волторною сигналъ привалу и походу. За нимъ ѣхала одноколка отца моего; за одноколкою двумѣстная карета, про случай дождя подъ козлами находилось мѣсто любимаго его шута Ивана Степаныча. Вслѣдъ тянулись кареты, наполненныя нами, нашими мадамами, учителями, няньками и проч. За ними ѣхала длинная рѣшетчатая фура съ дураками, арапами, карликами, всего тринадцать человѣкъ. Вслѣдъ за нею точно такая-же фура съ больными борзыми собаками. Потомъ слѣдовалъ огромный ящикъ съ роговою музыкою, буфетъ на шестнадцати лошадяхъ, наконецъ повозки съ калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отецъ мой останавливался всегда въ полѣ). Посудите, сколько при всемъ этомъ находилось народу, музыкантовъ, поваровъ, писарей и разной челяди.

Въ числѣ приближенныхъ къ отцу моему два лица достойны особеннаго вниманія: дуракъ Иванъ Степановичъ и арапка Марія. Арапка отправляла при немъ должность камердинера; она была высокаго роста и зла до крайности. Частенько диралась она съ моимъ отцомъ, который никогда не сердился на нее. Иванъ Степанычъ — лицо историческое. Онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Дурака нашей фамиліи. Потемкинъ, не любившій шутовъ, слыша многое о затѣяхъ Ивана Степаныча, побился объ закладъ съ моимъ отцомъ, что Дуракъ его не разсмѣшитъ. Иванъ Степанычъ явился, Потемкинъ велѣлъ его привести подъ окошко и приказалъ себя смѣшить. Положеніе довольно затруднительное. Иванъ Степанычъ сталъ передразнивать Суворова, угождая тайной непріязни Потемкина, который расхохотался, позвалъ его въ свою комнату и съ нимъ не разставался. Государь Павелъ Петровичъ очень его любилъ, и Иванъ Степанычъ имѣлъ право при немъ сидѣть въ его кабинетѣ. Шутки его отмѣнно нравились государю. Однажды царь спросилъ его, что̀ родится отъ булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и проч., отвѣчалъ дуракъ.—А что̀ родится отъ гр. Кутайсова?—Бритвы, мыло, ремни и проч. — А что̀ родится отъ меня?—Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. Государю это очень полюбилось. Онъ вышелъ изъ кабинета и сказалъ окружающимъ его придворнымъ: Воздухъ двора заразителенъ; вообразите: ужъ и дуракъ мнѣ льститъ. Скажи, дуракъ, что̀ отъ меня родится? — Отъ тебя, государь, отвѣчалъ, разсердясь, дуракъ,— родятся безтолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь вспыхнулъ— и, полагая, что дуракъ былъ подученъ на таковую дерзость, хотѣлъ узнать непремѣнно, кѣмъ. Иванъ Степанычъ наименовалъ всѣхъ умершихъ вельможъ, ему знакомыхъ. Его схватили, посадили въ кибитку и повезли въ Сибирь. Воротили его уже въ Рыбинскѣ. При государѣ Александрѣ былъ онъ также высланъ изъ Петербурга за какую-то дерзость. Онъ умеръ шесть лѣтъ тому назадъ.

Мать моя была въ своемъ родѣ столь-же замѣчательна, какъ и мой отецъ. Она была изъ роду Нелидовыхъ. Отецъ, заблудившись на охотѣ, пріѣхалъ въ домъ къ Нелидову, влюбился въ его дочь, и свадьба совершилась на другой-же день. Она была женщина необыкновеннаго ума и способностей. Она знала многіе языки, между прочимъ греческій; англійскому выучилась она шестидесяти лѣтъ. Отецъ ее любилъ, но содержалъ въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ: она боялась воды. Отецъ мой въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ по Волгѣ. Иногда, чтобъ пріучить ее къ военной жизни, сажалъ на пушку и палилъ изъ-подъ нея. До глубокой старости сохранила она видъ и обхожденіе знатной дамы. Я не видывалъ старушки лучшаго тона.

Сестра моя была старше меня нѣсколькими годами. Она была красавица и считалась таковою въ Москвѣ. Я съ братомъ воспитывался дома. У насъ было множество учителей, гувернеровъ и дядекъ. Изъ нихъ двое особенно мнѣ памятны. Одинъ, пудренный, чопорный

французъ, очень образованный, бывшій пріятель Фридриха II, съ которымъ игрывалъ онъ дуэты на флейтѣ, а другой—которому я обязанъ первымъ моимъ пьянствомъ, эпохою жизни моей. Вотъ какъ это случилось. Однажды, скучая продолжительностью вечерняго урока, въ то время, какъ учитель занимался съ братомъ моимъ, я подкрался и задулъ обѣ свѣчки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всемъ домѣ, кромѣ этихъ двухъ свѣчей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, всѣ ушли, оставя домъ пустымъ. Учитель насилу ихъ нашелъ, насилу добился огня, насилу добрался до меня, и въ наказаніе заперъ меня въ чуланъ. Вышло, что въ чуланѣ заперты были разные съѣстные припасы. Я, къ неизъяснимому утѣшенію, тотчасъ отыскалъ тутъ изюмъ и винныя ягоды и наѣлся вдоволь; между тѣмъ ощупалъ я штофъ, откупорилъ его, полизалъ горлышко, нашелъ его сладкимъ, попробовалъ изъ него хлебнуть: мнѣ это понравилось; нѣсколько разъ повторилъ свое испытаніе и вскорѣ повалился безъ чувствъ. Между тѣмъ матушка пріѣхала. Учитель разсказалъ ей мою проказу и съ нею отправился въ чуланъ. Будятъ меня,—что-же? Встаю, шатаясь, блѣдный: на полу разбитый штофъ. Отъ меня несетъ водкой, какъ отъ Панкратьевны Опаснаго Сосѣда. Матушка ахнула... На другой день просыпаюсь поздно, съ головной болью, смутно вспоминая вчерашнее. Гляжу въ окно и вижу, что на повозку громоздятъ пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мнѣ, что матушка прогнала его за тѣмъ-де, что онъ вечоръ заперъ меня въ чуланъ.

1830 г.

X.

РУССКІЙ ПЕЛАМЪ.

НАЧАЛО РОМАНА.

Записки М*.

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества; а вотъ сцена, которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постели, подъ зелеными занавѣсками, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой беретъ меня на руки, рыдаетъ громко; бѣлая женщина цѣлуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря: «Миша хочетъ бай-бай?» Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнату. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди, благословляетъ меня; въ двери выносятъ красный гробъ. Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ, по разсказамъ людей, не знавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ восьмилѣтняго моего возраста. Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался дома до восемнадцати лѣтъ. Учитель его, М. Дерори, былъ простой и добрый старичокъ, очень хорошо знавшій французскую орѳографію. Неизвѣстно, были-ли у отца другіе наставники; но отецъ, кромѣ французской орѳографіи, кажется, ничего основательно не зналъ. Онъ женился, противъ воли своихъ родителей, на дѣвушкѣ, которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ-же годъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ, его камердинеръ, сказывалъ мнѣ, что первые годы супружества были счастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволилъ ей насладиться спокойствіемъ и счастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной, извѣстной въ свѣтѣ своей красотою и любовными похожденіями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за десять тысячъ и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все — и молчала. Душевныя страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ пять тысячъ душъ, слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный гр. Шереметевъ называлъ мелкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить! Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже гр. Шереметева, хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлацкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишенька шаркнулъ направо, шаркнулъ налѣво и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ—Мишенька заплакалъ, и отецъ поставилъ меня въ уголъ, подаривъ братцу мое ружье.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего

пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ, конечно, меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей: второй, человѣкъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что я пролилъ чернила на его жилетъ; третій, прожившій у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что сверхъ того чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ. Прочіе французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того имъ платили очень неисправно. Виноватымъ остался я: Анна Петровна рѣшила, что ни одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкой.

Впрочемъ, и то правда, что не было у насъ ни одного, котораго-бы въ двѣ недѣли, по его вступленіи въ должность, не обратилъ я въ домашняго шута: съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о женевцѣ, котораго увѣрилъ я, что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренное выраженіе лица его съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ, говоря вполголоса: экій обжора!

Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно было добиться всего. Къ несчастію, всякій вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишенькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки: съ отцомъ доходило часто дѣло до ручныхъ объясненій, которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ Анна Петровна уговорила отца отослать меня за границу въ университетъ. Я отправился; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ происшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость—великій чародѣй. Дорого-бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной фуражкой на головѣ. Дорого-бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа, за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами.

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша. Изъ дому получалъ я деньги въ разные неположенные сроки. Это пріучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло три года, и я получилъ отъ отца изъ Петербурга приказаніе оставить университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большого вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора; на другой день, съ головною болью и съ книгою, отправился въ дорогу . . . .

1835 г.

XI.

— И ты тутъ былъ? Разскажи, какъ это случилось?

— Изволь; я только расплатился съ хозяиномъ и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ слышу страшный шумъ, и графъ сюда входитъ со всей своей свитою. Я скорѣе снялъ шляпу и по стѣнкѣ сталъ пробираться до дверей, но онъ увидѣлъ меня и спросилъ, что я за человѣкъ. «Я—кровельщикъ Гаспаръ Дикъ, готовый къ вашимъ услугамъ, милостивый графъ», отвѣчалъ я съ поклономъ, и сталъ пятиться къ дверямъ; но онъ опять со мною заговорилъ и безъ всякаго ругательства.

— А сколько ты вырабатываешь въ день, Гаспаръ Дикъ?

Я призадумался: зачѣмъ этотъ вопросъ? На всякій случай я отвѣчалъ ему осторожно: «милостивый графъ, день на день не похожъ, въ иной выработаешь пять и шесть копѣекъ, а въ другой ничего».

— А женатъ-ли ты, Гаспаръ Дикъ?

Я тутъ опять призадумался: зачѣмъ ему знать, женатъ-ли я? Однако отвѣчалъ ему смѣло: «женатъ».

— И дѣти есть?

Я рѣшился говорить всю правду, ничего не утаивая. Тогда графъ оборотился къ своей свитѣ и сказалъ:

— Господа! Я думаю, что будетъ ненастье; моя абервильская рана что-то начинаетъ ныть. Поспѣшимъ до дождя доѣхать; велите скорѣе сѣдлать лошадей. . . . .

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

I.

СЦЕНЫ ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

I.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

Мартынъ: Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, но долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись, или худо будетъ.

Францъ: Помилуй, отецъ! за что ты на меня сердишься? Я, кажется, ничего не дѣлаю.

Мартынъ: Ничего не дѣлаю! то-то и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнивецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что-ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да два толчка въ спину, да примолвилъ: «ступай-ка, Мартынъ, самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело». Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ, и деньги, и честное имя а чѣмъ? бережливостью, терпѣніемъ, трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за пятьдесятъ, и пора-бы ужъ отдохнуть да тебѣ передать и счетныя книги, и весь домъ. А могу-ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ-бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя: ты стыдишься своего состоянія. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Францъ: Твоя воля, отецъ! дѣлай, какъ хочешь.

Мартынъ: То-то же, смотри. (Входитъ братъ Бертольдъ)

Мартынъ: Вотъ и другой сумасбродъ. Зачѣмъ пожаловалъ?

Бертольдъ: Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

Мартынъ: Нужда! Опять денегъ?

Бертольдъ: Да... не можешь-ли одолжить полтораста гульденовъ?

Мартынъ: Какъ не такъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

Бертольдъ: Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

Мартынъ: Какъ не пропадшія? Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

Бертольдъ: Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

Мартынъ: Объ этихъ послѣднихъ разахъ я слышу ужъ не въ первый разъ

Бертольдъ: Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы; теперь ужъ я все разсчиталъ: опытъ мой не можетъ не удастся.

Мартынъ: И это я слышу не впервые.

Бертольдъ: Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

Мартынъ: Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Если-бъ ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ-бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

Бертольдъ: Золото мнѣ не нужно—я ищу одной истины.

Мартынъ: А мнѣ чортъ-ли въ истинѣ? мнѣ нужно золото.

Бертольдъ: Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

Мартынъ: Не могу и не хочу.

Бертольдъ: Такъ прощай-же, сосѣдъ.

Мартынъ: Прощай.

Бертольдъ: Пойду къ барону Раулю: авось, дастъ онъ мнѣ денегъ.

Мартынъ: Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассалы его разорены. А слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не такъ-то легко наживаться.

Бертольдъ: Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

Мартынъ: И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

Бертольдъ: Можетъ быть, и дастъ.

Мартынъ: И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

Бертольдъ: Непремѣнно.

Мартынъ: А если опытъ не удастся?

Бертольдъ: Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то алхимія—вздоръ.

Мартынъ: А если удастся?

Бертольдъ: Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностью всѣ суммы, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартынъ: Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

Бертольдъ: И радъ-бы, да не могу... Ты знаешь, что я обѣщался Пресвятой Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

Мартынъ: Эхъ, отецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряться! Куда-же ты? Постой! Ну, такъ и быть, на этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри-жъ, сдержи

свое слово: пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

Бертольдъ: Не бойся, другого ужъ не понадобится.

Мартынъ: Погоди-же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу... Сколько бишь тебѣ надобно?

Бертольдъ: Полтораста гульденовъ.

Мартынъ: Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена!

БЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

Бертольдъ: Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

Францъ: Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства.

Бертольдъ: За что это?

Францъ: За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

Бертольдъ: Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

Францъ: Развѣ мѣщанинъ недостоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

Бертольдъ: Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно: Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ ужъ мы видимъ неравенство и зависть.

Францъ: Виноватъ-ли я въ томъ, что не люблю своего состоянія, что честь для меня дороже денегъ?

Бертольдъ: Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то состояніе, въ которомъ родились: дворянинъ воюетъ и красуется, мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; рыцарь почтенъ на конѣ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни, но ему неприлично считать барыши. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ-бы смѣшонъ на турнирѣ.

Мартынъ (входитъ): Вотъ тебѣ полтораста гульденовъ; смотри-же, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

Бертольдъ: Благодаренъ, очень благодаренъ; не будешь раскаяваться.

Мартынъ: Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся, и у тебя будетъ и золота, и славы вдоволь, будешь-ли ты спокойно наслаждаться жизнію?

Бертольдъ: Займусь еще однимъ изслѣдованіемъ. Мнѣ кажется, есть средство открыть perpetuum mobile

Мартынъ: Что такое perpetuum mobile?

Бертольдъ: Perpetuum mobile — в ѣ ч н о е д в и ж е н і е. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь-ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото — задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное и выгодное; но найти perpetuum mobile .. о!..

Мартынъ: Убирайся къ чорту съ твоимъ perpetuum mobile... Ей-Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

Бертольдъ: Экій онъ брюзга!

Мартынъ: Экій онъ сумасбродъ!

II.

Францъ (одинъ): Чортъ побери наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема, счастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой снимаетъ передъ нимъ шляпу, а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ: этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ; госпожа слушаетъ его пѣсни, наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ... Купецъ, сидя за своими книгами, считаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: «Е й Б о г у, с у д а р ь, с а м ы й л у ч ш і й т о в а р ъ, д е ш е в л е н и г д ѣ н е н а й д е т е».—«Врешь ты, жидъ».—«Н и к а к ъ н ѣ т ъ, ч е с т ь ю в а с ъ у в ѣ р я ю...» Честью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ, какъ соколъ; онъ никогда не горбился надъ счетами; онъ идетъ прямо и гордо; онъ скажетъ слово — ему вѣрятъ... Да развѣ это жизнь? Чортъ ее побери! Пойду лучше въ минстрели. Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей; трубы затрубятъ, выступятъ герольды, рыцари объѣдутъ поле, преклоняя копья предъ благосклонной красавицей. Трубы опять затрубятъ, рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! Кабы зналъ онъ, какъ рыцари презираютъ насъ, не смотря на наши деньги...

Альбертъ (входя): А! это Францъ... На кого ты раскричался?

Францъ: Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

Альбертъ: А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

Францъ: Я думалъ, какъ-бы мнѣ попасть на турниръ.

Альбертъ: Ты хочешь попасть на турниръ?

Францъ: Точно такъ.

Альбертъ: Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій—хочешь-ли на его мѣсто?

Францъ: Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Отчего-жъ онъ умеръ?

Альбертъ: Ей Богу, не знаю. Въ пятницу онъ былъ здоровешенекъ; вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнится, по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ... однако нѣтъ: точно, по щекѣ; Яковъ повалился, да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ—умре.

Францъ: Ай, рыцарь! видно, пощечины ваши тяжелы.

Альбертъ: На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что-же, хочешь быть моимъ конюшимъ?

Францъ (почесывается): Вашимъ конюшимъ?

Альбертъ: Что-жъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка: вѣдь это ужъ ступень. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

Францъ: И я буду жить у васъ въ замкѣ?

Альбертъ: Конечно... Ну, согласенъ, что-ли?

Францъ: Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?

Альбертъ: Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ-жъ конюшіе убиты до смерти.

Францъ: И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмотримъ, кто кого..

Альбертъ: Что.. что ты говоришь? Я тебя не понялъ.

Францъ: Такъ, я думалъ самъ про себя.

Альбертъ: Ну, что-же? соглашайся!

Францъ: Извольте, согласенъ.

Альбертъ: Нечего было и думать. Достаньже себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

Францъ: А что скажетъ мой отецъ?

Альбертъ: А ему какое дѣло до тебя?

Францъ: Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишитъ.

Альбертъ: А ты плюнь. Тебѣ-же будетъ легче!..

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

Клотильда: Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

Берта: О чемъ-же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ-ли рыцарѣ?

Клотильда: О какомъ рыцарѣ?

Берта: О томъ, который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

Клотильда: О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли, какъ мы возвратились, а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

Берта: Погодите; я увѣрена, что онъ будетъ завтра.

Клотильда: Почему ты такъ думаешь?

Берта: Потому, что я его во снѣ видѣла.

Клотильда: И, Боже мой! Это ничего не значитъ; я всякую ночь вижу его во снѣ.

Берта: Это совсѣмъ другое дѣло: вы въ него влюблены.

Клотильда: Я влюблена! Прошу пустяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ-нибудь другомъ.

Берта: О комъ-же? О конюшемъ братца, о Францѣ.

Клотильда: Пожалуй, говори мнѣ хоть о Францѣ.

Берта: Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

Клотильда: Францъ отъ меня безъ ума? Кто тебѣ сказалъ?

Берта: Никто; я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда онъ служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

Клотильда: Или ты—дура, или Францъ—предерзкая тварь.

(Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ).

Альбертъ: Сестра! представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

Графъ: Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоцѣнную награду.

Клотильда: Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (Уходитъ).

Графъ: Какъ она прекрасна!

Альбертъ: Она предобрая дѣвушка. Графъ, что-же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Францъ! разуй графа. (Францъ медлитъ.) Францъ! развѣ ты глухъ?

Францъ: Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать.

Графъ: Ого, какой удалый!

Альбертъ: Грубіянъ! (замахивается) я тебя прогоню.

Францъ: Я самъ готовъ оставить замокъ.

Альбертъ: Мужикъ, подлая тварь. Извините, графъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!.. (Толкаетъ его въ спину). Чтобы духу твоего здѣсь не было.

Графъ: Пожалуйста, оставь этого дурака; онъ, право, не стоитъ.

IV.

Клотильда: Братецъ! мнѣ до тебя просьба.

Альбертъ: Чего ты хочешь?

Клотильда: Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца: онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

Альбертъ: Какъ! и тебѣ?... Жаль-же, что я ужъ его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро-бъ не отдѣлался. Да что-же онъ сдѣлалъ?

Клотильда: Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогналъ, такъ нечего и говорить. Скажи, братецъ, долго-ли графъ пробудетъ у насъ?

Альбертъ: Думаю, сестра, что это будетъ зависѣть отъ тебя. Что-жъ ты краснѣешь?...

Клотильда: Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

Альбертъ: Не думаетъ? о чемъ же?

Клотильда: Ахъ, братецъ, какой ты несносный! Я говорю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

Альбертъ: Посмотримъ, посмотримъ. Что будетъ, то будетъ.

V.

Францъ: Вотъ нашъ домикъ.. Зачѣмъ было мнѣ оставлять его для гордаго замка? Здѣсь я былъ хозяинъ, а тамъ — слуга... и для чего? Для гордыхъ взоровъ наглой, благородной дѣвицы. Я переносилъ униженіе, я унизился въ собственныхъ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца, я сталъ зависимъ отъ чужого. И чѣмъ все это кончилось? Боже! кровь кидается въ лицо, кулаки мои сжимаются.. О, я самъ отмщу, отмщу... Какъ-то приметъ меня отецъ? (Стучится.)

Карлъ (выходитъ): Кто тамъ такъ стучитъ? А! Францъ, это ты. (Про себя.) Вотъ чортъ принесъ!

Францъ: Здравствуй, Карлъ; отецъ дома?

Карлъ: Ахъ, Францъ! давно-же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ, какъ ужъ померъ.

Францъ: Отецъ мой умеръ! Невозможно!

Карлъ: Такъ-то возможно, что его и схоронили.

Францъ: Бѣдный, бѣдный старикъ!... И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести: онъ меня любилъ, онъ чувствовалъ сильно. Карлъ! и ты не могъ послать за мною? Онъ меня-бы благословилъ.

Карлъ: Онъ осердился на приказчика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь-ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства и отдалъ все свое имѣніе..

Францъ: Кому?

Карлъ: Не смѣю тебѣ сказать.. ты такой вспыльчивый...

Францъ: Знаю—тебѣ...

Карлъ: Богъ видитъ, я не виноватъ. Я готовъ былъ-бы тебѣ все отдать... потому что, видишь-ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако вотъ по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ—наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но, видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вотъ теперь, какъ женатъ, ужъ я и не знаю, что дѣлать и какъ быть.

Францъ: Владѣй себѣ своимъ наслѣдствомъ Карлъ, я у тебя его не требую. На комъ ты женился?

Карлъ: На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ...

Францъ: Нѣтъ, благодарствую, Карлъ; кланяйся Юліи и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку отъ меня, на память.

Карлъ: Добрый Францъ! Хочешь съ нами отобѣдать? Мы только-что сѣли за столъ.

Францъ: Не могу, я спѣшу...

Карлъ: Куда-же?

Францъ: Такъ, самъ не знаю; прощай.

Карлъ: Прощай, Богъ тебѣ помоги. (Францъ уходитъ.) А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперь я совершенно спокоенъ: у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ.

VI.

ВАССАЛЫ, вооруженные косами и дубинами:

Ходитъ въ полѣ коса.
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой ходи, моя коса!
Сердце веселится.

Францъ: Они проѣдутъ черезъ эту лужайку; смотрите-же, не робѣть; подпустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскачутъ; тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу! вотъ они (Францъ съ частью вассаловъ скрывается въ лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ).

Рыцари: Гей, вы! долой съ дороги! (Вассалы снимаютъ шляпы и не трогаются.) Долой, говорятъ вамъ! Что это значитъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

Ротенфельдъ: А вотъ, пришпоримъ лошадей, до потопчемъ ихъ порядкомъ.

Косари: Ребята, не робѣть!... (Лошади раненыя, падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся.

Францъ: (бросается изъ засады.): Впередъ, ребята! У! у!

Одинъ рыцарь: Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

Другой: Ничего, насъ еще пятеро верхомъ.

Рыцари: Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами

Вассалы: У! у! у! Наша взяла!... Теперь вы въ нашихъ рукахъ... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые!

Францъ: Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья, поднимите забрала, гдѣ Альбертъ?

(Ѣдетъ другая толпа рыцарей).

Одинъ изъ нихъ: Господа! посмотрите, что это значитъ? здѣсь дерутся.

Другой: Это бунтъ: подлый народъ бьетъ рыцарей.

Рыцари: Господа! господа! копья въ упоръ, пришпоривай! (Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ).

Вассалы: Бѣда! бѣда! Это рыцари!...

Францъ: Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!...

(Онъ раненъ; рыцари его хватаютъ за воротъ).

Одинъ рыцарь: Постой, братъ, успѣешь намъ проповѣдать.

Другой: И эти подлыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите: одинъ, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужасъ!

(Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ).

Рыцари: Какъ! вы живы?

Альбертъ: Благодаря желѣзнымъ латамъ... (Всѣ смѣются.) Ага, Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебѣ. Господа рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

Одинъ изъ рыцарей: Не за что: на нашемъ мѣстѣ вы сдѣлали-бы то-же самое.

Альбертъ: Смѣю-ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и на досугѣ попировать?

Рыцари: Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похороны эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

Альбертъ: По крайней мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

Рыцари: Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей: позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы (садятся). А этого молодца, такъ и быть, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

(Рыцари ужинаютъ).

Одинъ рыцарь: Славное вино!

Ротенфельдъ: Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу

Рыцарь: Славное вино! За здоровье благородной хозяйки!

Рыцари: За здоровье прекрасной и благородной хозяйки!

Клотильда: Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ!

Ротенфельдъ: За здоровье нашихъ избавителей.

Рыцари: За здоровье нашихъ избавителей!

Одинъ изъ рыцарей Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то недостаетъ.

Ротенфельдъ: Знаю: кипрскаго вина; что дѣлать—все вышло на прошлой недѣлѣ.

Рыцарь: Нѣтъ, не кипрскаго вина; недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

Ротенфельдъ: Правда, правда... Нѣтъ-ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостиницу.

Альбертъ: Да чего-жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ: кликнуть его сюда!

Ротенфельдъ: И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

Рыцарь: Кто этотъ Францъ?

Ротенфельдъ: Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

Рыцарь: Такъ онъ еще и миннезингеръ?

Альбертъ: О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

Ротенфельдъ: Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

Францъ: Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не дрожитъ, и языкъ поворачивается.

Ротенфельдъ: Посмотримъ, посмотримъ Ну, начинай.

Францъ: (поетъ):

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму—
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему. .
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.
Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.
И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ,
И какъ громъ, его угроза
Поражала мусульманъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ, умеръ онъ.
Но Пречистая, конечно,
Заступившись за него,
Водворила въ царство вѣчно
Паладина своего

Ротенфельдъ: Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ-ли чего повеселѣе?

Францъ: Извольте, есть повеселѣе.

Ротенфельдъ: Люблю за то, что не унываетъ. Вотъ тебѣ кубокъ вина.

Францъ (поетъ):

Воротился ночью мельникъ...
«Жонка! Что за сапоги?»—
Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавый?
Это—ведра.—«Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ»

Рыцари: Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай-да Францъ!

Ротенфельдъ: А все-таки я тебя повѣшу.

Рыцари: Конечно, пѣсня пѣснью, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

Клотильда: Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; обѣщайтесь не отказать.

Рыцари: Что изволите приказать?

Одинъ: Мы готовы во всемъ повиноваться.

Клотильда: Нельзя-ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣлицы.

Ротенфельдъ: Помиловать его!.. Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ, да пощадить ихъ предводителя, то они завтра-же взбунтуются опять.

Клотильда: Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда-ли, что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь.

Францъ (въ чрезвычайномъ смущеніи): Сударыня... сударыня...

Одинъ рыцарь: Ну, Ротенфельдъ, чего дама требуетъ, въ томъ рыцарь отказать не можетъ. Надобно его помиловать.

Всѣ рыцари: Надобно его помиловать.

Ротенфельдъ: Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

Рыцари: Быть такъ...

Клотильда: Однако...

Ротенфельдъ: Клотильда! я далъ честное слово.

Францъ: Какъ! вѣчное заключеніе! да по мнѣ лучше умереть.

Ротенфельдъ: Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню... (Франца ведутъ.)

Францъ (уходя): Однако-жъ я ей обязанъ жизнію.

1835 г.

II.

ОТРЫВОКЪ

Тюремщикъ: Отъ этихъ знатныхъ господъ покою нѣтъ и нашему брату, тюремщику. Простыхъ людей, слава Богу, мы вѣшаемъ каждую пятницу, и никогда съ ними никакихъ хлопотъ. Прочтутъ имъ приговоръ, священникъ причаститъ ихъ на скорую руку—дадутъ бутылку вина; коли есть жена или ребятишки, коли отецъ или мать еще живы, впустишь ихъ на минуту, а чуть лишь слишкомъ завоютъ или заболтаются, такъ и вонъ милости просимъ. На разсвѣтѣ придетъ за ними Жакъ-палачъ—и все кончено. А вотъ посадили къ намъ графа Конрада, такъ я и жизни не радъ, я у него на посылкахъ. Принеси то-то, скажи то-то, кликни того-то. Начальство поминутно меня требуетъ: все-ли у тебя исправно? да не ушелъ-ли онъ? да не зарѣзался-бы онъ? да доволенъ-ли онъ? Чортъ побери знатныхъ господъ. А съ тѣхъ поръ, какъ судьи приговорили его къ смерти, такъ тюрьма моя сдѣлалась трактиромъ—ей Богу, трактиромъ. И друзья, и родня, и знакомые—всѣ лѣзутъ съ нимъ прощаться; отпирай всякому, да смотри за всѣми, да не смѣй никого обидѣть, и хоть-бы что-нибудь въ руку перепало, да нѣтъ, все народъ благородный—свободенъ отъ всѣхъ податей. Право ни на что не похоже—слава Богу, что утромъ отрубятъ ему голову! А ужъ эту ночь напляшемся (стучатъ). Это кто стучится? (Идетъ къ дверямъ и отворяетъ окошко.) Что вамъ надобно?

Слуга (за дверью): Отворяй, графиня съ дочерью!

Тюремщикъ: А гдѣ пропускъ?

Слуга (бросаетъ ему бумагу): На! скорѣе-жъ, поворачивайся!

Тюремщикъ: Сейчасъ, сейчасъ. Экая каторга! (Отворяетъ двери. Входитъ графиня и дочь ея, обѣ въ черныхъ платьяхъ. Тюремщикъ имъ низко кланяется).

1835 г.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго. Въ немъ собрано все, что было обнародовано правительствомъ касательно Пугачева, и то, что показалось мнѣ достовѣрнымъ въ иностранныхъ писателяхъ, говорившихъ о немъ. Также имѣлъ я случай пользоваться нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Дѣло о Пугачевѣ, донынѣ нераспечатанное, находилось въ государственномъ санктпетербургскомъ архивѣ вмѣстѣ съ другими важными бумагами, нѣкогда тайнами государственными, нынѣ превращенными въ историческіе матеріалы. Государь Императоръ, по своемъ восшествіи на престолъ, приказалъ привести ихъ въ порядокъ. Эти сокровища вынесены были изъ подваловъ, гдѣ нѣсколько наводненій посѣтило ихъ и едва не уничтожило.

Будущій историкъ, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ мой трудъ—конечно, несовершенный, но добросовѣстный. Историческая страница, на которой встрѣчаются имена: Екатерины, Румянцова, двухъ Паниныхъ, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства

2-го ноября 1833 г.

Село Болдино.

Мнѣ кажется, сего вора всѣхъ замысловъ и похожденій не только посредственному, но ниже самому превосходнѣйшему историку порядочно описать едва-ли-бы удалось: коего всѣ затѣи не отъ разума и воинскаго распорядка, но отъ дерзости, случая и удачи зависѣли. Почему и самъ Пугачевъ (думаю) подробностей оныхъ не только разсказать, но нарочитой части припомнить не въ состояніи, поелику не отъ его одного непосредственно, но отъ многихъ его сообщниковъ полной воли и удальства въ разныхъ вдругъ мѣстахъ происходили.

Архимандритъ Платонъ Любарскій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало яицкихъ казаковъ. Поэтическое преданіе. Царская грамота. Грабежи на Каспійскомъ морѣ. Стенька Разинъ. Нечай и Шамай. Предположенія Петра Великаго. Внутреннія безпокойства. Побѣгъ кочующаго народа. Бунтъ яицкихъ казаковъ. Ихъ усмиреніе.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе, и течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ и, протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ, впадаетъ въ Каспійское море. Онъ орошаетъ часть Башкиріи, составляетъ почти всю юго-восточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволожскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ киргизъ-кайсаковъ. Его теченіе быстро; мутныя воды наполнены рыбою всякаго рода; берега большей частью глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышемъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На этой-то рѣкѣ, въ XV столѣтіи, явились донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались на Яикъ. Подаваясь все вверхъ съ одного мѣста на другое, наконецъ они избрали себѣ постояннымъ пребываніемъ урочище Коловратное, въ шестидесяти верстахъ отъ нынѣшняго Уральска.

Въ сосѣдствѣ новыхъ поселенцевъ кочевали нѣкоторыя татарскія семейства, отдѣлившіяся отъ улусовъ Золотой Орды и искавшія привольныхъ пажитей на берегахъ того-же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но въ послѣдствіи времени вошли въ дружелюбныя сношенія: казаки стали получать женъ изъ татарскихъ улусовъ. Сохранилось поэтическое преданіе: казаки, страстные къ холостой жизни, положили между собою убивать приживаемыхъ дѣтей, а женъ бросать при выступленіи въ новый походъ. Одинъ изъ ихъ атамановъ, по имени Гугня, первый преступилъ жестокій законъ, пощадивъ молодую жену, и каза-

ки, по примѣру атамана, покорились игу семейственной жизни. Донынѣ просвѣщенные и гостепріимные жители уральскихъ береговъ пьютъ на своихъ пирахъ здоровье бабушки Гугнихи.

Живя набѣгами, окруженные непріязненными племенами, казаки чувствовали необходимость въ сильномъ покровительствѣ, и въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича послали отъ себя въ Москву просить государя, чтобъ онъ принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Поселеніе казаковъ на безхозяйномъ Яикѣ могло казаться завоеваніемъ, котораго важность была очевидна. Царь обласкалъ новыхъ подданныхъ и пожаловалъ имъ грамоту на рѣку Яикъ, отдавъ имъ ее отъ вершины до устья и дозволя имъ набираться на житье вольными людьми.

Число ихъ часъ отъ часу умножалось. Они продолжали разъѣзжать по Каспійскому морю, соединялись тамъ съ донскими казаками, вмѣстѣ нападали на торговыя персидскія суда и грабили приморскія селенія. Шахъ жаловался царю. Изъ Москвы посланы были на Донъ и на Яикъ увѣщевательныя грамоты.

Казаки на лодкахъ, еще нагруженныхъ добычею, поѣхали Волгою въ Нижній-Новгородъ; оттуда отправились въ Москву и явились ко двору съ повинною головою, каждый неся топоръ и плаху. Имъ велѣно было ѣхать въ Польшу и подъ Ригу, заслуживать тамъ свои вины; а на Яикъ были посланы стрѣльцы, въ послѣдствіи времени составившіе съ казаками одно племя.

Стенька Разинъ посѣтилъ яицкія жилища. По свидѣтельству лѣтописей, казаки приняли его, какъ непріятеля. Городокъ ихъ былъ взятъ этимъ отважнымъ мятежникомъ, а стрѣльцы, тамъ находившіеся, побиты или потоплены.

Преданіе, согласное съ татарскимъ лѣтописцемъ, относитъ къ тому-же времени походы двухъ яицкихъ атамановъ: Нечая и Шамая. Первый, набравъ вольницу, отправился въ Хиву, въ надеждѣ на богатую добычу. Счастіе ему благопріятствовало. Совершивъ трудный путь, казаки достигли Хивы. Ханъ съ войскомъ своимъ находился тогда на войнѣ. Нечай овладѣлъ городомъ безъ всякаго препятствія, но зажился въ немъ и поздно выступилъ въ обратный походъ. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханомъ и на берегу Сыръ-Дарьи разбиты и истреблены. Не болѣе трехъ возвратилось на Яикъ съ объявленіемъ о погибели храбраго Нечая. Нѣсколько лѣтъ послѣ, другой атаманъ, по прозванію Шамай, пустился по его слѣдамъ. Но онъ попался въ плѣнъ степнымъ калмыкамъ, а казаки его отправились далѣе, сбились съ дороги, на Хиву не попали, и пришли къ Аральскому морю, на которомъ принуждены были зимовать. Ихъ постигнулъ голодъ. Несчастные бродяги убивали и ѣли другъ друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконецъ отъ себя къ хивинскому хану просить, чтобъ онъ ихъ принялъ и спасъ отъ голодной смерти. Хивинцы пріѣхали за ними, забрали всѣхъ и отвели рабами въ свой городъ. Тамъ они и пропали. Шамай-же, нѣсколько лѣтъ послѣ, привезенъ былъ калмыками въ яицкое войско, вѣроятно, для размѣна. Съ тѣхъ поръ у казаковъ охота къ дальнимъ походамъ охладѣла. Они малу-по-малу привыкли къ жизни семейной и гражданственной.

Яицкіе казаки послушно несли службу по наряду московскаго приказа, но дома сохраняли первоначальный образъ управленія своего. Совершенное равенство правъ; атаманы и старшины, избираемые народомъ—временные исполнители народныхъ постановленій; круги, или совѣщанія, гдѣ каждый казакъ имѣлъ свободный голосъ и гдѣ всѣ общественныя дѣла рѣшаемы были большинствомъ голосовъ; никакихъ письменныхъ постановленій; въ куль да въ воду за измѣну, трусость, убійство и воровство—таковы главныя черты этого управленія. Къ простымъ и грубымъ учрежденіямъ, еще принесеннымъ ими съ Дона, яицкіе казаки присовокупляли и другія, мѣстныя, относящіяся къ рыболовству, главному источнику ихъ богатства, и къ праву нанимать на службу требуемое число казаковъ, учрежденія чрезвычайно сложныя и опредѣленныя съ величайшею утонченностью.

Петръ Великій принялъ первыя мѣры для введенія яицкихъ казаковъ въ общую систему государственнаго управленія. Въ 1720 году яицкое войско отдано было въ вѣдомство военной коллегіи. Казаки возмутились, сожгли свой городокъ, съ намѣреніемъ бѣжать въ киргизскія степи, но были жестоко усмирены полковникомъ Захаровымъ. Сдѣлана была имъ перепись, опредѣлена служба, и назначено жалованье. Государь самъ назначилъ войскового атамана.

Въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны правительство хотѣло исполнить предположенія Петра. Тому благопріятствовали возникшіе раздоры между войсковымъ атаманомъ Меркульевымъ и войсковымъ старшиною Логиновымъ, и раздѣленіе чрезъ то казаковъ на двѣ стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. Въ 1740 году положено было преобразовать внутреннее управленіе яицкаго войска, и Неплюевъ, бывшій въ то время оренбургскимъ губернаторомъ, представилъ въ военную коллегію проектъ новаго учрежденія; но бóльшая часть предположеній и предписаній осталась безъ исполненія до восшествія на престолъ государыни Екатерины II.

Съ самаго 1762 года стороны логиновской яицкіе казаки начали жаловаться на различныя притѣсненія, ими претерпѣваемыя отъ членовъ канцеляріи, учрежденной въ войскѣ правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные налоги и нарушеніе старинныхъ правъ и обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ нимъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генералъ-маіоры Потаповъ и Череповъ (первый въ 1766 году, а второй въ 1767) принуждены были прибѣгнуть къ силѣ оружія и къ ужасу казней. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была слѣдственная коммиссія. Въ ней присутствовали генералъ-маіоры: Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ и Давыдовъ, и гвардіи капитанъ Чебышевъ. Войсковой атаманъ Андрей Бородинъ былъ отставленъ; на его мѣсто выбранъ Петръ Тамбовцевъ; члены канцеляріи осуждены уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню; но они умѣли избѣгнуть исполненія приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до свѣдѣнія самой императрицы справедливыя свои жалобы. Но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію президента военной коллегіи, графа Чернышева, схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны, какъ бунтовщики. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ. Мѣстное начальство воспользовалось и этимъ случаемъ, чтобы новыми притѣсненіями мстить народу за его сопротивленіе. Узнали, что правительство имѣло намѣреніе составить изъ казаковъ гусарскіе эскадроны, и что уже повелѣно брить имъ бороду. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ, присланный для того въ Яицкій городокъ, навлекъ на себя народное негодованіе. Казаки волновались. Наконецъ, въ 1771 году, мятежъ обнаружился во всей своей силѣ.

Происшествіе, не менѣе важное, подало въ нему поводъ. Между Волгой и Яикомъ, по необозримымъ степямъ астраханскимъ и саратовскимъ, кочевали мирные калмыки, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія ушедшіе отъ границъ Китая подъ покровительство Бѣлаго царя. Съ тѣхъ поръ они вѣрно служили Россіи, охраняя южныя ея границы. Русскіе приставы, пользуясь ихъ простотою и отдаленностью отъ средоточія правленія, начали ихъ угнетать. Жалобы этого смирнаго и добраго народа не доходили до высшаго начальства: выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились оставить Россію и тайно снеслись съ китайскимъ правительствомъ. Имъ не трудно было, не возбуждая подозрѣнія, прикочевать къ самому берегу Яика. И вдругъ, въ числѣ тридцати тысячъ кибитокъ, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи къ предѣламъ прежняго отечества. Правительство спѣшило удержать неожиданный побѣгъ. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но казаки (кромѣ весьма малаго числа) не послушались и явно отказались отъ всякой службы.

Тамошніе начальники прибѣгнули къ строжайшимъ мѣрамъ для прекращенія мятежа; но наказанія уже не могли смирить ожесточенныхъ. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ казака Кирпичникова, въ домъ гвардіи капитана Дурнова, находившагося въ Яицкомъ городкѣ по дѣламъ слѣдственной коммиссіи. Они требовали отрѣшенія членовъ канцеляріи и выдачи задержаннаго жалованья. Генералъ-маіоръ Траубенбергъ пошелъ имъ на встрѣчу съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись; но ни его повелѣнія, ни увѣщанія войскового атамана не имѣли никакого дѣйствія. Траубенбергъ велѣлъ стрѣлять; казаки бросились на пушки. Произошло сраженіе; мятежники одолѣли. Траубенбергъ былъ убитъ у воротъ своего дома, Дурновъ израненъ, Тамбовцевъ повѣшенъ, члены канцеляріи посажены подъ стражу, а на мѣсто ихъ учреждено новое начальство.

Мятежники торжествовали. Они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, чтобъ объяснить и оправдать кровавое происшествіе. Между тѣмъ генералъ-маіоръ Фрейманъ посланъ былъ изъ Москвы, для усмиренія, съ одною ротою гренадеръ и съ артиллеріей. Фрейманъ весною прибылъ въ Оренбургъ, гдѣ дождался слитія рѣкъ, и взявъ съ собою двѣ легкія полевыя команды[1] и нѣсколько казаковъ, пошелъ къ Яицкому городку. Мятежники, въ числѣ трехъ тысячъ, выѣхали противъ него; оба войска сошлись въ семидесяти верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу. Мятежники прискакали въ свои домы, забрали женъ и дѣтей, и стали переправляться черезъ рѣку Чаганъ, намѣреваясь бѣжать къ Каспійскому морю. Фрейманъ, вслѣдъ за ними вступившій въ городъ, успѣлъ удержать народъ угрозами и увѣщаніями. За ушедшими послана погоня, и почти всѣ были переловлены. Въ Оренбургѣ учредилась слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ полковника Неронова. Множество мятежниковъ было туда отправлено. Въ тюрьмахъ недостало мѣста. Ихъ разсадили по лавкамъ гостинаго и мѣнового дворовъ. Прежнее казацкое правленіе было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту подполковнику Симонову. Въ его канцеляріи повелѣно присутствовать войсковому старшинѣ Мартемьяну Бородину и старшинѣ (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутомъ; около ста сорока человѣкъ сослано въ

Сибирь; другіе отданы въ солдаты (NB всё бѣжали); остальные прощены и приведены ко вторичной присягѣ. Эти строгія и необходимыя мѣры возстановили наружный порядокъ; но спокойствіе было не надежно. «То-ли еще будетъ! говорили прощеные мятежники: такъ-ли мы тряхнемъ Москвою».—Казаки все еще были раздѣлены на двѣ стороны: согласную и несогласную (или, какъ весьма точно переводила эти слова военная коллегія, на послушную и непослушную). Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ [2] и отдаленнымъ хуторамъ. Все предвѣщало новый мятежъ. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появленіе Пугачева. Бѣгство его изъ Казани. Показанія Кожевникова. Первые успѣхи самозванца. Измѣна Илецкихъ казаковъ. Взятіе крѣпости Разсыпной. Нурали-ханъ. Распоряженіе Рейнсдорпа. Взятіе Нижне Озерной. Взятіе Татищевой. Совѣтъ въ Оренбургѣ. Взятіе Чернорѣченской. Пугачевъ въ Сакмарскѣ.

Въ смутное это время по казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ иргизскіе скиты; оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкій городокъ, гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Онъ отличался дерзостью своихъ рѣчей, поносилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана; онъ увѣрялъ, что и донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто-бы противу яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію; но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Волгскъ), по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогой. Этотъ бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все относящееся къ дѣламъ яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, могло казаться важнымъ, то оренбургскій губернаторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ государственную военную коллегію донесеніемъ отъ 18 января 1773 года.

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и казанское начальство не обратило большого вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды онъ подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ ходилъ по городу, для собиранія милостыни. У Замочной Рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ, подойдя къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19 іюня 1773 года. Три дня послѣ въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по которому Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетьми и къ ссылкѣ въ Пелымъ на каторжную работу.

Пугачевъ явился на хуторахъ отставного казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйствіе и увлечь за собой множество донскихъ казаковъ. Потомки ихъ донынѣ живутъ въ турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней турецкой войны они дрались противъ насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодкѣ; также, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцовъ и возвратились подъ владычество законнаго своего государя.

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для этого нуженъ былъ только пришлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная коллегія дала знать о побѣгѣ казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ по предположеніямъ могъ онъ укрываться. Вскорѣ подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и

часъ отъ часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись странные слухи... Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайлу Кожевникова, привели въ комендантскую канцелярію и пыткою вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю. Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ и въ ту-же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ, всѣ трое верхами. Незнакомецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ для повѣстки народу, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что—онъ императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны; что онъ, при помощи караульнаго офицера, ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Цареградѣ и тайно находился въ русскомъ войскѣ во время послѣдней турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но, узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ какою нынѣ требуются и осматриваются паспорты, воротился на сызранскую дорогу, по которой скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета взятъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Высказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на плавню (осеннее рыболовство), въ избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и напраснаго кровопролитія. Во время-же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать атамана, и идти прямо на Яицкій городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, чтобы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ-же неудачи, думалъ онъ броситься въ Русь, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда) и возвести на престолъ государя великаго князя. Самъ-же я, говорилъ онъ, уже царствовать не желаю. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ и увезли его на Усихину Розсошь, гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 сентября Пугачевъ съ Будоринскаго форпоста [3] пришелъ подъ Яицкій городокъ съ толпою, изъ трехъ сотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону мятежниковъ. Симоновъ выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъже передалась на сторону самозванца и потащила за собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Эти первыя его жертвы были сотники: Витошновъ, Черторойговъ, Раинвъ и Коноваловъ; пятидесятники: Ружениковъ, Толстовъ, Подъячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу, но, при видѣ выходящаго противъ него войска, сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, жители котораго готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ оренбургскому губернатору, генералъ-поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено, и донесеніе Симонова дошло до губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку [4] и послалъ начальствующему въ немъ атаману Портнову повелѣніе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (илецкіе, какъ и яицкіе казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью, угрожая местью въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приня-

ли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду и, взявъ съ собою всѣхъ илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную [5].

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространялся. Еще съ Будоринскаго форпоста Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсакскому хану, именуя себя государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и сто человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, которому предлагалъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками и безъ его помощи. Ханъ послалъ оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. «Мы, люди живущіе въ степяхъ, — писалъ Нурали губернатору — не знаемъ, кто сей, разъѣзжающій по берегу: обманщикъ-ли, или настоящій государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая». При этомъ, пользуясь обстоятельствами, ханъ требовалъ отъ губернатора возвращенія аманатовъ, отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ киргизскія степи, выдать его правительству, обѣщая за то милость императрицы. Прошенія хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не переставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ императрицѣ, а киргизы стали готовиться къ набѣгамъ.

Вслѣдъ за извѣстіемъ хана получено было въ Оренбургѣ донесеніе яицкаго коменданта, посланное чрезъ Самару. Вскорѣ потомъ пришло донесеніе Веловскаго о взятіи Илецкаго городка. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникающаго зла. Онъ предписалъ бригадиру барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмя стами солдатъ пѣхоты и конницы и съ шестью полевыми орудіями, и идти къ Яицкому городку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей. Командиру Верхне-Озерной дистанціи [6], бригадиру барону Корфу, велѣлъ какъ можно скорѣе идти къ Оренбургу; подполковнику Симонову — отрядить маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками, для соединенія съ Биловымъ; ставропольской канцеляріи [7] велѣно было выслать къ Симонову пятьсотъ вооруженныхъ калмыковъ, а ближайшимъ башкирцамъ и татарамъ — собраться, какъ можно скорѣе, и въ числѣ тысячи человѣкъ идти на встрѣчу Наумову. Ни одно изъ этихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву крѣпость и двинулся было на Озерную, но въ пятнадцати верстахъ отъ нея, услышавъ ночью пушечные выстрѣлы, отступилъ, полагая крѣпость уже взятою Пугачевымъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ; Биловъ не послушался и остался въ Татищевой. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Вмѣсто пятисотъ вооруженныхъ калмыковъ, не собралось ихъ и трехсотъ, и тѣ бѣжали съ дороги. Башкирцы и татары не слушались предписанія. Маіоръ-же Наумовъ и войсковой старшина Бородинъ, выступивъ изъ Яицкаго городка, шли издали по слѣдамъ Пугачева и 3-го октября прибыли въ Оренбургъ степною стороною, не видавъ непріятеля.

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижне-Озерную [8]. На дорогѣ встрѣтилъ онъ капитана Сурина, высланнаго на помощь Веловскому комендантомъ Нижне-Озерной, маіоромъ Харловымъ. Пугачевъ его повѣсилъ, а рота пристала къ мятежникамъ. Узнавъ о приближеніи Пугачева, Харловъ отправилъ въ Татищеву молодую жену свою, дочь тамошняго коменданта Елагина, а самъ приготовился къ оборонѣ. Казаки его измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. Ночью на 26-е сентября вздумалъ онъ, для ихъ ободренія, палить изъ двухъ своихъ пушекъ, и эти-то несчастные выстрѣлы остановили Билова, шедшаго къ нему на помощь. Утромъ Пугачевъ показался передъ крѣпостью. Онъ ѣхалъ впереди своего войска. «Берегись, государь, сказалъ ему старый казакъ: неравно изъ пушки убьютъ». — «Старый ты человѣкъ, отвѣчалъ самозванецъ, развѣ пушки льются на царей?» — Харловъ бѣгалъ отъ одного солдата къ другому и приказывалъ стрѣлять. Никто не слушался. Онъ схватилъ фитиль, выпалилъ изъ одной пушки и кинулся къ другой. Въ это время бунтовщики заняли крѣпость, бросились на единственнаго ея защитника и изранили его. Полумертвый, онъ думалъ отъ нихъ откупиться и повелъ ихъ къ избѣ, гдѣ было спрятано его имущество. Между тѣмъ за крѣпостью уже ставили висѣлицу;

передъ нею сидѣлъ Пугачевъ, принимая присягу жителей и гарнизона. Къ нему привели Харлова, обезумленнаго отъ ранъ и истекающаго кровью. Глазъ, вышибленный копьемъ, висѣлъ у него на щекѣ. Пугачевъ велѣлъ его казнить и съ нимъ прапорщиковъ Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизонъ сталъ просить за своего добраго коменданта; но яицкіе казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни одинъ изъ страдальцевъ не оказалъ малодушія. Магометанинъ Бикбай, взойдя на лѣстницу, перекрестился и самъ надѣлъ на себя петлю. На другой день Пугачевъ выступилъ и пошелъ на Татищеву [9].

Въ этой крѣпости начальствовалъ полковникъ Елагинъ. Гарнизонъ былъ умноженъ отрядомъ Билова, искавшаго въ ней своей безопасности. Утромъ 27 сентября Пугачевъ показался на высотахъ, ее окружающихъ. Всѣ жители видѣли, какъ онъ разставилъ тамъ свои пушки и самъ направилъ ихъ на крѣпость. Мятежники подъѣхали къ стѣнамъ, уговаривая гарнизонъ — не слушаться бояръ и сдаться добровольно. Имъ отвѣчали выстрѣлами. Они отступили. Безполезная пальба продолжалась съ полудня до вечера; въ то время скирды сѣна, находившіяся близъ крѣпости, загорѣлись, подожженныя осаждающими. Пожаръ быстро достигнулъ деревянныхъ укрѣпленій. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачевъ, пользуясь смятеніемъ, напалъ съ другой стороны. Крѣпостные казаки ему передались. Раненый Елагинъ и самъ Биловъ оборонялись отчаянно. Наконецъ, мятежники ворвались въ дымящіяся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсѣкли голову. Съ Елагина, человѣка тучнаго, содрали кожу; злодѣи вынули изъ него сало и мазали имъ свои раны. Жену его изрубили. Дочь ихъ, наканунѣ овдовѣвшая Харлова, приведена была къ побѣдителю, распоряжавшемуся казнію ея родителей. Пугачевъ пораженъ былъ ея красотою и взялъ несчастную къ себѣ въ наложницы, пощадивъ для нея семилѣтняго ея брата. Вдова маіора Веловскаго, бѣжавшая изъ Разсыпной, также находилась въ Татищевой; ее удавили. Всѣ офицеры были повѣшены. Нѣсколько солдатъ и башкирцевъ выведены въ поле и разстрѣляны картечью. Прочіе острижены по-казацки и присоединены къ мятежникамъ. Тринадцать пушекъ достались побѣдителю.

Извѣстія объ успѣхахъ Пугачева приходили въ Оренбургъ одно за другимъ. Едва Веловскій успѣлъ донести о взятіи Илецкаго городка, уже Харловъ доносилъ о взятіи Разсыпной; вслѣдъ затѣмъ Биловъ изъ Татищевой извѣщалъ о взятіи Нижне-Озерной; маіоръ Крузе изъ Чернорѣченской о пальбѣ, происходящей подъ Татищевой. Наконецъ (28 сентября) триста человѣкъ татаръ, насилу собранные и отправленные къ Татищевой, возвратились съ дороги съ извѣстіемъ объ участи Билова и Елагина. Рейнсдорпъ, испуганный быстротою пожара, собралъ совѣтъ изъ главныхъ оренбургскихъ чиновниковъ и слѣдующія мѣры были имъ утверждены:

1) Всѣ мосты черезъ Сакмару разломать внизъ по рѣкѣ.

2) У польскихъ конфедератовъ, содержащихся въ Оренбургѣ, отобрать оружіе и отправить ихъ въ Троицкую крѣпость подъ строжайшимъ присмотромъ.

3) Разночинцамъ, имѣющимъ оружіе, назначить мѣста для защиты города, отдавъ ихъ въ распоряженіе оберъ-коменданту генералъ-маіору Валленштерну; прочимъ находиться въ готовности, въ случаѣ пожара, и быть подъ начальствомъ таможеннаго директора Обухова

4) Сеитовскихъ татаръ перевести въ городъ и поручить начальство надъ ними коллежскому совѣтнику Тимашеву.

5) Артиллерію отдать въ распоряженіе дѣйствительному статскому совѣтнику Старову-Милюкову, служившему нѣкогда въ артиллеріи.

Сверхъ сего Рейнсдорпъ, думая уже о безопасности самаго Оренбурга, приказалъ оберъ-коменданту исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе. Гарнизонамъ-же малыхъ крѣпостей, еще не взятыхъ Пугачевымъ, велѣно было идти въ Оренбургъ, зарывая или потопляя тяжести и порохъ.

Изъ Татищевой 29 сентября Пугачевъ пошелъ въ Чернорѣченскую [10]. Въ этой крѣпости оставалось нѣсколько старыхъ солдатъ при капитанѣ Нечаевѣ, заступившемъ мѣсто коменданта маіора Крузе, который скрылся въ Оренбургъ. Они сдались безъ сопротивленія. Пугачевъ повѣсилъ капитана, по жалобѣ крѣпостной его дѣвки.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку [11], жители котораго ожидали его съ нетерпѣніемъ. — 1-го октября изъ татарской деревни Каргале поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ:

«Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ, и сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: вставайте, дѣтушки! Потомъ всѣ цѣловали его руку. — Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали, что иные

на службѣ, другіе съ ихъ атаманомъ Даниломъ Донскимъ взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ священнику и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, приговаривая: ты попъ, такъ будь и атаманъ: ты и всѣ жители отвѣчаете мнѣ за нихъ своими головами.—Потомъ поѣхалъ онъ къ атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ Если-бъ твой сынъ былъ здѣсь, сказалъ онъ старику: то вашъ обѣдъ былъ-бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Какой онъ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?—Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина, но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? Возьмите, отвѣчалъ онъ, краюшку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга.—Въ это время башкирцы, присланные отъ оренбургскаго губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Сакмары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ».

Въ тридцати верстахъ отъ Сакмарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биловымъ въ походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли на встрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновенію, принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и ужъ онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неимовѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3-го октября, ночью, подъ Сакмарскимъ городкомъ перешелъ рѣку черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣры правительства. Состояніе Оренбурга. Объявленіе Рейнсдорпа о Пугачевѣ. Разбойникъ Хлопуша. Пугачевъ подъ Оренбургомъ. Бердская слобода. Сообщники Пугачева. Генералъ-маіоръ Карь. Его неудача. Гибель полковника Чернышева. Карь оставляетъ армію. Бибиковъ.

Оренбургскія дѣла принимали худой оборотъ. Съ часу на часъ ожидали общаго возмущенія яицкаго войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которыхъ Пугачевъ успѣлъ задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцевъ), начали нападать на русскія селенія и кучами присоединяться къ войску бунтовщиковъ. Служивые калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскорѣ не только Оренбургская, но и пограничныя съ нею губерніи пришли въ опасное колебаніе.

Губернаторы: казанскій—фонъ Брантъ, сибирскій—Чичеринъ и астраханскій—Кречетниковъ, вслѣдъ за Рейнсдорпомъ, извѣстили государственную военную коллегію о яицкихъ происшествіяхъ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе. Тогдашнія обстоятельства сильно благопріятствовали безпорядкамъ. Войска отовсюду были отвлечены въ Турцію и въ волнующуюся Польшу. Строгія мѣры, принятыя по всей Россіи для прекращенія недавно свирѣпствовавшей чумы, производили въ черни общее негодованіе. Рекрутскій наборъ усиливалъ затрудненія. Повелѣно было нѣсколькимъ ротамъ и эскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута наскоро слѣдовать въ Казань. Начальство надъ ними поручено генералъ-маіору Кару, отличившемуся въ Польшѣ твердымъ исполненіемъ строгихъ предписаній начальства. Онъ находился въ Петербургѣ при пріемѣ рекрутъ. Ему велѣно было сдать свою бригаду генералъ-маіору Нащокину и спѣшить къ мѣстамъ, угрожаемыхъ опасностью; къ нему присоединили генералъ-маіора Фреймана, уже усмирившаго разъ яицкое войско и хорошо знавшаго театръ новыхъ безпорядковъ. Начальникамъ окрестныхъ губерній велѣно было, съ ихъ стороны, дѣлать нужныя распоряженія. Манифестомъ отъ 15-го октября правительство объявляло народу о появленіи самозванца, увѣщевая обольщенныхъ отстать заблаговременно отъ преступнаго заблужденія.

Обратимся къ Оренбургу.

Въ этомъ городѣ находилось до трехъ тысячъ войска и до семидесяти орудій. Съ такими средствами можно и должно было уничтожить мятежниковъ. Къ несчастью, между военными начальниками не было ни одного, знавшаго свое дѣло. Оробѣвъ съ самаго начала, они дали время Пугачеву усилиться и лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ. Оренбургъ претерпѣлъ бѣдственную осаду, любопытное изображеніе которой сохранено самимъ Рейнсдорпомъ.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу, а поспѣшное выступленіе Билова [1] подтвердило справедливые слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе; казаки съ угрозами роптали; устра-

шенные жители говорили о сдачѣ города. Схваченъ былъ защитникъ смятенія, отставной сержантъ, подосланный Пугачевымъ. Въ допросѣ онъ показалъ, что имѣлъ намѣреніе заколоть губернатора. Въ селеніяхъ около Оренбурга начали показываться возмутители. Рейнсдорпъ обнародовалъ объявленіе о Пугачевѣ, въ которомъ объяснялъ его настоящее званіе и прежнія преступленія. Оно было писано темнымъ и запутаннымъ слогомъ. Въ немъ было сказано, что о злодѣйствующемъ съ яицкой стороны носится слухъ, якобы онъ другого состоянія, нежели какъ есть; но что онъ въ самомъ дѣлѣ донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, за прежнія преступленія наказанный кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ знаковъ. Это показаніе было несправедливо. Рейнсдорпъ повѣрилъ ложному слуху, и мятежники потомъ торжествовали, укоряя его въ клеветѣ.

Казалось, всѣ мѣры, предпринимаемыя Рейнсдорпомъ, обращались ему во вредъ. Въ оренбургскомъ острогѣ содержался тогда въ оковахъ злодѣй, извѣстный подъ именемъ Хлопуши. Двадцать лѣтъ разбойничалъ онъ въ тамошнихъ краяхъ; три раза ссылаемъ былъ въ Сибирь и три раза находилъ способъ уходить. Рейнсдорпъ вздумалъ употребить смышленаго каторжника и чрезъ него переслать въ шайку пугачевскую увѣщевательные манифесты. Хлопуша клялся въ точности исполнить его препорученія. Онъ былъ освобожденъ, явился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему самому всѣ губернаторскія бумаги. «Знаю, братецъ, что̀ тутъ написано», сказалъ безграмотный Пугачевъ и подарилъ ему полтину денегъ и платье недавно повѣшеннаго киргизца. Хорошо зная край, на который такъ долго наводилъ ужасъ своими разбоями, Хлопуша сдѣлался ему необходимъ. Пугачевъ наименовалъ его полковникомъ и поручилъ ему грабежъ и возмущеніе заводовъ. Хлопуша оправдалъ его довѣренность. Онъ пошелъ по рѣкѣ Сакмарѣ, возмущая окрестныя селенія; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристаняхъ, и на уральскихъ заводахъ, и переслалъ оттуда Пугачеву пушки, ядра и порохъ, умноживъ свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоевъ.

5-го октября Пугачевъ со своими силами расположился лагеремъ на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Онъ тотчасъ двинулся впередъ и подъ пушечными выстрѣлами поставилъ одну батарею на паперти церкви у самаго предмѣстья, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Онъ отступилъ, отбитый сильною пальбою. Въ тотъ-же день, по приказанію губернатора, предмѣстье было выжжено. Уцѣлѣла только одна изба и Георгіевская церковь. Жители переведены были въ городъ, и имъ обѣщано вознагражденіе за весь убытокъ. Начали очищать ровъ, окружающій городъ, а валъ обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленнаго на зиму сѣна. Губернаторъ не успѣлъ перевезти его въ городъ. Противъ зажигателей (уже на другой день утромъ) выступилъ маіоръ Наумовъ (только-что прибывшій изъ Яицкаго городка). Съ нимъ было тысяча пятьсотъ человѣкъ конницы и пѣхоты. Встрѣченный пушками, онъ перестрѣливался и отступилъ безъ всякаго успѣха. Его солдаты робѣли, а казакамъ онъ не довѣрялъ.

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ чиновниковъ и требовалъ отъ нихъ письменнаго мнѣнія: выступить-ли еще противъ злодѣя или подъ защитой городскихъ укрѣпленій ожидать прибытія новыхъ войскъ? На этомъ совѣтѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Старовъ-Милюковъ одинъ объявилъ мнѣніе, достойное военнаго человѣка: идти противъ бунтовщиковъ. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ опасное уныніе и только думали защищаться. Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и Рейнсдорпъ.

8-го октября мятежники выѣхали грабить мѣновой дворъ, находившійся въ трехъ верстахъ отъ города [13]. Высланный противъ нихъ отрядъ прогналъ ихъ, убивъ на мѣстѣ двѣсти человѣкъ и захвативъ до ста шестнадцати. Рейнсдорпъ, желая воспользоваться этимъ случаемъ, нѣсколько ободрившимъ его войско, хотѣлъ на другой день выступить противъ Пугачева: но всѣ начальники единогласно донесли ему, что на войско никакимъ образомъ положиться было невозможно: солдаты, приведенные въ уныніе и недоумѣніе, сражались неохотно, а казаки на самомъ мѣстѣ сраженія могли соединиться съ мятежниками, и слѣдствія ихъ измѣны были-бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорпъ не зналъ, что̀ дѣлать. Онъ кое-какъ успѣлъ однакожъ уговорить и усовѣстить своихъ подчиненныхъ, и 12-го октября Наумовъ вывелъ опять изъ города свое ненадежное войско.

Сраженіе завязалось. Артиллерія Пугачева была превосходнѣе числомъ выведенной изъ города. Оренбургскіе казаки, съ непривычки, робѣли ядеръ и жались къ городу подъ прикрытіе пушекъ, разставленныхъ по валу. Отрядъ Наумова былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными толпами. Онъ выстроился въ каре и началъ отступать, отстрѣливаясь отъ непріятеля. Сраженіе продолжалось четыре часа. Наумовъ убитыми, ранеными и бѣжавшими потерялъ сто семнадцать человѣкъ.

Не проходило дня безъ перестрѣлокъ. Мятежники толпами разъѣзжали около городского вала и нападали на фуражировъ. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ подъ Оренбургъ со всѣми своими силами. Но онъ не имѣлъ намѣ-

ренія взять его приступомъ. «Не стану тратить людей, говорилъ онъ сакмарскимъ казакамъ: а вы морю городъ моромъ». Не разъ находилъ онъ способъ доставлять возмутительные свои листы. Схватили въ городѣ нѣсколько злодѣевъ, посланныхъ отъ самозванца: у нихъ находили порохъ и фитили.

Вскорѣ въ Оренбургѣ оказался недостатокъ въ сѣнѣ. У войска и у жителей худыя и къ работѣ неспособныя лошади были отобраны и отправлены частью къ Илецкой Защитѣ и къ Верхо-Яицкой крѣпости, частью въ Уфимскій уѣздъ. Но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами; а казаки, гнавшіе табунъ, отосланы къ Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранѣе обыкновеннаго. Съ 14-го октября начались уже морозы; 16-го выпалъ снѣгъ; 18-го Пугачевъ, зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою слободою,[14] близъ лѣтней сакмарской дороги, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Оттуда разъѣзды его не переставали тревожить городъ, нападать на фуражировъ и держать гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи.

2-го ноября Пугачевъ, со всѣми силами, подступилъ опять къ Оренбургу, и поставя около всего города батареи, открылъ ужасный огонь. Съ городской стѣны отвѣчали ему тѣмъ-же. Между тѣмъ человѣкъ тысяча изъ его пѣхоты, со стороны рѣки закравшись въ погреба выжженнаго предмѣстія, почти у самаго вала и рогатокъ, стрѣляли изъ ружей и сайдаковъ. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ. Егери полевой команды выгнали ихъ изъ предмѣстія. Пугачевъ едва не попался въ плѣнъ. Вечеромъ огонь утихъ; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часовъ соборной церкви, дѣлая по выстрѣлу каждый часъ.

На другой день огонь возобновился, не смотря на стужу и метель. Мятежники въ церкви разложили огонь, истопили избу, уцѣлѣвшую въ выжженномъ предмѣстіи, и грѣлись попеременно. Пугачевъ поставилъ пушку на паперти, а другую велѣлъ втащить на колокольню. Въ верстѣ отъ города находилась высокая мишень, служившая цѣлью во время артиллерійскихъ ученій. Мятежники устроили тамъ свою главную батарею. Обоюдная пальба продолжалась цѣлый день. Ночью Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ. Утромъ изъ города высланы были арестанты, подъ прикрытіемъ казаковъ, срыть мишень и другія укрѣпленія, а избу разломать. Въ церкви, куда мятежники приносили своихъ раненыхъ, видны были на помостѣ кровавыя лужи. Оклады съ иконъ были ободраны, напрестольное одѣяніе—въ лоскутьяхъ...

Стужа усилилась. 6-го ноября Пугачевъ съ яицкими казаками перешелъ изъ своего новаго лагеря въ самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводскіе крестьяне остались на прежнемъ мѣстѣ въ своихъ кибиткахъ и землянкахъ. Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались. Съ каждымъ днемъ силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже изъ двадцати пяти тысячъ; ядромъ его были яицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; но около нихъ скоплялось неимовѣрное множество татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Вся эта сволочь была кое-какъ вооружена: кто копьемъ, кто пистолетомъ, кто офицерскою шпагой. Инымъ розданы были штыки, наткнутые на длинныя палки; другіе носили дубины; большая часть не имѣла никакого оружія. Войско раздѣлено было на полки, состоящіе изъ пятисотъ человѣкъ. Жалованье получали одни яицкіе казаки, прочіе довольствовались грабежемъ. Вино продавалось отъ казны. Кормъ и лошадей доставали отъ башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь. Десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были частые разъѣзды и караулы. Пугачевъ строго наблюдалъ за ихъ исправностью, самъ ихъ объѣзжая, иногда и ночью. Ученія (особенно артиллерійскія) происходили почти всякій день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектеніи поминали государя Петра Θеодоровича и супругу его государыню Екатерину Алексѣевну. Пугачевъ, будучи раскольникъ, въ церковь никогда не ходилъ. Когда ѣздилъ онъ по базару или по бердскимъ улицамъ, то всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу давалъ, сидя въ креслахъ передъ своею избою. По бокамъ его сидѣли два казака, одинъ съ булавою, другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходящіе къ нему кланялись въ землю и, перекрестясь, цѣловали его руку. Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и распутства. Лагерь полонъ былъ офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами разстрѣлянныхъ, удавленныхъ, четвертованныхъ страдальцевъ. Шайки разбойниковъ устремлялись во всѣ стороны, пьянствуя по селеніямъ, грабя казну и достояніе дворянъ, но не касаясь крестьянской собственности. Смѣльчаки подъѣзжали къ рогаткамъ оренбургскимъ; иные, наткнувъ шапку на копье, кричали: «господа казаки! пора вамъ одуматься и служить государю Петру Θеодоровичу». Другіе требовали, чтобы имъ выдали Мартюшку Бородина (войскового старшину, прибывшаго въ Оренбургъ изъ Яицкаго городка вмѣстѣ съ отрядомъ Наумова), и звали казаковъ къ себѣ въ гости, говоря: у нашего

батюшки вина много! Изъ города противъ нихъ выѣзжали наѣздники, и завязывались перестрѣлки, иногда довольно жаркія. Нерѣдко самъ Пугачевъ являлся тутъ-же, хвастая молодечествомъ. Однажды прискакалъ онъ пьяный, потерявъ шапку и шатаясь на сѣдлѣ,—и едва не попался въ плѣнъ. Казаки спасли его и утащили, подхвативъ его лошадь подъ устцы.

Пугачевъ не былъ самовластенъ. Яицкіе казаки, зачинщики бунта, управляли дѣйствіями пришлеца, не имѣвшаго другого достоинства, кромѣ нѣкоторыхъ военныхъ познаній и дерзости необыкновенной. Онъ ничего не предпринималъ безъ ихъ согласія; они-же часто дѣйствовали безъ его вѣдома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтеніе, при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ и били ему челомъ; но наединѣ обходились съ нимъ какъ съ товарищемъ и вмѣстѣ пьянствовали, сидя при немъ въ шапкахъ и въ однѣхъ рубахахъ и распѣвая бурлацкія пѣсни. Пугачевъ скучалъ ихъ опекою. «Улица моя тѣсна», говорилъ онъ Денису Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына. Не терпя посторонняго вліянія на царя, ими созданнаго, они не допускали самозванца имѣть иныхъ любимцевъ и повѣренныхъ. Пугачевъ, въ началѣ своего бунта, взялъ къ себѣ въ писаря сержанта Карміцкаго, простивъ его подъ самой висѣлицей. Карміцкій сдѣлался вскорѣ его любимцемъ. Яицкіе казаки, при взятіи Татищевой, удавили его и бросили съ камнемъ на шеѣ въ воду. Пугачевъ о немъ освѣдомился. «Онъ пошелъ, отвѣчали ему, къ своей матушкѣ внизъ по Яику». Пугачевъ, молча, махнулъ рукой. Молодая Харлова имѣла несчастіе привязать къ себѣ самозванца. Онъ держалъ ее въ своемъ лагерѣ подъ Оренбургомъ. Она одна имѣла право во всякое время входить въ его кибитку; по ея просьбѣ прислалъ онъ въ Озерную приказъ—похоронить тѣла имъ повѣшенныхъ при взятіи крѣпости. Она встревожила подозрѣнія ревнивыхъ злодѣевъ, и Пугачевъ, уступивъ ихъ требованію, предалъ имъ свою наложницу. Харлова и семилѣтній братъ ея были разстрѣляны. Раненые, они сползлись другъ съ другомъ и обнялись. Тѣла ихъ, брошенныя въ кусты, оставались долго въ томъ-же положеніи.

Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличался Зарубинъ (онъ-же и Чика), съ самаго начала бунта сподвижникъ и пестунъ Пугачева. Онъ именовался фельдмаршаломъ и былъ первый по самозванцѣ. Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ предводительствовали войскомъ. Всѣ они назывались именами вельможъ, окружавшихъ въ то время престолъ Екатерины: Чика—графомъ Чернышевымъ, Шигаевъ — графомъ Воронцовымъ, Овчинниковъ – графомъ Панинымъ, Чумаковъ—графомъ Орловымъ. Отставной артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ пользовался полною довѣренностью самозванца. Онъ вмѣстѣ съ Падуровымъ завѣдывалъ письменными дѣлами у безграмотнаго Пугачева, и ввелъ строгій порядокъ и повиновеніе въ шайкахъ бунтовщиковъ. Перфильевъ, при началѣ бунта находившійся въ Петербургѣ по дѣламъ яицкаго войска, обѣщался правительству привести казаковъ въ повиновеніе и выдать самого Пугачева въ руки правосудія; но, пріѣхавъ въ Берду, оказался изъ самыхъ ожесточенныхъ бунтовщиковъ и соединилъ судьбу свою съ судьбою самозванца. Разбойникъ Хлопуша, изъ-подъ кнута, клейменный рукою палача, съ ноздрями, вырванными до хрящей, былъ одинъ изъ любимцевъ Пугачева. Стыдясь своего безобразія, онъ носилъ на лицѣ сѣтку или закрывался рукавомъ, какъ будто защищаясь отъ мороза. Вотъ какіе люди колебали государствомъ!

Каръ, между тѣмъ, прибылъ на границу Оренбургской губерніи. Казанскій губернаторъ, еще до пріѣзда его, успѣлъ собрать нѣсколько сотъ гарнизонныхъ, отставныхъ и поселенныхъ солдатъ и расположить ихъ частью около Кичуевскаго фельдшанца, частью по рѣкѣ Черемшану, на половинѣ дороги отъ Кичуева до Ставрополя. На Волгѣ находились человѣкъ тридцать рядовыхъ при одномъ офицерѣ для поимки разбойниковъ: имъ велѣно было примѣчать за движеніями бунтовщиковъ. Брантъ писалъ въ Москву къ генералъ-аншефу князю Волконскому, требуя отъ него войска. Но московскій гарнизонъ былъ весь отряженъ для отвода рекрутъ, а томскій полкъ, находившійся въ Москвѣ, содержалъ караулы на заставахъ, учрежденныхъ въ 1771 году во время свирѣпствовавшей чумы. Князь Волконскій могъ отрядить только триста рядовыхъ при одной пушкѣ и тотчасъ послалъ ихъ на подводахъ въ Казань.

Каръ предписалъ сибирскому коменданту, полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линіи къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Онъ былъ намѣренъ, тотчасъ по прибытіи генералъ-маіора Фреймана, находившагося на Калугѣ для пріема рекрутъ, послать его на подкрѣпленіе Чернышеву. Каръ не сомнѣвался въ успѣхѣ. «Опасаюсь только, писалъ онъ графу З. Г. Чернышеву: чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились-бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ-же самымъ мѣстамъ, отколь они появились». Онъ предвидѣлъ затрудненія только въ преслѣдованіи Пугачева по причинѣ зимы и недостатка въ конницѣ.

Въ началѣ ноября, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, посланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни высланныхъ къ нему изъ Уфы вооруженныхъ башкирцевъ и мещеряковъ, онъ сталъ подаваться впередъ. На дорогѣ, въ ста верстахъ отъ Оренбурга, онъ узналъ, что отряженный отъ Пугачева

ссыльный разбойникъ Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ заводѣ и возмутивъ приписныхъ крестьянъ и окрестныхъ башкирцевъ, возвращается подъ Оренбургъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 7-го ноября послалъ секундъ-маіора Шишкина съ четырьмя стами рядовыхъ и двумя пушками въ деревню Юзееву[15], а самъ съ генераломъ Фрейманомъ и премьеръ-маіоромъ Ф. Варнстедомъ, только-что подоспѣвшимъ изъ Калуги, выступилъ изъ Сарманаевой. Шишкинъ былъ встрѣченъ подъ самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшіе при немъ, тотчасъ передались. Шишкинъ однако разсѣялъ эту толпу нѣсколькими выстрѣлами. Онъ занялъ деревню, куда Каръ и Фрейманъ прибыли въ четвертомъ часу ночи. Войско было такъ утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъѣзды. Генералы рѣшились ожидать свѣта, чтобъ напасть на бунтовщиковъ, и на зарѣ увидѣли передъ собой ту-же толпу. Мятежникамъ передали увѣщевательный манифестъ; они его приняли, но отъѣхали съ бранью, говоря, что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять изъ бывшей у нихъ пушки. Ихъ разогнали опять... Въ это время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре дальніе пушечные выстрѣла. Онъ испугался и поспѣшно началъ отступать, полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани. Тутъ болѣе двухъ тысячъ мятежниковъ наскакали со всѣхъ сторонъ и открыли огонь изъ девяти орудій. Пугачевъ самъ ими предводительствовалъ. Хлопуша успѣлъ съ нимъ соединиться. Разсыпавшись по полямъ на разстояніе пушечнаго выстрѣла, они были внѣ всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имѣя добрыхъ лошадей, при наступленіи пѣхоты отдалялись, проворно перевозя свои пушки съ одной горы на другую, и такимъ образомъ семнадцать верстъ сопровождали отступающаго Кара. Онъ цѣлые восемь часовъ отстрѣливался изъ своихъ пяти пушекъ, бросилъ свой обозъ и потерялъ (если вѣрить его донесенію) не болѣе ста двадцати человѣкъ убитыми, ранеными и бѣжавшими. Башкирцы, ожидаемые изъ Уфы, не бывали; находившіеся въ недальнемъ разстояніи, подъ начальствомъ князя Уракова, бѣжали, заслыша пальбу. Солдаты по большей части престарѣлые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывшіе въ огнѣ, не умѣли ихъ ободрить. Гренадеры, отправленные на подводахъ изъ Симбирска при поручикѣ Карташовѣ, ѣхали съ такой оплошностью, что даже ружья не были у нихъ заряжены, и каждый спалъ въ своихъ саняхъ. Они сдались съ четырехъ первыхъ выстрѣловъ, услышанныхъ Каромъ поутру изъ деревни Юзеевой.

Каръ потерялъ вдругъ свою самонадѣянность. Съ донесеніемъ о своемъ уронѣ, онъ представилъ военной коллегіи, что для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія. Онъ послалъ повелѣніе полковнику Чернышеву не выступать изъ Переволоцкой и стараться въ ней укрѣпиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Но посланный къ Чернышеву не могъ уже его догнать.

11-го ноября Чернышевъ выступилъ изъ Переволоцкой и 13-го въ ночь прибылъ въ Чернорѣченскую. Тутъ онъ получилъ отъ двухъ илецкихъ казаковъ, приведенныхъ самарскимъ атаманомъ, извѣстіе о разбитіи Кара и о взятіи ста семидесяти гренадеръ. Въ истинѣ послѣдняго показанія Чернышевъ не могъ усомниться: гренадеры были отправлены имъ самимъ изъ Симбирска, гдѣ они находились при отводѣ рекрутъ. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: отступить-ли къ Переволоцкой, или спѣшить къ Оренбургу, куда наканунѣ отправилъ онъ донесеніе о своемъ приближеніи. Въ это время явились къ нему пять казаковъ и одинъ солдатъ, которые, какъ увѣряли, бѣжали изъ пугачевскаго стана. Между ними находился казацкій сотникъ и депутатъ [16] Падуровъ. Онъ увѣрилъ Чернышева въ своемъ усердіи, представя въ доказательство свою депутатскую медаль, и совѣтовалъ немедленно идти къ Оренбургу, вызываясь провести его безопасными мѣстами. Чернышевъ ему повѣрилъ и въ тотъ-же часъ, безъ барабаннаго боя, выступилъ изъ Чернорѣченской. Падуровъ велъ его горами, увѣряя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на разсвѣтѣ они его и увидятъ, то опасность уже минуется, и онъ безпрепятственно успѣетъ вступить въ Оренбургъ. Утромъ Чернышевъ пришелъ къ Сакмарѣ, и при урочищѣ Маякѣ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга, началъ переправляться по льду. Съ нимъ была тысяча пятьсотъ солдатъ и казаковъ, пятьсотъ калмыковъ и двѣнадцать пушекъ. Капитанъ Ружевскій переправился первый съ артиллеріей и легкимъ войскомъ; онъ тотчасъ, взявъ съ собою трехъ казаковъ, отправился въ Оренбургъ и явился къ губернатору съ извѣстіемъ о прибытіи Чернышева.— Въ самое это время въ Оренбургѣ услышали пушечную пальбу, которая черезъ четверть часа и умолкла... Нѣсколько времени спустя, Рейнсдорпъ получилъ извѣстіе, что весь отрядъ Чернышева взятъ и ведется въ лагерь Пугачева.

Чернышевъ былъ обманутъ Падуровымъ, который привелъ его прямо къ Пугачеву. Мятежники вдругъ на него накинулись и овладѣли артиллеріей. Казаки и калмыки измѣнили. Пѣхота, утомленная стужею, голодомъ и ночнымъ переходомъ, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачевъ повѣсилъ Чернышева,

тридцать шесть офицеровъ, одну прапорщицу и калмыцкаго полковника, оставшагося вѣрнымъ своему несчастному начальнику.

Въ то-же самое время бригадиръ Корфъ вступилъ въ Оренбургъ съ двумя тысячами четырьмястами человѣкъ войска и съ двадцатью орудіями. Пугачевъ напалъ и на него, но былъ отраженъ городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленнымъ отъ ужаса. 14-го ноября Рейнсдорпъ, не подавъ наканунѣ никакой помощи отряду несчастнаго Чернышева, вздумалъ сдѣлать сильную вылазку. Все войско, бывшее въ городѣ (включая тутъ-же и вновь прибывшій отрядъ), было выведено въ поле подъ предводительствомъ оберъ-коменданта. Бунтовщики, вѣрные своей системѣ, сражались издали и вразсыпную, производя безпрестанный огонь изъ многочисленныхъ своихъ орудій. Изнуренная городская конница не могла имѣть и надежды на успѣхъ. Валленштернъ принужденъ былъ составить карре и отступить, потерявъ тридцать два человѣка. Въ тотъ-же день маіоръ Варнстедъ, отряженный Каромъ на ново-московскую дорогу, встрѣченъ былъ сильнымъ отрядомъ Пугачева и поспѣшно отступилъ, потерявъ до двухсотъ человѣкъ убитыми.

Получивъ извѣстіе о взятіи Чернышева, Каръ совершенно упалъ духомъ и думалъ уже не о побѣдѣ надъ презрѣннымъ бунтовщикомъ, но о собственной безопасности. Онъ донесъ обо всемъ военной коллегіи, самовольно отказался отъ начальства подъ предлогомъ болѣзни, далъ нѣсколько умныхъ совѣтовъ на счетъ образа дѣйствія противъ Пугачева и, оставя свое войско на попеченіе Фрейману, уѣхалъ въ Москву, гдѣ появленіе его произвело общій ропотъ. Императрица строгимъ указомъ повелѣла его исключить изъ службы. Съ того времени жилъ онъ въ своей деревнѣ, гдѣ и умеръ въ началѣ царствованія императора Александра.

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала генералъ-аншефа Бибикова. Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честью въ Семилѣтнюю войну и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя препорученія были на него возлагаемы: въ 1763 году посланъ онъ былъ въ Казань для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостью и благоразумною кротостью вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась коммиссія новаго уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ и потомъ назначенъ въ предводители всего собранія. Въ 1771 году онъ назначенъ былъ на мѣсто генералъ-поручика Веймарна главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсти любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеванною Польшею генералъ-поручику Романіусу, онъ готовился ѣхать въ Турцію служить при графѣ Румянцевѣ Бибиковъ былъ холодно принятъ императрицею, до тѣхъ поръ всегда къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душою преданный государынѣ, Бибиковъ былъ брюзгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему на придворномъ балѣ съ прежнею ласковою улыбкой и, милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ-же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ-ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность и 9-го декабря отправился изъ Петербурга.

Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и уныніи. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывающимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствія мятежниковъ. Маіоръ Заевъ. Взятіе Ильинской крѣпости. Смерть Камешкова и Воропова. Состояніе Оренбурга. Осада Яицкаго городка. Сраженіе подъ Бердою. Бибиковъ въ Казани. Екатерина II, помѣщица казанская. Мнѣніе Европы. Вольтеръ. Указъ о домѣ и семействѣ Пугачева.

Разбитіе Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачныя вылазки Валленштерна и Корфа увеличили и въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность. Они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города, возмущая народъ, и нигдѣ не находили сопротивленія. Торновъ съ

шестьюстами человѣкъ взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область. Чика между тѣмъ подступилъ подъ Уфу съ десятитысячнымъ отрядомъ и осадилъ ее въ концѣ ноября. Городъ не имѣлъ укрѣпленій, подобныхъ оренбургскимъ; однако-жъ комендантъ Мясоѣдовъ и дворяне, искавшіе въ немъ убѣжища, рѣшились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильныя нападенія, остановился въ селѣ Чесноковкѣ, въ десяти верстахъ отъ Уфы, взбунтовалъ окрестныя деревни, большею частью башкирскія, и отрѣзалъ городъ отъ всякаго сообщенія. Ульяновъ, Давыдовъ и Бѣлобородовъ дѣйствовали между Уфою и Казанью. Между тѣмъ Пугачевъ послалъ Хлопушу съ пятьюстами человѣкъ и шестью пушками взять крѣпость Ильинскую и Верхне-Озерную, къ востоку отъ Оренбурга. Для защиты этой стороны отряжены были сибирскимъ губернаторомъ Чичеринымъ генералъ-поручикъ Декалонгъ и генералъ-маіоръ Станиславскій. Первый прикрывалъ границы сибирскія; послѣдній находился въ Орской [17] крѣпости, дѣйствуя нерѣшительно, теряя бодрость при малѣйшей опасности и подъ различными предлогами отказываясь отъ исполненія своего долга.

Хлопуша взялъ Ильинскую, на приступѣ заколовъ коменданта поручика Лопатина, но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную. Комендантъ полковникъ Демаринъ отразилъ его нападеніе. Узнавъ о томъ, Пугачевъ самъ поспѣшилъ на помощь Хлопушѣ и, соединясь съ нимъ 26-го ноября утромъ, подступилъ тотъже часъ къ крѣпости. Цѣлый день пальба не умолкала. Нѣсколько разъ мятежники, спѣшась, ударяли въ копья, но всегда были опрокинуты. Вечеромъ Пугачевъ отступилъ въ башкирскую деревню, за двѣнадцать верстъ отъ Верхне-Озерной. Тутъ узналъ онъ, что съ сибирской линіи идутъ къ Ильинской три роты, отряженныя генералъ-маіоромъ Станиславскимъ. Онъ пошелъ пересѣчь имъ дорогу.

Маіоръ Заевъ, начальствовавшій этимъ отрядомъ, успѣлъ однако занять Ильинскую (27-го ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненаго офицера. Амбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый недостало); также учредилъ караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приблизились и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: «не стрѣляйте и выходите вонъ: здѣсь государь». По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и черезъ часъ показались изъ-за горы, скача врассыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку; но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. «Оставайтесь здѣсь и защищайтесь, сказалъ онъ имъ: а я отъ генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю».

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ кинулся къ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ поспѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и доломали его, и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ заряженной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты поставлены были на колѣна. Онъ сказалъ имъ: «Прощаетъ васъ Богъ и я, вашъ государь Петръ III, императоръ. Вставайте!» Потомъ велѣлъ оборотить пушки и выпалить въ степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить эти смиренныя имена. «Зачѣмъ вышли на меня, на вашего государя?» спросилъ побѣдитель.—«Ты намъ не государь, отвѣчали плѣнники, у насъ въ Россіи государыня императрица Екатерина Алексѣевна и государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ; а ты—воръ и самозванецъ». Они тутъ-же были повѣшены.—Потомъ привели капитана Башарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ-было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. «Коли онъ былъ до васъ добръ, сказалъ самозванецъ: то я его прощаю». И велѣлъ его, такъ-же, какъ и солдатъ, остричь по-казацки, а раненыхъ отвести въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

Отъ Ильинской Пугачевъ опять обратился къ Верхне-Озерной. Ему непремѣнно хотѣлось ее взять, тѣмъ болѣе, что въ ней находилась жена бригадира Корфа. Онъ грозился ее повѣсить, злобясь на мужа, который думалъ обмануть его лживыми переговорами.

*

30-го ноября онъ снова окружилъ крѣпость и цѣлый день стрѣлялъ по ней изъ пушекъ, покушаясь на приступъ, то съ той, то съ другой стороны. Демаринъ, для ободренія своихъ, цѣлый день стоялъ на валу, самъ заряжая пушку. Пугачевъ отступилъ и хотѣлъ идти противъ Станиславскаго, но, перехвативъ оренбургскую почту, раздумалъ и возвратился въ Бердскую слободу.

Во время его отсутствія Рейнсдорпъ хотѣлъ сдѣлать вылазку, и 30-го ночью войско выступило-было изъ города; но лошади, изнуренныя безкормицей, падали и дохли подъ тяжестью артиллеріи, а нѣсколько казаковъ бѣжало. Валленштернъ принужденъ былъ возвратиться.

Въ Оренбургѣ начиналъ оказываться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Рейнсдорпъ требовалъ ихъ отъ Декалонга и Станиславскаго. Оба отговаривались. Онъ ежечасно ожидалъ прибытія новаго войска и не получалъ о немъ никакого извѣстія, будучи отрѣзанъ отвсюду кромѣ Сибири и киргизъ-кайсацкихъ степей. Для поимки языка высылалъ онъ иногда до тысячи человѣкъ, и то нерѣдко безъ успѣха. Вздумалъ онъ, по совѣту Тимашева, разставить капканы около вала и, какъ волковъ, ловить мятежниковъ, разъѣзжающихъ ночью близъ города. Сами осажденные смѣялись надъ этою военною хитростью, хотя имъ было не до смѣха; а Пугачевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ язвительно упрекалъ губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмѣшливо совѣтуя покориться самозванцу.

Яицкій городокъ, это первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, устрашенный войскомъ Симонова. Наконецъ частыя пересылки съ бунтовщиками и ложные слухи о взятіи Оренбурга ободрили приверженцевъ Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ или поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновеніе, освобождать связанныхъ бунтовщиковъ, вязать вѣрныхъ старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнесся слухъ о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29-го на 30-е декабря старшина Мостовщиковъ выступилъ противъ него. Черезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ города былъ окруженъ и захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Смятеніе въ городѣ было велико. Симоновъ оробѣлъ; къ счастью, въ крѣпости находился капитанъ Крыловъ, человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31-го декабря отрядъ мятежниковъ подъ предводительствомъ Толкачева вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ и тутъ-же, вооружась чѣмъ ни попало, съ нимъ соединились, бросились къ крѣпости изо всѣхъ переулковъ, засѣли въ высокія избы и начали стрѣлять изъ окошекъ. Выстрѣлы, говоритъ одинъ свидѣтель, сыпались подобно дроби, битой десятью барабанщиками. Въ крѣпости падали не только люди, стоящіе на виду, но и тѣ, которые на минуту приподымались изъ-за заплотовъ. Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости и большею частью г у л е б щ и к и(охотники), попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли осажденные. Симоновъ и Крыловъ хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь ближайшій дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро распространился. Мятежники выбѣжали; изъ крѣпости начали по нимъ стрѣлять изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ казаковъ, довольное количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники осадили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущіе къ ней улицы и переулки; за строеніями взвели до шестнадцати батарей; въ избахъ, подверженныхъ выстрѣламъ, подѣлали двойныя стѣны, засыпавъ промежутокъ землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь и нападая на укрѣпленныя избы. Эти опасныя вылазки производились ежедневно, иногда два раза въ день, и всегда съ успѣхомъ: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады отъ мятежниковъ.

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. У жителей отобрали муку и крупу и стали имъ производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостомъ. Большая часть изъ нихъ пала и употреблена была въ пищу. Голодъ увеличивался. Куль муки продавался (и то самымъ тайнымъ образомъ) за двадцать пять рублей. По предложенію Рычкова (академика, находившагося въ то время въ Оренбургѣ), стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы. Произошли болѣзни. Ропотъ становился громче. Опасались мятежа.

Въ такой крайности Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастія оружія, и 13-го января всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимняго утра, глубина снѣга и изнуреніе лошадей препятствовали дружному содѣйствію войскъ. Наумовъ первый при-

былъ къ назначенному мѣсту. Мятежники увидѣли его и успѣли сдѣлать свои распоряженія. Валленштернъ, долженствовавшій занять высоты у дороги изъ Берды въ Каргале, былъ предупрежденъ. Корфъ былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ; толпы мятежниковъ начали заѣзжать въ тылъ обѣимъ колоннамъ. Казаки, оставленные въ резервѣ, бѣжали отъ нихъ и, прискакавъ къ колоннѣ Валленштерна, произвели общій безпорядокъ. Онъ очутился между трехъ огней; отрядъ его смѣшался. Валленштернъ отступилъ; Корфъ ему послѣдовалъ; Наумовъ, сначала дѣйствовавшій довольно удачно, страшась быть отрѣзаннымъ, кинулся за ними. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и ранеными и оставя пятнадцать орудій въ рукахъ разбойниковъ. Послѣ этой неудачи Рейнсдорпъ уже не осмѣливался дѣйствовать наступательно, и подъ защитой стѣнъ и пушекъ сталъ ожидать своего освобожденія.

Бибиковъ прибылъ въ Казань 25-го декабря. Въ городѣ не нашелъ онъ ни губернатора, ни главныхъ чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ бѣжали въ губерніи, еще безопасныя. Брантъ былъ въ Козьмодемьянскѣ. Пріѣздъ Бибикова оживилъ унывшій городъ; выѣхавшіе жители стали возвращаться. 1-го января 1774 года, послѣ молебствія и слова, говореннаго казанскимъ архіереемъ Веніаминомъ, Бибиковъ собралъ у себя дворянство и произнесъ умную и сильную рѣчь, въ которой, изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія правительства о пресѣченіи его, обратился къ сословію, которое вмѣстѣ съ правительствомъ обречено было на гибель крамолою, и требовалъ содѣйствія отъ его усердія къ отечеству и вѣрности къ престолу. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе. Собраніе тутъ-же положило на свой счетъ составить и вооружить конное войско, поставя съ двухсотъ душъ одного рекрута. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, родственникъ Бибикова, былъ избранъ въ начальники легіона. Дворянство симбирское, свіяжское и пензенское послѣдовало этому примѣру; были составлены еще два конныхъ отряда и поручены начальству маіоровъ Гладкова и Чемесова и капитана Матюнина. Казанскій магистратъ также вооружилъ на свое иждивеніе одинъ эскадронъ гусаръ.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволеніе, милость и покровительство, и въ особомъ письмѣ къ Бибикову, именуя себя казанскою помѣщицею, вызывалась принять участіе въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ общими силами. Дворянскій предводитель Макаровъ отвѣчалъ императрицѣ рѣчью, сочиненною гвардіи поручикомъ Державинымъ, находившимся тогда при главнокомандующемъ.

Бибиковъ, стараясь ободрить окружавшихъ его жителей и подчиненныхъ, казался равнодушнымъ и веселымъ; но безпокойство, досада и нетерпѣніе терзали его. Въ письмахъ къ графу Чернышеву, Фонвизину и своимъ родственникамъ онъ живо изображаетъ затруднительность своего положенія. 30-го декабря писалъ онъ своей женѣ: «Навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ, дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать, буде-бъ хотѣлъ, не могу; вдругъ себя увидѣлъ гораздо въ худшихъ обстоятельствахъ и заботѣ, нежели какъ сначала въ Польшѣ со мною было. Пишу день и ночь, пера изъ рукъ не выпуская; дѣлаю все возможное и прошу Господа о помощи. Онъ единъ исправить можетъ своею милостью. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; батальонъ гренадеръ и два эскадрона гусаръ, чтó я велѣлъ везти на почтѣ, прибыли. Но къ утушенію заразы сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургскій пожаръ, какъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ горѣло, и какъ было поспѣвать всюду трудно. Со всѣмъ тѣмъ, съ надеждою на Бога, буду дѣлать, чтó только въ моей возможности будетъ. Бѣдный старикъ губернаторъ Брантъ такъ замученъ, что насилу уже таскается. Отдастъ Богу отвѣтъ въ пролитой крови и погибели множества людей невинныхъ, кто скоростію перепакостилъ здѣшнія дѣла и обнажилъ отъ войскъ. Впрочемъ, я здоровъ; только пить ни ѣсть не хочется, и сахарныя яства на умъ нейдутъ. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостиваго государя, прошу о родительскихъ молитвахъ, а праведную Евпраксію [18] нерѣдко поминаю. Ухъ! дурно».

Въ самомъ дѣлѣ, положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе башкирцевъ, калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя башкирца съ сайдакомъ или заводскаго мужика съ дубиной. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами. Селенія были пусты; главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ; заводы разграблены и выжжены; чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не преграженное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойниковъ, пламя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности; киргизъ-кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую

границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась тогда Россія.

Виновникъ этого ужаснаго смятенія привлекалъ общее вниманіе. Въ Европѣ принимали Пугачева за орудіе турецкой политики. Вольтеръ, тогдашній представитель господствующихъ мнѣній, писалъ Екатеринѣ: C'est apparemment le chevalier de Tott qui a fait jouir cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui. Императрица, досадуя на сплетни европейскія, отвѣчала Вольтеру съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni indirecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Tott ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie.

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщевательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Атаманъ Ефремовъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто избранъ Семенъ Сулинъ. Послано въ Черкаскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его *безо всякаго оскорбленія* отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ этимъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто и, въ присутствіи духовенства и всей станицы, сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя навѣки въ запустѣніе, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, *хотя бы и менѣе выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія и только переименовала Зимовейскую станицу въ Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго ей и отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтные) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство:

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, росту средняго, смуглъ и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ вышибенъ еще въ ребячествѣ въ кулачномъ бою. На лѣвомъ вискѣ имѣлъ онъ бѣлое пятно, а на обѣихъ грудяхъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью. Онъ не зналъ грамотѣ и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять женился на казачкѣ Софьѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятеро дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ и черезъ годъ отпущенъ на Донъ, по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излеченія въ Черкаскъ. По его возвращеніи на родину, зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой. Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ; но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ, узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ, въ великомъ посту, однажды вечеромъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкаскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ канцелярію дворцовыхъ дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей въ раскольничьей слободкѣ Веткѣ; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и пробрался на Яикъ, питаясь милостыней.

Всѣ эти извѣстія были обнародованы; между тѣмъ правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, имя котораго волновало чернь. Эта временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ покойнаго государя Императора Александра I, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ. Донынѣ престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распоряженія Бибикова. Первые успѣхи. Взятіе Самары и Заинска. Державинъ. Михельсонъ. Продолженіе осады Яицкаго городка. Свадьба Пугачева. Разореніе Илецкой Защиты. Смерть Лысова. Сраженіе подъ Татищевой. Бѣгство Пугачева. Казнь Хлопуши. Освобожденіе Оренбурга. Пугачевъ разбитъ вторично. Сраженіе при Чесноковкѣ. Освобожденіе Уфы и Яицкаго городка. Смерть Бибикова.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противъ Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генералъ-маіоръ князь Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генералъ-маіору Мансурову ввѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовалъ маіоръ Муфель и подполковникъ Гриневъ. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургу; Декалонгъ охранялъ Сибирь и долженъ былъ отрядить маіора Гагрина съ одной полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыковку посланъ былъ гвардіи поручикъ Державинъ для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ эти распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, черезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Впослѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. «Дѣла мои, Богу благодареніе (писалъ онъ въ февралѣ), идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу; только спросили бы у гуся: не зябнутъ-ли ноги?»

Маіоръ Муфель съ полевою командою 29-го декабря приблизился къ Самарѣ, занятой наканунѣ шайкою бунтовщиковъ, и встрѣченный ими, разбилъ и гналъ ихъ до самаго города. Тутъ они подъ прикрытіемъ городскихъ пушекъ думали сопротивляться. Но драгуны ударили въ палаши и въѣхали въ городъ, рубя и попирая бѣгущихъ. Въ самое это время въ двухъ верстахъ отъ Самары показались ставропольскіе калмыки[12], идущіе на помощь бунтовщикамъ. Они побѣжали, увидя высланную противъ нихъ конницу. Городъ былъ очищенъ. Шесть пушекъ и двѣсти плѣнныхъ достались побѣдителю. Вслѣдъ за Муфелемъ вступили въ Самару полковникъ Гриневъ и генералъ-маіоръ Мансуровъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ къ Ставрополю, для усмиренія калмыковъ; но они разбѣжались, и отрядъ, не видавъ ихъ, возвратился въ Самару.

Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани съ четырьмя гренадерскими ротами и однимъ эскадрономъ гусаръ на подкрѣпленіе генералъ-маіора Фреймана, стоящаго въ Бугульмѣ безъ всякаго дѣйствія, пошелъ на Заинскъ, котораго 70-тилѣтній комендантъ капитанъ Мертвецовъ принялъ съ честью шайку разбойниковъ, сдавъ имъ начальство надъ городомъ. Бунтовщики укрѣпились, какъ умѣли; въ пяти верстахъ отъ города Бибиковъ услышалъ уже ихъ пушечную пальбу. Рогатки ихъ были сломаны, батареи взяты, предмѣстія заняты; все бѣжало. Двадцать пять бунтовавшихъ деревень пришли въ повиновеніе. Къ Бибикову явилось въ день до четырехъ тысячъ раскаявшихся крестьянъ; имъ выдавали билеты и всѣхъ распускали по домамъ.

Державинъ, начальствуя тремя фузелерными ротами, привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, находящіяся на берегахъ Иргиза, и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ съ намѣреніемъ идти служить у Пугачева, онъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ уже готовъ былъ остервениться. Но Державинъ строго на нихъ прикрикнулъ и велѣлъ своимъ казакамъ вѣшать обоихъ зачинщиковъ. Приказъ его былъ тотчасъ исполненъ; и сборище разбѣжалось.

Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, начальникъ дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. «За грѣхи мои (писалъ Бибиковъ), навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу» Ларіоновъ остался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность заставила главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненаго при его глазахъ и уже отличившагося въ войнѣ противъ конфедератовъ офицера, полковника Михельсона.

Князь Голицынъ принялъ начальство надъ войсками Фреймана. 22-го января перешелъ онъ чрезъ Каму. 6-го февраля соединился съ нимъ полковникъ Бибиковъ; Мансуровъ — 10-го. Войско двинулось къ Оренбургу.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. *Попадутся сами намъ въ руки*, отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его навстрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ-же пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкъ.

Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. «Ты взбунтовалъ насъ, говорили они, и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ». (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти[20]). Яицкіе-же казаки въ случаѣ неудачи думали предать Пугачева въ руки правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фонвизину слѣдующія замѣчательныя строки: «Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играли воры, яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ, важно общее негодованіе».

Пугачевъ изъ-подъ Оренбурга отлучился къ Яицкому городку. Его прибытіе оживило дѣятельность мятежниковъ. 20-го января онъ самъ предводительствовалъ достопамятнымъ приступомъ. Ночью взорвана была часть вала подъ батареею, устроенной при С т а р и ц ѣ (прежнемъ руслѣ Яика). Мятежники, подъ дымомъ и пылью, съ крикомъ бросились къ крѣпости, заняли ровъ и, ставя лѣстницы, силились взойти на валъ, но были опрокинуты и отражены. Всѣ жители, даже женщины и дѣти, подкрѣпляли ихъ. Пугачевъ стоялъ во рву съ копьемъ въ рукѣ, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающихъ, наконецъ самъ коля бѣгущихъ. Приступъ длился девять часовъ сряду при неумолкаемой пальбѣ и перестрѣлкѣ. Наконецъ подпоручикъ Толстоваловъ, съ пятидесятью охотниками, сдѣлавъ вылазку, очистилъ ровъ и прогналъ бунтовщиковъ, убивъ до четырехсотъ человѣкъ и потерявъ не болѣе пятнадцати. Пугачевъ скрежеталъ. Онъ поклялся повѣсить не только Симонова и Крылова, но все семейство послѣдняго, находившееся въ то время въ Оренбургѣ. Такимъ образомъ обреченъ былъ смерти и четырехлѣтній ребенокъ, впослѣдствіи славный Крыловъ.

Пугачевъ въ Яицкомъ городкѣ увидѣлъ молодую казачку Устинью Кузнецову и влюбился въ нее. Онъ сталъ ее сватать. Отецъ и мать изумились и отвѣчали ему: «помилуй, государь! дочь наша — не княжна, не королевна, какъ ей быть за тобою? Да и какъ тебѣ жениться, когда матушка государыня еще здравствуетъ?» Пугачевъ, однако, въ началѣ февраля, женился на Устиньѣ, наименовалъ ее императрицей, назначилъ ей штатсъ-дамъ и фрейлинъ изъ яицкихъ казачекъ и хотѣлъ, чтобъ на ектеніи поминали послѣ государя Петра Ѳеодоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказываясь, что не получали на то разрѣшенія отъ синода. Отказъ ихъ огорчилъ Пугачева, но онъ не настаивалъ въ своемъ требованіи. Жена его оставалась въ Яицкомъ городкѣ, и онъ ѣздилъ къ ней каждую недѣлю. Его присутствіе ознаменовано было всегда новыми покушеніями на крѣпости. Осажденные, съ своей стороны, не теряли бодрости. Ихъ пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19-го февраля, ночью, прибѣжалъ изъ города въ крѣпость м а л о л ѣ т о к ъ и объявилъ, что съ прошедшаго дня подведенъ подъ колокольню подкопъ, куда и положено двадцать пудовъ пороху, и что Пугачевъ назначалъ того-же числа напасть на крѣпость. Извѣтъ показался невѣроятнымъ. Симоновъ полагалъ, что малолѣтокъ былъ посланъ нарочно для посѣянія пустого страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шести-ярусную, высокую колокольню. Однако-же какъ подъ нею сохранялся весь пороховой запасъ (что могли знать и мятежники), то и поспѣшили оный убрать, разобрали кирпичный полъ и начали вести контрмину. Гарнизонъ приготовился, ожидая взрыва и приступа. Не прошло и двухъ часовъ, какъ вдругъ подкопъ былъ приведенъ въ дѣйствіе: колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхніе шесть ярусовъ осѣли, подавивъ нѣсколькихъ людей, находившихся близъ колокольни. Камни, не бывъ разметаны, свалились въ груду. Бывшіе-же въ самомъ верхнемъ ярусѣ шесть часовыхъ при пушкѣ свалились оттуда живы; а одинъ изъ нихъ, въ то время спавшій, опустился не только безъ всякаго вреда, но даже не проснувшись.

Еще колокольня валилась, какъ уже загремѣли пушки; гарнизонъ, стоявшій въ ружьѣ, тотчасъ занялъ развалины колокольни и поставилъ тамъ батарею. Мятежники, не ожидавшіе такой встрѣчи, остановились въ недоумѣніи. Чрезъ нѣсколько минутъ они подняли свой обычный визгъ, но никто не шелъ впередъ. Напрасно предводители кричали: «на сломъ, на сломъ, атаманы-молодцы!» Приступу не было; визгъ продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обѣщавшаго, что при взрывѣ колокольни на крѣпость упадетъ каменный градъ и передавитъ весь гарнизонъ.

На другой день Пугачевъ получилъ изъ-подъ Оренбурга извѣстіе о приближеніи князя Голицына и поспѣшно уѣхалъ въ Берду, взявъ съ собою пятьсотъ человѣкъ конницы и до полуторы тысячи подводъ. Эта вѣсть дошла и до осажденныхъ. Они предались радости, разсчитывая, что помощь приспѣетъ къ нимъ чрезъ двѣ недѣли. Но минута ихъ освобожденія была еще далека.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкой Защитой[21] (гдѣ добывается каменная соль) и въ концѣ

февраля, взявъ съ собою четыреста человѣкъ, напалъ на нее. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между которыми находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ за своеволіе смѣлаго каторжника и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ они ѣхали вмѣстѣ изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскакалъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади; но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ помирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую [22] и съ обыкновенною дерзостью, ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына, но былъ отраженъ маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ этомъ сраженіи убитъ храбрый Елагинъ. Въ это самое время Мансуровъ соединился съ княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новосергіевской [23], не успѣвъ сжечь крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехсотъ человѣкъ при восьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ и, вдругъ поворотя къ Татищевой, въ ней засѣлъ и сталъ тамъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку подполковника Бедрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую [24] (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного батальона при подполковникѣ Гриневѣ, 22-го марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и выжженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ для высмотра непріятеля. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ до самой крѣпости и вдругъ сдѣлали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ-же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь-же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что однѣми пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ генералу Фрейману съ лѣвою колонною идти на приступъ. Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія и бѣжали во всѣ стороны. Конница, до тѣхъ поръ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехсотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехсотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ досталось побѣдителю. Пугачевъ съ шестьюдесятью казаками пробился сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На возы громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе и, задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца, и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ этимъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастію и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены ссылочными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ заграбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ къ Каргале съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его и послали увѣдомить о томъ губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову въ іюнѣ 1774 года.

Оренбургскіе жители, услышавъ о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человѣкъ пѣхоты, высланными Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено восемнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ и множество хлѣба. Въ

Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга. Отовсюду начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26-го марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ.

Бибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался несказанно. «То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26-го марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ, немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы ловчѣе было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ прибавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ плѣшь еще болѣе стала: однако, я по морозу хожу безъ парика».

Между тѣмъ Пугачевъ, миновавъ разосланные разъѣзды, прибылъ утромъ 24-го въ Сеитовскую свободу,[25], зажегъ ее и пошелъ къ Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Онъ полагалъ навѣрное, что изъ Татищевой Голицынъ со всѣми своими силами долженъ былъ обратиться къ Яицкому городку, и вдругъ пошелъ занять снова Бердскую слободу, надѣясь нечаянно овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ, узнавъ о такой дерзости черезъ полковника Хорвата, преслѣдовавшаго Пугачева отъ самой Татищевой, усилилъ свое войско бывшими въ Оренбургѣ пѣхотными отрядами и казаками; взявъ для послѣднихъ лошадей у своихъ офицеровъ, немедленно пошелъ навстрѣчу самозванцу и встрѣтилъ его въ Каргале. Пугачевъ, увидя свою ошибку, сталъ отступать, искусно пользуясь мѣстоположеніемъ. На узкой дорогѣ, противъ полковниковъ Бибикова и Аршеневскаго, выставилъ онъ семь пушекъ и подъ ихъ прикрытіемъ проворно устремился къ рѣкѣ Сакмарѣ. Но тутъ къ Бибикову подоспѣли пушки; онъ, занявъ гору, выстроилъ батарею; Хорватъ въ послѣдней тѣснинѣ, бросясь на мятежниковъ, отбилъ орудія и, обратя въ бѣгство, восемь верстъ преслѣдовалъ ихъ толпы и вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Сакмарскій городокъ. Пугачевъ потерялъ послѣднія пушки, четыреста человѣкъ убитыми и три тысячи пятьсотъ взятыми въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ находились и главные его сообщники: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ съ четырьмя заводскими мужиками бѣжалъ къ Пречистенской и оттуда на Уральскіе заводы. Усталая конница не могла его достичь. Послѣ этой рѣшительной побѣды Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана для усмиренія Башкиріи, Аршеневскаго — для очищенія новомосковской дороги, а Мансурова — къ Илецкому городку, чтобы, очистя всю ту сторону, шелъ онъ на освобожденіе Симонова.

Михельсонъ съ своей стороны дѣйствовалъ не менѣе удачно. Принявъ 18-го марта начальство надъ своимъ отрядомъ, онъ тотчасъ двинулся къ Уфѣ. Противъ него для преграждения пути выслано было Чикою двѣ тысячи человѣкъ съ четырьмя пушками, которые и ожидали его въ деревнѣ Жуковѣ. Михельсонъ, оставя ихъ у себя въ тылу, пошелъ прямо на Чесноковку, гдѣ стоялъ Чика съ десятью тысячами мятежниковъ, и, разсѣя дорогою нѣсколько мелкихъ отрядовъ, 25-го на разсвѣтѣ пришелъ въ деревню Требикову (въ пяти верстахъ отъ Чесноковки). Тутъ онъ былъ встрѣченъ толпою бунтовщиковъ съ двумя пушками. Маіоръ Харинъ разбилъ ихъ и разсѣялъ; егери отняли пушки, и Михельсонъ двинулся впередъ. Обозъ его шелъ подъ прикрытіемъ ста человѣкъ и одной пушки. Они прикрывали и тылъ Михельсона въ случаѣ нападенія. 26-го, на разсвѣтѣ, у деревни Зубовки встрѣтилъ онъ мятежниковъ. Часть ихъ выбѣжала на лыжахъ и верхомъ и, растянувшись по обѣимъ сторонамъ дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрѣпленныя десятью пушками, пошли прямо ему на встрѣчу. Между тѣмъ, открыли огонь изъ батареи, поставленной въ деревнѣ. Сраженіе продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконецъ Михельсонъ, увидя конницу, идущую къ нимъ на подкрѣпленіе, устремилъ всѣ свои силы на главную толпу и велѣлъ своей конницѣ, спѣшившейся въ началѣ сраженія, садиться на коней и ударить въ палаши. Передовыя толпы бѣжали, бросая пушки. Харинъ, рубя ихъ, вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Чесноковку. Между тѣмъ конница, шедшая къ нимъ на помощь въ Зубовку, была отражена и бѣжала къ Чесноковкѣ-же, гдѣ Харинъ встрѣтилъ ее и всю захватилъ. Лыжники, успѣвшіе зайти въ тылъ Михельсону и отрѣзать отъ него обозъ, въ то-же время были разбиты двумя ротами гренадеръ. Они разбѣжались по лѣсамъ. Взято въ плѣнъ три тысячи бунтовщиковъ. Заводскіе и экономическіе крестьяне были распущены по деревнямъ. Захвачено 25 пушекъ и множество запасовъ. Михельсонъ повѣсилъ двухъ главныхъ бунтовщиковъ: башкирскаго старшину и выборнаго села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсонъ, нигдѣ не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда послѣ чесноковскаго дѣла прискакали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены казаками и выданы побѣдителю, который отослалъ ихъ скованныхъ въ Уфу. Послѣ того Михельсонъ учредилъ разъѣзды во всѣ стороны и успѣлъ возстановить спокойствіе въ большей части бунтовавшихъ деревень.

Илецкій городокъ и крѣпости Озерная и Раз-

сыпная, свидѣтели первыхъ успѣховъ Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники ихъ, Чулошниковъ и Кизилбашинъ, бѣжали въ Яицкій городокъ. Вѣсть о пораженіи самозванца подъ Татищевой въ тотъ-же день до нихъ достигла. Бѣглецы, преслѣдуемые гусарами Хорвата, проскакали черезъ крѣпости, крича: «спасайтесь, дѣтушки! все пропало!»— Они наскоро перевязывали свои раны и спѣшили къ Яицкому городку. Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой поплыли мимо крѣпостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своихъ мужьевъ и сыновей [26].

Мансуровъ 6-го и 7-го апрѣля занялъ оставленныя крѣпости и Илецкій городокъ, найдя въ послѣднемъ четырнадцать пушекъ. 15-го, при опасной переправѣ чрезъ разлившуюся рѣчку Быковку, на него напали Овчинниковъ, Перфильевъ и Дегтеревъ. Мятежники были разбиты и разсѣяны. Бедряга и Бородинъ ихъ преслѣдовали; но распутица спасла предводителей. Мансуровъ немедленно пошелъ къ Яицкому городку.

Крѣпость находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другой, то копая траншеи, чтобы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батареи и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности и съ своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9-го марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости; цѣлью вылазки было уничтоженіе новой батареи, сильно безпокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до восьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, то есть десятую часть обыкновенной мѣры. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ ее мукою, каждый выпивалъ свою чашку, что и составляло ихъ суточную пищу. Женщины не могли болѣе вытерпливать голода: онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено. Нѣсколько слабыхъ солдатъ вышли за ними; но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ одну ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ часу отъ часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до того, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностью грызли кости, объѣденныя собаками. Наконецъ и этотъ запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить и, составя изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилили Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ и, валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи остаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Однѣ казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда ужъ пощады не будетъ. Въ случаѣ-же покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То-же старались они внушить и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи, ибо никто не могъ уже и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позор-

ною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики. озлобленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не пощадятъ и клятвопреступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога всемогущаго и всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодной смертью. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертью воиновъ.

Во вторникъ, въ день, назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви, замѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ и предались опять надеждѣ. «Все это насъ такъ ободрило, говорилъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ: какъ будто мы съѣли по куску хлѣба». Мало по малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, откуда ожидали еще недавно избавителей. Вдругъ въ пятомъ часу пополудни вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ которыхъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отразить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію Гарнизонъ бросился на ковриги хлѣба, нанесенныя жителями. До свѣтлаго воскресенія, пишетъ очевидецъ этихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи. Благодарили Бога; поздравляли другъ друга: во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17-го апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30-го декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьѣ, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ императрицѣ, и сдалъ начальство генералъ-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ императрицѣ и скончался 9-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала похоронить его въ своемъ соборѣ и соорудить памятникъ своему избавителю; но по требованію его семейства тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе сенатора и чинъ полковника гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: «не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ». Молва приписала смерть его дѣйствію яда, будто-бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Новые успѣхи Пугачева. Башкирецъ Салаватъ. Взятіе сибирскихъ крѣпостей. Сраженіе подъ Троицкою. Отступленіе Пугачева. Первая встрѣча его съ Михельсономъ. Преслѣдованіе Пугачева. Бездѣйствіе войскъ. Взятіе Осы Пугачевъ подъ Казанью.

Пугачевъ, положеніе котораго казалось отчаяннымъ, явился на Овзяно-Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ, преслѣдуемые маіоромъ Шевичемъ, проскакали чрезъ Сакмарскую линію съ тремястами яицкихъ казаковъ и успѣли съ нимъ соединиться. Ставропольскіе и оренбургскіе калмыки хотѣли имъ послѣдовать и въ числѣ шестисотъ кибитокъ двинулись было къ Сорочинской крѣпости. Въ ней находился при провіантѣ и фуражѣ отставной подполковникъ Мельковичъ, человѣкъ умный и рѣшительный. Онъ принялъ начальство надъ

гарнизономъ и, напавъ на нихъ, принудилъ ихъ возвратиться на прежнія жилища.

Пугачевъ быстро переходилъ съ одного мѣста на другое. Чернь попрежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендантъ Верхо-Яицкой крѣпости, полковникъ Ступишинъ вошелъ въ Башкирію, сжегъ нѣсколько пустыхъ селеній и, захвативъ одного изъ бунтовщиковъ, обрѣзалъ ему уши, носъ, пальцы правой руки и отпустилъ его, грозясь поступать такимъ-же образомъ со всѣми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый ихъ мятежникъ Юлай, скрывшійся во время казней 1741 года, явился между ними съ сыномъ своимъ Салаватомъ. Вся Башкирія возстала, и бѣдствіе разгорѣлось съ вящшей силой. Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева. Михельсонъ силился пресѣчь ему дорогу, но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли въ бездонной грязи; рѣки разливались на нѣсколько верстъ; ручьи становились рѣками. Фрейманъ остановился въ Стерлитамацкѣ. Михельсонъ, успѣвшій еще переправиться черезъ Вятку по льду, а черезъ Уфу на восьми лодкахъ, продолжалъ путь, не смотря на всевозможныя препятствія, и 5-го мая у Симскаго завода настигъ толпу башкирцевъ, предводительствуемыхъ свирѣпымъ Салаватомъ. Михельсонъ прогналъ ихъ, освободилъ заводъ и черезъ день пошелъ далѣе. Салаватъ остановился въ осьмнадцати верстахъ отъ завода, ожидая Бѣлобородова. Они соединились и выступили навстрѣчу Михельсону съ двумя тысячами бунтовщиковъ и съ восемью пушками. Михельсонъ разбилъ ихъ снова, отнялъ у нихъ пушки, положилъ на мѣстѣ до трехсотъ человѣкъ, разсѣялъ остальныхъ и спѣшилъ къ Уйскому заводу, надѣясь настигнуть самого Пугачева, но вскорѣ узналъ, что самозванецъ находился уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ.

За рѣкой Юрзенемъ Михельсонъ успѣлъ разбить еще толпу мятежниковъ и преслѣдовалъ ихъ до Саткинскаго завода. Тутъ узналъ онъ, что Пугачевъ, набравъ до шести тысячъ башкирцевъ и крестьянъ, пошелъ на крѣпость Магнитную. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы, надѣясь соединиться съ Фрейманомъ около вершины Яика.

Пугачевъ, зажегши ограбленные имъ Бѣлорѣцкіе заводы, быстро перешелъ черезъ Уральскія горы и 5-го мая приступилъ къ Магнитной, не имѣя при себѣ ни одной пушки. Капитанъ Тихановскій оборонялся храбро. Пугачевъ самъ былъ раненъ картечью въ руку и отступилъ, претерпѣвъ значительный уронъ. Крѣпость казалась спасена; но въ ней открылась измѣна: пороховые ящики ночью были взорваны. Мятежники бросились, разобрали заплоты и ворвались. Тихановскій съ женою были повѣшены; крѣпость разграблена и выжжена. Въ тотъ-же день пришелъ къ Пугачеву Бѣлобородовъ съ четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генералъ-поручикъ Декалонгъ изъ Челябинска, недавно освобожденнаго отъ бунтовщиковъ, двинулся къ Верхо-Яицкой крѣпости, надѣясь настигнуть Пугачева еще на Бѣлорѣцкихъ заводахъ; но, выйдя на линію, получилъ отъ верхо-яицкаго коменданта полковника Ступишина донесеніе, что Пугачевъ идетъ вверхъ по линіи отъ одной крѣпости на другую, какъ въ началѣ своего грознаго появленія. Декалонгъ спѣшилъ къ Верхо-Яицкой. Тутъ узналъ онъ о взятіи Магнитной. Онъ двинулся къ Кизильской, но, пройдя уже пятнадцать верстъ, узналъ отъ пойманнаго башкирца, что Пугачевъ, услыша о приближеніи войска, шелъ уже не къ Кизильской, а прямо Уральскими горами на Карагайскую. Декалонгъ пошелъ назадъ. Приближаясь къ Карагайской, онъ увидѣлъ дымящіяся развалины: Пугачевъ покинулъ ее наканунѣ. Декалонгъ надѣялся догнать его въ Петрозаводской, но и тутъ уже его не засталъ. Крѣпость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонгъ, оставя линію, пошелъ внутреннею дорогою прямо на Уйскую крѣпость. У него оставалось овса только на однѣ сутки. Онъ думалъ настигнуть Пугачева хотя въ Степной крѣпости; но, узнавъ, что и Степная уже взята, пустился къ Троицкой. На дорогѣ, въ Сенарской, нашелъ онъ множество народа изъ окрестныхъ разоренныхъ крѣпостей. Офицерскія жены и дѣти, босыя, оборванныя, рыдали, не зная, гдѣ искать убѣжища. Декалонгъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и отдалъ на попеченіе своимъ офицерамъ. 21-го мая утромъ приблизился онъ къ Троицкой, пройдя шестьдесятъ верстъ усиленнымъ переходомъ, и наконецъ увидѣлъ Пугачева, расположившагося лагеремъ подъ крѣпостью, взятою имъ наканунѣ. Декалонгъ тотчасъ на него напалъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячъ войска и до тридцати пушекъ. Сраженіе продолжалось цѣлыхъ четыре часа. Во все время Пугачевъ лежалъ въ своей палаткѣ, жестоко страдая отъ раны, полученной имъ подъ Магнитной. Дѣйствіями распоряжался Бѣлобородовъ. Наконецъ мятежники разстроились. Пугачевъ сѣлъ на лошадь и съ подвязанною рукою бросался всюду, стараясь возстановить порядокъ; но все разсѣялось и бѣжало. Пугачевъ ушелъ съ одною пушкою по челябинской дорогѣ. Преслѣдовать было невозможно. Конница была слишкомъ изнурена. Въ лагерѣ найдено до трехъ тысячъ людей всякаго званія, пола и возраста, захваченныхъ самозванцемъ и обреченныхъ погибели. Крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа. Но комендантъ бригадиръ Фейерваръ былъ убитъ па-

канунѣ, во время приступа, а офицеры его повѣшены.

Пугачевъ и Бѣлобородовъ, зная, что усталость войска и изнуреніе лошадей не позволятъ Декалонгу воспользоваться своею побѣдою, привели въ устройство свои разсѣянныя толпы и стали въ порядкѣ отступать, забирая крѣпости и быстро усиливаясь. Маіоры Гагринъ и Жолобовъ, отряженные Декалонгомъ на другой день послѣ сраженія, преслѣдовали ихъ, но не могли настигнуть.

Михельсонъ между тѣмъ шелъ Уральскими горами по малоизвѣстнымъ дорогамъ. Деревни башкирскія были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отрядъ его былъ въ ежечасной опасности. Многочисленныя шайки бунтовщиковъ кружились около него. 13-го мая башкирцы, подъ предводительствомъ мятежнаго старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные въ болото, они не сдавались. Всѣ, кромѣ одного, насильно пощаженнаго, были изрублены вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Михельсонъ потерялъ одного офицера и шестьдесятъ рядовыхъ убитыми и ранеными.

Плѣнный башкирецъ, обласканный Михельсономъ, объявилъ ему о взятіи Магнитной и о движеніи Декалонга. Михельсонъ, найдя эти извѣстія сообразными съ своими предположеніями, вышелъ изъ горъ и пошелъ на Троицкую, въ надеждѣ освободить эту крѣпость или встрѣтить Пугачева въ случаѣ его отступленія. Вскорѣ услышалъ онъ о побѣдѣ Декалонга и пошелъ на Варламово, съ намѣреніемъ пресѣчь дорогу Пугачеву. Въ самомъ дѣлѣ, 22-го мая утромъ, приближаясь къ Варламову, онъ встрѣтилъ передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсонъ не могъ сначала вообразить, чтобъ это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ, и принялъ его (говоритъ онъ насмѣшливо въ своемъ донесеніи) за корпусъ генералъ-поручика и кавалера Декалонга; но вскорѣ удостовѣрился въ истинѣ. Онъ остановился, удерживая выгодное свое положеніе у лѣса, прикрывавшаго его тылъ. Пугачевъ двинулся противъ него и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ пошелъ черезъ лѣсъ и перерѣзалъ ему дорогу. Пугачевъ въ первый разъ увидѣлъ передъ собою того, кто долженъ былъ нанести ему столько ударовъ и положить предѣлъ кровавому его поприщу. Пугачевъ тотчасъ напалъ на его лѣвое крыло, привелъ его въ разстройство и отнялъ двѣ пушки. Но Михельсонъ ударилъ на мятежниковъ со всею своею конницею, разсѣялъ ихъ въ одно мгновеніе, взялъ назадъ свои пушки, а съ ними и послѣднюю, оставшуюся у Пугачева послѣ его разбитія подъ Троицкой, положилъ на мѣстѣ до шестисотъ человѣкъ, въ плѣнъ взялъ до пятисотъ и гналъ остальныхъ нѣсколько верстъ. Ночь прекратила преслѣдованіе. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія. На другой день отдалъ онъ въ приказѣ строгій выговоръ ротѣ, потерявшей свои пушки, и отнялъ у ней пуговицы и обшлага до выслуги. Рота не замедлила загладить свое безчестіе.

23-го Михельсонъ пошелъ на Чербакульскую крѣпость. Казаки, въ ней находившіеся, бунтовали. Михельсонъ привелъ ихъ къ присягѣ, присоединивъ къ своему отряду, и впослѣдствіи былъ всегда ими доволенъ.

Жолобовъ и Гагринъ дѣйствовали медленно и нерѣшительно. Жолобовъ, увѣдомивъ Михельсона, что Пугачевъ собралъ остатокъ разсѣянной толпы и набираетъ новую, отказался идти противъ него, подъ предлогомъ разлитія рѣкъ и дурныхъ дорогъ. Михельсонъ жаловался Декалонгу, а Декалонгъ, самъ обѣщаясь выступить для истребленія послѣднихъ силъ самозванца, остался въ Челябѣ и еще отозвалъ къ себѣ Жолобова и Гагрина.

Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Онъ пошелъ къ Златоустовскому заводу, услыша, что тамъ находилось нѣсколько яицкихъ бунтовщиковъ; но они бѣжали, узнавъ о его приближеніи. Слѣдъ ихъ, чѣмъ далѣе шелъ, тѣмъ болѣе разсыпался, и наконецъ совсѣмъ пропалъ.

27-го мая Михельсонъ прибылъ на Саткинскій заводъ[27]. Салаватъ съ новою шайкою злодѣйствовалъ въ окрестностяхъ. Уже Симскій заводъ былъ имъ разграбленъ и сожженъ. Услыша о Михельсонѣ, онъ перешелъ рѣку Ай и остановился въ горахъ, гдѣ Пугачевъ, избавясь отъ погони Гагрина и Жолобова и собравъ уже до двухъ тысячъ всякой сволочи, съ нимъ успѣлъ соединиться.

Михельсонъ на Саткинскомъ заводѣ, спасенномъ его быстротою, сдѣлалъ первый свой роздыхъ по выступленіи изъ-подъ Уфы. Чрезъ два дня пошелъ онъ противъ Пугачева и Салавата и прибылъ на берегъ Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противномъ берегу, видя малочисленность его отряда, полагали себя въ безопасности.

Но 30-го, утромъ, Михельсонъ приказалъ пятидесяти казакамъ переправиться вплавь, взявъ съ собою по одному егерю. Мятежники бросились-было на нихъ, но были разсѣяны пушечными выстрѣлами съ противнаго берега. Егери и казаки удержались кое-какъ, а Михельсонъ между тѣмъ переправился съ остальнымъ отрядомъ; порохъ перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну рѣки на канатахъ. Михельсонъ быстро напалъ на непріятеля, смялъ и преслѣдовалъ его болѣе двадцати верстъ, убивъ до четырехсотъ и взявъ множество въ плѣнъ. Пугачевъ, Бѣлобородовъ и раненый Салаватъ едва успѣли спастись

Окрестности были пусты. Михельсонъ ни откого не могъ узнать о стремленіи непріятеля. Онъ пошелъ на удачу, и 2-го іюня отряженный имъ капитанъ Карташевскій ночью былъ окруженъ шайкою Салавата. Къ утру Михельсонъ подоспѣлъ къ нему на помощь. Мятежники разсыпались и бѣжали. Михельсонъ преслѣдовалъ ихъ съ крайней осторожностью. Пѣхота прикрывала его обозъ. Самъ онъ шелъ немного впереди съ частью своей конницы. Эти распоряженія спасли его. Многочисленная толпа мятежниковъ неожиданно окружила его обозъ и напала на пѣхоту. Самъ Пугачевъ ими предводительствовалъ, успѣвъ въ теченіе шести дней близъ Саткинскаго завода набрать около пяти тысячъ бунтовщиковъ. Михельсонъ прискакалъ на помощь; онъ послалъ Харина соединить всю свою конницу, а самъ съ пѣхотой остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бѣжали. Тутъ Михельсонъ узналъ отъ плѣнныхъ, что Пугачевъ имѣлъ намѣреніе идти на Уфу. Онъ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 5-го іюня встрѣтилъ его снова. Сраженіе было неизбѣжимо. Михельсонъ быстро напалъ на него и снова разбилъ и прогналъ.

При всѣхъ своихъ успѣхахъ Михельсонъ увидѣлъ необходимость прекратить на время свое преслѣдованіе. У него уже не было ни запасовъ, ни зарядовъ. Оставалось только по два патрона на человѣка. Михельсонъ пошелъ въ Уфу, чтобы тамъ запастись всѣмъ для него нужнымъ.

Пока Михельсонъ, бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Декалонгъ стоялъ въ Челябѣ и, завидуя Михельсону, нарочно не хотѣлъ ему содѣйствовать. Фрейманъ, лично храбрый, но предводитель робкій и нерѣшительный, стоялъ въ Кизильской крѣпости, досадуя на Тимашева, ушедшаго въ Зеланрскую [28] крѣпость съ лучшею его конницею. Станиславскій, узнавъ, что Пугачевъ близъ Верхо-Яицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ любимую свою Орскую крѣпость. Полковники Якубовичъ и Обернибѣсовъ и маіоръ Дуве находились около Уфы. Вокругъ нихъ спокойно собирались бунтующіе башкирцы. Бирскъ сожженъ былъ почти на ихъ глазахъ, а они переходили съ одного мѣста на другое, избѣгая малѣйшей опасности и не думая о дружномъ содѣйствіи. По распоряженію князя Щербатова, войско Голицына оставалось безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицкаго городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ: а край, гдѣ снова разгорался пожаръ, оставался почти беззащитенъ.

Пугачевъ, отраженный отъ Кунгура маіоромъ Поповымъ, двинулся-было къ Екатеринбургу, но, узнавъ о войскахъ, тамъ находящихся, обратился къ Красно-Уфимску.

Кама была открыта и Казань въ опасности. Брантъ наскоро послалъ въ пригородъ Осу маіора Скрыпицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатовъ понадѣялся на Обернибѣсова и Дуве, которые должны были помочь маіору Скрыпицыну въ случаѣ опасности, и не сдѣлалъ никакихъ новыхъ распоряженій.

18-го іюня Пугачевъ явился передъ Осою. Скрыпицынъ выступилъ противъ него, но, потерявъ три пушки въ самомъ началѣ сраженія, поспѣшно возвратился въ крѣпость. Пугачевъ велѣлъ своимъ спѣшиться и идти на приступъ. Мятежники вошли въ городъ, зажгли его, и отъ крѣпости отражены были пушками.

На другой день Пугачевъ со своими старшинами ѣздилъ по берегу Камы, высматривая мѣста, удобныя для переправы. По его приказанію поправляли дорогу и мостили топкія мѣста. 20-го снова приступилъ онъ къ крѣпости и снова былъ отраженъ. Тогда Бѣлобородовъ присовѣтовалъ ему окружить крѣпость возами сѣна, соломы и бересты, и зажечь такимъ образомъ деревянныя стѣны. Пятнадцать возовъ были подвезены на лошадяхъ въ близкое разстояніе отъ крѣпости, а потомъ подвигаемы впередъ людьми, безопасными подъ ихъ прикрытіемъ. Скрыпицынъ, уже колебавшійся, потребовалъ сроку на однѣ сутки и сдался на другой день, принявъ Пугачева на колѣняхъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью. Самозванецъ обласкалъ его и оставилъ при немъ его шпагу. Несчастный, думая современемъ оправдаться, написалъ, обще съ капитаномъ Смирновымъ и подпоручикомъ Минеевымъ, письмо къ казанскому губернатору и носилъ при себѣ, въ ожиданіи удобнаго случая тайно его отослать. Минеевъ донесъ о томъ Пугачеву. Письмо схвачено, Скрыпицынъ и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ названъ отъ Пугачева полковникомъ.

23-го іюня Пугачевъ переправился черезъ Каму и пошелъ на винокуренные заводы Ижевскій и Воткинскій. Венцель, ихъ начальникъ, былъ мучительски умерщвленъ, заводы разграблены и всѣ работники забраны въ злодѣйскую толпу. Минеевъ, измѣною своею заслужившій довѣренность Пугачева, совѣтовалъ ему идти прямо на Казань. Распоряженія губернатора были ему извѣстны. Онъ вызвался вести Пугачева и ручался за успѣхъ. Пугачевъ недолго колебался и пошелъ на Казань.

Щербатовъ, получивъ извѣстіе о взятіи Осы, испугался. Онъ послалъ Обернибѣсову повелѣніе занять Шумскій перевозъ, а маіора Меллина отправилъ къ Шурманскому; Голицыну приказалъ скорѣе слѣдовать въ Уфу, чтобы оттуда дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію, а самъ съ однимъ эскадрономъ гусаръ и ротою гренадеръ отправился въ Бугульму.

Въ Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысячъ были наскоро вооружены. Брантъ и комендантъ Баннеръ приготовились къ оборонѣ. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, начальникъ тайной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева, усердно имъ содѣйствовалъ. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ не дождался Пугачева. Онъ со своими людьми переправился черезъ Волгу и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ.

Полковникъ Толстой, начальникъ казанскаго военнаго легіона, выступилъ противъ Пугачева и 10-го іюля встрѣтилъ его въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Произошло сраженіе. Храбрый Толстой былъ убитъ, а его отрядъ разсѣянъ. На другой день Пугачевъ показался на лѣвомъ берегу Казанки и расположился лагеремъ у Троицкой мельницы. Вечеромъ, въ виду всѣхъ казанскихъ жителей, онъ самъ ѣздилъ высматривать городъ и возвратился въ лагерь, отложа приступъ до слѣдующаго утра.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Пугачевъ въ Казани. Бѣдствіе города. Появленіе Михельсона. Три сраженія. Освобожденіе Казани. Свиданіе Пугачева съ его семействомъ. Опроверженіе клеветы. Распоряженія Михельсона.

12-го іюля, на зарѣ, мятежники, подъ предводительствомъ Пугачева, потянулись отъ села Царицына по Арскому полю, двигая передъ собою возы сѣна и соломы, между которыми везли пушки. Они быстро заняли находившіеся близъ предмѣстья кирпичные сараи, рощу и загородный домъ Кудрявцева, устроили тамъ свои батареи и сбили слабый отрядъ, охранявшій дорогу. Онъ отступилъ, выстроясь въ карре и оградясь рогатками.

Прямо противъ Арскаго поля находилась главная городская батарея. Пугачевъ на нее не пошелъ, а съ праваго своего крыла отрядилъ къ предмѣстію толпу заводскихъ крестьянъ, подъ предводительствомъ измѣнника Минеева. Эта сволочь, большей частью безоружная, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебѣгала изъ буерака въ буеракъ, изъ лощины въ лощину, перепалзывала черезъ высоты, подверженныя пушечнымъ выстрѣламъ, и такимъ образомъ забралась въ овраги, находящіеся на краю самаго предмѣстія. Опасное это мѣсто защищали гимназисты съ одною пушкою. Но, не смотря на ихъ выстрѣлы, бунтовщики въ точности исполнили приказаніе Пугачева: влѣзли на высоту, прогнали гимназистовъ голыми кулаками, пушку отбили, заняли лѣтній губернаторскій домъ, соединенный съ предмѣстіями; пушку поставили въ ворота, стали стрѣлять вдоль улицъ и кучами ворвались въ предмѣстіе. Съ другой стороны лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ. Суконщики (люди разнаго званія и большею частію кулачные бойцы), ободряемые преосвященнымъ Веніаминомъ, вооружились чѣмъ ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились къ оборонѣ. Башкирцы съ Шарной горы пустили въ нихъ свои стрѣлы и бросились въ улицы. Суконщики приняли-было ихъ въ рычаги, въ копья и сабли; но ихъ пушку разорвало съ перваго выстрѣла и убило канонира. Въ это время Пугачевъ на Шарной горѣ поставилъ свои пушки и пустилъ картечью по своимъ и по чужимъ. Слобода загорѣлась. Суконщики бѣжали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городскимъ улицамъ. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились къ крѣпости, какъ къ послѣднему убѣжищу. Потемкинъ вошелъ вмѣстѣ съ ними. Городъ сталъ добычею мятежниковъ. Они бросились грабить дома и купеческія лавки; вбѣгали въ церкви и монастыри, обдирали иконостасы; рѣзали всѣхъ, которые попадались имъ въ нѣмецкомъ платьѣ. Пугачевъ, поставя свои батареи въ трактирѣ гостинаго двора, за церквами, у тріумфальныхъ воротъ, стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ея правый уголъ, и котораго ветхія стѣны едва держались. Съ другой стороны Минеевъ, втащивъ одну пушку на врата Казанскаго монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрѣлялъ по крѣпости въ самое опасное мѣсто. Прилетѣвшее оттуда ядро разбило одну изъ его пушекъ. Разбойники, надѣвъ на себя женскія платья, поповскіе стихари, съ крикомъ бѣгали по улицамъ, грабя и зажигая дома. Осаждавшіе крѣпость имъ завидовали, боясь остаться безъ добычи... Вдругъ Пугачевъ приказалъ имъ отступить и, зажегши еще нѣсколько домовъ, возвратился въ свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость и зажгли нѣсколько деревянныхъ кровель. Въ эту минуту часть одной стѣны съ громомъ обрушилась и подавила нѣсколькихъ человѣкъ. Осажденные, стѣснившіеся въ крѣпости, подняли вопль, думая, что злодѣй вломился и что послѣдній ихъ часъ насталъ.

Изъ города погнали плѣнныхъ и повезли добычу. Башкирцы, не смотря на строгія запрещенія Пугачева, били нагайками народъ и кололи копьями отстающихъ женщинъ и дѣтей. Множество потонуло, переправляясь въ бродъ черезъ Казанку. Народъ, пригнанный въ лагерь, поставленъ былъ на колѣна передъ пушками. Женщины подняли вой. Имъ объявили прощеніе. Всѣ закричали «ура!» и кинулись къ ставкѣ Пугачева. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары казанскихъ татаръ, пріѣхавшихъ къ нему съ поклономъ. Потомъ спрашивали: «кто желаетъ служить государю Петру Ѳеодоровичу?»—Охотниковъ нашлось множество.

Преосвященный Веніаминъ во все время пра-

Императрица Екатерина II.

Суворовъ

Михельсонъ

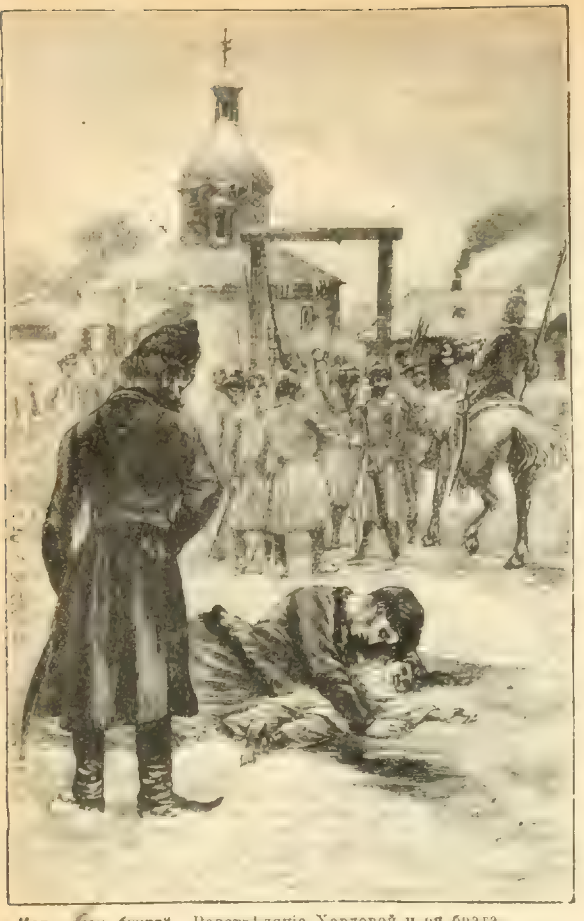
Бибиковъ

Державинъ

ИСТОРІЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

„Ист. Пугач. бунта." Бѣгство Пугачева изъ Казани.

„Ист. Пугач. бунта". Судъ Пугачева въ Бердской слободѣ.



„Ист. Пугач. бунта". Разстрѣляніе Харловой и ея брата.

„Ист. Пугач. бунта". Казнь Чернышева и 36 офицеровъ.

„Ист. Пугач. бунта". Лысовъ валитъ Пугачева.

„Ист. Пугач. бунта" Побоище въ Казани.

ступа находился въ крѣпости, въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и на колѣняхъ со всѣмъ народомъ молилъ Бога о спасеніи христіанъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы и, не смотря на нестерпимый зной пожара и на падающія бревна, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, обошелъ снутри крѣпость при молебномъ пѣніи.— Къ вечеру буря утихла, и вѣтеръ оборотился въ противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная въ груды горящихъ углей, дымилась и рдѣла во мракѣ. Никто не спалъ. Съ разсвѣтомъ жители спѣшили взойти на крѣпостныя стѣны и устремили взоры въ ту сторону, откуда ожидали новаго приступа. Но вмѣсто Пугачевскихъ полчищъ съ изумленіемъ увидѣли гусаровъ Михельсона, скачущихъ въ городъ съ офицеромъ, посланнымъ отъ него къ губернатору.

Никто не зналъ, что уже наканунѣ Михельсонъ, въ семи верстахъ отъ города, имѣлъ жаркое дѣло съ Пугачевымъ и что мятежники отступили въ безпорядкѣ.

Мы оставили Михельсона неутомимо преслѣдующимъ опрометчивое стремленіе Пугачева. Въ Уфѣ оставилъ онъ своихъ больныхъ и раненыхъ, взялъ съ собою маіора Дуве, и 21-го іюня находился въ Бурновѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. Мостъ, сожженный Якубовичемъ, былъ опять наведенъ мятежниками. Около трехъ тысячъ вышли навстрѣчу Михельсону. Онъ ихъ разбилъ и отрядилъ Дуве противъ шайки башкирцевъ, находившихся не въ дальнемъ разстояніи. Дуве ихъ разсѣялъ. Михельсонъ пошелъ на Осу и, 27-го іюня разбивъ на дорогѣ толпу башкирцевъ и татаръ, узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и переправѣ Пугачева черезъ Каму. Михельсонъ пошелъ по его слѣдамъ. На Камѣ не было ни мостовъ, ни лодокъ. Конница переправилась вплавь, пѣхота—на плотахъ. Михельсонъ, оставя Пугачева вправѣ, пошелъ прямо на Казань и 11-го іюля вечеромъ былъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ нея.

Ночью отрядъ его тронулся съ мѣста. Поутру, въ сорока пяти верстахъ отъ Казани, услышалъ онъ пушечную пальбу. Къ полудню густой багровый дымъ возвѣстилъ ему о жребіи города.

Полдневный жаръ и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на одинъ часъ. Между тѣмъ узналъ онъ, что недалеко находилась толпа мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ напалъ и взялъ четыреста въ плѣнъ, остальные бѣжали къ Казани и извѣстили Пугачева о приближеніи непріятеля. Тогда-то Пугачевъ, опасаясь нечаяннаго нападенія, отступилъ отъ крѣпости и приказалъ своимъ скорѣе выбираться изъ города, а самъ, занявъ выгодное мѣстоположеніе, выстроился близъ Царицына, въ семи верстахъ отъ Казани.

Михельсонъ, получивъ о томъ донесеніе, пустился черезъ лѣсъ одною колонною и, выйдя въ поле, увидѣлъ передъ собою мятежниковъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ.

Михельсонъ отрядилъ Харина противъ ихъ лѣваго крыла, Дуве—противу праваго, а самъ пошелъ прямо на главную непріятельскую батарею. Пугачевъ, ободренный побѣдою и усилясь захваченными пушками, встрѣтилъ нападеніе сильнымъ огнемъ. Передъ батареей простиралось болото, черезъ которое Михельсонъ долженъ былъ перейти, между тѣмъ какъ Харинъ и Дуве старались обойти непріятеля. Михельсонъ взялъ батарею; Дуве на правомъ флангѣ отбилъ также двѣ пушки. Мятежники, раздѣлясь на двѣ кучи, пошли—одни навстрѣчу Харину и, остановясь въ тѣснинѣ за рвомъ, поставили батареи и открыли огонь; другіе старались заѣхать въ тылъ отряду. Михельсонъ, оставя Дуве, пошелъ на подкрѣпленіе Харина, проходившаго черезъ оврагъ подъ непріятельскими ядрами. Наконецъ, послѣ пяти часовъ упорнаго сраженія, Пугачевъ былъ разбитъ и бѣжалъ, потерявъ восемьсотъ человѣкъ убитыми и сто восемьдесятъ взятыми въ плѣнъ. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преслѣдовать Пугачева.

Переночевавъ на мѣстѣ сраженія, передъ свѣтомъ Михельсонъ пошелъ къ Казани. Навстрѣчу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавшихъ цѣлую ночь на развалинахъ сгорѣвшаго города. Ихъ рубили и брали въ плѣнъ. Прибывъ къ Арскому полю, Михельсонъ увидѣлъ приближающагося непріятеля; Пугачевъ узнавъ о малочисленности его отряда, спѣшилъ предупредить его соединеніе съ городскимъ войскомъ. Михельсонъ, пославъ увѣдомить о томъ губернатора, встрѣтилъ пушечными выстрѣлами толпу, кинувшуюся на него съ воплемъ и визгомъ, и принудилъ ее отступить. Потемкинъ подоспѣлъ изъ города съ гарнизономъ. Пугачевъ перешелъ черезъ Казанку и удалился за пятнадцать верстъ отъ города, въ село Сухую Рѣку. Преслѣдовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Казань была освобождена. Жители тѣснились на стѣнѣ крѣпости, чтобы издали взглянуть на лагерь своего избавителя. Михельсонъ не трогался съ мѣста, ожидая новаго нападенія. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, негодуя на свои неудачи, не терялъ однако-же надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Онъ отвсюду набиралъ новую сволочь, соединяясь съ отдѣльными своими отрядами, и 15-го іюля, утромъ, приказавъ прочесть передъ своими толпами манифестъ, въ которомъ объявлялъ о

своемъ намѣреніи идти на Москву, устремился въ третій разъ на Михельсона. Войско его состояло изъ двадцати пяти тысячъ всякаго сброду. Многочисленныя толпы двинулись тоюже дорогою, по которой уже два раза бѣжали. Облака пыли, дикіе вопли, шумъ и грохотъ возвѣстили ихъ приближеніе. Михельсонъ выступилъ противъ нихъ съ восемьюстами карабинеровъ, гусаръ и чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ мѣсто прежняго сраженія близъ Царицына и раздѣлилъ войско свое на три отряда, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Бунтовщики на него бросились. Яицкіе казаки стояли въ тылу и, по приказанію Пугачева, должны были колоть своихъ бѣглецовъ. Но Михельсонъ и Харинъ съ двухъ сторонъ на нихъ ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено въ одно мгновеніе. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, сперва доскакавъ до перваго своего лагеря, а потомъ и до второго. Харинъ живо его преслѣдовалъ, не давая ему времени нигдѣ остановиться. Въ этихъ лагеряхъ находилось до десяти тысячъ казанскихъ жителей всякаго пола и званія. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми тѣлами; пять тысячъ плѣнныхъ и девять пушекъ остались въ рукахъ у побѣдителя. Убито въ сраженіи до двухъ тысячъ, большей частью татаръ и башкирцевъ. Михельсонъ потерялъ до ста человѣкъ убитыми и ранеными. Онъ вошелъ въ городъ при кликахъ восхищенныхъ жителей, свидѣтелей его побѣды. Губернаторъ, измученный болѣзнью, отъ которой онъ и умеръ черезъ двѣ недѣли, встрѣтилъ побѣдителя за воротами крѣпости, въ сопровожденіи дворянства и духовенства. Михельсонъ отправился прямо въ соборъ, гдѣ преосвященный Веніаминъ отслужилъ благодарственный молебенъ.

Состояніе Казани было ужасно: изъ двухъ тысячъ восьмисотъ шестидесяти семи домовъ, въ ней находившихся, двѣ тысячи пятьдесятъ семь сгорѣло. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорѣли. Гостиный дворъ и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены; найдено до трехсотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; около пятисотъ пропали безъ вѣсти. Въ числѣ убитыхъ находился директоръ гимназіи Каницъ, нѣсколько учителей и учениковъ и полковникъ Родіоновъ. Генералъ-маіоръ Кудрявцевъ, старикъ стодесятилѣтній, не хотѣлъ скрыться въ крѣпость, не смотря на всевозможныя увѣщанія. Онъ на колѣнахъ молился въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Вбѣжало нѣсколько грабителей. Онъ сталъ ихъ увѣщевать. Злодѣи умертвили его на церковной паперти.

Такъ темный колодникъ, за годъ тому бѣжавшій изъ Казани, отпраздновалъ свое возвращеніе! Тюремный дворъ, гдѣ ожидалъ онъ плетей и каторги, былъ имъ сожженъ, а невольники, его недавніе товарищи, выпущены. Въ казармахъ содержалась уже нѣсколько мѣсяцевъ казачка Софья Пугачева, съ тремя своими дѣтьми. Самозванецъ, увидя ихъ, сказываютъ, заплакалъ, но не измѣнилъ самому себѣ. Онъ велѣлъ ихъ отвести въ лагерь, сказавъ, какъ увѣряютъ: «я ее знаю — мужъ ея оказалъ мнѣ великую услугу». Измѣнникъ Минеевъ, главный виновникъ бѣдствія Казани, при первомъ разбитіи Пугачева попался въ плѣнъ и по приговору военнаго суда загнанъ былъ сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало пещись о размѣщеніи жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ. Они были приглашены въ лагерь, для разбора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратнаго полученія своей собственности. Спѣшили раздѣлиться кое-какъ. Люди зажиточные стали нищими; кто былъ скуденъ, очутился богатъ.

Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, чтобъ въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видѣли, какъ быстро и какъ неутомимо Михельсонъ преслѣдовалъ Пугачева. Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали-бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была-бы спасена. Солдаты Михельсона, конечно, обогатились; но стыдно было-бы намъ обвинять безъ доказательства стараго, заслуженнаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ чести и умершаго главнокомандующимъ русскими войсками.

14-го іюля прибылъ въ Казань подполковникъ графъ Меллинъ и былъ отряженъ Михельсономъ для преслѣдованія Пугачева. Самъ Михельсонъ остался въ городѣ для возобновленія своей конницы и для заготовленія припасовъ. Прочіе начальники наскоро сдѣлали нѣкоторыя военныя распоряженія, ибо, не смотря на разбитіе Пугачева, знали уже, какъ былъ опасенъ этотъ предпріимчивый и дѣятельный мятежникъ. Его движенія были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преслѣдовать; къ тому-же конница была слишкомъ изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, разсѣянныя на великомъ пространствѣ, не могли всюду поспѣвать и дѣлать скорые обороты. Должно сказать и то, что рѣдкій изъ тогдашнихъ начальниковъ былъ въ состояніи управиться съ Пугачевымъ или съ менѣе извѣстными его сообщниками.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пугачевъ за Волгою. Общее смятеніе. Письмо генерала Ступишина. Намѣреніе Екатерины. Графъ П. Ив. Панинъ. Движеніе войскъ. Взятіе Пензы. Смерть Всеволожскаго. Споры Державина съ Бошнякомъ. Взятіе Саратова. Пугачевъ подъ Царицынымъ. Смерть астронома Ловица. Пораженіе Пугачева. Суворовъ. Пугачевъ выданъ правительству. Разговоръ его съ графомъ Панинымъ. Судъ надъ Пугачевымъ и надъ его сообщниками. Казнь бунтовщиковъ.

Пугачевъ бѣжалъ по кокшайской дорогѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ, съ тремя стами яицкихъ и илецкихъ казаковъ, и наконецъ удалился въ лѣсъ. Харинъ, преслѣдовавшій его цѣлыя тридцать верстъ, принужденъ былъ остановиться. Пугачевъ ночевалъ въ лѣсу. Его семейство было при немъ. Между его товарищами находились два новыя лица: одинъ изъ нихъ былъ молодой Пулавскій, родной братъ славнаго конфедерата. Онъ находился въ Казани военноплѣннымъ и изъ ненависти къ Россіи присоединился къ шайкѣ Пугачева. Другой былъ пасторъ реформатскаго исповѣданія. Во время казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда, ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань.

Пугачевъ два дня бродилъ то въ одну, то въ другую сторону, обманывая тѣмъ высланную погоню. Сволочь его, разсыпавшись, производила обычные грабежи. Бѣлобородовъ пойманъ былъ въ окрестности Казани, высѣченъ кнутомъ, потомъ отвезенъ въ Москву и казненъ смертію. Нѣсколько сотенъ бѣглецовъ присоединились къ Пугачеву. 18-го іюля онъ вдругъ устремился къ Волгѣ, на кокшайскій перевозъ, и въ числѣ пятисотъ человѣкъ лучшаго своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе. Вся западная сторона Волги возстала и передалась самозванцу. Господскіе крестьяне взбунтовались; иновѣрцы и новокрещенные стали убивать русскихъ священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне—изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отовсюду приводила къ Пугачеву. Пугачевъ объявилъ народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. Онъ пошелъ на Цывильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу и, раздѣливъ шайку свою на двѣ части, послалъ одну по нижегородской дорогѣ, а другую по алатырской и пресѣкъ такимъ образомъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Нижегородскій губернаторъ генералъ-поручикъ Ступишинъ написалъ къ князю Волконскому, что участь Казани ожидаетъ и Нижній, и что онъ не отвѣчаетъ и за Москву. Всѣ отряды, находившіеся въ губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а князь Голицынъ изъ Мензелинска, поспѣшили въ Казань; Меллинъ переправился черезъ Волгу и 19-го іюля выступилъ изъ Свіяжска; Мансуровъ изъ Яицкаго городка двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску; Михельсонъ изъ Чебоксаръ устремился къ Арзамасу, чтобы пресѣчь Пугачеву дорогу къ Москвѣ...

Но Пугачевъ не имѣлъ уже намѣренія идти на старую столицу. Окруженный отовсюду войсками правительства, не довѣряя своимъ сообщникамъ, онъ уже думалъ о своемъ спасеніи; цѣль его была пробраться за Кубань или въ Персію. Главные бунтовщики предвидѣли конецъ затѣянному ими дѣлу и уже торговались о головѣ своего предводителя... Перфильевъ, отъ имени всѣхъ виновныхъ казаковъ, послалъ тайно въ Петербургъ одного повѣреннаго съ предложеніемъ о выдачѣ самозванца. Правительство, однажды имъ обманутое, худо вѣрило ему—однако вошло съ нимъ въ сношеніе. Пугачевъ бѣжалъ; но бѣгство его казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобы взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ, и каждая имѣла у себя своего Пугачева...

Эти горестныя извѣстія сдѣлали въ Петербургѣ глубокое впечатлѣніе и омрачили радость, произведенную окончаніемъ турецкой войны и заключеніемъ славнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще въ началѣ іюля рѣшилась отозвать его и поручить главное начальство надъ войскомъ князю Голицыну. Курьеръ, ѣхавшій съ этимъ указомъ, остановленъ былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ по причинѣ небезопасности дороги. Когда-же государыня узнала о взятіи Казани и о перенесеніи бунта за Волгу, тогда она уже сама думала ѣхать въ край, гдѣ усиливалось бѣдствіе и опасность, и лично предводительствовать войскомъ. Графъ Никита Ивановичъ Панинъ успѣлъ уговорить ее оставить это намѣреніе. Императрица не знала, кому предоставить спасеніе отечества. Въ это время вельможа, удаленный отъ двора и подобно Бибикову бывшій въ немилости, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ самъ вызвался принять на себя подвигъ, недовершенный его предшественникомъ. Екатерина съ признательностью

увидѣла усердіе благороднаго своего подданнаго, и графъ Панинъ, въ то-же время какъ, вооруживъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, готовился идти навстрѣчу Пугачеву, получилъ въ своей деревнѣ повелѣніе принять главное начальство надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, надъ войсками, туда посланными. Такимъ образомъ покоритель Бендеръ пошелъ войною противъ простого казака, четыре года тому назадъ безвѣстно служившаго въ рядахъ войска, ввѣреннаго его начальству.

20-го іюля Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился вплавь черезъ Суру. Дворяне и чиновники бѣжали. Чернь встрѣтила его на берегу съ образами и хлѣбомъ. Ей прочтенъ возмутительный манифестъ. Инвалидная команда приведена была къ Пугачеву. Маіоръ Юрловъ, ея начальникъ, и унтеръ-офицеръ, котораго имя, къ сожалѣнію, не сохранилось, одни не захотѣли присягнуть и въ глаза обличали самозванца. Ихъ повѣсили и мертвыхъ били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ея дворовыми людьми. Пугачевъ велѣлъ раздать чувашамъ казенное вино, повѣсилъ нѣсколькихъ дворянъ, приведенныхъ къ нему крестьянами ихъ, и пошелъ къ Ядринску, оставя городъ подъ начальствомъ четырехъ яицкихъ казаковъ и давъ имъ въ распоряженіе шестьдесятъ приставшихъ къ нему холопьевъ. Онъ оставилъ за собою малую шайку для задержанія графа Меллина. Михельсонъ, шедшій къ Арзамасу, отрядилъ Харина къ Ядринску, куда спѣшилъ и графъ Меллинъ. Пугачевъ, узнавъ о томъ, обратился къ Алатырю, но прикрывая свое движеніе, послалъ къ Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а послѣ того встрѣчена графомъ Меллинымъ и совсѣмъ разсѣяна. Меллинъ поспѣшилъ къ Алатырю, мимоходомъ освободилъ Курмышъ, гдѣ повѣсилъ нѣсколькихъ мятежниковъ, а казака, назвавшагося воеводою, взялъ съ собою, какъ языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшіе самозванцу, оправдывались тѣмъ, что присяга дана была ими не отъ искренняго сердца, но для наблюденія интереса ея императорскаго величества. «А что мы, писали они Ступишину: «передъ Богомъ и всемилостивѣйшею государынею нашей нарушили присягу и тому злодѣю присягали, въ томъ приносимъ наше христіанское покаяніе и слезно просимъ отпущеніе сего нашего невольнаго грѣха; ибо не иное насъ къ сему привело, какъ смертный страхъ». Двадцать человѣкъ подписали это постыдное извиненіе.

Пугачевъ стремился съ необыкновенною быстротою, отряжая во всѣ стороны свои шайки. Не знали, въ которой находился онъ самъ. Настичь его было невозможно: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая свѣжихъ лошадей, и оставлялъ за собою возмутителей, которые въ числѣ двухъ, трехъ и не болѣе пяти разъѣзжали безопасно по селеніямъ и городамъ, набирая всюду новыя шайки. Трое изъ нихъ явились въ окрестностяхъ Нижняго-Новгорода; крестьяне Демидова связали ихъ и представили Ступишину. Онъ велѣлъ ихъ повѣсить на баркахъ и пустить внизъ по Волгѣ, мимо бунтующихъ береговъ.

27-го іюля Пугачевъ вошелъ въ Саранскъ. Онъ былъ встрѣченъ не только чернымъ народомъ, но духовенствомъ и купечествомъ... Триста человѣкъ дворянъ, всякаго пола и возраста, были имъ тутъ повѣшены; крестьяне и дворовые люди стекались къ нему толпами. Онъ выступилъ изъ города 30-го. На другой день Меллинъ вошелъ въ Саранскъ, взялъ подъ караулъ прапорщика Шахматова, посаженнаго въ воеводы отъ самозванца, также и другихъ важныхъ измѣнниковъ духовнаго и дворянскаго званія, а черныхъ людей велѣлъ высѣчь плетьми подъ висѣлицею.

Михельсонъ изъ Арзамаса устремился за Пугачевымъ. Муфель изъ Симбирска спѣшилъ ему-же навстрѣчу. Меллинъ шелъ по его пятамъ. Такимъ образомъ три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатовъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія войскъ изъ Башкиріи, чтобы отправить подкрѣпленіе дѣйствующимъ отрядамъ, и самъ хотѣлъ спѣшить за ними, но, получа указъ отъ 8-го іюля, сдалъ начальство князю Голицыну и отправился въ Петербургъ.

Между тѣмъ Пугачевъ приблизился къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій нѣсколько времени держалъ чернь въ повиновеніи и далъ время дворянамъ спастись. Пугачевъ явился передъ городомъ. Жители вышли къ нему навстрѣчу съ иконами и хлѣбомъ и пали передъ нимъ на колѣна. Пугачевъ въѣхалъ въ Пензу. Всеволожскій, оставленный городскимъ войскомъ, заперся въ своемъ домѣ съ двѣнадцатью дворянами и рѣшился защищаться. Домъ былъ зажженъ; храбрый Всеволожскій погибъ съ своими товарищами; казенные и дворянскіе дома были ограблены. Пугачевъ посадилъ въ воеводы господскаго мужика и пошелъ къ Саратову.

Узнавъ о взятіи Пензы, саратовское начальство стало дѣлать свои распоряженія.

Въ Саратовѣ находился тогда Державинъ. Онъ отряженъ былъ (какъ мы уже видѣли) въ село Малыковку, чтобы оттуда пресѣчь дорогу Пугачеву, въ случаѣ побѣга его на Иргизъ. Державинъ, извѣстясь о сношеніяхъ Пугачева съ киргизъ-кайсаками, успѣлъ отрѣзать ихъ отъ кочующихъ ордъ по рѣкамъ Узенямъ и намѣревался идти на освобожденіе Яицкаго городка, но былъ предупрежденъ генераломъ Мансуровымъ. Въ концѣ іюля прибылъ онъ въ Саратовъ, гдѣ чинъ гвардіи поручика, рѣзкій

умъ и пылкій характеръ доставили ему важное вліяніе на общее мнѣніе.

1-го августа Державинъ, сообща съ главнымъ судьею конторы опекунства колонистовъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ саратовскаго коменданта Бошняка для совѣщанія о мѣрахъ, которыя должно было предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ, внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленія, перевезти туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить батареи и идти навстрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не соглашался оставить свою крѣпость и хотѣлъ держаться за городомъ. Спорили, горячились, и Державинъ, выйдя изъ себя, предлагалъ арестовать коменданта. Бошнякъ остался непоколебимымъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался; но никто его не слушалъ. Памятникомъ этихъ споровъ осталось язвительное письмо Державина къ упрямому коменданту.

4-го августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ донскихъ казаковъ и пустился съ ними въ Петровскъ, чтобы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Но подъѣзжая къ городу, услышалъ онъ колокольный звонъ и увидѣлъ передовыя толпы мятежниковъ, вступающія въ городъ, и духовенство, вышедшее къ нимъ навстрѣчу съ образами и хлѣбомъ. Онъ поѣхалъ впередъ съ есауломъ и двумя казаками и видя, что болѣе дѣлать было нечего, пустился съ ними обратно къ Саратову. Отрядъ его остался на дорогѣ, ожидая Пугачева. Самозванецъ къ нимъ подъѣхалъ въ сопровожденіи своихъ сообщниковъ. Они приняли его, стоя на колѣняхъ. Услышавъ отъ нихъ о гвардейскомъ офицерѣ, Пугачевъ тутъ-же перемѣнилъ лошадь, и взявъ въ руки дротикъ, самъ съ четырьмя казаками поскакалъ за нимъ въ погоню. Одинъ изъ казаковъ, сопровождавшихъ Державина, былъ заколотъ Пугачевымъ. Державинъ успѣлъ добраться до Саратова, откуда на другой день выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка.

5-го августа Пугачевъ пошелъ къ Саратову. Войско его состояло изъ трехсотъ яицкихъ казаковъ и ста пятидесяти донскихъ, приставшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до десяти калмыковъ, башкирцевъ, ясачныхъ татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены, остальные шли съ топорами, вилами и дубинами. Пушекъ было у него тринадцать.

6-го Пугачевъ пришелъ къ Саратову и остановился въ трехъ верстахъ отъ города.

Бошнякъ отрядилъ саратовскихъ казаковъ для поимки языка, но они передались Пугачеву. Между тѣмъ обыватели тайно подослали къ самозванцу купца Кобякова съ измѣнническими предложеніями. Бунтовщики подъѣхали къ самой крѣпости, разговаривая съ солдатами. Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Тогда жители, предводительствуемые городскимъ головою Протопоповымъ, явно возмутились и приступили къ Бошняку, требуя, чтобы онъ не начиналъ сраженія и ожидалъ возвращенія Кобякова. Бошнякъ спросилъ, какъ осмѣлились безъ его вѣдома вступить въ переговоры съ самозванцемъ? Они продолжали шумѣть. Между тѣмъ Кобяковъ возвратился съ возмутительнымъ письмомъ. Бошнякъ, выхвативъ его изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и растопталъ, а Кобякова велѣлъ взять подъ караулъ. Купцы пристали къ нему съ просьбами и угрозами, и Бошнякъ принужденъ былъ имъ уступить и освободить Кобякова. Онъ однако приготовился къ оборонѣ. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, поставилъ батарею и началъ по городу стрѣлять. По первому выстрѣлу крѣпостные казаки и обыватели разбѣжались. Бошнякъ велѣлъ выпалить изъ мортиры; но бомба упала въ пятидесяти саженяхъ. Онъ обошелъ свое войско и всюду увидѣлъ уныніе, однако не терялъ своей бодрости. Мятежники напали на крѣпость. Онъ открылъ огонь и уже успѣлъ ихъ отразить, какъ вдругъ триста артиллеристовъ, выхватя изъ-подъ пушекъ клинья и фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались. Въ это время самъ Пугачевъ кинулся съ горы на крѣпость. Тогда Бошнякъ съ однимъ саратовскимъ батальономъ рѣшился продраться сквозь толпы мятежниковъ. Онъ приказалъ маіору Салманову выступить съ первою половиной батальона, но замѣтя въ немъ робость или готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ заступился за него. Бошнякъ вторично оказалъ слабость: онъ оставилъ Салманова при его мѣстѣ, и обратясь ко второй половинѣ батальона, приказалъ распустить знамена и выходить изъ укрѣпленій. Въ эту минуту Салмановъ передался, и Бошнякъ остался съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ. Храбрый Бошнякъ съ этою горстью людей выступилъ изъ крѣпости и цѣлые шесть часовъ сряду шелъ, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы разбойниковъ. Ночь прекратила сраженіе. Бошнякъ достигъ береговъ Волги, казну и канцелярскія дѣла отправилъ въ Астрахань, а самъ 11-го августа благополучно прибылъ въ Царицынъ.

Мятежники, овладѣвъ Саратовомъ, выпустили колодникомъ, отворили хлѣбные и соляные

амбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачевъ повѣсилъ всѣхъ дворянъ, попавшихся въ его руки, и запретилъ хоронить тѣла; назначилъ въ коменданты города казацкаго пятидесятника Уфимцева и 9-го августа въ полдень выступилъ изъ города.—11-го въ разоренный Саратовъ прибылъ Муфель, а 14-го Михельсонъ. Оба, соединясь, поспѣшили вслѣдъ за Пугачевымъ.

Пугачевъ слѣдовалъ по теченію Волги. Иностранцы, тутъ поселенные, большею частью бродяги и негодяи, всѣ къ нему присоединились, возмущенные польскимъ конфедератомъ (неизвѣстно, кѣмъ по имени, только не Пулавскимъ; послѣдній уже тогда отсталъ отъ Пугачева, негодуя на его звѣрскую свирѣпость). Пугачевъ составилъ изъ нихъ гусарскій полкъ. Волжскіе казаки перешли также на его сторону.

Такимъ образомъ Пугачевъ со дня на день усиливался. Войско его состояло уже изъ двадцати тысячъ. Шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ, назвавшись также Петромъ III, взялъ Инсару, Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, повѣсилъ воеводъ и дворянъ и вездѣ учредилъ свое правленіе. Разбойникъ Фирска подступилъ подъ Симбирскъ, убивъ въ сраженіи полковника Рычкова, заступившаго мѣсто Чернышева, погибшаго подъ Оренбургомъ при началѣ бунта; гарнизонъ измѣнилъ ему. Симбирскъ былъ спасенъ однако-жъ прибытіемъ полковника Обернибѣсова. Фирска наполнилъ окрестности убійствами и грабежами. Верхній и Нижній Ломовъ были ограблены и сожжены другими злодѣями. Состояніе этого обширнаго края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всѣхъ селеніяхъ на воротахъ барскихъ дворовъ висѣли помѣщики или ихъ управители. Мятежники и отряды, ихъ преслѣдующіе, отнимали у крестьянъ лошадей, запасы и послѣднее имущество. Правленіе было повсюду пресѣчено. Народъ не зналъ, кому повиноваться. На вопросъ: «кому вы вѣруете—Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ?» мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная, какой сторонѣ принадлежали вопрошатели.

13-го августа Пугачевъ приближался къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ маіоръ Дицъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячью донскихъ казаковъ и пятьюстами калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетевымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ, но были отрѣзаны и передались. Дицъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты со всѣми пушками были взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія, на другой день занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну.

Въ этомъ городѣ, хорошо укрѣпленномъ, начальствовалъ полковникъ Цыплетевъ. Съ нимъ находился храбрый Бошнякъ. 21-го августа Пугачевъ подступилъ съ обыкновенною дерзостью. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали полторы тысячи донскихъ казаковъ; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачевъ подступилъ къ городу со стороны Волги и былъ опять отбитъ Бошнякомъ. Между тѣмъ услышалъ онъ о приближеніи отрядовъ и поспѣшно сталъ удаляться къ Сарептѣ.

Михельсонъ, Муфель и Меллинъ прибыли 20-го въ Дубовку, а 22-го вступили въ Царицынъ.

Пугачевъ бѣжалъ по берегу Волги. Тутъ онъ встрѣтилъ астронома Ловица и спросилъ, что онъ за человѣкъ. Услыша, что Ловицъ наблюдалъ теченіе свѣтилъ небесныхъ, онъ велѣлъ его повѣсить *поближе къ звѣздамъ*. Адъюнктъ Иноходцевъ, бывшій тутъ-же, успѣлъ убѣжать.

Пугачевъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлыя сутки, скрываясь въ своемъ шатрѣ съ двумя наложницами. Семейство его находилось тутъ-же. Онъ пустился внизъ къ Черному Яру. Михельсонъ шелъ по его пятамъ. Наконецъ 25-го на разсвѣтѣ онъ настигнулъ Пугачева въ ста пяти верстахъ отъ Царицына.

Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ противъ мятежниковъ. Утромъ Пугачевъ опять увидѣлъ передъ собою своего грознаго гонителя, но не смутился, а смѣло пошелъ на Михельсона, отрядивъ свою пѣшую сволочь противъ донскихъ и чугуевскихъ казаковъ, стоящихъ по обоимъ крыламъ отряда. Сраженіе продолжалось недолго. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разстроили мятежниковъ. Михельсонъ на нихъ ударилъ. Они бѣжали, бросая пушки и весь обозъ. Пугачевъ, переправясь черезъ мостъ, напрасно старался ихъ остановить; онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ ними. Ихъ били и преслѣдовали сорокъ верстъ. Пугачевъ потерялъ до четырехъ тысячъ убитыми и до семи тысячъ взятыми въ плѣнъ. Остальные разсѣялись. Пугачевъ въ семидесяти верстахъ отъ мѣста сраженія переплылъ Волгу выше Черноярска на четырехъ лодкахъ и ушелъ на луговую сторону не болѣе, какъ съ тридцатью казаками. Преслѣдовавшая его конница опоздала четвертью часа. Бѣглецы, не успѣвшіе переправиться на лодкахъ, бросились вплавь и перетонули.

Это пораженіе было послѣднимъ и рѣшительнымъ. Графъ Панинъ, прибывшій въ то время въ Керенскъ, послалъ въ Петербургъ радостное извѣстіе, отдавъ въ донесеніи своемъ полную справедливость быстротѣ, искусству

и храбрости Михельсона. Между тѣмъ новое, важное лицо является на сценѣ дѣйствія: Суворовъ прибылъ въ Царицынъ.

Еще при жизни Бибикова государственная коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи; но графъ Румянцевъ не пустилъ его, чтобы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи-же войны Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву къ князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ препорученій. Онъ свидѣлся съ графомъ Панинымъ въ его деревнѣ и явился въ отрядѣ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ графа Панина предписаніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ подъ видомъ наказанія пятьдесятъ паръ воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью—по звѣздамъ.

Пугачевъ скитался по той-же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также перешедшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими калмыками рыскалъ по степи; разъѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова и отъ Чернаго до Краснаго Яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его правительству.

Пугачевъ хотѣлъ идти къ Каспійскому морю, надѣясь какъ-нибудь пробраться въ киргизъ-кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились, но сказавъ, что хотятъ взять съ собой женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14-го сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не соглашавшіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать идти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ и что уже ему пора ѣхать за ними. «Что-же?» сказалъ Пугачевъ: «вы хотите измѣнить своему государю?»—«Что дѣлать!» отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. «Я давно видѣлъ вашу измѣну, сказалъ Пугачевъ и, подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: «вяжи!» Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. «Развѣ я разбойникъ?» говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ местью великаго князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ саблю и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были къ нимъ навстрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли въ городъ, прямо къ гвардіи капитанъ-поручику Маврину, члену слѣдственной коммиссіи.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. «Богу было угодно, сказалъ онъ: наказать Россію черезъ мое окаянство».—Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ. Мавринъ вывелъ Пугачева и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать и сказалъ: «вы погубили меня: вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго великаго государя; я долго отрицался, а когда я согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы-же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей волѣ». Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда-же. Ночью сбился онъ съ дороги и нашелъ на огни, разложенные въ степи ворующими киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и погналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ и между ними своего адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкій городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ и

повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхалъ и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телѣгѣ. Сильный отрядъ при двухъ пушкахъ окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (въ ста сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ ихъ самъ караулилъ. Въ Коспорьѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ октября.

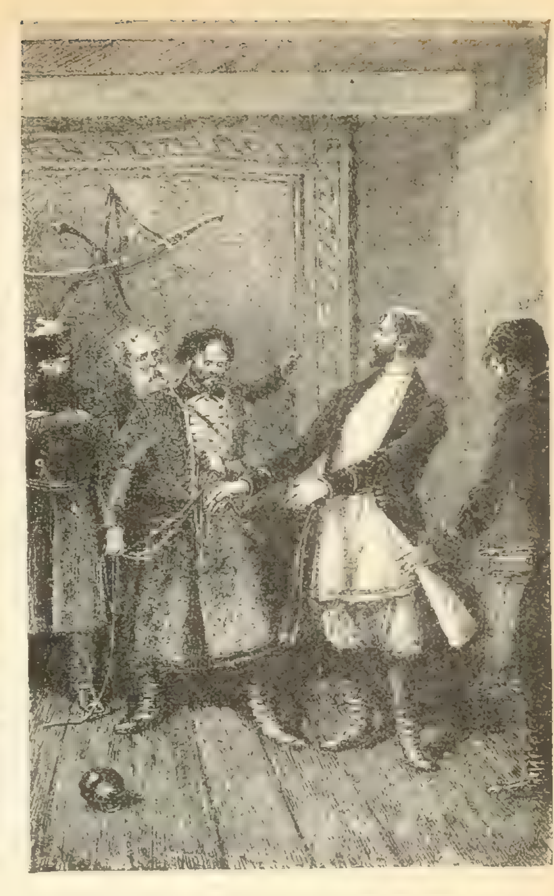
Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. «Кто ты таковъ?» спросилъ онъ у самозванца.—Е м е л ь я н ъ И в а н о в ъ П у г а ч е в ъ, отвѣчалъ тотъ. «Какъ-же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ?» продолжалъ Панинъ.—Я н е в о р о н ъ (возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновенію иносказательно): я в о р о н е н о к ъ, а в о р о н ъ-то еще л е т а е т ъ.—Надобно знать, что яицкіе бунтовщики въ опроверженіе общей молвы распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Панинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣна и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія? Пугачевъ отвѣчалъ: «в и н о в а т ъ п е р е д ъ Б о г о м ъ и г о с у д а р ы н е й, н о б у д у с т а р а т ь с я з а с л у ж и т ь в с ѣ м о и в и н ы». Говоря о своемъ сынѣ, Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ; гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: «помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева». Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиреннымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, любопытные могли видѣть его, прикованнаго къ стѣнѣ и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора. Пугачевъ и Перфильевъ приговорены были къ четвертованію; Чика—къ отсѣченію головы; Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ—къ висѣлицѣ; восемнадцать человѣкъ—къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ на каторжную работу.—Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10-го января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: «везутъ, везутъ!» Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани съ высокимъ амвономъ. На немъ съ открытою головою сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ—его духовникъ. Тутъ-же находился чиновникъ тайной экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ. Очевидецъ (въ то время едва вышедшій изъ отрочества, нынѣ старецъ, увѣнчанный славою поэта и государственнаго мужа) описываетъ слѣдующимъ образомъ кровавое позорище:

«Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ сопровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово н а к а р а у л ъ, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, оберъ-полицмейстеръ спрашивалъ его громко: «ты-ли донской казакъ Емелька Пугачевъ?» Онъ столь-же громко отвѣтствовалъ: «Такъ, государь, я—донской казакъ Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ». Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста, онъ, глядя на соборы, часто крестился, между тѣмъ какъ сподвижникъ его Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочте-

„Ист. Пугач. бунта“. Бошнякъ пробирается сквозь толпы разбойниковъ.



„Ист. Пугач. бунта“. Сообщники Пугачева кидаются на него.

„Ист. Пугач. бунта“. Казнь Пугачева.

Портретъ Пугачева.

нія манифеста духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ: кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: «прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!» При этомъ словѣ экзекуторъ далъ знакъ: палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ, стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ, всплеснувъ руками, повалился навзничь, и вмигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ».

Палачъ имѣлъ тайное повелѣніе сократить мученія преступниковъ. У трупа отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ. Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли и казнили такъ-же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ.... Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ: Чику повезли въ Уфу, гдѣ должна была совершиться его казнь. Тогда начались торговыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому одинъ послѣ другого привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по московскимъ заставамъ и нѣсколько дней послѣ сожжены вмѣстѣ съ тѣлами. Палачи развѣяли пепелъ. Помилованные мятежники были на другой день казней приведены передъ Грановитую палату. Имъ объявили прощеніе и при всемъ народѣ сняли съ нихъ оковы.

Такъ кончился мятежъ, начатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства и поколебавшій государство отъ Сибири до Москвы и отъ Кубани до Муромскихъ лѣсовъ. Совершенное спокойствіе долго еще не водворялось. Панинъ и Суворовъ цѣлый годъ оставались въ усмиренныхъ губерніяхъ, утверждая въ нихъ ослабленное правленіе, возобновляя города и крѣпости и искореняя послѣднія отрасли пресѣченнаго бунта. Въ концѣ 1775 года обнародовано было общее прощеніе и повелѣно все дѣло предать вѣчному забвенію. Екатерина, желая истребить воспоминаніе объ ужасной эпохѣ, уничтожила древнее названіе рѣки, которой берега были первыми свидѣтелями возмущенія. Яицкіе казаки переименованы были въ уральскіе, а городокъ ихъ назвался этимъ-же именемъ. Но слѣды страшнаго бунтовщика сохранились еще въ краяхъ, гдѣ онъ свирѣпствовалъ. Народъ живо еще помнитъ кровавую пору, которую такъ выразительно прозвалъ онъ Пугачевщиною.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ „ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА“.

1. Полевыя команды состояли изъ 500 человѣкъ пѣхоты, конницы и артиллерійскихъ служителей. Въ 1775 году онѣ замѣнены были губернскими батальонами.

2. Уметъ — постоялый дворъ.

3. Форпостъ Будоринскій въ 79 верстахъ отъ Яицкаго городка.

4. Илецкій городокъ въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка и въ 124 отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ.

5. Крѣпость Разсыпная, выстроенная при томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно перебирались киргизы въ бродъ черезъ Яикъ. Она находится въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка и въ 101 отъ Оренбурга.

6. Въ 1773 году Оренбургская губернія раздѣлялась на четыре провинціи: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую, и сверхъ того еще на восемь линейныхъ дистанцій (рядъ крѣпостей, выстроенныхъ по рѣкамъ Волгѣ, Самарѣ, Яику, Сакмарѣ и Ую); эти дистанціи находились подъ вѣдомствомъ военныхъ начальниковъ, пользовавшихся правами провинціальныхъ воеводъ.

7. Ставропольская канцелярія вѣдала дѣло крещеныхъ калмыковъ, поселенныхъ въ Оренбургской губерніи.

8. Нижне-Озерная находится въ 19 верстахъ отъ Разсыпной и въ 82 отъ Оренбурга. Она выстроена на высокомъ берегу Яика.

9. Крѣпость Татищева находится при устьѣ рѣки Камыгъ-Самары, въ 28 верстахъ отъ Нижне-Озерной и въ 54 отъ Оренбурга.

10. Чернорѣченская въ 36 верстахъ отъ Татищевой и въ 18 отъ Оренбурга.

11. Сакмарскій городокъ, при рѣкѣ Сакмарѣ, въ 29 верст. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ.

12. Биловъ выступилъ изъ Оренбурга 21 сент. Въ этотъ день губернаторъ давалъ у себя балъ. Вѣсть о Пугачевѣ разошлась на балѣ.

13. Мѣновой дворъ, на которомъ все лѣто до самой осени производятся торгъ и мѣна съ азіатскими народами, построенъ на степной сторонѣ рѣки Яика, въ виду изъ города, разстояніемъ отъ берега версты съ двѣ; ближе строить его было невозможно, потому-что прилегло все мѣсто низменное и водопоемное. Въ немъ находится пограничная таможня; лавокъ вокругъ всего двора 246, да амбаровъ 140. Внутри-же построенъ дворъ для азіатскихъ купцовъ съ 98 лавками и 8 амбарами. Въ 1762 году полавочныхъ денегъ взималось 4,851 руб. Мѣновой дворъ укрѣпленъ батареями. (Топографія Оренбургской губерніи).

14. Бердская казачья слобода, при рѣкѣ Сакмарѣ. Она обнесена была оплотомъ и рогатками. По угламъ были батареи. Дворовъ въ ней было до двухсотъ. Жалованныхъ казаковъ считалось до ста. Они имѣли своего атамана и особыхъ старшинъ.

15. Деревня Юзеева въ 120 вер. отъ Оренбурга.

16. То есть депутатъ въ коммиссіи составленія новаго уложенія.

17. Орская крѣпость на степной сторонѣ рѣки Яика, въ двухъ верстахъ отъ рѣки Ори, выстроена въ 1735 году подъ названіемъ Оренбурга. Она имѣла изрядныя земляныя укрѣпленія. Въ ней всегда находился командиръ Орской дистанціи и двойное число гарнизона, по причинѣ близъ-кочующихъ ордъ.

18. Монахиня Евпраксія Кириловна, бабка Александра Ильича. Онъ ею былъ воспитанъ; въ семействѣ своемъ почиталась она праведною.

19. Крещеные калмыки, поселенные въ Оренбургской губерніи, раздѣлялись на оренбургскихъ и ставропольскихъ.

20. Бунтовавшіе башкирцы жестоко усмирены были генералъ-лейтенантомъ княземъ Урусовымъ, прозваннымъ, какъ Силла, счастливымъ, ибо все ему удавалось. Казни, произведенныя въ Башкиріи генераломъ княземъ Урусовымъ, невѣроятны Около 130 человѣкъ были умерщвлены посреди всевозможныхъ мученій. «Остальныхъ, человѣкъ до тысячи (пишетъ Рычковъ), простили, отрѣзавъ имъ носы и уши» Многіе изъ этихъ прощеныхъ должны были быть живы во время Пугачевскаго бунта.

21. Илецкая защита находится отъ Оренбурга въ 62 верстахъ, въ степи, за рѣкою Ураломъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ добывается славная илецкая соль.

22. Тоцкая крѣпость, при устьѣ рѣки Сороки, въ 206 верстахъ отъ Оренбурга. Выстроена при Кириловѣ, въ 1736 году. Сорочинская крѣпость, главная на Самарской дистанціи, въ 176 верстахъ отъ Оренбурга и въ 30 отъ Тоцкой

23. Крѣпость Новосергіевская отъ Сорочинской въ 40, а отъ Оренбурга въ 136 верстахъ.

24 Переволоцкая, большою дорогою въ 78 верстахъ отъ Оренбурга, а прямо степью — въ 60.

25. Слобода Сеитовская (она-же и Каргалинская), часто упоминаемая въ этой Исторіи, находится въ 20-ти верстахъ отъ Берды, а отъ Оренбурга въ 18-ти. Названа по имени казанскаго татарина Сеита-Хаялина, перваго, явившагося въ оренбургскую канцелярію съ просьбою объ отводѣ земель подъ поселеніе. Въ Сеитовской слободѣ числилось до 1,200 душъ, состоящихъ на особыхъ правахъ.

26. Въ Озерной старая казачка каждый день бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ берегу плывущіе трупы и приговаривая: «Не ты-ли, мое дѣтище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черны кудри свѣжа вода моетъ?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала трупъ.

27. Троицко-Саткинскій заводъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ Оренбургской губерніи, на рѣчкѣ Саткѣ, въ 254 верстахъ отъ Уфы.

28. Зелаирская крѣпость находится въ самомъ центрѣ Башкиріи, въ 229 верстахъ отъ Оренбурга. Она выстроена въ 1755 году, послѣ послѣдняго Башкирскаго бунта (передъ Пугачевскимъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ родился въ Москвѣ въ 7180 году мая 30-го (1672).

Рожденіе царевича праздновали трехдневнымъ торжествомъ при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь, въ знакъ своей радости, даровалъ прощеніе осужденнымъ на смерть, возвратилъ изъ ссылки преступниковъ, роздалъ богатую милостыню, простилъ народу долги и недоимки, искупилъ невольниковъ, заключенныхъ за долги.

Царевичъ былъ окрещенъ іюня 29, въ субботу, на праздникъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, въ Чудовомъ монастырѣ, отъ патріарха Іоакима. Воспріемниками были братъ его царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ и тетка его царевна Ирина Михайловна. Разсказываютъ, будто-бы на третьемъ году его возраста, когда, въ день именинъ его, между прочими подарками, одинъ купецъ подалъ ему дѣтскую саблю, Петръ такъ ей обрадовался, что, оставя всѣ прочіе подарки, не хотѣлъ съ нею даже разставаться ни днемъ, ни ночью. Къ купцу-же пошелъ на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что его не забудетъ. Царь пожаловалъ купца гостемъ, а Петра, при прочтеніи молитвы духовникомъ, самъ тою саблею опоясалъ. При семъ случаѣ были заведены потѣшные. Передъ своею кончиною царь назначилъ приставниками къ царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при немъ окольничихъ к. Петра Ивановича Прозоровскаго, Θеодора Алексѣевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексѣй Михайловичъ скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ.

Царь Θеодоръ Алексѣевичъ оставилъ при вдовствующей царицѣ весь ея штатъ. Въ 1677 г. она имѣла при себѣ 102 стольниковъ. Потѣшные, большею частью, были дѣти ихъ. Петръ началъ учиться грамотѣ 12-го марта 1677 г., по благословенію святѣйшаго патріарха. Учителемъ его былъ челобитнаго приказа дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, бывшій знакомый боярину Θ. Соковнину, который и привелъ его во дворецъ ко вдовствующей царицѣ Зотовъ по утрамъ обучалъ царевича грамотѣ и закону, а послѣ обѣда разсказывалъ ему россійскую исторію. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главныя черты изъ исторіи, главные европейскіе города, зданія, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также къ царевичу — Лефортъ и Тиммерманъ — учили его геометріи и фортификаціи.

Милославскіе во время царствованія Θеодора утѣсняли Нарышкиныхъ — изъ нихъ ни одинъ не былъ произведенъ въ большіе чины. Дѣдъ царевича, Кириллъ Полуехтовичъ, опредѣленный Алексѣемъ Михайловичемъ главнымъ судьею въ приказѣ большого дворца, былъ отставленъ.

Бояринъ Иванъ Максимовичъ Языковъ предложилъ однажды вдовствующей царицѣ, подъ предлогомъ тѣсноты, перебраться въ другой дворецъ, отдаленный отъ царскаго дворца. Царица не захотѣла и подослала Петра съ своимъ учителемъ къ царю Θеодору. Петръ поцѣловалъ его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя съ царевичемъ Димитріемъ, а боярина съ Годуновымъ. Царь извинился передъ Натальей Кирилловной и отдалъ ей Языкова головою. Языковъ былъ на время отдаленъ.

Царица жила обыкновенно въ Потѣшномъ дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, отчего и Петръ его предпочиталъ.

15 августа 1680 г. Зотовъ былъ отъ него

удаленъ по навѣтамъ. Онъ былъ посланъ съ полковникомъ стрѣлецкимъ, стольникомъ Василіемъ Тяпкинымъ, въ Крымъ, для заключенія мирнаго договора на 20 лѣтъ, что̀ и случилось 15 января 1681 года. Зотовъ воротился 8 іюня. Неизвѣстно, продолжалъ-ли онъ учить царевича.

Страленбергъ и «Рукопись о зачатіи» повѣствуютъ, что царица, ѣдучи однажды весною въ одинъ монастырь, при переправѣ черезъ разлившійся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшаго у ней на рукахъ. Петръ до четырнадцати лѣтъ боялся воды. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, его оберъ-гофмейстеръ, излечилъ его. Миллеръ тому не вѣритъ.

Когда слабому здравіемъ Θеодору совѣтовали вступить во второй бракъ, тогда отвѣтствовалъ онъ: «Отецъ мой имѣлъ намѣреніе нарещи на престолъ брата моего, царевича Петра, то-же сдѣлать намѣренъ и я». Сказываютъ, что Θеодоръ то-же говорилъ и Языкову, который ему сперва противорѣчилъ и наконецъ отвратилъ разговоръ въ другую сторону и уговорилъ его на второй бракъ. Въ самомъ дѣлѣ, 1682 года февраля 16-го Θеодоръ женился на Марѳѣ Матвѣевнѣ Апраксиной, но въ тотъ-же годъ апрѣля 27 скончался, наименовавъ Петра въ преемники престола (въ чемъ не согласенъ Миллеръ. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 20). Царевичу Іоанну было шестнадцать лѣтъ, а Петру десять лѣтъ.

О избраніи см. Оп. Тр. Ак. Ч. V, стр. 123.

Всѣ государственные чины собрались передъ дворцомъ. Патріархъ съ духовенствомъ предложилъ имъ избраніе, и стольники, и стряпчіе, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дѣти боярскія, и гости, и гостиной и черныхъ сотенъ и иныхъ именъ люди единогласно избрали царемъ Петра.

Патріархъ говорилъ потомъ боярамъ и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и они были того-же мнѣнія.

Петръ избранъ былъ 10 мая 1682 года, и въ тотъ-же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрезъ три недѣли все рушилось. Бояринъ Милославскій и царевна Софія произвели возмущеніе. Планъ ихъ былъ:

1) Истребить приверженцевъ Петра.
2) Возвести царемъ Іоанна.
3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароковъ и князь Хилковъ утверждаютъ, что Милославскій удержалъ стрѣльцовъ отъ присяги. Голиковъ, дабы согласить ихъ съ лѣтописью, говоритъ: многихъ стрѣльцовъ.

Главные сообщники Милославскаго были: племянникъ его Александръ Щегловитый, Цыклеръ, Иванъ и Петръ Толстые, Озеровъ, Санбуловъ и главные изъ стрѣлецкихъ начальниковъ: Петровъ, Чермновъ, Озеровъ и проч. Сумароковъ въ числѣ приверженцевъ Софіи именуетъ и Іоакима.

Санбуловъ началъ возмущеніе. Онъ закричалъ въ толпѣ стрѣльцовъ, что бояре отняли престолъ у законнаго царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александръ Милославскій и Петръ Толстой разсѣяли слухи, что Іоаннъ уже убитъ, и роздали стрѣльцамъ письменный списокъ мнимымъ убійцамъ, приверженцамъ царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрѣльцы, отпѣвъ въ Знаменскомъ монастырѣ молебенъ съ водосвятіемъ, берутъ чашу святой воды и образъ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольномъ звонѣ и барабанномъ боѣ, вторгаются въ Кремль.

Дѣда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазахъ изрубили.

Убиты въ этотъ день: братья Натальи Кирилловны, Иванъ и Аѳанасій, князья Михайло Алегумовичъ Черкасскій, Долгорукіе — Юрій Алексѣевичъ и сынъ его Михайло, Ромодановскіе — Григорій и Андрей Григорьевичи, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, Салтыковы — бояринъ Петръ Михайловичъ и сынъ его стольникъ Θеодоръ, Иванъ Максимовичъ Языковъ (?), стольникъ Василій Ивановъ, думные люди Иванъ и Аверкій Кирилловы, Иларіонъ Ивановъ съ сыномъ, подполковники: Горюшкинъ, Юреневъ, Даниловъ и Яновъ; медики: Ф. Гаденъ и Гутменшъ. Стрѣльцы, разбивъ холопій приказъ, разломали сундуки, разорвали крѣпости и провозгласили свободу господскимъ людямъ. Но дворовые къ нимъ не пристали.

Мая 18. Стрѣльцы вручили царевнѣ Софіи правленіе, потомъ возвели въ соцарствіе Петру брата его, Іоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоихъ братьевъ. Софія уже черезъ два года приняла титло самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всѣхъ дѣлахъ послѣ обоихъ царей. Др. Вивл. Ч. VII, ст. 400.

Стрѣльцы получили денежныя награжденія, право имѣть выборныхъ, имѣющихъ свободный въѣздъ къ великимъ государямъ, позволеніе воздвигнуть памятникъ на Красной площади, похвальныя грамоты за государственными печатями, переименованіе изъ стрѣльцовъ въ надворную пѣхоту. Выборные несли эти грамоты на головѣ до своихъ съѣзжихъ избъ, и полки встрѣтили ихъ съ колокольнымъ звономъ, барабаннымъ боемъ и съ восхищеніемъ. Сухаревъ полкъ одинъ не принялъ участія въ бунтѣ.

Царевна поручила стрѣлецкій приказъ боярамъ князьямъ Хованскимъ — Ивану Андреевичу и сыну его Θеодору, любящимъ стрѣльцовъ и тайнымъ раскольникамъ аввакумовской и никитской ереси.

Вскорѣ послѣ того (?) стрѣльцы подъ пред-

водительствомъ разстриги попа Никиты производятъ новый мятежъ, вторгаются въ соборную церковь во время служенія, изгоняютъ патріарха и духовенство, которое скрывается въ Грановитую палату. Старый Хованскій представляетъ патріарху и царямъ требованія мятежниковъ о словопреніи съ Никитой. Стрѣльцы входятъ съ налоемъ и свѣчами и съ каменьями за пазухой, подаютъ царямъ челобитную. Начинается словопреніе. Патріархъ и холмогорскій архіепископъ Аѳанасій (бывшій нѣкогда раскольникомъ) вступаютъ въ теологическій споръ. Настаетъ шумъ, летятъ каменья (сказка о Петрѣ, будто-бы усмирившемъ смятеніе). Бояре, при помощи стрѣльцовъ-нераскольниковъ, изгоняютъ наконецъ бѣшеныхъ теологовъ. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го іюня. Царица Наталья Кирилловна, по свидѣтельству венеціанскаго историка, удалилась съ обоими царями въ Троицкій монастырь.—Послѣ того Петръ удалился въ село Преображенское и тамъ умножаетъ число потѣшныхъ (вѣроятно, безъ разбору: отсюда товарищество его съ людьми низкаго происхожденія). Старый Хованскій угождалъ всячески стрѣльцамъ. Онъ роздалъ имъ имѣніе побитыхъ бояръ. Принималъ отъ нихъ жалобы и доносы на мнимыя взятки и удержаніе п о м о ж н ы х ъ денегъ. Хованскіе взыскивали, не принимая оправданія и не слушая отвѣтчиковъ.

Софія возвела любимца своего князя Голицына на степень великаго канцлера. Онъ заключилъ съ Карломъ XI (1683) миръ, на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ былъ онъ заключенъ двадцать лѣтъ прежде. Россія была въ миру со всѣми державами, кромѣ Китая, съ которымъ были неважныя ссоры за городъ Албазинъ при рѣкѣ Амурѣ.

Бояре, приверженные къ Петру, назначили ему въ оберъ-гофмейстеры князя Бориса Алексѣевича Голицына. Онъ овладѣлъ довѣренностью молодого царя и дѣлалъ перевѣсъ на его сторону. Многіе бояре, а особливо дѣти ихъ, перешли на сторону Петра.

Царевна въ это время женила брата своего Іоанна на Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двѣнадцатому году, дана была полная свобода. Онъ подружился съ иностранцами. Женевецъ Лефортъ (23 [?] годами старше его) научилъ его гол. (?) языку. Онъ одѣлъ потѣшную роту по-нѣмецки. Петръ былъ въ ней барабанщикомъ и за отличіе произведенъ въ сержанты. Такъ начался важный переворотъ, впослѣдствіи имъ совершенный: истребленіе дворянства и введеніе чиновъ. Въ это время князь Василій Голицынъ, бывшій главнымъ въ коммиссіи о разобраніи дворянскихъ родовъ и о составленіи родословной книги, думалъ возобновить мѣстничество, уничтоженное царемъ Ѳеодоромъ въ 1681 году. Коммиссія была учреждена подъ начальствомъ боярина князя Владиміра Дмитріевича Долгорукова и окольничаго Чаадаева.

Бояре съ неудовольствіемъ смотрѣли на потѣхи Петра и предвидѣли нововведенія. По ихъ наущенію сама царица и патріархъ увѣщевали молодого царя оставить упражненія, неприличныя сану его. Петръ отвѣчалъ съ досадою, что во всей Европѣ царскія дѣти такъ воспитаны, что и такъ много времени тратитъ онъ въ пустыхъ забавахъ, въ которыхъ ему однако-жъ никто не мѣшаетъ, и что оставить свои занятія онъ не намѣренъ. Бояре хотѣли внушить ему любовь къ другимъ забавамъ и пригласили его на охоту. Петръ, самъ-ли отъ себя или по совѣту своихъ любимцевъ, но вздумалъ пошутить надъ ними: онъ притворно согласился; назначилъ охоту, но пріѣхавъ, объявилъ, что съ холопами тѣшиться не намѣренъ, а хочетъ, чтобъ въ царскомъ увеселеніи участвовали одни господа. Псари отъѣхали, отдавъ псовъ въ распоряженіе господъ, которые не умѣли съ ними справиться. Произошло разстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, сѣдоки падали, собаки тянули снуры, надѣтые на руки неопытныхъ охотниковъ. Петръ былъ чрезвычайно доволенъ—и на другой день, когда на приглашеніе его ѣхать на соколиную охоту господа отказались, онъ сказалъ имъ: «знайте, что царю подобаетъ быть воиномъ, а охота есть занятіе холопское».

Въ день Преполовенья (того-жъ 1684 г.) оба царя были на крестномъ ходу по городской стѣнѣ и потомъ обѣдали у патріарха. Петръ разспрашивалъ патріарха объ установленіи этого хода и о другихъ церковныхъ обрядахъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ онъ съ боярами на пушечный дворъ и повелѣлъ бомбами и ядрами стрѣлять въ цѣль. Онъ самъ, не смотря на представленія бояръ, запалилъ пушку — и узнавъ, что поручикъ Францъ Тимерманъ хорошо знаетъ артиллерійскую науку, повелѣлъ прислать его къ себѣ и уѣхалъ въ Преображенское.

На другой день Тимерманъ былъ ему представленъ. Петръ взялъ его къ себѣ въ учителя—велѣлъ отвести ему комнату подлѣ своей, и съ той поры по нѣскольку часовъ въ день обучался геометріи и фортификаціи. Онъ въ рощахъ Преображенскаго, на берегу Яузы, повелѣлъ выстроить правильную маленькую крѣпость, самъ работалъ, помогалъ Тимерману разставлять пушки и назвалъ крѣпость Пресбургомъ. Онъ самъ ее атаковалъ и взялъ приступомъ. Потомъ въ присутствіи бояръ сдѣлалъ ученье стрѣлецкому Тарбѣева полку. Онъ осуждалъ многое въ артикулѣ царя Алексѣя Михайловича (см. Т. I, стр. 179). Въ доказа-

тельство, онъ одному капральству велѣлъ выстроиться и самъ скомандовалъ по своему. Съ той поры старый артикулъ былъ имъ отмѣненъ и новый введенъ въ употребленіе.

(Крекшинъ).

Миллеръ относитъ учрежденіе потѣшнаго войска къ 1687 году, потому что въ разрядныхъ книгахъ продолжительное пребываніе царя въ Преображенскомъ начинается съ того года. Но наборы начались уже въ 84. Записныя книги доказываютъ, что въ 87 увеличилось число потѣшныхъ, ибо царь уже началъ набирать изъ придворныхъ и конюшенныхъ служителей, и вскорѣ ихъ прибавилось такъ много, что уже должно было часть ихъ поселить въ селѣ Семеновскомъ. Отсюда Сем. и Преобр. Петръ изъ Бутырскаго полка взялъ пятнадцать барабанщиковъ (въ 1687 г.). Лефортъ (въ томъ-же году) произведенъ въ полковники. Учреждена конница. Оп. Тр. Ч. IV «о началѣ гвардіи». Петръ, находясь однажды на сокольничьемъ дворѣ, узналъ, что всѣхъ охотниковъ до трехсотъ человѣкъ. Съ согласія брата, взялъ изъ нихъ молодыхъ въ потѣшные.

1684 г. мая 14-го. Посольство отъ цезаря Леопольда.

Цѣлью его было склонить Россію на войну съ Турціей. Отвѣчали, что заключеннаго царемъ Ѳеодоромъ двадцатилѣтняго мира нельзя нарушить, и что Россія ничего не можетъ предпринять, пока Польша не отречется отъ своихъ притязаній на Смоленскъ, Кіевъ и всю Украйну и не заключитъ вѣчнаго мира.

1684 г. іюня 1-го и 2-го Петръ осматривалъ патріаршую библіотеку, Найдя ее въ большомъ безпорядкѣ, онъ прогнѣвался на патріарха и вышелъ отъ него, не сказавъ ему ни слова.

Патріархъ прибѣгнулъ къ посредничеству царя Іоанна. Петръ повелѣлъ библіотеку привести въ порядокъ и отдалъ ее, сдѣлавъ ей опись, на храненіе Зотову, за царской печатью.

Стрѣльцы между тѣмъ продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника А. Ѳ. Барсукова и солдатскаго полковника Мат. Кравкова, мучили ихъ на правежѣ за мнимые долги и домы ихъ разорили. Своего заслуженнаго полковника Янова, негодуя на его строгость, они съ похода вытребовали въ Москву и казнили. У Хованскихъ съ Милославскимъ завязалась ссора. Милославскій принужденъ былъ скрываться по своимъ деревнямъ и оттуда посылать царямъ и правительницѣ доносы на Хованскихъ, обвиняя ихъ въ потворствѣ стрѣльцамъ, у которыхъ, говорилъ онъ, готовится новый бунтъ противъ обоихъ царей, патріарха и ближнихъ бояръ. Онъ доноситъ, что Ѳ. Хованскій, хвастая своею породою, происшедшей отъ королей польскихъ Ягелловъ, похваляется бракомъ сочетаться съ царевной Екатериной Алексѣевной. Правительница повѣрила Милославскому. Государи укрылись въ с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое къ дворцовымъ дверямъ письмо, въ которомъ объявлено было намѣреніе Хованскихъ истребить весь царскій домъ и овладѣть государствомъ. Государи уѣхали въ Саввинъ монастырь—послали оттуда грамоты въ Москву и во всѣ города, повелѣвая войску и пахатнымъ людямъ (и всякаго званія) быть какъ можно скорѣе въ село Воздвиженское, куда они и отправились. Все это сдѣлано было въ величайшей тайнѣ. Хованскому послана была особая похвальная грамота, въ которой повелѣвалось ему и сыну немедленно для нужныхъ совѣтовъ отправиться къ государямъ (куда?). Ѳеофанъ говоритъ, что Хованскій не хотѣлъ прежде этого отлучиться отъ стрѣльцовъ, подозрѣвая недоброжелательство двора. 17 сентября (въ день св. Софіи) бояринъ кн. Мих. Иван. Лыковъ схватилъ стараго Хованскаго на дорогѣ въ селѣ Пушкинѣ и сына его на рѣкѣ Клязьмѣ въ его отчинѣ и привелъ обоихъ въ оковахъ въ село Воздвиженское, гдѣ, прочтя имъ указъ, безъ всякаго слѣдствія, имъ и стрѣльцамъ Одинцову съ товарищами отрубили головы.

Между тѣмъ оба царя прибыли въ Троицкій монастырь. Туда собралось и множество войскъ изо всѣхъ городовъ (иные говорятъ до 30, а другіе до 100.000). Данъ указъ боярину к. Петру Семеновичу Урусову идти съ замосковскими городовыми дворянами въ Переяславль-Залѣсскій. Бояр. Алексѣю Сем. Шеину съ коломенскими, рязанскими, путивльскими и каширскими дворянами—въ Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову съ серпуховскими, алексинскими, тарузскими, одоевскими и калужскими—въ Серпуховъ; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сынъ Хованскаго, комнатный стольникъ царя Петра, прибѣжалъ въ Москву и объявилъ стрѣльцамъ о казняхъ воздвиженскихъ; стрѣльцы взбунтовались. Они овладѣли царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрѣпились въ Москвѣ, разставили всюду караулы и никого не стали пускать ни въ городъ, ни вонъ изъ города. Они громко грозились пойти къ Троицѣ. Извѣстясь о томъ, дворъ укрѣпился въ монастырѣ. Въ это самое время, пишутъ лѣтописцы, дана Петру отрава, отъ которой страдалъ онъ цѣлую жизнь. Царевна не знала, что дѣлать. По совѣту Голицына, она думала употребить противъ стрѣльцовъ поселенный въ особой слободѣ (при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ) иностранный полкъ и послала офицеровъ этого полка въ монастырь для полученія о томъ указа отъ государей.

18 сентября изъ Троицы прибылъ къ патріарху стольникъ Зиновьевъ съ грамотою о ви-

нахъ и казняхъ Хованскихъ. Стрѣльцы потребовали, чтобъ грамота была имъ прочтена, и чуть было не убили Зиновьева, крича: «пойдемъ къ Троицѣ и всѣхъ побьемъ». Услышавъ однако, что государи повелѣваютъ забрать и другихъ князей Хованскихъ, именно: двухъ Петровъ и Ивана, да спальниковъ Ѳеодора и Ивана, чтобы, снявъ съ нихъ боярство и дворянство, сослать —пришли въ робость. И бояринъ Михайло Петр. Головинъ, прибывшій изъ Троицы для принятія Москвы въ свое вѣдѣніе, успѣлъ ихъ укротить. Патріархъ, по просьбѣ ихъ, за нихъ заступился. Имъ прислано было повелѣніе выдать зачинщиковъ бунта. Они ихъ перехватали и сверхъ того отрядили изъ всѣхъ полковъ для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третій—топоръ. Милославскій остановилъ слѣдствіе и судъ. Государи простили виновниковъ. Хованскаго привели въ монастырь. Онъ сосланъ былъ въ Сибирь и 30 человѣкъ казнены.

Началась реакція. Головинъ собралъ проданные стрѣльцами пожитки бояръ, убитыхъ въ первомъ бунтѣ, и возвратилъ ихъ наслѣдникамъ.

Государи наградили войско и чиновниковъ за ихъ вѣрность и усердіе.

Передъ выѣздомъ повелѣно всѣмъ, кромѣ стрѣльцовъ, быть вооруженными. Государи остановились въ с. Алексѣевскомъ. Стрѣльцы прибѣгнули опять къ патріарху, и онъ съ выборными пріѣхалъ умолять государей. Выборные просили позволенія сломать столбъ и возвратить жалованныя грамоты.

Тогда дворъ поднялся въ Москву. Отъ самаго села до Москвы стрѣльцы стояли по обѣимъ сторонамъ дороги, падая ницъ передъ государями—Іоаннъ оказывалъ тупое равнодушіе; но Петръ быстро смотрѣлъ на всѣ стороны, выказывая живое любопытство. У самой Москвы стрѣлецкіе начальники поднесли государямъ хлѣбъ-соль и отдали пожалованныя грамоты.

Петръ уѣхалъ въ Преображенское.

Софія-же повелѣла Голицыну произвести новое слѣдствіе. Нѣсколько ихъ были казнены. Четыре полка посланы служить на границахъ. Приближеннымъ своимъ (не изъ знатныхъ) раздала мѣста. Стрѣлецкій приказъ поручила въ вѣдѣніе Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюроднаго брата любимца, пожаловала главнымъ судьей казанскаго дворца.

Китайскій императоръ Канъ-Хій прислалъ государямъ грамоту съ мирными предложеніями. Назначенъ посольскій съѣздъ и главнымъ выбранъ окольничій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Головинъ (Ежемѣс. соч. 1757 г. Ч. II—206).

Во Францію отправленъ посланникомъ стольникъ Степанъ Алмазовъ, съ дьякомъ Дмитріевымъ. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти изъ Россіи хлѣба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрійскій императоръ, не успѣвъ заключить союзъ съ Россіей, обратился къ Собѣскому, который въ 1676 г. принужденъ былъ уступить Каменецъ и заключить съ Портою невыгодный миръ. Негоціи эти имѣли успѣхъ и были весьма выгодны для Россіи, ибо 26 апрѣля 1686 г. Польша утвердила вѣчно за Россіей Смоленскъ, Кіевъ, Новгородъ-Сѣверскъ и всю по этой сторонѣ Днѣпра лежащую Украйну.

По словамъ-же «Поденной записки»: Смол., Кіев. и Сѣверск. Мал. Рос. областей 57 городовъ по Черный лѣсъ и по Черное море.

Россіей заплачено Польшѣ 1.500.000 польскихъ злотыхъ (или 187.500 рублей) и заключенъ въ пользу Австріи оборонительный и наступательный союзъ. Россія обязалась также чрезъ посольство предложить о вступленіи въ этотъ-же союзъ Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи и Даніи.

Миръ этотъ утвержденъ присягою въ Отвѣтной (Посольской палатѣ). Послѣ того послы и бояре вошли въ Грановитую палату, гдѣ сидѣли на тронахъ оба царя, а передъ ними былъ налой съ Евангеліемъ. Дьякъ Емельянъ Украинцевъ привялъ Евангеліе изъ рукъ царскаго духовника, и послы вторично присягнули. Послѣ того оба государя говорили рѣчь и дали обѣщаніе хранить тотъ миръ ненарушимо. Вельможи, заключившіе условія, съ нашей стороны были бояре: князь Вас. Вас. Голицынъ, Бор. Пер. Шереметевъ, Ив. Ив. Бутурлинъ, окольничіе: Скуратовъ и Чаадаевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Голицынъ получилъ золотую чашу вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, да въ Нижн. Новг. волость Богородицкую (3000 дв.).

Вслѣдствіе этого, въ слѣдующемъ 1687 году были отправлены послами: въ Англію—Василій Семеновичъ Подсвинковъ, во Францію и Испанію—стольникъ ближній князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій и стольникъ князь Мышецкій, къ Голландскимъ штатамъ—дьякъ Василій Постниковъ, въ Данію—дьякъ Любимъ Домнинъ, въ Швецію и Бранденбургію—дьякъ Борисъ Протасовъ («Под. записки»). Посольства эти не имѣли успѣха. Папа объявленъ былъ отъ авст. имп. покровителемъ и защитникомъ союза.

Петръ продолжалъ между тѣмъ свои изученія и потѣхи. Одно изъ нихъ происходило на Прѣснѣ, Петръ стрѣлялъ изъ всѣхъ пушекъ.

Петръ занимался строеніемъ крѣпостей и ученіями. Іоаннъ, слабый здравіемъ и духомъ, ни въ какія дѣла не входилъ. Вельможи, страшась отвѣтственности въ послѣдствіи времени, уклонились отъ правленія—и царевна Софія

правила государствомъ самовластно и безъ противорѣчія.

Въ совѣтѣ царскомъ положено было: когда Венеція нападетъ на Морею, поляки—на границы Подоліи, Волыни, а цесарцы въ Венгріи и Трансильваніи вооружатся—тогда намъ идти въ Крымъ. Тутъ-же объявленъ былъ отъ Петра главнокомандующимъ князь Голицынъ. Въ Большомъ полку назначенъ начальникомъ этотъ-же Голицынъ, (?бояр.) князь Константинъ Щербатовъ, окольничій Аггей Шепелевъ и думный дьякъ Украинцевъ. Въ Новгор. полкахъ: бояринъ Алексѣй Шеинъ, окольничій князь Данило Борятинскій. Въ Рязанскомъ разрядѣ: бояринъ князь Влад. Долгорукій, окольничій Петръ Скуратовъ. Въ Сѣвскихъ полкахъ: окольн. Леонт. Неплюевъ. Въ Низовыхъ полкахъ: стольникъ Ив. Леонтьевъ и Вас. Дмитріевъ Мамоновъ (кн. ?). Въ Бѣлогородскихъ: бояр. Борисъ Шереметевъ и малороссійскій гетманъ Ив. Самойловичъ. Генералу Гордону (подъ нач. Голицына) порученъ былъ отъ Петра особый отрядъ (сколько?), изъ лучшаго войска состоявшій. Государь осмотрѣлъ его самъ и изъявилъ Гордону свое благоволеніе. Армія состояла (по мнѣнію нѣк.) изъ 400.000 (а по свидѣтельству двухъ лѣтописей, извѣстныхъ Голикову изъ 200.000).

Крымскій походъ былъ безполезенъ для Россіи. Войско возвратилось ни съ чѣмъ, ибо степи на двѣсти верстъ были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича въ тайномъ согласіи съ татарами. Онъ былъ лишенъ гетманства и сосланъ съ сыномъ своимъ сперва въ Нижній, а потомъ въ Сибирь. Старшій сынъ его казненъ въ Сѣвскѣ за возмущеніе. Генеральный есаулъ (?) Ив. Мазепа избранъ мал. гетманомъ (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всѣхъ начальниковъ и даже простыхъ воиновъ. Первый получилъ 1000 дворовъ крестьянъ и золотую братину; всѣ офицеры получили золотыя медали (каждая была въ 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали: старые—по золотой, молодые—по вызолоченой.

Этотъ походъ принесъ большую пользу Австріи, ибо разрушилъ союзъ, заключенный въ Адріанополѣ между крымскимъ ханомъ, французскимъ посломъ и славнымъ трансильванскимъ принцемъ Текели. По этому союзу ханъ долженъ былъ дать 30.000 войска въ помощь верховному визирю при вступленіи его въ Венгрію; самъ-же ханъ съ такимъ-же числомъ долженъ былъ вмѣстѣ съ Текели напасть на Трансильванію. Франція обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусныхъ офицеровъ.

Въ лѣтописи. Исторіи царя Михайла Феодоровича и его преемниковъ сказано, что Петръ былъ недоволенъ походомъ и упрекалъ князя Голицына въ томъ, что онъ только что раздражилъ татаръ, а отступленіемъ обнажилъ границы. Тогда повелѣно тремъ полкамъ (30,000) стать по Бѣлогородской чертѣ, подъ начальствомъ боярина князя Михаила Ромодановскаго и думнаго дьяка Авраама Хитрово.

Между тѣмъ (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но какъ Польша не воспользовалась внутренними смятеніями для начатія войны, то и Россія оставалась въ покоѣ.

Ханъ собралъ межъ тѣмъ войско съ намѣреніемъ вторгнуться въ Россію. 25 января 1689 года въ царскомъ совѣтѣ положено его предупредить. Князь Голицынъ опять выступилъ въ походъ, и при впаденіи Самары въ Днѣпръ заложилъ крѣпость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петръ въ этотъ походъ посылалъ своего любимца Лефорта, « дабы, говоритъ Голиковъ, вѣдать поведеніе начальниковъ». Передъ его отъѣздомъ взялъ онъ себѣ въ лакеи (несправедливо) Меншикова и записалъ въ потѣшные (см. Гол. часть 1, стран. 205).

Супруга царя Іоанна сдѣлалась беременна; это побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенныхъ бояръ склонить и Петра къ избранію себѣ супруги. Петръ 27 янв. (по др. 17) 1689 г. женился на Евдокіи Феодоровнѣ Лопухиной, и въ слѣдующемъ 1690 году родился несчастный Алексѣй.

Бракъ этотъ совершился противъ воли правительницы. Петръ уже чувствовалъ свои силы и начиналъ освобождаться отъ опеки. Прибывшаго изъ похода князя Голицына онъ къ себѣ не допустилъ. Царевна употребила ласки и просьбы, чтобы умилостивить молодого государя, который хотя, наконецъ, и допустилъ Голицына къ рукѣ своей, но сдѣлалъ ему строгій выговоръ за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствіе, ибо видѣла уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а нѣкоторые говорятъ, что доносы офицеровъ подтвердили обвиненія), будто-бы онъ былъ подкупленъ ханомъ. Царевна успѣла выпросить у Петра согласіе на награды, которыми осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину этихъ щедротъ, и видя опасность прямо приступить къ удаленію Голицына и къ лишенію власти правительницы, избрали (говоритъ Гол.) дальнѣйшую, но безполезную къ тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубійствѣ. Она стала совѣтоваться съ князомъ Голицынымъ (раскольникомъ, замѣчаетъ Гол.), открыла ему намѣреніе Петра заключить ее въ монастырь (?). Голицынъ, помышлявшій уже о престолѣ, съ нею согласился во всемъ и на всякій случай отослалъ

сына своего въ Польшу съ частью своего имѣнія.

Но гроза уже готовилась. 8-го іюля (1689 г.) во время соборнаго крестнаго хода въ церковь Казанской Богородицы, когда государи вышли изъ собора за крестами, правительница пошла вмѣстѣ съ ними. Петръ съ гнѣвомъ сказалъ ей, что она, какъ женщина, не можетъ быть въ томъ ходу безъ неприличія и позора. Царевна его не послушалась, и Петръ, не дойдя еще отъ Успенскаго до Архангельскаго собора, оставилъ торжество и уѣхалъ въ село Коломенское, а оттуда въ Преображенское.

Царевна приступила къ исполненію своего умысла. Она снеслась съ Щегловитымъ и предначертала съ нимъ новый мятежъ. Щегловитый, въ ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа, собираетъ до 600 стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ (гдѣ нынѣ арсеналъ) и дерзкой рѣчью приготовляетъ ихъ къ бунту противъ Петра, который вводитъ нѣмецкіе обычаи, одѣваетъ войско въ нѣмецкое платье, имѣетъ намѣреніе истребить православіе, а съ тѣмъ и царя Іоанна и всѣхъ бояръ и проч. Разъяренные стрѣльцы требуютъ, чтобы ихъ вели въ Преображенское: но двое изъ нихъ, Мих. Ѳеоктистовъ и Дм. Мельновъ, успѣли прибѣжать прежде и черезъ князя Бориса Алексѣевича Голицына открыли Петру весь заговоръ. Петръ съ обѣими царицами, съ царевной Наталіей Алексѣевной, съ нѣкоторыми боярами, съ Гордономъ, Лефортомъ и немногими потѣшными убѣжалъ въ Троицкій монастырь. Передъ восходомъ солнца прискакалъ Щегловитый съ убійцами, но узнавъ объ отсутствіи царя, сказалъ, что будто пріѣзжалъ онъ для смѣны стражи и поспѣшилъ обо всемъ увѣдомить царевну. Она не смутилась и не согласилась послѣдовать совѣту князя Голицына, предлагавшаго ей бѣжать въ Польшу.

Скоро всѣ приближенныя къ государю особы пріѣхали къ нему въ Троицкій монастырь. Оттуда послалъ онъ въ Москву указъ къ своимъ боярамъ и иностранцамъ быть немедленно къ нему съ ихъ полками. 10-го явились къ Петру стремяннаго полка полковникъ Цыклеръ и пятисотный Ларіонъ Ульфовъ, да пятидесятникъ Ипатъ Ульфовъ, да съ ними пять стрѣльцовъ съ доносомъ на Щегловитова.

Царевна, притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайнѣ однакожъ старалась разжечь его черезъ Щегловитаго. Она, именемъ царя Іоанна, не допустила исполнить требованія Петра, приславшаго къ Іоанну стольника Ив. Велико-Гагина, чтобъ позволилъ царь Іоаннъ быть изо всѣхъ полковъ выборнымъ стрѣльцамъ; такъ и отъ себя Петръ посылалъ въ стрѣлецкіе полки свой государевъ указъ, чтобъ были къ нему выборные для подлиннаго розыску, и съ ними полковники, также и гостямъ и гостиной сотни посадскимъ людямъ и чернослободцамъ (Поденная записка). Царь Іоаннъ (говоритъ венец. ист.) далъ указъ подъ смертною казнію не отлучаться изъ Москвы. Мятежа однако-же не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра часъ отъ часу становятся сильнѣе, прибѣгнула къ посредничеству тетки своей, царевны Татьяны Михайловны, и сестеръ своихъ, царевенъ Марѳы и Маріи, чтобы примириться съ Петромъ. Онѣ прибыли къ Троицѣ и пали къ стопамъ государевымъ, повторяя затверженное оправданіе. Петръ, ихъ выслушавъ, сталъ доказывать преступленіе правительницы. Царевна Татьяна осталась съ нимъ въ монастырѣ, а другія двѣ царевны, возвратясь къ правительницѣ, объявили о неудачѣ своего посредничества.

Софія прибѣгнула къ патріарху; старецъ отправился къ Троицѣ. Но Петръ не только его не послушалъ, но и далъ ему знать, что самъ онъ долженъ быть лишенъ своего сана и на мѣсто его уже назначенъ архимандритъ Сильвестръ. Патріархъ задержанъ былъ въ монастырѣ. Царевна въ ужасѣ поѣхала сама, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, держа въ рукахъ икону Спасителеву. Но Петръ, узнавъ, что она остановилась въ селѣ Воздвиженскомъ, послалъ къ ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что въ монастырь ее не впустятъ, и чтобъ она поѣхала назадъ. Царевна упорствовала, говоря, что она непремѣнно хочетъ увидѣть своего брата. Петръ послалъ ей князя Ив. Бор. Троекурова съ послѣднимъ словомъ, что буде она не повинуется, то поступлено будетъ съ нею нечестно. Царевна въ отчаяніи возвратилась въ Москву.

Петръ вторично писалъ брату своему о присылкѣ къ нему выборныхъ, а имъ послалъ опять указъ, и 5-го сентября всѣ прибыли въ монастырь. Петръ вышелъ предъ нихъ на крыльцо съ царицей Натальей Кирилловной, съ теткою царевной Татьяной и съ патріархомъ, и приказалъ вслухъ читать доносы стрѣлецкіе о злодѣйскихъ умыслахъ Щегловитова и главныхъ его соучастниковъ: полковника Семена Резанова и выборныхъ стрѣльцовъ Обросима и Никиты Гладковыхъ, Козьмы Чернаго и друг. По прочтеніи, всѣ предстоящіе приговорили казнить осужденныхъ.

Петръ благодарилъ за усердіе и половину къ нему прибывшихъ послалъ въ Москву съ двумя стами солдатъ (потѣшныхъ?) при Б. П. Шереметевѣ и полковникѣ Нечаевѣ, съ повелѣніемъ схватить преступниковъ, а боярамъ послалъ указъ явиться къ нему. Бояре поспѣшили повиноваться. Князь Голицынъ и сынъ его, Леонтій Неплюевъ и восемь окольничихъ были въ томъ-же числѣ, но ихъ не впустили, а велѣли

стать на постоялыхъ дворахъ и дожидаться указа. Посланные въ Москву не могли отыскать Щегловитова, сокрытаго самою царевною въ ея теремѣ. Они возвратились съ прочими ея сообщниками. Петръ послалъ опять за Щегловитымъ полковника Сергѣева со ста выборными и писалъ брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодѣю. Царевна, видя гибель несчастнаго ея сообщника, велѣла ему въ запасъ пріобщиться св. таинъ. Сергѣевъ прибылъ и требовалъ отъ нея выдачи измѣнника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергѣевъ объявилъ ей, что по указу Петра будетъ онъ принужденъ обыскивать ея покои, а царь Іоаннъ черезъ князя П. Ив. Прозоровскаго прислалъ сказать ей, что онъ не только за вора Щегловитаго, но и за нее съ братомъ своимъ ссориться не намѣренъ, и приказывалъ ей выдать Щегловитова. Софія въ слезахъ повиновалась, и вмѣстѣ съ измѣнникомъ (гов. Гол.) выдала и безпрекословное свидѣтельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярамъ на судъ (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?) Четыре дня онъ ни въ чемъ не признавался. Стали его пытать голоднаго, нѣсколько дней не ѣвшаго. Щегловитый, послѣ нѣсколькихъ ударовъ кнутомъ, во всемъ признался и подалъ свои показанія на письмѣ за своею рукою. Предъ этимъ признаніемъ просилъ онъ, чтобъ велѣли его накормить. Онъ и двое изъ его сообщниковъ (?) были колесованы; прочимъ отрѣзали языкъ, другихъ сослали. Изъ нихъ Обросимъ Петровъ, когда вели его на казнь, громко винился передъ народомъ, увѣщевая всѣхъ научиться отъ его примѣра.

Князь Троекуровъ, человѣкъ умный, ярый и строгій, принялъ въ вѣдѣніе свое стрѣлецкій приказъ. А розыскныя дѣла поручены боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу.

Вскорѣ казненъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, бывшій въ приказѣ татейныхъ дѣлъ подъячимъ. Онъ пойманъ былъ близъ Смоленска, въ Бизюковѣ монастырѣ.

Князь Голицынъ приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. Его не допустили до царя. На крыльцѣ, въ присутствіи боярина Стрѣшнева, прочтены ему его вины, за которыя онъ и сынъ его лишены боярства и имѣнія и сосланы въ недальніе города. Послѣ, однако, сосланы они въ Сибирь, въ Пустозерскъ, потомъ переведены на Мезень, послѣ-же на Пинегъ, гдѣ старый князь умеръ, а сынъ его наконецъ прощенъ. Бояр. Леонтій Роман. Неплюевъ осужденъ былъ точно такъ-же.

Голиковъ прибавляетъ слѣдующія подробности и объясненія:

8-го іюня (въ день крест. хода) голова стрѣлецкаго приказа окольничій съ стр. полковниками и другими чиновниками, Оброською Петровымъ, Кузькою Чернымъ, Сенькою Рязановымъ, Ивашкою Муромцевымъ, Демкою Лаврентьевымъ, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовымъ, Егоркою Романовымъ—собрались и начали заговоръ.

Чтобы озлобить стрѣльцовъ, избрали они нѣкоего подъячаго Шошина, станомъ и лицомъ схожаго съ бояр. Л. К. Нарышкинымъ. Нарядивъ его въ боярское платье (?) и придавъ ему свиту, заставили его разъѣзжать по карауламъ, нападать на стрѣльцовъ, бить ихъ и мучить. Шошинъ ломалъ ихъ суставы, отсѣкалъ пальцы и, нападая въ рощахъ на простой народъ, многихъ билъ кнутьями и палками и инымъ рѣзалъ языки, приговаривая, что онъ бояринъ Нарышкинъ и что онъ, мстя за братьевъ, шелъ ихъ истребить, а сестра-де моя (Нат. Кир.) и Петръ меня послушаютъ. Стрѣльцы, приходя въ приказы, являли свои раны и записывали.

Злодѣи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петровъ на то и покусились. Первый пріѣхалъ въ Преображенское (когда?), разставилъ въ тайныхъ мѣстахъ и въ буеракахъ стражу и самъ (по праву званія своего) явился къ государю и, прошедши до спальни, вышелъ. Въ полночь загорѣлось одно строеніе, но вскорѣ было утушено; въ ту-же ночь пожаръ возобновился и снова былъ утушенъ. Люди придворные и народъ возымѣли подозрѣніе, цѣлую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились въ Москву до разсвѣта.

Поутру донесено о пожарахъ царю. Петръ, еще не подозрѣвая истины, но полагая зажигателей ворами, велѣлъ всюду разставить стрѣльцовъ Сухарева полка. Щегловитый представлялъ ему, что надежнѣе и удобнѣе стражу составить изо всѣхъ полковъ стрѣлецкихъ. Но (NB) Петръ на то не согласился. Послѣ были еще разныя покушенія. Заговорщики думали совершить цареубійство въ Кр. дворцѣ, или на дорогѣ изъ Преображенскаго, стерегли его на пути, въ Кремль вводили ночью стрѣльцовъ, которые должны были дожидаться на Лыковомъ и на Нитяномъ дворѣ.

Самъ Щегловитый забирался иногда на верхъ Грановитой палаты, а другіе препровождали ночи на верху церкви Распятія Христова.

Когда Петръ, извѣстясь (8-го августа) о злоумышленіи, скрылся въ Тр. мон., тогда бывшіе на сторожѣ вѣстники дали знать о томъ Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всѣхъ стрѣльцовъ по домамъ.

Петръ повелѣлъ: имена пріѣзжающихъ бояръ (въ мон.) записывать, благодаря ихъ за усердіе, и они разставили около монастыря и по москов. дорогѣ стражу.

Царь Іоаннъ призывалъ (получивъ письмо

отъ Петра) къ себѣ Шегловитова и его сообщниковъ, разспрашивая ихъ о смятеніи. Они во всемъ отперлись, а доносили о злодѣйствахъ Нарышкина. Іоаннъ имъ повѣрилъ, и тогда они вмѣстѣ съ царевною просили его: да единъ онъ царствуетъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что «онъ брату яко достойнѣйшему, самовольно уступаетъ престолъ. Вы-же всуе мятетесь»... и повелѣлъ ихъ, сковавъ, отослать въ монастырь.

По привезеніи ихъ, Петръ велѣлъ патріарху допросить ихъ по духовенству. Они принесли повинную и отдали написанную къ Софіи челобитную отъ имени всѣхъ стрѣльцовъ о принятіи ею единовластнаго правленія. Петръ эту челобитную и разспросныя рѣчи за патріаршимъ свидѣтельствомъ отослалъ въ Москву къ Іоанну.

Вины кн. Голицыныхъ сказаны были, что они безъ указу великихъ государей имя сестры ихъ царевны Софіи Алексѣевны во всѣхъ дѣлахъ и посольскихъ грамотахъ установили обще съ именами государей писать самодержицею, и что въ крымскомъ походѣ пользы никакой не учинили (тутъ есть несообразность.)

Оставалась ненаказанной главная виновница смятеній, сестра обоихъ царей, правительница Софія. Петръ послалъ ей приказъ добровольно удалиться въ монастырь. Царевна отклонилась отъ исполненія воли своего брата и готовилась бѣжать въ Польшу. Тогда Петръ послалъ Троекурова въ Москву съ повелѣніемъ взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее въ Новодѣвичій монастырь. Троекуровъ въ точности исполнилъ приказаніе Петра; для виду предварительно отнеслись о томъ къ Іоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лѣтъ съ половиною. На монетахъ и медаляхъ изображалась она (по другую сторону царей) въ коронѣ, порфирѣ и со скипетромъ съ надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. І. А. П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. вел., мал. и бѣл. Россіи самодержцы. Титулъ этотъ давался ей во всѣхъ грамотахъ, указахъ и письменныхъ дѣлахъ.

Изданы во время ея правленія: пищевой наказъ о межеваніи земель, о разборахъ по сортамъ людей и войска, о распредѣленіи дворцовыхъ чернослободскихъ мѣстъ и бѣломѣстныхъ дворовъ, корчемный уставъ и до ста пятидесяти указовъ. Между ними указъ, повелѣвающій казнить смертію лекаря, уморившаго своего больного.

7-го сентября, отъ имени обоихъ царей состоялся указъ, чтобы ни въ какихъ дѣлахъ имени бывшей правительницы не упоминать.

Петръ выѣхалъ изъ монастыря и отправился въ Москву. Въ с. Алексѣевскомъ встрѣтили его всѣ чины московскіе при безчисленномъ множествѣ народа. Стрѣльцы отъ самаго села до Москвы лежали по дорогѣ на плахахъ, въ которыхъ воткнуты были топоры, и громко умоляли о помилованіи. Петръ въѣхалъ въ Москву 10-го сентября и прямо прибылъ къ собору. Отъ заставы до самаго собора стояло войско въ ружьѣ. Петръ за спасеніе свое отслужилъ благодарственное моленіе. Передъ ц. домомъ встрѣтилъ его Іоаннъ. Оба брата обнялись, и старшій въ доказательство своей невинности уступилъ меньшому все правленіе, и до самой кончины своей (1696 г.) велъ жизнь мирную и уединенную.

Съ этихъ поръ царствованіе Петра единовластное и самодержавное.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ ДРУГИХЪ ГЛАВЪ.

1703.

Посреди самаго пыла войны, Петръ Великій думалъ объ основаніи гавани, которая открыла-бы ходъ торговлѣ съ сѣверозападною Европою и сообщеніе съ образованностію. Карлъ XII былъ на высотѣ своей славы; удержать завоеванныя мѣста, по мнѣнію всей Европы, казалось невозможно. Но Петръ Великій положилъ исполнить великое намѣреніе, и на островѣ, находящемся близъ моря, на Невѣ, 16 мая заложилъ крѣпость С.-Петербургъ (одной рукою заложивъ крѣпость, а другой ее защищая. Голик.). Онъ раздѣлилъ и тутъ работу. Первый болверкъ взялъ самъ на себя, другой поручилъ Меншикову, 3-й—графу Головину, 4-й—Зотову (? канцлеру, пиш. Голик.), 5-й—князю Трубецкому, 6-й—кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны ихъ именами. Въ крѣпости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близъ оной, на мѣстѣ, гдѣ стояла рыбачья хижина, деревянный-же дворецъ на 9 саженяхъ въ длину и 3-хъ въ ширину, о 2-хъ покояхъ съ сѣнями и кухнею, съ холстинными выбѣленными обоями, съ простой мебелью и кроватью. Домикъ Петра въ этомъ видѣ сохраняется и понынѣ.

Въ крѣпости опредѣленъ комендантомъ полковникъ Ренъ. Меншикову, какъ генералъ-губернатору завоеванныхъ городовъ и земель, поручено надзираніе надъ новоначинавшимся городомъ. Отведено мѣсто для гостинаго двора, пристани, присутственныхъ мѣстъ, адмиралтейства, государева дворца, сада и домовъ знатныхъ господъ. Городъ Нейшанцъ былъ упраздненъ и жители его переведены, и были первые петербургскіе поселенцы.

Петръ послалъ Шереметева взять крѣпость Копорье, а генералъ-маіора Ф. Вердена подъ Ямы. Обѣ крѣпости вскорѣ сдались на капитуляцію; гарнизоны выпущены въ Нарву.

Когда народъ встрѣчался съ царемъ, то по

древнему обычаю падалъ предъ нимъ на колѣна. Петръ Великій въ Петербургѣ, котораго грязныя и болотистыя улицы не были вымощены, запретилъ колѣнопреклоненіе, а какъ народъ его не слушался, то онъ запретилъ уже это подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы, пишетъ Штелинъ, народъ ради его не марался въ грязи.

Петръ ѣздилъ въ Ямы и Копорье, наименовалъ первый Ямбургомъ, и повелѣлъ его укрѣпить. Тамъ узналъ онъ, что Кроніортъ идетъ изъ Лифляндіи съ 12.000 ч., въ намѣреніи напасть на Петербургъ. Петръ его предупредилъ съ полками своей гвардіи и 4 драгунскими, и найдя его въ крѣпкихъ мѣстахъ у рѣки Сестры, прогналъ его до Выборга, положивъ 2.000. Въ то-же время подъ Ямбургъ подступилъ нарвск. ком. генералъ-маіоръ Горнъ, но прогнанъ съ урономъ отъ Шереметева; съ разныхъ мѣстахъ сверхъ того шведы были побиваемы.

Вслѣдъ за тѣмъ на олонецкой верфи, въ присутствіи Петра, заложены 6 фрегатовъ; отправлено къ Шереметеву четыре наставленія, между прочимъ о вымѣреніи ладожскаго устья и какъ подымается полая вода, понеже зѣло нужны и тамъ нѣкоторыя суда. Къ Апраксину писалъ онъ, чтобы «по веснѣ исправлялся пушками и заготовлялъ сіе для кораблей, но не зачиналъ ихъ строить».

Изъ Олонца прибылъ государь на новопостроенномъ фрегатѣ Штандартъ съ 6-ю ластовыми судами въ Петербургъ, куда вскорѣ пришелъ первый корабль голландскій съ товарами, напитками и солью. Обрадованный Петръ велѣлъ отвести шкиперу и матросамъ постой въ домѣ Меншикова; они обѣдали за его столомъ, и Петръ сидѣлъ съ ними (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1703 года, декабря 15), подарилъ шкиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю впередъ обѣщано тоже (300 черв. шкиперу). Товары, по приказанію государя, тотчасъ были раскуплены.

Петръ всегда посѣщалъ корабельщиковъ на ихъ судахъ. Они угощали его водкой, сыромъ и сухарями. Онъ обходился съ ними дружески. Они являлись при его дворѣ, угощаемы были за его столомъ... Ихъ уважали и вѣроятно не любили. (Анекдотъ объ аладьяхъ. Кухмистеръ государевъ звался Фелтенъ. Лѣтній дворецъ. См. Штелина и Голикова).

1-го октября въ третій разъ Петръ заключилъ условія съ Августомъ, обязавшись усилить его саксонцевъ 12.000 пѣхоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы съ оберъ-коммиссаромъ кн. Дм. Голицынымъ.

Петръ видѣлъ еще нужду въ пространной гавани, въ которую могли-бы входить большіе корабли, и въ крѣпости для прикрытія Петербурга. Въ октябрѣ, когда шелъ уже ледъ, онъ ѣздилъ осматривать островъ Котлинъ, лежащій въ Финскомъ заливѣ, въ 30 верстахъ отъ Петербурга. Онъ вымѣрилъ фарватеръ между этимъ островомъ и мелью, противъ него находившеюся; на той мели, въ морѣ, опредѣлилъ построить крѣпость, а на островѣ сдѣлать гавани и ихъ укрѣпить, и самъ дѣлалъ тому планъ и проспектъ.

Потомъ государь съ Шереметевымъ отправился въ Москву, оставивъ у Ямбурга окольничаго П. Апраксина съ 5-ю полками.

Въ Москву въѣхалъ онъ торжественно. По указу его сдѣланы были трое тріумфальныхъ воротъ. Четвертыя выстроилъ Меншиковъ. Потомъ занялся гражданскимъ устройствомъ государства, особенно финансами. Доходы не составляли и 6 или 7 милліоновъ (?). Бееръ и другіе (?), Щербатовъ.

—

1725.

1-го января Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь въ присутствіи Петра Великаго.

1-го же изданъ указъ о снятіи лишнихъ карауловъ.

Король испанскій Филиппъ V заключилъ торговый союзъ съ императоромъ австрійскимъ Карломъ VI и женилъ Дона-Карлоса на эрцгерцогинѣ Маріи Терезіи.

Георгій I былъ недоволенъ. Онъ подозрѣвалъ тайныя статьи въ пользу претендента. Франція завидовала торговымъ выгодамъ Австріи.

Фридрихъ Вильгельмъ неохотно платилъ Австріи магдебургскія пошлины. Отсюда ганноверскій договоръ оборонительный.

Франція и Англія обязывались поддерживать право на Бергское наслѣдство короля прусскаго.

Швеція, Данія и Голландія приступили къ тому-же союзу.

Австрія вступила въ союзъ съ Россіею. Петръ началъ переговоры съ Пруссіею...

Петръ послалъ въ Архангельскъ корабельному мастеру Баженову приказъ строить три корабля груландскихъ, 3 бота и 18 шлюбокъ.

Онъ назначилъ Беринга (капитана) для открытія пути въ восточную Индію чрезъ Ледовитый океанъ. Петръ получилъ извѣстіе отъ Матюшкина.

Шамхалъ, собравъ 30.000 войска, осадилъ крѣпость Св. Креста. Генералъ-маіоръ Кропотовъ его разбилъ и землю его разорилъ. Петръ Великій уничтожилъ званіе шамхала (см. Ежем. Сочин. 1760, II—38 и проч.).

Петръ (по свидѣтельству Катифора) на іорданѣ простудился и занемогъ горячкою.

Петръ повелѣлъ сало, юфть, воскъ и проч. въ чужіе края сухимъ путемъ не возить.

*

Изданъ полицейскій указъ о продажѣ съѣстныхъ припасовъ.

О размѣщеніи солдатъ, гдѣ есть пустыя строенія въ городахъ.

Объясненъ указъ объ утайкѣ душъ.

О сборахъ.

16-го января Петръ началъ чувствовать предсмертныя муки. Онъ кричалъ отъ рѣзи.

Онъ близъ своей спальни повелѣлъ поставить походную церковь.

22-го исповѣдывался и причастился.

Всѣ петербургскіе врачи собрались у государя. Они молчали; но всѣ видѣли отчаянное состояніе Петра. Онъ уже не имѣлъ силы кричать и только стоналъ...

При немъ дежурили три-четыре сенатора.

25-го сошлись во дворецъ весь сенатъ, весь генералитетъ, члены всѣхъ коллегій, всѣ гвардейскіе и морскіе офицеры, весь синодъ и знатное духовенство.

Церкви были отворены: въ нихъ молились за здравіе умирающаго государя, народъ толпился передъ дворцомъ.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала въ обморокъ; она не отходила отъ постели Петра и не шла спать, какъ только по его приказанію.

Петръ царевенъ не пустилъ къ себѣ.

26-го утромъ Петръ повелѣлъ освободить всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ въ каторгу (кромѣ 2-хъ первыхъ пунктовъ и убійцъ), для здравія государя.

Тогда-же данъ имъ указъ о рыбѣ и клеѣ (казенные товары).

Къ вечеру ему стало хуже, его мvропомазали.

27-го данъ указъ о прощеніи не явившимся дворянамъ на смотръ. Осужденныхъ на смерть по Артикулу по дѣламъ военной коллегіи (кромѣ и пр.) простить—«дабы молили они о здравіи государевомъ».

Тогда-то Петръ потребовалъ бумаги и перо и начерталъ нѣсколько словъ неявственныхъ, изъ коихъ разобрать можно было только: «отдайте все...» перо выпало изъ рукъ его. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ царевну Анну, чтобы ей продиктовать... Она вошла — но онъ уже не могъ ничего говорить.

Архіереи псковскій и тверской и архимандритъ Чудова монастыря стали его увѣщевать. Петръ оживился—показалъ знакъ, чтобъ они его приподняли и, возведя очи вверхъ, произнесъ засохлымъ языкомъ и невнятнымъ голосомъ: сіе едино жажду мою утоляетъ; сіе едино услаждаетъ меня.

Увѣщевающій сталъ говорить ему о безпредѣльномъ милосердіи Божіемъ. Петръ повторилъ нѣсколько разъ: вѣрую и уповаю.

Увѣщевающій прочелъ надъ нимъ причастную молитву: вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси и прочее. Петръ произнесъ: вѣрую, Господи, и исповѣдую; вѣрую, Господи, помози моему невѣрію и сіе все, что весьма дивно (сказано въ рукописи свидѣтеля) съ умиленіемъ, лицо къ веселію елико могъ устроивая, говорилъ; по семъ замолкъ...

Присутствующіе начали съ нимъ прощаться. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ плохимъ взоромъ; потомъ произнесъ съ усиліемъ: послѣ... Всѣ вышли, повинуясь въ послѣдній разъ его волѣ.

Онъ уже не сказалъ ничего. 15 часовъ мучился онъ, стоналъ, безпрестанно дергая свою руку—лѣвая была уже въ параличѣ. Увѣщевающій отъ него не отходилъ. Петръ слушалъ его и нѣсколько разъ силился перекреститься.

Троицкій архимандритъ предложилъ ему еще разъ причаститься. Петръ въ знакъ согласія приподнялъ руку, его причастили опять. Петръ казался въ памяти до 4 часа ночи. Тогда началъ онъ охладѣвать и не показывалъ уже признаковъ жизни. Тверской архіерей на ухо ему продолжалъ свои увѣщеванія и молитвы объ отходящихъ. Петръ пересталъ стонать, дыханіе остановилось; въ 6 часовъ утра, 28 января, Петръ умеръ на рукахъ Екатерины. Екатерина провозглашена императрицею.

Въ тотъ-же день обнародованъ манифестъ.

Полкамъ въ Петербургѣ роздано жалованье. Генералъ-маіоръ Дмитріевъ-Мамоновъ посланъ въ Москву къ сенатору графу Матвѣеву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Тѣло государя вскрыли и бальзамировали. Сняли съ него гипсовую маску.

Тѣло положено въ меньшую залу. 30-го января народъ допущенъ къ его рукѣ.

4-го марта скончалась 6-ти лѣтняя царевна Наталья Петровна. Гробъ ея поставленъ въ той же залѣ.

8-го марта возвѣщено народу погребеніе. Чрезъ два дня оно совершилось (см. Голикова).

15 декабря (1835 г.).

ЗАМѢТКИ ПУШКИНА КЪ „ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО“.

I.

Тогда-же (1699) состоялся указъ, всѣмъ русскимъ подданнымъ, кромѣ крестьянъ (?) и духовныхъ, брить бороду и носить платье нѣмецкое: сперва венгерское, а потомъ мужскому полуверхнее—саксонское и французское, а нижнее и камзолы—нѣмецкіе (?) (съ ботфортами?), женскому полу (нѣмецкое). Съ ослушныхъ брать пеню въ воротахъ (московскихъ улицъ) съ пѣшихъ 40 к., съ конныхъ 2 р. Запрещено было купцамъ продавать, а портнымъ шить русское платье, подъ наказаніемъ (какимъ?)

II.

Вотъ уже 150 лѣтъ «табель о рангахъ» сметаетъ дворянство въ одну кучу (затѣмъ говорится, что уничтоженіе маіоратства плутовскимъ образомъ при Аннѣ Ивановнѣ довершило паденіе передового класса).

Что изъ этого слѣдуетъ?—Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

III.

1711 1714. г. У князя Меншикова на фейерверкѣ на щитѣ надпись: „Гдѣ правда, тамъ и помощь Божія", однако Богъ помогъ не намъ. Въ это-же время изданъ тиранскій указъ о запрещеніи во всемъ государствѣ каменнаго строенія...

1715 г. Петръ опять издалъ одинъ изъ своихъ жестокихъ указовъ: онъ повелѣлъ приготовлять юфть по новымъ способамъ, по обыкновенію своему, угрожая за ослушаніе кнутомъ и каторгою..

1718. Приказываетъ юфть для обуви дѣлать не съ дегтемъ, а съ ворваннымъ саломъ, подъ страхомъ конфискаціи и галеръ, какъ обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра...

1721. Указъ о возвращеніи родителямъ деревень, принадлежащихъ имъ и невиннымъ ихъ дѣтямъ, также о платежѣ заимодавцамъ. NB. Этотъ законъ справедливъ и милостивъ, но фактъ, изъ котораго онъ проистекаетъ—самъ по себѣ несправедливость и жестокость. Отъ гнилого корня отпрыскъ живой...

1722. Сенатъ и синодъ подносятъ ему титулъ Отца отечества, Всероссійскаго императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ его. Сенатъ (т. е. восемь стариковъ) прокричали: vivat! Петръ отвѣчалъ рѣчью, гораздо болѣе приличной и разсудительной, чѣмъ все это торжество...

1722. Петръ былъ гнѣвенъ. Дворяне не явились на смотръ. Издалъ указъ, превосходящій варварствомъ всѣ прежніе...

1722. Манифестъ о правѣ наслѣдства, т. е. уничтожилъ всякую законность въ порядкѣ наслѣдства и отдалъ престолъ на произволеніе...

IV.

Достойна удивленія разность между государственными учрежденіями Петра Великаго и временными его указами. Первыя суть плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости; вторые, нерѣдко жестокіе, своенравны и, кажется, писаны кнутомъ. Первыя были для вѣчности или, по крайней мѣрѣ, для будущаго; вторые вырвались у нетерпѣливаго, самовластнаго помѣщика.

NB. Это внести въ исторію Петра, обдумавъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

По смерти Петра I движеніе, переданное сильнымъ человѣкомъ, все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ преобразованнаго государства. Связи древняго порядка вещей были прерваны навѣки, воспоминанія старины мало по малу исчезали. Народъ, упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и русскій кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе, воспитанное подъ европейскимъ вліяніемъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластическій педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную пользу; отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностью подражали ему во всемъ, что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ при дворѣ обитало азіатское невѣжество [1].

Петръ I-й не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія, ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество, можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ него неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ счастію, хитрость государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія оставался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія дворянъ. Если-бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили-бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничили-бы число дворянъ и заградили-бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло-бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче-же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ; желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противъ общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы.—Памятниками неудачной борьбы аристократіи съ деспотизмомъ остались только два указа Петра III о вольности дворянъ, указы, которыми предки наши столько гордились и которыхъ, справедливѣе, должны были-бы стыдиться.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ этомъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленія потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе этой хитрой женщины утверждало ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ, привыкшемъ уважать и пороки своихъ властителей, оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія второго мѣста въ государствѣ. Много было званыхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію потомства,

имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи [2].

Униженная Швеція и уничтоженная Польша — вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости; народъ, угнетенный намѣстниками, казну, расхищенную любимцами; покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ нареканія Россіи.

Мы видѣли, какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ, щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и боярамъ, о славной росписке Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ государства [3], объ обезьянѣ гр. Зубова, о кофейникѣ князя Куракина и пр.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала. Ободренные такою слабостью, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отсюда произошли эти огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно. Такимъ образомъ развратило и государство.

Екатерина уничтожила званіе (справедливѣе: названіе) рабства, а раздарила около милліона государственныхъ крестьянъ (т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ) и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ, распространившій первый лучъ его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго [4] въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами, и Фонвизинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ-бы той-же участи, еслибъ не чрезвычайная его извѣстность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностью. Отъ этого происходитъ въ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль! ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе духовенства столь-же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая своимъ главою папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей исторіею, слѣдовательно, и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это — и имѣла свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естествено — они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ и по разсказамъ тѣхъ именно лицъ, которымъ она позволяла путешествовать.

Фарса нашихъ депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе. «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было, чтобы поставить ее на ряду съ Титами и Траянами. Но перечитывая этотъ лицемѣрный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины, но подлость русскихъ писателей для меня непонятна. . . . . . . Русскіе защитники самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку г-жи Сталь за основаніе нашей конституціи...

1822 г.

ПРИМѢЧ. ПУШКИНА КЪ ИСТОРИЧ. ЗАМѢЧАНІЯМЪ.

1. Доказательства тому: царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Бирона и сластолюбивой Елизаветы.

2. Безплоднымъ, ибо Дунай долженъ быть настоящею границею между Турціей и Россіей. Зачѣмъ Екатерина не совершила этого важнаго плана въ началѣ французской революціи, когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на военныя наши предпріятія, а изнуренная Турція намъ упорствовать? Это избавило-бы насъ отъ будущихъ хлопотъ.

3. Потемкинъ послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100.000 рублей. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. Потемкинъ на другой сторонѣ ихъ отношенія своеручно написалъ: дать, дать... (слѣдуетъ непечатная рифма.)

4. Домашній палачъ кроткой Екатерины.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

I.—Славный анекдотъ объ указѣ, разорванномъ княземъ Яковомъ Долгорукимъ, разсказанъ у Голикова ошибочно и не вполнѣ. Долгорукій послѣ дерзкаго своего поступка уѣхалъ домой изъ сената. Государь, узнавъ обо всемъ, очень прогнѣвался и пріѣхалъ къ нему. Князь Яковъ сталъ передъ нимъ на колѣни и просилъ помилованія. Государь, побранивъ его, сталъ съ нимъ разсуждать о сущности разорваннаго указа. Долгорукій изложилъ ему свое мнѣніе. «Развѣ не могъ ты то-же самое сказать, замѣтилъ ему Петръ: не разрывая моего указа?» —«Правда твоя, государь, отвѣчалъ Долгорукій: но я зналъ, что если я его разорву, то уже впредь таковыхъ подписывать не станешь, жалѣя мою старость и усердіе».—Государь съ нимъ помирился, но пріѣхавъ къ себѣ, приказалъ царицѣ, которая къ князьямъ Долгорукимъ была особенно милостива, призвать князя Якова и присовѣтовать ему на другой день при всемъ сенатѣ просить прощенія у государя. Князь Яковъ начисто отказался. На другой день онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтилъ въ сенатѣ государя и болѣе, нежели когда-нибудь, его оспаривалъ. Петръ, видя, что съ нимъ дѣлать нечего, оставилъ это дѣло и болѣе о томъ уже не упоминалъ.

II.—Кречетниковъ, по возвращеніи своемъ изъ Польши, позванъ былъ въ кабинетъ императрицы. «Исполнилъ-ли ты мои приказанія?» спросила императрица.—«Нѣтъ, государыня!» отвѣчалъ Кречетниковъ. Государыня вспыхнула. «Какъ нѣтъ?» Кречетниковъ сталъ излагать причины, не дозволявшія ему исполнить высочайшія повелѣнія. Императрица его не слушала; въ порывѣ величайшаго гнѣва она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетниковъ ожидалъ своей гибели. Наконецъ императрица умолкла и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Кречетниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Чрезъ нѣсколько минутъ государыня снова обратилась къ нему и сказала уже гораздо тише: «скажите-же мнѣ, какія причины помѣшали вамъ исполнить мою волю?» Кречетниковъ повторилъ свои прежнія оправданія. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться въ своей вспыльчивости, сказала ему съ видомъ совершенно успокоеннымъ: «Это дѣло другое. Зачѣмъ-же ты мнѣ тотчасъ этого не сказалъ?»

III.—Нѣкто кн. Х., возвратясь изъ Парижа въ Москву, отличался невоздержностью языка и при всякомъ случаѣ язвительно поносилъ Екатерину. Императрица велѣла сказать ему черезъ фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковыя дерзости въ Парижѣ сажаютъ въ Бастилію, а у насъ недавно рѣзали языки; что, не будучи отъ природы жестока, она для такого *бездѣльника*, каковъ Х., нравъ свой перемѣнять не намѣрена, однако, совѣтуетъ ему впередъ быть осторожнѣе.

IV.—Когда графъ д'Артуа пріѣзжалъ въ Петербургъ, то государыня приняла его самымъ ласковымъ и блистательнымъ образомъ. Онъ ей однако надоѣлъ, и она велѣла сказать дамамъ своимъ, чтобъ онѣ постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа въ свою карету. Графъ Д. Ав... капитанъ гвардіи принца, имѣя право повсюду слѣдовать за нимъ, хотѣлъ-было сѣсть также въ карету, но государыня остановила его, сказавъ: Cette fois-ci c'est moi qui me charge d'être le capitaine de gardes de Mr. le comte d'Artois.

V.—Французскіе принцы имѣли большой успѣхъ при всѣхъ дворахъ, куда они являлись. Были однако жъ съ ихъ стороны нѣкоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогіе подарки. Въ Берлинѣ старый князь Витгенштейнъ сказалъ Брессону, который хвастался ихъ расточительностью: «mais, mon cher Mr. Bresson, ce n'est pas convenable du tout: vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild».

VI.—Потемкину доложили однажды, что нѣкто графъ Морелли, житель Флоренціи, превосходно играетъ на скрипкѣ. Потемкину захотѣлось его послушать; онъ приказалъ его выписать. Одинъ изъ адъютантовъ отправился курьеромъ въ Италію, явился къ графу Морелли, объявилъ ему приказъ свѣтлѣйшаго и предложилъ тотъ-же часъ садиться въ его телѣжку и скакать въ Россію. Благородный виртуозъ взбѣсился и послалъ къ чорту и Петербургъ, и курьера съ его телѣжкою. Дѣлать было нечего. Но какъ явиться къ князю, не исполнивъ его приказанія? Догадливый адъютантъ отыскалъ какого-то скрипача, бѣдняка не безъ таланта, и легко уговорилъ его назваться графомъ Морелли и ѣхать въ Россію. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволенъ его игрою. Онъ принятъ былъ потомъ на службу подъ именемъ графа Морелли и дослужился до полковничьяго чина.

VII.—Одинъ изъ адъютантовъ Потемкина, жившій въ Москвѣ и считавшійся въ отпуску (Спечинскій), получилъ приказъ немедленно явиться къ своей должности. Родственники засуетились; не знаютъ чему приписать требованіе свѣтлѣйшаго. Одни боятся внезапной немилости, другіе видятъ неожиданное счастіе. Молодого человѣка снаряжаютъ наскоро въ путь. Онъ отправляется изъ Москвы, скачетъ день и ночь и пріѣзжаетъ въ лагерь свѣтлѣйшаго. Объ немъ тотчасъ докладываютъ. Потемкинъ приказываетъ ему явиться. Адъютантъ съ трепетомъ входитъ въ его палатку и находитъ Потемкина въ постели, со святцами въ рукахъ.

Вотъ ихъ разговоръ. Потемкинъ: Ты, братецъ, мой адъютантъ такой-то? — Адъютантъ: Точно такъ, ваша свѣтлость.—Потемкинъ: Правда-ли, что ты святцы знаешь наизустъ?—Адъютантъ: Точно такъ.—Потемкинъ (смотря въ святцы.): Какого-же святого празднуютъ 18 мая? — Адъютантъ: Мученика Ѳедота, ваша свѣтлость. — Потемкинъ: Такъ. А 29 сентября?— Адъютантъ: Преподобнаго Киріака.—Потемкинъ: Точно. А 5 февраля?— Адъютантъ: Мученицы Агаѳьи.—Потемкинъ (закрывая святцы): Ну, поѣзжай-же себѣ домой.

VIII.—N. N., вышедшій изъ пѣвчихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, былъ недоволенъ обхожденіемъ князя Потемкина. «Развѣ не знаетъ князь, говорилъ онъ на своемъ нарѣчіи: что я такой-же генералъ?» («Хиба винъ не тямитъ того, що я такій едноралъ, якъ винъ самъ»). Это пересказали Потемкину, который сказалъ ему при первой встрѣчѣ: «что ты врешь? какой ты генералъ? ты-генералъ-басъ!»

IX.—Разговоры Н. К. Загряжской.

1) 12 августа 1831 г. Вы слыхали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знаетъ. Надобно вамъ сказать, что Торжокъ былъ въ то время деревушка. Государыня сдѣлала изъ него порядочный городокъ. Жители торговали (не знаю, какъ это сказать: ils faisaient le commerce des grains) крупами, что-ли? и привозили на баркахъ, не помню куда. Вотъ этотъ Ветошкинъ былъ приказчикомъ на этихъ баркахъ. Онъ былъ раскольникъ. Однажды онъ является къ митрополиту и проситъ объяснить ему догматы православія. Митрополитъ отвѣчалъ ему, что для того нужно быть ученымъ, знать по-гречески, по-еврейски и Богъ вѣдаетъ чтó еще. Ветошкинъ уходитъ отъ него и черезъ два года является опять. Вообразите, что въ это время успѣлъ онъ выучиться всему этому. Онъ отрекся отъ своего раскола и принялъ истинную вѣру. Въ городѣ только-что про него и говорили. Я жила тогда на Мойкѣ, дверь объ дверь съ графомъ А. С. Строгановымъ. Ромъ жилъ у нихъ въ учителяхъ, тотъ самый, что подписалъ потомъ опредѣленіе о казни Людовика XVI. Онъ очень былъ умный человѣкъ, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eut rendu claire l'Apocalypse. Онъ у меня былъ каждый день съ своимъ питомцемъ. Я ему разсказываю про Ветошкина. «Madame, c'est impossible».—Mon cher Mr. Romm, je vous répète ce que tout le monde me dit. Au reste si vous êtes curieux de voir Ветошкинъ chez le prince Potemkine, il y vient tous les jours.—Madame, je n'y manquerai pas».—Ромъ отправился къ Потемкину и увидѣлся съ Ветошкинымъ. Онъ приходитъ ко мнѣ.—Hé bien, M-r?—«Madame, je n'en reviens pas: c'est que véritablement c'est un savant».—Мнѣ очень хотѣлось встрѣтить Ветошкина. И. И. Шуваловъ доставилъ мнѣ случай увидѣть его въ своемъ домѣ. Я застала тамъ двухъ молодыхъ раскольниковъ, съ которыми Ветошкинъ имѣлъ une controverse (преніе). Ветошкинъ былъ тщедушный мужчина лѣтъ 35. Преніе ихъ очень меня занимало. Послѣ того за ужиномъ я сидѣла противъ Ветошкина. Я спросила его, какимъ образомъ добился онъ учености. «Сначала было трудно, отвѣчалъ онъ: а потомъ все легче и легче. Книги доставляли мнѣ добрые люди, графъ Иванъ Ивановичъ да князь Григорій Александровичъ».—Вамъ, думаю, скучно въ Торжкѣ.—«Нѣтъ, сударыня, я живу съ моими родителями и цѣлый день занятъ книгами».—Потемкинъ, страстный ко всему необыкновенному, наконецъ такъ полюбилъ Ветошкина, что не могъ съ нимъ разстаться. Онъ взялъ его съ собою въ Молдавію, гдѣ Ветошкинъ занемогъ тамошней лихорадкою и умеръ почти въ одно время съ княземъ. Очень странный человѣкъ этотъ Ветошкинъ.

2) 12 августа—Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кирилловна, я—въ одной каретѣ; батюшка (гр. Разумовскій) съ Василіемъ Ивановичемъ (Чулковымъ)—въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ Кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что государь (Петръ III) приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ-было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: «полно, не слушайся; знаю, чтó такое. Государь сказалъ, что онъ когда-нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ онѣ явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ, хоть въ однѣхъ рубашкахъ. И охота ему проказить наканунѣ праздника». Но курьеръ попросилъ батюшку выйти на минуту. Они поговорили—и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ. Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ; часовой сунулъ намъ въ окошко пистолетъ или что-то эдакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: «полно, перестань; чтó за глупость» и потомъ, оборотясь къ часовому: «мы пріѣхали по приказанію государя».—«Извольте же идти въ караульню».—Батюшка пошелъ, а насъ отправили къ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir; видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour, а государь съ шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ; матушка осталась съ нами

на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки чрезъ нѣсколько минутъ видимъ государя и всю его компанію. Бѣгутъ назадъ всѣ опять въ галеру. Кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de cale съ графиней Лизаветой Романовной, а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.—На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за императрицу и кричалъ намъ ура. На другой день государыня привезла матушкѣ ленту.

3) 12 августа.—Потемкинъ очень меня любилъ; не знаю, чтò-бы онъ для меня не сдѣлалъ. У Машеньки была une maîtresse de clavecin. Разъ она мнѣ говоритъ: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg».—Pourquoi ça?—«Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive.»—Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre.—Пріѣзжаетъ ко мнѣ Потемкинъ. Я говорю ему: «какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда-нибудь».—Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да чтò для нея сдѣлать? право, не знаю.—Что-же? чрезъ нѣсколько дней приписали мою мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сдѣлать уже нельзя.

4) Orloff était mal élevé et avait un très mauvais ton. Однажды у государыни сказалъ онъ при насъ: «по одёжкѣ держи ножки». Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante: c'était un homme d'esprit et depuis je crois qu'il s'est formé. Il avait l'air de brigand avec sa balafre.

5) Потемкинъ, сидя у меня, сказалъ мнѣ однажды: «Наталья Кирилловна, хочешь ты зѐмли?»—Какія зѐмли?—«У меня тамъ есть, въ Крыму.»—Зачѣмъ мнѣ брать у тебя зѐмли, къ какой стати!—«Разумѣется, государыня подаритъ, а я только ей скажу».—Сдѣлай одолженіе.—Я говорила объ этомъ съ Тепловымъ, который мнѣ сказалъ: «спросите у князя планы, а я вамъ выберу зѐмли». Такъ и сдѣлалось. Проходитъ годъ, мнѣ приносятъ 80 рублей. «Откуда, батюшки?»—Съ вашихъ новыхъ земель; тамъ ходятъ стада, и за это вотъ вамъ деньги.—«Спасибо, батюшки». Проходитъ еще годъ, другой; Тепловъ говоритъ мнѣ: «что-же вы не думаете о заселеніи вашихъ земель? Десять лѣтъ пройдетъ, такъ худо будетъ: вы заплатите большой штрафъ».—Да что-же мнѣ дѣлать?—«Напишите вашему батюшкѣ письмо: онъ не откажетъ вамъ дать крестьянъ на заселеніе». Я такъ и сдѣлала: батюшка пожаловалъ мнѣ 300 душъ; я ихъ поселила; на другой годъ они всѣ разбѣжались, не знаю отчего. Въ то время сватался К. за Машу. Я ему и сказала: «возьми пожалуйста мои крымскія земли, мнѣ съ ними только что хлопоты». Что-же? Эти земли давали послѣ К. 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

6) Я была очень смѣшлива. Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя.

7) Государь однажды объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарцисъ. Этотъ арапъ Нарцисъ подрался на улицѣ съ палачемъ, и государь хотѣлъ снять съ него безчестье (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и прикрыли его ими. Тѣмъ и дѣло кончилось.

8) Потемкинъ пріѣхалъ со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не повѣришь, какъ я о тебѣ грущу».—А чтò такое?—«Не знаю, куда мнѣ будетъ тебя дѣвать».—Какъ такъ?—«Ты моложе государыни; ты ее переживаешь; чтò тогда изъ тебя будетъ? Я знаю тебя, какъ свои руки: ты никогда не согласишься быть вторымъ человѣкомъ». Потемкинъ задумался и сказалъ: «не безпокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро». И предчувствіе его сбылось. Ужъ я больше его не видала.

9) Orloff était régicide dans l'ame; c'était comme une mauvaise habitude. Я встрѣтилась съ нимъ въ Дрезденѣ въ загородномъ саду. Онъ сѣлъ подлѣ меня на лавочкѣ. Мы разговорились о П. «Чтò за уродъ! какъ это его терпятъ?»—Ахъ, батюшка, да что-же ты прикажешь дѣлать? Вѣдь не задушить-же его?—«А почему-же и нѣтъ, матушка?»—Какъ! и ты согласился-бы, чтобы дочь твоя Анна Алексѣевна вмѣшалась въ это дѣло?—«Не только согласился-бы, а былъ-бы очень тому радъ». Вотъ каковъ былъ человѣкъ!

X.—Когда Пугачевъ сидѣлъ на Мѣновомъ дворѣ, праздные москвичи, между обѣдомъ и вечеромъ, заѣзжали на него поглядѣть, подхватить какое-нибудь отъ него слово, которое спѣшили потомъ развозить по городу. Однажды сидѣлъ онъ задумавшись. Посѣтители молча окружали его, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ. Пугачевъ сказалъ: «извѣстно по преданіямъ, что Петръ I, во время персидскаго похода, услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалекѣ, нарочно къ ней поѣхалъ и велѣлъ разметать курганъ, чтобы увидѣть его кости...» Всѣмъ извѣстно, что Разинъ былъ четвертованъ и сожженъ въ Москвѣ.

Тѣмъ не менѣе сказка замѣчательна, особенно въ устахъ Пугачева. Въ другой разъ нѣкто **, симбирскій дворянинъ, бѣжавшій отъ него, пріѣхалъ на него посмотрѣть и, видя его крѣпко прикинченнаго къ цѣпи, сталъ осыпать его укоризнами. *** былъ очень дуренъ лицомъ, къ тому-же и безъ носу. Пугачевъ, на него посмотрѣвъ, сказалъ: «правда, много перевѣшалъ я вашей братіи, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывалъ».

XI.—Денисъ Давыдовъ явился однажды въ авангардъ, къ князю Багратіону, и сказалъ: «главнокомандующій приказалъ доложить вашему сіятельству, что непріятель у насъ на носу, и проситъ васъ немедленно отступить». Багратіонъ отвѣчалъ: «непріятель у насъ на носу? на чьемъ? если на твоемъ, такъ онъ близко; а коли на моемъ, такъ мы успѣемъ еще отобѣдать».

XII.—Генералъ Раевскій былъ насмѣшливъ и желченъ. Во время турецкой войны, обѣдая у главнокомандующаго гр. Каменскаго, онъ замѣтилъ, что кондитеръ вздумалъ выставить графскій вензель на крыльяхъ мельницы изъ сахара, и сказалъ графу какую-то колкую шутку. Въ тотъ-же день Раевскій былъ высланъ изъ главной квартиры. Онъ сказывалъ мнѣ, что Каменскій былъ трусъ и не могъ хладнокровно слышать ядра; однако, подъ какою-то крѣпостью онъ видѣлъ Каменскаго, вдавшагося въ опасность. Одинъ изъ нашихъ генераловъ, не пользующійся блистательною славой, въ 1812 году взялъ нѣсколько пушекъ, брошенныхъ непріятелемъ, и выпросилъ себѣ за то награжденіе. Встрѣтясь съ ген. Раевскимъ и боясь его шутокъ, чтобы ихъ предупредить, онъ бросился было его обнимать; Раевскій отступилъ и сказалъ ему съ улыбкою: «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку безъ прикрытія». Раевскій говорилъ объ одномъ маіорѣ, жившемъ у него въ управителяхъ, что онъ былъ заслуженный офицеръ, отставленный за отличія съ мундиромъ безъ штановъ.

XIII.—Херасковъ очень уважалъ Кострова и предпочиталъ его талантъ своему собственному. Это приноситъ большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костровъ нѣсколько времени жилъ у Хераскова, который не давалъ ему напиваться. Это наскучило Кострову. Онъ однажды пропалъ. Его бросились искать по всей Москвѣ и не нашли. Вдругъ Херасковъ получаетъ отъ него письмо изъ Казани. Костровъ благодарилъ его за всѣ его милости, «но, писалъ поэтъ: воля для меня всего дороже».

Костровъ былъ отъ императрицы Екатерины наименованъ университетскимъ стихотворцемъ и въ этомъ званіи получалъ 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочиненія стиховъ и находили обыкновенно въ кабакѣ или у дьячка, великаго пьяницы, съ которымъ былъ онъ въ тѣсной дружбѣ.

Однажды въ университетѣ сдѣлался шумъ. Студенты, недовольные своимъ столомъ, разбили нѣсколько тарелокъ и швырнули въ эконома нѣсколькими пирогами. Начальники, разбирая это дѣло, въ числѣ бунтовщиковъ нашли баккалавра Ермила Кострова. Всѣ очень изумились. Костровъ былъ нрава самаго кроткаго, да ужъ и не въ такихъ лѣтахъ, чтобы бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали въ конференцію. «Помилуй, Ермилъ Ивановичъ, сказалъ ему ректоръ, ты-то какъ сюда попался?»—«Изъ состраданія къ человѣчеству», отвѣчалъ добрый Костровъ.

XIV.—Никто такъ не умѣлъ сердить Сумарокова, какъ Барковъ. Сумароковъ очень уважалъ Баркова, какъ ученаго и остраго критика, и всегда требовалъ его мнѣнія касательно своихъ сочиненій. Барковъ, который обыкновенно его не баловалъ, придя однажды къ Сумарокову, сказалъ ему: «Сумароковъ—великій человѣкъ! Сумароковъ— первый русскій стихотворецъ!» Обрадованный Сумароковъ велѣлъ тотчасъ подать ему водки, а Баркову только того и хотѣлось. Онъ напился. Выходя, сказалъ онъ ему: «нѣтъ, Александръ Петровичъ, я тебѣ солгалъ: первый-то русскій стихотворецъ я, второй—Ломоносовъ, а ты— только что третій». Сумароковъ чуть его не зарѣзалъ.

XV.—Дельвигъ однажды вызвалъ на дуэль Булгарина. Булгаринъ отказался, сказавъ: «скажите барону Дельвигу, что я на своемъ вѣку видѣлъ болѣе крови, нежели онъ чернилъ».

XVI.—Сатирикъ Милоновъ пришелъ однажды къ Гнѣдичу пьяный, по своему обыкновенію, оборванный и растрепанный. Гнѣдичъ принялся увѣщевать его. Растроганный Милоновъ заплакалъ и, указывая на небо, сказалъ: «тамъ найду я награду за всѣ мои страданія!»—«Братецъ, возразилъ ему Гнѣдичъ: посмотри на себя въ зеркало: пустятъ-ли тебя туда?»

XVII.—У Крылова надъ диваномъ (гдѣ онъ обыкновенно сиживалъ), сорвавшись съ одного гвоздика, висѣла наискось по стѣнѣ большая картина въ тяжелой рамѣ. Кто-то ему далъ замѣтить, что и остальной гвоздь, на которомъ она еще держалась, непроченъ, и что картина когда-нибудь можетъ упасть и убить его. «Нѣтъ, отвѣчалъ Крыловъ: уголъ рамы долженъ будетъ въ такомъ случаѣ непремѣнно описать косвенную линію и миновать мою голову»

XVIII. – На Потемкина часто находила хандра. Онъ по цѣлымъ суткамъ сидѣлъ одинъ, никого къ себѣ не пуская, въ совершенномъ бездѣйствіи. Однажды, когда былъ онъ въ такомъ состояніи, множество накопилось бумагъ, требовавшихъ немедленнаго его разрѣшенія; но никто не смѣлъ къ нему войти съ докладомъ.

Молодой чиновникъ, по имени Пѣтушковъ, подслушавъ толки, вызвался представить нужныя бумаги князю для подписи. Ему поручили ихъ съ охотою, и съ нетерпѣніемъ ожидали, что́ изъ этого будетъ. Потемкинъ сидѣлъ въ халатѣ, босой, нечесаный, грызъ ногти въ задумчивости. Пѣтушковъ смѣло объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и положилъ предъ нимъ бумаги. Потемкинъ, молча, взялъ перо и подписалъ одну за другою. Пѣтушковъ поклонился и вышелъ въ переднюю съ торжествующимъ лицомъ: «Подписалъ!...» Всѣ къ нему кинулись, глядятъ: всѣ бумаги въ самомъ дѣлѣ подписаны. Пѣтушкова поздравляютъ: «Молодецъ! нечего сказать». Но кто-то всматривается въ подпись—что-же? На всѣхъ бумагахъ вмѣсто: князь Потемкинъ—подписано: Пѣтушковъ, Пѣтушковъ, Пѣтушковъ...

XIX.—Надменный въ сношеніяхъ своихъ съ вельможами, Потемкинъ былъ снисходителенъ къ низшимъ. Однажды ночью онъ проснулся и началъ звонить. Никто не шелъ. Потемкинъ соскочилъ съ постели, отворилъ дверь и увидѣлъ ординарца своего, спящаго въ креслахъ. Потемкинъ сбросилъ съ себя туфли и босой прошелъ въ переднюю тихонько, чтобъ не разбудить молодого офицера.

XX.—Молодой Ш. какъ-то напроказилъ. Князь Безбородко собирался пожаловаться на него самой государынѣ. Родня перепугалась. Кинулись къ князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человѣка. Потемкинъ велѣлъ Ш. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобъ онъ со мною былъ посмѣлѣе».—Ш. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, не сказалъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ князь Безбородко. Потемкинъ принимаетъ его какъ нельзя хуже и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ Ш. «Скажи, братъ, говоритъ Потемкинъ, показывая ему свои карты: какъ мнѣ тутъ сыграть?»—Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость, отвѣчалъ ему Ш.: играйте, какъ умѣете? «Ахъ, мой батюшка, возразилъ Потемкинъ: и слова нельзя тебѣ сказать; ужъ и разсердился!» Услыша такой разговоръ, князь Безбородко раздумалъ жаловаться.

XXI.—Графъ Румянцевъ однажды рано утромъ расхаживалъ по своему лагерю. Какой-то маіоръ въ шлафрокѣ и въ колпакѣ стоялъ передъ своею палаткою и въ утренней темнотѣ не узналъ приближающагося фельдмаршала, пока не увидѣлъ его передъ собою лицомъ къ лицу. Маіоръ хотѣлъ-было скрыться, но Румянцевъ взялъ его подъ руку и, дѣлая ему разные вопросы, повелъ съ собою по лагерю, который между тѣмъ проснулся. Бѣдный маіоръ былъ въ отчаяніи. Фельдмаршалъ, разгуливая такимъ образомъ, возвратился въ свою ставку, гдѣ уже вся свита ожидала его. Маіоръ, умирая отъ стыда, очутился среди генераловъ, одѣтыхъ во всей формѣ. Румянцевъ, тѣмъ еще не довольный, имѣлъ жестокость напоить его чаемъ и потомъ уже отпустить, не сдѣлавъ никакого замѣчанія.

XXII.—Нѣкто, отставной мичманъ, будучи еще ребенкомъ, представленъ былъ Петру I въ числѣ дворянъ, присланныхъ на службу. Государь открылъ ему лобъ, взглянулъ въ лицо и сказалъ: «Ну! этотъ плохъ. Однако, записать его во флотъ. До мичмановъ авось дослужится». Старикъ любилъ разсказывать этотъ анекдотъ и всегда прибавлялъ: «таковъ былъ пророкъ, что и въ мичманы-то попалъ я только при отставкѣ!»

XXIII.—Всѣмъ извѣстны слова Петра Великаго, когда представили ему двадцатилѣтняго школьника Василія Тредьяковскаго: «вѣчный труженикъ!» Какой взглядъ! какая точность въ опредѣленіи! Въ самомъ дѣлѣ, что́ былъ Тредьяковскій, какъ не вѣчный труженикъ?

XXIV.—Графъ Самойловъ получилъ Георгія на шею въ чинѣ полковника. Однажды во дворцѣ государыня замѣтила его, заслоненнаго толпою генераловъ и придворныхъ. «Графъ Александръ Николаевичъ, сказала она ему: ваше мѣсто здѣсь впереди, какъ и на войнѣ».

XXV.—Государыня Екатерина II говаривала: «когда хочу заняться какимъ-нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено-ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ—и почти всегда открывается, что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано».

XXVI.—Петръ I говорилъ: «несчастія бояться—счастья не видать».

XXVII.—Любимый изъ племянниковъ князя Потемкина былъ покойный Н. Н. Раевскій. Потемкинъ для него написалъ нѣсколько наставленій; Н. Н. ихъ потерялъ и помнилъ только первыя строки: «во-первыхъ, старайся испытать, не трусъ-ли ты; если нѣтъ, то укрѣпляй врожденную смѣлость частымъ обхожденіемъ съ непріятелемъ».

XXVIII.—Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgar, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски.

XXIX. — Графа Кочубея похоронили въ Невскомъ монастырѣ. Графиня выпросила у государя позволеніе огородить рѣшеткой часть пола, подъ которымъ онъ лежитъ. Старушка Новосильцева сказала: «посмотримъ, каково-то

ему будетъ въ день второго пришествія; онъ еще будетъ карабкаться черезъ свою рѣшетку, а другіе давно ужъ будутъ па небесахъ».

XXX. — Будри, профессоръ французской словесности въ царскосельскомъ лицеѣ, былъ родной братъ Марату. Екатерина II перемѣнила ему фамилію по просьбѣ его, придавъ ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранялъ. Онъ былъ родомъ изъ Будри. Онъ очень уважалъ память своего брата, и однажды въ классѣ, говоря о Робеспьерѣ, сказалъ намъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «C'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac». Впрочемъ Будри, не смотря на свое родство, демократическія мысли, замасленный жилетъ и вообще наружность, напоминавшую якобинца, былъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ очень ловкій придворный. Будри сказывалъ, что братъ его былъ необыкновенно силенъ, не смотря на свою сухощавость и малый ростъ. Онъ разсказывалъ также много о его добродушіи, любви къ родственникамъ, etc. etc. Въ молодости его, чтобы отвратить брата отъ развратныхъ женщинъ, Маратъ повелъ его въ госпиталь, гдѣ показалъ ему ужасы венерической болѣзни.

XXXI.—Голландская королева, женщина съ умомъ замѣчательнымъ и рѣзкимъ, сказала принцу Орлеанскому на балѣ: «J'avais des projets hostiles pour vous».—Et quoi donc, Madame?—«Je voulais paraitre inondée de fleurs de lis.»—Madame, отвѣчалъ принцъ: croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet embléme.

XXXII.—Когда въ 1815 году дѣло шло о возстановленіи Польши, тогда графъ Поццо-ди Борго прислалъ государю свое мнѣніе. (Графъ противился всѣми силами исполненію этой великой ошибки). Государь, прочитавъ его, сказалъ князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire». Козловскій не преминулъ. Поццо отвѣчалъ: «cela peut-être, aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur?»

XXXIII.—Однажды маленькій арапъ, сопровождавшій Петра I въ его прогулкѣ, остановился за нѣкоторой нуждой и вдругъ закричалъ въ испугѣ: «государь! государь! изъ меня кишка лѣзетъ». Петръ подошелъ къ нему и, увидя въ чемъ дѣло, сказалъ: «врешь, это не кишка, а глиста!»—и выдернулъ глисту своими пальцами. Анекдотъ довольно нечистъ, но рисуетъ обычаи Петра.

XXXIV.—Объ арапѣ гр. С.—У графа С** былъ арапъ, молодой и статный мужчина. Дочь его отъ него родила. Въ городѣ о томъ узнали вотъ по какому случаю. У графа С** по субботамъ раздавали милостыню. Въ назначенный день нищіе пришли по своему обыкновенію; но швейцаръ прогналъ ихъ, говоря сердито: «ступайте прочь, не до васъ! у насъ графинюшка родила арапченка, а вы лѣзете за милостыней».

XXXV.—О Потемкинѣ. — Однажды Потемкинъ, недовольный запорожцами, сказалъ одному изъ нихъ: «Знаете-ли вы, хохлачи, что у меня въ Николаевѣ строится такая колокольня, что какъ станутъ звонить, такъ въ Сѣчѣ будетъ слышно».—То не диво, отвѣчалъ запорожецъ: у насъ у Запорощинѣ етакіе кобзары, що якъ заграютъ, то аже у Петербурси затанцюютъ.

XXXVI.—Князь Потемкинъ, во время очаковскаго похода, влюбленъ былъ въ графиню***. Добившись свиданія и находясь съ нею наединѣ въ своей ставкѣ, онъ вдругъ дернулъ за звонокъ, и пушки кругомъ всего лагеря загремѣли. Мужъ графини***, человѣкъ острый и безнравственный, узнавъ о причинѣ пальбы, сказалъ пожимая плечами: экое кири-куку!

XXXVII.—Зоричъ былъ очень простъ. Собираясь въ чужіе края, онъ не зналъ, какъ назвать себя, и непремѣнно думалъ путешествовать подъ чужимъ именемъ, чтобъ не обезпокоить Европу. Онъ былъ влюбленъ въ кн. Долгорукую, которая жила въ Москвѣ, гдѣ мужъ ея начальствовалъ дивизіей. У Зорича былъ домашній театръ, и княгиня играла въ немъ въ оперѣ Annette et Lubin. Зоричъ, не зная, какъ ее угостить, вздумалъ палить изъ пушекъ, когда Annette войдетъ хозяйкой въ свою хижину. Когда она бросается на колѣна передъ своимъ господиномъ, то изъ-за кулисъ велѣно было выдвинуть ей бархатную подушку, etc.

XXXVIII.—Государь долго не производилъ въ генералы Болдырева за карточную игру. Однажды въ какой-то праздникъ во дворцѣ, проходя мимо его въ церковь, онъ сказалъ: «Болдыревъ, поздравляю тебя». Болдыревъ обрадовался; всѣ бывшіе тутъ думали, какъ и онъ, и поздравляли его. Государь, выйдя изъ церкви и проходя опять мимо Болдырева, сказалъ ему: «поздравляю тебя—ты, говорятъ, вчера выигралъ».—Болдыревъ былъ въ отчаяніи.

XXXIX. — Дельвигъ звалъ однажды Рылѣева къ д...мъ. «Я женатъ», отвѣчалъ Рылѣевъ. «Такъ что-же, отвѣчалъ Дельвигъ: развѣ ты не можешь отобѣдать въ ресторацiи, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

XL.—Когда Потемкинъ вошелъ въ силу, онъ вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ деревенскихъ пріятелей и написалъ ему слѣдующіе стишки:

Любезный другъ,	Коли не такъ,
Коль тебѣ досугъ—	. . . .
Пріѣзжай ко мнѣ.	Лежи въ дермѣ.

Любезный другъ поспѣшилъ пріѣхать на ласковое приглашеніе.

XLI.—Графъ К. Разумовскій былъ въ заговорѣ 1762 г. Исполненіе было ускорено измѣною одного изъ сообщниковъ. Екатерина уже бѣжала изъ Петергофа, а Разумовскій еще ничего не зналъ. Онъ былъ дома. Вдругъ, слышитъ, къ нему стучатся. «Кто тамъ?—«Орловъ. Отоприте». Алексѣй Орловъ, котораго до тѣхъ поръ гр. Разумовскій не видывалъ, вошелъ и объявилъ, что Екатерина въ измайловскомъ полку, но что полкъ, взволнованный двумя офицерами (дѣдомъ моимъ А. А. Пушкинымъ и не помню кѣмъ еще), не хочетъ ей присягать. Разумовскій взялъ пистолеты въ карманы, поѣхалъ въ фурѣ, приготовленной для посуды, явился въ полкъ и увлекъ его. Дѣдъ мой посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ и сидѣлъ два года.

XLII.—6 октября 1834 г.—Дмитріевъ предлагалъ императору А. Муравьева въ сенаторы. Царь отказалъ начисто, и, помолчавъ, объяснилъ на то причину. Онъ былъ въ заговорѣ Палена. Паленъ заставилъ Муравьева писать конституцію и между тѣмъ произошло—11 марта. Муравьевъ хвастался въ послѣдствіи времени, что будто-бы онъ не иначе соглашался на перемѣны, какъ съ тѣмъ, чтобы Н........ъ подписалъ хартію. Вздоръ. Планъ былъ начертанъ Рибасомъ и Паленомъ. Первый отсталъ, раскаясь и будучи осыпанъ милостями.—Паденіе Палена произошло отъ того, что онъ сказалъ, что все произошло по его плану. Слова эти были доведены до государыни М. Ѳ.—и Паленъ былъ удаленъ. (Слышалъ отъ Дм.).

XLIII.—Потемкинъ, встрѣчаясь съ Шешковскимъ (или Шишковскимъ), обыкновенно говаривалъ ему: «что́, Степанъ Ивановичъ, каково кнутобойничаешь?» На что́ Шешковскій отвѣчалъ всегда съ низкимъ поклономъ: «помаленьку, ваша свѣтлость!»

XLIV.—Когда родился Иванъ Антоновичъ, то императрица Анна Ивановна послала къ Эйлеру приказаніе составить гороскопъ новорожденному. Эйлеръ сначала отказывался, но принужденъ былъ повиноваться. Онъ занялся гороскопомъ вмѣстѣ съ другимъ академикомъ—и какъ добросовѣстные нѣмцы, они составили его по всѣмъ правиламъ астрологіи, хотя и не вѣрили ей. Заключеніе, выведенное ими, ужаснуло обоихъ математиковъ, и они послали императрицѣ другой гороскопъ, въ которомъ предсказывали новорожденному всякія благополучія. Эйлеръ сохранилъ однако первый и показывалъ его графу К. Разумовскому, когда судьба несчастнаго Ивана VI совершилась. (Слышалъ отъ Загряжской Н. К.).

XLV. — Барковъ заспорилъ однажды съ Сумароковымъ о томъ, кто изъ нихъ скорѣе напишетъ оду. Сумароковъ заперся въ своемъ кабинетѣ, оставя Баркова въ гостиной. Черезъ четверть часа Сумароковъ входитъ съ готовой одой и не застаетъ уже Баркова. Люди докладываютъ, что онъ ушелъ и приказалъ сказать Александру Петровичу, что-де его дѣло въ шляпѣ. Сумароковъ догадывается, что тутъ какія-нибудь проказы. Въ самомъ дѣлѣ, видитъ онъ на полу свою шляпу и въ ней...

XLVI.—Суворовъ соблюдалъ посты. Потемкинъ однажды сказалъ ему, смѣясь: «видно, графъ, хотите вы въѣхать въ рай верхомъ на осетрѣ». Эта шутка, разумѣется, принята была съ восторгомъ придворными свѣтлѣйшаго. Нѣсколько дней послѣ, одинъ изъ самыхъ низкихъ угодниковъ Потемкина, прозванный имъ Сенькою Бандуристомъ, вздумалъ повторить самому Суворову: «правда-ли, ваше сіятельство, что вы хотите въѣхать въ рай на осетрѣ?» Суворовъ обратился къ забавнику и сказалъ ему холодно: «знайте, что Суворовъ иногда дѣлаетъ вопросы, но никогда не отвѣчаетъ».

XLVII.—Старый генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II-й. «Я до сихъ поръ не знала васъ», сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не зналъ васъ до сихъ поръ», отвѣчалъ онъ простодушно. «Вѣрю, возразила она съ улыбкой: гдѣ и знать меня, бѣдную вдову!»

XLVIII.—Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ академіи. — «Нѣтъ, возразилъ великій человѣкъ: развѣ академію отставите отъ меня».

1834—1836 г.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.

Слова Карамзина въ 1819 г.

Въ концѣ перваго десятилѣтія царствованія Екатерины II, нѣсколько молодыхъ людей, едва вышедшихъ изъ отрочества, отправлены были, по ея повелѣнію, въ лейпцигскій университетъ, подъ надзоромъ одного наставника и въ сопровожденіи духовника. Ученіе пошло имъ не въ прокъ: надзиратель думалъ только о своихъ выгодахъ; духовникъ, монахъ добродушный, но необразованный, не имѣлъ никакого вліянія на ихъ умъ и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились въ Россію, гдѣ службы и заботы семейственныя замѣнили для нихъ лекціи Геллерта и студенческія шалости. Большая часть изъ нихъ исчезла, не оставивъ по себѣ слѣдовъ; двое сдѣлались извѣстны: одинъ на чредѣ замѣтной обнаружилъ совершенное безсиліе и несчастную посредственность (О. П. Козодавлевъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ), другой прославился совсѣмъ иначе.

Александръ Радищевъ родился около 1750 года. Онъ обучался сперва въ пажескомъ кор-

пусѣ и обратилъ на себя вниманіе начальства, какъ молодой человѣкъ, подающій о себѣ великія надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Онъ не взялъ даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языку, чтобы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ. Безпокойное любопытство, болѣе нежели жажда познаній, была отличительная черта ума его. Онъ былъ кротокъ и задумчивъ. Тѣсная связь съ молодымъ Ушаковымъ имѣла на всю его жизнь вліяніе рѣшительное и глубокое. Ушаковъ былъ немногимъ старше Радищева, но имѣлъ опытность свѣтскаго человѣка. Онъ уже служилъ секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, и его честолюбію открыто было блестящее поприще. Такъ оставилъ онъ службу изъ любви къ познаніямъ и вмѣстѣ съ молодыми студентами отправился въ Лейпцигъ. Сходство умовъ и занятій сблизили съ нимъ Радищева. Имъ попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики. Гриммъ, странствующій агентъ французской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою «О разумѣ» и привезъ Гельвецію извѣстіе, лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи. Теперь было-бы для васъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ, если-бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытнымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь-же дѣтскія, другія мечты, столь-же несбыточныя, замѣнили мысли и мечты учениковъ Дидро и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества, и разрѣшеніе вѣчной загадки, не воображая, что въ свою очередь онѣ замѣнятся другими.

Радищевъ написалъ Житіе Ѳ. В. Ушакова. Изъ этого отрывка видно, что Ушаковъ былъ отъ природы остроуменъ, краснорѣчивъ и имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца. Онъ умеръ на 21-мъ году своего возраста отъ слѣдствій невоздержности жизни; но на смертномъ одрѣ онъ еще успѣлъ преподать Радищеву ужасный урокъ. Осужденный врачами на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы, и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей. Радищевъ тому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ гражданскую службу, не переставая между тѣмъ заниматься и словесностью. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно. Въ обществѣ онъ былъ уважаемъ, какъ сочинитель. Графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ. Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную свою канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное.

Въ то время существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ мартинистовъ. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцовъ, и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франъ-масонскихъ ужинахъ. Радищевъ попалъ въ ихъ общество. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе. Онъ написалъ свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»—сатирическое воззваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ его въ продажу.

Если мысленно перенесемся мы къ 1791 году, если вспомнимъ тогдашнія политическія обстоятельства, если представимъ себѣ силу нашего правительства, наши законы, не измѣнявшіеся со времени Петра I, ихъ строгость, въ то время еще не смягченную двадцати-пятилѣтнимъ царствованіемъ Александра I, самодержца, умѣвшаго уважать человѣчество; если подумаемъ, какіе суровые люди окружали престолъ Екатерины, то преступленіе Радищева покажется намъ дѣйствіемъ сумасшедшаго. Мелкій чиновникъ, человѣкъ безо всякой власти, безъ всякой опоры, дерзаетъ вооружаться противъ общаго порядка, противъ самодержавія, противъ Екатерины! И замѣтьте: заговорщикъ надѣется на соединенныя

силы своихъ товарищей; членъ тайнаго общества, въ случаѣ неудачи, или готовится извѣтомъ заслужить себѣ помилованіе, или, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, полагается на безнаказанность. Но Радищевъ одинъ. У него нѣтъ ни товарищей, ни соумышленниковъ. Въ случаѣ неуспѣха — а какого успѣха можетъ онъ ожидать?—онъ одинъ отвѣчаетъ за все, онъ одинъ представляется жертвой закона. Мы никогда не почитали Радищева великимъ человѣкомъ. Поступокъ его всегда казался намъ преступленіемъ, ничѣмъ не извиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву»—весьма посредственною книгою, но со всѣмъ тѣмъ не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ; политическаго фанатика, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью.

Но, можетъ быть, самъ Радищевъ не понялъ всей важности своихъ безумныхъ заблужденій. Какъ иначе объяснить его безпечность и странную мысль разослать свою книгу ко всѣмъ своимъ знакомымъ, между прочимъ къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе! (Извѣстно, что Державинъ вывернулся изъ этого положенія, представивъ книгу императрицѣ). Какъ-бы то ни было, книга его, сначала не замѣченная, вѣроятно потому, что первыя страницы чрезвычайно скучны и утомительны—вскорѣ произвела шумъ. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Нѣсколько дней сряду читала она эти горькія, возмутительныя сатиры. «Онъ—мартинистъ», говорила она Храповицкому (смотри его записки); онъ хуже Пугачева—онъ хвалитъ Франклина». Слово, глубоко замѣчательное: монархиня, стремившаяся къ соединенію во едино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи. Радищевъ преданъ былъ суду. Сенатъ осудилъ его на смерть (см. Полное собраніе законовъ). Государыня смягчила приговоръ. Преступника лишили чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослали въ Сибирь.

Въ Илимскѣ Радищевъ предался мирнымъ литературнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ большую часть своихъ сочиненій; многія изъ нихъ относятся къ статистикѣ Сибири, къ китайской торговлѣ и проч. Сохранилась его переписка съ однимъ изъ тогдашнихъ вельможъ, который, можетъ быть, не вовсе былъ чуждъ изданію «Путешествія». (Графомъ А.Р.Воронцовымъ). Радищевъ былъ тогда вдовцомъ. Къ нему поѣхала его свояченица, чтобы раздѣлить съ изгнанникомъ грустное его уединеніе. Онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній упоминаетъ объ этомъ трогательномъ обстоятельствѣ.

Воздохну на томъ я мѣстѣ,
Гдѣ Ермакъ съ своей дружиной,
Садясь въ лодки, устремлялся
Въ ту страну ужасну, хладну,
Въ ту страну, гдѣ я средь бѣдствій—
Но на лонѣ жаркой дружбы—
Былъ блаженъ, и гдѣ оставилъ
Души нѣжной половину (Бова. Вступленіе).

Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе не писать ничего противнаго духу правительства. Радищевъ сдержалъ свое слово. Онъ во все время царствованія императора Павла I не писалъ ни одной строки. Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей. Смиренный опытностью и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость. Онъ не питалъ въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему и помирился съ славной памятью великой царицы.

Не станемъ укорять Радищева въ слабости и непостоянствѣ характера. Время измѣняетъ человѣка, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Мужъ со вздохомъ или съ улыбкою отвергаетъ мечты, волновавшія юношу. Моложавыя мысли, какъ и моложавое лицо, всегда имѣютъ что-то странное и смѣшное. Одинъ глупецъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опытъ для него не существуетъ. Могъ-ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время ужаса (terreur)? Могъ-ли онъ безъ глубокаго омерзенія слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сентиментальнаго тигра.

Императоръ Александръ I, вступивъ на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ, и извиняя въ немъ то, что можно было приписать пылкости молодыхъ лѣтъ и заблужденіямъ вѣка, увидѣлъ въ сочинителѣ «Путешествія» отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды. Онъ опредѣлилъ Радищева въ коммиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ, вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ. Графъ Завадовскій удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» Въ этихъ словахъ Радищевъ увидѣлъ угрозу. Огорченный и испуганный, онъ возвратился домой, вспомнилъ о другѣ

своей молодости, объ лейпцигскомъ студентѣ, подавшемъ ему нѣкогда первую мысль о самоубійствѣ... и отравился. Конецъ, имъ давно предвидѣнный и который онъ самъ себѣ напророчилъ!

Сочиненія Радищева въ стихахъ и прозѣ (кромѣ Путешествія) изданы были въ 1807 году. Самое пространное изъ его сочиненій есть философическое разсужденіе «О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи». Умствованія его пошлы и не оживлены слогомъ. Радищевъ хотя и вооружается противъ матеріализма, но въ немъ все еще виденъ ученикъ Гельвеція. Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго атеизма. Между статьями литературными замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ и Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ по тому-же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: изъ отвращенія отъ общепринятыхъ мнѣній. Въ стихахъ лучшее произведеніе его есть «Осьмнадцатый вѣкъ — лирическое стихотвореніе, писанное древнимъ элегическимъ размѣромъ, гдѣ находятся слѣдующіе стихи, столь замѣчательные подъ его перомъ:

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Урна временъ часы изливаетъ каплямъ подобно;
Капли въ ручьи собрались: въ рѣку ручьи возрасли,
И на дальнѣйшемъ брегу изливаютъ пѣнистыя волны
Вѣчности въ море: а тамъ нѣтъ ни предѣлъ, ни бреговъ...
Не возвышается островъ, ни дна тамъ лотъ не находитъ:
Вѣки въ него протекли, въ немъ исчезаетъ ихъ слѣдъ;
Но знаменито во вѣки, своею кровавой струею
Съ звуками грома течетъ наше столѣтье туда;
И сокрушивъ наконецъ корабль, надежды несущій,
Пристани близокъ уже, въ водоворотъ поглощенъ.
Счастіе и добродѣтель и вольность пожралъ омутъ ярый.
Зри: восплываютъ еще страшны обломки въ струѣ.
Нѣтъ! ты не будешь забвенно, столѣтье безумно и мудро!
Будешь проклято во вѣкъ, въ вѣкъ удивленіемъ всѣхъ.
Крови — въ твоей колыбели, припѣваніе — громы сраженьевъ;
Ахъ, омоченный въ крови вѣкъ, ниспадаешь во гробъ!..
Но зри: двѣ взнеслися скалы во средѣ струй кровавыхъ —
Екатерина и Петръ, вѣчности чада! и Россъ.

Первая пѣснь Бовы имѣетъ также достоинства. Характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забвенъ. Жаль, что въ Бовѣ, какъ и въ Алешѣ Поповичѣ, другой его поэмѣ, исключенной, не знаемъ почему, въ собраніи его сочиненій*, нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ твореніяхъ такого рода; но Радищевъ думалъ подражать Вольтеру, потому что онъ вѣчно кому-нибудь да подражалъ. Вообще Радищевъ писалъ лучше стихами, нежели прозою. Въ ней не имѣлъ онъ образца, а Ломоносовъ, Херасковъ, Державинъ и Костровъ успѣли уже обработать нашъ стихотворный языкъ.

«Путешествіе въ Москву», причина его несчастія и славы, есть, какъ мы уже сказали, очень посредственное произведеніе, не говоря уже о варварскомъ слогѣ. Сѣтованія на несчастное состояніе народа, на насиліе вельможъ и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смѣшны. Мы-бы могли подтвердить сужденіе наше множествомъ выписокъ. Но читателю стоитъ открыть его книгу на удачу, чтобъ удостовѣриться въ истинѣ нами сказаннаго.

Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидро и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя, поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему — вотъ что́ мы видимъ въ Радищевѣ. Отнимите у него честность, — въ остаткѣ будетъ Полевой. Онъ какъ-будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше-ли было-бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господъ, какъ явное беззаконіе: не лучше-ли было представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше-ли было потолковать о правилахъ, которыми долженъ руководствоваться законодатель, чтобы съ одной стороны сословіе писателей не было притѣснено и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы; а съ другой — чтобъ писатель не употреблялъ этого божественнаго орудія къ достиженію цѣли низской или преступной? Но все это было-бы просто полезно и не произвело-бы ни шума, ни соблазна; ибо правительство не только не пренебрегало писателями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты, чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ,

*) Потому что она написана сыномъ Радищева, а не имъ.

не пугаясь ихъ смѣлости и не оскорбляясь ихъ искренностью.

Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На эти вопросы врядъ-ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, не смотря на то, что въ ней есть нѣсколько благоразумныхъ мыслей, нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли-бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностью и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви.

МЫСЛИ НА ДОРОГѢ.

(ВОЗРАЖЕНІЯ НА КНИГУ РАДИЩЕВА).

I. ШОССЕ.

Узнавъ, что новая московская дорога совсѣмъ окончена, я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, гдѣ не бывалъ болѣе 15 лѣтъ. Я записался въ конторѣ поспѣшныхъ дилижансовъ (которые показались мнѣ спокойнѣе прежнихъ почтовыхъ каретъ) и 15-го октября, въ 10 часовъ утра, выѣхалъ изъ Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, въ спокойномъ экипажѣ, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонахъ, ни о лошадяхъ, я вспомнилъ о послѣднемъ своемъ путешествіи въ Петербургъ по старой дорогѣ. Не рѣшившись скакать на перекладныхъ, я купилъ тогда дешевую коляску, и съ однимъ слугою отправился въ дорогу. Не знаю, кто изъ насъ, Иванъ или я, согрѣшили передъ Богомъ, но путешествіе наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притѣсняли; рытвины и, мѣстами, деревянная мостовая совершенно измучили. Цѣлые шесть дней тащился я по несносной дорогѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ полумертвый. Мои пріятели смѣялись надъ моей изнѣженностью, но я не имѣю притязаній на фельдъегерское геройство, и, по зимнему пути возвратясь въ Москву, съ той поры уже никуда не выѣзжалъ.

Вообще, дороги въ Россіи (благодаря пространству) хороши, и были-бы еще лучше, если-бы губернаторы менѣе объ нихъ заботились. Напримѣръ, дернъ есть уже природная мостовая; зачѣмъ его сдирать и замѣнять наносной землею, которая, при первомъ дождикѣ, обращается въ слякоть? Поправка дорогъ, одна изъ самыхъ тяжелыхъ повинностей, не приноситъ почти никакой пользы и есть большею частью предлогъ къ угнѣсненію и взяткамъ. Возьмите перваго мужика, хотя крошечку смышленаго, и заставьте его провести новую дорогу: онъ начнетъ вѣроятно съ того, что пророетъ два параллельные рва для стеченія дождевой воды. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ воевода вмѣсто рвовъ подѣлалъ парапеты, такъ что дороги сдѣлались ящиками для грязи. Лѣтомъ дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ѣздить по пашнямъ и полямъ, потому что экипажи вязнутъ и тонутъ на большой дорогѣ, между тѣмъ какъ пѣшеходы, гуляя по парапетамъ, благословляютъ память мудраго воеводы. Такихъ воеводъ на Руси весьма довольно.

Великолѣпное московское шоссе начато по повелѣнію императора Александра; дилижансы учреждены обществомъ частныхъ людей. Такъ должно быть и во всемъ: правительство открываетъ дорогу, частные люди находятъ удобнѣйшіе способы ею пользоваться.

Не могу не замѣтить, что, со временъ восшествія на престолъ дома Романовыхъ, у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно.

Собравшись въ дорогу, вмѣсто пироговъ и холодной телятины я хотѣлъ запастись книгою, понадѣясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоровъ съ почтовыми товарищами. Въ тюрьмѣ и въ путешествіи всякая книга есть Божій даръ, и та, которую не рѣшитесь вы и раскрыть, возвращаясь изъ англійскаго клуба или собираясь на балъ, покажется вамъ занимательна, какъ арабская сказка, если попадется вамъ въ казематѣ или въ поспѣшномъ дилижансѣ. Скажу болѣе: въ такихъ случаяхъ чѣмъ книга скучнѣе, тѣмъ она предпочтительнѣе. Книгу занимательную вы проглотите слишкомъ скоро, она слишкомъ врѣжется въ вашу память и воображеніе; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротивъ, читается съ разстановкою, съ отдохновеніемъ; оставляетъ вамъ способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете мѣста, вами пропущенныя безъ вниманія, и проч. Книга скучная представляетъ болѣе развлеченія. Понятіе о скукѣ весьма относительное. Книга скучная можетъ быть очень хороша; не говорю о книгахъ ученыхъ, но и о книгахъ, писанныхъ съ цѣлью просто литературною. Многіе читатели согласятся со мною, что К л а р и с а очень утомительна и скучна, но со всѣмъ тѣмъ романъ Ричардсона имѣетъ необыкновенное достоинство.

Вотъ на что хороши путешествія.

И такъ, собравшись въ дорогу, зашелъ я къ старому моему пріятелю Соболевскому, котораго библіотекой привыкъ пользоваться. Я просилъ

у него книгу скучную, но любопытную въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Пріятель мой хотѣлъ было мнѣ дать нравственно-сатирическій романъ, утверждая, что скучнѣе ничего быть не можетъ, а что книга очень любопытна въ отношеніи участи ея въ публикѣ; но я его благодарилъ, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирическихъ романовъ. «Постой, сказалъ мнѣ Соболевскій: есть у меня для тебя книжка». Съ этимъ словомъ вынулъ онъ изъ-за полнаго собранія сочиненій Александра Сумарокова и Михайлы Хераскова книгу, повидимому, изданную въ концѣ прошлаго столѣтія. «Прошу беречь ее, сказалъ онъ таинственнымъ голосомъ: надѣюсь, что ты вполнѣ оцѣнишь и оправдаешь мою довѣренность». Я раскрылъ ее и прочелъ заглавіе: Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», съ эпиграфомъ:

«Чудище обло огромно, озорно, стозѣвно и лаяй».
Тилемахида. Томъ II. Книга XVIII. ст. 514.

Книга нѣкогда прошумѣвшая соблазномъ и навлекшая на сочинителя гнѣвъ Екатерины, смертный приговоръ и ссылку въ Сибирь, нынѣ типографическая рѣдкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встрѣчаемая на пыльной полкѣ библіомана, или въ мѣшкѣ бородатаго разносчика.

Я искренно благодарилъ Соболевскаго и взялъ съ собою Путешествіе. Содержаніе его всѣмъ извѣстно. Радищевъ написалъ нѣсколько отрывковъ, давъ каждому въ заглавіе названіе одной изъ станцій, находящихся на дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Въ нихъ излилъ онъ свои мысли безъ всякой связи и порядка. Въ Черной Грязи, пока перемѣняли лошадей, я началъ книгу съ послѣдней главы и такимъ образомъ заставилъ Радищева путешествовать со мною изъ Москвы въ Петербургъ.

II. МОСКВА.

«Москва! Москва!» восклицаетъ Радищевъ на послѣдней страницѣ своей книги и бросаетъ желчью напитанное перо, какъ будто мрачныя картины его воображенія разсѣялись при взглядѣ на золотыя маковки Москвы бѣлокаменной. Вотъ уже Всесвятское... Онъ прощается съ утомленнымъ читателемъ; онъ проситъ своего спутника подождать его у околицы; на возвратномъ пути онъ примется опять за свои горькія полуистины, за свои дерзкія мечтанія. Теперь ему некогда: онъ скачетъ успокоиться въ семьѣ родныхъ, позабыться въ вихрѣ московскихъ забавъ. До свиданья, читатель! «Ямщикъ, погоняй!.. Москва, Москва!»

Многое перемѣнилось со временъ Радищева... Покидая нынѣ смиренную Москву и готовясь увидѣть блестящій Петербургъ, я заранѣе встревоженъ при мысли перемѣнить мой тихій образъ жизни на вихрь и шумъ, ожидающій меня; голова моя заранѣе кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani. Нѣкогда соперничество между Москвой и Петербургомъ дѣйствительно существовало. Нѣкогда въ Москвѣ пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившіе дворъ, люди независимые, беспечные, страстные къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству. Нѣкогда Москва была сборнымъ мѣстомъ для всего русскаго дворянства, которое изо всѣхъ провинцій съѣзжалось въ нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда-же изъ Петербурга. Во всѣхъ концахъ древней столицы гремѣла музыка и вездѣ была толпа. Въ залѣ благороднаго собранія, два раза въ недѣлю, было до пяти тысячъ народу. Тутъ молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невѣстами, какъ Вязьма пряниками. Московскіе обѣды (такъ оригинально описанные княземъ Долгорукимъ) вошли въ пословицу. Невинныя странности москвичей были признакомъ ихъ независимости. Они жили по своему, забавлялись какъ хотѣли, мало заботясь о мнѣніи ближняго. Бывало, богатый чудакъ выстроитъ себѣ на одной изъ главныхъ улицъ китайскій домъ съ зелеными драконами, съ деревянными мандаринами подъ золочеными зонтиками. Другой выѣдетъ въ Марьину Рощу въ каретѣ изъ кованаго серебра 84-й пробы. Третій на запятки четвероместныхъ саней поставитъ человѣкъ пять араповъ, егерей и скороходовъ — и цугомъ тащится по лѣтней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургскія моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербургъ издали смѣялся и не вмѣшивался въ затѣи старушки-Москвы. Куда дѣвалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда дѣвались балы, пиры, чудаки и проказники? — Все исчезло! Остались однѣ невѣсты, къ которымъ нельзя по крайней мѣрѣ примѣнить грубую пословицу: vieilles comme les rues. Московскія улицы, благодаря 1812 г., моложе московскихъ красавицъ, все еще цвѣтущихъ розами! Нынѣ въ присмирѣвшей Москвѣ огромные боярскіе дома стоятъ печально между широкимъ дворомъ, заросшимъ травою, и садомъ, запущеннымъ и одичалымъ. Подъ вызолоченнымъ гербомъ торчитъ вывѣска портного, который платитъ хозяину тридцать рублей въ мѣсяцъ за квартиру; великолѣпный бельэтажъ нанятъ мадамой для пансіона — и то слава Богу! На всѣхъ воротахъ прибито объявленіе, что домъ продается и отдается въ наймы — и никто его не покупаетъ, и никто его не нанимаетъ. Улицы мертвы; рѣдко по мостовой раздается звукъ кареты; барышни бѣгутъ къ окошкамъ, когда ѣдетъ одинъ изъ полицмейстеровъ съ своими казаками. Подмосковныя деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремитъ въ рощахъ Свирлова и Останкина: плошки и цвѣтные фонари не освѣщаютъ

англійскихъ дорожекъ, нынѣ заросшихъ травою, а бывало установленныхъ миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльныя кулисы домашняго театра тлѣютъ въ залѣ, оставленной послѣ послѣдняго представленія французской комедіи. Барскій домъ дряхлѣетъ. Во флигелѣ живетъ нѣмецъ-управитель и хлопочетъ о проволочномъ заводѣ. Обѣды даются уже не хлѣбосолами стариннаго покроя въ день хозяйскихъ именинъ, или въ угоду веселыхъ обжоръ, въ честь вельможи, удалившагося отъ двора, но обществомъ игроковъ, задумавшихъ обобрать навѣрное юношу, вышедшаго изъ-подъ опеки, или саратовскаго откупщика. Московскіе балы... Увы! Посмотрите на эти домашнія прически, на эти бѣлые башмачки, искусно забѣленные мѣломъ... Кавалеры избраны кое-гдѣ— и что за кавалеры! **Горе отъ ума** есть картина обветшалая, печальный анахронизмъ. Вы въ Москвѣ не найдете ни Фамусова, который «всякому, ты знаешь, радъ»: и князю Петру Ильичу, и французу изъ Бордо, и Загорѣцкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая «балы даетъ нельзя богаче, отъ Рождества и до поста, а лѣтомъ праздники на дачѣ». Хлёстова—въ могилѣ; Репетиловъ—въ деревнѣ. Бѣдная Москва!...

Петръ I-й не любилъ Москвы, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ воспоминанія мятежей и казней, закоренѣлую старину и упрямое сопротивленіе суевѣрія и предразсудковъ. Онъ оставилъ Кремль, гдѣ ему было не душно, но тѣсно, и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря искалъ досуга, простора и свободы для своей мощной и безпокойной дѣятельности. Послѣ этого, когда старая аристократія возымѣла прежнюю силу и вліяніе, Долгорукіе чуть-было не возвратили Москвѣ своихъ государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургомъ его недавнія права.

Упадокъ Москвы есть неминуемое слѣдствіе возвышенія Петербурга. Двѣ столицы не могутъ въ равной степени процвѣтать въ одномъ и томъ-же государствѣ, какъ два сердца не существуютъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Но обѣднѣніе Москвы доказываетъ и другое—обѣднѣніе русскаго дворянства, происшедшее **частью** отъ раздробленія имѣній, исчезающихъ съ ужасной быстротою, **частью** отъ другихъ причинъ, о которыхъ успѣемъ еще потолковать.

Но Москва, утративши свой аристократическій блескъ, процвѣтаетъ въ другихъ отношеніяхъ: промышленность, сильно покровительствуемая, въ ней оживилась и развилась съ необыкновенной силою. Купечество богатѣетъ и начинаетъ селиться въ палатахъ, покидаемыхъ дворянствомъ. Съ другой стороны, просвѣщеніе любитъ городъ, гдѣ Шуваловъ основалъ университетъ по предначертанію Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургскіе по большей части не литераторы, но предпріимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь къ искусству и таланты, неоспоримо, на сторонѣ Москвы.

Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій. Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews; между тѣмъ какъ петербургскіе журналы судятъ о литературѣ какъ о музыкѣ, о музыкѣ какъ о политической экономіи, т. е. наобумъ и какъ-нибудь, иногда впопадъ и остроумно, но большей частью неосновательно и поверхностно.

Философія нѣмецкая, которая нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей, кажется, начинаетъ уступать духу болѣе практическому. Тѣмъ не менѣе вліяніе ея было благотворно: она спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія.

Кстати, я отыскалъ въ моихъ бумагахъ любопытное сравненіе между обѣими столицами: оно написано однимъ изъ моихъ пріятелей, великимъ маланхоликомъ, имѣющимъ иногда свои свѣтлыя минуты веселости: Москва и Петербургъ...

III. ЛОМОНОСОВЪ.

Въ концѣ своей книги Радищевъ помѣстилъ слово о Ломоносовѣ. Оно написано слогомъ надутымъ и тяжелымъ. Радищевъ имѣлъ тайное намѣреніе нанести ударъ неприкосновенной славѣ **русскаго Пиндара**. Достойно замѣчанія и то, что Радищевъ тщательно прикрылъ это намѣреніе уловками уваженія и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнѣе, нежели съ верховной властью, на которую напалъ съ такой безумной дерзостью. Онъ болѣе 30 страницъ наполнилъ пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтобы въ концѣ своего слова помѣстить слѣдующія мятежныя строки:

«Мы желаемъ показать, что въ отношеніи русской словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ въ пріобрѣтеніи славы, хотя-бы онъ войти во храмъ не могъ. Баконъ Веруламскій не достоинъ развѣ напоминанія, что могъ только сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того, что не могли избавить человѣчества изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтимъ Ломоносова для того, что не **разумѣлъ** правилъ **позорищнаго стихотворенія** и **томился въ эпопеѣ**, что **чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности**, что **не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ**, и **что въ самыхъ**

одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей?

Ломоносовъ былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ. Но въ этомъ университетѣ профессоръ поэзіи и элоквенціи не что иное, какъ исправный чиновникъ, а не поэтъ, вдохновенный свыше, не ораторъ, мощно увлекающій. Однообразныя и стѣснительныя формы, въ которыя отливалъ онъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславянская, полулатинская, сдѣлалась-было необходимостью; къ счастью, Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова.

Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія. Оды его, писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ, давно уже забытыхъ въ самой Германіи, утомительны и надуты. Его вліяніе на словесность было вредное и до сихъ поръ въ ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе всякой народности и оригинальности—вотъ слѣды, оставленные Ломоносовымъ. Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч. Съ какимъ презрѣніемъ говоритъ онъ о Сумароковѣ, страстномъ къ своему искусству, объ этомъ человѣкѣ, который ни о чемъ, кромѣ какъ о бѣдномъ своемъ риѳмичествѣ, не думаетъ... За то съ какимъ жаромъ говоритъ онъ о наукахъ, о просвѣщеніи. Смотрите письма его къ Шувалову, къ Воронцову и проч. Никто не можетъ дать лучшаго понятія о Ломоносовѣ, какъ рапортъ, поданный имъ Шувалову о своихъ упражненіяхъ съ 1751 года по 1757. (Далѣе приводится у Пушкина самый рапортъ, который читатели найдутъ въ собраніяхъ сочиненій Ломоносова). Сумароковъ былъ шутомъ у всѣхъ тогдашнихъ вельможъ: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизинъ, котораго характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи, забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича въ совершенствѣ. Державинъ исподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ. Ломоносовъ былъ иного покроя. Съ нимъ шутить было накладно. Онъ вездѣ былъ тотъ-же: дома, гдѣ всѣ его трепетали; во дворцѣ, гдѣ онъ диралъ за уши пажей; въ академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть. Немногимъ извѣстна стихотворная перепалка его съ Димитріемъ Сѣченовымъ, по случаю Гимна Бородѣ, не напечатаннаго ни въ одномъ собраніи его сочиненій. (Онъ напечатанъ въ 1858 г. въ «Библіографическихъ Запискахъ».) Она можетъ дать понятіе о заносчивости поэта, какъ и о нетерпимости проповѣдника. Со всѣмъ тѣмъ Ломоносовъ былъ добродушенъ. Какъ хорошо его письмо о семействѣ несчастнаго Рихмана! Въ отношеніи къ самому себѣ онъ былъ очень безпеченъ, и, кажется, жена его, хоть была и нѣмка, но мало смыслила въ хозяйствѣ. Вдова одного стараго профессора, услыша, что рѣчь идетъ о Ломоносовѣ, спросила: «О какомъ Ломоносовѣ говорите вы? Не о Михайлѣ-ли Васильевичѣ? То-то былъ пустой человѣкъ! Бывало отъ него всегда бѣгали къ намъ за кофейникомъ. Вотъ Тредьяковскій, Василій Кириловичъ, вотъ этотъ былъ почтенный и порядочный человѣкъ!» Тредьяковскій былъ конечно почтенный и порядочный человѣкъ. Его филологическія и грамматическія изъясненія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ. Любовь его къ Фенелонову эпосу дѣлаетъ ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выборъ стиха доказываютъ необыкновенное чувство изящнаго. Въ Телемахидѣ находится много хорошихъ стиховъ и счастливыхъ оборотовъ. Дельвигъ приводилъ часто слѣдующій стихъ въ примѣръ прекраснаго гекзаметра:

Корабль Одиссеевъ,
Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ вѣрно не стоятъ Тредьяковскаго.

Радищевъ укоряетъ Ломоносова въ лести и тутъ-же извиняетъ его. Ломоносовъ наполнилъ торжественныя свои оды высокопарною хвалою; онъ безъ обиняковъ называетъ благодѣтеля своего, графа Шувалова, своимъ благодѣтелемъ; онъ въ какой-то придворной идилліи воспѣваетъ графа К. Разумовскаго подъ именемъ Полидора; онъ стихами поздравляетъ графа Орлова съ возвращеніемъ его изъ Финляндіи; онъ пишетъ: «Его сіятельство графъ М. Л. Воронцовъ, по своей высокой ко мнѣ милости, изволилъ взять отъ меня пробы мозаическихъ составовъ для показанія ея величеству». Теперь все это вывелось изъ обыкновенія. Дѣло въ томъ, что разстояніе отъ одного сословія до другого въ то время еще существовало. Ломоносовъ, рожденный въ низкомъ сословіи, не думалъ возвысить себя наглостью и запанибратствомъ съ людьми высшаго состоянія (хотя впрочемъ, по чину, онъ могъ быть имъ и равный). Но за то умѣлъ онъ за себя постоять и не дорожилъ ни по-

кровительствомъ своихъ меценатовъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Послушайте, какъ пишетъ онъ этому самому Шувалову, предстателю музъ, высокому своему патрону, который вздумалъ-было надъ нимъ пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельможъ, но ниже у Господа моего Бога дуракомъ быть не хочу».

Въ другой разъ, заспоря съ тѣмъ-же вельможею, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что Шуваловъ закричалъ: «Я отставлю тебя отъ академіи».—«Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ: развѣ академію отъ меня отставятъ». Вотъ каковъ былъ этотъ униженный сочинитель похвальныхъ одъ и придворныхъ идиллій!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется въ обычаяхъ англійской литературы. Почтенный Креббъ поднесъ всѣ свои прекрасныя поэмы to his grace the Duck etc. Въ своихъ смиренныхъ посвященіяхъ онъ почтительно упоминаетъ о милостяхъ и высокомъ покровительствѣ, которыхъ онъ удостоился, и проч. Въ Россіи вы не встрѣтите ничего подобнаго. У насъ, какъ замѣтила m-me de Staël, словесностью занимались большей частью дворяне. Это дало особенную физіономію нашей литературѣ; у насъ писатели не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными, и подносить свои сочиненія вельможѣ или богачу, въ надеждѣ получить отъ него пятьсотъ рублей или перстень, украшенный драгоцѣнными каменьями. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что нынѣшніе писатели благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ, нежели мыслили и чувствовали Ломоносовъ и Костровъ? Позвольте усомниться.

Нынче писатель, краснѣющій при одной мысли посвятить книгу свою человѣку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному въ общемъ мнѣніи, но который площадной руганью можетъ повредить продажѣ книгъ, или хвалебнымъ объявленіемъ заманить покупщиковъ. Нынѣ послѣдній изъ писакъ, готовый на всякую приватную подлость, громко проповѣдуетъ независимость и пишетъ безымянные пасквили на людей, предъ которыми разстилается въ ихъ кабинетѣ.

Къ тому-же съ нѣкоторыхъ поръ литература стала у насъ выгоднымъ ремесломъ, и публика въ состояніи дать болѣе денегъ, нежели его сіятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Какъ-бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значатъ. Ломоносовъ и Креббъ достойны уваженія всѣхъ честныхъ людей, не смотря на ихъ смиренныя посвященія; а господа NN все-таки презрительны, не смотря на то, что въ своихъ книжкахъ они проповѣдуютъ благородную гордость и посвящаютъ свои сочиненія не доброму и умному вельможѣ, а какому-нибудь бестіи и плуту, подобному имъ.

IV. ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

„Здѣсь я видѣлъ также изрядный опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претворитьс я опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекутся на казнь, къ алтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И служитель его пріиметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе въ законѣ останется ненаказаннымъ!.. Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; градодержатель, для охраненія закона опредѣленный—дворянинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ дѣлѣ свою пользу. Первый, ради полученія мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человѣчеству насиліе, не лишиться самому лестнаго преимущества—управлять себѣ подобнымъ самовластно.—О! горестная участь многихъ милліоновъ! конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ ..“ (Путешествіе, стр. 417—418).

Радищевъ въ главѣ: «Черная Грязь» говоритъ о бракахъ поневолѣ и горько порицаетъ самовластіе господъ и потворство градодержателей (городничихъ). Вообще, несчастіе жизни семейственной есть отличительная черта въ нравахъ русскаго народа. Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки: по страсти-ли вышла она замужъ? «По страсти, отвѣчала старуха: я-было заупрямилась, да староста грозилъ меня высѣчь». Таковыя страсти обыкновенны. Неволя браковъ—давнее зло. Недавно правительство обратило вниманіе на лѣта вступающихъ въ супружество: это уже шагъ къ улучшенію. Осмѣливаюсь замѣтить одно: возрастъ, назначенный законнымъ срокомъ для вступленія въ бракъ, могъ-бы для женскаго пола быть уменьшенъ. Пятнадцатилѣтняя дѣвка въ нашемъ климатѣ уже на выданіи, а крестьянскія семейства нуждаются въ работницахъ.

V. ГОРОДНЯ.

„Въѣзжая въ эту деревню, не стихотворческимъ пѣснопѣніемъ слухъ мой былъ увѣрлемъ, но пронзающимъ сердца воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вставъ изъ моей кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину примѣтнаго на улицѣ смятенія. Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ многихъ толпящихся. Изъ многихъ селеній ка-

зенныхъ и помѣщичьихъ сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50, держа за голову 20-ти лѣтняго парня, вопила: „Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительскій? Поля наши порастутъ травой: мохомъ наша хижина. Я, бѣдная престарѣлая мать твоя, скитаться должна по-міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода, кто укроетъ ее отъ зноя? кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло предастъ общей нашей матери—сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той".— Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила: „Прости, мой другъ сердечный, прости, мое красное солнышко! Мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше утѣхи, ни веселья. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя-бы безчеловѣчные наши старосты хоть дали-бъ намъ обвѣнчаться; хотя-бы ты, мой милый другъ, хоть-бы одну уснулъ ноченьку, уснулъ-бы на бѣлой моей груди. Авось-ли-бы Богъ меня помиловалъ и далъ-бы мнѣ паренька на утѣшеніе."—Парень имъ говорилъ: „Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ государь на службу, на меня палъ жребій. Воля Божія! Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду. Авось либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая! береги для меня Прасковьюшку".— Рекрута этого отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другого рода слова внялъ слухъ мой въ близъ стоящей толпѣ. Среди оной я увидѣлъ человѣка лѣтъ 30, посредственнаго роста, стоящаго бодро, и весело на окрестъ стоящихъ взирающаго. „Услышалъ Господь молитву мою, вѣщалъ онъ: достигли слезы несчастнаго до утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худого моего поведенія. Доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!"—Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господскій былъ человѣкъ, любопытствовалъ отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: „Если-бы, государь мой, съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка, и стоя между двухъ гибелей, неминуемо-бы должно было идти направо или налѣво, въ петлю или въ воду, что избрали-бы вы, чего-бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? Я думаю, да и всякій другой избралъ-бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился-бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таковъ мой былъ случай. Трудна солдатская жизнь, не лучше петли. Хорошо-бы и то, когда-бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертью, подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнемъ поруганіи; государь мой, хотя холопей считаете вы своимъ имѣніемъ, нерѣдко хуже скотовъ, но, къ несчастію ихъ горчайшему, они чувствительности не лишены. Вамъ удивительно, вижу я, слышать таковыя слова въ устахъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей собратіи дворянъ" (Путешествіе, стр. 370—374).

Самая необходимая и тягчайшая изъ повинностей народныхъ есть рекрутскій наборъ. Образъ набора вездѣ различествуетъ и вездѣ влечетъ за собою великія неудобства. Англійскій п р е с с ъ подвергается ежедневно горькимъ выходкамъ оппозиціи и со всѣмъ тѣмъ существуетъ во всей силѣ. Прусскій Landwehr— система сильная и искусно приноровленная къ государству, но еще не оправданная опытомъ, возбуждаетъ уже ропотъ въ терпѣливыхъ пруссакахъ. Наполеоновская конскрипція производилась при громкихъ рыданіяхъ и проклятіяхъ всей Франціи.—«Чудовище, склонясь на колыбель дѣтей, считало годы ихъ кровавыми перстами; сыны въ дому отцовъ минутными гостями являлись...» и пр.

Рекрутство наше тяжело, лицемѣрить нечего. Довольно упомянуть о законахъ противъ крестьянъ, изувѣчивающихся во избѣжаніе солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы пріучить народъ къ рекрутству! Но можетъ-ли государство обойтись безъ постояннаго войска? Полумѣры ни къ чему доброму не ведутъ. Конскрипція, по кратковременности службы, въ теченіе 15 лѣтъ дѣлаетъ изо всего народа однихъ солдатъ. Въ случаѣ народныхъ мятежей, мѣщане бьются какъ солдаты, солдаты плачутъ и толкуютъ какъ мѣщане, обнимаются, и обращаются противъ правительства. Обѣ стороны одна съ другой тѣсно связаны. Русскій солдатъ, на 24 года отторженный изъ среды своихъ согражданъ, дѣлается чуждъ всему, кромѣ своего долга. Онъ возвращается на родину уже въ старости. Самое его возвращеніе уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за безпорочную службу. Онъ жаждетъ одного спокойствія. На родинѣ находитъ онъ только нѣсколькихъ знакомыхъ стариковъ. Новое поколѣніе его не знаетъ и съ нимъ не братается.

Власть помѣщиковъ въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, необходима для рекрутскаго набора. Безъ нея правительство въ губерніяхъ не могло-бы собрать и десятой доли требуемаго числа рекрутъ. Вотъ одна изъ тысячи причинъ, повелѣвающихъ намъ присутствовать въ нашихъ помѣстьяхъ, а не разоряться въ столицахъ подъ предлогомъ усердія къ службѣ, но въ самомъ дѣлѣ изъ единой любви къ разсѣянности и чинамъ.

Очередь, которой придерживаются нѣкоторые помѣщики филантропы, не должна существовать, пока существуютъ наши дворянскія права. Лучше употребить эти права въ пользу нашихъ крестьянъ и, удаляя изъ среды ихъ вредныхъ негодяевъ, людей, заслужившихъ тяжкое наказаніе и проч., дѣлать изъ нихъ по-

лезныхъ членовъ обществу. Безразсудно жертвовать полезнымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, добрымъ отцомъ семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалаго, изъ уваженія къ какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что̀ значитъ эта жалкая пародія законности! Радищевъ сильно нападаетъ на продажу рекрутъ и другія злоупотребленія. Продажа рекрутъ была въ то время уже запрещена, но производилась еще подъ рукою. Простодумъ въ комедіи Княжнина говоритъ, что

Три тысячи скопилъ онъ дома лѣтъ въ десять,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятъ,
Но кстати въ рекруты торгуючи людями!

Но запрещеніе это имѣло свою невыгодную сторону: богатый крестьянинъ лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бѣдняковъ, которыми торговалъ безжалостный помѣщикъ, врядъ-ли черезъ то улучшилась.

VI. КЛИНЪ.

Слѣпой старикъ поетъ стихъ объ Алексіѣ, Божьемъ человѣкѣ; крестьяне плачутъ; Радищевъ рыдаетъ вслѣдъ за ямскимъ собраніемъ... «О природа! колико ты властительна!» Крестьяне даютъ старику милостыню. Радищевъ дрожащею рукой даетъ ему рубль. Старикъ отказывается отъ него, потому что Радищевъ—дворянинъ! Онъ разсказываетъ, что въ молодости лишился онъ глазъ на войнѣ за свои жестокости. Между тѣмъ баба подноситъ ему пирогъ. Старикъ принимаетъ его съ восторгомъ. Вотъ истинная благостыня, восклицаетъ онъ. Радищевъ наконецъ даритъ ему шейный платокъ и извѣщаетъ насъ, что старикъ умеръ нѣсколько дней послѣ, похороненъ съ этимъ платкомъ на шеѣ. Имя Вертера, встрѣчаемое въ началѣ главы, поясняетъ загадку.

Вмѣсто всего этого пустословія, лучше было-бы, если-бы Радищевъ, кстати о старомъ и всѣмъ извѣстномъ стихѣ, поговорилъ намъ о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи.

VII. ТВЕРЬ.

„Стихотворство у насъ, говорилъ мой товарищъ трактирнаго обѣда, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, далеко еще отстоитъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ, а стихосложеніе—шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, уразумѣвъ смѣшное въ польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ отшатнуться отъ него не дерзнулъ. По несчастію случилось, что Сумароковъ въ то-же время былъ, и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употреблялъ стихи по примѣру Ломоносова, и нынѣ всѣ вслѣдъ за ними не воображаютъ, чтобы другіе стихи быть могли, какъ ямбы, какъ такіе, какими писали сіи оба знаменитые мужи. Хотя оба сіи стихотворцы преподавали правила другихъ стихосложеній, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры, но столь они маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Если-бы Ломоносовъ преложилъ Іова Псалмопѣвца дактилями, или если-бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хореями, то и Херасковъ вздумалъ-бы, что можно писать другими стихами опричь ямбовъ, и болѣе-бы славы въ осьмилѣтнемъ своемъ пріобрѣлъ трудѣ, описавъ взятіе Казани свойственнымъ эпопеѣ стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ на Виргилія надѣтъ Ломоносовскимъ покроемъ, но желалъ-бы я, чтобы Омиръ между нами не въ ямбахъ явился, но въ стихахъ, подобныхъ его гекзаметрамъ, и Костровъ, хотя не стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ-бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе нашей поэзіи цѣлымъ столѣтіемъ.

Но не одни Ломоносовъ и Сумароковъ составили россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредіаковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь дать примѣръ новаго стихосложенія очень трудно, ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихосложеніи глубокій пустили корень. Парнасъ окруженъ ямбами, и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто-бы ни задумалъ писать дактилями, тому тотчасъ Тредіаковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредіаковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы.

Долго благой перемѣнѣ въ стихосложеніи препятствовать будетъ привыкшее ухо къ краесловію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ-же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода, и если она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть, но истинная красота не поблекнетъ никогда. Омиръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ, Тассо и многіе другіе читаны будутъ, доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю я бесѣдовать съ вами о разныхъ стихахъ, россійскому языку свойственныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, если немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но то-бы было неизлишне, если-бы я могъ дать примѣры въ разныхъ родахъ достаточные. Но силы мои и разумѣніе коротки. Если совѣтъ мой поможетъ что-либо сдѣлать, то я-бы сказалъ, что россійское стихотворство, да и самъ россійскій языкъ гораздо обогатились-бы ,если-бы переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо-бы эпической поэмѣ свойственнѣе было, если-бы переводъ Генріады не былъ въ ямбахъ, а ямбы некрасословные хуже прозы“. (Путешествіе, стр. 350 - 354.)

Радищевъ, будучи нововводителемъ въ душѣ, силился перемѣнить и русское стихосложеніе. Его изученія Телемахиды замѣчательны. Онъ первый писалъ у насъ древними лирическими размѣрами. Стихи его лучше его прозы. Прочтите его: Восемнадцатое столѣтіе, Сафическія строфы, басню или вѣрнѣе элегію Журавли — все это имѣетъ достоинство. Въ главѣ, изъ которой выписалъ я приведенный отрывокъ, помѣщена его извѣстная ода на вольность; въ ней много сильныхъ стиховъ. — Обращаюсь къ русскому стихосложенію. Думаю, что современемъ мы обратимся къ бѣлому стиху. Риѳмъ въ русскомъ языкѣ слишкомъ мало. Одна вызываетъ другую. Пламень неминуемо тащитъ за собою камень. Изъ-за чувства выглядываетъ непремѣнно искусство. Кому не надоѣли любовь и кровь, трудный и чудный, вѣрный и лицемѣрный и проч.?

Много говорили о настоящемъ русскомъ стихѣ. А. Востоковъ опредѣлилъ его съ большою ученостью и смѣлостью. Вѣроятно, будущій нашъ эпическій поэтъ изберетъ его и сдѣлаетъ народнымъ.

VIII. МѢДНОЕ.

„Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли“... Хороводъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ — пляшутъ пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но я читалъ слѣдующее. Не могъ дойти до хоровода. Уши мои задернулися печалію, и радостный гласъ нехитростнаго веселія до сердца моего не проникъ. О мой другъ! гдѣ-бы ты ни былъ, внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. въ несостояніи или не хочетъ заплатить того, что занялъ, или взялъ, или чего отъ него требуютъ. Занятое либо проиграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про... или раздарено, потеряно въ огнѣ, или водѣ, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомостяхъ пріемлется. — Публикуется: Сего... дня по полуночи въ 10 часовъ, по опредѣленію уѣзднаго суда или городового магистрата, продаваться будетъ съ публичнаго торга отставного капитана Г... недвижимое имѣніе: домъ, состоящій въ... части, подъ №..., и при немъ шесть душъ мужского и женскаго пола; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговременно“. (Путешествіе, стр. 341—342.)

Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ.

IX. ВЫШНІЙ-ВОЛОЧЕКЪ.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ Радищевъ любуется шлюзами и благословляетъ память того, кто, уподобясь природѣ въ ея благодѣяніяхъ, сдѣлалъ рѣку рукодѣльную — и всѣ концы единой области привелъ въ сообщеніе. Съ наслажденіемъ смотрѣлъ онъ на каналъ, наполненный нагруженными барками: онъ видѣлъ тутъ истинное земли изобиліе, избытки земледѣльчества и во всемъ его блескѣ мощнаго пробудителя человѣческихъ дѣяній — корыстолюбіе. Но вскорѣ мысли его принимаютъ обыкновенное свое направленіе. Мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго земледѣльца и разсказываетъ слѣдующее:

„Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ то по просторѣчію называютъ, счастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, напримѣръ во сто или двѣсти душъ, опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ себя опредѣлилъ къ сохѣ, но вознамѣрился найдѣйствительнѣйшимъ образомъ всевозможное сдѣлать употребленіе естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обработыванію земли. Способомъ къ сему надежнѣйшимъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ, и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка воинамъ, управляемымъ грудою, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли, онъ отнялъ у нихъ малый удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые имъ на необходимое пропитаніе даютъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыя они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ Нѣкто всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни года работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а по обыкновенію лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и постные дни — хлѣбъ съ квасомъ. Истинные розговины бывали развѣ на святой недѣлѣ. — Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная ихъ состоянію одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, дѣлали они сами, онучи получали отъ господина своего, а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно, у таковыхъ урядниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отымалъ, но способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда бралъ себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ. — При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ г-на Нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой урожай, у него родился хлѣбъ самъ-четвертъ; когда у другихъ хорошій былъ урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десятъ и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душамъ, онъ еще купилъ 200 жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь онъ считаетъ ихъ уже тысячами и славится какъ знаменитый земледѣлецъ“. (Путешествіе, стр. 272—275).

Помѣщикъ, описанный Радищевымъ, привелъ мнѣ на память другого, бывшаго мнѣ

знакомаго лѣтъ 15 тому назадъ. Молодой образъ мыслей и пылкость тогдашнихъ чувствованій отвратили меня отъ него и помѣшали мнѣ изучить одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, которые удалось мнѣ встрѣтить. Этотъ помѣщикъ былъ родъ маленькаго Людовика XI. Онъ былъ тиранъ, но тиранъ по системѣ и по убѣжденію, съ цѣлью, къ которой двигался онъ съ силой души необыкновенной, и съ презрѣніемъ къ человѣчеству, котораго онъ не думалъ и скрывать. Сдѣлавшись помѣщикомъ 2000 душъ, онъ нашелъ своихъ крестьянъ, какъ говорится, избалованными слабымъ и безпечнымъ своимъ предшественникомъ. Первымъ стараніемъ его было общее и совершенное разореніе. Онъ немедленно приступилъ къ совершенію своего предположенія и въ три года привелъ крестьянъ въ жестокое положеніе. Крестьянинъ не имѣлъ никакой собственности; онъ пахалъ барскою сохою, запряженной барской клячей; скотъ его былъ весь проданъ; онъ садился за спартанскую трапезу на барскомъ дворѣ; дома не имѣлъ онъ ни щей, ни хлѣба. Одежда, обувь выдавалась ему отъ господина. Словомъ, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помѣщика.—Какъ-бы вы думали? Мучитель имѣлъ виды филантропическіе. Пріучивъ своихъ крестьянъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, онъ думалъ постепенно ихъ обогатить, возвратить имъ собственность, даровать имъ права! Судьба на позволила ему исполнить его предначертанія. Онъ былъ убитъ своими крестьянами во время пожара.

X. ТОРЖОКЪ (о цензурѣ).

Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подъ заглавіемъ: «Торжокъ». Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе объ этомъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ эту свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выраженій выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

Было время—слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится—что наши писатели были преданы на произволъ цензуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ—голубые, «ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла». Въ шотландской балладѣ Жуковскаго назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашелъ, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковалъ трагедію Сумарокова; цензоръ вымаралъ всю статью и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики».

Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать безразсудность цензуры. «Если, говоритъ онъ, способность говорить была-бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило-бъ установить цензуру и на языкъ; издали-бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобъ поговорить между собою о погодѣ, должны были-бы получить предварительное на то позволеніе».

Конечно, если-бы слово не было общею принадлежностью всего человѣческаго рода, а только милліонной части его, то правительства необходимо должны были-бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотеями не всѣ равно обладаютъ возможностью и самою способностью писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изо всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также что-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.) и очевидно, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Что̀ значитъ аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противъ всеразрушительнаго дѣйствія типографическаго снаряда. Уважайте классъ писателей, но не допускайте-же его овладѣть вами совершенно.

Мысль—великое слово! Что-жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ-же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры: но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и для другихъ. Къ чему-же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась

и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки ея начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благодѣтельная сторона.

Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противъ злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое.

XI. РУССКАЯ ИЗБА.

Въ Пешкахъ (на станціи, нынѣ уничтоженной) Радищевъ съѣлъ кусокъ говядины и выпилъ чашку кофею. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы упомянуть о несчастныхъ африканскихъ невольникахъ, и тужитъ о судьбѣ русскаго крестьянина, не употребляющаго сахара. Все это было тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ. Но замѣчательно описаніе русской избы:

„Четыре стѣны, до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ, на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода; и дымъ, всякое утро зимою и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь, смеркающійся въ полдень, пропускалъ свѣтъ; горшка два или три (счастлива изба, коли въ одномъ изъ нихъ всякій день есть пустыя щи!); деревянная чашка и кружки, тарелками называемыя; столъ, топоромъ срубленый, который скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто кормить свиней или телятъ, буде есть, спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется. Къ счастію кадка съ квасомъ, на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не парятся, то спитъ скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода“. (Путешествіе, стр. 412—413).

Очевидно, что Радищевъ начерталъ каррикатуру, но онъ упоминаетъ о банѣ и о квасѣ, какъ о необходимостяхъ русскаго быта. Это уже признакъ довольства. Замѣчательно, что наружный видъ русской избы мало перемѣнился со временъ Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные къ его путешествію. Ничто такъ не похоже на русскую деревню въ XVI столѣтіи, какъ русская деревня въ 1833 году. Изба, мельница, заборъ; даже эта елка, это печальное тавро сѣверной природы—ничто, кажется, не измѣнилось. Однако, произошли улучшенія, по крайней мѣрѣ на большихъ дорогахъ: труба въ каждой избѣ; стекла замѣнили натянутый пузырь; вообще, болѣе чистоты, удобства, того, что англичане называютъ comfort. Замѣчательно и то, что Радищевъ, заставивъ свою хозяйку жаловаться на голодъ и неурожай, оканчиваетъ картину нужды и бѣдствія такою чертою: «и начала сажать хлѣбы въ печь».

Фонвизинъ, лѣтъ 15 передъ тѣмъ путешествовавшій по Франціи, говоритъ, что, по чистой совѣсти, судьба русскаго крестьянина показалась ему счастливѣе судьбы французскаго земледѣльца. Вѣрю. Вспомнимъ описаніе Лябрюера; слова госпожи Севинье еще сильнѣе тѣмъ, что она говоритъ безъ негодованія и горечи, а просто разсказываетъ, что̀ видитъ и къ чему привыкла. Судьба французскаго крестьянина не улучшилась и въ царствованіе Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ: волоса встанутъ дыбомъ отъ ужаса. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонятныхъ мученій! какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой—какая страшная бѣдность! Вы думаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Смита, или объ иголкахъ г-на Джаксона. И замѣтьте, что все это есть не злоупотребленіе, не преступленіе, но происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона. Кажется, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника; но посмотрите, что̀ дѣлается тамъ при изобрѣтеніи новой машины, избавляющей вдругъ отъ каторжной работы тысячъ пять или шесть народу и лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію... У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится міромъ, барщина опредѣлена закономъ; оброкъ неразорителенъ, кромѣ какъ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленности усиливаетъ и раздражаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ. Помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своего крестьянина доставать его, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ, чѣмъ онъ вздумаетъ, и уходитъ иногда за двѣ тысячи верстъ выработывать себѣ деньгу.... Злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны.

Взгляните на русскаго крестьянина: есть-ли и тѣнь рабскаго уничиженія въ его поступи и рѣчи? О его смѣлости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его извѣстна; проворство и ловкость удивительны. Путешественникъ ѣздитъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова по-русски, и вездѣ его понимаютъ, исполняютъ его требованія, заключаютъ съ нимъ условія. Никогда не встрѣтите вы въ нашемъ народѣ того, что̀ французы называютъ un badaud; никогда не замѣтите въ немъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Въ Россіи нѣтъ человѣка, который-бы не имѣлъ собственнаго

своего жилища. Нищій, уходя скитаться по міру, оставляетъ **свою** избу. Этого нѣтъ въ чужихъ краяхъ. Имѣть корову вездѣ въ Европѣ есть знакъ роскоши; у насъ не имѣть коровы есть знакъ ужасной бѣдности. Нашъ крестьянинъ опрятенъ по привычкѣ и по правилу: каждую субботу ходитъ онъ въ баню; умывается по нѣскольку разъ въ день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства; я говорю только, что благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ. Конечно, должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить времени, и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества...

XII. ЭТИКЕТЪ.

«Власти и свободу сочетать должно на всеобщую пользу». Истина неоспоримая, которою Радищевъ заключаетъ начертаніе объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ, исполненное мыслей, большею частью ложныхъ, хотя и пошлыхъ.

Предполагать униженіе въ обрядахъ, установленныхъ этикетомъ, есть просто глупость. Англійскій лордъ, представляясь своему королю, становится на колѣна и цѣлуетъ ему руку. Это не мѣшаетъ ему быть въ оппозиціи, если онъ того хочетъ. Мы всякій день подписываемся **покорнѣйшими слугами**—и, кажется, никто изъ этого еще не заключалъ, чтобъ мы просились въ камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые нѣкогда при дворахъ нашихъ царей, уничтожены Петромъ Великимъ при всеобщемъ переворотѣ. Екатерина II занялась и этимъ уложеніемъ, и установила новый этикетъ. Онъ имѣлъ передъ этикетомъ, наблюдаемымъ въ другихъ державахъ, то преимущество, что былъ основанъ на правилахъ здраваго смысла и вѣжливости общепонятной, а не на забытыхъ преданіяхъ и обыкновеніяхъ, давно измѣнившихся. Покойный государь Александръ Павловичъ любилъ простоту и непринужденность. Онъ ослабилъ снова этикетъ, который во всякомъ случаѣ не худо возобновить. Конечно, государи не имѣютъ нужды въ обрядахъ, часто для нихъ утомительныхъ; но этикетъ есть также законъ; къ тому-же онъ при дворѣ необходимъ, ибо всякому, имѣющему честь приближаться къ царскимъ особамъ, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Гдѣ нѣтъ этикета, тамъ придворные въ поминутномъ опасеніи сдѣлать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невѣжею, непріятно казаться и подслужливымъ выскочкою.

1833 г.

РАЗГОВОРЪ СЪ АНГЛИЧАНИНОМЪ О РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Часть этого наброска вошла въ XI главу „Мыслей“).

... Строки Радищева навели на меня уныніе. Я думалъ о судьбѣ крестьянина:

Къ тому-жъ подушны, барщина, оброкъ!

Подлѣ меня въ каретѣ сидѣлъ англичанинъ, человѣкъ лѣтъ 36. Я обратился къ нему съ вопросомъ: что̀ можетъ быть несчастнѣе русскаго крестьянина?

Англичанинъ: Англійскій крестьянинъ.

Я: Какъ! свободный англичанинъ, по вашему мнѣнію, несчастнѣй русскаго раба?

Онъ: Что̀ такое свобода?

Я: Свобода есть возможность поступать по своей волѣ.

Онъ: Слѣдовательно свободы нѣтъ нигдѣ; ибо вездѣ есть или законы или естественныя препятствія.

Я: Такъ; но разница: покоряться законамъ, предписаннымъ нами самими, или повиноваться чужой волѣ.

Онъ: Ваша правда. Но развѣ народъ англійскій участвуетъ въ законодательствѣ? Развѣ власть не въ рукахъ малаго числа? Развѣ требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными?

Я: Въ чемъ вы полагаете народное благополучіе?

Онъ: Въ умѣренности и соразмѣрности податей.

Я: Какъ?

Онъ: Вообще повинности въ Россіи не очень тягостны для народа: подушныя платятся міромъ, оброкъ не разорителенъ (кромѣ въ близости Москвы и Петербурга, гдѣ разнообразіе оборотовъ промышленника умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ). Во всей Россіи помѣщикъ, наложивъ оброкъ, оставляетъ на произволъ своему крестьянину доставать его, какъ и гдѣ онъ хочетъ. Крестьянинъ промышляетъ чѣмъ вздумаетъ и уходитъ иногда за 2,000 верстъ вырабатывать себѣ деньгу. И это называете вы рабствомъ? Я не знаю во всей Европѣ народа, которому было-бы дано болѣе простора дѣйствовать.

Я: Но злоупотребленія частныя...

Онъ: Злоупотребленій вездѣ много. Прочтите жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ—волоса встанутъ дыбомъ; вы подумаете, что дѣло идетъ о строеніи фараоновыхъ пирамидъ, о евреяхъ, работающихъ подъ бичами египтянъ. Совсѣмъ нѣтъ: дѣло идетъ о сукнахъ г-на Шмидта или объ иголкахъ г-на Томпсона. Сколько отвратительныхъ истязаній, непонят-

ныхъ мученій! Какое холодное варварство съ одной стороны, съ другой – какая страшная бѣдность! Въ Россіи нѣтъ ничего подобнаго.

Я: Вы не читали нашихъ уголовныхъ дѣлъ.

Онъ: Уголовныя дѣла вездѣ ужасны. Я говорю вамъ о томъ, что̀ въ Англіи происходитъ въ строгихъ предѣлахъ закона, не о злоупотребленіяхъ, не о преступленіяхъ: нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе англійскаго работника. Но посмотрите, что̀ дѣлается у насъ при изобрѣтеніи новой машины, вдругъ избавляющей отъ каторжной работы тысячъ пять, десять народу, но лишающей ихъ послѣдняго средства къ пропитанію...

Я: Живали вы въ нашихъ деревняхъ?

Онъ: Я видалъ ихъ проѣздомъ и жалѣю, что не успѣлъ изучить нравы любопытнаго вашего народа.

Я: Что̀ поразило васъ болѣе всего въ русскомъ крестьянинѣ?

Онъ: Его опрятность и свобода.

Я: Какъ это?

Онъ: Вашъ крестьянинъ каждую субботу ходитъ въ баню; умывается каждое утро, сверхъ того нѣсколько разъ въ день моетъ себѣ руки. О его смышлености говоритъ нечего: путешественники ѣздятъ изъ края въ край по Россіи, не зная ни одного слова вашего языка, и вездѣ ихъ понимаютъ, исполняютъ ихъ требованія, заключаютъ условія; никогда не встрѣчалъ я между ними то, что̀ сосѣди называютъ u n b a d a u d, никогда не замѣчалъ въ нихъ ни грубаго удивленія, ни невѣжественнаго презрѣнія къ чужому. Переимчивость ихъ всѣмъ извѣстна; проворство и ловкость удивительны.

Я: Справедливо. Но свобода? Неужто вы русскаго крестьянина почитаете свободнымъ?

Онъ: Взгляните на него: что̀ можетъ быть свободнѣе его обращенія съ вами? Есть-ли и тѣнь рабскаго униженія въ его поступи и рѣчи? Вы не были въ Англіи?

Я: Не удалось.

Онъ: То-то! Вы не видали оттѣнковъ подлости, отличающей у насъ одинъ классъ отъ другого; вы не видали раболѣпства masters нижней палаты передъ верхней, джентльмена передъ аристократіей, купечества передъ джентльменствомъ, бѣднаго передъ богатымъ, повиновенія предъ властью. А продажные голоса, а уловки министерства, а поведеніе наше съ Индіей, а отношенія наши со всѣми другими народами!

Англичанинъ мой разгорячился и совсѣмъ отдалился отъ предмета нашего разговора. Я продолжалъ слѣдовать за его мыслями, и мы пріѣхали въ Клинъ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ И ВОСПОМИНАНІЯ.

ИЗЪ ЛИЦЕЙСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

Семья моего отца, его воспитаніе, французы-учителя: Вонт... Mr. Martin. Отецъ и дядя въ гвардіи. Ихъ литературныя знакомства. Бабушка и ея мать—ихъ бѣдность. Иванъ Абрамовичъ. Свадьба отца. Смерть императрицы Екатерины—рожденіе Ольги. Отецъ выходитъ въ отставку и ѣдетъ въ Москву. Рожденіе мое.

Первыя впечатлѣнія. Юсуповъ садъ[1], землетрясеніе[2], няня. Отъѣздъ матери въ деревню. Первыя непріятности—гувернантки. Рожденіе Льва. Мои непріятныя воспоминанія. Смерть Николая[3]. Монфоръ, Русло, Кат. П. и Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію. Меня везутъ въ Петербургъ. Езуиты. Тургеневъ. Лицей.

1811.—Философскія мысли.—Мартинизмъ.—Мы прогоняемъ Пилевскаго.

1812, 1813.—Дядя Василій Львовичъ. Дм. Дм., война съ Ан. Ник. Свѣтская жизнь. Лицей, открытіе. Куницынъ. Гр. Аракчеевъ. Начальники наши. Мое положеніе. Чечневъ, Фроловъ.

1814.—Государыня въ Царскомъ Селѣ. Графъ Кочубей. Смерть Малиновскаго. Безначаліе. Пріѣздъ Карамзина. 15 лѣтъ.

1815.—Извѣстіе о взятіи Парижа. Пріѣздъ матери. Пріѣздъ отца. Стихи etc. Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе. Экзаменъ. Державинъ.

... большой грузинскій носъ, а партизанъ почти вовсе былъ безъ носу. Давыдовъ является къ Бенигсену. «Князь Багратіонъ, говоритъ, прислалъ меня доложить вашему высокопревосходительству, что непріятель у насъ на носу...»—На чьемъ носу, Денисъ Васильевичъ? отвѣчаетъ генералъ: ежели на вашемъ, то онъ ужъ близко, если-же на носу князя Багратіона, то мы успѣемъ еще отобѣдать.

Жуковскій даритъ мнѣ свои стихотворенія.

8-го ноября. — Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховского лавровымъ вѣнкомъ...

Мои мысли о Шаховскомъ.—Шаховской никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ. Шаховской не имѣетъ большого вкуса: онъ худой писатель. Что-же онъ такое? Неглупый человѣкъ, который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ, придя домой, все записываетъ и потомъ, какъ ни попало, вклеиваетъ въ свои комедіи.

---

10 декабря.—Вчера написалъ я третью главу: Фатама или разумъ человѣческій, читалъ ее С. С., и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки или лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа! Поутру читалъ жизнь Вольтера. Началъ я комедію—не знаю, кончу-ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироическую поэму: Игорь и Ольга... Лѣтомъ напишу я Картину Царскаго Села. 1. Картина сада. 2. Дворецъ. День въ Ц. С. 3. Утреннее гулянье. 4. Полуденное гулянье. 5. Вечернее гулянье. Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ—но это еще будущее.

29-го.—Итакъ, я счастливъ былъ, итакъ, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ея не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.
(Жуковскій).

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Бакуниной!

Я былъ счастливъ 5 минутъ!

17-го.—Вчера провелъ я вечеръ съ Иконниковымъ (однимъ изъ гувернеровъ лицея). Хотите-ли вы видѣть страннаго человѣка, чудака—посмотрите на Иконникова. Поступки его—поступки сумасшедшаго; вы входите въ его комнату: видите высокаго, худого человѣка, въ черномъ сюртукѣ, съ шеей, окутанной чернымъ, изорваннымъ платкомъ. Лицо блѣдное, волосы не острижены, не расчесаны, онъ стоитъ задумавшись, кулакомъ нюхаетъ табакъ изъ коробочки онъ дико смотритъ на васъ. Вы ему близкій знакомый, вы ему родственникъ или другъ—онъ васъ не узнаетъ. Вы подходите, зовете его по имени, говорите свое имя, онъ вскрикиваетъ, кидается на шею, цѣлуетъ, жметъ руку, хохочетъ задушевнымъ голосомъ, кланяется, садится, начинаетъ рѣчь, не доканчиваетъ, третъ себѣ лобъ, ерошитъ голову, вздыхаетъ. Передъ нимъ графинъ воды; онъ наливаетъ стаканъ и пьетъ, наливаетъ другой, третій, четвертый—спрашиваетъ еще воды и еще пьетъ, говоритъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Онъ не имѣетъ ни денегъ, ни мѣста, ни покровительства; ходитъ пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, чтобы освѣдомиться о какомъ-то мѣстѣ, которое обѣщалъ ему какой-то шарлатанъ. Онъ бѣденъ, гордъ и дерзокъ; разсыпается въ благодарностяхъ за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодаренъ и даже сердится за благодѣянье, ему оказанное,—легкомысленъ до чрезвычайности, мнителенъ, чувствителенъ, честолюбивъ. Иконниковъ имѣетъ дарованія, пишетъ изрядно стихи и любитъ поэзію.—Вы читаете ему свою пьесу—онъ говоритъ на-отрѣзъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; за то за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ. Иногда онъ учтивъ до безконечности, въ другое время грубъ нестерпимо. Его любятъ иногда, смѣшитъ онъ часто, а жалокъ почти всегда.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1. Здѣсь, при встрѣчѣ съ императоромъ Павломъ, няня Пушкина не успѣла снять картуза съ дитяти, за что императоръ ее разбранилъ и самъ снялъ съ него картузъ. Поэтому Пушкинъ впослѣдствіи говаривалъ, что его сношенія съ дворомъ начались при императорѣ Павлѣ.

2. 14 октября 1802 г. въ Москвѣ.

3. Старшій братъ поэта, умершій ребенкомъ.

ИЗЪ КИШИНЕВСКАГО ДНЕВНИКА.

2-го апрѣля (1826) вечеръ провелъ у Н. Г. Прелестная гречанка. Говорили объ А. Ипсиланти; между пятью греками, я одинъ говорилъ, какъ грекъ; всѣ отчаявались въ успѣхѣ предпріятія этеріи. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2,500,000 турокъ оставятъ цвѣтущую страну Эллады законнымъ наслѣдникамъ Гомера и Ѳемистокла. Съ крайнимъ сожалѣніемъ узналъ я, что Владиміреско не имѣетъ другого достоинства, кромѣ храбрости необыкновенной, —храбрости достанетъ и у Ипсиланти.

3-го.—Третьяго дня хоронили мы здѣшняго митрополита; во всей церемоніи болѣе всего понравились мнѣ жиды: они наполняли тѣсныя улицы, взбирались на кровли и составляли тамъ живописныя группы. Равнодушіе изображалось на ихъ лицахъ; со всѣмъ тѣмъ ни одной улыбки, ни одного нескромнаго движенія! Они боятся христіанъ и потому во сто кратъ благочиннѣе ихъ.

Читалъ сегодня посланіе князя Вяземскаго къ Жуковскому. Смѣлость, сила, умъ и рѣзкость; но что за звуки! Къ кому былъ Фебъ изъ русскихъ ласковъ—неожиданная риѳма «Херасковъ» не примиряетъ меня съ такой какофоніей. Баратынскій—прелесть.

9-го апрѣля.—Утро провелъ съ Пестелемъ; умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорилъ онъ, mais ma raison s'y refuse. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю...

---

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoleon. Bal chez l'archevêque arménien.

Получилъ письмо отъ Чедаева. Другъ мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мнѣ замѣнила счастье,—одного тебя можетъ любить холодная душа моя. — Жалѣю, что не получалъ онъ моихъ писемъ: они...

1821 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ АВТОБІОГРАФІИ ПУШКИНА.

БОЛѢЗНЬ. КАРАМЗИНЪ.

Болѣзнь остановила на время образъ жизни, избранный мною. Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но чрезъ шесть недѣль я вы-

здоровѣлъ. Эта болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время моей болѣзни, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своею прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ Русской Исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и со вниманіемъ. Появленіе этой книги (какъ и быть надлежало) надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе; 3,000 экземпляровъ разошлось въ одинъ мѣсяцъ (чего никакъ не ожидалъ и самъ Карамзинъ)—примѣръ единственный въ нашей землѣ. Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени ни о чемъ иномъ не говорили. Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ. Признаюсь, они были въ состояніи отучить всякаго отъ охоты къ славѣ. Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать на счетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная, при мнѣ, открывъ вторую часть, прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако!... зачѣмъ не но? Однако! какъ это глупо! чувствуете-ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!—Въ журналахъ его не критиковали. Каченовскій бросился на одно предисловіе...

У насъ никто не въ состояніи изслѣдовать огромное созданіе Карамзина, за то никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ во время самыхъ лестныхъ успѣховъ и посвятившему цѣлыхъ 12-ть лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Ноты Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Молодые якобинцы негодовали; нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій, казались имъ верхомъ варварства и униженія. Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что государь, освободивъ его отъ цензуры, этимъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности. Онъ разсказывалъ со всею вѣрностью историка, онъ вездѣ ссылался на источники; чего-же болѣе требовать было отъ историка? Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Нѣкоторые изъ людей свѣтскихъ письменно критиковали Карамзина. Ник. Муравьевъ, молодой человѣкъ, умный и пылкій, разобралъ предисловіе, или введеніе: предисловіе!... Мих. Орловъ, въ письмѣ къ Вяземскому, пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ Исторіи не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ, т. е. требовалъ романа въ исторіи — ново и смѣло! Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита Ливія слогомъ Карамзина. Римляне временъ Тарквинія, не понимающіе спасительной монархіи, и Брутъ, осуждающій на смерть своихъ сыновъ, ибо рѣдко основатели республикъ славятся нѣжною чувствительностью конечно были очень смѣшны. Мнѣ приписали одну изъ эпиграммъ; это не лучшая черта моей жизни.

... Кстати, замѣчательная черта. Однажды началъ онъ при мнѣ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «И такъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ, уважая самый гнѣвъ прекрасной души. Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ-бы самъ извиняясь въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили». Въ теченіе шестилѣтняго знакомства только въ этомъ случаѣ упомянулъ онъ при мнѣ о своихъ непріятеляхъ, противъ которыхъ не имѣлъ онъ, кажется, никакой злобы, не говоря уже о Шишковѣ, котораго онъ просто полюбилъ. Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня наискось... Я прыснулъ, и мы оба расхохотались...

ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОРЪ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

Когда-бъ я былъ царь, то позвалъ-бы Александра Пушкина и сказалъ-бы ему: «Александръ Сергѣевичъ, вы сочиняете прекрасные стихи; я читаю съ большимъ удовольствіемъ». А. П—ъ поклонился-бы мнѣ съ нѣкоторымъ скромнымъ замѣшательствомъ, а я-бы продолжалъ: «Я читалъ вашу оду «Свобода»! Прекрасно, хотя она написана немного сбивчиво,

мало обдуманно; вамъ вѣдь было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду». В. В., я писалъ ее въ 1817 году.... — «Тутъ есть три строфы очень хорошія... Конечно, вы поступили неблагоразумно... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя; но вижу, что вы не уважили правду, личную честь даже въ царѣ». — Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ? Лучше-бы вы прочли хоть 3-ю или 6-ю пѣснь Руслана и Людмилы, ежели не всю поэму, или первую часть Кавказскаго Плѣнника, или Бахчисарайскій фонтанъ. Онѣгинъ печатается, буду имѣть честь отправить два экземпляра въ библіотеку В. В., къ Ивану Андреевичу Крылову, и если В. В. найдете время...— «Помилуйте, Александръ Сергѣевичъ, вы доставите намъ пріятное занятіе. Наше царское правило: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Скажите, неужто вы все не перестаете писать на меня пасквили? Это не хорошо! Вы не должны на меня жаловаться; кажется, если я васъ не отличалъ еще, ожидая случая, то вамъ и жаловаться не на что. Признайтесь: любезнѣйшій нашъ товарищъ король Галліи или императоръ Австрійскій съ вами не такъ-бы поступили! За всѣ ваши проказы вы жили въ теплымъ климатѣ. Что вы дѣлали у Инзова и у Воронцова?» — В. В., Инзовъ меня очень любилъ, за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ, скуки ради, французскіе журналы. А его сіятельство графъ Воронцовъ не сажалъ меня подъ арестъ, не присылалъ мнѣ газетъ, но, зная русскую литературу какъ герцогъ Веллингтонъ, былъ ко мнѣ чрезвычайно... — «Какъ это вы могли ужиться съ Инзовымъ, а не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» — В. В., генералъ Инзовъ — добрый и почтенный старикъ; онъ русскій въ душѣ; онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шалопая всѣмъ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ своимъ соотечественникамъ; онъ уже не волочится, ему не 18 лѣтъ; страсти если и были въ немъ, то ужъ давно исчезли. Онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ чувства благородныя, не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергнется заслуженной колкости, потому что со всѣми вѣжливъ. Онъ не опрометчивъ, не вѣритъ пасквилямъ... В. В., вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочиненіе возмутительное приписывается мнѣ, какъ всякіе остроумные вымыслы князю Цыціанову. Я не оправдывался никогда, изъ пустого вольнодумія; отъ дурныхъ стиховъ не отказывался, надѣясь на свою добрую славу, а отъ хорошихъ, признаюсь, и силы нѣтъ отказаться. — «Слабость непростительная. Но вы-же и аѳей? вотъ что ужъ никуда не годится.» — Я аѳей? В. В., какъ можно судить человѣка по письму, писанному къ товарищу? Можно-ли школьническую шутку взвѣшивать какъ преступленіе, а двѣ пустыя фразы судить, какъ всенародную проповѣдь? Я всегда почиталъ васъ, какъ лучшаго изъ европейскихъ нынѣшнихъ властителей (увидимъ однако, что будетъ изъ Карла X), но вашъ послѣдній поступокъ со мною—ссылаюсь на собственное ваше сердце — противорѣчитъ вашимъ правиламъ и просвѣщенному образу мыслей... — «Признайтесь, вы всегда надѣялись на мое великодушіе?» — Это не было-бы оскорбительно В. В-у: вы видите, что я не ошибся въ моихъ разсчетахъ... Тутъ-бы онъ разгорячился и наговорилъ-бы мнѣ много лишняго (хоть отчасти правды); я-бы разсердился и сослалъ его въ Сибирь, гдѣ-бы онъ написалъ эпическую поэму «Ермакъ» или «Кучумъ», размѣромъ и риѳмой...

ЗАМѢТКИ.

I. Графъ Нулинъ.

Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ, и перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если-бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило-бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ-бы отступить. Лукреція-бы не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился-бы— и міръ, и исторія міра были-бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два дня написалъ эту повѣсть.

II. Моцартъ и Сальери.

Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ, всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью. — Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ (7 мая 1825 года). Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто-бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.—Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.

III. Державинъ.

Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дель-

вигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: «гдѣ, братецъ, здѣсь выйти?» Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостью. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ его очень утомилъ: онъ сидѣлъ подперши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Ц. С.», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, мой отроческій голосъ зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли... 1833 г.

IV. Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира.

Лица, созданныя Шекспиромъ, не суть, какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные, многосложные характеры. У Мольера Скупой скупъ—и только; у Шекспира Шайлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолюбивъ, остроуменъ. У Мольера лицемѣръ волочится за женою своего благодѣтеля, лицемѣря; принимаетъ имѣніе подъ храненіе, лицемѣря; спрашиваетъ стаканъ воды, лицемѣря. У Шекспира лицемѣръ произноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ! А какая глубина въ этомъ характерѣ!

Но нигдѣ, можетъ быть, многосторонній геній Шекспира не отразился съ такимъ многообразіемъ, какъ въ Фальстафѣ, пороки котораго, одинъ съ другимъ связанные, составляютъ забавную, уродливую цѣпь, подобную древней вакханаліи. Разбирая характеръ Фальстафа, мы видимъ, что главная черта его есть сластолюбіе. Смолоду, вѣроятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою; но ему уже за пятьдесятъ. Онъ растолстѣлъ, одряхъ; обжорство и вино взяли верхъ надъ Венерою. Во-вторыхъ, онъ трусъ; но, проведя свою жизнь съ молодыми повѣсами, поминутно подверженный ихъ насмѣшкамъ и проказамъ, онъ прикрываетъ свою трусость дерзостью уклончивой и насмѣшливой; онъ хвастливъ по привычкѣ и по разсчету. Фальстафъ совсѣмъ не глупъ, напротивъ, онъ имѣетъ и нѣкоторыя привычки человѣка, нерѣдко видавшаго хорошее общество. Правилъ нѣтъ у него никакихъ. Онъ слабъ какъ баба. Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack), жирный обѣдъ и деньги для своихъ любовницъ; чтобъ достать ихъ, онъ готовъ на все, только-бъ не на явную опасность.

Въ молодости моей случай сблизилъ меня съ человѣкомъ, въ которомъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе.*** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ. Шекспиръ не успѣлъ женить своего холостяка. Фальстафъ умеръ у своихъ пріятельницъ, не успѣвъ быть ни рогатымъ супругомъ, ни отцомъ семейства. Сколько сценъ, потерянныхъ для кисти Шекспира!

Вотъ черта изъ домашней жизни моего почтеннаго друга. Четырехлѣтній сынокъ его, вылитый отецъ, маленькій Фальстафъ III, однажды, въ его отсутствіи, повторялъ про себя: «какой папенька хлаблій! какъ папеньку государь любитъ!» Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебѣ это сказалъ, Володя?»—«Папенька», отвѣчалъ Володя.

1838 г.

ВСТРѢЧА СЪ КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ.

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недовольный самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова Духовидца; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ.—Вѣроятно, поляки, сказалъ я хозяйкѣ.—Да, отвѣчала она: ихъ нынче отвозятъ назадъ.—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій, блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жи-

да, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе: я поворотился къ нимъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера*). Мы кинулись другъ къ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда-же?

ПРИМѢЧАНІЕ.

*) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ Пушкина, былъ осужденъ за 14 декабря 1825 г. на 20-лѣтнюю каторгу, но вмѣсто нея содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда, по Высочайшему повелѣнію 12-го октября 1827 г., переведенъ въ Динабургскую крѣпость (въ этотъ переѣздъ и произошла описываемая встрѣча).

РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХЪ и ГАННИБАЛОВЪ.

Нѣсколько разъ принимался я за ежедневныя записки и всегда отступался изъ лѣности. Въ 1821 году началъ я мою біографію и нѣсколько лѣтъ сряду занимался ею. Въ концѣ 1825, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь мои тетради, которыя могли замѣшать имена многихъ, а можетъ быть и умножить число жертвъ. Не могу не сожалѣть о ихъ потерѣ; я въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства. Теперь какая-то торжественность ихъ окружаетъ и вѣроятно будетъ дѣйствовать на мой слогъ и образъ мыслей—за то буду осмотрительнѣе въ моихъ запискахъ. Если записки будутъ менѣе живы, то болѣе достовѣрны.

Избравъ себя лицомъ, около котораго постараюсь собрать другія лица, болѣе достойныя замѣчанія, скажу нѣсколько словъ о моемъ происхожденіи.

Мы ведемъ свой родъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ, т. е. знатнаго, благороднаго), въѣхавшаго въ Россію во время княженія св. Александра Ярославича Невскаго. Отъ него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменскіе, Бутурлины, Кологривовы, Шефердиновы и Товарковы. Имя предковъ моихъ встрѣчается поминутно въ нашей исторіи. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ въ эпоху самозванцевъ. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою о избраніи на царство Романовыхъ, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ Первомъ, сынъ его, стольникъ Ѳедоръ Матвѣевичъ, уличенъ былъ въ заговорѣ противъ государя и казненъ вмѣстѣ съ Цыклеромъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 г., при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года. Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

Дѣдъ мой былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на сносяхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть-ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постель всю разряженную и въ бриллiантахъ. Все это знаю я довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнѣе. Дѣдъ ея былъ негръ, сынъ владѣтельнаго князька. Русскій посланникъ въ Константинополѣ какъ-то досталъ его изъ сераля, гдѣ содержался онъ аманатомъ, и отослалъ его Петру Первому, вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами. Государь крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 году, съ польскою королевою, супругою Августа, и далъ ему фамилію Ганнибалъ. Въ крещеніи наименованъ онъ былъ Петромъ; но какъ онъ плакалъ и не хотѣлъ носить новаго имени, то до самой смерти назывался Абрамомъ. Старшій братъ его пріѣз-

жалъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ оставилъ при себѣ своего крестника. До 1716 года Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ, потомъ посланъ былъ въ Парижъ, гдѣ нѣсколько времени обучался въ военномъ училищѣ, вступилъ во французскую службу, во время испанской войны былъ въ голову раненъ въ одномъ подземномъ сраженіи (сказано въ рукописной его біографіи) и возвратился въ Парижъ, гдѣ долгое время жилъ въ разсѣяніи большого свѣта. Петръ Великій неоднократно призывалъ его къ себѣ, но Ганнибалъ не торопился, отговариваясь подъ разными предлогами. Наконецъ государь написалъ ему, что онъ неволить его не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или остаться во Франціи, но что въ всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Тронутый Ганнибалъ немедленно отправился въ Петербургъ. Государь выѣхалъ къ нему на встрѣчу и благословилъ образомъ Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но котораго я не могъ уже отыскать. Государь пожаловалъ Ганнибала въ бомбардирскую роту преображенскаго полка капитанъ-лейтенантомъ. Извѣстно, что самъ Петръ былъ ея капитаномъ. Это было въ 1722 году.

Послѣ смерти Петра Великаго судьба Ганнибала перемѣнилась. Меншиковъ, опасаясь его вліянія на императора Петра II, нашелъ способъ удалить его отъ двора. Ганнибалъ былъ переименованъ въ маіоры тобольскаго гарнизона и посланъ въ Сибирь съ порученіемъ измѣрить китайскую стѣну. Ганнибалъ пробылъ тамъ нѣсколько времени и самовольно возвратился въ Петербургъ, узнавъ о паденіи Меншикова и надѣясь на покровительство князей Долгорукихъ, съ которыми онъ былъ связанъ. Судьба Долгорукихъ извѣстна. Минихъ спасъ Ганнибала, отправя его тайно въ ревельскую деревню, гдѣ и жилъ онъ около десяти лѣтъ, въ поминутномъ безпокойствѣ. До самой кончины своей, онъ не могъ безъ трепета слышать звонъ колокольчика. Когда императрица Елизавета взошла на престолъ, тогда Ганнибалъ написалъ ей евангельскія слова: «помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое». Елизавета тотчасъ призвала его ко двору, произвела въ бригадиры и вскорѣ потомъ въ генералъ-маіоры и въ генералъ-аншефы, пожаловала ему нѣсколько деревень въ губерніяхъ Псковской и Петербургской—въ первой: Зуёво, Боръ, Петровское и другія; во второй: Кобрино, Суйду и Таицы, также деревню Раголу, близъ Ревеля. въ которомъ нѣсколько времени былъ онъ оберъ-комендантомъ. При Петрѣ III вышелъ онъ въ отставку и умеръ философомъ (говоритъ его нѣмецкій біографъ), въ 1781 году, на 93-мъ году своей жизни. Онъ написалъ было свои записки на французскомъ языкѣ, но въ припадкѣ паническаго страха, которому былъ подверженъ, велѣлъ ихъ сжечь вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами.

Въ семейственной жизни прадѣдъ мой Ганнибалъ такъ-же былъ несчастливъ, какъ и прадѣдъ Пушкинъ. Первая жена его, красавица, родомъ гречанка, родила ему бѣлую дочь. Онъ съ нею развелся и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь ея Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза. Вторая жена его, Христина Регина фонъ-Шеберхъ, вышла за него въ бытность его въ Ревелѣ оберъ-комендантомъ и родила ему множество черныхъ дѣтей обоего пола.

Старшій сынъ, Иванъ Абрамовичъ, столь-же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу, вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами, и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы, и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній.

Дѣдъ мой, Осипъ Абрамовичъ,—настоящее имя его было Януарій, но прабабушка моя не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія («шорнъ шортъ», говорила она, «дѣлатъ мнѣ шорна ребятъ и даетъ имъ шертовскъ имя»)—дѣдъ мой служилъ во флотѣ и женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной, дочери тамбовскаго воеводы, родного брата дѣду отца моего (который доводится внучатнымъ братомъ моей матери); и этотъ бракъ былъ несчастливъ: ревность жены и непостоянство мужа была причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя импера-

трицы, которая съ живостью вмѣшалась въ это дѣло. Новый бракъ дѣда моего объявленъ былъ незаконнымъ; бабушкѣ моей возвращена трехлѣтняя ея дочь, а дѣдушка посланъ на службу въ черноморскій флотъ. 30 лѣтъ они жили розно. Дѣдъ мой умеръ въ 1707 году, въ своей Псковской деревнѣ, отъ слѣдствій невоздержной жизни. Одиннадцать лѣтъ послѣ того бабушка скончалась въ той-же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ.

Гдѣ-то сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рома. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то вѣроятно дешево, но достался онъ шкиперу, котораго имя всякій русскій произноситъ не всуе...

ДЕЛЬВИГЪ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 г...). Отецъ его, умершій генералъ-маіоромъ въ 1828 году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой. Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ; въ концѣ 1811 г. вступилъ онъ въ царскосельскій лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія.

Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь-же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ. Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостью ума, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разсказывавшій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто-бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гёте прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, которыхъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: къ Діону, къ Лилетѣ, Доридѣ, писаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то-же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо. Но такова участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ....

Я ѣхалъ съ Вяземскимъ изъ Петербурга въ Москву. Дельвигъ хотѣлъ проводить меня до Царскаго Села. 10 августа (1830) поутру мы вышли изъ города. Вяземскій долженъ былъ насъ догнать на дорогѣ.—Дельвигъ обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но въ этотъ день всталъ онъ въ восьмомъ часу, и у него съ непривычки кружилась и болѣла голова. Мы принуждены были зайти въ низенькій трактиръ. Дельвигъ позавтракалъ. Мы пошли далѣе. Ему стало легче; головная боль прошла. Онъ сталъ веселъ и говорливъ.—Завтракъ въ трактирѣ напомнилъ ему повѣсть, которую намѣревался онъ написать. Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія, даже самыя мелкія. La raison de ce, que Delvig a si peu écrit, tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели

были они написаны; но когда наконецъ онъ ихъ читалъ, облеченныя въ звучные гекзаметры, они казались намъ новыми и неожиданными. Такимъ образомъ его «Русская Идиллія», напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ разсказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса.

Идилліи Дельвига для меня удивительны: какую силу воображенія надо имѣть, чтобы такъ совершенно перенестись изъ 19-го столѣтія въ золотой вѣкъ, и какое необыкновенное чутье изящнаго, чтобы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго—въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго—въ мысляхъ. лишняго, неестественнаго—въ описаніяхъ.

1831 г.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

24 ноября (1833).—Обѣдалъ у К. А. Карамзиной. Видѣлъ Жуковскаго. Онъ здоровъ и помолодѣлъ. Вечеромъ раутъ у Фикельмонтъ (Австрійскій посланникъ). Странная встрѣча: ко мнѣ подошелъ мужчина лѣтъ 45, въ усахъ и съ просѣдью. Я узналъ по лицу грека и принялъ за одного изъ моихъ старыхъ кишиневскихъ пріятелей. Это былъ Суццо, бывшій молдавскій господарь. Онъ теперь посланникомъ въ Парижѣ. Не знаю еще, зачѣмъ здѣсь. Онъ напомнилъ мнѣ, что въ 1821 году былъ я у него въ Кишиневѣ вмѣстѣ съ Пестелемъ. Я разсказалъ ему, какимъ образомъ Пестель обманулъ его и предалъ этерію, представя ее императору Александру отраслью карбонаризма. Суццо не могъ скрыть ни своего удивленія, ни досады: тонкость фанаріота была побѣждена хитростью русскаго офицера! это оскорбило его самолюбіе.

---

30 ноября.—Вчера балъ у Бутурлина. Жомини. Любопытный разговоръ съ Блайемъ: Зачѣмъ у васъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ?—Для безопасности Петербурга? Но онъ защищенъ Кронштадтомъ. Игрушка!—Долго-ли вамъ распространяться? (Мы смотрѣли карту постепеннаго распространенія Россіи, составленную Бутурлинымъ). Ваше мѣсто—Азія: тамъ совершите вы достойный подвигъ цивилизаціи... etc.

Нѣсколько офицеровъ подъ судомъ за неисправность въ дежурствѣ. Великій князь засталъ ихъ за ужиномъ, кого въ шлафрокѣ, кого безъ шарфа. Онъ пораженъ мыслью объ упадкѣ гвардіи. Но какими средствами думаетъ онъ возвысить ея духъ? При Екатеринѣ караульный офицеръ ѣхалъ за своимъ взводомъ въ возкѣ и въ лисьей шубѣ. Въ началѣ царствованія Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны, а гвардія была въ своемъ цвѣтущемъ состояніи.

4-го декабря 1833.—Вечеромъ у Загряжской (Натальи Кирилловны). Разговоръ о Екатеринѣ. Наталья Кирилловна была на галерѣ вмѣстѣ съ Петромъ III, во время революціи. Только два раза видѣла она Екатерину сердитою, и оба раза на княгиню Дашкову. Екатерина звала ее въ Эрмитажъ. Княгиня Дашкова спросила у придворныхъ, какъ ходятъ они туда. Ей отвѣчали: черезъ алтарь. Дашкова на другой день съ десятилѣтнимъ сыномъ прямо забралась въ алтарь, остановилась на минуту, поговорила съ сыномъ о святости того мѣста, и прошла съ нимъ въ Эрмитажъ. На другой день всѣ ожидали государыню, въ томъ числѣ и Дашкова. Вдругъ дверь отворилась, государыня влетѣла и прямо къ Дашковой. Всѣ замѣтили по краскѣ ея лица и по живости рѣчи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнемъ поступкѣ, говоря, что она не знала, чтобъ женщинѣ былъ запрещенъ входъ въ алтарь.—Какъ вамъ не стыдно! отвѣчала Екатерина. Вы русская и не знаете своего закона; священникъ принужденъ на васъ мнѣ жаловаться.—Наталья Кирилловна разсказала анекдотъ съ большой живостью. Княгиня Кочубей замѣтила, что Дашкова вошла вѣроятно въ алтарь въ качествѣ президента русской академіи. Второго анекдота я не выслушалъ.

1-го января 1834.—Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ). Меня спрашивали, доволенъ-ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ.

7-го января.—Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui, etc. Великій князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ.—Покорнѣйше благодарю, ваше высочество; до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись, вы первый меня поздравили.

17-го января.—Балъ у графа Бобринскаго (Алексѣя Алексѣевича) одинъ изъ самыхъ блистательныхъ. Государь мнѣ о моемъ камеръ-юнкерствѣ не говорилъ, а я не благодарилъ его. Говоря о моемъ Пугачевѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Жаль, что я не зналъ, что ты о немъ пишешь; я-бы тебя познакомилъ съ его сестрицей, кото-

рая тому три недѣли умерла въ крѣпости».— Возможно-ли? Съ 1774 года! Правда, она жила на свободѣ, въ предмѣстьѣ, но далеко отъ своей донской станицы, на чужой, холодной сторонѣ. Государыня спросила у меня, куда ѣздилъ я лѣтомъ. Узнавъ, что въ Оренбургъ, освѣдомилась о Перовскомъ съ большимъ добродушіемъ.

26-го января.—Въ прошедшій вторникъ званъ я былъ въ Аничковъ. Пріѣхалъ въ мундирѣ. Мнѣ сказали, что гости во фракахъ. Я уѣхалъ, оставя Наталью Николаевну, и, переодѣвшись, отправился на вечеръ къ Сергѣю Васильевичу Салтыкову. Государь былъ недоволенъ и нѣсколько разъ принимался говорить обо мнѣ. Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches.

Въ четвергъ балъ у кн. Трубецкого (Василія Сергѣевича). Государь пріѣхалъ неожиданно, былъ на полчаса. Сказалъ женѣ: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? (Мундирныя пуговицы). Старуха гр. Бобринская извиняла меня тѣмъ, что у меня не были онѣ нашиты.

Баронъ д'Антесъ и маркизъ де-Пина, два шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ.

28-го февраля.—Протекшій мѣсяцъ былъ довольно шуменъ. Множество баловъ, раутовъ, etc. Масляница. Я представлялся. Государь позволилъ мнѣ печатать Пугачева; мнѣ возвращена моя рукопись съ его замѣчаніями (очень дѣльными). Въ воскресенье, на балѣ въ концертной, государь долго со мною разговаривалъ. Онъ говоритъ очень хорошо, не смѣшивая обоихъ языковъ, не дѣлая обыкновенныхъ ошибокъ и употребляя настоящія выраженія.

6-го марта.—Царь далъ мнѣ взаймы 20,000 на напечатаніе Пугачева. Спасибо!

13 іюля 1826 года, день казни пяти декабристовъ, въ полдень государь находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ стоялъ надъ прудомъ, что за кагульскимъ памятникомъ, и бросалъ платокъ въ воду, заставляя собаку свою выносить его на берегъ. Въ эту минуту слуга прибѣжалъ сказать ему что-то на ухо. Царь бросилъ и собаку, и платокъ, и побѣжалъ во дворецъ. Собака, выплывъ на берегъ и не найдя его, оставила платокъ и побѣжала за нимъ. Фрейлина подняла платокъ въ память историческаго дня.

17-го марта.—Вчера было совѣщаніе литературное у Греча объ изданіи русскаго «Conversations-Lexicon». Насъ было человѣкъ со сто, большей частью неизвѣстныхъ мнѣ русскихъ великихъ людей. Гречъ сказалъ мнѣ предварительно: «Плюшаръ въ этомъ дѣлѣ есть шарлатанъ, а я пальясъ; пью его лекарство и хвалю его». Такъ и вышло. Я подсмотрѣлъ много шарлатанства и очень мало толку. Предпріятіе въ милліонъ, а выгоды не вижу, не говоря уже о чести. Охота лѣзть въ омутъ, гдѣ полощутся Булгаринъ, Полевой и Свиньинъ! Гаевскій подписался, но съ условіемъ. Кн. Одоевскій и я послѣдовали его примѣру. Вяземскій не былъ приглашенъ на это литературное сборище.—Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ нѣкогда моимъ профессоромъ, ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Устряловъ сказывалъ мнѣ, что издаетъ процессъ Никоновъ. Важная вещь!

Третьяго дня обѣдъ у австрійскаго посланника (гр. Фикельмонтъ). Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) пріѣхалъ въ 5 часовъ вмѣсто $5^1/_2$ и ждалъ нѣсколько времени хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня во все время. Сидя втроемъ съ посланникомъ и его женою, разговорился я объ 11 марта (1801)... Государь, нынѣ царствующій, первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ; его предшественники принуждены были терпѣть и прощать.

2-го апрѣля.—Надняхъ (въ прошедшій четвергъ) обѣдалъ у князя Трубецкого съ Вяземскимъ, Нарышкинымъ, съ Кукольникомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ-ли онъ талантъ. Я не дочелъ его «Тасса» и не видалъ его «Руки» etc. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: il brédouille en musique, comme en vers. Кукольникъ пишетъ «Ляпунова». Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта.

Князь Одоевскій, Диринъ, Гаевскій, Зайцевскій и я выключены изъ числа издателей «Conversations-Lexicon». Прочіе были обижены нашею оговоркою: но честный человѣкъ, говоритъ Одоевскій, можетъ быть однажды обманутъ, но въ другой разъ обманутъ только дурака. Этотъ Лексиконъ будетъ не что иное, какъ С ѣ в е р н а я П ч е л а и Б и б л і о т е к а д л я ч т е н і я въ новомъ порядкѣ и объемѣ.

Въ прошлое воскресенье обѣдалъ я у Сперанскаго. Онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ изгнаніи въ 1812 году. Онъ посланъ былъ изъ Петербурга по тихвинской глухой дорогѣ. Ему данъ былъ въ провожатые полицейскій чиновникъ, человѣкъ добрый и глупый. На одной станціи не давали ему лошадей; чиновникъ пришелъ просить покровительства у своего

арестанта. Ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно: эти канальи лошадей намъ не даютъ. — Сперанскій у себя очень любезенъ. Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра. «Вы и Аракчеевъ, вы стоите въ дверяхъ, противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага». Онъ отвѣчалъ комплиментами и совѣтовалъ мнѣ писать исторію моего времени.

7-го апрѣля.—«Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ по совѣту Блудова). Жуковскій говорилъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ былъ участи своей. Мудрено съ большею наглостью проповѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска.

Моя «Пиковая дама» въ большой модѣ. Игроки понтируютъ на тройку, семерку и туза. При дворѣ нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной (Голицыной) и кажется не сердятся.

Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Очень оригинально и очень смѣшно.

Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики.

8-го апрѣля.—Сейчасъ ѣду во дворецъ представиться царицѣ.

2 часа.—Представлялся. Ждали царицу часа три. Насъ было человѣкъ 20: братъ Паскевича, Шереметевъ, Болховской, два Корфа, Вальховскій и др. Я по списку былъ послѣдній. Царица подошла ко мнѣ, смѣясь: Non, c'est unique! Je me creusais la tête pour savoir quel P. me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!... Comment va votre femme? Sa tante (Ек. Ив. Загряжская) est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption... и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, не смотря на то, что ей уже 35 лѣтъ и даже 36.

14-го апрѣля.—Вчера концертъ для бѣдныхъ. Дворъ въ концертѣ. 300 мѣстъ и 2.000 билетовъ.

Слухъ о томъ, что Полевой былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, подтверждается. Говорятъ, кто-то его встрѣтилъ въ большомъ смущеніи, здѣсь, на улицѣ, тому съ недѣлю.

16-го.—Вчера проводилъ Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашелъ у себя на столѣ приглашеніе на дворянскій балъ и приказъ явиться къ графу Литтѣ. Я догадался, что дѣло идетъ о томъ, что я не явился въ придворную церковь ни къ вечернѣ въ субботу, ни къ обѣднѣ въ вербное воскресенье. Такъ и вышло. Жуковскій сказалъ мнѣ, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и сказалъ: «если имъ тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средства ихъ избавить». Однакожъ я не поѣхалъ на головомытье, а написалъ объясненіе.

Говорятъ, будто-бы надняхъ выйдетъ указъ о томъ, что уничтожается право русскимъ подданнымъ пребывать въ чужихъ краяхъ. Жаль во всѣхъ отношеніяхъ, если слухъ этотъ оправдается.

Середа на святой недѣлѣ.—Праздникъ совершеннолѣтія совершился. Я не былъ свидѣтелемъ. Это было вмѣстѣ торжество государственное и семейное. Всѣ были въ восхищеніи отъ необыкновеннаго зрѣлища. Многіе плакали, а кто не плакалъ, тотъ обтиралъ сухіе глаза, силясь выжать нѣсколько слезъ. Дворецъ былъ полонъ народу. Мнѣ надобно было свидѣться съ Катериною Ивановною Загряжской. Я къ ней пошелъ по задней лѣстницѣ, надѣясь никого не встрѣтить; но и тутъ была давка. Придворные ропщутъ: ихъ не пустили въ церковь, куда, говорятъ, всѣхъ пускали.

Мердеръ умеръ. Человѣкъ добрый и честный, незамѣнимый. Великій князь еще того не знаетъ: отъ него таятъ извѣстіе, чтобъ не отравить его радости. Откроютъ ему послѣ бала 28. Также умеръ Аракчеевъ, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатлѣнія. Губернаторъ новгородскій пріѣхалъ въ Петербургъ и явился къ Блудову съ извѣстіемъ о его болѣзни и для принятія приказаній на счетъ бумагъ, у графа находящихся. «Это не мое дѣло, отвѣчалъ Блудовъ: отнеситесь къ Бенкендорфу». Въ Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьевъ.

Петербургъ полонъ вѣстями и толками о минувшемъ торжествѣ. Разговоры несносны: слышишь вездѣ одно и то-же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна въ окружающей суетѣ. Дай Богъ ей счастливо родить, а страшно за нее.

Вышелъ указъ о русскихъ подданныхъ, пребывающихъ въ чужихъ краяхъ. Онъ есть явное нарушеніе права, даннаго дворянству Петромъ III; но такъ какъ допускаются исключенія, то и будетъ одною изъ безчисленныхъ пустыхъ мѣръ, принимаемыхъ ежедневно къ досадѣ благомыслящихъ людей и ко вреду правительства.

Гулянье 1-е мая не удалось отъ дурной погоды: было экипажей десять. Случилось несчастіе: какая-то деревянная башня, памятникъ

затѣй Милорадовича къ Екатерингофѣ, обрушилась, и нѣсколько людей, бывшихъ въ ней, ушиблись. Кстати, вотъ надпись къ воротамъ Екатерингофа:

Хвостовымъ нѣкогда воспѣтая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавіе Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читалъ у Дашкова свою комедію. Дашковъ звалъ Вяземскаго на свой вечеръ, говоря въ своей запискѣ:

Molière avec Tartuffe y doit jouir son rôle,
Et Lambert, qui plus est, m' a donné sa parole etc.

Вяземскій отвѣчалъ: Какъ? будетъ графъ Ламбертъ и съ нимъ его супруга? Зовите-жъ и Лаваль.

21-го. Вчера обѣдалъ у Смирновыхъ съ Полетикой, съ Велегорскимъ и съ Жуковскимъ. Разговоръ коснулся Екатерины. Полетика разсказалъ нѣсколько анекдотовъ. Нѣкто Чертковъ, человѣкъ крутой и неуступчивый, былъ однажды во дворцѣ. Зубовъ подошелъ къ нему и обнялъ его, говоря: «ахъ ты, мой красавецъ!» Чертковъ былъ очень дуренъ лицомъ. Онъ осердился и, обратясь къ Зубову, сказалъ: «я, сударь, своею фигурою фортуны себѣ не ищу». Всѣ замолчали. Екатерина, игравшая тутъ-же въ карты, обратилась къ Зубову и сказала: «вы не можете помнить такого-то (Черткова по имени и отчеству), а я его помню и могу васъ увѣрить, что онъ очень былъ недуренъ».

2-го іюня. Много говорятъ въ городѣ объ Медемѣ, назначенномъ министромъ въ Лондонъ. Это—дипломатическія суспиціи, какъ говорятъ городничихи. Англія не посылала намъ посланника: мы отзываемъ Ливена Бива недоволенъ. Онъ говоритъ: mais Medem c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc bec. Государь не хотѣлъ принять Каннинга (Stratford), потому что, будучи великимъ княземъ, имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность.

26-го мая былъ я на пароходѣ и провожалъ Мещерскихъ (кн. Петръ Иван. и княг. Катер. Никол., дочь Карамзина), отправляющихся въ Италію.

На другой день представлялся великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ). Насъ было человѣкъ 8, между прочими Красовскій, славный цензоръ. Великая княгиня спросила его: «Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce que paraît».— Oui, v. a. i., отвѣчалъ онъ:— la littérature actuelle est si détestable, que c'est un supplice». Великая княгиня скорѣй отъ него отошла. Говорила со мной о Пугачевѣ.

Вчера вечеръ у Катерины Андреевны (Карамзиной). Она ѣдетъ въ Таицы, принадлежавшія нѣкогда Ганнибалу, моему прадѣду. У нея были Вяземскій, Жуковскій и Полетика. Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павлѣ I-мъ, романтическомъ нашемъ императорѣ.

3-го іюня.—Обѣдали мы у Вяземскаго, Жуковскій, Давыдовъ и Киселевъ. Много говорили объ его управленіи въ Валахіи. Онъ, можетъ быть, самый замѣчательный изъ нашихъ государственныхъ людей, не исключая Ермолова...

Генералъ Болховской хотѣлъ писать свои записки (и даже началъ ихъ; нѣкогда, въ бытность мою въ Кишиневѣ, онъ ихъ мнѣ читалъ). Киселевъ сказалъ ему: помилуй! да о чемъ ты будешь писать? что ты видѣлъ?—Что я видѣлъ? возразилъ Болховской: да я видѣлъ такія вещи, о которыхъ никто и понятія не имѣетъ.

Тому недѣли двѣ получено здѣсь извѣстіе о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное дѣйствіе. Государь былъ неутѣшенъ. Новые министры повѣсили головы... Вотъ сужденіе о немъ: c'était un esprit éminnement conciliant; nul n'excellait comme lui à trancher une question difficile, a amener les opinions à s'entendre, etc. Безъ него Совѣтъ иногда превращался только-что не въ драку, такъ что принуждены были посылать за нимъ больнымъ, чтобъ его присутствіемъ усмирить волненіе. Дѣло въ томъ, что онъ былъ человѣкъ хорошо воспитанный, а это у насъ рѣдко. И за то спасибо!

22-го іюля. — Прошедшій мѣсяцъ былъ буренъ. Чуть-было не поссорился я со дворомъ; но все перемололось. Однако это мнѣ не пройдетъ.

Маршалъ Мезонъ упалъ на маневрахъ съ лошади и чуть не былъ раздавленъ образцовымъ полкомъ. Арендъ объявилъ, что онъ внѣ опасности. Подъ Аустерлицемъ онъ искрошилъ кавалергардовъ. Долгъ платежемъ красенъ.

9-го августа.—Трощинскій въ концѣ царствованія Павла былъ въ опалѣ. Исключенный изъ службы, просился онъ въ деревню. Государь не велѣлъ ему выѣзжать изъ города. Трощинскій остался въ Петербургѣ, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, въ два часа ночи, является къ его воротамъ фельдъегерь. Ворота заперты. Весь домъ спитъ. Онъ стучится, никто нейдетъ. Фельдъегерь въ протаявшемъ снѣгу отыскалъ камень и пустилъ его въ окошко. Въ домѣ проснулись, начали отворять ворота и поспѣшно прибѣжали къ спящему Трощинскому, объявляя ему, что его требуетъ государь и что за нимъ пріѣхалъ фельдъегерь. Трощинскій встаетъ, одѣвается, садится въ сани и ѣдетъ. Фельдъегерь привозитъ его прямо къ зимнему дворцу. Трощинскій не можетъ понять, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видитъ онъ, что его ведутъ на половину великаго князя Александра. Тутъ только дога-

дался онъ о перемѣнѣ, происшедшей въ государствѣ. У дверей кабинета встрѣтилъ его Паленъ, обнялъ и поздравилъ съ новымъ императоромъ. Трощинскій нашелъ государя въ мундирѣ, облокотившимся на столъ и всего въ слезахъ. Александръ кинулся къ нему на шею и сказалъ: «будь моимъ руководителемъ». Тутъ былъ тотчасъ-же написанъ манифестъ и подписанъ государемъ, не имѣвшимъ силы ничѣмъ заняться.

28-го ноября.—Я ничего не записывалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Я былъ въ отсутствіи. Выѣхалъ изъ Петербурга за пять дней до открытія Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемоніи вмѣстѣ съ камеръ-юнкерами, своими товарищами, былъ въ Москвѣ нѣсколько часовъ, видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ. Отправился потомъ въ Калугу на перекладныхъ, безъ человѣка Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставилъ на своемъ. «Какіе мы разбойники? говорили мнѣ они: намъ дана вольность, и поставленъ столпъ намъ въ честь». Графа Румянцова вообще не хвалятъ за его памятникъ и увѣряютъ, что церковь была-бы приличнѣе. Я довольно съ этимъ согласенъ. Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ. Въ Заводахъ прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Наталью Николаевну въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я предъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно. Воротился къ 15-му октября въ Петербургъ, гдѣ и проживаю. Пугачевъ мой отпечатанъ. Я ждалъ все возвращенія царя изъ Пруссіи. Вечоръ онъ пріѣхалъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ привезъ эту новость на балъ Бутурлина. Балъ былъ прекрасенъ. Воротились въ 3 часа.

5-го декабря.—Завтра надобно будетъ явиться во дворецъ. У меня еще нѣтъ мундира. Ни зачто не поѣду представляться съ моими товарищами камеръ-юнкерами, 18-лѣтними молокососами. Царь разсердится. Да что̀ мнѣ дѣлать?

1833—1834 г.

О ДУРОВѢ.

Дуровъ—братъ той Дуровой, которая въ 1807 году пошла въ военную службу, заслужила георгіевскій крестъ и теперь издаетъ свои записки. Братъ въ своемъ родѣ не уступаетъ въ странности сестрѣ. Я познакомился съ ними на Кавказѣ въ 1829 г., возвращаясь изъ Эрзерума. Онъ лечился отъ какой-то удивительной болѣзни, въ родѣ каталепсіи, и игралъ съ утра до ночи въ карты. Наконецъ онъ проигрался, и я довезъ его до Москвы въ моей коляскѣ. Дуровъ помѣшанъ былъ на одномъ пунктѣ: ему непремѣнно хотѣлось имѣть сто тысячъ рублей. Всевозможные способы достать ихъ были имъ придуманы и передуманы. Иногда ночью, въ дорогѣ, онъ будилъ меня вопросомъ: «Александръ Сергѣевичъ! Александръ Сергѣевичъ! какъ-бы, думаете вы, достать мнѣ сто тысячъ?» Однажды сказалъ я ему, что на его мѣстѣ, если ужъ сто тысячъ были необходимы, то я-бы ихъ укралъ. «Я объ этомъ думалъ», отвѣчалъ мнѣ Дуровъ.—«Ну, что-же?»—«Мудрено: не у всякаго въ карманѣ можно найти сто тысячъ, а зарѣзать или обокрасть человѣка за бездѣлицу не хочу, у меня есть совѣсть».—«Ну, такъ украдьте полковую казну.»—«Я объ этомъ думалъ». — «Что-же?» — «Это можно сдѣлать лѣтомъ, когда полкъ въ лагерѣ, а фура съ казною стоитъ у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а тамъ на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачетъ безъ лошадей, вѣроятно, испугается и не будетъ знать, что̀ дѣлать; въ двухъ или трехъ верстахъ можно разбить фуру, а съ казною бѣжать. Но тутъ много также неудобства. Не знаете-ли вы иного способа?»—«Просите денегъ у государя».—«Я объ этомъ думалъ».—«Что-же?»—«Я даже и просилъ».—«Какъ! безо всякаго права?»—«Я съ того и началъ: ваше величество! я никакого права не имѣю просить у васъ то, что̀ составило-бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нѣтъ, и такъ далѣе».—«Что-же вамъ отвѣчали?»—«Ничего». — «Это удивительно. Вы-бы обратились къ Ротшильду».—«Я объ этомъ думалъ».—«Что-же, зачѣмъ дѣло стало?»—«Да видите-ли: одинъ способъ выманить у Ротшильда сто тысячъ; это было-бы такъ странно и такъ забавно: надобно-бы написать ему просьбу, чтобъ ему было весело, потомъ разсказать анекдотъ, который стоилъ-бы ста тысячъ. Но сколько трудностей!...» Словомъ, нельзя было придумать несообразности и нелѣпости, о которой-бы Дуровъ уже не подумалъ. Послѣдній проектъ его былъ—выманить эти деньги у англичанъ, подстрекнувъ ихъ народное самолюбіе и въ надеждѣ на ихъ любовь къ странностямъ. Онъ хотѣлъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ письмомъ: «Гг. англичане! я бился объ закладъ въ 10,000 рублей, что вы не откажетесь мнѣ дать взаймы 100,000 рублей. Гг. англичане, избавьте меня отъ проигрыша, на который навязался я, въ надеждѣ на ваше, всему свѣту извѣстное великодушіе». Дуровъ просилъ меня похлопотать объ этомъ въ Петербургѣ чрезъ англійскаго посланника, и свой проектъ высказалъ мнѣ не иначе, какъ взявъ съ меня честное слово не воспользоваться имъ. Онъ готовъ былъ всегда биться объ закладъ, и

о чемъ-бы то ни было. Говорили-ли о женщинѣ—«хотите со мною биться объ закладъ, прерывалъ Дуровъ: что черезъ три дня она меня полюбитъ?» Стрѣляли-ли въ цѣль изъ пистолета—Дуровъ предлагалъ стать въ 25-ти шагахъ и бился о 1,000 рублей, что вы въ него не попадете. Страсть его къ женщинамъ была также очень замѣчательна. Бывши городничимъ въ Ямбургѣ, влюбился онъ въ одну рыжую бабу, осужденную къ кнуту, въ ту самую минуту. какъ она уже была привязана къ столбу, а онъ по должности своей присутствовалъ при ея казни. Онъ шепнулъ палачу, чтобы онъ ее поберегъ и не трогалъ ея прелестей, бѣлыхъ и жирныхъ, что̀ и было исполнено; послѣ чего Дуровъ жилъ нѣсколько дней съ прекрасной каторжницей Недавно получилъ я отъ него письмо. Онъ пишетъ: исторія моя коротка: я женился, а денегъ все нѣтъ. Я отвѣчалъ ему: жалѣю, что изъ 100,000 способовъ достать 100,000 рублей ни одинъ еще, видно, вамъ не удался.

1833 г.

ПРОЕКТЫ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА И ГАЗЕТЫ.

1) Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ которымъ я выпущенъ изъ лицея), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не напоминалъ. Не знаю. можно-ли мнѣ будетъ получить то, что̀ мнѣ слѣдовало.

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Съ радостью взялся-бы я за редакцію «политическаго и литературнаго журнала», т. е. такого, въ которомъ печатались-бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ-бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III (Іюль 1831).

2) У насъ періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыя въ Россіи и не существуютъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ; но тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветой. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ, русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ (Іюль 1831).

3) Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности; читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что̀ мы привыкли видѣть у себя.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она часть частной промышленности, покровительствуемой законами.

Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ, и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Одна газета («С. Пчела»), издаваемая двумя извѣстными литераторами (Гречемъ и Булгаринымъ), имѣя около 3,000 подписчиковъ, естественно должна имѣть большое вліяніе на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется этимъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики, или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературные, вмѣсто 3,000 подписчиковъ, имѣютъ едва-ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ-бы вовсе не дѣйствителенъ.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ необходимъ журналъ, котораго средства могли-бы равняться средствамъ «Газеты».

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

26 іюля (1831 г.). Вчера государь императоръ отправился въ Военныя Поселенія (въ Новгородской губерніи) для усмиренія возникшихъ тамъ безпокойствъ. Нѣсколько офицеровъ и лекарей убито бунтовщиками. Ихъ депутаты пришли въ Ижору съ повинною головою и съ роспискою одного изъ офицеровъ, котораго передъ смертью принудили бунтовщики письменно показать, будто-бы онъ и лекарь отравливали людей.

Государь говорилъ съ депутатами мятежниковъ, послалъ ихъ назадъ, приказалъ во всемъ слушаться гр. Орлова, посланнаго въ Поселенія при первомъ извѣстіи о бунтѣ, и обѣщалъ самъ къ нимъ пріѣхать. «Тогда я васъ прощу», сказалъ онъ имъ. Кажется, все усмирено, а ежели нѣтъ еще, то все усмирится присутствіемъ государя.

Однакожъ это рѣшительное средство, какъ послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ; но можетъ найтись въ толпѣ голосъ для возраженія. Подобные разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ 12,000 верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ.

Покамѣстъ полагали, что холера прилипчива, какъ чума, до тѣхъ поръ карантины были необходимое зло. Но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантины слѣдовало тотчасъ уничтожить. 16 губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантины, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою, суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали 16 губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству; но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе безпокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и которой признаки такъ близки къ отравѣ.

---

29 іюля (1831 г.).—Третьяго дня государыня родила великаго князя Николая. Наканунѣ она позволила фрейлинѣ Россети выйти за Смирнова.—Государь пріѣхалъ передъ самыми родами императрицы. Бунтъ въ новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ его присутствіемъ. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ аракчеевскаго и короля прусскаго перерѣзаны. Мятежники имѣли списки мнимыхъ отравителей, т. е. начальниковъ и лекарей. Генерала они засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: «Ваше высокоблагородіе, что̀ это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны!»—и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лекарей убито 15 человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежавшими въ лазаретѣ. Этотъ лекарь 12 лѣтъ находился въ колоніи и былъ отмѣнно любимъ солдатами за его усердіе и добродушіе. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотѣли однакоже его зарѣзать, ибо и онъ стоялъ въ спискѣ жертвъ. Больные вытребовали его изъ-подъ караула. Мятежники хотѣли-было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. 30 троекъ были уже готовы. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Онъ-было спасъ и офицеровъ полка прусскаго короля, уговоривъ мятежниковъ содержать несчастныхъ подъ арестомъ, но послѣ его отъѣзда убійства совершились. Государь обѣдалъ въ аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендъ, находившійся при этомъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: «вамъ-бы должно вынести кутью». Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявлялъ, что не можетъ ихъ простить, и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа императора. Восемь полковъ, возмутившихся въ Старой Русѣ, получили повелѣніе идти въ Гатчино.

Сентября 4.—Суворовъ привезъ сегодня извѣстіе о взятіи Варшавы. Паскевичъ раненъ въ бокъ. Мартыновъ и Ефимовичъ убиты. Гейсмаръ раненъ. Нашихъ пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступъ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27-го. Раненый Паскевичъ сказалъ: Du moins j'ai fait mon devoir. Гвардія все время стояла подъ ядрами. Суворовъ былъ два раза на переговорахъ и въ опасности быть повѣшеннымъ. Государь пожаловалъ его полковникомъ въ суворовскомъ полку. Паскевичъ сдѣланъ княземъ свѣтлѣйшимъ. Скржинецкій скрывается. Лелевель при Романино. Суворовъ видѣлъ въ Варшавѣ Montebello, Высоцкаго, зачинщика революціи, гр. А. Потоцкаго и другихъ. Взятіе подъ стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

NB. «Сколько въ суворовскомъ полку осталось?» спросилъ государь у Суворова.—300 человѣкъ, ваше величество. «Нѣтъ, 301: ты въ немъ полковникъ».

На дняхъ скончался въ Петербургѣ Фонъ-Фокъ, начальникъ III отдѣленія государевой канцеляріи (тайной полиціи), человѣкъ добрый, честный и твердый. Государь сказалъ: J'ai perdu Fock; je ne puis le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer». Вопросъ: кто будетъ на его мѣстѣ? важнѣе другого вопроса: что сдѣлаемъ съ Польшей?

Мнѣніе Жомини о польской кампаніи. Главная ошибка Дибича состояла въ томъ, что онъ, предвидя скорую оттепель, поспѣшилъ начать свои дѣйствія, наперекоръ здравому смыслу. 15 дней—разницы не сдѣлало-бы. Счастье во многомъ помогло Паскевичу: 1) онъ не могъ перейти со всѣми силами Вислу, но на Палена Скржинецкій не напалъ: 2) онъ долженъ былъ пойти на приступъ, а изъ Варшавы выступили 20.000 и ушли слишкомъ далеко. Ошибки Скржинецкаго состояли въ томъ, что онъ пожертвовалъ 8.000 избраннаго войска понапрасну подъ Остроленкой. Позиція его была чрезвычайно сильная, и Паскевичъ опасался ея. Но Скржинецкаго смѣнили недовольные его дѣйствіями или бездѣйствіемъ начальники мятежа, и Польша погибла.

ЗАМѢТКА О ХОЛЕРѢ.

Въ концѣ 1825 года я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «холера morbus подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ». О холерѣ имѣлъ я довольно темное понятіе, хотя въ 1822 году старая молдаванская княгиня, набѣленная и нарумяненная, умерла при мнѣ въ этой болѣзни. Я сталъ его разспрашивать. Студентъ объяснилъ мнѣ, что холера есть повѣтріе, что въ Индіи она поразила не только людей и животныхъ, но и самыя растенія, что она желѣзной полосой стелется вверхъ по теченію рѣкъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, она зарождается отъ гнилыхъ плодовъ и прочее—все, чему послѣ мы успѣли наслышаться.

Такимъ образомъ, въ дальнемъ уѣздѣ Псковской губерніи, молодой студентъ и вашъ покорнѣйшій слуга, вѣроятно, одни во всей Россіи, бесѣдовали о бѣдствіи, которое черезъ пять лѣтъ сдѣлалось мыслію всей Европы.

Спустя 5 лѣтъ, я былъ въ Москвѣ: домашнія обстоятельства требовали непремѣнно моего присутствія въ нижегородской деревнѣ. Передъ моимъ отъѣздомъ Вяземскій показалъ мнѣ письмо, только-что имъ полученное: ему писали о холерѣ, уже перелетѣвшей изъ Астрахани въ Саратовскую губернію. По всему видно было, что она не минуетъ и Нижегородской (о Москвѣ мы еще не безпокоились). Я поѣхалъ съ равнодушіемъ, которымъ былъ обязанъ пребыванію моему между азіатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на извѣстныя предосторожности. Пріятели, у которыхъ дѣла были въ порядкѣ (или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе—не есть еще истинное мужество.

На дорогѣ встрѣтилъ я Макарьевскую ярмарку, прогнанную холерой. Бѣдная ярмарка! Она бѣжала, разбросавъ на половину свои товары, не успѣвъ пересчитать свои барыши. Воротиться въ Москву казалось мнѣ малодушіемъ; я поѣхалъ далѣе, какъ, можетъ быть, случалось вамъ ѣхать на поединокъ, съ досадой и большой неохотой.

Едва успѣлъ я пріѣхать, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Вдругъ (2 октября) получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава!

Нѣсколько мужиковъ съ дубинами охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ разспрашивать ихъ и доказывалъ имъ что вѣроятно гдѣ-нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство предложилъ имъ серебряный

рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

во время похода 1829 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году, подъ названіемъ. Voyage en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Français. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poete distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin, non le sujet d'un poeme, mais celui d'une satyre.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на эрзерумскій походъ.

Никакъ-бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, если-бы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами генераловъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskéwitch) on distinguait le Général Mouravief... le Prince Georgien Tsitsevaze... le Prince Arménien Bebontof... le Prince Potemkine, le Général Raiewsky, et enfin—M. Pouchkine... qui avait quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань русскихъ журналовъ. Искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было-бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Саганъ-Лу, движеніе, которымъ графъ Паскевичъ отрѣзалъ сераскира отъ Османъ-паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однѣхъ сутокъ, быстрый походъ къ Эрзеруму—все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, напримѣръ, г. купеческій консулъ Фонтанье, авторъ «Путешествія на Востокъ»), но я устыдился-бы писать сатиры на прославленнаго полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ, не имѣющій нужды въ покровительствѣ сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо иного отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ все, что мною было написано о походѣ 1829 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Даріальское ущелье. Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозревъ-мирза. Душетскій городничій.

Изъ Москвы поѣхалъ я (1-го мая) на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ Ермолова. Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ котораго находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извозчикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновенно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда-же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ повидимому нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго—графомъ Эрихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ, говорилъ Ермоловъ: на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ,—и Паскевичъ пропалъ». Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось-бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. «Можно было-бы сберечь людей и издержки», сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ-бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцамъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50», сказалъ онъ: «подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами». Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что онъ не по-

мнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говоритъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторацiи. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлыя сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркаскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали О т р а д н о ю. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я калмыцкую кибитку (клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ). Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посрединѣ, и дымъ выходилъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая калмычка, собою очень не дурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нея. «Какъ тебя зовутъ?»—***—«Сколько тебѣ лѣтъ?»—Десять и восемь.—«Что ты шьешь?»—Портка.—«Кому?»—Себя.—Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочекъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной Цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ-же, все на томъ-же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большей частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склону Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною Ал. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная грузинская дорога: почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе присоединяются къ ней: это называется оказіей. Мы дожидались не долго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за ними заскрипѣлъ обозъ двухколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ

скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На этотъ разъ пріятнѣе было-бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ-бы въ старину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая горъ, за нею находилась крѣпость, кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видимыя стада и казались насѣкомыми. Мы различили пастуха, быть можетъ русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, насѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ на память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что̀ чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ нимъ съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что̀ дѣлать съ такимъ народомъ? Должно, однакожъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ-бы важнымъ нововведеніемъ. Есть наконецъ средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ?—Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужна, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и

опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается.—Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ корана, между которыми отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противъ русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъкая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ...

... like a warrior taking his rest
With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ этихъ обрядовъ.

Осетинцы—самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако-жъ, при моемъ приближеніи обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами. Въ крѣпости видѣлъ я черкесскихъ аманатовъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ и бѣгаютъ изъ крѣпости. Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ.

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ осетинскихъ мельницъ, похожихъ на собачьи конуры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны черезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ Пушкинъ и Ш., смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество рѣкѣ, на сѣверѣ гремящей. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между которыми хлещетъ Терекъ съ яростью неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: не останавливайтесь, в. б., убьютъ! Это предостереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника-француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ мы выпили въ первый разъ кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ Кавказскаго плѣнника и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ; ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься!»

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то-же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба,

какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембрандта. Къ тому-же и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мельницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка. Даріалъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспійскими, находились здѣсь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Диріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и проч. (см. Путешествіе графа И. Потоцкаго, котораго ученыя изысканія столь-же занимательны, какъ и испанскіе романы).

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли Троицкія ворота (арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха); подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ Бѣшеную Балку, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока-пяти, ростомъ выше преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ (такъ называются грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище русскихъ). Въ дверяхъ лежалъ пузатый бурдюкъ (воловій мѣхъ), растопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь-же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, подпирающую небосклонъ.

Ждали персидскаго принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ навстрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-хану. Я, съ помощію переводчика, началъ-было высокопарное восточное привѣтствіе, но какъ-же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостью порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхалъ на обыкновенныя европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ-бы образомъ совершить этотъ ужасный подвигъ: сѣсть-ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? На всякій случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана оффиціальную просьбу къ Ч***, начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день, около 12 часовъ, услышали мы шумъ, крики и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впречь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ полковникомъ Ог...., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Такіе случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ ко-

торымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что̀ очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы въ домѣ Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвой, смѣнили мрачныя ущелья и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ русскаго офицера, сопровождающаго персидскаго принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ (муловъ), привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на принца напали горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что̀ молодой азіатецъ, непривыкшій къ коляскѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета осталось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличилась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы—звѣри, въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе; но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ городничему и требовалъ за то съ меня а б а з ъ.

Появленіе мое у городничаго, стараго офицера изъ грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ комнаты, гдѣ-бы могъ раздѣться, во-вторыхъ—стакана вина, въ третьихъ—абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія de la liberté grande. Къ счастію нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я—мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ и абазъ выданъ моему проводнику съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для грузинскаго гостепріимства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во̀ всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ человѣкъ и объявилъ, что графъ Пушкинъ благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться! Графъ Пушкинъ и Ш. посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ-же пріятна и живописна хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарцискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключъ. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепріимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персіяне, тѣснились на неправильной площади; между ними молодые русскіе чиновники разъѣзжали верхами на карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь; я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе не одѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ; сегодня вторникъ—женскій день; ничего, не бѣда».—Конечно, не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ.—Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею чадрою; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны и оправдывали воображеніе Т. Мура:

..a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own country maiden's looks,
When warm they rise from Teflis brooks.
Lalla Rookh.

За то не знаю ничего отвратительнѣе грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій, желѣзносѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину банщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носа; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ; я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе банщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene.) Послѣ этого долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплой водой, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ русской банѣ; знатоки будутъ благодарны за такое нововведеніе.

Послѣ пузыря Гассанъ отпустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Раевскаго; но, узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. Санковскій, издатель «Тифлисскихъ Вѣдомостей», разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о князѣ Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. Санковскій любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махомеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ императора Александра въ 1802. Грузины—народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности ожидаютъ большей образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ грузинскихъ пріятенъ; мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово: она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

«Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

«Отъ тебя, весна цвѣтущая, луна двунедѣльная, отъ тебя, ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

«Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ: хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

«Горная роза, освѣженная росою! избранная

*

любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! отъ тебя ожидаю жизни».

Грузинцы пьютъ — и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся; но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоятъ нѣкоторыхъ бургонскихъ. Вино держатъ въ маранахъ, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно русскій драгунъ, тайно открывъ такой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ и, раскалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусовъ широты. Самое названіе (Тбимикаларъ) значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома европейской архитектуры и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны турецкихъ и персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе тифлисское дорого цѣнится на всемъ востокѣ. Графъ С. и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячъ пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые титулярные совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ ассесорскимъ, толико вожделѣннымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію, какъ на изгнаніе.

Климатъ тифлисскій, говорятъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, котораго употребленіе безвредно, по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С., говорятъ, умеръ оттого, что его домовой лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга, испугался пріема, предлагаемаго тамошними докторами, и не далъ его больному. Здѣшнія лихорадки похожи на крымскія и молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ курскую воду, мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ, вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ-бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извозчикѣ черезъ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамошняго издѣлія пиво, очень непріятнаго вкуса, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г. С., извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли англійскіе офицеры въ генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой-же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ.

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!...

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я про-

ѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склону горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я объяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ. —Изъ Тегерана.—«Что вы везете?»—Грибоѣда.—Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить; онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ «Московскомъ Телеграфѣ». Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость разсчесться однажды навсегда съ своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностью; уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву, въ 1824 году, было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія Горе отъ Ума произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ.. Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неравнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было-бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и не любопытны.

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б., который, какъ и я, ѣхалъ въ армію. Б. путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ-бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ долину, осѣненную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключъ, текущій поперекъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. «Что новаго въ Эривани?» спросилъ я его.—Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ: а что слыхать объ Ахалцы-

кѣ?— «Въ Ахалцыкѣ чума», отвѣчалъ я ему. Обмѣнявшись этими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, плодородіе которой вошло на востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать; но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ-же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и пошелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстукъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу-ли въ лихорадкѣ? но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора.—Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: «это Араратъ». Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни—и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. «Вотъ и Арпачай», сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *чурекъ*, армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки пополамъ съ золою, о которомъ такъ тужили турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущельѣ. Дорого-бы я далъ за кусокъ русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по-турецки, не заботясь о томъ, понималъ-ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ русскихъ и, привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался русскій офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совершенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону. Турокъ началъ опять свой монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь и вечеромъ пріѣхалъ въ турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю; но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранью. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ раскричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ-бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился турецкій старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *верба на атъ* (дай мнѣ лошадь). Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги (съ чего надлежало-бы мнѣ начать). Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: «Карсъ, Карсъ!» и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь и будетъ-ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами, и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой армянинъ и, переговоря съ моимъ туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, объясняясь на довольно чистомъ русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати-пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ верхомъ повареннаго искусства. Мы всѣ легли спать въ одной комнатѣ; я разлегся противъ угасающаго камина и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичероне. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, которымъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій (такъ назывался мой армянинъ) уже скакалъ подлѣ меня на турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна и въ топкихъ мѣстахъ вымощена; черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась; передовые холмы хребта Саганъ-лу (древняго Тавра) начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ. Я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Раевскаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ сераскиромъ Эрзерумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ во-время. Въ тотъ-же день (13 іюня) войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Раевскаго, слушалъ я молодыхъ генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отряженъ былъ влѣво по большой эрзерумской дорогѣ, прямо противъ турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ ужъ нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь былъ представленъ графу Паскевичу.

Я нашелъ графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего Вольховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ, однако, время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М. П., раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...

Я воротился къ Раевскому и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Раевскій послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и мусульмане

(такъ зовутся татары, служащіе въ нашемъ войскѣ) ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: «смотри, братъ, держись — какъ-разъ картечью хватитъ». Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье и стали на высотахъ Саганъ-лу, въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

...nec Armeniis in oris,
Amice Valge, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Раевскій послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ Семичевымъ посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. — Много-ли турокъ? спросилъ Семичевъ. «Свиньемъ валитъ, ваше благородіе», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущелье, вдругъ увидѣли мы на склонѣ противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ турокъ. Казаки отступали медленно; турки наѣзжали съ большой дерзостью, прицѣливались шагахъ въ двадцати и, выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруею казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки-было смѣшались; но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялись надъ горою, съ высоты высматривая себѣ добычу. Въ это время показалась толпа генераловъ и офицеровъ: графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ которыхъ человѣкъ пять умерло въ ту-же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ-же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы азіатскій шашлыкъ англійскимъ пивомъ и шампанскимъ, застывшимъ въ снѣгахъ таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ генерала Раевскаго собирались беки мусульманскихъ полковъ, и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехсотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество русскаго государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина, въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто-бы язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая басня; что они вѣруютъ во единаго Бога; что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ, ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ

17 іюня утромъ мы вновь услышали перестрѣлку и черезъ два часа увидѣли карабахскій полкъ возвращающимся съ восемью турецкими знаменами; полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ-паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19-го, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ какую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я

встрѣтилъ генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Чтò такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались делибаши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П. осмотрѣть оврагъ. П. поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами (противъ центра) скакала турецкая конница. Графъ послалъ противъ нея генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружили ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло. Турки у насъ на глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ графу привели нѣсколько плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестого часа войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ. Земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда (сводный) уланскій полкъ переѣхалъ-бы черезъ меня. Однако, Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши татарскіе полки, которыхъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я насилу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодого турка, лежавшимъ поперекъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осьмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Раевскій. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали. Настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичъ повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды. Я увидалъ полковника Полякова, начальника казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился графъ Паскевичъ, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли графа на кровлѣ подземной сакли, передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы; рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколькихъ казаковъ.

Вотъ все, чтò въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ этомъ сраженіи разбитъ сераскиръ Эрзерумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Эрзеруму; войско его, переброшенное за Саганъ-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, а Гаки-паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичъ не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-пашею. Смерть татарскаго бека. Гермафродитъ. Плѣнный паша Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Эрзеруму. Переговоры. Взятіе Эрзерума Турецкіе плѣнники. Дервишъ.

На другой день, въ пятомъ часу, лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Выйдя изъ палатки, я встрѣтилъ графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. «Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?» Mais un peu, M. le Comte. — «J'en suis fâché pour vous, car nous allons faire

Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: христіанинъ! христіанинъ!.. Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, несмотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество; лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: сераскиръ и четверо пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ пашей, сухощавый старичекъ, ужасный хлопотунъ, съ живостью говорилъ нашимъ генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П. далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: «Благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ — братъ дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ, и между тѣмъ какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о сокровищахъ, онъ стоитъ наравнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются».

Восточное привѣтствіе паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой арнаутской одеждѣ. Сераксиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ уныніи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодого человѣка, полунагого, въ бараньей шапкѣ съ дубиной въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что онъ былъ «братъ мой» — дервишъ, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эрзерумъ. Азіатская роскошь. Климатъ. Кладбища. Сатирическіе стихи. Сераскирскій дворецъ. Гаремъ турецкаго паши. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Эрзерума. Обратный путь. Русскій журналъ.

Эрзерумъ (неправильно названный Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ) основанъ около 415 года, во время Ѳеодосія Второго, и названъ Ѳеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Эрзерумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячъ жителей; но, кажется, число это слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что̀ даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Эрзерумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что̀ замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Эрзерумѣ больной можетъ умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тѣмъ какъ цѣлые мѣшки его находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было-бы безсмысленнѣе словъ: «азіатская роскошь». Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать: «азіатская бѣдность, азіатское свинство» и проч., но роскошь, конечно — принадлежность Европы. Въ Эрзерумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что̀ вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго городка Псковской губерніи.

Климатъ эрзерумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячъ футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года. Земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Эрзерумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города; но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саганъ-лу.

Въ эрзерумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія: шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ, вѣроятно, еще со временъ Годфрида.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ пашей отличаются большой затѣйливостью; но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго: никакого вкуса, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изо всѣхъ азіатскихъ городовъ въ одномъ Эрзерумѣ нашелъ онъ башенные часы — и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя султаномъ, не проникли еще въ Эрзерумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Эрзерумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою.

Я жилъ въ сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился гаремъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ: сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что̀ только могъ. Диваны были

ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. (Они принимаютъ всякаго франка за лекаря). Это мнѣ надоѣло—я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ-же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ Сухоруковымъ; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ генераловъ, раздавалъ пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушскій паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостью проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Эрзерумъ съ двумя старшинами черкесскихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у графа Паскевича. Бейбулатъ мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Эрзерумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ-паша, взятый въ плѣнъ подъ Эрзерумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность гарема, имъ оставляемаго въ Эрзерумѣ. Въ первые дни объ немъ-было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, графъ вспомнилъ о гаремѣ Османа-паши и приказалъ А. съѣздить въ домъ паши и спросить у его женъ, довольны-ли онѣ и не было-ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать А. Мы отправились. А. взялъ съ собою въ переводчики русскаго офицера, котораго исторія любопытна. Осьмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ персіанамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ гаремѣ одного изъ сыновей шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи, показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа-паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи, взятыя изъ корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для мусульманскаго гарема: тебѣ подобаетъ связывать и развязывать. Намъ поднесли кофею въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа-паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить графа Паскевича, но А. сказалъ на-отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа-паши и хочетъ ихъ видѣть, чтобы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ, въ отсутствіе супруга, всѣмъ довольны. Едва персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ, въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему, старику, и всѣмъ служителямъ гарема велитъ отрубить голову. Прислужники, между которыми не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика; но А. былъ непоколебимъ. «Вы боитесь своего паши, сказалъ онъ имъ, а я—своего сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній». Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приблизились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки; мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; А. прервалъ ее: «это—мать паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ». Всѣ изумились догадкѣ гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой такъ-же,какъ и она—изъ-подъ покрывала раздался молодой пріятный голосокъ. Она благодарила графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе русскихъ. А. имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ, глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи А., но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ А., была, вѣроятно, повелительницею гарема, сокровищницею сердецъ, ро-

зою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ А. прекратилъ свои разспросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я гаремъ: это удалось рѣдкому европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война казалась кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани эрзерумскія съ тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К., стоявшаго въ караулѣ, что въ Эрзерумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ-же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть; изъ красныхъ, загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ неизъяснимаго отвращенія и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство однакожъ превозмогло; на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался, какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумного и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ турокъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ-будто чума была не что иное, какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей европейской робости въ присутствіи такого равнодушія и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, придя проститься съ графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію.. Графъ подарилъ мнѣ на память турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ-же день я оставилъ Эрзерумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячъ войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саганъ-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехдневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и пѣсенъ грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близъ Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ-же грозно ревѣвшій. Берега были растерзаны; огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество осетинцевъ разрабатывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ Большой Кабарды. Во Владикавказѣ нашелъ я Д. и П. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П. на столѣ нашелъ я русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. П. остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бо́льшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П—на показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

1829—1835 г.

ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

О Г-жѣ СТАЛЬ И Г-нѣ МУХАНОВѢ.

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь, книга: «Десятилѣтнее изгнаніе» должна была преимущественно обратить на себя вниманіе русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по своей новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ сочинительницы—все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ чтò сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу Dix ans d'exil, можно видѣть ясно, что, тронутая ласковымъ пріемомъ русскихъ бояръ, она не высказала всего, чтò бросилось ей въ глаза. Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностью и радушіемъ. Исполняя долгъ благодарнаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностью, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, не выноситъ сора изъ избы. Будемъ-же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше...

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла, конечно, въ это время (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Немудрено, что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее уныніе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г-нъ А. Мухановъ (Сынъ От. № 10), пробѣгая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ нему слѣдующія замѣчанія на грезы г-жи Сталь: «Не говоря уже объ обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, знакомыхъ съ твореніями автора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самымъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству тѣхъ щепетильныхъ французиковъ, которые, немного времени тому назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богатыми надеждами въ Россію, такъ радостно принимались щедрыми и подъ часъ неумѣстно-добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Чтò за слогъ и чтò за тонъ! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы «Записокъ» съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на французскую революцію и проч., и чтò есть общаго между щепетильными (?) французиками и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ русскаго императора?

«Кто читалъ творенія г-жи Сталь», продолжаетъ г-нъ А. Мухановъ, «въ коихъ такъ часто ширяется она и пр...., тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч.... не сдѣлали другого впечатлѣнія на автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія!»—За симъ г-нъ А. Мухановъ ставитъ на

примѣръ самого себя. «Нѣтъ! никогда, говоритъ онъ: не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія столь сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить утра...» и проч. — Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы, слогомъ, совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной сочинительницѣ, посредствомъ какого-либо толмача, разспросить извозчиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ абовскому университету отмѣнно не понравилась г-ну А. Муханову; но г-нъ А. Мухановъ и самъ расшутился. «Ужели, говоритъ онъ: четыреста студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, академію эту могла-бы она точнѣе назвать псарнымъ дворомъ... Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ, перерядившись Діаной, заставить читателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ финляндскихъ по порошамъ за медвѣдями и волками и затѣмъ ихъ искать въ берлогахъ?.. Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни», и проч.

Объ этой барынѣ должно было говорить вѣжливымъ языкомъ образованнаго человѣка. Эту барыню удостоилъ Наполеонъ гоненія, монархи—довѣренности, Европа—своего уваженія, а г-нъ А. Мухановъ—журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить.

1825 г. Ст. Ар.

О ПРЕДИСЛОВІИ ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

Любители нашей словесности были обрадованы предпріятіемъ графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода, столь блестящій и столь недостаточный, нанесетъ нѣсколько вреда баснямъ неподражаемаго нашего поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще, тамъ, гдѣ авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что этотъ знаменитый писатель едва коснулся такихъ предметовъ, о которыхъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью [1] съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на исторію нашей словесности, авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и, ссылаясь на увѣренія русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія эти не трудно было оправдать. Какъ матеріалъ словесности, языкъ славяно-русскій имѣетъ неоспоримое превосходство предъ всѣми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній греческій языкъ открылъ ему свой лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.

Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія-же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни словесности, ни торговли, ни законодательства. Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ на языкѣ образованныхъ китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Такойже примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе этого вопроса завлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Какъ-бы то ни было, едва-ли полсотни татарскихъ словъ перешло въ русскій языкъ. Войны литовскія не имѣли также вліянія на судьбу нашего языка: онъ одинъ оставался неприкосновенной собственностью несчастнаго нашего отечества.

Въ царствованіе Петра I началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія голландскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Эта мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ государями и вельможами; къ счастью, явился Ломоносовъ.

Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенной силой понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшей страстью этой души, исполненной страстей. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ исторію отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ машины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстью немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство-же иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали-бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія его съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему переложенія псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія.[2] Они останутся вѣчными памятниками русской словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ учиться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мелочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, Лемонте, столь-же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей XVIII столѣтія? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для благосклонной улыбки прекраснаго пола.

Строгій и справедливый приговоръ французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ, не столько отъ своихъ поэтовъ, сколько отъ прозаиковъ долженъ ожидать европейской своей общежительности. Русскій переводчикъ оскорбился этимъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation européenne, то сочинитель чуть-ли не правъ.

Положимъ, что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не объяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для изъясненій понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотно выражается на языкѣ чужомъ, котораго механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французски. Неправда! рѣзко возражаетъ переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные европейскіе языки и сверхъ того онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему греческому. Въ другихъ земляхъ такая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была-бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужного списка, да сами-же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно народнаго поэта, чтобы познакомить Европу съ литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ французъ не осмѣлится кого-бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличи-

тельная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ представители духа обоихъ народовъ.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

Н. К.

1825 г.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1) По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“. Мы не имѣли случая видѣть французскій подлинникъ.

2) Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ славянизмами Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать легкость и щеголеватость реченій изрядной компаніи! Но удивительно, что Сумароковъ съ большою точностью опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова-поэта:

> Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ!
>
> Enfin Malherbe vint et le premier en France etc.

ЗАПИСКА О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ,

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ А. С. ПУШКИНЫМЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ ВЪ 1826 ГОДУ.

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій.

Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военной службой, старались отличиться одной свѣтской образованностью или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. 10 лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные....

Ясно, что походамъ 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что съ одной стороны они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой — необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ ей въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностью принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. «Не просвѣщенію (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель». Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстью русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлью и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя над-

зору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ.

Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше. Здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ воспитанника.

Нечего колебаться, во что бы то ни стало, подавить воспитаніе частное. Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (наприм. прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ), уничтожить экзамены.

Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отсел̂ѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслью промышленности для профессоровъ: Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. И такъ (съ такого-то года) молодой человѣкъ, *не воспитанный въ государственномъ училищѣ*, вступая на службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и *не имѣетъ права требовать экзамена.*

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ его опутать одпѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться этимъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свои заблужденія и свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностью и умѣренностью правилъ, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній.

Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуетъ физическаго преобразованія, бóльшаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію. Чрезъ эту полицію должны будутъ доходить до начальства и жалобы. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока — есть дѣло ужасное, и къ несчастію слишкомъ у насъ обыкновенное. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ. Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Семинаріи, разсадникъ всего сельскаго духовенства, находятся въ совершенномъ упадкѣ; но ихъ преобразованіе, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ 3-мя годами, обыкновенный кругъ ученія, *по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.*

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакоже, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-ти-лѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? Позволительна-ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ

идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы: преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. — Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? Но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ; не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убійства Кесаря, превознесеннаго 2000-ми лѣтъ; но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря—честолюбивымъ возмутителемъ. Вообще не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно преподавать по Карамзину. «Исторія Государства Россійскаго» есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ премущественно занять, въ окончательные годы, умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлью искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я-бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ, столь важномъ, каково есть народное воспитаніе: одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ Государя Императора, всеподданнѣйше прошу Его Величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли, касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

Михайловское, 15 ноября 1826 года.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Tantae ne animis scholasticis irae!

Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму.—Постараемся изложить исторически все дѣло sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года редакторъ «Вѣстника Европы», желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между этими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости «Вѣстника Европы», сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ этотъ обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. «Предполагаю работать самъ, говорилъ почтенный редакторъ: не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Эти позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, эта похвальная заботливость о русской литературѣ, эта скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было-бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора «Вѣстника Европы». Его глубокія знанія (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году). Свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ, но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его розысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное

вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышатъ не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. Каченовскаго, изложеннаго поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на «Вѣстникъ Европы». Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20 книжкѣ «Московскаго Телеграфа» прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора «Вѣстника Европы». Давъ замѣтить неприличие нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ, вѣроятно неумышленно, г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если-бы онъ (Вѣстникъ Европы), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили-бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали-бы слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ «Вѣстника Европы» уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная; а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно-ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и сострадания?

«Но что̀ сдѣлалъ до сихъ поръ издатель «Вѣстника Европы»? продолжаетъ г. Полевой: гдѣ его права, и на какой воздѣланной е г о т р у д а м и землѣ онъ водрузитъ свои знамена? гдѣ, за какимъ океаномъ эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя «Вѣстника Европы», не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель «Вѣстника Европы» засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе двадцати лѣтъ. Дивиться-ли, что теперь «Вѣстнику Европы» видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Если г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіе двадцати шести лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу, то чего-же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку? Г. Каченовскій просидѣлъ двадцать шесть лѣтъ на одномъ мѣстѣ—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго — но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ «Терезу и Фальдони» — что̀ за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № «Вѣстника Европы» слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почетнаго сотрудника, г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ):

«Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ-бы статьи Телеграфической, если-бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. Р д р ъ».

Это загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія м ѣ р ы к ъ о х р а н е н і ю с в о е й л и ч н о с т и о т ъ и г р и в а г о п р о и з в о л а г. Б е н и г н ы предпринялъ почтенный редакторъ? что̀ значитъ и г р и в ы й п р о и з в о л ъ г. Б е н и г н ы? что̀ такое: б ы л ъ у в л е ч е н ъ с л ѣ д с т в і я м и н е б л а г о н а м ѣ р е н н о с т и, п р и к о с н о в е н н ы м и к ъ ч е с т и с л у ж б ы и д о с т о и н с т в у м ѣ с т а? (Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи).

Многочисленные почитатели «Вѣстника Европы» затрепетали, прочитавъ эти мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что̀ могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастью, скоро все объяснилось. Оскорбленный, какъ издатель «Вѣстника Европы», г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полевого.

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевого личная честь г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель «Московскаго Телеграфа» не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ, пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердце краснорѣчіемъ сердца, и вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь-же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

Между тѣмъ, ожесточенный издатель «Московскаго Телеграфа» напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что̀ всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Міхаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя «Телеграфа» виннымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній—купецъ (другое, столь-же ужасное обвиненіе!), и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родового дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однако-жъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! и тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

Статьи и замѣтки изъ „Литературной газеты" 1830 г.

I. О НЕКРОЛОГІИ РАЕВСКАГО.

Въ концѣ истекшаго года вышла на свѣтъ «Некрологія генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго», умершаго 16 сентября 1829 года. Это сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородной теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то-же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812 году... Отечество того не забыло.

II. О ВЫХОДѢ ИЛІАДЫ ВЪ ПЕРЕВОДѢ ГНѢДИЧА.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, бо̀льшей частью устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе,—съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность.

III. О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКѢ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ даютъ замѣтить. что «Литературная газета» у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: у насъ нѣтъ литературы. Если-бы это было справедливо, то мы не нуждались-бы и въ критикѣ; однакожъ произведенія нашей литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч.—«Очистите мѣсто для новой статьи моей», пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчаетъ издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ журналѣ было упомянуто о порохѣ. «Вотъ ужо вамъ будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ издатель возражаетъ на это:

„Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье".

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію, и въ этомъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ (между прочими Иванъ Выжигинъ), о которыхъ критика могла-бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ-же онѣ были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ ожидаютъ еще египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ «Литературная Газета» была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ.

IV. ОБЪ ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА, ПОЛЕВОГО.

СТАТЬЯ 1.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о которыхъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ «Исторіи Русскаго Народа», соч. г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: Г-ну Нибуру, первому историку нашего вѣка. Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ-ли Нибуръ быть благодаренъ Полевому за милостивое производство въ первые историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ-ли тутъ, со стороны Полевого, излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ Полевымъ.

Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово *я*, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное *я*. Послушаемъ Полевого: «Въ то время, когда образованность и просвѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человѣчества, когда высокія промышленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и настоящаго составляютъ общее наслѣдіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ,»... тогда—чтобъ вы думали? — «я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго Народа»

Belle conclusion et digne l'exorde!

Далѣе: «Я не поколебался писать Исторію Россію послѣ Карамзина: утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра...» Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: «Она (картина Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько-же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра». Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ него писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ, и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ философическую статью о Русской Исторіи, напечатанную въ Московскомъ Телеграфѣ и разобранную съ такой оригинальной веселостью въ Славянинѣ.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на Исторію Государства Россійскаго въ то самое время, какъ начиналъ печатать Исторію Русскаго Народа. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ-бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отозвался-бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе

были-бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ-бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется только вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу эфоровъ, однимъ хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами — хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были-бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы», говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ». Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой-нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы— другое, Полевой—никакого: вольному воля, какъ говорили наши предки.

Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII т. была еще недописана Казамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: «Когда-же думалъ историкъ?»

На это отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностью принимаемы публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.

СТАТЬЯ 2.

Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ современной ему словесности. Новая школа французскихъ историковъ образовалась подъ вліяніемъ шотландскаго романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодого неофита. Плѣняясь романическою живостью истины, выведенной передъ нами въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой исторіи. Судимъ не по словамъ Полевого, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана Исторія Русскаго Народа, на стараніи Полевого сохранить дрогоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія Исторія Государства Россійскаго, такъ и разсказъ Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа исторіографа.

Исторія Русскаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей (подражаніе Тьерри); но, переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, Полевой становится столь-же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ и въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что́ было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ исторіи русскаго народа, и, утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: «И такъ, мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...» между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ Полевого въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большей частью несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки Каченовскаго. Признавъ уже достовѣрность похода къ Цереграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ-ли Олегъ съ собою сухопутное войско. «Гдѣ могли

пройти его дружины?» говоритъ Полевой, «не чрезъ Булгарію, по крайней мѣрѣ». Почему-же нѣтъ? Какая тутъ физическая невозможность? Оспаривая у Карамзина смыслъ выраженія: на ключъ, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ, и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ (символъ хозяйства), какъ котелъ у казаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель. Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: милымъ ближникамъ, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкій списокъ. Полевой, признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ad libita librarii милымъ и малымъ, подчеркиваетъ однакожъ слово сгорѣвшій, читаетъ малымъ (малолѣтнимъ, младшимъ) и переводитъ: дальнимъ (дальнимъ ближнимъ!). Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближнихъ?

Первый томъ Исторіи Русскаго Народа писанъ съ удивительной опрометчивостью. Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу скандинава, что пѣснопѣнія скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти (склонность къ презрѣнію смерти!), что онъ гордился названіемъ берсеркера и пр.; а черезъ три страницы Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы, что онъ ея не зналъ, что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Полевой не видитъ еще государства россійскаго въ начальныхъ княженіяхъ скандинавскихъ витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ Полевой видитъ то образъ восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи, указанные въ «Московскомъ Вѣстникѣ», почти невѣроятны.

Полевой въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Maître renard, peut-être, on vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона Исторіи Русскаго Народа. Невозможно отвергать у Полевого ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова—все обезображено, перепутано и затемнено.

P.S. Высказавъ откровенно нашъ образъ мыслей на счетъ Исторіи Русскаго Народа, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ, напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной исторіи. Московскій Вѣстникъ... (et tu autem, Brute!) высказалъ свое мнѣніе на счетъ Полевого еще съ бо́льшимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо издатель «Московскаго Вѣстника» доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ имъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ, критикамъ, сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То-же-бы ты слово
Да не такъ-бы молвилъ.

ПРОГРАММА 3-й СТАТЬИ *).

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія. - Что были предводители? - Что былъ народъ?—Тѣлохранители.—Власть королевская.—Продажа вольности городамъ. —Парламенты. —Vénalité des charges. —Ришелье. — Споры аристократіи съ парламентами. — Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе — система простая и сильная — было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по-своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для этого избирались большею частью вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдями, они созывали сеймы. Сеймы эти составляли сначала одни

*) Набросана въ Болдинѣ осенью 1830 г., но статья осталась не написанною.

знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Maire du Palais), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противопоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукой и не умѣли читать. Когда-же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи эти грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привилегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общины, и когда мало-по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Эта мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la Magistrature), и это сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь-же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ этой мѣры, будто-бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили, до какой степени эта мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришельё установилъ коммиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, уполномоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренности. Ихъ не послушали, и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

Не смотря на то, что Исторія Русскаго Народа писана наобумъ, ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество Полевого (ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться), но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Презрѣніе, съ какимъ Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но эта опрометчивость и необдуманность сильно повредили Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, или и вовсе уничтожили, довѣренность, какую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ Исторію Русскаго Народа, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами. — Исторія Русскаго Народа состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собою связи по духу, въ которомъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Не смотря на эти недостатки, Исторія Русскаго Народа заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ (NB. Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія), по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ, недальнимъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее Полевому.

II томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи.

Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вьется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ (называетъ его семейственнымъ феодализмомъ) и въ этомъ феодализмѣ—средство задушить феодализмъ-же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи не было еще феодализма, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было на-

какой силы (доказательство — нашествіе татаръ); что Россія не окрѣпла и не развилась въ удѣльныя междоусобія; но, напротивъ, ослабѣла и сдѣлалась легкою добычею татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ — частность, аристократія — общность.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при дворѣ княжескомъ,

не укрѣпляя своихъ помѣстій,

не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,

не враждуя противу королей,

не продавая своей помощи городамъ;

они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но составляли союзы,

считались старшинствомъ,

крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было — и тѣмъ хуже.

Освобожденіе городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своимъ бытіемъ сперва хитрой покорности, а потомъ — слабости враждующихъ князей. Феодализмъ могъ-бы, наконецъ, развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были-бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV. — Мѣсто феодализма заступила аристократія, и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная — отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Какое время силы нашего боярства? — Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами. — Когда пало боярство? — При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться. — Были-ли дворянскія грамоты? — Мининъ! — Было-ли зло мѣстничество?.. Вездѣ-ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было-ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено? — Петръ.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной исторіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима, — исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ-же Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи, — какъ будто самое распаденіе ея на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи — европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите-жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизо изъ исторіи христіанскаго запада. Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было-бы это правда, то историкъ былъ-бы астрономъ и событія жизни человѣческой были-бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе - не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію — не пророкъ, а угадчикъ. Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ него глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему случая. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII-го столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

V. О РОМАНѢ ЗАГОСКИНА: «ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ».

Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя! Подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ беретомъ, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV проглядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des Débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мелочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности, а

сверхъ всего какъ мало жизни! Однакожъ сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому-ли, что люди, какъ утверждала madame de Staël, знаютъ только исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому-ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются «Юрія Милославскаго». Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ Добрый нашъ народъ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать въ смутныя времена Минина и Авраамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной русской жизни, сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое происшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ и въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на нижегородской площади слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкіе анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противъ языка и костюма. Напр. новѣйшее выраженіе: столбовой дворянинъ, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (мужа честна, какъ говорятъ лѣтописцы); охотиться, вмѣсто: ѣздить на охоту; пользовать, вмѣсто: лечить. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ, видно, полагаетъ авторъ, но просто принадлежатъ языку дурного общества. Быть въ отвѣтѣ, значило въ старину: быть въ посольствѣ. Нѣкоторыя пословицы употреблены авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: изъ сказки слова не выкинешь, вмѣсто: изъ пѣсни. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и слова не выкинешь. не испортивъ склада; сказка — дѣло другое. Но сіи мелкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московскаго Вѣстника» нынѣшняго года, не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху «Юрія Милославскаго».

VI. О ЗАПИСКАХЪ САМСОНА.

Французскіе журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи Записокъ Самсона, парижскаго палача. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній.

Послѣ соблазнительныхъ исповѣдей философіи XVIII вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ: мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріеты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его Записокъ кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно, безграмотнаго Самсона. Но признаемся-же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостью, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы Записокъ парижскаго палача. Посмотримъ, что̀ есть общаго между нимъ и живыми людьми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что̀ скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что̀ скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ, и славныхъ, и неизвѣстныхъ, и священныхъ, и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ онѣ — его минутные знакомцы — чредой пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордѐ, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ, и лекарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуанъ, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго историка.

VII. О РАЗГОВОРѢ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ, ФОНВИЗИНА.

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно-ли «Разговоръ у княгини Халдиной», напечатанный въ 3-мъ № «Литературной Газеты», есть сочиненіе Фонвизина. Во-первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, подделаться подъ руку творца «Недоросля» и «Бригадира»: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонвизина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ «Разговорѣ». Статья сія замѣчательна не только, какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову *ты*, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?»—«Да вѣдь стыдно, В. С.» отвѣчаетъ служанка. «Глупа, радость», возражаетъ княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобы ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги—и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты—и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія—и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравосмыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ «Разговоръ» у княгини Халдиной», пожалѣешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

VIII. О СТАТЬЯХЪ КН. ВЯЗЕМСКАГО.

Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на кн. Вяземскаго, какъ на зачинщика брани, господствующей въ нашей литературѣ. Указаніе не искреннее. Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостью самаго софизма. Эпиграмматическіе-же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію авторскому, но кн. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена; они-же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній и поминутно, думая напасть на писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно-ли на нихъ негодовать? Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ растолкуете вы мирному алеуту поединокъ двухъ французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть-ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

IX. О КАРРИКАТУРѢ ВЪ АНГЛІИ.

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное происшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искусство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ Скотту показывали однажды стихи, будто-бы имъ сочиненные. «Стихи, кажется, мои, • отвѣчалъ онъ, смѣясь: я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!»—Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ московскихъ журналовъ. Этотъ родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва-ли и однимъ. Впрочемъ и у насъ есть очень удачный опытъ: Полевой очень забавно пародировалъ Гизо и Тьерри.

X. ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ ОБЪ ИЛІАДѢ.

Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ», напечатанное во 2-мъ № «Литературной Газеты», и говорятъ, что это воззваніе на счетъ(?) труда г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ «Литературной Газетѣ» сказано: «Русская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; а что въ пре-

дисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичъ похвалилъ гекзаметры барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ нимъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большей частью столь-же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ «Иліады» писано мною и напечатано во время отсутствія барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружескія; но, какъ-бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичъ, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта барона Дельвига, похваливъ произведенія музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху русской литературы *).

*) Ужели переводъ «Иліады» столь незначителенъ, что Н. И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если-же нѣтъ, то неужели критикъ, по предполагаемой пріязни съ переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе? А. П.

XI. О ГЕКЗАМЕТРАХЪ МЕРЗЛЯКОВА.

Въ третьемъ нумерѣ «Московскаго Вѣстника» на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: «Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ русскую словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига—и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое упущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку русской словесности». Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ проступкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два писателя, которыхъ стихи нравятся переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ какъ мы, или еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ «Московскомъ Вѣстникѣ», зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ—несправедливо. Тѣмъ не менѣе ожидали мы четвертаго нумера сего журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ Мерзлякова, исчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ и читали въ «Трудахъ московскаго общества любителей словесности» его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо русскій языкъ не пѣвучій. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ мы прочли, что «честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище русской словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, задолго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго переложенія Иліады». Признаемся, къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія Мерзлякова; на переводъ-же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что упомянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шестистопными, то пятистопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать, и хвалить въ нашихъ журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года укоряли барона Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Баронъ Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего критика, слѣдовалъ примѣру Гомера, Виргилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха—Гимнъ Аполлону; изъ идилліи Моска—Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній—Дафна, и Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искусства вначалѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то эти пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Моска и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія; въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе коекакъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если Гнѣдичъ и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ русскихъ переводчиковъ съ древнихъ чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искусствомъ и своими читателями.

XII. О ЗАПИСКАХЪ ВИДОКА.

Въ одномъ изъ нумеровъ «Литературной Газеты» упоминали о «Запискахъ парижскаго пала-

ча»; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь-же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ (un bon français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое-нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ-де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто-бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ **враговъ** доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку), о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній; раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но и въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляютъ ни господствующей религіи, ни правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна-ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

XIII. О личностяхъ въ критикѣ.

Требуетъ-ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то поэтомъ или прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому-бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ). узналъ эту важную для нихъ новость. Впрочемъ, такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатической важностью. Въ одномъ московскомъ журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: «**Она не блеститъ именами** знаменитаго созвѣздія русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть-ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ мы не **пожалѣемъ**». Эти господа «мы» другъ друга вѣрно понимаютъ, но довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ, всего смѣшнѣе, что и самъ критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, **которой ему не хотѣлось бы осуждать**, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й—авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю—читать скучно; 4-я—старая пѣсня; въ 5-й—надоѣдаютъ офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я—перепечатана; 7-я—тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности! Ужели названія **порядочнаго** и **здравомыслящаго** человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

XIV. О неблаговидности нападокъ на дворянство.

Съ нѣкоторыхъ поръ журналисты наши упрекаютъ писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературной извѣстностью. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ чемъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетскіе легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія не способенъ ни къ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать

университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца! онъ вскричалъ: за что погибнулъ я?»
«Ты свѣтишь!» отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій, —и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму (Баратынскаго), помѣщенную въ 32-мъ № «Литературной Газеты»:

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?»
—Зачѣмъ, что онъ не дворянинъ.—
«Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ!
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?» —Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій авторъ онъ —«Вотъ что.»

XV. О ВЫХОДКАХЪ ПРОТИВЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ.

Новыя выходки противъ такъ называемой литературной нашей аристократіи столь-же недобросовѣстны, какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто-бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, Сѣверная Пчела помнитъ, кто упрекалъ поминутно Полевого тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то это доказываетъ только, что дворянство наше (не въ примѣръ прочимъ) грамотное: этому смѣяться нечего. Если-же-бы званіе дворянина ничего у насъ не значило, то и это было-бы вовсе не смѣшно. Но пренебрегать своими предками, изъ опасенія шутокъ Полевого, Греча и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русскіе), позволяющіе себѣ насмѣшки на счетъ русскаго дворянства, болѣе извинительны. Но и тутъ шутки ихъ достойны порицанія. Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ, впрочемъ, ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими невозможно) подготовили крики: «аристократовъ къ фонарю», и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: «повѣсимъ ихъ, повѣсимъ». Avis au lecteur.

XVI. РАЗГОВОРЪ.

А: Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?

Б: Читалъ.

А: Какъ-же ты его находишь?

Б: Довольно неумѣстнымъ.

А: Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!...

Б: Согласенъ.

А: Русскіе журналисты не заслуживали такого презрительнаго сравненія.

Б: А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А: Какъ такъ?

Б: Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ (какъ очень хорошо сказано въ «Газетѣ») съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя—а между тѣмъ сравниваютъ.

А: Да помилуй: эти французскіе писатели—такіе люди, Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленнымъ, этимъ господамъ.

Б: Да кто-же эти французскіе писатели, о которыхъ упомянуто въ «Литературной Газетѣ?»

А: А я почему знаю?

Б: Такъ я-же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь-же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А: Зачѣмъ-же они обруганы въ «Литературной Газетѣ?»

Б: То-то и я говорю.

А: Какъ можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: «повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!» и «аристократовъ къ фонарю!»

Б: Извини, братъ. Опять-было тебя не понялъ. Этого въ «Газетѣ» не сказано.

А: Какъ не сказано? Постой, она при мнѣ (вынимаетъ изъ кармана «Газету»). А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики etc. Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы пріуготовили французскую революцію.

Б: О французской революціи «Литературная Газета» молчитъ—и хорошо дѣлаетъ.

А: Помилуй! да посмотри—les aristocrates à la lanterne, повѣсить, ça ira, и т. д.

Б: И ты тутъ видишь французскую революцію?

А: А ты что̀ тутъ видишь, если смѣю спросить?

Б: Крики бѣшеной черни.

А: А что̀ значили эти крики?

Б: Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что̀ не было чернь.

А: Вотъ я тебя поймалъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б: Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А: Слѣдовательно и я правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne вся революція.

Б: Ты не правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne—одинъ жалкій эпизодъ французской революціи,—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

А: И честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то ужъ конечно неумышленно!

Б: Вѣроятно.

А: А propos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б: Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

А: Итакъ, revenons á nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей приуготовили крики: les aristocrates á la lanterne?

Б: Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе «Литературной Газеты».

А: А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б: Экій лукавый! заманиваетъ меня опять въ политику: не узнаешь.

А: И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б: Нѣтъ.

А: Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ-ли ты, какъ отдѣлала «Пчела» всю «Литературную Газету», издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б: Нѣтъ еще.

А: Такъ прочти-же (даетъ ему журналъ).

Б: Что̀ значатъ эти точки?

А: Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б: (Отдавая журналъ). Жаль: въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ—нѣтъ.

А: Вотъ тебѣ еще что-то (даетъ другой журналъ).

Б: (Прочитавъ). Тутъ и ругательства есть, а смысла, все-таки, не болѣе.

А: Такъ, видно, ты стоишь за «Литературную Газету». Давно-ли ты сдѣлался аристократомъ?

Б: Какъ аристократомъ? Что̀ такое аристократъ?

А: Что̀ такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ видишь-ли: издатель «Литературной Газеты» и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ).

Б: Воля твоя, я смысла тутъ никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣнія; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мелочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на прочія сословія. Дворяне-ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ Полевого, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А: Это замѣчаніе должно повредить невиннымъ.

Б: Что ты—шутишь, или ты самъ невинный? Кто-же эти невинные?

А: Какъ кто? издатели «Сѣверной Пчелы».

Б: Такъ успокойся-же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей «Сѣверной Пчелы» слишкомъ хорошо извѣстенъ, и «Литературная Газета» повредить имъ не можетъ, а Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А: Что̀ значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?.. Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю—не къ цензурѣ-ли?

Б: Да хоть-бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ, потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое,—нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ I и императрицахъ и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, которое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, къ которому принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ ними (и еще въ оффиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей приуготовили крики: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя-же эпиграммы, хоть и не отличаются остроуміемъ, могутъ имѣть по-

слѣдствія еще пагубнѣйшія... Подумай о томъ, что значитъ у насъ это дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А: Кажется, ты правъ. Но почему-же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою рѣзкостью за «Сѣверную Пчелу»?

Б: Потому что свой своему поневолѣ братъ.

А: Отчего-же замѣчаніе «Газеты» показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ, самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б: Потому что политическіе вопросы никогда не бывали у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Нѣтъ преній безъ двухъ противныхъ сторонъ, ты политикой занимаешься, и это тебѣ понятно, не правда-ли? Демократическіе журналы, напавъ на дворянство...

А. Опять демократическіе журналы! Какой ты неблагонамѣренный!

Б: Какъ-же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все таки они демократическіе журналы. Итакъ, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ «Газетѣ». Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость.

А: Знаешь-ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты», чтобъ онъ напечаталъ его себѣ въ оправданіе.

Б: И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого-бы они впрочемъ ни происходили.

XVII. АНЕКДОТЪ О БАЙРОНѢ.

Горестно видѣть, что нѣкоторые критики вмѣшиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства или зависти къ какому-либо извѣстному писателю намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ это хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Анекдотъ объ отрубленномъ хвостѣ Алкивіадовой собаки всѣмъ извѣстенъ; странныя поговорки, прыжки и увертки Суворова въ живой еще памяти у всѣхъ русскихъ.

Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи: личные непріятели знаменитаго поэта, женщины, лжесвяты-методисты и нѣкоторые благосклонные журналисты безъ умолку такъ о немъ трубили, а одинъ п р и с я ж н ы й или у в ѣ н ч а н н ы й поэтъ (Southey, poète lauréat) назвалъ его поэзію с а т а н и н с к о ю. — На первыя три обвиненія служатъ отвѣтомъ: скорбь благороднаго поэта послѣ развода съ своенравной его супругой и разлуки съ дочерью, неоднократно имъ изъясненная въ разговорахъ съ друзьями и въ письмахъ, выраженная съ необыкновеннымъ чувствомъ въ прекрасной его элегіи: «П р о с т и» и въ нѣсколькихъ краснорѣчивыхъ стансахъ Чайльдъ-Гарольда; безкорыстныя его пожертвованія въ пользу грековъ и даже въ пользу ложныхъ друзей и неблагодарныхъ книгопродавцевъ; благодѣянія, оказанныя имъ разнымъ лицамъ въ Италіи и въ Турціи: постоянная его дружба съ Шеллеемъ, Гобгоузомъ и примиреннымъ Т. Муромъ: наконецъ благороднѣйшая и чистѣйшая жертва, принесенная имъ страждущему человѣчеству: смерть его въ стѣнахъ осажденной Миссолунги. — Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ отчасти самъ отразилъ въ отвѣтѣ своемъ помянутому у в ѣ н ч а н н о м у п о э т у. Но вотъ еще анекдотъ, узнанный уже по смерти Байрона и служащій свидѣтельствомъ въ защиту его отъ злонамѣренныхъ обвинителей. Анекдотъ сей, кажется, нигдѣ еще не былъ помѣщенъ въ русскомъ переводѣ.

Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность на лентѣ. Капитанъ Медуинъ думалъ, что это былъ портретъ первой его любовницы. Извѣстный оріенталистъ. Гаммеръ, напечаталъ въ одной нѣмецкой газетѣ, что это былъ восточный амулетъ. «Сей амулетъ, говоритъ Гаммеръ, состоитъ изъ лоскутка бумаги, даннаго какимъ-то дервишемъ: это списокъ съ условія, заключеннаго (по мнѣнію магометанъ) между царемъ Соломономъ и дьяволомъ, въ силу котораго сатана обязался не дѣлать никакого зла человѣку, который будетъ носить при себѣ рукописаніе, содержащее пять молитвъ: Адама, Ноя, Іова, Іоны и Авраама». Догадки того и другого опровергаются слѣдующимъ повѣствованіемъ.

Во время пребыванія лорда Байрона въ Аѳинахъ (въ первое его путешествіе), онъ поселилъ великую къ себѣ пріязнь въ одномъ монахѣ францисканскаго монастыря, гдѣ Байронъ остановился на жительство. Монахъ сей назывался отцомъ Бернардомъ. Когда освобожденіе Греціи манило Байрона исторгнуться изъ роскошной и веселой Италіи, тогда, рѣшась

на славный свой подвигъ, разсказывалъ онъ однажды друзьямъ своимъ объ этомъ монахѣ. «Странное дѣло, говорилъ Байронъ: отецъ Бернардъ, отдавая мнѣ Христа, котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: ты будешь защитникомъ христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою: боюсь, что ты не дойдешь до Аѳинъ».—Лордъ Байронъ по сихъ словахъ погрузился въ глубокую задумчивость, которой никто не осмѣлился нарушить, ибо всѣ привыкли видѣть, что онъ бывалъ иногда молчаливъ и какъ-бы одинокъ между людьми, когда какая-либо важная или печальная мысль приходила къ нему, и даже въ серединѣ разговора. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія онъ присовокупилъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Едва повѣрятъ, что я ни въ какомъ случаѣ не могъ разстаться съ этимъ крестомъ; однако-жъ это сущая правда. Я никогда не соглашался отдать его ни матери, ни сестрѣ своей, которыя просили его у меня по возвращеніи моемъ въ Англію; этотъ крестъ данъ мнѣ былъ на память пріоромъ францисканцовъ, живущимъ въ Діогеновой башнѣ, въ Аѳинахъ. Предобрый этотъ монахъ очень любилъ меня; когда онъ узналъ, что я готовился къ отъѣзду, то крайне опечалился.—«Не забывайте меня, милордъ, сказалъ онъ, прощаясь со мною: выберите изо всѣхъ моихъ скудныхъ пожитковъ то, что̀ вамъ понравится, и берегите на память объ отцѣ Бернардѣ».—Я указалъ рукою на распятіе, бывшее на немъ, и спросилъ, не отдастъ-ли онъ мнѣ его. Добрый пріоръ такъ былъ обрадованъ моимъ выборомъ, что слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ былъ человѣкъ истинно вѣрующій. Съ тѣхъ поръ я ни на минуту не покидалъ сего распятія. Скажу вамъ даже, что однажды, когда мнѣ показалось, будто-бы я потерялъ его, я былъ самъ не свой: меня это мучило... И вотъ, наконецъ, предсказаніе отца Бернарда сбывается; мнѣ должно ѣхать въ Грецію...» и проч.

Анекдотъ сей находится въ одной любопытной книгѣ о лордѣ Байронѣ, изданной въ Лондонѣ г-мъ де-Сальво, который присовокупляетъ, что распятіе сіе отыскано по кончинѣ благороднаго лорда въ его портфелѣ, лежавшемъ подлѣ его смертнаго одра. Князь Маврокордато отослалъ оное къ наслѣдникамъ Байрона, вмѣстѣ съ его альбомомъ и бумагами. Оно теперь въ рукахъ Гобгоуза.—Прибавимъ, что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все-таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной.

АЛЬМАНАШНИКЪ.

СЦЕНЫ.

I.

Альманашникъ: Господи, Боже мой! Вотъ уже четвертый мѣсяцъ живу въ Петербургѣ, таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ—я-жъ отставной—того и гляди, въ яму посадятъ.

Пріятель: А по какой части собираешься служить?

Альманашникъ: По какой части? Господи, Боже мой? Да развѣ я не русскій человѣкъ? Я на все гожусь. Разумѣется, хотѣлось-бы мнѣ мѣстечко потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я и всякому радъ.

Пріятель: Неужто у тебя нѣтъ таки ни единаго благодѣтеля?

Альманашникъ: Благодѣтеля! Господи, Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ: всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ, а я все-таки безъ куска хлѣба.

Пріятель: Служба тебѣ, знать, не дается. Возьмись-ка за что-нибудь другое.

Альманашникъ: А за что̀ прикажешь?

Пріятель: Напримѣръ, за литературу.

Альманашникъ: За литературу? Господи, Боже мой! Въ сорокъ три года начать свое литературное поприще!

Пріятель: Что̀ за бѣда? А Руссо?

Альманашникъ: Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ: онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ. Да къ тому-же онъ былъ человѣкъ ученый, а я учился въ Московскомъ университетѣ.

Пріятель: Что̀ за бѣда? Затѣвай журналъ.

Альманашникъ: Журналъ? а кто-же подпишется?

Пріятель: Мало-ли кто? Россія велика, охотниковъ довольно.

Альманашникъ: Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ—деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ тридцати пяти рублей?

Пріятель: Ну, такъ пиши Выжигина.

Альманашникъ: Господи, Боже мой! написать Выжигина не шутка; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхватаю четыре тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

Пріятель: Знаешь-ли что? Издай альманахъ.

Альманашникъ: Какъ такъ?

Пріятель: Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣскольку пьесъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

Альманашникъ: Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ Господъ не знакомъ.

Пріятель: Что нужды? Ступай себѣ къ нимъ; скажи, что ты юный питомецъ музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издать альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства

Альманашникъ: А что ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на альманахъ.

Пріятель: Совѣтую дѣла не откладывать.

Альманашникъ: Сегодня-же начну свои визиты.

Пріятель: И дѣло! Желаю тебѣ всякаго успѣха.

II.

Кабинетъ стихотворца. Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ (гремя стаканчикомъ): Я въ рукѣ.... Sept à la main.... neuf.... sacre-dieu... neuf et sept.... neuf.... мое! кто держитъ?

Гость: Экое счастье! Держу.

Стихотворецъ: Sept à la main.... (про себя): Это кто?

Альманашникъ (входитъ и къ одному изъ гостей): Я давно желалъ имѣть счастье представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія.... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость: Вы ошибаетесь—я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ: Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ: Помилуйте!... Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться.... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ: Извините—вы заняты—я вамъ помѣшалъ...

Стихотворецъ: О, нѣтъ... мы будемъ продолжать.... Sept à la main.... trois крепсъ... Какое несчастье! (Передаетъ кости).

Гость: Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ: Держу. (Играютъ). Что за несчастье! (Смотритъ косо на альманашника).

Альманашникъ: Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать альманахъ.... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ: Пятую руку проходитъ—и всегда я попадусь... Вы издаете альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прошелъ!... я болѣе не держу.

Альманашникъ: «Восточная звѣзда». Я надѣюсь, что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными...

Стихотворецъ (беретъ стаканчикъ): Позвольте!.. сто рублей à prendre... Sept à la main... крепсъ... Это удивительно! Первой руки пройти не могу (плюетъ и вертитъ стулъ). Несчастный альманашникъ! онъ мнѣ принесъ несчастіе!

Альманашникъ: Надѣюсь, что вы не откажете украсить мой альманахъ своими драгоцѣннѣйшими произведеніями.

Стихотворецъ: Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, альманашниками.... Держу все.... Что? Прошелъ опять; это непостижимо! Проклятый альманашникъ!

Альманашникъ (вставая): Позвольте надѣяться, что если будетъ у васъ свободная пьеска...

Стихотворецъ (провожая его до дверей): Отыщу непремѣнно и буду имѣть счастье вамъ доставить.

Альманашникъ: Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ (выпроводивъ его): Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

Гость: Чье? Твое или его?

Стихотворецъ: Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ-бы его взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? (Входитъ слуга). Я говорилъ тебѣ—альманашниковъ не пускать.

Слуга: Да кто ихъ знаетъ, альманашникъ-ли, нѣтъ-ли?

Стихотворецъ: Дуракъ! Это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... (Играютъ).

III.

Харчевня. Безстыдинъ (журналистъ) и Альманашникъ обѣдаютъ.

Безстыдинъ: Гей, водки!

Альманашникъ: Девятая рюмка!... И я за все плачу, а что толку?

Безстыдинъ: Увидишь, какъ пойдетъ нашъ альманахъ. Съ моей стороны даю тридцать четыре стихотворенія; подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими—Е. Б., подъ пятью еще—К.П.В., остальныя пущу безъ подписи. Въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, приславшихъ намъ свои стихотворенія. Прозы у насъ вдоволь... Лихое «Обозрѣніе словесности», гдѣ славно обруганы знаменитые писатели, наши аристократы—знаешь?

Альманашникъ: Никакъ-нѣтъ-съ, не знаю...

Безстыдинъ: Не знаешь? О, да видно ты журнала моего не читаешь... Вотъ видишь-ли: аристократами... разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ... называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное. Мы-было сперва того и

не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, и съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповалъ... Теперь понимаешь?

Альманашникъ: Понимаю.

Безстыдинъ: Водки!.. Эти аристократы... разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ... вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ-бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ... Чѣмъ я хуже другого? Ты смотришь на мое платье...

Альманашникъ: Никакъ-нѣтъ, ей-Богу...

Безстыдинъ: Оно немного поношено: меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому-же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это—моя слабость... Если-бы ты видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я французскую кадриль танцую (Встаетъ, шатаясь, танцуетъ). Каково?

Альманашникъ: Прекрасно. (Безстыдинъ зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его). Боже мой! стаканъ въ дребезгахъ... Его поставятъ на счетъ—и еще граненый!

Безстыдинъ: Какъ на счетъ? Его склеятъ, вотъ и все (подбираетъ стекло и подаетъ).

Альманашникъ: (Расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку.—Онъ на ногахъ не стоитъ). Такъ и быть—взять извозчика...

Безстыдинъ: Сдѣлай одолженіе.. посади меня верхомъ... и самъ садись поперекъ... да поѣдемъ по Невскому...Люблю франтить... это—моя слабость.

Альманашникъ: И вотъ моя послѣдняя опора!.. Господи, Боже мой.

IV.

(Альманашникъ въ передней сочинителя.)

Альманашникъ: Можно видѣть барина?

Слуга: Никакъ-нѣтъ, онъ почиваетъ.

Альманашникъ: Какъ, въ 12 часовъ?

Слуга: Онъ возвратился съ балу въ шестомъ часу.

Альманашникъ: Да когда-же его можно застать?

Слуга: Да почти никогда.

Альманашникъ: Когда-же вашъ баринъ сочиняетъ?

Слуга: Не могу знать.

Альманашникъ: Экое несчастіе! Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь-ли ты какого-нибудь сочинителя?..

1830 г.

ДѢТСКІЯ СКАЗОЧКИ.

МАЛЕНЬКІЙ ЛЖЕЦЪ.

(П. П. Свиньинъ).

Павлуша былъ опрятный, добрый, примѣрный мальчикъ, но имѣлъ большой порокъ: онъ не могъ сказать трехъ словъ, чтобы не солгать. Папенька въ его именины подарилъ ему деревянную лошадку. Павлуша увѣрялъ, что его лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой онъ ускакалъ изъ Полтавскаго сраженія. Павлуша увѣрялъ, что въ домѣ его родителя находится поваренокъ — астрономъ, форрейторъ—историкъ, и что птичникъ-Прошка сочиняетъ стихи лучше Ломоносова. Сначала всѣ товарищи ему вѣрили, но скоро догадались, и никто уже не хотѣлъ ему вѣрить даже и тогда, когда случалось ему сказать и правду.

II. ИСПРАВЛЕННЫЙ ЗАБІЯКА.

(Н. И. Надеждинъ).

Ванюша, сынъ приходскаго дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо нихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: «пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!»—и кидалъ въ него грязью. Однажды, степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкой. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: «подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя». Ванюша сталъ очень печаленъ и, почувствовалъ свою вину, исправился.

III. ВѢТРЕНЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

(Н. А. Полевой).

Алеша былъ очень неглупый мальчикъ, но слишкомъ вѣтренъ и заносчивъ. Онъ ничему не хотѣлъ порядочно учиться. Когда учитель ему за это выговаривалъ, то онъ старался оправдаться разными увертками. Когда учитель бранилъ его за французскія и нѣмецкія вокабулы, то онъ отвѣчалъ, что онъ русскій и что онъ уже знаетъ Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. Латинскій языкъ, по его мнѣнію, вышелъ совсѣмъ изъ употребленія, а русской грамматикѣ не хотѣлъ онъ учиться потому, что недоволенъ былъ изданною для народныхъ училищъ и ожидалъ новой, философической, хотя логика казалась ему наукою прошлаго вѣка, недостой-

ною нашихъ просвѣщенныхъ временъ. Что-же? При всемъ своемъ умѣ и способностяхъ, Алеша прослылъ невѣждою, и всѣ его товарищи надъ нимъ смѣялись.

1830 г.

БАРАТЫНСКІЙ.

Пора занять Баратынскому на русскомъ Парнассѣ мѣсто, давно ему принадлежащее. Наши поэты не могутъ жаловаться на излишнюю строгость критиковъ и публики; напротивъ: едва замѣтимъ въ молодомъ писателѣ навыкъ къ стихосложенію, знаніе языка и средствъ онаго, уже тотчасъ спѣшимъ привѣтствовать его титуломъ генія за гладкіе стишки и нѣжно благодаримъ его въ журналахъ отъ имени человѣчества; невѣрный переводъ, блѣдное подражаніе сравниваемъ безъ церемоніи съ безсмертными произведеніями Гёте и Байрона: добродушіе смѣшное, но безвредное! Истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, основанному на любви къ искусству, нежели малообдуманному рѣшенію записныхъ аристарховъ. Зачѣмъ лишать златую посредственность невинныхъ удовольствій, доставляемыхъ журнальнымъ торжествомъ?

Изъ нашихъ поэтовъ Баратынскій всѣхъ менѣе пользуется обычной благосклонностью журналовъ—оттого-ли, что вѣрность ума, чувства, точность выраженія, вкусъ, ясность и стройность менѣе дѣйствуютъ на толпу, нежели преувеличеніе (exagération) модной поэзіи, или потому, что нашъ поэтъ нѣкоторыми эпиграммами заслужилъ негодованіе братіи, не всегда смиренной. Какъ-бы то ни было, критики изъявляли въ отношеніи къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріязненное расположеніе. Не упоминая уже объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго «Благонамѣреннаго», извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе «Эды», произведенія, столь замѣчательнаго оригинальной своей простотою, прелестью разсказа, живостью красокъ и очерковъ характеровъ, слегка, но мастерски означенныхъ, появленіе «Эды» подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ»

Какъ отозвался «Московскій Вѣстникъ» о собраніи стихотвореній нашего перваго элегическаго поэта? (Упоминаю объ всемъ этомъ для назиданія молодыхъ писателей). Между тѣмъ, Баратынскій спокойно совершенствовался. Послѣднія его произведенія являются плодами зрѣлаго таланта. Послѣдняя поэма «Балъ» (напечатанная въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ») подтверждаетъ наше мнѣніе. Это блестящее произведеніе исполнено оригинальныхъ красокъ и прелести необыкновенной. Поэтъ съ удивительнымъ искусствомъ соединилъ въ своемъ разсказѣ тонъ шутливый и страстный, метафизику и поэзію (два лица являются передъ нами; одно исключительно занимаетъ интересъ). Характеръ героини совершенно новый, развитый con amore, широко и съ удивительнымъ искусствомъ; для него поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики, для него расточилъ онъ всю элегическую нѣгу, всю прелесть своей поэзіи.

Напрасно поэтъ беретъ иногда строгій тонъ порицанія укоризны; напрасно онъ съ принужденной холодностью говоритъ о смерти Нины, сатирически описываетъ намъ ея похороны и шуткою кончаетъ поэму свою: мы чувствуемъ, что онъ любитъ свою бѣдную, страстную героиню; онъ заставляетъ и насъ принимать болѣзненное соучастіе въ судьбѣ падшаго, но еще очаровательнаго созданія.

Арсеній есть тотъ самый, кого должна была полюбить бѣдная Нина. Онъ сильно овладѣлъ ея воображеніемъ, и—никогда вполнѣ не удовлетворяя ни ея страсти, ни любопытству—долженъ былъ до конца сохранить надъ нею роковое свое в л і я н і е (ascendant).

Перечтите его «Эду» (которую критики наши нашли ничтожной, ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій),—перечтите сію простую восхитительную повѣсть: вы увидите, съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь. Посмотрите на Эду послѣ перваго поцѣлуя предпріимчиваго о б о л ь с т и т е л я. Она любитъ, какъ дитя, радуется его подаркамъ, рѣзвится съ нимъ, безпечно привыкаетъ къ его ласкамъ... Но время идетъ: Эда уже не ребенокъ... Какая роскошная черта, какъ весь отрывокъ исполненъ нѣги!

Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ у насъ оригиналенъ, ибо мыслитъ. Онъ былъ-бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ, чувствомъ. Кромѣ прелестныхъ элегій и мелкихъ стихотвореній, знаемыхъ всѣми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемыхъ, Баратынскій написалъ двѣ повѣсти, которыя въ Европѣ доставили-бы ему славу, а у насъ были замѣчены одними знатоками. Первыя, юношескія произведенія Баратынскаго были нѣкогда приняты съ восторгомъ; послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству, въ публикѣ имѣли меньшій успѣхъ. Постараемся объяснить тому причины. Первою должно почесть самое это совершенствованіе, самую зрѣлость его произведеній. Понятія, чувства 18-ти-лѣтняго поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимаютъ его и съ восхищеніемъ въ его произве-

деніяхъ узнаютъ собственныя чувства и мысли, выраженныя ясно, живо и гармонически. Но лѣта идутъ — юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются — пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ-же и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно. Онъ творитъ для самого себя, и если изрѣдка еще обнародываетъ свои произведенія, то встрѣчаетъ холодность, невниманіе и находитъ отголосокъ своимъ звукамъ только въ сердцахъ нѣкоторыхъ поклонниковъ поэзіи, какъ онъ, уединенныхъ въ свѣтѣ. Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. У насъ литература не есть потребность народная. Писатели получаютъ извѣстность посторонними обстоятельствами, публика мало ими занимается; классъ читателей ограниченъ, и имъ управляютъ журналы, которые судятъ о литературѣ какъ о политической экономіи, о политической экономіи какъ о музыкѣ, т. е. наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ. Будучи предметомъ ихъ неблагосклонности, Баратынскій никогда за себя не вступался, не отвѣчалъ ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненія, и что съ другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадныя насмѣшки — тѣмъ не менѣе ихъ приговоры имѣютъ рѣшительное вліяніе.

Третья причина — эпиграммы Баратынскаго; эти мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса. Поэтъ нашъ нетолько никогда не нисходилъ къ журнальной полемикѣ и не любилъ состязаться съ нашими аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей діалектики, но онъ не могъ удержаться, чтобъ сильно не выразить иногда своего мнѣнія въ этихъ маленькихъ сатирахъ, столь забавныхъ и язвительныхъ. Не смѣемъ упрекать его за нихъ. Слишкомъ было-бы жаль, если-бъ онѣ не существовали.

Эта безпечность къ судьбѣ своихъ произведеній, это неизмѣнное равнодушіе къ успѣху и похваламъ, не только въ отношеніи къ журналистамъ, но и въ отношеніи къ публикѣ, очень замѣчательны. Никогда не старался онъ малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды, никогда не прибѣгалъ къ шарлатанству, преувеличенію (exagération) для произведенія бо́льшаго эффекта, никогда не пренебрегалъ трудами неблагодарными, рѣдко замѣчаемыми, трудами отдѣлки и отчетливости. Никогда не тащился онъ по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго генія, подбирая имъ оброненные колосья: онъ шелъ своею дорогою одинъ и независимъ. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца Пенатовъ и Тавриды...

1830 г.

ПРИМѢЧАНІЕ ПУШКИНА.

Эпиграмма, опредѣленная законодателемъ французской піитики: «Un bon mot de deux rimes orné», скоро старѣетъ и, живѣе дѣйствуя въ первую минуту, какъ и всякое острое слово, теряетъ всю свою силу при повтореніи. Напротивъ съ эпиграммами Баратынскаго. Сатирическая мысль пріемлетъ оборотъ то сказочный, то драматическій, и, улыбнувшись ей, какъ острому слову, съ наслажденіемъ перечитываешь ее какъ произведеніе искусства.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ

ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ АЛЕКСАНДРЪ АНФИМОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic.

Посреди полемики, раздирающей бѣдную нашу словесность, Николай Ивановичъ Гречъ и Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ болѣе десяти лѣтъ подаютъ утѣшительный примѣръ согласія, основаннаго на взаимномъ уваженіи, сходствѣ душъ и занятій гражданскихъ и литературныхъ. Сей назидательный союзъ ознаменованъ почтенными памятниками. Ѳаддей Венедиктовичъ скромно признавалъ себя ученикомъ Николая Ивановича; Николай Ивановичъ поспѣшно провозгласилъ Ѳаддея Венедиктовича ловкимъ своимъ товарищемъ; Ѳаддей Венедиктовичъ посвятилъ Николаю Ивановичу своего «Димитрія Самозванца»; Николай Ивановичъ посвятилъ Ѳаддею Венедиктовичу свою «Поѣздку въ Германію»; Ѳаддей Венедиктовичъ написалъ для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловіе; Николай Ивановичъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (издаваемой гг. Гречемъ и Булгаринымъ) напечаталъ хвалебное объявленіе объ «Иванѣ Выжигинѣ». Единодушіе истинно трогательное!

Нынѣ Николай Ивановичъ, почитая Ѳаддея Венедиктовича оскорбленнымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 9 «Телескопа», заступился за своего товарища со свойственнымъ ему прямодушіемъ и горячностью. Онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 27) статью, которая, конечно, заставитъ молчать дерзкихъ противниковъ Ѳаддея Венедиктовича, ибо Николай Ивановичъ доказалъ неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ княжеское достоинство въ іюнѣ 1812 г. (с. 65).

2) Что не сраженіе, а планъ сраженія составляетъ тайну главнокомандующаго (с. 65).

3) Что священникъ выходитъ на встрѣчу подступающему непріятелю съ крестомъ и святою водою (с. 65).

4) Что секретарь выходитъ изъ дому въ статскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треуголь-

ной шляпѣ, со шпагою, въ бѣломъ изношенкомъ исподнемъ платьѣ (с. 65).

5) что пословица: vox populi—vox Dei есть пословица латинская и что она есть истинная причина французской революціи (с. 65).

6) Что «Иванъ Выжигинъ» не есть произведеніе образцовое, но, относительно, явленіе пріятное и полезное (с. 65).

7) Что Ѳаддей Венедиктовичъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Дерпта и просилъ его (Николая Ивановича) не посылать къ нему вздоровъ (с. 65).

И что слѣдственно: Ѳ. В. Булгаринъ своими талантами и трудами приноситъ честь своимъ согражданамъ:

что̀ и доказать надлежало!

Противъ этого нечего и говорить; мы первые громко одобряемъ Николая Ивановича за его откровенное и побѣдоносное возраженіе, приносящее столько-же чести его логикѣ, какъ и горячности чувствованій

Но дружба (сіе священное чувство) слишкомъ далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и съ его пера сорвались нижеслѣдующія строки:

«Тамъ (въ № 9 «Телескопа») взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ».

О Николай Ивановичъ, Николай Ивановичъ! Какой примѣръ подаете вы молодымъ литераторамъ? Какія выраженія употребляете вы въ статьѣ, начинающейся сими строгими словами: «у насъ издавна, и по справедливости, жалуются на цинизмъ, невѣжество и недобросовѣстность рецензентовъ». Куда дѣвалась ваша умѣренность, знаніе приличія, ваша извѣстная добросовѣстность? Перечтите, Николай Ивановичъ, перечтите сіи немногія строки—и вы сами, съ прискорбіемъ, сознаетесь въ своей необдуманности!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!... Какой-то А. Орловъ!»... Шлюсь на всю почтенную публику: какой критикъ, какой журналистъ рѣшился-бы употребить сіи непріятныя выраженія, говоря о произведеніяхъ живого автора? ибо, слава Богу, почтенный мой другъ—Александръ Анѳимовичъ Орловъ—живъ! Онъ живъ, не смотря на зависть и злобу журналистовъ; онъ живъ къ радости книгопродавцевъ, къ утѣшенію многочисленныхъ его читателей!

«Двѣ глупѣйшія книжонки!...» Произведенія Александра Анѳимовича, раздѣляющаго съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ любовь россійской публики, названы: глупѣйшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и онъ живетъ въ своей деревнѣ близъ Сокольниковъ, и онъ просилъ меня не посылать всякаго ему вздору, но оскорбительная для всей читающей публики [1].

«Глупѣйшія книжонки!...» Но чѣмъ докажете вы сію глупость? Знаете-ли вы, Николай Ивановичъ, что болѣе пяти тысячъ экземпляровъ сихъ глупѣйшихъ книжонокъ разошлись и находятся въ рукахъ читающей публики: что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравнѣ съ Выжигиными г. Булгарина; а что образованный классъ читателей, которые гнушаются тѣми и другими, не можетъ и не долженъ судить о книгахъ, которыхъ не читаетъ?

Скрѣпя сердце, продолжаю свой разборъ.

«Двѣ глупѣйшія (глупѣйшія!), вышедшія въ Москвѣ (да, въ Москвѣ) книжонки!...

Въ Москвѣ; да, въ Москвѣ!... Что-же тутъ предосудительнаго? Къ чему такая выходка противъ первопрестольнаго града?... Не въ первый разъ замѣтили мы эту странную ненависть къ Москвѣ въ издателяхъ «Сына Отечества» и «Сѣверной Пчелы». Больно для русскаго сердца слушать таковые отзывы о матушкѣ-Москвѣ, о Москвѣ бѣлокаменной, о Москвѣ, пострадавшей въ 1612 году отъ поляковъ, а въ 1812 году отъ всякаго сброду.

Москва донынѣ центръ нашего просвѣщенія: въ Москвѣ родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русскіе, не выходцы, не переметчики, для коихъ: ubi bene—ibi patria, для коихъ все равно: бѣгать-ли имъ подъ орломъ французскимъ, или русскимъ языкомъ позорить все русское—были-бы только сыты.

Чѣмъ возгордилась петербургская литература?... Г. Булгаринымъ?... Согласенъ, что сей великій писатель, равно почтенный и дарованіями и характеромъ, заслужилъ безсмертную себѣ славу; но произведенія Орлова ставятъ московскаго романиста если не выше, то по крайней мѣрѣ наравнѣ съ петербургскимъ его соперникомъ. Не смотря на несогласіе, царствующее между Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ и Александромъ Анѳимовичемъ, не смотря на справедливое негодованіе, возбужденное во мнѣ неосторожными строками «Сына Отечества», постараемся сравнить между собою сіи два блистательныя солнца нашей словесности...

Ѳаддей Венедиктовичъ превышаетъ Александра Анѳимовича плѣнительною щеголеватостью выраженій; Александръ Анѳимовичъ беретъ преимущество надъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ живостью и остротою разсказа.

Романы Ѳаддея Венедиктовича болѣе обдуманы, доказываютъ большое терпѣніе [2] въ авторѣ (и требуютъ еще бо̀льшаго терпѣнія въ читателѣ); повѣсти Александра Анѳимовича

болѣе кратки. но болѣе замысловаты и заманчивы.

Ѳаддей Венедиктовичъ болѣе философъ; Александръ Анѳимовичъ болѣе поэтъ.

Ѳаддей Венедиктовичъ геній, ибо изобрѣлъ имя Выжигина и симъ нововведеніемъ оживилъ пошлыя подражанія Совѣстдралу и Англійскому Милороду; Александръ Анѳимовичъ искусно воспользовался изобрѣтеніемъ г. Булгарина и извлекъ изъ онаго безконечно разнообразные эффекты!

Ѳаддей Венедиктовичъ, кажется намъ, немного однообразенъ, ибо всѣ его произведенія не что иное, какъ Выжигинъ въ различныхъ измѣненіямъ: Иванъ Выжигинъ, Петръ Выжигинъ, Дмитрій Самозванецъ или Выжигинъ XVII столѣтія, собственныя записки и нравственныя статейки—все сбивается на тотъ-же самый предметъ. Александръ Анѳимовичъ удивительно разнообразенъ! Сверхъ несмѣтнаго числа Выжигиныхъ, сколько цвѣтовъ разсыпалъ онъ на полѣ словесности! Встрѣча Чумы съ Холерою; Соколъ былъ-бы Соколъ, да Курица его съѣла, или Бѣжавшая Жена; Живые Обмороки; Погребеніе Купца, и проч. и проч.

Однако-же безпристрастіе требуетъ, чтобъ мы указали сторону, съ коей Ѳаддей Венедиктовичъ беретъ неоспоримое преимущество надъ своимъ счастливымъ соперникомъ: разумѣю нравственную цѣль его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, любезные слушатели, что можетъ быть нравственнѣе сочиненій г-на Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ, сколь непохвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и тому под. Г-нъ Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него—Ножевымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухинымъ, Димитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ—Княжною Шлюхиной; за то и лица эти представлены нѣсколько блѣдно.

Въ семъ отношеніи г. Орловъ рѣшительно уступаетъ г-ну Булгарину. Впрочемъ самые пламенные почитатели Ѳаддея Венедиктовича признаютъ въ немъ нѣкоторую скуку, искупленную назидательностью; а самые ревностные поклонники Александра Анѳимовича осуждаютъ въ немъ иногда необдуманность, извиняемую однакожъ порывами генія.

Со всѣмъ тѣмъ Александръ Анѳимовичъ пользуется гораздо меньшею славою, нежели Ѳаддей Венедиктовичъ. Что-же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Ѳаддея Венедиктовича, ловкаго товарища Николая Ивановича. Иванъ Выжигинъ существовалъ еще только въ воображеніи почтеннаго автора, а уже въ «Сѣверномъ Архивѣ», «Сѣверной Пчелѣ» и «Сынѣ Отечества» отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Г-нъ Ансело въ своемъ путешествіи, возбудившемъ въ Парижѣ общее вниманіе, провозгласилъ сего, еще не существовавшаго Ивана Выжигина, лучшимъ изъ русскихъ романовъ. Наконецъ Иванъ Выжигинъ явился—и «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела» превознесли его до небесъ. Всѣ кинулись его читать; многіе прочли до конца; а между тѣмъ похвалы ему не умолкали въ каждомъ нумерѣ «Сѣвернаго Архива», «Сына Отечества» и «Сѣв. Пчелы». Эти усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали лѣнивыхъ читателей; угрожали местью недоброжелателямъ, недочитавшимъ Ивана Выжигина изъ единой низкой зависти.

Между тѣмъ, какія воспомогательныя средства употреблялъ Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Никакихъ, любезные читатели!

Онъ не задавалъ обѣдовъ иностраннымъ литераторамъ, незнающимъ русскаго языка, дабы за свою хлѣбъ-соль получить мѣстечко въ ихъ дорожныхъ запискахъ.

Онъ не хвалилъ самого себя въ журналахъ, имъ самимъ издаваемыхъ.

Онъ не заманивалъ унизительными ласкательствами и пышными обѣщаніями подписчиковъ и покупателей.

Онъ не шарлатанилъ газетными объявленіями, писанными слогомъ афишъ собачьей комедіи.

Онъ не отвѣчалъ ни на одну критику; онъ не называлъ своихъ противниковъ дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и т. п.

Но обезоружилъ-ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ? Ни мало. Вотъ какъ отзывались о немъ его собратья:

«Авторъ вышеисчисленныхъ твореній сильно штурмуетъ нашу бѣдную русскую литературу и хочетъ разрушить русскій Парнассъ не бомбами, но каркасами, при помощи услужливыхъ издателей, которые щедро платятъ за каждый манускриптъ знаменитаго сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, какъ увѣряли насъ знающіе дѣло книгопродавцы. Авторъ есть мужъ—изъ ученыхъ, какъ видно по латинскимъ фразамъ, которыми испещрены его творенія, а сущность ихъ доказываетъ, что онъ, какъ сказано въ Недорослѣ: «убоясь бездны премудрости, вспять обратился». Знаменитое лубочное произведеніе: мыши кота хоронятъ или небылицы въ лицахъ есть Иліада въ сравненіи съ твореніями г. Орлова, а Бова Королевичъ—герой, до котораго не возвысился еще почтенный авторъ... Державинъ есть у насъ альфа, а г. Орловъ—омега въ литера-

турѣ, то есть, послѣднее звено въ цѣпи литературныхъ существъ, и потому *заслуживаетъ вниманіе, какъ все необыкновенное*[3]. Языкъ его, изложеніе и завязка могутъ сравняться только съ отвратительными картинами, которыми наполнены эти чада безвкусія, и съ смѣлостью автора. Никогда въ Петербургѣ подобныя творенія не увидѣли-бы свѣта, и ни одинъ изъ петербургскихъ уличныхъ разносчиковъ (не говоримъ о книгопродавцахъ) не взялся-бы ихъ издавать. По какому праву г. Орловъ вздумалъ наречь своихъ холопей, Хлыновскихъ степняковъ Игната и Сидора, дѣтьми Ивана Выжигина, и еще въ то самое время, когда авторъ Выжигина издаетъ другой романъ подъ тѣмъ-же названіемъ?... Никогда такія омерзительныя картины не появлялись на русскомъ языкѣ. Да здравствуетъ московское книгопечатаніе!» («Сѣв. Пчела» 1831 г., № 46).

Какая злонамѣренная и несправедливая критика! Мы замѣтили уже неприличіе нападеній на Москву; но въ чемъ упрекаютъ здѣсь почтеннаго Александра Анѳимовича?... Въ томъ, что за каждое его сочиненіе книгопродавцы платятъ ему по двадцати рублей... Что-же? Безкорыстному сердцу моего друга пріятно думать, что, получивъ двадцать рублей, доставилъ онъ другому двѣ тысячи выгоды[4], между тѣмъ, какъ нѣкоторый петербургскій литераторъ, взявъ за свою рукопись тридцать тысячъ, заставилъ охать погорячившагося книгопродавца!!!

Ставятъ ему въ грѣхъ, что онъ знаетъ латинскій языкъ. Конечно: доказано, что Ѳаддей Венедиктовичъ (издавшій Горація съ чужими примѣчаніями) не знаетъ по-латыни; но ужели этому незнанію обязанъ онъ своею безсмертною славою?

Увѣряютъ, что г. Орловъ *изъ ученыхъ*. Конечно доказано, что г. Булгаринъ вовсе не ученъ, но опять повторяю: развѣ невѣжество есть достоинство, столь завидное?

Этого не довольно: грозно требуютъ отвѣта отъ моего друга: какъ дерзнулъ онъ присвоить своимъ лицамъ имя, освященное самимъ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ?—Но развѣ А. С. Пушкинъ не дерзнулъ вывести въ своемъ Борисѣ Годуновѣ всѣ лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими мѣстами въ своей трагедіи (писанной, говорятъ, пять лѣтъ прежде, и извѣстной публикѣ еще въ рукописи)?

Смѣло ссылаюсь на совѣсть самихъ издателей «Сѣверной Пчелы»; справедливы-ли эти критики? виноватъ-ли Александръ Анѳимовичъ Орловъ?

Но еще смѣлѣе ссылаюсь на почтеннаго Николая Ивановича: не чувствуетъ-ли онъ глубокаго раскаянія, оскорбивъ напрасно человѣка съ столь отличнымъ дарованіемъ, *не состоящаго съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, вовсе его незнающаго, и не писавшаго о немъ ничего дурного?*[5].

1891 г. Ѳеофилактъ Косичкинъ.

-

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА.

1. См. разборъ Денницы въ Сынѣ Отечества.
2. Геній есть *терпѣніе* въ высочайшей степени — сказалъ извѣстный Бюффонъ.
3. Важное сочиненіе! Прошу прислушать!
4. Историческая истина!
5. Сынъ Отечества, № 27, стр. 60.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ незлопамятныхъ литераторовъ, которые, публично другъ друга обругавъ, обнимаются потомъ всенародно, какъ *Пролазъ съ Высоносомъ*, говоря въ похвальбу себѣ и въ утѣшеніе:

Вѣдь, кажется, у насъ по полной оплеухѣ.

Нѣтъ, разсердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, какъ истощивъ весь запасъ оскорбительныхъ примѣчаній, обиняковъ, заграничныхъ анекдотовъ и тому подобнаго. Для поддержанія-же себя въ семъ суровомъ расположеніи духа, перечитываю я тщательно мною переписанныя въ особую тетрадь статьи, подавшія мнѣ поводъ къ таковому ожесточенію. Такимъ образомъ, пересматривая надняхъ антикритику, подавшую мнѣ случай заступиться за почтеннаго друга моего А. А. Орлова, напалъ я на слѣдующее мѣсто:

«Я рѣшился на это (на оправданіе г. Булгарина) *не для того, чтобъ оправдать и защищать Булгарина, который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ рецензентовъ*» (см. № 27 «Сына Отечества», издаваемаго гг. Гречемъ и Булгаринымъ).

Изумился я, какимъ образомъ могъ я пропустить безъ вниманія эти краснорѣчивыя, но необдуманныя строки! Я сталъ по пальцамъ пересчитывать всевозможныхъ рецензентовъ, у коихъ менѣе ума въ головѣ, нежели у г. Булгарина *въ мизинцѣ*, и теперь догадываюсь, кому Николай Ивановичъ думалъ погрозить мизинцемъ Ѳаддея Венедиктовича.

Въ самомъ дѣлѣ, къ кому можетъ отнестись это затѣйливое выраженіе? Кто наши записные рецензенты?

Вы, издатель «Телескопа»? Вѣроятно мстительный *мизинчикъ* указуетъ и на васъ: предоставляю вамъ самимъ вступиться за свою голову. Но кто-же другіе?

Г. *Полевой*? Но не смотря на прежніе раздоры, на письма Бригадирши, на насмѣшки славнаго Грипусье, на недавное прозвище

Верхогляда и проч., и проч., всей Европѣ извѣстно, что «Телеграфъ» состоитъ въ добромъ согласіи съ «Сѣверной Пчелой» и «Сыномъ Отечества»: мизинчикъ касается не его.

Г. Воейковъ? Но этотъ замѣчательный литераторъ рецензіями мало занимается, а извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, такъ сказать, на чистую воду нѣкоторыя, такъ сказать, литературныя плутни. Ловкіе издатели «Сѣверной Пчелы» ужъ вѣрно не станутъ, какъ говорится, класть ему пальца въ ротъ, хотя-бы этотъ палецъ былъ и знаменитый вышеупомянутый мизинчикъ.

Г. Сомовъ? Но кажется, «Литературная Газета», совершивъ свой единственный подвигъ— совершенное уничтоженіе (литературной) славы Булгарина—почіетъ на своихъ лаврахъ, а Гречъ, вѣроятно, не станетъ тревожить сего счастливаго усыпленія, щекотя «Газету» проказливымъ мизинчикомъ.

Кого-же оцарапалъ сей мизинецъ? Кто эти рецензенты, у коихъ—и такъ далѣе? Просвѣщенный читатель уже догадался, что дѣло идетъ обо мнѣ, Ѳеофилактѣ Косичкинѣ.

Всему свѣту извѣстно, что никто постояннѣе моего не слѣдовалъ за исполинскимъ ходомъ нашего вѣка. Сколько глубокихъ и блистательныхъ твореній по части политики, точныхъ наукъ и чистой литературы вышли у насъ изъ печати въ теченіе послѣдняго десятилѣтія (шагнувшаго такъ далеко впередъ) и обратили на себя справедливое вниманіе завидующей намъ Европы! ни одного изъ таковыхъ явленій не пропустилъ я изъ виду; обо всякомъ, какъ извѣстно, написалъ я по одной статьѣ, отличающейся ученостью, глубокомысліемъ и остроуміемъ. Если долгъ безпристрастія требовалъ, чтобъ я указывалъ иногда на недостатки разбираемаго мною сочиненія, то можетъ-ли кто-нибудь изъ русскихъ авторовъ жаловаться на заносчивость или невѣжество Ѳеофилакта Косичкина? Можетъ быть, по примѣру Полевого, я слишкомъ лестно отзываюсь о самомъ себѣ; я могъ-бы говорить въ третьемъ лицѣ и просить моего друга подписать имя свое подъ сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками, и русскіе журналисты, вѣроятно, не укорятъ меня въ шарлатанствѣ.

И что-жъ! Гречъ въ журналѣ, съ жадностью читаемомъ во всей просвѣщенной Европѣ, даетъ понять, будто-бы въ мизинцѣ его товарища болѣе ума и таланта, чѣмъ въ головѣ моей! Отзывъ слишкомъ для меня оскорбительный! Полагая себя въ правѣ объявить во услышаніе всей Европы, что я ничьихъ мизинцевъ не убоюсь; ибо, не входя въ разсмотрѣніе головъ, увѣряю, что пальцы мои (каждый особо и всѣ пять въ совокупности) готовы воздать сторицею кому-бы то ни было.—Dixi!

Взявшись за перо, я не имѣлъ однакожъ цѣлью объявить о семъ почтеннѣйшей публикѣ; подобно нашимъ писателямъ аристократамъ (разумѣю слово это въ его ироническомъ смыслѣ), я никогда не отвѣчалъ на журнальныя критики: дружба, оскорбленная дружба призываетъ опять меня на помощь угнетеннаго дарованія.

Признаюсь: послѣ статьи, въ которой такъ торжественно оправдалъ и защитилъ я А. А. Орлова (статьи, принятой московской и петербургскою публикою съ отличной благосклонностью), не ожидалъ я, чтобъ «Сѣверная Пчела» возобновила свои нападенія на благороднаго друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, эти нападенія уже гораздо слабѣе прежнихъ, но я не умолкну, доколѣ не принужу къ совершенному безмолвію ожесточенныхъ гонителей моего друга и непочтительнаго «Сына Отечества», издѣвающагося надъ нашею древнею Москвою.

«Сѣверная Пчела» (№ 101), объявляя о выходѣ новаго Выжигина, говоритъ: «Заглавіе этого романа заставило насъ подумать, что это одно изъ многочисленныхъ подражаній произведеніямъ нашего блаженнаго А. Орлова, знаменитаго автора... Притомъ-же всякое произведеніе московской литературы, носящее на себѣ печать изданія книгопродавцевъ пятнадцатаго класса... приводитъ насъ въ невольный трепетъ». Блаженный Орловъ... Что значитъ блаженный Орловъ? О! конечно, если блаженство состоитъ въ спокойствіи духа, не возмущаемаго ни завистью, ни корыстолюбіемъ; въ чистой совѣсти, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; въ честномъ и благородномъ трудѣ, въ смиренномъ развитіи дарованія, даннаго отъ Бога—то добрый и небогатый Орловъ блаженъ, и не станетъ завидовать ни богатству плута, ни чинамъ негодяя, ни извѣстности шарлатана!!! Если-же слово блаженный употреблено въ смыслѣ, коего здѣсь изъяснять не стану, то удивляюсь охотѣ нѣкоторыхъ людей, старающихся представлять смѣшными вещи, вовсе не смѣшныя, и которыя даже не могутъ извинять неприличія мысли остроуміемъ или веселостью оборота.

Насмѣшки надъ книгопродавцами пятнадцатаго класса обличаютъ аристократію чиновныхъ издателей, нѣкогда осмѣянную такъ называемыми аристократическими писателями. Повторимъ истину, столь-же неоспоримую, какъ и нравственныя размышленія Булгарина: «чины не даютъ ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарованія задорному маракѣ. Фильдингъ и Лабрюйеръ не были ни статскими совѣтниками,

ви даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшіе въ дворянство, могутъ быть почтенными писателями, если только они люди съ дарованіемъ, образованностью и добросовѣстностью, а не фигляры и не наглецы».

Надѣюсь, что этотъ умѣренный мой отзывъ будетъ послѣднимъ, и что почтенные издатели «Сѣверной Пчелы», «Сына Отечества» и «Сѣвернаго Архива» не вызовутъ меня снова на поприще, на которомъ являюсь рѣдко, но не безъ успѣха, какъ изволите видѣть. Я—человѣкъ миролюбивый, но всегда готовъ заступиться за моего друга; я не похожу на того китайскаго журналиста, который, потакая своему товарищу и въ глаза выхваляя его бредни, говоритъ на ухо всякому: «этотъ пачкунъ и мерзавецъ ссоритъ меня со всѣми порядочными людьми, мараетъ меня своимъ товарищесгвомъ; но что̀ дѣлать? онъ человѣкъ дѣловой и расторопный!»

Между тѣмъ, полагаю себя въ правѣ объявить о существованіи романа, коего заглавіе прилагаю здѣсь. Онъ поступитъ въ печать или останется въ рукописи, смотря по обстоятельствамъ:

НАСТОЯЩІЙ ВЫЖИГИНЪ.

историко-нравственно-сатирическій романъ XIX в.

Содержаніе.

Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной конурѣ. Воспитаніе ради Христа. — Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ.— Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться! — Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство.— Глава V. Ubi bene, ibi patria. — Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву. — Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ. — Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ. — Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный. — Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ. — Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо-анонимъ къ знатной особѣ.—Глава XII. Танта. Выжигинъ попадается въ дураки.—Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай-да дядюшка! — Глава XIV. Господинъ и госпожа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностью объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшенія въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы.—Глава XVI. Видокъ, или маску долой! — Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ. — Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ.

1831 г. Ѳ. Косичкинъ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА.

Надняхъ вышли въ свѣтъ сочиненія и переводы въ стихахъ Павла Катенина.

Издатель (Бахтинъ), въ началѣ предисловія, весьма замѣчательнаго, упомянулъ о томъ, что П. А. Катенинъ почти при вступленіи на поприще словесности былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками.

Намъ кажется, что г. Катенинъ (какъ и всѣ наши писатели вообще) скорѣе могъ-бы жаловаться на безмолвіе критики, чѣмъ на ея строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, у насъ еще не существуетъ: несправедливо было-бы намъ и требовать оной. У насъ и литература едва-ли существуетъ, а на нѣтъ—суда нѣтъ, говоритъ неоспоримая пословица. Если публика можетъ довольствоваться тѣмъ, что̀ называется у насъ критикой, то это доказываетъ только, что мы еще не имѣемъ нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ.

Что-же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикой сочиненіямъ Катенина, то во всѣхъ отношеніяхъ она дѣлаетъ ему честь: во-первыхъ, она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ, напротивъ: шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что̀ и какъ ему было угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождало его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ. Такимъ образомъ, бывъ одинъ изъ первыхъ приверженцевъ романтизма, первый введшія въ кругъ возвышенной поэзіи языкъ и предметы простонародные, онъ первый отрекся отъ романтизма и обратился къ классическимъ идоламъ, когда читающей публикѣ начала нравиться новизна литературнаго преобразованія.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Катенина былъ переводъ славной Биргеровой Леоноры. Она была уже извѣстна у насъ по невѣрному и прелестному подражанію Жуковскаго, который сдѣлалъ изъ нея то-же, что̀ Байронъ въ своемъ Манфредѣ сдѣлалъ изъ Фауста: ослабилъ духъ и формы своего образца. Катенинъ это чувствовалъ и вздумалъ показать намъ Леонору въ энергической красотѣ ея первобытнаго созданія: онъ написалъ Ольгу. Но эта простота и даже грубость выраженій, сія сволочь, замѣнившая воздушную цѣпь тѣней, сія висѣлица

вмѣсто сельскихъ картинъ, озаренныхъ лѣтнею луною, непріятно поразили непривычныхъ читателей. и Гнѣдичъ взялся высказать ихъ мнѣнія въ статьѣ, коей несправедливость обличена была Грибоѣдовымъ. Послѣ Ольги явился Убійца, лучшая, можетъ быть, изъ балладъ Катенина. Впечатлѣніе, имъ произведенное, было и того хуже. Убійца, въ припадкѣ сумасшествія, бранилъ мѣсяцъ, свидѣтеля его злодѣянія, плѣшивымъ! Читатели, воспитанные на Флоріанѣ и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первыя неудачи Катенина; онѣ имѣли вліяніе и на слѣдующія его произведенія. На театрѣ имѣлъ онъ рѣшительные успѣхи. Отъ времени до времени въ журналахъ и альманахахъ появлялись его стихотворенія, коимъ наконецъ начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ними отличаются Мстиславъ Мстиславичъ, стихотвореніе, исполненное огня и движенія, и Вторая быль, гдѣ столько простодушія и истинной поэзіи.

Въ книгѣ, нынѣ изданной, просвѣщенные читатели замѣтятъ идиллію, гдѣ съ такою прелестной вѣрностью постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя—простая, широкая, свободная, меланхолическую элегію, мастерской переводъ трехъ пѣсенъ изъ Inferno и собраніе романсовъ о Сидѣ, эту простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадутъ справедливость ученой отдѣлкѣ и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха Катенина, слишкомъ пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

1833 г.

ЗАМѢЧАНІЯ НА «ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ».

«Пѣснь о Полку Игоревѣ» найдена была въ библіотекѣ графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана въ 1800 году. Рукопись сгорѣла въ 1812-мъ году. Знатоки, видѣвшіе ее, сказываютъ, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Первые издатели приложили къ ней переводъ, вообще удовлетворительный, хотя нѣкоторыя мѣста остались темны или вовсе не вразумительны. Многіе послѣ того силились ихъ объяснить. Но хотя въ изысканіяхъ такого рода послѣдніе бываютъ первыми (ибо ошибки и открытія предшественниковъ открываютъ и очищаютъ дорогу послѣдователямъ), первый переводъ, въ которомъ участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшимъ. Прочіе толкователи наперерывъ затмевали неясныя выраженія своевольными поправками и догадками, ни на чемъ не основанными. Важнѣйшими объясненіями обязаны мы Карамзину, который въ своей исторіи, мимоходомъ, разрѣшилъ нѣкоторыя загадочныя мѣста.

Нѣкоторые писатели усомнились въ подлинности древняго памятника нашей поэзіи и возбудили жаркія возраженія. Счастливая поддѣлка можетъ ввести въ заблужденіе людей незнающихъ, но не можетъ укрыться отъ взоровъ истиннаго знатока. Вальполь не вдался въ обманъ, когда Чаттертонъ прислалъ ему стихотворенія стараго монаха Rowley; Джонсонъ тотчасъ уличилъ Макферсона. Но ни Карамзинъ, ни Ермолаевъ, ни А. Х. Востоковъ никогда не сомнѣвались въ подлинности «Пѣсни о Полку Игоревѣ». «Великій скептикъ Шлёцеръ», не видѣвъ еще «Слова о Полку Игоревѣ», рѣзко назвалъ оное подлогомъ; но, прочитавъ, призналъ подлинное древнее происхожденіе и не почелъ даже за нужное приводить тому доказательства: такъ очевидна казалась ему истина!

§ 1-й. «Слово о Плъку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславича! начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

Всѣ, занимавшіеся толкованіемъ «Слова о Полку Игоревѣ», перевели: «Не прилично-ли будетъ намъ, не лучше-ли намъ, не пристойно ли бы намъ, не славно-ли, други, братья, братцы—воспѣть древнимъ складомъ, старымъ слогомъ, древнимъ языкомъ трудную, печальную пѣснь о Полку Игоревѣ, Игоря Святославича?»—Но въ древнемъ славянскомъ языкѣ частица-ли не всегда даетъ смыслъ вопросительный, подобно латинскому ne. Иногда «ли» значитъ: «только», иногда «бы», иногда «же»; донынѣ въ сербскомъ языкѣ сохраняетъ она эти знаменованія. Въ русскомъ, частица «ли» есть или союзъ раздѣлительный, или вопросительный, если управляетъ ею отрицательное «не». Въ пѣсняхъ она иногда никакого смысла не имѣетъ и вставляется для мѣры, также какъ и частицы: «и, что, а какъ ужъ, ужъ какъ» (замѣчаніе Тредьяковскаго).

Въ другомъ мѣстѣ Слова о Полку Игоревѣ «ли» постановлено такъ-же, но всѣ переводчики рѣшили, что это есть ошибка переписчика, и перевели не вопросомъ, а утвердительно. То-же надлежало-бы сдѣлать и здѣсь.

Во-первыхъ разсмотримъ смыслъ рѣчи. По мнѣнію переводчиковъ, поэтъ говоритъ: «Не воспѣть-ли намъ объ Игорѣ по-старому? начнемъ-же пѣть по былинамъ сего времени (т. е. по-новому), а не по замышленію Бояню (т. е. не по-старому)». Явное противорѣчіе. Если-же признаемъ, что частица «ли» смысла вопросительнаго не даетъ, то выйдетъ: «Неприлично, братья, начать стариннымъ слогомъ пе-

чальную пѣснь объ Игорѣ Святославичѣ. Начаться-же пѣсни по былинамъ сего времени, а не по вымысламъ Бояна».

Стихотворцы никогда не любили упрека въ подражаніи, и неизвѣстный творецъ «Слова о Полку Игоревѣ» не преминулъ объявить въ началѣ своей поэмы, что онъ будетъ пѣть по-своему, а не тащиться по слѣдамъ стараго Бояна. Глаголъ бяшетъ подверждаетъ замѣчаніе мое: онъ употребленъ въ прошедшемъ времени (съ неправильностью въ склоненіи, коему примѣры встрѣчаются въ лѣтописяхъ) и предполагаетъ кондиціональную частицу «бы». «Неприлично было-бы». Вопросъ-же требовалъ-бы настоящаго или будущаго.

§ 2. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы».

Не рѣшу, упрекаютъ-ли здѣсь Бояна или хвалятъ, но во всякомъ случаѣ поэтъ приводитъ это мѣсто въ примѣръ того, какимъ образомъ слагали пѣсни въ старину. Здѣсь полагаю описку, или даже поправку, впрочемъ незначительную: «растекашется мыслію по древу...» тутъ пропущено слово «славіемъ», которое довершаетъ уподобленіе. Г. Вельтманъ перевелъ это мѣсто: «былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, коего мысли текли въ вышину такъ, какъ соки по древу». Удивительно! Но что есть общаго между манерною прозою Геснера и поэзіей пѣсни объ Игорѣ?

§ 3. «Помняшеть бо речь первыхъ временъ усобіцѣ, тогда пущашетъ і соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше: старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскыми, красному Романови Святъславичю. Боянъ же, братіе, не і соколовь на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху».

Ни одинъ изъ толкователей не перевелъ сего мѣста удовлетворительно. Дѣло здѣсь идетъ о Боянѣ, все это продолженіе прежней мысли: «помнилъ преданія о прежнихъ браняхъ (усобица значитъ ополченіе, брань, а не междоусобіе, какъ перевели нѣкоторые. Между-усобіе есть уже слово составленное), напускалъ онъ и проч.». Поэтъ изъясняетъ иносказательный языкъ Соловья стараго времени, и изъясненіе стольже великолѣпно, какъ и блестящая аллегорія, приведенная имъ въ примѣръ: 10 соколовъ, напущенныхъ на стадо лебедей, значили 10 пальцевъ, возложенныхъ на струны. А. С. Шишковъ сравниваетъ это мѣсто съ началомъ поэмы. Толкованіе Ал. Сем. любопытно (томъ 7. стр. 43): «и такъ надлежитъ паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не къ одному удовольствію, но тако жъ и къ нѣкоторому прославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть, отличившіеся въ сраженіяхъ военачальники или князья, состязавшіеся въ славѣ — выѣзжали на поле каждый съ соколомъ своимъ, и пускали на стадо лебединое съ тѣмъ, что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приносить общее поздравленіе въ одержаніи преимущества предъ прочими».

Пожарскій съ симъ мнѣніемъ не соглашается. Ему кажется неприличнымъ для русскихъ князей «доказывать первенство свое, кровію пріобрѣтенное, полетомъ соколовъ». Онъ полагаетъ, что не князья, а стихотворцы напускали соколовъ, а причина такого древняго обряда, думаетъ онъ, была «скромность» стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя передъ товарищами. А. С. Шишковъ въ свою очередь видитъ въ мнѣніи Я. Пожарскаго «крайнюю неосновательность и несчастное самолюбіе» (томъ II. стр. 388). Къ крайнему сожалѣнію, Пожарскій не возразилъ.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря». Здѣсь опредѣляется эпоха, въ которую написано «Слово о Полку Игоревѣ».

«Иже истягну умь крѣпостію своею». Истягнулъ — вытянулъ, натянулъ, извѣдалъ, попробовалъ (Пожарскій: препоясалъ умъ крѣпостію; первые толкователи: напрягши умъ крѣпостію своею). «Натянулъ, какъ лукъ; изострилъ, какъ мечъ» — метафоры, заимствованныя изъ одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце-жъ-бы потяту быти, неже полонену быти». Лучше быть убиту, нежели полонену. Въ русскомъ языкѣ сохранилось одно слово, гдѣ «ли» послѣ «не» не имѣетъ силы вопросительной: «нежели». Слово «неже» употреблялось во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и встрѣчается и въ «Словѣ о Полку Игоревѣ».

«А всядемъ, братіе, на свои борзые комони, да позримъ синяго Дону». Суевѣріе, полагавшее затменіе солнечное бѣдственнымъ знаменованіемъ, было нѣкогда общимъ.

«Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону Великаго». Слова запутаны. Первые издатели перевели: «пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвѣщаніе и извѣдать (счастія на) Дону великомъ». «Заступить» имѣетъ нѣсколько значеній — омрачить, lumen impedio, помѣшать, удержать. «Спали князю въ умъ — желаніе и печаль. Ему знаменіе мѣшало, запрещало искусити Дону великаго. Такъ хочу-же, сказалъ»... хощу-бо, рече, копіе преломити конець поля

Половецкаго съ вами. Русици, хощу главу свою положити, а любо испити шеломомъ Дону.

«О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа пълкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ надъ облакы, свивая славы оба полы сего времени», т. е. «сплетая хвалы на всѣ стороны сего времени». Если не ошибаюсь, иронія пробивается сквозь пышную хвалу.

«Рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы».

(«Четыре раза упоминается въ этой пѣснѣ о Троянѣ... но кто сей Троянъ—догадаться ни по чему невозможно», говорятъ первые издатели... 5 стр. изд. Шишкова). Прочіе толкователи не послѣдовали скромному примѣру. Они не хотѣли оставить безъ рѣшенія то, чего не понимали.

Чрезъ всю Бессарабію проходитъ рядъ кургановъ, памятникъ римскихъ укрѣпленій, извѣстный подъ названіемъ «Троянова вала». Вотъ куда обратились толкователи и увердили, что неизвѣстный Троянъ, о коемъ 4 таза упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, есть е кто иной, какъ римскій императоръ. Должно-ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе? Но и тропа Троянова можетъ-ли быть прянята за Трояновъ валъ, когда нѣсколько ниже опредѣляется: «вступилъ дѣвою на землю Трояню... на синемъ морѣ, у Дону» (стр. 14, изд. Шишкова). Гдѣ-же тутъ Бессарабія? «Слѣды Трояна въ Дакіи, видимые по сіе время, должны были быть извѣстны потомкамъ дунайскихъ славянъ», говоритъ Вельтманъ. Почему-же?

«Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая», etc. Поэтъ повторяетъ опять изображенія Бояновы и, обращаясь къ Бояну, вопрошаетъ: «или не такъ-ли пѣть было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода».

Теперь поэтъ говоритъ самъ отъ себя—не по вымыслу Бояню, а по былинамъ сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описаніе стоитъ иносказаній Соловья стараго времени!

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъславличя: сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови». Готови значатъ здѣсь извѣстны; значеніе это сохранилось въ иллирійскомъ славянскомъ нарѣчіи. Ниже мы увидимъ, что половцы бѣгутъ «неготовыми» (неизвѣстными) дорогами. Если-же неготовыми значило-бы «немощеными», то что-же-бы значило: «готовые кони—осѣдланы у Курска напереди?»

«А мои ти Куряни свѣдоми». Это повтореніе того-же понятія другими выраженіями подтверждаетъ предыдущія мои показанія. Это одна изъ древнѣйшихъ формъ поэзіи. Смотри священное писаніе.

«Кмети подъ трубами повити». Г-нъ Вельтманъ говоритъ, что «кметь» значитъ вообще крестьянинъ, мужикъ: «Kar gospôda stori krivo, kmeti mòrjo plázhat shivo.

Подлинность самой Пѣсни доказывается духомъ древности, подъ который невозможно подделаться. Кто изъ нашихъ писателей въ 18 вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Державинъ? Но Державинъ не зналъ и русскаго языка, не только языка Пѣсни о Полку Игоревѣ. Прочіе не имѣли всѣ вмѣстѣ столько поэзіи, сколько находится оной въ планѣ ея, въ описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло-бы въ голову взять въ предметъ Пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затмить нѣкоторыя мѣста изъ своей Пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ, или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало-бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ имѣ-бы и обладалъ—неужто таковая смѣсь естественная? Гомеръ, если и существовалъ, искаженъ рапсодами.

Ломоносовъ жилъ не въ XII столѣтіи. Ломоносовскія оды писаны на русскомъ языкѣ съ примѣсью нѣкоторыхъ выраженій, взятыхъ имъ изъ Библіи, которая лежала передъ нимъ...

1834 г.

ЛОРДЪ БАЙРОНЪ.

Родъ Байроновъ, одинъ изъ самыхъ старинныхъ въ англійской аристократіи, младшей между европейскими, произошелъ отъ нормандца Ральфа де-Бюронъ (или Бирона), одного изъ сподвижниковъ Вильгельма-Завоевателя. Имя Байроновъ съ честью упоминается въ англійскихъ лѣтописяхъ. Лордство дано ихъ фамиліи въ 1643 г. Говорятъ, что Байронъ своею родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями. Чувство весьма понятное! Блескъ его предковъ и почести, которыя наслѣдовалъ онъ отъ нихъ, возвышали поэта; напротивъ того, слава, имъ самимъ пріобрѣтенная, принесла ему мелочныя оскорбленія, часто унижавшія благороднаго лорда, предавая имя его на произволъ молвы, ко всему равнодушной и ничего не уважающей.

Капитанъ Байронъ, сынъ знаменитаго адмирала и отецъ великаго поэта, навлекъ на себя соблазнительную славу. Онъ увезъ супругу лорда Cormorthen и женился на ней тотчасъ послѣ ея развода. Вскорѣ потомъ она

умерла, въ 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой годъ разсчетливый вдовецъ, для поправленія своего разстроеннаго состоянія, женился на миссъ Gordon, единственной дочери и наслѣдницѣ Георгія Gordon, владѣльца гайфскаго. Бракъ сей былъ несчастливъ: 23,500 фунт. стерл. (587,500 руб.) были расточены въ два года—и mistriss Байронъ осталась при 150 ф. стерл. годового дохода. Въ 1786 году мужъ и жена отправились во Францію и возвратились въ Лондонъ въ концѣ 1787 г.

Въ слѣдующемъ году, 22-го января, леди Байронъ родила единственнаго своего сына, Георгія Гордона Байрона. (Вслѣдствіе распоряженій фамильныхъ, наслѣдница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) Новорожденнаго крестили герцогъ Гордонъ и полковникъ Дофъ. При его рожденіи повредили ему ногу, и л. Байронъ полагалъ тому причиною стыдливость или упрямство своей матери.

Въ 1790 году, леди Байронъ удалилась въ Абердинъ, и мужъ ея за нею послѣдовалъ. Нѣсколько времени жили они вмѣстѣ; но характеры были слишкомъ несовмѣстны: вскорѣ потомъ они разошлись. Мужъ уѣхалъ во Францію, выманивъ прежде у бѣдной жены своей деньги, нужныя ему на дорогу. Онъ умеръ въ Валансьенѣ, въ слѣдующемъ 1791 году.

Во время краткаго пребыванія своего въ Абердинѣ, онъ однажды взялъ къ себѣ маленькаго сына, который у него и ночевалъ, но на другой-же день отослалъ неугомоннаго ребенка къ его матери, и съ тѣхъ поръ уже его не приглашалъ.

Мистриссъ Байронъ была проста, вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна; но твердость, съ которою она умѣла перенести бѣдность, дѣлаетъ честь ея правиламъ. Она держала одну только служанку, и когда, въ 1798 году, повезла она молодого Байрона вступать во владѣніе Ньюстида, долги ея не превышали шестидесяти фунтовъ стерлинговъ.

Достойно замѣчанія и то, что Байронъ никогда не упоминалъ о домашнихъ обстоятельствахъ своего дѣтства, находя ихъ унизительными.

Маленькій Байронъ выучился читать и писать въ абердинской школѣ. Въ классахъ онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ и болѣе отличался въ играхъ. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и злопамятный мальчикъ, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Нѣкто Питерсонъ, строгій пресвитеріанецъ, но тихій и ученый, былъ потомъ его наставникомъ, и Байронъ сохранилъ о немъ благодарное воспоминаніе.

Въ 1796 году леди Байронъ повезла его въ горы, для поправленія его здоровья послѣ скарлатины. Она поселилась близъ Бетамера.

Суровыя красоты шотландской природы глубоко впечатлѣлись въ воображеніи отрока.

Около того-же времени восьмилѣтній Байронъ влюбился въ Марію Дофъ. Семнадцать лѣтъ послѣ того, въ одномъ изъ своихъ журналовъ, онъ описалъ самъ свою раннюю любовь.

Въ 1798 году умеръ въ Ньюстидѣ старый лордъ Вильгельмъ Байронъ. За четыре года передъ симъ родной внукъ его скончался въ Корсикѣ, и маленькій Георгій Байронъ остался единственнымъ наслѣдникомъ имѣній и титула своего рода; но, какъ несовершеннолѣтній, онъ отданъ былъ въ опеку лорду Карлилю, дальнему его родственнику, и восхищенная mistriss Байронъ осенью того-же года оставила Абердинъ и отправилась въ древній Ньюстидъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и вѣрною служанкою Лили Грэ.

Лордъ Вильгельмъ, братъ адмирала Байрона, родного дѣда его, былъ человѣкъ странный и несчастный. Нѣкогда на поединкѣ закололъ онъ своего родственника и сосѣда Гауорта. Они дрались безъ свидѣтелей, въ трактирѣ, при свѣчкѣ. Дѣло это произвело много шуму, и палата перовъ признала убійцу виновнымъ. Онъ былъ однакожъ освобожденъ отъ наказанія; съ тѣхъ поръ жилъ въ Ньюстидѣ, гдѣ его причуды, скупость и мрачный характеръ сдѣлали его предметомъ сплетень и клеветы. Носились самые нелѣпые слухи о причинѣ развода его съ женою. Увѣряли, что онъ однажды покусился ее утопить въ ньюстидскомъ пруду.

Онъ старался разорять свои владѣнія изъ ненависти къ своимъ наслѣдникамъ. Единственные собесѣдники его были старый слуга и ключница, занимавшая при немъ и другое мѣсто. Сверхъ того домъ былъ полонъ сверчками, которыхъ лордъ Вильгельмъ кормилъ и воспитывалъ. Не смотря на свою скупость, старый лордъ имѣлъ часто нужду въ деньгахъ и доставалъ ихъ способами, иногда весьма предосудительными. Такимъ образомъ продалъ онъ Рогдаль, родовое владѣніе, безъ всякаго на то права (что̀ знали и покупщики, но они надѣялись выручить себѣ выгоды прежде, нежели наслѣдники успѣютъ уничтожить незаконную куплю).

Лордъ Вильгельмъ никогда не входилъ въ сношенія съ молодымъ своимъ наслѣдникомъ, котораго звалъ не иначе, какъ *мальчикъ, что̀ живетъ въ Абердинѣ*.

Первые годы, проведенные лордомъ Байрономъ въ состояніи бѣдномъ, не соотвѣтствовавшемъ его рожденію, подъ надзоромъ пылкой матери, столь-же безразсудной въ своихъ ласкахъ, какъ и въ порывахъ гнѣва, имѣли сильное, продолжительное вліяніе на всю его жизнь. Уязвленное самолюбіе, поминутно потрясаемая

чувствительность, оставили въ сердцѣ его эту горечь, эту раздражительность, которыя потомъ сдѣлались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона—частью врожденныя, частью заимствованныя. Муръ замѣчаетъ, что въ характерѣ Байрона ясно отразились и достоинства, и пороки многихъ изъ его предковъ: съ одной стороны смѣлая предпріимчивость, великодушіе, благородство чувствъ; съ другой—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію. Сомнѣнія нѣтъ, что память, оставленная по себѣ лордомъ Вильгельмомъ, сильно подѣйствовала на воображеніе его наслѣдника: многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ уединеннаго ньюстидскаго барона.

Обстоятельство, повидимому маловажное, имѣло столь-же сильное вліяніе на его душу. Въ самую минуту его рожденія нога его была повреждена, и Байронъ остался хромъ на всю свою жизнь. Этотъ физическій недостатокъ оскорблялъ его самолюбіе. Онъ воображалъ себя уродомъ. Ничто не могло сравниться съ его бѣшенствомъ, когда однажды мистрисъ Байронъ выбранила его хромымъ мальчишкою. Будучи собою красавецъ, онъ дичился общества людей, мало ему знакомыхъ, опасаясь ихъ насмѣшливаго взгляда. Самый этотъ недостатокъ усиливалъ въ немъ желаніе отличиться во всѣхъ упражненіяхъ, требующихъ силы физической и проворства...

1834 г.

О СОЧИНЕНІЯХЪ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткою рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславлѣ императрицѣ Екатеринѣ во время ея путешествія въ 1787 году: «Оставимъ астрономамъ...» и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую; по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ государя императора, пріѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе краснорѣчія. Впрочемъ, различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его принадлежитъ исторіи. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были уніатамъ. Миссіонеры насильно гнали народъ въ уніатскіе костелы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искалъ защиты у русскаго правительства; онъ доносилъ объ всемъ святѣйшему сѵноду и жаловался нашему посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистью къ нашей церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. Овлачинскій и миссіонеры возмутили въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями на встрѣчу своему архипастырю, остановили колокольный звонъ и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телѣгѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствуя іезуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота, перебили окна, ранили нѣсколько монаховъ, семинаристовъ и слугъ; но, къ счастью, не нашли Георгія, скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей часъ отъ часу усиливалась. Польское правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли къ уніи не только простой народъ, но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна, передъ самой своей кончиною, и государь Петръ III, при своемъ восшествіи на престолъ, требовали отъ польскаго двора, чтобъ гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ нею въ 1762 году въ Москвѣ, когда она короновалась, и вслѣдъ за русскимъ духовенствомъ принесъ ей, вмѣстѣ съ поздравленіями, тихія сѣтованія народа, издревле намъ родного, но отчужденнаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ ея подданныхъ, и ког-

да, нѣсколько времени спустя, святѣйшій сvнодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управленіе псковскую епархію, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгій нуженъ въ Польшѣ».

Въ 1765 г. Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ былъ его словами. Онъ обѣщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ «уніатскимъ архіереямъ, изъ среды своей избравъ одного епископа, прислать въ Варшаву, для взысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ». Но гордые польскіе магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Вслѣдствіе этого Екатерина повелѣла своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою русскихъ штыковъ, созванъ былъ сеймъ, учреждена согласительная коммиссія, и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедераціи, опредѣленъ былъ въ члены сей коммиссіи Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣлъ пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. «Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему уніатскій епископъ Шептицкій: а когда католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ». Уніаты втайнѣ готовы были отложиться отъ папы и снова соединиться съ греко-россійскою церковью. Между тѣмъ Барская конфедерація, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной былъ первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнее достояніе нашего отечества, были ему возвращены—и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя избавительницу и законную владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управленіе своею епархіею. Просвѣщеніе духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи семидесяти семи лѣтъ отъ роду.

Нынѣ протоіерей І. Григоровичъ издалъ собраніе сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическія рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена Екатеринѣ, по совершеніи ея коронованія Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдѣльныхъ мыслей. (Въ «Современникѣ» приведены обширныя выписки, № 1, стр. 89—95).

Конискій написалъ также нѣсколько стихотвореній русскихъ, польскихъ и латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и виденъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

> Серпа ожидаютъ созрѣлые класы;
> А намъ вѣстники смерти—сѣдые власы и пр.

Но главное произведеніе Конискаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: Исторія Малороссіи извѣстна только въ рукописи [1]. Георгій написалъ ее съ цѣлью государственною. Когда императрица Екатерина учредила коммиссіи о составленіи новаго уложенія, тогда депутатъ малороссійскаго шляхетства, Андрей Григорьевичъ Полетика, обратился къ Георгію, какъ человѣку свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конискій, справедливо полагая, что одна только исторія народа можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжесть лѣтописи съ критикой, необходимой въ исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ критики я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конискій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣствованіяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любитъ говорить о подробностяхъ войны и описываетъ битвы съ удивительною точностью. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конискій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и сочиненной имъ самимъ). Множество мѣстъ въ «Исторіи Малороссіи» суть картины, начертанныя кистью

великаго живописца. Чтобъ дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его, помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи. (Выписаны: «Введеніе уніи» и «Казнь Остраницы», см. «Исторію Руссовъ», стр. 40—42 и 53—57[1].

Какъ историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадригалъ приноситъ иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большого числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ, издавъ сочиненія великаго архіепископа Бѣлоруссіи, оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться, что и великій историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь-же достойнаго издателя.

1836 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

[1] Она напечатана въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при моск. унив." 1846 г, но, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежитъ не Конискому.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ, ИЗДАНІЕ 2-е.

Читатели наши конечно помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ «Вечеровъ на хуторѣ». Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя эти недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ «Арабески», гдѣ находятся его «Невскій проспектъ», самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился «Миргородъ», гдѣ съ жадностью всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ.

1836 г.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ.

18-го января нынѣшняго года россійская академія была удостоена присутствія его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго, избраннаго ею въ почетные члены. Непремѣнный секретарь, Д. И. Языковъ, открылъ засѣданіе чтеніемъ краткой исторіи академіи.

Екатерина II основала россійскую академію въ 1783 году и повелѣла княгинѣ Дашковой быть предсѣдателемъ оной.

Екатерина, стремившаяся во всемъ установить законъ и незыблемый порядокъ, хотѣла дать уложеніе и русскому языку. Академія, повинуясь ея наказу, тотчасъ приступила къ составленію словаря. Императрица приняла въ немъ участіе не только словомъ, но и дѣломъ. Часто освѣдомлялась она объ успѣхѣ начатаго труда, и нѣсколько разъ слыша, что словарь доведенъ до буквы Нашъ, сказала однажды съ видомъ нѣкотораго нетерпѣнія: «все Н а ш ъ д а Н а ш ъ! когда-же вы мнѣ скажете: в а ш ъ?» Академія удвоила стараніе. Черезъ нѣсколько времени на вопросъ императрицы: «что словарь?» отвѣчали ей, что академія дошла до буквы Покой. Императрица улыбнулась и замѣтила, что академіи пора было-бы п о к о й оставить.

Не смотря на сіи шутки, академія должна была изумить государыню поспѣшнымъ исполненіемъ ея воли: словарь оконченъ былъ въ теченіе шести лѣтъ [1]. Карамзинъ справедливо удивляется такому подвигу. «Полный словарь, изданный академіей, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ; наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями академій флорентинской и парижской».

Многіе изъ членовъ академіи участвовали въ изданіи «Собесѣдника любителей россійскаго слова». Слѣдующее происшествіе, говоритъ г. Языковъ, достойно быть сохранено въ памяти: Фонвизинъ доставилъ въ «Собесѣдникъ» статью подъ заглавіемъ: «Н ѣ с к о л ь к о в о п р о с о в ъ, м о г у щ и х ъ в о з б у д и т ь в ъ у м н ы х ъ и ч е с т н ы х ъ л ю д я х ъ о с о б л и в о е в н и м а н і е». Вопросы явились въ «Собесѣдникѣ» съ весьма остроумными отвѣтами. Приведемъ здѣсь нѣкоторые.

В. Отчего всѣ въ долгахъ?

О. Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ.

В. Отчего не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ, перевелись общества между благородными?

О. Отъ размноженія клубовъ.

В. Отчего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать ихъ гвардіи унтеръ-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

О. Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго.

В. Отчего у насъ не стыдно не дѣлать ничего?

О. Это не ясно: стыдно дѣлать дурное, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

В. Отчего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

О. По той-же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

В. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

О. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего, въ образцовомъ послушаніи и въ корнѣ всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

В. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли. а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе?

О. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли.

NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія. котораго предки наши не имѣли.

Эти отвѣты писаны самой императрицей.

Подъ предсѣдательствомъ А. А. Нартова (1802—1813) академія издала:

1) Грамматику россійскую. 2) Сочиненія и переводы академіи. 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку. 4) Переводъ лѣтописи Тацитовой. 5) Переводъ путешествія Младшаго Анахарсиса.

Въ 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишковъ. бывшій въ то время за границей съ государемъ императоромъ, назначенъ предсѣдателемъ россійской академіи. Подъ его руководствомъ академія издала слѣдующія книги:

1) Извѣстія академіи, 11 книжекъ (1815—1823). 2) Повременное изданіе, 4 части (1829—1832). 3) Краткія записки, 3 книжки (1834—1836). 4) Квинтиліановы критическія наставленія (1834). 5) Собраніе сочиненій и переводовъ А. С. Шишкова, 16 частей.

Нынѣ академія приготовляетъ третье изданіе своего словаря, котораго распространеніе часъ отъ часу становится необходимѣе. Прекрасный нашъ языкъ, подъ перомъ писателей неученыхъ и неискусныхъ, быстро клонится къ паденію. Слова искажаются, грамматика колеблется. Ореографія, эта геральдика языка, измѣняется по произволу всѣхъ и каждаго.

Вслѣдъ за непремѣннымъ секретаремъ, преосвященный Филаретъ представилъ отрывокъ изъ рукописи 1703 года, писанной для великаго князя Святослава и хранящейся нынѣ въ московской сѵнодальной библіотекѣ.

„Рукопись называется Изборникъ, т. е. извлеченіе избранныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей.—Она содержитъ наиболѣе предметы, относящіеся до христіанскаго ученія, но частію и метафизическіе по разуму того вѣка, напримѣръ: о естествѣ, о собствѣ, о лици, о различіи, о случаніи, о супротивныхъ, о оглаголемыихъ. На оборотѣ листа 237 начинается 175 статья книги, которая говоритъ о тропахъ и фигурахъ. Вотъ ея начало: Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьсти образи суть 27: 1. Инословіе. 2. Прѣводъ (metaphora). 3. Напотребіе. 4. Пріятіе. 5. Прѣходьноіе. 6. Възвратъ. 7. Съпріятіе. 8. Сънятіе. 9. Именотвореніе (onomatopoeia). 10. Сътвореніе. 11. Въименомѣстьство. 12. Отъименіе (metonymia). 13. Въспятословіе. 14. Окроугословіе. 15. Нестатькъ. 16. Изрядіе. 17. Лихорѣчіе. 18. Притъча. 19. Прикладъ. 20. Огъданіе. 21. Лицетворіе (олицетвореніе). 22. Сълогъ. 23. Пороуганіе (ironia). 24. Видъ. 25. Послѣдословіе.—Инословіе оубо іесть ино нѣчто глаголюшти, а инъ разоумъ оуказаіюшти, якоже іеже іе речено отъ Бога къ зміи проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы зміи іесть на диавола же, ино рѣчь нѣ зміемъ нарицаіема разоумѣваіемъ.—Далѣе слѣдуютъ подобныя сему опредѣленія и прочихъ выше исчисленныхъ наименованій но не довольно понятныя для читателя, можетъ быть и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителемъ или переводчикомъ, издателями русской энциклопедіи XI в.“

Непремѣнный секретарь прочелъ главу II-ю изъ устава академіи и слѣдующій отрывокъ изъ всеподданнѣйшаго доклада президента академіи, при поднесеніи на высочайшее усмотрѣніе проекта устава:

«Академія есть стражъ языка: и потому должно ей со всевозможною къ общей пользѣ ревностью вооружаться противъ всего несвойственнаго, чуждаго, невразумительнаго, темнаго, безнравственнаго въ языкѣ. Но сіе вооруженіе ея долженствуетъ быть на единой пользѣ словесности основанное, кроткое, правдивое, безъ лицепріятія, безъ нападеній и потворства, непохожее на тѣ предосудительныя сочиненія, въ которыхъ, подъ мнимымъ разборомъ, пристрастное невѣжество или злость расточаютъ недостойныя похвалы или язвительныя хулы безъ всякой истины и доказательствъ, въ коихъ однихъ заключается достоинство и польза сего рода писаній“.

За симъ дѣйствительный членъ М. Е. Лобановъ занялъ собраніе чтеніемъ мнѣнія своего: О духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной. Мнѣніе это заслуживаетъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено.

В. А. Полѣновъ прочелъ: Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина, перваго непремѣннаго секретаря россійской академіи, статью дѣльную, полную, прекрасно изложенную, словомъ—истинно академическую.

Послѣ сего дѣйствительные члены: М. Е. Лобановъ, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ и Б. М. Федоровъ читали, одинъ послѣ другого, сочиненія своего стихи.

Наконецъ князь Ширинскій-Шихматовъ прочелъ написанную г. президентомъ краткую статью подъ заглавіемъ: Нѣчто о Карам-

зинѣ. Невозможно было безъ особеннаго чувства слышать искреннія, простыя похвалы, воздаваемыя почтеннымъ старцемъ великому писателю... При семъ случаѣ А. С. Шишковъ упомянулъ о пребываніи Карамзина въ Твери въ 1811 году, при дворѣ блаженной памяти великой княгини Екатерины Павловны, матери его свѣтлости принца Петра Ольденбургскаго. Извѣстно, что Карамзинъ читалъ тогда въ присутствіи покойнаго государя и августѣйшей сестры его нѣкоторыя главы «Исторіи Государства Россійскаго». «Вы слушали, пишетъ исторіографъ въ своемъ посвященіи: съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивая давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія». Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его славной памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли: «О древней и новой Россіи», со всею искренностью прекрасной души, со всею смѣлостью убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы... прочелъ и остался по-прежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота...

Засѣданіе 18 января 1836 года будетъ памятно въ лѣтописяхъ россійской академіи.

1836 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

¹) Французская академія, основанная въ 1634 году, и съ тѣхъ поръ безпрерывно занимавшаяся составленіемъ своего словаря, издала оный не прежде, какъ въ 1694 году. Словарь обветшалъ, пока еще надъ нимъ трудились, говоритъ Вильменъ. Стали его передѣлывать. Прошло нѣсколько лѣтъ, и все еще академія пересматривала букву А. Дѣятельный Кольберъ, удивлявшійся такой медленности, пріѣхалъ однажды въ собраніе академіи. Разбирали слово ami. Но были такіе споры о точномъ опредѣленіи онаго; разсуждали съ такою утонченностью о томъ, что въ словѣ ami предполагается-ли свѣтская обязанность, или сердечное отношеніе, чувство раздѣленное, или одно наружное изъявленіе, или усердіе безъ вознагражденія, что министръ, у коего при дворѣ было такъ много друзей, признался, что онъ болѣе ужъ не удивляется медленности и затрудненіямъ академіи. А. П.

ЗАПИСКИ А. Н. ДУРОВОЙ,

ИЗДАВАЕМЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ.

Modo vir, modo femina.—Ov.

Въ 1808 году молодой мальчикъ, по имени Александровъ, вступилъ рядовымъ въ коннопольскій уланскій полкъ, отличился, получилъ за храбрость солдатскій георгіевскій крестъ и въ томъ-же году произведенъ былъ въ офицеры въ маріупольскій гусарскій полкъ. Впослѣдствіи перешелъ онъ въ литовскій уланскій и продолжалъ свою службу столь-же ревностно, какъ и началъ.

Повидимому, все это въ порядкѣ вещей и довольно обыкновенно; однакожъ это самое надѣлало много шуму, породило много толковъ и произвело сильное впечатлѣніе, отъ одного нечаянно открывшагося обстоятельства: корнетъ Александровъ былъ дѣвица Надежда Дурова.

Какія причины заставили молодую дѣвушку хорошей дворянской фамиліи оставить отеческій домъ, отречься отъ своего пола, принять на себя труды и обязанности, которыя пугаютъ и мужчинъ, и явиться на полѣ сраженій — и какихъ еще? Наполеоновскихъ! Что побудило ее? Тайныя семейныя огорченія? Воспаленное воображеніе? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вотъ вопросы, нынѣ забытые, но которые въ то время сильно занимали общество.

Нынѣ Н. А. Дурова сама разрѣшаетъ свою тайну. Удостоенные ея довѣренности, мы будемъ издателями ея любопытныхъ записокъ. Съ неизъяснимымъ участіемъ прочли мы признанія женщины, столь необыкновенной; съ изумленіемъ увидѣли, что нѣжные пальчики, нѣкогда сжимавшіе окровавленную рукоять уланской сабли, владѣютъ и перомъ быстрымъ, живописнымъ и пламеннымъ. Надежда Андреевна позволила намъ украсить страницы Современника отрывками изъ журнала, веденнаго ею въ 1812—13 году. Съ глубочайшей благодарностью спѣшимъ воспользоваться ея позволеніемъ.

1836 г.

МНѢНІЕ М. А. ЛОБАНОВА О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ,

КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано имъ 18 января 1836 г. въ императорской россійской академіи).

Г-нъ Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнію форму неопредѣленную, вовсе не академическую: это краткая статья—въ родѣ журнальныхъ отмѣтокъ, помѣщаемыхъ въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легковѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ-бы то ни было, мнѣніе Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

„Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья Лобанова) сильно увеличилась въ нашемъ отечествѣ въ послѣдніе годы. Умножились типографіи, умножилось число книгъ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ; книжная торговля распространяется“.

Находя событіе это пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ словесности въ нашемъ отечествѣ, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе:

„Безпристрастные наблюдатели, говоритъ онъ, носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что̀ клонится къ благу отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей словесности нѣкоторый отголосокъ безправія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями“.

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что̀ разумѣетъ онъ подъ словами безправіе и нелѣпость, продолжаетъ:

„Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному—предписываетъ благоразуміе. Но что-жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпыя, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагаютъ въ душу его зародышъ безправія, безвѣрія, и, слѣдовательно, будущихъ заблужденій или преступленій.

„Ужели жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство ,представляются въ образецъ для подражанія? Ужели отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служатъ въ пользу человѣчеству? Ужели истощилось необъятное поприще благодарнаго, назидательнаго, добраго и возвышеннаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному и даже ненавистному?“

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводитъ извѣстное мнѣніе эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи французской словесности. При семъ случаѣ своды академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена эти снабжены были странными прилагательными... Но что̀, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и эти господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ императорской россійской академіи? Не пропадаетъ-ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ-ли будутъ они гордиться такой честью, неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ европейскихъ академій, гдѣ доселѣ произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолвствовали о другихъ). Критическая статья англійскаго аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто и произвела свое дѣйствіе. У насъ Библіотека перевела ее, и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало остановиться.

„Для Франціи, пишетъ г. Лобановъ, для народовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества новѣйшею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ явленіяхъ революцій и упавшихъ въ омутъ душевнаго и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія зрѣлища, напримѣръ, гнуснѣйшая изъ драмъ, омерзительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кровосмѣшенія, Лукреція Борджіа, не кажутся имъ таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для нихъ не столь заразительны, ибо они давно ознакомились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужасахъ революціи“.

Спрашиваю: можно-ли на цѣлый народъ изрекать такую страшную анаѳему? Народъ, который произвелъ Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье; который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьерри и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное религіозное стремленіе, который такъ торжественно отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій минувшаго столѣтія; ужели весь сей народъ долженъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ писателей, большей частью молодыхъ людей, употребляющихъ во зло свои таланты и основывающихъ корыстные разсчеты на любопытствѣ и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Нельзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на преступныя и на неподлежащія никакой отвѣтственности. Законъ невмѣшивается въ привычки частнаго человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ и тому подобномъ; законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ, чтобъ онъ описывалъ нравы женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхвалялъ счастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было-бы то-же, что̀ требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждаго. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобъ нынѣшніе писатели представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія. Лесажъ, написавъ «Жилблаза» и «Гусма-

на д'Альфарашъ», конечно не имѣлъ намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ той цѣлью, чтобъ молодыхъ людей вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ-же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто объясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвецахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ, а разсказчики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностью души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобъ нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безсвязная французская словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій. Въ словесности французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго «возстановленія» (restauration). Начало сему явленію должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своенравнымъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударилась въ крайнюю сторону, и забвеніе всякихъ правилъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто-бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цѣль художества есть идеалъ, а не нравоученіе. Но писатели французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлью поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣннымъ условіемъ всякаго ихъ вымысла; нынѣшніе, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующимъ, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаютъ только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ-же будетъ смѣшонъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видитъ въ нынѣшнихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ назвалъ ее Гёте), «словесность сатаническая» (какъ говоритъ Соути), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и проч.—эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большого успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежатъ къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ Скоттъ служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль-Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію французскому: она болѣе и болѣе дружится съ поэзіей германскою и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности — продолжаетъ Лобановъ—всякій просвѣщенный человѣкъ, всякій благомыслящій русскій видитъ: въ теоріяхъ наукъ—сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ литературныхъ—совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопредѣленное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и литературнаго сумасбродства. Критика, эта кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ литературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, нерѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими, и литературными заслугами. Ни санъ, ни умъ, ни талантъ, ни лѣта, ничто не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій геній, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ-бы безталанный (Лобановъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумленію».

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличіе, ей свойственныя; можетъ быть, ея рѣшенія часто внушены разсчетами, а не убѣжденіемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ несчастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспаривали (весь-

ма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ; напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не оказалъ ему въ дани глубокаго уваженія и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка, но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія наукъ освободилась отъ эмпиризма, возымѣла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часъ отъ часу становится болѣе ощутительно.

Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятіяхъ и ученіяхъ объ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и всякому извѣстенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва-ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики-ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей безъ разбора и гаерамъ подкачельнымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покоѣ древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякій пишущій есть самобытный геній—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однако-жъ за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность, и словесность».

Оставляя безъ возраженія эту филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ Лобановымъ изъ всего имъ сказаннаго.

«По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть всѣ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый зловамѣренностію, будетъ провозглашать нелѣпое и даже вредное. Кто-жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный русскій писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе академія, для этого самаго учрежденная. Она, движимая любовью къ государю и отечеству, имѣетъ право, на ней лежитъ долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ-бы оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. «Академія (сказано въ ея уставѣ, гл. III, § 2, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ, § III), яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ или критическія сужденія долженствуетъ почитать одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей». И такъ, милостивые государи, каждый изъ почтенныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечатанія въ собраніи сей академіи, согласно съ ея уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журналахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣйствуя общей пользѣ, да исполняетъ истинное назначеніе сего высочайше утвержденнаго сословія».

Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся ниспровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? И можно-ли укорять у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ.

«Цензурѣ долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону» (уставъ о цензурѣ § 6).

Такова была высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и законную свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было-бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону. Нелѣпое, если оно просто нелѣпо, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственности и чести личной, не подлежитъ уничтоженію цензуры. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ осмѣянію общества, а не вызываетъ на себя дѣйствія закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ цензурою; книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ

нельзя позволить чтеніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобъ цензура должна была запрещать всѣ романы. Цензура есть установленіе благодѣтельное, а не притѣснительное; она есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго, а не докучливая нянька, слѣдующая по пятамъ шаловливыхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы россійская академія, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойныхъ писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ, а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.

1836 г.

ВОЛЬТЕРЪ.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris, 1836).

Недавно издана въ Парижѣ переписка Вольтера съ президентомъ де-Броссъ. Она касается покупки земли, совершенной Вольтеромъ въ 1758 году.

Всякая строчка великаго писателя становится драгоцѣнной для потомства. Мы съ любопытствомъ разсматриваемъ автографы, хотя-бы они были не что иное, какъ отрывокъ изъ расходной тетради, или записки къ портному объ отсрочкѣ платежа. Насъ невольно поражаетъ мысль, что рука, начертавшая эти смиренныя цифры, эти незначущія слова, тѣмъ-же самымъ почеркомъ и можетъ быть тѣмъ-же самымъ перомъ написала и великія творенія, предметъ нашихъ изученій и восторговъ. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить изъ дѣловой переписки о покупкѣ земли книгу, на каждой страницѣ заставляющую вась смѣяться, и передать сдѣлкамъ и купчимъ всю заманчивость остроумнаго памфлета. Судьба на столь забавнаго покупщика послала продавца не менѣе забавнаго. Президентъ де-Броссъ есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей прошедшаго столѣтія. Онъ извѣстенъ многими учеными сочиненіями, но лучшимъ изъ его произведеній мы почитаемъ письма, имъ написанныя изъ Италіи въ 1730—1740 гг., и недавно вновь изданныя подъ заглавіемъ: L'Italie il y a cent ans». Въ этихъ дружескихъ письмахъ де-Броссъ обнаружилъ необыкновенный талантъ. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмомъ, глубокомысліе, шутливая острота, картины, набросанныя съ небреженіемъ, но живо и смѣло, ставятъ его книгу выше всего, что писано было въ томъ-же родѣ.

Вольтеръ, изгнанный изъ Парижа, принужденный бѣжать изъ Берлина, искалъ убѣжища на берегу Женевскаго озера. Слава не спасала его отъ безпокойствъ. Личная свобода его была не безопасна; онъ дрожалъ за свои капиталы, розданные имъ въ разныя руки. Покровительство маленькой мѣщанской республики не слишкомъ его ободряло. Онъ хотѣлъ на всякій случай помириться съ своимъ отечествомъ и желалъ (пишетъ онъ самъ) имѣть одну ногу въ монархіи, другую въ республикѣ — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствамъ. Мѣстечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де-Броссъ, обратило на себя его вниманіе. Онъ зналъ президента за человѣка безпечнаго, расточительнаго, вѣчно имѣющаго нужду въ деньгахъ, и вступилъ съ нимъ въ переговоры слѣдующимъ письмомъ:

«Я прочелъ съ величайшимъ удовольствіемъ то, что вы пишете объ Австраліи; но позвольте сдѣлать вамъ предложеніе, касающееся твердой земли. Вы не такой человѣкъ, чтобъ Турне могло приносить вамъ доходъ. Шуэ, вашъ арендаторъ, думаетъ уничтожить свой контрактъ. Хотите-ли продать мнѣ землю вашу пожизненно? Я старъ и хворъ. Я знаю, что дѣло это для меня невыгодно; но вамъ оно будетъ полезно, а мнѣ пріятно — и вотъ условія, которыя вздумалось мнѣ повергнуть вашему благоусмотрѣнію.

«Обязуюсь изъ матеріаловъ вашего прегадкаго замка выстроить хорошенькій домикъ. Думаю на то употребить 25,000 ливровъ. Другіе 25,000 ливровъ заплачу вамъ чистыми деньгами.

«Все, чѣмъ украшу землю, весь скотъ, всѣ земледѣльческія орудія, коими снабжу хозяйство, будутъ вамъ принадлежать. Если умру, не успѣвъ выстроить домъ, то у васъ останутся въ рукахъ 25,000 ливровъ, и вы достроите его, коли вамъ будетъ угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даромъ имѣть очень порядочный домикъ.

«Сверхъ сего обязуюсь прожить не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ.

«Въ замѣнъ сихъ честныхъ предложеній, требую вступить въ полное владѣніе вашимъ движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ, правами, лѣсомъ и даже каноникомъ, до самаго того времени, какъ онъ меня похоронитъ. Если этотъ забавный торгъ покажется вамъ выгоднымъ, то вы однимъ словомъ можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишкомъ коротка; дѣла не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсилъ мою норку, прозванную les Délices; я украсилъ домъ въ Лозаннѣ; то и другое теперь стоитъ вдвое противъ прежней цѣны: то-же сдѣлаю и съ вашей землею. Въ теперешнемъ ея положеніи, вы никогда ее съ рукъ не сбудете.

«Во всякомъ случаѣ прошу васъ сохранить все это въ тайнѣ, и честь имѣю», и проч.

Де-Броссъ не замедлилъ своимъ отвѣтомъ. Письмо его, какъ и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если-бы я былъ въ вашемъ сосѣдствѣ (пишетъ онъ) въ то время, какъ вы поселились такъ близко къ городу, то, восхищаясь вмѣстѣ съ вами физическою красотою береговъ вашего озера, я-бы имѣлъ честь шепнуть вамъ на ухо, что нравственный характеръ жителей требовалъ, чтобы вы поселились во Франціи, по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что надобно жить у себя дома; во-вторыхъ,

потому что не надобно жить у чужихъ. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляетъ меня любить монархію... Я-бы вамъ и тогда предложилъ свой замокъ, еслибъ онъ былъ васъ достоинъ; но замокъ мой не имѣетъ даже чести быть древностью: это просто ветошь. Вы вздумали возвратить ему юность, какъ Мемнону: я очень одобряю ваше предположеніе. Вы не знаете, можетъ быть, что г. д'Аржанталь имѣлъ для васъ то-же намѣреніе.—Приступимъ къ дѣлу».

Тутъ де-Броссъ разбираетъ одно за другимъ всѣ условія, предлагаемыя Вольтеромъ; съ иными соглашается, другимъ противорѣчитъ, обнаруживая смѣтливость и тонкость, которыхъ Вольтеръ отъ президента, кажется, не ожидалъ. Это подстрекнуло его самолюбіе. Онъ началъ хитрить; переписка завязалась живѣе. Наконецъ, 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающія въ себѣ переговоры торгующихся, и нѣсколько другихъ, писанныхъ по заключеніи торга, составляютъ лучшую часть переписки Вольтера съ де-Броссомъ. Оба другъ передъ другомъ кокетничаютъ; оба поминутно оставляютъ дѣловые запросы для шутокъ, самыхъ неожиданныхъ, для сужденій самыхъ искреннихъ о людяхъ и происшествіяхъ современныхъ. Въ этихъ письмахъ Вольтеръ является Вольтеромъ, т. е. любезнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ; де-Броссъ — тѣмъ острымъ писателемъ, который такъ оригинально описалъ Италію въ ея правленіи и привычкахъ, въ ея жизни художественной и сладострастной.

Но вскорѣ согласіе между новымъ хозяиномъ земли и прежнимъ ея владѣльцемъ было прервано. Война, какъ и многія другія войны, началась отъ причинъ маловажныхъ. Срубленныя деревья осердили нетерпѣливаго Вольтера; онъ поссорился съ президентомъ, не менѣе его раздражительнымъ. Надобно видѣть, что̀ такое гнѣвъ Вольтера! Онъ уже смотритъ на де-Бросса какъ на врага, какъ на Фрерона, какъ на великаго инквизитора. Онъ собирается его погубить: «qu'il tremble! восклицалъ онъ въ бѣшенствѣ: il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!» Онъ жалуется, онъ плачетъ, онъ скрежещетъ... а все дѣло въ двухстахъ франкахъ. Де-Броссъ съ своей стороны не хочетъ уступить вспыльчивому философу; въ отвѣтъ на его жалобы, онъ пишетъ знаменитому старцу надменное письмо, укоряетъ его въ природной дерзости, совѣтуетъ ему въ минуты сумасшествія воздерживаться отъ пера, чтобы не краснѣть, опомнившись потомъ, и оканчиваетъ письмо желаніемъ Ювенала: «Mens sana in corpore sano».

Посторонніе вмѣшиваются въ распрю сосѣдей. Общій ихъ пріятель, Рюфе, старается усовѣстить Вольтера и пишетъ къ нему ѣдкое письмо (которое, вѣроятно, диктовано самимъ де-Броссомъ): «Вы боитесь быть обманутымъ, говоритъ Рюфе: но изъ двухъ ролей это лучшая... Вы не имѣли никогда тяжебъ: онѣ разорительны, даже когда ихъ и выигрываемъ... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену втораго дѣйствія въ Скапеновыхъ Обманахъ. Сверхъ адвокатовъ, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будетъ на васъ броситься...»

Вольтеръ первый утомился и уступилъ. Онъ долго дулся на упрямаго президента и былъ причиною тому, что де-Броссъ не попалъ въ академію (что̀ въ то время много значило). Сверхъ того Вольтеръ имѣлъ удовольствіе его пережить: де-Броссъ, младшій изъ двухъ пятнадцатью годами, умеръ въ 1777 году, годомъ прежде Вольтера.

Не смотря на множество матеріаловъ, собранныхъ для исторіи Вольтера (ихъ цѣлая библіотека), какъ человѣкъ дѣловой, капиталистъ и владѣлецъ, онъ еще весьма мало извѣстенъ. Нынѣ изданная переписка открываетъ многое. «Надобно видѣть, пишетъ издатель въ своемъ предисловіи: какъ баловень Европы, собесѣдникъ Екатерины Великой и Фридриха II, занимается послѣдними мелочами для поддержанія своей мѣстной важности; надобно видѣть, какъ онъ въ праздничномъ кафтанѣ въѣзжаетъ въ свое графство, сопровождаемый своими обѣими племянницами (которыя всѣ въ брилліантахъ); какъ выслушиваетъ онъ рѣчь своего священника, и какъ новые подданные привѣтствуютъ его пальбой изъ пушекъ, взятыхъ на прокатъ у Женевской республики.—Онъ въ вѣчной распрѣ со всѣмъ мѣстнымъ духовенствомъ. Габель (налогъ на соль) находитъ въ немъ тонкаго и дѣятельнаго противника. Онъ хочетъ быть банкиромъ своей провинціи. Вотъ онъ пускается въ спекуляціи. У него свои дворяне: онъ шлетъ ихъ посланниками въ Швейцарію. И все это его волнуетъ; онъ искренно тревожится объ всемъ, съ этой раздражительностью страстей, исключительно ему свойственной. Онъ расточаетъ то искусныя разсужденія адвоката, то придирки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истиннаго краснорѣчія. Письмо его къ президенту о дракѣ въ кабакѣ, право, напоминаетъ его заступленіе за семейство Каласа».

Въ одномъ изъ этихъ писемъ встрѣтили мы неизвѣстные стихи Вольтера. На нихъ легкая печать его неподражаемаго таланта. Они писаны сосѣду, который прислалъ ему розаны:

Vos rosiers sont dans mes jardins
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être:
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся въ гососо нашего запоздалаго вкуса: въ этихъ семи стихахъ мы находимъ

болѣе слога, болѣе жизни, болѣе мысли, нежели въ полдюжинѣ длинныхъ французскихъ стихотвореній, писанныхъ въ нынѣшнемъ вкусѣ, гдѣ мысль замѣняется исковерканнымъ выраженіемъ, ясный языкъ Вольтера—напыщеннымъ языкомъ Ронсара, живость его—несноснымъ однообразіемъ, а остроуміе—площаднымъ цинизмомъ или вялой меланхоліей.

Вообще переписка Вольтера съ де-Броссомъ представляетъ намъ творца Меропы и Кандида съ его милой стороны. Его притязанія, его слабости, его дѣтская раздражительность—все это не вредитъ ему въ нашемъ воображеніи. Мы охотно извиняемъ его и готовы слѣдовать за всѣми движеніями пылкой его души и безпокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтеніи писемъ, приложенныхъ издателемъ къ концу книги, нами разбираемой. Эти новыя письма найдены въ бумагахъ де ла Туша, бывшаго французскимъ посланникомъ при дворѣ Фридриха II (въ 1752 году).

Въ это время Вольтеръ не ладилъ съ Сѣвернымъ Соломономъ (Фридрихомъ II), своимъ прежнимъ ученикомъ. Мопертюи, президентъ берлинской академіи, поссорился съ профессоромъ Кенигомъ. Король взялъ сторону своего президента; Вольтеръ заступился за профессора. Явилось сочиненіе безъ имени автора, подъ заглавіемъ: Письмо къ Публикѣ. Въ немъ осуждали Кенига и задѣвали Вольтера. Вольтеръ возразилъ и напечаталъ свой колкій отвѣтъ въ нѣмецкихъ журналахъ. Спустя нѣсколько времени «Письмо къ Публикѣ» было перепечатано въ Берлинѣ съ изображеніемъ короны, скипетра и прусскаго орла на заглавномъ листѣ. Вольтеръ только тогда догадался, съ кѣмъ имѣлъ онъ неосторожность состязаться, и сталъ помышлять о благоразумномъ отступленіи. Онъ видѣлъ въ поступкахъ короля явное къ нему охлажденіе и предчувствовалъ опалу. «Я стараюсь тому не вѣрить—писалъ онъ въ Парижъ къ д'Аржанталю—но боюсь быть подобну рогатымъ мужьямъ, которые силятся увѣрить себя въ вѣрности своихъ женъ. Бѣдняжки втайнѣ чувствуютъ свое горе!» Не смотря на свое уныніе, онъ однакожъ не могъ удержаться, чтобы еще разъ не задѣть своихъ противниковъ. Онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ сатиръ (la Diatribe du Dr. Akakia) и напечаталъ ее, выманивъ обманомъ позволеніе на то отъ самого короля.

Слѣдствія извѣстны. Сатира, по повелѣнію Фридриха, сожжена была рукою палача. Вольтеръ уѣхалъ изъ Берлина, задержанъ былъ во Франкфуртѣ прусскими приставами, нѣсколько дней находился подъ арестомъ и принужденъ былъ выдать стихотворенія Фридриха, напечатанныя для немногихъ, и между коими находилась сатирическая поэма противъ Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая исторія мало приноситъ чести философіи. Вольтеръ, во все теченіе долгой своей жизни, никогда не умѣлъ сохранить своего собственнаго достоинства. Въ его молодости заключеніе въ Бастилію, изгнаніе и преслѣдованіе не могли привлечь на его особу состраданія и сочувствія, въ которыхъ почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсникъ государей, идолъ Европы, первый писатель своего вѣка, предводитель умовъ и современнаго мнѣнія, Вольтеръ и въ старости не привлекалъ уваженія къ своимъ сѣдинамъ: лавры, ихъ покрывающіе, были обрызганы грязью. Клевета, преслѣдующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся передъ лицомъ истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Онъ не имѣлъ самоуваженія и не чувствовалъ необходимости въ уваженіи людей. Что̀ влекло его въ Берлинъ? Зачѣмъ ему было промѣнивать свою независимость на милости государя, ему чужого, не имѣвшаго никакого права его къ тому принудить?..

Къ чести Фридриха II скажемъ, что самъ отъ себя король, вопреки природной своей насмѣшливости, не сталъ-бы унижать своего стараго учителя, не надѣлъ-бы на перваго изъ французскихъ поэтовъ шутовского кафтана, не предалъ-бы его на посмѣяніе свѣта, если-бы самъ Вольтеръ не напрашивался на такое жалкое посрамленіе.

До сихъ поръ полагали, что Вольтеръ самъ отъ себя, въ порывѣ благороднаго огорченія, отослалъ Фридриху каммергерскій ключъ и прусскій орденъ, знаки непостоянныхъ его милостей; но теперь открывается, что король самъ ихъ потребовалъ обратно. Роль перемѣнена: Фридрихъ негодуетъ и грозитъ, Вольтеръ плачетъ и умоляетъ...

Что̀ изъ этого заключить? Что геній имѣетъ свои слабости, которыя утѣшаютъ посредственность, но печалятъ благородныя сердца, напоминая имъ о несовершенствѣ человѣчества; что настоящее мѣсто писателя есть его ученый кабинетъ, и что наконецъ независимость и самоуваженіе одни могутъ насъ возвысить надъ мелочами жизни и надъ бурями судьбы.

1836 г.

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ТЕПЛЯКОВА.

Въ наше время молодому человѣку, который готовится посѣтить великолѣпный Востокъ, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольнымъ соучастіемъ не сблизить судьбы своей съ судьбою Чайльдъ-Гарольда. Ежели, паче чаянія, молодой человѣкъ еще и поэтъ, и захочетъ выразить свои чувствованія,

то какъ избѣжать ему подражанія? Можно-ли за то его укорять? Талантъ не воленъ, и его подражаніе не есть постыдное похищеніе—признакъ умственной скудности, но благородная надежда на свои собственныя силы, надежда открыть новые міры, стремясь по слѣдамъ генія, или чувство въ смиреніи своемъ еще болѣе возвышенное—желаніе изучить свой образецъ и дать ему вторичную жизнь.

Нѣтъ сомнѣнія, что фантастическая тѣнь Чайльдъ-Гарольда сопровождала г. Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ. Звуки прощальныхъ строфъ

Adieu, adieu, my native land!

отзываются въ самомъ началѣ его пѣсенъ:

Плывемъ!.. Блѣднѣетъ день; бѣгутъ брега родные;
Златой струится день по синему пути:
Прости, земля! прости. Россія!
Прости, о родина, прости!

Но уже съ первыхъ стиховъ поэтъ обнаруживаетъ самобытный талантъ:

Безумецъ! что за грусть? Въ минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзалъ на берегу родномъ?
Чьи слышалъ ты благословенья?
Одно минувшее мудренымъ, тяжкимъ сномъ
Въ тотъ мигъ душѣ твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челнъ,
И бездны, передъ ней отверстыя, казало!—
Пусть такъ! Но грустно мнѣ! Какъ плескъ угрюмыхъ волнъ
Печально въ сердцѣ раздается!
Какъ быстро мой корабль въ чужую даль несется!
О, лютня странника святой отъ грусти щитъ,
Пріиди, подруга думъ завѣтныхъ!
Пусть въ каждомъ звукѣ струнъ привѣтныхъ
Къ тебѣ душа моя, о родина, летитъ!

I.

Пуская на юность ты мою
Вѣнецъ терновый возложила—
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь - сны сердца прочь летите,
Къ отчизнѣ душу не маните—
Тамъ никому меня не жаль...
Синѣй, синѣй. чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

II.

Какъ жадно вольной грудью я
Пью безпредѣльности дыханье!
Лазурный міръ! въ твоемъ сіяньи
Сгораетъ, тонетъ мысль моя.
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родинѣ, молчите -
Тамъ никому меня не жаль..
Синѣй, синѣй. чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну боговъ,
Краснорѣчивый прахъ открою -
И зашумитъ передо мною
Рой незапамятныхъ вѣковъ...
Гуляйте-жъ, вѣтры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Тамъ никому меня не жаль...
Синѣй, синѣй, чужая даль!
Сѣдыя волны, не дремлите!

Тутъ есть гармонія, лирическое движеніе, истина чувствъ.

Вскорѣ поэтъ плыветъ мимо береговъ, прославленныхъ изгнаніемъ Овидія; они мелькаютъ передъ нимъ на краю волнъ,

Какъ поясъ желтый и струистый.

Поэтъ привѣтствуетъ незримую гробницу Овидія стихами слишкомъ небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, какъ дальній шумъ побѣдной колесницы!
О! кто средь мертвыхъ сихъ песковъ
Мнѣ славный гробъ его укажетъ?
Кто повѣсть мукъ его разскажетъ—
Степной-ли вѣтръ, иль плескъ валовъ,
Иль въ шумѣ бури гласъ вѣковъ?..
Но тише... тише... что за звуки?
Чья тѣнь надъ бездною сѣдой
Меня манитъ, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ногъ лежитъ вѣнецъ терновый,
Въ лучахъ сіяетъ голова,
Бѣлѣе волнъ хитонъ перловый,
Святѣй ихъ ропота слова.—
И подъ эѳирными перстами
О древнихъ людяхъ, съ ихъ бѣдами,
Златая лира говоритъ.
Печально струнъ ея бряцанье:
Въ немъ сердцу слышится изгнанье,
Въ немъ стонъ о родинѣ звучитъ,
Какъ плачъ души безъ упованья.

Тишина гробницы, громкая какъ дальній шумъ колесницы; стонъ. звучащій, какъ плачъ души; слова. которыя святѣе ропота волнъ... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значитъ.

Гросетъ въ одномъ изъ своихъ посланій пишетъ:

Je cesse d'estimer Ovide
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter. pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга Tristium не заслужила такого строгаго осужденія. Она выше, по нашему мнѣнію, всѣхъ прочихъ сочиненій Овидіевыхъ (кромѣ «Превращенія»). Героиды, Элегіи любовныя и самая поэма «Ars amandi», мнимая причина его изгнанія, уступаютъ Элегіямъ Понтійскимъ. Въ сихъ послѣднихъ болѣе истиннаго чувства, болѣе простодушія, болѣе индивидуальности и менѣе холоднаго остроумія. Сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли, сколько живости въ подробностяхъ и какая грусть о Римѣ, какія трогательныя жалобы! Благодаримъ г. Теплякова за то, что онъ не ищетъ блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостью заступается за него:

И ты-ль тюремный вопль,о странникъ!назовешь
Ласкательствомъ души уничиженной! -
Нѣтъ, самъ терновою стезею ты идешь,
Слѣпой судьбы проклятьемъ пораженный!..
Подобно мнѣ (Овидію) ты сиръ и одинокъ межъ всѣхъ

И знаешь самъ хладъ жизни безъ отрады;
Огнь сердца безъ тепла, и безъ веселья смѣхъ,
И плачъ безъ слезъ, и слезы безъ услады!

Пѣснь, которую поэтъ влагаетъ въ уста Назоновой тѣни, имѣла-бы болѣе достоинства, если-бы г. Тепляковъ болѣе соображался съ характеромъ Овидія, такъ искренно обнаруженнымъ въ его плачѣ. Онъ не сказалъ-бы, что при набѣгахъ гетовъ и бессовъ, поэтъ

Радостно на смертный мчался бой.

Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (См. Trist. Lib. IV. El. I).

Элегія «Томисъ» оканчивается прекрасными стихами:

„Не буря-ль это, кормчій мой?
Ужъ черезъ мачты море хлещетъ,
И предъ чудовищной волной,
Какъ предъ тираномъ рабъ нѣмой,
Корабль мой гнется и трепещетъ!..."
. . . .
„Вели стрѣлять! Быть можетъ насъ
Какой-нибудь въ сей страшный часъ
Корабль услышитъ отдаленный!"
И грянулъ знакъ... и все молчитъ,
Лишь море бьется и кипитъ,
Какъ тигръ бросаясь разъяренный;
Лишь вѣтра свистъ, лишь бури вой,
Лишь съ неба голосъ громовой
Толпѣ отвѣтствуютъ смятенной.
„Мой кормчій, какъ твой блѣденъ ликъ!"
— Не ты-ль дерзнулъ-бы въ этотъ мигъ,
О странникъ, бурѣ улыбаться?—
„Ты отгадалъ!... Я сердцемъ съ ней
Желалъ-бы каждый мигъ сливаться;
Желалъ-бы въ бой стихій вмѣшаться!...
Но нѣтъ!—и громче, и сильнѣй
Святой призывъ съ другого свѣта,
Слова погибшаго поэта
Теперь звучатъ въ душѣ моей!"

Вскорѣ изъ глазъ поэта исчезаютъ берега, съ которыхъ низвергаются въ море воды семиустнаго Дуная.

Какъ старъ сей шумный Истръ! Чела его морщины
Сѣдыхъ вѣковъ скрываютъ рой:
Во мглѣ ихъ Дарія мелькаетъ челнъ нѣмой,
Мелькаютъ и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный богъ, надъ брегомъ-ли твоимъ,
По дебрямъ и горамъ, сквозь боръ необозримый,
Средь тучи варваровъ, на этотъ вѣчный Римъ
Летѣлъ Сатурнъ неотразимый?
Не ты-ль спиралъ свой быстрый шагъ
Народовъ съ бурными волнами,
И твой-ли въ ихъ крови не растопился брегъ,
Племенъ безчисленныхъ усѣянный костями?
Хотите-ль знать, зачѣмъ, куда,
И изъ какой глуши далекой
Неслась ихъ бурная чреда,
Какъ лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачѣмъ къ садамъ,
Къ богатымъ нивамъ и лугамъ
По вѣтру саванъ свой летучій
Мчатъ саранчи голодной тучи;
Спросите молнію, куда она летитъ,
Откуда ураганъ крушительный бѣжитъ,
Зачѣмъ кочуетъ валъ ревучій!

Слѣдуетъ идиллическая, немного блѣдная картина народа кочующаго; размышленія при видѣ развалинъ венеціанскаго замка имѣютъ ту невыгоду, что напоминаютъ нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни Чайльдъ-Гарольда, строфы, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе. Но вскорѣ поэтъ снова одушевляется:

Улегся вѣтеръ; водъ стекло
Яснѣй небесъ лазурныхъ блещетъ;
Повисшій парусъ нашъ, какъ лебедя крыло,
Свинцомъ охотника пронзенное, трепещетъ.
Но что за гулъ?... Какъ громъ глухой,
Надъ тихимъ моремъ онъ раздался.
То грохотъ пушки заревой
Изъ русской Варны онъ примчался!
О радость! завтра мы узримъ
Страну поклонниковъ Пророка:
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ
Упьемся воздухомъ твоимъ,
Земля роскошнаго Востока!
И въ темныхъ миртовыхъ садахъ,
Фонтановъ мраморныхъ при медленномъ журчаньи,
При соблазнительныхъ луны твоей лучахъ,
Въ твоемъ, о юная невольница, лобзаньи
Цвѣтовъ родной твоей страны,
Живыхъ восточныхъ розъ отвѣдаемъ дыханье
И жаръ, и свѣжесть ихъ весны!...

Элегія «Гебеджинскія Развалины», по мнѣнію нашему, лучшая изъ всѣхъ. Въ ней обнаруживается необыкновенное искусство въ описаніяхъ, яркость въ выраженіяхъ и сила въ мысляхъ. Пользуясь намъ даннымъ позволеніемъ, выписываемъ большую часть этой элегіи. (Слѣдуетъ выписка, оканчивающаяся стихами):

Ты правъ, божественный пѣвецъ,
Вѣка вѣковъ лишь повторенье!
Сперва—свободы обольщенье,
Гремушки славы, наконецъ;
За славой—роскоши потоки,
Богатства съ золотымъ ярмомъ,
Потомъ—изящные пороки,
Глухое варварство потомъ!...

Это прекрасно! Энергія послѣднихъ стиховъ удивительна!

Остальныя элегіи (между коими шестая весьма замѣчательна) заключаютъ въ себѣ недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выраженія, переходящую часто въ надутость; яркость описанія, затемненную иногда неточностью. Вообще, главныя достоинства «Ѳракійскихъ Элегій»—блескъ и энергія; главные недостатки—напыщенность и однообразіе.

Къ «Ѳракійскимъ Элегіямъ» присовокуплены разныя мелкія стихотворенія, имѣющія неоспоримое достоинство: вездѣ гармонія, вездѣ мысли, изрѣдка истина чувствъ. Если-бы г. Тепляковъ ничего другого не написалъ, кромѣ элегіи Одиночества и станса Любовь и Ненависть, то и тутъ занялъ-бы онъ почетное мѣсто между нашими поэтами. Заключимъ разборъ, выписавъ стихотвореніе, которымъ заключается и книга г. Теплякова (Выписано стихотвореніе «Одиночество»).

1836 г.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА,

сочиненіе сильвіо пеллико.

На дняхъ выйдетъ изъ печати новый переводъ книги: Dei doveri degli uomini, сочиненія славнаго Сильвіо Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали-бы всѣ наизусть, которое не было-бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга эта называется евангеліемъ—и такова ея вѣчно новая прелесть, что если мы, пресыщенные міромъ, или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію, и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе.

И не всуе, собираясь сказать нѣсколько словъ о книгѣ кроткаго страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественномъ евангеліи: мало было избранныхъ (даже между первоначальными пастырями церкви), которые-бы въ своихъ твореніяхъ приблизились кротостью духа, сладостью краснорѣчія и младенческой простотою сердца къ проповѣди небеснаго учителя.

Въ позднѣйшія времена неизвѣстный творецъ книги «О подражаніи Іисусу Христу», Фенелонъ и Сильвіо Пеллико въ высшей степени принадлежатъ къ симъ избраннымъ, которыхъ ангелъ господній привѣтствовалъ именемъ человѣковъ благоволенія.

Сильвіо Пеллико десять лѣтъ провелъ въ разныхъ темницахъ и, получа свободу, издалъ свои записки. Изумленіе было всеобщее: ждали жалобъ, напитанныхъ горечью,—прочли умилительныя размышленія, исполненныя яснаго спокойствія, любви и доброжелательства.

Признаемся въ нашемъ суетномъ зломысліи. Читая эти записки, гдѣ ни разу не вырывается изъ-подъ пера несчастнаго узника выраженія нетерпѣнія, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намѣреніе въ этой ненарушимой благосклонности ко всѣмъ и ко всему; эта умѣренность казалась намъ искусствомъ. И восхищаясь писателемъ, мы укоряли человѣка въ неискренности. Книга «Dei doveri» устыдила насъ и разрѣшила намъ тайну прекрасной души, тайну человѣка-христіанина.

Сказавъ, какую книгу напомнило намъ сочиненіе Сильвіо Пеллико, мы ничего болѣе не можемъ и не должны прибавить къ похвалѣ нашей.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ (Московскій Наблюдатель), въ статьѣ писателя съ истиннымъ талантомъ, критика, заслужившаго довѣренность просвѣщенныхъ читателей, съ удивленіемъ прочли мы слѣдующія строки о книгѣ Сильвіо Пеллико.

«Если-бы книга Обязанностей не вышла вслѣдъ за книгою Жизни (Мои темницы), она показалась-бы намъ общими мѣстами, сухимъ, произвольно-догматическимъ урокомъ, который мы-бы прослушали безъ вниманія».

Неужели Сильвіо Пеллико имѣетъ нужду въ извиненіи? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармоническаго краснорѣчія, могла кому-бы то ни было, и въ какомъ-бы то ни было случаѣ, показаться сухой и холодно-догматической? Неужели, если-бъ она была написана въ тишинѣ Ѳиваиды или въ библіотекѣ философа, а не въ грустномъ уединеніи темницы, недостойна была-бы обратить на себя вниманія человѣка, одареннаго сердцемъ?—Не можемъ повѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ такова была мысль автора «Исторіи поэзіи».

Это ужъ не ново, это было уже сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіе столѣтій; что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій ужъ ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ соображеніи понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; мысли-же могутъ быть разнообразны до безконечности.

Какъ лучшее опроверженіе мнѣнія Шевырева, привожу собственныя его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) съ тою-же вѣрою, съ какою она писана, и вы вступите изъ темнаго міра сомнѣній, разстройства, раздора головы съ сердцемъ въ свѣтлый міръ порядка и согласія. Задача жизни и счастія вамъ покажется проста. Вы какъ-то соберете себя, разсѣяннаго по мелочамъ страстей, привычекъ и прихотей—и въ вашей душѣ вы ощутите два чувства, которыя, къ сожалѣнію, очень рѣдки въ эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

1836 г.

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ,

прославленныхъ въ россійской церкви, и пр. кн. Эристова.

Въ наше время главный недостатокъ, отзывающійся во всѣхъ почти ученыхъ произведеніяхъ, есть отсутствіе труда. Рѣдко случается критикѣ указывать на плоды долгихъ изученій и терпѣливыхъ розысканій. Что-же изъ того происходитъ? Наши такъ называемые ученые принуждены замѣнять существенныя достоинства изворотами болѣе или менѣе удачными: порицаніемъ предшественниковъ, новиз-

ною взглядовъ, приноровленіемъ модныхъ понятій къ старымъ, давно извѣстнымъ предметамъ и пр. Таковыя средства (которыя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, можно назвать шарлатанствомъ) не подвигаютъ науки ни на шагъ, поселяютъ жалкій духъ сомнѣнія и отрицанія въ умахъ незрѣлыхъ и слабыхъ, и печалятъ людей истинно ученыхъ и здравомыслящихъ.

Словарь о святыхъ не принадлежитъ къ числу опрометчивыхъ и скороспѣлыхъ произведеній, наводняющихъ наши книжныя лавки. Отчетливость въ предварительныхъ изысканіяхъ, полнота въ совершеніи предпринятаго труда поставили эту книгу высоко во мнѣніи знающихъ людей. Издатель на своемъ поприщѣ имѣлъ предшественникомъ Новикова, напечатавшаго въ 1784 году Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ. Съ того времени прошло болѣе пятидесяти лѣтъ; средства и источники умножились; для новаго издателя трудъ былъ облегченъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоенъ. Въ опытѣ Новикова помѣщено 169 именъ угодниковъ, съ описаніемъ ихъ житія, или безо всякаго объясненія: Словарь о святыхъ заключаетъ въ себѣ триста шестьдесятъ три имени, т. е. болѣе, нежели вдвое. У Новикова источники изрѣдка указаны внизу самаго текста: въ нынѣшнемъ «Словарѣ» полный «Указатель» источникамъ напечатанъ особо, въ два столбца, мелкимъ шрифтомъ, и составляетъ цѣлый печатный листъ.

«Церковь россійская», сказано въ предисловіи, «весьма осторожно оглашала святыми угодниковъ своихъ, и только по явномъ открытіи нетлѣнія мощей, прославленныхъ чудесами, помѣщала ихъ въ мѣсяцословы. Россія къ утвержденію православія своего видѣла во многихъ мѣстахъ явное знаменіе благодати надъ мощами тѣхъ, кои святостью жизни, примѣромъ благочестія, или христіанскимъ самоотверженіемъ явили себя достойными почитанія; но имена сихъ угодниковъ не были внесены въ «Общіе святцы россійской церкви»; а память ихъ совершалась въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ они почиваютъ. Причиною такой мѣстности было отдѣленіе духовной власти Новгорода отъ главной духовной власти Россіи, и потомъ раздѣленіе митрополіи на кіевскую и московскую. Уже въ половинѣ XVI вѣка московскій митрополитъ Макарій, составляя «Великія четьи-минеи», собралъ житія и нѣкоторыхъ святыхъ, еще дотолѣ въ патерикахъ не помѣщенныхъ, и для установленія имъ службъ имѣлъ въ Москвѣ, 1547 года, соборъ, на которомъ двѣнадцати святымъ россійскимъ назначено повсюду празднованіе и службы, а девяти—только въ мѣстахъ, гдѣ мощи ихъ почиваютъ. Тѣ церкви, которыя не успѣли на соборъ представить свидѣтельствъ о своихъ мѣстныхъ угодникахъ, послѣ получали, по разсмотрѣнію митрополита, дозволеніе совершать память ихъ, и потомъ, при патріархахъ, нѣкоторые изъ нихъ внесены въ общіе мѣсяцословы. Митрополитъ ростовскій Димитрій въ своихъ «Четьи-минеяхъ» помѣстилъ преподобныхъ кіевопечерскихъ подъ числомъ совершенія ихъ памяти. Но и за симъ многіе не внесены въ мѣсяцословы, хотя нѣкоторымъ сочинены особыя службы, кондаки и тропари: таковы угодники новгородскіе, псковскіе, вологодскіе и другіе.

«Въ предлагаемомъ «Словарѣ» помѣщены житія святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви; житія нѣкоторыхъ другихъ подвижниковъ благочестія, коимъ память благоговѣйно сохраняется тамъ, гдѣ они жили или почили; наконецъ краткія извѣстія о тѣхъ благоугоднопожившихъ, которыхъ имена выписаны изъ синодиковъ, или древнихъ монастырскихъ записокъ. При описаніи жизни святого, прославленнаго во всей россійской церкви, обозначены въ «Словарѣ» мѣсяцъ и число совершенія памяти; относительно прочихъ также означается мѣсто и день, когда чтится ихъ память совершеніемъ молебныхъ пѣній или панихидъ, по введенному постановленіями или преданіемъ обычаю».

Слогъ издателя долженъ будетъ служить образцомъ для всѣхъ ученыхъ словарей. Онъ простъ, полонъ и краткокъ. Намъ случилось въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» (впрочемъ, книгѣ необходимой и имѣющей столь великое достоинство) найти въ описаніи какого-то сраженія уподобленіе одного изъ корпусовъ кораблю или птицѣ, не помнимъ навѣрное чему; таковыя риторическія фигуры въ какомъ-нибудь иномъ сочиненіи могутъ быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя, но въ словарѣ онѣ во всякомъ случаѣ нетерпимы.

Издатель «Словаря о святыхъ» оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству.

Наконецъ и библіофилы будутъ благодарны за типографическую изящность изданія: «Словарь» напечатанъ въ большую осьмушку, на лучшей веленевой бумагѣ, и есть отличное произведеніе типографіи второго отдѣленія собственной канцеляріи е. и. в.

1836 г.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

(о стихотвореніи «полководецъ»).

Одно стихотвореніе, напечатанное въ моемъ журналѣ, навлекло на меня обвиненіе, въ которомъ долгомъ полагаю оправдаться. Это стихотвореніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько грустныхъ размышленій о заслуженномъ полководцѣ, который въ великій 1812 годъ прошелъ первую половину поприща и взялъ на свою долю всѣ невзгоды отступленія, всю отвѣтственность за неизбѣжные уроны, предоставя своему безсмертному преемнику славу отпора, побѣдъ и полнаго торжества. Я не могъ подумать, чтобы тутъ можно было увидѣть намѣреніе оскорбить чувство народной гордости и стараніе унизить священную славу Кутузова; однакожъ меня въ этомъ обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою Россіи, съ памятью о величайшемъ событіи новѣйшей исторіи. Его титло—спаситель Россіи; его памятникъ—скала святой Елены! Имя его не только священно для насъ, но не должны-ли мы еще радоваться, мы, русскіе, что оно звучитъ русскимъ звукомъ?

И могъ-ли Барклай де-Толли совершить имъ начатое поприще? Могъ-ли онъ остановиться и предложить сраженіе у кургановъ Бородина? Могъ-ли онъ послѣ ужасной битвы, гдѣ равенъ былъ неравный споръ, отдать Москву Наполеону и встать въ бездѣйствіи на равнинахъ Тарутинскихъ? Нѣтъ! (Не говорю уже о превосходствѣ военнаго генія). Одинъ Кутузовъ могъ предложить Бородинское сраженіе; одинъ Кутузовъ могъ отдать Москву непріятелю; одинъ Кутузовъ могъ оставаться въ этомъ мудромъ, дѣятельномъ бездѣйствіи, усыпляя Наполеона на пожарищѣ Москвы и выжидая роковой минуты, ибо Кутузовъ одинъ облеченъ былъ въ народную довѣренность, которую такъ чудно онъ оправдалъ!

Неужели должны мы быть неблагодарны къ заслугамъ Барклая-де-Толли, потому что Кутузовъ великъ? Ужели послѣ 25-лѣтняго безмолвія, поэзіи не позволено произнести его имя съ участіемъ и умиленіемъ? Вы упрекаете стихотворца въ несправедливости его жалобъ; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оцѣнены, награждены. Такъ, но кѣмъ и когда?.. Конечно, не народомъ, и не въ 1812 году. Минута, когда Барклай принужденъ былъ уступить начальство надъ войсками, была радостна для Россіи, но тѣмъ не менѣе тяжела для его стоическаго сердца. Его отступленіе, которое нынѣ является яснымъ и необходимымъ дѣйствіемъ, казалось вовсе не таковымъ: не только роптал народъ, ожесточенный и негодующій, но даже опытные воины горько упрекали его и почти въ глаза называли измѣнникомъ. Барклай, не внушающій довѣренности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злорѣчіемъ, но убѣжденный въ самомъ себѣ, молча идущій къ сокровенной цѣли и уступающій власть, не успѣвъ оправдать себя передъ глазами Россіи, останется навсегда въ исторіи высоко-поэтическимъ лицомъ.

Слава Кутузова не имѣетъ нужды въ похвалѣ чьей-бы то ни было; а мнѣніе стихотворца не можетъ ни возвысить, ни унизить того, кто низложилъ Наполеона и вознесъ Россію на ту ступень, на которой она явилась въ 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда въ смиренной хвалѣ моей вождю, забытому Жуковскимъ, соотечественники мои могли подозрѣвать низкую и преступную сатиру на того, кто нѣкогда внушилъ мнѣ слѣдующіе стихи, конечно, недостойные великой тѣни, но искренніе и излиянные изъ души: «Передъ гробницею святой» и пр.

1836 г.

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ «ПОТЕРЯННАГО РАЯ».

Долгое время французы пренебрегали словесностью своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ французскихъ привычекъ и отъ правилъ, установленныхъ французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, а напротивъ, тщательно ихъ преобразовывали. Во французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ-бы не находилась неизбѣжная фраза: «мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору». И въ увѣренности, что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли-бы оскорбить вкусъ образованнаго французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ кѣмъ извинялъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему ведетъ невѣжественная страсть къ народности!.. Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать, что гг Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспирѣ и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣе щекотливости и усердія къ публикѣ; пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ; въ ихъ народной одеждѣ—народные недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ французскихъ писателей переводитъ Мильтона

слово въ слово и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ-бы верхомъ его искусства, если-бъ только оный былъ возможенъ! Таковое смиреніе во французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ исправительныхъ переводовъ, и, вѣроятно, будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изъ всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи Не говоримъ о переводахъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубые недостатки и украсилъ его безъ милосердія; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедіяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романической школы? Что сдѣлалъ изъ него г-нъ Альфредъ де-Виньи, котораго французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? Какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars», и «Кромвеля», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ Альфреда де-Виньи и Виктора Гюго. Выведемъ того и другого на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедіи, одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ.

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливымъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной: мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще не извѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста, и съ четырьмя шутами; тутъ-же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно ненужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

„Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (съ досадою): Старый Мильтонъ! Извините, Милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель: Какъ угодно.

Мильтонъ: Вы родились въ 599-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель: Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (съ живостью): Вы-бы могли обходиться со мною учтивѣе: я - сынъ нотаріуса, городового альдермана.

Кромвель: Ну, не сердись; я знаю, что ты — великій теологъ и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вейсерса и Донна.

Мильтонъ (говоря самъ про себя): Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало-ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ. Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Еву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама, преступнаго и добраго, и неукротимаго Духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ; ибо пламенный геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю молча странное намѣреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (про себя): Что онъ тамъ городитъ?

Одинъ изъ шутовъ: Смѣшной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами): Твой „Иконокластъ"—очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ .. (смѣясь) очень плохъ...

Мильтонъ (сквозь зубы съ негодованіемъ): Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ (подходитъ къ нему): Г-нъ Мильтонъ!

Мильтонъ (не слыша его и обратясь къ Кромвелю): Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (Мильтону, который слушаетъ его съ разсѣянностью): По чести, вы не понимаете поэзіи. Вы умны, но у васъ недостатокъ вкуса. Послушайте: французы —учители наши во всемъ; изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Ева, Адамъ, адъ, огненное озеро, сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло, если-бы вы прикрыли щегольскимъ платьемъ, если-бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантію флорентинскую, какъ недавно видѣлъ я во французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (удивленный): Это что за пустословіе?

Рочестеръ (кусая губы): Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ: Очень глупая шутка!"

Далѣе Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ—бездѣлица; то-ли дѣло писать латинскіе стихи!

Спустя немного времени, Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ, государственный секретарь! ты—піитъ, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и пр.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безсмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря...

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомелей выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который, вѣроятно, самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіе всей трагедіи, кромѣ насмѣшекъ и ругательства, ничего иного Мильтонъ не слышитъ; правда и то, что и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвилъ дѣльнаго слова. Этотъ старый бол-

чунъ, котораго всѣ презираютъ и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, господинъ Гюго, не таковъ былъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ, строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Defensio populi»! Не такимъ языкомъ изъяснялся-бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій сонетъ: Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутовъ тотъ, кто въ злые дни жертва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г-нъ Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понялъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразитъ, что̀ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ нервнаго, грубаго Виктора Гюго и его уродливыхъ драмъ перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де-Виньи въ своемъ «Сенъ-Марсѣ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де-Лормъ, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуютъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости Красоты, стоящей на рѣкѣ Гордости, отъ деревни Нѣжныхъ Записочекъ, отъ гавани Равнодушія, и проч., и проч. Всѣ осыпаютъ г-жу Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ-же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодого путешествующаго англичанина Мильтона и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Рая». Хорошо. Да какъ-же французы, не зная англійскаго языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать, переведены на французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ-же ему безпокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки англійскаго языка чрезвычайно любопытны? А какое дѣло графу де-Виньи до всѣхъ этихъ нелѣпыхъ несообразностей? Ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ, не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что̀ по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ, поймутъ-ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого-то чуда (неизъясненнаго де-Виньи) всѣ его понимаютъ. Де-Барро находитъ его приторнымъ, Скюдери—скучнымъ и холоднымъ, Марія де-Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи: Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами и проч., и проч.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ-бы показывать себя, какъ заѣзжій фигляръ, и въ домѣ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, написанныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де-Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были-бы пошлымъ и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ-бы онъ роль ему приличную, скромную роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодого человѣка.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де-Виньи, хотите-ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ, въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ, конечно, не довольствовался-бы такимъ незначущимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтонъ, занятый государственными дѣлами, непремѣнно терялся-бы въ піитическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого-нибудь отчета намаралъ-бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Рая»; Кромвель-бы это подмѣтилъ, разбранилъ бы своего секретаря, назвалъ-бы его стихоплетомъ, вралемъ и проч., и изъ того-бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Вальтеръ-Скоттъ и не подумалъ.

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей и который можетъ быть оцѣненъ двумя, тремя знатоками. Но удаченъ-ли новый переводъ? Шатобріанъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобріаномъ, и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, стараясь передать Мильтона слово въ слово, Шатобріанъ однако не могъ соблюсти въ своемъ переложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каж-

дый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соотвѣтствующими словами. Возьмемъ первыя фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на русскій языкъ*).

Если уже русскій языкъ, столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ переложенію слово въ слово, то какимъ образомъ языкъ французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ таковой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго, и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона для куска хлѣба. Каково-бы то ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ-бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властью, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстью. Послѣ этого—что скажетъ критика? Станетъ-ли она строгостью оцѣнки смущать благороднаго труженика и, подобно скупому покупщику, хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своемъ переводу присовокупилъ онъ два тома, столь-же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣнныя красоты, страницы, достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасутъ его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобріана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обозрѣніи. Въ ученой критикѣ Шатобріанъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судитъ о нихъ вскользь и по наслышкѣ и кое-какъ отдѣлывается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коихъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».

1836—37 г.

ПРИМѢЧАНІЕ.

*) Кстати: недавно (въ «Телескопѣ», кажется) кто-то, критикуя переводъ, хотѣлъ, вѣроятно, блеснуть знаніемъ итальянскаго языка и пенялъ переводчику, зачѣмъ онъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе „battersi la guencia“—бить себя по щекамъ. «Battersi la guencia» значитъ раскаяться; перевести иначе не имѣло-бы никакого смысла. А. П.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г-нъ Дюлисъ (Jean-François-Philippe Dulys), потомокъ родного брата Іоанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г-нъ Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ французской революціи. Онъ былъ женатъ на англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наслѣдникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдинбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающія дворянство рода господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arc Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торга за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г-на Дюлиса.

Повидимому, Дюлисъ-отецъ былъ добрый господинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ, около 1767 года, дошло до него, что нѣкто Mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской героинѣ. Книга продавилась очень дорого. Г-нъ Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ непріятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку, in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинами. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо

*

сіе, такъ-же какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналѣ Morning Chronicle).

Милостивый государь! Недавно имѣлъ я случай пріобрѣсти за шесть луидоровъ написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько-нибудь исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Іоанны д'Аркъ, по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнессы Сорель, господъ Латремулья, Лагира, Бодрикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Іоанна д'Аркъ была родная сестра Луки д'Аркъ де-Ферону (Luca d'Arc, seigneur du Ferone), отъ котораго я происхожу по прямой линіи. А по сему не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себѣ въ непремѣнную обязанность требовать, отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ, прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ, для немедленнаго окончанія сего дѣла. Честь имѣю и проч.».

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ-бы изъ того произойти, а можетъ быть и шпаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 мая 1776 г.

Милостивый государь! Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около восьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить, что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой риѳмованной хроники (l'impertinente chronique rimée), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписываетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ «Генріада». Исчисляя въ ней героевъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (votre illustre cousine) съ слѣдующими словами:

— Et toi, brave Amasone,
La houte des Anglais et le soutien du trone.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики, безсмысленной и неблагодарной.—Честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Voltaire, gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ, по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ, въ отношеніи къ ея отечеству, по истинѣ достойна изумленія: мы, конечно, должны раздѣлить съ французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала дѣйствію нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность французовъ? Конечно, не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что-нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы: нашъ лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленнаго) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ. Какъ-же Франція постаралась загладить свое кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго—жизни и смерти Орлеанской героини; что-же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случалось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что̀ онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма лауреата не стоитъ, конечно, поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но твореніе Соути есть подвигъ честнаго человѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистниками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что̀ почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени цинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, если-бы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ-бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латремулья. Жалкій вѣкъ! жалкій народъ!»

1836—37 г.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сколь ни удаленъ я моими привычками и правилами отъ полемики всякаго рода, но еще не отрекся я совершенно отъ права самозащищенія.

Southey.

Нѣкоторые писатели ввели обыкновеніе, весьма вредное литературѣ: не отвѣчать на критики. Рѣдко кто изъ нихъ отзовется и подастъ голосъ, и то не за себя. Развѣ и впрямь они гнушаются своимъ братомъ-литераторомъ?... Если они принадлежатъ хорошему обществу, какъ благовоспитанные и порядочные люди, то эта статья особая и литературы не касается... Одинъ писатель извинился тѣмъ, что-де съ нѣкоторыми людьми неприлично связываться человѣку, уважающему себя и общее мнѣніе, что разница-де между споромъ и дракой, что, наконецъ, никто-де не въ нравѣ требовать, чтобъ человѣкъ разговаривалъ, съ кѣмъ не хочетъ разговаривать. Все это не отговорка. Если уже ты пришелъ на сходку, то не прогнѣвайся—какова компанія, таковъ и разговоръ; если шалунъ швырнетъ въ тебя грязью, то смѣшно вызывать его биться на шпагахъ, а не поколотить его просто; а если ты будешь молчать съ человѣкомъ, который съ тобой разговариваетъ, то это съ твоей стороны обида и недостойная гордость...

Будучи русскимъ писателемъ, я всегда почиталъ долгомъ слѣдовать за текущей литературой и всегда читалъ съ особеннымъ вниманіемъ критики, коимъ подавалъ я поводъ. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня, какъ явные и вѣроятно искренніе знаки благосклонности и дружелюбія. Читая разборы самыя непріязненные, смѣю сказать, что всегда старался войти въ образъ мыслей моего противника и слѣдовать за его сужденіями, не отвергая оныхъ съ самолюбивымъ нетерпѣніемъ, но желая съ ними согласиться со всевозможнымъ авторскимъ самоотверженіемъ; къ несчастью, замѣчалъ я, что по большей части мы другъ друга не понимали. Что касается до критическихъ статей, написанныхъ съ одною цѣлью оскорбить меня какимъ-бы то ни было образомъ, скажу только, что онѣ очень сердили меня, по крайней мѣрѣ въ первыя минуты, и что слѣдственно сочинители оныхъ могутъ быть довольны, удостовѣрясь, что труды ихъ не пропали.

Если въ теченіе 16-лѣтней авторской жизни я никогда не отвѣчалъ ни на одну критику (не говорю ужъ о ругательствахъ), то сіе происходило конечно не изъ презрѣнія.

Состояніе критики само по себѣ доказываетъ степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналовъ нашихъ достаточны для насъ, то изъ сего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ еще нужды ни въ Шлегеляхъ, ни даже въ Лагарпахъ. Презирать критику значило-бы презирать публику (чего Боже сохрани!). Какъ наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи, такъ и наша критика можетъ представить нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія. Но онѣ являлись отдѣльно, въ разстояніи одна отъ другой, и не получили еще вѣса и постояннаго вліянія. Время ихъ еще не приспѣло.

Не отвѣчалъ я моимъ критикамъ не потому также, чтобъ недоставало во мнѣ веселости и педантства, не потому, чтобъ я не полагалъ въ сихъ критикахъ никакого вліянія на читающую публику: мнѣ совѣстно было идти судиться передъ публикою и стараться насмѣшить ее (къ чему ни малѣйшей не имѣю склонности); мнѣ было совѣстно, для опроверженія критикъ, повторять школьныя или пошлыя истины, толковать объ азбукѣ, риторикѣ; оправдываться тамъ, гдѣ не было обвиненій, а что всего затруднительнѣе—важно говорить: Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons.

Напримѣръ, одинъ изъ моихъ критиковъ, человѣкъ, впрочемъ, добрый и благонамѣренный, разбирая, кажется, Полтаву, выставилъ нѣсколько отрывковъ и вмѣсто всякой критики увѣрялъ, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуютъ. Что-бы могъ я отвѣчать ему на это? А такъ поступали почти всѣ его товарищи. Ибо критики наши говорятъ обыкновенно: это хорошо потому, что прекрасно; а это дурно потому, что скверно. Отселѣ ихъ никакъ не выманишь.

Еще причина, и главная: лѣность. Никогда не могъ я до того разсердиться на непонятливость или недобросовѣстность, чтобы взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики (на это никакъ не могу рѣшиться), но на обвиненія не литературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя (если Господь пошлетъ мнѣ читателя), что глупѣе сего занятія отъ роду ничего не могъ я выдумать.

* *
*

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,—а я не понимаю критиковъ. Если будемъ сердиться передъ публикой, вѣроятно, и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого.
Глухой кричалъ: „Моя имъ сведена корова!“

— Помилуй! возопилъ глухой тому въ отвѣтъ:
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ!
Судья рѣшилъ: „Почто идти вамъ братъ на брата?
Не тотъ и не другой, а дѣвка виновата!“

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (какъ аристократически говоритъ о себѣ издатель «Исторіи Рускаго Народа»), когда нападенія суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, нынѣ, къ несчастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія оныхъ.

О личной сатирѣ. Китайскій анекдотъ.— Самъ съѣшь.— О нравственности; о гр. Нулинѣ.— Что есть безнравственное сочиненіе? О Видокѣ.— О литературной аристократіи, о дворянствѣ.

***

Перечитывая самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, еслибъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ-бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однакожъ я видѣлъ, что самое грубое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсъ отъ волшебнаго вліянія типографіи. Намъ все еще печатный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

***

Кстати. Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того-же времени. Многое желалъ-бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково-бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ, не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ Панаева. Бестужевъ, въ предисловіи какого-то альманаха, благодаритъ какого-то Ап. за доставленіе стихотвореній, объявляя, что не всѣ удостоились напечатанія.

Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ посвоему и отсылать въ альманахъ Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами), или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.).

*

Самъ съѣшь. *) Симъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчіи нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь-же затѣйливое выраженіе: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ-же противниковъ. Самъ съѣшь есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ коемъ сказано, что Фебъ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ,—и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то-же самое пересказано немного похуже, съ надписью: самъ съѣшь.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе букашекъ.—Самъ ты букашка, закричали бойко журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. Самъ съѣшь.

Гг. чиновные журналисты вздумали-было напасть на одного изъ своихъ собратьевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостью дворянъ-журналистовъ, осмѣлились спросить: кто сіи феодальные бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе гербовъ и грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что-же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею (особенно мѣщанамъ во дворянствѣ) уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное самъ съѣшь. Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, кто были аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? Публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ, кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что самъ съѣшь вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надѣянность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ.

Отчего издателя «Литературной Газеты» и

*) Происхожденіе сего слова: остроумный человѣкъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: съѣшь, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: самъ съѣшь. (Замѣчаніе для будуарныхъ, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ). А. П.

его сотрудниковъ называютъ аристократами (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ, пишутъ остроумно журналы)? Въ чемъ-же состоитъ ихъ аристократія? Въ томъ-ли, что они дворяне? Нѣтъ: всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ намѣренія смѣяться. Стало быть—въ дворянской спѣси? Нѣтъ: въ «Литературной Газетѣ» доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смѣшного чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіевъ-мѣщанъ. Можетъ быть—въ притязаніи на тонъ высшаго общества? Нѣтъ: они стараются сохранить тонъ хорошаго общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе бурлацкимъ, другое—мужицкимъ, третье—неприличнымъ для дамскихъ ушей и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ (niaiserie, NB не одно просторѣчіе); не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ-же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ господъ; не они comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными, не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о будуарныхъ читательницахъ, о паркетныхъ дамахъ (?). Отчего-же они аристократы (разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ)?

Въ одной газетѣ, оффиціальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было-бы сказать: дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ. Мы происходимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго (мужа честна, говоритъ лѣтописецъ), пріѣхавшаго въ Россію, во время княженія Александра Ярославича Невскаго (см. Русскія Лѣтописи и Исторію Государства Россійскаго). Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ (изъ учтивости къ покойному графу Алексѣю Ивановичу). Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ, уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ царя Ивана Васильевича Грознаго, исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ.

Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣстничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкинъ, во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ честно свое дѣло. Четверо Пушкиныхъ подписались подъ грамотою объ избраніи Романовыхъ на царство, а одинъ изъ нихъ, окольничій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества (что мало дѣлаетъ чести его характеру). При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и Соковнинымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшой дочери адмирала графа Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи, въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ (странны судьба и союзъ сихъ именъ), см. Рюліера и Кастера. Черезъ два года выпущенъ по приказанію Екатерины, и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. Вообще имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей исторіи.

Нынѣ огромныя имѣнія Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднее родовое имѣніе скоро исчезнетъ; имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода.

Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона. Если быть стариннымъ дворяниномъ значитъ подражать англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностью лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ прадѣдамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частью составляютъ люди новые, получившіе существованіе уже при императорахъ. Каковъ-бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ-бы то ни было демократической ненависти къ дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ всякаго образованнаго народа. Смотря около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденныя, и

какъ имя дворянина, часъ отъ часу, униженнѣе, стало, наконецъ, въ притчу и въ посмѣянiе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и досужимъ журнальнымъ балагурамъ.

Образованный французъ иль англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторiи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь передъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторiей своего дома, т. е. исторiей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно— достоинство личное: но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденiемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было-бы гордиться сими именами.

Одинъ изъ великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ (онъ удостоивалъ меня своего вниманiя и часто оспаривалъ мои мнѣнiя), что если у насъ была-бы свобода книгопечатанiя, то онъ съ женою и дѣтьми уѣхалъ-бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону,—и неуваженiе къ чести гражданъ и удобность клеветы суть однѣ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тисненiя. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно о б и н я к и. Первымъ примѣромъ обязаны мы **, который въ своемъ журналѣ напечаталъ анекдотъ о двухъ китайскихъ журналистахъ, которыхъ судья наказалъ бамбуковою палкою за плутни, унижающiя честное званiе литератора. Этотъ китайскiй анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и такъ понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстiе изъ-за границы (и большею частью изъ-за китайской), въ коемъ противникъ расписанъ самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, китайскiе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изобрѣтательности и остроумiю сочинителя, то по крайней мѣрѣ достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковой они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, было-бы малодушiемъ. Тотъ, о которомъ напечатаютъ, что человѣкъ такого-то званiя, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ,—все-таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно не изъ уваженiя къ газетчику, но изъ уваженiя къ публикѣ. Чтò за аристократическая гордость дозволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? Англiйскiй лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтеровскихъ пистолетахъ съ учтивымъ джентельменомъ, и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ... Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшiй, говорятъ, на военной службѣ, отказывался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ чтò прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженiю Шатобрiана, comme un homme de noble race outrage et ne se bat pas. Однажды (оффицiально) напечаталъ кто-то, что такой-то французскiй стихотворецъ, подражающiй Байрону, печатающiй критическiя статьи въ «Литературной Газетѣ»,—человѣкъ подлый и безнравственный, а что такой-то журналистъ—человѣкъ умный, с к р о м н ы й, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому. Французскiй стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. On en rit, j'en ris moi-même.

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула.

Иной говоритъ: какое дѣло критику или читателю, хорошъ-ли я собой или дуренъ, старинный-ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ-ли или золъ, ползаю-ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю-ли я въ карты и т. п.? Будущiй мой бiографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ бiографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. Сужденiе, кажется, поверхностное. Нападенiя на писателя и оправданiя, коимъ подаютъ они поводъ, суть важный шагъ къ гласности пренiй о дѣйствiяхъ такъ называемыхъ общественныхъ лицъ (hommes publics),—къ одному изъ главнѣйшихъ условiй высокообразованныхъ обществъ: въ семъ отношенiи и писатели, справедливо заслуживающiе презрѣнiе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенiя, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнiя, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало

по малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

***

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ «Вѣстникѣ Европы», въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличающихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было объ ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною выпущенные во второмъ изданіи:

О страшный видъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.,

за вступленіе, не помню, которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились etc.

и за пародію Двѣнадцати спящихъ дѣвъ. За послѣднее можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть-ли въ Русланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями, хоть напримѣръ Аріоста, о которомъ поминутно твердили мнѣ? Да и выпущенное мною мѣсто было очень смягченное подражаніе Аріосту.

***

Кавказскій Плѣнникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я насилу сладилъ; онъ былъ принятъ лучше всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но за то Николай и Александръ Раевскіе и я, мы вдоволь надъ нимъ посмѣялись.

***

Бахчисарайскій Фонтанъ слабѣе Плѣнника и, какъ онъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ. Сцена Заремы съ Маріей имѣетъ драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. Ал. Раевскій хохоталъ надъ слѣдующими стихами:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ etc.

Молодые писатели вообще не умѣютъ изображать физическія движенія страстей. Ихъ герои всегда содрогаются, хохочутъ дико, скрежещутъ зубами и проч. Все это смѣшно, какъ мелодрама.

*

Не помню, кто замѣтилъ мнѣ, что невѣроятно, чтобы скованные вмѣстѣ разбойники могли переплыть рѣку. Все это происшествіе справедливо и случилось въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославлѣ.

***

О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. Вяземскій повторилъ то-же замѣчаніе. (Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было-бы не въ примѣръ благороднѣе). Всего-бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было-бы и всей поэмы: ma tanto meglio.

***

Въ «Вѣстникѣ Европы» съ негодованіемъ говорили о сравненіи Нулина съ котомъ, цапцарапствующимъ кошку (забавный глаголъ: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствуетъ). Правда, во всемъ «Графѣ Нулинѣ» этого сравненія не находится, также какъ и глагола цапцарапствую; но хоть-бы и было, что за бѣда?

***

Графъ Нулинъ надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его безнравственнымъ, разумѣется въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человѣкъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получилъ отъ нея пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣть писать такія отвратительныя гадости? Авторъ спрашивалъ, что-бы на мѣстѣ Натальи Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бѣдной сказкѣ (писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ): подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ; вѣрю, что «Графъ Нулинъ» точно кажется имъ предосудительнымъ. Но какъ-же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачіо, Лафонтенъ, Касти, Спенсеръ, Чаусеръ, Виландъ, Байронъ, извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить «Душеньку» въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина? Но отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, «Графъ Нулинъ» долженъ имъ уступить и въ вольности, и въ живости шутокъ.

Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть 15-ти-лѣтняя племянница, у другого 15-ти-лѣтняя знакомая, и все, что, по благоусмотрѣнію роди-

телей, не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для 15-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, ни даже ихъ братцамъ, ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются хрестоматіи, выбранныя мѣста и т. п., но публика не 15-ти-лѣтняя дѣвица и не 13-ти-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что̀ про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ.

Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной...

Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлью или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое. Стихотворенія, коихъ цѣль горячить воображеніе любострастными описаніями, унижаютъ поэзію, превращая ея божественный нектаръ въ воспалительный составъ, а музу—въ отвратительную колдунью. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостью и минутною игрою воображенія, можетъ показаться безнравственною только тѣмъ, которые о нравственности имѣютъ дѣтское или темное понятіе, смѣшивая ее съ нравоученіемъ, и видятъ въ литературѣ одно педагогическое занятіе.

Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ насъ даже и не смѣшатъ. Сравнивая Шекспира съ Байрономъ, недавно одинъ изъ нашихъ критиковъ считалъ по пальцамъ: гдѣ болѣе мертвыхъ? Но что̀ сказали-бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, если-бъ, къ несчастью, написалъ ее русскій и въ наше время? Извольте. «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!!). Этого не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на невиннаго Ипполита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!), послѣ чего Ипполита разбиваютъ лошади (!!!); Федра отравливается; ея гнусная наперсница утопляется—и только. Вотъ что̀ пишутъ, не краснѣя, писатели, которые, и проч. (тутъ личности и ругательства). Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ! Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ!»

Но должно-ли и можно-ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя-бъ онѣ были писаны и по-латыни? Не такъ-ли, хотя и болѣе кудрявымъ слогомъ, разбираютъ онѣ каждый день сочиненія, конечно, не равныя достоинствомъ произведеніямъ Расина, но вѣрно ничуть не предосудительнѣе оныхъ въ нравственномъ отношеніи? А пріятели называютъ этотъ вздоръ глубокомысліемъ.

Если-бъ «Недоросль», сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Фонвизина, съ ужасомъ замѣтили-бы, что Простакова бранитъ Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравниваетъ съ сукою (!!). «Что̀ скажутъ дамы? воскликнулъ-бы критикъ: вѣдь эта комедія можетъ попасться дамамъ!» Въ самомъ дѣлѣ странно. Что̀ за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ-бы, какъ-бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья) ихъ и не слушаютъ, и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ.

Отчего происходитъ это мѣщанское, отвратительное жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи, пришедшей въ гости къ петербургской барынѣ, засѣдательницы въ гостяхъ у пріѣзжей горожанки?

Оттого, что нашимъ литераторамъ хочется доказать, что они принадлежатъ высшему обществу (high life), что имъ извѣстны его законы; не лучше-ли было-бы имъ постараться по своему тону и поведенію принадлежать къ хорошему обществу (bonne société)?

Но не смѣшно-ли имъ судить о томъ, что̀ принято или не принято въ свѣтѣ, что̀ могутъ, чего не могутъ читать наши дамы, какое выраженіе принадлежитъ гостиной (или будуару, какъ говорятъ эти господа)? Не забавно-ли видѣть ихъ опекунами высшаго общества, куда, вѣроятно, имъ и некогда и вовсе не нужно являться? Не странно-ли въ ученыхъ изданіяхъ встрѣчать важныя разсужденія объ отвратительной безнравственности такого-то выраженія и ссылки на парижскихъ дамъ? Не совѣстно-ли въ душѣ видѣть почтенныхъ профессоровъ, краснѣющихъ отъ свѣтской шутки? Почему имъ знать, что вычурное жеманство и напыщенность нестерпимы, еще болѣе выказываютъ мелкое общество, чѣмъ простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличаетъ свѣтъ? Почему имъ знать, что откровенныя оригинальныя выраженія просто-

людиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили-бы общую невольную улыбку? Хорошее общество можетъ существовать и не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членовъ высшаго общества вводила иногда нашихъ журналистовъ въ забавные промахи. Одинъ изъ нихъ думалъ, что невозможно говорить при дамахъ о блохахъ, и далъ строгій за то выговоръ— кому-же?—одному изъ молодыхъ блестящихъ царедворцевъ. Въ одномъ журналѣ сильно напали на неблагопристойность поэмы, гдѣ сказано, что молодой человѣкъ осмѣлился войти ночью къ спящей красавицѣ; и между тѣмъ какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккачіо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлые отрывки наизусть. Недавно одинъ историческій романъ обратилъ на себя вниманіе всеобщее и отвлекъ на нѣсколько дней всѣхъ нашихъ дамъ отъ fashionable tales и историческихъ записокъ. Что-же? Газета важно дала замѣтить автору, что въ простонародныхъ сценахъ находятся слова ужасныя: сукинъ сынъ. Возможно-ли? Чтò скажутъ дамы, если, паче чаянья, взоръ ихъ упадетъ на это неслыханное выраженіе? Что-бы онѣ сказали Фонвизину, который императрицѣ Екатеринѣ читалъ своего Недоросля, гдѣ на каждой страницѣ эта невѣжественная Простакова бранитъ Еремѣевну собачьей дочерью? Чтò сказали-бы нынѣшніе блюстители нравственности и о чтеніи Душеньки, и объ успѣхѣ сего прелестнаго произведенія? Чтò думаютъ они о шутливыхъ одахъ Державина, о прелестныхъ сказкахъ Дмитріева? Модная жена не столь-же-ли безнравственна, какъ и Графъ Нулинъ?

***

Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ. Это дѣлаетъ имъ честь: я былъ далеко и въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. По привычкѣ, полагали меня все еще очень молодымъ человѣкомъ. Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни Евгенія Онѣгина. Разборъ сихъ главъ, напечатанный въ Атенеѣ, удивилъ меня хорошимъ тономъ, хорошимъ слогомъ и странностью привязокъ. Самыя обыкновенныя риторическія фигуры и тропы останавливали критика, напримѣръ: «можно-ли сказать: стаканъ шипитъ, вмѣсто—вино шипитъ въ стаканѣ? Каминъ дымитъ, вмѣсто—паръ идетъ изъ камина? Не слишкомъ-ли смѣло ревнивое подозрѣніе? невѣрный ледъ? Какъ думаете, чтòбы такое значило:

Мальчишки
Коньками звучно рѣжутъ ледъ?

Критикъ догадывается, однакожъ, что это значитъ: мальчишки бѣгаютъ по льду на конькахъ.

Вмѣсто:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
(Задумавъ плыть по лону водъ)
Ступаетъ бережно на ледъ

Критикъ читалъ:

На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый
Задумалъ плыть...

и справедливо замѣчалъ, что не далеко уплывешь на красныхъ лапкахъ.

***

Б. Федоровъ въ журналѣ, который началъ-было издавать, разбирая довольно благосклонно IV и V главы Онѣгина, замѣтилъ однакожъ мнѣ, что въ описаніи осени нѣсколько стиховъ сряду начинаются у меня частицею ужъ, чтò онъ назвалъ ужами, и что въ риторикѣ зовется единоначатіемъ. Осудилъ онъ также слово корова и выговорилъ мнѣ за то, что я барышень благородныхъ и, вѣроятно, чиновныхъ, назвалъ дѣвчонками (чтò конечно, неучтиво), между тѣмъ какъ простую деревенскую дѣвку назвалъ дѣвою:

Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва прядетъ.

***

Стихъ: «Два вѣка ссорить не хочу» критику показался неправильнымъ. Чтò гласитъ грамматика? Что дѣйствительный глаголъ съ отрицательною частицею требуетъ не винительнаго, а родительнаго падежа; напримѣръ: я не пишу стиховъ. Но въ моемъ стихѣ частица не относится къ глаголу «хочу», а не къ «ссорить». Ergo правило сюда нейдетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе: я не могу вамъ позволить начать писать стихи, а ужъ конечно не стиховъ. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цѣпь глаголовъ и отозваться въ существительномъ? Не думаю.

Кстати о грамматикѣ. Я пишу: цыганы, а не цыгане, татаре, а не татары. Почему? Потому что всѣ имена существительныя, кончающіяся на анинъ, янинъ, аринъ и яринъ, имѣютъ свой родительный во множественномъ на анъ, янъ, аръ и яръ; а именительный множественнаго на ане, яне, аре и яре. Всѣ-же существительныя, кончающіяся на анъ и янъ, аръ и яръ, имѣютъ во множественномъ именительный на аны, яны, ары и яры, а родительный на ановъ, яновъ, аровъ, яровъ.

Единственное исключеніе: имена собственныя. Потомки г-на Булгарина будутъ г-да Булгарины, а не Булгаре.

***

Нѣкоторыя стихотворческія вольности: послѣ отрицательной частицы *н* — винительный, а не родительный падежъ: временъ, вмѣсто времени (какъ напримѣръ, у Батюшкова:

> То древнюю Русь и нравы
> Владиміра временъ...).

приводили критика моего въ великое недоумѣніе; но болѣе всего раздражалъ его стихъ:

> Людскую молвь и конскій топъ.

«Такъ-ли изъясняемся мы, учившіеся по стариннымъ грамматикамъ? можно-ли такъ коверкать русскій языкъ?» Надъ этимъ стихомъ жестоко потомъ посмѣялись и въ «Вѣстникѣ Европы». Молвь (рѣчь) слово коренное русское. Топъ вмѣсто топотъ (слѣдственно, и хлопъ вмѣсто хлопаніе) вовсе не противно духу русскаго языка, какъ и шипъ вмѣсто шипѣніе:

> Онъ шипъ пустилъ по-змѣиному.
> (Древн. Русскія Стихотворенія).

На ту бѣду и стихъ-то весь не мой, а взятъ цѣликомъ изъ русской сказки:

> И вышелъ онъ за ворота градскія, и услышалъ конскій топъ и людскую молвь.
> Бова Королевичъ.

Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка: критики наши напрасно ими презираютъ.

***

Шестой пѣсни Онѣгина не разбирали, даже не замѣтили въ «Вѣстникѣ Европы» латинской опечатки. Кстати: съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ лицея, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ латинскій языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замѣчательныя книги тѣснятся одна за другой, а никто нынче по-латыни ихъ не пишетъ. Въ XIV столѣтіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ необходимъ и справедливо почитался первымъ признакомъ образованнаго человѣка.

***

Критику VII пѣсни въ «Сѣверной Пчелѣ» пробѣжалъ я въ гостяхъ и въ такую минуту, когда было мнѣ не до Онѣгина... Я замѣтилъ только очень хорошо написанные стихи и довольно смѣшную шутку объ жукѣ. У меня сказано:

> Былъ вечеръ. Небо мрачно. Воды
> Струились тихо. Жукъ жужжалъ.

Критикъ радовался появленію сего новаго лица и ожидалъ отъ него характера, выдержаннаго лучше прочихъ. Кажется, впрочемъ, ни одного дѣльнаго замѣчанія или мысли критической не было. Другихъ критиковъ я не читалъ, ибо, право, мнѣ было не до нихъ.

Эту критику «Сѣверной Пчелы» напрасно приписывали Булгарину: 1) стихи въ ней слишкомъ хороши; 2) проза слишкомъ слаба; 3) Булгаринъ не сказалъ-бы, что описаніе Москвы взято изъ «Ив. Выжигина», ибо Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія «Борисъ Годуновъ» взята изъ его романа.

Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ «Онѣгинѣ», которыя я не могъ, или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было-бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя.

Но виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ Донъ-Жуанѣ есть двѣ выпущенныя строфы!

***

Между прочими литературными обвиненіями, укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною «Евгенія Онѣгина» и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то-же милое обвиненіе издатели «Сѣверной Пчелы»? Цѣна установляется не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній, число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ-же лицъ, которыя платятъ по пяти рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, положимъ, цѣлое изданіе по рублю экземпляръ, все-таки продавали-бъ по пяти рублей. Правда, въ такомъ случаѣ авторъ могъ-бы приступить ко второму, дешевому изданію, но книгопродавецъ могъ-бы тогда самъ понизить свою цѣну и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстія автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что̀ выгоднѣе: напечатать 20,000 экземпляровъ книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire), не противорѣчитъ нами сказанному. Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много-ли ихъ?

У насъ довольно трудно самому автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станутъ ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя-бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагосклонно. Я-бы охотно имъ повѣрилъ, если-бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что̀ говорили они о прежнихъ главахъ моего романа. Послѣ неумѣренныхъ и незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали шесть частей одного и того-же сочиненія, странно было мнѣ читать неумѣренную брань и личности, которыми, такъ называемые, судіи наши встрѣтили седьмую.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣха, ибо нашъ вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, и науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, но поэзія остается на одномъ мѣстѣ. цѣль ея одна, средства тѣ-же. Поэтическое произведеніе можетъ быть слабо, неудачно, ошибочно—виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, а не вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны — и между тѣмъ какъ великіе представители старинной астрономіи, физики, медицины и философіи одинъ за другимъ старѣютъ и одинъ другому уступаютъ мѣсто, одна поэзія остается на своемъ неподвижно и никогда не теряетъ своей младости.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для публики, и что онъ надоѣлъ и ей, какъ журналистамъ.

Какъ-бы то ни было, рѣшусь искусить терпѣніе. Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина—послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати. Тѣ, которые стали-бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, нежели во всѣхъ предшествовавшихъ. Восьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной римскою цифрою, но побоялся критики; къ тому-же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны.

Мысль, что шутливую пародію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти, также удерживала меня. Но Child Harold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ-бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться.

*

Шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностью. Вотъ истинный анекдотъ: въ лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему лицею:

Ха, ха, ха, хи, хи, хи,
Дельвигъ пишетъ стихи.

Каково-же было намъ, Дельвигу и мнѣ, въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго «Вѣстника Европы» найти слѣдующую штуку: «Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ! Сего не довольно. Это «хи, хи» показалось видно столь затѣйливымъ, что его перепечатали съ большой похвалой въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Хи-хи, какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Европы, etc».

**

Молодой Кирѣевскій. въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ это изысканное выраженіе: «древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія». Выраженіе конечно смѣшное. Затѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та-же шутка каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы, а малое число любителей вѣритъ наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнѣніямъ здоровой критики и безпристрастію.

**

Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому-жъ это сочиненіе совсѣмъ оригинальное, а мы изъ того и бьемся.

Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду невидано, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдственно, любовь Маріи Кочубей къ старому гетману (NB. исторически доказанная) не могла существовать.

„Ну, что̀ жъ, что ты Честонъ? хоть знаю,
да не вѣрю“.

Этимъ я не могъ удовольствоваться: любовь есть самая своенравная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, Превращенія Овидіевы. Леду, Филиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона — и принужденъ былъ признаться, что всѣ эти вымыслы не чужды поэзіи, или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о сво-

ихъ странствіяхъ и битвахъ?... А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій?... Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовью — велика честь для дочери генеральнаго судьи быть наложницею гетмана!— Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка, вмѣсто старикъ—ради затѣйливости). Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особливо въ ту минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость-же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь-въ-точь какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа у меня слишкомъ злопамятенъ; что малороссійскій гетманъ—не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опровергнутая литературною критикой: хоть знаю, да не вѣрю.

Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытый, жестокій и постоянный. Дернуть поляка или казака за усы все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмельницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чаплицкаго (Чернѣцкаго), получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп. Конискаго).

Старый гетманъ, предвидя неудачи, наединѣ съ наперсникомъ, бранитъ въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любитъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?

Такъ понимали они драматическое искусство! Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора-бы намъ отвыкнуть.

Слова: усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора, показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Низкими словами я почитаю тѣ, которыя выражаютъ низкія понятія; но никогда не пожертвую искренностью и точностью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.

Въ «Вѣстникѣ Европы» замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ея Мазепой, чтобъ не напомнить о Байронѣ. Справедливо — но была тутъ и другая причина: эпиграфъ. Такъ и «Бахчисарайскій Фонтанъ» въ рукописи названъ былъ Харемомъ; но меланхолическій эпиграфъ, который конечно лучше всей поэмы, соблазнилъ меня.

Кстати о «Полтавѣ», критики упомянули однакожъ о Байроновомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его, или, справедливѣе, какъ не понимали! Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеровой исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина конечно поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Но не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одному изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если-жъ-бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то вѣроятно никто-бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета.

***

Прочитавъ (въ поэмѣ Рылѣева «Войнаровскій») въ первый разъ стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь...

я изумился, какъ могъ поэтъ пройти мимо столь страшнаго обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры— и немудрено, и невеликодушно. Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ не похвальною. Но въ описаніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно. Однакожъ какой отвратительный предметъ! Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня. «Полтаву» написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ-бы ею заниматься и бросилъ-бы все.

***

Китайскій анекдотъ. Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса громотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ея въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ мандаринамъ. Другой грамо-

тей (слѣдуютъ китайскія ругательства) или подслушалъ трагедію изъ прихожей, что, говорятъ, за нимъ важивалось, или тихонько взялъ рукопись изъ шкатулки мандарина (что въ старину также съ нимъ случалось) и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смирный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя, но грамотей-романистъ, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный пекинскій судъ, и проч. и проч.

* * *

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ пять грамматическихъ ошибокъ (и справедливо); я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь.

* * *

У насъ многіе (между прочимъ и Каченовскій, котораго, кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка) спрягаютъ: рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. Рѣшу спрягается, какъ грѣшу.

Иностранныя собственныя имена, кончающіяся на *е*, *и*, *о*, не склоняются. Кончающіяся на *а*, *ъ* и *ь* склоняются въ мужскомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга, сочиненная Гётемъ, и проч.

Какъ надобно писать: турковъ или турокъ? То и другое правильно. Турокъ и турка равно употребительны.

Многіе пишутъ: юпка, сватьба. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говоримъ юбочница, свадебный.

Двенадцать, а не двѣнадцать— сокращено изъ двое, какъ и три изъ трое.

Пишутъ тѣлега, телѣга. Не правильнѣе-ли телега (отъ слова телецъ: телега, запряженная волами)?

Разговорный языкъ простого народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ) достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московскій выговоръ чрезвычайно изнѣженъ и прихотливъ. Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ измѣнены. Мы даже говоримъ: женшины, послегъ (см. Богдановича).

Шпіоны подобны буквѣ *ъ*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться.

* * *

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: трогательный отъ слова touchant (см. справедливое о томъ разсужденіе Шишкова). Хладнокровіе—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть sens froid—хладномысліе, а не sang froid. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. Dans son assiette ordinaire. Assiette значитъ — положеніе, отъ слова asseoir, но мы перевели каламбуромъ—не въ своей тарелкѣ:

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ.

1830 г. (Горе отъ ума).

Замѣтки по поводу «Бориса Годунова».

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ «Бориса Годунова». Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобъ собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

. . . . . И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь—неудача «Бориса Годунова» будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о своемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія эта доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ я дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда.

* * *

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль оживить въ драматическихъ

формахъ одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ-ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то это происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава «Онѣгина» выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ-бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены.

*

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивянахъ.— А. Жандръ, въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезурку французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если онъ можетъ ихъ избѣжать; если-жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи—одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ эту несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore, но безо всякой дворянской спѣси. Изо всѣхъ моихъ подражавій Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее-же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если-бы... Принадлежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ странномъ безсмысліи или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого-бы я ни происходилъ, — отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ-бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хотя нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

*

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій *на высочайшемъ сознаніи*, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что̀ скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы; но напрасно было-бы ему бороться. Такимъ образомъ Лопе де-Вега и Расинъ уступали потоку. Но геній, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

***

Вѣроятно трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому-же главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux ésprits se rencontrent.

***

Мнѣніе митрополита Платона о Димитріи Самозванцѣ, будто-бы онъ воспитанъ у іезуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ и пр.

О ДРАМѢ.

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Что̀ нравится народу, что̀ поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмарки (вольность мистерій)

Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея положеніе?

(Корнель, поэтъ испанскій).

Сумароковъ, Озеровъ (Катенинъ).

Шекспиръ. Гёте. Вліяніе его на нынѣшній французскій театръ,—на насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное Вяземскимъ; они на словахъ согласились, признали романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Чтò развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная. Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неровность, небрежность, уродливость отдѣлки.

Чтò нужно драматическому писателю? Философія, безстрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимыя мысли. Свобода.

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такою ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что прекрасное есть подражаніе изящной природѣ, и что главное достоинство искусства—есть п о л ь з а. Почему-же статуи раскрашенныя нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Аполлонѣ Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искусства. Чтò, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыться и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ воображалъ свои настоящія чувствованія въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но можетъ-ли сей обманъ существовать въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будемъ полагать правдоподобіе въ строгомъ соблюденіи костюма, красокъ времени и мѣста, то и тутъ мы увидимъ, что величайшіе драматическіе писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римскіе ликторы сохраняютъ обычаи лондонскихъ алдерменовъ. У Кальдерона храбрый Коріоланъ вызываетъ противника на дуэль и бросаетъ ему перчатку. У Расина полускиѳъ Ипполитъ ее поднимаетъ и говоритъ языкомъ молодого благовоспитаннаго маркиза. Клитемнестру Корнеля сопровождаетъ швейцарская гвардія. Римляне Корнеля—если не испанскіе рыцари, то гасконскіе бароны. Со всѣмъ тѣмъ Кальдеронъ, Шекспиръ, Корнель и Расинъ стоятъ на высотѣ недосягаемой, а ихъ произведенія составляютъ вѣчный предметъ нашихъ изученій и восторговъ.

Какого-же правдоподобія требовать должны мы отъ драматическаго писателя? Для разрѣшенія этого вопроса, разсмотримъ сначала, что такое драма и какая ея цѣль.

Драма родилась на площади и составляла увеселеніе народное. Народъ, какъ дѣти, требуетъ занимательности дѣйствія—драма представляетъ ему необыкновенное истинное происшествіе; народъ требуетъ сильныхъ ощущеній (для него и казни—зрѣлище)—трагедія преимущественно выводитъ предъ нимъ тяжкія злодѣянія, страданія сверхъестественныя, даже физическія (напр. Филоктетъ, Эдипъ, Лиръ). Но привычка притупляетъ ощущенія; воображеніе привыкаетъ къ убійствамъ и казнямъ, смотритъ на нихъ уже равнодушно; изображеніе страстей и души человѣческой для него всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала завѣдывать страстями и душою человѣческой.

Смѣхъ, жалость и ужасъ суть три струны нашего воображенія, потрясаемыя волшебствомъ драмы; но смѣхъ скоро ослабѣваетъ, и на немъ одномъ невозможно основать полнаго драматическаго дѣйствія. Древніе трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладѣла ею исключительно и приняла форму драматическую, болѣе какъ пародію. Такимъ образомъ родилась комедія, современемъ столь усовершенствованная. Замѣтили, что высокая комедія не основана единственно на смѣхѣ, но на развитіи характеровъ, и что нерѣдко близко подходитъ къ трагедіи.

Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ чтò требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя.

Драма оставила площадь и перенеслась въ чертоги образованнаго, избраннаго общества. Между тѣмъ драма остается вѣрною первоначальному своему назначенію дѣйствовать на толпу, занимать ея любопытство. Но тутъ, чтò привлекаетъ вниманіе образованнаго, просвѣщеннаго зрителя, какъ не изображеніе великихъ, историческихъ происшествій. Отселѣ исторія перенеслась на театръ; народы и цари ихъ выведены передъ нами драматическимъ поэтомъ. Въ чертогахъ драма измѣнилась, голосъ ея понизился; она не имѣла уже нужды въ крикахъ. Она оставила маску преувеличенія, необходимую на площади, но излишнюю въ комнатѣ; она явилась проще, естественнѣе. Чувства, болѣе утонченныя, уже не требовали сильнаго потрясенія. Она перестала изображать отвратительныя страданія, отвыкла отъ ужасовъ, мало по малу сдѣлалась благопристройна и важна.

Отселѣ важная разница. Творецъ трагедіи народной былъ образованнѣе своихъ зрителей; онъ это зналъ и давалъ имъ свои свободныя произведенія съ увѣренностью въ своей возвышенности, и публика безпрекословно это признавала. При дворѣ, наоборотъ, поэтъ чувствовалъ себя ниже своей публики: зрители были образованнѣе его—по крайней мѣрѣ такъ думалъ и онъ, и они: онъ не предавался вольно и смѣло своимъ вымысламъ; онъ старался угадывать требованія утонченнаго вкуса людей, чуждыхъ ему по состоянію; онъ боялся унизить такое-то высокое званіе, оскорбить такихъ-то спѣсивыхъ своихъ патроновъ: отъ сего и робкая чопорность и отселѣ смѣшная надутость, вошедшая въ пословицу (un héros, un roi de comédie), и привычка влагать въ уста людямъ высшаго состоянія, съ какимъ-то подобострастіемъ, странный, не человѣческій образъ изъясненія. У Расина, напримѣръ, Неронъ не скажетъ просто: «je serai caché dans ce cabinet», но «caché près de ces lieux, je vous verrai, madame». Агамемнонъ будитъ своего наперсника, говоритъ ему съ напыщенностью: Oui, c'est Agamemnon, etc.

Мы къ этому привыкли, намъ кажется, что такъ и быть должно; но надобно признаться, что у Шекспира этого не замѣтно. И если иногда герои выражаются въ его трагедіяхъ какъ конюхи, то намъ это не странно, ибо мы чувствуемъ, что и знатные должны выражать простыя понятія,какъ простые люди. Драма оставила языкъ общенародный и приняла нарѣчіе модное, избранное, утонченное.

Не имѣю цѣлью и не смѣю опредѣлять выгоды и невыгоды той и другой трагедіи, развивать существенныя разницы системъ Расина и Шекспира. Спѣшу обозрѣть исторію драматическаго искусства въ Россіи.

Драма никогда не была у насъ потребностью народною. Мистеріи Д. Ростовскаго, трагедіи царевны Софьи Алексѣевны были представляемы при царскомъ дворѣ и въ палатахъ ближнихъ бояръ, и были необыкновеннымъ празднествомъ, а не постоянными увеселеніями. Первыя труппы, появившіяся въ Россіи, не привлекали народа, непонимавшаго драматизма и непривыкшаго къ его условіямъ. Явился Сумароковъ, несчастнѣйшій изъ подражателей. Трагедіи его, исполненныя противомыслія, писанныя варварскимъ изнѣженнымъ языкомъ, нравились двору Елизаветы, какъ новость, какъ подражаніе парижскимъ увеселеніямъ. Сіи вялыя, холодныя произведенія не могли имѣть никакого вліянія на народное пристрастіе. Озеровъ это чувствовалъ. Онъ попытался дать намъ трагедію народную и вообразилъ, что для сего довольно будетъ, если онъ выберетъ предметъ изъ народной исторіи, забывъ, что поэты Франціи брали всѣ предметы для своихъ трагедій изъ греческой, римской и европейской исторіи, и что самыя народныя трагедіи Шекспировы заимствованы имъ изъ итальянскихъ новеллъ.

Послѣ «Дмитрія Донского», послѣ «Пожарскаго» (произведенія незрѣлаго таланта), мы вовсе не имѣли трагедіи. «Андромаха» Катенина (можетъ быть, лучшее произведеніе нашей драмы по силѣ истинныхъ чувствъ, по духу истинно трагическому) не разбудила, однакожъ, нашу сцену, опустѣлую послѣ Семеновой.

Ермакъ идеализированный — лирическое произведеніе въ формѣ драмы. «Ермакъ» (трагедія Хомякова), лирическое произведеніе пылкаго юношескаго вдохновенія, не есть произведеніе драматическое. Въ немъ все чуждо нашимъ нравамъ и духу, все—даже самая очаровательная прелесть поэзіи.

Комедія была счастливѣе. Мы имѣемъ двѣ драматическія сатиры.

Отчего-же нѣтъ у насъ трагедіи? Не худо было-бы рѣшить: можетъ-ли она и быть? Мы видѣли, что народная трагедія родилась на площади, образовалась и потомъ уже была призвана въ аристократическое общество. У насъ было напротивъ. Мы захотѣли придворную сумароковскую трагедію низвести на площадь: но есть препятствія!

Трагедія наша, образованная по примѣру трагедіи Расина, можетъ-ли отказаться отъ аристократическихъ своихъ привычекъ, отъ своего разговора, размѣреннаго, важнаго и напыщенно благопристойнаго? Какъ ей перейти къ грубой откровенности народныхъ страстей, къ вольности сужденій площади? какъ ей вдругъ отстать отъ подобострастія? какъ ей обойтись безъ правилъ, къ которымъ она привыкла? гдѣ, у кого ей выучиться нарѣчію, понятному народу? какія суть страсти сего народа, какія струны его сердца, гдѣ найдетъ она себѣ созвучія—словомъ: гдѣ зрители, гдѣ публика?

Вмѣсто публики встрѣтитъ она тотъ-же малый, ограниченный кругъ и оскорбитъ надменныя его привычки (dédaigneux); вмѣсто созвучія, отголоска и рукоплесканій услышитъ она мелочную, привязчивую критику. Передъ нею востанутъ непреодолимыя преграды; для того, чтобъ она могла разставить свои подмостки, надобно было-бы перемѣнить обычаи, нравы и понятія...

Передъ нами однакожъ опытъ народной трагедіи («Мароа Посадница» Погодина).

РАЗБОРЪ ДРАМЫ «МАРѲА ПОСАДНИЦА».

Прежде чѣмъ станемъ судить, поблагодаримъ неизвѣстнаго автора за добросовѣстность его труда, поруку истиннаго таланта. Онъ написалъ свою трагедію не по разсчетамъ самолюбія, жаждущаго минутнаго успѣха, не въ

угожденіе общей массѣ читателей, не только не приготовленныхъ къ романтической драмѣ, но даже рѣшительно ей непріятствующихъ. Онъ написалъ трагедію вслѣдствіе сильнаго внутренняго убѣжденія, вполнѣ предавшись независимому вдохновенію, уединясь въ своемъ трудѣ. Безъ сего самоотверженія въ нынѣшнемъ состояніи нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойнаго вниманія.

Авторъ «Мароы Посадницы» имѣлъ цѣлью развитіе важнѣйшаго историческаго происшествія, паденія Новгорода, рѣшившаго вопросъ о единодержавіи Россіи; два великихъ лица предоставлены ему были исторіею. Первое—Іоаннъ, уже начертанный у Карамзина во всемъ его грозномъ величіи; второе—Новгородъ, коего черты надлежало угадать. Драматическій поэтъ, безпристрастный какъ судьба, долженъ былъ изобразить столько-же искренно отпоръ погибающей вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи. Онъ долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ трагедіи, но люди минувшихъ дней, умы ихъ, предразсудки. Не его дѣло оправдывать, обвинять, подсказывать рѣчи. Его дѣло воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ. Исполнилъ-ли эти первоначальныя необходимыя условія авторъ «Мароы Посадницы»? Отвѣчаемъ—исполнилъ, и если не вездѣ, то измѣнило ему не желаніе, не убѣжденіе, не совѣсть, но природа человѣка, всегда несовершенная—сколько глубокое добросовѣстное изслѣдованіе истины и живость воображенія юнаго, пламеннаго ему послужили.

Іоаннъ наполняетъ трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины. Въ первой сценѣ новгородцы узнаютъ о властолюбивыхъ его притязаніяхъ и о начатомъ походѣ. Негодованіе, ужасъ, разногласіе, смятеніе, произведенное симъ извѣстіемъ, даютъ уже понятіе о его могуществѣ. Онъ еще не появился, но ужъ тутъ: какъ Мароа, мы ужъ чувствуемъ его присутствіе. Поэтъ переноситъ насъ въ московскій станъ, среди недовольныхъ князей, среди бояръ и воеводъ. И тутъ мысль объ Іоаннѣ господствуетъ и правитъ всѣми мыслями, всѣми страстями. Здѣсь видимъ могущество его, владычество, укрощающее мятежныхъ удѣльныхъ князей, страхъ, наведенный на нихъ Іоанномъ, сильную вѣру въ его всемогущество. Князья свободно и ясно понимаютъ его дѣйствія, предвидятъ и объясняютъ высокіе замыслы. Послы новгородскіе ожидаютъ его; является Іоаннъ. Рѣчь его къ посламъ не умаляетъ понятія, которое поэтъ успѣлъ внушить. Холодная твердая рѣшимость, обвиненія сильныя, притворное великодушіе, хитрое изложеніе обидъ........ мы слышимъ точно Іоанна, мы узнаемъ мощный государственный его смыслъ, мы слышимъ духъ его вѣка. Новгородъ отвѣчаетъ ему въ лицѣ своихъ пословъ. Какая сцена, какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика русскаго вольнаго города! Іоаннъ не заботится о томъ, правы-ли они или нѣтъ; онъ предписываетъ свои послѣднія условія. Между тѣмъ, готовится къ рѣшительной битвѣ. Но не однимъ оружіемъ дѣйствуетъ осторожный Іоаннъ. Измѣна помогаетъ силѣ. Сцена между Іоанномъ и Борецкимъ кажется намъ невыдержанною. Поэту не хотѣлось совсѣмъ унизить новгородскаго предателя; отселѣ заносчивость его рѣчей и не драматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Іоанна. Скажутъ: онъ терпитъ, ибо ему нуженъ Борецкій; правда. Но передъ его лицомъ не смѣлъ-бы забыться Борецкій, и измѣнникъ не говорилъ-бы уже сильнымъ языкомъ Новгорода. За то съ какой полнотой, съ какимъ спокойствіемъ развиваетъ Іоаннъ государственныя свои мысли! и замѣтимъ его откровенность: вотъ лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Послѣдняя рѣчь Іоанна (россійскіе бояре) кажется намъ не въ духѣ властвованія Іоанна. Ему не нужно воспламенять ихъ усердія; онъ не станетъ объяснять причины своихъ дѣйствій. Довольно, если онъ скажетъ имъ: завтра битва, будьте готовы.

Мы разстаемся съ Іоанномъ, узнавъ его намѣреніе, его мысли, его могучую волю—и уже видимъ его опять, когда молча въѣзжаетъ онъ побѣдителемъ въ преданный ему Новгородъ. Его распоряженія, переданныя намъ исторіей, сохранены въ трагедіи безъ добавленій затѣйливыхъ, безъ объясненій. Мароа предрекаетъ ему семейственныя несчастія и погибель его рода.

Изображеніе Іоанна, согласно съ исторіей, почти вездѣ выдержано. Въ немъ трагикъ не ниже своего предмета. Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно, знаетъ коротко и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости, чопорности, безъ противосмыслія, безъ шарлатанства...

1830 г.

О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ.

Наши критики не согласились еще въ ясномъ различіи между родами классическимъ и романтическимъ. Сбивчивымъ понятіемъ о семъ предметѣ обязаны мы французскимъ журналистамъ, которые обыкновенно относятъ къ романтизму все, что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и германскаго идеологизма, или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ. Опредѣленіе самое неточное.

Стихотвореніе можетъ являть всѣ эти признаки, а между тѣмъ принадлежать къ роду классическому. Къ сему роду должны относиться тѣ стихотворенія, коихъ формы извѣстны были грекамъ и римлянамъ, или коихъ образцы они намъ оставили. Слѣдственно, сюда принадлежатъ: эпопея, поэма дидактическая, трагедія, комедія, ода, сатира, посланіе, ироида, эклога, элегія, эпиграмма и басня. Если-же вмѣсто формы стихотворенія будемъ брать за основаніе только духъ, въ которомъ оно написано, то никогда не выпутаемся изъ опредѣленій. Гимнъ Пиндара духомъ своимъ, конечно, отличается отъ оды Анакреона, сатира Ювенала отъ сатиры Горація, «Освобожденный Іерусалимъ» отъ «Энеиды»—всѣ они однакожъ принадлежатъ къ роду классическому. Какіе-же роды стихотвореній должно отнести къ поэзіи романтической? Тѣ, которые не были извѣстны древнимъ, и тѣ, въ коихъ прежнія формы измѣнились или замѣнены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзіи грековъ и римлянъ. Каждый образованный европеецъ долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности. Взглянемъ на происхожденіе и постепенное развитіе поэзіи новыхъ народовъ.

Западная Имперія клонилась къ паденію, а съ нею—науки, словесность и художества. Наконецъ она пала, просвѣщеніе погасло, невѣжество омрачило Европу. Едва спаслась латинская грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ; монахи соскобляли съ пергамента стихи Лукреція, Виргилія, и вмѣсто нихъ писали на немъ свои хроники и легенды.

Поэзія проснулась подъ небомъ полуденной Франціи; риѳма, новое украшеніе стиха, съ перваго взгляда столь мало значущее, отозвалась въ романскомъ языкѣ,—имѣла сильное вліяніе на словесность новѣйшихъ народовъ. Побѣжденная трудность всегда приноситъ намъ удовольствіе; любить соотвѣтственность (symmetria), размѣренность — свойственно уху человѣческому; ухо образовалось удареніемъ звуковъ. Трубадуры играли риѳмою, изобрѣтали для нея всевозможныя измѣненія стиховъ, придумывали самыя затруднительныя формы; явились тріолетъ, баллада, рондо, сонетъ и пр. Отъ сего произошла необходимая натяжка выраженія, какое-то жеманство, вовсе неизвѣстное древнимъ; мелочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться въ тріолетахъ. Мы находимъ несчастные сіи слѣды въ величайшихъ геніяхъ новѣйшихъ временъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться однѣми игрушками гармоніи. Воображеніе требуетъ картинъ и разсказовъ; трубадуры обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія, воспѣли любовь и войну, оживили народныя преданія, родились лэ, романъ и фабліо.

Темныя понятія о древней трагедіи и церковныя празднества подали поводъ къ сочиненію таинствъ (mystères). Почти всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе; но въ то время не было Аристотеля для установленія непреложныхъ законовъ мистической драматургіи.

Два обстоятельства имѣли рѣшительное дѣйствіе на духъ европейской поэзіи: нашествіе мавровъ и крестовые походы.

Мавры внушили ей изступленіе и нѣжность любви, приверженность къ чудесному, роскошное краснорѣчіе Востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушіе, новыя понятія о геройствѣ и вольность нравовъ походныхъ становъ Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзіи.

Отрасли романтической поэзіи пышно процвѣли въ Италіи и Испаніи. Италія присвоила себѣ эпопею; полу-африканская Испанія завладѣла трагедіей и романомъ; Англія противу именъ Данте, Аріоста, Кальдерона съ гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона, Шекспира; въ Германіи (что̀ довольно странно) отличилась новая сатира, ѣдкая, шутливая. Во Франціи тогда поэзія все еще младенчествовала. Лучшій стихотворецъ Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и почитался народнымъ поэтомъ. Наслѣдникъ его Маротъ, жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоэнсомъ, rima des triolets, fit fleurir la ballade. Проза имѣла уже сильный перевѣсъ: скептикъ Монтань, циникъ Рабле были современниками Тассу.

Въ Италіи и Испаніи народная поэзія уже существовала прежде появленія ея геніевъ. Они пошли по дорогѣ, уже проложенной. Были поэмы прежде Аріостова «Орландо», были трагедіи прежде созданій де-Веги и Кальдерона. Во Франціи просвѣщеніе застало поэзію въ ребячествѣ, безъ всякаго направленія, безъ всякой силы. Образованные умы вѣка Людовика XVI справедливо презрѣли ея ничтожность и обратились къ древнимъ образцамъ. Буало, человѣкъ, одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародовалъ свой коранъ, и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать однакожъ, что и во Франціи не остались никакіе памятники чистой романтической поэзіи: сказки Лафонтена и Вольтера и «Дѣва» сего послѣдняго носятъ на себѣ ея клеймо. Не говорю ужъ о многочисленныхъ подражаніяхъ, по большей части посредственныхъ: легче превзойти геніевъ въ забвеніи всѣхъ приличій, нежели въ поэтическомъ достоинствѣ.

Люди, одаренные талантами, будучи поражены ничтожностью французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древняго греческаго. Образовалась новая школа, коей мнѣнія, цѣль и усилія напоминаютъ школу нашихъ славяно-руссовъ, между коими также были люди съ дарованіями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбеллэ остались тщетными. Языкъ отказался отъ исправленія ему чуждаго и пошелъ опять своею дорогой. Наконецъ пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence.... etc.

Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Эти два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли—истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!

Какимъ чудомъ, посреди общаго паденія вкуса, вдругъ явилась толпа истинно великихъ писателей, покрывшихъ такимъ блескомъ конецъ XVII вѣка! Политическая-ли щедрость кардинала Ришелье, покровительство-ли Людовика XIV—причина такого феномена, или каждому народу предназначена судьбою эпоха, въ которой созвѣздіе геніевъ вдругъ является, блеститъ и исчезаетъ. Какъ бы то ни было, вслѣдъ за толпой бездарныхъ или несчастныхъ стихотворцевъ, заключающихъ періодъ старинной французской поэзіи, тотчасъ выступаютъ Корнель, Буало, Расинъ, Мольеръ и Лафонтенъ. И владычество ихъ надъ умами просвѣщеннаго міра гораздо легче можетъ объясниться, нежели ихъ неожиданное пришествіе!

Нѣкто у насъ сказалъ, что французская словесность родилась въ передней etc. Это слово было повторено и во французскихъ журналахъ и замѣчено, какъ жалкое мнѣніе (opinion déplorable). Это не мнѣніе, но истина историческая, буквально выраженная: Маротъ былъ камердинеромъ Франциска I-го (valet de chambre), Мольеръ—камердинеромъ Людовика XIV; Буало, Расинъ и Вольтеръ (особенно Вольтеръ), конечно, дошли до гостиной, но все-таки черезъ переднюю. Объ новѣйшихъ поэтахъ говорить нечего: они, конечно, на площади, съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ.

Вліяніе, которое французскіе писатели произвели на общество, должно приписать ихъ старанію приноравливаться къ господствующему вкусу, къ мнѣніямъ публики. Замѣчательно, что ни одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ поэтовъ не выѣзжалъ изъ Парижа. Вольтеръ, изгнанный изъ столицы тайнымъ указомъ Людовика XV, полу-шутливымъ, полуважнымъ тономъ совѣтуетъ писателямъ оставаться въ Парижѣ, если дорожатъ они покровительствомъ Аполлона и бога вкуса.

Ни одинъ изъ французскихъ поэтовъ не дерзнулъ быть самобытнымъ, ни одинъ, подобно Мильтону, не отрекся отъ современной славы.

Расинъ пересталъ писать, увидя неуспѣхъ своей «Гоѳоліи». Публика (о которой Шамфоръ спрашивалъ такъ забавно: сколько нужно глупцовъ, чтобы составить публику?) — невѣжественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по переднимъ вельможъ, они (писатели) обратились къ народу, лаская его любимыя мнѣнія или фиглярствуя независимостью и странностями, но съ одною цѣлію: выманить себѣ репутацію или деньги. Въ нихъ нѣтъ и не было безкорыстной любви къ искусству и къ изящному: жалкій народъ!

Не смотря на ея видимую ничтожность, Ришелье чувствовалъ важность литературы. Великій человѣкъ, унизившій во Франціи феодализмъ, захотѣлъ также связать и литературу. Писатели, классъ бѣдный и незнатный, были призваны ко двору и задарены, какъ и дворяне. Людовикъ XIV слѣдовалъ системѣ кардинала. Вскорѣ словесность сосредоточилась около его трона. Всѣ писатели получили придворную должность. Корнель, Расинъ тѣшили короля своими трагедіями; Буало воспѣвалъ его побѣды и назначалъ ему писателей, достойныхъ его вниманія; Боссюэтъ и Флешье проповѣдовали слово Божіе въ его придворной капеллѣ; камердинеръ Мольеръ при дворѣ смѣялся надъ придворными. Академія хвастливо первымъ правиломъ своего устава положила хвалу великаго короля. Были исключенія: бѣдный дворянинъ Лафонтенъ, не смотря на господствующую набожность, печаталъ въ Голландіи свои веселыя сказки о монахиняхъ, а сладкорѣчивый епископъ, въ книгѣ, наполненной смѣлою философіею, помѣщалъ язвительную сатиру на прославленное царствованіе; за то Лафонтенъ умеръ безъ пенсіи, а Фенелонъ—въ своей епархіи, отдаленный отъ двора за мистическую ересь. — Отселѣ вѣжливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тѣмъ самымъ понятная для всѣхъ дворовъ Европы, ибо высшее общество, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, составляетъ во всей Европѣ одно семейство.

Между тѣхъ духъ изслѣдованія и порицанія начиналъ проявляться во Франціи. Ничто не могло быть противоположнѣе поэзіи, какъ та

философія, которой XVIII вѣкъ далъ свое имя. Она была направлена противъ господствующей религіи, вѣчнаго источника поэзіи у всѣхъ народовъ, и любимымъ орудіемъ ея была иронія, холодная и осторожная, и насмѣшка, бѣшеная и площадная. Вольтеръ, великанъ сей эпохи, овладѣлъ и стихами, какъ важной отраслью умственной дѣятельности человѣка. Онъ написалъ Магомета съ намѣреніемъ очернить католицизмъ. Онъ шестьдесятъ лѣтъ наполнялъ театръ трагедіями, въ которыхъ, не заботясь ни о правдоподобіи характеровъ, ни о законности средствъ, заставилъ онъ свои лица, кстати и некстати, выражать правила своей философіи. Онъ наводнилъ Парижъ перелетными бездѣлками, въ которыхъ философія говорила общепонятнымъ и шутливымъ языкомъ, одною риѳмою и метромъ отличавшимся отъ прозы. И эта личность не владѣла верхомъ поэзіи; наконецъ, и онъ однажды, въ своей старости, становится истиннымъ поэтомъ, когда весь его разрушительный геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству, были принесены въ жертву демону смѣха и ироніи. Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Умы возвышенные слѣдуютъ за нимъ. Задумчивый Руссо провозгласилъ себя его ученикомъ; пылкій Дидро—самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія, въ лицѣ Юма и Гиббона, привѣтствуетъ его. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку; Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа ѣдетъ въ Ферней на поклонъ. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуя Новый Свѣтъ словами, дотолѣ неслыханными.

Общество созрѣло для великаго разрушенія. Все еще спокойно, но уже голосъ молодого Мирабо, подобно отдаленной бурѣ, глухо гремитъ изъ глубины темницъ, по которымъ онъ скитается.

Смерть Вольтера не останавливаетъ потока. Бомарше влечетъ на сцену и терзаетъ все, что еще почитается неприкосновеннымъ. Министры Людовика XVI нисходятъ въ арену спорить съ писателями. Старая академія, созданная Людовикомъ XIV, хохочетъ и рукоплещетъ. Слѣды великаго вѣка (какъ называли французы вѣкъ Людовика XIV) исчезаютъ. Древность осмѣяна, обругана; поэзія истощается, превращается въ мелочныя игрушки остроумія; романъ дѣлается скучною проповѣдью или галлереею соблазнительныхъ картинъ...

Европа, оглушенная, очарованная славою французскихъ писателей, преклоняетъ къ нимъ подобострастное вниманіе. Германскіе профессора съ высоты каѳедры провозглашаютъ правила французской критики. Англія слѣдуетъ за Франціей на поприщѣ философіи, поэзія въ отечествѣ Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, какъ и во Франціи; Ричардсонъ, Фильдингъ и Стернъ поддерживаютъ славу прозаическихъ сочиненій; Италія отрекается отъ Данта; Метастазіо подражаетъ Расину.

Обратимся къ Россіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы. Ея широкія равнины поглотили безчисленныя толпы монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего Востока. Христіанское просвѣщеніе было спасено истерзанной и издыхающей Россіей, а не Польшей, какъ еще недавно утверждали европейскіе журналы; но Европа, въ отношеніи Россіи, всегда была столь-же невѣжественна, какъ и неблагодарна.

Духовенство, пощаженное удивительной смѣтливостью татаръ, одно, въ теченіе двухъ мрачныхъ столѣтій, питало искры блѣдной византійской образованности. Въ безмолвіи келій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи; архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха Возрожденія не имѣла на него никакого вліянія, рыцарство не одушевляло его дѣвственными восторгами, и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера. Нашествіе татаръ не было, подобно наводненію мавровъ, плодотворнымъ: татары не принесли намъ ни алгебры, ни поэзіи. Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности.

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

Боярство домогалось аристократіи. Два великана—Іоаннъ III и Іоаннъ IV. Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татарское, и уже ей были нужны всѣ возрождающіяся ея силы, дабы противоборствовать Польшѣ. Царская власть ополчилась на боярство; вожди сихъ различныхъ усилій, цари и бояре, согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой; отселѣ сношенія Ивана Васильевича съ Англіей, переписка Годунова (съ Даніей), условія, подписанныя польскимъ

королевичемъ аристократіи XVII столѣтія, посольства Алексѣя Михайловича (во Францію, къ Людовику XIV). Наконецъ—крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра.

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ. Предпринятыя Петромъ войны были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы, и европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы.

Петръ Великій не успѣлъ довершить начатое имъ. Онъ умеръ въ полную пору мужества, во всей силѣ творческой своей дѣятельности, еще только въ полъ-ножны вложивъ побѣдительный свой мечъ. Онъ умеръ, но движеніе, переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ государства. Даже мѣры революціонныя, предпринятыя имъ по необходимости въ минуту (борьбы) и которыя потомъ не успѣлъ онъ отмѣнить, надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство, даруемое порядкомъ службы, мимо верховной власти; преимущества, данныя чиновникамъ (замѣчательный неуспѣхъ).

Петръ Великій бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но проницательный. Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, наказалъ Татищева за его легкомысліе, угадалъ въ бѣдномъ школьникѣ вѣчнаго труженика—Тредьяковскаго. Сынъ молдавскаго господаря воспитывался въ его походахъ, а сынъ холмогорскаго рыбака, убѣжавъ отъ береговъ Бѣлаго моря, стучался у воротъ Заиконоспасскаго училища.

Въ началѣ 18 столѣтія французская литература обладала Европою. Она должна была имѣть на Россію долгое, рѣшительное вліяніе. И такъ, прежде всего, надлежитъ намъ ее изслѣдовать.

III. Просвѣщеніе Россіи.

Крутой переворотъ, произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, ниспровергнулъ все старое, и европейское вліяніе разлилось по всей Россіи. Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія—наши войска. Лейбницъ начерталъ планъ гражданскихъ учрежденій.

-

Но сѣмена просвѣщенія были посѣяны. Петръ I былъ нетерпѣливъ: ставъ главою новыхъ идей, онъ, можетъ быть, далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ государства.

Въ общемъ презрѣніи ко всему народному включена и народная поэзія, столь живо проявившаяся въ грустныхъ народныхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

Новая словесность—отголосокъ новообразованнаго общества. Сынъ молдавскаго господаря, юноша, обрусѣвшій въ походахъ Петровыхъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи Горація и писалъ сатиры по образцу, данному придворнымъ поэтомъ Людовика XIV, между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германскимъ университетамъ, вслушивался въ уроки Готшеда и передавалъ звучному русскому языку отголоски нѣмецкой поэзіи.

Наслѣдники Великаго пошли суевѣрно по его слѣдамъ. Но интриги Меншикова, пронырство Долгорукихъ, тайный заговоръ стариннаго боярства, наконецъ притѣсненнаго мощною рукою Бирона, слишкомъ занимали русское дворянство. Наконецъ, воцарилась Елизавета. При ней рождается русская словесность.

Но, приступая къ описанію словесности русской, мы должны будемъ изслѣдовать и ту словесность иноземную, которая имѣла на нее долгое, рѣшительное вліяніе.

- -

Приступая къ изученію нашей словесности, мы хотѣли-бы обратиться назадъ и взглянуть съ любопытствомъ и благоговѣніемъ на ея старинные памятники, сравнить ихъ съ этою бездной поэмъ, романсовъ ироическихъ, и любовныхъ, и простодушныхъ, и сатирическихъ, коими наводнены европейскія литературы среднихъ вѣковъ. Въ сихъ первоначальныхъ играхъ творческаго духа намъ пріятно было-бы наблюдать исторію нашего народа, сравнить вліяніе завоеванія скандинавскаго съ завоеваніемъ мавровъ. Мы-бы увидѣли разницу между простодушною сатирою французскаго трувѐра и лукавой насмѣшливостью скомороха, между площадной, полудуховной мистеріей и затѣями нашей старой комедіи. Но, къ сожалѣнію, старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и на ней возвышается единственный памятникъ: «Пѣснь о Полку Игоревѣ».

Кантемиръ. Ломоносовъ. Тредьяковскій. Вліяніе Кантемира уничтожается Ломоносовымъ. Вліяніе Тредьяковскаго уничтожается его бездарностью. Постоянное бореніе Тредьяковскаго. Онъ побѣжденъ. Сумароковъ. Екатерина (Вольтеръ). Фонвизинъ, Державинъ.

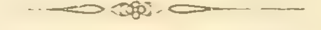
Начало русской словесности; Кантемиръ въ Парижѣ обдумываетъ свои сатиры, переводитъ Горація, умираетъ 28-ми лѣтъ. Ломоносовъ, плѣненный гармоніею риѳмы, пишетъ въ первой своей молодости оду, исполненную живости etc., и обращается къ точнымъ наукамъ, dégoûté славою Сумарокова. Сумароковъ въ сіе время. Тредьяковскій—одинъ, понимающій свое дѣло...

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя

въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ, овладѣваютъ русскою словесностью...

ПРИМѢЧАНІЕ

Эта черновая статья-программа должна была, по первоначальному плану Пушкина, составлять часть главы о Ломоносовѣ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ". Пушкинъ не разъ возвращался къ плану этой статьи, которая, видимо, очень его занимала.



МЕЛОЧИ.

Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто-же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются стихами, русскій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками, но ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы котораго давно уже извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ, что нѣкоторыя оды Державина, несмотря на неправильность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ «Душенькѣ» Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того-же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для русскаго языка то-же самое, что Петрарка для итальянцевъ, что Жуковскаго перевели-бы на всѣ языки, если-бы онъ самъ менѣе переводилъ...

***

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное. великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, комедія, сатира—всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И плана не можетъ быть въ одѣ! Единый планъ Дантова «Ада» есть уже плодъ высокаго генія! Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ «Водопадѣ», лучшемъ произведеніи Державина?

***

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, объясняясь по-русски, употребляютъ русскія выраженія.

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ—Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника, и проч. Все это однакожъ носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежа-

щихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается въ поэзіи.

* *

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

*

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ, въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не походятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théatral, même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.

* *

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать французскому языку формы греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

*

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ[1]. Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

*

ЗАМѢЧАНІЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА.

1) Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно, засталъ-ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство политическое можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа, родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, говоритъ Тацитъ, Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно, Ливія, но и Тиберій не пощадилъ-бы его.

2) Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ насмѣшливой скромностью. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто-бы негодовалъ на оную. Вначалѣ-же, рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запуганнымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату.

3) Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно-ли въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи изъ единой-ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиразшейся тогда отъ—до—?

4) Тиберій не могъ быть доволенъ Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ подавленіи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ время службы, допускаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столь явныхъ ошибокъ. Тиберій въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ онъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Счастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много благоразумія: не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворилъ порядокъ.

5) Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «онъ острѣе» Это показалось, говоритъ Тацитъ, „слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ.

Самоубійство было обыкновенно въ древности. Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться; Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди, и мать ее не останавливаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ послѣдовать за нимъ и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

6) Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія, умираетъ въ изгнаніи и въ нищетѣ, но не отъ нищенства и голода, какъ пишетъ Тацитъ. Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

7) Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ.

Сквозь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Гонорія, который подвергается опасности быть убиту воинами. Они спасены просьбами Августа и Ливіи.

Тиберій не допускалъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. — Не изъ зависти, какъ думаетъ Тацитъ, онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію сената, число преторовъ, установленное Августомъ.

8) Первое дѣйствіе Тиверіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ, слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ сенатъ).

9) Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что «человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни». Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

10) Съ таковыми сужденіями неудивительно, что Тацитъ, бичъ тирановъ, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ, готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю...

Тацитъ говоритъ о Тиберіи, что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

* * *

Ни одно изъ произведеній лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма «Корсаръ», не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: Гяуру—въ пламенномъ изображеніи страстей, Осадѣ Коринеа, Шильонскому Узнику—въ трогательномъ развитіи сердца человѣческаго, Паризинѣ—въ трагической силѣ, Чайльдъ-Гарольду—въ глубокомысліи и высотѣ паренія, и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи—Донъ-Жуану. «Корсаръ» неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ это намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя въ Чайльдъ-Гарольдѣ. Какъ-бы то ни было, поэтъ никогда не объяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію.

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколькихъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что-же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы «Корсаръ» выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона надутой и уродливой прозой, достойной нашихъ несчастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновой поэмѣ его поразило? Неужели планъ? O migatores! (здѣсь подразумѣвается «Корсаръ», драма Олина).

Англійскіе критики оспаривали у лорда Байрона драматическій талантъ; они, кажется, правы. Байронъ, столь оригинальный въ Чайльдъ-Гарольдѣ, въ Гяурѣ и въ Донъ-Жуанѣ, дѣлается подражателемъ, какъ скоро вступаетъ на поприще драмы. Въ Манфредѣ онъ подражалъ Фаусту, замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію, благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ, кажется, образцомъ Байрону былъ Альфіери. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сцены и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чайльдъ-Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой); все, кромѣ ...etc, отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Когда-же онъ сталъ составлять свою трагедію, то каждому дѣйствующему лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіи времени снова принялся за Фауста, подражая ему въ своемъ «Превращенномъ Уродѣ» (думая тѣмъ исправить le chef-d'oeuvre).

* * *

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джульета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и

широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джульеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій Шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изо всей трагедія. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

*

Умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ-бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли почитать женщинъ, которыя такъ часто удивляютъ насъ быстротою понятія, тонкостью чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими со славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ женщины вообще болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ за европейскимъ ходомъ вещей, нежели мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

Браните мужчинъ вообще, разбирайте всѣ ихъ пороки, — ни одинъ не вздумаетъ заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекраснаго пола, — всѣ женщины возстанутъ на васъ единодушно, — онѣ составляютъ одинъ народъ, одну секту.

*

Іезуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макіавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій Il Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макіавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ-Гарольда. Нѣсколько разъ Байронъ пытался бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи — и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

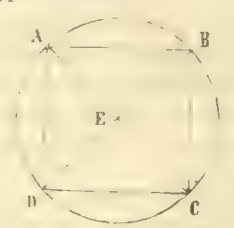
Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической. Онъ говаривалъ: «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе».

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ довѣрчивъ. Вольтеръ это понялъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ:

Je ne suis point jaloux..
Si je l'étais jamais!..

*

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:



AD [1], EABDC [2], ABECD [3], ABD+ + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому-же образцу.

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другого». N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другого то, что можешь сдѣлать для себя».

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, незнаніе приличій и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и пріобрѣтать навыкъ къ суетной образованности, подобно праздному жителю большого свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогу добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

Будемъ справедливы: Полевого нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатными: напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой).

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тотъ-же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дю-

мениля или исторіей Полевого, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

Divide et impera—есть правило государственное, не только макіавелическое (принимаю это слово въ общенародномъ значеніи).

* * *

Повторенное острое слово становится глупостью. Какъ можно переводить эпиграммы—разумѣю не антологическія, въ которыхъ развертывается поэтическая прелесть, — но ту, которую Буало опредѣляетъ: Un bon mot de peux rimes orné.

* * *

Д. говаривалъ, что самая полная сатира на нѣкоторыя литературныя общества былъ-бы списокъ членовъ съ обозначеніемъ того, что̀ кѣмъ написано.

* * *

Одна изъ причинъ жадности, съ которой мы читаемъ записки великихъ людей—наше самолюбіе; мы рады, ежели сходствуемъ съ замѣчательнымъ человѣкомъ чѣмъ-бы то ни было,—мнѣніемъ, привычками, даже слабостями и пороками; вѣроятно, большее сходство имѣли-бы мы съ мнѣніями, привычками и слабостями людей, вовсе ничтожныхъ, если-бы они оставляли намъ свои признанія.

* * *

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

* * *

Проза кн. Вяземскаго чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкою способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что̀ довольно рѣдко... ибо должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: уважайте глупцовъ.

* * *

К. находитъ какое-то сочиненіе глупымъ.—Чѣмъ вы это докажете?—Помилуйте, простодушно увѣряетъ онъ, да я могъ-бы такъ написать.

* * *

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

* * *

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

* * *

Однообразность въ писателѣ доказываетъ одностороннность ума, хотя, можетъ быть, и глубокомысленнаго.

* * *

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая-же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ-же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностью самой раздражительною, едва-ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

* * *

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы объясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ.

* * *

Чѣмъ болѣе мы холодны, разсчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ не смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако, есть люди, которые любятъ себя съ такой нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

* * *

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

*

Примѣры невѣжливости.—Въ нѣкоторомъ азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспариваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостью, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я—человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ-ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное реченіе: женщина—не человѣкъ, курица—не птица, прапорщикъ—не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

*

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопре-

восходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку, что она до сихъ поръ у меня болитъ».—Какъ-же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ: у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую?—«Ахъ, ваше высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что онъ однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго піиты Василья Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій статсъ-секретарь наказалъ тростью оплошнаго стихотворца.

* * *

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужъ прозы не найдется. Байронъ не могъ объяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая—отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

*

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ», сказалъ Паскаль—и вслѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

*

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значитъ? Можно-ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаніемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

* *

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще неизданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неигранной и не напечатанной. Забавная словесность!

* * *

Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral!

* * *

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи

* *

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point l'honneur), очень ошибаются. Эта честь, состоящая въ готовности пожертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спесивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могучій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствовавшій Годуновъ.

* * *

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило—говоритъ Карамзинъ—ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное происхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія... Можетъ-ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ этотъ, утвержденный демократическою завистью нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть-ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

* * *

Сказано: les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. Но какой-же народъ ввѣритъ права своимъ тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

* * *

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ-бы собственными глазами. Однакожъ, въ «Донъ-Жуанѣ» описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противъ мѣстности. Напримѣръ, онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила: Донъ-Жуанъ отправляется въ Петербургъ въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!..» Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя.—Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ сво-

ихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

***

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный лордъ Мидасъ (М. С. Воронцовъ),
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ:
Имѣлъ онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ и проч.

***

Coquette, prude. Слово «кокетка» обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести (женской)—недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться; но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, прюдство или смѣшно, или несносно. Prude мужескаго рода не имѣетъ; но есть мужья prudes въ отношеніи своихъ женъ.—животныя самыя глупыя и скучныя.

***

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени князя Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому что любятъ ботвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

***

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

***

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа: Монтань, Монтескье, Вольтеръ доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анджело, ни о Рафаэлѣ; Монтескье смѣется надъ Гомеромъ; Вольтеръ, кромѣ Расина и Горація, кажется, не понялъ ни одного поэта... Если обратимъ вниманіе на критическіе результаты, обращающіеся въ народѣ и принятые за литературныя аксіомы, то мы изумимся ихъ бѣдности...

Ламартинъ скучнѣй Юма и не имѣетъ его глубины. Не знаю, признались-ли они въ тощемъ однообразіи, въ вялой безцвѣтности своего Ламартина, но—тому лѣтъ 10—его ставили наравнѣ съ Байрономъ и Шекспиромъ.

***

Между тѣмъ какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія, подъ заслуженнымъ названіемъ Harmonies religieuses; между, тѣмъ какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія (les Orientales); между тѣмъ какъ добрый скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсенъ и произвелъ недоразумѣніе... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлью объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что вѣроятно семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно-бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и испанскія сказки Мюссе отличаются живостью необыкновенной. Изъ нихъ Portia, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства; сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это—прелесть. Драматическій очеркъ: «Les marons de feu» обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти «Mardoche» Musset, первый изъ французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горація: difficile est proprie communia

dicere, какъ понялъ ихъ англійскій поэтъ въ эпиграфѣ въ «Донъ-Жуану», то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. Communia значитъ не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. (Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ).

Желѣзная маска.

Вольтеръ въ своемъ «Siècle de Louis XIV» (въ 1760) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ: «Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини — пишетъ онъ — случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не снимая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если-бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію, пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ его въ Бастилію, все такъ-же маскированнаго. Передъ тѣмъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія. Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева. Онъ игралъ на гитарѣ. Столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лекарь, часто его лечившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лекаря, онъ былъ прекрасно сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ; онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

«Неизвѣстный умеръ въ 1703 году и былъ похороненъ ночью, въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Этотъ изумился. «Читалъ-ли ты, что тутъ написано, спросилъ онъ у рыбака: и видѣлъ-ли кто у тебя эту тарелку?»—Я не умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ: я сейчасъ ее нашелъ; никто ея не видалъ.—Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: «ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...» Де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его, маршалъ де-ла-Фельядъ, сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣняхъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ея не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе».

Эти строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали розыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали, что Желѣзная Маска былъ графъ de Vermandois, осужденный на вѣчное заключеніе, будто-бы за пощечину, имъ данную дофину (Людовику XIV). Другіе видѣли въ немъ герцога де-Бофоръ, сего феодальнаго демагога, мятежнаго любимца черни парижской, пропавшаго безъ вѣсти во время осады Кандіи въ 16..; третьи утверждали, что онъ былъ не кто иной, какъ герцогъ Монмуфъ, и проч., и проч. Самъ Вольтеръ, опровергнувъ всѣ эти мнѣнія съ ясностью критики, ему свойственной, романически думалъ или выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

---

1. «Моск. Телеграфомъ», дѣлившимъ такъ Европу, и относившимъ къ классической — народы латинскаго юга, а къ романической — германскія племена.

КОНЕЦЪ.

А. Бенкендорфъ.

А. Бестужевъ.

А. Воейковъ.

Кн. П Вяземскій.

Н. Гнѣдичъ.

Н. Гоголь.

Н. Гречъ.

Д. Давыдовъ.

Дантесъ.

А. Дельвигъ.

И. Дмитріевъ.

В. Жуковскій.

М. Загоскинъ.

В. Кюхельбекеръ.

И. Лажечниковъ.

П. Нащокинъ

Кн. В. Одоевскій.

П. Плетневъ

М. Погодинъ.

Н. Полевой.

Л. Пушкинъ.

К. Рылѣевъ.

П. Чаадаевъ

Н. Языковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

1816.

Князю П. А. Вяземскому. *Цар. Село, 27 марта.* — Князь Петръ Андреевичъ!—Признаюсь, что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть, ужъ не пеняйте, если письмо мое заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты: зачѣмъ дразнить было несчастнаго царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеный демонъ бумагомаранія? Съ моей стороны прямо объявляю вамъ, что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣстъ хромой софійскій почтальонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ. Подумайте хорошенько объ этомъ; дѣлайте, что вамъ угодно, но я уже рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда лицей (или ликей, только, ради Бога, не л и ц е я) не казался мнѣ такъ несноснымъ, какъ въ нынѣшнее время. Увѣряю васъ, что уединеніе въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину.

Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньѣ,
Кто видитъ только въ отдаленьѣ
Пустыню, садикъ, сельскій домъ,
Холмы съ безмолвными лѣсами,
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ
И надъ славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами;
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижины не покидаетъ...
И не во снѣ, а наяву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда, время нашего выпуска приближается, остался годъ еще. Но цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще думать передъ каѳедрой!.. Это ужасно. Право, съ радостью согласился-бы я двѣнадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже съ присовокупленіемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій (Министръ Нар. Просвѣщенія) сократилъ время моего заточенія. Безбожно молодого человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова (въ занятіяхъ „Арзамасскаго“ общества). Но дѣлать нечего!

Не всѣмъ быть можно въ равной долѣ,
И жребій съ жребіемъ не схожъ.

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные); часто читаю стихотворенія, которыя ихъ не лучше; недавно говѣлъ и исповѣдывался—все это вовсе не забавно. Любезный арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями, и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то, по крайней мѣрѣ, искреннюю благодарность всего лицея.

Простите, князь,—гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ на Ш. (кн. Шаликова, кн. Шаховского и кн. Ширинскаго-Шихматова). Обнимите Батюшкова за того больного, у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича. Не знаю, успѣю ли написать Василію Львовичу. На всякій случай обнимите и его за вѣтренаго племянника. Valeas.—*А. Пушкинъ.*

Ломоносовъ (лицейскій товарищъ Пушкина) вамъ кланяется.

1817.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Спб. 1 сентября.* — Любезный князь! — Если увидите вы Ломоносова, то напомните ему письмо, которое долженъ былъ онъ мнѣ вручить и которое потерялъ онъ у Луи, между тѣмъ какъ я скучалъ въ псковскомъ моемъ уединеніи (Село Михайловское). Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ и желалъ-бы какъ можно скорѣе его оставить для Москвы, то есть для Вяземскаго. Не знаю, сбудется-ли мое желаніе. Покамѣстъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ новыхъ стиховъ и прошу у тебя твоего благословенія. *П.*

1819.

А. И. Тургеневу. — *Михайловское, 9 іюля.* — Очень мнѣ жаль, что я не простился ни съ вами, ни съ обоими Мирабо. Вотъ вамъ на память посланіе Орлову. Примите его въ вашъ отеческій карманъ; напечатайте въ собственной

типографіи и подарите одинъ экземпляръ „пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину". Кстати о Беллонѣ: когда вы увидите бѣлглазаго Кавелина (директоръ спб. университета), поговорите ему, хоть ради вашего Христа, за Соболевскаго, воспитанника университетскаго пансіона. Кавелинъ притѣсняетъ его за какія-то теологическія мнѣнія, и достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка вытѣсняетъ изъ пансіона, оставляя его въ нижнемъ классѣ, не смотря на успѣхи и великія способности. Вы были покровителемъ Соболевскаго; вспомните объ немъ и, какъ кардиналъ-племянникъ, зажмите ротъ доктору теологіи Кавелину, который добивается попасть въ инквизиторы. Препоручаю себя вашимъ молитвамъ и прошу камергера Don Basile забыть меня по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. *-Пушкинъ.*

П. Б. Мансурову.—*27 октября.* Насилу упросилъ я Всеволожскаго, чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-черкесъ! Здоровъ-ли ты, моя радость? веселъ-ли ты, моя прелесть? — помнишь-ли ты насъ, друзей твоихъ (мужескаго пола)? — мы не забыли тебя и въ 7 часовъ съ ½ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? Завидуетъ намъ и плачетъ о Крыловой (актриса). Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты (Всеволожскаго); по прежнему подымаются на нее телескопы, но увы... ты не видишь ее, она не видитъ тебя. — Оставимъ элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; шампанское, слава Богу, здорово—актрисы также .. такъ и должно... Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ, а я въ нихъ не влюбленъ — однакожъ его вызывалъ за его дурную комедію («Пустодомы»), а ее—за посредственную игру. — Tolstoy боленъ... Зеленая Лампа (общество великосвѣтскихъ кутилъ) нагорѣла — кажется гаснетъ, а жаль — масло есть (т. е. шампанское нашего друга); пишешь-ли ты, мой собратъ? напишешь-ли мнѣ, мой холосенькій? поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ; это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ. Прощай, лапочка.—*Пушкинъ.*

1820.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Спб., мартъ - апрѣль.* —Я читалъ моему преображенскому пріятелю (Катенину) нѣсколько строкъ, тобою мнѣ написанныхъ въ письмѣ къ Тургеневу, и поздравилъ его съ счастливымъ испражненіемъ Пировъ Гомеровыхъ. Желательно, чтобъ дѣло на этомъ остановилось. Онъ, кажется, боится твоей сатирической палицы. Твои первые четыре стиха насчетъ его въ посланіи къ Дмитріеву прекрасны. Остальныя, нужныя для поясненія личности, слабы и холодны, и—дружба въ сторону— Катенинъ стоитъ чего-нибудь получше и позлѣе. Онъ опоздалъ родиться, и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18-му столѣтію. Въ немъ та-же авторская спѣсь, тѣ-же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, то теперь этимъ не удивишь. Что ни говори, вѣкъ нашъ—не вѣкъ поэтовъ. Жалѣть, кажется, нечего, а все таки жаль. Кругъ поэтовъ дѣлается часъ отъ часу тѣснѣе. Скоро мы будемъ принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи другъ другу на ухо. И то хорошо. Покамѣстъ присылай намъ своихъ стиховъ; они плѣнительны и оживительны: «Первый Снѣгъ» прелесть. «Уныніе» прелестнѣе. Читалъ-ли ты послѣднее произведеніе Жуковскаго, въ Бозѣ почивающаго? Слышалъ ты его „Голосъ съ того свѣта" и что ты объ немъ думаешь? Петербургъ душенъ для поэта. Я жажду краевъ чужихъ; авось полуденный воздухъ оживитъ мою душу. Поэму свою (Русланъ и Людмила) я кончилъ, и только послѣдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе. Ты прочтешь отрывки въ журналахъ, а получишь ее уже напечатанную. Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя. Письмо мое скучно потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался историческимъ лицомъ для сплетницъ С.-Пет., я глупѣю и старѣю не недѣлями, а часами. Прости; отвѣчай мнѣ, пожалуйста. Я очень радъ, что придрался къ перепискѣ. *Пушкинъ*

Н. И. Гнѣдичу.—*Спб. май.* — Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно — и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію — тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. *Пушкинъ.*

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, 24-го сентября.*— Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославъ, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенію. Генералъ Раевскій, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лекаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его (ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги, для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ кавказскимъ водамъ; лекарь, который съ нимъ ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на счастливый путь — я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылечился. Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ: воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои — излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ

насъ съ персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ— и, можетъ быть, сбудется для насъ химерическій планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смирны, но нельзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большого выкупа, они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого-нибудь чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія о черноморскихъ и донскихъ казакахъ — теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Тамани, древняго Тмутаракановскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ К е р ч ь. Здѣсь вижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь вижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я — на ближайшей горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубо высѣченныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ-ли это, древнее-ли основаніе башни — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на з о л о т о м ъ х о л м ѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнявшійся съ землею - вотъ все, что осталось отъ города П а н т и к а п е и. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій, но ему недостаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керчи пріѣхали мы къ К е ф у, остановились у Б р о н е в с к а г о, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и, подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, странѣ важной и запущенной. Отсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Ю р з у ф ъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію (Погасло дневное свѣтило), которую тебѣ присылаю; отошли ее Г р е ч у, безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія: онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, счастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посреди семейства почтеннаго Р а е в с к а г о. Я не видѣлъ въ немъ героя, славу русскаго войска — я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душею; снисходительнаго, попечительнаго друга; всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нежели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ-ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы, сады, море... другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь-ли ты со мной? Скоро-ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ-бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ея милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло О р л о в ъ съ восторгомъ повторяетъ... р у с с к и м ъ б е з в ѣ с т н у ю... я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все-ли еще они въ деревнѣ? Мнѣ деньги нужны-нужны! Прости. Обними-же за меня Кюхельбекера и Дельвига.—Видишь-ли ты иногда молодого М о л ч а н о в а? Пиши мнѣ обо всей братьѣ.—*Пушкинъ.*

Н. И. Гнѣдичу. — *Каменка, 4 декабря.* — Вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ я веду странническую жизнь, почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго. Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ петербургскихъ. Поэму мою (Русланъ и Людмила), напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическимъ покровительствомъ, я не получилъ, но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые нумера Сына доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи, который читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ, и вдохновенныя строфы: „Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ" и пр.; онѣ оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. (Воейковъ), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: к р а с н ѣ й, несчастный! (что, между прочимъ, очень неучтиво) говоритъ, что х а р а к т е р ы моей поэмы писаны м р а ч н ы м и красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою к и с т ь ю О р л о в с к а г о, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста—критика его для меня у ж а с н о к а к ъ т я ж к а. Допросчикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ. Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою; кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ моею смертію. По-

камѣстъ у меня еще поэма готова или еще готова (К. Плѣнникъ). Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче.

P. S. Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ-ли онъ съ ея высочествомъ? Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу — журналъ его (Невскій зритель) не видалъ, писемъ также! Мой адресъ: въ Кишиневъ Его Пр. Ив. Никитичу Инзову.

1821.

Барону А. А. Дельвигу. *Кишиневъ, 23 марта.*

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
Твоей я прозой былъ утѣшенъ;
Но признаюсь, баронъ, я грѣшенъ:
Стихамъ я больше былъ-бы радъ...
Ты знаешь: я въ минувши годы,
У береговъ кастальскихъ водъ,
Любилъ марать поэмы, оды,
Ревнивый зрѣлъ меня народъ
На кукольномъ театрѣ моды;
Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что ни напишу,
Все для иныхъ не Русью пахнетъ;
О чемъ цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковскій ахнетъ.
Теперь я, право, чуть дышу,
Отъ воздержанья муза чахнетъ,
И рѣдко, рѣдко, съ ней грѣшу.
Къ молвѣ болтливой я хладѣю
И изъ учтивости одной
Донынѣ волочусь за нею,
Какъ мужъ лѣнивый за женой.
Наскуча музъ безплодной службой,
Другой богиней, тихой дружбой,
Я славы замѣнилъ кумиръ;
Но все люблю, мои поэты,
Фантазіи волшебный міръ,
И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки ваша сводня
На шашни молодыхъ.....

Жалѣю, Дельвигъ, что до меня дошло только одно изъ твоихъ писемъ, именно то, которое мнѣ доставлено любезнымъ Гнѣдичемъ вмѣстѣ съ дѣвственной Людмилою. Ты не довольно говоришь о себѣ и о друзьяхъ нашихъ. О путешествіяхъ Кюхельбекера слышалъ я ужъ въ Кіевѣ. Желаю ему въ Парижѣ—духа цѣломудрія, въ канцеляріи Нарышкина—духа смиренномудрія и терпѣнія. Объ духѣ любви я не безпокоюсь: въ этомъ нуждаться не будетъ. О празднословіи молчу: дальній другъ не можетъ быть излишне болтливъ. Въ твоемъ отсутствіи—сердце напоминало о тебѣ; объ твоей музѣ—журналы. Ты все тотъ-же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго-ли тебѣ шалить, долго-ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки?—Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего **Монаха**: поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ ветхаго человѣка, не убивай вдохновеннаго поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму **К. Плѣнникъ**, которую надѣюсь скоро вамъ прислать. Ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ, и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ еще поэмы, но что теперь ничего не пишу — я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыя: чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?

Недавно пріѣхалъ въ Кишиневъ, и скоро оставляю благословенную Бессарабію: есть страны благословеннѣе.—Праздный миръ не самое лучшее состояніе жизни, даже и Скарментадо (Вольтеръ. Hist. des voyages de Scarmentado), кажется, неправъ, —самаго лучшаго состоянія нѣтъ на свѣтѣ: но разнообразіе спасительно для души.

Другъ мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мнѣ, что дѣлается съ братомъ. Ты его любишь, потому что меня любишь. Онъ человѣкъ умный во всемъ смыслѣ слова, и въ немъ прекрасная душа. Боюсь за его молодость; боюсь воспитанія, которое дано будетъ ему обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія нѣтъ для существа, одареннаго душою. Люби его; я знаю, что будутъ стараться изгладить меня изъ его сердца; въ этомъ найдутъ выгоду. Но я чувствую, что мы будемъ друзьями, и братьями не только по африканской нашей крови. Прощай. *А. П.*

Н. И. Гнѣдичу. *Кишиневъ, 24 марта.*

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ;
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ молдаванъ.
Все тотъ-же я, какъ былъ и прежде
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
Съ Орловымъ спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ —
Молебновъ лести не пою,
И дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокій,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Оградѣ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ!
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца —
И вновь онъ оживилъ пѣвца.
Какъ сладкій голосъ вдохновенья
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для музъ и дружбы живъ поэтъ;
Его враги ему презрѣнны:
Онъ музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ, что касается до меня. Платье, шитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу, прекрасно. И вотъ уже четыре дня какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня.

Чувствительно благодарю почтеннаго Оленина; эти черты—сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ: здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгой разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаніями и еще новой поэмой; та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ Плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьѣ ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна-бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, послѣдняя отрасль Кавказа. — Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ — въ скоромъ времени пришлю вамъ ее, дабы сотворили въ съ нею, что только будетъ угодно.

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли — обнимаю друзей. Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи. — Что дѣлаетъ Карамзинъ? здоровы-ли онъ, жена и дѣти? Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу. Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ. —Vale. —*Пушкинъ*.

А. Н. Раевскому. — *Кишиневъ, мартъ — апрѣль.* — Увѣдомляю тебя о происшествіяхъ, которыя будутъ имѣть послѣдствія, важныя не только для нашего края, но и для всей Европы.

Греція возстала и провозгласила свою свободу. Теодоръ Владиміреско, служившій нѣкогда въ войскахъ покойнаго князя Ипсиланти, въ началѣ февраля нынѣшняго года вышелъ изъ Бухареста съ малымъ числомъ вооруженныхъ арнаутовъ и объявилъ, что греки не въ силахъ болѣе выносить притѣсненій и грабительствъ турецкихъ начальниковъ, что рѣшились освободиться отъ ига незаконнаго, что намѣрены платить только подати, наложенныя правительствомъ. Эта прокламація взволновала всю Молдавію. Кн. Суццо и русскій консулъ хотѣли удержать распространеніе бунта. Пандуры и арнауты отовсюду бѣжали къ смѣлому Владиміреско—и въ нѣсколько дней онъ уже начальствовалъ 7000 войска.

21 февраля генералъ князь Александръ Ипсиланти, съ двумя изъ своихъ братьевъ и съ княземъ Георгіемъ Кантакузенъ, прибылъ въ Яссы изъ Кишинева, гдѣ оставилъ онъ мать, сестеръ и двухъ братьевъ. Онъ былъ встрѣченъ тремястами арнаутовъ, кн. Суццо и русскимъ консуломъ и тотчасъ принялъ начальство надъ городомъ. Тамъ издалъ онъ прокламаціи, которыя быстро разошлись повсюду: въ нихъ сказано, что фениксъ Греціи воспрянетъ изъ своего пепла, что часъ гибели для Турціи насталъ и проч., и что великая держава одобряетъ подвигъ великодушный. Греки стали стекаться толпами подъ его трое знаменъ, изъ которыхъ одно трехцвѣтное, на другомъ развѣвается крестъ, обвитый лаврами, съ текстомъ: „симъ побѣдиши"; на третьемъ изображенъ возрождающійся фениксъ. Я видѣлъ письмо одного инсургента. Съ жаромъ описываетъ онъ обрядъ освященія знаменъ и меча князя Ипсиланти, восторгъ духовенства и народа: прекрасная минута надежды и свободы.

Въ Яссахъ все спокойно. Семеро турокъ были приведены къ Ипсиланти и тотчасъ казнены—странная новость со стороны европейскаго генерала! Турки, въ числѣ 100 человѣкъ, были перерѣзаны, 30 грековъ убиты тоже. Извѣстіе о возмущеніи дошло до Константинополя... Трое бѣжавшихъ грековъ находятся со вчерашняго дня въ здѣшнемъ карантинѣ. Они уничтожили многіе ложные слухи. Старецъ Али принялъ христіанскую вѣру и окрещенъ именемъ Константина. Двухтысячный отрядъ его, который шелъ на соединеніе съ суліотами, уничтоженъ турецкимъ войскомъ. Восторгъ умовъ дошелъ до высочайшей степени: всѣ мысли устремлены къ одному предмету—на независимость древняго отечества. Въ Одессѣ я уже не засталъ любопытнаго зрѣлища: въ лавкахъ, на улицахъ, въ трактирахъ—вездѣ собирались толпы грековъ; всѣ продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; всѣ говорили о Леонидѣ, о Ѳемистоклѣ, всѣ шли въ войско счастливца Ипсиланти. Жизнь, имѣнія грековъ въ его распоряженіи! Вначалѣ имѣлъ онъ два милліона. Одинъ Паули далъ 600,000 піастровъ, съ тѣмъ, чтобы ему ихъ возвратить по возстановленіи Греціи! 10,000 грековъ записалось въ войско; Ипсиланти идетъ на соединеніе съ Владиміреско. Онъ называется главнокомандующимъ сѣверныхъ греческихъ войскъ и уполномоченнымъ тайнаго правительства. Должно знать, что уже 30 лѣтъ составилось и распространилось тайное общество, цѣлью котораго было освобожденіе Греціи. Члены раздѣлены были на три степени. Низшую степень составляла военная (т. е. состоявшая изъ военныхъ людей); вторую — граждане: члены ихъ имѣли право каждый пріискать себѣ товарищей, но не воиновъ, которыхъ избирала только 3-я, высшая степень. Ты видишь простой ходъ и главную мысль этого общества, котораго основатели еще неизвѣстны. Отдѣльная вѣра, отдѣльный языкъ, независимость книгопечатанія; съ одной стороны просвѣщеніе, съ другой глубокое невѣжество—все покровительствовало вольнолюбивымъ патріотамъ. Всѣ купцы, всѣ духовенство до послѣдняго монаха, считались въ обществѣ, которое нынѣ торжествуетъ. Вотъ тебѣ подробное описаніе послѣднихъ происшествій нашего края: кинемъ пророческій взоръ на будущее и постараемся разгадать судьбу Греціи.

Странная картина! Два народа (греки и итальянцы), давно падшихъ въ презрительное ничтожество, въ одно время возстаютъ отъ долгаго усыпленія и возобновляются, являются на политическомъ поприщѣ міра. Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ. Онъ счастливо началъ—28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная! отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи. Завидная участь! Кинжалъ опаснѣе для него сабли турокъ; Константинъ (Али-Паша-Янинскій) не будетъ совѣстливѣе Кладовника, и вліяніе молодого мстителя Греціи можетъ его встревожить. Признаюсь, я-бы посовѣтывалъ кн. Ипсиланти предупредить престарѣлаго злодѣя: нравы той страны, гдѣ онъ теперь дѣйствуетъ, оправдываютъ политическія убійства.

Важный вопросъ: что станетъ дѣлать Россія? Займемъ-ли мы Молдавію и Валахію подъ видомъ миролюбивыхъ посредниковъ? Перейдемъ-ли мы за Дунай союзниками грековъ и врагами ихъ враговъ? Во всякомъ случаѣ, буду увѣдомлять.

В. Л. Давыдову (черновое).—*Кишиневъ, начало апрѣля.*

Межъ тѣмъ, какъ генералъ Орловъ,
Обритый рекрутъ гименея,
Священной страстію пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ;
Межъ тѣмъ, какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужиномъ съ бутылками Аи
Сидятъ Раевскіе мои.
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грязь,
И съ горя на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій князь (Ипсиланти)
Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя.
На этихъ дняхъ, среди собора,
М ъ сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ, невзначай,
Велѣлъ жить долго всей Россіи
. . . .
Я сталъ уменъ, и лицемѣрю:
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю,
Что Богъ проститъ мои грѣхи,
Какъ государь—мои стихи.
Говѣетъ Инзовъ, и намедни
Я промѣнялъ Вольтера бредни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣдни,
Да на сушеные грибы.
. . . .
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемля сатанѣ,
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ винѣ...
Вотъ эвхаристія другая,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ каминомъ надѣвая
Демократическій халатъ,
Спасенья чашу наполняли
Безпѣнной, мерзлою струей
И за здоровье т ѣ х ъ и т о й
До дна, до капли выпивали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалятъ,
А та едва-ли тамъ воскреснетъ:
Народы тишины хотятъ,
И долго ихъ яремъ не треснетъ.
Ужель надежды лучъ исчезъ?
Но нѣтъ,—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: Христосъ воскресъ!

Дегильи.—*Кишиневъ, 6 іюня* (по-французски).—Предостереженіе г-ну Дегильи, отставному французскому офицеру, вызванному Пушкинымъ, но уклонившемуся отъ дуэли. Не достаточно быть Иванушкой-дурачкомъ, надо быть имъ искренне. Наканунѣ дуэли на сабляхъ не пишутъ на глазахъ жены іеремиадъ и завѣщаній, не распускаютъ по городу глупыхъ сказокъ, чтобы власти могли помѣшать дуэли, не компрометируютъ дважды своего секунданта. (Выноска Пушкина: ни генерала, который удостоилъ принять подлеца въ свой домъ). Все, что случилось—я предвидѣлъ, и мнѣ очень досадно, что я этого не высказалъ. Теперь все кончено, поберегитесь. Примите увѣренность въ чувствахъ, которыя вы заслуживаете. *Пушкинъ.*

PS. Замѣтьте при этомъ, что въ случаѣ нужды я съумѣю пустить въ ходъ свои права русскаго дворянина, такъ какъ вы ничего не смыслите въ правахъ оружія.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 27 іюня.* Б р а т у.—Здравствуй, Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ, покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ порусски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость, не поэтъ): пиши-же мнѣ о новостяхъ нашей словесности; что такое С о т в о р е н і е м і р а Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ-ли задавалъ вопросы Воейкову въ Сынѣ Отечества прошлаго года? Кто на ны? „Черная Шаль“ тебѣ нравится—ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что славная душа, и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его (марки винъ); Овошникову его (танцовщица), Лампу его — и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова — пожелай здравія Калмыку (слуга Всеволожскаго) — и напиши мнѣ обо всемъ.—Пришли мнѣ „Тавриду“ Боброва. Vale.

Твой братъ А.

С е с т р ѣ (по-французски.—Возвратилась-ли ты изъ своего путешествія? посѣщала-ли опять нарвскія подземелья, замки, водопады? занимало-ли это тебя? любишь-ли ты по прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собаки? помнишь-ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась-ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? ѣздишь-ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? Что подѣлываютъ Корфы? замужемъ-ли ты? готова-ли на это? не сомнѣваешься-ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ.—*А.*

А. И. Тургеневу.—*Кишиневъ, іюль.* — Въ лѣто пятое отъ Липецкаго потопа превосходительный Р а е к ъ и превосходительный жалобный С в е р ч о к ъ на лужицѣ города Кишинева, именуемой Быкомъ, сидѣли и плакали, вспоминая тебя, Арзамасъ, Іерусалимъ ума и вкуса. Благородные гуси величественно барахтались. передъ ихъ главами въ мутныхъ водахъ упомянутой рѣчки. Живо представились имъ ваши отсутствующія превосходительства, и въ полнотѣ сердца своего они положили увѣдомить о себѣ членовъ православнаго братства, украшающихъ берега Мойки и Фонтанки, и потому...

С. И. Тургеневу.—*Кишиневъ, 21 августа.*—Поздравляю васъ, почтенный Сергѣй Ивановичъ, съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную. Съ радостію пріѣхалъ-бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и подышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Инзовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою.—Скоро-ли увидите вы сѣверный Стамбулъ? Обнимите тамъ за меня милаго нашего муфти Александра Ивановича и мятежнаго Драгомана брата его (Н. И. Тургенева). Его Преосвященству (Александру Ивановичу Тургеневу, состоящему при оберъ-прокурорѣ св. си-

нода, писалъ я письмо, на которое отвѣта еще не имѣю. Дѣло шло о моемъ изгнаніи—но если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи. Предъ вами я виноватъ: полученное отъ васъ письмо я черезъ два дня перечитываю, но до сихъ поръ не отвѣчалъ; надѣюсь на великодушное прощеніе и на скорое свиданіе.

Кланяюсь Чу (Д. В. Дашкову), если Чу меня помнитъ а Долгорукій меня забылъ. *Пушкинъ.*

Н. И. Гречу. — *Кишиневъ, 21 сентября.*— Извините, любезный нашъ Аристархъ, если опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо, здѣсь прилагаемое, брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ Сынѣ Отечества мое Посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано: глупца-философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое насчетъ моего-же письма—видно, не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

Дельвигу и Гнѣдичу пробовалъ я было писать, да они и въ усъ не дуютъ. Что-бъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пеняю; забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я-бы и самъ ихъ забылъ, еслибы жилъ съ эпикурейцами, въ эпикурейскомъ кабинетѣ, и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся или разочли, что письма ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ-бы я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать. Хотите-ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы; разрѣзано на двѣ пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался.—Vale.—*Пушкинъ.*

В. П. Горчакову. — Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и слишкомъ снисходительны. Зачѣмъ не утопился мой Плѣнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человѣкъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразуміе требуется. Характеръ Плѣнника неудаченъ. Это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было-бы назвать черкешенкой—я объ этомъ не подумалъ.

Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей повѣсти, но все это ни съ чѣмъ не связано и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и почитаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлѣе.—Прощай, моя радость.

Неизвѣстному лицу (черновое, по-французски).—Вы мой достойный наставникъ—храбрый, язвительный, злой,—но этого мало, надо быть жестокимъ тираномъ, мстительнымъ—вотъ въ какомъ духѣ я прошу васъ меня руководить. Люди не стоютъ, чтобы цѣнили ихъ за тѣ искры ума и чувства, за которыя я предполагалъ ихъ цѣнить. Ихъ слѣдуетъ цѣнить лишь по берковцамъ. Необходимо сдѣлаться такимъ-же эгоистомъ, какими являются попи въ достиженіи своихъ цѣлей; лишь тогда можно занять свое опредѣленное мѣсто. Скажите мнѣ, мой любезный соотечественникъ, правда-ли это, или я ошибаюсь?

1822.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Кишиневъ, 2 января.*— Попандопуло привезетъ тебѣ мои стихи. Липранди берется доставить тебѣ мою прозу. Ты, думаю, видѣлъ его въ Варшавѣ. Онъ мнѣ добрый пріятель и (вѣрная порука за честь и умъ) нелюбимъ нашимъ правительствомъ и въ свою очередь не любитъ его.—Въ долгой разлукѣ нашей одни дурацкіе журналы изрѣдка сближали насъ другъ съ другомъ. Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны. Благодарю за все вообще. Бранюсь съ тобой за одно Посланіе къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ? Ты сбилъ его съ ногъ, но онъ облилъ безславный твой вѣнокъ кровью, желчью и сивухой. Какъ съ нимъ связываться? Довольно было съ него лихого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задѣлъ въ Посланіи къ Чадаеву, то это не изъ ненависти къ нему, но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Толстого, котораго презирать мудренѣе. Жуковскій меня бѣситъ. Что ему понравилось въ этомъ Мурѣ, чопорномъ подражателѣ безобразному восточному воображенію? Вся Лалла Рукъ не стоитъ десяти строчекъ Тристрама Шанди (Романъ Л. Стерна, 1762 г.). Пора ему имѣть собственное воображеніе и крѣпостные вымыслы. Но каковъ Баратынскій? Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни, и Батюшкова, если впредь зашагаетъ, какъ шагалъ до сихъ поръ. Вѣдь 23 года счастливцу! Оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону, а то спасенья нѣтъ. Кавказскій мой Плѣнникъ конченъ. Хочу напечатать, да лѣнь много, а денегъ мало, а меркантильный успѣхъ моей прелестницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ. Желаю счастія дядѣ. Я не пишу къ нему, потому что опасаюсь журнальныхъ почестей. Скоро-ли выйдутъ его творенія? Всѣ они вмѣстѣ не стоятъ Буянова; а что-то съ нимъ будетъ въ потомствѣ? Крайне опасаюсь, чтобъ двоюродный братъ мой не почелся моимъ сыномъ. А долго-ли до грѣха? Пиши мнѣ, съ кѣмъ ты хочешь и какъ хочешь, стихами или прозой. Ей Богу буду отвѣчать.—*Пушкинъ.*

P. S. Пишу тебѣ у Орлова. Все тотъ-же онъ, не измѣнился, хоть и женился. Началъ онъ тебѣ было диктовать письмо въ своемъ родѣ, но заблагоразсудилъ изорвать его. Онъ тебѣ кланяется и занятъ ужасно сургучемъ.

Орловъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ дѣлаетъ палки сургучныя (у Орлова была сургучная фабрика), а палки въ дивизіи своей уничтожилъ.

Л. С. Пушкину.—*Кишиневъ, 24 января.*— Сперва хочу съ тобою побраниться: какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина. Во-вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь, или не можешь мнѣ

говоришь открыто обо всемъ жалѣю: болтливость братской дружбы была-бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустыни не доходитъ ни одинъ дружній голосъ; что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя—это меня бѣситъ: я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій, самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь, что Гнѣдичъ на меня сердитъ; онъ правъ: я-бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой, но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему „Плѣнника". Къ тому-же, ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать каждый свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ-бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ-ли онъ, все-ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ, каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напечатай ихъ въ „Сынѣ" (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ—правда:

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ.
Другой за деньги,—понимаю;
Другой за то, что былъ французъ:
Клеонъ—умомъ ее страшая.
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ;
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго (слѣдуетъ эпиграмма „Клеветникъ безъ дарованья".. см. Алфавитный указатель).

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя.—*Твой другъ Демьянъ.*

—

Н. И. Гнѣдичу.—*Кишиневъ, 29 апрѣля.*—
Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавляю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго Плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей идиліи (о которой поговоримъ на досугѣ), завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстью, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale. *П.*

— —

Н. И. Гнѣдичу.—*Кишиневъ, 13 мая.*—Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы бессарабскаго пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ-бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника, то всего-бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1. Увѣрены-ли вы, что цензура, поневолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришествію? Замѣнять-же прежнее новымъ въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2. Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное, но мнѣ никакъ нельзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Як. Толстому и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка (Братья-Разбойники), да NB цензура.

Tout bien vu, не кончить-ли дѣло предисловіемъ? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Какъ-бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны"—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ.—А что тутъ остраго, смѣшного? Очень желалъ-бы знать, сбылось-ли мое предсказаніе.

Вы, котораго геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четыре-стопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это кстати о К. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія; о Дельвигѣ и Баратынскомъ также; но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura.—*П.*

Своего портрета у меня нѣтъ, да на кой чортъ имѣть его?—Знаете-ли вы трогательный обычай русскаго мужика: въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это: „Въ чужбинѣ свято наблюдаю" и т. д. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе „Птичка").

Напечатаютъ-ли безъ имени въ С. Отечества?

———

А. А. Бестужеву.—*Кишиневъ, 21 іюня.*—Милостивый государь Александръ Александровичъ! Давно собирался я напомнить вамъ о своемъ существованіи. Почитая прелестное ваше дарованіе и, признаюсь, невольно любя ѣдкость вашей остроты, хотѣлъ я связаться съ вами на письмѣ, не изъ одного самолюбія, но также изъ любви къ истинѣ. Вы предупредили меня. Письмо ваше такъ мило, что невозможно съ вами скромничать. Знаю, что ему не совсѣмъ-бы должно вѣрить, но вѣрю поневолѣ и благодарю васъ, какъ представителя вкуса и вѣрнаго стража и покровителя нашей словесности. Посылаю вамъ мои бессарабскія бредни и желаю, чтобъ онѣ вамъ пригодились. Кланяйтесь отъ меня цензурѣ, старинной моей пріятельницѣ; кажется, голубушка еще поумнѣла; не понимаю, что могло встревожить ея цѣломудренность въ моихъ элегическихъ отрывкахъ. Однако должно намъ постоять изъ одного честолюбія; отдаю ихъ въ полное ваше распоряженіе. Предвижу препятствія къ напечатанію стиховъ къ Овидію, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа; повидимому, ее

настращали моимъ именемъ. Не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого вамъ угодно (напр. услужливаго Плетнева, или какого-нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ). Повторяю вамъ, она ужасно безтолкова, но впрочемъ довольно сговорчива. Главное дѣло въ томъ, чтобъ имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи. Обнимите его за меня, любезный Александръ Александровичъ, какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи.—*П.*

Н. И. Гнѣдичу. — *Кишиневъ, 27 іюня.* — Письмо ваше—такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго Плѣнника. Ваши замѣчанія насчетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу между гетовъ и сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ-нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нея такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: небесный пламень—слишкомъ обыкновенно; долгій поцѣлуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ — дурно, очень дурно, и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ киргизъ-кайсацкій стишокъ слѣдующими: какой угодно

поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени. Конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу; но мало-ли что говорятъ?

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое-что. Нельзя-ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно-бы. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя-ли его расшевелить? Нельзя-ли потревожить и Слёнина (книгопрод.), если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана»? Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильон. Узника; это не чета Пери и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсня Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ мнѣ о поэмѣ «Родригъ», Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ, гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве. Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ, а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то сдѣлается съ Кюхельбекеромъ—судьба его меня безпокоитъ до крайности... Напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать.—*А. Пушкинъ.*

П. А. Катенину. *Кишиневъ, 19 іюля.* — Ты упрекаешь меня въ забывчивости, мой милый; воля твоя! Для малаго числа избранныхъ желаю еще увидѣть Петербургъ. Ты, конечно, въ этомъ числѣ, но дружба не италіанскій глаголъ piombare, ты ея также хорошо не понимаешь. Ума не приложу, какъ ты могъ взять на свой счетъ стихъ:

И сплетней разбирать игривую затѣю.

Это простительно всякому другому, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ сплетней, которыхъ я былъ жертвою, и не твоей-ли дружбѣ (по крайней мѣрѣ, такъ понималъ я тебя) обязанъ я первымъ извѣстіемъ объ нихъ? Я не читалъ твоей комедіи, никто объ ней мнѣ не писалъ; не знаю, задѣлъ-ли меня Зельскій. Можетъ быть—да, вѣроятнѣе—нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, не могу сердиться. Еслибъ я имѣлъ что-нибудь на сердцѣ, сталъ-ли-бы я говорить о тебѣ наряду съ тѣми, о которыхъ упоминаю? Лица и отношенія слишкомъ различны. Еслибъ ужъ на то рѣшился, написалъ-ли-бы стихъ столь слабый и неясный, выбралъ-ли-бы предметомъ эпиграммы прекрасный переводъ комедіи, которую почиталъ я непереводимою? Какъ дѣло ни верти, ты все меня обижаешь. Надѣюсь, моя радость, что это все минутная туча и что ты любишь меня. Итакъ, оставимъ сплетни и поговоримъ объ другомъ. Ты перевелъ Сида; поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ на жеманной сценѣ 19-го столѣтія? Я слыхалъ, что она неприлична, смѣшна, ridicule. Ridicule! Пощечина, данная рукою гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева. Какъ-бы то ни было, надѣюсь увидѣть эту трагедію зимой, по крайней мѣрѣ постараюсь. Благодарю за подробное донесеніе; знаю, что долгъ платежемъ красенъ, но non erat hic locus... Прощай, Эсхилъ; обнимаю тебя, какъ поэта и друга...

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, 21 іюля.*—Ты на меня дуешься, милый—нехорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно, хоть на шести языкахъ — ни слова тебѣ не скажу: мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? Въ службѣ-ли ты? Пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери; если упустишь время, послѣ будешь тужить: въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ-нибудь когда-нибудь; слѣдственно разочти.—Тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ; а я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой-же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе. Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ выросъ-ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его, ради Христа, что въ Посланіи моемъ къ Чадаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полукислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литтературныя: что мой «Русланъ»? Не продается? Не запретила-ли цензура? Дай знать. Если-же Сленинъ купилъ его, то гдѣ-же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Какого идетъ изданіе Бестужева? (Полярная Звѣзда на 1823 г.). Читалъ-ли ты мои стихи, ему посланные? Что «Плѣнникъ»? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, буду-ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ? Бываешь-ли ты у Карамзина? Отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Кюхельбекеръ? есть-ли объ немъ извѣстія? Прощай. Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ, по-французски). Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей; но онѣ нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю и люблю тебя. Веселись и выходи замужъ.

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, августъ* или *сентябрь.* — На прошедшей почтѣ (виноватъ: съ Долгорукимъ) я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ. Во-первыхъ о службѣ. Если-бы ты пошелъ въ военную — вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ гвардію тебѣ не зачѣмъ; служить четыре года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому-же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты-бы опредѣлился въ какой-нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ-бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели-бы въ гвардію: Раевскій или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ. Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если-же они проданы, явись съ той-же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣлала мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ роздано—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить.—Въ «Посланіи къ Овидію» перемѣни такимъ образомъ:

Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной:
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ и проч.

Кстати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Шильонскаго Узника — прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Д... («Орлеанская Дѣва» Шиллера въ пер. Жуковскаго). Но, актеры, актеры! пятистопные стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драмо-торжественный ревъ Глухорёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй—но боюсь. Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для перваго представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ миѳологіей и героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія. Что-бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ермолову лучше, по стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ...» слишкомъ уже греческій. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ — цѣлъ трудъ многимъ людямъ принадлежащій» и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельвига. Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я-бы съ ума сошелъ со злости. «Батюшковъ изъ Рима» (стихотвореніе Плетнева) не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила. Вообще, мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза, нежели стихи: онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости, слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гете. *П.*

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habits—rappelez-la lui de ma part.

Еще слово—скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества, 2-ю половину года. Можетъ вычесть, что̀ стоитъ, изъ своего долга.

Милый мой, у васъ пишутъ, что лучъ денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго. Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило; что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ!

Я. Н. Толстому. *Кишиневъ, 26 сентября.* — Милый Яковъ Николаевичъ. Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе князя Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже тридцать билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить — и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье, въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ! подождемъ еще два, три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть, къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покамѣстъ, прими мои сердечныя благодаренья: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати, два года и шесть мѣсяцевъ, никто ни строки, ни слова!

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ?
Кипишь-ли ты, златая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?

Все тѣ-же-ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви часы похмѣлья
По прежнему-ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньѣ скучномъ, каждый часъ
Горя завистливымъ желаньемъ,
Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ;
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ, и шутокъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...
Налейте мнѣ вина кометы!
Желай мнѣ здравія, калмыкъ!

Н. И. Гнѣдичу. *Кишиневъ, 27 сентября.* — Пріѣхали Плѣнники (Кавказскій Плѣнникъ и Шильонскій Узникъ, изд. Гнѣдичемъ)—и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего; признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился. Напримѣръ, если-бы она перемѣнила стихъ: простите, вольныя станицы, то мнѣ было-бы жаль. Но, слава Богу! Горькій поцѣлуй—прелесть; ей дней ей-ей неблагозвучнѣе почей; упоВательныхъ мечтаній: упоительныхъ; надомы, дождь и градъ: на долы. Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ-ли; примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю, справедливо-ли. Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью—силачъ необычайный! Должно быть Байрономъ—чтобъ выразить съ столь страшной истиной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ—чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не пишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мелочи въ Парижѣ. Спасите, ради Христа; удержите его, по крайней мѣрѣ, до моего пріѣзда,—а я вынырну и явлюсь къ вамъ.—Катенинъ ко мнѣ писалъ; не знаю, получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ-бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души —*А. Пушкинъ*.

PS. Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слёнина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе — то я не согласенъ.

Л. С. Пушкину. — *Кишиневъ, 6 октября.* — Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я-бы тебѣ уши выдралъ. Зачѣмъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ: они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ происходитъ отъ нескромности кн. Шаховского. Впрочемъ, посланіе Плетнева, можетъ быть, первая его пьеса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ. На будущей почтѣ отвѣчу ему. Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ-ли мой „Плѣнникъ"? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orloff, voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера „Плѣнника"; онъ для нихъ созданъ, душа моя. Я журналовъ не получаю, такъ потрудися, напиши мнѣ ихъ толки не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ: Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите, но Августъ смотритъ Сентябремъ! Кстати: получено-ли мое посланіе къ Овидію? Будетъ-ли напечатано? Что Бестужевъ? Жду календаря его (альманаха „Полярная Звѣзда"). Я-бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый.—*А. Пушкинъ*.

P. S. Другъ мой, попроси И. В. Слёнина — чтобы онъ, за вычетомъ остального долга, прислалъ 3 экземп. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго Узника, книгу Греча — и Цертелева древнія стихотворенія. Поклонись ему отъ меня.

Л. С. Пушкину (по-французски). Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ, и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно-же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ-бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда не допускай никакой угодливости, чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ; люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ—коварство.— Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ-бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ-бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было-бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею.

Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ отъ всего сердца обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаймы, терпи лучше нужду; повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностію въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; не дешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло касается счастія твоей жизни.

П. А. Плетневу (черновое). — Я долго не отвѣчалъ тебѣ, мой милый Плетневъ; собирался отвѣчать стихами, достойными твоихъ, но отложилъ попеченіе; положеніе твое противъ меня слишкомъ выгодно, и ты слишкомъ хорошо умѣешь имъ воспользоваться. Если первый стихъ твоего посланія написанъ такъ-же отъ души, какъ и все прочіе, то я не раскаяваюсь въ минутной моей несправедливости: она доставила неожиданное украшеніе словесности. Если-же ты на меня сердитъ, то стихи твои, какъ они ни прелестны, никогда не утѣшатъ меня. Ты конечно-бъ извинилъ мои легкомысленныя строки, если-бы зналъ, какъ часто бываю подверженъ такъ называемой хандрѣ. Въ эти минуты я золъ на цѣлый свѣтъ, и никакая поэзія не шевелитъ моего сердца. Не подумай, однако, что не умѣю цѣнить неоспоримаго твоего дарованія. Чувство изящнаго не совсѣмъ во мнѣ притупилось, и когда я въ совершенной памяти, твоя гармонія, поэтическая точность, благородство выраженій, стройность, чистота въ отдѣлкѣ стиховъ плѣняютъ меня, какъ поэзія моихъ любимцевъ.—По письмамъ моего брата вижу, что онъ съ тобою друженъ; завидую ему и тебѣ. Sine ira, милый пѣвецъ, по рукамъ и до свиданія.—Я не вполнѣ подтверждаю, что писалъ о твоей прозѣ, но, признаюсь, это стихотвореніе недостойно ни тебя, ни Батюшкова. Многіе приняли его за сочиненіе послѣдняго. Знаю, что съ посредственнымъ писателемъ этого не случится. Но Батюшковъ, не будучи доволенъ твоей элегіей, разсердился на тебя за ошибку другихъ; я разсердился послѣ Батюшкова... Извини мое чистосердечіе, но оно залогъ моего къ тебѣ уваженія. Прости. Sine ira, и пр.

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по-французски). Не чувство торжества заставляетъ меня писать къ вамъ; напротивъ, я имѣю глупость и слабость сознаться передъ вами съ смѣшной страсти и желаю откровенно объясниться съ вами по этому поводу... Не скрывайте ничего—это было-бы и не достойно васъ, и совершенно безполезно, а кокетство легкомысленно, жестоко и напрасно. Я такъ-же мало повѣрю вашему гнѣву, какъ... Чѣмъ могу я оскорбить васъ?... Я васъ люблю съ такой нѣжностью... Ваша гордость даже не можетъ быть оскорблена моей любовью.

Если-бы я могъ питать какія-нибудь надежды, то открылъ-бы вамъ свои чувства не наканунѣ вашего отъѣзда. Мое признаніе объясняется только экзальтаціей и волненіемъ, которыхъ мнѣ не удалось побороть въ себѣ и которыя довели меня до изнеможенія... Я ни о чемъ не прошу васъ, я самъ не знаю, чего хочу, а между тѣмъ я васъ...

1823.

В. П. Горчакову.—*Кишиневъ, январь.*

Зима мнѣ рыхлою стѣною
Къ воротамъ заградила путь;
Пока тропинки предъ собою
Не протопчу я какъ-нибудь,
Сижу я дома, какъ бездѣльникъ.
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
Что скажетъ нашъ Вароломей (мѣстный Кишиневскій богачъ) и проч...

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, январь.* — Душа моя, какъ перевести по-русски bévues — должно-бы издавать у насъ журналъ: Révue des Bévues — мы помѣстили-бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полуденную денницу Рылѣева, его-же гербъ россійскій на вратахъ византійскихъ (во время Олега герба русскаго не было — а двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и значитъ раздѣленіе имперіи на Западную и Восточную—у насъ-же онъ ничего не значитъ). Повѣришь-ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bévues. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишешь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи, ради Христа, Жуковскому, чтобъ онъ продиктовалъ Якову (камердинеру) строки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ. Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь-ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя попотчивать? Вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ, и. т. д.

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ; покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все-таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

Л. С. Пушкину. *Кишиневъ, 30 января.* — Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли. Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами — и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, о черкешенкѣ Истоминой, за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому Плѣннику. Бестужевъ прислалъ мнѣ „Звѣзду" — эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю, что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? Душа моя, и „Русланъ", и Noel, и все — дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога люби двѣ звѣздочки (подпись Пушкина въ „Полярной Звѣздѣ" 1823); онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и прочимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта Воина привела въ задумчи-

вость воина, что̀ служитъ въ иностранной коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской канцеляріи. Эта „Мечта“ напечатана съ ошибочнаго списка — призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по-русски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей—стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ — просто плоскій. Но все это не бѣда; были-бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи — это была моя цѣль. Въ отношеніи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ пріятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

„Увы напрасно ждалъ тебя женихъ печальный“.
(Изъ „Тар. Дѣвы“ Гнѣдича).

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ-бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ. — Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой, и стихами. благословляю и поздравляю тебя: добился ты наконецъ до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche!

Пріѣхалъ-ли царь? Впрочемъ, это я узнаю прежде, чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву — тамъ увидишь ты моихъ друзей, напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая, впрочемъ, мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть, они правы, да и я не виноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацѣлую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?—Ты мнѣ пишешь объ N. N. en voila assez. Assez, такъ assez; а я все при своемъ мнѣніи.—Ты не приказываешь жаловаться на погоду въ августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть; а вѣдь непріятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Кишиневъ, 5 апрѣля.*—Мои надежды не сбылись: мнѣ нынѣшній годъ нельзя будетъ пріѣхать ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Если лѣтомъ ты поѣдешь въ Одессу, не завернешь-ли по дорогѣ въ Кишиневъ? Я познакомлю тебя съ героями Скуляни и Секу, сподвижниками Іордаки, и съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Правда-ли, что говорятъ о Катенинѣ? (о высылкѣ изъ Петербурга). Мнѣ никто ничего не пишетъ. Москва, Петербургъ и Арзамасъ совершенно забыли меня. Охотниковъ пріѣхалъ? Привезъ-ли тебѣ письма и прочее?

Говорятъ, что Чаадаевъ ѣдетъ за границу—давно-бы такъ; но мнѣ его жаль изъ эгоизма. Любимая моя надежда была съ нимъ путешествовать. Теперь Богъ знаетъ, когда свидимся.

Важный вопросъ и, сдѣлай милость, отвѣчай: гдѣ Марья Ивановна Корсакова, что живетъ или жила противъ какого-то монастыря (Страстного, что-ли?). Жива-ли она, гдѣ она? если умерла, чего Боже упаси, то гдѣ ея дочери? Замужемъ-ли и за кѣмъ, дѣвствуютъ-ли, или вдовствуютъ? и проч. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, но я обѣщался обо всемъ узнать подробно. Кстати, не знаешь-ли, минуло-ли 15 лѣтъ (штабъ-офицерской службы) генералу Орлову или нѣтъ еще?—*А. П.*

Стиховъ, ради Бога стиховъ, да свѣженькихъ.

А. А. Бестужеву. — *Кишиневъ, 13 іюня.* — Милый Бестужевъ! Позволь мнѣ первому перешагнуть чрезъ приличія и сердечно поблагодарить тебя за Полярную Звѣзду, за твои письма, за статью о литературѣ, за Ольгу и особенно за Вечеръ на бивакѣ! Все это ознаменовано твоею печатью, т. е. умомъ и чудесной живостью. О „Взглядѣ“ можно-бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ такъ не хочется поспорить, какъ съ тобою да съ Вяземскимъ: вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого-же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу: я отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова и обижать Майкова? „Елисей“ истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе обращенія поэта къ порткамъ:

Я мню и о тебѣ, исподняя одежда,
Что и тебѣ спастись худа была надежда.

А любовница Елисея, которая сожигаетъ его штаны въ печи,

Когда для пироговъ она у ней топилась;
И тѣмъ подобною Дидонѣ учинилась.

А разговоръ Зевеса съ Меркуріемъ, а герой, который упалъ въ песокъ:

И весь сѣдалища въ немъ образъ напечаталъ.
И сказываютъ всѣ, кто ходитъ въ тотъ кабакъ.
Что виденъ и понесь въ пескѣ сей самый знакъ.

Все это уморительно. Тебѣ, кажется, болѣе нравится Бл.....щеніе; однакожъ Елисей кажется смѣшнѣе, слѣдственно полезнѣе для здоровья. Въ разсужденіи 1824 года постараюсь прислать тебѣ свои бессарабскія бредни. Но нельзя-ли вновь осадить цензуру и со второго приступа овладѣть моей анѳологіей? «Разбойниковъ» я сжегъ—и подѣломъ. Одинъ отрывокъ уцѣлѣлъ въ рукахъ у Николая Раевскаго. Если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ, не напугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ Полярной Звѣзды, то напечатай его. Впрочемъ, чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ. — Я увѣренъ, что тѣ, которые приписываютъ новую сатиру Арк Родзянкѣ, ошибаются. онъ человѣкъ благородныхъ правилъ и не станетъ воскрешать временъ слова и дѣла. Доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви.—Дельвигъ мнѣ съ годъ ужь ничего не пишетъ. Попеняйте ему и обнимите его за меня: онъ васъ, т. е. тебя обниметъ за меня.—Прощай, до свиданія.—*А. П.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Одесса, 19 августа.*—Мнѣ скучно, милый Асмодей. Я боленъ; писать хочется, да самъ не свой. Мнѣ до тебя дѣло есть. Гнѣдичъ хочетъ купить у меня второе изданіе Руслана и Кавказскаго Плѣнника, но timeo Danaos, т. е. боюсь, чтобъ онъ со мной не поступилъ, какъ прежде. Я обѣщалъ ему предисловія, но отъ прозы меня тошнитъ. Перепишись съ нимъ, возьми на себя это 2-е изданіе и освяти его своею прозой, единственною въ нашемъ прозаическомъ отечествѣ. Не хвали меня, но побрани Русь и русскую публику; стань за нѣмцевъ и англичанъ, уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзіи. Еще одна просьба: если возьмешься за изданіе, не лукавь со мною, возьми съ меня, что̀ оно будетъ стоить, не дари меня. Я для того только до сихъ поръ и не хотѣлъ имѣть съ тобою дѣ-

ла, милый мой аристократъ. Отвѣчай мнѣ по extra-почтѣ.

Я брату долженъ письмо. Что онъ за человѣкъ? Говорятъ, что онъ славный малый и московскій франтъ. Правда-ли?—Прощай, моя прелесть. Впередъ буду писать тебѣ толковѣе. А Орловъ?

Л. С. Пушкину.—*Одесса, 25 августа*. Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторація и итальянская опера напомнили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется, и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхалъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишиневѣ я вздохнулъ. Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ европейскому образу жизни. Впрочемъ, я нигдѣ не бываю, кромѣ въ театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малый, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ Петербургъ письмо, гдѣ говоритъ между прочимъ обо мнѣ: „Пушкинъ открылъ мнѣ немедленно свое сердце и portefeuille, любовь и пр...“—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (новой моей поэмы), сказавъ, что я не желалъ-бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь-ли ты его? Будетъ Родзянка-предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши-же мнѣ въ Одессу, да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ; ремеслу-же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти, хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила, но служу я не по волѣ своей и въ отставку идти невозможно. Все и всѣ меня обманываютъ—на кого-же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ? На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно: крайность можетъ довести до крайности. Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію, хоть письма его очень любезны. Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ: когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извозчика отъ Аничкова Моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ, вѣрно-бъ, ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя, у меня хандра, и это письмо не развеселило меня. Такъ и быть, я Вяземскому пришлю Фонтанъ, выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 14 октября*.—По твоему совѣту, милый Асмодей, я далъ знать Гнѣдичу, что поручаю тебѣ изданіе Руслана и Плѣнника; слѣдственно, дѣло сдѣлано. Не помню, просилъ-ли я тебя о вступленіи, предисловіи и т. под., но сердечно благодарю тебя за обѣщаніе. Твоя проза обезпечитъ судьбу моихъ стиховъ. О какихъ перемѣнахъ говорилъ тебѣ Раичъ? Я никогда не могъ поправить разъ мною написанное. Въ Русланѣ должно только прибавить эпилогъ и нѣсколько стиховъ къ 6-й пѣснѣ, слишкомъ поздно доставленные мною Жуковскому. Русланъ напечатанъ исправно, ошибокъ нѣтъ, кромѣ свѣжій сонъ въ самомъ концѣ. Не помню, какъ было въ рукописи, но свѣжій сонъ тутъ смысла не имѣетъ. Кавказскій Плѣнникъ — иное дѣло. Остановлялъ онъ долго взоръ—должно: вперялъ онъ неподвижный взоръ. Живи, и путникъ оживаетъ: живи, и плѣнникъ оживаетъ. Пещеры темная прохлада—влажная. И вдругъ на домы дождь и градъ—долы. Въ чужой аулъ цѣною злата—за много злата (впрочемъ, какъ хочешь).

Не много радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала

Зарѣзала меня цензура! Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать: ей дней въ концѣ стиха. Ночей, ночей—ради Христа, ночей судьба на долю ей послала. То-ли дѣло ночей, ибо днемъ она съ нимъ не видалась—смотри поэму. И чѣмъ-же ночь неблагопристойнѣе дня? Которые изъ 24 часовъ именно противны духу нашей цензуры? Бируковъ (цензоръ) добрый малый: уговори его, или я слягу.

На смертномъ полѣ свой бивакъ.

У меня прежде было у стѣнъ Парижа. Не лучше-ли, какъ думаешь? Вѣрилъ я надеждѣ и уповательнымъ мечтамъ. Это что? Упоительнымъ мечтамъ. Твои отъ твоихъ: помнишь свое прелестное посланіе Давыдову? Да вотъ еще два замѣчанія: въ родѣ антикритики: 1. Подъ влажной буркой. Бурка не промокаетъ и влажна только сверху, слѣдственно можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ покрыться, а сушить нѣтъ надобности. 2. На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань—граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ переѣзжать об'он'полъ. Объясни это потолковѣе забавникамъ Вѣстника Европы. Теперь замѣчаніе типографское. Все понялъ онъ... нѣсколько точекъ, въ родѣ Шаликова и—à la ligne: прощальнымъ взоромъ и пр. Теперь я согласенъ въ томъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ; да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить. Sur ce—обнимаю тебя съ надеждой и благодарностью.

Письмо твое я получилъ черезъ Фурнье и отвѣчалъ по почтѣ. Дружба твоя съ Шаховскимъ радуетъ миролюбивую мою душу. Онъ, право, добрый малый, изрядный авторъ и отличный сводникъ. Вотъ тебѣ новость въ томъ-же родѣ. Здѣсь Стурдза монархическій; я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслимъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ. Читалъ ли ты его послѣднюю brochure о Греціи? Гр. Ланжеронъ увѣряетъ меня, qu' il y a trop de bon Dieu. Здѣсь Сѣверинъ, но я съ нимъ поссорился и не кланяюсь. Вигель здѣсь былъ и поѣхалъ въ Содомъ-Кишиневъ, гдѣ, думаю, будетъ вице-губернаторомъ. У насъ скучно и холодно. Я мерзну подъ небомъ полуденнымъ.—*А. П.*

P. S. Замѣчанія твои насчетъ моихъ Разбойниковъ несправедливы; какъ сюжетъ, c'est un tour de force. Это не похвала, напротивъ; но какъ слогъ, я ничего лучше не написалъ. Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянь, но эпиграфъ его—прелесть. Кстати объ

эпиграфахъ, знаешь-ли эпиграфъ Кавказскаго Плѣнника?

Подъ бурей рока—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкій листъ.

Понимаешь, почему не оставилъ его? Но за твои четыре стиха я-бы отдалъ три четверти своей поэмы. Addio.

Неизвѣстному лицу, (черновое, по-франц.) *Одесса 24 октября.* Отвѣчаю на вашъ P. S., т. к. онъ всего ближе касается нашего самолюбія. Подобно L. Н., я рѣшилъ, сидя на диванѣ, не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло. М. S. не возвращался пока изъ Одессы; вотъ почему я не могъ еще воспользоваться вашимъ письмомъ. Такъ какъ моя страсть значительно остыла и я въ настоящее время влюбленъ въ другую, то я рѣшилъ не показывать вашего письма г-жѣ С., какъ первоначально думалъ, и, такимъ образомъ, не выставлять передъ нею, какую привлекательность сообщаетъ вамъ его байроническій характеръ. Ваше письмо я прочту ей лишь съ должными сокращеніями. Благодаря такому обороту, я получу передъ вами то самое преимущество, какое вы захотѣли имѣть въ вашемъ письмѣ передо мной. Прежде всего я заявляю: вы не проведете меня, любезный Іовъ. Я вижу ваше тщеславіе и страсть сквозь напускной цинизмъ и т. д. Остальное въ томъ-же родѣ. Повѣрьте, что это произведетъ эффектъ. Но такъ какъ вы были всегда моимъ наставникомъ въ вопросахъ морали, то я и на этотъ разъ прошу вашего разрѣшенія и особенно вашихъ совѣтовъ. Но торопитесь, такъ какъ она скоро пріѣдетъ. Я имѣлъ свѣдѣнія о васъ отъ вашего брата, сообщившаго мнѣ, что Atala Hausky превратила васъ въ скучнаго фата. Но послѣднее письмо ваше совсѣмъ не нагоняетъ тоски. Надѣюсь, что и мое на минуту отвлечетъ васъ отъ вашихъ страданій. Вашъ дядя — свинья, какъ вамъ хорошо извѣстно, былъ недавно здѣсь, перессорилъ всѣхъ и перессорился самъ со всѣми. Готовлю ему забористое письмо № 2, но на этотъ разъ онъ получитъ g. j. f. и такимъ образомъ будетъ посвященъ въ тайну наравнѣ со всѣми другими, пусть не прикидывается больше непонимающимъ того, что ему хотятъ сказать.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса. 4 ноября.* — Вотъ тебѣ, милый и почтенный Асмодей, послѣдняя моя поэма (Бахчисарайскій фонтанъ). Я выбросилъ то, что цензура выбросила-бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою. Если эти безсвязные отрывки покажутся тебѣ достойными тисненія, то напечатай; да сдѣлай милость, не уступай этой сукѣ...., отгрызайся за каждый стихъ и загрызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: припиши къ Бахчисараю предисловіе или послѣсловіе, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы. Прилагаю при семъ полицейское посланіе, яко матеріалъ; почерпни изъ него свѣдѣнія, разумѣется, умолчавъ объ ихъ источникѣ. Посмотри также въ Путешествіи Апостола-Муравьева статью Бахчисарай, выпиши изъ нея что поснoснѣе, да заворожи все это своею прозою, богатою наслѣдницею твоей прелестной поэзіи, по которой ношу трауръ. Полно, не воскреснетъ-ли она? Что тебѣ пришло въ голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чинъ чина почитай. Я-бы и для Россіи не пошевелился. Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. О печати и думать нечего: пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія. Лучше объ ней и не думать; а если брать, такъ брать; не то, что и когтей марать. Новое изданіе очень мило. Съ Богомъ, милый ангелъ или ангелъ Асмодей. Вообрази, что я еще не читалъ твоей статьи, побѣдившей цензуру? Вотъ каково жить по-азіатски, не читая журналовъ. Одесса—городъ европейскій; вотъ почему русскихъ книгъ здѣсь и не видать.—*А. П.*

Василью Львовичу, дядѣ, кланяюсь и пишу на дняхъ.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Одесса, ноябрь.*—Конечно ты правъ, и вотъ тебѣ перемѣны (къ Бахчисарайскому фонтану) Язвительныя лобзанія. Поставь п р о н з и т е л ь н ы х ъ. Это будетъ ново. Дѣло въ томъ, что моя грузинка кусается, и это непремѣнно должно быть извѣстно публикѣ. Х л а д н а г о с к о п ц а уничтожаю изъ уваженія въ давней дѣвственности А. П.

Не зритъ лицо его гаремъ.
Тамъ...
И не утѣшены никѣмъ,
Старѣютъ жены.

Меня ввелъ во искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей «Тавридѣ»: П о д ъ с т р а ж е ю с к о п ц о в ъ г а р е м а. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть, а къ тому-же я желалъ-бы оставить русскому языку нѣкоторую библейскую откровенность. Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе.

Но вѣрой матери моей
Была твоя...

Если найдешь удачную перемѣну, то подари меня ею, если-жъ нѣтъ, оставь такъ. Р а в н а г р у з и н к а к р а с о т о ю, п о л и н к а к р..., а слово грузинка тутъ необходимо. Впрочемъ, дѣлай, что хочешь. Апостолъ (Муравьевъ-Апостолъ) написалъ свое путешествіе по Крыму; оно печатается. Впрочемъ, ожидать его нечего. Что такое Грибоѣдовъ? Мнѣ сказывали, что онъ написалъ комедію на Чаадаева; въ теперешнихъ обстоятельствахъ это чрезвычайно благородно съ его стороны (тогда Чаадаева преслѣдовали)! Посылаю Р а з б о й н и к о в ъ. Какъ бишь у меня? В п е р я л ъ о н ъ н е п о д в и ж н ы й в з о р ъ; поставь л ю б о п ы т н ы й, а стихъ все-таки калмыцкій.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 11 ноября.* — Вотъ тебѣ и Р а з б о й н и к и. Истинное происшествіе подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Днѣпръ и спаслись. Ихъ отдыхъ на островкѣ, потопленіе одного изъ стражей мною не выдуманы Нѣкоторые стихи напоминаютъ переводъ Ш и л ь о н с к а г о У з н и к а. Это несчастіе для меня. Я съ Жуковскимъ сошелся нечаянно; отрывокъ мой написанъ въ концѣ 1821 года.

Бар. А. А. Дельвигу.— *Одесса, 16 ноября.* Мой Дельвигъ, я получилъ всѣ твои письма и отвѣчалъ почти на всѣ. Вчера повѣяло мнѣ жизнію лицейской; слава и благодареніе за то тебѣ и моему Пущину! Вамъ скучно, намъ скучно: сказать-ли вамъ сказку про бѣлаго быка? Душа моя, ты слишкомъ мало пишешь, по крайней мѣрѣ слишкомъ мало печатаешь. Впрочемъ, я живу по-азіатски, не читая вашихъ журналовъ. Надняхъ попались мнѣ твои прелестные сонеты прочелъ ихъ съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностью за вдохновенное воспоминаніе дружбы нашей. Раздѣляю твои надежды на Языкова и давнюю любовь къ непорочной музѣ Баратынскаго. Жду и не дождусь появленія въ свѣтъ вашихъ стиховъ; только ихъ получу, заколю агнца, восхвалю Господа и украшу цвѣтами свой шалашъ, хоть Барковъ находитъ это слишкомъ сладострастнымъ.—Сатира къ Гнѣдичу мнѣ не нравится, даромъ, что стихи прекрасные въ нихъ мало перца; Сомовъ безмундирный непростительно. Просвѣщенному-ли человѣку, русскому сатирику, пристало смѣяться надъ независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежскаго совѣтника Измайлова. Жду также Полярной Звѣзды. Жалѣю, что мои элегіи писаны противъ религіи и правительства: я полу-Хвостовъ люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать въ печать (а видѣть ихъ въ печати). Ты просишь Бахчисарайскаго Фонтана онъ надняхъ отосланъ къ Вяземскому. Это безсвязные отрывки, за которые ты меня пожуришь, а все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, въ которой забалтываюсь до-нельзя (Евгеній Онѣгинъ). Барковъ ея не увидитъ, за то что онъ фи-дитя, блажной дитя. Богъ знаетъ, когда мы и прочитаемъ ее вмѣстѣ—скучно, моя радость! вотъ припѣвъ моей жизни. Если бъ хоть братъ Левъ прискакалъ ко мнѣ въ Одессу! гдѣ онъ, что онъ? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія. —Правда-ли, что ѣдетъ къ вамъ Россини и итальянская опера?—Боже мой! это представители рая небеснаго. Умру съ тоски и зависти.—*А. П.*

P. S. Вели прислать мнѣ нѣмецкаго Плѣнника (переводъ „Кавказскаго Плѣнника“).

Неизвѣстнымъ дамамъ въ Кишиневѣ (черновое, по-французски). *Одесса, ноябрь.*

Да, я отгадалъ, вы именно тѣ двѣ очаровательницы, которыя вспомнили о бывшемъ кишеневскомъ отшельникѣ. Я тысячу разъ осыпалъ поцѣлуями эти строки, напоминавшія мнѣ столько сумасбродствъ, терзаній, ума, граціи, мазурокъ и т. д. Какъ жестоки вы, сударыня, предполагая, что я способенъ веселиться тамъ, гдѣ не могу ни встрѣтить, ни забыть васъ. Увы, любезная Maiguine, вдали отъ васъ, я чувствую себя неловко, мрачно и даже замѣчаю въ себѣ отливъ умственныхъ силъ. Я даже утратилъ способность писать каррикатуры, хотя жена проф. Мурузи очень легко можетъ наводить на нихъ. Меня преслѣдуетъ только одна мысль, а именно возвратиться, пасть къ вашимъ ногамъ и посвятить вамъ, какъ говорилъ одинъ добродушный поэтъ, тотъ остатокъ себя, который я еще могу назвать своимъ. Вспоминаете-ли вы еще о корректурахъ, которыя дѣлали во время оно? О, какъ было-бы хорошо, если бы вы могли повторить ихъ здѣсь! Но развѣ правда, что вы думаете возвратиться въ Одессу? Пріѣзжайте, ради Бога. Чтобы привлечь васъ —у насъ здѣсь балы, итальянская опера, вечера, концерты, чичисбеи, вздыхатели и все, что вы только захотите. Я буду передразнивать обезьяну и нарисую вамъ г-жу Воронцову въ 8-ми позахъ Аретина.

Кстати объ Аретинѣ, я вамъ долженъ сказать, что сдѣлался цѣломудренъ и добродѣтеленъ — разумѣется, на словахъ; мое поведеніе всегда отличалось этими свойствами. Очень пріятно теперь смотрѣть на меня и слушать. Не ускоритъ-ли это вашего пріѣзда? Еще разъ прошу васъ именемъ неба пріѣхать и простить мнѣ вольности, иногда попадающіяся въ моихъ письмахъ къ той, которая слишкомъ умна для того, чтобы быть недотрогой, но которую я люблю и уважаю.

Что же касается васъ, прелестная капризница, то вашъ почеркъ заставилъ меня встрепенуться. Не говорите, что вамъ извѣстенъ мой характеръ; если-бы вы меня знали, то не огорчили-бы сомнѣніемъ въ моей преданности къ вамъ и искренности моихъ сожалѣній.

S. всегда слылъ за человѣка съ сверхъестественнымъ терпѣньемъ. А. сказалъ о немъ, что гдѣ-бы онъ ни былъ, отъ него всюду разитъ терпѣніемъ...

А. И. Тургеневу.—*Одесса, 1 декабря.* — Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ „Сынѣ Отечества“ поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе, и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и не вольнаго европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было-бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня; я сталъ скученъ, какъ Грибко, и благоразуменъ, какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежняя живость!
Простите-жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе... Терпите, о друзья
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Кстати о стихахъ: вы желали видѣть оду па смерть Наполеона. Она не хороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:
(слѣдуютъ три строфы отъ „Когда надеждой озаренный“ до „Ихъ цѣпи лаврами обвилъ“. (См. въ алфавитномъ указателѣ стихотвореніе „Наполеонъ“).

Вотъ послѣдняя: «Да будетъ омраченъ позоромъ». (Тамъ-же).

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 г. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ надняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа: «Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя». (См. алфавитный указатель).

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня насчетъ Н. М. и К. А. Карамзиныхъ. Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, антипольская, небесная княгиня Е. И. Голицына? Возможно-ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ?

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принцессы Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ три года не напишетъ? Правда-ли, что онъ переводитъ «Гяура»? А я надосугѣ пишу новую поэму «Евгеній Онѣгинъ», гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

И. Н. Инзову (по франц.). *Одесса, послѣ 8 декабря.*—Посылаю вамъ, генералъ, 360 рублей, которые я вамъ такъ давно былъ долженъ. Примите увѣреніе въ моей благодарности. У меня не хватаетъ духа извиниться передъ Вами: мнѣ очень совѣстно, что я не могъ до сихъ поръ уплатить Вамъ этого долга. Но дѣло въ томъ, что я находился въ крайней нуждѣ. Примите и пр.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 20 декабря.*

Какая-бъ ни была вина.

Такъ и у меня начерно.

Символъ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина.

Вина, culpa, faute: symbole téméraire, faute déplorable de l'ignorance. У насъ слово вина имѣетъ два значенія: одно изъ нихъ здѣсь не имѣло-бы смысла. Оставь эти стихи, пускай они aux Saumaises futurs préparent des tortures (Стихъ Буало).

Я-бы хотѣлъ узнать, нельзя-ли въ перепискѣ нашей избѣгнуть какъ-нибудь почты. Я-бы тебѣ переслалъ кой-что слишкомъ для нея тяжелое. Сходнѣе намъ въ Азіи писать по оказіи. Что Кривцовъ? Его превосходительство могъ-бы мнѣ аукнуть. Я жду Полярной Звѣзды въ надеждѣ видѣть тебя распечатнаго. Что журналъ Анахарсиса-Клоца Кюхельбекера („Мнемозина")? Рисунокъ съ Фонтана оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе; не ради славы прошу, а ради Мамона.

Ты, кажется, собираешься сдѣлать заочное описаніе Бахчисарая? Брось это. Мадригалы Софьѣ Потоцкой, это дѣло другое. Впрочемъ, въ моемъ эпилогѣ описаніе дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно, и Зонтагъ болѣе моего не замѣтитъ. Что, если-бъ ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы-бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ. Пріѣзжай, ей-Богу, веселѣе здѣсь, чѣмъ у васъ на сѣверѣ!

Ф. Ф. Вигелю (черновое). *Одесса, декабрь.*

Проклятый городъ Кишиневъ!
Тебя бранить языкъ устанетъ!
Когда-нибудь на грѣшный кровъ
Твоихъ запачканныхъ домовъ
Небесный громъ, конечно, грянетъ—
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падутъ, погибнутъ, пламенѣя,
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варѳоломея (молд. бояринъ).
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ;
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю:
Я слишкомъ съ библіей знакомъ
И къ лести вовсе не привыченъ;
Содомъ, ты знаешь, былъ отличенъ
Не только вѣжливымъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостепріимными домами
И красотою стройныхъ дѣвъ;
Мнѣ жаль, что пламенемъ, громами
Его сразилъ Еговы гнѣвъ.
. . . .
Въ блаженствѣ, въ развлеченьяхъ свѣта
Избранный Богомъ человѣкъ
Провелъ-бы тамъ свой мирный вѣкъ.
Но въ Кишиневѣ, видишь самъ,
Ты не найдешь ни милыхъ дамъ,
Ни сводни, ни книгопродавца.
Жалѣю о твоей судьбѣ;
Не знаю, придутъ-ли къ тебѣ
Подъ вечеръ милыхъ три красавца.
На всякій случай, милый другъ,
Лишь только будетъ мнѣ досугъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь я...
Тебѣ служить я буду радъ
Своей бесѣдою шальною,
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель, пощади мой...

Эти стихи, слѣдственно, шутка. Не сердитесь и усмѣхнитесь, любезный Филиппъ Филипповичъ. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ я скучалъ три года. Желаю васъ развѣять хоть на минуту и сообщаю вамъ свѣдѣнія, которыхъ вы требовали отъ меня въ письмѣ къ Шв. Изъ трехъ, думаю, годенъ къ употребленію въ пользу собственно меньшой. Онъ спитъ въ одной комнатѣ съ братомъ Михаиломъ... Изъ этого можете вывести важныя заключенія. Предоставляю ихъ вашей опытности и благоразумію. Старшій братъ, какъ вы и замѣтили, глупъ, какъ а...скій жезлъ, слѣдственно, чортъ съ нимъ. Обнимите ихъ отъ меня дружески и также скажите имъ, что Пушкинъ цѣлуетъ ручки Майгинъ и желаетъ ей счастья на землѣ, умалчивая о небесахъ, о которыхъ не получилъ еще достаточныхъ свѣдѣній. Пульхеріи Варѳоломей объявите за тайну, что я влюбленъ въ нее безъ памяти и буду на дняхъ экзекуторъ и камергеръ, въ подражаніе другу Завальскому (чиновникъ у Воронцова). Полторацкимъ поклонъ и старая дружба. Алексѣеву тоже и еще что-нибудь. Гдѣ и что Липранди? Мнѣ брюхомъ хочется видѣть его. У насъ холодно, грязно. Обѣдаемъ славно. Я пью, какъ Лотъ Содомскій, и жалѣю, что не имѣю съ собой ни одной дочки. Недавно выдался намъ молодой денекъ. Я былъ президентомъ попойки. Всѣ перепились и потомъ поѣхали...

Н. И. Кривцову. *Одесса, декабрь.* — Милый мой Кривцовъ, помнишь Пушкина? Не думай, что онъ впервые послѣ разлуки пишетъ къ тебѣ. Но Богъ знаетъ, почему письма мои къ тебѣ не доходили. О тебѣ доходятъ до меня только темные слухи. А ты ни строчкой не порадовалъ изгнанника! Правда-ли, что ты сталъ аристократомъ? Это дѣло. Но не забывай демократическихъ друзей 1818 года Всѣ мы разбрелись. Всѣ мы перемѣнились. О дружба, дружба!

А. Н. Раевскому (черновое, по-французски). — Константинопольскіе нищіе, карманные воришки, бродяги безъ смѣлости, которые не могли выдержать перваго огня даже плохихъ турецкихъ стрѣлковъ—вотъ что они. Они составили-бы забавный отрядъ въ арміи графа Витгенштейна. Что касается до офицеровъ, то они еще хуже солдатъ. Мы видѣли этихъ новыхъ Леонидовъ на улицахъ Одессы и Кишинева, со многими изъ нихъ были лично знакомы, и свидѣтельствуемъ теперь о нихъ полномъ ничтожествѣ: ни малѣйшей идеи о военномъ искусствѣ, никакого понятія о чести, никакого энтузіазма. Они отыскали средство быть пошлыми въ то самое время, когда разсказы ихъ должны были-бы интересовать каждаго европейца. Французы и русскіе, которые здѣсь живутъ, не скрываютъ презрѣнія къ нимъ, вполнѣ ими заслуженнаго; да они все и переносятъ, даже палочные удары, съ хладнокровіемъ, поистинѣ достойнымъ Ѳемистокла. Я не варваръ и не апостолъ Корана, дѣло Греціи меня живо трогаетъ: вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ (mise-

rables) выпала священная обязанность быть защитниками свободы.

А. А. Шишкову.—Съ ума ты сошелъ, милый Шишковъ; ты мнѣ писалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: «Милостивый государь», «лестное ваше знакомство», «честь имѣю», «покорнѣйшій слуга»,—такъ что я и не узналъ моего царскосельскаго товарища. Если заблагоразсудишь писать ко мнѣ, впередъ прошу тебя быть со мною на старой ногѣ, не то, мнѣ будетъ грустно. До сихъ поръ жалѣю, душа моя, что мы не столкнулись на Кавказѣ; могли бы мы и стариной тряхнуть, и поповѣсничать, и въ язычки постучать. Впрочемъ, судьба наша, кажется, одинакова, и родились мы, видно, подъ однимъ созвѣздіемъ. Пишетъ-ли къ тебѣ общій нашъ пріятель Кюхельбекеръ? Онъ на меня надулся, Богъ знаетъ почему. Помири насъ.

Что стихи? Куда зарылъ ты свой золотой талантъ? Подъ снѣгами Эльбруса, подъ тифлисскими виноградниками? Если у тебя есть что-нибудь, пришли мнѣ; право, сердцу хочется! Обнимаю тебя; письмо мое безтолково, да некогда мнѣ быть толковѣе.—*А. Пушкинъ.*

P. S. Недавно я узналъ, что ты знакомъ и родственникъ почтенному нашему Александру Ивановичу Казначееву, правитель канцеляріи гр. Воронцова. Онъ доставляетъ мнѣ случай снестись съ тобою, а самъ заваленъ бумагами и дѣлами: любить тебя есть ему время, а писать къ тебѣ—наврядъ.

1824.

Л. С. Пушкину. *Одесса, январь.*—Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. Н. Раевскій здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; зачѣмъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ-бы сочлись, а иначе, Богъ знаетъ, когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его м—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя: такому-то въ З. Д., что̀ напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы! Были-бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лекарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги: таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что Бахчисарайскій Фонтанъ у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится-ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это безделица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи и долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на что̀ ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость. Долго-ли этому быть? Кстати о гадости — читалъ я «Ѳедору» Лобанова (Федра, трагедія Расина, переведенная М. Лобановымъ. (Спб. 1823) - хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи г. Расина! Voulez-vous découvrir la trace de ses pas—

надѣешься найти
Тезея жаркій слѣдъ, иль темные пути—

м... его въ риѳму! вотъ какъ все переведено. А чѣмъ и держится Иванъ Ивановичъ Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеръ «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобрѣтеніи; Тезей не что иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Ипполитъ, le superbe, le fier Hyppolyte et même un peu farouche, Ипполитъ, суровый скиѳскій выб...,—не что иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный

D'un mensonge si noir... и проч.

Прочти всю эту хваленую тираду, и удостовѣришься, что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица: сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой—увидишь разницу умовъ. А Тераменъ, аббатъ и сводникъ—vous même où seriez vous etc... вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь. «Войнаровскій» полонъ жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать; но если не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега Вѣщаго» и напечаталъ. Можетъ быть, я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»: это—лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, и порядочно не расчухалъ.

А. А. Бестужеву.—*Одесса, 12 января.* — Конечно, я на тебя сердитъ и готовъ, съ твоего позволенія, браниться хоть до завтра. Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно. Ты пишешь, что безъ трехъ послѣднихъ стиховъ элегія не имѣла-бы смысла. Великая важность! а какой-же смыслъ имѣетъ: Какъ ясной влатою полубогиня грудь вздымала или: съ болѣзнью и тоской твои глаза? и проч. Я давно уже не сержусь за опечатки, но встарину мнѣ случалось забалтываться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моей воли, ни бѣдной собственности! Это простительно Воейкову, но et tu autem, Brute.

Гнѣдичъ шутитъ со мной шутки въ другомъ родѣ. Онъ разгласилъ, будто-бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе, отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ Сынѣ Отечества: напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ.

Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ мои пени и просьбы, и обнимаю тебя sans rancune и съ благодарностью за все остальное—прозу и стихи. Ты—все ты, т. е. милъ, живъ, уменъ; Баратынскій—прелесть и чудо. Признаніе—со-

вершенство! Послѣ него никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступить со мною милостивѣе. Рылѣева Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его Думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ. Дельвигъ—молодецъ. Я буду ему писать... Готовъ христосоваться съ тобой стихами, но сдѣлай милость... пощади! Прощай, мой милый Walter. Туманскаго вчера и сегодня я не видалъ и письма твоего не отдалъ. Онъ славный малый, но какъ поэта я не люблю его. Дай Богъ ему премудрости.—*А. Пушкинъ*.

Ѳ. В. Булгарину.—*Одесса, 1 февраля.*— Вы очень меня обяжете, если помѣстите въ своихъ „Листкахъ“ здѣсь прилагаемыя двѣ пьесы. Онѣ были съ ошибками напечатаны въ Полярной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ людяхъ бѣда не большая, но стихи—не люди. Свидѣтельствую вамъ искреннее почтеніе.

А. А. Бестужеву.—*Одесса, 8 февраля.*—Ты не получилъ, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на одинъ разъ. О твоей повѣсти („Замокъ Нейгаузенъ“) въ Полярной Звѣздѣ скажу, что она не въ примѣръ лучше (т. е. занимательнѣе) тѣхъ, которыя были напечатаны въ прошломъ годѣ, et c'est beaucoup dire. Корниловичъ—славный малый и много обѣщаетъ, но зачѣмъ пишетъ онъ: для снисходительнаго вниманія, милостивый государь NN и ожидаетъ одобрительной улыбки прекраснаго пола, для продолженія любопытныхъ своихъ трудовъ? Все это старо, ненужно и слишкомъ уже пахнетъ Шаликовскою невинностью. Булгар. говоритъ, что Бестужевъ отличается «новостію мыслей»; можно-бы съ большимъ уваженіемъ употреблять слово «мысли».

Арабская сказка (О. И. Сенковскаго)—прелесть. Совѣтую тебѣ держать за воротъ этого Сенковскаго. Между поэтами не вижу Гнѣдича — это досадно; нѣтъ и Языкова—и его жаль. Похабный мадригалъ А. Родзянки можно-бы оставить покойному Нахимову. «Вчера люблю и мыслю» помѣстить современемъ въ грамматику для примѣра безсмыслицы. Плетнева Родина хороша; Баратынскій — чудо; мои пьесы плохи. Вотъ тебѣ и все о Полярной.

Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана не моя вина. Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve

Впрочемъ я писалъ его единственно для себя, а напечаталъ потому, что деньги были нужны.

Третій пунктъ, и самый нужный, съ эпиграфомъ: безъ церемоніи. Ты требуешь отъ меня десятка пьесъ, какъ будто у меня ихъ сотни. Едва-ли выберу ихъ и пятокъ, да и то не забудь моихъ отношеній съ цензурой. Даромъ у тебя брать денегъ не стану; къ тому-же, я обѣщалъ Кюхельбекеру, которому вѣрно мои стихи нужнѣе, нежели тебѣ.—Объ моей поэмѣ (Евгеній Онѣгинъ) нечего и думать. Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ.

Прощай, поклонъ Рылѣеву, обними Дельвига, брата и братью.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 8 марта.*— Отъ всего сердца благодарю тебя, милый европеецъ за неожиданное посланіе или посылку. Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняетъ: ты продалъ все изданіе за 3000 р., а сколько-же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа, вычти изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, да пришли ихъ сюда. Рости имъ не зачѣмъ. А у меня имъ не залежаться, хоть я, право, не мотъ. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо, я не принадлежу къ нашимъ писателямъ 18 вѣка: я пишу для себя, а печатаю для денегъ, а ничуть не для улыбки прекраснаго пола.

Жду съ нетерпѣніемъ моего Фонтана, т. е. твоего предисловія. Недавно прочелъ я твои давнишнія замѣчанія на Булгарина: это—лучшая изъ твоихъ полемическихъ статей. „Жизнь Дмитріева“ еще не видалъ; но, милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова. Твое мнѣніе должно быть закономъ въ нашей словесности, а ты, по непростительному пристрастію, судишь вопреки своей совѣсти и покровительствуешь чортъ знаетъ кому. И что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. Ты его когда-то назвалъ le poëte de notre civilisation. Быть такъ, но хороша наша civilisation!

Твое порученіе отыскать тебѣ домъ обрадовало меня несказанно. Дѣло не къ спѣху, однако изволь изъяснить мнѣ потолковѣе, что такое: въ началѣ лѣта и недорого. Левъ Нарышкинъ, съ которымъ я ужъ объ этомъ говорилъ, уѣзжаетъ въ чужіе края въ началѣ лѣта. Онъ нанимаетъ здѣсь домъ за 500 р. въ мѣсяцъ, а дачу не очень помню за сколько. Я-бы совѣтовалъ тебѣ для дѣтей нанять дачу, потому что въ городѣ пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочемъ, твоего слишкомъ дорого не понимаю: ты деньги всѣ вѣдь истратишь, если не на то, такъ на другое. Жду отвѣта. Сергѣя Волконскаго здѣсь еще нѣтъ.

Неизвѣстному лицу въ Москвѣ. — *Одесса, мартъ.*—... Читая Библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго аѳеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный аѳей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent créateur et régulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная.....

Кн. П. А. Вяземскому. — *Одесса, мартъ — апрѣль.* — Сейчасъ возвратился изъ Кишинева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, какъ тебя благодарить. „Разговоръ“ (предисловіе) — прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудно шагнулъ впередъ. Недавно прочелъ я и жизнь Дмитріева. Все, что въ ней разсужденіе — прекрасно. Но эта статья tour de force et affaire de parti. Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тисну. Тогда

du choc des opinions jaillira de l'argent. Знаешь-ли что? Твой Разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи романтической поэзіи. Но старая классическая, на которую ты нападаешь, полно, существуетъ-ли у насъ? Это еще вопросъ. Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причастіемъ, что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чѣмъ Херасковъ или дядя Вас. Льв. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію? И чѣмъ онъ классикъ? Гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? Развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣверинной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара? — Мнѣнія Вѣстника Европы не можно почитать за мнѣнія, на Благонамѣренный сердиться невозможно. Гдѣ-же враги романтической поэзіи? Гдѣ столбы классической?! Обо всемъ этомъ поговоримъ на досугѣ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Сленинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь! Да она въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ. А я думалъ, что это ошибка географовъ. Дѣло стало за цензурой; а я не шучу, потому что дѣло идетъ о будущей судьбѣ моей, о независимости, мнѣ необходимой. Чтобъ напечатать Онѣгина, я въ состояніи... Какъ-бы то ни было, готовъ хоть въ петлю. Кюхельбекеру, Матюшкину, Верстовскому усердный мой поклонъ. Буду немедленно имъ отвѣчать. Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая. Каковъ Булгаринъ и вся братія! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники. Прости, душа, да пришли мнѣ денегъ. Ты не понялъ меня, когда я говорилъ тебѣ объ оказіи. — Почтмейстеръ мнѣ въ долгъ вѣритъ, да мнѣ не вѣрится.

Л. С. Пушкину.—*Одесса, 1 апрѣля.* — Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземскій:

„Въ Благонамѣренномъ читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой „Фонтанъ“ еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысячи списковъ съ него—кто-же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.“

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Вѣдь ты взялъ свои 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ—а впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ-бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ: слава! Видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ, какъ «Фонтанъ» расходится — или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова: какъ можно печатать партикулярныя письма — мало-ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской переписке, а имъ-бы все и печатать — это разбой; рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно: ихъ ни въ грошъ не ставлю, а публику почитаю наравнѣ съ книгопродавцами — пусть покупаютъ и врутъ, что хотятъ.—*А. П.*

P. S. Письмо это доставитъ тебѣ Сенявинъ, адъютантъ гр. Воронцова, славнѣйшій малый, мой пріятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь. — Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенный счетъ, да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки, денегъ не шлете, а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо!

А. И. Казначееву (правитель канцеляріи гр. Воронцова). *Одесса, 25 мая.*—Почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю, въ правѣ-ли отозваться на предписаніе его сіятельства (гр. Воронцова). Какъ-бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и пріемлю смѣлость объясниться откровенно насчетъ моего положенія.

Семь лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти семь лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были-бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога, не думайте, чтобъ я сталъ смотрѣть на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка; оно, просто, мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю, что графъ Воронцовъ не захочетъ меня лишить ни того, ни другого.

Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или въ Петербургѣ можно вести книжный торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти 700 руб. не такъ, какъ жалованье чиновника, но какъ паекъ ссылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова такъ-же, какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго человѣка.

Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу Михаилу Семеновичу. Если-бы я хотѣлъ служить, то никогда-бы не выбралъ себѣ другого начальника кромѣ его сіятельства; но, чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшіе успѣхи въ оной.

Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку—я готовъ, но чувствую, что, перемѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

Еще одно слово: вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ уже восемь лѣтъ, какъ ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство какого угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится?

Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и сердечную преданность.

А. И. Казначееву (черновое, по-французски) *Одесса, іюнь.*—Весьма сожалѣю, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронутъ вашимъ участіемъ. Что касается до опа-

сеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыкнуться съ этой идеей. Не о моемъ-ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не дозволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическіе предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ ужъ я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, ужъ кажутся мнѣ товаромъ, по столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ не совсѣмъ ясно, что̀ такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурного пищеваренія того или другого начальника; мнѣ надоѣло видѣть, что меня въ моемъ отечествѣ принимаютъ хуже, чѣмъ какого-нибудь британскаго молокососа, который пріѣзжаетъ къ намъ расточать свою пошлость и безпечную болтовню. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, съумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставлю его въ покоѣ наслаждаться тріумфомъ, потому что такъ-же мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ.

Л. С. Пушкину. *Одесса, 12 іюня.* Ты спрашиваешь моего мнѣнія насчетъ булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что-нибудь о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ»—выйдутъ-ли и когда выйдутъ? Съ перемѣною министерства ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... la coupe était pleine. Бируковъ и Красовскій не въ-терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ-ли онъ Бахчисарайскій Фонтанъ изъ уваженія къ святынѣ академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону—ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-арзамасецъ, но яко разбойникъ-романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первой главой или пѣсью «Онѣгина». Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу: хлопоты другого рода. Непріятности всякаго рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба; но мужу былъ-бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавказскаго Плѣнника» за 2000 р., кому бишь? Вотъ перемѣны:

И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ—и упоительнымъ. Не много... ей дней, ночей—ради Бога. Прощай.

Кн. П. А. Вяземскому. *Одесса, 13—14 іюня.*— Я ждалъ отъѣзда Трубецкого, чтобъ писать тебѣ спустя рукава. Начну съ того, что̀ всего ближе касается до меня. Я поссорился съ Воронцовымъ и завелъ съ нимъ полемическую переписку, которая кончилась съ моей стороны просьбою въ отставку. Но чѣмъ кончатъ власти, еще неизвѣстно. Покамѣстъ не говори объ этомъ никому. А у меня голова кругомъ идетъ. По твоимъ письмамъ къ кн. Вѣрѣ (В. О. Вяземская) вижу, что и тебѣ кюхельбекерно и тошно. Тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ уже не тотъ пламенный демонъ, который создалъ Гяура и Чайльдъ-Гарольда. Первыя двѣ пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ. Постепенности въ немъ не было; онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ—пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child-Harold, Байрона мы не слыхали, а писалъ какой-то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ. Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его героя прелестна, но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила. О судьбѣ грековъ позволено разсуждать, какъ о судьбѣ моей братьи-негровъ. Можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, и мы вообразили, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Пріѣхалъ-бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада, и ты-бы со мною согласился. Да посмотри, что̀ писалъ назадъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ къ Child Harold, тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ однакожъ вирши на смерть его превосходительства..

Хотѣлось-бы мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ думаешь? Я и радъ, и нѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Оппозиція русская, составившаяся, благодаря русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ-бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я исподтишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь, какъ только позволятъ NN говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство,—вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ. Съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана—вообще мой эгоизмъ. Еще слово. Я позволилъ брату продать второе изданіе Кавказскаго Плѣнника. Деньги были нужны, а (какъ я гово-

рилъ) 3-е изданіе отъ насъ не уйдетъ. Да ты пакостишь со мною: дразнишь меня и связываешься чортъ знаетъ съ кѣмъ. Ты вздорный издатель; а Гнѣдичъ, хоть и невыгодный пріятель, за то ужъ копѣйки не подаритъ и смирно себѣ сидитъ, не бранясь ни съ Каченовскимъ, ни съ Дмитріевымъ.—А. П.

Пришли-же и ты мнѣ стиховъ.

А. А. Бестужеву. *Одесса, 29 іюня.* Милый Бестужевъ, ты ошибся, думая, что я сердитъ на тебя—лѣнь одна мнѣ помѣшала отвѣчать на твое послѣднее письмо (другого я не получалъ). Булгаринъ другое дѣло. Съ этимъ человѣкомъ опасно переписываться. Гораздо веселѣе его читать. Посуди самъ: мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти; я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятно-ли вывѣшивать на показъ.. свои.....? Богъ тебя проститъ, но ты осрамилъ меня въ нынѣшней «Звѣздѣ», напечатавъ три послѣдніе стиха моей элегіи.—Чортъ дернулъ меня написать еще некстати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія-то чувствительныя строчки и припоминать тутъ-же элегическую мою красавицу.—Вообрази мое отчаяніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что-жъ она подумаетъ, видя, съ какой охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ петербургскихъ моихъ пріятелей? Обязана-ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась, я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европы (единственный журналъ, на котораго не имѣю права жаловаться), что Булгаринъ не былъ въ правѣ пользоваться перепиской двухъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, перекрестясь, предалъ все это забвенію. Отзвонилъ и съ колокольни долой. Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишешь. Кто-жъ будетъ писать? М. Дмитріевъ, да А. Писаревъ? Хороши! Если-бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ-бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ стравить, поддразнить, или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого-же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду.

Онѣгинъ мой ростетъ, да чортъ его напечатаетъ.—Я думалъ, что цензура ваша поумнѣла при Шишковѣ; но вижу, что и при старомъ по старому. Если согласіе мое не шутя тебѣ нужно для напечатанія Разбойниковъ, то я его никакъ не дамъ, если не пропустятъ грезъ и харчевни (скоты! скоты! скоты!). а п...а—къ чорту его!

Кончу дружеской коммисіей — постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости. Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой-же эгоистъ и пріятный стихотворецъ.—Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту-же цѣну хочетъ у него ихъ купить.—Согласится-ли Аристиппъ Всеволодовичъ? Я-бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles. Покажи ему мое письмо.—Мужайся, дай отвѣтъ скорѣй, какъ говоритъ Богъ Іова или Ломоносова.

Н. В. Всеволожскому (черновое). *Одесса, іюнь.* Не могу повѣрить, чтобы ты забылъ меня, милый Всеволожскій, ты помнишь Пушкина, проведшаго съ тобою столько веселыхъ часовъ,—Пушкина, котораго ты видалъ и пьянаго и влюбленнаго, не всегда вѣрнаго твоимъ субботамъ, но неизмѣннаго твоего товарища въ театрѣ, наперсника твоихъ шалостей, того Пушкина, который отрезвилъ тебя въ страстную пятницу и привелъ тебя подъ руку въ церковь... да помолишься Господу Богу и насмотришься на Вышняго Господа... Сей самый Пушкинъ честь имѣетъ напомнить тебѣ о своемъ существованіи и приступаетъ къ нѣкоторому дѣлу, близко до него касающемуся. Помнишь-ли ты, что я тебѣ полу-продалъ, полу-проигралъ рукопись своихъ стихотвореній, ибо знаешь... родитъ задоръ.. Я раскаялся, но поздно. Нынѣ рѣшился я исправить свои погрѣшности, начиная съ моихъ стиховъ: большая часть ихъ ниже посредственности, годится только на....; нѣкоторые хочется мнѣ спасти. Царь не боится свободы. Продай мнѣ назадъ мою рукопись за ту-же цѣну—1000 р. (я знаю, что ты со мною торговаться не станешь, даромъ-же взять не захочу). Деньги тебѣ доставлю съ благодарностью, какъ скоро выручу... Надѣюсь, что мои стихи у Смирдина не залежатся. Передумай и дай отвѣтъ. Обнимаю тебя.... обнимаю и прошу... когда не свидимся...

А. Н. Раевскому (черновое). *Одесса, іюнь.*—Съ удивленіемъ услышалъ я, что ты почитаешь меня врагомъ освобождающейся Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы, но что-бъ тебѣ ни говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое не доброжелательствовало благороднымъ усиліямъ возрождающагося народа. Жалѣю, что принужденъ оправдываться передъ тобою. Повторю и здѣсь то, что случилось мнѣ говорить касательно грековъ. Исключительные люди по большей части самолюбивы, безпокойны, невѣжественны, упрямы; старая истина, которую все-таки не худо повторить. Они не терпятъ противорѣчія, никогда не прощаютъ неуваженія; они легко увлекаются пышными словами, охотно повторяютъ всякую новость, и, къ ней привыкнувъ, уже не могутъ съ нею разстаться.

Когда что-нибудь дѣлается общимъ мнѣніемъ, то глупость общая вредитъ ему столько-же, сколько и единодушіе его поддерживаетъ. Греки между европейцами имѣютъ гораздо болѣе вредныхъ поборниковъ, нежели благоразумныхъ друзей. Ничто еще не было столь народно, какъ дѣло грековъ, хотя многія въ ихъ политическомъ отношеніи были важнѣе для Европы..

А. И. Тургеневу. *Одесса, 14 іюля.*—Вы ужъ узнали, думаю, о просьбѣ моей въ отставку; съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія своей участи и съ надеждой поглядываю на вашъ сѣверъ. Не странно-ли, что я поладилъ съ Инзовымъ, а не могъ ужиться съ Воронцовымъ. Дѣло въ томъ, что онъ началъ вдругъ обходиться со мною съ непристойнымъ неуваженіемъ, я могъ дождаться большихъ непріятностей и своей просьбой предупредилъ его желанія. Воронцовъ — вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ. Онъ видѣлъ

во мнѣ коллежскаго секретаря, а я, признаюсь, думалъ о себѣ что-то другое. Старичекъ Инзовъ сажалъ меня подъ арестъ всякій разъ, какъ мнѣ случалось побить молдавскаго боярина; правда, — но за то добрый мистикъ въ то-же время приходилъ меня навѣщать и бесѣдовать со мною о гишпанской революціи. Не знаю, Воронцовъ посадилъ-ли-бы меня подъ арестъ, но ужъ вѣрно не пришелъ-бы ко мнѣ толковать о конституціи кортесовъ. Удаляюсь отъ зла и сотворю благо: брошу службу, займусь риѳмой. Зная старую вашу привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я-было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь. Не знаю, пустятъ-ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати; на всякій случай попробую. Послѣдняя перемѣна министерства обрадовала-бы меня вполнѣ, если-бы вы остались на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Это истинная потеря для насъ, писателей. Удаленіе Голицына едва-ли можетъ ее вознаградить. Простите, милый и почтенный! Это письмо будетъ вамъ доставлено кн. Волконской, которую вы такъ любите и которая такъ любезна. Если вы давно не видались съ ея дочерью, то вы изумитесь правотѣ и вѣрности прелестной ея головы. Обнимаю всѣхъ, то есть весьма немногихъ -цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгинѣ Голицыной, constitutionelle ou anti-constitutionelle, mais adorable, comme la liberté. *А. П.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Одесса, 15 іюля.*— За что ты меня бранишь въ письмахъ къ своей женѣ? За отставку, т. е. за мою независимость? За что ты ко мнѣ не пишешь? Пріѣдешь-ли къ намъ въ полуденную пыль? Дай Богъ! Но поладишь-ли ты съ здѣшними властями? Это вопросъ, на который отвѣчать мнѣ не хочется, хоть и можно-бы. Кюхельбекеръ ѣдетъ сюда. Жду его съ нетерпѣніемъ. Да и онъ ничего ко мнѣ не пишетъ. Что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо? Далъ-ли ты ему «Разбойниковъ» для «Мнемозины»? Я-бы и изъ Онѣгина переслалъ-бы что-нибудь, да нельзя: все заклеймено печатью отверженія. Я-было хотѣлъ сбыть съ рукъ Плѣнника, но плутня Ольдекопа мнѣ помѣшала. Онъ перепечаталъ Плѣнника, и я долженъ буду хлопотать о взысканіи по законамъ. Прощай, моя радость. Благослови, преосвященный владыко Асмодей.

А. Н. Вульфу. *Михайловское, 20 сентября.*

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порой,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій прикащикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ!
Что—бутылокъ полный ящикъ.
Запируемъ—ужъ молчи!
Чудо—жизнь анахорета!
Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта;
Дни—любви посвящены,
Ночью -царствуютъ стаканы;
Мы-же—то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверстыми объятіями и съ откупоренными бутылками. — Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подъ строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблагоразсудится мнѣ отвѣчать, пришли письма подъ двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны.

До свиданія, мой милый. *А. П.*

П. А. Плетневу. (черновое). *Михайловское, сентябрь—октябрь.*

Ты издалъ дядю моего,
Творца Опаснаго Сосѣда,—
Достоинъ очень онъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вѣнчала ликъ его.
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыхъ моихъ трудовъ;
Когда ты будешь свой издатель
. . . .

. Безпечно и радостно полагаюсь на тебя въ отношеніи моего Онѣгина. Созови мой ареопагъ: ты, Жуковскій, Вяземскій, Гнѣдичъ и Дельвигъ; отъ васъ ожидаю суда и съ покорностью приму его рѣшеніе. Жалѣю, что нѣтъ Баратынскаго: говорятъ, онъ...

Л. С. Пушкину. *Михайловское, конецъ октября.*—Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику Кавказскаго Плѣнника (спросить у Греча)? Да книгъ, ради Бога, книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ альманаховъ, то скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ, въ томъ числѣ и «Талію» (альманахъ Булгарина). Кстати о таліи: надняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею (Вульфъ), и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-тилѣтней дѣвушки, или она — талью 25-тилѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь; надоѣла! Еще коммисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень,—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ. Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался—поставь: «швейцара мимо онъ стрѣлой». Въ «Разговорѣ», послѣ: Искалъ вниманье красоты— нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебныя шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои.

Не забудь Фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русскій, изъ перерусскихъ русскій. Здѣсь слышно, будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонятъ меня отецъ и мать. Впрочемъ, я всего ожидаю. Однако поговори, заступникъ мой, съ Жуковскимъ и съ Карамзинымъ. Я не прошу отъ правительства полумилостей; это была-бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я-бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его. Какъ-бы то ни было, не желаю быть въ Петербургѣ, и вѣрно нога моя дома ужъ не будетъ. Сестру цѣлую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Bayron! Walter Scott! это пища души. Знаешь-ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поз-

дно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ, Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи. — Прощай, моя радость. Что-жъ чухонка Баратынскаго (поэма «Эда»)? Я жду.

В. А. Жуковскому. *Михайловское, 31 октября.* — Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше: но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердитъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволили мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ...

Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить!..

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ, спаси меня.— *А. П.*

Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ А на меня и суда нѣтъ. Я hors de lois.

P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

Б. А. Адеркасу (псковскій губернаторъ). *Михайловское, ноябрь.* — Милостивый государь Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражали мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства.

Л. С. Пушкину. — *Тригорское, въ началѣ ноября.* — Дѣла мои все въ томъ-же порядкѣ; я въ Михайловскомъ рѣдко. Annette очень смѣшна; сестра разскажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя — скука смертная вездѣ. Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о происшествіяхъ, ему извѣстныхъ — я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы — и ты, душа, держи языкъ на привязи. Видѣлъ-ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ-ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1. Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. — найдешь у St-Florent, 2. сѣрныя спички, 3. карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ держитъ и продаетъ), 4. жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5. горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные папы, и что сволочь? Я тружусь во славу Корана («Подражаніе Корану») и написалъ еще кое-что — лѣнь прислать. Прощай; отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой — а то будешь un fréluquet, что гораздо хуже, чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu. Языковъ будетъ въ Дерптѣ не прежде января. — Всѣмъ поклонъ, пиши-же живѣе.— *А. П.*

P. S. Братъ, вотъ тебѣ картина для Онѣгина — найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ чтобъ все въ томъ-же мѣстоположеніи. Та-же сцена, слышишь-ли? Это мнѣ нужно непремѣнно. — Да пришли мнѣ калоши съ Михайломъ.

Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись задомъ о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосье Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ,
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости всталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

Л. С. Пушкину. *Михайловское, въ половинѣ ноября.* — Скажи моему генію-хранителю, моему Жуковскому, что, слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! (наводненіе 7 ноября) ништо проклятому Петербургу! voilà une belle occasion á vos dames de faire de b—t. Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да на долго-ли это его задержитъ въ тинѣ петербургской? Что погреба? — признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется-ли между вами Ноя для насажденія винограда? На святой Руси не штука ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ, это все вздоръ. А вотъ важное: тетка умерла! Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ, или панихиду, смотря по тому, что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «Разговоромъ». Обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ, Анна Николаевна (Вульфъ) на тебя сердита. Рокотовъ (сосѣдъ Осиповыхъ по имѣнію) пересказалъ Прасковьѣ Александровнѣ (Осиповой) твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ! Все-таки она приказала тебя, пустельга, расцѣловать. Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести

съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги, о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ-же: стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису—мочи нѣтъ, какая скучная дура! Жду твоихъ писемъ; что̀ Всеволожскій, что̀ моя рукопись, что̀ письмо мое къ кн. В. Ѳ. (Одоевскому)? Будетъ-ли картина у «Онѣгина»? Что̀ дѣлаютъ Полярные господа (Рылѣевъ и Бестужевъ, издатели «Полярной Звѣзды»)? Что Кюхля? Прощай, душа моя, будь здоровъ и не напейся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У васъ будетъ голодъ, слышишь-ли? Торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не-то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины графини Ивеличъ (Екатерина Марковна) и распечаталъ, полагая, что оно столько-же отвѣтъ мнѣ, какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность и все тутъ. Поцѣлуй ее за меня, т. е. сестру Ольгу, а гр. Екатеринѣ дружеское рукожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пиши-же ко мнѣ.

Ахъ, милый, богатая мысль! распечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки, per fas et nefas продающіяся въ Петербургѣ,—купи, что можно будетъ, подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 24 ноября.*—Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что я надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было-бы, если-бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я-бы связать его велѣлъ! Зачѣмъ-же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

Что-жъ, милый, будетъ-ли что-нибудь для моей маленькой гречанки? Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! она родня поэтамъ по поэзіи; но А...ъ даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего... Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость! Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

Кн. В. Ѳ. Вяземской (черновое по-франц.) *Михайловское, въ ноябрѣ.* Милая и добрая, прелестная и великодушная княгиня Вѣра, я долженъ поблагодарить васъ за ваше письмо; слова были-бы слишкомъ холодны и слабы, чтобы выразить вамъ все мое умиленіе и благодарность. Ваша нѣжная дружба могла-бы удовлетворить всякую душу, не зараженную эгоизмомъ въ такой сильной степени, какъ моя. Она одна служитъ мнѣ утѣшеньемъ въ моихъ невзгодахъ и одна можетъ ослабить силу тоски, снѣдающей мое глупое существованіе. Вы должны знать ее, эту глупую жизнь. Что̀ я предвидѣлъ, то именно и случилось. Мое присутствіе въ нѣдрахъ семьи только способствовало усиленію страданій, и безъ того достаточно реальныхъ. Губернаторъ имѣлъ низость предложить моему отцу быть его агентомъ надо мною. Меня попрекаютъ за ссылку, опасаются быть замѣшанными въ мою опалу, увѣряютъ, что я проповѣдую атеизмъ сестрѣ, этому «небесному созданію», и брату, очень смѣшному и юному субъекту, восторгавшемуся моими стихами, но который, конечно, скучаетъ со мною. Отецъ мой имѣлъ слабость принять на себя обязанность, ставящую его въ фальшивое положеніе по отношенію ко мнѣ. Вслѣдствіе этого я провожу на лошади или въ полѣ все время, когда только не лежу въ постели. Все, напоминающее море, наводитъ на меня грусть, журчанье ручья вызываетъ настоящія страданія; я думаю, что чистое небо заставило-бы меня плакать отъ злости. Но, слава Богу,- небо у насъ сивое, а луна—точно рѣпа.

Относительно сосѣдей, мнѣ стоило только оттолкнуть ихъ въ началѣ,—и вотъ я пріобрѣлъ среди нихъ репутацію Онѣгина и сдѣлался пророкомъ у себя на родинѣ.

Единственнымъ моимъ обществомъ служитъ добрая старая сосѣдка, у которой я часто бываю и выслушиваю ея патріархальныя бесѣды. Ея дочери, непривлекательныя во всѣхъ отношеніяхъ, играютъ мнѣ пьесы Россини, которыя выписаны мною. Я нахожусь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для окончанія моего поэтическаго романа, но скука—холодная муза, и поэма не очень-то подвигается; прилагаю обѣщанную вамъ строфу, покажите ее князю Петру, но предупредите его, чтобы онъ не судилъ по этому образчику о всей книгѣ.

Прощайте, глубокоуважаемая княгиня, и знайте, что я мысленно стою у вашихъ ногъ въ грустномъ настроеніи. Покажите это письмо только тѣмъ, кого я люблю и кто интересуется мною не изъ любопытства, а изъ дружбы. Бога ради пришлите мнѣ словечко изъ Одессы о вашихъ дѣтяхъ. Совѣтывались-ли вы съ докторомъ Мирэ? Какъ онъ поживаетъ, а что М...

Кн. П. А. Вяземскому *Михайловское, 29 ноября.*—Ольдекопъ надоѣлъ. Плюнемъ на него, и квитъ. Предложеніе твое касательно моихъ элегій несбыточно, и вотъ почему: въ 1820 г. переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и роздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется, съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину: мой Коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись, и тогда приступимъ къ изданію элегій, посланій и смѣси. Должно будетъ объявить въ газетахъ, что такъ какъ розданные билеты могли затеряться по причинѣ долговременной остановки изданія, то довольно будетъ, для полученія экземпляра, одного имени съ адресомъ, ибо (солжемъ на всякій страхъ) имена всѣхъ гг. подписчиковъ находятся у издателя. Если понесу убытокъ и потеряю нѣсколько экземпляровъ, пенять не на кого; самъ виноватъ (это остается между нами). Братъ увезъ Онѣгина въ Петербургъ и тамъ его напечатаетъ. Не сердись, милый; чувствую, что въ тебѣ теряю вѣрнѣйшаго попечителя; но въ нынѣшнія обстоятельства всякій другой мой издатель невольно привлечетъ на себя вниманіе и неудовольствія.—

Дивлюсь, какъ Письмо Тани очутилось у тебя. NB. Истолкуй это мнѣ. Отвѣчаю на твою критику. Нелюдимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а убѣгающій отъ людей. Онѣгинъ нелюдимъ для деревенскихъ сосѣдей; какъ полагаемъ, причиной тому то, что въ глуши, въ деревнѣ все ему скучно, и что блескъ одинъ можетъ привлечь его. Если, впрочемъ, смыслъ и не совсѣмъ точенъ, то тѣмъ болѣе истины въ письмѣ. Письмо женщины, къ тому-же 17-лѣтней, къ тому-же влюбленной! Что-жъ, душа моя, твоя проза о Байронѣ? Я жду, не дождусь. Смерть моей тетки не внушила-ли какого-нибудь перевода Вас. Львовичу? Пѣть-ли хоть эпитафію? Пиши мнѣ: Ея высокородію Парасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку, въ село Троегорское, для доставленія А. С., и все тутъ; да найди для конверта ручку почетче твоей. Прощай, добрый слышатель; отвѣчай-же мнѣ на мое полуслово. Княгинѣ Вѣрѣ я писалъ: получила ли она письмо мое? Не кланяюсь, а поклоняюсь ей.

P. S. Знаешь-ли ты мою Телѣгу жизни? (Слѣдуетъ это стихотвореніе. См. алфавитный указатель).

Можно напечатать, пропустивъ руcскій титулъ.

Д. М. Княжевичу (черновое). *Михайловское, ноябрь—декабрь.*—Буря, кажется, успокоилась. Осмѣливаюсь выглянуть изъ своего гнѣзда и подать вамъ голосъ, милый Дмитрій Максимовичъ. Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ я нахожусь въ глухой деревнѣ,—скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба полудня, ни итальянской оперы, ни васъ, друзья мои. Но за то нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна. Сосѣдей около меня мало, я знакомъ только съ однимъ семействомъ, да и то вижу довольно рѣдко,- совершенный Онѣгинъ: цѣлый день верхомъ, вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны; вы, кажется, разъ ее видѣли; она—единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно. Я въ перепискѣ только съ Жуковскимъ и Вяземскимъ. Объ Одессѣ—ни слуху, ни духу. Сердце вѣсти проситъ,—а то не смѣлъ затѣять переписку съ оставленными товарищами (долго крѣпился, но не утерпѣлъ). Ради Бога, слово живое объ Одессѣ,—скажите мнѣ, что у васъ дѣлается; скажите, во-первыхъ, выздоровѣла-ли Катенька. Гр. Р. я сердечно желаю всего, счастья, почт. и благо...

В. А. Жуковскому. *Михайловское, декабрь.*—Не знаю, получилъ-ли ты очень нужное письмо; на всякій случай, повторю вкратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за-живое. Восьмилѣтняя Родося Сафіоносъ, дочь грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупянской, жены бывшаго вице-губернатора Бессарабіи. Нельзя-ли сиротку пріютить? Она—племянница русскаго полковника, слѣдовательно, можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ провидѣнье.—О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть, тебя разсержу, выливая, что у меня на сердцѣ.—Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ, какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ-же: обними изъ нихъ, кого можно; прочимъ—всю душу.

Л. С. Пушкину *Михайловское, декабрь.*—Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай хоть съ П. А.(Плетневымъ), хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я, по глупости лѣтъ, прислалъ тебѣ святочную пѣсенку. Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons.

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить «Онѣгина» изъ-подъ цензуры—слава....—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, кромсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—некогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги; да пришли-же мнѣ всевозможные календари (альманахи), кромѣ придворнаго и академическаго. Кстати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто: о Карамзинѣ, о нихъ, Жуковскомъ, Тургеневѣ А., Сѣверинѣ, Рылѣевѣ и Бестужевѣ и вообще о толкахъ публики.—Насѣли-ли на Воронцова?... говорятъ, бѣсится - за что-бы, кажется? да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина, такъ и сыру, не забудь и (говоря по делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ; зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, и мѣстѣ пребыванія Чадаева (эти условныя выраженія должны были означать устройство пересылки денегъ и корреспонденціи за границу, въ случаѣ бѣгства). Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала!

Впрочемъ всѣхъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ-ли ты письмо мое о потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ: voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b - t?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, 4 декабря.*—Не стыдно-ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «Демона!» моего «Демона!» послѣ этого онъ и Вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стиховъ отъ меня. NB. г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ—одна забава,
Немножко стоитъ вамъ присѣсть.

Понимаете? Да нельзя-ли еще подъ «Разговоромъ» поставить число: 1823 годъ? Стихъ «вся жизнь, одна-ли, двѣ-ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопродавца. Mes arrière-neveux me devront cet ombrage. Съ журналистами дѣлай, что угодно; дарю тебѣ мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Михайло привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина—то-же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось прежде преди-

словіе Исторіи Карамзина. При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытіе театра и запрещеніе баловъ (послѣ наводненія 7 ноября)—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освѣщеніе бельэтажа, могли-бы разбить зеркальныя окна — и былъ-бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ-бы я похвалить и прочія мѣры правительства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ; но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? Объ этомъ зимою не грѣхъ-бы подумать, хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на-ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассессоромъ Панаевымъ. Пришли-же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду.

Кланяйся Вас. Вас. Энгельгардту и Гнѣдичу, и Плетневу, и Онѣгину, и Сленину. Присылай мнѣ «Старину»; это пріятная новость. Торопи Дельвига; надѣюсь, что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Онѣгина?

(Приписка сестрѣ). Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. J. est vrai, c'est joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p... sur son tombeau. Няня исполнила твою коммисію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цѣлуетъ тебя, я также. Твои Троегорскія пріятельницы несносныя.... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, конецъ декабря.* — Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздравляю тебя съ Рождествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ Цвѣтовъ („Сѣверные Цвѣты") да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцѣлуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина. Да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

Л. С. Пушкину (черновое). *Михайловское, декабрь.*

Что-же? Будетъ-ли вино,
Лайонъ? Жду его давно.
Знаешь-ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажды полная свобода
И терпимость всякихъ винъ!
Погребъ мой гостепріимный
Радъ мадерѣ золотой
И подъ пробкой смоляной
Сенъ-Пере бутылкѣ длинной.
Въ лѣта [illegible]ныя мои,
Въ лѣта юности безумной,
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви.
Но бургонское ....
Мнѣ понравилось потомъ;
Нынѣ нѣтъ во мнѣ пристрастья:
Безъ разбора....
Вина обхожу кругомъ...

Бар. А. А. Дельвигу. *Михайловское, декабрь.* — Путешествіе по Тавридѣ прочелъ я съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Я былъ на полуостровѣ въ тотъ-же годъ и почти въ то-же время, какъ и Иванъ Матвѣевичъ. Очень сожалѣю, что мы не встрѣтились. Оставляю въ сторонѣ остроумныя его изысканія; для повѣрки оныхъ потребны обширныя свѣдѣнія. Но знаешь-ли, что болѣе всего поразило меня въ этой книгѣ? Различіе нашихъ впечатлѣній - посуди самъ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (Изъ Тамани въ Керчь) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митридатову гробницу (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапеи не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи—и только. Изъ Ѳеодосіи до самаго Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулися полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный...

Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностію неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я объѣхалъ полуденный берегъ, и Путешествіе Муравьева оживило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по скаламъ Кикинеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ-же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ:

по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риѳмы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья? и пр. (См въ Алфавит. указател: Посланіе къ Чаадаеву).

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К. (Раевская) поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. Раевскій почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище—

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говоритъ Муравьевъ, я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то-бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей и имъ очаровано все, что подвластно ему?... и проч.

Н. И. Кривцову (? черновое) *Изъ Михайловскаго.* — Помнишь-ли ты, житель свободной Англіи, что есть на свѣтѣ Псковская губернія, откуда пишетъ тебѣ твой лѣнивецъ, котораго ты вѣрно помнишь и любишь, который о тебѣ каждый день грустить, на котораго ты можешь и долженъ-бы сердиться, но не знаю, сердишься-ли.

Я не люблю писать: языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ-бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ объ нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга.

1825.

Л. С Пушкину. *Михайловское, январь.* — Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ, принятыхъ въ твоемъ отношеніи. — Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится, то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ-нибудь книгопродавцемъ. Опиши о впечатлѣніи, имъ произведенномъ.— У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ былъ я вынести. А то-бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть. Я велѣлъ Розѣ отдать мнѣ счеты. Она показала мнѣ, что за два года (1823 и 4-й) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 руб. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 руб.; изъ нихъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ Петербургъ. Узнай и опиши обстоятельно, сколько именно положено ей благостыни и заплачено-ли что-нибудь въ эти два года? Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и старосты — велѣлъ перемѣрять хлѣбъ и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впрочемъ, она—мерзавка и воровка. Покамѣстъ я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? потому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина. Они надняхъ меня зарѣжутъ.—Покамѣстъ я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ два отрывка изъ «Онѣгина», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ.... а кто виноватъ? Все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или подъ «Моремъ и Землею» должно было поставить: идиллія Мосха.—Отъ этого я-бы не удавился, а Біонъ старикъ при своемъ остался-бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни—но тутъ я самъ виноватъ

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то распечатай — позволяю. Плетнева цѣлую и буду писать.

Да пришли же мнѣ Старину и Талію. Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ издателю или... Невскаго Альманаха. Прочитай его, да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье — добро! Начало Кота Измайлова очень мило.

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотри Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, январь.*—Некогда мнѣ писать княгинѣ. Благодари ее за попеченіе, за укоризны, даже за совѣты: ибо все носитъ отпечатокъ ея дружбы, для меня драгоцѣнной. Ты, конечно, правъ: болѣе чѣмъ когда-нибудь обязанъ я уважать себя. Унизиться передъ правительствомъ была-бы глупость. Довольно ему одного Граббе. (Гр. П. Х. Граббе былъ тогда удаленъ на жительство въ Ярославль).

Я писалъ тебѣ на-дняхъ и послалъ нѣкоторые стихи. Ты мнѣ пишешь: пришли мнѣ всѣ стихи. Легко сказать! Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ Цыганъ. Завѣтныхъ покамѣстъ нѣтъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское. 25 января.* (Слѣдуетъ стихотвореніе „Пріятелямъ" См. алфавитный указатель).

Напечатай гдѣ-нибудь.

Какъ ты находишь статью, что написалъ нашъ Плетневъ? Экая ералашь! Ты спишь, Брутъ! Да скажи мнѣ, кто у васъ изъ Москвы такъ горячо вступился за нѣмцевъ противъ Бестужева (котораго я не читалъ)? Хочешь еще эпиграмму?

Нашъ другъ Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ;
Поэтъ Глаголь, не становись фертомъ;
Дьячекъ Глаголь, ты—ижица въ поэтахъ.

Не выдавай меня, милый: Глаголь (Ѳ. Н. Глинка) бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны.

К. Ѳ. Рылѣеву. *Михайловское, 25 января.*—Благодарю тебя за ты и за письмо. Пущинъ привезетъ тебѣ отрывки изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобы они тебѣ понравились. Жду Полярной Звѣзды съ нетерпѣніемъ; знаешь для чего? для Войнаровскаго. Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужевъ пишетъ мнѣ много объ Онѣгинѣ. Скажи ему, что онъ не правъ. Ужели хочетъ онъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда-же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно, должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраза, и Pucelle, и Веръ-Вера, и Рейнеке-Фуксъ, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова и проч. и проч. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи. Но довольно объ Онѣгинѣ.

Согласенъ съ Бестужевымъ въ мнѣніи о критической статьѣ Плетнева, но не совсѣмъ соглашаюсь съ строгимъ приговоромъ о Жуковскомъ. Зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались? Что ни говори, Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности; къ тому-же, переводный слогъ его останется навсегда образцовымъ. Охъ, ужъ эта мнѣ республика словесности! За что казнить? За что вѣнчать? Что касается до Батюшкова, уважимъ въ немъ несчастіе и несозрѣвшія надежды. — Прощай, поэтъ.

А. А. Бестужеву. *Михайловское, послѣ 25 января.*—Рылѣевъ доставитъ тебѣ моихъ Цыгановъ. Пожури моего брата за то, что онъ не сдержалъ своего слова. Я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма была извѣстна прежде времени; теперь нечего дѣлать, принужденъ ее напечатать, пока не растаскали ее по клочкамъ.

Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ. Вотъ что̀ мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ.—Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи Фамусовъ и Скалозубъ превосходны. Софья начертана не ясно: не то б..., не то московская кузина. Молчалинъ не довольно рѣзко подлъ; не нужно-ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ Репетилова о клубѣ, Загорѣцкій, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія.—Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь-ли, что такое Чацкій? Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что̀ говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину? Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка,—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что̀ такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ? Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ: довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля.

О стихахъ я не говорю — половина должна войти въ пословицу. Покажи это Грибоѣдову; можетъ быть, я въ иномъ ошибся.—Слушая его комедію, я не критиковалъ, а наслаждался. Эти замѣчанія пришли мнѣ въ голову послѣ, когда уже не могъ я справиться.—По крайней мѣрѣ, говорю прямо, безъ обиняковъ, какъ истинному таланту.

Тебѣ, кажется, Олегъ (Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ) не нравится—напрасно. Товарищеская любовь стараго князя къ своему коню и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простодушія, да и происшествіе само по себѣ въ своей простотѣ имѣетъ много поэтическаго.

Листъ кругомъ; на сей разъ довольно. Я не получилъ Литературныхъ Листовъ Булгарина, тотъ нумеръ, гдѣ твоя критика на Боуринга. Вели прислать.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, февраль.*—Что ты замолкъ? Получилъ-ли ты отъ меня письмо, гдѣ говорилъ я тебѣ объ Ольдекопѣ, о собраніи моихъ элегій, о Татьянѣ etc? Въ „Цвѣтахъ“ встрѣтилъ я тебя и чуть не задохся со смѣху, прочитавъ твою Черту мѣстности. Это маленькая прелесть. Чисто сердечный отвѣтъ растянутъ; риѳмы: слезы, розы—завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. Сквозь кашель и сквозь слезы—очень забавно, но вся мужнина рѣчь до: за гробомъ ревность мучитъ—растянута и натянута. Еще мучительнѣй вдвойнѣ—едва-ли не плеоназмъ. Вотъ тебѣ критика, длиннѣе твоей піесы. Да, ты одинъ можешь ввести и усовершенствовать этотъ родъ стихотворенія. Руссо въ немъ образецъ, и его похабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ. Прочелъ я въ Инвалидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что̀ тамъ моего? Море или Телѣга? Что̀ мой Кюхля, за котораго я стражду, но все люблю? Говорятъ, его обстоятельства не хороши—чѣмъ нехороши? Жду къ себѣ на дняхъ брата и Дельвига. Покамѣстъ я одинъ одинешенекъ; живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни. Стихи не лѣзутъ. Я, кажется, писалъ тебѣ, что мои Цыганы никуда не годятся: не вѣрь—я совралъ. Ты будешь ими очень доволенъ. Онѣгинъ печатается; братъ и Плетневъ смотрятъ за изданіемъ; не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь цензуру. Честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое «Второе Посланіе Цензору» (см. Алфавит. указатель)? Тамъ, между прочимъ:

Обдумавъ, наконецъ, намѣренья благія,
. . . .
Опротѣвшаго вѣнца Екатерины etc.

Такъ арзамасецъ говоритъ нынѣ о дядѣ Шишковѣ: tempora altri! Вотъ почему я не рѣшился, по твоему совѣту, къ нему прибѣгнуть въ дѣлѣ своемъ съ Ольдекопомъ. Въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я-же подличалъ благонамѣренно, имѣя въ виду пользу нашей сло-

весности и усмиренія кичливаго Красовскаго. Прощай, кланяйся княгинѣ и дѣтей поцѣлуй.

Л. С. Пушкину. —*Михайловское, въ половинѣ февраля.*— Я съ тобой не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1, потому, что это было-бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе не справедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія, лишить оного двухъ братьевъ была-бы жестокость безъ цѣли, слѣдственно, вовсе не въ духѣ нашего времени, ни...

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣстъ мнѣ довольно скучно: ты мнѣ не присылаешь conversations de Byron, добро! но, милый мой, если только возможно отыщи, купи, выпроси, укради записки Фуше и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Онъ, по мнѣ, очаровательнѣе Байрона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости, Боже, мое согрѣшеніе) Наполеонъ поглупѣлъ—во-первыхъ, лжетъ какъ ребенокъ (т. е. замѣтно); во-вторыхъ, судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какой-нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bertrand и Montholon подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній именно и не находится. Читалъ ты записки Napoléon? Если нѣтъ, такъ прочти. Это, между прочимъ, прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille.

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ (Туманскій) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу: „Дѣвушка влюбленному поэту" кромѣ авторàми. А куда онъ, Коншинъ! Его элегія въ Цвѣтахъ какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей: это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я—министръ иностранныхъ дѣлъ и, кажется, дѣло до меня не касается. Если Палей пойдетъ какъ началъ, Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?.. и мораль долга-ль?.. какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій! какъ объ немъ подумаешь, такъ поневолѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки: но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. Воронцовъ? Узнай и отпиши мнѣ, какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ, а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ (Войнаровскій) помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 19 февраля.*—Скажи отъ меня Муханову, что ему грѣхъ шутить со мною шутки журнальныя. Онъ безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! Вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! Теперь я долженъ и Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время!

Онѣгинъ напечатанъ; думаю, уже выступилъ въ свѣтъ. Ты увидишь въ разговорѣ поэта и книгопродавца мадригалъ кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія, и надѣюсь, что искренняя и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement.

Что-же Телеграфъ обѣтованный? («Московскій Телеграфъ»). Ты въ самомъ дѣлѣ напечаталъ Телѣгу, проказникъ? Прочіе журналы всѣ получилъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствую необходимость какой-нибудь Edinburgh Review. Да вотъ-те Христосъ: литература мнѣ надоѣла. Прозы твоей брюхомъ хочу. Что изданіе Фонвизина?

Кланяюсь княгинѣ и цѣлую руки, хоть это изъ моды вышло.

Н. И. Гнѣдичу. — *Михайловское, 23 февраля.*—Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова (цензоръ). Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ. — Пѣсни греческія—прелесть и tour de force. Объ остроумномъ предисловіи можно-бы потолковать. Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно, но причины? . . .

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ (чортъ возьми это отечество). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ эпической поэмы. Тѣнь Святослава скитается невоспѣтая — писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданіи толпы—стыжусь вамъ говорить о моей мелочной лавкѣ № 1.—Много у меня начато: ничего не кончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

День объявленія греческаго бунта Александромъ Ипсиланти.

Л. С. Пушкину.—*Тригорское, 12 марта.*—Братъ, обнимаю тебя и падамъ до ногъ. Обнимаю также алжирца Всеволожскаго. Перешли-же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло-бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду, хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ, да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—потомъ посланія, потомъ смѣсь, потомъ, благословясь, и въ цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ—да книгъ; conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, „Старину" да Sismondi (littérature), да Schlegel (Dramaturgie), если есть у St.-Florent. Хотѣлъ-бы я также имѣть Новое изданіе Собранія Рус. Стих., да дорого 75 руб., я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однакожъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши

мнѣ, благопристоенъ-ли тонъ его критикъ; если нѣтъ.—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ — стихи не главное. Что-же главное? проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: о д и н ъ сижу во компаніи, и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ, потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину А. И. Вульфъ. Ecce foemina!

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На-дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣстъ благодари его—думаю, что экземпляръ Онѣгина ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было-бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень непріятно.

Достань у Рылѣева или Бестужева мои мелкія стихотворенія и перешли мнѣ скорѣе. Что-жъ ты обѣщался мнѣ прислать Парни?

-

Л. С. Пушкину.—*Михайловское, 14 марта.*—Напрасно воображаешь ты, что я на тебя сержуся — и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно, еще до тебя не дошло. В с е в о л о ж с к і й со мною шутитъ: я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хотя и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть, тебя притѣсняютъ безъ вѣдома... Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дельвига.

Увѣдомь о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго, если онъ его выручитъ.

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, 15 марта.*—Братъ Левъ и братъ Плетневъ! Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье наскоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашею помощью надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, знаки препинанія, безсмыслицы прошу самимъ исправить — у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ пьесъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова исключайте, марайте съ-плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуковскаго—не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича—не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сдѣлайте; именно П с и х е я, к о т о р а я з а д у м а л а с ь н а д ъ ц в ѣ т к о м ъ (кстати: что прелестнѣе строфы Жуковскаго— О н ъ м н и л ъ, ч т о в ы с ъ н и м ъ о д н о р о д н ы — и слѣдующей? Конца не люблю). Что, еслибъ волшебная кисть Ѳ. Т о л с т о г о?

Нѣтъ, слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила..

Къ тому-же, кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша.—Впрочемъ, это все наружность. „Иною прелестью плѣняется!“ — — —

Пересчитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или о к о л о (либо часть подземнымъ богамъ непредвидима). В и р у к о в ъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ г р о з н о е в р е м я былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? Печатайте каждую піесу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣднее изданіе Жуковскаго, и пожалуйста безъ и безъ ~~~ и безъ ═══, вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно, хоть-бы изъ четырехъ стиховъ состоящую (развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піесъ! довольно-ли будетъ для 1 тома? Не прислать-ли вамъ для наполненія Ц а р я Н и к и т у и 40 е г о д о ч е р е й?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши д о б р ы х ъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.—Простите, дѣти! я пьянъ.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, 21 марта.* Отвѣчаю на первый параграфъ твоего В з г л я д а. „У римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку г е н і е в ъ“. Грѣхъ отнять это титло у такихъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукреції, хоть они, кромѣ двухъ послѣднихъ (виноватъ! Горацій не подражатель), шли столбовой дорогой подражанія. Критики греческой мы не имѣемъ. Въ Италіи Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Аріосту: сіи предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичанъ Мильтонъ и Шекспиръ писали прежде Аддисона и Попа, послѣ которыхъ явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron. Изъ этого мудрено вывести какое-нибудь заключеніе или правило. Слова твои вполнѣ можно примѣнить къ одной французской литературѣ.

„У н а с ъ е с т ь к р и т и к а и н ѣ т ъ л и т е р а т у р ы“; гдѣ-же ты это нашелъ? Именно критики у насъ недостаетъ. Отселѣ репутація Л о м о н о с о в а (уважаю въ немъ великаго человѣка, но конечно не великаго поэта; онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго; вотъ его главная заслуга) и Х е р а с к о в а, и если послѣдній упалъ въ общемъ мнѣніи, то вѣрно ужъ не отъ критики Мерзлякова. Кумиръ Д е р ж а в и н а, $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. „Ода къ Фелицѣ“ стоитъ на-ряду съ „Вельможей“. „Ода Богъ“—съ «Одой на смерть Мещерскаго». „Ода къ Зубову“ недавно открыта. К н я ж н и н ъ безмятежно пользуется своею славою, Б о г д а н о в и ч ъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ, Д м и т р і е в ъ также. Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что-такое К р ы л о в ъ— Крыловъ, который столь-же выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо. - Что-же ты называешь критикой? Вѣстникъ Е в р о п ы и Б л а г о н а м ѣ р е н н ы й? Библіографическія извѣстія Г р е ч а и Б у л г а р и н а? Свои статьи?.. Но признайся, что все, что не можетъ установить мнѣнія въ публикѣ (у одного только народа критика предшествовала литературѣ — у германцевъ), не можетъ почесться уложеніемъ вкуса. — К а ч е н о в с к і й тупъ и скученъ, Гречъ и ты остры и забавны—вотъ и все, что можно сказать объ васъ. Но гдѣ-же критика? Нѣтъ, фразу твою можно сказать наоборотъ: литература кой-какая у насъ есть, а критики нѣтъ. Впрочемъ, ты и самъ немного позже съ этимъ согласишься.

„О т ч е г о у н а с ъ н ѣ т ъ г е н і е в ъ и м а л о т а л а н т о в ъ?“ Во-первыхъ, у насъ Дер-

жавинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ-же бываетъ много талантовъ?

Ободренія у насъ нѣтъ, и слава Богу. Отчего-же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній; отъ этого онъ еще не хуже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться; Крыловъ—также. Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя и Баратынскаго—и не говорю: слава Богу!

„Ободреніе можетъ оперить только обыкновенные таланты". Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ, но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елизаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха. Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридриха... Державину покровительствовали три царя. Ты не то сказалъ, что̀ хотѣлъ; я буду за тебя говорить. — Во-первыхъ, пришли мнѣ свой адресъ, чтобъ я не докучалъ Булгарину.—Рылѣеву не пишу, жду сперва Войнаровскаго. Скажи ему, что въ отношеніи мнѣнія Байрона онъ правъ; я хотѣлъ-было покривить душой, да не удалось. И Bowles, и Byron въ моемъ спорѣ заврались. У меня есть на то очень, очень дѣльное опроверженіе.—Хочешь, пришлю? Переписывать скучно.

Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ; я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай: да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ Войнаровскаго и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не правъ; все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки; все-таки онъ—лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Донъ Жуаномъ. Никто болѣе меня не уважаетъ Донъ Жуана (первыя 5 пѣсней — другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинымъ. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона, сравниваешь ее съ моею и требуешь отъ меня таковой-же. Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь. Гдѣ у меня сатира? О ней и помина нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. У меня-бы затрещала набережная, еслибъ коснулся я сатиры. Самое слово сатирическій не должно-бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсенъ. Ахъ, еслибъ заманить тебя въ Михайловское!.. Ты увидишь, что если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse)—Татьяна или Юлія? 1-я пѣснь просто быстрое введеніе, и я имъ доволенъ (что̀ очень рѣдко со мною случается). Симъ заключаю полемику нашу... Жду Полярной Звѣзды. Давай ее сюда.

Предвижу, что буду согласенъ съ тобою въ твоихъ мнѣніяхъ литературныхъ. Надѣюсь, что наконецъ отдашь справедливость Катенину. Это было-бы, кстати, благородно, достойно тебя. Ошибаться и усовершенствовать сужденія свои сродно мыслящему созданію.—Безкорыстное признаніе въ этомъ требуетъ душевной силы.—Впрочемъ, этому буду радъ для Катенина, а для себя жду твоихъ повѣстей. Да возьмись за романъ.—Что тебя держитъ? Вообрази: у насъ ты будешь первый во всѣхъ отношеніяхъ слова; въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ, etc.—Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры!..

Л. С. Пушкину.—*Михайловское, 27 марта.*—Душа моя, что за прелесть Бабушкинъ Котъ! (въ Повѣсти Погорѣльскаго „Лафертовская мельница"). Я перечелъ два раза однимъ духомъ всю повѣсть; теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая голову и выгибая спину.—Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда-ли?

Объ Вяземскомъ получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что̀ ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости чтеньебѣсія.

Получилъ-ли ты мои стихотворенія? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1. Многія изъ сихъ стихотвореній - дрянь и недостойны вниманія россійской публики; но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя—такъ вотъ они, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г...-съ (сказать это помягче). 2. Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли-бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей публики (россійской), или могущія быть занимательными единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. (Приписка сбоку: или слишкомъ незрѣлыя, ибо г. Пушкинъ изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14-ти лѣтъ), или какъ угодно. 3. Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ" я забылъ замѣтить это Вяземскому. 4. Все это должно быть выражено романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну, по крайней мѣрѣ, столь-же хороша. Доволенъ-ли онъ? Да перешли, на всякій случай, это предисловіе въ Михайловское, а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои Вяземскому—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому что эдакъ меня опять обокрадутъ, а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями. Прощай; сестру поцѣлуй.

Великая пятница.

P. S. Я „Телеграфомъ" очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его.—Скажи это и Жуковскому. Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—то-ли дѣло не красть, не ругаться по м..., не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи кн. Голицыной-Суворовой; возьми ихъ отъ нея. Думаю, что Посланіе къ Овидію, Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait).

Не напечатать-ли въ концѣ Воспомина-

нія въ Царскомъ Селѣ, съ нотой. что онѣ писаны мною 14-ти лѣтъ—и съ выпискою изъ моихъ записокъ (объ Державинѣ). асъ? Да тиснуть еще мою Птичку — да четыре стиха о дружбѣ: «Что дружба? легкій пылъ похмѣлья».

Л. С. Пушкину (безъ числа). —Я-было послалъ это въ Сынъ Отечества, да, кажется, журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику атамана Греча и есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай, гдѣ хочешь.

А. Н. Вульфу.—*Михайловское, весною.*—Любезный Алексѣй Николаевичъ—благодарю васъ за воспоминанья, обнимаю васъ братски, также и Языкова; Посланіе его и чувствительная Элегія—прелесть. Въ Посланіи, послѣ тобой хранимаго, стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. *А. П.*

Л. С. Пушкину. — *Михайловское, въ началѣ апрѣля.*

«Живъ, живъ курилка!» (См. алф. указат.)

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго; перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ второй разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану. Не худо-бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстникъ, и Дамскій журналъ).

Подпись слѣпого поэта (И. И. Козлова) тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись — а «хотѣлъ простить-простить не могъ» достойно Байрона. Видѣніе, конецъ — прекрасны. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы (Чернецъ)—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затменіе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами; если успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ.

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? Жаль; оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находились два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» недоволенъ—кстати, каковы мои замѣчанія? Надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу—а виноватъ: «Войнаровскій» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis — да Child Harold Lamartine (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенькаго, да и Старину. «Талію» получилъ и письмо отъ издателя. Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея (Пьеса Шаховского) показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкій, моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чортъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драматическомъ писателѣ). Вяземскій правъ, а все-таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарсиса Клоца, который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не понутру рѣзво скачущая кровь Грибоѣдова.

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ аневризма и проч.

Письмо Жуковскаго наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ—святой, хотя родился романтикомъ, а не грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще!

Тиснуть Царское Село, и съ нотой. Напрасно объявляли о Братьяхъ Разбойникахъ; ихъ-бы можно напечатать и въ Разныхъ Стихотвореніяхъ. Богатая мысль напечатать Nap. (Наполеона), да цензура—д... лучшія строфы потонутъ.

Л. С. Пушкину.—*Михайловское, 7 апрѣля.*—Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку—вѣроятно отъ Плетнева. Письмо Аннѣ Николаевнѣ отдалъ, не прочитавъ, и сжегъ его тогчасъ (изъ опасенія или изъ ревности - какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то, что онѣ тебя усыпили. Полярную еще не получалъ. —Справься, ради Бога, объ Фонтанѣ. Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р., а я долженъ отъ нихъ отказаться; этакъ съ голоду умру — съ отцомъ, да съ Ольдекопомъ. Прощай, я бѣшенъ.

Благодарю очень за отрывокъ изъ письма Баратынскаго. Дельвига здѣсь еще нѣтъ.

On vous permet d'écrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми), c'est ainsi, voyez vous, que j'écris à Анна Ив Вульфъ sous le nom d'Euphrosine - Господи Іисусе Христе! quelles miseres.. цѣлуй Ольгу — quelle ana ilite et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'écrire une lettre comme celui, c'est rien que votre frère a pris la peine de la bruler pour moi! Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu:

Семейственной любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, сестра, не спереди, а сзади.

Сожги-же это, показавъ ей. Variantes en l'honneur de m-lle NN.:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти), Анна Николаевна также, и въ обѣихъ церквахъ Тригорскаго и Воронича происходили молебствія — это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire. Вяземскому посылаю вынутую просвиру отсемъ Шкодой за упокой поэта.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 7 апрѣля.*—Нынче день смерти Байрона. Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой попъ удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просвиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія. Отсылаю ее къ тебѣ.

Онѣгина переписываю. Немедленно и онъ явится къ тебѣ.

Сейчасъ получилъ я Войнаровскаго и Думы съ письмомъ Пущина. Предложеніе Селивановскаго за три поэмы 12000 р., кажется, долженъ я буду отклонить по причинѣ новой типографической плутни: Бахчисарайскій Фонтанъ перепечатанъ.

Прощай, милый; у меня хандра, и нѣтъ ни единой мысли въ головѣ моей. Кланяйся женѣ. Я вамъ обоимъ душою преданъ.—*А. П.*

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, апрѣль (до 22-го).*— Надѣюсь, что ты выздоровѣлъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю о томъ офиціальнаго извѣстія. Братъ перешлетъ тебѣ мои стихи. Я

переписываю для тебя Онѣгина. Желаю, чтобъ онъ помогъ тебѣ улыбнуться. Въ первый разъ улыбка читателя me sourit: извини эту плоскость: въ крови! А между тѣмъ будь мнѣ благодаренъ: отроду ни для кого ничего не переписывалъ, даже для Голицыной. Изъ сего слѣдуетъ, что я въ тебя влюбленъ, какъ Кюхельбекерскій Державинъ въ Суворова.

Занимаетъ-ли еще тебя россійская литература? Я-было на Полевого очень ощетинился за Невскій Альманахъ и за пародію Жуковскаго. Но теперь съ нимъ помирился. Я даже такого мнѣнія, что должно непремѣнно поддержать его журналъ. Хочешь? Я согласенъ.

Стихотворенія мои отосланы въ Петербургъ, подъ Бирукова. Почти все извѣстно уже, но все нужно было соединить воедино. Изъ всего, что должно было предать забвенію, болѣе всего жалѣю о своихъ эпиграммахъ. Ихъ всѣхъ около 50, и всѣ оригинальныя: но, по несчастію, я могу сказать какъ Chamfort: Tous ceux contre lesquels j'en ai fait sont encore en vie, а съ живыми — полно, не хочу ссориться. Изъ посланія къ Чадаеву вымаралъ я стихи, которые тебѣ не понравились, единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому что они другимъ не понутру.

Кланяйся Давыдову, который забылъ меня. Сестра Ольга въ него влюблена, и подѣломъ. Кстати или нѣтъ: онъ критиковалъ сій въ Бахч. Фонтанѣ Заремины очи. Я-бы съ нимъ согласился, если-бы дѣло шло не о Востокѣ. Слогъ восточный былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европейцамъ. Кстати еще: знаешь, почему не люблю я Мура? Потому, что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ и прелестенъ въ Гяурѣ и въ Абидосской невѣстѣ и проч.

Л. С. Пушкину. *Михайловское, 22-го апрѣля.* — Фуше. Oeuvres dramatiques de Schiller, Schlegel. Don Juan (послѣднія 6-я и пр. пѣсни), новый Walter Scott. Сибирскій Вѣстникъ весь — и все это черезъ St-Florent, а не черезъ Сленина.—Вино, вино, ромъ (12 бутылокъ), горчица, Fleur d'orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбургскаго. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились, а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постели, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою («Смерть Чигиринскаго Старосты» Рылѣева): приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (напримѣръ, устрицъ).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія. — Думаю, что можно начать, благословясь. — О Посланіи къ Чадаеву скажу тебѣ, что пощечины повторять не нужно. Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ, и посему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—что-жъ дѣлать, а напечатай уже такъ.—Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣренъ и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ, что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной, показавъ (и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f. или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все черезъ эти сплетни.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

Брату Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, конецъ апрѣля.*—Дельвигъ у меня. Черезъ него пересылаю тебѣ 2 главу Онѣгина (тебѣ единственно и только для тебя переписаннаго). За разговоръ съ няней, безъ письма, братъ получилъ 600 р. Ты видишь, что это деньги, слѣдственно должно держать ихъ подъ ключемъ. Отъ тебя нѣтъ ни слуху, ни духу. Надѣюсь, что ты здоровъ: о другомъ надѣяться не смѣю; но судьба, кажется, могла-бы быть довольна.

Улыбнись, мой милый. Вотъ тебѣ элегія на смерть Анны Львовны.

Охъ, тетенька! Охъ, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты къ маменькѣ любовна,
Была ты къ папенькѣ добра.
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвѣй Михайловичъ, какъ кровный,
Тебя встрѣчалъ среди двора.
Давно-ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давно-ль,
Какъ-бы на смѣхъ судьбинѣ гнѣвной,
Ты раздѣляла хлѣбъ да соль?
Увы! зачѣмъ Василій Львовичъ
Твой гробъ стихами обмочилъ,
Или зачѣмъ подлецъ-поповичъ,
Его Красовскій пропустилъ?!
(Я да Дельвигъ).

Кстати: зачѣмъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письмо Дельвига? Онъ человѣкъ достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной с.-петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его Цвѣты на слѣдующій годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся. Да нѣтъ-ли у тебя и прозы? Что мнишь ты о Полярной?... Есть-ли у тебя какія-нибудь извѣстія объ Одессѣ? Перешли мнѣ что-нибудь о томъ.

К. Ѳ. Рылѣеву.—*Михайловское, конецъ апрѣля.*—Думаю, ты уже получилъ замѣчанія мои на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать знаки восхищенія, прекрасно, и пр. Полагая, что хорошее писано съ умыслу—не счелъ за нужное отмѣчать для тебя. Что сказать тебѣ о Думахъ? Во всѣхъ встрѣчаются стихи живые; окончательныя строфы Петра въ Острогожскѣ чрезвычайно оригинальны. Но вообще всѣ онѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. Всѣ онѣ на одинъ покрой, составлены изъ общихъ мѣстъ (loci topici): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая Ивана Сусанина—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ)

Ты напрасно не поправилъ въ Олегѣ герба Россіи. Древній гербъ, св. Георгій не могъ находиться на щитѣ языческаго Олега. Новѣйшій, двуглавый орелъ есть гербъ византійскій и принятъ у насъ во время Іоанна III, не прежде. Лѣтописецъ просто говоритъ: тоже по-

вѣси щитъ свой на вратѣхъ на показаніе побѣды".

Объ Исповѣди Наливайко скажу, что мудрено что-нибудь у насъ напечатать истинно хорошаго въ этомъ родѣ. Нахожу отрывокъ этотъ растянутымъ; но и тутъ, конечно, наложилъ ты свою печать. Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?—Прощай, поэтъ, когда-то свидимся?

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, конецъ апрѣля.*—Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ передъ ними отличается, что не носитъ на себѣ печати рабскаго униженія.—Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести, а какъ онъ льстилъ?

«О, вспомни! какъ въ томъ восхищеньѣ
Пророча, я тебя хвалилъ.
Смотри, я рекъ, тріумфъ—минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ».

Прочти посланіе къ Александру (Жуковскаго 1815 г.). Вотъ какъ русскій поэтъ говоритъ русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ...

О нашей лирѣ можно сказать, что̀ Мирабо сказалъ о Сіесѣ: Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются; они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это сдѣлалось. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ; мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего п...ъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!..

Все, что̀ ты говоришь о нашемъ воспитаніи, о чужестранныхъ и междоусобныхъ (прелесть!) подражаніяхъ—прекрасно, выражено сильно и съ краснорѣчіемъ сердечнымъ; вообще мысли въ тебѣ кипятъ. Объ Онѣгинѣ ты не высказалъ всего, что̀ имѣлъ на сердцѣ; чувствую почему—и благодарю; но зачѣмъ-же ясно не обнаружить своего мнѣнія? Покамѣстъ мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ, а ты достоинъ ее создать.

Твой Турниръ (въ „П. Звѣздѣ") напоминаетъ турниръ W. Scott'a. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все на чисто. — Твой Владиміръ говоритъ языкомъ нѣмецкой драмы, смотритъ на солнце въ полночь (стр. 330) etc; но описаніе стана литовскаго, разговоръ плотника съ часовымъ—прелесть; конецъ также. Впрочемъ, вездѣ твоя необыкновенная живость...

Рылѣевъ покажетъ тебѣ, конечно, мои замѣчанія на Войнаровскаго, а ты пришли мнѣ свои возраженія. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ души.

Еще слово: ты умѣлъ въ 1822 г. жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому-же, какъ не ему, обязаны мы нашимъ оживленіемъ?

Кн. П. А. Вяземскому. – *Михайловское, 25 мая.* —Ты спрашиваешь, доволенъ-ли я тѣмъ, что̀ сказалъ ты обо мнѣ въ Телеграфѣ. Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! А твоимъ перомъ водятъ и вкусъ, и пристрастіе дружбы. Но ты слишкомъ бережешь меня въ отношеніи къ Жуковскому. Я не слѣдствіе, а точно ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его. Въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный. Переводы избаловали его, излѣнили; онъ не хочетъ самъ создать; но онъ, какъ Voss, геній перевода. Къ тому-же смѣшно говорить объ немъ, какъ объ отцвѣтшемъ, тогда какъ слогъ его еще мужаетъ. Былое сбудется опять, а я все чаю въ воскресеніе мертвыхъ. Читалъ я твое о Чернецѣ; ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я-бы дорого далъ. За то Думы—дрянь, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго, какъ казалось-бы съ перваго взгляда. Стихи Нефлова — прелесть. Статьи и стиховъ Шаликова не читалъ. Неужто онъ обижается моими стихами? Вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ. Спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня имя князя Шаликова, онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ. Я-было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikoff! Это могу доказать черновою бумагою. Твои каламбуры очень милы. Здѣшнія дѣвицы находятъ ихъ весьма забавными, а все-таки жду твое о Байронѣ. Благодарю за Casimir (какъ-бы выкроить изъ него calembour? выгадай-ка!). Ты, кажется, любишь Казимира (Делавинь), а я такъ вѣтъ. Конечно, онъ поэтъ, но все не Вольтеръ, не Гете... далеко кулику до орла! Первый геній тамъ будетъ романтикъ и увлечетъ французскія головы Богъ вѣдаетъ куда. Кстати: я замѣтилъ, что всѣ (даже и ты) имѣютъ у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ. Объ этомъ надобно будетъ на досугѣ потолковать, но не теперь; мочи нѣтъ, усталъ. Писалъ ко всѣмъ— даже и къ Булгарину.

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, май — іюнь.* — Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я десять лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдственно, дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Если-бъ царь меня до излеченія отпустилъ за границу, то это было-бы благодѣяніе, за которое я-бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вяземскій пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Карамзину) два года ничего не писать противу правительства—и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь-же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ риѳмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи нѣтъ. Пишу по-французски, потому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля

твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

Все это трынъ-трава. Ничего не говорилъ я тебѣ о твоихъ стихотвореніяхъ. Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора-бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому-же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія Посланія къ нему, произведенія, конечно, слабаго. Нѣтъ, Жуковскій.

Веселаго пути Ко древнему Дунаю
Я Блудову желаю И . . . . .

Надпись къ Гете, Ахъ, если-бъ мой милый, Генію — все это прелесть, а гдѣ они? Знаешь, что выйдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ, или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи, ради Бога, Водолаза (баллада Шиллера „Кубокъ"). Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ.

Къ письму приложено слѣд. черновое прошеніе.

„Обязанный признать снисходительность в. в—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости, я долгомъ-бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, если-бы необходимость не побуждала меня нарушить его.

Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ у меня не было средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ-бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего нрава. Нынѣ сознаюсь, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю ваше величество дозволить мнѣ удалиться куда-нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишенъ всякой помощи".

Въ бумагахъ Пушкина сохранился проектъ этого-же прошенія въ иной, болѣе полной редакціи, а именно:

„Мнѣ было 20 лѣтъ въ 1820 году. Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько сатирическихъ стиховъ обратили на меня вниманіе. Разнесся слухъ, что я былъ позванъ въ тайную канцелярію и высѣченъ. Слухъ былъ давно общимъ, когда дошелъ до меня. Я почелъ себя опозореннымъ передъ свѣтомъ, я потерялся, дрался — мнѣ было 20 лѣтъ! Я размышлялъ, не приступить-ли мнѣ къ самоубійству или . Но въ первомъ случаѣ я самъ-бы способствовалъ къ укрѣпленію слуха, который меня безчестилъ; я не смывалъ никакой обиды, потому что обиды не было: я только совершалъ преступленіе и приносилъ жертву общественному мнѣнію, которое презиралъ... Таковы были мои размышленія; я сообщилъ ихъ одному другу, который вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ начать попытки оправданія себя передъ правительствомъ: я понялъ, что это безполезно. Тогда я рѣшился выказать столько наглости, столько хвастовства и буйства въ моихъ рѣчахъ и въ моихъ сочиненіяхъ, сколько нужно было для того, чтобы понудить правительство обращаться со мною, какъ съ преступникомъ. Я жаждалъ Сибири, какъ возстановленія чести.

Я былъ глубоко тронутъ великодушными мѣрами правительства относительно меня, которыя окончательно уничтожили смѣшную клевету"...

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 8 іюня.* — Жду, жду писемъ отъ тебя — и не дождусь. Не принялъ-ли ты опять въ услуженіе покойнаго Никиту, или ждешь оказіи? Проклятая оказія! Ради Бога, напиши мнѣ что-нибудь; ты знаешь, что я имѣлъ несчастіе потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича получилъ эти извѣстія безъ пріуготовленія и нахожусь въ ужасномъ положеніи — утѣшь меня, это священный долгъ дружбы (сего священнаго чувства). Что дѣлаютъ мои Разныя Стихотворенія? Видѣлъ-ли ихъ Бируковъ Грозный? Отъ Плетнева не получилъ ни единой строчки. Что мой Онѣгинъ? Продается-ли? Кстати, скажи Плетневу, чтобъ онъ Льву давалъ изъ моихъ денегъ на орѣхи, а не на коммисіи мои, потому что это напрасно: такого безсовѣстнаго коммиссіонера нѣтъ и не будетъ. — По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе: Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ и ниже Ломоносова) — онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). Что-же въ немъ? — мысли, картины и движенія, истинно поэтическія: читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по-татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ о немъ (не говоря уже о его министерствѣ); у Державина должно сохранить будетъ одъ восемь да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова — жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ. — Что дѣлаетъ Жуковскій? Передай мнѣ его мнѣніе о 2-й главѣ Онѣгина, да о томъ, что у меня въ пяльцахъ. Какую Крыловъ выдержалъ операцію? Дай Богъ ему многія лѣта — его Мельникъ хорошъ, какъ Демьянъ и Фока. Видѣлъ-ли ты Н. М. (Карамзина)? Идетъ-ли впередъ исторія? Гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Романовыхъ?.. Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту, да два руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я?..

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, іюнь.* — Ты вызываешься сосводничать мнѣ Полевого. Дѣло въ томъ, что я радъ помогать ему, а условій вѣрно никакихъ не выполню — слѣдственно и денегъ его мнѣ не надобно. Да ты смотри за нимъ, ради Бога! И ему случается завираться. Напримѣръ: Донъ Кихотъ искоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было романтизма. А онъ въ Италіи-то и возникъ. Что-же такое Аріостъ? А предшественники его, начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? Какъ можно писать такъ наобумъ! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Napoléon ими занимался и былъ лучшимъ жур-

валистомъ Парижа (какъ замѣтилъ, помнится, Фуше.)

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, іюнь.*—Думаю, что ты уже получилъ отвѣтъ мой на предложенія Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебѣ попадется (кромѣ Онѣгина); если-же мое имя, какъ сотрудника, то не соглашусь изъ благородной гордости, т. е. амбиціи: Телеграфъ—человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда, а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями; въ часть эту входить не намѣренъ. Не смотря на перемѣну министерства и на улучшенія цензуры, все-таки не могу отвѣчать за Красовскаго съ братьею. Пожалуй я подряжусь выставлять по стольку-то піесъ, да въ накладѣ можетъ остаться журналъ, если такъ восхощетъ Богъ да Бируковъ. Я всегда былъ склонемъ аристократичествовать, а съ тѣхъ поръ, какъ пошелъ моръ на Пушкиныхъ, я и пуще зачуфырился: стихами торгую en gros, а свою мелочную лавку № 1 запираю. Къ тому-же, между нами: братъ Левъ у меня на рукахъ; отъ отца ему денегъ на шампанское не будетъ; такъ пускай Телеграфъ съ нимъ сдѣлается, и дай Богъ имъ обоимъ расторговаться съ моей легкой руки. A demain les affaires sérieuses... Какую пѣсню изъ Beranger перевелъ дядя В. Л.? Ужъ не le bon Dieu ли? Объяви ему за тайну, что его въ томъ подозрѣваютъ въ Петербургѣ и что готовится уже слѣдственная коммисія, составленная изъ гр. Хвостова, Магницкаго и г-жи Хвостовой (автора К а м и н а и слѣдств. соперницы Вас. Львовича). Не худо увѣдомить его, что уже давно былъ бы онъ сосланъ, если-бы не чрезвычайная извѣстность (extrême popularité) его Опаснаго Сосѣда. Опасаются шума! — Какъ жаль, что умеръ А. М. (А. М. Пушкинъ, дальній родственникъ поэта) и что не видалъ я дядиной травли! Но Дмитріевъ живъ, все еще не потеряно. Я послалъ въ П ч е л у, а не въ Т е л е г р а ф ъ мою о п е ч а т к у, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился; ты не напрасно прибавилъ ж у р н а л ь н ы м ъ, а я не даромъ отозвался, et le diable n'y perd rien.

Вотъ еще эпиграмма на Б л а г о н а м ѣ р е н н а г о, который, говорятъ, критиковалъ моихъ П р і я т е л е й:

«Недавно я стихами какъ-то свистнулъ» и т. д. (см въ алфавит. указателѣ: «Ex ungue leonem».

Отослано къ П о л е в о м у. Ты уже, думаю, босоножка, полощешься въ морской лужицѣ, а я наслаждаюсь душнымъ запахомъ смолистыхъ почекъ березъ, подъ кропильницею псковскаго неба, и жду, чтобъ Нѣкто повернулъ сверху кранъ, и золотые дожди остановились. Ѳита въ сторону, у насъ холодно и грязно. Жду разрѣшенія моей участи.

В. А. Жуковскому.—*Михайловское, іюнь—іюль.*—Неожиданная милость его величества (разрѣшеніе лечиться въ Псковѣ) тронула меня несказанно, тѣмъ болѣе, что здѣшній губернаторъ предлагалъ уже мнѣ имѣть жительство во Псковѣ, но я строго придерживался повелѣнія высшаго начальства.—Я справлялся о псковскихъ операторахъ; мнѣ указали тамъ на нѣкотораго В с е в о л о д о в а, очень искуснаго по ветеринарной части и извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ по своей книгѣ о лѣченіи лошадей.

Не смотря на все это, я рѣшился остаться въ Михайловскомъ; тѣмъ не менѣе чувствую отеческую снисходительность его величества.

Боюсь, чтобы медленность мою пользоваться монаршею милостію не почли за небреженіе или возмутительное упрямство—но можно-ли въ человѣческомъ сердцѣ предполагать такую адскую неблагодарность?

Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ не думавъ о своемъ аневризмѣ, не вижу причины вдругъ о немъ расхлопотаться. Я все жду отъ человѣколюбиваго сердца императора, авось-либо позволитъ онъ мнѣ современемъ искать стороны мнѣ по сердцу и лѣкаря по довѣрчивости собственнаго разсудка, а не по приказанію высшаго начальства.—Обнимаю тебя горячо.—*А. Пушкинъ.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 13 іюля.*—Братъ писалъ мнѣ, что ты въ Царскомъ Селѣ, что онъ переписалъ для тебя мои стихи, а отъ тебя жду-жду письма и не дождусь. Что ты? Въ Ревелѣ или еще нѣтъ? И что мой Байронъ или Бейронъ, toi donc le monde encore ignore le vrai nom! Сейчасъ прочелъ твои замѣчанія на замѣчанія Дениса на замѣчанія Наполеона. Чудо-хорошо! Твой слогъ живой и оригинальный тутъ еще живѣе и оригинальнѣе. Ты хорошо сдѣлалъ, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно-же вслухъ сказать, что русскій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда-нибудь образоваться на подобіе французскаго (яснаго, точнаго языка прозы, т. е. языка мыслей). Объ этомъ есть у меня строфы три въ Онѣгинѣ. За твоею статьею слѣдуетъ моя и M-me de Stael; но не разглашай этого: тутъ есть одно в е л и к о д у ш і е, постоянное во-первыхъ ради цензуры, а во вторыхъ для вящшаго а н о н и м а. Вѣроятно, ты уже знаешь царскую ко мнѣ милость и позволеніе пріѣхать во Псковъ. Я справлялся о тамошнихъ операторахъ; мнѣ рекомендуютъ Всеволодова, очень искуснаго коновала; увидимъ. Покамѣстъ, душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію. Смотри — молчи-же! Объ этомъ знаютъ весьма немногіе. Читалъ ты моего А. Шенье въ темницѣ? Суди о немъ какъ езуитъ—по намѣренію. Милый мой! Мое намѣреніе обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай. Съ тобою-ли твоя княгиня-лебедушка? Кланяйся ей отъ арзамасскаго гуся.

P. S. Передо мной трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобы не выписать ея заглавія. К о м е д і я о н а с т о я щ е й б ѣ д ѣ М о с к о в с к о м у г о с у д а р с т в у, о ц а р ѣ Б о р и с ѣ и о Г р и ш к ѣ О т р е п ь е в ѣ. П и с а л ъ р а б ъ Б о ж і й А л е к с а н д р ъ с ы н ъ С е р г ѣ е в ъ П у ш к и н ъ, в ъ л ѣ т о 7333, н а г о р о д и щ ѣ В о р о н и ч ѣ. Каково?

А. Н. Вульфъ (по-французски). *Михайловское, 21 іюля.*—Пишу вамъ въ грустномъ опьяненіи; видите—держу слово.

И такъ, доѣхали-ли вы до Риги? одержали-ли побѣды? скоро-ли выйдете замужъ? нашли-ли улановъ? увѣдомьте меня обо всемъ этомъ съ величайшей подробностью, ибо вы знаете, что, не смотря на мои злыя шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстояніи, за то вамъ будутъ нравоученія и совѣты. Извольте прислушать. 1) Ради Бога, будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями [мужескаго рода], они воспользуются этой вѣтренностью лишь для самихъ

себя. тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія-же тщеславныя и болтливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя-бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученой, но учености своей не выказывайте, и если уланъ скажетъ вамъ, что «съ вами нездорово вальсировать» —не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носику, отвернитесь и заговорите о чемъ-нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣдняго изданія Байрона.

Знаете-ли, за что я хотѣлъ васъ побранить—нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ... и т. д. и т. д. и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ-же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце ноетъ: вчера Алексѣй [Вульфъ] и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что насъ вдругъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ничего этого не знаю: я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь: камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблекшаго геліотропа. Пишу много стиховъ — все это, если хотите, очень похоже на любовь: но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Если-бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлались-бы судороги отъ бѣшенства и ревности; мнѣ-же оно было только немного обидно. Однако-же мысль, что я для нея ничего не значу; что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство: что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ дни грусти, что ея прелестные глаза остановятся на какомъ-нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ-же пронзающимъ сердце и сладостнымъ выраженіемъ нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна.. Скажите ей, что она убьетъ меня;— нѣтъ, не говорите ей этого; она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности—я презираю ее, слышите-ли? да, презираю, не смотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ, столь новымъ чувствомъ.

Простите, m-lle баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

P. S. Пришлите мнѣ обѣщанный вами рецептъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мочи нѣтъ—проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, 23 іюля.*—Сейчасъ узнаю, что ты ко мнѣ писалъ, но письмо твое до меня не дошло. Дай Богъ, чтобъ новый Никита имъ воспользовался! Я чрезвычайно за тебя безпокоюсь: не сказалъ-ли ты чего-нибудь лишняго или необдуманнаго? участіе дружбы можно перетолковать въ дурную сторону — а я боюсь быть причиною непріятностей для лучшихъ изъ друзей моихъ.

Мнѣ пишетъ П. А. (Плетневъ). что обо мнѣ намѣрены передоложить. Напрасно; письмо моей матери ясно: отвѣтъ окончателенъ. Въ Псковѣ конечно есть лекаря — чего-жъ мнѣ болѣе?

Съ братомъ я въ сношенія входить не намѣренъ; онъ зналъ мои обстоятельства, и самовольно затрудняетъ ихъ. У меня нѣтъ ни копѣйки денегъ въ минуту нужную: я не знаю, когда и какъ я получу ихъ. Безпечность и легкомысліе эгоизма извинительны только до нѣкоторой степени. Если онъ захочетъ переписать мои стихи вмѣсто того, чтобы читать ихъ на ужинахъ и украшать ими альбомъ Воейковой, то я буду ему благодаренъ—если нѣтъ, то пусть отдастъ онъ рукопись мою тебѣ, а ты уже похлопочи съ Плетневымъ.

Ты, слышалъ я, женишься въ августѣ; поздравляю, мой милый—будь счастливъ, хоть это чертовски мудрено.—Цѣлую руку твоей невѣстѣ и заочно люблю ее, какъ дочь Салтыкова и жену Дельвига. P. S. П. А. (Осипова) уѣхала и я одинъ...

Зачѣмъ было замѣнять мое письмо, дѣльное и благоразумное (прошеніе къ государю), письмомъ моей матери? Не полагались-ли на чувствительность..? Ошибка важная! въ первомъ случаѣ я-бы поступилъ прямодушно, во второмъ могли только подозрѣвать мою хитрость и неуклончивость.

Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!— Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности.

П. А. Осиповой (по франц.) *Михайловское, 25 іюля.*—Препровождаю къ вамъ, мил. государыня, два письма на ваше имя. Одно отъ Плетнева: оно было вложено въ мой конвертъ. Я надѣюсь, что эти письма застанутъ васъ уже въ Ригѣ, веселою и довольною путешествіемъ. Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе его величества показалось имъ недоразумѣніемъ, и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ конечно не будетъ сосѣдства Тригорскаго, которое, какъ-бы пусто оно ни было въ эту минуту, доставляетъ мнѣ истинное утѣшеніе. Жду съ нетерпѣніемъ вѣсти отъ васъ; пишите мнѣ, прошу васъ; умолчу о моихъ чувствахъ дружбы и вѣчной благодарности къ вамъ и прошу принять мой душевный привѣтъ.

А. П. Кернъ (по франц.).—*Михайловское. 25 іюля.*—Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы—легкомысліе, или кокетство дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ, я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашей хорошенькой ручкой. Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были-бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей; но вѣтренность всегда жестока,

и всѣ вы, барыни, вертя головы, какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанья, что есть душа, страждущая вамъ во славу и честь.

Прощайте, божественная, бѣшусь и падаю къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Ѳеодоровичу и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете-ли его опять у себя на груди? Напишете-ли мнѣ длинный отвѣтъ? напишите мнѣ все, что̀ вамъ въ голову прійдетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь-же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете-ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона; что̀ скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

Л. С. Пушкину. — *Михайловское 23 іюля.*— Если-бъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты-бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата - между тѣмъ годъ прошелъ, а у меня ни полушки. Если-бъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ-бы тысячъ 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500, и осталось-ли что-нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ мартѣ; онѣ еще не собраны, не цензированы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ московской публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ. Изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры.

Словомъ, мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году, а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-Богу не за что̀.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства. Полагаюсь на его дружбу. Если-же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ цензуру, покамѣстъ не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

Заплачены-ли Вяземскому 600 рублей?

И. Ф. Мойеру — *Михайловское, 29 іюля.* — Сейчасъ получено мною извѣстіе, что В. А. Жуковскій писалъ вамъ о моемъ аневризмѣ и просилъ васъ пріѣхать въ Псковъ для совершенія операціи. Нѣтъ сомнѣнія, что вы согласитесь; но умоляю васъ, ради Бога, не пріѣзжайте и не безпокойтесь обо мнѣ. Операція, требуемая аневризмомъ, слишкомъ маловажна, чтобы отвлечь человѣка знаменитаго отъ его занятій и мѣстопребыванія. Благодѣяніе ваше было-бы мучительно для моей совѣсти; я не долженъ и не могу согласиться принять его. Смѣло ссылаюсь на собственный вашъ образъ мыслей и на благородство вашего сердца.

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее уваженіе, какъ человѣку знаменитому и другу Жуковскаго.—*Александръ Пушкинъ.*

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 29 іюля.*—Милост. государыня. Вы получили изъ Пскова безполезное письмо, которое я уничтожилъ; посылаю вамъ другое изъ Батова и отъ матушки. Вы увидите, какая чудная душа этотъ Жуковскій. Но я рѣшительно не могу позволить Мойеру дѣлать мнѣ операцію и сейчасъ писалъ ему, умоляя его не пріѣзжать въ Псковъ. Не знаю, какъ можетъ еще матушка надѣяться; я уже давно утратилъ всякую надежду. Роковъ явился ко мнѣ на другой день вашего отъѣзда; было-бы любезнѣе оставить меня одного скучать. Я посѣтилъ вчера Тригорскій замокъ, его садъ и библіотеку. Тамошнее уединеніе полно поэзіи, потому что оно полно вами и воспоминаніями о васъ. Его любезные хозяева должны были-бы поспѣшить возвращеніемъ; но это желаніе слишкомъ отзывается эгоистическимъ чувствомъ семьянина; если Рига вамъ нравится, веселитесь и вспоминайте иногда изгнанника Тригорскаго (т. е. Михайловскаго); вы видите, я смѣшиваю наши жилища, и все по привычкѣ.

Бога ради не пишите матушкѣ объ отказѣ Мойеру; это поведетъ къ безполезнымъ толкамъ; я уже порѣшилъ съ этимъ дѣломъ.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 1 авг.*—Я сію минуту отъ васъ. Малютка совершенно здорова и приняла меня очень любезно. Погода у насъ стояла ужасная: вѣтеръ, бури и пр. Вотъ и всѣ новости, какія могу вамъ сообщить. Полагаю, что письма вашего управляющаго будутъ подробнѣе. Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи моемъ и преданности. Прошу напомнить обо мнѣ всей любезной семьѣ вашей.

Н. А. Полевому. *Михайловское, 2 августа.*— Милостивый государь! Виноватъ передъ вами, долго не отвѣчалъ на ваше письмо: хлопоты всякаго рода не давали мнѣ покоя ни на минуту. Также не благодарилъ я васъ еще за присылку Телеграфа и за удовольствіе, мнѣ доставленное вами въ моемъ уединеніи — это непростительно.

Радуюсь, что стихи мои могутъ пригодиться вашему журналу (конечно, лучшему изъ всѣхъ нашихъ журналовъ). Я писалъ кн. Вяземскому, чтобы онъ потрудился вамъ ихъ доставить. У него много моихъ бредней. Надѣюсь на вашу снисходительность и желаю, чтобъ они понравились публикѣ. Свидѣтельствую вамъ искреннее мое уваженіе. — *А. П.*

П. А. Плетневу.—*Михайловское, 3 августа.*— Милый мой поэтъ, вотъ тебѣ еще поправка въ А. Шенье (въ посвященіи Н. Раевскому послѣдняя строфа):

Пѣвцу etc.
Несу надгробные цвѣты etc.

Что̀ не слышно тебя? У насъ очень дождикъ шумитъ - вѣтеръ шумитъ, лѣсъ шумитъ—шумно, а скучно! Женится-ли Дельвигъ? Опиши мнѣ всю церемонію. Какъ онъ хорошъ долженъ быть подъ вѣнцомъ! Жаль, что я не буду его шаферомъ. Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондольерскаго речитатива; я

обѣщалъ о томъ извѣстить милаго, вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность; по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать!

Questo e scritto in presenza della donna, come ognun può veder. Addio, caro poeta, scrivetemi, vi prego. Tuto il vostro.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 8 августа.*—М. государыня. Вчера получилъ я ваше письмо отъ 31-го, писанное на другой день вашего пріѣзда въ Ригу. Вы не можете себѣ представить, какъ тронутъ я этимъ доказательствомъ вашей дружбы и вашего вниманія ко мнѣ; оно дошло до глубины души и отъ души благодарю васъ. Ваше письмо застало меня въ Тригорскомъ. Анна Богдановна сказала мнѣ, что васъ ждутъ туда къ половинѣ августа: я не смѣю надѣяться.

Что̀ говорилъ вамъ Кернъ относительно родительскаго надзора Адеркаса надо мною? Не рѣшительныя-ли это приказанія? Значитъ-ли что-нибудь Кернъ въ этомъ дѣлѣ, или одни общественные толки? Полагаю, что вамъ въ Ригѣ лучше извѣстно, что̀ дѣлается въ Европѣ, чѣмъ мнѣ въ Михайловскомъ. Что-же касается новостей петербургскихъ, я ничего не знаю, что̀ тамъ происходитъ. Мы ждемъ осени, однако пользуемся еще нѣсколькими хорошими днями, и благодаря вамъ, на моихъ окнахъ постоянно цвѣты.

Прощайте: примите увѣреніе въ моей нѣжной и почтительной преданности. Вѣрьте, что на землѣ нѣтъ ничего лучшаго и болѣе вѣрнаго, какъ дружба и свобода. Вы научили меня цѣнить прелесть первой.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 10 августа.* Накупался-ли ты въ морѣ, и куда изъ Ревеля думаешь отправиться? Напиши, пожалуйста, а я изъ Михайловскаго не тронусь. Что̀ твой Байронъ? Перешли мнѣ его прежде печати. Да нѣтъ-ли стиховъ покойнаго поэта Вяземскаго? Хоть эпиграммъ? Знаешь-ли его лучшую эпиграмму: Что нужды, говоритъ разсчетливый etc Виновитъ! Я самовластно сдѣлалъ въ ней перемѣны, перемѣшавъ стихи слѣдующимъ образомъ: 1, 2, 3—7, 8, 4, 5, 6. Не напечатать-ли, сказавъ: Нѣтъ, я въ прихожую пойду путемъ доходнымъ: если цензура не пропуститъ осьмого стиха, такъ и безъ него обойдемся; главная прелесть: я не поэтъ, а дворянинъ! и еще прелестнѣе послѣ посвященія Войнаровскаго, на которое мой Дельвигъ уморительно сердится.

Что̀ Карамзины? Я-бы къ нимъ писалъ, но боюсь приличія. А все люблю ихъ отъ всего сердца. Жуковскій со мной такъ проказитъ, что нельзя его не обожать и не сердиться на него. Какова наша текущая словесность? Настоящій насморкъ! Мнѣ жаль, что отъ Кюхельбекера отбили охоту къ журналамъ; онъ человѣкъ дѣльный съ перомъ въ рукахъ, хоть и сумасбродъ. Жду разбора Шихматова. То-то вранья чаю! Сейчасъ прочелъ антикритику Полевого.

Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ. Разборъ новой піитики басенъ—вотъ критика. Когда-то мы возьмемся за журналъ! Мочи нѣтъ хочется, а покамѣстъ смотри хоть за Полевымъ. Чѣмъ мнѣ тебя попотчивать? Вотъ тебѣ мои бон-мо (ради соли вообрази, что это было сказано чувствительной дѣвушкѣ, лѣтъ 26). Qu'est ce que le sentiment? Un supplément du tempérament... Что болѣе вамъ нравится? Запахъ розы или резеды?—Запахъ селедки.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Михайловское, 11 авг.* Говорить-ли о моей благодарности? Очень любезно съ вашей стороны, что не забываете вашего отшельника. Письма ваши приводятъ меня въ восторгъ, а великодушная забота обо мнѣ трогательна. Не знаю, что̀ предстоитъ мнѣ въ будущемъ; знаю только, что мои чувства къ вамъ останутся всегда неизмѣнными. Еще сегодня былъ я въ Тригорскомъ. Малютка совершенно здорова и прехорошенькая. Я согласенъ съ вами, что слухи, дошедшіе до г. Керна, не вѣрны, но вы правы: ими не слѣдуетъ пренебрегать. На дняхъ я былъ у Пещурова, лукаваго ходатая, какъ вы его называете: онъ думалъ, что я въ Псковѣ (NB). Я разсчитываю еще провѣдать моего стараго негра-дядю. Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка. Свидѣтельствую почтеніе всему вашему милому семейству и остаюсь вамъ преданнымъ.

А. П. Кернъ (по франц.)—*Михайловское, 14 авг.*—Перечитываю ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная... а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя кроткая красавица, но это правда. Что вы божественны—въ этомъ никто не сомнѣвается, но иногда въ васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла... Еще разъ простите и утѣшьтесь, потому что отъ этого вы еще милѣе. Напр., что̀ вы хотите сказать этой печатью, которая должна быть вамъ прилична и нравиться (счастливая печать), и о значеніи которой вы спрашиваете меня? — Я рѣшительно не догадываюсь, чего вы желаете—развѣ только тутъ есть какой-нибудь тайный смыслъ? Можетъ быть, вы требуете у меня девиза для нея—это было-бы совсѣмъ à la Netty. Ну, пожалуй, оставьте по прежнему: «не скоро, а здорово», лишь-бы только это не было девизомъ вашей поѣздки въ Тригорское—и поговоримъ о другомъ. Вы пишете, что я не знаю вашего характера—да что мнѣ за дѣло до вашего характера? Богъ съ нимъ! развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Главная вещь — глаза, зубы, руки и ноги... (прибавилъ-бы и сердце, но кузина ваша слишкомъ опошлила это слово)... Вы говорите, что васъ легко узнать, т. е. вы хотите сказать легко полюбить—съ этимъ я согласенъ, и самъ тому живое доказательство. Въ отношеніи къ вамъ я велъ себя какъ 14-лѣтній мальчикъ — это негодится, но съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались, я мало по-малу возвращаю потерянное превосходство и пользуюсь этимъ для того, чтобы побранить васъ. Если когда-нибудь мы свидимся, то обѣщайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я вашихъ обѣщаній; притомъ же письмо всегда такъ холодно, въ почтовой просьбѣ нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни нѣги! — И такъ до свиданія — и поговоримъ о другомъ. Въ какомъ положеніи подагра вашего супруга? Надѣюсь, что она порядочно прихватила его на другой день послѣ вашего пріѣзда? Подѣломъ ему! Если-бъ вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, я питаю къ этому человѣку. Божество мое, ради Бога устройте, чтобъ онъ игралъ и страдалъ подагрой.. Подагра! подагра! Это моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ ваше письмо, я вижу

въ немъ страшное если, котораго сначала не замѣтилъ. «Если моя кузина останется, то я пріѣду нынче осенью» и пр.—Ради неба, пусть-же она останется! Постарайтесь ее чѣмъ-нибудь занять; нѣтъ ничего легче: прикажете какому-нибудь офицеру изъ вашего гарнизона влюбиться въ нее, а когда пора будетъ ѣхать, досадите ей, отбивъ ея вздыхателя—а это еще легче. Но не выказывайте ей этого: изъ упрямства она способна все сдѣлать какъ-разъ наперекоръ... А что вы дѣлаете съ своимъ кузеномъ?—скажите откровенно. Посылайте-ка его скорѣе назадъ въ университетъ; не знаю почему, я такъ-же, какъ и г. Кернъ, не очень люблю этихъ студентовъ... А г-нъ Кернъ человѣкъ достойный, умный, разсудительный и проч., и у него только одинъ недостатокъ—что онъ вашъ мужъ. Какъ это можно быть вашимъ мужемъ?—Объ этомъ я не могу себѣ составить понятія, какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось, и я теперь въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, хоть знаю, что это несправедливо и что я долженъ-бы быть благодаренъ вамъ за прошлый разъ. Но что-же мнѣ дѣлать? Умоляю васъ, божество мое, сжальтесь надъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 15 августа.*—Мой милый, поэзія—твой родной языкъ, слышна по выговору; но кто-жъ виноватъ, что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807 года на славяно-русскомъ! И нѣтъ надъ тобою какъ-бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки, или моей няни Василисы, чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться въ рифмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ— Благодарю очень за Водопадъ (стихотв. Вяземскаго). Давай мутить его сейчасъ-же.

. . . . . Съ гнѣвомъ
Сердитый влаги властелинъ—

вла, вла звуки музыкальные, но можно-ли напр. сказать о молніи: властительница небеснаго огня? Водопадъ самъ состоитъ изъ влаги, какъ молнія сама огонь. Перемѣнить какъ-нибудь. Валяй его съ какихъ-нибудь стремнинъ, вершинъ и тому под. 2-я строфа—прелесть. Дождь брыжжетъ отъ (такой-то) спибки твоихъ междоусобныхъ волнъ: междоусобный значитъ mutuel, но не заключаетъ въ себѣ идеи брани, спора; должно непремѣнно тутъ дополнить смыслъ.— 5-я и 6-я строфы—прелестны.

Но ты, питомецъ тайной бури.

Не питомецъ, скорѣе родитель. И то не хорошо. Не соперникъ-ли? Тайной, о гремящемъ водопадѣ говоря, не годится. О бурѣ физической—также. Игралище глухой войны—не совсѣмъ точно. Ты зерцало (впрочемъ это придирка) и пр. Не яснѣе-ли, и не живѣе-ли: ты не пріемлешь ихъ лазури etc. Точность требовала-бы: не отражаешь. Но твое повтореніе «ты» тутъ нужно.

Подъ грознымъ знаменемъ etc.

Хранишь etc. Но вся строфа сбивчива. Зародышъ непогоды о водопадѣ—темно. Вѣчно бьющій огонь—тройная метафора. Не вычеркнуть-ли всю строфу? Ворвавшись—чудно хорошо. Какъ средь пустыни etc. не должно тутъ двойнымъ сравненіемъ развлекать вниманіе; да и сравненіе неточно. Вихорь и пустыню уничтожь-ка! Посмотри, что выйдетъ изъ того.

Какъ ты, внезапно разгорится.

Вотъ видишь-ли? Ты сказалъ о водопадѣ огненномъ метафорически, т. е. блистающій, какъ огонь, а здѣсь ужъ переносишь въ жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь какъ нельзя хуже, но ты понимаешь меня). И такъ не лучше-ли:

Какъ ты пустынно разразится.

etc. А? Или что другое, но разгорится слишкомъ натянуго. Напиши-же мнѣ въ чемъ ты именно согласишься. Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня, какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство итальянки. Пиши мнѣ. Въ Псковѣ это для меня будетъ благодѣяніе. Я созвалъ нежданныхъ гостей—прелесть. Не лучше-ли незванныхъ? Нѣтъ, cela serait de l'esprit.

При семъ дѣловая бумага; ради Бога, употреби ее въ дѣло.

1811 года дядя мой Василій Львовичъ, по благорасположенію своему ко мнѣ и ко всей семьѣ моей, во время путешествія изъ Москвы въ Спб., взялъ у меня взаймы 100 рублей ассигн., данные мнѣ на орѣхи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовной. Свидѣтелемъ онаго займа былъ извѣстный Игнатій; но и самъ Василій Львовичъ, по благородству сердца своего, отъ онаго не откажется. Такъ какъ оному прошло уже болѣе 16 лѣтъ безъ всякаго съ моей стороны взысканія или предъявленія, и какъ я потерялъ уже все законное право на взысканіе вышеупомянутыхъ 100 р. (съ процентами за 14 лѣтъ, что составляетъ болѣе 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородіе милостиваго государя, дядю моего, заплатилъ мнѣ сіи 200 рублей по долгу христіанскому; получить-же оныя деньги я уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземскаго, извѣстнаго литератора.

Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ *Пушкинъ.*

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 17 августа.*—Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой! Мнѣ право совѣстно, что жилы мои такъ всѣхъ васъ безпокоятъ. Операція аневризма ничего не значитъ, и, ей-Богу, первый псковскій коновалъ съ нимъ могъ-бы управиться. Въ Псковъ поѣду не прежде, какъ въ глубокую осень; оттуда буду тебѣ писать, свѣтлая душа.—На дняхъ видѣлся у Пещурова съ какимъ-то докторомъ-аматеромъ; онъ пуще успокоилъ меня— только здѣсь мнѣ кюхельбекерно. Согласенъ, что жизнь моя сбивалась иногда на эпиграмму, но вообще она была элегіей въ родѣ Коншина Кстати объ элегіяхъ: трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина да лѣтописи. Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть! Нельзя-ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго колпака, или житіе какого-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи Минеяхъ. А мнѣ-бы очень нужно. Обнимаю тебя отъ души. Вижу по газетамъ, что Перовскій у васъ. Счастливецъ! Онъ видѣлъ и Римъ, и Везувій!

А. П. Кернъ (по франц.).—*Михайлоское, 28 авг.*—Вотъ письмо къ вашей тетушкѣ; если ея нѣтъ уже въ Ригѣ, можете оставить его у себя. Скажите на милость, можно-ли быть такой вѣтреницей? какимъ образомъ письмо, адресованное къ вамъ, попало въ чужія руки?—Но что сдѣлано, то сдѣлано—поговоримъ о томъ, что̀ намъ остается дѣлать.

Если вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ надоѣлъ вамъ, бросьте его, и знаете-ли какъ? оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ и пріѣзжайте... вы думаете, въ Тригорское?—совсѣмъ нѣтъ—въ Михайловское. Этотъ прекрасный проектъ бродитъ у меня въ головѣ ужъ цѣлую четверть часа... Понимаете-ли вы, какъ велико было-бы мое счастье!—Вы скажете а огласка? а скандалъ? Кой чортъ! бросить мужа—ужъ есть полнѣйшій скандалъ—остальное ничего не значитъ.—Но согласитесь, что въ проектѣ моемъ много романическаго... сходство характеровъ, борьба съ препятствіями, органъ кражи, развитый въ сильной степени, и проч. и проч. и проч.—Представьте себѣ удивленіе вашей тетушки!—Тутъ сейчасъ разрывъ. Вы начнете тайкомъ видѣться съ вашей кузиной, отчего дружба становится пріятнѣе,—а если умретъ Кернъ, вы сдѣлаетесь свободны, какъ воздухъ... Ну, что̀ вы скажете? Не говорилъ-ли я вамъ, что бываю въ состояніи дать совѣтъ смѣлый и важный?

Однако, поговоримъ серьезно, т. е. хладнокровно. Увижу-ли я васъ опять? мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣшьтесь. Очень-бы радъ, но какъ? Влюбиться?—невозможно: для этого нужно прежде забыть ваши спазмы... Бѣжать изъ Россіи? удавиться? жениться?—Все это представляетъ большія трудности—до нихъ я не охотникъ. Ахъ, кстати, какъ я буду получать ваши письма? Тетушка ваша противъ нашей переписки—такой цѣломудренной, такой невинной [да и какъ-же иначе?... за 400 верстъ?...]. Очень можетъ быть, что наши письма станутъ перехватывать, читать, коментировать и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить почеркъ, а тамъ я увижу. Но все таки пишите мнѣ, пишите много—въ длину, въ ширину и діагонально (геометрическій терминъ)... А главное, не лишайте меня надежды увидѣться съ вами; иначе, я серьезно постараюсь влюбиться въ кого-нибудь другого... Да, я и забылъ сказать вамъ, что написалъ къ Нетти письмо очень нѣжное, униженное. Я безъ ума отъ Нетти... Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не наивны? Неправда-ли, что я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ въ разговорѣ? Но пріѣзжайте сюда—и я обѣщаю вамъ, что буду необыкновенно любезенъ; я буду веселъ въ понедѣльникъ, экзальтированъ во вторникъ, нѣженъ въ середу, проворенъ и ловокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, я буду всѣмъ, чѣмъ вы прикажете, и цѣлую недѣлю стану лежать у вашихъ ногъ. Прощайте!

Не распечатывайте прилагаемаго здѣсь письма—это не хорошо. Тетушка ваша разсердится. Но подивитесь, какъ Господь смѣсилъ все: г-жа Осипова распечатываетъ ваше письмо, вы—письмо къ ней, я—письмо Нетти,—и всѣ мы находимъ въ этихъ письмахъ много для себя поучительнаго... Просто чудеса!

(Госпожѣ Осиповой).

Да, сударыня, honny soit qui mal y pense (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Только злые люди могутъ думать, что переписка въ состояніи повести къ чему-нибудь. Ужъ не по опыту-ли знаютъ это иныя особы? но я прощаю имъ, вы сдѣлайте то-же, и станемъ продолжать.

Послѣднее письмо ваше [писанное въ полночь] прелестное. Я смѣялся отъ всей души, но долженъ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ строги къ вашей милой племянницѣ. Правда, она вѣтрена — но вѣдь надо имѣть терпѣніе. Еще какихъ-нибудь двадцать лѣтъ—и ручаюсь вамъ, что она исправится. Что-же касается до ея кокетства, то вы совершенно правы: оно хоть-кого приведетъ въ отчаяніе. — Какъ это она не довольствуется тѣмъ, что имѣетъ счастіе нравиться сиру Керну? Такъ нѣтъ—нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату. По пріѣздѣ въ Тригорское ей приходитъ мысль завладѣть Рокотовымъ и мною. Но этого мало: въ Ригѣ, въ ея проклятой крѣпости, она видитъ проклятаго плѣнника и становится кокетливымъ провидѣніемъ этого проклятаго каторжника! Мало и этого: отъ васъ я узнаю, что въ дѣлѣ замѣшано еще нѣсколько мундировъ!—ну, ужъ это слишкомъ! Рокотовъ узнаетъ объ этомъ, и посмотримъ, что̀ онъ еще скажетъ. Но увѣдомьте, пожалуйста, увѣрены-ли вы въ томъ, что она кокетничаетъ безразлично? Сама она говоритъ, что н ѣ т ъ, и мнѣ пріятнѣе вѣрить ей. Еще болѣе меня успокоиваетъ то, что не у всѣхъ одинаковая манера ухаживанья, — пусть только ея поклонники будутъ почтительны, робки и деликатны, съ меня этого довольно. Благодарю васъ, что не передали ей моего письма; въ немъ было слишкомъ много нѣжностей, а въ настоящихъ обстоятельствахъ это смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, напишу съ тою дерзостью, которая отличаетъ меня, и рѣшительно прекращу съ ней всякія сношенія;—я отыму у всѣхъ право говорить, что я внесъ раздоръ въ семейство, не допущу Ермолая Ѳедоровича обвинять меня въ отсутствіи нравственныхъ правъ, а жену его—насмѣхаться надо мною

Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ «смѣла въ.. и пр.» Не такъ-ли? Она и отъ этого отнѣкивается, но дѣло кончено—я ей не стану болѣе вѣрить.

Прощайте, сударыня,—съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріѣзда. Мы станемъ злословить сѣверную Нетти, которая всегда будетъ вызывать во мнѣ сожалѣніе, что я увидѣлъ ее, и еще больше, что... Простите этому черезчуръ искреннему признанію человѣка, который любитъ васъ очень нѣжно, хотя совершенно иначе.

П. А. Катенину, — *Михайловское 24 сентября.*—Ты не можешь себѣ вообразить, милый и почтенный Павелъ Александровичъ, какъ обрадовало меня твое письмо, знакъ неизмѣнившейся твоей дружбы... Наша связь основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ. Ты огорчаешь меня увѣреніемъ, что оставилъ поэзію — общую нашу любовницу. Если это правда, что̀ же утѣшаетъ тебя, кто утѣшаетъ ее? .. Я думалъ, что въ своей глуши—ты созидаешь; нѣтъ—ты хлопочешь и тягаешься, а между тѣмъ, годы бѣгутъ.

Heu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.

А что̀ всего хуже, съ ними улетаютъ и страсти, и воображеніе. Послушайся, милый, запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны). Ты сдѣлаешь переворотъ въ нашей словесности, и никто болѣе тебя того не до-

стопнъ. Прочелъ въ Альманахѣ Булгарина 3-е дѣйствіе твоей «Андромахи», прелестное въ величавой простотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ кн. Шаховского

Какъ ты находишь первый актъ Венцеслава? По мнѣ чудно хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читалъ, по-испански не знаю, а отъ Жандра въ восхищеніи; кончена-ли вся трагедія?

Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? Стихи покамѣстъ я бросилъ и пишу свои mémoires, то есть переписываю набѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь. 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву—я самъ ее люблю; впрочемъ, на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старыя проказы съ Каверинымъ, съ театральнымъ маіоромъ и проч. Больше не буду! —Addio poeta. rivederla, ma quando?

Кн. П А. Вяземскому. — *Михайловское, 13 сентября.* — Résumé. Вы находите, что позволеніе ѣхать во Псковъ есть шагъ впередъ; а я думаю, что шагъ назадъ. Но полно объ аневризмѣ. Онъ мнѣ надоѣлъ, какъ наши журналы.

Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (или адъютантъ Раевскаго): онъ—мой пріятель, и я-бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ. M-me Staël наша — не тронь ея. Впрочемъ я пощадилъ его (см. алф. указатель: „О г-жѣ Сталь и г-нѣ Мухановѣ"). Какъ мнѣ жаль, что Полевой пустился безъ тебя въ антикритику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда. Ради Бога, надѣнь на него строгій мундштукъ и выѣзжай его на досугѣ. Будутъ и стихи, но погоди немного.

Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ лицей. Кажется, онъ не перемѣнился во многомъ, хоть и созрѣлъ и слѣдственно подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя — меня тошнитъ... Но предлагаемое да ѣдятъ.

А. П. Кернъ (по франц.). —*Михайловское, 22 сент.*— Ради Бога не отсылайте къ г-жѣ Осиповой письма, найденнаго вами въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно въ назиданіе вамъ. Оставьте это письмо у себя, а иначе вы насъ поссорите... Я-было хотѣлъ помирить васъ, но послѣ вашихъ послѣднихъ сумасбродствъ, потерялъ всякую надежду на это... Кстати, вы клянетесь мнѣ всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы на ты съ своимъ двоюроднымъ братомъ, вы говорите ему: я презираю твою мать... Это ужасно! Слѣдовало сказать вашу мать, а еще лучше ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Право, ревность въ сторону, я совѣтую вамъ прекратить эту переписку,—совѣтую, какъ другъ, преданный вамъ истинно, безъ всякихъ фразъ и уловокъ. Не понимаю, что за цѣль у васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ [къ тому-же не поэтомъ], и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Вы сами знаете, что я находилъ это кокетство очень естественнымъ въ то время, когда онъ былъ подлѣ васъ, потому что надо-же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ-ли? Переписку — прочь! а я ручаюсь вамъ, что отъ этого любовь его не уменьшится. Теперь скажите—серьезно-ли вы одобряете мой проектъ? Анета въ ужасъ пришла, когда узнала о немъ, а у меня голова кружится отъ радости. Но я не вѣрю въ счастіе—и это очень понятно: не вѣрю я, чтобъ вы, ангелъ любви, захотѣли разубѣдить мою невѣрующую и увядшую душу. Но, по крайней мѣрѣ, пріѣзжайте въ Псковъ; вамъ это такъ легко.—При одной мысли объ этомъ, сердце мое бьется, въ глазахъ темнѣетъ, я весь изнемогаю... Неужели она, какъ и многія другія мысли, останется тщетной надеждой?... Но къ дѣлу. Прежде всего вамъ нуженъ предлогъ, напр. болѣзнь Анеты--какъ вы думаете? Или не поѣдете-ли вы въ Петербургъ?—вѣдь тогда вы мнѣ дадите знать объ этомъ: да? —Не обманывайте меня, милый ангелъ! если-бъ вы знали, какъ я благословляю васъ за то, что разстанусь съ жизнью, извѣдавъ счастье!—Не говорите мнѣ объ удивленіи—это не чувство... Говорите мнѣ о любви--я жажду ея. А главное—ни слова о стихахъ. Совѣтъ вашъ - писать къ его величеству — тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы думали обо мнѣ; на колѣняхъ благодарю тебя за него, но не могу ему послѣдовать... Пусть сама судьба распоряжается моею жизнью — я ни во что не хочу вмѣшиваться... У меня только и есть дорогого, что надежда еще увидѣть васъ все еще прекрасной и молодою... Еще разъ, не обманывайте меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки —поэтому я поѣду въ Тригорское. Вашъ планъ—выдать замужъ Анету, чтобы имѣть у нея прибѣжище—восхитителенъ, но я еще не сообщилъ его ей. Ради Бога, отвѣчайте на главные пункты этого письма — и только тогда я повѣрю, что свѣтъ стоитъ еще того, чтобы жить.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 24 сентября.* — Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо Мы встрѣтились и разстались довольно холодно, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ. Впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ и у насъ на сѣверѣ: мы или сохнемъ, или гніемъ. Первое все-таки лучше. Отъ нечего дѣлать, я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи. Попроси его не говорить объ нихъ; не то объ ней заговорятъ, а она мнѣ опротивѣетъ, какъ мои Цыганы, которыхъ я не могъ докончить по сей причинѣ. Радуюсь однако участи моей пѣсни Рѣжь меня. Это очень близкій переводъ. Посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Віельгорскому. Кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней. Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы. Видаешься-ли ты съ нею? Ради Бога, докажи Вас. Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны не мое произведеніе, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила! Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова. Дѣло въ томъ, что конечно Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ.

Сатирикъ и поэтъ любовный,
Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
Ты не племянникъ Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нѣжный, тонкій, острый,
Мой дядюшка —не дядя твой;
Но, милый, музы наши—сестры,
И такъ, ты все-же братецъ мой.

Variante — Василій Львовичъ, тонкій, острый. Кланяйся княгинѣ и сестрѣ. Некогда болѣе писать.

Н. Н. Раевскому (по франц.)—*Михайловское сентябрь.* Гдѣ вы? Изъ газетъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ. Желаю, чтобъ это васъ забавляло. Что вашъ братъ? Вы ничего не говорите мнѣ о немъ въ письмѣ отъ 13 мая. Лечится-ли онъ?

Вотъ что касается до меня: друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобъ получить мнѣ дозволеніе полечиться; мать писала къ его величеству, и затѣмъ я получилъ дозволеніе отправиться въ Псковъ и даже тамъ жить, но я не намѣренъ воспользоваться этимъ, съѣзжу туда только на нѣсколько дней. Покамѣстъ-же я совершенно одинокъ: единственная сосѣдка, которую я посѣщалъ, уѣхала въ Ригу, и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей: послѣдняя подвигается, и я ею доволенъ. Сочиняя ее, я думалъ о трагедіи вообще: это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ. Классики и романтики основывали его законы на правдоподобіи, а оно-то и исключается самой сущностью драмы. Не говоря уже о времени и проч., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, будто-бы невидимыхъ для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напримѣръ, Филоктетъ у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы! я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи» и проч. Вспомните древнихъ и трагическія ихъ маски съ двойными лицами—все это не представляетъ-ли условнаго неправдоподобія? 3) Время, мѣсто и проч. и проч. Истинные геніи трагедій никогда не хлопотали о правдоподобіи. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ». А, вы желаете закона 24-хъ часовъ? Извольте! — и за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего безполезнѣе, по моему мнѣнію, маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ: Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону: онъ его уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ и считаетъ, что произвелъ революцію въ системѣ трагедіи. Какое ребячество!

Правдоподобіе положеній и истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи. Я не читалъ ни Кальдерона, ни Веги, но что за человѣкъ Шекспиръ! Не могу прійти въ себя! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, этотъ Байронъ, всего-на-всего постигшій только одинъ характеръ (у женщинъ нѣтъ характера; у нихъ страсти въ ихъ молодости, и вотъ почему такъ легко выводить ихъ). И вотъ Байронъ раздѣлилъ между своими героями тѣ и другія черты собственнаго характера: одному далъ свою гордость, другому—свою ненависть, третьему—свою меланхолію и проч., и такимъ-то образомъ изъ одного характера—полнаго, мрачнаго и энергичнаго—создалъ множество характеровъ ничтожныхъ. Это вовсе ужъ не трагедія.

Есть и еще заблужденіе: задумавъ какой-нибудь характеръ, стараются высказать его даже въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ (таковы педанты и моряки въ старыхъ романахъ Фильдинга). Заговорщикъ говоритъ: «дайте мнѣ пить» — какъ заговорщикъ, а это смѣшно. Вспомните Байронова Озлобленнаго: «онъ заплатилъ!» ha pagato). Это однообразіе, тупость лаконизма, непрерывная ярость — развѣ это естественно? Отсюда и неловкость, и робость разговора. Читайте Шекспира. Нисколько не боясь скомпрометировать свое дѣйствующее лицо, онъ заставляетъ его разговаривать съ полной непринужденностью жизни, ибо увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ оно найдетъ языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Вы меня спросите: трагедія моя характерная или для костюмовъ? Я выбралъ наиболѣе удобный родъ, но стараюсь соединить ихъ оба. Я пишу и думаю. Большая часть сценъ требуетъ только разсужденія; когда-же дохожу до сцены, требующей вдохновенія, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее. Это способъ работы для меня совершенно новый. Я чувствую, что душа моя совсѣмъ развернулась—я могу творить.

А. Н. Вульфу.—*Михайловское, сентябрь.*—Любезный Алексѣй Николаевичъ, я не успѣлъ благодарить васъ за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ наборщикомъ, и съ tutti quanti: дѣло теперь не о томъ. Друзья мои и родители вѣчно со мной проказятъ; теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослали назадъ эту бѣдную коляску.—Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя-бы и очень радъ былъ съ нимъ познакомиться. А объ коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова, что она? гдѣ? etc. Vale, mi fili in spirito. Кланяюсь Языкову; я написалъ надняхъ подраженіе Элегіи на «Подите прочь».

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, сентябрь.*—Я думалъ, что ты давно получилъ отъ Льва Сергѣича 600 р., украденные Савеловымъ. Узнаю, что Левъ ихъ промоталъ; извини его и жди оброка, что соберу надняхъ съ моего сельца С.-Петербурга.

Милый, мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому-что не могу являться тебѣ въ халатѣ на-распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловіе г-на Лемонте (къ переводу басенъ Крылова). Мы съ тобою толкуемъ лишь о Полевомъ, да о Булгаринѣ—а они несносны и въ бумажномъ переплетѣ. Ты уменъ, о чемъ ни заговори, а я передъ тобою дуракъ дуракомъ. Условимся: пиши мнѣ и не жди отвѣтовъ.

Твоя статья объ аббатствѣ Байрона? Что за чудо Донъ-Жуанъ! Я знаю только пять первыхъ пѣсенъ. Прочитавъ первыя двѣ, я сказалъ тотчасъ Раевскому, что это chef d'oeuvre Байрона, и очень обрадовался послѣ, увидя, что W. Scott моего мнѣнія. Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là.. Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру; мочи нѣтъ, сердитъ! не выспался и не ..ся.

Зачѣмъ жалѣешь ты о потерѣ Записокъ Байрона? Чортъ съ ними! Слава Богу, что потеряны. Онъ исповѣдался въ своихъ стихахъ, невольно увлеченный восторгомъ поэзіи. Въ хладнокровной прозѣ онъ-бы лгалъ и хитрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то марая своихъ враговъ. Его-бы уличили, какъ уличили Руссо; а тамъ злоба и клевета снова-бы торжествовали. Оставь любопытство толпѣ и будь заодно съ геніемъ. Поступокъ Мура (онъ уничтожилъ записки Байрона) лучше его Лалла-Рукъ (въ его поэтическомъ отношеніи). Мы знаемъ Байрона довольно. Видѣли его на тронѣ славы, видѣли въ мученіяхъ великой души, видѣли въ гробѣ посреди воскресающей Греціи. Охота тебѣ видѣть его на с...ѣ. Толпа жадно читаетъ

исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могучаго. При открытіи всякой мерзости онъ въ восхищеніи. Онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы! врете, подлецы: онъ и малъ, и мерзокъ—не такъ, какъ вы—иначе! Писать свои mémoires заманчиво и пріятно. Никого такъ не любишь, никого такъ не знаешь, какъ самого себя. Предметъ неистощимый. Но трудно Не лгать—можно; быть искреннимъ—невозможность физическая. Перо иногда остановится, какъ съ разбѣга, передъ пропастью—на томъ, что посторонній прочелъ-бы равнодушно. Презирать судъ людей нетрудно; презирать судъ собственный невозможно.

— —

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, осенью.*— Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіею, въ ней-же первая персона—Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай-да, Пушкинъ, ай-да..! Юродивый мой—малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.; сказывалъ это я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ. Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хотя она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ! Ты уморительно критикуешь Крылова. «Молчи, то знаю я сама; да эта крыса моя кума». Я назвалъ его представителемъ духа русскаго народа—не ручаюсь, чтобъ онъ отчасти не вонялъ. Въ старину нашъ народъ назывался смердъ (см. Исторію Карамзина). Дѣло въ томъ, что Крыловъ—преоригинальная туша, графъ Орловъ (издатель басенъ Крылова въ переводѣ на франц. языкъ) забавенъ, а мы—розини и пр.

Я изъ Пскова написалъ тебѣ-было уморительное письмо, да сжегъ. Тамошній архіерей отецъ Евгеній принялъ меня, какъ отца Евгенія (Онѣгинъ). Губернаторъ также былъ весьма милостивъ, далъ мнѣ переправить свои стишки-съ. Вотъ таково! Прощай, мой милый.

Въ глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животомъ,
Я не парю, сижу орломъ
И боленъ праздностью поносной
Бумаги берегу запасъ;
Натуги вдохновенья чуждый,
Хожу я рѣдко на Парнасъ,
И то лишь за большою нуждой.
Но твой затѣйливый навозъ
Пріятно мнѣ щекотитъ носъ:
Хвостова онъ напоминаетъ,
Отца зубастыхъ голубей, (въ баснѣ Хвостова)
И духъ мой снова позываетъ
Ко испражненью прежнихъ дней.

Благодарствую, душа моя, и цѣлую тебя... Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Михайловскомъ, только два раза хохоталъ: при разборѣ новой піитики басенъ и при посвященіи... Какъ-же мнѣ не любить тебя? Какъ мнѣ передъ тобою не подличать? Но подличать готовъ, а переписывать, воля твоя, не стану: смерть моя, и только.

А. П. Кернъ (по франц.). —*Михайловское, сент.*—Вы приводите меня въ отчаяніе. Я-было принялся писать вамъ глупости, надъ которыми вы-бы умерли со смѣху,—и вотъ ваши строки вдругъ нагнали на меня грусть. Пожалуйста, постарайтесь отдѣлаться отъ своихъ спазмовъ, которые очень идутъ къ вамъ, но которые—предупреждаю васъ—ни къ чорту не годятся. Отчего вы не заставляете меня бранить васъ?—Если у васъ рука болитъ, не надо было писать мнѣ... Что за сумасбродка!

Скажите, однако, что-же такое сдѣлалъ бѣдный мужъ вашъ? Уже не ревнуетъ-ли онъ? - Что-жъ, я сознаюсь, что онъ былъ-бы правъ въ этомъ случаѣ: вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей... А хорошенькая женщина всегда властна... быть властной... Боже меня избави читать вамъ проповѣдь, но вѣдь согласитесь, что надо сколько-нибудь оказывать уваженія мужу—иначе, никому не захотѣлось-бы въ мужья. Не слишкомъ прибѣгайте къ насилію; это необходимо для свѣта. Послушайте, я говорю съ полной откровенностью: за 400 верстъ вы нашли средство заставить меня ревновать... что-же было-бы въ четырехъ шагахъ?—Простите, божество мое, что я, не стѣсняясь, высказываю вамъ мой образъ мыслей—это доказательство самаго искренняго участія; я люблю васъ гораздо больше, чѣмъ вы думаете... Постарайтесь-же какъ-нибудь поладить съ этимъ проклятымъ Керномъ. Согласенъ, что онъ не геній, но вѣдь и не идіотъ-же онъ. Кротость, кокетство (а главное, ради Бога, отказы, отказы и отказы)—повергнутъ его къ ногамъ вашимъ—мѣсто, которому я завидую отъ всей души... Но что-же дѣлать?—Отъѣздъ Аннеты привелъ меня въ отчаяніе.— Во что-бы то ни стало, вы должны нынче осенью пріѣхать сюда или хоть въ Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Аннеты. Какъ вы думаете объ этомъ? Пишите, умоляю васъ, но ни слова не говорите объ этомъ А. Вульфу. Такъ пріѣдете? да? а до тѣхъ поръ не рѣшайте ничего насчетъ вашего мужа... Вы молоды, передъ вами цѣлая будущность, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые никогда не совѣтуютъ рѣшиться на сильную и рѣзкую мѣру... иногда это необходимо; но прежде надо поразсудить хорошенько и не дѣлать безполезной огласки.

Прощайте; теперь ночь и передо мною носится вашъ образъ, полный грусти и сладострастія; я будто вижу ваши глаза, полураскрытый ротикъ. Прощайте... мнѣ чудится, что я у ногъ вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую ваши колѣна.. О, я отдалъ-бы всю кровь свою за минуту дѣйствительности!—Прощайте и вѣрьте моему безумному бреду... онъ смѣшонъ, но искрененъ.

PS Анна Петровна, я вамъ жалуюсь на Анну Николаевну—она меня не цѣловала въ глаза, какъ вы изволили приказывать. Adieu, belle dame. Весь вашъ—*Яблочный Пирогъ.*

— —

В. А. Жуковскому, -*Тригорское, 6 октября.* Надняхъ, увидя въ окошко осень, сѣлъ я въ тележку и прискакалъ во Псковъ. Губернаторъ (Адеркасъ, про котораго Пушкинъ написалъ: „Господинъ фонъ-Адеркасъ, худо кормите вы насъ: Вы такой же ресторатор, какъ великій губернаторъ“) принялъ меня очень мило; я поговорилъ съ нимъ о своей жилѣ, посовѣтовался съ очень добрымъ лекаремъ и пріѣхалъ обратно въ свое Михайловское. Теперь, имѣя обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ аневризмѣ, поговорю объ немъ толкомъ.—П. А. Осипова, будучи въ Ригѣ, со своею заботливостію дружбы говорила обо мнѣ оператору Руланду. Операція не штука, сказалъ онъ, но слѣдствія могутъ быть важны: боль-

ной долженъ лежать нѣсколько недѣль неподвижно etc.—Воля твоя, мой милый; ни во Псковѣ, ни въ Михайловскомъ я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой. Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало.—2-е. Псковской лекарь говоритъ: можно обойтись и безъ операціи, но нужны строгія предосторожности—не ходите много пѣшкомъ, не ѣздите верхомъ, не дѣлайте сильныхъ движеній etc. etc. Ссылаюсь на всѣхъ: что мнѣ прикажете дѣлать въ деревнѣ или во Псковѣ, если всякое движеніе будетъ мнѣ запрещено? Губернаторъ обѣщался отнестись, что лечиться во Псковѣ мнѣ невозможно—итакъ, погодимъ, авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу.

Теперь 3-й § (и самый важный): Мойера не хочу рѣшительно. Ты пишешь: «прими его, какъ меня». Мудрено. Я не довольно богатъ, чтобъ выписывать себѣ славныхъ операторовъ, а даромъ лечиться не намѣренъ—они не ты. Конечно, я съ радостью и благодарностью далъ-бы тебѣ срѣзать не только становую жилу, но и голову: отъ тебя благодѣяніе мнѣ не тяжело, а отъ другого не хочу будь онъ тебѣ распріятель, будь онъ сынъ Карамзина.

Милый мой, посидимъ у моря, подождемъ погоды; я не умру—это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобъ Годуновъ со мною уничтожился. Дай срокъ: жадно принимаю твое пророчество—пусть трагедія искупитъ меня... Но до трагедій-ли нашему черствому вѣку? По крайней мѣрѣ оставь мнѣ надежду. Чувствую, что операція отниметъ ее у меня. Она закабалитъ меня на десять лѣтъ сволочной жизни. Мнѣ уже не будетъ ни надежды, ни предлога—страшно подумать! Отче! не брани меня и не сердись, когда я бѣшусь. Подумай о моемъ положеніи—вовсе незавидное, что ни толкуютъ. Хоть кого съ ума сведетъ.

А. Н. Вульфу.—*Михайловское, октябрь.*—Милый Алексѣй Николаевичъ, чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Мойера благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь; но повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лечиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если-же (что также случается) денегъ нѣтъ—то напишите, сколько ихъ будетъ нужно. На всякій случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились (условное выраженіе). Что скажу вамъ новаго? Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда Анны Петровны (Кернъ). Мужъ ея очень милый человѣкъ, мы познакомились и подружились. Желалъ-бы я очень исполнить желаніе ваше касательно подражанія Языкову; но не нахожу его подъ рукой; вотъ начало:

Какъ широко,
Какъ глубоко.
Нѣтъ, Бога ради,
Нельзя-ли... и пр.

Не писалъ-ли Языковъ еще чего-нибудь въ томъ-же родѣ? или въ другомъ? перешлите намъ—мы будемъ очень благодарны.

Бар. А. А. Дельвигу. *Михайловское, октябрь.*

Брови царь нахмуря,
Говорилъ вчера:
Повалила буря
Памятникъ Петра.
Тотъ перепугался:
«Я не зналъ! Ужель?»
Царь расхохотался:
Первый, братъ, апрѣль!

Говорилъ онъ съ горемъ
Фрейлинамъ дворца:
Вѣшаютъ за моремъ
. . . .
То есть, разумѣю.
Вдругъ промолвилъ онъ:
Вѣшаютъ за шею—
Строгъ у нихъ законъ.

Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова (лицейскій товарищъ Пушкина). Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полоцкихъ езуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобовія безносаго.

Писалъ и брату объ Андреѣ Шенье. Впрочемъ, твоя святая воля. А боюсь, чтобъ томъ Разныхъ Стихотвореній не былъ слишкомъ тонокъ. Возьми себѣ весь портретъ Татьяны, до: отъ Ричардсона безъ ума, да еще конецъ отъ: своимъ пенатамъ возвращенный. Какъ ты думаешь? Отпиши, покамѣстъ еще не женатъ. Кланяйся отъ меня почтенному, умнѣйшему арзамасцу (М. А. Салтыкову), будущему своему тестю; а изъ жены своей сдѣлай арзамаску—непремѣнно.—Жду писемъ.

А. А. Бестужеву.—*Михайловское, 30 ноября.*—Я очень обрадовался письму твоему, мой милый. Я думалъ уже, что ты на меня дуешься.—Радуюсь и твоимъ занятіямъ.—Изученіе новѣйшихъ языковъ должно въ наше время замѣнить латинскій и греческій: таковъ духъ вѣка и его требованія. Ты, да, кажется, Вяземскій, одни изъ нашихъ литераторовъ учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить.—Ты ѣдешь въ Москву; поговори тамъ съ Вяземскимъ о журналѣ, онъ самъ чувствуетъ въ немъ необходимость, а дѣло было-бы чудно-хорошо.—Ты пеняешь мнѣ за то, что я не печатаюсь; надоѣла мнѣ печать опечатками, критиками, запрещеніями etc.—Однако поэмы мои скоро выйдутъ. И онѣ мнѣ надоѣли. Русланъ—молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и предъ поэзіей кавказской природы поэма моя—Голиковская проза. Кстати, кто писалъ о горцахъ въ „Пчелѣ“? Вотъ поэзія! Не Якубовичъ-ли, герой моего воображенія? Когда я вру съ женщинами, я ихъ увѣряю, что я съ нимъ разбойничалъ на Кавказѣ, прострѣливалъ Грибоѣдова, хоронилъ Шереметева, etc. Въ немъ много въ самомъ дѣлѣ романтизма. Жаль, что я съ нимъ не встрѣтился въ Кабардѣ—поэма моя была-бы еще лучше. Важная вещь! я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать: робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма. Подъ романтизмомъ у насъ разумѣютъ Ламартина. Сколько я ни читалъ о романтизмѣ—все не то; даже Кюхельбекеръ вретъ. Что такое его „Духи“? До сихъ поръ я ихъ не читалъ.—Жду твоей новой повѣсти, да возьмись-ка за цѣлый романъ и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на коцебятину. Кланяюсь планщику Рылѣеву, какъ говаривалъ покойникъ Платовъ; но я, право, болѣе люблю стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ. Желаю вамъ, друзья мои, здравія и вдохновенія.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 3 декабря.*—Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть; избираю невиннѣйшія.

П. А. Катенину.—*Михайловское, 4 декабря.*—Письмо твое обрадовало меня по многимъ при-

чинамъ: 1. что оно писано изъ Петербурга, 2. что Андромаха наконецъ отдана на театръ, 3. что ты собираешься издать свои стихотворенія, и 4. (что должно было-бы стоять первымъ), что ты любишь меня по-старому. Можетъ быть, нынѣшняя перемѣна сблизитъ меня съ моими друзьями. Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти государя; но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I: въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V — словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго. Какъ-бы хорошо было, если-бы нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ; но вспомнятъ-ли обо мнѣ? Богъ вѣсть. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что-нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ, я его не бросилъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина и поздравляю его съ твоимъ ободреніемъ. Признаюсь, мочи нѣтъ, хочется къ вамъ. — Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время перваго представленія Андромахи.

А. П. Кернъ. (по франц). *Михайловское, 8 дек.* — Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ пріобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть — всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекутся въ незабвенныя черты. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Леилѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно-прекрасенъ. Итакъ васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы — ангелъ-утѣшитель, а я не что иное, какъ неблагодарный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ; мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Можетъ быть, происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ; она не иное что, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ съ стариками-мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знаете, что подъ его чертами я представляю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно.

P. S. Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасы, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что снова перецѣловываю ихъ въ ожиданіи еще лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы божественны и проч.

П. А. Плетневу. *Михайловское, декабрь.* — Милый, дѣло не до стиховъ, — слушай въ оба уха. Если я друзей моихъ не слишкомъ отъучилъ отъ ходатайства, вѣроятно, они вспомнятъ обо мнѣ... Если брать, такъ брать — не то, что и совѣсти марать. Ради Бога, не просить у царя позволенія мнѣ жить въ Опочкѣ или въ Ригѣ — чортъ-ли въ нихъ, а просить или о въѣздѣ въ столицы, или о чужихъ краяхъ. Въ столицу хочется мнѣ для васъ, друзья мои! Хочется съ вами еще передъ смертью поврать; но, конечно, благоразумнѣе-бы отправиться за море. Что мнѣ въ Россіи дѣлать?! Покажи это письмо Жуковскому, который, можетъ быть, на меня сердитъ: онъ какъ-нибудь это сладитъ. Да нельзя-ли дамъ взбудоражить?... душа! Я — пророкъ, ей Богу пророкъ! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами, во имя Отца и Сына etc. — Выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вамъ трагедію свою. Кстати: Борька (Б. Ѳедоровъ) также вывелъ юродиваго въ своемъ романѣ (Князь Курбскій): и онъ байронничаетъ, описываетъ самого себя! Мой юродивый, впрочемъ, гораздо милѣе Борьки увидишь! Вотъ тебѣ письма къ двумъ еще юродивымъ (Кюхельбекеру и Воейкову). Воейковъ не напроказилъ-ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки (Новостей литературы) не читалъ. Онъ что-то со мною труситъ. Кюхельбекера Духи — дрянь. Стиховъ хорошихъ очень мало; вымысла нѣтъ никакого; предисловіе одно порядочно. Не говори этого ему: онъ огорчится. Неужто Илья Муромецъ — Загорскаго? Если нѣтъ, кто же псевдонимъ? Если да — какъ жаль, что онъ умеръ...

В. К. Кюхельбекеру. — *Михайловское, декабрь.* — Прежде чѣмъ поблагодарю тебя, хочу съ тобою побраниться. Получивъ твою комедію, я надѣялся найти въ ней письмо. Я трясъ, трясъ ее и ждалъ, не выпадетъ-ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно! ничего не вытрясъ, и со злости духомъ прочелъ «Духовъ» (Calembour! reconnais-tu le sang), сперва про себя, а потомъ и вслухъ. Нужна-ли тебѣ моя критика? Нѣтъ! не правда-ли? Все равно, критикую. Ты сознаешься, что характеръ поэта неправдоподобенъ: сознаніе похвальное; но надобно-бы сію неправдоподобность оправдать, извинить въ самой комедіи, а не въ предисловіи. Поэтъ могъ-бы самъ совѣститься, стыдиться своего суевѣрія: отселѣ новыя комическія черты. За то Калибанъ — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковскаго. Это простительно Цертелеву, а на тебѣ. Ты скажешь, что насмѣшка падаетъ на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты если пишешь для насъ, то печатаешь для черни; она принимаетъ вещи буквально, видитъ твое неуваженіе къ Жуковскому — и рада.

«Сиръ — слово старое, прочтутъ иные сыръ» etc. очень мило и дѣльно. Отъ жеманства надобно насъ отучать. — Пасъ стада главы моей (вшей)? Впрочемъ вездѣ, гдѣ поэтъ бредитъ Шекспиромъ, его легкое воздушное творенье, рѣчь Аріеля и послѣдняя тирада — прекрасно. О стихосложеніи скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выраженія не всегда точно-русскія; напр. слушать въ оба уха, брось видъ угрюмый, взглядъ унылый, молодецъ ретивый, сдернетъ чепецъ на старухѣ etc. — Все это прощаю за Калибана, который чудо какъ милъ. Ты видишь, мой милый, что я съ тобою откровененъ по-прежнему и увѣренъ, что тебя этимъ не разсержу; во вотъ чѣмъ тебя разсержу: кн. Шихматовъ, не смотря на твой разборъ и смотря на твой разборъ — бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... Ай-ай... Больше не буду! Не бей меня.

А. А. Бестужеву. — *Михайловское, декабрь.* — Мнѣ досадно, что Рылѣевъ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ покровительствуютъ литературѣ и что — слава Богу! Зачѣмъ-же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ бо-

лѣе? Загляни въ журналы: въ теченіе шести лѣтъ, посмотри, сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили подѣломъ и понапрасну, а далѣе... ни гу-гу! Почему это? ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма такого-то журналиста—нѣтъ! Всякій знаетъ, что хоть онъ расподличайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ ужъ лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердишься за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ-же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ сословія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожился на нихъ. Тамъ ѣсть нечего - такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэтъ и я — поэтъ, но я сужу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ.

Ив. Матв. Рокотову, сосѣду по имѣнію (по французски). М. Г. Я бы счелъ своей обязанностью отправить къ вамъ коляску, если-бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи лошадей. Она будетъ къ вашимъ услугамъ, какъ только вы изволите за ней послать. Если-бы вашъ братъ пожелалъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ, то я былъ-бы очень радъ принять его и возобновить столь пріятное знакомство. — Что̀ касается цѣны, то мнѣ было-бы желательно продать коляску, какъ вамъ уже извѣстно, за 1500. Впрочемъ въ этомъ отношеніи я заранѣе и вполнѣ подчиняюсь рѣшенію вашего брата. Примите увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

P. S. Мой отецъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Онъ надѣется въ слѣдующій разъ имѣть двойное удовольствіе принять въ Михайловскомъ васъ и вашего брата.

1826.

П. А. Плетневу. — *Михайловское, январь.* Душа моя, спасибо за Стихотворенія Александра Пушкина: изданіе очень мило; кое-гдѣ ошибки, это въ фальшь не ставится.—Еще разъ благодарю сердечно и обнимаю дружески.

Что̀ дѣлается у васъ въ Петербургѣ? Я ничего не знаю, всѣ перестали ко мнѣ писать. Вѣрно, вы полагаете меня въ Нерчинскѣ. Напрасно: я туда не намѣренъ. Но неизвѣстность о людяхъ, съ которыми находился въ короткой связи, меня мучитъ. Надѣюсь для нихъ на милость царскую. Кстати: не можетъ-ли Жуковскій узнать, могу-ли я надѣяться на высочайшее снисхожденіе: я 6 лѣтъ нахожусь въ опалѣ, а что̀ ни говори—мнѣ всего 26. Покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за двѣ строчки—нерелигіозныя; другихъ художествъ за собой не знаю. Ужели молодой нашъ царь не позволитъ удалиться куда-нибудь, гдѣ-бы потеплѣе, если ужъ никакъ нельзя мнѣ показаться въ Петербургъ?—А? Прости, душа; скучно, мочи нѣтъ.

В. А. Жуковскому - *Михайловское, январь.* - Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому, что мнѣ было не до себя, во вторыхъ — за неимѣніемъ вѣрнаго случая. Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія передъ государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно, правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14 декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія-нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто-же, кромѣ полиціи и правительства, не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все-таки, я отъ жандарма еще не ушелъ; легко, можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ-нибудь изъ обвиненныхъ. А между ними друзей моихъ довольно (оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.

И такъ, остается мнѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они. Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ. Я былъ масонъ въ кишиневской ложѣ, т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи. Я, наконецъ, былъ въ связи съ большею частію нынѣшнихъ заговорщиковъ. Покойный императоръ, сославъ меня, могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи. Письмо это неблагоразумно, конечно, но должно же довѣрять иногда счастію. Прости, будь счастливъ. Это покамѣстъ первое мое желаніе. Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: ваше величество, если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя-ли, наконецъ, позволить ему возвратиться?

Говорятъ, ты написалъ стихи на смерть Александра. Предметъ богатый! Но въ теченіе десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа; слѣдственно, я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба.

Бар. А. А. Дельвигу, — *Михайловское, январь.*—Милый баронъ! вы обо мнѣ безпокоитесь и напрасно: я человѣкъ мирный. Но я безпокоюсь—и дай Богъ, чтобъ было понапрасну—мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. — Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня.—Прощай, мой милый другъ.—*П.*

Бар. А. А. Дельвигу. — *Михайловское, январь.*—Насилу ты мнѣ написалъ, и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отвсюду прекратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и наговорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ, и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый шесть лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки

перехваченнаго письма, я конечно не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ — но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи — напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности, и если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на то есть особая причина. Какъ-бы то ни было, я желалъ-бы вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни — какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. — Прощай, душа моя.—*Пушкинъ.*

P. S. Ты взялъ 2000 у меня, и хорошо сдѣлалъ; но сдѣлай такъ, чтобъ прежде Великаго Поста они находились опять у Плетнева.

П. А. Катенину. — *Михайловское, февраль.*— Отвѣчаю тебѣ по порядку. Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не дошло. Я не выставилъ полнаго твоего имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисою показалось-бы немного страннымъ.

Будущій альманахъ радуетъ меня несказанно, если разбудитъ онъ тебя для поэзіи. Душа проситъ твоихъ стиховъ; но знаешь-ли что? Вмѣсто альманаха, не затѣять-ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ; кому-же, какъ не тебѣ, забрать въ руки общее мнѣніе и дать нашей словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Если-бъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу привесъ-бы ты русской словесности. Какъ думаешь? Да что Андромаха и собраніе твоихъ стиховъ?

П. А. Осиповой (по французски).—*Михайловское, 20 февраля.*—Вотъ новая поэма Баратынскаго, присланная мнѣ Дельвигомъ. Это образецъ граціи, изящества и чувства. Вы будете въ восторгѣ отъ нея. Теперь вѣроятно вы уже въ Твери. Желаю вамъ проводить время весело, но не настолько однако, чтобы совсѣмъ забыть Тригорское, гдѣ послѣ грусти о разлукѣ съ вами мы начинаемъ уже поджидать васъ. Примите и пр... Передайте мое почтеніе вашей дочери, а также M-lle Нетти.

П. А. Плетневу. —*Михайловское, 2 марта.*— Карамзинъ боленъ!—милый мой, это хуже многаго—ради Бога, успокой меня, не то мнѣ страшно вдвое будетъ распечатывать газеты. Гнѣдичъ не умретъ прежде совершенія Иліады—или реку въ сердцѣ моемъ: нѣсть Фебъ! Ты знаешь, что я пророкъ. Не будетъ вамъ Бориса прежде, чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ. Что это, въ самомъ дѣлѣ? Стыдное дѣло. Слѣ-пушкину даютъ и кафтанъ, и часы, и полумедаль („медаль средней величины" отъ академіи за стихотворенія), а Пушкину полному—шишъ. Такъ и быть, отказываюсь отъ фрака, штановъ и даже отъ академическаго четвертака—что мнѣ слѣдуетъ—(жетоны, выдававшіеся членамъ Россійской Академіи за засѣданія и оплачиваемые послѣ деньгами), по крайней мѣрѣ, пускай позволятъ мнѣ бросить проклятое Михайловское. Вопросъ: невиненъ я или нѣтъ? Но въ обоихъ случаяхъ давно-бы надлежало мнѣ быть въ Петербургѣ. Вотъ каково быть честнымъ человѣкомъ! забудутъ — и квитъ. — Получили-ли мои пріятели письма мои дѣльныя, т. е. дѣловыя? Что-жъ не отвѣчаютъ?— А ты хорошъ! пишешь мнѣ: переписывай, да нанимай писцовъ опочкинскихъ, да издавай Онѣгина. Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ. Батюшки, помогите!

В. А. Жуковскому. — *Михайловское, 6 марта.* (Написано по настоянію Жуковскаго для показа государю).—Поручая себя ходатайству вашего дружества, вкратцѣ излагаю здѣсь исторію моей опалы. Въ 1824 году явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать въ отставку. Давно разстроенное здоровье и родъ аневризма, требовавшаго немедленнаго лѣченія, служили мнѣ достаточнымъ предлогомъ. Покойному государю императору не угодно было принять онаго въ уваженіе. Его величество, исключивъ меня изъ службы, приказалъ сослать въ деревню за письмо, писанное года три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ аѳеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія.

Вступленіе на престолъ государя Николая Павловича подаетъ мнѣ радостную надежду. Можетъ быть, его величеству угодно будетъ перемѣнить мою судьбу. Каковъ-бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости.—*Александръ Пушкинъ.*

И. Е. Великопольскому. — *Михайловское, 10 марта.*— Милостивый государь, Иванъ Ермолаевичъ. Сердечно благодарю васъ за письмо, пріятный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Стихотворенія Слѣпушкина получилъ и перечитываю все съ большимъ и большимъ удивленіемъ. Ваша прекрасная мысль объ улучшеніи состоянія поэта-крестьянина, надѣюсь, не пропадетъ. Не знаю, соберусь-ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши; благодаримъ, покамѣстъ, и за то.

Кланяюсь князю Циціанову; жалѣю, что не отнялъ у него своего портрета. Что новаго въ вашихъ краяхъ?

Остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою. *А. П.*

П. А. Плетневу. —*Михайловское, мартъ* или *начало апрѣля.*—Мой милый, очень благодаренъ тебѣ за всѣ извѣстія. Вмѣстѣ съ твоимъ я получилъ письмо и отъ Заикина (книгопродавецъ), съ увѣдомленіемъ о продажѣ Стихотвореній А. Пушкина и съ предложеніями. Ты говоришь, мой милый, что нѣкоторыхъ пьесъ уже цензоръ не пропуститъ; какихъ-же? А. Шенье? Итакъ, погодимъ съ новымъ изданіемъ; время не уйдетъ, все перемелется—будетъ мука—тогда напечатаемъ второе, добавленное, исправленное изданіе. (Однако скажи: развѣ были какія-нибудь неудовольствія по случаю моихъ стихотвореній? или это одни твои предположенія?) Знаешь-ли? Ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ.

Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журналѣ, у меня кровь портится. Въ собраніи-же моихъ поэмъ, для новинки, помѣстимъ мы другую повѣсть въ родѣ Беппо, которая у меня въ запасѣ. Жду отвѣта.

При семъ письмо Жуковскому въ треугольной шляпѣ и въ башмакахъ (оффиціальное письмо). Не смѣю надѣяться, но мнѣ-бы сладко было получить свободу отъ Жуковскаго, а не отъ другого. Впрочемъ, держусь стоической пословицы: не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ.—Какого вамъ Бориса и на какія лекціи („Б. Годуновъ" для прочтенія на урокѣ великому князю)? Въ моемъ Борисѣ бранятся по м... на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола. Прощай, мой другъ; деньги мои держи крѣпко, никому не давай. Онѣ мнѣ нужны. Сдери долгъ и съ Дельвига.

А. Н. Вульфу. — *Михайловское, май.* — Вы мнѣ обѣщали писать изъ Дерпта и не пишете—добро. Однако, я жду васъ, любезный филистеръ, и надѣюсь обнять въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.—Не правда-ли, что вы привезете къ намъ и вдохновеннаго (Н. М. Языкова)? Скажите ему, что этого я требую отъ него именемъ славы и чести Россіи. Покамѣстъ, скажите мнѣ—не черезъ Дерптъ-ли проѣдетъ Жуковскій въ Карлсбадъ? Языковъ долженъ это знать. Получаете-ли вы письма отъ Анны Ник. (съ которой NB мы совершенно помирились передъ ея выѣздомъ) и что дѣлаетъ вавилонская блудница А. П.? Говорятъ, что Б. очень счастливо металъ противъ почтеннаго Е. Ѳ. (Е. Ѳ. Керна). Мое дѣло сторона; но что скажете вы? Я писалъ ей: Vous avez placé vos enfants, c'est très bien. Mais avez-vous placé votre mari, celui-ci est bien plus embarrassant. Прощайте, любезный Алексѣй Николаевичъ; привезите-же Языкова и съ его стихами.

Видѣлъ я въ Сенекѣ нескромные гекзаметры и сердечно имъ позавидовалъ.

Кн. П. А. Вяземскому. — *Михайловское, 24 мая.* — Судьба не перестаетъ съ тобою проказить. Не сердись на нее: не вѣдаетъ бо, что творитъ. Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадитъ ее на цѣпь? Ни ты, ни я, никто. Дѣлать нечего, такъ и говорить нечего.

Видѣлъ-ли ты мою Эду? Вручила-ли она тебѣ письмо? Не правда-ли, что она очень мила?

Я не благодарилъ тебя за стансы Ольгѣ (О. С. Пушкиной). Какъ-же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности къ настоящему положенію? Счастливѣе, чѣмъ Андрей Шенье, я заживо слышу голосъ вдохновенія.

Твои стихи къ Мнимой Красавицѣ (ахъ, извини: Счастливицѣ) слишкомъ умны; а поэзія, прости Господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя няня. Семь Пятницъ—лучшій твой водевиль. Напиши-жъ мнѣ что-нибудь, моя радость. Я безъ твоихъ писемъ глупѣю: это нездорово, хоть я и поэтъ.

Правда-ли, что Баратынскій женится? Боюсь за его умъ. Законная жена—родъ теплой шапки съ ушами. Голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ, я увѣренъ, что ты гораздо былъ-бы умнѣе, если-бы лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холодитъ душу. Прощай и пиши

И. Е. Великопольскому. — *Преображенское, 3 іюня.*

Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось,
Пѣвецъ любви то рѣзвой, то унылой!
Играешь ты на лирѣ очень мило,
Играешь ты довольно плохо въ штосъ.
Пятьсотъ рублей, проигранныхъ тобою,
Наличные свидѣтели тому.
Судьба моя сходна съ твоей судьбою, —
Сейчасъ, мой другъ, увидишь, почему.

Сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Г. П. Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душою *А. Пушкина.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Псковъ, начало іюня.*—Ты правъ, любимецъ музъ. Воспользуюсь правами и блуднаго зятя, и грядущаго барина, и письмомъ улажу все дѣло. Долженъ-ли я тебѣ что-нибудь или нѣтъ? Отвѣчай. Не взялъ-ли съ тебя чего-нибудь мой человѣкъ, котораго отослалъ я отъ себя за дурной тонъ и дурное поведеніе? Пора-бы намъ отослать и Булгарина, и Благонамѣреннаго, и Полевого, друга нашего. Теперь не до того; а ей-Богу, когда-нибудь примусь за журналъ. Жаль мнѣ, что съ Катенинымъ ты никакъ не ладишь. А для журнала онъ находка. Читалъ я въ газетахъ, что Lancelot (путешественникъ) въ Петербургѣ. Чортъ-ли въ немъ? Читалъ я также, что 30 словесниковъ давали ему обѣдъ. Кто эти безсмертные? Считаю по пальцамъ и не досчитаюсь. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, овладѣй этимъ Lancelot (котораго я нисколько не помню) и не пускай его по кабакамъ отечественной словесности. Мы въ отношеніяхъ съ иностранцами не имѣемъ ни гордости, ни стыда. При англичанахъ дурачимъ Василья Львовича; передъ m-me de Staël заставляемъ Милорадовича отличаться въ мазуркѣ. Русскій баринъ кричитъ: Мальчикъ! забавляй Гекторку (датскаго кобеля). Мы хохочемъ и переводимъ эти барскія слова любопытному путешественнику. Все это попадаетъ въ его журналъ и печатается въ Европѣ. Это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ; но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство. Ты, который не на привязи, какъ можешь ты оставаться въ Россіи? Если царь дастъ мнѣ слободу, то я мѣсяца не останусь. Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, но когда воображаю Лондонъ, чугунныя дороги, паровые корабли, англійскіе журналы, или парижскіе театры и б..., то мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство. Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь съ милою улыбкой: гдѣ-же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не воротится. Ай-да умница! Прощай.

Думаю, что ты уже въ Петербургѣ, и это письмо туда отправится. Грустно мнѣ, что не прощусь съ Карамзиными (они собирались за границу). Богъ знаетъ, свидимся-ли когда-нибудь. Я теперь въ Псковѣ, и молодой докторъ спьяна сказалъ мнѣ, что безъ операціи я не дотяну до 30 лѣтъ. Не забавно умереть въ Опочецкомъ уѣздѣ!

Кн. П. А. Вяземскому. —*Михайловское, 10 іюня.*— Коротенькое письмо твое огорчило меня по

многимъ причинамъ. Во-первыхъ, что ты называешь моими эпиграммами противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную къ нему приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другія, сколько знаю, глупы и бѣшены. Ужели ты мнѣ ихъ приписываешь? Во-вторыхъ, кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ахъ, милый, слышишь обвиненіе, не слыша оправданія, и рѣшаешь: это Шемякинъ судъ. Если ужъ Вяземскій — такъ что-же прочіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ петлю. Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти! Отечество вправѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь; это будетъ 13-й томъ Русской Исторіи. Карамзинъ принадлежитъ исторіи. Но скажи все... Я писалъ тебѣ въ Петербургъ, еще не зная о смерти Карамзина. Получилъ-ли ты это письмо? Отпиши. Твой совѣтъ кажется мнѣ хорошъ. Я уже писалъ царю, тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если-бъ я былъ потребованъ коммисіей, то я-бы конечно оправдался; но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ. Прощай, пиши. Что Катенинъ дѣлаетъ?

Бар. А. А. Дельвигу.—*Михайловское, 20 іюля.* —Мой другъ баронъ, я на тебя не дулся и долгое твое молчаніе великодушно извинялъ твоимъ гименеемъ.

Io hymen Hymenaee io,
Io hymen Hymenaee!

т. е. чортъ побери вашу свадьбу, свадьбу вашу чортъ побери.—Когда друзья мои женятся, имъ смѣхъ, а мнѣ горе; но такъ и быть: апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій, что лучше взять себѣ жену, чѣмъ идти въ геену и во огнь вѣчный—обнимаю и поздравляю тебя—рекомендуй меня баронессѣ Дельвигъ.

Очень благодаренъ за твои извѣстія, радуюсь, что тевтонъ Кюхля не былъ славянинъ (не принадлежалъ къ обществу „соединенныхъ славянъ“, въ дѣлѣ по 14-му декабря 1825 г.), а охмѣлѣлъ въ чужомъ пиру. Поведеніе великаго князя Михаила въ отношеніи къ нему очень благородно. Но что Иванъ Пущинъ? Мнѣ сказывали, что 20-го, т. е. сегодня, участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣстѣ; но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не нужно. Правительство можетъ пренебречь ожесточеніе нѣкоторыхъ обличенныхъ...

Я писалъ Жуковскому—и жду отвѣта. Покамѣстъ я совершенно одинъ. Прасковья Александрова (Осипова) уѣхала въ Тверь, сейчасъ пишу къ ней и отсылаю Эду—что за прелесть эта Эда! Оригинальности расказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описанія финляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ!—чудо!—Видѣлъ я и Слѣпушкина; неужто никто ему не поправилъ Святки, Масляницу, Избу? У него истинный свой талантъ; пожалуйста, пошлите ему отъ меня экземпляръ Руслана и моихъ стих.—съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ не подражалъ, а продолжалъ идти своею дорогою.—Жду Цвѣтовъ.

Кн. П. А. Вяземскому. *Михайловское, 14 августа.*

Такъ море, древній душегубецъ,
Воспламеняетъ геній твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?
Не славь его! Въ нашъ гнусный вѣкъ
Сѣдой Нептунъ - земли союзникъ.
На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ —
Тиранъ, предатель или узникъ.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Нынѣ каждый порывъ изъ вещественности драгоцѣненъ для души. Критику отложимъ до другого раза. Правда-ли, что Николая Тургенева привезли на кораблѣ въ Петербургъ? Вотъ каково море наше хваленое! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшанные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ и перешлю ихъ тебѣ только для тебя. Прощай, душа.

P. S. Ты находишь письмо мое (къ государю) холоднымъ и сухимъ. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось-бы.

П. А. Осиповой (по французски).—*Псковъ, 4 сентября.*—Я полагаю, м. г., что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько-же, сколько и меня. Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ ничего не дѣлается безъ фельдъегеря; мнѣ дали его для безопасности. Послѣ очень любезнаго письма барона Дибича, мнѣ остается только гордиться этимъ. Я ѣду прямо въ Москву, куда думаю прибыть 8-го числа этого мѣсяца. Какъ только буду свободенъ, поспѣшу возвращеніемъ въ Тригорское, къ которому мое сердце отнынѣ всегда приковано.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Москва, 15 сент.* —Вотъ уже 8 дней, какъ я въ Москвѣ и не имѣю еще времени написать къ вамъ. Это доказываетъ вамъ, какъ я занятъ. Государь принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ. Москва шумитъ и пируетъ до такой степени, что я уже усталъ и начинаю вздыхать по Михайловскомъ, т. е. по Тригорскомъ; я намѣренъ выѣхать отсюда не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Сегодня, 15 сентября, у насъ большой народный праздникъ. На Дѣвичьемъ Полѣ разставлены столы на разстояніи трехъ верстъ; пироги везутъ саженями, какъ дрова; пироги эти печены уже нѣсколько недѣль тому назадъ; довольно трудно будетъ ихъ глотать и переваривать, но почтенная публика смочитъ ихъ фонтанами вина. Вотъ вамъ самая свѣжая новость: завтра балъ у графини Орловой. Огромный манежъ превращенъ въ залъ, графиня заняла бронзы на 40,000 руб., и пригласила 1000 человѣкъ. Говорятъ о новомъ, весьма строгомъ постановленіи относительно дуэли и о новомъ цензурномъ уставѣ, но не видавъ его, не могу о немъ ничего сказать. Простите непослѣдовательность письма; оно вполнѣ передаетъ вамъ

непослѣдовательность настоящей моей жизни. M-elles Annettes вѣроятно уже въ Тригорскомъ; посылаю имъ издалека сердечный привѣтъ, какъ и всему вашему прелестному семейству. Примите и пр.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Михайловское, 9 ноября.*—Вотъ я въ деревнѣ. Доѣхалъ благополучно, безъ всякихъ замѣчательныхъ пассажей; самый непріятный анекдотъ было то, что сломались у меня колеса, растрясенныя въ Москвѣ другомъ и благопріятелемъ моимъ г. Соболевскимъ. Деревня мнѣ пришла какъ-то по-сердцу. Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ. Получила-ли княгиня посылку и письмо мое изъ Торжка? Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му... Она велѣла! (дальняя родственница, дѣвица Пушкина). Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому-же журналъ.—Я ничего не говорилъ тебѣ о твоемъ рѣшительномъ намѣреніи соединиться съ Полевымъ, а ей-Богу грустно. И такъ, никогда порядочные литераторы вмѣстѣ у насъ ничего не произведутъ! Все въ-одиночку. Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надо завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно. Мы слишкомъ лѣнивы, чтобъ переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вотъ зачѣмъ и издатель существуетъ. Но онъ долженъ: 1, знать грамматику русскую; 2, писать со смысломъ, т. е. согласовать существительное съ прилагательнымъ и связывать ихъ глаголомъ. А этого-то Полевой и не умѣетъ. Ради Христа, прочти первый параграфъ его извѣстія о смерти Румянцева и Ростопчина, и согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданія журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяинъ новаго журнала. Тогда, какъ ты хочешь, а Полевого ты пошлешь къ.. Прощай, князь Вертопрахинъ; кланяйся княгинѣ Вѣтронѣ, которая, надѣюсь, выздоровѣла. Что наши? Что З а п ѳ е т н а я Р о з а? Что Тимашева? Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу, но и это не ушло.

P. S. Сейчасъ прочелъ мои листы о Карамзинѣ. Нечего печатать. Соберись съ духомъ и пиши. Что ты сдѣлалъ для Дмитріева (котораго NB. ты одинъ еще поддерживаешь), то мы требуемъ отъ тебя для тѣни Карамзина. Не Дмитріеву чета! Здѣсь нашелъ я стихи Языкова. Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ-бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ. Ахъ! каламбуръ; скажи княгинѣ, что она всю прелесть московскую за поясъ заткнетъ, какъ надѣнетъ мои поясы.

Н. М. Языкову.—*Михайловское, 9 ноября.*—Милый Николай Михаиловичъ, сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское,—спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишете много лучшаго. Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія. Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ—мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная. Такимъ образомъ Г о д у н о в а тиснемъ. О цензурномъ уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю васъ и Вульфа. Получили-ли вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ, пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе. О Москвѣ напишу вамъ много.

Н. М. Языкову.—*Москва, 21 ноября.*—Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода вамъ, достойному пѣвцу того и другого. Пишу, однакожъ, изъ Москвы, куда вчера привезъ я ваше Т р и г о р с к о е. Вы знаете по газетамъ, что я участвую въ „Московскомъ Вѣстникѣ", слѣдственно—и вы также. Адресуйте-же ваши стихи въ Москву, на Молчановку, въ домъ Ренкевичевой; оттуда передамъ ихъ во храмъ безсмертія. Непремѣнно-же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется. Я усталъ и боленъ, потому вамъ и не пишу болѣе. Вульфу кланяюсь, обѣщая свое высокое покровительство.

Т р и г о р с к о е ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № «Моск. Вѣстника». Рады-ли вы журналу? Пора задушить альманахи. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ „Телеграфу",—жаль, но что-жъ дѣлать?

А. Х. Бенкендорфу.—*Псковъ, 29 ноября.*—Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другого списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшенія сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.—Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга *Александръ Пушкинъ.*

М. П. Погодину.—*Псковъ, 29 ноября.*—Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановить въ московской цензурѣ все, что

носитъ мое имя. Покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ—но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жалѣю, что договоръ нашъ не состоялся.

С. А. Соболевскому. —*Псковъ, конецъ ноября.*— Вотъ въ чемъ дѣло. Освобожденный отъ цензуры, я долженъ, однакожъ, прежде чѣмъ что-нибудь печатать, представить оное выше, хотя-бы бездѣлицу. Мнѣ уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову. Конечно, я въ точности исполню высшую волю, и для того писалъ Погодину дать знать въ цензуру, чтобъ моего ничего нигдѣ не пропускали. Изъ этого вижу для себя большую пользу: освобожденіе отъ альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ.—Съ Погодинымъ уговоримся снова.

Перешли письмо Зубкову безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. На дняхъ буду у васъ; покамѣстъ сижу или лежу во Псковѣ. Мнѣ пишутъ, что ты боленъ: чѣмъ ты объѣлся? Остановлюсь у тебя.

Н. С. Алексѣеву.—*Псковъ, конецъ ноября.*—

Приди, о другъ, дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшаго мнѣ жизнію повѣй.

Не могу изъяснить тебѣ мои чувства при полученіи твоего письма... Кишиневскіе звуки, берегъ Быка... Милый мой, ты возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ моихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ, передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ-бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хотя и часто о тебѣ вспоминаю... Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось, Богъ милостивъ, увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего друга, или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторацiи за обѣдомъ. Нѣтъ—такъ и уѣхалъ въ Псковъ. Такъ и теперь опять ѣду въ Бѣлокаменную. Надежды нѣтъ или очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя потчивать новостями московскими.

Прощай, отшельникъ бессарабскій,
Лукавый другъ души моей,
Порадуй-же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей

Кн. П. А. Вяземскому.—*Псковъ, 1 декабря.*— Ангелъ мой Вяземскій, или пряникъ мой Вяземскій, получилъ я письмо твоей жены и твою приписку. Обоихъ васъ благодарю и ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ!.. Изъясню послѣ. — Въ деревнѣ я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать 7-ю главу Онѣгина, я проигралъ въ штосъ четвертую. Не забавно! Отовсюду получалъ письма и всюду отвѣчаю.—Adieu, couple si étourdi en apparence. Adieu, князь Вертопрахъ и княгиня Вертопрахина. Ты видишь, что у меня недостаетъ уже и собственной простоты для переписки.

P. S. При семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) для дост. Киселеву—вой—вымъ, какъ хошь.

А. X. Бенкендофу. *(Отвѣтъ на письмо отъ 14 декабря 1826).*—Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего пр—ва, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное.

1827.

М. П. Погодину. — Ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете. У васъ посланіе къ Языкову—тисните его. за то я рѣшительно въ двухъ слѣдующихъ №№ не помѣщусь.

С. А. Соболевскому.—Если-бы ты просто написалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву, что ты не можешь прислать мнѣ 2-ю главу (Е. Онѣгина), то я безъ хлопотъ ее-бы перепечаталъ; но ты все обѣщалъ, обѣщалъ—и, благодаря тебѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ продажа 1-ой и 3-ей главъ остановилась. Покорно благодарю. Что изъ того слѣдуетъ? Что ты безалаберный! Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая насъ, образцовыхъ великихъ людей—Мерзлякова, двухъ Пушкиныхъ, Великопольскаго, Подолинскаго, Полевого и проч. Хорошъ!

П. А. Осиповой (по французски).—*Петербургъ, весной.*—Я очень виноватъ передъ вами, но не столько, однако, какъ вы можете подумать. По пріѣздѣ въ Москву, я вамъ тотчасъ-же писалъ, адресуя мои письма на ваше имя въ почтамтъ. Оказалось, что вы ихъ не получали. Это меня смутило, и я не бралъ пера въ руки. Но такъ какъ вы удостоиваете меня еще вашимъ участіемъ, то что-же мнѣ сказать вамъ о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Петербургъ? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та-же, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если-бы мнѣ дали обѣ на выборъ, то я выбралъ-бы Тригорское, почти такъ-же, какъ арлекинъ, который на вопросъ: предпочитаетъ-ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «я предпочитаю молочный супъ». Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно разсчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское; покамѣстъ кланяюсь вамъ и всѣмъ вашимъ отъ всего моего сердца

М. П. Погодину. — *Спб. 10 іюня.* — Очень васъ благодарю и съ поспѣшностью возвращаю корректуру. Ай-да Соболевскій, ай-да байбакъ! Что тутъ онъ нагородилъ! Отъ него получилъ я письмо и на дняхъ отвѣчу. Покамѣстъ съ вожделѣніемъ думаю о Сальери по 11 р. асс.

Н. М. Языкову. — *Петербургъ 14 іюня.* — Слѣдуетъ стихотвореніе: «Къ тебѣ сбирался я давно», и т. д. (См. алфавит. указат. «Языкову»).

Стиховъ, ради Бога, стиховъ! Душа проситъ. Простите,—желалъ-бы сказать: до свиданія

А. X. Бенкендорфу.—*Спб., 20 іюля.*—Въ 1824 г. ст. совѣтникъ Ольдекопъ безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое «Кавк. Плѣнникъ» и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ 2 изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3000 р. Вслѣдствіе сего, родитель мой, ст. сов. С. Л. Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣт-

ствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де «К. П.» для справокъ оригинала съ нѣм. переводомъ; что къ тому-же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, ст. сов. Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа токмо развѣ яко мошенника, на что̀ не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другого способа въ обезпеченіи своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ пр—мъ, осмѣливаюсь наконецъ прибѣгнуть къ вашему пр—ву, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность.

(На это письмо Бенкендорфъ отвѣчалъ, что перепечатаніе стиховъ Пушкина вмѣстѣ съ переводомъ, вѣроятно, послѣдовало съ позволенія цензуры, которая на то имѣетъ свои правила. Впрочемъ, даже и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками).

Бар. А. А. Дельвигу.—*Михайловское, 31 іюля.*—Вотъ тебѣ обѣщанная элегія, душа моя (На смерть г-жи Ризничъ). Теперь у тебя отрывокъ изъ Онѣгина, отрывокъ изъ Бориса, да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на рукахъ Московскій Вѣстникъ и что я не могу его оставить на произволъ судьбы. Если кончу Посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его тиснемъ. Въ концѣ осени буду у васъ. Вдохновенія еще нѣтъ: покамѣстъ принялся я за прозу. Пиши мнѣ о своихъ занятіяхъ. Что̀ твоя поэзія? Рыцарскій Ревель разбудилъ-ли твою заспанную музу? У васъ ***? Кстати, Сомовъ говорилъ мнѣ о «Вечерѣ у Карамзина». Не печатай его въ своихъ «Цвѣтахъ». Ей-Богу, неприлично. Конечно, вольно собакѣ и на владыку лаять—но пусть лаетъ она на дворѣ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ неприлично: не Булгарину прерывать его—это было-бъ еще неприличнѣе.—Что̀ твоя жена? Помогло-ли ей море? Няня ее цѣлуетъ; а я ей кланяюсь.—Пиши-же.

М. П. Погодину.—*Михайловское, августъ.*—Что̀ вы дѣлаете? Что̀ нашъ Вѣстникъ? Посылаю вамъ лоскутокъ Онѣгина вашапку. Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ подъ цензуры. Какъ скоро получу, перешлю къ вамъ; я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы!

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ и пр. (См. въ алфавит. указателѣ стихотвореніе «Поэтъ»).

М. П. Погодину.—*Михайловское, 31 августа.*—Побѣда, побѣда! Фаустъ пропущенъ, кромѣ двухъ стиховъ! Скажите это отъ меня г-ну Двигубскому, который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе.

Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіи отношенія Бенкендорфа; если московская цензура все такъ будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я буду безпокоить Государя Императора всеподданнѣйшею просьбою и жалобою на неуваженіе Высочайшей его воли.

Теперь обратимся къ другому предмету. Вы хотите издать Уранію (альманахъ). Et tu, Brute!. Но подумайте: на что̀ это будетъ похоже? Вы, издатель европейскаго журнала въ азіатской Москвѣ, вы, честный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ, но какихъ-же? quod licet Uraniae, licet тѣмъ паче Вѣстнику; не только licet, но decet. И другія причины. Какія? Деньги? деньги будутъ, будутъ. Ради Бога, не покидайте Вѣстника; на будущій годъ обѣщаюсь вамъ безусловно дѣятельно участвовать въ его изданіи; для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашниками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для Ураніи? Давайте ее въ Вѣстникъ. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частью журнала, какъ моды у Телеграфа. У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка Переправа въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? Московскій Вѣстникъ, по моему безпристрастному, совѣстному мнѣнію,—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ «Телеграфѣ» похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго; но за то за одну статью Вяземскаго въ Телеграфѣ отдамъ три дѣльныхъ статьи Московскаго Вѣстника. Его критика, положимъ, несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ; но что все собираюсь загладить свою вину—не знаю, увижу-ли я васъ нынѣ, по крайней мѣрѣ хочется побывать въ Бѣлокаменной... Весь вашъ, безъ церемоній.

P. S. Еще слово: изданіе Ураніи, ей-Богу, можетъ, хотя несправедливо, а вредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что̀ Вяземскій сказалъ объ альманахѣ издателя «Благонамѣреннаго»; онъ совершенно правъ—публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ N. N. глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ мѣры употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышемъ.

Лучше ужъ прекратить изданіе; но это было-бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте.

А. Х. Бенкендорфу.—*Опочка, 10 сентября.*—Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы насчетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но это относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если-же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего пр—ва, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ.

М. П. Погодину.—*Спб., въ концѣ года.*—Теперь я долженъ передъ вами зѣло извиниться за долгое молчаніе. — Непонятная, неотразимая, неизъяснимая лѣнь мною овладѣла, это еще лучшее оправданіе мое. Посылаю вамъ Туманскаго (кромѣ Голубые глаза, взятые для Дельвига). Отрывокъ изъ Онѣгина и Стансы пропущенные—на дняхъ пришлю въ Москву и др. Извините меня передъ Калайдовичемъ; у меня чисто ничего не осталось послѣ здѣшней альманашной жатвы, а писать еще некогда.—Весь вашъ *А. П.*

P. S. Я не лишенъ правъ гражданства и могу быть цензированъ нашею цензурою, если хочу,—а съ каждымъ нравоучительнымъ четверостишіемъ я къ высшему цензору не полѣзу—скажите это имъ.

1828.

П. А. Осиповой (по французски).—*Спб., 24 января.*—Мнѣ такъ совѣстно моего долгаго молчанія, что я съ трудомъ берусь за перо. Только воспоминаніе о вашей дружбѣ, воспоминаніе, которое навсегда для меня будетъ дорого, и увѣренность, что я пользуюсь вашимъ добрымъ снисхожденіемъ, придаютъ мнѣ смѣлости сегодня. Дельвигъ, который мѣняетъ свои цвѣты на дипломатическія тернія, разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду-ли еще въ Михайловское, хотя это — искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія. Правда, что мудрено вамъ писать и не быть поэтомъ. Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и пр. Какъ понравилось M-elle Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ и много-ли у нея тамъ побѣдъ? *А. П.*

М. П. Погодину.—*Спб., 19 февраля.* — Вы, конечно, правы и угадали, что я въ примѣчаніи Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. — Когда-бъ я видѣлъ его корректуру, то вѣрно-бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ—печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что Сѣверная Пчела того стоитъ, а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило—не трогать, чего знаете.—Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой, Ѳаддей Венедиктовичъ, витязь великосердый, подвизайся, подвизайся! А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, «плюньте на суку» Сѣверную Пчелу. *А. П.*

P. S. На дняхъ пришлю вамъ прозу — да Христа-ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья.

А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 5 марта.*—Позвольте мнѣ принести вашему пр—ву чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и почитаю за счастіе—обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію.

И. Е. Великопольскому. (Получено 5 апрѣля).—Любезный Иванъ Ермолаевичъ! Булгаринъ показалъ мнѣ очень милыя ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться:

Глава Онѣгина вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ

и ваше примѣчаніе—конечно, личность и неприличность. И вся станса недостойна вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ ваше послѣднее стихотвореніе. Нужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ вы заплатили мнѣ свой родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ это благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и за стихи. Простите. Весь вашъ *А. П.*

А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 21 апрѣля.*—Милостивый государь, Александръ Христофоровичъ! Искренне сожалѣя, что желанія мои (поступить въ дѣйствующую армію) не могли быть исполнены, съ благоговѣніемъ пріемлю рѣшеніе государя императора и приношу сердечную благодарность вашему превосходительству за снисходительное ваше обо мнѣ ходатайство.

Такъ какъ слѣдующіе шесть или семь мѣсяцевъ остаюсь я вѣроятно въ бездѣйствіи, то желалъ-бы я провести сіе время въ Парижѣ, что, можетъ быть, впослѣдствіи мнѣ уже не удастся. Если ваше превосходительство соизволите мнѣ испросить отъ государя сіе драгоцѣнное дозволеніе, то вы мнѣ сдѣлаете новое истинное благодѣяніе.

Пользуюсь симъ послѣднимъ случаемъ, дабы испросить отъ вашего прев—ва подтвержденія даннаго мнѣ вами на словахъ позволенія: вновь издать разъ уже напечатанныя стихотворенія мои.

Вновь поручая судьбу мою великодушному вашему ходатайству, съ глубочайшимъ почтеніемъ, совершенной преданностью и сердечной благодарностью, имѣю честь быть, м. г., вашего пр—ва покорнѣйшій слуга *А. Пушкинъ.*

М. П. Погодину.—*Петербургъ, 1 іюля.*—Простите мнѣ долгое мое молчаніе, любезный Михайло Петровичъ; право, всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался къ вамъ писать, и все не собрался. Посему самому и не посылалъ вамъ ничего въ Московскій Вѣстникъ. Правда, что и посылать было нечего; но дайте сроку, осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна.—Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ, конечно, будь сказано между нами, первый, единственный журналъ на святой Руси; должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія

истинныхъ друзей словесности и одобреніе великаго Гёте.—Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить и Булгарина, и Ѳедорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣнія съ мнѣніемъ Гёте. За разборъ «Мысли», одного изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній текущей словесности, уже досталось нашимъ Сѣвернымъ Шмелямъ отъ Крылова, осудившаго ихъ и N. N., каждаго по достоинству. Впередъ! и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ! Растолковали-ли вы Телеграфу, что онъ дуракъ?.. Въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ксенофонтъ Телеграфъ со мною въ томъ-было согласился (но сіе да будетъ между нами: Т. добрый и честный человѣкъ, и съ нимъ я ссориться не хочу). Кланяйтесь Калибану. (С. А. Соболевскому); на дняхъ пишу къ нему—пришлю ему денегъ, а вамъ стиховъ; засимъ обнимаю васъ отъ сердца. Кстати, похвалите Славянина; онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ—Русской Академіи.—На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ:

Что жъ? Въ бѣлокаменную, съ Богомъ,
Въ Московскій Вѣстникъ. Трудно, братъ:
Онъ выступаетъ въ чинѣ строгомъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной, парнасскимъ демагогомъ.
Ну, въ Аонией—что Аонией?
Журналъ казенно-философскій,
Отступникъ Пушкина, злодѣй,
Благонамѣренный Московскій.

С. А. Соболевскому. *Петербургъ, 15 іюля.*—Вечоръ я узналъ о твоемъ горѣ (смерть матери) и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2500 получишь вслѣдъ. Цыганы мои не продаются вовсе, деньги-же эти—трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго (библіофилъ). Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ-бы хотѣлось съ тобою свидѣться да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть, по одежкѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что кромѣ пословицъ ничего путнаго тебѣ сказать не умѣю. Прощай, мой другъ.

А. Н. Вульфу.—*Малинники, 27 октября.*—Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣха желаетъ.

Честь имѣю донести, что въ здѣшней губерніи, наполненной вашимъ воспоминаніемъ, все обстоитъ благополучно. Меня приняли съ достодолжнымъ почитаніемъ и благосклонностью. Утверждаютъ, что вы гораздо хуже меня (въ моральномъ отношеніи), и потому не смѣю надѣяться на успѣхи, равные вашимъ.—Требуемыя отъ меня поясненія на счетъ вашего петербурскаго повелѣнія далъ я съ откровенностью и простодушіемъ, отчего и потекли нѣкоторыя слезы и вырвались нѣкоторыя недоброжелательныя восклицанія, какъ напримѣръ: какой мерзавецъ! какая скверная душа! но я притворился, что ихъ не слышу. При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перль въ морѣ, и что я намѣренъ на дняхъ въ нее влюбиться. Здравствуйте; поклоненіе мое Аннѣ Петровнѣ, дружеское рукопожатіе баронессѣ etc.

С. А. Соболевскому.—*Малинники, 9 ноября.*—Во-первыхъ—запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ:

У Гальони, иль Кальони
Закажи себѣ въ Твери
Съ пармезаномъ макарони,
Да яичницу свари.
На дорогѣ отобѣдай
У Пожарскаго въ Торжкѣ:
Жареныхъ котлетъ отвѣдай
И отправься налегкѣ.
Какъ до Яжелбицъ дотащитъ
Колымагу мужичекъ,
То-то другъ мой растаращитъ
Сладострастный свой глазокъ:
Поднесутъ тебѣ форели,—
Тотчасъ ихъ варить вели;
Какъ увидишь—посинѣли,
Влей въ уху стаканъ шабли.
Чтобъ уха была по сердцу,
Можно будетъ въ кипятокъ
Положить немного перцу,
Луку маленькій кусокъ.

Яжелбицы—первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси: есть-ли свѣжія сельди; если-же нѣтъ—

У податливыхъ крестьянокъ
(Чѣмъ и славится Валдай)
Къ чаю накупи баранокъ
И скорѣе поѣзжай.

На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое-нибудь занятіе. Прощай. Пиши.

Бар. А. А. Дельвигу.—*Малинники, ноябрь.*—Вотъ тебѣ въ Цвѣты отвѣтъ Катенину (см. алфавит. указатель: „отвѣтъ Катенину"), вмѣсто отвѣта Готовцовой, который не готовъ. Я совершенно разучился любезничать. Не знаю, долго-ли останусь въ здѣшнемъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюся къ вамъ въ Чухландію. Здѣсь мнѣ очень весело. Прасковью Александровну люблю душевно; жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито (ученая собака, которую тогда показывали въ Петербургѣ). Скажи это гр. Хвостову. Петръ Марковичъ (Полторацкій) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда; я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно тудаже ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться; но Петръ Марковичъ ихъ взбудоражилъ; онъ къ нимъ прибѣжалъ: «дѣти! дѣти! мать васъ обманываетъ! не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею—тамъ будетъ Пушкинъ: онъ весь сахарный, а задъ его яблочный; его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку». Дѣти разревѣлись: «не хотимъ черносливу, хотимъ Пушкина». Нечего дѣлать, ихъ повезли—и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный, совсѣмъ опѣшили. Здѣсь очень много хорошенькихъ дѣвчонокъ (или дѣвицъ, какъ приказываетъ звать Борисъ

Михайловичъ). Я съ ними вожусь платонически и отъ того толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ. Прощай, поцѣлуй себя въ пупокъ, если можешь. Сестра проситъ для своего голубчика моего Ворона. Какъ ты думаешь? Пускай шуринъ гравируетъ, а ты печатай. Vale et mihi favere, какъ Евг. Онѣг. Баронессѣ не говорю ничего, однакожъ цѣлую ручку, но весьма чопорно.

Бар. А. А. Дельвигу. — *Малинники, 26 ноября.* — Вотъ тебѣ «Отвѣтъ Готовцовой» (см. алфавитный указатель), чортъ ее побери! Какъ ты находишь ces petits vers froids et coulants? Что-то написалъ ей мой Вяземскій, а отъ меня ей мало барыша. Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивостяхъ-ли противу прекраснаго пола, или въ похабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ! — Правда-ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что̀ мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ Онѣгина, и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою; а я ѣзжу на паромѣ, играю въ вистъ по восьми гривенъ робберъ, и такимъ образомъ прилѣпляюсь къ прелестямъ добродѣтели и гнушаюсь сѣтей порока. Скажи это нашимъ дамамъ; я пріѣду къ нимъ... Полно. Я что-то сегодня съ тобою разоврался.

Что̀ Иліада и что̀ Гомеръ?

А. Х. Бенкердорфу (черновое). — Г. оберъ-полицмейстеръ требовалъ отъ меня подписки въ томъ, что я не буду печатать безъ разрѣшенія обычной цензуры. Повинуюсь священной для меня волѣ [государя]; тѣмъ не менѣе, прискорбна мнѣ сія мѣра. Государь Императоръ, въ минуту для меня незабвенную, изволилъ освободить меня отъ цензуры; я далъ честное слово государю, которому измѣнить не могу, не говоря ужъ о чести дворянина, но и по глубокой, искренней моей привязанности къ его величеству, какъ царю и человѣку. Требованіе полицейской подписки унижаетъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ, и я такъ глубоко чувствую, что я того не заслуживалъ, и далъ-бы и въ томъ честное слово, если-бы я смѣлъ еще надѣяться, что оно имѣетъ свою цѣну. Что касается до цензуры,—если государю императору угодно уничтожить милость, мнѣ оказанную, то я съ благоговѣніемъ и горестью пріемля знакъ его неблаговоленія, прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ, какъ надлежитъ мнѣ впредь поступать съ моими сочиненіями, которыя, какъ вамъ извѣстно, составляютъ одно мое имущество.

Надѣюсь, что ваше превосходительство поймете и не примете въ худую сторону смѣлость, съ которой осмѣливаюсь объясняться. Она — знакъ искренняго уваженія человѣка, который чувствуетъ обяз...

1829.

Н. Н. Раевскому (черновое, по французски). — *Петербургъ, 30 января.* — Вотъ моя трагедія, такъ какъ вы непремѣнно этого хотите; но я требую, чтобъ, прежде ея чтенія, вы пробѣжали послѣдній томъ Карамзина. Она исполнена шутокъ и тонкихъ намековъ, относящихся къ исторіи того времени, какъ наши бездѣлки Кіева и Каменки. Надо умѣть понимать ихъ—sine qua non.

По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческихъ личностей, не гоняясь за сценическими эффектами, романическимъ паѳосомъ и проч.. Стиль ея—смѣшанный. Онъ пошлъ и низокъ тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица. Не обращайте вниманія на злоупотребленія этого рода. Все это писалось наскоро и будетъ исправлено при первой перепискѣ. Съ удовольствіемъ я мечталъ о трагедіи безъ любви; но кромѣ того, что любовь составляла существенную часть романическаго и страстнаго характера моего авантюриста, Дмитрій еще влюбляется у меня въ Марину, чтобы мнѣ лучше было высказать странный характеръ этой послѣдней. У Карамзина она представлена только въ очеркѣ. Конечно, это была самая странная изъ хорошенькихъ женщинъ. У нея была только одна страсть — честолюбіе, но до такой степени сильное, бѣшеное, что трудно себѣ и представить. Посмотрите, какъ она, попробовавъ царской власти, упоенная пустымъ призракомъ, распутничаетъ, переходя отъ авантюриста къ авантюристу, раздѣляетъ то отвратительное ложе съ жидомъ, то палатку съ казакомъ, постоянно готовая предаться кому-бы то ни-было, лишь-бы онъ могъ подать ей слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существовавшій. Посмотрите, какъ она борется съ войной, нищетой, позоромъ, въ то-же время сносится съ польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ постыдно кончаетъ самое бурное, самое необыкновенное существованіе. У меня она является только въ одной сценѣ, но я возвращусь къ ней, если Богъ продлитъ мои дни. Она возмущаетъ меня, какъ страсть. Она страшно какая полька, какъ... [слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка].

Гаврило Пушкинъ — одинъ изъ моихъ предковъ; я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ. Это онъ и Плещеевъ обезпечили успѣхъ Самозванца своей неслыханной дерзостью. Потомъ я его опять нашелъ въ Москвѣ въ числѣ семи начальниковъ, защищавшихъ ее въ 1612 году, потомъ въ 1616-мъ въ Думѣ, рядомъ съ Козьмой Мининымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, короновавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, даже зажигателемъ, какъ доказываетъ грамота, найденная мною въ «Погорѣломъ Городищѣ»: онъ выжегъ городъ, въ видѣ наказанія—не знаю, за что̀ именно - по образцу проконсуловъ національнаго собранія.

Я также намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ дворянъ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ, и, замѣтьте, онъ-же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на эшафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого милаго авантюриста, снова возвращаетъ его ко двору своему, осыпаетъ почестями и щедротами. Что-же

дѣлаетъ Шуйскій, чуть-было не попавшій на плаху и подъ топоръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, успѣваетъ, попадаетъ въ цари, падаетъ -и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни.

Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ, великодушенъ и хвастливъ, какъ тотъ; онъ равнодушенъ къ религіи; оба они изъ политическихъ видовъ отступаются отъ своей вѣры; оба любятъ удовольствія и войну; оба наклонны къ химерическимъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью для заговоровъ. Но у Генриха IV не было Ксеніи на его совѣсти—правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей священной обязанностью не вѣрить ему.

Грибоѣдовъ критиковалъ личность Іова—патріархъ, конечно, былъ человѣкъ весьма умный, а я по разсѣянности сдѣлалъ его простякомъ.

Сочиняя моего Годунова, я думалъ о трагедіи—и если-бы вздумалъ написать предисловіе, то вышелъ-бы скандалъ—это, можетъ быть, всего менѣе изслѣдованный родъ (словесности). Законы его стараются вывести изъ правдоподобія, а оно-то и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, мѣстѣ и пр., какое къ чорту правдоподобіе можетъ быть въ залѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята двумя тысячами человѣкъ, подразумѣваемыхъ невидимыми для находящихся на сценѣ. 2) Языкъ. Напр. Филоктетъ у Лагарпа говоритъ чистымъ французскимъ языкомъ, выслушавши тираду Пирра: «Увы, я слышу сладкіе звуки греческой рѣчи». Все это не представляетъ-ли условнаго неправдоподобія? Истинные геніи трагедіи никогда не хлопотали о другомъ правдоподобіи, кромѣ правдоподобія характеровъ и положеній. Посмотрите, какъ храбро Корнель распорядился съ «Сидомъ»: а! вы желаете закона 24 часовъ! Извольте! И за тѣмъ онъ наваливаетъ происшествій на 4 мѣсяца. Но нѣтъ ничего смѣшнѣе маленькихъ поправокъ въ принятыхъ законахъ. Альфіери глубоко чувствуетъ смѣшное значеніе рѣчей въ-сторону; онъ это уничтожаетъ, но за то растягиваетъ монологъ. Какое ребячество!

Мое письмо вышло длиннѣе, нежели мнѣ хотѣлось. Прошу васъ, сберегите его, потому что оно мнѣ понадобится, если чортъ меня дернетъ написать предисловіе.—*А. П.*

П. А. Осиповой (по франц.). - *Спб., въ концѣ февраля.*—Принимаю смѣлость послать вамъ три послѣднія пѣсни Онѣгина и желаю, чтобы онѣ заслужили ваше одобреніе. Прилагаю еще экземпляръ для M-elle Евпраксіи, причемъ благодарю ее за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила мой вопросъ. Не знаю, буду-ли имѣть счастіе видѣть васъ нынѣшній годъ; говорятъ, что вы хотѣли быть въ Петербургѣ. Правда-ли это? И однако, я все-же разсчитываю на сосѣдство Тригорскаго и Зуева. Какъ ни устроивай судьба, кончится тѣмъ, что мы сойдемся подъ рябинами, на берегу Сороти.

Примите, милостивая государыня, какъ вы, такъ и все ваше семейство, увѣреніе въ моемъ уваженіи, въ моей дружбѣ, въ моихъ сожалѣніяхъ и въ моей совершенной преданности.

С. А. Соболевскому.—*Изъ Петербурга.*—Безалаберный! ты ничего не пишешь мнѣ о 2100 рубляхъ, мною тебѣ должныхъ. Вотъ въ чемъ дѣло: хочешь-ли оную сумму получить съ Московскаго Вѣстника? Узнай, въ состояніи-ли они мнѣ на нынѣшній годъ выдать 2100, и дай отвѣтъ. Если нѣтъ, то получишь ихъ съ Смирдина въ разные сроки. Что, душа моя Калибанъ? Какъ это тебѣ нравится? Пиши мнѣ о своихъ дѣлахъ и планахъ—кто у васъ производитъ, кто потребляетъ? Кто этотъ Атенеическій Мудрецъ, который такъ хорошо разобралъ IV и V главу? Зубаревъ или Иванъ Савельичъ? Я собирался къ вамъ, мои милые, да не знаю, попаду-ли; во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ не остаюсь.

И. М. Снегиреву. — *Апрѣль* — М. Г. Иванъ Михайловичъ! Сдѣлайте одолженіе объяснить, на какомъ основаніи не пропускаете вы мною доставленное замѣчаніе въ М. Телеграфъ? Мнѣ необходимо, чтобы оно было напечатано, и я принужденъ буду, въ случаѣ отказа, отнестись къ высшему начальству вмѣстѣ съ жалобой на пристрастіе, не вѣдаю къ кому.

Поручаю себя въ ваше благорасположеніе и прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности.—*А. Пушкинъ.*

И. А. Яковлеву.—Тяжело мнѣ быть передъ тобою виноватымъ, тяжело и извиняться, тѣмъ болѣе, что знаю твою delicacy of gentleman. Ты ѣдешь на дняхъ, а я все еще въ долгу. Должники мои мнѣ не платятъ, и дай Богъ, чтобы они вовсе не были банкроты, а я (между нами) проигралъ уже около 20 тысячъ. Во всякомъ случаѣ, ты первый получишь свои деньги. Надѣюсь еще ихъ заплатить передъ твоимъ отъѣздомъ. Не то позволь вручить ихъ Алексѣю Ивановичу, твоему батюшкѣ; а ты предупреди, сдѣлай милость, что эти 6 тысячъ даны тобою мнѣ взаймы. Въ концѣ мая и въ началѣ іюня денегъ у меня будетъ куча, но покамѣстъ я на мели и карабкаюсь. Весь твой. *А. П.*

Л. С. Пушкину.—*Москва, 8 мая.*—Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ, увидѣться съ дражайшими родителями, comme on dit, и устроить свои денежныя дѣла. Изъ Петербурга поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во-свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію — не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею—да прошу не влюбиться въ дочь.—Кончилась-ли у васъ война? Видѣлъ-ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ него? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда-нибудь да перешлетъ мнѣ.—*А. П.*

Н. И. Гончаровой, будущей тещѣ Пушкина (по французски).—*Въ началѣ мая, передъ отъѣздомъ на Кавказъ.* — На колѣняхъ, проливая слезы благодарности, долженъ былъ-бы я писать теперь, по передачѣ мнѣ вашего отвѣта гр. Толстымъ. Это не отказъ: вы позволяете мнѣ надѣяться; но если я все еще ропщу, если грусть и горечь примѣшиваются къ чувству моего счастья, то не обвиняйте меня въ неблагодарности. Я понимаю осторожность и нѣжную заботливость матери. Но простите нетерпѣнію сердца, страдающаго и упоеннаго счастьемъ.

Я ѣду сію-же минуту, унося въ глубинѣ моей души образъ небеснаго существа, обязаннаго вамъ жизнью.—Если вы имѣете что-либо приказать мнѣ, то, будьте столь добры, обратитесь къ гр. Толстому, который передастъ мнѣ объ этомъ. Примите и пр. *А. Пушкинъ.*

А. Н. Вульфу.—*Малинники, 16 октября.*—Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили-бъ мы бароновъ и простыхъ дворянъ! По крайней мѣрѣ, честь имѣю представить вамъ подробный отчетъ о дѣлахъ нашихъ и чужихъ. I. Въ Малинникахъ засталъ я одну Анну Николаевну съ флюсомъ и съ Муромъ. Она приняла меня съ обыкновенной своей любезностію и объявила мнѣ слѣдующее: a) Евпраксія Николаевна и Александра Ивановна отправились въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ; b) N. N. заняла свое воображеніе отчасти таліей К—ва, отчасти бакенбардами и картавымъ выговоромъ Ю—а; c) Гретхенъ хорошѣетъ и часъ отъ часу становится невиннѣе (сейчасъ Анна Николаевна объявила, что она того не находитъ).

II. Въ Павловскомъ Фредерика Ив. страждетъ флюсомъ; Павелъ Иван. стихотворствуетъ съ отличнымъ успѣхомъ. На дняхъ исправилъ онъ наши общіе стихи слѣдующимъ образомъ:

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И воспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.

Не правда-ли, что это очень мило.

III. Въ Берновѣ я не засталъ уже Минерву. Она съ своимъ ревнивцемъ отправилась въ Саратовъ. За то Netty, нѣжная, томная, истерическая, потолстѣвшая Netty здѣсь. Вы знаете, что Миллеръ изъ отчаянія кинулся къ ея ногамъ, но она симъ не тронулась; вотъ уже третій день, какъ я въ нее влюбленъ.

IV. Разныя извѣстія. Поповна (ваша Кларисса) въ Твери. П—ва кто-то прибилъ, и ему велѣно подать въ отставку. Кн. Максютовъ влюбленъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ив. Ив. на строгой діэтѣ (...разъ въ недѣлю). Недавно узнали мы, что Netty, отходя ко сну, имѣетъ привычку крестить всѣ предметы, окружающіе ея постель. Постараюсь достать... Симъ позвольте заключить поучительное мое посланіе.

1830.

Н. И. Гнѣдичу. — *Петербургъ, 6 янв.*—Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ-бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде.—Весь вашъ *Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу (по франц.)—*Спб., 7 янв.*—Генералъ! явившись къ вашему прев—ству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я-бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ-же, если на это не будетъ согласія, я-бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію, но не получилъ на то прямого разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ не богатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы, тысячъ въ 15 р., которые могла-бы доставить моя трагедія, и мнѣ было-бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ наиболѣе доволенъ. Поручая себя вполнѣ вашему благорасположенію, остаюсь вашего превосходительства покорнѣйшій и проч.

М. Н. Загоскину. — *Петербургъ, 11 января.*—М. Г. Михаилъ Николаевичъ! прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ за присылку Юрія Милославскаго—лестный знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Литературной Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго. Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ вамъ многіе романы и пр.

А. Х. Бенкендорфу (по франц.)—*Спб., 18 янв.*—Генералъ! я получилъ письмо, которымъ ваше прев—ство меня почтили. Сохрани Богъ, чтобы я хоть малѣйше противорѣчилъ волѣ того, который осыпалъ меня столькими благодѣяніями. Я подчинился ей даже съ радостью, лишь-бы только быть увѣрену, что я не навлекъ на себя его неудовольствія. Весьма не во-время хочу прибѣгнуть къ благосклонности вашего прев—ства; но буду говорить о дѣлѣ для меня священномъ и обязательномъ. Я связанъ узами дружбы и признательности съ однимъ семействомъ, которое нынѣ находится въ большомъ несчастіи: вдова генерала Раевскаго пишетъ ко мнѣ и проситъ поговорить въ ея пользу съ тѣми лицами, которыя могли-бы довести о ней до свѣдѣнія его величества. Уже то самое, что она обратилась ко мнѣ, свидѣтельствуетъ, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способовъ. Половина семьи въ изгнаніи, другой грозитъ полное разореніе. Доходовъ едва достаетъ на уплату процентовъ по несмѣтнымъ долгамъ. Г-жа Раевская проситъ, чтобы полное жалованье ея мужа было обращено въ пенсію ей и послѣ ея смерти ея дочерямъ. Этого будетъ довольно, чтобы предохранить ее отъ нищеты. Обращаясь къ вашему прев—ству, я надѣюсь, что вы, не какъ министръ и лицо государственное, а какъ воинъ и человѣкъ съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, примете участіе въ судьбѣ вдовы героя 1812 года, человѣка великаго, котораго жизнь была такъ блистательна и конецъ такъ печаленъ. Примите и проч.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 11 марта.*—Третьяго дня пріѣхалъ я въ Москву и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ находилась вся Москва. Первыя лица, попавшіяся мнѣ на встрѣчу, были Н. Гончарова и княгиня Вѣра; а вслѣдъ за ними братья Полевые. Пріѣздъ государевъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе.

Арестованные были призваны къ Бенкендорфу, который отъ имени царя и при Волковѣ и Шульгинѣ объявилъ, что все произошло отъ недоразумѣнія, что государь очень обо всемъ этомъ жалѣетъ, что виноватъ Шульгинъ etc. Волковъ прибавилъ, что онъ радуется оправданію своему предъ московскимъ дворянствомъ, что ему остается испросить прощенія, или лучше примиренія графини Потемкиной, и такимъ образомъ все кончено, и всѣ довольны.

(Пушкинъ говоритъ о развязкѣ театральнаго скандала; въ частномъ французскомъ театрѣ г-жи Карцевой публика шикала и шумѣла, вступаясь за одну обиженную актрису; за это было арестовано нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Сибилевъ и графъ Потемкинъ. Шульгинъ—московскій оберъ-полицмейстеръ; Волковъ жандармскій генералъ)

Княгиня Вѣра очень мило и очень умно говорила о тебѣ Бенкендорфу. Онъ извинялся передъ Потемкиной. Quant à m-me Карцовъ tout ce qu'elle dit c'est comme si elle chantait... А жена твоя: Vous eussiez pu remarquer, général, qu'elle chantait faux. Отселѣ изъясненія. Puisque nous sommes sur le pied de la franchisse, vous me permettrez, général, de vous demander la réhabilitation de mon mari. Онъ сказалъ ей, что недоволенъ твоимъ меморіемъ. Я не читалъ его: что̀ такое? Ты жалѣешь о томъ, что тебя не было въ Москвѣ; а я такъ нѣтъ. Знаешь разницу между пушкой и единорогомъ? Пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Потемкинъ и Сибилевъ—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Не должно смѣшивать эти два дѣла. Здѣсь ты-бы былъ конечно включенъ въ общую амнистію, но ты дотоннъ и долженъ требовать особеннаго оправданія, а не при сей вѣрной оказіи. Но это все бездѣлица, а вотъ что̀ важно. Киселевъ женится на Л. Ушаковой, и Катерина говоритъ, что они счастливы. Вчера обѣдалъ я у Дмитріева съ Жихаревымъ. Дмитріевъ сердитъ на Полевого и на цензора Глинку; я не теряю надежды затащить его въ полемику, дай срокъ. Прощай, помни меня на вечерѣ у Катерины Андреевны (Карамзиной) и пиши мнѣ къ Копу (гостиница).

Запечатай и отошли записку Гагарину театральному.

Кн. П. А. Вяземскому. *Москва, 16 марта.*—У меня есть на столѣ письмо, уже давно къ тебѣ написанное. Я побоялся послать его тебѣ по почтѣ. Жена твоя вѣроятно полнѣе и дѣльнѣе разсказала тебѣ, въ чемъ дѣло. Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контръ-революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую прозу. Что̀ твое здоровье? Каковъ-ты съ министрами? И будешь-ли ты въ службѣ новой? Знаешь-ли ты, кто въ Москвѣ возвысилъ свой оппозиціонный голосъ выше всѣхъ? Солнцевъ (каммергеръ). Каковъ? Онъ объявилъ себя обиженнымъ въ лицѣ Сибилева и цугомъ поѣхалъ къ нему на съѣзжую, не смотря на слезы Лизаветы Львовны и нѣжныя просьбы Ольги Матвѣевны. Москва утихла и присмирѣла. Жду концертовъ и шума за проектъ. Буду тебѣ передавать свои наблюденія о духѣ московскаго клуба. Прощай, кланяюсь твоимъ. Не могу еще привыкнуть не у нихъ проводить вечера мои. Кажется мнѣ, что я развращаюсь.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, въ мартѣ.*—Посылаю тебѣ драгоцѣнность: доносъ Сумарокова на Ломоносова. Подлинникъ за собственноручною подписью видѣлъ я у Ив. Ив. Дмитріева. Онъ отыскалъ въ бумагахъ Миллера, надорванный—вѣроятно въ присутствіи—и вѣроятно сохраненный Миллеромъ, какъ документъ распутства Ломоносова: они были врагами. Состряпай изъ этого статью и тисни въ Литературной Газетѣ. Письмо мое доставитъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы: теперь ты угадаешь, что̀ тревожитъ меня въ Москвѣ. Если ты можешь влюбить въ себя Елизу, то сдѣлай мнѣ эту божескую милость. Я сохранилъ свою цѣломудренность, оставя въ рукахъ ея не плащъ, а рубашку (справься у кн. Мещерской). Она преслѣдуетъ меня и здѣсь письмами и посылками. Избавь меня отъ Пентефріихи.

Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою (напечатаніемъ эпиграммы: „Не то бѣда, что ты полякъ"). Сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно. Но распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ, кромѣ графа Панина. Жену твою вижу часто, т. е. всякій день. Наше житье-бытье сносно. Дядя живъ. Дмитріевъ очень милъ. Зубковъ членъ клуба. Ушаковъ кривъ. Вотъ тебѣ просьба: Погодинъ собрался ѣхать въ чужіе края; онъ можетъ обойтись безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче. Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее на̀до напечатать; поговори Блудову и объ этомъ. Прощай. Мой сердечный поклонъ всему семейству. Въ доносѣ пропущено слово оскорбляя. Батюшковъ умираетъ.

Н. Н. Гончаровой (черновое, по французски). *Москва, въ мартѣ.*—Сегодня—годовщина того дня, когда я васъ впервые увидѣлъ; этотъ день... въ моей жизни...

Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мое существованіе не можетъ быть отдѣлено отъ вашего; я созданъ для того, чтобы любить васъ и слѣдовать за вами; всѣ другія мои заботы—одно заблужденіе и безуміе. Вдали отъ васъ меня неотступно преслѣдуютъ сожалѣнія о счастьи, которымъ я не успѣлъ насладиться. Рано или поздно, мнѣ однако придется все бросить и пасть къ вашимъ ногамъ. Мысль о томъ днѣ, когда мнѣ удастся имѣть клочекъ земли въ.... одна только улыбается мнѣ и оживляетъ среди тяжелой тоски. Тамъ мнѣ можно будетъ бродить вокругъ вашего дома, встрѣчать васъ, слѣдовать за вами...

Н. И. Гончаровой (по французски).—*Москва, въ апрѣлѣ.*—Теперь, когда вы мнѣ разрѣшили писать къ вамъ, я такъ-же чувствую себя взволнованнымъ, принимаясь за перо, какъ если-бы я былъ въ вашемъ присутствіи. Я столько имѣю сказать вамъ, и чѣмъ болѣе мнѣ приходится думать объ этомъ, тѣмъ мрачнѣе и неутѣшительнѣе становятся осаждающія меня мысли. Я намѣренъ изложить ихъ вамъ вполнѣ искренно, какъ Богъ на душу положитъ, взывая къ вашему терпѣнію и особенно къ вашей снисходительности.

Впервые встрѣтивъ ее, когда ея красота была

еще едва замѣтна въ свѣтѣ, я полюбилъ ее. Голова моя закружилась, и я просилъ ея руки. Вашъ отвѣтъ, не смотря на всю его неопредѣленность, далъ мнѣ минуту безумнаго счастья. Въ то-же мгновеніе я отправился въ армію. Спросите меня, что я тамъ собирался дѣлать— и я клянусь, что не могъ-бы дать вамъ на это отвѣта. Но безсознательное опасеніе гнало меня вонъ изъ Москвы: я не былъ въ состояніи переносить въ ней ваше или ея присутствіе. Я вамъ писалъ, надѣялся, ожидалъ отвѣта—онъ не приходилъ. Всѣ ошибки ранней молодости воскресли въ моемъ воображеніи. Онѣ дѣйствительно были очень велики, но клевета еще болѣе раздула ихъ—слава о нихъ, къ сожалѣнію, пріобрѣла большую популярность. Вы могли повѣрить дурнымъ слухамъ: я не смѣлъ роптать, но былъ въ отчаяніи.

Сколько терзаній ожидало меня по возвращеніи: ваше молчаніе, ваше холодное обращеніе, пріемъ mademoiselle Natalie, столь легкій, столь невнимательный. Я не имѣлъ мужества объясниться—я уѣхалъ въ Петербургъ убитый, сознавая, что съигралъ смѣшную роль: я былъ робокъ первый разъ въ жизни, а человѣкъ моихъ лѣтъ не робостью можетъ снискать себѣ расположеніе молодой особы въ возрастѣ вашей дочери. Одинъ изъ моихъ пріятелей, пріѣхавъ въ Москву, передаетъ благосклонное слово вашей дочери по моему адресу—и оно возвращаетъ мнѣ жизнь... Недавно я получилъ нѣсколько любезныхъ строкъ, которыя вы соблаговолили прислать мнѣ. Повидимому, это должно было-бы заставить меня ликовать отъ счастья, а между тѣмъ теперь я болѣе несчастливъ, чѣмъ когда-нибудь. Постараюсь объясниться.

Привычка и продолжительное сближеніе одно могло-бы развить привязанность вашей дочери ко мнѣ. Я надѣюсь пріобрѣсти ея расположеніе со временемъ, но во мнѣ нѣтъ ничего, чѣмъ-бы я могъ ей нравиться. Въ согласіи ея отдать мнѣ руку я буду видѣть лишь безмолвное доказательство ея сердечнаго равнодушія. Но когда окружающая ее атмосфера наполнится восторгами, поклоненіями и соблазнами, сохранитъ-ли она это невозмутимое равнодушіе? Молодой дамѣ станутъ внушать, съ видомъ сожалѣнія, что лишь несчастный рокъ помѣшалъ ей вступить въ болѣе равный бракъ, въ бракъ, болѣе ея достойный и блестящій. Можетъ быть, искренность этихъ сожалѣній будетъ иногда сомнительна, но ей они должны представляться несомнѣнными. Не начнетъ-ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ-ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ-ли при этомъ отвращенія ко мнѣ?—Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной въ выборѣ завтра, эта мысль—адъ.

Поговоримъ о состояніи. Я не придаю ему значенія; моихъ средствъ было достаточно для меня до сихъ поръ. Хватитъ-ли ихъ, когда я женюсь? Я не потерплю ни за что на свѣтѣ, чтобъ моя жена узнала лишенія, чтобъ она не могла бывать тамъ, гдѣ ей было суждено блистать и наслаждаться. Она имѣетъ полное право это требовать. Чтобы удовлетворить ее, я готовъ пожертвовать всѣми вкусами, всѣми увлеченіями моей жизни, моимъ независимымъ существованіемъ, полнымъ приключеній. Не смотря на это, не станетъ-ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ будетъ не столь блестящимъ, какъ она того заслуживаетъ и какъ-бы я самъ того желалъ?

Вотъ та доля моихъ опасеній, которую мнѣ необходимо было вамъ высказать теперь; я трепещу при мысли, что вы ихъ найдете слишкомъ основательными... Но есть еще одно опасеніе, котораго я не рѣшаюсь довѣрить бумагѣ...

Примите увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу (по французски).—*Москва, 16 апрѣля.*—... Прошу еще одной милости: въ 1826 году я привезъ въ Москву мою трагедію «Борисъ Годуновъ», написанную во время ссылки. Она была послана въ томъ видѣ, въ какомъ вы ее читали, лишь съ цѣлью оправданія. Государь, почтившій своей критикой мою трагедію, указалъ мнѣ на нѣкоторыя вольныя мѣста, и я долженъ сознаться, что замѣчанія его величества были болѣе чѣмъ справедливы. Кромѣ того, два или три мѣста обратили на себя его вниманіе исключительно потому, что показались ему намеками на близкія къ намъ событія. Перечитывая ихъ теперь, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобъ имъ можно было придать такой смыслъ. Всѣ смуты походятъ другъ на друга. Драматическій писатель не можетъ быть отвѣтственъ за слова, влагаемыя имъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставить ихъ говорить сообразно съ характеромъ, признаваемымъ за ними исторіей. А потому слѣдуетъ обращать вниманіе лишь на духъ, проникающій все сочиненіе, и на общее впечатлѣніе, имъ производимое. Моя трагедія есть произведеніе правдивое, и я не могу по совѣсти исключить изъ нея то, что мнѣ кажется существеннымъ.

Прошу его величество простить мнѣ смѣлость, съ которой я рѣшаюсь противорѣчить ему. Я знаю, что этотъ протестъ поэта можетъ показаться смѣшнымъ; однако, до сихъ поръ я отвергалъ всѣ предложенія книгопродавцевъ, принося безмолвно эту жертву волѣ его величества. Но въ настоящее время я нахожусь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умоляю его величество развязать мнѣ руки разрѣшеніемъ на изданіе моей трагедіи въ томъ именно видѣ, какъ я желаю.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 2 мая.*—Благодарю тебя, мой милый, за твои поздравленія и мадригалы. Я въ точности передалъ ихъ моей невѣстѣ. Правда-ли, что ты собираешься въ Москву? Боюсь графини Фикельмонъ. Она удержитъ тебя въ Петербургѣ. Говорятъ, что у Канкрина ты при особыхъ порученіяхъ, а настоящая твоя служба—при ней. Пріѣзжай, мой милый, да влюбись въ мою жену, а мы поговоримъ объ газетѣ или альманахѣ. Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакожъ его газета хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто-литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ Сѣверной Пчелы ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, и что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ. Тутъ дѣло идетъ не о политическихъ мнѣніяхъ, но о сухомъ изложеніи происшествій. Да и неприлично правительству

заключать союзъ съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста, поговори объ этомъ, но втайнѣ: если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносы и клевету - и съ нимъ не справишься.

Отчего не напечатано мое посвященіе тебѣ въ третьемъ изданіи Фонтана? Неужто мой цензоръ не пропустилъ? Это для меня очень досадно. Узнай пожалуйста, какъ и зачѣмъ.

Сегодня везу къ моей невѣстѣ Солнцева. Жаль, что представляю его не въ прежнемъ его видѣ, доставившемъ ему камергерство. Она болѣе благоговѣла - бы передъ родственнымъ его брюхомъ. Дядя В. Л. также плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ, чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ. Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи; но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому.

Прощай, мой милый; обнимаю тебя и Жуковскаго.

А. Н. Гончарову (дѣдъ жены Пушкина). — *Москва, 3 мая.* — Милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ! Съ чувствомъ сердечнаго благоговѣнія обращаюсь къ вамъ, какъ главѣ семейства, которому отнынѣ принадлежу. Благословивъ Наталью Николаевну, благословили вы и меня. Вамъ обязавъ я больше, чѣмъ жизнію. Счастіе вашей внуки будетъ священная, единственная моя цѣль и все, чѣмъ могу воздать вамъ за ваше благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ, преданностью и благодарностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою *Александръ Пушкинъ.*

П. А. Плетневу. - *Москва, въ началѣ мая.* - Милый! Побѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ. Вотъ что пишетъ мнѣ Бенкендорфъ:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounoff, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité».

Слушай-же, кормилецъ: я пришлю тебѣ трагедію мою съ моими поправками, а ты, благодѣтель, явись къ ф.-Фоку (Начальнику III Отдѣленія) и возьми отъ него письменное дозволеніе (нужно-ли оно?). Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично - ли мнѣ, А. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично. Какъ ты думаешь? Рѣши. Скажи: имѣлъ-ли вліяніе на расходъ Онѣгина отзывъ «Сѣверной Пчелы»? Знаешь - ли что̀? У меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжигинъ. Теперь некогда, а современемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? (См. алфавитный указатель). Пожалуйста, отпиши.

Ахъ, душа моя, какую женку я себѣ завелъ!

Сейчасъ получилъ письмо твое — благодарю, душа моя. Заключай условія, какія хочешь, только нельзя - ли вмѣсто 4-хъ лѣтъ 3 года? выторгуй хоть 6 мѣсяцевъ. Не продать-ли намъ Смирдину и трагедію? Порученіе твое (поцѣловать ручку) къ моей невѣстѣ исполнено. Она заочно рекомендуется тебѣ и женѣ твоей. Что̀ касается до будущаго мѣстопребыванія моего, то самъ не знаю; кажется, отъ Петербурга не отдѣлаюсь. Царь со мною очень милъ.

Кн. В. Ѳ. Вяземской (по франц).—*Москва, въ маѣ.* - Вы имѣли полное основаніе придти въ восторгъ отъ осла (романъ Ж. Жанена: L'âne mort et la femme guillotinée). Это — одинъ изъ выдающихся новыхъ романовъ. Авторомъ его считаютъ Виктора Гюго. Я въ немъ вижу проявленіе болѣе могучаго таланта, чѣмъ въ «Послѣднемъ днѣ приговореннаго къ смерти», хотя и это произведеніе тоже очень талантливо. Что-же касается смутившей васъ фразы, то я вамъ совѣтую не принимать за чистую монету всѣхъ симпатій автора. Весь міръ восхищается первой любовью; онъ - же нашелъ болѣе пикантнымъ заняться второй. Можетъ быть, онъ и правъ. Первая любовь есть всегда дѣло чувства; чѣмъ она была глупѣе, тѣмъ болѣе остается послѣ нея очаровательныхъ воспоминаній. Вторая-же любовь есть дѣло страсти. Я-бы могъ гораздо глубже провести эту параллель; но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ для этого досуга. Моя женитьба на Natalie (которая, въ скобкахъ, есть моя сто третья любовь) рѣшена. Отецъ даетъ мнѣ 200 душъ, которыя я хочу заложить (engager) въ ломбардъ, а вамъ предложить (engager), дорогая княгиня, быть моей посаженой матерью.

Остаюсь у вашихъ ногъ *А. П.*

М. П. Погодину. Одиннадцать записокъ. *Москва, въ маѣ.*

I. Сдѣлайте Божескую милость, помогите. Къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда.

II. Могу-ли къ вамъ заѣхать и когда? и будутъ-ли деньги? У Бога конечно всего много, но онъ взаймы не даетъ, а даритъ, кому захочетъ; такъ я болѣе на васъ надѣюсь, чѣмъ на него (прости, Господи, мое прегрѣшеніе).

Post scriptum et nota bene: Румянцевъ уничтожилъ рогатки (chevaux de Frise), а ввелъ каррен катульскія.

III. Выручите, если возможно, а я за васъ буду Богу молить съ женой и съ малыми дѣтушками. - Завтра увижу-ли васъ и нѣтъ-ли чего готоваго? (Въ трагедіи «Петръ I», понимается).

IV. Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу-ли надѣяться къ 30 маю имѣть 5000 р. или на годъ по 10 рг. с., или на шесть мѣсяцевъ по 5 рг. с.?—Что̀ четвертое дѣйствіе (Петра)?—*А. П.*

V. Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ.

VI. Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко (псевдонимъ Надеждина) недоумѣваетъ.—*А. П.*

VII. Если уже часть, такъ большую, ради Бога.—*А. П.*

VIII. Надеждинъ хоть изрядно насъ тѣшитъ иногда или чешетъ etc., но лучше было - бы, если-бъ онъ теперь потѣшилъ—двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника etc.— Весь вашъ etc.

IX. Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный и почтенный! Ваши 1800 руб. асс. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ меня болѣе одолжите. Впрочемъ, я не обязался именно къ которому числу.—Весь вашъ *А. П.*

X. Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму.—*А. П.*

XI. Сердечно благодарю васъ, любезный Ми-

хайло Петровичъ. Заемное письмо получите на дняхъ.—Какъ вамъ кажется письмо Чадаева? И когда увижу васъ?

Н. Н. Гончаровой. (Черновое, по французски).—*Москва, въ іюнѣ.*—Мнѣ-бы хотѣлось надѣяться, что это письмо не застанетъ васъ больше въ Заводѣ, но я съ наслажденіемъ исполняю ваше приказаніе. И вотъ я теперь въ Москвѣ, грустный и скучающій, когда васъ здѣсь нѣтъ; у меня не хватило смѣлости пойти на Никитскую и справиться о васъ... Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ тяжело переносить ваше отсутствіе и какъ я жалѣю, что покинулъ Заводъ. Всѣ мои опасенія воскресаютъ съ удвоенной силой и дѣлаютъ меня мрачнымъ. Я-бы хотѣлъ надѣяться и пр. Я считаю четверти часа, отдѣляющія меня отъ васъ...

А. Н. Гончарову.—*Москва, 7 іюня.* — М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Каждый день ожидалъ я обѣщанныхъ денегъ и нужныхъ бумагъ изъ Петербурга, и до сихъ поръ ихъ не получилъ. Вотъ причина моего невольнаго молчанія. Думаю, что буду принужденъ въ концѣ этого мѣсяца на нѣсколько дней отправиться въ С.-Петербургъ, чтобъ привести дѣла свои въ порядокъ.

Что касается до памятника (принадлежавшая А. Н. Гончарову бронзовая статуя Екатерины II, которую онъ хотѣлъ продать), то я тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Москву писалъ о немъ Бенкендорфу. Не знаю, уѣхалъ-ли онъ съ государемъ и гдѣ теперь онъ находится. Отвѣтъ его вѣроятно не замедлитъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь Аѳанасій Николаевичъ, еще разъ сердечно васъ благодарить за отеческія милости, оказанныя вами Натальѣ Николаевнѣ и мнѣ. Смѣю надѣяться, что современемъ заслужу ваше благорасположеніе. По крайней мѣрѣ, жизнь моя будетъ отнынѣ посвящена счастью той, которая удостоила меня своего выбора и которая такъ близка вашему сердцу.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ. *Пушкинъ.*

А. Н. Гончарову.—*Москва, 28 іюня.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Только сейчасъ получилъ я бумагу вашего повѣреннаго и не успѣлъ еще ее пробѣжать. Осмѣливаюсь повторить вамъ то, что уже говорилъ я Золотову: главное дѣло:—не вооружить противу себя Канкрина, а никакъ не вижу, какимъ образомъ вамъ безъ него обойтись. Государь, получивъ просьбу вашу, отдастъ ее непремѣнно на разсмотрѣніе министра финансовъ; а министръ, уже разъ отказавши, захочетъ и теперь поставить на своемъ. Временное вспоможеніе (двумя или тремя стами тысячъ) хотя вещь и затруднительная, но все легче, ибо зависитъ единственно отъ произвола государева. На дняхъ ѣду въ С.-Петербургъ, и если бумага ваша не будетъ имѣть желаемаго успѣха, то готовъ (если прикажете) хлопотать объ этомъ вспоможеніи и у Бенкендорфа, и у Канкрина. Что касается до залога Заводовъ, то хотя я и увѣренъ въ согласіи молодыхъ вашихъ родственниковъ и въ ихъ повиновеніи вашей волѣ, но въ ихъ отсутствіи не осмѣлюсь дѣйствовать мимо ихъ. Надѣюсь, что мое чистосердечіе не повредитъ мнѣ въ вашемъ ко мнѣ благорасположеніи, столь драгоцѣнномъ для меня; мнѣ казалось лучше объясниться прямо и откровенно, чѣмъ обѣщать и не выполнить.

Ожидая дальнѣйшихъ вашихъ приказаній, препоручаю себя вашему благорасположенію и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ. *Пушкинъ.*

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Спб., 20 іюля.*—Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ, независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но, при всемъ томъ, умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками—на второй та-же исторія—и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода, вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г.—Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я разсчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, насколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ. Наталья Кирилловна (Загряжская) въ деревнѣ. Катерина Ивановна въ Парголовѣ (чухонская деревня, гдѣ живетъ графиня Полье). Что до хорошенькихъ женщинъ, то я видѣлъ пока m-me и m-lle Малиновскихъ, съ которыми я неожиданно обѣдалъ вчера.

Я тороплюсь—цѣлую руки Натальѣ Ивановнѣ, которую я еще не называлъ maman, и вамъ также, мой ангелъ, такъ какъ вы мнѣ не позволяете цѣловать васъ. Мои поклоны вашимъ сестрамъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Спб., между 20 и 30 іюля.*—Передалъ-ли вамъ мой братъ мое письмо, и почему вы не расписываетесь въ полученіи его, какъ вы мнѣ то обѣщали? Я жду этой росписки съ нетерпѣніемъ, и минута, когда я получу ее отъ васъ, вознаградитъ меня за скуку моего пребыванія здѣсь. Я долженъ вамъ описать мой визитъ Натальѣ Кирилловнѣ. Пріѣзжаю, обо мнѣ докладываютъ, она меня принимаетъ за своимъ туалетомъ, какъ хорошенькая женщина прошедшаго столѣтія.—Вы женитесь на моей племянницѣ?—Точно такъ.—Какъ-же это, я очень удивлена, меня объ этомъ не извѣщали; Наташа ничего мнѣ не писала. (Это не о васъ она говорила, а о maman). Я отвѣчалъ ей на это, что бракъ былъ рѣшенъ весьма недавно, что разстроенныя дѣла Аѳанасія Николаевича, Натальи Ивановны, и пр. и пр. Она не приняла моихъ резоновъ: Наташа знаетъ, какъ я люблю ее, Наташа мнѣ всегда писала во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Наташа мнѣ напишетъ и теперь; такъ какъ мы теперь въ родствѣ, то, надѣюсь, вы будете посѣщать меня часто.—Потомъ она много разспрашивала о maman, о Николаѣ Аѳанасьевичѣ, о васъ; она повторила мнѣ комплименты государя на вашъ счетъ—и мы разстались друзьями. Наталья Ивановна, конечно, будетъ ей писать. Я еще не видалъ Ивана Николаевича. Я былъ на маневрахъ, а онъ воротился въ Стрѣльну только вчера. Я поѣду вмѣстѣ съ нимъ въ Парголово, такъ какъ ѣхать одному не имѣю ни охоты, ни храбрости. На этихъ дняхъ я предложилъ моему отцу написать Аѳанасію Николаевичу; но, можетъ быть, онъ самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Что подѣлываетъ la Grand'maman de Zavode—бронзовая, разумѣется? Этотъ вопросъ не вызоветъ-ли васъ писать мнѣ? Что вы подѣлываете? кого видите? гдѣ вы гуляете? ѣдете-ли въ Ростовъ? будете-ли мнѣ писать? Впрочемъ, не испугайтесь та-

кого множества вопросовъ: вы можете очень хорошо не отвѣчать на все это, такъ какъ вы меня всегда считаете сочинителемъ. Я былъ на этихъ дняхъ у моей египтянки; она очень интересовалась вами. Она заставила меня нарисовать вашъ профиль и выразила желаніе познакомиться съ вами; почему принимаю на себя смѣлость рекомендовать вамъ ее: прошу любить и жаловать. Затѣмъ, кланяюсь вамъ. Мое почтеніе и поклонъ матушкѣ, вашимъ сестрамъ.—До свиданія.

Н. Н. Гончаровой (по французски). —*Спб., 30 іюля.* Вотъ письмо Аѳанасія Николаевича, которое мнѣ пересылаетъ Иванъ Николаевичъ. Вы не можете себѣ представить, какъ оно меня затрудняетъ. Онъ получитъ дозволеніе, котораго такъ добивается. Но что касается до Завода, то я не имѣю ни кредита, который онъ мнѣ приписываетъ, ни охоты дѣйствовать противъ воли Натальи Ивановны и безъ вѣдома вашего старшаго брата. Но хуже всего то, что я предвижу новыя отсрочки—тутъ, ей-ей, начнешь терять терпѣніе. Я еще не видѣлъ Катерины Ивановны, она въ Парголовѣ, у графини Полье, которая почти сумасшедшая: она спитъ до 6-ти часовъ вечера и никого не принимаетъ. Вчера m-me Багрѣева, дочь Сперанскаго, присылала за мной, чтобы вымыть мнѣ голову за то, что я не исполнилъ формальностей, но, въ самомъ дѣлѣ, у меня не хватаетъ силъ. Я мало ѣзжу въ свѣтъ. Васъ тамъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Прекрасныя дамы спрашиваютъ у меня вашъ портретъ и не прощаютъ мнѣ того, что у меня его нѣтъ. Я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если-бы она не стоила 40,000 рублей. Аѳанасію Николаевичу слѣдовало-бы вымѣнять ее на свою негодную grand'maman, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы, развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста.

Я вѣтренникъ, мой ангелъ: перечитывая письмо Аѳанасія Николаевича, я увидѣлъ, что онъ вовсе и не думаетъ закладывать своего Заводскаго имѣнія, и хочетъ, по моему совѣту, просить хоть кратковременной поддержки. Это—другое дѣло. Въ такомъ случаѣ я отправляюсь тотчасъ къ моему кузену, Канкрину, просить у него аудіенціи. Я еще не видался съ Бенкендорфомъ, и тѣмъ лучше; я постараюсь устроить все въ первой-же аудіенціи. Простите, мой ангелъ. Мои поклоны всей вашей семьѣ, которую я осмѣливаюсь считать своею.

P. S. Роспишетесь-ли вы въ полученіи этого письма?

А. Н. Гончарову. —*Москва, 14 августа.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! По приказанію вашему, являлся я къ графу Канкрину и говорилъ о вашемъ дѣлѣ, т. е. о вспоможеніи денежномъ; я нашелъ министра довольно неблагосклоннымъ. Онъ говорилъ, что это дѣло зависитъ единственно отъ государя; я просилъ отъ него, по крайней мѣрѣ, не прекословить государю, если его величеству угодно будетъ оказать вамъ отъ себя просимое вспоможеніе. Министръ далъ мнѣ слово.

Что касается до позволенія перелить памятникъ, то вы получите немедленно бумагу на имя ваше отъ генерала Бенкендорфа. Судьба моя зависитъ отъ васъ; осмѣливаюсь вновь умолять васъ о разрѣшеніи ея. Вся жизнь моя будетъ посвящена благодарности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

А. Н. Гончарову. —*Москва, 24 августа.*—М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Сердечно жалѣю, что старанія мои были тщетны и что имѣю такъ мало вліянія на нашихъ министровъ. Я-бы за счастіе почелъ сдѣлать что-нибудь вамъ угодное.

Смерть дяди моего Василья Львовича Пушкина и хлопоты по этому печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства. Не успѣлъ я выйти изъ долговъ, какъ опять принужденъ былъ задолжать. На дняхъ отправляюсь я въ нижегородскую деревню, чтобы вступить во владѣніе ею. Надежда моя на васъ однихъ. Отъ васъ однихъ зависитъ рѣшеніе судьбы моей.

Съ глубочайшимъ и проч. *А. Пушкинъ.*

Н. Н. Гончаровой (по франц.). —*Москва, въ концѣ августа.* Я отправляюсь въ Нижній, безъ увѣренности въ своей судьбѣ. Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подо всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастья. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; что-же до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться. *А. П.*

П. А. Плетневу. —*Москва, 31 августа.*— Хорошъ! не хотѣлъ со мною проститься и ни строчки мнѣ не пишешь. Сейчасъ ѣду въ Нижній, т. е. въ Лукояновъ, въ село Болдино. Пиши мнѣ туда, коли вздумаешь.

Милый мой, разскажу тебѣ все, что у меня на душѣ: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже „30-ти лѣтъ жизни игрока“. Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому-же московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери—отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія; словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ, которую сыграемъ Богъ вѣсть когда. Все это не очень пріятно. Ѣду въ деревню; Богъ вѣсть, буду-ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго.

Такъ-то, душа моя. Отъ добра добра не ищутъ. Чортъ меня надоумилъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Довольно было мнѣ довольствоваться независимостью, которой обязанъ я былъ Богу и тебѣ.—Грустно, душа моя.—Обнимаю тебя и цѣлую нашихъ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Болдино, 9 сентября.* — Моя дорогая, моя милая Наталья Николаевна—я у вашихъ ногъ, чтобы благодарить и просить васъ о прощеніи за безпокойство, которое я вамъ причинилъ. Ваше письмо прелестно и вполнѣ меня успокоило. Мое пребываніе здѣсь можетъ продолжиться вслѣдствіе обстоятельства, совершенно непредвидѣннаго. Я думалъ, что земля, которую мой отецъ далъ мнѣ, составляетъ особое имѣніе; но она—часть деревни изъ 500 душъ, и нужно приступить къ раздѣлу. Я постараюсь устроить все это какъ можно скорѣе. Еще больше я боюсь карантиновъ, которые начинаютъ установляться здѣсь. Въ окрестностяхъ у насъ Cholera morbus (очень миленькая персона). И она можетъ удержать меня дней двадцать лишнихъ. Сколько причинъ торопиться! Мой почтительный поклонъ Натальѣ Ивановнѣ; цѣлую ей руки съ крайнимъ смиреніемъ и нѣжностью. Сейчасъ-же пишу Аѳанасію Николаевичу. Онъ, съ вашего позволенія, слишкомъ нетерпѣливъ. Благодарите очень m-lles Catherine и Alexandrine (сестры Натальи Николаевны) за ихъ любезную память, и еще разъ: простите меня и вѣрьте, что я счастливъ только тамъ, гдѣ вы.

А. Н. Гончарову. — *Болдино, 9 сентября.*— М. Г. Аѳанасій Николаевичъ! Изъ письма, которое удостоился я получить, съ крайнимъ сожалѣніемъ замѣтилъ я, что вы предполагали во мнѣ недостатокъ усердія. Примите, сдѣлайте милость, мое оправданіе. Не осмѣлился я взять на себя быть ходатаемъ по вашему дѣлу единственно потому, что опасался получить отказъ, не въ пору приступая съ просьбою къ государю или министрамъ. Сношенія мои съ правительствомъ подобны весенней погодѣ: поминутно то дождь, то солнце. А теперь нашла тучка. Вамъ угодно было спросить у меня совѣта насчетъ пути, по которому препроводить вамъ къ государю просьбу о временномъ вспоможеніи: думаю, всего лучше и скорѣе чрезъ А. Х. Бенкендорфа. Онъ человѣкъ снисходительный, благонамѣренный и чуть-ли не единственный вельможа, чрезъ котораго намъ доходятъ частыя благодѣянія государя.

Препоручая себя вашему благорасположенію, имѣю счастье быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч. *А. П.*

П. А. Плетневу.—*Болдино, 9 сентября.* — Я писалъ тебѣ премеланхолическое письмо, милый мой Петръ Александровичъ, да вѣдь меланхоліей тебя не удивишь: ты самъ на это собаку съѣлъ. Теперь мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня колера-морбусъ. Знаешь-ли, что̀ это за звѣрь? Того и гляди, что забѣжитъ онъ и въ Болдино, да всѣхъ насъ перекусаетъ. Того и гляди, что къ дядѣ Василью отправлюсь, а ты и пиши мою біографію. Бѣдный дядя Василій,—знаешь-ли его послѣднія слова? Пріѣзжаю къ нему; нахожу его въ забытьи; очнувшись, онъ узналъ меня, погоревалъ, потомъ помолчавъ: к а к ъ с к у ч н ы с т а т ь и К а т е н и н а! И болѣе ни слова. Каково? Вотъ что̀ значитъ умереть честнымъ воиномъ на щитѣ, le cri de guerre à la bouche!

Ты не можешь вообразить, какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! Жена—свой братъ! При ней пиши сколько хочешь, а невѣста пуще цензора Щеглова, языкъ и руку связываетъ... Сегодня отъ своей получилъ я премиленькое письмо; обѣщаетъ выдти за меня и безъ приданаго, приданое не уйдетъ; зоветъ меня въ Москву; я пріѣду не прежде мѣсяца, и оттуда къ тебѣ, моя радость. Что̀ дѣлаетъ Дельвигъ, видишь-ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтобы онъ мнѣ припасъ денегъ; деньгами нечего шутить, деньги вещь важная—спроси у Канкрина и у Булгарина.

Ахъ, мой милый! Что̀ за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази: степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ, сколько душѣ угодно, пиши дома, сколько вздумается—никто не помѣшаетъ. Ужъ я тебѣ наготовлю всячины, и прозы, и стиховъ.—Прости-жъ, моя милая.

Что̀ моя трагедія? Я написалъ элегическое маленькое предисловіе — не прислать-ли тебѣ его? Вспомни однакожъ, что ты обѣщалъ мнѣ свое: дѣльное, длинное.—А цѣна трагедіи? 10 или 12?

П. А. Плетневу. *Болдино, 29 сентября.* Сейчасъ получилъ письмо твое, и сейчасъ-же отвѣчаю. Какъ-же не стыдно было тебѣ понять хандру мою, какъ ты ее понялъ? Хорошъ и Дельвигъ, хорошъ и Жуковскій! Вѣроятно, я выразился дурно: но это васъ не оправдываетъ. Вотъ въ чемъ было дѣло: теща моя отлагала свадьбу за приданымъ, а ужъ конечно не я. Я бѣсился. Теща начинала меня дурно принимать и заводить со мною глупыя ссоры, и это бѣсило меня. Хандра схватила, и черныя мысли мной овладѣли. Неужто я хотѣлъ иль думалъ отказаться? но я видѣлъ ужъ отказъ и утѣшался, чѣмъ ни попало. Все, что̀ ты говоришь о свѣтѣ, справедливо; тѣмъ справедливѣе опасенія мои, чтобъ тетушки да бабушки да сестрицы не стали кружить голову молодой женѣ моей пустяками. Она меня любитъ; но посмотри, Алеко Плетневъ, какъ гуляетъ вольная луна &c. Баратынскій говоритъ, что въ женихахъ счастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ. Доселѣ онъ—я, а тутъ онъ будемъ мы. Шутка! Оттого-то я тещу и торопилъ, а она, какъ баба, у которой дологъ лишь волосъ, меня не понимала, да хлопотала о приданомъ; чортъ его побери! Теперь понимаешь-ли ты меня? Понимаешь, ну, слава Богу! Здравствуй, душа моя, каково поживаешь? а я, окончивъ дѣла, ѣду въ Москву сквозь цѣлую цѣпь карантиновъ. Мѣсяцъ буду въ дорогѣ,—по крайней мѣрѣ. Мѣсяцъ я здѣсь прожилъ, не видя ни души, не читая журналовъ, такъ что не знаю, что̀ дѣлаетъ (Луи) Филиппъ и здоровъ-ли Полиньякъ; я-бы хотѣлъ прислать тебѣ проповѣдь мою здѣшнимъ мужикамъ о холерѣ; ты-бы со смѣху умеръ, да не стоишь ты этого подарка. Прощай, душа моя: кланяйся отъ меня женѣ и дочери.

П. А. Осиповой (по французски). *Болдино, въ сентябрѣ.*—Въ уединеніи Болдина получилъ я разомъ ваши два письма, милостивая государыня. Надо быть совершенно одинокимъ, какъ я, чтобы вполнѣ оцѣнить голосъ дружбы и нѣсколько строкъ, начертанныхъ кѣмъ-либо изъ тѣхъ, кого мы любимъ. Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти В. Л. Признаюсь, я очень боялся за его здоровье и его разслабленные нервы. Онъ написалъ мнѣ нѣсколько писемъ; кажется, что боязнью отъ холеры замѣнилась грусть. Эта проклятая холера! При всѣхъ моихъ усиліяхъ, я не могу добраться до Москвы: меня оцѣпляютъ со всѣхъ сторонъ карантины, такъ какъ Нижегородская губернія—средото-

чіе эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, послѣ завтра я уѣзжаю, и Богъ знаетъ, сколько мѣсяцевъ я употреблю на проѣздъ 500 верстъ, которыя въ обыкновенное время проѣзжалъ въ 48 часовъ. Вы спрашиваете у меня объясненія слова *всегда*, встрѣченнаго вами въ одной изъ фразъ моего письма. Не могу припомнить этой фразы. Но во всякомъ случаѣ это слово не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ и знакомъ тѣхъ чувствъ, какія я питаю къ вамъ и ко всему вашему семейству. Я сожалѣю, если эта фраза имѣетъ не дружественный смыслъ и умоляю васъ исправить ее. То, что̀ вы говорите о сочувствіи, весьма мѣтко и совершенно справедливо. Мы сочувствуемъ несчастнымъ изъ нѣкотораго рода эгоизма: мы, въ сущности, видимъ, что не мы одни страдаемъ. Сочувствовать счастію можетъ только очень безкорыстная и благородная душа; но счастіе—это великое *можетъ быть*, какъ говорилъ Рабле о раѣ или о вѣчности. Я—атеистъ относительно счастія: я не вѣрю въ него и только подлѣ моихъ добрыхъ старыхъ друзей становлюсь немного скептикомъ. Лишь только пріѣду въ Петербургъ, отправлю къ вамъ все, что̀ я напечаталъ; отсюда-же ничего не могу послать. Привѣтствую васъ и все ваше семейство. Прощайте, до свиданья. Вѣрьте моей совершенной преданности. *А. Пушкинъ*

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, въ концѣ сентября.* — Вотъ я и совсѣмъ готовъ почти сѣсть въ экипажъ, хотя мои дѣла не кончены, и я совершенно палъ духомъ. Вы очень добры и обѣщаете мнѣ задержку въ Богородицкѣ не болѣе 6-ти дней. Мнѣ объявили, что устроено пять карантиновъ отсюда до Москвы, и въ каждомъ мнѣ придется провести 14 дней; сосчитайте хорошенько и потомъ представьте себѣ, въ какомъ я долженъ быть сквернѣйшемъ настроеніи. Къ довершенію благополучія, начался дождь, съ тѣмъ конечно, чтобы не переставать до самаго саннаго пути. Если что̀ можетъ меня утѣшать, то это—мудрость, съ которою устроены дороги отсюда до Москвы: представьте себѣ окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящикомъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль окоповъ и смѣются надъ увязшими экипажами. Будь проклятъ тотъ часъ, когда я рѣшился оставить васъ и пуститься въ эту прелестную страну грязи, чумы и пожаровъ—мы только и видимъ это. Что̀ вы подѣлываете между тѣмъ? Какъ идутъ дѣла и что̀ говорилъ le Grand papa? Знаете-ли, что онъ мнѣ писалъ? La Grand'maman, говоритъ онъ, стоитъ не болѣе 7000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи? Стоило-же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня, и эта чума, съ ея карантинами,—развѣ это не самая дрянная шутка, какую судьба могла придумать? Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ нѣкогда повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ). Сохраните мнѣ эту любовь, и вѣрьте, что въ этомъ все мое счастье. Позволяете мнѣ васъ обнять?—это нисколько не зазорно на разстояніи 500 верстъ и сквозь пять карантиновъ. Эти карантины не выходятъ у меня изъ головы. Итакъ, прощайте, мой ангелъ. Мои душевные поклоны Натальѣ Ивановнѣ, привѣтствую отъ всего сердца вашихъ сестеръ и m-r Serge (братъ Н. Н. Гончаровой). Имѣете-ли извѣстіе о другихъ?

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, 11 октября.* — Въѣздъ въ Москву запрещенъ, и вотъ я запертъ въ Болдинѣ. Именемъ неба молю, дорогая Наталья Николаевна, пишите мнѣ, не смотря на то, что вамъ не хочется писать. Скажите мнѣ, гдѣ вы? Оставили-ли вы Москву? нѣтъ-ли окольнаго пути, который могъ-бы меня привести къ вашимъ ногамъ? Я совсѣмъ потерялъ мужество, и не знаю въ самомъ дѣлѣ, что̀ дѣлать. Ясное дѣло, что въ этомъ году (будь онъ проклятъ!) нашей свадьбѣ не бывать. Но не правда-ли, вы оставили Москву? Добровольно подвергать себя опасности среди холеры было-бы непростительно. Я хорошо знаю, что всегда преувеличиваютъ картину ея опустошеній и число жертвъ; молодая женщина изъ Константинополя говорила мнѣ когда-то, что только la canaille умираетъ отъ холеры—все это прекрасно и превосходно: но все-же нужно, чтобы порядочные люди принимали мѣры предосторожности, такъ какъ именно это спасаетъ ихъ, а вовсе не ихъ элегантность и не ихъ хорошій тонъ. Итакъ, вы въ деревнѣ хорошо укрыты отъ холеры, не правда-ли? Пришлите мнѣ вашъ адресъ и бюллетень о вашемъ здоровьѣ! Мы окружены карантинами, но эпидемія еще не проникла сюда. Болдино имѣетъ видъ острова, окруженнаго скалами. Ни сосѣда, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время въ томъ, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ и какъ поживаетъ мой другъ Полиньякъ. Напишите мнѣ о томъ, такъ какъ я совсѣмъ не читаю журналовъ. Я становлюсь совершеннымъ идіотомъ: какъ говорится—до святости. Что̀ дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда-ли? Передо мной теперь географическая карта; я смотрю, какъ-бы дать крюку и пріѣхать къ вамъ черезъ Кяхту или черезъ Архангельскъ? Дѣло въ томъ, что для друга семь верстъ—не крюкъ; а ѣхать прямо въ Москву, значитъ, семь верстъ киселя ѣсть (да еще какого? московскаго!). Вотъ, по истинѣ, плохія шутки. Je ris jaune, какъ говорятъ пуассардки. Прощайте. Повергните меня къ ногамъ вашей maman; мои сердечные привѣты всему семейству. Прощайте, мой прелестный ангелъ. Цѣлую кончики вашихъ крыльевъ, какъ говорилъ Вольтеръ людямъ, которые не стоили васъ.

Н. Н. Гончаровой.—*Болдино, конецъ октября.*—Милостивая государыня Наталья Николаевна, я по-французски браниться не умѣю, такъ позвольте мнѣ говорить вамъ по-русски, а вы, мой ангелъ, отвѣчайте мнѣ хоть по-чухонски, да только отвѣчайте. Письмо ваше, отъ 1-го окт., получилъ я 26-го. Оно огорчило меня по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно шло ровно 25 дней; 2) что вы перваго октября были еще въ Москвѣ, давно уже зачумленной; 3) что вы не получили моихъ писемъ; 4) что письмо ваше короче было визитной карточки; 5) что вы на меня, видно, сердитесь, между тѣмъ какъ я—пренесчастное животное ужъ безъ того! Гдѣ вы? что̀ вы? Я писалъ въ Москву, мнѣ не отвѣчаютъ. Братъ мнѣ не пишетъ, полагая, что его письма, по обыкновенію, для меня не интересны. Въ чум-

ное время дѣло другое; радъ письму проколотому; знаешь, что по крайней мѣрѣ живъ—и то хорошо. Если вы въ Калугѣ, я пріѣду къ вамъ черезъ Пензу; если вы въ Москвѣ, т. е. въ московской деревнѣ, то пріѣду къ вамъ черезъ Вятку, Архангельскъ и Петербургъ. Ей-Богу не шучу—но напишите мнѣ, гдѣ вы, а письмо адресуйте: въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ Болдино. Скорѣй дойдетъ. Простите. Цѣлую ручку у матушки; кланяюсь въ поясъ сестрицамъ.

П. А. Плетневу. — *Болдино, 28 октября.*— Я сунулся-было въ Москву, да узнавъ, что туда никого не пускаютъ, воротился въ Болдино да жду погоды. Ну, ужъ погода! Знаю, что не такъ страшенъ чортъ, якъ его малюютъ; знаю, что холера не опаснѣе турецкой перестрѣлки — да отдаленность, да неизвѣстность—вотъ что̀ мучительно. Отправляясь въ путь, писалъ я своимъ, чтобъ они меня ждали черезъ 25 дней. Невѣста и перестала мнѣ писать, и гдѣ она и что̀ она, до сихъ поръ не вѣдаю.—Каково! то есть, душа моя Плетневъ, хоть я и не изъ иныхъ прочихъ, такъ сказать—но до того доходитъ, что хоть въ петлю. Мнѣ и стихи въ голову не лѣзутъ, хоть осень чудная: и дождь, и снѣгъ, и по колѣно грязь. Не знаю, гдѣ моя; надѣюсь, что уѣхала изъ чумной Москвы; но куда? въ Калугу? въ Тверь? въ Карлово къ Булгарину? ничего не знаю. Журналовъ вашихъ я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюсь непремѣнно на подмогу зимой, коли здѣсь не околѣю. Покамѣстъ онъ ужъ можетъ заказать виньетку на деревѣ, изображающую меня голенькаго, въ видѣ Атланта, на плечахъ поддерживающаго Лит. Газету. Что̀ моя трагедія? Отстойте ее, храбрые друзья! Не дайте ея на съѣденіе псамъ журнальнымъ. Я хотѣлъ ее посвятить Жуковскому со слѣдующими словами:

„Я хотѣлъ-было посвятить мою трагедію Карамзину, но такъ какъ нѣтъ уже его, то посвящаю ее Жуковскому“. Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобъ я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. И такъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ:

„Драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина сей трудъ, Геніемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностью посвящаетъ А. Пушкинъ“.

А. А. Дельвигу.—*Болдино, 4 ноября.*—Посылаю тебѣ, баронъ, вассальскую мою подать, именуемую цвѣточною, по причинѣ, что платится она въ ноябрѣ, въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, холерой именуемаго и занесеннаго намъ кресговыми воинами, т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ не умолкнутъ цѣлый годъ. Я, душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но, не получая журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло и кого надлежитъ душить, Полевого или Булгарина. Отецъ мнѣ ничего про себя не пишетъ, а это безпокоитъ меня, ибо я все-таки его сынъ, т. е. мнителенъ и хандрливъ (каково словечко!) Скажи Плетневу, что онъ расцѣловалъ-бы меня, видя мое осеннее прилежаніе.—Прощай, душа, на другой почтѣ я, можетъ быть, еще что-нибудь тебѣ пришлю. *А. П.*

P. S. Я живу въ деревнѣ, какъ на островѣ, окруженный карантинами. Жду погоды, чтобъ жениться и добраться до Петербурга; но я объ этомъ не смѣю еще и думать.

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, 4 ноября.*—9-го (октября) вы были еще въ Москвѣ!—мнѣ пишетъ о томъ мой отецъ; онъ пишетъ мнѣ еще, что моя свадьба разстроилась. Не достаточно-ли того, чтобы повѣситься? Я скажу вамъ еще, что отъ Лукоянова до Москвы 14 карантиновъ. Чего лучше? Теперь я разскажу вамъ анекдотъ. Одинъ изъ моихъ друзей ухаживалъ за хорошенькой женщиной. Разъ приходитъ онъ къ ней и находитъ на ея столѣ альбомъ, котораго онъ не зналъ—онъ хочетъ посмотрѣть его—дама бросается и вырываетъ у него альбомъ. Мы такъ-же иногда любопытны, какъ и вы, прекрасныя дамы. Мой другъ пускаетъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, всѣ средства своего ума, чтобы заставить возвратить ему альбомъ. Дама стоитъ на своемъ твердо; онъ долженъ отказаться. Нѣсколько времени спустя, эта бѣдная крошка умираетъ. Мой другъ присутствуетъ на ея погребеніи и утѣшаетъ несчастнаго мужа. Они роются вмѣстѣ въ ящикахъ покойной. Мой другъ видитъ таинственный альбомъ, овладѣваетъ имъ, открываетъ: альбомъ весь чистый, за исключеніемъ одной страницы, гдѣ были написаны слѣдующіе четыре плохіе стиха изъ „Кавказскаго плѣнника“:

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука—

и т. д... Теперь поговоримъ о другомъ. Когда я говорю: о другомъ — я хочу сказать: revenons à nos moutons. Какъ вамъ не стыдно оставаться на Никитской во время чумы? Это очень хорошо для вашего сосѣда, Адріана, который отъ этого большіе барыши получаетъ. Но Наталья Ивановна, но вы!—ей-же-ей, я васъ не понимаю. Не знаю, какъ добраться до васъ. Думаю, что Вятка еще свободна. Въ такомъ случаѣ, я поѣду на Вятку. Между тѣмъ, пишите мнѣ: въ Абрамово, для доставленія въ Болдино; ваши письма дойдутъ всегда до меня. Простите; да сохранитъ васъ Богъ. Повергните меня къ ногамъ вашей матушки.

Мои поклоны всему семейству.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Болдино, 5 ноября.*— Отправляюсь, мой милый, въ зачумленную Москву, получивъ извѣстіе, что невѣста ея не покидала. Что̀ у ней за сердце! Твердою дубовою корой, „тройнымъ булатомъ грудь ея вооруженна“, какъ у Гораціева мореплавателя. Она мнѣ пишетъ очень милое, хотя безтемпераментное письмо. Братъ Левъ далъ мнѣ знать о тебѣ, о Баратынскомъ, о холерѣ. Наконецъ и отъ тебя получилъ извѣстіе. Ты говоришь: худая вышла намъ очередь. Вотъ! Да развѣ не видишь ты, что мечутъ намъ чистый баламутъ, а мы еще понтируемъ? Ни одной карты налѣво, а мы все-таки лѣземъ. Подѣломъ, если останемся голы, какъ бубны.—Здѣсь я кое-что написалъ; но досадно, что не получалъ журналовъ. Я былъ въ духѣ ругаться и отдѣлалъ-бы ихъ на ихъ-же манеръ. Въ полемикѣ мы скажемъ съ тобою: и нашего тутъ капля меду есть.—Радуюсь, что ты принялся за Фонвизина. Что̀ ты ни скажешь о немъ, или кстати о немъ, все будетъ хорошо, потому что будетъ сказано. Объ истинѣ (т. е. о точности примѣненія истины) нечего тебѣ заботиться: пуля виноватаго сыщетъ. Всѣ твои литературныя обозрѣнія полны

этихъ пуль дуръ. Собери-ка свои статьи критическія; посмотри, что̀ за перестрѣлка подымется.—Когда-то свидимся? Заѣхалъ я въ глушь нижнюю, да и самъ не знаю, какъ выбраться. Точно еловая шишка: вошла хорошо, а выдти, такъ и шершаво. Кстати, о Лизѣ голенькой (Елиз. Мих. Хитрово) не имѣю никакого извѣстія. О Полиньякѣ тоже. Кто платитъ за шампанское, ты или я? Жаль, если я. Кабы зналъ, что заживусь здѣсь, я-бы съ ней завелъ переписку въ засосъ, т. е. всякую почту по листу кругомъ и читалъ-бы въ нижегородской глуши le Temps et le Globe. Каковъ государь! Молодецъ! Того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ. Дай Богъ ему здоровья. Дай Богъ вамъ всѣмъ здоровья, друзья. Покамѣстъ желать лучшаго нечего. Здѣсь крестьяне величаютъ господъ титломъ „ваше здоровье“: титло завидное, безъ котораго всѣ прочіе ничего не значатъ.

Н. Н. Гончаровой (по французски) — *Болдино, 18 ноября.* Въ Болдинѣ, все еще въ Болдинѣ! Узнавъ, что вы не оставили Москвы, я взялъ почтовыхъ лошадей и отправился. Выѣхавъ на большую дорогу, я видѣлъ, что вы были правы. 14 карантиновъ были только аванпостами, а настоящихъ карантиновъ только три. Я храбро явился въ первый (Сиваслейка, губ. владимірской); инспекторъ спрашиваетъ мою подорожную, сообщивъ, что мнѣ предстоитъ всего 6 дней остановки. Потомъ онъ бросаетъ взглядъ на подорожную:—Вы не по казенной надобности изволите ѣхать?—Нѣтъ, по собственной, самонужнѣйшей.—Такъ извольте ѣхать назадъ, на другой трактъ, здѣсь не пропускаютъ.—Давно-ли?—Да ужъ около 3-хъ недѣль. И эти... губернаторы не даютъ этого знать?—Мы не виноваты-съ. Не виноваты! а мнѣ развѣ отъ этого легче? Нечего дѣлать—ѣду назадъ въ Лукояновъ; требую свидѣтельства, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста. Предводитель здѣшній не знаетъ, можетъ-ли, послѣ поѣздки моей, дать мнѣ это свидѣтельство. Я пишу губернатору, а самъ, въ ожиданіи его отвѣта, свидѣтельства и новой подорожной, сижу въ Болдинѣ, да кисну. Вотъ какимъ образомъ я продѣлалъ 400 верстъ, не сдѣлавъ шагу отъ моей берлоги.

Это не все: возвратившись сюда, я надѣялся, по крайней мѣрѣ, найти отъ васъ письмо. Но тутъ какъ-разъ пьяница-почтмейстеръ въ Муромѣ умудрился перемѣшать пакеты, такъ что Арзамасъ получаетъ почту изъ Казани, Нижній изъ Лукоянова, и ваше письмо (если только было такое) прогуливается теперь не знаю гдѣ, и придетъ ко мнѣ, когда Богу угодно. Я совсѣмъ потерялъ мужество, и такъ какъ у насъ теперь постъ (скажите матушкѣ, что этого поста я долго не забуду), то я не хочу больше торопиться: предоставлю вещамъ идти по своей волѣ, а самъ останусь ждать, сложивъ руки. Мой отецъ все мнѣ пишетъ, что моя свадьба разстроилась. Надняхъ онъ увѣдомитъ меня, можетъ быть, что вы вышли замужъ. Есть отъ чего потерять голову. Спасибо кн. Шаликову: онъ извѣщаетъ меня, наконецъ, что холера уменьшилась. Вотъ единственное хорошее извѣстіе, дошедшее до меня въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Простите, мой ангелъ; будьте здоровы; не выходите замужъ за г-на Давыдова, и извините мнѣ мою брюзгливость. Повергните меня къ стопамъ вашей матушки: тысячу любезностей всѣмъ.

М. П. Погодину.—*Болдино, въ ноябрѣ.*—Изъ Московскихъ Вѣдомостей, единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ велимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что̀ моя невѣста. Знаете-ли вы, можете-ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ въ Лукояновскій уѣздъ, въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію („Мароа Посадница“), то вы будете моимъ благодѣтелемъ. Я-бы на досугѣ васъ раскритиковалъ. А то ничего не дѣлаю, даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровья Полевому! его второй томъ со мною и составляетъ мое утѣшеніе. Посылаю вамъ изъ Патмоса моего апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ В ѣ д о м о с т я х ъ; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы не объявлять н и к о м у моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ея, то перешлите Дельвигу, но также безъ моего имени и не моею рукою переписанную.

М. П. Погодину. — *Болдино, въ концѣ ноября.*—Я-было опять къ вамъ попытался: доѣхалъ до перваго карантина. Но на заставѣ смотритель, увидѣвъ, что я ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? Въ утѣшеніе нашелъ я ваше письмо и М а р ѳ у — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура!—Я-было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ—я все-таки при томъ-же мнѣніи: «Марѳа» имѣетъ европейское, высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученіе и наслажденіе. Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его—усѣченій, сокращеній—тьма. Но знаете-ли? и эта бѣда—не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность. Скоро-ли выйдетъ ваша „Марѳа“? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что некогда вамъ будетъ перемѣнять то, что̀ требуетъ перемѣны. До другого изданія. Покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто—разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ: Іоаннъ не сохраняетъ величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ-бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего. Вы принуждены были даже заставить его изъясниться слогомъ, нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное—остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана Великаго, что̀ и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь *А. П.*

P. S. О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые, вѣроятно, подымутъ его на царя (и подѣломъ), а вы ихъ послушайтесь. Для васъ-же пришлю я подробную критику надстрочную. Простите, до свиданія. Поклонъ Языкову.—Что̀ за прелесть сценаословъ!

Какъ вы поняли русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? а князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства шекспировскаго.

А. Н. Верстовскому.—*Болдино, въ концѣ ноября.*—Сегодня долженъ я былъ выѣхать изъ Болдина. Извѣстіе, что Арзамасъ снова оцѣпленъ, остановило меня еще на день. Надо было справиться порядкомъ и хлопотать о свидѣтельствѣ. Гдѣ ты досталъ краски для ногтей? Скажи Нащокину, чтобъ онъ непремѣнно былъ живъ, во-первыхъ, потому что онъ мнѣ долженъ; во-вторыхъ, потому что я надѣюсь быть ему долженъ; въ-третьихъ, что если онъ умретъ, не съ кѣмъ мнѣ будетъ въ Москвѣ молвить слова живого, т. е. умнаго и дружескаго. Итакъ, пускай онъ купается въ хлоровой водѣ, пьетъ мяту и по приказанію гр. Закревскаго (Мин. Внутр. Дѣлъ) не предается унынію (для чего не худо поссориться ему съ Павловымъ, яко съ лицомъ, уныніе наводящимъ).

Не можешь вообразить, какъ непріятно получать проколотыя письма: такъ шершаво, что невозможно...

Н. Н. Гончаровой (по французски).—*Болдино, 26 ноября.*—Судя по вашему письму отъ 19-го ноября, я вижу ясно, что мнѣ нужно объясниться. Я долженъ былъ оставить Болдино 1-го октября. Наканунѣ ѣду я верстъ за тридцать отсюда къ княгинѣ Голицыной, чтобы узнать въ точности число карантиновъ, какой путь самый краткій и пр. Такъ какъ ея деревня на большой дорогѣ, то княгиня взялась разузнать все доподлинно. На слѣдующій день, 1-го октября, возвратившись домой, я получаю извѣстіе, что холера распространилась до Москвы, что тамъ государь, и что ж и т е л и в с ѣ о с т а в и л и г о р о д ъ. Это послѣднее извѣстіе меня успокоило нѣсколько. Узнавъ, между тѣмъ, что выдавали свидѣтельства на свободный проѣздъ, или, по крайней мѣрѣ, на сокращенный срокъ карантина, я написалъ по этому предмету въ Нижній. Мнѣ отвѣчаютъ, что свидѣтельство будетъ мнѣ выдано въ Лукояновѣ (такъ какъ Болдино не заражено); въ то-же время меня извѣщаютъ, что в х о д ъ и в ы х о д ъ и з ъ М о с к в ы з а п р е щ е н ы. Эта послѣдняя новость и въ особенности неизвѣстность вашего пребыванія (я не получалъ писемъ ни отъ кого, начиная съ моего брата, который заботится обо мнѣ comme de l'an 40) останавливаютъ меня въ Болдинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, я могъ опасаться, или, лучше сказать, я надѣялся н е н а й т и васъ тамъ, и если-бы меня туда впустили, я б ы л ъ у б ѣ ж д е н ъ, ч т о м е н я н е в ы п у с т я т ъ о т т у д а. Между тѣмъ слухъ, что Москва опустѣла, подтверждался и успокоивалъ меня. Вдругъ я получаю отъ васъ маленькую записку, изъ которой узнаю, что вы вовсе и не думали выѣзжать. Я беру почтовыхъ лошадей, пріѣзжаю въ Лукояновъ; мнѣ отказываютъ въ выдачѣ паспорта, подъ тѣмъ предлогомъ, что я выбранъ для надзора за карантинами моего округа. Я рѣшился продолжать мой путь, пославъ жалобу въ Нижній. Переѣхавъ во владимірскую губернію, я вижу, что проѣздъ по большой дорогѣ запрещенъ, и никто объ этомъ ничего не зналъ: такой здѣсь порядокъ! Я возвратился въ Болдино, гдѣ и останусь, пока не получу паспорта и свидѣтельства, то есть до тѣхъ поръ, пока то будетъ угодно Богу. Итакъ, вы видите (если только вы соблаговолите мнѣ повѣрить), что мое пребываніе здѣсь вынужденное, что я вовсе не живу у княгини Голицыной, хотя и отдалъ ей визитъ, что мой братъ только старается оправдаться, если говоритъ, будто онъ писалъ мнѣ съ самаго начала холеры, и что вы несправедливо смѣетесь надо мной. Затѣмъ кланяюсь вамъ.

P.S. Абрамово—вовсе не деревня княгини Голицыной, какъ вы полагаете,—а станція въ 12-ти верстахъ отъ Болдина; Лукояновъ отстоитъ оттуда на 50.

Такъ какъ, повидимому, вы не расположены вѣрить мнѣ на слово, то посылаю вамъ два документа, доказывающихъ мое заточеніе. Я не передалъ вамъ и половины всѣхъ непріятностей, какія мнѣ пришлось извѣдать. Но я не даромъ забрался сюда. Если-бы я не былъ въ дурномъ расположеніи, ѣдучи въ деревню, я вернулся-бы въ Москву со второй станціи, гдѣ я уже узналъ, что холера опустошаетъ Нижній. Но тогда я и не думалъ поворачивать назадъ и главнымъ образомъ я тогда готовъ былъ радоваться чумѣ.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Платово, въ концѣ ноября.*—Вотъ и еще одинъ документъ. Переверните страницу.

Я остановленъ въ карантинѣ Платова. Меня не впускаютъ, потому что я на перекладной, такъ какъ экипажъ мой сломанъ. Умоляю васъ дать знать князю Дмитрію Голицыну о моемъ несчастномъ положеніи и просить его употребить свое вліяніе для моего пропуска въ Москву. Привѣтствую васъ отъ всего сердца, равно какъ и матушку, и все семейство. Надняхъ я писалъ вамъ письмо нѣсколько жесткое; но это потому, что у меня голова шла кругомъ,—простите мнѣ это письмо, ибо я въ немъ раскаяваюсь. Вотъ, я за 75 верстъ отъ васъ, и Богъ знаетъ, увижу-ли я васъ черезъ 75 дней.

P. S. Или вотъ что: вышлите мнѣ карету или коляску въ карантинъ Платова, на мое имя.

Н. Н. Гончаровой (по франц.).—*Платово, 2 декабря.*—Безполезно высылать мнѣ коляску: меня невѣрно извѣстили. Вотъ я и въ карантинѣ, съ перспективою оставаться въ плѣну 14 дней—послѣ чего надѣюсь быть у вашихъ ногъ.

Пишите мнѣ, умоляю васъ, въ Платовскій карантинъ. Боюсь, не разсердилъ-ли я васъ. Если-бы вы знали всѣ непріятности, какія я терплю изъ-за этой чумы, вы-бы простили меня. Въ минуту моего выѣзда, въ началѣ октября, меня назначаютъ окружнымъ инспекторомъ. Я непремѣнно принялъ-бы эту должность, если-бы въ то-же время не узналъ, что холера появилась въ Москвѣ. Мнѣ стоило большого труда отдѣлаться отъ инспекторства. Потомъ приходитъ извѣстіе, что Москва оцѣплена и въѣздъ запрещенъ. Затѣмъ—мои несчастныя попытки убраться; потомъ—извѣстіе, что вы не покидали Москвы; наконецъ—ваше послѣднее письмо, повергнувшее меня въ отчаяніе. Какъ вы имѣли духу написать его? Какъ вы могли думать, что я завязъ въ Нижнемъ ради этой sacrée княгини Голицыной? Знаете-ли вы эту кн. Голицыну? Она сама толста, какъ вся ваша семья вмѣстѣ, включая и меня. Не шутя, я чувствую себя способнымъ снова быть жесткимъ. Но, наконецъ, я въ карантинѣ и въ эту минуту не желаю ничего больше. Вотъ до чего мы дожили—что рады, когда насъ на двѣ недѣли посадятъ подъ арестъ въ грязной избѣ къ ткачу, на хлѣбъ да на воду!

Нижній больше не оцѣпленъ,—карантины бы-

ли уничтожены во Владимірѣ наканунѣ моего отъѣзда. Это не помѣшало мнѣ быть задержану послѣ, въ Сиваслейкѣ, такъ какъ губернаторъ не позаботился дать знать инспектору о снятіи карантина. Если-бы вы могли представить себѣ четвертую часть безпорядковъ, произведенныхъ карантинами, то вы все-таки не могли-бы понять, какъ можно отъ нихъ отдѣлаться. Простите. Мои почтительные поклоны матушкѣ. Сердечный привѣтъ вашимъ сестрамъ и m-r Serge.

П. А. Плетневу.—*Москва, 9 Декабря*—Милый! Я въ Москвѣ съ 5 декабря. Нашелъ тещу, озлобленную на меня, и насилу съ нею сладилъ, но—славу Богу—сладилъ. Насилу прорвался я и сквозь карантины: два раза выѣзжалъ изъ Болдина и возвращался. Но, славу Богу, сладилъ и тутъ. Пришли мнѣ денегъ, сколько можно болѣе: здѣсь Ломбардъ закрытъ, и я на мели. Что̀ Годуновъ? Скажу тебѣ (за тайну), что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что̀ я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина, восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того, написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Хорошо? Еще не все (весьма секретное, для тебя единаго): написалъ я прозою пять повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется, и которыя напечатаемъ также anonyme. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ. И такъ, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль,—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфетный билетецъ этого несноснаго Лавинья (четверостишіе Казиміра Делавиня на предполагавшійся памятникъ жертвамъ іюльскихъ дней. Дельвигу сдѣланъ былъ за это въ III Отдѣленіи строгій выговоръ, который отчасти былъ виною постигшей его вскорѣ смертной болѣзни). Но все-же Дельвигъ долженъ оправдаться передъ государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его Газетѣ не было и тѣни не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ, а то шпіоны-литераторы заѣдятъ его, какъ барана, а не какъ барона. Прости, душа: здоровъ будь—это главное.

П. В. Нащокину.—*Москва, въ декабрѣ.*—Сейчасъ ѣду Богу молиться (съ Гончаровыми) и взялъ съ собою послѣднюю сотню. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой татаринъ, и коли можешь, достань съ своей стороны тысячи двѣ.

Къ неизвѣстному лицу (черновое).—Я охотно взялся-бы выкупить векселя (но слѣдующіе вамъ 24,800 рублей обязанъ выплатить въ теченіе четырехъ лѣтъ); но срокъ онымъ векселямъ, по словамъ вашимъ, два года, а слѣдовательно... Я никакъ не въ состояніи, по случаю дурныхъ оборотовъ, заплатить вдругъ 25 тысячъ. Все, что̀ могу:—за вашъ 25-тысячный вексель выдать 20 съ вычетомъ 10% въ годъ, т. е. 18 тысячъ рублей. Въ такомъ случаѣ извольте отписать ко мнѣ, и я не премину, чрезъ васъ, или чрезъ кого вамъ будетъ угодно, доставить вамъ...

Неизвѣстной дамѣ (черновое, по французски).— Вы издѣваетесь надъ моимъ нетерпѣніемъ: вамъ доставляетъ особое удовольствіе приводить меня въ недоумѣніе; мнѣ удастся увидѣть васъ только завтра—пусть будетъ такъ! Я не могу однако заниматься только вами одними. Хотя видѣть и слышать васъ было-бы для меня блаженствомъ, я тѣмъ не менѣе предпочитаю писать вамъ, а не говорить. Въ васъ есть иронія и сарказмъ, которые озлобляютъ и отнимаютъ надежду. Въ вашемъ присутствіи нѣмѣетъ языкъ и чувствуется какое-то томленіе. Навѣрно, вы—демонъ, т. е. духъ сомнѣнья и отрицанья, какъ сказано въ Священномъ Писаніи. Недавно вы жестоко отозвались о прошломъ: вы сказали мнѣ, что я старался не вѣрить въ теченіе семи лѣтъ.. Зачѣмъ это? Счастье чувствовалось мною такъ полно, что я не узналъ его, когда оно было передо мной. Не говорите мнѣ болѣе о немъ, Бога ради. Сожалѣніе, когда все дѣлается извѣстнымъ, это острое сожалѣніе, соединенное съ какимъ-то сладострастіемъ, похоже на бѣшенство de...

Дорогая Элеонора, позвольте мнѣ назвать васъ этимъ именемъ, напоминающимъ мнѣ жгучія чтенія вмѣстѣ съ увлекавшимъ меня тогда сладкимъ призракомъ и вашу собственную жизнь, столь порывистую, бурную и отличную отъ того, чѣмъ-бы она должна была быть. Дорогая Элеонора, вамъ извѣстно, что я испыталъ на себѣ всю силу вашего обаянія и обязанъ вамъ тѣмъ, что̀ любовь имѣетъ самаго сладостнаго. Отъ всего этого у меня осталась одна привязанность — правда, очень нѣжная — и немного страха, котораго я не могу побороть въ себѣ. Если вамъ когда-нибудь попадутся на глаза эти строки, я знаю, что̀ вы тогда подумаете: «онъ оскорбленъ прошлымъ вотъ и все; онъ заслуживаетъ, чтобъ я его вновь...» Не правда-ли?

А между тѣмъ, если-бы я, принимаясь за перо, вздумалъ васъ просить о чемъ-нибудь, то я, право, не зналъ-бы — о чемъ. Да... развѣ о дружбѣ. Эта просьба была-бы вульгарна, какъ просьба нищаго о кускѣ хлѣба. На самомъ же дѣлѣ мнѣ нужна ваша интимность... А между тѣмъ вы все такъ-же хороши, какъ въ тотъ день, когда ваши губы коснулись моего лба. Я чувствую еще до сихъ поръ ихъ влажность я невольно превращаюсь въ правовѣрнаго; но вы будете... Эта красота подвигается какъ лавина; le monde aura votre âme—restez debout quelque temps encore, etc.

1831.

Н. А. Полевому.—*Москва, 1 января.*—М. Г. Николай Алексѣевичъ, искренно благодарю васъ за присылку Телеграфа; пріятное для меня доказательство, что наше литературное разногласіе не совсѣмъ разстроило наши прежнія сношенія. Жалѣю, что еще не могу доставить вамъ Бориса Годунова, который уже вышелъ, но мною не полученъ. Съ истиннымъ уваж. и пр. *Пушкинъ.*

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 9 января.*—Стихи твои—прелесть. Не хочется мнѣ отдать ихъ въ альманахъ; лучше отошлемъ ихъ Дельвигу. Обозы, поросята и бригадиръ удивительно забавны. Яковлевъ издастъ къ масляницѣ альманахъ «Блинъ». Жаль, если первый блинъ его будетъ комомъ. Не отдашь-ли ты ему Обозы, а Дѣвичій Сонъ Максимовичу? Яковлевъ тѣмъ еще хорошъ, что отмѣнно храбръ и готовъ

намазать свой блинъ жиромъ Булгарина и икрою Полевого. Пошли ему свои сатирическія статьи, коли есть. Знаешь-ли ты, какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на Телеграфъ, да билетъ на Телескопъ отъ издателей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ Пчелѣ предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ. Все это прекрасно, однако жаль: въ Борисѣ моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное. Сѣв. Цвѣты что-то блѣдны. Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглый годъ ничего самъ не писавшій и издавшій свой альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ? На дняхъ я у тебя буду. Съ удовольствіемъ привезу и шампанское; радуюсь, что бутылка за мною. Съ Полиньякомъ я помирился. Его вторичное заточеніе въ Венсенѣ, меридіанъ, начертанный на полу его темницы, чтеніе Вальтеръ-Скотта, все это романически трогательно, а все-таки палата права. Рѣчами адвокатовъ я недоволенъ—всѣ они робки. Одинъ Ламенэ въ состояніи былъ-бы aborder bravement la question. О Польшѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Я видѣлъ письмо Чичерина къ отцу, гдѣ сказано: il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre. Здѣсь нѣкто бился объ закладъ, бутылку V. C. P. (марка) противу тысячи руб., что Варшаву возьмутъ безъ выстрѣла. Денисъ здѣсь. Онъ написалъ краснорѣчивый Eloge Раевскаго. Мы совѣтуемъ написать ему жизнь его. Кирѣевскій нашъ здѣсь. Вечоръ видѣлъ его. Лиза (Хитрово) пишетъ мнѣ отчаянное политическое письмо. Кажется, послѣднія происшествія произвели на петербургское общество сильное дѣйствіе. Еслибъ я былъ холостъ, то съѣздилъ-бы туда. Новый годъ встрѣтилъ я съ цыганами и съ Танюшей, настоящій Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ: «пріѣхали сани»:

Д—Митюша Давыдовъ съ ноздрями,
В—Петруша Вяземскій съ очками,
Г—Ѳедюша Гагаринъ съ усами,
Дѣвокъ испугали
И всѣхъ разогнали и пр.

Знаешь-ли ты эту пѣсню? Addio, поклонъ всѣмъ твоимъ. До свиданія.

П. А. Плетневу.—*Москва, 7-го января.*—Что съ тобою, душа моя? Какъ побранилъ ты меня въ сентябрѣ за мою хандру, съ тѣхъ поръ нѣтъ мнѣ о тебѣ ни слуха, ни духа. Деньги (2000) я получилъ. Прелестное изданіе Бориса видѣлъ. Посланіе твое къ Гнѣдко (Гнѣдичу) прочелъ; отвѣтъ его не прочелъ. Знаю, что ты живъ—а писемъ отъ тебя все нѣтъ. Ужъ не запретилъ-ли тебѣ ген.-губернаторъ имѣть со мною переписку? Чего добраго! Ужъ не сердишься-ли? Кажется, не за что. Отвѣчай-же мнѣ, а не то буду безпокоиться.

Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ съ своими крестьянами, мы трудимся—а онъ сидитъ на с... да насъ побраниваетъ. Нехорошо и неблагоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза, и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь!—Бѣдный Глинка работаетъ, какъ батракъ, а проку все нѣтъ. Кажется мнѣ, онъ съ горя рехнулся. Кого вздумалъ просить къ себѣ въ кумовья (Бога)! . . . . .

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Я до сихъ поръ отъ дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!

Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальт. Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? крикъ друзей моихъ? мнѣніе двора?—Какъ-бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то-ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ риѳмъ—не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно, и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту, и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!...» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ которыхъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло: прочіе—попугаи или сороки Инзовскія, которыя картавятъ одну имъ затверженную— —Прости, мой ангелъ!—Поклонъ тебѣ, поклонъ и всѣмъ вамъ. Кстати: поэма Баратынскаго—чудо. Addio

---

П. А. Плетневу. *Москва, 13 января.* Пришли мнѣ, мой милый, экземпляровъ 20 Бориса для московскихъ прощалыгъ: не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

Душа моя, вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь въ семъ мѣсяцѣ, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ вамъ. Я не люблю московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь—какъ тетки хотятъ. Теща моя—та-же тетка. То-ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, «что скажетъ Марья Алексѣевна». Что Газета наша? Надобно намъ о ней п о д у м а т ь. Подъ конецъ она была очень вяла. Иначе и быть нельзя: въ ней отражается русская литература. Въ ней говорили подъ конецъ объ одномъ Булгаринѣ; такъ и быть должно: въ Россіи пишетъ одинъ Булгаринъ. Вотъ текстъ для славной филиппики. Кабы я не былъ лѣнивъ, да не былъ женихъ, да не былъ очень добръ, да умѣлъ-бы читать и писать, то я бы каждую недѣлю писалъ обозрѣніе литературное,—да лихъ терпѣнія нѣтъ, злости нѣтъ, времени нѣтъ, охоты нѣтъ. Впрочемъ, посмотримъ.

Деньги, деньги: вотъ главное. Пришли мнѣ денегъ, и я скажу тебѣ спасибо. Да что-жъ ты не пишешь ко мнѣ, безсовѣстный?

А. Х. Бенкендорфу.—*Москва, 18 января.*—Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось-бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно ваше пр—во, какъ

голосъ высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, въ половинѣ января.* Постараюсь взять отпускъ и пріѣхать на именины къ тебѣ. Но не обѣщаюсь. Братъ вѣроятно будетъ. Толстой къ тебѣ собирается. Вчера видѣлъ я кн. Юсупова и исполнилъ твое препорученіе, допросилъ его о Фонвизинѣ и вотъ чего добился. Онъ очень зналъ Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'etait un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ. А покамѣстъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: Майковъ, трагикъ, встрѣтя Фонвизина, спросилъ у него, заикаясь по своему обыкновенію: видѣлъ-ли ты мою Агріону? Видѣлъ. Что-жъ ты скажешь объ этой трагедіи?—Скажу: Агріона... Остро и неожиданно! Не правда-ли? Помѣсти это въ біографію, а я скажу тебѣ спасибо. Что̀ до Телескопа (другая Агріопа), то у меня его покамѣстъ нѣту. Да напиши къ Салаеву, чтобы онъ тебѣ всю эту дрянь послалъ. Твою статью о Пушкинѣ (В. Л.) пошли къ Дельвигу. Что̀ ты чужихъ прикармливаешь? Свои голодны. Максимовичу однакожъ отдаль Обозы, скрѣпя сердце. Кланяюсь княгинѣ и благодарю за любезный зовъ. О Польшѣ не слыхать. Въ Англіи, говорятъ, бунтъ: чернь сожгла домъ Веллингтона. Въ Парижѣ тихо. Въ Москвѣ также.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, 20 января.*—Вчера получили мы горестное извѣстіе изъ Петербурга: Дельвигъ умеръ гнилою горячкою. Сегодня ѣду къ Салтыкову, онъ, вѣроятно, уже все знаетъ. Оставь Адольфа (романъ) у меня—на дняхъ перешлю тебѣ нужныя замѣчанія.

Арабъ (женскаго рода не имѣетъ)—житель или уроженецъ Аравіи, аравитянинъ. Караванъ былъ разграбленъ степными арабами—Арапъ, жен. арапка, такъ обыкновенно называютъ негровъ и мулатовъ. Дворцовые арапы: негры, служащіе во дворцѣ. Онъ выѣзжаетъ съ тремя нарядными арапами.—Арапникъ, отъ польскаго herapnik (le harap, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. Reiff). NB. Harap vient de Herab.

А право, не худо-бы взяться за лексиконъ, или хоть за критику лексиконовъ.

П. А. Плетневу.—*Москва, 21 января.*—Что̀ скажу тебѣ, мой милый! ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—вотъ и все.

Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, который сильно пораженъ его смертью. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь-же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ.—Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы.

Кн. П. А. Вяземскому.—*Москва, конецъ января.*—Къ тебѣ собяраюсь. Но по службѣ долженъ провести сегодняшній и завтрашній день въ Москвѣ у невѣсты. «Сѣв. Цвѣты» еще не получилъ. «Борисъ Годуновъ» здѣсь, но у меня его еще нѣтъ. Поклонъ мой всѣмъ вамъ.

П. А. Плетневу.—*Москва, 31 января.*—Сейчасъ получилъ 2000 р., мой благодѣтель. Satis est, domine, satis est. На сей годъ денегъ мнѣ болѣе не нужно. Отдай Софіи Михайловнѣ (Дельвигъ) остальныя 4000 р.—и тебя болѣе безпокоить не буду.

Бѣдный Дельвигъ! Помянемъ его Сѣверными Цвѣтами—но мнѣ жаль, если это будетъ ущербъ Сомову. Онъ былъ искренно къ нему привязанъ—и смерть нашего друга едва-ли не ему всего тяжелѣе: чувства души слабѣютъ и мѣняются; нужды жизненныя не дремлютъ.

Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ—былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго—съ нимъ толковалъ обо всемъ, что̀ душу волнуетъ, что сердце томитъ. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ-же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами.—Отвѣчай мнѣ на это.

Вижу по письму твоему, что Туманскій въ Петербургѣ,—обними его за меня. Полюби его, если ты его еще не любишь. Въ немъ много прекраснаго, не смотря на нѣкоторыя мелочи характера малороссійскаго.

Что̀ за мысль пришла Гнѣдичу посылать свои стихи въ Сѣв. Пчелу? Радуюсь, что Гречъ отказался.—Какъ можно чертить миѳологическое надгробіе въ н.....ѣ? И что̀ есть общаго между поэтомъ Дельвигомъ и г—чистомъ полицейскимъ Ѳаддеемъ?

Милый мой, еще просьба: съѣзди къ St.-Florent (т. е. къ его преемнику) и расплатись съ нимъ за меня—я, помнится, долженъ ему около 1000 р. Извини меня передъ нимъ—я было совсѣмъ о немъ забылъ.—Что̀ вдова?

М. П. Погодину.—*Москва, февраль.*—Вотъ вамъ Борисъ. Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Никодиму Надоумкѣ, приславшему мнѣ билетъ на Телескопъ. Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?) Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что Годуновъ имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковинка.—Выдавайте-жъ «Марѳу».

Н. И. Кривцову.—*Москва, 10-го февраля.*—Посылаю тебѣ, милый другъ, любимое мое сочиненіе (Бориса Годунова). Ты нѣкогда баловалъ первые мои опыты, будь благосклоненъ и къ произведеніямъ болѣе зрѣлымъ. Что̀ ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Нынѣшней осенью былъ я недалеко отъ тебя. Мнѣ брюхомъ захотѣлось съ тобою увидѣться и поболтать о старинѣ. Карантины мнѣ помѣшали. Такимъ образомъ, Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги,

а я женатъ, или почти. Все, что-бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes. Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому-же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски. Тебѣ и своей довольно. Пиши мнѣ на Арбатъ, въ д. Хитровой. Надняхъ получилъ я чрезъ Вяземскаго твое письмо, писанное въ 1824 г. Благодарю, но не отвѣчаю.

П. А. Плетневу. — *Москва, 16 февраля.* — Черезъ нѣсколько дней я женюсь и представляю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38,000 р. и вотъ имъ распредѣленіе: 11,000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобъ дочь ея была съ приданымъ: пиши пропало. 10,000 — Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17,000 на обзаведеніе и житіе годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя, а дѣлать нечего. Теперь понимаешь-ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ—я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мои повѣсти; перешлю тебѣ на второй недѣлѣ, а къ Святой и тиснемъ.

Что баронесса? Я писалъ Хитровой о братьяхъ Дельвига. Спроси у нея, каковы ея дѣла, и отецъ мой заплатилъ-ли долгъ Дельвигу? Не продастъ-ли она мой портретъ? Мнѣ пишутъ, что ея здоровье плохо, а она пишетъ Михайлу Александровичу (Салтыкову, ея отцу), что она здорова. Кто правъ? Что-жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не на шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей—изложенія его мнѣній—анекдотовъ, разбора его стиховъ &.

А. Н. Гончарову. — *Москва, 24 февраля.* — Милостивый государь, дѣдушка Афанасій Николаевичъ! Спѣшу извѣстить васъ о счастіи моемъ и препоручить себя вашему отеческому благорасположенію, какъ мужа безцѣнной внучки вашей, Натальи Николаевны. Долгъ нашъ и желаніе были-бы ѣхать къ вамъ въ деревню; но мы опасаемся васъ обезпокоить и не знаемъ, въ пору-ли будетъ наше посѣщеніе. Дмитрій Николаевичъ (старшій братъ Натальи Николаевны) сказывалъ мнѣ, что вы все еще тревожитесь насчетъ приданаго; моя усиленная просьба состоитъ въ томъ, чтобъ вы не разстроивали для насъ уже разстроеннаго имѣнія: мы-же въ состояніи ждать. Что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и искренно сыновней преданностію имѣю счастіе быть, милостивый государь дѣдушка, вашимъ покорнѣйшимъ слугою и внукомъ. *А. Пушкинъ.*

—

П. А. Плетневу. — *Москва, 24 февраля.* — Мой милый, я очень безпокоюсь о тебѣ. Говорятъ въ Петербургѣ гриппъ: боюсь за твою дочку. На всякій случай, жду отъ тебя письма.

Я женатъ — и счастливъ. Одно желаніе мое, чтобъ ничего въ жизни моей не измѣнилось: лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился. Посылаю вамъ визитную карточку: жены дома нѣтъ, и потому не сама она рекомендуется Степанидѣ Александровнѣ (женѣ Плетнева).

Прости, мой другъ. Что баронеса? Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія. Обнимаю тебя и Жуковскаго. Изъ газетъ узналъ я новое назначеніе Гнѣдича (въ члены Главнаго Управленія училищъ). Оно дѣлаетъ честь государю, котораго искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по-царски. Addio. Будьте-жъ всѣ здоровы.

—

Н. И. Хмѣльницкому. — *Москва, 6 марта.* — М. Г. Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я-бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую Библіотеку, но вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра; а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ.*

P. S. Давъ оффиціальный отвѣтъ на оффиціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощеніе, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но не ссорьте меня съ смоленскимъ губернаторомъ, котораго, впрочемъ, я уважаю столь-же, сколько васъ люблю. Весь вашъ

П. А. Плетневу. — *Москва, 26 марта.* — Что это значитъ, душа моя? ты совершенно замолкъ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ отъ тебя ни строчки не вижу. Ужъ не послѣдовало-ли вновь тебѣ отъ ген.-губернатора милостивое запрещеніе со мною переписываться? Чего добраго! Не боленъ-ли ты? все-ли у тебя благополучно? или просто лѣнишься, да понапрасну друзей своихъ пугаешь? Покамѣстъ вотъ тебѣ подробное донесеніе обо мнѣ, о домашнихъ моихъ обстоятельствахъ и о намѣреніяхъ. Въ Москвѣ остаться я никакъ не намѣренъ; причины тому тебѣ извѣстны,—и каждый день новыя прибываютъ. Послѣ Святой отправлюсь въ Петербургъ. Знаешь-ли что? мнѣ мочи нѣтъ, хотѣлось-бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и о с е н ь, такимъ образомъ, провелъ-бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домá, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ, Двора нѣтъ — квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя,

видѣлся-бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также—Петербургъ подъ бокомъ, жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше? Подумай объ этомъ на досугѣ, да и перешли мнѣ свое рѣшеніе. Книги Белизара (фр. книгопродавецъ) я получилъ и благодаренъ. Прикажи ему прислать мнѣ еще Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare въ домъ Хитровой на Арбатѣ. (Домъ сей нанялъ я въ память своей Элизы; скажи это южной ласточкѣ, смуглорумяной красотѣ нашей (А. О. Россетти). Сомову скажи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ, если можетъ, Лит. Газету за прошлый годъ (за нынѣшній не нужно, самъ за нимъ пріѣду), да и Сѣв. Цвѣты, послѣдній памятникъ нашего Дельвига; объ альманахѣ переговоримъ. Я не прочь издать съ тобою послѣдніе С. Цвѣты. Но затѣваю и другое, о которомъ также переговоримъ. Мнѣ сказывали, что Жуковскій очень доволенъ «Марѳой Посадницей». Если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ, у Бенкендорфа или у кого ему буденъ угодно, позволеніе напечатать всю драму, произведеніе, чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неравенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ — очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, котораго куда-бы не худо посадить на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была-бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ. О своихъ меркантильныхъ обстоятельствахъ скажу тебѣ, что благодаря отца моего, который далъ мнѣ способъ получить 38.000 р., я женился и обзавелся кой-какъ хозяйствомъ, не входя въ частные долги. На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію оттого, что ихъ дѣла разстроены, частію и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны, я поступилъ честно и болѣе нежели безкорыстно. Не хвалюсь и не жалуюсь, ибо женка моя - прелесть не по одной наружности, и я не считаю пожертвованіемъ того, что долженъ былъ сдѣлать. Итакъ, до свиданія, мой милый.

Л. С. Пушкину — *Москва, 6 апрѣля.* — Все было рѣшено. Ждали только отвѣта отъ гр. Паскевича, какъ Бенкендорфъ получилъ о тебѣ изъ Москвы un raport défavorable. Нравоучительныхъ примѣчаній дѣлать я не намѣренъ; но кабы ты не былъ болтунъ и не напивался-бы съ французскими актерами у Яра, вѣроятно ты могъ-бы уже быть на Вислѣ. Въ Чугуевѣ тебѣ мѣшкать невозможно. Немедленно поѣзжай въ свой полкъ и жди тамъ рѣшенія своей участи. Дай Богъ, чтобъ эта шутка не стоила тебѣ вѣчнаго пребыванія въ Грузіи.

П. А. Плетневу. - *Москва, 11 апрѣля.* — Воля твоя, ты несносенъ: ни строчки отъ тебя не дождешься. Умеръ ты, что-ли? Если тебя уже нѣтъ на свѣтѣ, то, тѣнь возлюбленная, кланяйся отъ меня Державину и обними моего Дельвига. Если-же ты живъ, ради Бога, отвѣчай на мои письма. Пріѣзжать-ли мнѣ къ вамъ, остановиться-ли въ Царскомъ Селѣ, или мимо скакать въ Петербургъ или Ревель? Москва мнѣ слишкомъ надоѣла. Ты скажешь, что и Петербургъ малымъ чѣмъ лучше; но я, какъ Артуръ Потоцкій, которому предлагали рыбу удить: j'aime mieux m'ennuyer autrement. Мнѣ кажется, что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго - и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ Жизнь Фонвизина, книгу, едва-ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзина). Петръ Ивановичъ (Романъ Булгарина «П. И. Выжигинъ») пришлылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое я еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ привезу, потому и не посылаю.

Что баронесса? О тебѣ говорила мнѣ Жихарева. Анекдотъ о билетцахъ—прелесть! Христосъ воскресъ!

Ii. А. Плетневу. — *Москва, въ апрѣлѣ.* — Ты правъ, любимецъ музъ—должно быть аккуратнымъ, хотя эта и нѣмецкая добродѣтель; не худо быть и умѣреннымъ, хотя Чацкій и смѣется надъ этими двумя талантами. И такъ, вотъ тебѣ пунктуальные отвѣты на твои запросы. Деларю слишкомъ гладко, слишкомъ правильно, слишкомъ чопорно пишетъ для молодого лицеиста. Въ немъ не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это - второй томъ Подолинскаго. Впрочемъ, можетъ быть, онъ и разовьется. О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ. Отлагаю чтеніе до Царскаго Села, гдѣ ради Бога найми мнѣ фатерку—насъ будетъ: мы двое, 3 или 4 человѣка, да 3 бабы. Фатерка чѣмъ дешевле, тѣмъ, разумѣется, лучше—но вѣдь 200 рублей лишнихъ насъ не разорятъ. Садика намъ не будетъ нужно, ибо подъ бокомъ будетъ у насъ садище. А нужна кухня, да сарай. Вотъ и все. Ради Бога, скорѣе-же! И тотчасъ давай намъ и знать, что все-де готово, и милости просимъ пріѣзжать; а мы тебѣ какъ снѣгъ на голову.

Обними Жуковскаго за участіе, въ которомъ я никогда не сомнѣвался. Не пишу ему, потому что не привыкъ съ нимъ переписываться. Съ нетерпѣніемъ ожидаю новыхъ его балладъ. И такъ, «былое съ нимъ сбывается опять» (Изъ Жуковскаго). Слава Богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады: переводы или сочиненія? Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ ирландскимъ и германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ; прелесть простоты и вымысла!

Перечитываю письмо и вижу, что я н е а к у р а т н о отвѣчалъ тебѣ на вопросы: 1) гдѣ? 2) насколько времени? и 3) во сколько комнатъ нужна мнѣ квартира? - Отвѣты: 1) На какой-бы то ни было улицѣ Царскосельской. 2) До января, и потому квартира должна быть теплая. 3) Былъ-бы особый кабинетъ,—а прочее мнѣ все равно.

Засимъ обнимаю тебя, благодаря заранѣе

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ маѣ.* — Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и надняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ сейчасъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. Надняхъ отправляю тебѣ 2000 р. для Горчакова; не знаю, получилъ-ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что ты дѣлаешь, душка? Что̀ твоя хозяйка? Что̀ Марья Ивановна (быв. экономка), спровадилъ-ли ты ее? И что̀ твои хлопоты касательно моего дома (старая квартира) и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ маѣ.* — Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня предъ Горчаковымъ, онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вяземскаго, то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ-ли у него здѣсь долговъ, или не хранить-ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 1 іюня.* — Вотъ уже недѣля, какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ Марьей Ивановной и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я-бы передалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому пріостановился. Теперь, кажется, все сладилъ и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ-ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной? У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, Кат. Ив. Загряжской, и я рекомендовалъ его, какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка (А. Н. Гончаровъ) его не вадулъ — смотри за нимъ. Что̀ твои домашнія обстоятельства? Не отыскался-ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села пріѣхалъ-бы я на эту свадьбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ Ольги Андреевны (цыганки, жившей у Нащокина), и увезъ-бы тебя въ Петербургъ. То-то-бы зажили! Опять-бы завелись и арапы, и карлики, и сотернъ, и пр. — Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другого. Мы съ женой тебя всякій день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что̀ Вяземскаго тысяча?

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 11 іюня.* — Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются-ли письма? Пожалуйста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй, съ Рахмановымъ кончи поскорѣе, Ольгу Андреевну сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской; насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы — и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильно и о томъ, что Храповицкаго будто-бы повѣсили. Ужасно, но надѣюсь, неправда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда-ли, что въ Твери карантины? Экій годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, въ іюнѣ.* — Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 іюня. Не знаю, отвѣчалъ ли я тебѣ на него: на всякій случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю. Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ-же когда-нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Царское Село оцѣплено — такъ, какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и теща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ (Поливановъ)? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ досыта. Воображаю его въ «Заводахъ» en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну ходуномъ ходящую около дочерей, крѣпко-накрѣпко заключенныхъ. Что̀ Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али нѣтъ? Ты-то что̀ самъ? И скоро-ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

П. В. Нащокину — *Царское Село, 26 іюня.* — Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что̀ это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ Петербургѣ холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ, равнодушныхъ москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть; отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло цесаревича везутъ, также и Дибичево. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ-ли Догановскій (картежникъ)? Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ, на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяземскаго получилъ письмо;

свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую надняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Царскомъ Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ пирожнаго, а деньги все-таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ-ли ты съ горя? Кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ Петербургомъ, какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той-же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа (портрета). Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру (врачу). Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи (къ чину). Кланяюсь и Есаулову (музыкантъ). Пришли мнѣ его романсъ, исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь Ольгѣ Андреевнѣ, Матренѣ Сергѣевнѣ (московскія цыганки) и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шелка. Все холера виновата.

Н. И. Гончаровой (по-французски). *Царское Село, 26 іюня.* Милостивая государыня, я вижу изъ письма, которое вы написали Натали, что вы очень недовольны мною, вслѣдствіе того, что я сообщилъ Аѳанасію Николаевичу притязанія г-на Поливанова. Мнѣ кажется, я говорилъ сперва вамъ объ этомъ. Это вовсе не мое дѣло сватать дѣвицъ, и будетъ-ли предложеніе г-на Поливанова принято, или нѣтъ,—это мнѣ рѣшительно все равно; но вы замѣчаете къ тому, что мой поступокъ не дѣлаетъ мнѣ чести. Это выраженіе оскорбительное, и, осмѣливаюсь сказать, я никогда не заслуживалъ его.

Я былъ вынужденъ оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ-концовъ могли-бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе: меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены подчиняться тому, что̀ я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить.

При моемъ отъѣздѣ изъ Москвы, вы не сочли нужнымъ говорить со мною о дѣлахъ; вы предпочли отшутиться на счетъ возможности развода или чего-нибудь въ этомъ родѣ. Между тѣмъ, мнѣ необходимо знать окончательно ваше рѣшеніе относительно меня. Я не говорю о томъ, что̀ предполагалось сдѣлать въ отношеніи Натали; это меня не касается, и я никогда объ этомъ не думалъ, не смотря на мою жадность. Я разумѣю 11,000 руб., которые я далъ взаймы. Я не требую уплаты, и нисколько не тороплю васъ. Я хочу только знать навѣрное, что̀ вы предполагаете по этому поводу сдѣлать, съ тѣмъ, чтобы и съ своей стороны принять нужныя мѣры

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

М. П. Погодину. *Царское Село, въ іюнѣ.* — Сердечно благодарю васъ и за письмо, и за старую Статистику. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю, какъ доставить экземпляры, слѣдующіе великимъ князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено; оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ царскому семейству. Въ такомъ случаѣ, Жуковскій будетъ сюда, и я дождусь его, чтобъ вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ—самый неаккуратный корреспондентъ и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ. Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша не поступила еще въ продажу. Вяземскій сказалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать и непремѣнно буду писать при первомъ случаѣ объ этомъ къ Блудову. Холера и смерть цесаревича насъ совершенно смутила. Дайте образумиться.

Пишите П е т р а; не бойтесь его дубины. Въ его время вы были-бы однимъ изъ его помощниковъ; въ наше время будьте хоть живописцемъ. Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Полевымъ, который долженъ рано или поздно... ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды Полевого.

Пишите ко мнѣ прямо въ Царское или Сарское Село. Отъ Смирдина отдѣленъ я карантиномъ. Вашихъ порученій касательно книгъ покамѣстъ не могу выполнить по многимъ причинамъ. Простите, до свиданія.

П. А. Осиповой (по франц.) *Ц. Село, 29 іюня.*— Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ (Вульфъ) всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо, столь благородное и кроткое.

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовалъ нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ: «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно, и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если-бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ-бы васъ, какъ добрую сосѣдку и добраго друга моего, увѣдомить меня, нельзя-ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ-бы здѣсь избушку, помѣстилъ-бы свои книги и пріѣзжалъ-бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ старыхъ и добрыхъ друзей. Что̀ вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкинѣ? Что̀ до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли, и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ отъ жены

моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее представить.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 3 іюля.* — Скажи мнѣ, сдѣлай одолженіе, живъ-ли ты? Что ты намѣренъ дѣлать? Что наши? Экія страсти! Господи Іисусе Христе?

Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ, или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины.

Знаешь-ли что? Я живъ и здоровъ.

P. S. Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т. е. сочиненія покойника Бѣлкина, славнаго малаго. Что прикажешь съ ними дѣлать? Печатать-ли намъ самимъ, или сторговаться со Смирдинымъ? R. S. V. P.

Жена моя кланяется твоей и желаетъ вамъ здравія.

П. Я. Чаадаеву (по франц.). — *Ц. Село, 6 іюля.* — Другъ мой, я буду говорить съ вами на языкѣ Европы; онъ мнѣ знакомѣе нашего, и мы будемъ продолжать наши бесѣды, начавшіяся когда-то въ Царскомъ Селѣ и такъ часто прерывавшіяся.

Вы знаете, что дѣлается у насъ въ Петербургѣ; народъ вообразилъ, что его отравляютъ. Газеты истощаются въ увѣщаніяхъ и протестахъ; но, къ несчастью, народъ не умѣетъ читать, и кровавыя сцены готовы возобновиться. Мы окружены въ Царскомъ Селѣ и Павловскомъ и не имѣемъ никакого сообщенія съ Петербургомъ. Вотъ отчего я не видалъ ни Блудова, ни Белизара. Ваша рукопись все еще у меня; не хотите-ли вы, чтобы я отослалъ ее вамъ; но что вы станете дѣлать съ нею въ Некрополисѣ (Москвѣ)? Оставьте мнѣ ее еще на нѣсколько времени. Я только-что перечиталъ ее; мнѣ кажется, что начало очень связано съ предшествовавшими разсужденіями и съ идеями гораздо ранѣе развитыми, болѣе ясными и положительными для васъ, но не для читателя. Поэтому первыя страницы нѣсколько темны, и я думаю, что вы сдѣлаете лучше, если замѣните ихъ простымъ примѣчаніемъ, или сдѣлаете изъ нихъ извлеченіе. Я готовъ былъ также замѣтить вамъ безпорядокъ и отсутствіе метода во всей статьѣ, но разсудилъ, что это вѣдь письмо и что этотъ родъ извиняетъ и уполномочиваетъ и эту небрежность и это laisser aller. Все, что вы говорите о Моисеѣ, Римѣ, Аристотелѣ, идеѣ истиннаго Бога, древнемъ искусствѣ, протестантизмѣ, все это изумительно по силѣ, правдѣ и краснорѣчію. Все, что является портретомъ и картиной — все широко, блестяще и грандіозно. Съ взглядомъ вашимъ на исторію, мнѣ совершенно новымъ, я однако-жъ не могу всегда соглашаться: напримѣръ, я не понимаю ни вашего отвращенія къ Марку-Аврелію, ни вашего предпочтенія Давиду [псалмамъ котораго удивляюсь и я, если только еще они имъ и написаны]. Не вижу я также, отчего сильная и наивная живопись политеизма возмущаетъ васъ въ Гомерѣ. Не говоря уже о поэтическомъ достоинствѣ, это и по вашему признанію великій историческій памятникъ. Да и все, что ни представляетъ кроваваго Иліада, развѣ тоже не находится въ Библіи? Вы видите христіанское единство въ католицизмѣ, то есть въ папѣ. Не въ идеѣ-ли оно Христа, которая есть и въ протестантизмѣ? Первая идея была монархическою, потомъ сдѣлалась республиканскою. Я дурно выражаюсь, но вы поймете меня. Пишите-же мнѣ, другъ мой, если-бы даже вамъ пришлось бранить меня. Лучше, говоритъ Екклезіастъ, слушать наставленія мудраго, нежели пѣсни безумца

П. А. Плетневу. — *Царское Село, 16 іюля.* — Я надоѣдалъ тебѣ письмами и не зналъ о твоемъ огорченіи. Вчера только сказали мнѣ о смерти нашего добраго и умнаго слѣпца (статсъ-секретаря Молчанова). Зная твою привязанность къ покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ, пустѣй дорога передъ нами. Тяжелое время, тяжелый годъ! По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь, зная, что ты въ своемъ Патмосѣ безвреденъ и недостижимъ. Мы, уже обстрѣленные въ Москвѣ и Нижнемъ, равнодушно слышали приближающуюся перестрѣлку. Но сколько знакомыхъ жертвъ! Однакожъ, кромѣ Молчанова, никого близкаго къ сердцу, кажется, не потеряли. У насъ въ Ц. С. все суетится, ликуетъ, ждутъ разрѣшенія царицы; ждутъ добрыхъ вѣстей отъ Паскевича; ждутъ прекращенія холеры. Съ моей стороны жду твоего письма; увѣренъ, что ты и всѣ твои здоровы, такъ какъ я всегда былъ увѣренъ въ жизни и здоровьѣ своемъ и своихъ.

П. А. Плетневу. — *Царское Село, въ іюлѣ.* — Дворъ пріѣхалъ, и Царское Село закипѣло и превратилось въ столицу. Грустно мнѣ было услыхать отъ Жуковскаго, что тебя сюда не будетъ. Но — такъ и быть: сиди себѣ на дачѣ и будь здоровъ. Россети черноокая хотѣла тебѣ писать, безпокоясь о тебѣ но Жуковскій отсовѣтовалъ, говоря: онъ живъ, — чего-же вамъ больше? Однако, она поручила-было мнѣ переслать къ тебѣ 500 р. какой-то запоздалой пенсіи. Если у тебя есть мои деньги, то заплати изъ нихъ и дай мнѣ знать сюда, а эти 500 р. я возьму съ нея.

На дняхъ отправилъ я тебѣ черезъ Эслинга (быв. лицеистъ) повѣсти покойнаго Бѣлкина, моего пріятеля; получилъ-ли ты ихъ? предисловіе доставлю послѣ. Отдай ихъ въ цензуру земскую, не удѣльную, да и снюхаемся съ Смирдинымъ; я такого мнѣнія, что эти повѣсти могутъ доставить намъ 10,000, и вотъ какимъ образомъ

2000 экз. по 6 р. — 12,000.
1000 р. за печать,
1000 р. процентовъ.
итого 10,000.

Что-же твой планъ Сѣв. Цвѣтовъ въ пользу братьевъ Дельвига? Я даю въ нихъ Моцарта и нѣсколько мелочей. Жуковскій даетъ свою гекзаметрическую сказку (о царѣ Берендеѣ). Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища. Онъ въ своей деревнѣ. Отъ тебя стиховъ не дождешься; если бы-ты собрался, да написалъ что нибудь о Дельвигѣ, то-то было-бъ хорошо! Во всякомъ случаѣ, проза нужна; коли ты ничего не дашь, такъ она сядетъ на мель. Обозрѣнія словесности не надобно: чортъ-ли въ нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина, — кстати-ли такая аллилуія на могилѣ Дельвига? Подумай обо всемъ этомъ хорошенько, да и распорядись, — а издавать уже пора, т. е. приготовляться къ изданію. Будьте здоровы всѣ. Христосъ съ вами.

А. Х. Бенкендорфу (черновое). *Царское Село, въ іюлѣ.* Заботливость истинно-отеческая государя императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями его величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Я всегда готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей. Мой настоящій чинъ (тотъ самый, съ

которымъ я выпущенъ изъ Лицея), къ несчастію, будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 г. Мнѣ слѣдовало за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Бывшіе мои начальники забыли о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то, что слѣдовало...

Если государю императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностью и усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ)—и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо.

Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... Пускай позволятъ намъ русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся-бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались-бы политическія и заграничныя новости, около котораго соединилъ-бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію. Осмѣливаюсь также просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ.

Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III.

Просьба Пушкина на имя Бенкендорфа о разрѣшеніи ему и Дельвигу издавать политическую газету.

Десять лѣтъ тому назадъ литературою занималось у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе, но еще не отрасль промышленности; читателей еще было мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-какихъ романовъ и перепечатываніемъ сонниковъ и пѣсенниковъ.

Человѣкъ, имѣвшій важное вліяніе на русское просвѣщеніе, посвятившій жизнь единственно на ученые труды, Карамзинъ первый показалъ опытъ торговыхъ оборотовъ въ литературѣ. Онъ и тутъ (какъ и во всемъ) былъ исключеніемъ изъ всего, что мы привыкли видѣть у себя.

Несчастныя обстоятельства, сопровождавшія восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго императора, обратили вниманіе Его Величества на сословіе писателей. Онъ нашелъ сіе сословіе совершенно преданнымъ на произволъ судьбѣ и притѣсненіямъ цензуры. Даже не было закона касательно собственности литературной. За годъ передъ симъ я не могъ найти нигдѣ управы, лишаясь трехъ тысячъ рублей черезъ перепечатаніе одного изъ моихъ сочиненій (что было еще первый примѣръ плутовства). Огражденіе литературной собственности и цензурный уставъ принадлежатъ къ важнѣйшимъ благодѣяніямъ нынѣшняго царствованія. Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направленіе, т. е. торговое. Нынѣ составляетъ она видъ частной промышленности, покровительствуемой законами. Изъ всѣхъ родовъ литературы періодическія изданія болѣе приносятъ выгодъ и чѣмъ разнообразнѣе по содержанію, тѣмъ болѣе расходятся.

Извѣстія политическія привлекаютъ большое число читателей, будучи любопытны для всякаго.

Вѣдомости С.-Петербургскія и Московскія и Сѣверная Пчела суть единственные донынѣ журналы, въ коихъ помѣщаются извѣстія политическія.

С. Пчела, издаваемая двумя извѣстными литераторами, имѣя около 3000 подписчиковъ естественно должна имѣть большое вліяние на читающую публику, слѣдственно и на книжную торговлю.

Всякій журналъ имѣетъ право говорить мнѣніе свое о нововышедшей книгѣ столь строго, какъ угодно ему. «Газета» пользуется симъ правомъ—и хорошо дѣлаетъ. Закономъ требовать отъ журналиста благосклонности или безпристрастія было-бы невозможно и несправедливо.

Автору осужденной книги остается ожидать рѣшенія читающей публики или искать управы и защиты въ другомъ журналѣ; но журналы чисто литературные, вмѣсто 3000 подписчиковъ, имѣютъ едва-ли и 500—слѣдственно голосъ ихъ въ его пользу былъ-бы вовсе недѣйствителенъ.

Такимъ образомъ и слѣдуетъ, что политическія газеты приносятъ своимъ издателямъ до 100,000, между тѣмъ какъ чисто литературныя едва-ли окупаютъ издержки изданія.

Такимъ образомъ, литературная торговля находится въ рукахъ издателей Сѣверной Пчелы, и критика, какъ и политика, сдѣлалась ея монополіей. Отъ сего терпятъ вещественный ущербъ всѣ литераторы, которые не находятся въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ издателями Сѣверной Пчелы, ибо ни одно изъ ихъ произведеній не можетъ имѣть успѣха и не продается.

Для возстановленія равновѣсія въ литературѣ намъ необходимъ журналъ, коего средства могли-бы равняться средствамъ Сѣв. Пчелы. Въ семъ-то отношеніи осмѣливаюсь просить о разрѣшеніи печатать политическія заграничныя новости въ издаваемомъ журналѣ бар. Дельвигомъ или мною.

Направленіе политическихъ статей зависитъ и должно зависѣть отъ правительства, а въ этомъ издатели священною обязанностью полагаютъ добросовѣстно ему повиноваться и не только строго соображаться съ рѣшеніями цензора, но и сами готовы отвѣчать за каждую строчку, напечатанную въ ихъ журналѣ.

Не въ обвиненіе издателей другихъ журналовъ, но единственно для изъясненія причинъ, принуждающихъ насъ прибѣгнуть къ высочайшему покровительству, осмѣливаемся замѣтить, что личная честь не только писателей, но и ихъ матерей и отцовъ находится во власти издателей политическаго журнала, ибо обиняки, хотя и явные, не могутъ быть остановлены цензурою.

Симъ разрѣшеніемъ государь императоръ даруетъ по 40 тысячъ дохода двумъ семействамъ и обезпечитъ состояніе нѣсколькихъ литераторовъ. Злонамѣренность или недоброжелатель-

ство были-бы съ ихъ стороны столь-же безразсудны, какъ неблагодарны.

М. Л. Яковлеву. *Царское Село, 19 іюля.*— Деньги мои, любезный Михайло Лукьяновичъ, у Плетнева. Потрудись, сдѣлай одолженіе, съѣздить къ нему; но какъ онъ человѣкъ аккуратный, то возьми съ собою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его отъ меня написать мнѣ три строчки и переслать деньги, въ которыхъ я нуждаюсь. Если онъ сидитъ на дачѣ, опасаясь холеры, и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ, то напиши мнѣ объ немъ, здоровъ-ли онъ и всѣ-ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софьѣ Михайловнѣ (вдова Дельвига), и очень жалѣю, что съ нею не прощусь. Дай Богъ ей здоровья и силы души. Если надобны будутъ ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчетъ моего долга, но и во всякомъ случаѣ. Что Сѣверные Цвѣты? Съ моей стороны я готовъ. Надняхъ пересмотрѣлъ я у себя письма Дельвига; можетъ быть, современемъ это напечатаемъ. Нѣтъ-ли у ней моихъ къ нему писемъ? Мы-бы ихъ соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовыя къ печати двѣ трагедіи нашего Кюхли и его-же Ижорскій, также и моя баллада о Рыцарѣ, влюбленномъ въ дѣву („Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный"). Не можетъ-ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетневъ и я, мы-бы постарались что-нибудь изъ этого сдѣлать.

Что вы дѣлаете, друзья, и кто изъ нашихъ пріятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свиданія. *А. П.*

П. В. Нащокину. *Царское Село, 21 іюля.* — Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ, у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ; но это дѣло не сбыточное: по крайней мѣрѣ, я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды, того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ, противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около — такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если-бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ-бы, что все, что называютъ у васъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьезно невозможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому-же ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди, попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ польскую армію. Имъ были недовольны.........; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого. — Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ, у Плетнева или у Смирдина. Оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу-ли, что мнѣ слѣдуетъ, къ 1-му августу: въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не-то, ради Господа Бога, займи хотя на мое имя, заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ (картежникъ) не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

П. А. Плетневу. *Царское Село, 22 іюля.*— Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандришь! Эй, смотри: хандра хуже холеры,—одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ; погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ рости, выростетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши — старыя хрычовки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята: мальчики станутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ-то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри, холера на дняхъ пройдетъ; были-бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы.

Жаль мнѣ, что ты моихъ писемъ не получалъ. Между ними были дѣльныя; но не бѣда. Эслингъ сей, котораго ты не знаешь, — мой внукъ по Лицею и кажется добрый малый; я поручилъ ему доставить тебѣ мои сказки; прочитай ихъ ради скуки холерной, а напечатать ихъ не къ спѣху. Кромѣ 2000 за Бориса, я еще ничего не получилъ отъ Смирдина. Думаю, накопилось около двухъ-же тысячъ моего жалованья; напишу ему, чтобъ онъ ихъ переслалъ ко мнѣ по почтѣ, доставивъ тебѣ 500 Россетинскихъ. Кстати скажу тебѣ новость (но да останется это, по многимъ причинамъ, между нами): царь взялъ меня въ службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную,—нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда-ли? Онъ сказалъ: puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ. Когда-жъ мы, братъ, увидимся? Охъ, ужъ эта мнѣ холера! Мой Юсуповъ умеръ, нашъ Хвостовъ умеръ,—авось смерть удовольствуется этими двумя жертвами. Прощай, кланяюсь всѣмъ твоимъ. Будьте здоровы. Христосъ съ вами.

П. В. Нащокину. *Царское Село, 29 іюля.* — Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ эта тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу.

Что ты дѣлаешь? Ожидаешь-ли ты своихъ денегъ и выручишь-ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно-ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Царскомъ Селѣ, что и дешевле, и спокойнѣе?

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты петербургскіе прекратились, холера также. Государь

ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались-было колоніи и гдѣ произошли ужасы. Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила великаго князя Николая Николаевича. О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданья.

П. А. Осиповой (по франц.) *Ц. Село, 29 іюля.* — Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна: письмо ваше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца — благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ относилъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ нами, о шалости О—и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться ужъ нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете-ли, что въ Новгородѣ, въ Военныхъ Поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подъ тѣмъ-же нелѣпымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительной храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ — къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе: нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и одеждѣ». Если-бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули-бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву — деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобъ рецептъ этотъ не понадобился вамъ въ Тригорскомъ. — Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино (деревня въ сосѣдствѣ съ Михайловскимъ, которую Пушкинъ хотѣлъ купить) или за какое другое мѣсто: я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, повидимому, въ Петербургѣ болѣе, чѣмъ-бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству!

Н. М. Коншину. *Царское Село, лѣтомъ.* — Собака нашлась, благодаря вашимъ приказаніямъ. Жена сердечно васъ благодаритъ, но собачникъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе. Я давалъ ему за труды 10 рублей, онъ не взялъ, говоря: мало; по мнѣ, и онъ, и собака того не стоятъ, но жена моя другого мнѣнія. Здоровы-ли вы и скоро-ль увидимся? *А. П.*

П. В. Нащокину. *Царское Село, 3 августа.* — Отецъ и благодѣтель! Надняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ-ли все исправно: да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго, сколько долженъ я въ ломбардъ процентовъ за 40,000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ-ли въ дѣло Дороховскій вексель и здоровъ-ли Корниліонъ Пинскій? Здоровъ-ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что-жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы-бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ, за неимѣніемъ живописца. Засимъ прощенія просимъ.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ ломбардъ? Самому-ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность-ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

П. А. Плетневу. *Царское Село, 3 августа.* — Получилъ я, любезный Плетневъ, и письмо, и 1500. Ты умно дѣлаешь, что сидишь смирно въ своей норѣ и носу не показываешь въ проклятомъ нѣкогда моею Петербургѣ. Не холера опасна, опасно опасеніе, моральное состояніе, уныніе, долженствующее овладѣть всякимъ мыслящимъ существомъ въ нынѣшнихъ страшныхъ обстоятельствахъ. Холера черезъ недѣлю, вѣроятно, прекратится; но Царское Село будетъ еще долго окружено карантинами; и такъ, свиданіе наше еще далеко. Что-жъ Цвѣты? Ей-богу, не знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Яковлевъ пишетъ, что покамѣстъ нельзя за нихъ приняться. Почему-же? развѣ типографіи остановились? развѣ нѣтъ бумаги? развѣ Сомовъ боленъ или отказывается отъ изданія? Кстати: что̀ сдѣлалось съ Лит. Газетою? Она неисправнѣе Меркурія. Не умеръ-ли Бестужевъ-Рюминъ? Говорятъ, холера уноситъ пьяницъ. Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я надняхъ письма Дельвига: въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова: «Я въ тотъ-же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ?» Бѣдный нашъ Дельвигъ! Хвостовъ и его пережилъ. Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой. Прощай, будьте здоровы. Сказки мои возвратились ко мнѣ, не достигнувъ до тебя.

Россети вижу часто: она очень тебя любитъ, и часто мы говоримъ о тебѣ. Она гласно сговорена. Государь ужъ ее поздравилъ.

А. Ѳ. Воейкову. *Царское Село, между 21—25 августа.* — Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были-бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ.

Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго.

П. А. Плетневу. *Царское Село, до 25 августа.* — Посылаю тебѣ съ Гоголемъ сказки моего друга Ив. П. Бѣлкина; отдай ихъ въ простую цензуру, да и приступимъ къ изданію. Предисловіе пришлю послѣ — Правила, коими будемъ руководствоваться при изданіи, слѣдующія:

1) Какъ можно болѣе оставлять бѣлыхъ мѣстъ и какъ можно шире разставлять строки.

2) На страницѣ помѣщать не болѣе 18-ти строкъ.

3) Имена печатать полныя, напр. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, а не И. Ив. Ив—ъ. Тоже и объ городахъ и деревняхъ.

4) Числа (кромѣ годовъ) печатать буквами.

5) Въ сказкѣ Смотритель назвать гусара Минскимъ и симъ именемъ замѣнить вездѣ***.

5) Смирдину шепнуть мое имя, съ тѣмъ, чтобъ онъ перешепнулъ покупателямъ.

7) Съ почтеннѣйшей публики брать по 7-ми рублей вмѣсто 10-ти — ибо нынче времена тяжелыя, рекрутскій наборъ и карантины.

Думаю, что публика будетъ безпрекословно платить сей умѣренный оброкъ и не принудитъ меня употреблять строгія мѣры. Главное: будемъ живы и здоровы.—Прощай, мой ангелъ.

P. S. Эпиграфы печатать передъ самымъ началомъ сказки, а заглавія сказокъ—на особенномъ листѣ (ради ширины).

Кстати объ эпиграфахъ: къ Выстрѣлу надобно будетъ пріискать другой, именно въ Романѣ въ семи письмахъ А. Бестужева въ Полярной Звѣздѣ: У меня оставался одинъ выстрѣлъ, я поклялся etc. Справься, душа моя.

Н. В. Гоголю. — *Царское Село, 25 августа.* — Любезный Николай Васильевичъ! Очень благодарю васъ за письмо и доставленіе Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проектъ вашей ученой критики удивительно хорошъ. Но вы слишкомъ лѣнивы, чтобъ привести его въ дѣйствіе. Статья Косичкина еще не явилась. Не знаю, что это значитъ: не убоялся-ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?—Поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ—съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора. Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другого—толковъ журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца (Н. А. Полевой). У насъ все благополучно; бунтовъ, наводненія и холеры нѣтъ. Жуковскій расписался; я чую осень и собираюсь засѣсть. Ваша Надежда Николаевна, т. е. моя Наталья Николаевна благодаритъ васъ за воспоминаніе и сердечно кланяется. Обнимите за меня Плетнева и будьте живы въ Петербургѣ, что довольно, кажется, мудрено. *А. П.*

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 3 сентября.* — Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою! Жду съ трепетомъ сердца разрѣшенія Догановскаго. Все-ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимоѳеевнѣ и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ архивахъ для составленія исторіи Петра I. Дай Богъ здравія царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс. Григорьевича оказался ошибоченъ; я потребовалъ счетовъ; засѣданіе было столь-же бурное, какъ и то, въ которомъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ: вслѣдствіе этого Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за которымъ блохи другого рода). Въ тотъ-же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки; этого министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно, явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но, можетъ быть, все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григорьевичъ при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата—плюху, за что онъ-было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему-же во вредъ, ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили-было его въ тюрьму, отъ которой по своему великодушію избавилъ я его. Теща моя не унимается: ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps ni l'absence, ni les lieux de longueur; бранитъ меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ помаленьку; печатаю incognito мои повѣсти („Повѣсти Бѣлкина“), первый экземпляръ пришлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о ломбардѣ поразспросить.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

А. О. Смирновой (по франц). — *Ц. Село, въ августѣ.* — Графинѣ Ламбертъ, первой объявившей мнѣ о взятіи Варшавы, по праву принадлежитъ и первый экземпляръ; второй-же я предназначаю вамъ.

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

Когда найду еще два стиха, то пришлю ихъ вамъ.

П. В. Нащокину. — *Царское Село, 7 октября.* — Жалѣю, любезный Павелъ Воиновичъ, что дѣло разошлось за 5000. Все-таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты-же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, зная тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а остальныя 5 заплачу я въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки; если буду получать и 4,000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ, въ домъ Дмитріева, О. С. Павлищевой, для доставленія А. С. П. Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику. Весь твой *Пушкинъ.*

С. С. Уварову. — *Петербургъ, 21 октября.* — М. Г. Сергѣй Семеновичъ. Кн. Дундуковъ доставилъ мнѣ прекрасные, истинно вдохновенные стихи, которые угодно было вашей скромности назвать подражаніемъ (Уваровъ перевелъ стихотвореніе Пушкина „Клеветникамъ Россіи“). Стихи мои послужили вамъ простою темою для развитія геніальной фантазіи. Мнѣ остается отъ сердца васъ благодарить за вниманіе, мнѣ оказанное, и за силу и полноту мыслей, великодушно мнѣ присвоенныхъ вами. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, я пр.

П. В. Нащокину.— *Петербургъ, 24 октября.* Милый мой Павелъ Воиновичъ, вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорна. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5000 векселемъ, а 15.000 получить тотчасъ. Какъ-же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать-ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да я бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. (заложенные) бриллiанты жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкротства тещи моей и отъ лапъ Семена Өедоровича (управляющій Гончаровой). Дѣдушка .. выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10.000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12.000 и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наталья Никол. брюхата — въ маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли государя и кто возьмется оправдать старинное московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземскаго. Не знаю, не затѣю-ли что-нибудь литературнаго -журнала, альбома или тому подобнаго. Лѣнь. Кстати: я издаю „Сѣверные Цвѣты“ для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ. Обнимаю тебя отъ сердца.

Н. М. Языкову. -*Петербургъ, 18-го ноября.*— Сердечно благодарю васъ, любезный Николай Михайловичъ, васъ и Кирѣевскаго, за дружескія письма и за прекрасные стихи. Если-бы къ тому присовокупили вы еще свои адресы, то я былъ-бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ, съ моей стороны, служить вамъ, чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Ѳ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, которымъ удостоиваете вы его; на дняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ). Жуковскій пріѣхалъ; извѣстія, имъ привезенныя, очень утѣшительны; тысяча, пробитая вами (?), очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ попрежнему прекрасны. Торопите Вяземскаго, пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ, стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ: а вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто-же? — друзья его! ей-Богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и тряхнулъ стариною. Онъ говоритъ:

Приближася похода къ знаку,
Я сталъ союзникъ зодіаку:
Холеры не любя пилюль,
Я пѣлъ при старости іюль —

и проч., въ томъ-же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ, все у насъ благополучно.

Н. Н. Пушкиной. *Москва, 6-го декабря,* Сегодня мочи нѣтъ, усталъ. Цѣлую тебя, женка, мой ангелъ.

Н. Н. Пушкиной. -*Москва, 8-го декабря.*— Здравствуй, женка, мой ангелъ. Не сердись, что третьяго дня написалъ я тебѣ только три строки; мочи не было, такъ усталъ. Вотъ тебѣ мой Itinéraire. Собирался я выѣхать въ зимнемъ дилижансѣ, но мнѣ объявили, что, по причинѣ оттепели, долженъ я отправиться въ лѣтнемъ; взяли съ меня лишнихъ 30 рублей и посадили въ четвероместную карету, вмѣстѣ съ двумя товарищами. А я еще и человѣка съ собою не взялъ, въ надеждѣ путешествовать одному. Одинъ изъ моихъ спутниковъ былъ рижскій купецъ, добрый нѣмецъ, котораго каждое утро душили мокроты, и который на станціи ровно часъ откаркивался въ углу. Другой — мемельскій жидъ, путешествующій на счетъ перваго. Вообрази, какая веселая компанія. Нѣмецъ три раза въ день и два раза въ ночь аккуратно былъ пьянъ. Жидъ забавлялъ его всю дорогу пріятнымъ разговоромъ, напримѣръ, по-нѣмецки разсказывалъ ему Ivan Wijiguin (ganz charmant!). Я старался ихъ не слушать и притворялся спящимъ. Вслѣдъ за нами ѣхали въ дилижансахъ трое купцовъ, княгиня Голицына (Ланская), пріятель мой Жемчужниковъ, Фр. Коттова и проч. Все это останавливалось вмѣстѣ, ни на минуту не было покоя; въ Валдаѣ принуждены мы были пересѣсть въ зимніе экипажи и насилу дотащились до Москвы. Нащокина не нашелъ я на старой его квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской (не забудь адреса). Онъ все тотъ-же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ. Твою коммисію исполнилъ: поцѣловалъ за тебя и потомъ объявилъ, что Нащокинъ дуракъ, дуракъ Нащокинъ. Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку, и с...о, на которомъ испражнится развѣ шпанская муха. Видѣлъ я Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чадаева, Горчакова, Д. Давыдова. Всѣ тебѣ кланяются; очень разспрашиваютъ о тебѣ, о твоихъ успѣхахъ; я поясняю сплетни, а сплетенъ много. Дамъ московскихъ еще не видалъ; на балахъ и въ собраніе, вѣроятно, не явлюсь. Дѣло съ Нащокинымъ и Догановскимъ, вѣроятно, скоро кончу; о твоихъ бриллiантахъ жду извѣстія отъ тебя. Здѣсь говорятъ, что я ужасный ростовщикъ; меня смѣшиваютъ съ моимъ кошелькомъ. Кстати: я кошелекъ обратилъ въ мошну и буду ежегодно праздновать родины и крестины, сверхъ положенныхъ имянинъ. Москва полна еще пребываніемъ Двора, въ восхищеніи отъ царя и еще не отдохнула отъ баловъ. Цыхлеръ сдѣлалъ въ одинъ мѣсяцъ 80 тысячъ чистаго барыша. А. Корсакова выходитъ за К. Вяземскаго. Вотъ тебѣ всѣ наши новости. Надѣюсь увидѣть тебя недѣли черезъ двѣ; тоска безъ тебя; къ тому-же, съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди, выкинешь на сто пятой ступени комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи 2 часа въ сутки по комнатѣ и побереги себя. Вели брату смотрѣть за собою и воли не давать. Брюловъ пишетъ-ли твой портретъ? была-ли у тебя Хитрово или Фикельмонъ? Если поѣдешь на балъ, ради Бога, кромѣ кадрилей не пляши ничего, напиши, не притѣсняютъ-ли тебя люди и можешь-ли ты съ ними сладить. Засимъ цѣлую тебя сердечно. У меня гости.

Н. Н. Пушкиной.— *Москва, 10 декабря.*— Я все боюсь, чтобы ты не прислала билетовъ на ста-

рую квартиру Нащокина и тѣмъ не замедлила моихъ хлопотъ. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я съ тобою разстался, и срокъ отпуску моему близокъ; а я затѣваю еще дѣло, но оно меня не задержитъ. Что скажу тебѣ о Москвѣ? Москва еще пляшетъ, но я на балахъ еще не былъ. Вчера обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ; поутру былъ на аукціонѣ Власова: вечеръ провелъ дома, гдѣ нашелъ студента дурака, твоего обожателя. Онъ поднесъ мнѣ романъ Теодоръ и Розалія, въ которомъ онъ описываетъ нашу исторію. Умора! Все это, однакожъ, не слишкомъ забавно, и меня тянетъ въ Петербургъ. Не люблю я твоей Москвы. У тебя, т. е. въ вашемъ Никитскомъ домѣ, я еще не былъ. Не хочу, чтобъ холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Нат. Ив., иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется по Москвѣ на мое корыстолюбіе; да полно, я слушаться ея не намѣренъ. Цѣлую тебя и прошу ходить взадъ и впередъ по гостиной, во дворецъ не ѣздить и на балахъ не плясать.—Христосъ съ тобой.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 15-го декабря.*—Оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили. Василій вретъ, что онъ истратилъ на меня 200 рублей. Алешкѣ я денегъ давать не велѣлъ, за его дурное поведеніе. За столъ я заплачу по моему пріѣзду; никто тебя не просилъ платить мои долги. Скажи отъ меня людямъ, что я ими очень недоволенъ. Я не велѣлъ имъ тебя безпокоить, а они, какъ я вижу, обрадовались моему отсутствію. Какъ смѣли впустить къ тебѣ Ѳомина, когда ты принять его не хотѣла? да и ты хороша. Ты пляшешь по ихъ дудкѣ; платишь деньги, кто только попроситъ—эдакъ хозяйство не пойдетъ. Впередъ, какъ приступятъ къ тебѣ, скажи, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ, а чтобъ твои приказанія были святы. Съ Алешкой раздѣлаюсь по моемъ пріѣздѣ. Василія, вѣроятно, принужденъ буду выпроводить съ его возлюбленной—afin de faire maison nette; все это очень досадно.—Не сердись, что я сержусь.

Дѣла мои затруднительны. Нащокинъ запуталъ дѣла свои болѣе, нежели мы полагали. У него три или четыре прожекта, изъ которыхъ ни единый онъ еще не рѣшился. Къ дѣду твоему явиться я не намѣренъ. А дѣлу его постараюсь помѣшать. Тебя, мой ангелъ, люблю, такъ что выразить не могу; съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, я только и думаю, какъ-бы удрать въ Петербургъ, къ тебѣ, женка моя.—Распечатываю письмо мое, мой милый другъ, чтобы отвѣчать на твое. Пожалуйста, не стягивайся, не сиди поджавши ноги и не дружись съ графинями, съ которыми нельзя кланяться въ публикѣ. Я не шучу, а говорю тебѣ серьезно и съ безпокойствомъ. Письмо Бенкендорфа ты хорошо сдѣлала, что отослала,—дѣло не о чинѣ, а все-таки нужное. Жду его.—На дняхъ опишу тебѣ мою жизнь у Нащокина. Балъ у Солдана, вечеръ у Вяземскаго—и только. Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ-ли въ нихъ; и свои надоѣли. Пиши мнѣ лучше о себѣ—о своемъ здоровьѣ. На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 16-го декабря.*—Милый мой другъ, ты очень мила, ты пишешь мнѣ часто, одна бѣда: письма твои меня не радуютъ. Что такое vertige? обмороки или тошнота? видѣлась-ли ты съ бабкой? пустили-ли тебѣ кровь? Все это ужасъ меня безпокоитъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя. Безъ меня ты что-нибудь съ собой да напроказишь. Того и гляди выкинешь... Зачѣмъ ты не ходишь? а дала мнѣ честное слово, что будешь ходить по два часа въ сутки. Хорошо-ли это? Богъ знаетъ, кончу-ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду.—Голкондскихъ алмазовъ дожидаться не намѣренъ и въ новый годъ вывезу тебя въ бусахъ. Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его—такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго—что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ,—время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому-же, я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое, вѣроятно, будетъ пахнуть бобковой мазью, какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ вюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской у которой увидѣлъ я твоего Давыдова—не жeнатаго (утѣшься). Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ.—Тоска, мой ангелъ—до свиданія.

1832.

П. В. Нащокину.—*Петербургъ, 5 января.*—Здравствуй, любезный Павелъ Воиновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть-ли тебѣ надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ мой опекунскій билетъ, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ-же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь—и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю. Что Рахмановъ и что мои алмазы? Нужно-ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати, не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь-ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего, впрочемъ, бояться нечего)? Жену мою нашелъ я здоровою, не смотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ г-ремъ любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабенку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщаныхъ. Sur ce обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

А. Х. Бенкендорфу. *Петербургъ, 7 января.*—Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, которой нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цен-

зура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней.

А. А. Орлову. — *Петербургъ, 24 декабря 1831— 9 января 1832.* М. Г. Александръ Анѳимовичъ! Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ. Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужды ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ мѣдный лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анѳимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростью пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей «Пчелы». Оставьте меня впереди соглядатаемъ и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то О. Косичкинъ заварить такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ «Молвѣ» объявленіе о намѣреніи вашемъ писать Исторію русскаго народа: можно ли вѣрить сей пріятной новости?

Съ истиннымъ почтеніемъ и неизмѣннымъ усердіемъ остаюсь всегда готовый къ вашимъ услугамъ. *А. Пушкинъ*

P. S. Вотъ письмо, долженствовавшее къ вамъ явиться, м. г. Александръ Анѳимовичъ! но, отправляясь въ Москву, я его къ вамъ не отослалъ, я надѣялся лично съ вами увидаться. Судьба насъ не свела, о чемъ искренно жалѣю. Повторяю здѣсь просьбу мою: оставьте въ покоѣ людей, которые не стоятъ и не заслуживаютъ вашего гнѣва. Кажется, теперь г. Полевой нападаетъ на васъ и на меня: собираюсь на него разсердиться; покамѣсть съ нимъ возятся Воейковъ и Сомовъ подъ псевдонимомъ И. Лугового мое дѣло сторона. *А. П.*

П. В. Нащокину. *Петербургъ, 10 января.* — Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ: коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣстъ 5,500 руб. На эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.). Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать.

П. А. Осиповой (по франц.). — *Спб., въ январѣ.* — Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ-ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Левинова). Онъ долженъ заключать въ себѣ (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», которыхъ я недостойный издатель. Это — послѣдній годъ моего альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ казаться намъ недавнею. Прилагаю къ этому сновторныя сказки; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услыхали здѣсь о беременности вашей дочери. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно поправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ, дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью. *А. П.*

П. В. Нащокину. *Петербургъ, 29 января.* — Твои дѣла кончены. Андрей Христофоровичъ (управляющій фабрики у Нащокина) получилъ отъ меня 1,000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бъ ты былъ... то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за арапа (чернильница); фуляры пришлю съ Андреемъ Христофор. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ-ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

И. И. Дмитріеву. *Петербургъ, 14 февраля.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ. Приношу вашему высокопревосходительству глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить, — драгоцѣнный памятникъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Ваше вниманіе утѣшаетъ меня въ равнодушіи непосвященныхъ. Радуюсь, что успѣлъ вамъ угодить стихами, хотя и бѣлыми. Вы должны любить риѳму, какъ вѣрнаго слугу, который никогда съ вами не спорилъ и всегда повиновался малѣйшимъ вашимъ прихотямъ. Утѣшительно для всякаго русскаго видѣть живость вашей дѣятельности и внимательности: по физіологическимъ примѣчаніямъ, это порука въ долголѣтіи и здравіи. Живите-жъ долго, милостивый государь! Переживите наше поколѣніе, какъ мощные и стройные стихи ваши переживутъ тщедушныя нынѣшнія произведенія.

Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ вслѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцомъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается, и что клеветники — или по крайней мѣрѣ клевета — устыдится и будетъ изобличена. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

А. Х. Бенкендорфу. — *Петербургъ, 24 февраля.* — Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ. Драгоцѣнный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то по крайней мѣрѣ усердіемъ и добросовѣстностію.

П. В. Нащокину. — *Петербургъ, въ февралѣ.* — Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтра не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю когда-нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

М. П. Погодину.—*Петербургъ, 11 іюля.*—Исполнивъ коммиссію вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ вамъ объ немъ. Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опутанъ самъ разными обязательствами, накупивъ романовъ и т. п., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; трагедіи нынче не раскупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Перждемъ-же и мы: мнѣ сказывали, что васъ гдѣ-то разбранили за Посадницу; надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните, что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что̀, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ-бы то ни было—непростительная слабость. Ваша Марѳа, вашъ Петръ исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурою, то предрекаю вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодные сѣверные зрители Скрибовыхъ водевилей и Дидлотовыхъ балетовъ, и представить себѣ не можемъ.

Знаете-ли вы, что государь разрѣшилъ мнѣ политическую газету? Дѣло важное, если монополія пала. Вы чувствуете, что дѣло безъ васъ не обойдется.

Но журналъ, будучи торговымъ предпріятіемъ, я ни къ чему приступить не дерзаю, ни къ предложеніямъ, ни къ условіямъ, покамѣстъ порядкомъ не осмотрюсь; не хочу продать вамъ кожу медвѣдя еще живого, или собрать подписку на Исторію русскаго народа, существующую только въ нелѣпой башкѣ моей.. Кстати, скажите Надеждину, что опрометчивость его сужденій непростительна. Недавно прочелъ я въ его журналѣ сравненіе между мной и Полевымъ; оба-доморочутъ публику: одинъ выманиваетъ у ней деньги, выдавая по одной главѣ своего Онѣгина, а другой—по одному тому своей Исторіи. Разница собрать подписку, обѣщавшись въ годъ выдать 12 томовъ, а между тѣмъ въ три года напечатать три тома на проценты съ выманенныхъ денегъ, и разница напечатать по главамъ сочиненіе, о которомъ сказано въ предисловіи: вотъ начало стихотворенія, которое, вѣроятно, никогда не будетъ кончено. Надеждинъ воленъ находить мои стихи дурными, но сравнивать меня съ Полевымъ есть съ его стороны свинство: какъ послѣ этого порядочному человѣку связываться съ этимъ народомъ? И что̀, если-бы еще должны мы были уважать N., N., N.? Приходилось-бы стрѣляться послѣ каждаго нумера изъ журналовъ. Славу Богу, что общее мнѣніе (каково-бы у насъ ни было) избавляетъ насъ отъ хлопотъ.

Я Шишкову не отвѣчалъ и не благодарилъ его. Обнимите его за меня. Дай Богъ ему здоровья за Фортуната! (сказка Л. Тика). Не будете-ли вы къ намъ? Эй, пріѣзжайте.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 22 сентября.* — Не сердись, женка, дай слово сказать. Я пріѣхалъ въ Москву вчера, въ среду. Велосиферъ, по русски поспѣшный дилижансъ, не смотря на плеоназмъ, поспѣшалъ какъ черепаха, а иногда даже какъ ракъ. Въ сутки случилось мнѣ сдѣлать три станціи. Лошади расковывались, и неслыханная вещь—ихъ подковывали на дорогѣ. 10 лѣтъ ѣзжу я по большимъ дорогамъ, отроду не видывалъ ничего подобнаго. Насилу дотащился въ Москву, обо...нную дождемъ и встревоженную пріѣздомъ Двора. Теперь послушай, съ кѣмъ провелъ я 5 дней и 5 ночей. То-то будетъ мнѣ гонка! Съ пятью нѣмецкими актрисами, въ желтыхъ кацавейкахъ и въ черныхъ вуаляхъ. Каково? Ей-Богу, душа моя, не я съ ними кокетничалъ—онѣ со мною амурились въ надеждѣ на лишній билетъ. Но я отговаривался незнаніемъ нѣмецкаго языка, и какъ маленькій Іосифъ, вышелъ чистъ отъ искушенія. Пріѣхавъ въ Москву, поскакалъ отыскивать Нащокина, нашелъ его по прежнему озабоченнымъ домашними обстоятельствами, но уже спокойнѣе въ сношеніяхъ со своею Сарою. Онъ — к..., и видитъ, что это состояніе пріятное и независимое. Онъ ѣздилъ со мною въ баню, обѣдалъ у меня. Завезъ меня къ князю Вяз.; княгиня завезла меня во французскій театръ, гдѣ я чуть-было не заснулъ отъ скуки и усталости. Пріѣхалъ къ Оберу и заснулъ въ 10 часовъ вечера. Вотъ тебѣ весь мой день; писать не было мнѣ ни времени, ни возможности физической. Государь здѣсь съ 20-го числа и сегодня ѣдетъ къ вамъ, такъ что съ Бенкендорфомъ не успѣлъ увидать, хоть было-бы и нужно. Великая княгиня была очень больна, вчера было ей легче, но Дворъ еще безпокоенъ, и государь не принялъ ни одного праздника. Видѣлъ Чадаева въ театрѣ, онъ звалъ меня съ собою повсюду, но я дремалъ. Дѣла мои, кажется, скоро могутъ кончиться, и я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты, поскачу въ Петербургъ. Не можешь вообразить, какая тоска безъ тебя. Я-же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ не проспится, ибо онъ и пьяница, и дуракъ; на Ирину Кузминичну, которая съ тобою воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что̀ ея золотуха и что̀ (д-ръ) Спасскій? Ахъ, женка-душа! что̀ съ тобою будетъ! Прощай, пиши.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 25 сентября.*—Какая ты умненькая, какая ты миленькая! какое длинное письмо! какъ оно дѣльно! благодарствуй, женка. Продолжай, какъ начала, и я вѣкъ за тебя буду Бога молить. Заключай съ поваромъ какія хочешь условія, только-бы не былъ я принужденъ, отобѣдавъ дома, ужинать въ клубѣ. Каретникъ мой плутъ: взялъ съ меня за починку 500 руб., а въ одинъ мѣсяцъ карета моя хоть брось. Это мнѣ наука: не имѣть дѣла съ полуталантами. Фрибеліусъ или Іохимъ взяли-бы съ меня 100 руб. лишнихъ, но за то не надули-бы меня. Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Угкиной плохо вѣрю. Кстати: смотри, не брюхата-ли ты, а въ такомъ случаѣ береги себя на первыхъ порахъ. Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ-нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благосклонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февр. 18, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другого, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр., и пр. Княжны Вяз. слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю, Пѣтушковъ или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда-ли, интересный анекдотъ? Твое намѣреніе съѣздить къ

Плетневу похвально, но соберешься-ли ты? съезди, женка, спасибо скажу. Что люди наши? каково съ ними ладишь? Вчера былъ я у Вяземской, у ней отправлялся обозъ, и я-было съ нимъ отправилъ къ тебѣ письмо, но письмо забыли, а я его тебѣ препровождаю, чтобъ не пропала ни строка пера моего для тебя и потомства. Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыя лица въ числѣ челядинцевъ: актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшенный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ. Нащокинъ говоритъ ему: ходи ко мнѣ всякій день обѣдать и ужинать, волочись за моею дѣвичьей, но только не..... Окулову. Каковъ отшельникъ? Онъ смѣшитъ меня до упаду, но не понимаю, какъ можно жить окруженнымъ такою сволочью. Букв я отослалъ къ Малиновскимъ; они велѣли звать меня на вечеръ, но вѣроятно не поѣду. Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюся къ тебѣ—мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣстъ прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей. Видишь-ли ты Катерину Ивановну? сердечно ей кланяюсь и цѣлую ручку ей и тебѣ, мой ангелъ. Важное открытіе: Ипполитъ (камердинеръ Пушкина) говоритъ по-французски.

Н. Н. Пушкиной. *Москва, 27 сентября.* Вчера только успѣлъ отправить письмо на почту, получилъ отъ тебя цѣлыхъ три.—Спасибо, жена. Спасибо и за то, что ложишься рано спать.—Не хорошо только, что ты пускаешься въ разныя кокетства; принимать П.... тебѣ не слѣдовало, во-первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во-вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Вслѣдствіе сего деру тебя за ухо и цѣлую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Здѣсь я живу смирно и порядочно: хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot. Былъ вечоръ у Вяземской и видѣлъ у ней le beau Bezobrasof, который такъ-же нѣжно обошелся со мною, какъ Александровъ у Бобринской. Помнишь? Это весьма тронуло мое сердце. Прощай. Кто-то ко мнѣ входитъ.

Фальшивая тревога: Ипполитъ принесъ мнѣ кофей. Сегодня ѣду слушать Давыдова, не твоего супиранта, а профессора; но я ни до какихъ Давыдовыхъ, кромѣ Дениса, не охотникъ — а въ Московскомъ университетѣ я оглашенный. Мое появленіе произведетъ шумъ и соблазнъ, а это пріятно щекотитъ мое самолюбіе.

Опять тревога—Мухановъ прислалъ мнѣ разнощика съ пастилою. Прощай, Христосъ съ тобою и съ Машею.

Цѣлую ручку у К. Ив. Не забудь-же.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 30 сентября.*—Вотъ видишь, что я правъ: нечего-было тебѣ принимать П.....а. Просидѣла-бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему разсчету прежде воскресенія ты письма отъ меня не получила; а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что̀ это значитъ? Ужъ не к... ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc. Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ. — Сейчасъ отъ меня альманашникъ. Насилу отговорился отъ него. Онъ сталъ просить стиховъ для альманаха, а я статьи для газеты, такъ и разошлись. На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранивались мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ), а тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія. Передай это Вяземскому! Благодарю, душа моя, за то, что въ шахматы учишься. Это непремѣнно нужно во всякомъ благоустроенномъ семействѣ: докажу послѣ. На дняхъ былъ я на балѣ (у кн. Вяз.: слѣдственно я правъ). Тутъ была графиня Сологубъ, гр. Пушкинъ (Владиміръ), Aurore, ея сестра и Natalie Урусова. Я велъ себя прекрасно; любезничалъ съ гр. Сологубъ (съ теткой entendons-nous) и уѣхалъ ужинать къ Яру, какъ скоро балъ разыгрался. Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ. Съ Нащокинымъ вижусь всякій день. У него въ **домикѣ** былъ пиръ; подали на столъ мышенка въ сметанѣ подъ хрѣномъ, въ видѣ поросенка. Жаль, не было гостей. По своей духовной, домикъ этотъ отказываетъ онъ тебѣ. Мнѣ пришелъ въ голову романъ, и я, вѣроятно, за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею? Дай Богъ здоровье Отрыжкову; авось вывезетъ. Цѣлую Машу и благословляю, и тебя тоже, душа моя, мой ангелъ. Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 3 октября.*—По пунктамъ отвѣчаю на твои обвиненія: 1) Русскій человѣкъ въ дорогѣ не переодѣвается и, доѣхавъ до мѣста свинья-свиньей, идетъ въ баню, которая — наша вторая мать. Ты развѣ некрещеная, что всего этого не знаешь? 2) Въ Москвѣ письма принимаются до 12 часовъ—а я въѣхалъ въ Тверскую заставу ровно въ 11, слѣдственно и отложилъ писать къ тебѣ до другого дня. Видишь-ли, что я правъ, а что ты кругомъ виновата? Виновата: 1) потому, что всякій вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому, что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно важный) отсылаешь, съ досады на меня, Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ да еще жалуешься на свое положеніе, будто-бы подобное Нащокинскому! женка, женка! — —Но оставимъ это. Ты, мнѣ кажется, воюешь безъ меня дома, смѣняешь людей, ломаешь кареты, свѣряешь счеты, доишь кормилицу - ай-да хватъ-баба! что̀ хорошо, то хорошо. Здѣсь я не такъ-то дѣятеленъ. Насилу успѣлъ написать двѣ довѣренности, а денегъ не дождусь. Оставлю неоконченное дѣло на попеченіе Нащокину. Братъ Дмитрій Николаевичъ (Гончаровъ) здѣсь. Онъ въ Калугѣ никакого не нашелъ акта, утверждающаго болѣзненное состояніе отца, и пріѣхалъ хлопотать о томъ сюда. Съ Натальей Ивановой они сошлись и помирились. Она не хочетъ входить въ упра-

вленіе имѣнія и во всемъ полагается на Дмитрія Никол. Отецъ поговариваетъ о духовной; на дняхъ будетъ онъ освидѣтельствованъ гражданскимъ губернаторомъ. Къ тебѣ пришлютъ для подписанія довѣренность. Катерина Ивановна научитъ тебя, какъ со всѣмъ этимъ поступить. Вяземскіе ѣдутъ послѣ 14, а я пацняхъ. Слѣдственно нечего тебѣ и писать. Мнѣ безъ тебя такъ скучно, такъ скучно, что не знаю, куда голову приклонить. Хочешь комеражей? Горскина вчера вышла за кн. Щербатова, за младенца. Красавецъ Безобразовъ кружитъ здѣшнія головки, причесанныя à la Ninon домашними парикмахерами. Кн. Урусовъ влюбленъ въ Машу Вяземскую (не говори отцу, онъ станетъ безпокоиться). Другой Урусовъ, говорятъ, женится на Бороздиной-соловейкѣ. Москва ожидаетъ царя къ зимѣ, но, кажется, напрасно. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя и Машу. Прощай, душа моя, Христосъ съ тобою.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Спб., въ октябрѣ.*—Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское, и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштатской, въ домѣ Алымова». Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой ни политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ такъ-же, какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся-ли нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо, если-бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству.

Графу Д. И. Хвостову. — *Спб., въ октябрѣ.* — М. Г. графъ Дмитрій Ивановичъ. Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху. *А. П.*

П. В. Нащокину.— *Спб., 20-го октября.*— Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неаккуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались-бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный Павелъ Воиновичъ, нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно: въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳедоромъ Даниловичемъ (Шнейдеръ), отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ: остальной-же долгъ получишь въ январѣ, какъ я ужъ распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. Sur ce поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго (т. е. Дубровскаго) конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго (знатока тяжебныхъ дѣлъ). Я написалъ его въ двѣ недѣли, но остановился по причинѣ жестокаго ревматизма, отъ котораго прострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что̀ твои мемоiри? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ, поглядишь, и другой. Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую (статуя Екатерины II) еще я не продалъ, но продамъ во что-бы то ни стало. Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Наталья Никол. брюхата опять и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ-бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ и что я говорилъ съ нимъ объ изданіи Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго. Я говорилъ о 8 и 10 тысячахъ, а Смирдинъ боялся, что Баратынскій не согласится; слѣдственно Баратынскій можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ. Что̀ Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что̀ его опера? Прощай, кланяюсь твоимъ,— цѣлую Павла (сынъ Нащокина).

Въ Морской, въ домѣ Жадиміровскаго.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. *Спб., 14 декабря.*—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе—познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь, что въ другой разъ буду счастливѣе. Покамѣстъ прошу ваше превосходительство принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Ал. Пушкинъ.

1833.

А. И. Чернышеву.—*Спб., 9 февраля.*—Приношу вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за вниманіе, оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующіе документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ Главнаго Штаба: 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ, 2) Донесенія гр. Суворова во время кампаніи 1794 г., 3) Донесенія его 1799 г., 4) Приказы его по войскамъ. Буду ожидать отъ вашего сіятельства дозволенія пользоваться сими драгоцѣнными матеріалами.

П. В. Нащокину.—*Спб., 23 февраля.*—Что̀, любезный Павелъ Воиновичъ? получилъ-ли ты нужныя бумаги, взялъ-ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ѳедору Даниловичу, справилъ-ли остальную тысячу въ ломбардѣ, пришлешь-ли мнѣ что-нибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что̀: 2,525 рублей доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Моросейкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ

него росписку. Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что твои дѣла? Заглаза я все боюсь за тебя. Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Бееръ (ростовщикъ) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфляхъ (роща), и заживешь припѣваючи и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ калужскую деревню, къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

М. П. Погодину.—*Спб., 5 марта.*—По секрету. Вотъ въ чемъ дѣло: по уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтобъ выпросить васъ въ сотрудники. Да все какъ-то не удавалось. Наконецъ я представилъ, что трудиться мнѣ одному надъ архивами невозможно и что помощь просвѣщеннаго, умнаго и дѣятельнаго ученаго мнѣ необходима. Такимъ образомъ, дѣло слажено, и архивы вамъ открыты (кромѣ тайнаго). Теперь остается рѣшить, на какомъ основаніи намѣрены вы приступить къ дѣлу. Думаю, что вамъ надо требовать вашего адъюнктскаго жалованья во все время вашихъ трудовъ—и только. А труды ваши не пропадутъ ни въ какомъ отношеніи. Ибо все, елико можно будетъ напечатать, напечатаете вы и для себя, это будетъ вамъ и пріятно, и выгодно. Сколько отдѣльныхъ книгъ можно составить тутъ, сколько творческихъ мыслей тутъ могутъ развиться. Съ вашей вдохновенной дѣятельностью, съ вашей чистой добросовѣстностью—вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будетъ за васъ Бога молить, какъ за Шлецера и Ломоносова.

Напишите-же мнѣ оффиціальное письмо, которое могъ бы я показать, и я поспѣшу все здѣсь окончить. Ожидаю васъ съ распростертыми объятіями.

Гр. А. И. Чернышеву.—*Спб., 8 марта.*—Доставленныя мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ Московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Принося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою—благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избаловали меня.

Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены токмо до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ кн. Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того-же года) приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодѣяніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

П. А. Осиповой (по франц.) *Спб., въ маѣ.*—Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, дорогая Пр. Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякого рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій, но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только-что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ-бы я желалъ имъ сопутствовать!

А. А. Ананьину.—*Спб., 26 іюля.*—М. Г. Александръ Андреевичъ! Бывъ у васъ и не имѣвъ удовольствія застать васъ дома, на всякій случай беру съ собой письмо. Я собираюсь въ деревню. Вы изволили обнадежить меня, что около нынѣшняго времени можно мнѣ будетъ получить отъ васъ еще 2000 р. По моему счету мнѣ болѣе 1500 р. не надобно. Смирдинъ готовъ въ нихъ поручиться. Буду ожидать отвѣта вашего черезъ городскую почту, если не удобно будетъ прислать его ко мнѣ въ городъ. Я живу на Черной рѣчкѣ, на Миллеровой дачѣ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 30 іюля.*—Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки, чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важныхъ занятій и окончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальству, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ («Капитанская дочка»), коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось-бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи.

Н. Н. Пушкиной.—*Торжокъ, 21 августа.*—Милая женка, вотъ тебѣ подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что отъ тебя уѣхалъ я въ самую бурю. Приключенія мои начались у Троицкаго моста.—Нева такъ была высока, что мостъ стоялъ дыбомъ: веревка была протянута, и полиція не пускала экипажей. Чуть-было не воротился я на Черную рѣчку. Однако переправился черезъ Неву выше и выѣхалъ изъ Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту такъ и валялись, я насчиталъ ихъ съ пятьдесятъ. Въ лужицахъ была буря. Болота волновались бѣлыми волнами. По счастію, вѣтеръ и дождь гнали меня въ спину, и я преспокойно высидѣлъ все это время. Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было-ли у васъ новаго наводненія? что, если и это я прогулялъ? досадно было-бы. На другой день погода прояснилась. Мы съ Соболевскимъ шли пѣшкомъ 15 верстъ, убивая по

дорогѣ змѣй, которыя обрадовались сдуру солнцу и выползали на песокъ. Вчера прибыли мы благополучно въ Торжокъ, гдѣ Соболевскій свирѣпствовалъ за нечистоту бѣлья. Сегодня проснулись въ 8 часовъ, завтракали славно и теперь я отправляюсь въ сторону, въ Ярополецъ (имѣніе Гончаровыхъ), а Соболевскаго оставляю наединѣ съ швейцарскимъ сыромъ. Вотъ, мой ангелъ, подробный отчетъ о моемъ путешествіи. Ямщики закладываютъ коляску шестерней, стращая меня грязными проселочными дорогами. Коли не утону въ лужѣ, подобно Анрепу, буду писать тебѣ изъ Ярополица. Отъ тебя буду надѣяться письма въ Симбирскѣ. Пиши мнѣ о твоей грудницѣ и о прочемъ. Машу не балуй, а сама береги свое здоровье. Не кокетничай 26-го. Да бишь: не съ кѣмъ. Однако, все-таки не кокетничай. Кланяюсь и цѣлую ручку съ Ермоловской нѣжностью Катеринѣ Ивановнѣ. Тебя цѣлую крѣпко и всѣхъ васъ благословляю, тебя, Машу и Сашку.

Кланяйся Вяземскому; когда увидишь, скажи ему, что мнѣ буря помѣшала съ нимъ проститься и поговорить объ альманахѣ, о которомъ буду хлопотать дорогою.

Н. Н. Пушкиной. — *24 августа.* — Ты не угадаешь, мой ангелъ, откуда я тебѣ пишу: изъ Павловска, между Берновомъ и Малинниками, о которыхъ вѣроятно я тебѣ много разсказывалъ. Вчера, своротя на проселочную дорогу къ Ярополицу, узнаю съ удовольствіемъ, что проѣду мимо Вульфовыхъ помѣстій, и рѣшился ихъ посѣтить. Въ 8 часовъ вечера пріѣхалъ я къ доброму моему Павлу Ивановичу (Эгельстрому), который обрадовался мнѣ, какъ родному. Здѣсь я нашелъ большую перемѣну. Назадъ тому 5 лѣтъ Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями, но уланы переведены, а барышни разъѣхались; изъ старыхъ моихъ пріятельницъ нашелъ я одну бѣлую кобылу, на которой и съѣздилъ въ Малинники; но и та ужъ подо мною не пляшетъ, не бѣсится, а въ Малинникахъ, вмѣсто всѣхъ Анетъ, Евпраксій, Сашъ, Машъ etc., живетъ управитель Парасковіи Александровны Рейхманъ, который попотчивалъ меня шнапсомъ. Вельяшева, мною нѣкогда воспѣтая, живетъ здѣсь въ сосѣдствѣ; но я къ ней не поѣду, зная, что тебѣ было-бы это не по сердцу. Здѣсь объѣдаюсь я вареньемъ и проигралъ три рубля въ двадцать четыре роббера въ вистъ. Ты видишь, что во всѣхъ отношеніяхъ я здѣсь безопасенъ. Много спрашиваютъ меня о тебѣ; такъже-ли ты хороша, какъ сказываютъ, и какая ты: брюнетка или блондинка, худенькая или плотненькая? Завтра чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Ярополецъ, гдѣ пробуду нѣсколько часовъ, и отправлюсь въ Москву, гдѣ, кажется, долженъ буду остаться дня три. Забылъ я тебѣ сказать, что въ Ярополицѣ (виноватъ: въ Торжкѣ) толстая m-lle Pojarsky, та самая, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты, провожая меня до воротъ своего трактира, отвѣчала мнѣ на мои нѣжности: стыдно замѣчать чужія красоты, у васъ у самого жена такая красавица, что я, встрѣтя ее (?), ахнула. А надобно тебѣ знать, что m-lle Pojarsky — ни дать ни взять m-me George, только не много постарѣ. Тѣ видишь, моя женка, что слава твоя распространяется по всѣмъ уѣздамъ. Довольна-ли ты? будьте здоровы всѣ, помнитъ-ли меня Маша, и нѣтъ-ли у ней новыхъ затѣй? Прощай, моя плотненькая брюнетка (что-ли?). Я веду себя хорошо, и тебѣ не за что на меня дуться.

Письмо это застанетъ тебя послѣ твоихъ именинъ. Глядѣлась-ли ты въ зеркало и увѣрилась-ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ, а душу твою люблю я еще болѣе твоего лица. Прощай, мой ангелъ, цѣлую тебя крѣпко.

Н. Н. Пушкиной. — *Москва, 26 августа.* — Поздравляю тебя со днемъ твоего ангела, мой ангелъ, цѣлую тебя заочно въ очи — и пишу тебѣ продолженіе моихъ похожденій изъ антресолей вашего Никитскаго дома, куда прибылъ я вчера благополучно изъ Ярополица. Въ Ярополецъ пріѣхалъ я въ среду поздно. Наталья Ивановна встрѣтила меня какъ нельзя лучше. Я нашелъ ее здоровою, хотя подлѣ нея лежала палка, безъ которой далеко ходить не можетъ. Четвергъ я провелъ у нея. Много говорили о тебѣ, о Машѣ и о Кат. Ив.—Мать, кажется, тебя къ ней ревнуетъ; но, хотя она по своей привычкѣ и жаловалась на прошедшее, однако съ меньшей уже горечью. Ей очень хотѣлось-бы, чтобы ты будущее лѣто провела у нея. Она живетъ очень уединенно и тихо въ своемъ разоренномъ дворцѣ и разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки, къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем. Ѳед., съ которымъ мы большіе пріятели, водилъ меня на его гробницу и показывалъ мнѣ прочія достопамятности Ярополица. Я нашелъ въ домѣ старую библіотеку, и Нат. Ив. позволила мнѣ выбрать нужныя книги. Я отобралъ ихъ десятка три, которыя къ намъ и прибудутъ съ вареньемъ и наливками. Такимъ образомъ набѣгъ мой на Ярополецъ былъ вовсе не напрасенъ.

Теперь, женка, послушай, что̀ дѣлается съ Дм. Ник. (Гончаровымъ). Онъ, какъ владѣтельный принцъ, влюбился въ гр. Н. Чернышеву по портрету, услыша, что она дѣвка плотная, чернобровая и румяная. Два раза ѣздилъ онъ въ Ярополецъ въ надеждѣ ее увидѣть, и въ самомъ дѣлѣ ему удалось застать ее въ церкви. Вотъ онъ и полѣзъ на стѣны. Пишетъ изъ Заводовъ, что онъ безъ памяти отъ la charmante et divine comtesse, что онъ ночи не спитъ, et que son charmant image etc., и непремѣнно требуетъ отъ Нат. Ив., чтобъ она просватала за него la charmante et divine comtesse. Нат. Ив. поѣхала къ Кругликовой и выполнила коммиссію. Позвали la divine et charmante, которая отказала на-отрѣзъ. Нат. Ив. безпокоится о томъ, какое дѣйствіе произведетъ эта вѣсть. Я полагаю, что онъ не застрѣлится. Какъ ты думаешь? А надобно тебѣ знать, что онъ дѣло затѣялъ еще зимою и очень подозрѣвалъ la divine et charmante comtesse въ склонности къ Муравьеву (святому); для сего онъ со всевозможною дипломатическою тонкостію пришелъ однажды спросить его, какъ Скотининъ у своего племянника: Митрофанъ, хочешь-ли ты жениться? Видишь, какой плутъ! и намъ ничего не сказалъ. Муравьевъ отвѣчалъ ему, что скорѣй онъ будетъ монахомъ, а братъ и обрадовался, и ну просить у графини son coeur et sa main, увѣряя ее письменно qu'il n'est plus dans son assiette ordinaire. Я помиралъ со смѣху, читая его письмо, и жалѣю, что не выпросилъ его для тебя.

Изъ Яроп. выѣхалъ я ночью и пріѣхалъ въ Москву вчера въ полдень. Отецъ (Гончаровъ) меня не принялъ. Говорятъ, онъ довольно тихъ. Нащокинъ сказывалъ мнѣ, что деньги Юрьева къ тебѣ посланы. Теперь я покоенъ. Соболевскій здѣсь incognito прячется отъ заимодавцевъ, какъ настоящій gentleman, и скупаетъ свои век-

селя. Дорогой велъ онъ себя порядочно и довольно вѣрно исполнилъ условія, мною ему поднесенныя, а именно: 1) платить прогоны пополамъ, не обсчитывая товарища. 2) Не п... ни явнымъ, ни тайнымъ образомъ, развѣ во снѣ и то ночью, а не послѣ обѣда. Въ Москвѣ пробуду я нѣсколько времени, то есть два или три дня. Коляска требуетъ подправокъ. Дороги проселочныя были скверныя, меня насилу тащили шестерней. Въ Казани буду я около третьяго. Оттолѣ ѣду въ Симбирскъ. Прощай, береги себя. Цѣлую всѣхъ васъ. Кланяйся Кат. Ивановнѣ.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 27 августа.* – Вчера были твои именины, сегодня твое рожденіе. Поздравляю тебя и себя, мой ангелъ. Вчера пилъ я твое здоровье у Кирѣевскаго съ Шевыревымъ и Соболевскимъ; сегодня буду пить у Суденки. Ѣду послѣ завтра—прежде не будетъ готова моя коляска. Вчера, пріѣхавъ поздно домой, нашелъ я у себя на столѣ карточку Булгакова, отца красавицъ, и приглашеніе на вечеръ. Жена его была также именинница. Я не поѣхалъ, за неимѣніемъ бальнаго платья и за небритіемъ усовъ, которые отращаю въ дорогу. Ты видишь, что въ Москву мудрено попасть и не поплясать. Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва. Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн. Шаликовъ. Былъ я у Погодина, который, говорятъ, женатъ на красавицѣ. Я ея не видалъ и не могу всеподданнѣйше о ней тебѣ донести. Нащокину не видалъ цѣлый день. Чаадаевъ потолстѣлъ, похорошѣлъ и поздоровѣлъ. Здѣсь Раевскій Николай. Ни онъ, ни братъ его не умирали, а умеръ какой-то бригадиръ Раевскій. Скажи Вяземскому, что умеръ тезка его, князь Петръ Долгорукой, получивъ какое-то наслѣдство и не успѣвъ его промотать въ Англійскомъ клобѣ, о чемъ здѣшнее общество весьма жалѣетъ. Въ клобѣ я не былъ—чуть-ли я не исключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200. Здѣсь Орловъ, Бобринскій и другіе мои старые знакомые. Важная новость: французскія вывѣски, уничтоженныя Растопчинымъ въ годъ, когда ты родилась, появились опять на Кузнецкомъ Мосту. По своему обыкновенію, бродилъ я по книжнымъ лавкамъ и ничего путнаго не нашелъ. Книги, взятыя мною въ дорогу, перебились и перетерлись въ сундукѣ. Отъ этого я такъ сердитъ сегодня, что не совѣтую Машкѣ капризничать и воевать съ нянею: прибью. Цѣлую тебя. Кланяюсь теткѣ. Благословляю Машку съ Сашкой.

Н. Н. Пушкиной —*Нижній, 2 сентября.*—Передъ отъѣздомъ изъ Москвы я не успѣлъ тебѣ писать. Нащокинъ провожалъ меня шампанскимъ, жженкой и молитвами. Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску; нѣтъ мнѣ счастья съ каретниками. Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей—я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ 5-я сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien bâties. Ѣду на ярмарку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра въ Казань.

Мой ангелъ, кажется, я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги, Параша, поваръ, извозчикъ, аптекарь, m-me Sichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься, сердишься на меня—и подѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе, непредвидѣнные случаи?—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну и явлюсь къ тебѣ. Однако буду въ Симбирскѣ и тамъ ожидаю найти писемъ отъ тебя. Ангелъ мой, если ты будешь умна, т. е. здорова и спокойна, то я тебѣ изъ деревни привезу товару на сто рублей, какъ говорится. Что у насъ за погода! дни жаркіе, съ утра маленькіе морозы—роскошь! такъ-ли у васъ? Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще взаперти? Во всякомъ случаѣ береги себя. Скажи теткѣ, что хоть я ревную ее къ тебѣ, но прошу Христомъ и богомъ тебя не покидать и глядѣть за тобою. Прощайте, дѣти, до Казани. Цѣлую всѣхъ васъ равно крѣпко – тебя въ особенности.

Н. Н. Пушкиной.—*Нижній, 2 сентября*—Мой ангелъ, я писалъ тебѣ сегодня, выпрыгнувъ изъ коляски и одурѣвъ съ дороги. Ничего тебѣ не сказалъ и ни о чемъ всеподданнѣйше не донесъ. Вотъ тебѣ отчетъ съ самаго Натальина дня. Утромъ поѣхалъ я къ Булгакову извиняться и благодарить, а между тѣмъ и выпросить листъ для смотрителей, которые очень мало меня уважаютъ, не смотря на то, что я пишу прекрасные стишки. У него засталъ я его дочерей и В...скаго le c..., который скачетъ изъ Казани къ вамъ въ Петербургъ. Они звали меня на вечеръ къ Пашковымъ на дачу,—я не поѣхалъ, жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь ощетинились. Обѣдалъ у Суденки, моего пріятеля, товарища холостой жизни моей. Теперь и онъ женатъ, и онъ сдѣлалъ двухъ ребятъ, и онъ пересталъ играть; но у него 125,000 доходу, а у насъ, мой ангелъ, это—впереди. Жена его тихая, скромная, не красавица. Мы отобѣдали втроемъ, и я, безъ церемоніи, предложилъ здоровье моей именинницы, и выпили мы всѣ, не морщась, по бокалу шампанскаго. Вечеръ у Нащокина, да какой вечеръ! шампанское, лафитъ, зажженный пуншъ съ ананасами—пью за твое здоровье, красота моя. На другой день въ книжной лавкѣ встрѣтилъ я Н. Раевскаго.—Sacré chien, сказалъ онъ мнѣ съ нѣжностью: pourquoi n'êtes vous pas venu me voir? –Animal, отвѣчалъ я ему съ чувствомъ: qu'avez vous fait de mon manuscript petit-russien? Послѣ сего поѣхали мы вмѣстѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ—держа меня за воротъ всенародно, чтобъ я не выскочилъ изъ коляски. Отобѣдали вмѣстѣ глазъ на глазъ (виноватъ: втроемъ съ бутылкой мадеры). Потомъ, для разнообразія жизни, провелъ опять вечеръ у Нащокина; на другой день онъ задалъ мнѣ прощальный обѣдъ, со стерлядями и съ жженкой, усадили меня въ коляску, и я выѣхалъ на большую дорогу.

Ухъ, женка, страшно! теперь слѣдуетъ важное признанье. Сказать-ли тебѣ словечко, утерпитъ-ли твое сердечко? Я нарочно тянулъ письмо разсказами о московскихъ моихъ обѣдахъ, чтобы какъ можно позже дойти до сего рокового мѣста; ну, такъ ужъ и быть, узнай, что на второй станціи, гдѣ не давали мнѣ лошадей, встрѣтилъ я нѣкоторую городничиху, ѣдущую съ теткой изъ Москвы къ мужу, и обижаемую на всѣхъ станціяхъ. Она приняла меня весьма дурно и на распѣвъ начала меня усовѣщевать и уговаривать: какъ вамъ не стыд-

но? на что это похоже? двѣ тройки стоятъ на конюшнѣ, а вы мнѣ ни одной со вчерашняго дня не найдете.—Право? сказалъ я и пошелъ взять эти тройки для себя. Городничиха, видя, что я не смотритель, очень смутилась, начала извиняться и такъ меня тронула, что я уступилъ ей одну тройку, на которую имѣла она всевозможныя права, а самъ нанялъ себѣ другую, т. е. третью и уѣхалъ. Ты подумаешь: но, это еще не бѣда. Постой, женка, еще не все. Городничиха и тетка такъ были восхищены моимъ рыцарскимъ поступкомъ, что рѣшились отъ меня не отставать и путешествовать подъ моимъ покровительствомъ, на что я великодушно и согласился. Такимъ образомъ и доѣхали мы почти до самаго Нижняго—онѣ отстали на 3 или на 4 станціи—и я теперь свободенъ и одинокъ. Ты спросишь, хороша-ли городничиха? Вотъ то-то, что не хороша, ангелъ мой Таша, о томъ-то я и горюю. Уфъ! кончилъ. Отпусти и помилуй.

Сегодня былъ я у губернатора, ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него. Ярмарка кончилась. Я ходилъ по опустѣлымъ лавкамъ. Онѣ сдѣлали на меня впечатлѣніе бальнаго разъѣзда, когда карета Гончаровыхъ уже уѣхала. Ты видишь, что несмотря на городничиху и ея тетку—я все еще люблю Гончарову Наташу, которую заочно цѣлую куда ни попало. Addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedrò?

— —

Н. Н. Пушкиной.—*Казань, 8 сентября.*—Мой ангелъ, здравствуй. Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время тебѣ написать слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился съ стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ. Здорова-ли ты? здоровы-ли всѣ вы? Дорогой я видѣлъ годовую дѣвочку, которая бѣгаетъ на карачкахъ, какъ котенокъ, и у которой уже два зубка. Скажи это Машкѣ. Здѣсь Баратынскій—вотъ, онъ ко мнѣ входитъ. До Симбирска. Я буду говорить тебѣ о Казани подробно—теперь некогда.—Цѣлую тебя.

А. А. Фуксъ.—*Казань, 8 сентября.*—Милостивая государыня Александра Андреевна! Съ сердечной благодарностью посылаю вамъ мой адресъ и надѣюсь, что обѣщаніе ваше пріѣхать въ Петербургъ не есть одно любезное привѣтствіе. Примите, м. г., изъявленіе моей глубокой признательности за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

— —

Н. Н. Пушкиной. *Село Языково, 65 верстъ отъ Симбирска, 12 сентября.*—Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо. Оно обрадовало меня, мой ангелъ, но я все-таки тебя побраню. У тебя нарывы, а ты пишешь мнѣ четыре страницы кругомъ. Какъ тебѣ не совѣстно! Не могла ты мнѣ сказать въ четырехъ строчкахъ о себѣ и о дѣтяхъ? Ну, такъ и быть—дай Богъ теперь быть тебѣ здоровой.—Я радъ, что Сергѣй Ник. будетъ съ тобою, онъ очень милъ и тебѣ не надоѣстъ. Объ И... Н... говорить нечего. Надѣюсь, что свадьба не разстроится. По всему видно, что все семейство воспользовалось разстроеннымъ его состояніемъ, чтобъ заманить его въ сѣти. Вѣроятно и начальство, если дѣло дойдетъ до начальства, приметъ это въ соображеніе. Должно будетъ поплатиться деньгами. Если дѣвица не брюхата, то бѣда еще не велика, а съ отцомъ и съ дядей-башмачникомъ дуэли, кажется, не будетъ. Если домъ удобенъ, то нечего дѣлать, бери его—но ужъ, по крайней мѣрѣ, усиди въ немъ. Меня очень безпокоятъ твои обстоятельства, денегъ у тебя слишкомъ мало. Того и гляди, сдѣлаешь новые долги, не расплатясь со старыми. Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней несносной бабѣ, съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея, умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень, и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправляюсь въ Оренбургъ—послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него. Прости, ангелъ женка. Цѣлую тебя и всѣхъ васъ—благословляю дѣтей отъ сердца. Береги себя. Я радъ, что ты не брюхата. Кланяюсь Кат. Ив. и брату Сергѣю.

Пиши мнѣ въ Болдино.

———

Н. Н. Пушкиной.—*Симбирскъ, 14 сентября.*—Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого-бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу: нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, а другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не везутъ—около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ выѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого-бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; ужъ этого зайца я-бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній. Я все надѣялся, что получу здѣсь въ утѣшеніе хоть извѣстіе о тебѣ—анъ нѣтъ. Что ты, моя женка? Какова ты и дѣти? Цѣлую и благословляю васъ. Пиши мнѣ часто и о вся-

комъ вздорѣ, до тебя касающемся. Кланяюсь теткѣ.

Н. Н. Пушкиной.— *Оренбургъ. 19 сентября.*—Я здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ— дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу.

Что, женка, скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился-бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя мой ангелъ, взялся за гужъ, не говори, что, не дюжъ: то есть уѣхалъ писать, такъ пиши-же романъ за романомъ, поэму за поэмой.—А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ, я и въ коляскѣ сочиняю; что-жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ топъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня, да и только. Свѣтъ-то мой Ипполитъ! Кстати о хамовомъ племени: какъ ты ладишь своимъ домомъ? боюсь, людей у тебя мало; не найдешь-ли ты кого? На женщинъ надѣюсь, но съ мужчинами какъ тебѣ ладить? Все это меня безпокоитъ—я мнителенъ, какъ отецъ мой. Не говорю ужъ о дѣтяхъ. Дай Богъ имъ здоровья—и тебѣ, женка. Прощай, женка; не жди отъ меня ужъ писемъ до самой деревни. Цѣлую тебя и васъ благословляю.

Какъ я хорошо веду себя! какъ ты была-бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, съ калмычками не кокетничаю и надняхъ отказался отъ башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь-ли ты, что есть пословица: на чужой сторонѣ и старушка— Божій даръ. То-то, женка. Бери съ меня примѣръ.

Н. Н. Пушкиной.— *Болдино, 2 октября.* -Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня; думалъ здѣсь найти отъ тебя письма и не нашелъ ни одного. Что съ вами? здорова-ли ты? здоровы-ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что, не нашедъ отъ тебя никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому, то-ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься. Последнее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надобно тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный-же путь послалъ Онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимою. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ-же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка. Того и гляди, избалуешься безъ меня, забудешь меня—искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности. Честь имѣю донести тебѣ, что съ моей стороны я передъ тобою чистъ, какъ новорожденный младенецъ. Дорогою волочился я за одними 70 и 80-лѣтними старухами. А на молоденькихъ з хъ шестидесятилѣтнихъ и не глядѣлъ.

Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ. Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею. Въ воскресенье приходитъ почта въ Абрамово. Надѣюсь письма—сегодня понедѣльникъ, недѣлю буду его ждать. Прости— оставляю тебя для Пугачева. Христосъ съ вами, дѣти мои. Цѣлую тебя, женка—будь умна и здорова.

Н. Н. Пушкиной.— *Болдино, 8 октября.*—Мой ангелъ, сейчасъ получаю отъ тебя вдругъ два письма, первыя послѣ симбирскаго. Какъ они дошли до меня, не понимаю: ты пишешь въ Нижегородскую губ. въ село Абрамово, оттуда etc.—А объ уѣздѣ ни словечка. Не забудь прибавлять: въ Арзамасскомъ уѣздѣ; а то, чего добраго, въ Нижег. губ. можетъ быть и не одно село Абрамово, такъ какъ не одно село Болдино. Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою. Воображаю твои хлопоты и твою досаду; слава Богу, что ты здорова, что Машка и Сашка живы, и что ты, хоть и дорого, но домъ наняла. Не стращай меня, женка, не говори, что искокетничалась: я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить. Вотъ ужъ недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки о Пугачевѣ, а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ Записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи. Очень благодарю за новости и за сплетни. Коли увидишь Жуковскаго, поцѣлуй его за меня и поздравь съ возвращеніемъ и звѣздою. Каково его здоровье? напиши. Карамзинымъ и Мещерскимъ мой сердечный поклонъ. Софьѣ Николаевнѣ объясни, что если я не былъ къ нимъ въ Дерптъ, то это единственно по недостатку прогоновъ, которыхъ не хватило на лишнихъ 500 верстъ. А не писалъ имъ, полагая все пріѣхать. Жаль, что ты Смирновой не видала; она должна быть уморительно смѣшна послѣ своей поѣздки въ Германію; Б.......ъ умно дѣлаетъ, что женится на к. Х....ой. Давно-бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина: слава Богу, что онъ прислалъ 1500—а о 180 не жалѣй; плюнь, да и только. Что такое 50 р., присланные тебѣ моимъ отцомъ? ужъ не проценты-ли за 550, которыхъ онъ мнѣ долженъ? Чего добраго! Здѣсь мнѣ очень совѣтуютъ взять на себя наслѣдство Василія Львовича, и мнѣ хочется, но для этого нужны во-первыхъ деньги, а во-вторыхъ свободное время. А у меня ни

того, ни другого. Какова Краевская? недаромъ Отрѣшковъ за ней волочился. Не думалъ я попасть въ ея меморіи и такимъ образомъ достигнуть безсмертія. Кланяйся ей отъ меня, если ее увидишь. Да кланяйся и всѣмъ моимъ прелестямъ: Хитровой первой. Какъ она перенесла мое отсутствіе? Надѣюсь, съ твердостью, достойной дочери князя Кутузова. Такъ Фикельмоны пріѣхали? радуюсь за тебя; какъ-то, мой ангелъ, удадутся тебѣ балы? Прощай, душа. Я что то сегодня не очень здоровъ. Животикъ болитъ, какъ у Александрова. Цѣлую и благословляю всѣхъ васъ. Кланяюсь и отъ сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ея милыя хлопоты. Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 11 октября.*—Мой ангелъ, одно слово: съѣзди къ Плетневу, и попроси его, чтобъ онъ къ моему пріѣзду велѣлъ переписать изъ Собр. Законовъ (гг. 1774 и 1775 и 1773) всѣ указы, относящіеся къ Пугачеву. Не забудь.

Что твои обстоятельства? что твое б...? Не жди меня въ нынѣшній мѣсяцъ, жди меня въ концѣ ноября. Не мѣшай мнѣ, не стращай меня, будь здорова, смотри за дѣтьми, не кокетничай съ ц—мъ, ни съ женихомъ княжны Любы. Я пишу, въ хлопотахъ, никого не вижу—и привезу тебѣ пропасть всякой всячины. Надѣюсь, что Смирдинъ аккуратенъ. Надняхъ пришлю ему стиховъ.—Знаешь-ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и ужъ начнетъ писать!—Это слава! Что касается до тебя, то слава о твоей красотѣ достигла до нашей попадьи, которая увѣряетъ, что ты всѣмъ взяла, не только лицомъ, да и фигурой. Чего тебѣ больше? Прости, цѣлую васъ и благословляю. Теткѣ цѣлую ручку. Говоритъ-ли Маша? ходитъ-ли? что зубки? Сашѣ подсвистываю.—Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 21 октября.*—Получилъ сегодня письмо твое отъ 4 окт. и сердечно тебя благодарю. Въ прошлое воскресеніе не получилъ отъ тебя письма и имѣлъ глупость на тебя надуться; а вчера такое горе взяло, что я не запомню, чтобъ на меня находила такая хандра. Радуюсь, что ты не брюхата, и что ничего не мѣшаетъ тебѣ отличиться на нынѣшнихъ балахъ. Видно, Огаревъ охотникъ до Пушкиныхъ, дай Богъ ему ни дна, ни покрышки! кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности—не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тону, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С...—Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня Кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто-же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева? пришли мнѣ списокъ по азбучному порядку. Да напиши мнѣ также, гдѣ ты бываешь и что Карамзины, Мещерская и Вяземскіе. Княгинѣ Вяземской скажи, что напрасно она безпокоится о портретѣ Вигеля и что съ этой стороны честное мое поведеніе выше всякаго подозрѣнія; но что изъ уваженія къ ея просьбѣ я поставлю его портретъ сзади всѣхъ другихъ. Кстати: она обѣщала мнѣ свой портретъ и до сихъ поръ слова не сдержала; пеняй ей отъ меня. Жуковскаго и Вьельгорскаго, вѣроятно, ты уже видѣла. Что Жуковскій? мнѣ пишутъ, что онъ поздоровѣлъ и помолодѣлъ. Правда-ли? Что-жъ ты хотѣла женить его на Кат. Ник.? и что К. Н., будетъ къ намъ или нѣтъ? Вообрази, что прошлое воскресенье вмѣсто письма отъ тебя получилъ я письмо отъ Соболевскаго, которому нужны деньги для pâtés de foie gras, и который для того затѣваетъ альманахъ. Ты понимаешь, какъ письмо его и просьбы о стихахъ (что я говорю—просьбы: приказанія, подряды на заказъ) разсердили меня. А все ты виновата. Что-то моя беззубая Пускина? Ужъ эти мнѣ зубы!—а каковъ Сашка рыжій? Да въ кого-то онъ рыжъ? не ожидалъ я этого отъ него.

О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается. Старамъ стала и умомъ плохамъ! Пріѣду оживиться твоею молодостью, мой ангелъ. Но не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ съ пустыми руками явиться: взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ. А ты не брани меня. Благодари мою безцѣнную Катерину Ивановну, которая не даетъ тебѣ воли въ ложѣ. Цѣлую ей ручки и прошу, ради Бога, не оставлять тебя на произволъ твоихъ обожателей.—Машку, Сашку рыжаго и тебя цѣлую и крещу. Господь съ вами.—Прощай, спать хочу.

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 30 октября.*—Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою бѣгаютъ: есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; . . . .

. . . . . . Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобою ухаживаютъ? не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ; Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя, какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ всю безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся, и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой к.... не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись.—Да, ангелъ мой, пожалуйста, не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не свыше il faut, все, что vulgar. Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый, простой аристократическій тонъ измѣнился, разведусь,

вотъ-те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя. Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли? Во-первыхъ отпустилъ себѣ бороду: усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да гречневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо.

Проси Катерину Андреевну на меня не сердиться: ты рожала, денегъ у меня лишнихъ не было, я спѣшилъ въ одну сторону—никакъ не попалъ на Дерптъ. Кланяюсь ей, Мещерской, Соф. Н., княгинѣ и княжнамъ Вяземскимъ. Полетикѣ скажи, что за ея поцѣлуемъ явлюсь лично, а что-де на почтѣ не принимаютъ. А Катерина Ивановна? какъ это она тебя пустила на Божью волю? Ахти, Господи Сусе Христе! Машу цѣлую и прошу меня помнить. Что это у Саши за сыпь? Христосъ съ вами.—Благословляю и цѣлую васъ.

Кн. В. С. Одоевскому.—*Болдино 30, октября.*—Виноватъ, ваше сіятельство, кругомъ виноватъ. Пріѣхалъ въ деревню, думалъ—распишусь; не тутъ-то было. Головная боль, хозяйственныя хлопоты, лѣнь—барская, помѣщичья лѣнь такъ одолѣли меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Бѣлкина (Пушкина); не на шутку, видно, онъ покойникъ, не бывать ему на новосельѣ ни въ гостиной Гомозѣйки (Одоевскій), ни на чердакѣ Панька (Гоголь). Не достоинъ онъ, видно, быть въ ихъ компаніи (говорится о задуманномъ альманахѣ). А куда-бы не худо до погреба-то добраться! Теперь донесу вашему сіятельству, что, будучи въ С., видѣлъ я скромную отшельницу, о которой мы съ вами говорили передъ моимъ отъѣздомъ. Недурна. Кажется, губернаторъ гораздо усерднѣе покровительствуетъ ей, нежели губернаторша. Вотъ все, что могъ я замѣтить. Дѣло ея, кажется, кончено. Вы обрадовали меня извѣстіемъ о Жуковскомъ. Дай Богъ, чтобы нынѣшній запасъ здоровья сталъ ему лѣтъ на пять. А тамъ ужъ какъ-нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедія (Ревизоръ)? Въ ней-же есть закорючка (условное выраженіе вмѣсто: она заслуживаетъ особеннаго вниманія).—Весь вашъ *А. Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной.—*Болдино, 6 ноября.*—Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ, и кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; к.., у которой переняла ты прическу (NB: ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon, говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого, изволь гордиться похищеніемъ мужескихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка: чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги-же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности &c. &c.—не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я надняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ.

Что дѣлаетъ братъ? я не совѣтую ему идти въ статскую службу, къ которой онъ такъ-же неспособенъ, какъ и къ военной; но у него, по крайней мѣрѣ,... здоровая и на сѣдлѣ онъ все далѣе уѣдетъ, чѣмъ на стулѣ въ канцеляріи. Мнѣ сдается, что мы безъ европейской войны не обойдемся. Этотъ Louis-Philippe у меня какъ бѣльмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся—тогда Левъ Сергѣичъ поѣдетъ опять пожинать, какъ говоритъ у насъ засѣдатель, лавры и мирты. Покамѣстъ совѣтую ему бить баклуши: занятіе пріятное и здоровое. Здѣсь я было вздумалъ взять наслѣдство Вас. Льв., но опека такъ ограбила его, что нельзя и подумать, развѣ не заступится-ли Бенкендорфъ: попробую, пріѣхавъ въ Петербургъ.—При семъ письмо къ отцу; вѣроятно, уже онъ у васъ. Я привезу тебѣ стишковъ много, но не разглашай этого; а то альманашники заѣдятъ меня. Цѣлую Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку; цѣлую Машку—и такъ далѣе до семи разъ. Желалъ бы я быть у тебя къ теткинымъ именинамъ. Да Богъ вѣсть.

П. В. Нащокину.—*Спб., 24 ноября.*—Что, Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено-ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку: я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous etes éminemment un homme de passion—и въ страстномъ состояніи духа ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился-бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на то похоже—сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ (Ѳ. Ѳ. Гагаринъ) и я будемъ слѣдовать съ тобою въ лодкѣ и какъ-нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Леленька мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ, т. е. молчалъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ слѣзть съ козелъ — полно ему воевать! Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ именинъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ; онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. Ольгѣ Андреевнѣ мое почтеніе.

И. И. Лажечникову (черновое).—*Спб., въ ноябрѣ.*—Осмѣливаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Мнѣ сказывали, что у васъ находится любопытная рукопись Рычкова о времени Пугачева. Вы оказали-бы мнѣ истинное благодѣяніе, если-бъ позволили пользоваться нѣсколько дней сею драгоцѣнностью. Будьте увѣрены, что я возвращу ее въ цѣлости и при первомъ вашемъ востребованіи. Съ истиннымъ, и пр.

И. И. Дмитріеву (черновое).—*Спб., въ ноябрѣ.*—М. Г. Иванъ Ивановичъ. Имѣвъ всегда счастіе пользоваться благосклонностью вашего превосходительства, осмѣливаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбою. Случай доставилъ въ мои руки нѣкоторыя важныя бумаги, касающіяся Пугачева, собственныя письма Екатерины, Бибикова, Румянцева, Панина, Державина и другихъ. Я привелъ ихъ въ порядокъ и надѣюсь ихъ издать. Въ Историческихъ Запискахъ (которыя дай Богъ намъ прочесть какъ можно позже) вы говорите о Пугачевѣ и какъ очевидецъ описали его смерть. Могу-ли надѣяться, что вы, м. г., не откажетесь занять мѣсто между знаменитыми людьми, коихъ имена и свидѣтельства дадутъ цѣну моему труду, и позволите помѣстить собственныя ваши строки въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Великой Екатерины?

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

———

А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 6 декабря.*—(Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала «Библіотека для Чтенія», просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей, и испрашивалъ на то дозволенія; при этомъ прибавилъ):

Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева; но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволеніе представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать; но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ.

Бар. М. А. Корфу.—*Спб., въ декабрѣ.*—Сейчасъ былъ у Смирдина и, кажется, дѣло сдѣлано. Н. М. Бакунинъ можетъ пріѣхать къ нему для окончательныхъ условій; я-бы совѣтывалъ ему справиться сперва о томъ, что берутъ обыкновенно за переводы à tant la feuille, и требовать ту-же цѣну. Такимъ образомъ онъ вѣрно получитъ болѣе, нежели условясь брать годовую плату. Въ случаѣ какого-нибудь затрудненія, пусть онъ располагаетъ мною: я готовъ служить ему отъ всей души.

Радуюсь, что на твое дружеское письмо могъ отвѣчать удовлетворительно и исполнилъ твое приказаніе. Сердечно благодарю за поздравленія.—Весь твой *Александръ Пушкинъ.*

П. В. Нащокину.—*Спб., въ декабрѣ.*—Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго, съ нетерпѣніемъ желая знать, что дѣлается съ тобою, и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась-ли, успокоилась-ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ) пила за твое здоровье и желала тебѣ всякаго благополучія. Объ Алешѣ (зачеркнуто и сверху написано: «Леленькѣ») не имѣю извѣстія; онъ живетъ у Эристова, а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать: онъ безпокоится о каллиграфическихъ трудахъ своего сына и о томъ, не плачетъ-ли мальчикъ, и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ! Успокой старика, какъ умѣешь.

Не знаю, буду-ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства. Не знаю, войдутъ-ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію Пугачевскаго бунта, то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь: думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

Всѣ мои здоровы. Крестникъ твой тебя цѣлуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай. Кланяюсь князю Гагарину и желаю вамъ обоимъ счастія.—*А. П.*

———

1834.

П. В. Нащокину. — *Спб., въ мартѣ или въ апрѣлѣ.*—Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во-первыхъ, получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ которыхъ я не вѣрилъ, но которыхъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Сергѣевичъ. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастія. Наталья Никол. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ.—Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Оттого-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, соображаясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ въ долгъ все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъель-ва и пліе, для разсѣянія своего домашняго

горя. Говорятъ, что несчастіе—хорошая школа, можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно, мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Александровна будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю—съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить), слава Богу, здорова и ѣдетъ на дняхъ въ калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей тещи. Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ (Есауловъ) въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я, мы помогали ему деньгами—скупо, увѣщаніями—щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капельмейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомысленъ, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. Что такое?—Имѣніе описываютъ.—Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя.—О чемъ-же горе?—Жить нечѣмъ до октября.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ. Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ-бы успокоить старость отца и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой-же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого художества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса, да и только!

Вотъ тебѣ другія новости: я камеръ-юнкеръ съ января мѣсяца. Мѣдный Всадникъ не пропущенъ—убытки и непріятность! За то Пугачевъ пропущенъ, и я напечатаю его на счетъ государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ, и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ.

М. П. Погодину.—*Спб., 6 апрѣля*.—Вы спрашиваете меня о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ. Пугачевъ выдетъ къ осени. Къ Петру приступаю со страхомъ и трепетомъ, какъ вы къ исторической каѳедрѣ. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневолѣ и единственно для денегъ: охота являться предъ публикою, которая васъ не понимаетъ, чтобъ... дураки ругали васъ потомъ шесть мѣсяцевъ въ своихъ журналахъ только что не по... Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Нынѣ это—вшивый рынокъ. Быть такъ.

Графу Гр. А. Строгонову.—*Спб., около 1 апрѣля*. Графъ! Печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако-же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. *Александръ Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной. *Спб., 17 апрѣля*.—Что, женка? каково ты ѣдешь? что-то Саша и Машка? Христосъ съ вами! будьте живы и здоровы, и доѣзжайте скорѣе до Москвы. Жду отъ тебя письма изъ Новгорода, а покамѣстъ вотъ тебѣ отчетъ о моемъ холостомъ житьѣ-бытьѣ. Третьяго дня возвратился я изъ Царскаго Села въ 5 часовъ вечера, нашелъ на своемъ столѣ два билета на балъ 29 апрѣля и приглашеніе явиться на другой день къ Литтѣ; я догадался, что онъ собирается мыть мнѣ голову за то, что я не былъ у обѣдни. Въ самомъ дѣлѣ, въ тотъ-же вечеръ узнаю отъ забѣжавшаго ко мнѣ Жуковскаго, что государь былъ недоволенъ отсутствіемъ многихъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ и что онъ велѣлъ намъ это объявить. Литта во дворцѣ толковалъ съ большимъ жаромъ. Il a y cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкинъ ему замѣтилъ: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur. Я извинился письменно. Говорятъ, что мы будемъ ходить попарно, какъ институтки. Вообрази, что мнѣ съ моей сѣдой бородкой придется выступать съ Безобразовымъ или Реймеромъ—ни за какія благополучія!—J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, какъ говоритъ m-r Jourdain. Поутру сидѣлъ я въ моемъ кабинетѣ, читая Гримма и ожидая, чтобъ ты, мой ангелъ, позвонила, какъ явился ко мнѣ Соболевскій съ вопросомъ, гдѣ мы будемъ обѣдать? Тутъ вспомнилъ я, что хотѣлъ говѣть, а между тѣмъ ужъ оскоромился. Дѣлать нечего, рѣшились отобѣдать у Дюме и покамѣстъ стали приводить въ порядокъ библіотеку, тетка пріѣхала спросить о тебѣ, и узнавъ, что я въ халатѣ и оттого къ ней не выхожу, сама вошла ко мнѣ. Я исполнилъ твою коммиссію, поговорили о тебѣ, потужили, побезпокоились и рѣшились тебѣ подтвердить наши просьбы и требованія—беречь себя и помнить наши наставленія. Потомъ явился я къ Дюме, гдѣ появленіе мое произвело общее веселіе: холостой, холостой Пушкинъ! Стали потчивать меня шампанскимъ и пуншемъ, и спрашивать, не поѣду-ли я къ Софьѣ Астафьевнѣ? Все это меня смутило, такъ что я къ Дюме являться уже болѣе не намѣренъ, и обѣдаю сегодня дома, заказавъ Степану ботвинью и beafsteaks. Вечеръ провелъ я дома, сегодня проснулся я въ 7 часовъ и сталъ тебѣ писать сіе подробное донесеніе.—Посылаю тебѣ письмо матери, пришедшее третьяго дня,—буду ей писать, а покамѣстъ обнимаю и цѣлую тебя, и благословляю всѣхъ троихъ.

Н. Н. Пушкиной. *Спб., 19 апрѣля*. Душка моя, посылаю тебѣ два письма, которыя я распечаталъ изъ любопытства и скупости (чтобъ

меньше платить на почту вѣсовыхъ денегъ), также и рецептъ капель. Сдѣлай милость не забудь перечесть инструкцію Спасскаго и поступать по ней. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ тебѣ легче; а мнѣ!.. Сестры твои тебя ждутъ, воображаю вашу радость; смотри, не сдѣлайся сама дѣвочкой, не забудь, что ужъ у тебя двое дѣтей, третьяго выкинула, береги себя, будь осторожна, пляши умѣренно, гуляй понемножку, а пуще—скорѣе добирайся до деревни. Цѣлую тебя крѣпко и благословляю всѣхъ васъ. Что Машка? чай, куда рада, что можетъ въ волю воевать! Теперь вотъ тебѣ отчетъ о моемъ поведеніи. Я сижу дома, обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня сыгралъ я славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Серг. является. Я передъ нимъ извинился какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да beafsteaks. Левъ Серг. тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Серг. хлебаетъ двѣ тарелки, утираетъ осетрину; наконецъ требуетъ вина; ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ нѣтъ?—Алек. Серг. не приказалъ на столъ подавать. И я объявляю, что съ отъѣзда Нат. Ник. я на діэтѣ и пью воду. Надобно было видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сергѣича, который уже ко мнѣ, вѣроятно, обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ и потчивалъ Льва Сергѣича, который чинился и отказывался. Вотъ тебѣ примѣръ моихъ невинныхъ упражненій. Съ нетерпѣніемъ ожидаю твоего письма изъ Новгорода, и тотчасъ понесу его Кат. Ивановнѣ. Покамѣстъ прощай, ангелъ мой. Цѣлую васъ и благословляю. Вчера былъ у насъ первый громъ—славу Богу, весна кончилась.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 20—22 апрѣля.*—Пятница.—Ангелъ мой, женка! сейчасъ получилъ я твое письмо изъ Бронницъ и сердечно тебя благодарю. Съ нетерпѣніемъ буду ждать извѣстія изъ Торжка. Надѣюсь, что твоя усталость дорожная пройдетъ благополучно, и что ты въ Москвѣ будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послалъ я теткѣ, а самъ къ ней не отнесъ, потому-что репортуюсь больнымъ и боюсь царя встрѣтить. Всѣ эти праздники просижу дома. Къ наслѣднику являться съ поздравленіями и привѣтствіями не буду; царствіе его впереди, и мнѣ, вѣроятно, его не видать. Видѣлъ я трехъ царей: первый велѣлъ снять съ меня картузъ, и пожурилъ за меня мою няньку; второй меня не жаловалъ; третій хоть и упекъ меня въ камеръ-пажи подъ старость лѣтъ, но промѣнять его на четвертаго не желаю: отъ добра добра не ищутъ. Посмотримъ, какъ-то нашъ Сашка будетъ ладить съ . . . .; съ моимъ тезкой я не ладилъ. Не дай Богъ ему идти по моимъ слѣдамъ, писать стихи, да ссориться съ царями! Въ стихахъ онъ отца не перещеголяетъ, а плетью обуха не перешибетъ. Теперь полно врать; поговоримъ о дѣлѣ; пожалуйста побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недѣли въ Москвѣ; не слушайся сестеръ, не таскайся по гуляньямъ съ утра до ночи, не пляши на балѣ до заутрени. Гуляй умѣренно, ложись рано. Отца не пускай къ дѣтямъ: онъ можетъ ихъ испугать, и мало ли что еще. Пуще береги себя во время болѣзни—въ деревнѣ не читай скверныхъ книгъ дѣдиной библіотеки, не марай себѣ воображенія, женка. Кокетничать позволяю, сколько душѣ угодно. Верхомъ ѣзди не на бѣшеныхъ лошадяхъ (о чемъ всепокорно прошу Дм. Ник.). Сверхъ того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку, и если ты не будешь довольна своей няней или кормилицей, прошу тотчасъ прогнать, не совѣстясь и не церемонясь.

Воскресенье. Христосъ воскресъ, моя милая женка; грустно, мой ангелъ, грустно безъ тебя. Письмо твое мнѣ изъ головы нейдетъ. Ты, мнѣ кажется, слишкомъ устала. Пріѣдешь въ Москву, обрадуешься сестрамъ; нервы твои будутъ напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, цѣлую ночь простоишь у всеношной, и теперь лежишь въ растяжку, въ истерикѣ и лихорадкѣ. Вотъ что меня тревожитъ, мой ангелъ, такъ что голова кругомъ идетъ, и что ничто другое въ умъ не лѣзетъ. Дождусь-ли я, чтобъ ты въ деревню уѣхала? Нынче великій князь присягалъ; я не былъ на церемоніи, потому что репортуюсь больнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ не очень здоровъ. Кочубей сдѣланъ канцлеромъ; множество милостей; шесть фрейлинъ, между прочими твоя пріятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нѣтъ. Жаль и досадно. Наслѣдникъ былъ очень тронутъ; государь также. Вообще говорятъ, все это произвело сильное дѣйствіе. Съ одной стороны я очень жалѣю, что не видалъ сцены исторической, и подъ старость нельзя мнѣ будетъ говорить объ ней, какъ свидѣтелю. Еще новость; Мердеръ умеръ; это еще тайна для в. князя, и отравитъ его юношескую радость. Аракчеевъ также умеръ. Объ этомъ во всей Россіи жалѣю я одинъ. Не удалось мнѣ съ нимъ видѣться и наговориться. Тетка подарила мнѣ шоколадный бильярдъ—прелесть. Она тебя очень цѣлуетъ и по тебѣ хандритъ. Прощайте, всѣ мои. Христосъ воскресъ, Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 28 апрѣля.*—Ну, женка! насилу дождались мы отъ тебя письма. По моему разсчету, ты должна была пріѣхать въ Москву въ великій четвергъ (такъ и вышло), и цѣлые девять дней не было отъ тебя извѣстія. Тетка перепугалась. Я былъ спокойнѣе, зная уже, что ты до Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты пріѣзда и радость свиданія помѣшаютъ тебѣ въ первые дни думать о письмахъ. Однако ужъ и мнѣ становилось плохо. Слава Богу! ты пріѣхала, ты и Маша здоровы, Сашкѣ лучше, вѣроятно онъ и совсѣмъ выздоровѣетъ. Не отъ кормилицы-ли онъ боленъ? вели ее осмотрѣть, да отыми его отъ груди, пора. Кланяйся сестрамъ. Попроси ихъ отъ меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ея слезъ и крику, а то мнѣ не будетъ отъ нея покоя. Береги себя, и сдѣлай милость, не простудись. Что дѣлать съ матерью? Коли она сама къ тебѣ пріѣхать не хочетъ, поѣзжай къ ней на недѣлю, на двѣ, хоть это лишніе расходы и лишнія хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственныхъ сценъ. Помяни Господи царя Давида и всю кротость его!—Съ отцомъ пожалуйста не входи въ близкія сношенія и дѣтей ему не показывай; на него, въ его положеніи, невозможно полагаться. Того и гляди, откуситъ у Машки носикъ. Теперь вотъ тебѣ всепокорнѣйшій отчетъ. Святую недѣлю провелъ я чинно дома, былъ всего вчерась (въ пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качеляхъ не являлся; завтра будетъ балъ, на который также не явлюсь. Этотъ балъ кружитъ всѣ

головы и сдѣлался предметомъ толковъ всего города. Будетъ 1,800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минутѣ на карету, подъѣздъ будетъ продолжаться 10 часовъ; но кареты будутъ подъѣзжать по 3 вдругъ, слѣдственно время втрое сократится. Вчера весь городъ ѣздилъ смотрѣть залу, кромѣ меня. Соболевскій здѣсь, позанялъ у меня 50 р. и съ тѣхъ поръ ко мнѣ не являлся. Левъ Серг. переѣзжаетъ сегодня отъ Энг. къ родителямъ. Честь имѣю тебѣ замѣтить, что твой извозчикъ спрашивалъ не рейнвейну, а ренскаго (т. е. всякое бѣлое кисленькое виноградное вино называется ренскимъ); впрочемъ, твое замѣчаніе о просвѣщеніи русскаго народа очень справедливо и дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es. Пьешь-ли ты ромашку или eau d'orange? Тетка третьягодня заѣзжала ко мнѣ узнать о твоемъ здоровьѣ и кокетничала со мною изъ... ты. Сегодня отправлюсь къ ней съ твоимъ письмомъ. Прощай, мой ангелъ: цѣлую тебя и всѣхъ васъ благословляю. Кланяюсь сестрамъ.—Эхъ, хотѣлось-бы отпустить une bonne plaisanterie, да тебя боюсь Addio.

Н. Н. Пушкиной. —*Спб., 30 апрѣля.*—Ѳоминъ понедѣльникъ.—Вчера былъ, наконецъ, дворянскій балъ. Съ шести часовъ начался подъѣздъ экипажей. Я пошелъ бродить по городу и прошелъ мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиція съ нимъ шумѣла. Иллюминацію приготовляли. Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ англ. клобъ, гдѣ со мною случилось маленькое происшествіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли мы и московскій! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангелъ. Слава Богу, ты здорова, дѣти здоровы, ты пай дитя; съ бала уѣзжаешь прежде мазурки, по приходамъ не таскаешься. Одно худо: не утерпѣла ты, чтобъ не съѣздить на балъ кн. Голицыной. А я именно объ этомъ и просилъ тебя. Я не хочу, чтобъ жена моя ѣздила туда, гдѣ хозяйка позволяетъ себѣ невниманіе и неуваженіе. Ты не m-lle Sonntag, которую зовутъ на вечеръ, а потомъ на нее и не смотрятъ. Московскія дамы мнѣ не примѣръ. Онѣ пускай таскаются по переднямъ къ тѣмъ, которыя на нихъ и не смотрятъ. Туда имъ и дорога. Женка, женка! если ты и въ эдакой бездѣлицѣ меня не слушаешь, такъ какъ мнѣ не думать... ну, ужъ Богъ съ тобой.—Ты говоришь: я къ ней не ѣздила, она сама ко мнѣ подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сдѣлать ей визитъ, потому что она штатсъ-дама, а ты камеръ-пажиха; это дѣло службы. Но на балъ къ ней нечего было тебѣ являться. Ей Богу, досада беретъ — и письма не хочу продолжать.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 30 апрѣля.*—Женка моя милая, женка мой ангелъ—я сегодня ужъ писалъ тебѣ, да письмо мое какъ-то не удалось. Началъ я было за здравіе, свелъ за упокой. Началъ нѣжностями, а кончилъ плюхой. Виноватъ, женка. Остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Прощаю тебѣ балъ у Голицыной и поговорю тебѣ о балѣ вчерашнемъ, о которомъ весь городъ говоритъ, и который, сказываютъ, очень удался. Ничего нельзя было видѣть великолѣпнѣе. Было и не слишкомъ тѣсно, и много мороженаго, такъ что мнѣ-бы очень было хорошо. Но я былъ въ народѣ, и передо мною весь городъ проѣхалъ въ каретахъ (кромѣ поэта Кукольника, который проѣхалъ въ какомъ-то старомъ фургонѣ, съ какимъ-то оборваннымъ мальчикомъ на запяткахъ, что̀ было истинное поэтическое явленіе). О туалетахъ я справлюсь и дамъ тебѣ знать. Я писалъ тебѣ, что у меня въ клобѣ украли деньги; не вѣрь, это низкая клевета: деньги нашлись, и мнѣ принесены. Напрасно ты думаешь, что я въ лапахъ у Соболевскаго и что онъ пакоститъ твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять съ Sophie Karamsine. Она сегодня на свадьбѣ: у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцовъ женится на дочери К. А. Нарышкина, которая и въ свѣтъ еще не выѣзжаетъ. Теперь изъ богатыхъ жениховъ остался одинъ Новомлинскій, ибо Сорохтинъ, ты говоришь, умре. Кого-то выберетъ онъ? Александру-ли Николаевну или Кат. Ник.? какъ думаешь? Это письмо, вѣроятно, получишь ты уже въ Яропольцѣ; Натальѣ Ивановнѣ я уже писалъ; поцѣлуй за меня у ней ручки и скажи много нѣжнаго.—Прощай, жена, цѣлую и благословляю тебя и васъ.—*А. П.*

Д. Н. Бантышъ-Каменскому. *Спб., 1 мая.*—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоцѣнный знакъ вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть, и также гравируется. Съ нетерпѣніемъ буду ждать біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностью

Жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такого человѣка, каковъ вы, послужили-бы мнѣ руководствомъ и ободрили-бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ*

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 13 мая.*—Какая ты дура, мой ангелъ! конечно я не стану безпокоиться оттого, что ты три дня пропустишь безъ письма, такъ точно какъ я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь съ кавалергардомъ. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что я равнодушенъ и не ревнивъ. Я отправилъ тебя изъ Петербурга съ большимъ безпокойствомъ; твое письмо изъ Бронницы еще болѣе меня взволновало. Но когда узналъ я, что до Торжка ты доѣхала здорова, у меня горе съ сердца свалилось, и я не сталъ сызнова хандрить. Письмо твое очень мило, а опасенія насчетъ истинныхъ причинъ моей дружбы къ Софьѣ Карамзиной очень пріятны для моего самолюбія. Отвѣчаю на твои запросы: Смирнова не бываетъ у К., ей не встащить брюхо на такую лѣстницу; кажется, она уже на дачѣ; графиня Сологубъ тамъ также не бываетъ, но я видѣлъ ее у кн. В.—Волочиться я ни за кѣмъ не волочусь, у меня голова кругомъ идетъ. Не радъ жизни, что взялъ имѣніе; но что-жъ дѣлать? Не для меня, такъ для дѣтей. Тетка вчера сидѣла у меня. Она тебя цѣлуетъ. Вчера былъ большой парадъ, который, говорятъ, не удался. Царь посадилъ Н. подъ арестъ. Сюда ожидаютъ прусскаго принца и много другихъ гостей. Надѣюсь не быть ни на одномъ праздникѣ. Одна мнѣ и есть выгода отъ отсутствія твоего, что не обязанъ на балахъ дремать да жрать мороженое. Пишу тебѣ въ Ярополецъ, гдѣ ты должна быть съ третьягоднешняго дня.—

Кланяюсь сердечно Нат. Ив., цѣлую тебя и дѣтей. Христосъ съ вами. Знаешь ты, что кн. Мещ. и Sophie Karamsine ѣдутъ за границу? Sophie уже плачетъ недѣли двѣ; вѣроятно, я довезу ее до Кронштадта.

Н. В. Гоголю.—*Спб., послѣ 13 мая.*—Я совершенно съ вами согласенъ. Пойду сегодня-же назидать Уварова, и кстати о смерти Телеграфа, поговорю и о вашей (что де Гоголь при смерти). Отъ сего незамѣтнымъ и искуснымъ образомъ перейду къ безсмертію, его ожидающему. Авось уладимъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб. 15 мая.*—Мой ангелъ! поздравляю тебя съ Машинымъ рожденіемъ, цѣлую тебя и ее. Дай Богъ ей зубковъ и здоровья. Того-же и Сашѣ желаю, хоть онъ не именинникъ. Ты такъ давно, такъ давно ко мнѣ не писала, что не смотря на то, что безпокоиться по пустому я не люблю, но я безпокоюсь. Я долженъ былъ изъ Яропольца получить по крайней мѣрѣ два письма. Здорова-ли ты и дѣти? спокойна-ли ты? Я тебѣ не писалъ, потому что былъ золъ—не на тебя, на другихъ. Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи, и такъ далѣе. Смотри, женка, надѣюсь, что ты моихъ писемъ списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ сношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ; но если ты виновата, такъ это мнѣ было-бы больно. Никто не долженъ знать, что̀ можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни. Но знаю, что этого быть не можетъ; а свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ.

Вчера я былъ въ концертѣ, данномъ для бѣдныхъ въ великолѣпной залѣ Нарышкина, въ самомъ дѣлѣ великолѣпной. Какъ жаль, что ты ея не видала! Пѣли новую музыку Вьельгорскаго на слова Жуковскаго. Я никого не вижу, нигдѣ не бываю; принялся за работу и пишу по утрамъ. Безъ тебя такъ мнѣ скучно, что поминутно думаю къ тебѣ поѣхать, хоть на недѣлю. Вотъ ужъ мѣсяцъ живу безъ тебя; дотяну до августа; а ты себя береги, боюсь твоихъ гуляній верхомъ. Я еще не знаю, какъ ты ѣздишь; вѣроятно—смѣло; да крѣпко-ли на сѣдлѣ сидишь? вотъ запросъ. Дай Богъ тебя мнѣ увидѣть здоровою, дѣтей цѣлыхъ и живыхъ! да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ! Непріятна зависимость; особенно, когда лѣтъ 20 человѣкъ былъ независимъ. Это не упрекъ тебѣ, а ропотъ на самого себя.—Благословляю всѣхъ васъ, дѣтушки.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 16 мая.*—Давно, мой ангелъ, не получалъ я отъ тебя писемъ. Тебѣ, видно, было некогда. Теперь, вѣроятно, ты въ Яропольцѣ, и уже опять собираешься въ дорогу. Такая тоска безъ тебя, что того и гляди, пріѣду къ тебѣ. Говорилъ я со Спасскимъ о Пирмонтскихъ водахъ; онъ желаетъ, чтобы ты ихъ принимала, и входилъ со мною въ подробности, о которыхъ по почтѣ не хочу тебѣ писать. Пиши мнѣ о своемъ здоровьѣ и о здоровьѣ дѣтей, которыхъ цѣлую и благословляю. Кланяюсь Н. Ив.—Тебя цѣлую.—Надняхъ получишь письма по оказіи.—Прощай, мой милый другъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., въ концѣ мая.*—Что̀ это, жена? вотъ уже 5 дней, какъ я не имѣю о тебѣ извѣстія. Надѣюсь, что хлопоты отъѣзда и пріѣзда однѣ помѣшали тебѣ ко мнѣ писать и что ты и дѣти здоровы. Пишу къ тебѣ въ Ярополецъ. Не знаю, куда отправить тебѣ деньги, въ Москву-ли, въ Волоколамскъ-ли, въ Калугу-ли? Надняхъ на что-нибудь рѣшусь. Что тебѣ сказать о себѣ: жизнь моя очень однообразна. Обѣдаю у Дюме часа въ 2, чтобъ не встрѣтиться съ холостою шайкою. Вечеромъ бываю въ клобѣ. Вчера былъ у кн. Вяземской, гдѣ находилась и твоя гр. Сологубъ. Оттуда поѣхалъ я къ Одоевскому, который ѣдетъ въ Ревель. Тетку вижу часто, она безпокоится, что давно нѣтъ объ тебѣ извѣстія.—Погода у насъ славная, а у васъ, вѣроятно, еще лучше. Пора тебѣ въ деревню на лѣкарство, на ванны и на чистый воздухъ.

Сейчасъ, мой ангелъ, получилъ я твое письмо отъ 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь............ Это мнѣ доказываетъ твое благоразуміе, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошѣешь, хоть это du superflu. Сейчасъ (въ 5 час.) сидѣла у меня тетка, она тебя цѣлуетъ.—Лѣтній садъ полонъ.—Всѣ гуляютъ. Гр. Фикельмонъ звала меня на вечеръ. Явлюсь въ свѣтъ въ первый разъ послѣ твоего отъѣзда.—За Сологубъ я не ухаживаю, вотъ-те Христосъ; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родитъ черезъ мѣсяцъ.—Всѣ тебѣ кланяются. Завтра еще буду писать. Не смѣй купаться—съ ума сошла, что-ли? Послѣ завтра обѣдаю у Спасскаго и буду на тебя жаловаться. Я не поѣхалъ къ Фикельмону, а остался дома, перечелъ твое письмо и ложусь спать. Братъ Иванъ у меня. Левъ Серг. и отецъ меня очень любятъ, а Ольга Сергѣевна начинаетъ уже сердить.—Откажусь ото всего—и стану жить припѣваючи.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 29 мая.*—Благодарю тебя, мой ангелъ, за добрую вѣсть о зубкѣ Машиномъ. Теперь надѣюсь, что и остальные прорѣжутся безопасно. Теперь за Сашкою дѣло. Что̀ ты путаешь, говоря: «о себѣ не пишу, потому что не интересно». Лучше-бы ты о себѣ писала, чѣмъ о S., о которой забираешь въ голову всякій вздоръ—на-смѣхъ всѣмъ частнымъ людямъ и полиціи, которая читаетъ наши письма. Ты спрашиваешь, что̀ я дѣлаю.—Ничего путнаго, мой ангелъ. Однако дома сижу до 4-хъ часовъ и работаю. Въ свѣтѣ не бываю; отъ фрака отвыкъ; въ клобѣ провожу вечера. Книги изъ Парижа пріѣхали, и моя библіотека растетъ и тѣснится. Къ намъ въ Петербургъ пріѣхалъ ventriloque, который смѣшилъ меня до слезъ; мнѣ право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имѣнію меня бѣсятъ; съ твоего позволенія, надобно будетъ, кажется, выйти мнѣ въ отставку и со вздохомъ сложить камеръ-юнкерскій мундиръ, который такъ пріятно льстилъ моему честолюбію, и въ которомъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я увѣренъ, что тебѣ не труднѣе будетъ исполнить долгъ доброй матери, какъ исполняешь ты долгъ честной и доброй жены. Зависимость и разстройство въ хозяйствѣ ужасны въ семействѣ; и никакіе успѣхи тщеславія не могутъ вознаградить спокойствія и довольства.—Вотъ тебѣ и мораль. Ты зовешь меня къ себѣ прежде августа. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить

между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петрѣ (Великомъ)?—идетъ помаленьку: скопляю матерьялы—привожу въ порядокъ—и вдругъ вылью мѣдный памятникъ, котораго нельзя будетъ перетаскивать съ одного конца города на другой, съ площади на площадь, изъ переулка въ переулокъ. Вчера видѣлъ я Сперанскаго, Карамзиныхъ, Жуковскаго, Вьельгорскаго, Вяземскаго—всѣ тебѣ кланяются. Тетка меня все балуетъ—для моего рожденія прислала мнѣ корзину съ дынями, съ земляникой, клубникой—такъ что боюсь поносомъ встрѣтить 36-ой годъ бурной моей жизни. Сегодня ѣду къ ней съ твоимъ письмомъ. Покамѣстъ прощай, мой другъ.—У меня желчь, такъ извини мои сердитыя письма. Цѣлую васъ и благословляю.

P. S. Деньги шлю на имя Дм. Ник.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 3 іюня.* Что это, мой другъ, съ тобою дѣлается? вотъ ужъ девятый день, какъ не имѣю отъ тебя извѣстія. Это меня поневолѣ безпокоитъ. Положимъ, ты выѣзжала изъ Яропольца; все-таки, могла имѣть время написать мнѣ двѣ строчки. Я не писалъ тебѣ потому, что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше. Это писано не для тебя; а вотъ что пишу для тебя. Начала-ли ты желѣзныя ванны? есть-ли у Маши новые зубы, и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай, кто теперь остановился?—Сергѣй Ник., который пріѣхалъ-было въ Ц. Село къ брату, но съ нимъ побранился и принужденъ былъ бѣжать со всѣмъ багажемъ. Я очень ему радъ. Шашки возобновились. Тетка уѣхала съ Натальей Кир.—Я еще у ней не былъ. Долгорукая Малиновская выкинула, но, кажется, здорова. Сегодня обѣдаю у Вяземскаго, у котораго сынъ имениникъ; Карамзина уѣхала также. Писалъ я тебѣ, что Мещерскіе отправились въ Италію, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя въ жестокосердіи и раскаиваясь въ томъ, что оставляетъ Кат. Андр. одну? Я провожалъ ихъ до пироскафа. Въ прошлое воскресенье представлялся я къ вел. княгинѣ. Я поѣхалъ къ ея выс. на Кам. Островъ въ томъ пріятномъ расположеніи духа, въ которомъ ты меня привыкла видѣть, когда надѣваю свой великолѣпный мундиръ. Но она такъ была мила, что я забылъ и свою несчастную роль и досаду. Со мною вмѣстѣ представлялся цензоръ Красовскій. Вел. кн. сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être odligé de lire tout ce qui parait. Oui, Votre A. I., отвѣчалъ онъ ей: d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun. А я стою подлѣ него. Она, какъ умная женщина, какъ-то его подправила. Смирнова на сносяхъ. Брюхо ея ужасно; не знаю, какъ она разрѣшится, но она много ходитъ и не похожа на то, что была прошлаго года. Гр. Сологубъ встрѣтилъ я недавно. Она велѣла тебя поцѣловать, и тетка ея также. Я большею частію дома и въ клубѣ. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что разстроилъ себѣ желудокъ и что желчь меня такъ и волнуетъ. Да отъ желчи здѣсь не убережешься. Новостей нѣтъ, да хоть-бы и были, такъ не сказалъ-бы.—Цѣлую всѣхъ васъ, Христосъ съ вами. Отецъ и мать на дняхъ ѣдутъ въ деревню, а я хлопочу. Левъ ходитъ пѣшкомъ въ Царское Село, а Соболевскій въ Ораніенбаумъ. Видно, имъ обоимъ дѣлать нечего. Прощай, мой ангелъ. Не сердись на холодность моихъ писемъ. Пишу, скрѣпя сердце.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.—*Спб., 3 іюня.*—М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Не знаю, какъ васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности, которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь-ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о русскомъ Conversations-Lexicon. Великое множество біографическихъ статей, вами заготовленныхъ, могли-бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете-ли вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выбрать меня въ свои повѣренные, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

Н. Н. Пушкиной. *Спб., 8 іюня.*—Милый мой ангелъ! Я было написалъ тебѣ письмо на 4 страницахъ, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебѣ не послалъ, а пишу другое. У меня рѣшительно сплинъ. Скучно жить безъ тебя и не смѣть даже писать тебѣ все, что придетъ на сердце. Ты говоришь о Болдинѣ. Хорошо-бы туда засѣсть, да мудрено. Объ этомъ успѣемъ еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться, потому что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога. Но ты во всемъ этомъ не виновата, а виноватъ я изъ добродушія, которымъ я преисполненъ до глупости, не смотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за вѣсы, роскошную вывѣску моей скупости. Мнѣ прислала ихъ тетка безъ записки. Вѣроятно, она теперь въ хлопотахъ и приготовляетъ Нат. Кир. къ вѣсти о смерти кн. Кочубея, который до васъ не доѣхалъ, какъ имѣлъ намѣреніе, и умеръ въ Москвѣ. Денегъ тебѣ еще не посылаю. Принужденъ былъ снарядить въ дорогу своихъ стариковъ. Теребятъ меня безъ милосердія. Вѣроятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь отъ управленія имѣнія. Пускай они его коверкаютъ, какъ знаютъ; на ихъ вѣкъ станетъ, а мы Сашкѣ и Машкѣ постараемся оставить кусокъ хлѣба. Не такъ-ли? Новостей нѣтъ. Фикельмонъ боленъ и въ ужасной хандрѣ. Вьельгорскій ѣдетъ въ Италію къ больной женѣ; Петербургъ пустъ, всѣ на дачахъ, а я сижу дома до 4 часовъ и пишу. Обѣдаю у Дюме. Вечеромъ въ клобѣ. Вотъ и весь мой день. Для развлеченія вздумалъ было я въ кло-

бѣ играть, но принужденъ былъ остановиться. Игра волнуетъ меня—а желчь не унимается. Цѣлую васъ и благословляю. Прощай. Жду отъ тебя письма объ Яропольцѣ. Но будь осторожна... вѣроятно, и твои письма распечатываютъ: этого требуетъ государственная безопасность!

Н. Н. Пушкиной.—*Спб.*, *11 іюня.* — Нашла, за что браниться!.. за Лѣтній садъ и за Соболевскаго! Да вѣдь Лѣтній садъ—мой огородъ. Я, вставши отъ сна, иду туда въ халатѣ и туфляхъ. Послѣ обѣда сплю въ немъ, читаю и пишу. Я въ немъ дома. А Соболевскій? Соболевскій самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Онъ спекуляціи творитъ свои, а я свои. Моя спекуляція—удрать къ тебѣ въ деревню. Что ты мнѣ пишешь о Калугѣ? что тебѣ смотрѣть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что-же тебѣ тамъ дѣлать? Это тебя сестры баломутятъ, и вѣрно ужъ моя любимая. Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой другъ, въ Калугу не ѣздить. Сиди дома—такъ будетъ лучше. Тетка на дачѣ, а я у ней еще не былъ. Ѣду сегодня съ твоими письмами. Нат. Кир. узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de K. me fit tant de peine. Она утѣшается тѣмъ, что умеръ—онъ, а не Маша. Сегодня ѣдутъ мои въ деревню, и я ихъ иду проводить, до кареты, не до Царскаго Села, куда Левъ Серг. ходитъ пѣшечкомъ. Ужъ какъ меня теребили; вспомнилъ я тебя, мой ангелъ. А дѣлать нечего. Если не взяться за имѣніе, то оно пропадетъ-же даромъ; Ольга Серг. и Л. Серг. останутся на подножномъ корму, а придется взять ихъ мнѣ-же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а имъ и горя мало! Меня-же будутъ цыганить. Охъ, семья, семья!

Пожалуйста, мой другъ, не ѣзди въ Калугу. Съ кѣмъ тамъ тебѣ знаться? съ губернаторшей? Она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебѣ ѣхать къ ней на поклонъ. Съ невѣстой Дм. Ник.? Вотъ это дѣло другое. Ты сладь эту свадьбу, а я пріѣду въ отцы посаженые. Напиши мнѣ, женка, какъ поживала ты въ Яроп., какъ ладила съ матушкой и съ прочими. Надѣюсь, что вы разстались дружески, не успѣвъ поссориться и приревновать другъ къ другу. У насъ ожидаютъ прусскаго принца. Вчера пріѣхалъ Орловъ изъ Берлина съ женою въ три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думалъ о тебѣ и желалъ тебѣ воротиться изъ Завода такою-же тетехой. Полно тебѣ быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душѣ просвѣтлѣло. Я два дня сряду получалъ отъ тебя письма и помирился отъ души съ почтой и полиціей. Чортъ съ ними. Что дѣлаютъ дѣти? благословляю ихъ, а тебя цѣлую.

Н. Н. Пушкиной.—*Въ тотъ же день.*—Сейчасъ отъ меня тетя. Она проситъ тебя къ ней писать, а меня—тебѣ уши выдрать. Она переѣзжаетъ въ Царское Село, въ домъ кн. Кочубея, съ Нат. Кир., которая удивительно мила и добра; завтра ѣду съ ней проститься. Зачѣмъ ты теткѣ не пишешь? Какая ты безалаберная! Она проситъ, чтобъ я тебя въ Калугу пустилъ; да вѣдь ты махнешь и безъ моего позволенія. Ты на это молодецъ. Сейчасъ простился съ отцомъ и матерью. У него хандра и черныя мысли. Знаешь, что я думаю? не пріѣхать-ли мнѣ къ тебѣ на лѣто? Нѣтъ, жена, дѣло есть, потерпимъ еще полтора мѣсяца. А тутъ я къ тебѣ упаду, какъ снѣгъ на голову,—если только пустятъ меня. Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ. Во-первыхъ, вѣроятно откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу.—Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь—тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣ отъ двора;...... Вы-же не богаты. На тетку вамъ нельзя всѣмъ навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, такъ меня-бы въ Петербургъ не заманили и московскимъ калачемъ. Жилъ-бы себѣ бариномъ.—Но вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя на вѣки, чтобы только сказали про васъ: hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, madame une telle, тетка прислала мнѣ твое письмо, за которое я тебя очень благодарю Будь здорова, умна, мила, не ѣзди на бѣшеныхъ лошадяхъ, за дѣтьми смотри, чтобъ за ними няньки ихъ смотрѣли, пиши ко мнѣ чаще; сестеръ поцѣлуй запросто, Дм. Ник. также—дѣтей за меня благослови. Цѣлую тебя. Ѣду на пироскафѣ провожать Вьельгорскаго, который, вѣроятно, жену свою въ живыхъ не застанетъ. Петръ I идетъ; того и гляди, напечатаю 1-ый томъ къ зимѣ. На т о г о я перестал сердиться, потому что, toute réflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ А живя въ н...... поневолѣ привыкнешь къ....., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ!

Н. Н. Пушкиной.—*Спб.*, *19-го іюня.*—Грустно мнѣ, женка. Ты больна, дѣти больны. Чѣмъ это все кончится, Богъ вѣсть. Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости. И мои долги, и чужіе мнѣ покоя не даютъ. Имѣніе разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насѣли. То—то, то другое. Вотъ тебѣ письмо Спасскаго. Если ты здорова, на что тебѣ ванны. Тетку видѣлъ на дняхъ. Она ѣдетъ въ Царск. Село. Прощай, женка. Плетневъ сейчасъ ко мнѣ входитъ.—*П.* Цѣлую васъ всѣхъ и благословляю дѣтей.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб.*, *21-го іюня.*—„Ваше благородіе всегда понапрасну лаяться изволите“ (Н е д о р о с л ь).

Помилуй, за что, въ самомъ дѣлѣ, ты меня бранишь? что я пропустилъ одну почту? но вѣдь почта у насъ всякій день; пиши, сколько хочешь и когда хочешь, не то что изъ Калуги, изъ которой письма приходятъ каждые десять дней. Предпослѣднее письмо твое было такое милое, что расцѣловалъ-бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо-бы выдралъ. Буду отвѣчать тебѣ по пунктамъ. Когда я представлялся в. кн., дежурная была не С., а моя принципленная кузинка Ч.....на, до которой я не охотникъ; да хоть-бы и С. была въ караулѣ, такъ ужъ если влюбляться...—Эхъ, женка! почта мѣшаетъ, а то-бы я навралъ тебѣ съ три короба. Я писалъ тебѣ, что я отъ фрака отвыкъ, а ты меня ловишь во лжи, какъ въ petite misère ouverte, доказывая, что я видѣлъ и того и другого, слѣдственно въ свѣтѣ бываю; это ничего не доказываетъ. Главное то, что я привыкъ опять къ Дюме и къ Англійскому клобу; а этимъ нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоихъ. Какова бабенка, и каковъ красноглазый кроликъ Смир-

новъ?— . . . . Сегодня, кажется, девятый день—и слышно, мать и дѣти здоровы. Ты пишешь мнѣ, что думаешь выдать Кат. Ник. за Хлюстина, а Алекс. Ник. за Убри; ничему не бывать: оба влюбятся въ тебя; ты мѣшаешь сестрамъ, потому надобно быть твоимъ мужемъ, чтобъ ухаживать за другими въ твоемъ присутствіи, моя красавица. Хлюстинъ тебѣ вретъ, а ты ему вѣришь; откуда беретъ онъ, что я къ тебѣ въ августѣ не буду? развѣ онъ пьянъ былъ отъ ботвиньи съ лукомъ? Меня въ Петербургѣ останавливаетъ одно: залогъ имѣнія Нижегородскаго; я даже Пугачева намѣренъ препоручить Яковлеву, да и дернуть къ тебѣ, мой ангелъ, на Полотняный Заводъ.

Туда-бы отъ жизни удралъ, улизнулъ! Цѣлую тебя и дѣтей, и благословляю васъ отъ души.—Ты, я думаю, такъ въ деревнѣ похорошѣла, что ни на что не похоже.—Благодарю за анекдотъ о Дмитр. Ник. Не влюбленъ-ли онъ? Тетка въ Царскомъ Селѣ. Надняхъ ѣду къ ней. Addio, vita mia; ti amo.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., въ концѣ іюня.*—Мой ангелъ, сейчасъ послалъ я къ графу Литта извиненіе въ томъ, что не могу быть на Петергофскомъ праздникѣ по причинѣ болѣзни. Жалѣю, что ты не увидишь; онъ того стоитъ. Не знаю даже, удастся-ли тебѣ когда-нибудь его видѣть. Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, что съ вами будетъ! мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку. Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сдѣлаться богатымъ—а тамъ, пожалуй, и путать можемъ въ свою голову. Петербургъ ужасно скученъ. Говорятъ, что свѣтъ живетъ на Петергофской дорогѣ. На Черной рѣчкѣ только Бобринская да Фикельмонъ. Принимаютъ—а никто не ѣдетъ. Будутъ большіе праздники послѣ Петергофа. Но я ужъ никуда не поѣду. Меня здѣсь удерживаетъ одно: типографія. Виноватъ, еще другое: залогъ имѣнія. Но можно-ли будетъ его заложить? какъ ты права была въ томъ, что не должно мнѣ было принимать на себя эти хлопоты, за которыя никто мнѣ спасибо не скажетъ, а которыя испортили мнѣ столько ужъ крови, что всѣ піявки дома нашего ея мнѣ не высосутъ.—Кстати о домѣ нашемъ: надобно тебѣ сказать, что я съ нашимъ хозяиномъ побранился, и вотъ почему. На дняхъ возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. Насилу добудился дворника. А ему уже нѣсколько разъ говорилъ: прежде моего пріѣзда не запирать. Разсердясь на него, далъ я ему отеческое наказаніе. На другой день узнаю, что Оливье на своемъ дворѣ декламировалъ противу меня и велѣлъ дворнику меня не слушаться и двери запирать съ 10 часовъ, чтобъ воры не украли лѣстницы. Я тотчасъ велѣлъ прибить къ дверямъ объявленіе, писанное рукою Сергѣя Николаевича, о сдачѣ квартиры—а къ Оливье написалъ письмо, на которое дуракъ до сихъ поръ не отвѣчалъ. Война-же съ дворникомъ не прекращается, и вчера еще я съ нимъ повозился. Мнѣ его жаль, но дѣлать нечего: я упрямъ и хочу переспорить весь домъ—включая тутъ и піявокъ. Я передъ тобой кругомъ виноватъ въ отношеніи денежномъ. Были деньги—и проигралъ ихъ. Но что дѣлать? я такъ былъ желченъ, что надобно было развлечься чѣмъ-нибудь. Все т о т ъ виноватъ; но Богъ съ нимъ; отпустилъ-бы лишь меня восвояси. Письмо твое не передо мной: кажется, есть что-то, на что обязанъ я возразить—но до другого дня.—Пока прощай.—Цѣлую тебя и дѣтей, благословляю всѣхъ троихъ. Прощай, душа моя—кланяйся сестрамъ и братьямъ. Сергѣй Ник. на дняхъ въ офицеры произведенъ и хлопочетъ о мундирѣ.—*А. П.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (черновое, по франц.)—*Спб., въ іюнѣ.*—Повергая предъ Его Вел—омъ II томъ Пугачева, я позволю себѣ изложить Вашему Превосходительству обстоятельства, лично до меня касающіяся, и прибѣгнуть къ Вашему обычному доброжелательству. Разрѣшая мнѣ напечатаніе этого сочиненія, Его Величество обезпечилъ мое состояніе. Вырученныя отъ его продажи деньги дадутъ мнѣ возможность принять наслѣдство, отъ котораго я вынужденъ былъ отказаться за неимѣніемъ потребныхъ 40000 рублей. Вышеупомянутое сочиненіе доставитъ мнѣ эту сумму только въ томъ случаѣ, если-бы я могъ самъ издать его, не прибѣгая къ книгопродавцамъ, для чего было-бы достаточно 15000 рублей.

Поэтому прошу двухъ вещей: во-первыхъ, разрѣшенія печатать 2-й томъ Пугачева за мой счетъ въ Собственной типографіи Его Величества, находящейся въ завѣдываніи г. Яковлева, (это единственная типографія, относительно которой я увѣренъ, что не буду обманутъ) и во-вторыхъ, чтобы мнѣ даны были взаймы на 2 года 15000 рублей; эта сумма дастъ мнѣ возможность посвятить изданію необходимое для того количества времени и труда.

Я не имѣю иныхъ правъ на милость, о которой ходатайствую, кромѣ уже полученныхъ благодѣяній. Они-то и даютъ мнѣ смѣлость для новыхъ ходатайствъ. Ввѣряю мою нижайшую просьбу Вашему покровительству.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 2 іюля.*—Твоя Шишкова ошиблась: я за ея дочкой Полиной не волочился, потому что не видывалъ, а ѣздилъ я къ Александру Семеновичу Ш. въ академію, и то не для свадьбы, а для жетоновъ, pour(pas?) autrement. Исторія-же о княжнахъ совершенно справедлива, и я не вижу тутъ ничего смѣшного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, другъ мой, кромѣ тебя въ жизни моей утѣшенія нѣтъ—и жить съ тобою въ разлукѣ такъ-же глупо, какъ и тяжело. Но что-жъ дѣлать? Послѣ завтраго начну печатать Пугачева, который до сихъ поръ лежитъ у Сперанскаго. Онъ задержитъ меня съ мѣсяцъ. — Въ августѣ буду у тебя. Завтра Петергофскій праздникъ, и я проведу его на дачѣ у Плетнева, вдвоемъ. Будемъ пить за твое здоровье. Съ хозяиномъ Оливье я рѣшительно побранился, и надобно будетъ имѣть другую квартиру, особенно если пріѣдутъ съ тобою сестры. Serge еще у меня, вчера явился ко мнѣ въ офицерскомъ мундирѣ, и молодецъ.—Исторія о томъ, какъ Ив. Ник. побранился съ Юрьевымъ и какъ они помирились, уморительно смѣшна, но долго тебѣ разсказывать. Изъ деревни имѣю я вѣсти неутѣшительныя. Посланный мною новый управитель нашелъ все въ такомъ безпорядкѣ, что отказался отъ управленія и уѣхалъ. Думаю

послѣдовать его примѣру. Онъ умный человѣкъ, а Болдино можно еще коверкать лѣтъ пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обѣщаешься не кокетничать; хоть это я тебѣ и позволилъ, но все-таки лучше моимъ позволеніемъ тебѣ не пользоваться. — Радуюсь, что Сашку отъ груди отняла, давно-бы пора. А что̀ кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не бѣда; мальчикъ привыкнетъ къ вину и будетъ молодецъ, во Льва Сергѣевича. Машкѣ скажи, чтобъ она не капризничала, не то я пріѣду и худо ей будетъ. Благословляю всѣхъ васъ—тебя цѣлую въ особенности.

P. S. Пожалуйста, не требуй отъ меня нѣжныхъ, любовныхъ писемъ. Мысль, что мои письма распечатываются и прочитываются на почтѣ, въ полиціи, и такъ далѣе—охлаждаетъ меня, и я поневолѣ сухъ и скученъ. Погоди, въ отставку выду, тогда переписка нужна не будетъ.

М. Л. Яковлеву —*Спб., 3 іюля.* — М. Г. Михайло Лукьяновичъ! Вслѣдствіе даннаго вамъ начальствомъ порученія касательно напечатанія рукописи моей, подъ названіемъ «Исторія Пугачевскаго бунта», и по личному моему съ вами о томъ объясненію, поспѣшаю васъ увѣдомить:

1-е. Желаю я, чтобъ означенная рукопись была напечатана въ 8-ю долю листа, такого-же формата, какъ Сводъ Законовъ.

2-е. Число экземпляровъ полагаю я 3000, изъ коихъ для 1200 прошу заготовить бумагу на счетъ казенный, а потребное количество оной для 1800 экз. доставлю я самъ въ типографію.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до изданія книги, то во всемъ полагаюсь на ваше благоусмотрѣніе.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). *Спб., 3 іюля.*—Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ. Однако-же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ-бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть и проч. *А. Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.). — *Спб., 4 іюля.*—М. Г. графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностью и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости. Съ глубоч. почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

В. А. Жуковскому.—*Спб., 4 іюля.*—Получивъ первое письмо твое, я тотчасъ написалъ графу Бенкендорфу, прося его остановить мою отставку, ma démarche étant inconsiderée, и сказалъ que j'aimais mieux avoir l'air inconsequent qu'ingrat. Но вслѣдъ за тѣмъ получилъ оффиціальное извѣщеніе о томъ, что отставку я получу, но что входъ въ архивы мнѣ будетъ запрещенъ. Это огорчило меня во всѣхъ отношеніяхъ. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое невесело, перемѣна жизни почти необходима. Изъяснять все это гр. Бенкендорфу мнѣ недостало духа — отъ этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочемъ, я ужъ не имѣлъ намѣренія произвести, что̀ вышло. Писать письмо прямо къ государю, ей-Богу, не смѣю, особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Лизавета Михайловна Хитрово. Она привезла еще мнѣ два твои письма. Это меня, конечно, трогаетъ. Но что-жъ мнѣ дѣлать? Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу.

В. А. Жуковскому.—*Спб., 6 іюня.* Я, право, самъ не понимаю, что̀ со мною дѣлается. Идти въ отставку, когда того требуютъ обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствіе—какое тутъ преступленіе? Какая неблагодарность? Но государь можетъ видѣть въ этомъ что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. Въ такомъ случаѣ, я не подаю въ отставку и прошу оставить меня въ службѣ. Теперь—отчего письма мои сухи? Въ глубинѣ сердца моего я чувствую себя правымъ передъ государемъ. Гнѣвъ его меня огорчаетъ; но чѣмъ хуже положеніе мое, тѣмъ языкъ мой становится связаннѣе и холоднѣе. Что̀ мнѣ дѣлать? Просить прощенія? Да въ чемъ? Къ Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что̀ у меня на сердцѣ. Но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.)—*Спб., 6 іюля.*—Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко перетолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой-же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я питалъ къ нему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастью, незаслуженное.—Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу, не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво.—Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія.—Съ таковыми чувствами имѣю честь быть. *А. П.*

М. Н. Загоскину.—*Спб. 9 іюля.*—М. Г. Михаилъ Николаевичъ! Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное

ваше творенiе, и не слыхали отъ меня спасибо. Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ прiятель мой Соболевскiй, который ѣдетъ въ Москву каждый день ужъ седьмой мѣсяцъ, какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ важнымъ дѣломъ: г. Александръ (чревовѣщатель), очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующiя условiя: доходъ за представленiя пополамъ съ дирекцiею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку-Москву. Съ глубочайшимъ уваженiемъ и пр. *А. П.*

Н. Н. Пушкиной *Спб., 11 iюля.* — Ты, женка моя, презалаберная (вычеркнуто) пребезалаберная (насилу слово написалъ). То сердишься на меня за С., то за краткость моихъ писемъ, то за холодный слогъ, то за то, что къ тебѣ не ѣду. Подумай обо всемъ и увидишь, что я передъ тобой не только правъ, но чуть не святъ. Съ С. я не кокетничаю, потомъ что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствамъ, тебя извѣстнымъ; не ѣду къ тебѣ по дѣламъ, ибо я печатаю Пугачева и закладываю имѣнiя, и вожусь, и хлопочу—и письмо твое меня огорчило, а между тѣмъ и порадовало; если ты поплакала, не получивъ отъ меня письма, стало быть, ты меня еще любишь, женка, за что цѣлую тебѣ ручки и ножки. Кабы ты видѣла, какъ я сталъ прилеженъ: какъ читаю корректуру—какъ тороплю Яковлева! Только-бы въ августѣ быть у тебя. Теперь разскажу тебѣ о вчерашнемъ балѣ. Былъ я у Фикельмонъ. Надо тебѣ знать, что съ твоего отъѣзда я кромѣ какъ въ клобѣ нигдѣ не бываю. Вотъ вчерась, какъ я вошелъ въ освѣщенную залу съ нарядными дамами, то я смутился, какъ нѣмецкiй профессоръ: насилу хозяйку нашелъ, насилу слово вымолвилъ. Потомъ, осмотрѣвшись, увидѣлъ я, что народу не такъ-то много, и что балъ это запросто, а не раутъ. Незнакомыхъ дамъ—нѣсколько прусачекъ (наши лучше, не говоря уже о тебѣ), а одѣты, какъ Ермолова во дни отчаянные. Вотъ, наѣлся я мороженаго и прiѣхалъ себѣ домой—въ часъ. Кажется, не за что меня бранить. О тебѣ въ свѣтѣ много спрашиваютъ и ждутъ очень. Я говорю, что ты уѣхала плясать въ Калугу. Всѣ тебя за то хвалятъ. И говорятъ: ай-да баба!—а у меня сердце радуется. Тетка заѣхала вчера ко мнѣ и бесѣдовала со мной въ каретѣ; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утѣшала. На дняхъ я чуть было бѣды не сдѣлалъ: съ т ѣ м ъ чуть было не побранился — и трухнулъ-то я, да и грустно стало. Съ этимъ поссорюсь—другого не наживу. А долго на него сердиться не умѣю, хоть онъ и не правъ. Сегодня былъ на дачѣ у Плетнева; у него дочь именинница. Только вмѣсто его нашелъ я кривую кузину—и ничего. А онъ уѣхалъ въ Оранiенбаумъ—в. княгиню учить. Досадно было, да нечего дѣлать. Прощай, женка—спать хочу. Цѣлую тебя и васъ—и всѣхъ благословляю.—Христосъ съ вами.

П. А. Осиповой (по франц.) *Спб., 29 iюня — 13 iюля.* —Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, дорогая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣже чувства дружбы и участiя. Касательно Рейхмана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрiя ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю второго. Не имѣя намѣренiя поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнiя, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго разоренiя; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносить проценты въ ломбардъ. Улучшенiя придутъ впослѣдствiи. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленiе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить, до какой степени тяготитъ меня управленiе этимъ имѣнiемъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что Болдино стòитъ того, чтобы его спасти, хотя-бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или по меньшей мѣрѣ бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣнiе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непрiятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго разоренiя. Если-бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтенiе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженiе чувствъ моего уваженiя и неизмѣнной дружбы. *А. П.*

13-го iюля. Это письмо должно было-бъ быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ. Не знаю, какъ случилось, что оно не послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все-таки располагаю явиться къ вамъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 13 iюля.* — Ты хочешь непремѣнно знать, скоро-ли я буду у твоихъ ногъ? изволь, моя красавица: я закладываю имѣнiе отца; это конечно будетъ черезъ недѣлю. Я печатаю Пугачева; это займетъ цѣлый мѣсяцъ. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тутъ ужъ я къ тебѣ явлюсь и обниму тебя, и дѣтей расцѣлую. Ты развѣ думаешь, что холостая жизнь ужасно какъ меня радуетъ? Я сплю и вижу, чтобъ къ тебѣ прiѣхать; да кабы могъ остаться въ одной изъ вашихъ деревень подъ Москвою, такъ-бы Богу свѣчку поставилъ; радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Я деньги мало люблю; но уважаю въ нихъ единственный способъ благопристойной независимости. — А о какомъ сосѣдѣ пишешь мнѣ лукавыя письма? кѣмъ это меня ты стращаешь? отселѣ вижу, что̀ такое. Человѣкъ лѣтъ 36; отставной военный, или служащiй по выборамъ. Съ пузомъ и въ картузѣ. Имѣетъ 300 душъ и ѣдетъ ихъ перезакладывать—по случаю неурожая—а наканунѣ отъѣзда сентиментальничаетъ передъ тобою. Не такъ-ли? А ты, бабенка, за неимѣнiемъ того и другого, избираешь въ обожатели и его: дѣльно. Да какъ балы тебѣ не прiѣлись, что ты и въ Калугу ѣдешь для нихъ? Удивительно!—Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ. На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я струхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не

давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что̀ ты будешь дѣлать и что̀ скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. — Поцѣлуй дѣтей и благослови ихъ за меня. Прощай, цѣлую тебя.—*А. П.*

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 14 іюля.* — Всѣ вы, дамы, на одинъ покрой. Куда какъ интересны похожденія дурачка Д. и его семейственныя ссоры, а ты такъ и радуешься. Я чай, такъ и раскокетничалась. Что-то Калуга! Вотъ тутъ попарствуешь!—Впрочемъ, женка, я тебя зато не браню. Все это въ порядкѣ вещей; будь молода, потому что ты молода—и царствуй, потому что ты прекрасна.—Цѣлую тебя отъ сердца—теперь поговоримъ о дѣлѣ. Если ты въ самомъ дѣлѣ вздумала сестеръ своихъ сюда привезти, то у Оливье оставаться намъ невозможно: мѣста нѣтъ. Но обѣихъ-ли ты сестеръ къ себѣ берешь? Эй, женка! смотри... Мое мнѣніе: семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы; родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ. Впрочемъ объ этомъ еще поговоримъ. Яковлевъ обѣщаетъ отпустить меня къ тебѣ въ августѣ. Я оставлю Пугачева на его попеченіи. Августъ близокъ. Слава Богу, дождались. Надѣюсь, что ты передо мною чиста и права, и что мы свидимся, какъ разстались. Мнѣ кажется, что Сашка начинаетъ тебѣ нравиться — радуюсь; онъ не въ примѣръ милѣе Машки, съ которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла. Разсердилась на доктора и кровь кинулась въ голову, слава Богу, что не молоко. Она теперь принимаетъ, но я у ней не былъ. Сегодня фейворокъ или фейерверкъ. Сергѣй Ник. ѣдетъ смотрѣть его; а я въ городѣ останусь. У насъ третій день какъ жары—и мы не знаемъ, что̀ дѣлать. Сплю и вижу, чтобы изъ Петербурга убраться къ тебѣ, а ты и не вѣришь мнѣ, и бранишь меня. Сегодня съѣзжу къ Плетневу. Поговоримъ о тебѣ. У меня большія хлопоты по части Болдина. Черезъ годъ я на все это плюну—и займусь своими дѣлами. Левъ Серг. очень себя дурно ведетъ. Ни копѣйки денегъ не имѣетъ, а въ домино проигрываетъ у Дюме по 14 бутылокъ шампанскаго. Я ему ничего не говорю, потому что, слава Богу, мужику 30 лѣтъ; но мнѣ его жаль и досадно. Соболевскій имъ руководствуетъ, и что̀ ужъ они дѣлаютъ, то Господь вѣдаетъ. Оба довольно пусты. Тетка въ Царск Селѣ. Я все къ ней сбираюсь, да не сберусь.—Прощай. Обнимаю тебя, дѣтей благословляю, тебя также. Всякій-ли ты день молишься, стоя въ углу?

Н. Н. Пушкиной—*Спб., 26 іюля.*—Наташа, мой ангелъ, знаешь-ли что̀? я беру этажъ, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня ѣдетъ въ чужіе края, дочь ея больна не на шутку: боятся чахотки. Дай Богъ, чтобъ югъ ей помогъ. Сегодня видѣлъ во снѣ, что она умерла, и проснулся въ ужасѣ. Ради Бога, берегись ты. Женщина, говоритъ Гальяни, est un animal naturellement faible & malade. Какія-же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать. И за то спасибо. Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю къ тебѣ явиться. Право, душа проситъ, да мошна не велитъ. Я работаю до низложенія ризъ. Держу корректуру двухъ томовъ вдругъ, пишу примѣчанія, закладываю деревни,—Льва Сергѣича выпроваживаю въ Грузію. Все слажу—и сломя голову къ тебѣ прискачу. Сейчасъ приносили мнѣ корректуру, и я тебя оставилъ для Пугачева. Въ корректурѣ я прочелъ, что Пугачевъ поручилъ Хлопушѣ грабежъ заводовъ. Поручаю тебѣ грабежъ Заводовъ (деревня Полотняные Заводы, гдѣ жила жена Пушкина). Слышишь-ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись съ добычею.—Въ свѣтѣ я не бываю. Смирнова велѣла мнѣ сказать, что она меня впишетъ въ разрядъ иностранцевъ, которыхъ велѣно не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible et malade). Цѣлую Машу и заочно смѣюсь ея затѣямъ. Она умная дѣвчонка, но я отъ нея покамѣстъ ума не требую, а требую здоровья. Довольна-ли ты нѣмкой и кормилицей? Ты дурно сдѣлала, что кормилицу не прогнала. Какъ можно держать при дѣтяхъ пьяницу, повѣря обѣщанію и слезамъ пьяницы? Молчи, я все это улажу. До тебя мнѣ осталось 9 листовъ. То-есть, какъ еще пересмотрю 9 печатныхъ листовъ и подпишу: «печатать»,—такъ и пущусь къ тебѣ, а покамѣстъ буду проситься въ отпускъ. Новостей нѣтъ никакихъ, кромѣ того, что бѣднаго маршала Мезона чуть не задавили на маневрахъ. Знай нашихъ. Цѣлую тебя и ихъ. Господь васъ благослови.

Н. Н. Пушкиной. — *Спб., 30 іюля.* — Что̀ это значитъ, жена? Вотъ ужъ болѣе недѣли, какъ я не получаю отъ тебя писемъ. Гдѣ ты? что̀ ты? Въ Калугѣ? въ деревнѣ? откликнись. Что̀ такъ могло тебя занять и развлечь? какія балы? какія побѣды? ужъ не больна-ли ты? Христосъ съ тобою. Или просто хочешь меня заставить скорѣе къ тебѣ пріѣхать? Пожалуйста, женка — брось эти военныя хитрости, которыя не въ шутку мучатъ меня за тысячу верстъ отъ тебя. Я пріѣду къ тебѣ, коль скоро меня Яковлевъ отпуститъ. Дѣла мои подвигаются. Два тома печатаются вдругъ! Для одной недѣли разницы не заставь меня все бросить, и потомъ охать цѣлый годъ, если не два и не три. Будь умна. Я очень занятъ. Работаю цѣлое утро, до 4 часовъ, никого къ себѣ не пускаю. Потомъ обѣдаю у Дюме, потомъ играю на бильярдѣ въ клубѣ; возвращаюсь домой рано, надѣюсь найти отъ тебя письмо—и всякій день обманываюсь. Тоска, тоска! – Съ кн. Вяземскимъ я уже условился. Беру его квартиру. Къ 10 августу припасу ему 2.500 рублей—и велю перетаскивать пожитки; а самъ поскачу къ тебѣ. Ждать недолго.

Прощай — будьте всѣ здоровы, цѣлую твой портретъ, который что-то кажется виноватымъ. Смотри.

Н. Н. Пушкиной.—*Спб., 3 августа.*—Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноватъ, я или почта, и оставляешь меня двѣ недѣли безъ извѣстія о себѣ и о дѣтяхъ. Я такъ былъ смущенъ, что не зналъ, что̀ и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утѣшило. Описаніе вашего путешествія въ Калугу, какъ ни смѣшно, для меня вовсе не забавно. Что̀ за охота таскаться въ скверный

уѣздный городишка, чтобъ видѣть скверныхъ актеровъ, скверно играющихъ старую, скверную оперу? что за охота останавливаться въ трактирѣ, ходить въ гости къ купеческимъ дочерямъ, смотрѣть съ чернію губернскій фейворокъ—когда въ Петербургѣ ты никогда и не думаешь посмотрѣть на Каратыгиныхъ и никакимъ фейворокомъ тебя въ карету не заманишь. Просилъ я тебя по Калугамъ не разъѣзжать, да видно, ужъ у тебя такая натура. О твоихъ кокетственныхъ сношеніяхъ съ сосѣдомъ говорить нечего. Кокетничать я самъ тебѣ позволилъ, но читать о томъ листъ кругомъ подробнаго описанія вовсе мнѣ не нужно. Побранивъ тебя, беру нѣжно тебя за уши и цѣлую: благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на колѣняхъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надѣюсь, что твоя чистая молитва лучше моихъ, какъ для меня, такъ и для насъ. Ты ждешь меня въ началѣ августа. Вотъ, нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь; Яковлевъ отпуститъ меня около половины мѣсяца. Но и тутъ я не совсѣмъ еще буду свободенъ. Я взялъ квартиру Вяземскихъ, надо будетъ мнѣ переѣхать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься въ дорогу. Дай Богъ пріѣхать мнѣ къ твоимъ именинамъ, я и тѣмъ былъ-бы счастливъ.

Вяземскіе здѣсь. Бѣдная Полина очень слаба и блѣдна. На отца жалко смотрѣть. Такъ онъ убитъ. Они всѣ ѣдутъ за границу. Дай Богъ, чтобъ климатъ ей помогъ. Marie похорошѣла и въ бѣдной загнанной Москвѣ произвела большое дѣйствіе. О тебѣ гремитъ еще молва, послѣ минутнаго твоего появленія. Нашли, что ты похудѣла. Я привезу тебя тетехой, по твоему обѣщанію: смотри-жъ! не поставь меня въ лгуны. На дняхъ встрѣтилъ я m-me Жоржъ. Она остановилась со мною на улицѣ и спрашивала о твоемъ здоровьѣ; я сказалъ, что на дняхъ ѣду къ тебѣ pour te faire un enfant. Она стала присѣдать, повторяя: Ахъ, Monsieur, vous me ferez une grande plaisir. Однако я боюсь родовъ, послѣ того что ты выкинула. Надѣюсь, однако, что отдохнула. Видѣлъ я Смирнову; она начинаетъ оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась изъ Царскаго Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоѣла. Н. К. сердится на всѣхъ, особенно на князя Кочубея, зачѣмъ онъ умеръ и тѣмъ огорчилъ ея Машу. На княгиню также дуется, и говоритъ: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolés. Тетка говоритъ, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочетъ. Serge въ лагерѣ. Брата Ивана не вижу. Прощай. Христосъ съ вами. Цѣлую васъ, тебя въ особенности. Принесли корректуру.

М. Л. Яковлеву.— *Спб., въ половинѣ августа.*— Вотъ 18-й листъ (Исторія Пугач. бунта). Справлялся я въ другихъ спискахъ и смысла не нашелъ и тамъ. Изъ предисловія (ты правъ, любимецъ музъ!) должно будетъ выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино, 15 сентября.* — Почта идетъ во вторникъ, а сегодня только еще суббота; итакъ, это письмо не скоро до тебя доберется. Я пріѣхалъ третьяго дня, въ четвергъ, поутру—вотъ какъ тихо ѣздятъ по губернскимъ трактамъ—а я еще платилъ почти вездѣ двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты подъ государя, который долженъ изъ Москвы проѣхать въ Нижній. Въ деревнѣ встрѣтилъ меня первый снѣгъ, и теперь дворъ передъ моимъ окошкомъ бѣлешенекъ: c'est une trés aimable attention, однако я еще писать не принимался, и въ первый разъ беру перо, чтобъ съ тобою побесѣдовать. Я радъ, что добрался до Болдина; кажется, менѣе будетъ мнѣ хлопотъ, чѣмъ я ожидалъ. Написать что-нибудь мнѣ бы очень хотѣлось; не знаю, придетъ-ли вдохновеніе. Здѣсь нашелъ я Безобразова (что же ты такъ удивилась? не твоего обожателя, а мужа моей кузины-маргаритки). Онъ хлопочетъ и хозяйничаетъ и, вѣроятно, купитъ полъ-Болдина. Охъ, кабы у меня было 100,000! какъ-бы я все это уладилъ; да Пугачевъ, мой оброчный мужичекъ, и половины того мнѣ не принесетъ, да и то мы съ тобою какъ разъ промотаемъ; не такъ ли? Ну! нечего дѣлать: буду живъ! будутъ и деньги... Вотъ, ѣдетъ ко мнѣ Безобразовъ—прощай.

Ухъ, насилу отвязался! Два часа сидѣлъ у меня. Оба мы хитрили—дай Богъ, чтобъ я его перехитрилъ на дѣлѣ; а на словахъ, кажется, я перехитрилъ. Вижу отселѣ твою недовѣрчивую улыбку: ты думаешь, что я подуруша, и что меня опять оплетутъ—увидимъ. Пріѣхавъ въ Москву, кончу дѣло въ два дня; и пріѣду въ Петербургъ молодцомъ, и обладателемъ села Болдина.

Сейчасъ у меня были мужики съ челобитьемъ; и съ ними принужденъ я былъ хитрить; но эти навѣрное меня перехитрятъ, хотя я сдѣлался ужаснымъ политикомъ, съ тѣхъ поръ какъ читаю Conquête de l'Angleterre par les Normands. Это что еще? Баба съ просьбою. Прощай, иду ее слушать...

Ну, женка, умора. Солдатка проситъ, чтобъ ея сына записали въ мои крестьяне, а его де записали въ в...... (незаконные), а она де родила его только 13 мѣсяцевъ по отдачѣ мужа въ рекруты, такъ какой-же онъ в......? я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го. Теперь, вѣроятно, ты въ Ярополыцѣ и вѣроятно ужъ думаешь объ отъѣздѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя письма. Не забудь моего адреса: въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ село Абрамово, оттуда въ село Болдино.—Мнѣ здѣсь хорошо, да скучно, а когда мнѣ скучно, меня такъ и тянетъ къ тебѣ, какъ ты жмешься ко мнѣ, когда тебѣ страшно. Цѣлую тебя и дѣтокъ и благословляю васъ. Писать я еще не принимался.

Н. Н. Пушкиной. — *Болдино. 25 сентября.*— Вотъ ужъ скоро двѣ недѣли, какъ я въ деревнѣ, а отъ тебя еще письма не получилъ. Скучно, мой ангелъ. И стихи въ голову нейдутъ, и романъ не переписываю. Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію, а все объ васъ думаю. Здоровъ-ли Сашка? прогнала-ли ты кормилицу? отдѣлалась-ли отъ проклятой нѣмки? Каково доѣхала? Много вещей, о которыхъ безпокоюсь. Видно нынѣшнюю осень мнѣ долго въ Болдинѣ не прожить. Дѣла мои я кой-какъ уладилъ. Погожу еще немножко, не распишусь-ли; коли нѣтъ—такъ съ Богомъ и въ путь. Въ Москвѣ останусь дня три, у Нат. Ив. (въ Ярополыцѣ) сутки—и пріѣду къ тебѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ: неужто близъ тебя не распишусь? Пустое. Я жду къ себѣ Языкова, да видно не дождусь.—Скажи пожалуйста, брюхата-ли ты? если брюхата, прошу, мой другъ, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колѣни передъ Машей (ни даже на молитвѣ). Не забудь, что ты выкинула и что тебѣ надобно

себя беречь.—Охъ, кабы ты ужъ была въ Петербургѣ! Но по всѣмъ моимъ расчетамъ, ты прежде 3-го октября не доѣдешь. И какъ тебѣ тамъ быть? безъ денегъ, безъ Амельяна, съ твоими дурами-няньками и неряхами дѣвушками (не во гнѣвъ будь сказано Пелагеѣ Ивановнѣ, которую заочно цѣлую). У тебя, чай, голова кругомъ идетъ. Одна надежда: тетка. Но изъ тетки двухъ тетокъ не сдѣлаешь—видно, что мнѣ надобно спѣшить.—Прощай, Христосъ васъ храни. Цѣлую тебя крѣпко — будьте здоровы.

Н. М. Языкову. — *Болдино, 26 сентября.* — Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи пріѣздомъ Александра Михайловича (Языкова), который, къ сожалѣнію, пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнитъ онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково, быть свидѣтелемъ его свободы, обѣщаясь употребить меня съ пользою; но мнѣ невозможно: жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили, что весьма не худо было-бы мнѣ приняться за альманахъ, или паче за журналъ; я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? сами видите: щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей-ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправляюсь въ Петербургъ. Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки, адресуйте ихъ на Дворцовую набережную, въ домъ Баташева, у Прачешнаго моста. Ал. Мих. изволитъ спѣшить,—и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности. Вашъ богомолецъ *А. Пушкинъ.*

М. Л. Яковлеву. — *Спб., 19 октября.*—Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? (лицейскую) Не правда-ли?—*№ 14* (Лиц. № комнаты Пушкина).

А. А. Фуксъ.—*Спб., 19 октября.*—Вчера, возвратившись въ Петербургъ послѣ скучнаго трехмѣсячнаго путешествія по губерніямъ, я былъ обрадованъ неожиданной находкою: письмомъ и посылкою изъ Казани. Съ жадностію прочелъ я прелестныя ваши стихотворенія, и между ними ваше посланіе ко мнѣ, недостойному поклоннику вашей музы. Въ обмѣнъ вымысловъ, исполненныхъ прелести, ума и чувствительности, надѣюсь на дняхъ доставить вамъ отвратительно ужасную исторію Пугачева. Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!.. право, совѣстно; особенно передъ вами.

Вы изволили написать, что баронъ Люцероде долженъ мнѣ былъ доставить письмо еще въ прошломъ году; къ крайнему сожалѣнію моему, я его не получилъ, вѣроятно потому, что барона Люцероде я уже не засталъ въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ Оренбурга. Онъ уже былъ отозванъ въ Дрезденъ. Э. П. Перцовъ, котораго на минуту имѣлъ я удовольствіе видѣть въ Петербургѣ, сказывалъ мнѣ, что онъ имѣлъ у себя письмо отъ васъ ко мнѣ; но и тутъ оно до меня не дошло: онъ уѣхалъ изъ Петербурга, не доставя мнѣ для меня драгоцѣнный знакъ вашего благосклоннаго воспоминанія. Понимаю его разсѣянность въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ, но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ письмо, которое забылъ мнѣ здѣсь доставить. Потрудитесь, м. г., засвидѣтельствовать глубочайшее мое почтеніе Карлу Ѳедоровичу (мужу г-жи Фуксъ), коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

П. В. Нащокину.—*Спб., въ декабрѣ.* — Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, немедленно тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдовательно будь покоенъ. Я-бы нашелъ много, что̀ тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи и нигдѣ тебя не заставалъ: изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда-бы намъ съ тобою увидѣться! Много-бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо-бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворцовую набережную, въ домъ Баташова у Прачешнаго моста (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ-бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ-ли ты лошадей, выгруженныхъ на петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то-ли и съ тобою? О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручку у твоей роженицы.

1835.

П. В. Нащокину.—*Спб., 20 января.*—Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1500 рублей, остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ заимообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно, ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня-же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a un beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другого. Впрочемъ, это дѣло дамское.

Ты видѣлъ, вѣроятно, Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка. Емелька Пугачевъ—оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но

какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

Гр А. Х. Бенкендорфу. *Спб., 26 января.* — Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ-бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мѣрѣ для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти.

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.—*Спб., 26 января.*— М. Г. Дмитрій Николаевичъ. Съ благодарностію отсылаю вамъ статьи, коими, по вашему благорасположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣніе ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоцѣнно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разсказчика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ укоризны научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: на стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50. - Изъ примѣчанія въ пятой главѣ (92) вмѣсто Тобольскъ - Табинскъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 14 февраля.* М. Г. Иванъ Ивановичъ. Молодой Карамзинъ показывалъ мнѣ письмо вашего высокопревосходительства, въ которомъ укоряете вы меня въ невѣжливости непростительной. Спѣшу оправдаться: я до сихъ поръ не доставилъ вамъ своей дани, потому что поминутно поджидалъ портретъ Емельяна Ивановича, который гравируется въ Парижѣ; я хотѣлъ поднести вамъ книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было-бы съ моей стороны не только скупостію, но и неблагодарностію: хроника моя обязана вамъ яркой и живой страницей, за которую много будетъ мнѣ прощено самыми строгими читателями.

Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени: тѣ и другіе имѣли въ старину, первые—менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые — болѣе искренности и душевной теплоты. Что̀ касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной.

Не знаю, занимаетъ-ли васъ участь нашей академіи, которая недавно лишилась своего секретаря, умершаго на щитѣ, то есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современникъ вашъ, о которомъ изволите упоминать въ письмѣ къ А. Н. Карамзину, слава Богу, здравствуетъ и продолжаетъ посѣщать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академію по субботамъ. Въ лавкѣ забираетъ онъ свои сочиненія, все еще нераспроданныя, и раздаетъ ихъ въ академіи сочленамъ съ трогательнымъ безкорыстіемъ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

Д. Н. Бантышъ-Каменскому.—*Спб., 2 апрѣля.* — М. Г. Дмитрій Николаевичъ! Съ крайней досадою узналъ я, что давно уже отосланныя ваши бумаги все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю, получили-ли вы Исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ вашими бумагами тому безпечному коммиссіонеру.

Поручая себя вашей благосклонности, съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

И. И. Дмитріеву. — *Спб., 26 апрѣля.* — М. Г. Иванъ Ивановичъ! Приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утѣшительное одобреніе моему историческому отрывку. Его побраниваютъ, и подѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и пр.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лицо по самому послѣднему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у насъ въ академіи? Кажется, еще не рѣшено. Улиссъ-Лобановъ и Аяксъ-Ѳедоровъ спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть-ли не Языкову-Нестору (по крайней мѣрѣ, издателю Нестора). Вы пророкъ въ отечествіи своемъ.

На академіи нашии нашелъ черный годъ: едва въ Россійской почилъ Соколовъ, какъ въ академіи наукъ явился вице-президентомъ князь Дондуковъ-Корсаковъ фокусникъ, а Фуссъ его паяцъ. Кто-то сказалъ, что куда одинъ, туда и другой; одинъ кувыркается на канатѣ, а другой подъ нимъ на полу. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

Л. С. Пушкину.—*Спб., 2 мая.* — Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева (деревня). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго дохода около 2000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2000 р. не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить

Гр. А. Х. Бенкендорфу. *Спб., въ іюнѣ.* — (Въ письмѣ отъ 1 іюня 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Онъ также упоминалъ о желаніи издавать журналъ.—Государь приказалъ спросить, хочетъ-ли онъ отставки, потому что иначе нѣтъ возможности уволить на такой продолжительный срокъ. Пушкинъ отвѣчалъ):

Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его ве-

личества не было для меня знакомъ немилости, и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ.

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.) *Спб., 22-го іюля.*—Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастья застать васъ дома.—Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства, и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства, и едиными способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу, и займы почти всегда суть долги между друзьями и на слово. Для меня благодарность—чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо. И такъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть и пр. *А. Пушкинъ.*

(Помѣта. «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку, или нѣтъ».)

Гр. А. Х. Бенкендорфу (по франц.).—*Спб., 26-го іюля.*—Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ. Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора. Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ—во первыхъ, возможности уплатить эти 30,000 р., а во вторыхъ—дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого—удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга. Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностію вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою *А. Пушкинъ.*

(Помѣта. «Императоръ жалуетъ ему 30,000 р. съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья».)

А. А. Фуксъ—*Спб., 15 августа.*—Долго мѣшкалъ я доставить вамъ свою дань, ожидая изъ Парижа портретъ Пугачева; наконецъ его получилъ и спѣшу препроводить вамъ мою книгу. Надѣюсь на вашу снисходительность. Я осмѣлился отправить на ваше имя одинъ экземпляръ для доставленія г. Рыбушкину, отъ котораго имѣлъ честь получить любопытную исторію о Казани.

Препоручаю себя драгоцѣнному вашему благорасположенію и дружеству почтеннаго Карла Ѳедоровича (предъ которымъ извиняюсь въ неисправности изданія моей книги).

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 14 сентября.*—Хороши мы съ тобой. Я не далъ тебѣ моего адреса, а ты у меня его и не спросила: вотъ онъ: въ Пск. Губ., въ Островъ, въ село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вотъ ужъ недѣля, какъ я тебя оставилъ, милый мой другъ; а толку въ томъ не вижу. Писать не начиналъ и не знаю, когда начну. Зато безпрестанно думаю о тебѣ, и ничего путнаго не надумаю. Жаль мнѣ, что я тебя съ собою не взялъ. Что у насъ за погода! Вотъ ужъ три дня, какъ я только что гуляю, то пѣшкомъ, то верхомъ. Эдакъ я и осень мою прогуляю, и коли Богъ не пошлетъ намъ порядочныхъ морозовъ, то возвращусь къ тебѣ, не сдѣлавъ ничего. Пр. Ал. (Осиповой) еще здѣсь нѣтъ. Она или въ деревнѣ у Бѣгичевой, или во Псковѣ хлопочетъ. На дняхъ ожидаютъ ее. Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны и очень о тебѣ сталъ безпокоиться. Что наша экспедиція? видѣлась-ли ты съ графиней К., и что отвѣтъ? На всякій случай, если насъ гонитъ графъ К., то у насъ остается графъ Юрьевъ (Гурьевъ?), я адресую тебя къ нему. Пиши мнѣ какъ можно чаще, и пиши все, что ты дѣлаешь, чтобъ я зналъ, съ кѣмъ-ты кокетничаешь, гдѣ бываешь, хорошо-ли себя ведешь, каково сплетничаешь и счастливо-ли воюешь съ твоей однофамилицей. Прощай, душа, цѣлую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моей заступницей у тебя. Сашку цѣлую въ его круглый лобъ. Благословляю всѣхъ васъ. Теткамъ Азѣ и Коко мой сердечный поклонъ. Скажи Плетневу, чтобъ онъ написалъ мнѣ объ нашихъ общихъ дѣлахъ.

Н. Н. Пушкиной. — *Михайловское, 21 сентября.*—Жена моя, вотъ и 21-ое, а я отъ тебя еще ни строчки не получилъ. Это меня безпокоитъ поневолѣ, хоть я знаю, что ты мой адресъ, вѣроятно, узнала не прежде какъ 17-го, въ Павловскѣ. Не такъ-ли? къ тому-же, и почта изъ Петербурга идетъ только разъ въ недѣлю. Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ.

Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидимъ одни между четырехъ стѣнъ, или ходимъ по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать, думать до того, что голова закружится. А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже съ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ—Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно.—Поцѣлуй-ка меня, авось горе пройдетъ. Да лихъ, губки твои на 400 верстъ не оттянешь. Сиди да горюй—что прикажешь! Теперь выслушай мой журналъ: былъ я у Вревскихъ третьяго дня и тамъ ночевалъ. Ждали Пр. Алекс., но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста какъ Меѳодій, нашъ

псковской архіерей. И незамѣтно, что она ужъ не брюхата; все та-же, какъ когда ты ее видѣла. Я взялъ у нихъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою англійскаго. Кстати: пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montaigne 4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр. Ал., которая, вѣроятно, будетъ сегодня въ Тригорское.—Я много хожу, много ѣзжу верхомъ, на клячахъ, которыя очень тому рады, ибо имъ за то даютъ овесъ, къ которому онѣ не привыкли. Ѣмъ я печеный картофель, какъ маймистъ, и яйца въ смятку, какъ Людовикъ XVIII. Вотъ мой обѣдъ. Ложусь въ 9 часовъ, встаю въ 7. Теперь требую отъ тебя такого-же подробнаго отчета. Цѣлую тебя, душа моя, и всѣхъ ребятъ, благословляю васъ отъ сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры или бель-сери? Прощай.

Н. Н. Пушкиной.—*Тригорское, 25 сентября.*— Пишу тебѣ изъ Тригорскаго. Что это женка? вотъ ужъ 25-ое, а я все отъ тебя не имѣю ни строчки.—Это меня сердитъ и безпокоитъ. — Куда адресуешь ты свои письма? Пиши: «Во Псковъ, Ея Высокородію Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, для доставленія А. С. П., извѣстному сочинителю» —вотъ и все. Такъ вѣрнѣе дойдутъ до меня твои письма, безъ которыхъ я совершенно одурѣю. Здорова-ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что домъ нашъ, и какъ ты имъ управляешь? Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ. Въ Михайловскомъ нашелъ я все по старому, кромѣ того, что нѣтъ ужъ въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась, во время моего отсутствія, молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но дѣлать нечего; все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю,—иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм. вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся, да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной няней моей: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ. Все это не бѣда; одна бѣда: не замѣчай ты, мой другъ, того, что я слишкомъ замѣчаю. Что ты дѣлаешь, моя красавица, въ моемъ отсутствіи? разскажи, что тебя занимаетъ, куда ты ѣздишь, какія есть новыя сплетни, etc.—Карамзина и Мещерскія, слышалъ я, пріѣхали. Не забудь сказать имъ сердечный поклонъ. Въ Тригорскомъ стало просторнѣе — Евпраксія Ник. и Александра Ив. замужемъ, но Пр. Ал. все таже, и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пѣшкомъ и верхомъ, читаю романы В.-Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ. — Прощай, цѣлую тебя крѣпко, благословляю тебя и ребятъ.—Что Коко и Азя? замужемъ или еще нѣтъ? Скажи, чтобъ безъ моего благословенія не шли. Прощай, мой ангелъ.

Н. Н. Пушкиной. *Михайловское, 29 сент.*— Душа моя, вчера получилъ я отъ тебя два письма; они очень меня огорчили. Чѣмъ больна Кат. Ив.? ты пишешь: ужасно больна. Слѣдственно есть опасность? съ нетерпѣніемъ ожидаю твой bulletin. Все это происходитъ отъ нечеловѣческаго образа ея жизни. Вѣрить-ли, чтобъ гр. Полье вышла наконецъ за своего принца? Канкринъ шутитъ, а мнѣ не до шутокъ. Государь обѣщалъ мнѣ Газету, а самъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю въ окошки деньги трудовыя, и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твой теряетъ свое, отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник.— Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ. Пожаръ твой произошелъ, вѣроятно, отъ оплошности твоихъ фрейлинъ, которымъ безъ меня житье! слава Богу, что дѣло ограничилось занавѣсками. Ты мнѣ прислала записку отъ m-me К..; дура вздумала переводить Занда и проситъ, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ. Я поручилъ Ан. Ник. отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ-же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю. Что Плетневъ? Думаетъ-ли онъ о нашемъ общемъ дѣлѣ? вѣроятно, нѣтъ. Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ, изъ пустого въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ, да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю. Скажи Сашкѣ, что у меня здѣсь бѣлыя сливы, не чета тѣмъ, которыя онъ у тебя крадетъ, и что я прошу его ихъ со мной покушать. Что Машка? какова дружба ея съ маленькой Музика? и каковы ея побѣды? Пиши мнѣ также новости политическія. Я здѣсь газетъ не читаю— въ Англ. клубъ не ѣзжу и Хитрову не вижу. Не знаю, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Когда будутъ цари? и не слышно-ли чего про войну и т. под.? Благословляю васъ—будьте здоровы. Цѣлую тебя Какъ твой адресъ глупъ— такъ это объяденіе! Въ Псковскую губернію, въ село Михайловское. Ахъ ты, моя голубушка! а въ какой уѣздъ—и не сказано. Да и Михайловскихъ селъ, чаю, не одно; а хоть и одно, такъ кто-жъ его знаетъ? Экая вѣтреница! ты видишь, что я все ворчу, да что дѣлать? нечему радоваться. Пиши мнѣ про тетку — и про мать. Je remercie vos soeurs, какъ пишетъ Нат. Ив., хоть право не за что.

Н. Н. Пушкиной.—*Михайловское, 2 октября.*— Милая моя женка, есть у насъ здѣсь кобылка, которая ходитъ и въ упряжи, и подъ верхомъ. Всѣмъ хороша, но чуть пугнетъ ее что на дорогѣ, какъ она закуситъ поводья, да и несетъ верстъ десять по кочкамъ да оврагамъ—и тутъ ужъ ничѣмъ ея не проймешь, пока не устанетъ сама.

Получилъ я, ангелъ кротости и красоты, письмо твое, гдѣ изволишь ты, закусивъ поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у m-me Katherine. Надѣюсь, что теперь устала и присмирѣла. Жду отъ тебя писемъ порядочныхъ, гдѣ бы я слышалъ тебя и твой голосъ, а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя, какъ красная дѣвица. Со вчерашняго дня началъ я писать (чтобы не сглазить только). Погода у насъ портится; кажется, осень наступаетъ не на шутку. Авось распишусь. Изъ сердитаго письма твоего заключаю, что К. И-нѣ лучше; ты-бы такъ бодро не бранилась, если-бъ она была не на шутку больна. Все-таки, напиши мнѣ обо всемъ и обстоятельно. Что ты про

Машу ничего не пишешь? вѣдь я, хоть Сашка и любимецъ мой, а все люблю ея затѣи. Я смотрю въ окошко и думаю: не худо-бы, еслибы вдругъ въѣхала на дворъ карета, а въ каретѣ сидѣла-бы Нат. Ник.! да нѣтъ, мой другъ. Сиди себѣ въ Петербургѣ, а я постараюсь ужъ поторопиться и пріѣхать къ тебѣ прежде сроку. Что Плетневъ? что Карамзины, Мещерскія? etc.—пиши мнѣ обо всемъ. Цѣлую тебя и благословляю ребятъ.

П. А. Плетневу.—*Михайловское, въ октябрѣ.*—Очень обрадовался я, получивъ отъ тебя письмо (дѣльное по твоему обычаю). Постараюсь отвѣчать по пунктамъ и обстоятельно; ты получилъ «Путешествіе въ Эрзерумъ» отъ цензуры; но что рѣшилъ комитетъ на мое всеуниженное прошеніе? Неужели залягаетъ меня о...къ Никитенко и забодаетъ быкъ Дундукъ? Впрочемъ они отъ меня такъ легко не отдѣлаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе - даромъ Коляски не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовемъ его Аріонъ или Оріонъ; я люблю имена, не имѣющія смысла; шуточкамъ привязаться не къ чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку для смысла. Были-бы цвѣточки, да лиры, да плющъ, какъ на квартирѣ Алекс. Ив. въ комедіи Гоголя Это будетъ очень натурально. Въ ноябрѣ я-бы радъ явиться къ вамъ, тѣмъ болѣе, что такой безплодной осени отроду мнѣ не выдавалось. Пишу—черезъ пень колоду валю. Для вдохновенья нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ. Ты дурно дѣлаешь, что становишься нерѣшителенъ. Я всегда находилъ, что все тобою придуманное мнѣ удавалось. Начнемъ альманахъ съ «Путешествія». Присылай мнѣ корректуру, а я перешлю тебѣ стиховъ. Кто будетъ нашъ цензоръ? Радуюсь, что Сенковскій промышляетъ именемъ Бѣлкина; но нельзя-ль (разумѣется, изъ-за угла и тихонько, напримѣръ въ Московскомъ Наблюдателѣ) объявить, что настоящій Бѣлкинъ умеръ и не принимаетъ на свою душу ~~грѣховъ~~ своего омонима? Это-бы, право, было не худо.

Въ главный комитетъ цензуры.—Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году государь императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Вслѣдствіе высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставлено было мнѣ прямо отъ его величества, изъ III-го отдѣленія собственной его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1826), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833). «Полтава» (1829), 2-я и 3-я, часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы» Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю второго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ досе лѣ они печатались, т. е. за надписью чиновника собственной его величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ государемъ императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ собственную канцелярію его величества и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволилъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный Совѣтникъ *Александръ Пушкинъ.*

П. В. Нащокину.—*Спб., въ октябрѣ.* — Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ московскою почтою (говорится о перлюстраціи). Услышалъ я, что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня-бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи. Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился и сталъ-бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было-бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ нимъ связываться невозможно.—Желалъ-бы я взглянуть на твою семейную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились.—Каковы твои дѣла? Что Куликовъ и твой жиденокъ-лекарь, котораго Наталья Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Спб., окт.*—Вотъ и я въ Петербургѣ, милост. государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило оттого, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда кого-нибудь изъ нашихъ людей—сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ это-

му печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служитъ цѣлью для злыхъ нападокъ свѣта. Повсюду говорятъ — какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человѣкъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало быть, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ не при чемъ, и за все долженъ быть въ отвѣтѣ я. Если-бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла-бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями, едва-ли годится для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее ужъ переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая M-me Осипова, жизнь — при всемъ томъ, что она сладкая привычка; — содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ-же — гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

И. И. Лажечникову. — *Спб., 3 ноября*.— М. Г. Иванъ Ивановичъ! Во первыхъ, долженъ я у васъ просить прощеніе за медленность и неисправность свою.

Портретъ Пугачева получилъ мѣсяцъ тому назадъ, и возвратясь изъ деревни, узналъ я, что до сихъ поръ экземпляръ его Исторіи вамъ не доставленъ. Возвращаю вамъ рукопись Р ы ч к о в а, коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить теперь за прекрасные романы, которые всѣ мы прочли съ такою жадностью и съ такимъ наслажденіемъ. Можетъ быть, въ художественномъ отношеніи «Ледяной Домъ» и выше «Послѣдняго Новика», но истина историческая въ немъ не соблюдена, и это современемъ, когда дѣло Волынскаго будетъ обнародовано, конечно, повредитъ вашему созданію; но поэзія останется всегда поэзіей, и многія страницы вашего романа будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ. За Василія Тредьяковскаго, признаюсь, я готовъ съ вами поспорить. Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей. Въ дѣлѣ-же Волынскаго играетъ онъ лицо мученика. Его донесеніе академіи трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать безъ негодованія на его мучителя. О Биронѣ можно-бы также потолковать. Онъ имѣлъ несчастіе быть нѣмцемъ; на него свалили весь ужасъ царствованія Анны, которое было въ духѣ его времени и въ нравахъ народа. Впрочемъ, онъ имѣлъ великій умъ и великіе таланты.

Позвольте сдѣлать вамъ филологическій вопросъ, коего разрѣшеніе для меня важно: въ какомъ смыслѣ упомянули вы слово х о б о т ъ въ послѣднемъ вашемъ твореніи и по какому нарѣчію?

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имѣю быть и пр. *А. Пушкинъ.*

П. А. Клейнмихелю.—*Спб., 19 ноября*. - Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и поспѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства гр. Чернышева, возвращены мною въ военное министерство.—Обращаюсь къ в. высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и донесенія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было-бы необходимо справиться съ сими документами; осмѣливаюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.

П. А. Осиповой (по франц.).—*Спб., 26 дек.*— Наконецъ, милост. государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы—въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоравленіе. Она слаба, однако-же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ-бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ прошло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ собственныхъ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою-же, всегда полною и ненарушимою.

Вексель вашъ готовъ, и я вышлю его въ слѣдующій разъ.

(Помѣта Осиповой: «Я его никогда не получала»).

Н. В. Гоголю.—Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки («Невскій Проспектъ» Гоголя). Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!—*А. П.*

Н. В. Гоголю.—Г. Булгаринъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ романовъ, увѣдомляетъ публику, что есть люди, не признающіе въ немъ никакого таланта. Это, повидимому, очень его удивляетъ. Онъ даже выразилъ свое удивленіе и знакомъ препинанія—(!).

Съ нашей стороны, мы знаемъ людей, которые признаютъ талантъ въ г. Булгаринѣ, но и тутъ не удивляемся.

Новый романъ г. Булгарина («Записки Чухина») нимало не уступаетъ его прежнимъ...

Бѣдной вдовѣ.—Милостивая государыня! Все, что могу сдѣлать для васъ добраго—постараюсь, но не осудите, если пособіе мое будетъ не такъ значительно, какъ вы, быть можетъ, ожидаете. Я самъ далеко не изъ числа богатыхъ людей. На дняхъ буду у васъ.—Съ уваженіемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу.—*Спб., 31 декабря.*—Я желалъ-бы въ слѣдующемъ 1836 году издать четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило-бы мнѣ вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было-бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя.

1836.

С. С. Хлюстину (по франц.).—*Спб., 4 февраля.*—М. г. позвольте мнѣ возстановить нѣкоторые пункты, по которымъ, мнѣ кажется, вы ошибаетесь. Я не помню, чтобы вы приводили какую-либо ссылку изъ той статьи. Заставило-же меня объясняться, можетъ быть, съ излишнею горячностью, ваше замѣчаніе, что я напрасно наканунѣ принялъ къ сердцу слова Сенковскаго. Я вамъ отвѣчалъ: „Я не сержусь на Сенковскаго; но мнѣ нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяютъ нелѣпости свиней и мерзавцевъ“. Васъ отожествлять со свиньями и мерзавцами—несомнѣнно нелѣпость, которая не могла ни придти мнѣ въ голову, ни даже сорваться съ языка моего при всемъ жару спора. Къ моему великому удивленію, вы мнѣ возразили, что вы вполнѣ принимаете за вашъ счетъ обидную статью С. и именно выраженіе „обманывать публику“. Я тѣмъ менѣе былъ подготовленъ къ такому заявленію, исходящему отъ васъ, что ни наканунѣ, ни при послѣднемъ нашемъ свиданіи вы ничего ровно не сказали мнѣ такого, что могло-бы относиться къ статьѣ журнала. Мнѣ показалось, что я васъ не понялъ, и просилъ васъ объясниться, что̀ вы и сдѣлали въ тѣхъ-же выраженіяхъ. Тогда я имѣлъ честь замѣтить вамъ, что то, что̀ вы высказали, совершенно измѣняетъ вопросъ, и я замолчалъ. Разставаясь съ вами, я вамъ сказалъ, что я не могу оставить это безъ послѣдствій. Это можетъ быть сочтено вызовомъ, но не угрозою. Ибо наконецъ, я вынужденъ повторить: я могу пренебречь словами какого-нибудь Сенковскаго, но совсѣмъ иное дѣло, когда ихъ повторяетъ такой человѣкъ, какъ вы. Вслѣдствіе сего я поручилъ г. Соболевскому просить васъ отъ моего имени просто-на-просто взять ваши слова назадъ, или-же дать мнѣ обычное удовлетвореніе. Доказательствомъ, насколько послѣднее рѣшеніе мнѣ было противно, можетъ служить то, что я сказалъ именно Соболевскому, что я не требую извиненій. Мнѣ прискорбно, что г. Соболевскій во всемъ этомъ поступилъ со свойственною ему небрежностью.

Что касается до моей невѣжливости, что я не поклонился вамъ, когда вы отъ меня уходили, прошу васъ вѣрить, что то была съ моей стороны совершенно невольная разсѣянность, въ которой я отъ всего сердца прошу васъ меня извинить. Имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

Кн. Н. Гр. Репнину (по франц.).—*Спб., 5 февраля.*—Князь! съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ безпокоить ваше сіятельство; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности. Однако-же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительные обо мнѣ отзывы, будто-бы произнесенные вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто-либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ; но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ и пр. *А. Пушкинъ.*

Кн. Н. Гр. Репнину.—*Спб., 11 февраля.*—М. Г. князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были-бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

А. А. Фуксъ.—*Спб., 20 февраля.*—Я столько предъ вами виноватъ, что не осмѣливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я изъ деревни и нашелъ у себя письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Не понимаю, какимъ образомъ мой бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него памятное: видно, шатался по сторонамъ и загулялся по своей привычкѣ. Теперь гр. Апраксинъ снисходительно взялся доставить къ вамъ мою книгу. При семъ позвольте мнѣ, м. г., препроводить къ вамъ и билетъ на полученіе Современника, мною издаваемаго. Смѣю-ли надѣяться, что вы украсите его когда-нибудь произведеніями пера вашего?

Свидѣтельствую глубочайшее мое почтеніе любезному, почтенному Карлу Ѳедоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію и пр.

С. Н. Глинкѣ.—*Спб., въ мартѣ.*—М. Г. Сергѣй Николаевичъ! Искренно благодарю васъ за любезное письмо ваше (извините галлицизмъ). Современникъ мой еще не вышелъ—а выйдетъ современемъ. Вы первый его получите.

Какъ адресовать письма къ Ѳедору Николаевичу?—Весь вашъ *А. П.*

Альфонсу Жобару (по франц.).—*Спб., 24 марта.*—М. г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько-же милы, насколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете о своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо при-

знать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, м. г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадаетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите, увѣреніе и пр. *А. Пушкинъ.*

(Жобаръ сначала былъ учителемъ франц. языка въ Ригѣ и Петербургѣ, а въ 1812 г.—профессоромъ греч., лат. и франц. словесности въ Казани. Уволенный Магницкимъ, онъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ претензій отъ Уварова и, негодуя на него, перевелъ на франц. яз. и поднесъ ему стихотвореніе „На выздоровленіе Лукулла“, испрашивая разрѣшеніе напечатать, о чемъ сообщилъ и Пушкину).

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб., въ мартѣ.*—Весьма и весьма доволенъ и благодаренъ. Если въ недѣлю можно будетъ отпечатать по пяти листовъ, то это славно, и дѣло наше въ шляпѣ. Корректуру „Путешествія“ прикажите однако присылать ко мнѣ. Тутъ много ошибокъ въ рукописи. Что ваша повѣсть Зизи? Это славная вещь. *А. П.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб., въ началѣ апрѣля.*—У меня въ 1 № не будетъ ни одной строчки вашего пера—грустно мнѣ; но времени вамъ не достало, а за меня пріятели дали предъ публикою обѣтъ выдать Современникъ на Ѳоминой.

Думаю 2 № начать статьей вашей, дѣльной, умной и сильной, и которую хочется мнѣ наименовать: „О враждѣ къ просвѣщенію“, ибо въ томъ-же № хочется мнѣ помѣстить и „Разборъ Постоялаго Двора“, подъ названіемъ: „О нѣкоторыхъ романахъ“. Разрѣшаете-ли вы?

О Сегеліелѣ, кажется, задумалась цензура, но я не очень имъ доволенъ; къ тому-же, какъ отрывокъ, онъ и въ печати можетъ повредить изданію полнаго вашего произведенія.

Я ѣду во вторникъ. Увижу-ли васъ дотолѣ? Весь вашъ.—*А. П.*

P.S. „Разговоръ недовольныхъ“ не помѣстилъ я, потому-что ужъ „Сцены“ Гоголя (Утро дѣлового человѣка) были у меня напечатаны, и что вы могли другъ другу повредить въ эффектѣ.

Н. М. Языкову.—*Михайловское, 14 апрѣля.*—Отгадайте, откуда пишу къ вамъ, любезный Николай Михайловичъ? Изъ той стороны, гдѣ вольные живали вы, гдѣ ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ,—вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали наши стихи и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы васъ—и старину. Поклонъ вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, нѣкогда полувоздушной дѣвы (Е. Н. Вульфъ), нынѣ дебелой жены (Вревской), въ пятый разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ, поклонъ вамъ ото всего и ото всѣхъ, вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь-же, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской ловеласъ,—попрежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ. Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни, какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ васъ напоминало, что я не могъ не написать вамъ нѣсколько словъ, въ ожиданіи, что и вы откликнетесь. Вы получите мой Современникъ; желаю, чтобъ онъ заслужилъ ваше одобреніе. Изъ статей критическихъ моя одна: о Конисскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая: мы ею окатили Современника; опрысните его вашими кипучими каплями. Посланіе къ Давыдову—прелесть! Нашъ боецъ черновудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ опять его вымылъ—и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи. Прощайте, пишите мнѣ, да кстати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе, напечатанное въ Новосельѣ (помнится) и о которомъ вы ему ни слова не молвили. Будьте здоровы и пишите, то есть: живи и жить давай другимъ. Весь вашъ *Ал.*

Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую-нибудь легенду: нужно.

М. П. Погодину.—*Михайловское, 14 апрѣля.*—Пишу къ вамъ изъ деревни, куда заѣхалъ вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ (смерть матери). Журналъ мой вышелъ безъ меня, и вѣроятно вы его ужъ получили.—Статья о вашихъ Афоризмахъ писана не мною, и я не имѣлъ ни времени, ни духу ее порядочно разсмотрѣть. Не сердитесь на меня, если вы ею недовольны. Не войдете-ли вы со мною въ сношенія литературныя и торговыя? Въ такомъ случаѣ прошу васъ объявить безъ обиняковъ ваши требованія. Если увидите Надеждина, благодарите его отъ меня за Телескопъ. Пошлю ему Современникъ. Сегодня ѣду въ С.-Петербургъ. А въ Москву буду въ маѣ—порыться въ архивѣ и свидѣться съ вами. Весь вашъ *А. П.*

И. И. Лажечникову.—*Съ Тверской станціи, проѣздомъ.*—Я все еще надѣялся, почтенный и любезный Иванъ Ивановичъ, лично благодарить васъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, за два письма, за романы и пугачевщину, но неудача меня преслѣдуетъ.—Проѣзжаю черезъ Тверь на перекладныхъ, и въ такомъ видѣ, что никакъ не осмѣливаюсь къ вамъ явиться и возобновить старое, минутное знакомство.—Отлагаю до сентября, то есть, до возвратнаго пути; покамѣстъ поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.—Сердечно вашъ уважающій *Пушкинъ.*

Л. С. Пушкину (по франц.). *Спб., 24 апрѣля.*—Я замедлилъ тебѣ отвѣтомъ, потому что нечего было сказать важнаго. Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ слабость приняться за отцовскія дѣла, я

не получилъ и 500 р. дохода; что-же касается до занятыхъ 13000, то онѣ уже истрачены. Вотъ счетъ, который до тебя относится: Энгельгардту 1330, въ ресторанъ 260, Дюме 220 (за вино), Павлищеву 837, портному 390, Плещееву 1500. Послѣ ты получилъ ассигнаціями 280, золотомъ 950=5767 (августъ 1834). Твое заемное письмо въ 10000 выкуплено. Сверхъ квартиры, стола и портного, чѣмъ ты вовсе не дорожилъ, ты получилъ 1230 р.

Такъ какъ мать моя очень больна, то я все еще занимаюсь дѣлами, не смотря на сильное къ нимъ отвращеніе. Надѣюсь сдать ихъ при первой возможности. Постараюсь, чтобы ты получилъ слѣдующую тебѣ часть земли и крестьянъ; тогда ты, вѣроятно, займешься своими дѣлами и отстанешь хотя нѣсколько отъ своей безпечности, съ которой до сихъ поръ живешь со дня на день. Я не уплатилъ твоихъ маленькихъ карточныхъ долговъ, потому что не трудился искать твоихъ пріятелей—а слѣдовало-бы къ нимъ обратиться.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 4-го мая, у Нащокина.*—Вотъ тебѣ, царица моя, подробное донесеніе: путешествіе мое было благополучно. 1-го мая переночевалъ я въ Твери, а 2-го ночью пріѣхалъ сюда. Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse. Жена его очень мила. Онъ счастливъ и потолстѣлъ. Мы, разумѣется, другъ другу очень обрадовались и цѣлый вчерашній день проболтали, Богъ знаетъ о чемъ. Я успѣлъ уже посѣтить Брюлова. Я нашелъ его въ мастерской какого-то скульптора, у котораго онъ живетъ. Онъ очень мнѣ понравился. Онъ хандритъ, боится русскаго холода и прочаго, жаждетъ Италіи, а Москвой очень недоволенъ. У него видѣлъ я нѣсколько начатыхъ рисунковъ и думалъ о тебѣ, моя прелесть. Неужто не будетъ у меня твоего портрета, имъ писаннаго? невозможно, чтобъ онъ, увидя тебя, не захотѣлъ срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, какъ прогнала ты пруссака Криднера [Кригера?]. Мнѣ очень хочется привезти Брюлова въ Петербургъ. А онъ настоящій художникъ, добрый малый, и готовъ на все. Здѣсь Перовскій его-было заполонилъ; перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюловъ насилу отъ него уѣхалъ. Домикъ Нащокина доведенъ до совершенства—недостаетъ только живыхъ человѣчиковъ. Какъ-бы Маша имъ радовалась! Вотъ тебѣ здѣшнія новости. Акулова, долгоносая пѣвица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ея Варвара сошла съ ума отъ любви. Она была влюблена и надѣялась выдти замужъ. Надежда не сбылась. Она впала въ задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убѣжала къ Троицѣ. Ее насилу поймали и увезли. Мнѣ очень жаль ее. Надѣются, что у ней бѣлая горячка, но врядъ-ли. Видѣлъ я свата нашего Толстого; дочь у него также почти сумасшедшая, живетъ въ мечтательномъ мірѣ, окруженная видѣніями, переводитъ съ греческаго Анакреона, и лечится гомеопатически. Чадаева, Орлова, Раевскаго и Наблюдателей (которыхъ Нащокинъ называетъ les treizes) еще не успѣлъ видѣть. Съ Наблюдателями и книгопродавцами намѣренъ я кокетничать и постараюсь какъ можно лучше распорядиться съ Современникомъ.—Вотъ является Нащокинъ, и я для него оставляю тебя. Цѣлую и благословляю тебя и ребятъ. Кланяюсь дамамъ твоимъ. Здѣсь говорятъ уже о свадьбѣ Marie W.—Я секретничаю покамѣстъ. Прости, мой другъ,—цѣлую тебя еще разъ.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 6 мая.*—Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Москвѣ, и все еще ничего не сдѣлалъ. Архива не видалъ, съ книгопродавцами не сторговался, всѣхъ визитовъ не отдалъ, къ Солнцевымъ на поклоненіе не бывалъ. Что прикажешь дѣлать? Нащокинъ встаетъ поздно, я съ нимъ забалтываюсь—глядь, обѣдать пора, а тамъ ужинать, а тамъ спать—и день прошелъ. Вчера былъ у Дмитріева, у Орлова, Толстого, сегодня собираюсь къ остальнымъ. Поэтъ Хомяковъ женится на Языковой, сестрѣ поэта. Богатый женихъ, богатая невѣста. Какія-бы тебѣ московскія сплетни передать? что-то ихъ много, да не вспомню. Что Москва говоритъ о Петербургѣ, такъ это умора. Напримѣръ: есть у васъ нѣкто Савельевъ, кавалергардъ, прекрасный молодой человѣкъ, влюбленъ онъ въ Idalie Политику и далъ за нее пощечину Гри.....ду. Савельевъ на дняхъ будетъ разстрѣлянъ. Вообрази, какъ жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идутъ кой-какіе толки, которые не вполнѣ доходятъ до меня, потому что мужья всегда послѣдніе въ городѣ узнаютъ про женъ своихъ; однакожъ видно, что ты довела кого-то до такого отчаянія своимъ кокетствомъ и жестокостію, что онъ завелъ себѣ въ утѣшеніе гаремъ изъ театральныхъ воспитанницъ. Нехорошо, мой ангелъ: скромность есть лучшее украшеніе вашего пола. Чтобъ чѣмъ-нибудь полакомить Москву, которая ждетъ отъ меня, какъ отъ пріѣзжаго, свѣжихъ вѣстей, я разсказываю, что Алекс. Карамзинъ (сынъ исторіографа) хотѣлъ застрѣлиться изъ любви pour une belle brune, но что по счастью пуля вышибла только передній зубъ. Однако, полно врать.—Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я то же ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ.—При семъ пакетъ къ Плетневу, для Современника; коли цензоръ Крыловъ не пропуститъ, отдать въ комитетъ, и ради Бога напечатать во 2 №. Жду письма отъ тебя съ нетерпѣніемъ. Что твое брюхо, и что твои деньги? Я не раскаяваюсь въ моемъ пріѣздѣ въ Москву, а тоска беретъ по Петербургу. На дачѣ-ли ты? Какъ ты съ хозяиномъ управилась? что дѣти? Экое горе! Вижу, что непремѣнно нужно мнѣ 80,000 доходу. И буду ихъ имѣть. Не даромъ-же пустился въ журнальную спекуляцію—а вѣдь это все равно, что золотарство, которое хотѣла взять на откупъ мать Безобразова: очищать русскую литературу есть чистить н..... и зависѣть отъ полиціи. Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается. Цѣлую тебя и дѣтей. Благословляю ихъ и тебя. Дамамъ кланяюсь.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 11 мая.*—Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощенія у тебя за себя и книгопродавцевъ. Они ужасный моветонъ, какъ говоритъ Гоголь, т. е. хуже нежели мошенники. Но Богъ намъ поможетъ. Благодарю и Одоевскаго за его типографическія хлопоты. Скажи ему, чтобъ онъ печаталъ, какъ задумаетъ—порядокъ ничего не значитъ. Что

*

записки Дуровой? пропущены-ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ. Ты пишешь о статьѣ Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской?-Гоголя печатать, а Кольцова разсмотрѣть. Впрочемъ, это не важно.—Вчера былъ у меня Ив. Ник. Онъ увѣряетъ, что дѣла идутъ хорошо. Впрочемъ Дм. Ник. лучше его это знаетъ. Жизнь моя пребезпутная. Дома не сижу—въ архивѣ не роюсь. Сегодня ѣду во второй разъ къ Малиновскому. На дняхъ обѣдалъ я у Орлова, у котораго собрались Московскіе Наблюдатели, между прочимъ женихъ Хомяковъ. Орловъ умный человѣкъ и очень добрый малый, но до него я какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ; Раевскій (Ал.), который до прошлаго раза казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ. Жена его собою не красавица—говорятъ, очень умна. Такъ какъ теперь къ моимъ прочимъ достоинствамъ прибавилось и то, что я журналистъ, то для Москвы имѣю я новую прелесть. Недавно сказываютъ мнѣ, что пріѣхалъ ко мнѣ Чертковъ. Отроду мы другъ къ другу не ѣзжали. Но при сей вѣрной оказіи вспомнилъ онъ, что жена его мнѣ родня, и потому привезъ мнѣ экземпляръ своего Путешествія въ Сицилію. Не побранить-ли мнѣ его en bon parent? Вчера ужиналъ у кн. Ѳед. Гагарина и возвратился въ 4 часа утра—въ такомъ добромъ расположеніи, какъ-бы съ бала. Нащокинъ здѣсь одна моя отрада. Но онъ спитъ до полудня, а вечеромъ ѣдетъ въ клубъ, гдѣ играетъ до свѣта. Чадаева видѣлъ всего разъ. Письмо мое похоже на тургеневское и можетъ тебѣ доказать разницу между Москвою и Парижемъ. Ѣду хлопотать по дѣламъ Современника. Боюсь, чтобъ книгопродавцы не воспользовались моимъ мягкосердіемъ и не выпросили себѣ уступки вопреки строгихъ твоихъ предписаній. Но постараюсь оказать благородную твердость. Былъ я у Солнцевой—его здѣсь нѣтъ, онъ въ деревнѣ. Она зоветъ отца къ себѣ въ деревню на лѣто. Кузинки пищатъ, какъ галочки. Былъ я у Перовскаго, который показывалъ мнѣ недоконченныя картины Брюлова. Брюловъ, бывшій у него въ плѣну, отъ него убѣжалъ и съ нимъ поссорился. Перовскій показывалъ мнѣ взятіе Рима Гензерикомъ (которое стоитъ Послѣдняго дня Помпеи), приговаривал:—Замѣть, какъ прекрасно подлецъ этотъ нарисовалъ этого всадника, мошенникъ этакой! Какъ онъ умѣлъ, эта свинья, выразить свою канальскую, геніальную мысль, мерзавецъ онъ, бестія. Какъ нарисовалъ онъ эту группу......—Умора. Ну, прощай. Цѣлую тебя и ребятъ, будьте здоровы.—Христосъ съ вами.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 16 мая.*—Что это, женка? такъ хорошо-было начала и такъ худо кончила! Ни строчки отъ тебя; ужъ не родила-ли ты? сегодня день рожденія Гришки, поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нѣтъ-ли у него новаго братца или сестрицы? погоди до моего пріѣзда—а я уже собираюсь къ тебѣ. Въ архивахъ я былъ и принужденъ буду опять въ нихъ зарыться мѣсяцевъ на шесть; что тогда съ тобою будетъ? А я тебя съ собою, какъ тебѣ угодно, ужъ возьму. Жизнь моя въ Москвѣ степенная и порядочная. Сижу дома—вижу только мужескъ полъ. Пѣшкомъ не хожу, не прыгаю—и толстѣю.

Надняхъ звалъ меня обѣдать Чертковъ. Пріѣзжаю— а у него жена выкинула. Это намъ не помѣшало отобѣдать очень скучно и очень дурно. Съ литературой московскою кокетничаю, какъ умѣю; но Наблюдатели меня не жалуютъ. Любитъ меня одинъ Нащокинъ. Но тинтере—мой соперникъ, и меня приносятъ ему въ жертву. Слушая толки здѣшнихъ литераторовъ, дивлюсь, какъ они могутъ быть такъ порядочны въ печати и такъ глупы въ разговорѣ. Признайся: такъ-ли и со мною? право, боюсь. Баратынскій, однакожъ, очень милъ.

Но мы какъ-то холодны другъ ко другу.—Зазываю Брюлова къ себѣ въ Петербургъ. Но онъ боленъ и хандритъ. Здѣсь хотятъ лѣпить мой бюстъ. Но я не хочу. Тутъ арапское мое безобразіе предано будетъ безсмертію во всей своей мертвой неподвижности; я говорю:—у меня дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылѣпимъ. Видѣлъ я невѣсту Хомякова. Не разглядѣлъ въ сумеркахъ. Она, какъ говорилъ покойный Гнѣдичъ, pas une belle-femme, но une jolie figuriette. Прощай на минуту: ко мнѣ входятъ два буфона. Одинъ—маіоръ-мистикъ; другой—пьяница-поэтъ; оставлю тебя для нихъ.

Насилу отдѣлался отъ буфоновъ—въ томъ числѣ отъ Н. . . . а. Всѣ зовутъ меня обѣдать, а я всѣмъ отказываю. Начинаю думать о выѣздѣ. Ты ужъ, вѣроятно, въ своемъ загородномъ болотѣ. Что-то дѣти мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тѣхъ и другихъ? и какъ перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангелъ. Богъ съ тобою и съ дѣтьми. Будьте здоровы.—Кланяюсь твоимъ наѣздницамъ.—Цѣлую ручки у К. Ив.—Прощай. *А. П.*

Я получилъ отъ тебя твое премилое письмо; отвѣчать некогда—благодарю и цѣлую тебя, мой ангелъ. Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо, и такъ оно меня разнѣжило, что спѣшу переслать тебѣ 900 р. Отвѣтъ напишу тебѣ послѣ; теперь, покамѣстъ, прощай.—У меня сидитъ Ив. Н.

Н. Н. Пушкиной.—*Москва, 18 мая.* Жена, мой ангелъ, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я съ тобою побранюсь: зачѣмъ тебѣ было писать? Это—мое послѣднее письмо, болѣе не получишь. Ты меня хочешь принудить пріѣхать къ тебѣ прежде 26-го. Это не дѣло. Богъ поможетъ, Современникъ и безъ меня выйдетъ. А ты безъ меня не родишь. Можешь-ли ты изъ полученныхъ денегъ дать Одоевскому 500? нѣтъ? Ну, пусть меня дождутся,—вотъ и все. Новое твое распоряженіе касательно твоихъ доходовъ касается тебя, дѣлай какъ хочешь; хоть, кажется, лучше имѣть дѣло съ Дм. Ник., чѣмъ съ Нат. Ив. Это я говорю только dans l'intérêt de m-r Durier et m-me Sichler, а мнѣ все равно. Твои петербурскія новости ужасны. То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію, а не смертной казни. Утопленіе Столыпина—ужасъ! неужто невозможно было помочь? У насъ въ Москвѣ все, слава Богу, смирно: бой Кирѣева съ Яромъ произвелъ великое негодованіе въ чопорной здѣшней публикѣ. Нащокинъ заступается за Кирѣева очень просто и очень умно: что за бѣда, что гусарскій поручикъ напился пьянъ и побилъ трактирщика, который сталъ обороняться? Развѣ въ наше время, когда мы били нѣмцевъ на Красномъ Кабачкѣ, и намъ не доставалось, а нѣмцы получали тычки сложа руки? По мнѣ, драки Кирѣева гораздо простительнѣе, нежели славный обѣдъ вашихъ кавалергардовъ и благоразуміе молодыхъ людей, которымъ плюютъ въ глаза, а они утираются бати-

стовымъ платкомъ, смекая, что если выйдетъ исторія, такъ ихъ въ Аничковъ не позовутъ. Брюловъ сейчасъ отъ меня ѣдетъ въ Петербургъ, скрѣпя сердце: боится климата и неволи. Я стараюсь его утѣшить и ободрить; а между тѣмъ у меня у самого душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры и мнѣ говорили: Vous avez trompé, и тому подобное. Что-же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона; чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ! Весело, нечего сказать. — Прощай, будьте здоровы. Цѣлую тебя.

П. В. Нащокину. — *Спб., 27 мая.*—Любезный Павелъ Воиновичъ! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два экземпляра С о в р е м е н н и к а. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей NB) и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Вовторыхъ—деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣзу.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу—на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2 часовъ en tout.

Второй № С о в р е м е н н и к а очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Александровнѣ. Ея коммиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. Надняхъ буду хлопотать.

Д. В. Давыдову (черновое).—*Спб., въ маѣ.*—Я сейчасъ изъ Москвы. Статью о Дрезденѣ не могу тебѣ прислать прежде, нежели ее напечатаютъ, ибо она есть ценсурный документъ. Успѣешь наглядѣться на ея благородныя раны. Покамѣстъ благодарю за позволеніе напечатать ее въ настоящемъ видѣ. Чортъ побери генералъ-лейтенанта Винцингероде! А жаль, что не тиснули мы ее во 2-мъ №, который у насъ весь полонъ Наполеономъ. Куда какъ кстати тутъ-же было заколоть у подножія Вандомской колонны генерала Винцингероде, какъ жертву примирительную! Я-было и рукава засучилъ — вырвался проклятый! Богъ съ нимъ, чортъ его побери!

Вяземскій совѣтуетъ мнѣ напечатать твои Очи (стихи) безъ твоего позволенія: я-бы радъ, да какъ-то боюсь. Какъ думаешь, вѣдь можно-бы безъ имени? Отъ Языкова жду писемъ.

Генералу Ушакову (черновое).—*Спб., въ маѣ.*—Возвратясь изъ Москвы, имѣлъ я честь получить вашу книгу и ее прочелъ. Не берусь судить о ней, какъ о произведеніи ученаго военнаго человѣка, но восхищаюсь яснымъ, краснорѣчивымъ и живописнымъ изложеніемъ. Отнынѣ великое имя покорителя Кавказа соединено будетъ съ именемъ его блестящаго историка.

Съ изумленіемъ увидѣлъ я, что вы мнѣ даровали безсмертіе одною чертою вашего пера. Вы впустили меня въ храмъ славы, какъ нѣкогда графъ Эриванскій дозволилъ мнѣ въѣхать въ имъ завоеванный Арзрумъ. Съ глубочайшимъ etc.

Л. С. Пушкину.—*Спб., 3 іюня*—Вотъ тебѣ короткій разсчетъ нашего предполагаемаго раздѣла: 80 душъ и 700 десятинъ земли въ Псковской губерніи стоятъ (полагая 500 р. за душу, вмѣсто обыкновенной цѣны—400 р.)—40000 р.

Изъ оныхъ выключается 7-я часть на отца. 5714
Да 14-я часть на сестру 2857

Итого . 8571

Отецъ нашъ отказался отъ своей части и предоставилъ ее сестрѣ. На нашу часть остается раздѣлить поровну—31429 р. На твою часть придется—15715.

Прежде сентября мы ничего не успѣемъ сдѣлать.

Напиши, какіе у тебя долги въ Тифлисѣ, и, если успѣешь, то купи свои векселя, покамѣстъ кредиторы твои не узнали о твоемъ наслѣдствѣ.

Изъ письма твоего къ Ник. Ив. вижу, что ты ничего не знаешь о своихъ дѣлахъ: твой вексель, данный Болтину, мною купленъ; долгъ Плещееву заплаченъ (кромѣ 30 черв., о которыхъ онъ писалъ ко мнѣ, когда уже отказался я отъ управленія нашимъ имѣніемъ). Долгъ Ник. Ив. также заплаченъ. Изъ мелочныхъ не заплаченъ долгъ Г у т а и н ѣ к о т о р ы е д р у г і е, к о т о р ы е т ы з н а е ш ь, говоритъ мнѣ Ник. Ив.

P. S. Мнѣніе мое: эти 15000 разсрочить тебѣ на три года, ибо вѣроятно тебѣ деньги нужны и ты на полученіе половины доходовъ съ половины Михайловскаго согласиться не можешь.—О положенномъ тебѣ отцомъ буду съ нимъ говорить, хоть это вѣроятно ни къ чему не поведетъ. Отдавая ему имѣніе, я было выговорилъ для тебя независимые доходы съ половины Кистинева. Но видно, отецъ перемѣнилъ свои мысли. Я-же ни за что не хочу болѣе вмѣшиваться въ управленіе или разореніе имѣнія отцовскаго.

И. И. Дмитріеву.—*Спб., 14 іюня.*—М. Г. Иванъ Ивановичъ! Возвратясь въ Петербургъ, имѣлъ я счастье найти у себя письмо отъ вашего высокопревосходительства. Батюшка поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать глубочайшую свою благодарность за участіе, принимаемое вами въ несчастіи, которое насъ постигло (смерть матери).

Благосклонный вашъ отзывъ о Современникѣ ободряетъ меня на поприщѣ, для меня новомъ. Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнѣніе.

Дай Богъ вамъ здоровье и многія лѣта! Переживите молодыхъ нашихъ словесниковъ, какъ ваши стихи переживутъ молодую нашу словесность. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

Над. Андр. Дуровой.—Вотъ начало вашихъ Записокъ. Всѣ экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно-ли будетъ остановить изданіе. Мнѣніе мое искреннее и безкорыстное—оставить какъ есть. З а п и с к и А м а з о н к и какъ-то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой просто, искренно и благородно. Будьте смѣлы—вступайте на поприще литературное столь-же отважно, какъ и на то, которое васъ прославило. Полумѣры никуда не годятся.—Весь вашъ *А. П.*

Домъ мой къ вашимъ услугамъ. На Дворц. набережной, д. Баташева, у Прачешнаго моста.

А. А. Жандру (черновое). Осмѣливаюсь тебя безпокоить просьбою за молодого человѣка, мнѣ незнакомаго, но который находится въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленной помощи. Г. Хл. на дняхъ пріѣхалъ изъ Малороссіи. Онъ здѣсь безъ денегъ и безъ покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною отъ него полученному, онъ уменъ и имѣетъ благородныя чувства. Вотъ въ чемъ просьба моя къ тебѣ: онъ желаетъ опредѣлиться во флотъ, но до сихъ поръ не имѣлъ доступа до кн. Меншикова. Я обѣщалъ его тебѣ представить, и отвѣчаю за твою готовность сдѣлать ему добро, коли только будетъ возможно.

Д. В. Давыдову (черновое). — *Спб., въ сентябрѣ.* — Ты думалъ, что твоя статья о партизанской войнѣ пройдетъ сквозь цензуру цѣла и невредима? Ты ошибся: она не избѣжала красныхъ чернилъ. Право, кажется, военные цензоры вымарываютъ для того, чтобъ доказать, что они читаютъ. Цензура — дѣло земское; изъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ.

Тяжело, нечего сказать! И съ одною цензурою напляшешься; каково-же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ? Не знаю, чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смирны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову... Одно спасеніе намъ, если государь успѣетъ самъ прочитать и разрѣшить.

Н. И. Гречу. — *Спб., 13 октября.* — М. Г. Николай Ивановичъ! Искренно благодарю васъ за доброе слово о моемъ Полководцѣ. Стоическое лицо Барклая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ нашей исторіи. Не знаю, можно-ли вполнѣ оправдать его въ отношеніи военнаго искусства; но его характеръ останется вѣчно достоинъ удивленія и поклоненія. *А. П.*

Бар. М. А. Корфу. — *Спб., 14 октября.* — Вчерашняя посылка твоя мнѣ драгоцѣнна во всѣхъ отношеніяхъ и останется у меня памятникомъ (каталогъ иностранныхъ сочиненій о Россіи). Право, жалѣю, что государственная служба отняла у насъ историка. Не надѣюсь тебя замѣнить. Прочитавъ эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованныхъ книгъ мнѣ неизвѣстна. Употребляю всевозможныя старанія, дабы ихъ достать. Какое поле — эта новѣйшая русская исторія! И какъ подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кромѣ насъ, русскихъ, никто того не можетъ и предпринять! — Но исторія долга, жизнь коротка, а пуще всего человѣческая природа лѣнива (русская природа въ особенности). Досвиданія. Завтра, вѣроятно, увидимся у Мясоѣдова.

Сердцемъ тебѣ преданный *А. П.*

М. Л. Яковлеву. — *Спб., въ октябрѣ.* — Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было-бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напомнить. — *№ 14.*

(Директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ предлагалъ праздновать лицейскую годовщину всѣмъ курсамъ вмѣстѣ. Противъ этого предложенія и возражаетъ Пушкинъ).

П. Я. Чадаеву (черновое, по франц.). — *Спб., 19 октября.* — Благодарю васъ за брошюру, которую вы мнѣ прислали. Мнѣ было пріятно перечитать ее, хотя я удивился, что она переведена и напечатана. Я доволенъ переводомъ: въ немъ сохранилась и энергія, и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, вы знаете, что я далекъ отъ полнаго согласія съ вашимъ мнѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что „схизма" насъ отдѣлила отъ остальной Европы и что мы не участвовали ни въ одномъ изъ великихъ событій, которыя ее волновали. Но у насъ было наше собственное призваніе. Россія, ея громадныя пространства поглотили монгольское завоеваніе. Татары не посмѣли перейти наши западныя границы и оставить насъ въ тылу. Они удалились въ свои пустыни, и христіанское просвѣщеніе было спасено. Для этого намъ пришлось жить совершенно особою жизнью, которая оставила насъ христіанами, и между тѣмъ совершенно отчудила насъ отъ христіанскаго міра, такъ что, благодаря нашему мученичеству, католическая Европа безъ помѣхи могла энергически развиваться.

Вы говорите, что мы черпали христіанство изъ нечистаго источника, что Византія была достойна презрѣнія и презираема, и т. п. Но, другъ мой, развѣ самъ Христосъ не родился евреемъ, и Іерусалимъ развѣ не былъ притчею во языцѣхъ? Развѣ Евангеліе отъ этого менѣе дивно? Мы приняли отъ грековъ Евангеліе и преданія, но не приняли отъ нихъ духа ребяческой мелочности и преній. Нравы Византіи никакъ не были нравами Кіева. Русское духовенство до Ѳеофана было достойно уваженія: оно никогда не оскверняло себя мерзостями папства и, конечно, не вызвало-бы реформаціи въ минуту, когда человѣчество нуждалось больше всего въ единствѣ. Я соглашаюсь, что наше нынѣшнее духовенство отстало. Но хотите знать причину? Оно носитъ бороду, вотъ и все. Оно не принадлежитъ къ хорошему обществу.

Что-же касается нашего историческаго ничтожества, я положительно не могу съ вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удѣльныя войны, вѣдь это та-же жизнь кипучей отваги и безцѣльной и недозрѣлой дѣятельности, которая характеризуетъ молодость всѣхъ народовъ. Вторженіе татаръ есть печальное и великое зрѣлище. Пробужденіе Россіи, развитіе ея могущества, ходъ къ единству (къ русскому, конечно, единству), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся въ Угличѣ и окончившаяся въ Ипатіевскомъ монастырѣ — какъ, неужели это не исторія, а только блѣдный и полузабытый сонъ? А Петръ Великій, который одинъ — цѣлая всемірная исторія? А Екатерина II, помѣстившая Россію на порогъ Европы? А Александръ, который привелъ васъ въ Парижъ, и (положа руку на сердце) развѣ вы не находите чего-то величественнаго въ настоящемъ положеніи Россіи, чего-то такого, что должно поразить будущаго историка? Думаете-ли, что онъ поставитъ насъ внѣ Европы?

Хотя я лично сердечно привязанъ къ императору, но я далеко не всѣмъ восторгаюсь, что вижу вокругъ себя; какъ писатель — я раз-

драженъ, какъ человѣкъ съ предразсудками—я оскорбленъ. Но клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ-бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ.

Вотъ предлинное письмо. Послѣ стольких возраженій я долженъ вамъ сказать, что въ вашемъ посланіи есть много вещей глубокой правды. Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству дѣйствительно приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали. Но я боюсь, что мнѣнія ваши объ исторіи вамъ повредятъ. Наконецъ, я сожалѣю, что не былъ при васъ, когда вы отдавали вашу рукопись журналистамъ. Я нигдѣ не бываю и не могу сказать вамъ, производитъ-ли ваша статья впечатлѣніе. Надѣюсь, что изъ-за нея не выйдетъ шуму.

Читали-ли вы 3-й номеръ «Современника»? Статья о Вольтерѣ и Джонъ Теннеръ мои. Козловскій былъ-бы для меня провидѣніемъ, если-бъ онъ захотѣлъ сдѣлаться разъ навсегда писателемъ. Прощайте, другъ мой. Если вы увидите N, N, поклонитесь имъ отъ меня. Что говорятъ они, столь плохіе христіане, о вашемъ письмѣ?

Кн. Н. Б. Голицыну (по франц.). — *Спб., 10 ноября.*—Тысяча разъ благодарю васъ, любезный князь, за вашъ несравненный переводъ моего стихотворенія, брошеннаго недругамъ нашего отечества. (Клеветникамъ Россіи). Я видѣлъ уже три перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ лицу высокопоставленному изъ моихъ друзей, но ни который не стоитъ вашего. Зачѣмъ вы не перевели этой пьесы болѣе во-время; я переслалъ-бы ее во Францію, чтобъ дать щелчокъ всѣмъ возгласамъ палаты депутатовъ. Завидую вашему прекрасному крымскому климату. Письмо ваше возбудило во мнѣ множество воспоминаній всякаго рода: тутъ колыбель моего Онѣгина, и вѣроятно вы узнали нѣкоторыхъ лицъ. Вы меня извѣстили о переводѣ въ стихахъ моего Бахчисарайскаго Фонтана; я увѣренъ, что переводъ вамъ удастся, какъ все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера, хотя родъ литературы, которому вы себя посвящаете, изъ самыхъ трудныхъ и, сколько мнѣ извѣстно, наиболѣе неблагодарныхъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ничего труднѣе, какъ переводить русскіе стихи французскими; ибо, при сжатости нашего языка, никогда нельзя быть достаточно краткимъ. Слѣдовательно, честь тому, кто такъ мастерски управляется съ языкомъ, какъ вы. — Прощайте; надѣюсь скоро васъ видѣть въ нашей столицѣ, особенно зная вашу легкую подвижность. Весь вашъ *А. П.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб., въ ноябрѣ.*—Конечно, Княжна Зизи имѣетъ болѣе истины и занимательности, нежели Сильфида; но всякое даяніе ваше благо. Кажется, «письмо тестя» холодно и слишкомъ незначительно. За то въ другихъ много прелестнаго. Я замѣтилъ одно мѣсто знакомъ «?». Оно показалось мнѣ невразумительно. Во всякомъ случаѣ Сильфиду-ли, Княжну-ли, но оканчивайте и высылайте. Безъ васъ пропалъ Современникъ. *А. П.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—Статья г. Волкова (о желѣз. дорогахъ) въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательна, дѣльно и умно написана и занимательна для всякаго. Однакожъ я ея не помѣщу, потому что, по моему мнѣнію, правительству вовсе не нужно вмѣшиваться въ проектъ этого Герстнера. Россія не можетъ бросить 3,000,000 на попытку. Дѣло о новой дорогѣ касается частныхъ людей: пускай они и хлопочутъ. Все, что можно имъ обѣщать, такъ это привилегію на 12 или 15 лѣтъ. Дорога (желѣзная) изъ Москвы въ Нижній Новгородъ еще была-бы нужнѣе дороги изъ Москвы въ Петербургъ. И мое мнѣніе было-бы — съ нея и начать.. Я конечно не противъ желѣзныхъ дорогъ, но я противъ того, чтобъ этимъ занялось правительство. Нѣкоторыя возраженія противу проекта неоспоримы. Напримѣръ: о заносѣ снѣга. Для этого должна быть выдумана новая машина, sine qua non; о высылкѣ народа или о наймѣ работниковъ для сметанія снѣга нечего и думать: это—нелѣпость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрѣшковъ отдѣланъ очень смѣшно; но не должно забывать, что противу желѣзныхъ дорогъ были многіе изъ государственнаго совѣта; и тонъ статьи вообще долженъ быть очень смягченъ. Я желалъ, чтобъ статья была напечатана особо, или въ другомъ журналѣ; тогда-бы мы объ ней представили выгодный отчетъ съ обильными выписками.

Я согласенъ съ вами, что эпиграфъ, выбранный Волковымъ, неприличенъ. Слова Петра I были-бы всего болѣе приличны.

М. Л. Яковлеву. — *Спб., 19 ноября.*—Милый и почтенный мой Михаило Лукьяновичъ! я было тебя зазвалъ сегодня къ себѣ отобѣдать, а меня дома не будетъ. До другого раза — прости великодушно—не забудь записку о святыхъ доставить мнѣ грѣшному.

М. Л. Яковлеву.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ:
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ;
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

Завтра получу деньги въ 2 часа по полудни.—А ввечеру тебѣ доставлю.—Весь твой *А. П.*

Гр. А. Х. Бенкендорфу. (по французски). — *Спб., 21 ноября.*—Графъ! Считаю себя въ правѣ и даже обязаннымъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября, я получилъ три экземпляра безыменнаго письма, оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой-же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. Я сталъ разыскивать. Узнаю, что семь или восемь особъ въ тотъ-же день получили по экземпляру такого-же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Большая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность, не переслали его ко мнѣ.—Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе моей жены безупречно, говорили, что поводомъ такой гнусности послужило настойчивое ухаживаніе за нею г. д'Антеса.—Не мнѣ было допустить, чтобы въ данномъ случаѣ имя жены моей было связано съ чьимъ-бы то ни было именемъ. Я поручилъ

передать это г. д'Антесу. Баронъ Геккернъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса, прося у меня 15-ти дневной отсрочки.— Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Геккерна, о чемъ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія правительства и общества.— Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и женниной чести, а потому и не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому-бы то ни было предъявлять доказательства того, что утверждаю. — Во всякомъ случаѣ надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и пр.

Барону Геккерну (по франц.).—*Спб.*, *21 ноября.*—Господинъ баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно, и я не могъ относиться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный во всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать, и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть такую жалкую роль, что жена моя, удивленная пошлостью его поведенія, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала въ виду этой высокой страсти, угасло въ презрѣніи, самомъ спокойномъ и вполнѣ заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были отеческимъ сводникомъ вашего ублюдка или считающагося такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой развратницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына, и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, сидѣлъ дома на лекарствахъ, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына».— Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ и право и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ не что иное, какъ негодяй и мерзавецъ. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти продѣлки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. *А. С. Пушкинъ.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб., въ декабрѣ.*—Я не очень здоровъ и занятъ. Если вы сдѣлаете мнѣ милость ко мнѣ пожаловать съ г. Сахаровымъ (извѣстный археологъ), то меня очень обяжете. Жду васъ съ нетерпѣніемъ.—*А. П.*

Н. М. Коншину.—*Спб., 22 декабря.*—Письмо ваше очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Михайловичъ, какъ знакъ, что вы не забыли еще меня. Докладную записку сегодня же пущу въ дѣло. Жуковскаго увижу и сдамъ ему васъ съ рукъ на руки. Съ Уваровымъ—увы! я не въ такихъ дружескихъ сношеніяхъ; но Жуковскій, надѣюсь, все уладитъ. Занявъ мѣсто Лажечникова, не займетесь-ли вы, по примѣру вашего предшественника, и романами? А куда-бы хорошо! Все-таки, вы меня забыли, хоть наконецъ и вспомнили. И я позволю себѣ дружески вамъ за то попенять. Не будете-ли вы въ Петербургѣ? Въ такомъ случаѣ надѣюсь, что я васъ увижу.... Отвѣтъ постараюсь доставить вамъ какъ можно скорѣе.—*А. П.*

Кн. В. Ѳ. Одоевскому.—*Спб., въ концѣ декабря.*—Такъ-же зло, какъ и дѣльно. Думаю, что однакожъ не все уничтожатъ. На всякій случай спросъ не бѣда; не увидимся-ли въ академіи наукъ, гдѣ засѣдаетъ князь Дундукъ (М. А. Дундуковъ-Корсаковъ).

Кн. П. А. Вяземскому. — Письмо твое прекрасно. Форма «М. Г.» или «О», и т. д., кажется, ничего не значитъ; главное—дать статьѣ какъ можно болѣе ходу и извѣстности. Но во всякомъ случаѣ цензура не осмѣлится ее пропустить, а Уваровъ самъ на себя розогъ не принесетъ. Бенкендорфа вмѣшивать тутъ мудрено и неловко. Какъ-же быть? Думаю оставить статью, какъ она есть, а впослѣдствіи времени выбирать изъ нея все, что будетъ можно выбирать, какъ нѣкогда дѣлалъ ты и въ «Литературной Газетѣ» со статьями, не пропущенными Щегловымъ. Жаль, что ты не разобралъ Устрялова по формѣ, изобрѣтенной Воейковымъ для Полевого, а куда-бы хорошо. Стихи для тебя переписываю.

1837.

Ѳ. А. Скобельцыну.—*Спб., 8 января.*—Не можете-ли вы, любезный Ѳедоръ Аѳанасьевичъ, дать мнѣ взаймы на три мѣсяца, или достать мнѣ, три тысячи рублей. Вы-бы меня чрезвычайно одолжили и избавили меня отъ рукъ книгопродавцевъ, которые рады меня притѣснить.— *А. Пушкинъ.*

А. О. Ишимовой.—*Спб., 25 января.*—Мнѣ хотѣлось-бы познакомить публику съ произведеніями Barry Cornwall. Не согласитесь-ли вы перевести нѣсколько изъ его Драматическихъ очерковъ? Въ такомъ случаѣ буду имѣть честь препроводить къ вамъ его книгу.

Виконту д'Аршіаку.— *Спб., 27 января.* — Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшивать въ мои семейныя дѣла праздныхъ людей Петербурга; поэтому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Геккернъ вызвалъ меня, онъ-же и обиженный, то если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя-бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что̀ отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобъ ѣхать на мѣсто дуэли.

Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. *А. Пушкинъ.*

А. О. Ишимовой.—*Спб., 27 января.*—Милостивая государыня, Александра Осиповна! Крайне жалѣю, что мнѣ невозможно будетъ сегодня явиться на ваше приглашеніе. Покамѣстъ, честь имѣю препроводить къ Вамъ Barry Cornwall. Вы найдете въ концѣ пьесы, отмѣченныя карандашомъ: переведите ихъ, какъ умѣете— увѣряю васъ, что переведете какъ нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открылъ вашу «Исторію въ разсказахъ» и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать!

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и пр. *А. П.*

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Стихотворенія.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Проза.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА.

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

Научныя забавы. *Федо.* Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Съ 128 рис. Ц. **60** к., въ перепл. **1** р. **10** к.

Ботаникъ-любитель. *Ф. Федо.* Описаніе интересныхъ растеній и поучительныхъ опытовъ съ ними. Съ 200 рис. Ц. **1** р.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Бурчанинова.* Съ предисл. И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. **2** р. Въ папкѣ **2** р. **50** к., въ перепл. **3** р.

Сказки Густафсона. Съ 30 рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ перепл. **1** р. **75** к.

Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 том. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Порѣцовской.* Ц. каждаго тома **60** к., въ пап. **75** к., въ перепл. по 3 тома — **2** р. **50** к.

Блуждающіе огоньки. *С. Бажиной.* Со многими рис. Ц. **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **60** к.

На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемірнаго путешественника. *В. Гаґуньева.* Съ рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Черные богатыри. *Е. Конради.* **Съ 55 рисунками. 3-е изданіе.** Ц. **1** р., въ переплетѣ **1** р. **75** к.

Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ *Буша.* Пер. съ нѣмецк. 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ **50** к.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 лист. (на кажд. по 20 рис.) Ц. **1** р. — „Объясненія къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ, каждое Ц. 5 к.

Иллюстрированные романы Диккенса. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чюзльвитъ. Цѣна каждаго романа **40** к. Въ папкѣ **50** к., въ перепл. по 6 ром. — **3** р. **25** к.

Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова.* Съ 29 рис. Ц. **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ пер. **1** р. **60** к.

Иллюстрированные романы Вальтера-Скотта. Въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Уэвэрлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певерилъ Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ-Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгаунтлетъ, 23) Робертъ Графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскія воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каж. ром. **40** к., въ пап. **50** к., въ перепл. по 5-ти романовъ — **2** р. **80** к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рисунками Ц. **1** р. **25** к., въ пап. **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. **75** к., въ пап. **1** р., въ перепл. **1** р. **30** к.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ 16 р. Ц. **20** к.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 3-е изд. Ц. **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ пер. **1** р. **60** к.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ перепл. **1** р. **60** к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Съ 107 р. Ц. **30** к., въ папкѣ **40** к., въ перепл. **60** к.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п. *Обрсимова.* Ц. **40** к.

Исторія открытія Америки. *Лане-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. **75** к., въ папкѣ **1** р. въ переплетѣ **1** р. **40** к.

Химикъ-любитель. *Федо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ расходовъ. Съ 152 рис. Ц. **1** р.

Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращ. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. **50** к., въ пап. **60** к., въ перепл. **90** к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Перев. съ фран. Съ 55 фиг. Ц. **1** р., въ пер. **1** р. **75** к.

Тройная головоломка. *Обрсимова.* Сборникъ геом. игръ. Съ 300 рис. Ц. **1** р.

Образовательное путешествіе. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстр. 3-е изданіе. Ц. **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **75** к.

Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера.* Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. **1** р. **50** к., въ пап. **1** р. **75** к., въ пер. **2** р. **25** к.

Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюст. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ перепл. **2** р. **25** к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р. **25** к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. **1** р. **25** к., въ пер. **2** р.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. **1** р. **50** к., въ перепл. **2** р. **25** к.

До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. **50** к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Ц. **25** к.

Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ пап. **1** р. **75** к., въ перепл. **2** р.

Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 65 рисунк. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ перепл. **2** р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. **2** р. въ папкѣ **2** р. **25** к., въ перепл. **2** р. **50** к.

20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портрет. Ц. **50** к., въ папкѣ **75** к., въ переплетѣ **1** р.

Правители и мыслители. Біографич. очерки. *Е. Литвиновой.* Съ 16 портретами. Ц. **1** р.

Матери великихъ людей. *Блока.* Со многими рисунками. Ц. **60** к.

Физическіе парадоксы и софизмы. Пособіе для учениковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 30 рис. *В. Волжина.* Ц. **25** к.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА ДЛЯ НАРОДА
В. ЛУНКЕВИЧА.

ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

1. **Земля.** Съ 13 рис. Ц. **8** к.
2. **Небо и звѣзды.** Съ 18 рисун. Ц. **8** к.
3. **Громъ и молнія.** Съ 24 рис. Ц. **12** к.
4. **Жизнь въ каплѣ воды.** Съ 14 рис. Ц. **8** к.
5. **Невидимые друзья и враги людей.** Съ 28 рис. Ц. **16** к.
6. **Зеленое царство.** Съ 32 рис. Ц. **16** к.
7. **Бичи земли и чудеса природы.** Съ 23 рис. Ц. **16** к.
8. **Землетрясенія и огнедышащія горы.** Съ 12 рис. Ц. **16** к.
9. **Два великихъ царства природы.** Съ 93 рис. Ц. **25** к.
10. **Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ.** Съ 37 рис. Ц. **20** к.
11. **Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ?** Съ 33 рис. Ц. **16** к.
12. **Жилища и постройки животныхъ.** Съ 25 рис. Ц. **16** к.
13. **Семейная жизнь животныхъ.** Съ 28 рис. Ц. **15** к.
14. **Общественная жизнь животныхъ.** Съ 20 рис. Ц. **12** к.
15. **Ростомъ съ ноготокъ, а умапалата. (Жизнь муравьевъ).** Съ 12 рис. Ц. **15** к.
16. **Обезьяны.** Съ 16 рис. Ц. **15** к.
17. **Пчелы, осы и термиты.** Съ 16 рис. Ц. **18** к.
18. **Вода.**
19. **Подводное царство.**
20. **Воздухъ.**
21. **Степь и пустыня.**
22. **Тайга и тундра.**
23. **Среди снѣговъ и вѣчнаго льда.**
24. **Хищники.**
25. **Четвероногіе слуги человѣка.**
26. **Враги и друзья человѣка.**
27. **Животныя кровопійцы и дармоѣды.**
28. **Растенія-дармоѣды и растенія-хищники.**
29. **Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія.**
30. **Законъ жизни среди животныхъ и растеній.**
31. **Исторія происхожденія растеній и животныхъ.**
32. **Подземное царство.**
33. **Исторія земли.**
34. **Каменный уголь.**
35. **Нефть.**
36. **Соль.**
37. **Сокровища горъ.**
38. **Чудеса науки.**
39. **Чудеса техники.**
40. **Чудеса общежитія.**